This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 538.14 (263)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCLXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Бассейная, № 2).
1882.

Digitized by Google

Δ
Sum 538.14 (263)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
AUG 29 1963

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

«ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ»

1882 г.

(По общей нумерации тома CCLXI).

Іюль № 7.

СТРАН.

КАІЙ ГРАКХЪ. Трагедія Винченцо Монти. **В. Крестовскаго** (псевдонимъ). 5

ДВѢ ДЕСЯТИНЫ. (Разсказъ). **Каронина** 69

ПРИКАЩИЧЬЯ ВЫУЧКА. Часть вторая. **Ив. Бредихина**. . 99

НОВЫЙ ТРУДЪ О ПЕРВОБЫТНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ. **Н. З.** 151

ѢДЕТЪ! (Разсказъ). **И. Салова**. 203

КАКЪ МЕЛЕНТЬЕВЦЫ ИСКАЛИ ВОЛИ. (Эпизодъ изъ добраго стараго времени). **Ѳедосѣевца**. 227

ВЪ МАРЕММѢ. Романъ **Уида**. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 145—192).

ФИНАНСОВЫЙ РЫЦАРЬ. Картина современныхъ нравовъ. Романъ **Эдварда Дженкинса**. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 49—96).

Августъ № 8.

СОЮЗНИКИ. Изъ свѣжихъ преданій Трущобска. **Л. Рускина**. 237

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АВСТРАЛІИ И ОКЕАНІИ. I. **Эд. Циммермана** 307

Digitized by Google

СТРАН.

ПОСЛѢДНЯЯ ЖЕРТВА КАТАСТРОФЫ. (Эскизы съ натуры). **В. Кроткова** 337
*** (*Стихотвореніе*). **Петра Вейнберга** 358
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ. Гл. XIX—XXII. **А. Скабичевскаго** 359
*** (*Стихотвореніе*). **П. Якубовича**. 396
БОЛЬНОЙ ЖИТЕЛЬ. (Разсказъ). **Каронина** 397
ВЪ МАСТЕРСКОЙ. (Разсказъ). **И. Хмелева** 431
СИЛЬФИДА. Разсказъ **Элизы Оржешко**. 459
ДРУГУ ДѢТСТВА. (*Стихотвореніе*). **В. Огар**..... 500
УСТОИ. Исторія одной деревни. Гл. VIII—XIII. **Н. Златовратскаго** 501
ВЪ МАРЕММѢ. Романъ **Уида**. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 193—224).
ФИНАНСОВЫЙ РЫЦАРЬ. Картина современныхъ нравовъ. Романъ **Эдварда Дженкинса**. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 97—128).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Іюль № 7.

ФОРМЫ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ВЪ РОССІИ. **С. Южакова**. 1
ГЕНРИ УОДСВОРТСЪ ЛОНГФЭЛЛО. **П. Крюкова**. . . . 57
ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Внѣшняя политика: Египетскій вопросъ и отношеніе къ нему Парижа.—Миролюбивое настроеніе французовъ.—Изысканіе средствъ избѣжанія сѣтей Бисмарка.—Друзья мира и коллективисты, не признающіе родины. — Запросъ Делафосса, внесенный 1-го іюня. — Ораторскій поединокъ между Гамбеттой и Фрейсинэ. — Вмѣшательство Рибо, Гатино, Клемансо.—Заявленіе довѣрія министерству. — Смерть Гарибальди и дружественныя франко-итальянскія манифестаціи въ Римѣ, Парижѣ и на Капрерѣ. — Манчини и союзъ четырехъ державъ.— Мятежъ въ Александріи и изгнаніе европейцевъ изъ Египта. — Запросы въ палатѣ и сенатѣ отъ 22-го по 26-е іюня. — Отвѣты министра-президента.—Крайній радикализмъ и равнодушіе въ дѣлѣ внѣшней по-

Digitized by Google

СТРАН.

литики. — «Желтая книга». — II. Внутренняя политика. — Нравы. — Выборы коммунаровъ и коллективистовъ. — Консерватизмъ сельскаго населенія. — Дѣятельность палаты депутатовъ и сената: принятіе проэктовъ преобразованія уголовнаго слѣдствія и возстановленія развода. — Отмѣна рабочихъ книжекъ. — Рѣшеніе вопроса о коронныхъ бриллiантахъ. — Тюльерійскія развалины.—Судебная присяга.—Избираемость судей. — Снесеніе церкви съ Монмартскаго холма. — Преслѣдованіе порнографическихъ сочиненій и изображеній.—Студенты и такъ-называемые «souteneurs de filles».—Драка въ Латинскомъ кварталѣ.—Запросы въ муниципальномъ совѣтѣ и палатѣ депутатовъ.—Процессъ герцогинь де-Шонь и Шеврёзъ. — Убійство въ Шату. — III. Литература, театры, искуство: «Торквемада», драма Виктора Гюго.—«Denis Papin», Фигье.—«C'est la loi!», Кликэ. — Возобновленіе представленій пьесы Жоржъ-Занда «Le Pressoir».—Еще о выставкѣ художественныхъ произведеній. — Новый музей восковыхъ фигуръ. **Людовика**. 81

НОВЫЯ КНИГИ. Очерки и характеристики. I. Нѣмецъ и іезуитъ въ Россіи. Сочиненіе К. В. Трубникова.—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Историческое изслѣдованіе Дмитрія Кобеко.—Аракчеевщина. Сочиненіе Н. Богославскаго.—Минеральныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и за-границею. Сост. Л. Бертенсонъ и Н. Воронихинъ. — Школы и заразительныя болѣзни. Статья Н. И. Григорьева —Будущность крестьянскаго хозяйства, часть I. Сергѣя Шарапова 106

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ 121

Августъ № 8.

НАШЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И АГРОНОМІЯ. I. **В. В.** 143

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. «Торквемада». Новая трагедія Виктора Гюго. **Петра Вейнберга**. 170

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Внутреннія дѣла.—Національный праздникъ и двойной кризисъ: министерскій и муниципальный.—Перемѣщеніе центра народныхъ увеселеній. — Взрывъ на улицѣ Франсуа-Миронъ и ложные слухи.—Демонстрація передъ статуей

Digitized by Google

стран.

Страсбурга.—Апоѳеозъ Мишле.—Реставрація Hôtel de Ville'я.—Вопросъ о центральной мэріи, затронутый по поводу торжества открытія зданія новой ратуши. — Праздникъ школьныхъ батальоновъ. — Президентскій обѣдъ и ознаменовавшіе его три тоста.—Псевдо-оффиціальный пріемъ и неоффиціальныя гости.—Палата и мэрія. — Потонувшее и всплывшее министерство. — Столкновеніе между муниципальнымъ совѣтомъ и правительствомъ.—II. Внѣшняя политика: Египетскій вопросъ и французскій парламентъ.—Константинопольская конференція.—Адмиралъ Сеймуръ.—Англійскія и французскія вооруженія.—Вопросъ Локруа и заявленіе Фрейсинэ 6-го іюля.—Первое ассигнованіе на военныя издержки, предложенное 8-го.—Бомбардированіе Александріи 11-го.—Воздержаніе французскихъ броненосцевъ.—Ассигнованія на тунисскую экспедицію въ палатѣ и сенатѣ. — Реорганизація тунисскихъ учрежденій.—Пренія о египетскихъ дѣлахъ 18-го и 19-го.—Изложеніе Локруа. — Фрейсинэ между европейскимъ концертомъ и союзомъ съ Англіей.—Гамбетта, стоящій за совмѣстность дѣйствій Англіи и Франціи и высказывающійся противъ турецкаго вмѣшательства.—Возраженіе Клемансо.—Рѣчь герцога Брольи въ сенатѣ, докладчикъ Шереръ и президентъ совѣта. — Великій успѣхъ Ваддингтона. — Двойное голосованіе перваго египетскаго кредита.—Предложеніе второго.—Неожиданное вмѣшательство Турціи.—Пренія въ палатѣ, по поводу второго египетскаго ассигнованія.—Отверженіе его громаднымъ большинствомъ.—Паденіе министерства Фрейсинэ 29-го іюля. **Людовика**. 188

НОВЫЯ КНИГИ. О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ. Ипполита Панаева.—Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа казанскаго дворца. Т. I. Проф. Загоскина.—Неугомонное сердце. Романъ графини Толстой.—Всеволодъ Гаршинъ. Разсказы.—Патологическая сторона еврейскаго вопроса. Д. Хволеса. 211

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ 231

ПОЛЬСКОЕ ВѢЯНІЕ. **М. С.** 248

Digitized by Google

КАІЙ ГРАКХЪ.

ТРАГЕДІЯ ВИНЧЕНЦО МОНТИ.

Лица:

Каій Гракхъ.
Луцій Оппій, консулъ.
Ливій Друзъ, трибунъ.
Маркъ Фульвій.
Филократъ, вольноотпущенный Каія.
Корнелія.
Лицинія.
Сенаторы, трибуны, ликторы, народъ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Ночь. Форумъ.

I.

Каій Гракхъ.

Я въ Римѣ, подъ защитой темной ночи.
Мужайся, родина, твой Гракхъ съ тобою!..
Все тихо. Спитъ и отъ дневной заботы
Находитъ отдыхъ труженикъ—народъ.
Единственные римляне, плебеи!
Отраденъ сонъ вашъ, утомленья даръ,
Тревогой совѣсти невозмущенный...
А тамъ, патриціи, убійцы брата,
Въ чаду пировъ ликуютъ, иль, собравшись
Въ совѣтѣ тайномъ, мнѣ готовятъ смерть

Digitized by Google

И рабство Риму... Не подозрѣваютъ,
Какъ близокъ врагъ!.. Довольно.
Домъ родной,
Привѣтъ тебѣ! О мать, жена! О сынъ!
Я съ вами, и конецъ слезамъ! А слѣдомъ
За мной—три силы: преданность друзей,
Негодованье страждущей отчизны
И месть за кровь погибнувшаго брата...
Войду... Но кто-то есть, тамъ, въ темнотѣ.
Быть можетъ, свой.

II.

Каій, Фульвій и его рабъ.

Фульвій.

Рабъ вѣрный, будь покоенъ.
Мы смѣло совершили славный подвигъ,
Избавивъ Римъ отъ одного тирана.
Ты славную награду получилъ,
Свободу. Только помни: ты владѣешь
Великой тайной. Честь моя и жизнь
Твоя—отъ скромности твоей зависятъ.
Ступай...—Глупецъ, бѣги на смерть!..—
Такъ, что-жь?
Мнѣ голова его необходима:
Довѣрено ей слишкомъ много; было-бъ
Безумно...
Кто сюда идетъ?.. Измѣна!..
Ты что тамъ бродишь, сторожа въ потемкахъ?
Не подходи и отвѣчай—кто ты?

Каій.

То голосъ Фульвія.

Фульвій.

Тебѣ что̀ Фульвій?
Какъ смѣешь окликать ты гражданина,
Который не зоветъ тебя?

Каій.

Ты—Фульвій!
Обнимемся. Я—Каій.

Фульвій.

Боги! Каій!
Ты?..

Digitized by Google

Кай.

Я. Молчи.

Фульвій.

О счастье! Другъ желанный!
Какой же богъ привелъ тебя? Я думалъ,
Еще ты въ Кареагенѣ... Ты вернулся?

Кай.

Меня послали Кареагенъ отстроить,
Разрушенный. Въ два мѣсяца, едва
Его могли разрушить, съ основанья,
Въ два мѣсяца, возсталъ онъ, обновленный.
Мой трудъ великъ, но мужество не меньше.
Меня твои извѣстья торопили,
И мысль, что въ Римѣ я необходимъ:
Разбиты силы, врагъ одолѣваетъ,
Грозитъ моимъ законамъ... Я окончилъ
Работы и оставилъ Кареагенъ.
Хоть море грозно, вѣтеръ былъ противный,
Но я довѣрился волнамъ и быстро
Какъ молнія явился.—Говори,
Какъ здѣсь дѣла?

Фульвій.

Опасны и печальны.
Опимій гордый, твой лютѣйшій врагъ.
Какъ консулъ—дуренъ, и еще похуже,
Какъ гражданинъ. Отсутствіемъ твоимъ
Онъ пользовался и противъ тебя
Повелъ открытую войну. За стыдъ,
Въ который ты повергъ его, когда
Онъ добивался консульства, а ты
Не допустилъ его добиться, хочетъ
Отмстить торжественно. Онъ предложилъ
Законы трибуната твоего
Всѣ отмѣнить, и ужь назначенъ день
Позора этого.

Кай.

А что-жь трибуны?

Фульвій.

Торгуютъ долгомъ и своею властью;
Сенаторы купили ихъ.

Кай.

О низость!

Digitized by Google

Фульвій.

Трусишка Друзъ, передовой изъ стада
Трибуновъ, началъ торгъ; за нимъ другіе,
Еще презрѣннѣй. Произволъ, корысть—
Сплотилися въ одно и на погибель
Свободы нашей и твоихъ законовъ,
На жизнь твою, злодѣйскій договоръ
Составили.

Каій.

Достоенъ торгашей
Ихъ договоръ... О Римъ, ты честныхъ гражданъ
Развратнымъ продаешь, себя продашь ты,
Лишь только бы нашелся покупщикъ!..
Сенатъ, когда-то ты являлся міру
Какъ сонмъ боговъ, и что ты сталъ теперь?
Разбойничій притонъ!

Фульвій.

Но сожалѣть и плакаться не время.
Пора за дѣло.

Каій.

И начнется дѣло.
Но прежде наши силы сосчитаемъ.
Кто изъ друзей намъ вѣренъ, если только
Друзья въ несчастьи остаются?

Фульвій.

Мало,
Но сильные. Карбонъ товарищъ твой
Въ защитѣ поземельнаго закона;
Плебеи Муцій, Рубрій, межъ своими
Съ вліяніемъ, трибуны оба. Вецій,
Еще Помпоній, и Лициній, души
Горящія отвагой и свободой.
Я о себѣ не говорю: ты знаешь...
Другихъ умчало быстрымъ поворотомъ
Фортуны, вотъ всѣ славные остатки
Великаго крушенья твоего.
Какъ все перемѣнилось! О, давно-ль
Ты властвовалъ народомъ и вождями,
И трепеталъ сенатъ передъ тобой!
Тебя вѣнчали граждане; твой взглядъ,
Иль слово, твой поклонъ, улыбка—
Счастливили, гордиться заставляли...
Какъ милости, какъ чести добивались

Digitized by Google

Назваться другомъ, иль кліентомъ—даже
Рабомъ народнаго кумира! Самъ ты,
Краснѣлъ за низость этихъ поклоненій,
Ты самъ!.. Но солнце славы закатилось,
Въ туманѣ расплылись ея видѣнья
Роскошныя, непрочный богъ земной
Разбитъ и сброшенъ съ алтарей...

Каій.

Такъ что-жь?
Вѣдь гнѣвъ судьбы не можетъ сдѣлать Гракха
Не Гракхомъ. Сердце среди бѣдъ растетъ.
Бороться, побѣдить, вотъ наслажденье!
Повѣрь, судьба лишь потому страшна,
Что низокъ человѣкъ, и трусъ былъ тотъ,
Кто первый божествомъ ее назвалъ...
Но почему-жь межь нашими друзьями
Ты Фаннія не счелъ?

Фульвій.

Что?.. Фанній? Низкій!
Онъ первый врагъ твой. Онъ забылъ тотъ день,
Какъ вывелъ ты его къ народу, противъ
Опимія, на консульство. Тебѣ
Тогда же я сказалъ: благодѣянье
Неблагодарному!

Каій.

Патрицію. Ты правъ.—
Я въ выборѣ людей неостороженъ.
Я по себѣ судилъ; я довѣрялся
Предателямъ; мнѣ извиненья нѣтъ.—
Но говори, что думаетъ народъ?
Проникнутъ ли сознаніемъ страданій?
Вся-ль умерла—о, правду говоря!
Вся-ль умерла въ немъ память Кайя Гракха?

Фульвій.

Какъ вѣтеръ перелетный, здѣсь и тамъ
Шумящій—такова любовь народа.
Но должно извинить его: онъ слабъ
Отъ нищеты и чѣмъ она тяжеле
Тѣмъ большее должно быть снисхожденье.
Конечно, втайнѣ ты еще любимъ,
Но вздохами зовутъ тебя, не словомъ.
Запуганы и нѣмы эти вздохи;
Лишь блѣдность лицъ ихъ выдаетъ и шопотъ,

Digitized by Google

Гдѣ имя слышиться твое и взоры,
Потупленные въ землю. Не одинъ,
Не два тирана въ Римѣ: всѣ тираны,
Что̀ только есть патриціевъ, трибуновъ
И богачей, и могутъ жить покойно:
Римъ пустъ; всю нашу молодежь увелъ
Съ собою Фабій воевать на Таго;
Осталися безсильные... Унылый,
Растерянный, забитый, угнетенный
Народъ ждетъ, молча.

Каій.

Я его заставлю
Заговорить. Народъ нашъ—спящій левъ;
Увидишь, голосъ мой его разбудитъ.
Я воротился, ужь на все готовый,
Дорогой я обдумывалъ опасность,
Шумѣли волны, вѣтръ свирѣпо вылъ,
Пылало небо, кормчій трепеталъ;
Укрывшись, я лежалъ на днѣ ладьи,
Сомкнувъ глаза, взоръ мысленный вперивъ
Въ другую бурю. Грудь тѣснило; въ ней
Толпились, совѣщаясь, силы духа...
Римъ грезился, Опимій и сенатъ...
Предательство друзей, трибуновъ... Фульвій!
Въ негодованьи, въ ярости, въ слезахъ
Я поднимался, съ бурей я стоналъ,
Неистовый, метался я отъ скорби
По родинѣ... Тѣнь брата предо мной...
Десятый годъ взываетъ онъ о мщеньи
И не отмщенъ!

Фульвій.

Отмщенъ.

Каій.

Что ты сказалъ?

Фульвій.

Узнаешь.

Каій.

Объяснись.

Фульвій.

Такъ слушай... (Что̀ я!
Неосторожный!)

Каій.

Что жь ты замолчалъ?
Досказывай.

Digitized by Google

Фульвій.

Прости... Бываютъ тайны
И въ дружбѣ.

Каій.

Въ истинной—ихъ нѣтъ. Но, что̀ бы
Тамъ ни было, я уважаю тайну.—
Скажи мнѣ—знать необходимо все—
Какъ держится среди всѣхъ этихъ дѣлъ
Мой зять Эмиліанъ? Что̀ говоритъ онъ?

Фульвій.

Эмиліанъ?... Ты мнѣ на каждомъ словѣ
Даешь вопросъ... О матери, женѣ,
О сынѣ ты не спрашивалъ.

Каій.

Вопервыхъ—
Римъ, а потомъ—семья. Эмиліанъ—
Въ чемъ на него надѣяться мы можемъ?
Онъ мужъ моей сестры...

Фульвій.

Не мужъ—мучитель.

Каій.

Я знаю, что сестра въ своемъ замужествѣ
Несчастлива.

Фульвій.

Но можетъ-ли быть счастье
Плебеянкѣ съ патриціемъ? Ее
Онъ ненавидитъ какъ тебя.

Каій.

И самъ
Я не люблю его, но, не скрываю:
Его извѣстность, рядъ великихъ дѣлъ,
Заслуженно доставившихъ ему
Прозванье «Африканскаго—второго»,
Слѣпое поклоненіе народа,
Который знаетъ, что онъ врагъ, и чтитъ
Врага—все въ немъ меня смущаетъ. Трудно
Намъ побѣдить, когда онъ противъ насъ.

Фульвій.

Ты только этого боишься?... Ну,
Мы побѣдимъ.

Каій.

Не понимаю.

Digitized by Google

Фульвій.

Скоро
Поймешь. Мы тратимъ и слова и время.
Ужь утро близко. Изъ друзей никто
О возвращеніи твоемъ незнаетъ.
Бѣгу ихъ этой вѣстью ободрить.

Каій.

Постой!

Фульвій.

Зачѣмъ?

Каій.

Ты прежде объяснишь
Свои слова.

Фульвій.

О, будь покоенъ... Кто-то
Идетъ... Изъ дома твоего...

III.

Каій, Фульвій, Корнелія, Лицинія (*ведетъ за руку ребенка*), Филократъ.

Корнелія.

Не плачь,
Лицинія, твои рыданья могутъ
Насъ выдать. Дочь моя, пойдемъ тихонько.
Иди за нами, Филократъ.

Каій.

Чей голосъ?...
Ты слышалъ?.. Это мать моя!

Корнелія.

Постойте;
Тамъ люди... Я впередъ пойду одна...
Эй, граждане, кто тамъ?

Каій.

О мать моя!

Корнелія.

Чья мать?

Каій.

Мать Гракховъ. Это я, твой Каій,
Узнай мой голосъ...

Digitized by Google

Корнелія.

Сердцемъ узнаю!
О милый сынъ! Когда и какъ...

Каій.

Узнаешь...
Ты назвала... Лицинія моя?
Лицинія? Но гдѣ-жь...

Лицинія.

Въ твоихъ объятьяхъ.
Твой голосъ въ душу мнѣ влился...

Каій.

О радость!

Лицинія.

А этого ты видишь?

Каій.

Сынъ мой!... Боги,
Въ тотъ часъ, когда природа и невинность
Покоятся, малютка мой невинный
Скитается подъ холодомъ, во тьмѣ!...
Мать, но какая-жь горькая причина
Изъ дома выгнала семейство Гракха?
Кто васъ преслѣдуетъ?

Корнелія (*Филократу*).

Иди домой
И уведи ребенка. (*Тихо сыну*). Кто съ тобою?

Каій.

Другъ. Онъ все можетъ знать.

Корнелія.

Такъ я скажу
Опасности твоей семьи. Мой сынъ,
День, что встаетъ—ужасный будетъ день.
Нашъ Форумъ, поле чести, станетъ полемъ
Безчинства, шума, крови, преступленій...
Твой бездыханный братъ, вотъ, здѣсь лежалъ,
Погибшій въ честномъ дѣлѣ... Вотъ твой домъ.
Такъ ждать-ли мнѣ, чтобъ вторгнулись въ него
Патриціи? Звѣрямъ, одѣтымъ тогой,
Народнымъ кровопійцамъ—нѣтъ святыни!...
Ты—далеко. Страшась—не за себя!
Ты знаешь—мать твоя не знаетъ страха!...
Но трепеща за милые залоги
Твоей любви, за женщину, твою
Избранницу, за дорогую жизнь

Digitized by Google

Ребенка нѣжнаго... въ немъ я хотѣла,
Когда бъ погибъ ты, выростить тебѣ
Отмстителя... Такъ слушай. Средь враговъ
Нашелся человѣкъ. Онъ сострадаетъ
Несчастьямъ нашимъ, справедливый, честный;
Патрицій онъ, но казни ненавидитъ,
Меня предупредилъ онъ, предложилъ
Подъ кровлею своею безопасность,
Убѣжище и тайну. Я спѣшила
Довѣрить темной ночи сохраненье
Твоей семьи. Но съ нами ты; теперь
И я намѣренье перемѣняю
И остаюсь спокойно.

Каій.

Запрещаю
Тревожиться. Ужь скоро встанетъ солнце,
И Риму явится твой сынъ, и свѣтомъ
Все новымъ озарится—міръ и люди.

Лицинія.

И я надѣюсь... Но ты мнѣ въ разлукѣ
Такъ много стоилъ слезъ, теперь, мы вмѣстѣ—
И столько страха! Мужество твое
Меня и ободряетъ и страшитъ.
Враговъ такъ много, но ихъ всѣхъ опаснѣй,
Врагъ роковой—ты самъ... О, умоляю,
Будь осторожнѣе, благоразумнѣй, кротче!
Въ себѣ самомъ, изъ жалости, щади
Жизнь сына и мою!

Каій.

О дорогая,
Надѣйся, въ будущемъ жди перемѣнъ,
А страхъ оставь женамъ моихъ враговъ...
Но, мать, кто жь этотъ добрый покровитель
Моей семьи, патрицій честный?

Корнелія.

Зять твой
Эмиліанъ.

Каій.

Мой врагъ!

Корнелія.

Нѣтъ, тотъ не врагъ
Кто дѣлаетъ благодѣянье...

Digitized by Google

Каій.

Врагъ!
Онъ оскорбилъ меня благодѣяньемъ!
Отъ ненавистныхъ легче смерть, чѣмъ жизнь!
И будь не врагъ онъ мнѣ, онъ идолъ знатныхъ!
Гордецъ, онъ унижалъ народъ... Довольно!

Корнелія.

Ты оскорбляешь доблесть.

Каій.

Нѣтъ ея,
Когда любви къ народу нѣтъ!... Довольно,
Сказалъ я. Эта рѣчь меня волнуетъ.

Корнелія.

Впервые въ жизни, сынъ мои слова
Докучными находитъ. Извиняю
Твой непочтительный отвѣтъ: ты въ горѣ.

Каій.

О мать!

Фульвій.

Нѣтъ, больше я молчать не въ силахъ!
(*Къ Корнеліи*).
Ты защищаешь, не обдумавъ. Тяжко
Изъ устъ твоихъ услышать похвалу
Герою, но тирану. Ты ввѣряла
Жизнь Гракховъ одному изъ Сципіоновъ!
Но развѣ у тебя не Сципіонъ
Ужь отнялъ сына? Сципіоновъ родъ
Тирански гордый, полный душъ великихъ
И притѣснителей!... Ты отрасль ихъ,
Корнелія, и ты къ плебеямъ...

Корнелія.

Каій,
Кто этотъ дерзкій?

Фульвій.

Называй, какъ хочешь,
Прямую рѣчь. Маркъ Фульвій я.

Корнелія.

Ты—Фульвій,
И говорить осмѣлился при мнѣ?
Не знаетъ развѣ всякій негодяй,
Что онѣмѣть онъ долженъ—и на вѣки!
Предъ матерію Гракховъ?... Дурно, Каій,
Друзей ты выбираешь, честь свою

Digitized by Google

Не бережешь... На честь твоей сестры,
Знай, покушается, вотъ, этотъ. Зять твой
Домъ заперъ отъ него; за это онъ
Вчера грозилъ безумно, а сегодня
Еще безумнѣе клевещетъ. Сынъ,
Что общаго между тобой и этимъ
Безчестнымъ? Гракхъ и—Фульвій!

Фульвій.

О проклятье!
Такой позоръ...

Корнелія.

Ты заслужилъ.

Фульвій.

Но право
Кто далъ тебѣ...

Корнелія.

Дѣла твои... быть можетъ,
И преступленья.

Фульвій.

Я преступенъ тѣмъ,
Что ненавижу гордыхъ, что безмѣрно
И пламенно люблю свободу...

Корнелія.

Что
Ты о свободѣ говоришь, кому?
Ни чести, ни стыда, а ты свободнымъ
Себя зовешь?.. Любовь къ свободѣ вѣчный
Предлогъ всѣхъ преступленій!.. Сѣютъ злобу,
Законы топчутъ и плодятъ раздоръ,
Неизчислимой клеветой чернятъ
Того, кто не похожъ на нихъ — подкопы
Ведутъ на жизнь, имущество и честь,
Слова и мысль въ оковы заключаютъ,
И, полны всякой мерзости, кричатъ
О братствѣ, добродѣтели... зовутся
Гражданами... и вѣчно все «отчизна»
На языкѣ, а въ сердцѣ—ничего;
Святая, славная свобода ваша!..
То не свобода Гракховъ, то свобода
Воровъ, убійцъ... Иди за мною, сынъ.

Digitized by Google

IV.

Каій и Фульвій.

Фульвій.

Ты слышалъ?.. это вынести... Ты вѣришь?

Каій.

Ты мать мою обязанъ уважать.
Подумай оправдаться. Слышишь? Понялъ?
Подумай оправдаться.

V.

Фульвій.

Оправдаться?
А въ чемъ, ты знаешь?.. О, безумный! Съ солнцемъ
Увидишь дѣло рукъ моихъ... Похвалишь,
Иль скроешь... или мы погибнемъ вмѣстѣ!..

АКТЪ ВТОРОЙ.

Форумъ.

Опимій и Друзъ.

I.

Друзъ.

Едва на Палатинскихъ высотахъ
Играетъ первый лучъ зари, а консулъ
Скитается по Форуму одинъ,
Скрываясь, и безъ ликторовъ.—День этотъ
Тебѣ день славы, Гракху день позора,
День торжества сенату. Всѣ глаза

Digitized by Google

Обращены къ Опимію. Смиренно
Ему вручаютъ—чернь, свою судьбу,
Богатые—защиту, состоянья,
Усталый отъ раздоровъ Римъ—свое
Спокойствіе... а онъ, межъ тѣмъ, стоитъ
Въ бездѣйствіи и—смѣю ли сказать?—
Въ забвеньи о себѣ и о другихъ...

Опимій.

Трибунъ, твои товарищи готовы?

Друзъ.

Ждемъ приказаній.

Опимій.

Можно положиться
На вѣрность вашу?

Друзъ.

Мы вполнѣ твои.

Опимій.

Старѣйшины народа?

Друзъ.

Деньги взяли,
А впереди—разсчетъ на прибыль, всѣхъ
Тебѣ ихъ обезпечилъ.

Опимій.

Всѣ ли трибы
Спокойны и въ повиновеньи?

Друзъ.

Всѣ.
Чернь небывала никогда покорнѣй,
Умнѣй и тише, вѣрь мнѣ.

Опимій.

Звѣрь такой
Чернь римская, что, если нѣтъ поживы,
Разсвирѣпѣвъ, распуститъ когти, рветъ
Обидчика, льстеца, не разбирая;
Сегодня обожаетъ, завтра душитъ,
А послѣ снова обожаетъ мертвыхъ...
Что̀ обо мнѣ толкуетъ этотъ звѣрь?

Друзъ.

Безмолвно наблюдаетъ и трепещетъ.

Опимій.

Мнѣ страхъ его дороже, чѣмъ любовь.
Но, свойство странное! народъ всегда
Или тиранъ, или дрожащій рабъ;

Digitized by Google

Свободы истинной, средины вѣрной
Межъ рабствомъ и распущенностью, онъ
Разумно не умѣетъ ни отвергнуть,
Ни удержать.—Что онъ, не вспоминаетъ,
Не призываетъ Гракха своего?

Друзъ.

Да, вспоминаетъ, какъ пріятный сонъ,
Уже далекій. Разлетѣлись чары,
Которыми опуталъ ихъ опасный
Безумецъ этотъ.

Опимій.

Примутъ равнодушно
Уничтоженіе его законовъ?

Друзъ.

Ихъ страшныя послѣдствія, вражда
Отъ нихъ происходившая, ихъ странность,
Несправедливость и неприложимость,
И опытъ, ихъ отвергнувшій сто разъ —
Внушили къ нимъ презрѣнье и забвенье,
И уничтожить ихъ совсѣмъ—тебѣ
Легко и достославно,

Опимій.

Потруднѣе
Чѣмъ думаешь ты, другъ мой.

Друзъ.

Отъ какихъ
Препятствій? Сторона твоя всесильна,
А Гракхова—разбита и ничтожна;
Онъ самъ далеко—такъ чего-жь бояться?

Опимій.

Я не боюсь. Но слушай и дивись:
Гракхъ въ Римѣ.

Друзъ.

О, что ты сказалъ? Гракхъ въ Римѣ?

Опимій.

Да, въ Римѣ.

Друзъ.

Какъ?.. Но Карѳагенъ...

Опимій.

Онъ въ Римѣ,
Я говорю. Ужь Фульвій повѣстилъ
Лицинія, Помпонія, и всѣхъ
Его сообщниковъ.

Digitized by Google

Друзъ.

Но... кто-нибудь
Тебя, быть можетъ, обманулъ.

Опимій.

Меня
Никто не смѣетъ обмануть. Надъ всѣмъ
Мой слухъ, мой глазъ, моя рука, надъ всѣмъ...
Онъ, точно, возвратился. Вотъ, увидишь,
Появится и мигомъ закипятъ
Всѣ улицы народомъ одурѣлымъ;
Вопль радости поднимется. Потомъ,
Увидишь, какъ сюда нахлынетъ чернь,
Начнетъ неистово грозить сенату
И консуламъ, и жертвы выбирать
Воскресшему, возлюбленному богу.

Друзъ.

Я пораженъ, я нѣмъ отъ изумленья...
Какой враждебный богъ его привелъ?

Опимій.

Его гонитель, богъ сразившій брата
На этомъ мѣстѣ, средь толпы квиритовъ,
Средь этой черни отупѣлой, подлой...
Тиберій умиралъ въ ея глазахъ —
Она молчала!.. Вотъ, увидишь. Прежде
Я съ нимъ поговорю. За тѣмъ сюда
Я и пришелъ, и жду его.

Друзъ.

О консулъ,
Остерегись! Онъ дерзокъ, вспыльчивъ, золъ...

Опимій.

Но прямъ и откровененъ; въ томъ и гибель.
Я съ нимъ поговорю, склоняя къ миру,
И доведу до ссоры... Ясно-ль это?
Иди скорѣе и предупреди
Товарищей о томъ, что я сказалъ;
Чтобы не трогались, не начинали
Безъ приказанья моего. Трибуны,
Благоразумны только будьте; мнѣ
Отъ васъ ненужно больше ничего.

Друзъ.

Иду. (*Уходитъ*).

Digitized by Google

II.

Опимій.

Я сожалѣлъ, что онъ далеко —
Судьба его прислала... Помнишь, Гракхъ,
Ты консульства лишилъ меня... Позоръ!
Въ совмѣстники мнѣ Фаннія поставилъ!
Но вотъ она, вотъ консульская тога!
Мой гнѣвъ ужь не безсиленъ—высшей властью
Онъ облеченъ. Гракхъ, у тебя есть жизнь—
Подай ее... О ненависть, замолкни
Въ моей груди на время! Близокъ часъ...
Вотъ, ужь бѣжитъ толпа плебеевъ... Онъ
Межь ними! Онъ, среди привѣтныхъ кликовъ,
Надменный врагъ мой...

Народъ (*за сценой*).

Слава, слава Гракху!

Опимій.

Бѣснуйся, восторгайся, облегчай
Дыханье крикомъ, глупая толпа!
Презрѣнная, на свѣтъ ты зачата
Для трепета... Замолкнешь скоро!

III.

Опимій, Каій и толпа народа.

Народъ.

Гракхъ!
Да здравствуетъ Гракхъ!
— Слава Гракху!
— Смерть
Патриціямъ!

Каій.

Нѣтъ, дорогіе братья!
Ничьей не нужно смерти, никому!..
Вы римляне, и если кто душой
Не римлянинъ, такъ, есть законъ; оставьте:
Законъ разсудитъ и законъ накажетъ.

Digitized by Google

Народъ — тиранъ, когда несправедливъ,
А мнѣ любовь тирановъ ненавистна.
Когда вамъ дорогъ я—идите мирно
За дѣло, по домамъ. Еще не скоро
Собранье. Но, когда настанетъ часъ,
Я жду васъ здѣсь, всѣхъ жду. Тогда, народъ,
Яви вполнѣ величіе твое
Священное и грозное.

Народъ.

Отлично!..
Гракхъ, благородная душа,
— Другъ вѣрный
Всѣмъ честнымъ людямъ.
— Истинная кровь
Плебейская.
— Гракхъ, наша жизнь—твоя!.. (*Расходятся*).

IV.

Опимій и Каій.

Опимій.

Ты въ изумленьи смотришь... Не узналъ?
Опимій-Луцій.

Каій.

Лица, какъ твое,
Тотчасъ припоминаются. Но еслибъ
Взоръ не узналъ, то содроганье сердца
Сказало-бъ мнѣ, кто ты.

Опимій.

Оно и скажетъ,
Что я твой врагъ. Я подтверждаю: да!
Спокойно; ты не страшенъ мнѣ. Такъ слушай
И отвѣчай.

Каій.

Меня схватить ты хочешь
Предательски?

Опимій.

Сильнѣйшій— не предатель,
А я—сильнѣйшій.

Digitized by Google

Каій.

И къ тому-жь—безчестный.
Ищи же собесѣдника другого,
Почтительнѣй меня.

Опимій.

Одну вражду
Свою ты слушаешь. Ступай. Но если
Отечество тебѣ дороже личной
Твоей вражды—останься. Я пришелъ
Поговорить съ тобою.

Каій.

О судьбѣ
Отечества?

Опимій.

О ней.

Каій.

Я остаюсь.

Опимій.

Терпѣніе, вниманье!.

Каій.

Обѣщаю.

Опимій.

Римъ раздѣлился межъ тобой и мною.
Свободы хочешь ты ему; я—тоже.
Намъ цѣль одна, но средства разны. Мы
Такими разными идемъ путями,
Что чей-нибудь одинъ, навѣрно, ложенъ
И въ гибель, не въ спасенье приведетъ.
Кто виноватъ изъ насъ? Быть можетъ, я?
Суди внимательно: я—за сенатъ,
Ты—за плебеевъ. Я стою за дѣло,
Котораго отмстителемъ предсталъ
Самъ Зевсъ, гремѣвшій съ высоты тарпейской...
То слышали отцы! За это дѣло
Въ бою стояли Цинциннатъ, Фабрицій,
Камиллъ, Папирій и—по духу—боги,
Не человѣки! Сципіонъ и Фабій.
Они до звѣздъ подняли славу Рима
И варваровъ сомнѣньемъ ужаснули —
Не точно-ль сонмъ небесныхъ низошелъ
Съ высотъ, и засѣдаетъ, и вѣщаетъ,
И правитъ міромъ чрезъ сенатъ латинскій?..
Я, римскій гражданинъ, служу тому,

Digitized by Google

Чему служили мудрецы и боги.
Что̀-жь ты избралъ? Избралъ...—Не хмурь бровей;
Не прерывай: ты слово далъ.—Ты выбралъ
Мятежъ и бѣшенство междоусобій,
То бѣшенство, что на Горѣ Святой,
Въ день памятный, средь воплей, разрѣшилось
Позоромъ вѣчнымъ Рима—трибунатомъ.
Вотъ путь твой, а великіе примѣры —
Сициній, Терентиллъ, Требонъ, Генуцій,
Рутиллъ... грязь, низость, стыдъ на имя Рима...

Каій.

И съ ними сравнивать ты смѣешь Гракха?
Меня?..

Опимій.

Не честно: ты не держишь слова
Молчать и слушать; отвѣчать успѣешь.—
Не я сравнилъ тебя съ ватагой этой.
Презрѣнные злодѣи увѣряли,
Что берегутъ святыню правъ народа,
А сами первые его губили;
Его страданья были имъ предлогомъ,
Орудьемъ низкихъ происковъ...—Ты сынъ
Корнеліи, великій Сципіонъ—
Твой родственникъ, и ты достоинъ ихъ;
Великодушный, ты народу преданъ
Не для себя, а для народа. Вижу
И сознаю.—Но что̀ же совершили
Безумнаго, преступнаго, злодѣи,
Чего-бъ не совершилъ ты самъ и... хуже?
Опора и защитникъ недовольныхъ,
На все готовый, вѣчный возмучитель,
Когда-бъ не я, ты, можетъ быть...

Каій.

Ты кончилъ?

Опимій.

Не прерывай. Еще наговоришься.—
Считать ли мнѣ одно по одному
Твои голосованья, предложенья?
Они унизили, въ презрѣнье ввергли
Великое значеніе сената!
Кому ты отдалъ, у кого ты отнялъ
Вѣсы Астреи?.. Хлѣбныя календы,
Ихъ срамъ, ихъ смуты... мимо!—Промолчу

Digitized by Google

О томъ, что право римскаго гражданства
На всю Италію раскинулъ ты...
Тѣмъ, у кого не зажили рубцы
Отъ нашей цѣпи!.. Этого всего
Я не сужу. Но можно ли молчать
О самомъ гибельномъ твоемъ безумствѣ —
О поземельномъ правѣ, горькомъ, вѣчномъ
Источникѣ междоусобій? Въ немъ
Могила, можетъ быть, свободы римской!
Спалъ роковой законъ—ты разбудилъ!
Неистовый, его изъ тьмы ты вызвалъ
На бой... къ чему? О, льстецъ, поклонникъ черни,
Просящей вѣчно, вѣчно ненасытной,
Ты сталъ врагомъ общественнаго строя
Въ угоду ей!.. Тебя не ужасаетъ
Судьба Генуція? Не ужасаетъ же
Его позоръ?.. Но что̀, Генуцій! Братъ твой,
Зачѣмъ здѣсь легъ...

Каій.

Затѣмъ, что твой сенатъ—
Убійца.

Опимій.

Нѣтъ: каратель преступленій.
Отъ вѣка не бывало хуже дѣла
И лучшаго защитника: за низость
Вступилась добродѣтель и погибла,
И стало ясно, что богамъ противны
Злоумышленія; Тиберій, тотъ
Единственный, который могъ собой
И дѣло освятить, и заслужить
Прощеніе—сраженъ велѣньемъ неба...
Что̀ скажешь противъ этого примѣра?
На что̀ надѣешься, неосторожный?
Зачѣмъ оставилъ Карѳагенъ? зачѣмъ
Явился здѣсь, несчастный? Отстоять
Противъ сената, неба и меня
Твои трибунскія мечты? Ошибся!
Конецъ твоимъ законамъ нечестивымъ,
Сопротивляться станешь—ты погибъ!
Повѣрь мнѣ... Жизнью ты недорожишь,
Подорожи хоть честью. Вспомни Римъ:
Онъ кровью гражданъ снова обагрится.
Одумайся!.. Вотъ что̀ внушило мнѣ—

Digitized by Google

Не что̀ другое—говорить съ тобою.
Ты мысли всѣ мои узналъ. Теперь,
Открой свои и говори.

Каій.

Защитникъ
Сената и надменныхъ богачей,
Патриціевъ-злодѣевъ, хочешь слова?
Отвѣтъ короткій: ненавистно мнѣ,
Что даже называешь ты отчизну.
Нѣтъ у тебя ея, не стоишь ты
Имѣть ее, когда тебѣ сенатъ—
Все, а народъ—ничто. Моя отчизна—
Та, гдѣ народъ. Богамъ сенатъ любезенъ?
А Гракху милъ народъ!.. За что̀, ты спросишь?
За то, что роскошь, гордость и развратъ,
Раздоръ и зависть, жадность... словомъ, вся
Фаланга всѣхъ пороковъ и злодѣйствъ...
Все это—ваше. Съ мерзостью такой,
Свобода и общественное благо
Не уживутся... Что̀ слова терять!
Ты знатный, ты патрицій—не поймешь!
Чѣмъ восхвалять Фабриція, Камилла,
Ты подражалъ бы имъ, и я-бъ упалъ
Къ твоимъ ногамъ и поклонился... Что̀ же
До тѣхъ моихъ законовъ... Ты посмѣлъ
Назвать ихъ нечестивыми!.. Сенаторъ,
Патрицій, консулъ, ты имъ не судья.
Они тиранству страшны, стало быть,
Необходимы, справедливы, святы,

Опимій.

Другого мнѣ отвѣта ты не дашь?

Каій.

Ты только этого и стоишь.

Опимій.

А совѣтъ мой?

Каій.

Совѣтъ врага—предательство.

Опимій.

Ты презрѣлъ
Слова; дѣла увидишь.

Каій.

Да, дѣла
Злодѣя Назики, убійцы брата!..
Имъ подражать достоинъ ты.

Digitized by Google

Опимій.
Молчу.
Каій.
Понятное молчаніе!
Опимій.
Предъ Римомъ
Я скоро выскажусь яснѣй.
Каій.
Получишь ясный
Отвѣтъ.
Опимій.
Послушаемъ.
Каій.
Надѣюсь.

V.

Опимій, Каій и Друзъ.

Друзъ.
Консулъ,
Я приношу извѣстіе... въ печаль
Оно повергнетъ всѣхъ... Нѣтъ словъ! уста
Нѣмѣютъ... Каій, ты потерялъ родного
Великаго; Римъ—перваго изъ гражданъ:
Эмиліанъ скончался.
Опимій.
Что сказалъ ты?
Друзъ.
О, роковую правду! Посмотри,
Уже бѣжитъ толпа.. вопль, содроганья!
Однимъ—помощникъ, благодѣтель, другъ,
Онъ былъ... для всѣхъ—отечества опора!
И все скажу! Ужь говоръ есть о смерти
Насильственной...
Опимій.
О, боги, что я слышу!
Каій.
(О, подозрѣнье...)
Друзъ.
Вотъ идетъ сюда
Корнелія, и по ея волненью
Замѣтно, что она все знаетъ

Digitized by Google

VI.

Опимій, Каій, Друзъ и Корнелія.

Корнелія.

Сынъ,
Вѣсть скорбная: твой зять скончался.

Каій.

Мать!..

Корнелія.

Зачѣмъ меня ты въ сторону отводишь?
Сынъ, что съ тобой? Дрожишь ты... что съ тобой?
Что здѣсь случилось?

Каій.

Друзъ сейчасъ сказалъ
Ужасное... Бѣги, узнай, провѣдай...
Такое подозрѣнье...

Корнелія.

Объяснись.

Каій.

Здѣсь не могу. Спѣши... Не отходи
Отъ мертваго, пока я не приду...
А я сейчасъ приду...

VII.

Опимій, Друзъ и Каій (*въ сторонѣ*).

Опимій.

Замѣтилъ?

Друзъ.

Да.

Опимій.

Ты видѣлъ—поблѣднѣлъ онъ?

Друзъ.

Да.

Опимій.

Шептался...
Смущенъ, разстроенъ... Тайна здѣсь! Пойдемъ.

Digitized by Google

VIII.

Кайй, потомъ Фульвій.

Кайй.

Адъ на душѣ... О, Фульвія слова
Стрѣлой вонзились въ память... Вотъ онъ самъ.—
Несчастный, говори—Эмиліанъ
Лежитъ въ объятьяхъ смерти... Кто убійца?

Фульвій.

Ты спрашиваешь это у меня?

Кайй.

Да, у тебя. Изъ прежнихъ словъ мнѣ ясно...
Убійца—ты.

Фульвій.

О, если смерть его.
Тебя такъ огорчаетъ, ты не Гракхъ,
Иль бредишь. Гракхъ бы долженъ похвалить,
Благодарить за смѣлое усердье
Того, кто спасъ отчизну отъ тирана,
А Гракха отъ соперника избавилъ.

Кайй.

Такъ ты его убилъ.

Фульвій.

Неблагодарный!
Колеблется свобода, честь страдаетъ,
Сенатъ куетъ оковы Риму; брата
Позорной смерти предалъ Сципіонъ
И Сципіонъ другой грозитъ тебѣ...
И вотъ, одинъ ударъ отважный спасъ
И жизнь, и честь, успѣхъ тебѣ упрочилъ,
Тѣнь брата успокоилъ, за народъ
Отмстилъ... а ты тоскуешь и зовешь
Меня убійцей! Ты не Гракхъ иль бредишь!

Кайй.

И ты злодѣйствомъ дѣлу Кайя Гракха
Хотѣлъ служить?

Фульвій.

А этого героя,
Великаго, котораго убилъ я,
Котораго оплакиваешь ты,

Digitized by Google

Забылъ злодѣйства? Подвиги его?
Нуманцію голодную, то дѣло,
Которымъ имя римлянъ ненавистно
Вселенной стало! Ты забылъ дѣтей—
Четыреста!—захваченныхъ обманомъ
Въ Луціи и отосланныхъ къ роднымъ
Съ отрубленными по локоть руками!
Ты берегъ Карѳагена вопроси—
Тамъ кровопійцы свѣжій слѣдъ! Земля
Не разступилась на стенанья, вопли,
Неслыханныя муки тысячъ жертвъ,
Растерзанныхъ, заколотыхъ, сожженныхъ...
Враги и варвары,—но безоружны,
Безпомощны, молили о пощадѣ!
Честь Рима: милосердье къ побѣжденнымъ,
Борьба съ могучими... — Но что искать
Такъ далеко? Несчастный нашъ народъ
И ждетъ и молитъ борозды одной
Гдѣ-бъ кости схоронить свои покойно;
Благой законъ, назначившій ему
Наслѣдье это жалкое—законъ,
Что кровью закрѣпилъ твой братъ Тиберій,—
Безъ дѣйствія донынѣ!.. Кто причиной?
Кто исказилъ, у выборныхъ, кто отнялъ
Права владѣнія надъ покоренной
Землей? Кто, наконецъ, кто всенародно
Сказалъ, что гибель брата твоего
Была и справедлива и полезна?
Эмиліанъ... — Припомни, Каій, тогда
Громовыя слова ты произнесъ...
Народъ свидѣтель!.. Я ихъ затаилъ
Глубоко въ сердцѣ. Ты сказалъ: — «Полезна
Была-бъ смерть этого тирана...» Я —
Исполнилъ... ты зовешь меня убійцей!
Ужь если преступленье... ты—убійца:
Твой приговоръ, твоя вина. Я слѣпо,
Какъ другъ, повиновался.

Каій.

Ты мнѣ другъ?
Ты?.. Низкихъ я незналъ во вѣки!.. Небо,
Сразу громами, размечи, сожги
Тѣхъ, что идутъ путемъ кровавымъ мести
И добиваются однихъ цѣпей,

Digitized by Google

Тѣхъ, что творятъ и самую свободу
Жесточе и позорнѣе неволи!.. —
Не смѣй сказать, что этотъ приговоръ
Былъ мой! Тирану я хотѣлъ паденья
Подъ топоромъ верховнаго суда
Народнаго... подъ топоромъ, который
Накажетъ и тебя! Ты имя Гракха
Предалъ позору... трепещи...

Фульвій.

Довольно.
Прими совѣтъ: довольно оскорбленій.
Преступенъ или честенъ мой ударъ —
Плоды твои; бери ихъ и молчи.
Не вынуждай меня сказать и больше.

Каій.

А что ты скажешь?

Фульвій.

То, о чемъ молчу.

Каій.

Что̀? преступленье новое?

Фульвій.

Не знаю.

Каій.

Не знаешь?.. Въ ужасѣ спросить не смѣю...

Фульвій.

И основательно.

Каій.

Что̀?

Фульвій.

Ничего.

Каій,

Все сердце сжато... О, ужасный свѣтъ... —
Есть у тебя сообщники?

Фульвій.

Конечно.

Каій.

Кто?

Фульвій.

Что̀ разспрашивать, безумный! Полно.

Каій.

Я знать хочу.

Фульвій.

Раскаешься.

Digitized by Google

Каій.

Довольно!

Я знать хочу!

Фульвій.

Ты хочешь?.. Такъ спроси...

Свою сестру.

IX.

Каій.

Сестру?.. Убила мужа

Моя сестра?.. Проклятье!.. Имя Гракховъ

Чистѣйшее... теперь оно позорно?..

Позорно?.. Волосъ дыбомъ... Гдѣ мнѣ скрыться?

Гдѣ съ головы смыть этотъ срамъ? Что̀ дѣлать?..

Ужасный голосъ и кричитъ и шепчетъ:

— «Поди, убей сестру...» — О голосъ чести,

Моей семейной чести—повинуюсь!

Ты хочешь крови—будетъ кровь, клянусь!

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Форумъ.

Корнелія, Лицинія и Каій,

(*въ атріумѣ дома Каія, выходящаго на форумъ*).

Корнелія.

Сынъ, укроти свой гнѣвъ. Приди въ себя,

Мой милый сынъ, изъ жалости. Уважь

Ты горе матери, жены своей

Несчастной... Оглянись: она въ слезахъ,

Потеряна... Не отклоняй объятій;

Вѣдь это я...

Каій.

О мать...

Корнелія.

Не отвѣчай

Digitized by Google

Такъ гнѣвно. За преступную сестру
Я умолять не стану...

Кай.

О, ни слова!
Не называй чудовища! Она
Мнѣ не сестра... Ты вырвала кинжалъ,
Что я занесъ надъ ней... Изъ состраданья,—
Вотъ грудь моя—убей меня!

Корнелія.

Размысли.
Никто незнаетъ, что она виновна.
Мы по отчаянью ея дознались,
Не по слѣдамъ. Все скрыто. Наказаньемъ
Ты самъ все обнаружишь, заклеймишь
Позоромъ наше имя... Неужель
Ты думаешь, сама я не съумѣю
Схватить кинжалъ и, если честь велитъ,
Вонзить его хоть въ грудь моихъ дѣтей?
Сынъ, я сильнѣй тебя, неумолимѣй!
Но разумъ мой свѣтлѣе и умѣетъ
Гнѣвъ укротить и къ цѣли довести.—
Не возражай. Дѣла перемѣнились,
Перемѣняй и мысли. Близокъ часъ
Народнаго собранья. Въ храмѣ Беллоны
Сошелся нечестивый нашъ сенатъ...
Что̀ тамъ,—въ берлогѣ мщенья и злодѣйствъ,—
Что̀ замышляютъ? Смерть твою! Такъ время
На слезы тратить—дорого. Мужайся.
Вооружись всей силой духа. Жизнь
Забыть ты можешь; помни честь, отчизну.
Иди. Что-бъ ни было съ тобою, сынъ,
Останься вѣренъ самому себѣ
И матери.

Лициніи.

О горе!

Корнелія.

Скорбь и стонъ
Понятны, дочь, но только не пристали
Супругѣ Гракха, римлянкѣ.

Лициніи.

О, если
Предъ римской доблестью преступны слезы,

Digitized by Google

О, если мнѣ велитъ она природу
Насиловать и долгъ жены забыть—
Зачѣмъ я римлянка!..—Моя печаль
Тебѣ докучна, мать, а ты—страшна
Жестокой твердостью! Мое блаженство
На смерть ты посылаешь... и не плакать!

Корнелія.

Ты хочешь, чтобъ Корнелія ему
Внушала низость?..

Лицинія.

Матерью будь,—только!
Что̀ выше, что̀ святѣе, какъ не имя
«*Мать*», и что̀ глубже западаетъ въ сердце?..
Ты—мать троихъ дѣтей. Одинъ погибъ.
Дочь опозорила вашъ родъ. Остался
Послѣдній... ты его на смертный путь,
На ужасы, на бой воспламеняешь!
И это—деблесть?.. Заклинаю прахомъ
Погибшаго,—спаси любимца-брата!
Спаси мнѣ мужа! Сбереги хоть радость
Суровымъ, долгимъ вдовьимъ днямъ твоимъ!..
Спаси надежду Рима!..—О мой милый,
Перемѣни, оставь свое рѣшенье!
Ни счастіе, ни силы не равны;
Не спорь съ судьбой безплодно. Площадь эта
Кровь брата видѣла, и на тебя,
И тѣ же руки—наточили ножъ;
Нейди на встрѣчу, подъ удары ихъ
Не подставляй груди... Не дай женѣ
Отчаянно бѣжать на берегъ Тибра,
Молить волну, чтобъ, сжалясь, возвратила
Твой трупъ растерзанный,..

Каій.

О дорогая.
Ты первый поцѣлуй любви дала мнѣ,
Тебѣ я отдалъ первый трепетъ сердца,
Тебѣ отдамъ послѣдній... не смущай
Меня слезами! Противъ долга, чести —
Не возставай... когда я милъ тебѣ!
Довольно безъ того страданій, скорби!
Я уничтоженъ, пораженъ... Позоръ
На имя Гракха!.. Жизнь мнѣ ненавистна.

Digitized by Google

Лицинія.

О горе!

Кай.

Будь на все готова. Если
Ужь рѣшено на небѣ, что сегодня
Послѣдній день мой,—не хочу я дани,
Ни слезъ твоихъ, ни вздоховъ. Тѣнь моя
Отъ нихъ стоскуется въ жилищѣ мертвыхъ.
Люби меня, считай меня живымъ
Въ ребенкѣ нашемъ; за руку его
Води къ моей могилѣ... научи
Бросать цвѣты, невинно нѣжно звать...
Звать духъ отца. Любовью пробужденный
Прахъ встрепенется...—Объ отцѣ тогда
Скажи ему. Пусть рано понимаетъ
Несчастье, силѣ учится. Скажи,
Что родину любилъ отецъ, что умеръ
За родину...—Скажи: «былъ у отца
И братъ великій и погибъ за то же
Великое, святое дѣло...» Но...
Не говори: «еще сестра была...»
Не говори, что въ Гракховъ домъ вошло
Злодѣйство ненаказанное...

Корнелія.

Сынъ!
Зачѣмъ смутилъ меня? Чего ты хочешь?
Чтобы и мать унизилась до слезъ?
Добился,—видишь?.. Мой Тиберій палъ;
Вотъ, этими руками собрала я
Трупъ искаженный и омыла раны...
Вотъ, этими руками обнимала
Его, безъ слезъ... Все,—жалость, ужасъ, смерть,—
Смерть сына вынесла... Но—мысль одна,
Что срамъ на нашемъ родѣ... Надъ слезами
Я не властна! Душа разбита!..

Digitized by Google

II.

На форумѣ. Глашатай входитъ, держа въ рукахъ повелѣніе сената, и привѣшиваетъ его къ колоннѣ. Народъ сбѣгается читать.

Одинъ изъ гражданъ (*подходитъ къ Каію, погруженному въ задумчивость, и дергаетъ его за плащъ*).

Гракхъ,
Декретъ сената. Видишь, Гракхъ? прочти.

Каій (*подходитъ и читаетъ*).

— «*Да наблюдаетъ консулъ, чтобъ ничѣмъ*
«*Невозмутилось благосостоянье*
«*Республики*».

Гражданинъ.

Остерегись. Декретъ
Грозитъ тебѣ.

Лицинія.

Что онъ сказалъ?

Каій.

Я вижу.
Благодарю. — Не ошибаюсь? Ты —
Квинтилій?

Гражданинъ.

Другъ твой. Не робѣй.

(*Пожимаетъ ему руку и отходитъ*).

Корнелія.

Смотри,
Сынъ, прямо, въ самую толпу народа
Идетъ Опимій. Наступило время
Быть твердымъ. Пробудись...

Каій.

Не безпокойся.

Корнелія.

Дай руку.

Каій.

Вотъ она. Смотри, дрожитъ-ли.

Корнелія.

Нѣтъ, не дрожитъ. Сыновняя рука!

Digitized by Google

Она мнѣ говоритъ—скорѣй умрешь,
Но чести не измѣнишь. Я спокойна.

Каій.

Лицинія, любовь моя... прощай.
Когда объятья эти... и судьба...—
Мать, помоги ей; поддержи; она
Безъ чувствъ... Лицинія!.. Мать, поручаю
Тебѣ жену и сына.

(*Корнелія уводитъ Лицинію въ домъ. Каій останавливается предъ статуей своего отца*).

Ты, безмолвно
Изъ мрамора вѣщающій ко мнѣ,
Отецъ непобѣдимый! Понимаю:
Доволенъ будешь. Или Римъ сегодня
Освободится, или тѣнь моя
Безплотная обнимется съ твоею.

III.

На Форумѣ. Опимій; впереди его Ликторы, за нимъ Сенаторы. Друзъ и другіе Трибуны. Народъ толпами со всѣхъ сторонъ. Фульвій въ толпѣ. Каій.

Опимій.

Отечество въ опасности.—Позвольте
Мнѣ слово, римляне.

Народъ.

Скажи.

Опимій (*на трибунѣ*).

Уставы
Божественнаго правосудія, блескъ власти
Старѣйшинъ, имя римскихъ гражданъ,—имя,
Которому нѣтъ ровнаго на свѣтѣ.—
Условій святость, безопасность правъ,
И, наконецъ,—охрана государствъ,—
Согласье гражданъ вновь потрясены,
Оскорблены и ждутъ возстановленья.—
Предметъ такъ важенъ, горесть такъ сильна,
Что рѣчь моя не можетъ быть достойна
Того, что̀ долженъ я сказать... Квириты!
Не къ слову я готовъ, къ слезамъ!.. И кто

Digitized by Google

Тотъ варваръ, что удержится отъ слезъ
При мысли: величайшаго изъ римлянъ
Не стало! Доблестный, непобѣдимый,
Правдивый Сципіонъ Эмиліанъ —
Не существуетъ! Съ нимъ угасъ свѣтъ Рима...
Когда бы только знать—рука боговъ
Иль нечестивая рука сломила
Столь драгоцѣнную опору...

Фульвій.

Консулъ,
Ты удалился отъ предмета.—Къ дѣлу!

Народъ.

Да, къ дѣлу! къ дѣлу!

Опимій.

Вижу, васъ волнуетъ
Одно напоминанье объ усопшемъ;
Но рѣчь я начиналъ о тѣхъ законахъ,
Что первый осудилъ онъ, справедливый
Судья—герой. И горько стало мнѣ
Что смолкнулъ этотъ голосъ порицанья;
Раздайся онъ—отчизна спасена
И нѣмъ тотъ, кто влечетъ ее на гибель...
Гдѣ ты, Каій Гракхъ? Лицо намъ покажи.
Я о твоихъ законахъ говорю.
Я говорю о нихъ передъ народомъ,
Которому ты измѣнилъ. Святыя
И древнія судилища Ѳемиды
Низвергнулъ ты и передалъ ихъ власть
Своимъ Тремъ-стамъ. Что̀-жь сталось? Я скажу,
Я все скажу: свобода преступленій!
Да, въ Римѣ преступленье лишь свободно.
Ты римскихъ гражданъ—римскій гражданинъ
Есть царь!—рабами сдѣлалъ. Для чего?
Чтобъ овладѣть подачей голосовъ
И стать тираномъ...

Каій (*бросается къ трибунѣ*).

Я тиранъ? Ты лжешь!
Сойди! я отвѣчать хочу!

Опимій.

Трибуна
За мною, римляне! Свобода слова!

Народъ.

Онъ правъ! Свобода слова!

Digitized by Google

Каій.

Лжетъ! Долой!

Народъ.

Свобода слова!

Друзъ.

Отойди, безумный!
Здѣсь властелинъ—народъ; его рѣшенья
Священны. Именемъ его повелѣваю —
Молчи!

Каій.

Проклятье!

Гражданинъ (*тихо Каію*).

Стой, неосторожный!
Одно лишь слово—ты погибъ... Не видишь?..

Опимій (*съ трибуны*).

Къ тебѣ я снова обращаюсь, Гракхъ,
Народный возмутитель. Такъ сказалъ я
И докажу. Ты поднялъ вновь законъ,
Три вѣка раздиравшій сердце Рима...
Вниманіе квириты! Прослѣдите
Послѣдствія безумнаго закона,
Вы затрепещете!—Смотрите: Римъ,
Самодержавный властелинъ вселенной,
Чѣмъ сталъ онъ? Духъ его, сенатъ—въ презрѣньи;
Всѣхъ разбросалъ, разъединилъ раздоръ;
Народъ опутанъ лестью, развращенъ,
Мечтой о высшемъ благѣ убаюканъ
И въ бѣдствіи конечномъ погребенъ,
Рабъ самого себя и... негодяевъ!
Кто виноватъ? Каій Гракхъ!—Еще не все.
Что̀ въ селахъ? Право давности, которымъ
Ограждено имущество людей —
Нарушено. Напрасно покупщикъ
Зоветъ къ суду: разорваны условья,
Исчезли рубежи. Невѣста ищетъ
Своей земли приданной, сынъ наслѣдства
Отцовскаго, ихъ нѣтъ. Могильный прахъ
Разсѣянъ по вѣтру; родныя тѣни
Скитаются, пріюта лишены...
Кто виноватъ? Каій Гракхъ!—Еще не все.
Взгляните: войско. Тѣ, что покорили
И Африку, и Азію, подкупны,
Лѣнивы, слабы; въ ихъ сердцахъ давно

Digitized by Google

Нѣтъ жажды подвиговъ, а молодежь
Бѣжитъ трудовъ военныхъ. Ужь просторно
Вокругъ знаменъ! Повиновенья нѣтъ,
Первѣйшей добродѣтели воинской.
А отчего? Затѣмъ, что землю взяли
У воина и отдали плебеямъ,
И воинъ бѣденъ; бѣдность отняла
И доблесть, и любовь къ труду, терпѣнье,
Выносливость, почтеніе къ вождямъ,
Все чѣмъ былъ силенъ, грозенъ, римскій воинъ...
Кто виноватъ?.. Не назову! Вы сами
Негодованьемъ ужь его назвали!..

Каій.

Пустите! Я отвѣчу!

Опимій.

Нѣтъ еще;
Не все сказалъ я. Римъ межъ насъ разсудитъ.
Надъ головами праздныхъ гражданъ, древле,
Произносился смертный приговоръ;
Кто нынѣ вспоминаетъ тотъ законъ?
Чей благородный голосъ за него?
Жезлъ цензоровъ сталъ нерадивъ; въ судахъ —
Мѣста пустыя; правосудье—торгъ...
Непризнанный правдивый предсказатель,
Пизонъ, счастливецъ! Ты, въ бою, далеко,
Срываешь лавры Греціи, ты топчешь
Песокъ сирійскій, нашихъ бѣдъ незная!
Тѣ руки, что Нуманцію низвергли,
Сожгли Коринѳъ и стерли Карѳагенъ,
Влекли въ оковахъ внуковъ Александра,
Элладой овладѣли, пятью-стами
Азійскихъ городовъ и загорѣли,
Могучія, на знойномъ солнцѣ юга,
Тѣ руки, нынѣ, средь грязи, разврата,
За чашами, пьянѣя, тяжелѣютъ...
— «Къ оружію!» взываетъ намъ Востокъ;
«Къ оружію!» Нумидія возстала,
Германія... Югурта, Митридатъ,
И Кимвры тучей грозовой... Жестоки,
Оружіемъ владѣютъ, бьются ловко
И смерти не боятся... Что же мы,
Глупцы, слѣпые, вѣчныя игрушки,
Вотъ, этого мятежника? Когда же

Digitized by Google

Проснемся мы надъ бездной? Долго-ль намъ
Переносить безумца оскорбленья?..
Отчизна дорогая, домъ боговъ,
Престолъ безсмертной доблести! Раздоры
Въ тебѣ самой, кругомъ тебя война,
Вездѣ—гроза и бѣдствія... И тотъ,
Кто ввергъ тебя въ погибель—живъ еще?
О, больше! Онъ, нетолько живъ, спокоенъ
На улицахъ, на форумѣ твоемъ!
Онъ совращаетъ твой народъ, явился
Изъ-за моря, чтобъ ножъ вонзить...

Каій.

Довольно!
Довольно! Римляне, я отвѣчаю...

Друзъ.

Народъ, не слушай... Доказали вамъ —
Крамольникъ онъ...

Народъ.

Неправда! Слушать Гракха!

Другая толпа.

Нѣтъ! Гракхъ крамольникъ!

Первые.

Слушать! слушать Гракха!

Другіе.

Нѣтъ! Гракха на Тарпейскую!

Каій.

Убейте,
Но прежде дайте мнѣ сказать...

Старикъ.

О братья,
Постойте! выслушайте, удержитесь!
Послушайте!.. Нечестно, недостойно
Казнить, невыслушавъ... Вѣдь это—Гракхъ,
Нашъ благодѣтель...

Гражданинъ.

Даже будь онъ врагъ,
Все должно слушать... Онѣмѣй, кто продалъ
Честь, вмѣстѣ съ голосомъ своимъ!—Каій Гракхъ,
Трибуна за тобой. Порукой—я.
Я никому не продавался. Смѣло
Взойди и говори.

Каій (*на трибунѣ*).

Въ послѣдній разъ

Digitized by Google

Я говорю сегодня передъ вами:
Враги уже рѣшили смерть мою.
Благодарю за то, что, давъ мнѣ слово,
Вы дали мнѣ возможность умереть
Неопозореннымъ. Что̀ можетъ быть
Позорнѣе для гражданина Рима,
Какъ не унесть съ собою въ царство мертвыхъ
Названіе тирана? Встрѣтитъ братъ...
Смятенный и кровавый я предстану...
— «Откуда, спроситъ, этотъ срамъ и раны?»...
Что̀ я отвѣчу, римляне?..—Скажу:
О братъ, ихъ нанесли мнѣ тѣ же руки,
Что жизнь твою пресѣкли, въ оный день,
Когда тебя покинули плебеи,
Когда разбитой головой упалъ
Ты въ лужу крови, и горячій трупъ,
Еще дрожащій, буйная толпа
Стащила въ Тибръ и, обагрясь впервые
Гражданской кровью, волны отбѣжали...
Трибунъ, твой санъ тебя незащитилъ!..
Братъ, и меня патриціи убили,
И виноватъ я въ томъ же. Но меня
Еще тираномъ называли. А я
Все отдавалъ отчизнѣ, мысль и дѣло,
Освободилъ плебеевъ, возвратилъ имъ
Права и земли, ихъ отцовъ наслѣдье;
Бѣднякъ, плебей, противникъ страшный, вѣчный
Тирановъ, я—тиранъ!..—Плебеи, тяжко
Заплачено тому, кто вамъ служилъ!

Третій гражданинъ.

Гракхъ, не считай народъ неблагодарнымъ.
Тебя тираномъ не зоветъ онъ. Смѣло
Все говори. Небойся.

Каій.

Пусть трепещутъ
Лишь притѣснители. Я—не патрицій.
Не трепеталъ я, голову свою
Опасности смертельной подвергая,
Когда разбитую свободу вашу
Закономъ славнымъ спасъ и оградилъ.
Узнай меня, о Римъ! Низложенъ мной
Сенатъ злодѣйскій, похититель власти,
И мною возстановленъ властелинъ

Digitized by Google

Единый, вольный и самодержавный —
Народъ!... И въ томъ моя вина?—Народъ,
Вина ли это?

Третій гражданинъ.

Нѣтъ; мы всѣ—цари.

Второй гражданинъ.

Въ народѣ власть.

Первый гражданинъ.

Сенатъ лишь исполнитель
Народной воли, только.

Кай.

Врагъ же тотъ,
Кто ставитъ мнѣ въ вину свободу вашу,
Кто плачется о тираніи знатныхъ.
Три сотни засѣдало ихъ, презрѣнныхъ
Сенаторовъ. Изъ нихъ, кто былъ сильнѣй,
Тотъ преступалъ иль подкупалъ законъ,
И нищета считалась преступленьемъ.
Я съ этой низостью покончилъ. Триста
Надежныхъ членовъ я въ сенатъ прибавилъ,
Плебеевъ, и облекъ ихъ равной властью.
Кто жь смѣетъ въ томъ винить меня? Опимій
И хищники, тѣ, у кого я отнялъ
Возможность торга вашимъ достояньемъ
И вашей жизнью... О, пустое слово,
Посмѣшище злодѣевъ, добродѣтель!
Гдѣ-жь мѣсто для престола твоего,
Когда и въ Римѣ, предъ лицомъ боговъ,
Тебя позорятъ и казнятъ?..

Старикъ (*тихо другому гражданину*)

Онъ правъ.
Опасно честнымъ быть.—Его устами
Вѣщаютъ боги.

Кай.

Милостью боговъ
Я родился на благодатномъ лонѣ
Италіи. Италію всецѣло
Призвалъ я къ благу римскаго гражданства,
И изъ рабыни—я вознесъ ее
Свободной, первою страной вселенной.
Вы, римляне, великіе сыны
Великой матери, вы назовете
Италіи свободу—преступленьемъ?

Digitized by Google

Одинъ изъ гражданъ.

Нѣтъ! Итальянцы мы, одинъ народъ,
Одна семья!

Толпа.

Всѣ итальянцы! Братья!

Старикъ.

О, чудныя слова! святыя чувства!
О слезы радости!

Каій.

О, наконецъ,
Достойныя людей слова и слезы!
Но слезъ довольно. Вотъ моя вина
Послѣдняя... Обманутый народъ,
Готовый къ ярости!.. Разсчетъ жестокій
На нищету твою и жадность знатныхъ
Тебя всего лишили; въ тѣлѣ бѣдномъ,
Униженномъ, едва дышала жизнь...
И милосерднѣй было бы отнять
Ужь и ее! Нѣтъ, имъ была нужна
Она, чтобъ потѣшаться рабской мукой,
Что-бъ было что̀ топтать и презирать!..—
Моя вина: я отдалъ ваше—вамъ.
И много-ль отдалъ? горсть земного праха —
Похоронить страдальческія кости!
О братья, въ дебряхъ, у звѣрей есть норы,
Гдѣ отдохнуть, отъ непогодъ укрыться;
Вы, римляне, подъ тяжестью доспѣховъ
Жизнь отдавали родинѣ, владыки
Вселенной, что̀ же во вселенной этой
Есть вашего? Одно, чего отнять
Ужь невозможно: свѣтъ и воздухъ! Въ поле
Бредете вы; толпа голодныхъ вслѣдъ,
Нагихъ дѣтей, женъ истощенныхъ—«хлѣба!»
Кричатъ они...—А вина льются, хоры
Гремятъ, кипитъ развратъ; въ цвѣтахъ, на ложахъ,
Облегшись тогой, чудища пируютъ...
Что̀ жрутъ они, несытыя? Кровь вашу!..—
Да, римляне, кровь ваша—ихъ дворцы,
Ихъ золотыя чаши, благовонья,
Аравіи, сидонскій пурпуръ, блескъ
Ковровъ александрійскихъ! Ваша кровь —
Ширь ихъ полей и наслажденья виллъ
Тибура, Тускулана, ихъ картины,

Digitized by Google

Ихъ мраморы! Ихъ роскошь вашей кровью
Жива, питается, той, что̀ въ бояхъ
Вы пролили подъ вражьими мечами...
Свое у нихъ одно: злодѣйство!..—Смѣютъ
Сказать, что непокорны вы, лѣнивы
На битву... Сами въ роскоши погрязли,
Забыли честную суровость Рима,
И развратили войско. Захватили
Сокровища народовъ покоренныхъ
И римскую казну; голодный воинъ
Недаромъ ропщетъ, унываетъ, грабитъ.
Они скорбятъ, что нѣтъ повиновенья,
Взываютъ:—«Бейтесь за боговъ домашнихъ,
За прахъ отцовъ!..»—Но у кого же есть,
Несчастные, родной очагъ, алтарь,
Надгробный камень...

Громкій крикъ народа.

Нѣтъ ни у кого!
Ни у кого!

Кай.

За что̀-жь вы шли на смерь?
И за кого слѣды тяжелыхъ ранъ
Подъ вашимъ рубищемъ? О, дайте мнѣ
Прижаться къ нимъ устами... Сердце рвется
Негодованьемъ, нѣжностью... слезами...

Второй гражданинъ.

Какъ, слезы? И за насъ? Великодушный!

Первый гражданинъ.

О, дорого патриціи заплатятъ
За эти слезы!

Фульвій.

Но чего-жь мы ждемъ,
Товарищи? Пора! Хватай кинжалы!
За мною!

Кай.

Римляне...

Первый гражданинъ.

Молчите! Слушать!

Кай.

Вины предъ вами, братья. Накажите,
Разите и влеките это тѣло,
Кровавое, по улицамъ. Опимій
Доволенъ будетъ, что меня не станетъ.

Digitized by Google

Вы смертью друга гнѣвъ его смягчите.
Каменья Рима нашу кровь видали,
Тибръ хоронить умѣетъ насъ; дорогу
Мать Гракховъ знаетъ—подбирать остатки
Сыновнихъ труповъ...—Родина! когда
Моею смертью...

Гражданинъ.

Нѣтъ, живи, и смерть
Опимію!

Народъ.

Смерть!

Опимій.

Ликторы, впередъ!
За топоры! Кто двинется—рубите!

(*Ликторы съ поднятыми топорами идутъ на толпу; впереди ихъ старшій, Антилій*).

Антилій.

Раздайтесь! Прочь!.. Раздайтесь...

Въ толпѣ.

Подлый рабъ
Тирана подлаго, погибни первый!

(*Антилій падаетъ, убитый*).

Каій (*сбѣгаетъ съ трибуны*).

О, что̀ вы сдѣлали!

Фульвій.

Впередъ! Смѣлѣй!
Смерть, смерть Опимію!

(*Толпа наступаетъ на Опимія; Каій бросается защищать его*).

Каій.

И мнѣ съ нимъ вмѣстѣ!..
Ужели нѣтъ другихъ путей къ свободѣ,
Къ возмездію, какъ путь убійства? Братья,
Оставьте дѣло палачей сенату,
Опимію... О, римляне! Законы,
Законы нужны, а не кровь!.. Стыдитесь!
Въ ножны мечи! Вашъ гнѣвъ безуменъ, слѣпъ...
Такъ сдѣлали убійцы брата...

Народъ.

Мщенье!

Каій.

И будетъ мщенье!..—Консулъ, подними
Свое лицо испуганное. Слушай.

Digitized by Google

Святыню и величіе законовъ
Ты оскорбить дерзнулъ. За то тебя
Врагомъ отечества я объявляю.
Когда пройдетъ срокъ консульства, которымъ
Ты огражденъ и неприкосновененъ,
Я, Каій Гракхъ, зову тебя явиться
Предъ властелиномъ и судьей—народомъ;
Ему за все отвѣтишь ты.—Пока,
Спокойны будьте, римляне. Чтобъ криковъ
И оскорбленій не было. Тиранамъ
Всего страшнѣй народное молчанье.
Такъ расходитесь тихо.—Пусть одинъ
Онъ совѣстью терзается.

(*Уходитъ впередъ. Толпа мирно за нимъ слѣдуетъ*).

Фульвій.

О, глупость
Великодушія! Пощада! Слабость!
Гракхъ спасъ Опимія!..—Нѣтъ, крови, крови...
Ее прольетъ кинжалъ мой... О, хотя бы
И собственную кровь мою!

IV.

Опимій, Друзъ, Сенаторы и Ликторы.

Друзъ.

Замолкъ?
Сверкаешь взоромъ? Смерть ему рѣшилъ ты,
А онъ тебѣ жизнь подарилъ. О чемъ же
Задумался?

Опимій.

О мщеньи.

Друзъ.

Каій Гракхъ...

Опимій.

Умретъ.—Рабирій, слушай. (*Подзываетъ ликтора*).

Друзъ.

Наконецъ
Тебя я понялъ!

Опимій (*ликтору*).

Все скорѣй исполнить,
Все, что̀ я приказалъ.—А вы, трибуны,

Digitized by Google

На первый мой призывъ готовы будьте,
Когда вамъ дорого отечество.—Идемъ,
Сенаторы; послушайте меня... (*Расходятся*).

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Форумъ.

I.

Корнелія и Каій (*въ атріумѣ*).

Корнелія.

Да не допустятъ боги, сынъ, чтобъ ты
Раскаялся въ излишнемъ благородствѣ;
Но если отъ Опимія ты ждешь
Высокихъ чувствъ—ошибся ты: Опимій
Тиранъ, безъ совѣсти; благодѣянье
Такому въ тягость. Въ глубинѣ души,
Того стыда, что жизнью онъ тебѣ
Обязанъ,—не проститъ.

Каій.

И не простилъ.
Но я не каюсь. Честность... злость... не знаю,—
Но мнѣ отраднѣй стыдъ его, чѣмъ гибель.
Ужь если кровь преступная должна
Была пролиться... Мать, ты знаешь, чья.

Корнелія.

Жестокій! Гнѣва, скорби не буди!
Ихъ память даже торжество твое
Мнѣ отравила...—Но ты самъ коснулся
Тяжелой раны; слушай все. Мнѣ страшно.
Опимій тайно приходилъ взглянуть
На смертные останки Эмиліана.
Не благочестіе вело его, конечно.
Что̀ онъ готовитъ?..—Что̀ я вижу? Войскомъ
Весь Форумъ окруженъ...

Digitized by Google

Каій.

И самымъ буйнымъ.—
Отряды Критянъ.

Корнелія.

Критяне! О, небо!
Зачѣмъ? Всегда за ними слѣдомъ въ Римѣ
Рѣзня и смерть... О, сынъ мой, копья ихъ
Грозятъ тебѣ!

Каій.

Такъ вотъ онъ что̀ замыслилъ!

Корнелія.

А ты другого ждалъ?..—Но что̀ я плачу,
Рву волосы? Не гнѣвъ тутъ нуженъ,—разумъ!
О, сынъ, иди, зови, сбирай народъ,
Явись ему и говори! Твой голосъ—
Небесный громъ! Возвысь его, греми,
Карай, рази, разсыпь враговъ! Злодѣямъ
Прощенье честныхъ ненавистно; помни:
За благо—благодѣтелю отмщаютъ!
Иди, разрушь ихъ ковъ, смири измѣну,
Поправь свою ошибку, отомсти...
Или не возвращайся!

Каій.

Да, измѣна...
Такъ дѣйствуютъ патриціи всегда.
Но чтобъ спасти меня, должно возстать
Междоусобіе, должна пролиться
Кровь гражданъ. Кровь я ненавижу.

Корнелія.

Крови
Испорченной довольно въ жилахъ Рима;
Пустить ее полезно.

Каій.

Не рукой
Твоего сына. Жизнь самыхъ злодѣевъ
Священна. Есть законъ.

Корнелія.

Ты о законѣ
Твердишь, несчастный? О законѣ? Въ Римѣ,
Гдѣ всемогущи голоса злодѣевъ,
Гдѣ въ золотѣ порокъ, въ лохмотьяхъ честность,
Гдѣ преступленье—родину любить,
Гдѣ братъ погибъ твой... именемъ закона!

Digitized by Google

Сынъ, есть законъ единственный и вѣчный,
Божественный,—природы голосъ. Онъ
Взываетъ всѣмъ:—«Противъ насилья—сила!»
Гдѣ наше правосудье? Слабыхъ бьетъ,
Щадитъ могучихъ...

Каій.

Мать, ты оскорбила
Меня, на дѣло крови подстрекая.
Не на злодѣйство я рожденъ. Не то
Готовился свершить...

Корнелія.

Что̀ ты зовешь
Злодѣйствомъ? Высшій долгъ—вооружиться,
Возстать, убить мучителей отчизны...
Продажныхъ этихъ копій испугался?
Боишься смерти?

Каій.

Женщина...

Корнелія.

Прости!..
Любовь, негодованье, ужасъ, жалость—
И слово сорвалось... Но дорогая
Свобода Рима рушится, ты преданъ,
Ты окруженъ, ты возмущенъ душой,—
Смерть, смерть позорная передъ глазами...
Какъ только можешь, но спасайся! Помни
Опасность, честь...

Каій.

О, въ этомъ, будь покойна;
Я знаю, что̀ мнѣ дѣлать. Очень скоро
Узнаешь ты, что я тебя достоинъ,
Живой иль мертвый.

Корнелія.

Не вооруженный,
Ты къ нимъ идешь?

Каій.

Я правъ.

Корнелія.

Но ихъ кинжалы?
Ты думаешь, что правота твоя
Надежный щитъ?

Каій.

Я ужь тебѣ сказалъ,
Что не хочу междоусобій.

Digitized by Google

Корнелія.

Смерти
Моей ты хочешь?

Каій.

Чести я хочу
Неопозоренной. Самимъ собою
Останусь я, что̀-бъ ни было со мной.

(*Лицинія показывается въ глубинѣ сцены*).

Но, слушай. На опасность я иду.
Жена не знаетъ. Съ ней я не прощусь.
Клянусь твоей рукою,—можетъ быть,
Въ послѣдній разъ я жму ее!—клянусь,
Увидѣть слезы дорогой, несчастной,
Увидѣть сына—я не въ силахъ... Ты
Утѣшь ихъ, мать, и замѣни меня,
Когда меня не станетъ. Эта мысль
Меня поддержитъ; легче будетъ смерть...

II.

Корнелія, Каій и Лицинія.

Лицинія.

Смерть?.. Ты забылъ о тѣхъ, кто живъ тобою?
Ты жизнью жертвуешь,—твоя-ль она?
Мы въ-правѣ на нее,—жена, ребенокъ!
Мы безъ тебя...

Каій.

Лицинія, и ты
Меня терзаешь?

Лицинія.

Нѣтъ, напоминаю,
Что ты отецъ и мужъ. Безчеловѣчно
Покинуть насъ. Когда-бъ ты шелъ на бой,
Гдѣ слава ждетъ, гдѣ смерть героя можетъ
Принесть почетъ вдовѣ, смягчить потерю
Отрадой горькой—памятью побѣдъ,
И подвиговъ, и славныхъ ранъ... Тутъ—гибель
Безславна, безполезна, несомнѣнна!
Великодушіемъ себя ты предалъ;
Враги ужь одолѣли,—мечъ рѣшитъ,—
Вотъ, ждутъ тебя... Безчестные вмѣшались,

Digitized by Google

И дѣло самое всѣмъ стало страшно,
Всѣмъ ненавистно! Струсили другіе
И бросили тебя. Ты беззащитенъ,
Одинъ... Что-жь остается?

Каій.

Право, честь,
Народъ.

Лициніа.

И ты надѣешься?.. Любовь
Народа—роковая, вспомни брата!
У алтаря боговъ домашнихъ скройся;
Я грудью защищу тебя. Пускай
Пронзитъ ее Опимій! Уступи!
Бѣги!.. О, милый, заклинаю скорбью,
Любовью нашей, жизнью сына... сына,
Несчастнаго ребенка! Пожалѣй
Семью...

Каій.

О, пощади! Ужель ты хочешь,
Чтобъ честь моя померкла, чтобъ меня
Назвали трусомъ? Погибаетъ Римъ...
Ты слышишь звонъ его цѣпей и стоны?
Пощады молитъ онъ, кричитъ:—Отдайте
Мнѣ все, семью и жизнь!.. А я стою
Разнѣженный, смятенный, неподвижный,
Я, римлянинъ, Каій Гракхъ, я—сынъ ея?
Нѣтъ, долгъ зоветъ... О, отпусти меня
Спокойно!.. Милая, прощай.

Лициніа.

Останься!

Каій.

Пусти меня.

Лициніа.

Останься!

Каій.

Нѣтъ!

Лициніа.

Останься,
Безчеловѣчный! Слушай... Перейди...
Чрезъ трупъ мой перейди...

Каій (*останавливается*).

Отецъ...

Лициніа.

О боги,

Digitized by Google

Я побѣдила!.. Онъ смущенъ. Недвижный,
На ликъ отца безмолвно онъ глядитъ...
Глаза сверкнули... Каій!.. Еслибъ слезы...
Онъ тронутъ...

III.

Корнелія, Лициніа, Каій и гражданинъ.

Гражданинъ.

Гракхъ, бѣда! Весь Авентинъ
Войсками занятъ. Общая молва
Что смертію насильственною умеръ
Эмиліанъ и что убійцы—ты,
Твоя сестра Семпронія и Фульвій...
Такъ Друзъ кричитъ, за нимъ враги. Народъ
Колеблется; отъ одного къ другому
Вѣсть шопотомъ бѣжитъ; ужь вѣрятъ...

Каій.

Вѣрятъ?

Гражданинъ.

И вѣрятъ, и клянутся, что отмстятъ.
Я-жь думаю, ты правъ...

Каій.

Народъ повѣрилъ,
Что я убійца!

(*внѣ себя убѣгаетъ*).

Лициніа.

Ахъ, постой... послушай...
Остановись!

Корнелія.

Куда ты, дочь?

Лициніа.

Къ нему!

Корнелія.

Я не пущу тебя.

Лициніа.

Мать, сжалься... Горе!
О Каій, тебя я больше не увижу!

Гражданинъ.

Онъ честно поступилъ; онъ правъ.

(*Уходитъ*).

Digitized by Google

IV.

Корнелія и Лицинія.

Корнелія.

Опомнись!
Не прибавляй печали къ той, что есть.
Ужь не сильнѣе ли его ты любишь,
Чѣмъ я? А я, смотри, я—мать.

Лицинія.

О Каій,
Тебя я больше не увижу!

Корнелія.

Больше
Я отъ моей невѣстки ожидала
Гражданской твердости.

Лицинія.

На смерть идетъ онъ...
А ты о твердости...

Корнелія.

Туда идетъ,
Куда зоветъ священный голосъ чести.

Лицинія.

А что̀ ты сдѣлаешь, когда назадъ
Вернется онъ въ крови, разбитый, блѣдный,
И по землѣ его потащатъ...

Корнелія.

Что̀
Я сдѣлала, когда погибъ Тиберій?..
Я славу ихъ усыновлю; она
Замѣнитъ мнѣ дѣтей въ любви потомства.
Мнѣ подражай; спокойна будь, какъ я.

Лицинія.

Смерть успокоитъ всѣхъ. Готовь костеръ
Ему и мнѣ съ нимъ вмѣстѣ.

(*уходитъ въ домъ*).

V.

Корнелія.

Нѣтъ семьи
Несчастнѣе, измученнѣе нашей.—

Digitized by Google

Дочь Сципіона, Гракховъ мать, ихъ славой
Когда-то славная, теперь, одной
Я славой бѣдствій обладаю. — Риму
Свобода надоѣла; сыновей
Убилъ онъ у меня... О, не рождайте
Великихъ гражданъ, римлянки! въ чести
Злодѣи... — Только мнѣ милѣй мои
Поруганные, мертвые... — За сыномъ
Я поспѣшу... Что это за толпа?
Сенаторы несутъ носилки... Трупъ...
О небо, трупъ Эмиліана!.. Силы
Меня оставили... гдѣ скрыться? Дочь
Злодѣйка, что̀ ты сдѣлала!..

(*Уходитъ*).

VI.

На форумѣ. Опимій, Сенаторы (*несутъ носилки съ тѣломъ Эмиліана*), Ликторы и народъ.

Опимій.

Поставьте
Здѣсь ношу скорбную. Народъ, друзья,
Сенаторы, здѣсь мы должны отдать
Послѣдній долгъ благоговѣнья смертнымъ
Останкамъ лучшаго изъ смертныхъ. Нѣтъ,
И не было, и быть не можетъ большей
Причины слезъ. О римляне, отецъ вашъ,
Свѣтъ государства,—міра свѣтъ!—лежитъ
Предъ вами бездыханный! Сколько силы,
Величія, ты въ немъ лишился, Римъ!
Какъ будутъ ликовать при горькой вѣсти
Народы Африки и Азіи! Грозы ихъ, —
Руки могучей этой, — не поднимутъ
Рыданья наши!.. — Фабій-Квинтъ, гдѣ ты?.. —
А, здѣсь... я незамѣтилъ... Будто слышу
Еще твои прекрасныя слова:
«— Судьба рѣшила міромъ обладать
Лишь той странѣ, которая владѣетъ
Великимъ человѣкомъ». — Вотъ, великій
Родился, жилъ межь нами... Горе, горе!
Его не стало: значитъ, боги насъ

Digitized by Google

Признали недостойными!.. — О, Лелій,
О, дружбы истинной примѣръ! Ты здѣсь?
Въ отчаяньи, и слезъ ты лить не можешь;
Въ отчаяньи, молча, ты глядишь
На это ложе и, глазамъ не вѣря,
Душой зовешь и ищешь друга... Да,
Вотъ онъ, завернутъ въ смертные покровы,
На вѣки неподвижный и безмолвный,
На вѣки! Неуслышишь больше словъ,
Внушающихъ любовь къ отчизнѣ, полныхъ
Божественной премудрости. Средь битвы
Молніеноснаго ты не увидишь!
И въ лучезарной славѣ, къ побѣжденнымъ,
Ты не увидишь, какъ протянетъ онъ
На помощь руку, какъ прольетъ онъ слезы
Имъ въ утѣшенье... и въ войнѣ, и въ мирѣ,
Являя въ смертномъ образѣ духъ бога!..
Сынъ нѣжный, вѣрный другъ и братъ, въ привычкахъ
Умѣренный, великодушный, щедрый,
И обходительный, и скромный... истый
И совершенный представитель чести
И римской доблести... Вотъ, мы кого
Лишились!.. Кàкъ лишились?.. — Не хочу,
Чтобъ ваши стоны превратились въ ярость;
Я не скажу вамъ о злодѣйствѣ. Нѣтъ!
Во вѣки не узнать вамъ, что отца
У васъ убійство отняло...

Въ народѣ.

Убійство? —
Мы знать хотимъ!

Опимій.

Нѣтъ, я молчать обязанъ.
Молю, не принуждайте, чтобъ я назвалъ
Убійцъ...

Народъ.

Нѣтъ, имена! Ихъ имена!

Опимій.

О, укротитесь! Чтò вамъ имена,
Когда еще уликъ вы не видали?

Народъ.

Такъ подавай улики!..

Опимій.

Вы хотите

Digitized by Google

Уликъ? Такъ я покровъ приподниму
Съ чела усопшаго. Приближьтесь... Ближе!
(*открываетъ трупъ*)
Смотрите!

Народъ (*отступаетъ*).

Ужасъ!..

Опимій.

Видите, какъ кровь
Къ лицу прихлынула, какъ вспухли жилы?
Случалось мнѣ... Вниманье!.. мертвецовъ
Видать не разъ. Истощены и блѣдны
Они бываютъ. Въ схваткѣ роковой
Со смертью, къ сердцу кровь бѣжитъ,—помочь
Ему въ послѣдній мигъ, — и остается
Тамъ, запертая холодомъ кончины,
Не возвращаяся къ щекамъ. — Смотрите-жь:
Лицо все полно крови и черно;
Измяты, сжаты челюсти... вотъ слѣдъ
Руки ихъ сжавшей. А глаза? Открыты,
И скошены и выпучены. Ноздри
Расширены... дыханью было тяжко!
Какъ вытянуты руки! Врозь всѣ пальцы...
Его за горло ухватили; бился,
Покуда были силы... — Неужели
Еще возможно утверждать, что смерть
Естественна? Нѣтъ, чистый, правый духъ
Не покидаетъ такъ земной темницы;
Онъ не бѣжитъ, какъ разрушитель-врагъ,
Оставивъ слѣдъ опустошенья; мирно
Отходитъ онъ, прощаясь благодушно
Съ своей одеждой — плотью, раздѣлявшей
Его труды земные... О, когда бы
Могли провидѣть вы, какъ я провижу...

Гражданинъ.

Все ясно! Мщенье!

Народъ.

Мщенье!

Опимій.

Захотите-ль
Вы мстить, когда узнаете виновныхъ?
Я не назвалъ ихъ.

Другой гражданинъ.

Назови, увидишь!

Digitized by Google

Опимій.

Вамъ самая вина ихъ назвала.
Кто могъ свершить ее? Кто могъ проникнуть
Въ покой несчастнаго и безопасно,
Спокойно, въ тишинѣ, въ средѣ своихъ
Жизнь у него отнять? Рукою ближней
Ударъ тотъ нанесенъ. Мнѣ — ясно.

Народъ.

Правда!

Третій гражданинъ.

Онъ объяснилъ прекрасно. — Справедливо!
Никто другой, какъ изъ своихъ...

Первый гражданинъ.

Молчите!
Онъ говоритъ...

Опимій.

И такъ, убійцу должно
Искать межъ близкихъ. Но кого-жь? Рабы?..
Его боготворили! Властелинъ-отецъ
Онъ жизнью защитилъ бы ихъ!.. Кто-жь могъ...
Кто ненавидѣть могъ его?

Первый гражданинъ.

Жена!

Опимій.

Квириты, вы блѣднѣете? Смутились?
Но кто-жь изъ васъ не знаетъ, въ самомъ дѣлѣ,
Что ненавидѣла она его? Однако,
Хотя-бъ дерзнула, — женщина, одна,
Могла ли совершить злодѣйство? Нѣтъ.
На это женской силы не достанетъ.
Ей помогли!.. Подумайте. Ищите
И укажите... Вы молчите? Ужасъ
Сковалъ уста?.. И я назвать не смѣю
И умолкаю.

Первый гражданинъ.

Говори свободно.
Мы правды не боимся, а желаемъ.

Народъ.

Да, консулъ, всѣ желаемъ. Правды! Правды!

Опимій.

Скажу. — Но прежде мнѣ вопросъ позвольте.
Вы — судьи нравовъ и поступковъ гражданъ;
Какъ вы рѣшили: Фульвій...

Digitized by Google

Второй гражданинъ.

Негодяй!

Третій гражданинъ.

Онъ врагъ Эмиліана; онъ недавно
Его злословилъ и грозилъ...

Первый гражданинъ.

Все это
Я слышалъ самъ. Я былъ при этомъ. Я
Готовъ сказать въ лицо ему и всѣмъ.

Опимій.

Вниманье!.. — Этотъ низкій, — все ужь ясно! —
Злодѣй-развратникъ полюбилъ жену
Эмиліана. Разбирать не стану
Какой любовью; знаю лишь одно:
Эмиліанъ прогналъ его изъ дома,
А Фульвій въ бѣшенствѣ грозился громко...
Увы, не онъ одинъ грозилъ!

Первый гражданинъ.

Другіе?..
Кто, называй! — Я говорю за всѣхъ.

Опимій.

Вы спрашиваете? Меня?.. Не вы ли,
На этомъ самомъ форумѣ, слыхали —
Кричалъ Каій Гракмъ, — что Сципіонъ тиранъ,
И что убить его необходимо?
Убить! Свершилось повелѣнье Гракха!
Работа Фульвія, — внушенье Гракха!
Два тѣла, духъ одинъ, — Каій Гракхъ и Фульвій!..
Одинъ ей братъ, другой любовникъ... той,
Что̀ звали мы женою Сципіона!.. —
Сегодня ночью, тайно, Гракхъ вернулся
Изъ Карѳагена — и сегодня-жь ночью
Убитъ Эмиліанъ. Семейство Гракховъ
Такъ принужденно беззаботно, гордо
Въ жестокое молчанье заключилось...
Казалось бы, по родственному долгу
И по любви, они должны искать
И разъясненья дѣла и отмщенья... —
Чѣмъ больше думаю... — Но что-жь? Убійцу
Такъ уважаютъ, любятъ берегутъ...

Второй гражданинъ (*первому*).

Постумій, консулъ правъ!

Digitized by Google

Первый гражданинъ.

Да, Гракхъ убійца.
Не сомнѣваюсь!

Второй гражданинъ.

Я не сомнѣвался.

Другіе.

Что̀-жь дѣлать намъ?
— Домъ Фульвія зажечь...
— А Фульвія скрутить...
— Въ огонь!
— А Гракха?

Первый гражданинъ.

Отъ Гракха отступиться.

Второй гражданинъ.

Онъ погибнетъ!...

Другіе.

Пускай погибнетъ!
— Пусть сенатъ увидитъ,
Что справедливъ народъ!

Опимій (*одному изъ сенаторовъ*).

Замѣть ихъ лица:
Смутила, испугала рѣчь моя.
Теперь—рѣшительный ударъ...

VII.

Прежніе и Друзъ.

Друзъ.

О, консулъ,
Спѣши на Авентинъ! Плебеи, войско—
Схватились... шумъ и ужасъ. Каій Гракхъ
Къ народу говорилъ и поднялъ бурю
Спокойной рѣчью... Бросились хватать
Ножи, каменья, вилы... Всѣмъ—сенату,
Тебѣ грозятъ, бьютъ воиновъ. Въ мечи
И копья тѣ ударили... Кругомъ
Рѣзня, кровь, крики... Фульвій ужь убитъ.
Онъ, первый возмутитель, первый скрылся
Въ развалинахъ. Съ нимъ сынъ его, ребенокъ
Прелестный, лучшаго отца достойный.
Настигли наши. Плакалъ и молилъ

Digitized by Google

Презрѣнный, за себя, не за ребенка!
Молилъ ребенокъ объ отцѣ, невинно
Жизнь предлагая за него... Напрасно,
Убиты оба.—Но превозмогаетъ
Народъ, все возростающей толпой,
Противъ потока критяне безсильны.
Трибуновъ голоса, моленья старцевъ—
Напрасно все. Лентулъ, глава сената,
Почтенный и лѣтами, и заслугой,
Рыдая, бросился въ толпу, кричалъ:
—«Кровь римлянъ-братьевъ льете вы, о, братья!
Во имя родины, во имя неба,
Остановитесь!..» Пораженъ кинжаломъ,
Упалъ онъ...
(*Въ глубинѣ сцены, рабы ведутъ раненаго Лентула*).
Сострадательныя руки
Приподняли его, ведутъ... Смотрите,
Полуживой, старикъ...

Опимій.

О, даже звѣри,
И тѣ бы зарыдали!.. Ужасайся,
Обманутый народъ, хвастливой ложью
Опутанный, на дѣло—трусъ, отважный
Лишь на злодѣйство! Вотъ дѣла любимца,
Дѣла твоего Гракха! Сципіонъ,
Лентулъ—убиты; тонетъ Римъ въ крови...
Еще что̀ нужно Гракху?.. Намъ что̀ дѣлать?
Не дожидаться-ль, чтобъ у алтарей,
У очаговъ домашнихъ, перебили
Дѣтей, и женъ, и насъ?.. Народъ слѣпой,
Презрѣнный, постыдись—вотъ твой кумиръ!..
Я, облеченный высшей властью той,
Что мнѣ дано пещись о вашемъ благѣ—
Врагомъ отчизны объявляю Гракха;
Я голову злодѣя оцѣняю
И въ жертву приношу богамъ подземнымъ.
Отцы-сенаторы, простите руки
И поклянемся:—Мщенье!

Сенаторы (*поднимаютъ руки надъ тѣломъ Эмиліана*).

Всѣ клянемся!

Опимій.

Одни проводятъ прахъ героя къ предкамъ,

Digitized by Google

За ворота Капенскія. Другіе—
За мною.—Ликторы, за топоры!
Къ оружію!.. Сенаторы, кинжалы
Вонъ изъ-подъ тогъ. Идемъ. Я впереди.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

Форумъ.

I.

Лицинія.

О, тишина ужасная! Все пусто.
Покинутъ Форумъ. Отупленье, страхъ
На искаженныхъ лицахъ стариковъ,
Вой, стонъ, рыданья женщинъ... Сыновей,
Мужей не дозовутся!..
И мои
Рыданія! И я зову! У неба
И я молю: отдай мнѣ моего,
Жестокаго! Онъ бросилъ насъ!..
О, Каій,
Да, ты жестокъ! Ты убѣжалъ, не слушалъ...
Гдѣ ты теперь? О, кто мнѣ скажетъ, гдѣ
И живъ ли ты?..

II.

Лицинія, Старикъ и Юноша.

Старикъ (*увлекая сына*).
Сынъ милый, не противься,
Пойдемъ со мной. Рукамъ моимъ дрожащимъ
Отдай кинжалъ... Теперь ты съ нимъ, безумный,
На братьевъ больше не пойдешь! На братьевъ

Digitized by Google

Ты шелъ, не на враговъ! Насъ сами боги
Покинули. За преступленья Рима,
Насталъ послѣдній день его свободы;
Великій Гракхъ и тотъ спасти не можетъ,
А ты задумалъ...

Лицинія.

Небеса!.. Спросить...
Нѣтъ силъ!

Старикъ.

Пойдемъ, утѣха и опора
Послѣднихъ дней моихъ. Оплачемъ вмѣстѣ
Паденье родины, умремъ съ печали,
Но—правые...

III.

Лицинія.

Они, конечно, знаютъ,
Что̀ Каій... Отчего-жь я не спросила?..
Холодный потъ на лбу... Зачѣмъ же, боги,
Мольбы отцовъ къ сердцамъ дѣтей доступны.
А слезы женъ безсильны надъ мужьями?..
О, что̀ за крикъ?.. До неба вопли.. Стѣны
Колеблятся... Что̀ это?.. Боги!.. Мать!

(*Корнелія проходитъ, не останавливаясь.*)

О, мать, гдѣ Каій? Онъ не раненъ? живъ?..
Бѣжитъ, испугана, не отвѣчаетъ...
Ахъ, онъ убитъ!..

(*Падаетъ на ступени трибуны.*)

IV.

Лицинія, Корнелія (выходитъ изъ своего дома съ ребенкомъ на рукахъ) и Филократъ.

Корнелія.

Скорѣе, вѣрный рабъ,
За мной... Что̀ вижу? Бѣдная!.. Что̀ дѣлать?..
Возьми малютку, Филократъ, бѣги
Въ домъ Красса, скрой его... Молю любовью

Digitized by Google

Твоей къ нему, спѣши, спаси... Дочь, встань,
Опомнись. Каій ж..въ еще.

Лициніа.

Живъ Каій?
Гдѣ-жь онъ? Зачѣмъ онъ не съ тобой.

Корнелія.

О, что̀ же
Скажу, чтобъ успокоить безъ обмана?..
Весь Авентинъ затопленъ кровью; бьются
Народъ, сенатъ... Рѣшается, должны-ль
Мы, женщины, клясть наше плодородье,
Мы, римлянки, должны-ль рождать рабовъ
Или людей свободныхъ... Спитъ законъ,
Злодѣйство мечъ схватило и летитъ,
Сражая лучшихъ...

Лициніа.

Ты сказала, Каій...
Что Каій...

Корнелія.

Слушай. Будь готова. Онъ
Спѣшилъ на Авентинъ собрать народъ
И посрамить клеветниковъ продажныхъ
Рабирія и Друза. Безоруженъ,
Лишь подъ щитомъ великой правоты
Своей, онъ говорилъ, смутилъ враговъ
Предателей. И много помогло
Ему мое присутствіе: я смѣло
Явилась тамъ, презрѣвъ опасность. Все
Затихло, успокоилось. Вдругъ Фульвій
Народный гнѣвъ безумно разбудилъ,
Воззвалъ къ убійству... Первой жертвой палъ
Зачинщикъ!.. Мужъ твой въ схваткѣ... Не хочу
Обманывать: въ опасности ужасной.
Я защищать бросалась, передать
Кинжалъ ему хотѣла,—у меня
Кинжалъ есть,—не успѣла, оттѣснили...
Кинжалы, копья, раненыхъ толпа...
Я возвратилась,—ка̀къ, сама не знаю...
Но я средь боя не робѣла; всѣ
Меня съ почтеньемъ будто пропускали
Среди ударовъ, бѣгства, воплей... Вдругъ,
Спѣша сюда, отъ берега Велабра,
Вдали, я увидала... Боги! Нѣтъ!..
Что̀ я сказала!..

Digitized by Google

Лицинія.

Довершай! Кончай!
Что̀ видѣла?

Корнелія.

О, копья, топоры...
Сенаторы, и ликторы, и войско,
Опимій впереди... Кому грозятъ,
Чьей груди, поняла ты... Не рыдай.
Къ чему рыданья? Велика опасность,
Но Каій великъ и въ небесахъ есть боги...

Лицинія.

Злодѣи!.. Любовались—умиралъ
Тиберій твой, и стану имъ молиться
За мужа? Лучше умолять звѣрей,
Порывы бурь, пучины волнъ... Чрезъ нихъ
Онъ такъ спѣшилъ освобождать свой Римъ!
Любовь къ отечеству,—о, роковая
Любовь! И вотъ награда!.. Оглянуться—
Мой Каій вездѣ: вотъ здѣсь гремѣлъ грозой
Во имя правъ народа. Здѣсь народъ
Кричалъ ему: «отецъ, защитникъ!» Здѣсь
Благодѣянья разсыпалъ онъ... Онъ
Надежда ихъ, прибѣжище! И всѣ
Его покинули!.. О, римскіе холмы,
Раскройтесь, распадитесь, поглотите
Римъ, нечестивое гнѣздо тирановъ,
Предателей, неблагодарныхъ... Вмѣстѣ,
О, поглотите и меня!..

Корнелія.

О, дочь!..

V.

Корнелія, Лицинія и Гражданинъ.

Гражданинъ (*вбѣгаетъ*).

Гражданка, гдѣ ты? Сыну смерть грозитъ:
За голову его назначилъ плату
Опимій. Слышишь?.. (*убѣгаетъ.*)

Лицинія.

Что̀?

Корнелія.

Ка̀къ онъ сказалъ?

Digitized by Google

Жизнь сына моего, жизнь Каія Гракха
Воръ подлый оцѣнилъ на деньги?.. Римъ!
Благодарю тебя за оскорбленье!
Оно мнѣ гордость возвратило; я
Опять сама собою стала... Вонъ
Изъ сердца материнскій страхъ! Идемъ!
Идемъ же, дочь, смѣлѣй!

VI.

Корнелія, Лицинія и другой гражданинъ.

Гражданинъ (*вбѣгая въ ужасѣ*).
Остановитесь!
Остановитесь! Тамъ рѣзня, тамъ смерть...
Смерть неизбѣжна...
Корнелія.
Сынъ?..
Гражданинъ.
Его ужь нѣтъ.
(*Убѣгаетъ. Лицинія, пораженная, стоитъ неподвижно*).
Корнелія.
Что-жь я опять дрожу, и волосъ дыбомъ,
И холодъ въ жилахъ?.. Мужество, на помощь!..

VII.

Корнелія, Лицинія и третій гражданинъ.

Гражданинъ.
Великая гражданка, успокойся,
Твой сынъ спасенъ.
Лицинія.
О, радость! Каій живъ!
Корнелія.
Мой сынъ... Разсказывай.
Лицинія.
Жизнь возвратилась!..
Гражданинъ.
Ужь настигали критяне. У насъ
Просилъ кинжалъ онъ, чтобъ умереть
Отъ собственной руки. Никто не далъ.
Тогда отчаянно, врагамъ навстрѣчу

Digitized by Google

Онъ бросился, безстрашный, безпощадный
Къ себѣ. Мольбы, усилія друзей
Его остановили, вразумили,
Что онъ для родины обязанъ жить,
Щадить себя, что смерть есть трусость, жизнь—
Геройство. Не совѣтами, а силой
Его заставили вернуться, скрыться
За рощей храма Фурій...

Корнелія.

Это мнѣ,
Мнѣ, матери двухъ Гракховъ, говоришь ты?
Мой сынъ—бѣглецъ?

Гражданинъ.

Отдать убійцамъ низкимъ
Жизнь славную свою...

Корнелія.

А у тебя
Кинжала не было?

Гражданинъ.

Былъ, для враговъ;
Друзьямъ кровь отдаютъ. За Каія Гракха
Я отдалъ бы свою... Его спасеньемъ
Взбѣшенный, яростно Опимій бросилъ
На насъ своихъ патриціевъ и критянъ.
Побоище не слыханное. Смерть
Тому, кто защищается, и стрѣлы
Въ погоню бѣглецамъ. Еще держались
У высоты Сублиція отряды
Помпонія...

Корнелія.

А остальные, что̀-жь?
Неблагодарные плебеи, трусы,—
Покинули его!

Гражданинъ.

Гражданка, боги
Его покинули, а не плебеи.
Тому свидѣтелями—тѣни павшихъ,
Сраженныхъ въ грудь, въ чело за дѣло Гракха;
Ихъ тысячи. Тибръ полонъ тѣлъ; вода
Окрасилась... А ты ихъ назвала...
Но слышишь звукъ оружія? Смотри,
Сюда бѣжитъ смятенная толпа...
Жестокій консулъ... О, бѣги!

Digitized by Google

Корнелія.

Бѣжать?

Ему навстрѣчу я бѣгу!

VIII.

Прежніе и Каій (*вбѣгаетъ*).

Каій.

Мать, ножъ!

Скорѣй! Изъ милости, дай ножъ! Чтобъ врагъ
Моею смертью не хвалился...

Корнелія.

Нѣтъ,

Онъ не похвалится!

Каій.

Такъ дай мнѣ ножъ!

Онъ у тебя! Спаси отъ срама...

IX.

Прежніе, Опимій, Ликторы, Патриціи и Воины.

Опимій.

Бейте!

Вотъ онъ!

Корнелія (*бросается къ сыну*).

Нѣтъ, прежде вы меня убейте!

Лицинія.

Меня!..

Опимій.

Прочь женщинъ! Оттащите! Бейте
Преступника! Въ немъ наша гибель! Бейте
Для блага общества...

Корнелія (*закрываетъ лицо полою мантіи, а другой рукою протягиваетъ Каію кинжалъ*).

Возьми и честно

Умри.

Каій.

Мать, узнаю тебя... пойми
И сына. (*закалывается*).

Лицинія.

О, мой Каій... умираю! (*Падаетъ на землю.*)

В. Крестовскій (псевдонимъ).

Digitized by Google

ДВѢ ДЕСЯТИНЫ.

(РАЗСКАЗЪ).

Вся семья была въ сборѣ, по случаю полученія письма, которое было вѣсточкой, поданной издалека сыномъ. Обыкновенно, при полученіи такой рѣдкой вещи въ крестьянской семьѣ, получатели испытываютъ особенное настроеніе, незнакомое ни въ какомъ другомъ общественномъ слоѣ, потому что «письмецо» приноситъ съ собой или вѣсть о здравіи человѣка, о которомъ уже много лѣтъ ничего не было слышно, или о неожиданной смерти. Одинъ видъ писанной бумаги, вложенной въ конвертъ съ марками, производитъ уже нѣкотораго рода душевный переполохъ; всѣ бросаютъ занятія и сосредоточиваются взорами на страшномъ листѣ съ его страшными письменами. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Письмо держалъ на ладони самъ хозяинъ, задумчиво поглядывая на него; около хозяина размѣстилась, какъ попало, его семья: жена, бросившая помои, которыя она приготовляла для теленка, два мальчугана, ѣздившіе до этого времени другъ на другѣ верхомъ, а теперь засунувшіе руки въ ротъ, старуха, приползшая въ избу съ завалинки, гдѣ она грѣлась на солнечномъ припекѣ и зять съ женой, пришедшіе ради такого рѣдкаго случая съ другого конца деревни. Воцарилось торжественное настроеніе; всѣ глядѣли на письмо. Хозяинъ былъ задумчивъ; хозяйка вздыхала; старуха мрачно качала головой. Только зять съ женой легкомысленно болтали. Прочитать письмо никто не умѣлъ.

— Вотъ тебѣ и Ивашка! говорилъ среди всеобщаго тягостнаго

Digitized by Google

молчанія зять.—Ему бы только вырваться, а тамъ поминай какъ звали. А вѣдь дожидали... а онъ хоть бы что... Выходитъ, стало быть, надо прямо говорить, такъ: нѣтъ ни денегъ, ни Ивашки!

— Точно дожидали... Главное, какъ теперь быть съ землей? Тоскливо и скучно возразилъ самъ хозяинъ, обводя всѣхъ пораженными взорами.

— Про то я и говорю—нѣтъ ни денегъ, ни Ивашки!

Еще не узнавъ содержанія письма, всѣ были грустно изумлены и растерялись. Ивашку, приславшаго эту бумагу, дѣйствительно, ждали къ веснѣ; въ крайнемъ случаѣ ждали отъ него денегъ, необходимыхъ для съемки земли, и вдругъ—хлопъ! письмецо! Зять довольно правильно опредѣлилъ положеніе семьи: нѣтъ ни денегъ, ни Ивашки, а стало быть, не возможна и съемка земли. Безъ земли же семьѣ угрожала зловѣщая участь. Отсюда всеобщая тягость и удивленіе. Старуха, неизвѣстно отчего, плакала, шепча молитвы; хозяйка видимо закручинилась; ребята съ испугомъ поглядывали на всѣхъ, не понимая, что все это значитъ.

А письмо все еще не было прочитано.

— Молчи, молчи, баушка! дай срокъ, вычитаемъ ужò все по порядку... Ай-да, ребята, къ учителю. Онъ намъ почитаетъ.

Эти слова заставили встрепенуться всѣхъ, бывшихъ въ избѣ. Только ребята остались дома для караула, всѣ же остальные двинулись къ учителю. Впереди всѣхъ шелъ самъ хозяинъ, бережно держа на ладони письмо, за нимъ шествовали хозяйка и зять съ женой, а наконецъ, позади всѣхъ ковыляла старуха, переставшая плакать. Учителя застали на огородѣ, который онъ приготовлялъ для засѣва, но прочесть онъ не отказался. Сейчасъ же вся семья обступила его со всѣхъ сторонъ и приготовилась слушать. Учитель было отложилъ конвертъ въ сторону, но его заставили прочитать «все до чиста», что написано, безъ пропусковъ, и онъ волей не-волей долженъ былъ декламировать сначала весь конвертъ, гдѣ оказалось, кромѣ названія губерніи, уѣзда, волости и деревни, имя Гаврилы Иванова Налимова, а потомъ длиннѣйшій списокъ сродственниковъ, которымъ адресатъ воздавалъ должное—кому поклонъ нижайшій, кому отъ Бога здравія и всякаго благополучія, а родителямъ поклонъ до сырой земли, причемъ испрашивалось родительское благословеніе, на вѣки нерушимое. Во все продолженіе монотоннаго чтенія лица слушателей были напряжены, глаза влажны, за исключеніемъ самого хозяина, который ждалъ конца письма и разрѣшенія мучительнаго недоумѣнія. Конецъ состоялъ всего изъ нѣсколькихъ строкъ. Учитель, отдохнувъ отъ утомительнаго перечисленія сродственниковъ, прочиталъ слѣдующее:

Digitized by Google

«А что касаемое на счетъ моего возвращенія домой, чтобы то есть пустыя баклуши бить подобно лодырю, поэтому я не возвращусь. Здѣсь по крайности я завсегда въ полномъ спокойствіи и существуетъ кусокъ хлѣба, а ежели болтаться по прежнему дома, и меня будутъ пороть за землю, коей все одно, что нѣтъ совсѣмъ и она для меня никакого интересу не даетъ, не только чтобы хоть горькій кусокъ, то лучше же мнѣ оставить это дѣло въ сторонѣ. Теперь я живу въ трактирѣ для чистки посуды, а жалованье мнѣ положенъ рубль, да еще хозяинъ сулитъ превосходную работу, когда опростается мѣсто половаго; если же бы я пришелъ домой и меня бы начали завсегда пороть безъ снисхожденія, отдай, молъ, подати, а между прочимъ земля не предоставляетъ для меня никакого предмета, а не только что удовольствіе, и никакого смысла въ этомъ для меня нѣтъ. И лучше не уговаривайте меня, Христомъ Богомъ умоляю, потому сказалъ — не пойду и не пойду, и не невольте меня. Иванъ Гаврилычъ Налимовъ!»

Женская половина слушателей быстро успокоилась, услыхавъ, что Ивашка живъ, но за то Гаврило замеръ на мѣстѣ, пораженный, какъ громомъ, поступками сына. Темное лицо его еще болѣе почернѣло. Онъ постоялъ-постоялъ на мѣстѣ, и когда учитель опять принялся копаться на огородѣ, очищая его отъ сору, нанесеннаго вмѣстѣ съ снѣгомъ, то обнаружилъ нѣсколько разъ попытку поговорить, но только пожевалъ губами и поплелся понуро домой, имѣя видъ ушибленнаго. Онъ держалъ письмо до самого дома попрежнему на ладони, боясь къ нему притронуться, а за нимъ въ томъ же порядкѣ двигалось семейство, кромѣ впрочемъ, зятя и дочери, отправившихся въ свой конецъ.

Лучше чистая смерть! такъ казалось въ первыя минуты Гаврилѣ. Страшное письмо оглушило его, причемъ онъ пораженъ былъ не столько странными поступками сына, сколько тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ внезапно попалъ вслѣдствіе отказа со стороны Ивашки отъ своей души. Дѣйствительно, до прихода этого письма, у Гаврилы были мысли на столько лучезарныя, что онъ нисколько не сомнѣвался въ возможности вѣчно снимать землю, и если въ минувшую осень семья рѣшила отправить сына Ивашку на заработки въ городъ, то опять-таки только затѣмъ, чтобы получить такимъ путемъ необходимыя средства пахать землю. Вся семья Гаврилы не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, что можно работать что-нибудь, кромѣ земли и добиваться средства для уплаты повинностей гдѣ-нибудь помимо

Digitized by Google

земли. Никто изъ этой семьи не умѣлъ ничего, кромѣ какъ пахать, копать, садить, сѣять и проч., не умѣя ничего, что выходило бы изъ круга земледѣльческихъ обязанностей. Самъ Гаврило нетолько ничего не умѣлъ, но и не питалъ склонности ни къ чему, что не касалось бы земли; ко всякому другому рукомеслу онъ былъ совершенно равнодушенъ. Это-то свойство часто вводили въ заблужденіе людей, которые съ нимъ сталкивались, въ особенности людей образованныхъ, въ родѣ посредниковъ, становыхъ и мировыхъ, всѣмъ имъ онъ, вмѣстѣ съ другими ему подобными мужиками, казался страшно тупъ. Каждый изъ этихъ людей, собственными своими сношеніями съ мужикомъ убѣждался, что онъ тупъ подобно барану и упрямъ, какъ оселъ: не понимаетъ ни дѣлъ, ни разговоровъ. Отсюда происходили необыкновенно нелѣпыя столкновенія, когда образованный человѣкъ и мужикъ стояли другъ передъ другомъ чистыми болванами. Принимаясь въ чемъ-нибудь убѣждать, первый сначала видѣлъ, что мужикъ (напримѣръ, Гаврило) какъ будто вполнѣ соглашается съ нимъ. «Да, да! какъ разъ! ужь это какъ есть!» говорилъ мужикъ, вызывая этими пустыми словами радость въ душѣ разъяснителя. Но стоило только образованному прекратить свои горячія разсужденія и спросить, какъ объ этомъ думаетъ собесѣдникъ, послѣдній (напримѣръ, Гаврило) вдругъ начиналъ нести такую околесную, что хоть уши затыкай. Гаврило обыкновенно давалъ отвѣтъ, не имѣющій ничего общаго даже съ разговоромъ собесѣдниковъ, изъ которыхъ одинъ послѣ этого приходилъ въ изступленіе, а другой замиралъ и молчалъ, какъ столбъ. Между тѣмъ, положа руку на сердце, можно засвидѣтельствовать, что Гаврило не былъ ни глупо-упрямъ, ни тупъ. Во все продолженіе страннаго разговора онъ, можетъ быть, думалъ о «сучьемъ вражкѣ» (чудесная землица! дай бы Господи мнѣ досталась!), или о лемехѣ, который, можетъ быть, въ эту минуту былъ въ починкѣ у кузнеца, вообще думалъ о чемъ-нибудь своемъ, близкомъ и понятномъ. А думалъ онъ о своемъ (въ то время, какъ ему долбили и разъясняли), потому что былъ въ полномъ смыслѣ спеціалистъ, всепоглощенный спеціалистъ, утонувшій въ землѣ съ ногъ до головы. Хорошо ли это, или худо, но спеціальность его настолько широка, что кромѣ нея онъ, дѣйствительно, ничего больше не понималъ и не умѣлъ. Еслибы когда-нибудь пришлось обратиться за совѣтомъ по вопросу о лугахъ, о навозѣ, о ржи и мякинѣ, о количествѣ и качествѣ надѣла, вообще обо всемъ, что касается земли, то кажинный мужикъ оказался бы самымъ смышленымъ и глубокимъ зна-

Digitized by Google

токомъ между всѣми людьми, не исключая мировыхъ и становыхъ, изъ которыхъ тоже у каждаго есть своя спеціальность— у одного судить, у другого выбивать недоимки, и которыя, затесавшись въ спеціальность Гаврилѣ, выказывали бы себя также чистыми болванами.

Потому-то Гаврило такъ и пораженъ былъ, повидимому, пустымъ письмомъ; никакъ онъ не могъ понять поступковъ сына и того, чтобы земля «не давала для него никакого интересу»...

Въ тотъ памятный годъ, когда всѣ жители въ его собственной деревнѣ пустились во вся тяжкая рыскать за пропитаніемъ, котораго вдругъ не хватило, когда явилось неожиданно, такъ называемая «нужда», состоявшая, какъ извѣстно, въ томъ, что у жителей пучило животы, Гаврило вмѣстѣ съ прочими также пустился на всѣ возможныя и невозможныя предпріятія. Большая семья его очутилась въ такомъ положеніи, что онъ бросилъ домъ и, гонимый страхомъ за существованіе близкихъ, родныхъ людей, бѣжалъ сломя голову въ дальній городъ. Требовалось достать пищи во что бы ни стало, немедленно, почти сейчасъ, разсуждать было некогда—хлѣба, во что бы ни стало и за какую угодно цѣну, и вотъ зачѣмъ Гаврило прибѣжалъ въ городъ. Подгоняемый этимъ ужасомъ, онъ напалъ съ радостнымъ остервененіемъ на представившееся ему въ скоромъ времени мѣсто. Это было безпримѣрное счастіе въ то время: онъ попалъ въ сторожа въ конторѣ при вновь строющейся желѣзной дорогѣ, Всѣ его обязанности состояли, кажись, чего проще! — въ томъ, что онъ утромъ долженъ былъ подметать контору березовой метлой, а весь остальной день стоять у двери и «не пущать». Въ этотъ памятный годъ рабочіе отдавались почти изъ-за хлѣба, но несмотря на ничтожность заработной платы, наплывъ былъ такъ густъ, что контора большинству отказывала, а такъ какъ жители все-таки нагло лѣзли и надоѣдали, то она и распорядилась— «гнать силой». И Гаврило гналъ. Куда? поворачивай оглобли! кричалъ по цѣлымъ днямъ Гаврило; если слова не дѣйствовали, онъ давалъ по шеѣ, словомъ, исполнялъ свои обязанности нещадно и добросовѣстно; даже лицо сдѣлалось у него звѣрскимъ, и въ какой-нибудь мѣсяцъ онъ такъ остервенился, что трудно было узнать его; изъ робкаго, пугливаго мужичка съ чернымъ лицомъ и съ пѣгой бородой, онъ сдѣлался цѣпнымъ псомъ, котораго пріучили лаять и кусать. Но не долго Гаврило усидѣлъ на своемъ мѣстѣ и кончилъ чрезвычайнымъ скандаломъ. Въ день получки жалованья онъ напился мертвецки пьянымъ и, стоя у двери, то ругался, то рыдалъ, рыдалъ навзрыдъ, послѣ

Digitized by Google

чего сейчасъ принимался отборными выраженіями ругаться съ кѣмъ попало; между прочимъ, обругалъ какого-то барина, занимавшагося въ конторѣ, за что и былъ сію же минуту побитъ и прогнанъ. Послѣ этого, онъ еще нѣсколько дней шатался по городу, въ поискахъ за работой, проночевалъ нѣсколько ночей подъ заборами и поплелся домой. Дома, на всѣ разспросы о его промысловыхъ приключеніяхъ въ городѣ, онъ ничего путнаго не могъ отвѣтить. «Былъ сторожемъ... дулъ по шеѣ!..» говорилъ онъ въ замѣшательствѣ.—Ну, а еще что же? спрашивали у него.—Что же еще... больше ничего»... возражалъ онъ, окончательно спутавшись, и не понималъ самъ, что собственно онъ тамъ дѣлалъ? И до сихъ поръ онъ не понимаетъ, что собственно съ нимъ тогда случилось. За что онъ получалъ жалованье и зачѣмъ «дулъ по шеѣ», этотъ, прожитой внѣ его обычной сферѣ мѣсяцъ кажется ему до того нелѣпымъ, что онъ не можетъ вспомнить о немъ безъ замѣшательства.

Очевидно, выбитый изъ своего обычнаго положенія, съ которымъ онъ сросся всѣмъ существомъ своимъ, онъ терялся, становился человѣкомъ болваномъ, хворалъ всей душой, былъ никуда не годенъ, дѣлался *самъ не свой*. Душа и сердце Гаврилы были зарыты въ землю. Онъ походилъ на растеніе, которое неразрывно соединено съ землей и, вырванное, засыхаетъ и чахнетъ, годное только на съѣденіе скоту. Но было бы ошибкой сказать, что его отношенія къ землѣ носятъ на себѣ слѣды рабства. Самый яркій признакъ рабства—это неволя; между тѣмъ у Гаврилы и ему подобныхъ душа и сердце *сознательно* были зарыты въ землю, составлявшую неразрывную часть его самого.

Не мало уже Гаврило жилъ на свѣтѣ; за все время не мало совершилось перемѣнъ; прожито время надеждъ; испытана пустяшная жизнь во всѣхъ ея дрязгахъ и со всѣми звѣриными обычаями; онъ размоталъ почти всю свою когда-то большую семью, но остался вѣренъ своему дѣлу. Въ какомъ смыслѣ онъ измѣнился за эту долгую жизнь—объ этомъ будетъ разсказано ниже, а пока можно сказать, что вѣрность его своему любимому дѣлу была безпримѣрная. Онъ остался вѣренъ землѣ—своей кормилицѣ, жилъ ей одной и въ тяжелыя минуты желалъ быть похороненнымъ здѣсь же, на своей родинѣ. Болѣе двадцати лѣтъ онъ пахалъ, никогда ничего не получая, кромѣ нечеловѣческой усталости, болѣе двадцати лѣтъ сѣялъ, собирая плоды въ видѣ неизмѣнной березовой каши, всю жизнь мечталъ, какъ бы еще больше вспахать и засѣять и, собирая каждогодно вмѣсто настоящихъ плодовъ березовую кашу, приходилъ въ отчаяніе, но

Digitized by Google

ни разу не пришла ему въ голову мысль, что земля его врагъ, что онъ долженъ ее бросить и бѣжать безъ оглядки на поиски другихъ занятій. Гаврило сдѣлался только жаднѣе—вотъ и все.

Онъ желалъ больше, все больше земли, чтобы она у него была спереди и сзади, по бокамъ и подъ ногами, чтобы онъ заваленъ былъ, окруженъ ею со всѣхъ сторонъ, чтобы, куда онъ ни взглянетъ, все бы виднѣлась она. Онъ не могъ равнодушно слушать извѣстнаго рода разсказы, которые иногда дѣлалъ отъ нечего дѣлать его зять: розинетъ ротъ, засверкаетъ глазами и замретъ.

— Слыхалъ я, что тамъ сорокъ десятинъ на душу, равнодушно говорилъ зять, разсказывая про губернію, находящуюся въ отдаленныхъ мѣстахъ.

— На душу? спрашиваетъ Гаврило, съ начинающейся дрожью въ голосѣ.

— А то какже! Тамъ, братъ, иди ты сейчасъ изъ дому и ступай на всѣ четыре стороны, куда хошь, на тридцать ли, на сорокъ ли верстъ отъ своей деревни, и чтобы кто тебя остановилъ: стой, молъ, куды лѣзешь въ чужія мѣста — тамъ этого нѣтъ. Хошь ты цѣлый день иди, а до конца краю своей земли не достигнешь. Непроходимыя мѣста!

— Ужь будто... чай, враки?

— Ну, вотъ, стану врать. Я самъ видалъ человѣка съ тѣхъ мѣстовъ въ городѣ, своими глазами, какъ вотъ сейчасъ тебя; пріѣхалъ бумаги оправить. Онъ мнѣ все и разсказалъ. Да и видно сразу по рожѣ, что мужикъ не нашъ, то есть, прямо сказать, какъ передъ Богомъ, даже и не крестьянинъ, а шутъ его знаетъ, какой такой человѣкъ, какого роду: настоящая туша, пузо жирное, толстомордый — словно баринъ! Гляжу я это на него и думаю — есть же, молъ, такіе мужички на свѣтѣ!.. Да, самъ эдакій вервила дастъ нашему жителю щелкъ—Богу душу отдастъ! потому что человѣкъ сытый, кормленный, хлѣбъ ѣстъ бѣлый, убоину жретъ въ волю, а тутъ сидитъ нашъ-то какъ куликъ на болотѣ и только думаетъ, какъ бы не помереть отъ нужды! Такъ вотъ гляжу я на него и думаю. А что, говорю, Степанъ Яковличъ, много въ вашихъ мѣстахъ угодья?—Угодья, говоритъ, у насъ, слава Богу, довольно.—А какъ, говорю, къ примѣру?—Да десятинъ сорокъ што-ли... — Стало быть, пропитаться вполнѣ можно!.. Смѣется!

— Такъ и сказалъ: сорокъ десятинъ? спрашиваетъ Гаврило уже совершенно измѣнившимся голосомъ.

— Сорокъ ли, пятьдесятъ ли, тамъ этого не разбираютъ, потому что, прямо сказать, конца краю нѣтъ.

Digitized by Google

Послѣ такого разговора Гаврило выглядитъ нѣкоторое время какъ бы помѣшаннымъ; такая въ немъ разжигается жадность, что онъ и словъ больше не въ состояніи подыскать. Вдругъ ему приходитъ на память настоящій его земляной надѣлъ, ничтожество котораго теперь ему ярко до очевидности, и онъ приходитъ въ отчаянную апатію. Слово «сорокъ» рѣжетъ его до нестерпимой боли, и въ немъ моментально выступаютъ самыя мрачныя чувства: зависть, ненасытность и отвращеніе къ своей жизни. Гаврило просто боялся вести такіе разговоры, потому что они, разжигая его преобладающую страсть, поселяли въ немъ страшное безпокойство.

— Безпремѣнно вретъ онъ! успокоивалъ себя Гаврило, приписывая зятю способности безпутнаго лгуна.

Сама жизнь помогала ему успокоиваться, ежедневно засасывая его въ тину пустыхъ заботъ и не давая времени одуматься и размечтаться. Въ этомъ, пожалуй, и заключается разгадка того обстоятельства, что никогда не получая никакихъ плодовъ, онъ продолжалъ пахать и сѣять и все жаждалъ нахватать больше и больше десятинъ на свою шею, подъ какими угодно условіями. Каждый годъ это ему болѣе или менѣе удавалось, и каждый годъ у него было по горло возни. Послѣ этого понятенъ тотъ испугъ и растерянность, когда онъ получилъ письмо отъ сына. Его положеніе въ самомъ дѣлѣ было отчаянное.

Ивашку онъ послалъ за деньгами, чтобы снять въ аренду побольше земли у сосѣднихъ владѣльцевъ. Теперь у него не было ни денегъ, ни Ивашки. Время стояло горячее, большинство выѣхало уже въ поле пахать подъ яровое. А у него и земли нѣтъ! Правда, одну мірскую душу онъ засѣялъ еще прошлой осенью подъ озимое, надѣясь, что съ приходомъ весной Ивашки міръ согласится дать и еще одну душу подъ яровое; но, во-первыхъ, надежда на мірское согласіе значительно ослабѣвала послѣ письма Ивашки, во-вторыхъ, мірская душа была такъ ничтожна и плоха, что Гаврило оставлялъ ее въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Удавалось ему получить и обработать ее— ладно, не удавалось — онъ позабывалъ про ея существованіе. Главная и всегдашняя забота его — это прихватить землишки со стороны, и ему каждый годъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, удавалось прихватать; но нынче нѣтъ. Ни одинъ изъ сосѣднихъ владѣльцевъ не далъ ему аренды. Всѣ осенью прогнали его безъ разговора; у каждаго было по горсти условій, которыми Гаврило предавался не на животъ, а на смерть вла-

Digitized by Google

дѣльцамъ, вслѣдствіе чего имъ было выгоднѣе земли ему не давать, потому что онъ и безъ того будетъ работать цѣлое лѣто даромъ. Могъ бы онъ примазаться къ одной изъ компаній, которыя составлялись въ деревнѣ спеціально для съемки земли въ аренду, но компаніи всѣ еще зимой составились — а для него мѣста не нашлось. Еще могъ бы онъ пойти къ богатому мужику Давыдову, арендовавшему крупные участки и взять земли черезъ его руки, но это средство было также чистою смертью. Гаврило былъ по уши ему долженъ и уже не имѣлъ права ожидать съ его стороны снисхожденія; земли Давыдъ завсегда далъ бы, но взамѣнъ того насѣлъ бы на Гаврилу и цѣлое лѣто клевалъ бы его, пока не выклевалъ весь долгъ, всѣ проценты на него и урожай съ данной десятины. Таковы были обстоятельства Гаврилы въ дѣлѣ по полученіи отъ сына письма.

И нашелъ на него вотъ какой стихъ. Пришелъ онъ домой съ письмомъ на ладони и сѣлъ. Сидитъ и хлопаетъ глазами. На всѣ вопросы и слова хозяйки, освободившейся отъ тяжелаго настроенія послѣ прочтенія письма, онъ отвѣчалъ молчаніемъ и нелѣпой улыбкой. Просидѣвъ такъ половину дня совершеннымъ истуканомъ, онъ положилъ письмо на божницу, пошелъ къ задней лавкѣ, легъ и въ такомъ состояніи провелъ остальную часть дня. Наконецъ, это взорвало и хозяйку, и старуху; обѣ онѣ съ страшными упреками накинулись на Гаврилу. Всякаго дѣла по дому у него накопилось по горло, «а у него вишь брюхо заболѣло... Плесну я вотъ на тебя кипяткомъ, такъ небось зàразъ вскочишь.»

Но разъ пришедшую хворь нельзя было вылечить такъ скоро и такими простыми средствами. Гаврило вообще туго воспринималъ впечатлѣнія и медленно принималъ рѣшенія. На другой день онъ принялся было ходить по дому и поправлять разныя вещи, которыхъ накопилось множество. Слѣдовало бы поправить телегу, у которой еще до зимы переломилась ось; надо было сходить къ кузнецу за лемехомъ, потомъ сходить на мельницу за отрубями для лошади на время пашни и пр. Все хозяйство громко вопіяло своимъ дряхлымъ видомъ. Наконецъ, самъ Гаврило къ этому времени обносился окончательно; у него только остался одинъ ветхій зипунъ, да и тотъ требовалъ починки; а обуви и пояса совсѣмъ не существовало; даже шапки, безъ которой ни одинъ крестьянинъ не рѣшился выѣхать въ поле, у Гаврилы не было, или, лучше сказать, была, но въ невозможномъ состояніи, располосованная недавно щенками. Однимъ словомъ, Гаврилѣ предстояла кипучая дѣятельность.

Digitized by Google

Однако, неожиданная хворь привела его въ изнеможеніе; онъ ни о чемъ не думалъ, руки его опускались, силъ не было. Началъ онъ сколачивать телегу и тесать ось. Тесалъ-тесалъ дерево и зарѣзалъ его, т. е. сдѣлалъ изъ толстаго, дорого стоющаго дубоваго чурбашка тонкую палку, которая годится только собакъ гонять. Эта горькая неудача такъ обезкуражила его, что во весь этотъ день онъ не хотѣлъ приняться ни за что больше. Даже хозяйка перестала ругать его; она съ тревогой наблюдала за нимъ, выражая на своемъ лицѣ жалость. Пошатавшись по двору, Гаврило опять засѣлъ на долго въ избѣ и не разставался съ лавкой, хлопая глазами, нелѣпо улыбаясь. Хозяйка не на шутку перепугалась.

— Что я тебѣ скажу, Иванычъ... Пошелъ бы ты къ управителю, авось и далъ бы. Такъ и такъ, молъ, ваше степенство, ласковѣй этакъ скажи ему, какъ вамъ, молъ, угодно, а одолжите землицы, сдѣлайте такую божескую милость... Какъ же не дастъ? только попроси хорошенько. Я, молъ, завсегда съ преданностью къ вашему степенству... ужь явите божескую милость! Умоляй его ласковостью: сахарный голубчикъ! заступникъ нашъ милостивый! Не оставь погибать бѣднаго человѣка... И все такое прочее. Авось и дастъ, искаріотъ!

Не встрѣтивъ со стороны Гаврилы ни возраженія, ни согласія, хозяйка замолчала, еще болѣе встревожась. Она было посовѣтовала положить въ лѣвый сапогъ богородской травы, такъ какъ это помогаетъ укрощать гнѣвъ суроваго начальника, но и то сейчасъ должна была умолкнуть, вспомнивъ, что у мужа сапоговъ не было. Гаврило на всѣ рѣчи жены отвѣчалъ вздохомъ, или чесалъ спину обѣими руками. Да и едва ли онъ слышалъ что нибудь изъ словъ хозяйки, поглощенный всецѣло своимъ горемъ. Изъ этого тяжелаго состоянія вывели его не слова, а нѣчто другое. Какъ-то къ вечеру онъ вышелъ на дворъ, машинально забрелъ подъ сарай и наткнулся на бурку, единственную и любимую имъ лошадь. Бурка жалобно заржалъ при его входѣ: голоденъ былъ. Это сразу отрезвило Гаврилу. Его съ быстротой молніи поразила мысль, что бурка его на всю зиму останется голоденъ. До сихъ поръ онъ берегъ и лелѣялъ свою лошадь такъ, какъ не хранилъ себя и свое здоровье; когда ему приходилось ѣхать съ кладью, то самъ тащилъ возъ едва ли меньше бурки; самъ иногда голодалъ, но бурка — никогда. Машинально къ Гаврилѣ возвратились всѣ чувства—жалость, страхъ, энергія и жадность.

Былъ уже вечеръ, но это не остановило Гаврилу. Безъ шапки,

Digitized by Google

босикомъ, въ одномъ драномъ зипунѣ, онъ вышелъ изъ дому на поиски, самъ еще не зналъ куда. Онъ только дорогой принялся мучительно соображать, ломая голову, куда ему ринуться. Онъ шлепалъ босыми ногами по лужамъ и грязи, которая обдавала его ноги ледянымъ холодомъ, но чувствовалъ жаръ въ головѣ и выступавшій потъ во всемъ тѣлѣ. Выйдя за околицу, онъ пріостановился, ломая голову — куда идти! А идти непремѣнно надо было, во что бы то ни стало, идти нынче, сейчасъ, чтобы взять пашни непремѣнно, подъ какими угодно условіями. Въ это время ударилъ колоколъ къ вечернѣ — и Гаврило поспѣшно перекрестился, въ одно и то же время обрадовавшись этому звону, который почему-то разомъ прекратилъ его невыносимое, головоломное мученіе, и испугавшись при воспоминаніи, что онъ уже около года не бывалъ въ церкви. За то меня и наказываетъ Богъ, проклятаго! подумалъ онъ и пошелъ обратно въ деревню, по направленію къ церкви. Въ церковь онъ вошелъ тогда, когда уже началась служба. Впереди стояло нѣсколько старухъ, все остальное пространство церкви было пусто. Гаврило выбралъ ближайшій къ двери и самый темный уголъ, гдѣ обыкновенно становились нищіе и калѣки; тамъ онъ притаился и молился. Онъ думалъ поставить свѣчку, но взглянувъ на себя, удержался на мѣстѣ; онъ былъ весь забрызганъ жидкой грязью, которая сидѣла пятнами на его зипунѣ, покрывала толстымъ слоемъ его штаны, блестѣла, какъ вакса на его лапахъ и образовала мокрые, скользкіе слѣды на полу, гдѣ онъ стоялъ. Но ему не надо было свѣчки; онъ горячо, мучительно молился. Онъ зналъ одну только молитву: «Господи Іисусе! Помилуй меня, грѣшнаго!» и ее одну шепталъ, крестясь и дѣлая земные поклоны. Въ это мгновеніе одна у него была просьба — достать пашни. Его сердце кричало: земля, земля!

Когда Гаврило вышелъ изъ церкви, его осѣнила счастливая мысль идти къ Савосѣ Быкову, котораго онъ увидалъ у попа на дворѣ. На этотъ разъ и Савося Быковъ, отличавшійся безталанностью, былъ для него счастливой находкой; для Гаврилы важно было хоть за что нибудь ухватиться и начать, хотя бы съ Савоси Быкова. Послѣдній чистилъ дворъ у попа; земли онъ, конечно, не снялъ; нельзя ли поэтому войти съ нимъ въ компанію? думалъ Гаврило. Явившись на батюшкинъ дворъ, онъ засталъ Савосю въ полномъ вооруженіи, съ лопатой, съ вилами и метлой. Онъ уже около недѣли возилъ соръ, подрядившись вполнѣ очистить Авгіевы конюшни, за что батюшка обѣщалъ выдать ему полпуда муки, десять фунтовъ крупы и 7 копеекъ

Digitized by Google

серебромъ. Савося, обезумѣвшій отъ такого случайнаго счастія, съ страшной энергіей возилъ со двора навозъ; около сорока возовъ уже стащилъ, и торопился поскорѣе вывести остальные сорокъ возовъ, заранѣе предвкушая крупу.

— Чистишь? спросилъ Гаврило, подходя къ нему.

— Ужь сорокъ возовъ стащилъ, отвѣчалъ Савося.

— Ну, ладно. Я къ тебѣ за дѣломъ. — Гаврило разсказалъ ему свое положеніе. Сынъ его не пришелъ и не вернется никогда. Къ мірской землѣ его не пустятъ, да ея такая малость, что одно баловство. Капиталу у насъ нѣтъ... Шипикинскій баронъ не дастъ, Таракановскій баринъ протуритъ.

— Стабо быть, пришла на меня бѣда. Прямо сказать, ложись въ могилу и засыпай себя землей!

Гаврило говорилъ словами отчаянія, но вся фигура его выражала рѣшимость и страшное напряженіе. Онъ какъ сѣлъ по приходѣ на кучу сора, такъ и остался неподвижнымъ. Глаза его сверкали, выражая гнѣвъ. Савося Быковъ сначала слушалъ его съ сочувствіемъ и спокойно, не понимая еще, съ какимъ дѣломъ къ нему обращался Гаврило.

— Ежели бы я одинъ приперся къ Таракановскому... да, нѣтъ! лучше и не показывайся! сказалъ Гаврило.

— И глазыньки не показывай, подтвердилъ Савося.

— Не дастъ. Обругаетъ, обшельмуетъ, а не дастъ.

— Жидоморъ!

— Сейчасъ, какъ только явишься къ нему, онъ прямо въ книгу лѣзетъ. А-а-а! это ты Гаврило? спрашиваетъ.

— Лютъ! согласился Савося, приходя постепенно въ возбужденное состояніе. Онъ припомнилъ свои многочисленныя похожденія у Таракановскаго барина.

— Особливо, ежели у меня долгъ, продолжалъ Гаврило. — Долженъ же я ему за прошлую весну, да муки бралъ пудовъ эдакъ съ пять... Придешь теперь къ нему: за тобой числится восемдесятъ цѣлковыхъ, скажетъ... А какіе восемдесятъ цѣлковыхъ—неизвѣстно. Словно какъ бы коломъ ударитъ въ голову. Стоишь, какъ безумный! Ежели теперь я предъявлюсь къ нему, онъ перво на перво этимъ коломъ огрѣетъ: подавай восемдесятъ цѣлковыхъ! Ежели спросишь, какіе такіе восемьдесятъ цѣлковыхъ — въ шею прогонитъ, а ежели посулишь уплатить — тоже въ шею.

— Не иначе, какъ въ шею! подтвердилъ и Савося.

— Вотъ и пришелъ къ тебѣ, Савося. Сдѣлай милость, пойдемъ сообща, чтобы разомъ... Нагрянемъ на него—ты съ одной стороны, я съ другой—не выдержитъ. Какъ ты полагаешь?

Digitized by Google

При этомъ предложеніи, Савося Быковъ даже вздрогнулъ; сердце его екнуло отъ страха. Это Савосѣ-то идти къ Таракановскому барину! Да онъ съ давнихъ поръ наводилъ на него страхъ однимъ своимъ именемъ, потому что именно этотъ баринъ и привелъ его къ краю погибели, запутавъ его и сдѣлавъ рабомъ своимъ. Савося прежде снималъ землю, работалъ, и постепенно получилъ такое отвращеніе къ этой съемкѣ и къ этой работѣ, что пугался всякій разъ, какъ только вспоминалъ о нихъ. Какое-то жуткое, хотя и безсознательное чувство, ныло въ немъ и сосало его всякій разъ, какъ онъ слышалъ имя Таракановской усадьбы.

Конечно, Савося много былъ долженъ, такъ много, что не могъ выговорить цифру долга и потому былъ совершенно равнодушенъ къ ней; но его пугалъ не долгъ, не эта громадная, сумасшедшая цифра, а самая таракановская работа, таракановская земля, таракановскіе мировые судьи, однимъ словомъ, все, что напоминало ему неволю, египетскія работы и рабскій хлѣбъ. И вотъ Гаврило предлагаетъ ему идти въ ненавистную усадьбу.

— Боюсь я! сказалъ, наконецъ, Савося, послѣ долгаго молчанія.

Гаврило не возражалъ. И ему стало вдругъ почему-то жутко. Оба молчали.

— Такъ не пойдешь?

— Слопаетъ онъ меня! Проговорилъ съ ужасомъ Савося.

Потомъ Савося засуетился около навоза, ринувшись валить его на возъ съ удвоенной скоростью. Гаврило больше не прерывалъ его занятіе, и если не вставалъ и не шелъ, то потому только, что не зналъ, куда теперь идти, что дѣлать? Для него было только ясно, что онъ напрасно обратился къ Совосѣ, даромъ потратилъ время.

Савося былъ измотавшійся, пустой мужикъ, за душой котораго не осталось ничего цѣльнаго. Все ушло *въ долгъ*, въ которомъ онъ завязъ по уши. Съ перваго раза это явленіе кажется самымъ обыкновеннымъ. Ну, долженъ — и конецъ, у кого же нѣтъ долговъ, и кто же не раззоряется! Но съ нѣкотораго времени многимъ этотъ долгъ кажется нѣсколько подозрительнымъ, почти фальшивымъ. На Савосѣ лежалъ особенный долгъ, ни въ какомъ другомъ классѣ незнакомый. Этотъ долгъ такъ обширенъ и необъятенъ, что, наконецъ, съ недоумѣніемъ спрашиваешь себя—да дѣйствительно ли Савося Быковъ долженъ кому нибудь? Подозрительнымъ кажется именно эта необъятность Савосиныхъ обязательствъ: долженъ онъ въ волость, долженъ Ши-

Digitized by Google

никину, долженъ Тараканову, долженъ Рубашенкову и какому-нибудь конокраду, долженъ кулаку и всякому другому прохвосту, кому только не лѣнь взять его за шиворотъ и обязать. Если бы еще Савося сидѣлъ сложа руки, пьянствовалъ и развратничалъ, какъ кутила другого класса, тогда этотъ поразительный долгъ былъ бы нѣсколько понятенъ; но Савося, въ обыкновенномъ смыслѣ велъ честную жизнь: работалъ, чтобы достать пудъ муки, пилъ вмѣсто вина ядъ, чтобы на мгновеніе отравить себя и развратничалъ развѣ тѣмъ, что ходилъ иногда голымъ, потерявъ стыдъ къ такому безобразію. Просто беретъ сомнѣніе, какъ это человѣкъ съ такими ограниченными, почти нелѣпыми потребностями, удовлетворяющимися мукой и ядомъ, вдругъ оказывается всеобщимъ должникомъ, при томъ такимъ должникомъ, который всѣми признается безнадежнымъ, и долгъ котораго неоплатенъ? Съ такимъ обязательствомъ, съ такимъ *долгомъ* найти въ другомъ классѣ нельзя ни одного человѣка; чтобы отыскать для Савоси Быкова подходящую пару, нужно спуститься ниже человѣка, взять домашнюю скотину, которая, дѣйствительно, всякому хозяину должна и обязана все дѣлать; между тѣмъ, Савося—человѣкъ, при томъ человѣкъ довольно хорошій, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, настолько хорошій, насколько это допускается жизненными условіями его.

Пустая жизнь сдѣлала Савосю пустымъ. Жилъ онъ, какъ говорится, чѣмъ Богъ пошлетъ. Не имѣя ничего за душой, никакой опредѣленной мысли, ни даже опредѣленнаго существованія, онъ метался со дня на день — въ одномъ мѣстѣ наткнется на барина и своими услугами выхлопочетъ себѣ нѣсколько копеекъ, въ другомъ — поймаетъ временную работу и добудетъ хлѣба, тамъ что-нибудь словитъ—и живъ. Никакихъ обязанностей онъ за собой не признаетъ, просто забылъ о нихъ, никакихъ долговъ не платитъ и всегда доволенъ, мучась только тогда, когда «жрать нечего». Сдѣлавшись самъ пустымъ мѣшкомъ, онъ и всѣхъ остальныхъ людей дѣлилъ на двѣ половины, на такихъ, отъ которыхъ можно чѣмъ-нибудь попользоваться, и на такихъ, съ которыхъ содрать нечего. Встрѣчаяся въ первый разъ съ человѣкомъ, онъ прежде всего соображалъ — дастъ тотъ ему что-нибудь, или не дастъ? Если видѣлъ, что не дастъ, то относился къ нему съ глубокимъ равнодушіемъ и нѣсколько даже презрительно, не желая пошевелить пальцемъ, или губами для такого «жидомора», но если судьба натыкала его на человѣка, подходящаго въ смыслѣ муки, тогда онъ сразу преображался, обнаруживая такую энергію и суетливую старательность, что

Digitized by Google

трудно было и понять, откуда столько силы берется въ этомъ мужичкѣ, обыкновенно апатичномъ и сонливомъ. Онъ дѣлался неистовымъ въ работѣ, какъ въ послѣднемъ случаѣ у попа, гдѣ онъ копался въ сору по пятнадцати часовъ въ сутки, не уставая и требуя лишь краюшку хлѣба побольше.

Живя постоянно этимъ пустымъ существованіемъ, свыкнувшись съ нимъ, видя позади и впереди себя тоже самое пусгое существованіе, подъ которымъ подразумѣвается лишь краюшка хлѣба, онъ постепенно бросилъ съемку земли, да и мірской надѣлъ обработываетъ съ грѣхомъ пополамъ. Стоило только посмотрѣть Савосю Быкова во время пашни: самый это злосчастный человѣкъ! Еще не выѣзжая въ поле, онъ уже разъяренно ругался, вопилъ, безумствовалъ, словно въ судорогахъ. Все у него валилось изъ рукъ и ничего не клеилось. Бранный ревъ его раздавался, какъ будто его рѣзали. Оказывалось вдругъ, неожиданно для него самого, что лошадь у него не кормлена, настоящей сбруи нѣтъ, соха валялась гдѣ-нибудь на огородѣ; какой-нибудь кнутъ — и того въ наличности не было. Савося метался. Наконецъ, кое-какъ напичкавъ захудалую лошадь соломой, отыскавъ соху, перевязавъ мочалкой сбрую и взявъ замѣсто кнута обрывокъ веревки, или прутъ, выдернутый изъ плетня, Савося былъ готовъ. «Н-но! Господи благослови!» Выѣзжалъ со двора. Поѣхалъ. Но вотъ выѣхалъ онъ въ поле, поставилъ соху, двинулъ лошадь веревкой и потащился... «Стой! песъ тебя съѣшь!» оретъ онъ уже черезъ минуту. Оказалось, что подпруга у него расползлась, не лопнула, а именно расползлась. Съ этой минуты все у Савоси поползло! Реветъ онъ благимъ матомъ, лается. Надъ пашней стоитъ неумолкаемый вой. Все у него ползетъ врозь — дуга, гужи, возжи, соха — все это лѣзетъ, трещитъ, ломается. Лошадь, и безъ того съ ребрами наружу, теперь еле-еле переводитъ духъ, задерганная хозяиномъ. Савося на нее накидывается, срывая на ней свою злобу и муку. Онъ дергаетъ животное за возжи, лупитъ его по ребрамъ прутомъ, и разъярившись до иступленія, подступаетъ къ нему съ кулаками и жаритъ по мордѣ. Наконецъ, истыкавъ землю, измученный, съ измученной лошадью, съ расползшейся сбруей, ѣдетъ домой, кидаетъ на дворѣ и лошадь и сбрую, и лѣзетъ на печь отдыхать отъ этого страшнаго дня, который онъ долго помнитъ.

Погруженный въ глубокую задумчивость, Гаврило, наконецъ, поднялся съ своего мѣста и собрался уходить. Но Савося еще нѣкоторое время задержалъ его.

— А что̀, Гаврило, ежели бы попросить у таракановскаго хоть съ пудикъ? спросилъ оживленно Савося.

*

Digitized by Google

— Не дастъ.

— Пожалуй, что оно такъ и выходитъ. Ну, а ты какъ пойдешь къ нему?

Гаврило съ мрачнымъ отчаяніемъ покачалъ головой.

— А ежели ты землишки достанешь, такъ ужъ не забудь меня, позови пахать. Живо я это дѣло оборудую, вполнѣ положись! А насчетъ того, что у меня у самого пахаты чуть-чуть, дня на два, такъ ты ужъ мнѣ доплати, какъ люди.

Гаврило молчалъ.

— Дашь полпудика—и то слава тебѣ Господи. Скажу тебѣ такъ, то есть прямо выворочу съ корнемъ, вѣрно тебѣ говорю. А заплатишь, какъ люди.

Гаврило молчалъ.

— Мнѣ хошь полпудика, да крупы чуть-чуть—и того довольно. Чай, тоже свои люди.

— Да нѣтъ у меня земли, пустомеля! Нѣтъ земли, пустая башка! нѣтъ! крикнулъ съ глубокимъ волненіемъ въ голосѣ Гаврило и зашагалъ прочь съ попова двора.

Къ Гаврилѣ возвратилось сознаніе безнадежности. Къ кому теперь идти? По дорогѣ у него стоялъ домикъ учителя, туда онъ и забрелъ, забрелъ такъ себѣ, безъ дѣла, безъ опредѣленной мысли, съ смутнымъ желаніемъ поговорить, потому что одному ему страшно казалось остаться. Дѣйствительно, Гаврило зашелъ, посидѣлъ, поговорилъ, добродушіе учителя нѣсколько размягчило его боль. Кромѣ того, учитель подалъ ему благой совѣтъ: попросить зятя снять на свое имя землю; зятю, Болотову, окрестные помѣщики вѣрили больше, какъ человѣку довольно состоятельному. Гаврило и самъ удивлялся, какъ не пришла ему въ голову такая мысль: снять землю на чужое имя! Пусть земля пройдетъ хоть черезъ сотню рукъ, лишь бы она ему досталась. А что она ему достанется, за это онъ ручается головой, и онъ поколѣетъ, а ужъ землю достанетъ.

Гаврило высказалъ это съ сдержаннымъ гнѣвомъ и съ явнымъ волненіемъ. Онъ преображался въ такія минуты, когда говорилъ или занимался дорогимъ дѣломъ. Этотъ невзрачный человѣкъ, ободранный, выщипанный, безъ шапки и съ голыми ногами, покраснѣвшими отъ ледяной стужи, какъ гусиныя лапы, удивительно, какъ этотъ пугливый крестьянинъ вдругъ превращался въ задумчиваго или взволнованнаго, умнаго или гнѣвнаго человѣка, въ которомъ вдругъ начинаютъ свѣтить человѣческія черты.

— Ужъ я добуду! шепталъ Гаврило, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ

Digitized by Google

онъ сидѣлъ, учитель увидалъ двѣ горящія точки, но самого Гаврилы не было видно среди сумерекъ вечера.

— Про то я и говорю. Развѣ тебѣ не все равно, какъ ни добыть, только бы добыть, а ужь тамъ зять ли, сватъ ли, главное—земля. Конечно, тяжело, что и говорить! Если аренда черезъ двое рукъ пройдетъ, такъ она въ какую цѣну влѣзетъ?

— Прямо надо говорить, въ дорогую цѣну влѣзетъ. И думаю теперь насчетъ бычка: пропалъ мой бычокъ! прибавилъ неожиданно Гаврило.

— Какой бычокъ? спросилъ учитель.

— Собственный мой, кровный. Самъ я его поилъ, вотъ изъ этихъ самыхъ рукъ...

Гаврило показалъ руки. Но учитель изъ этого еще не понялъ.

— Ну, такъ что же, что поилъ. И продолжай поить, возразилъ учитель.

— То-то что не рука! Говорю тебѣ—пропалъ мой бычокъ!

— Да что же, околѣлъ онъ, или захворалъ?

— Бычокъ? А вотъ какъ разсуждаю теперь насчетъ бычка: вѣдь ежели къ примѣру я пойду къ зятюшкѣ, что̀-жь ты думаешь—задаромъ онъ пойдетъ для мена?

— Само собой, нѣтъ; не таковскій человѣкъ.

— Вотъ то-то и оно-то. Когда еще онъ приставалъ ко мнѣ съ этимъ бычкомъ—продай, да продай, а какой шутъ ему продастъ, если еще онъ хочетъ заполучить его за безцѣнокъ, да ежели и бычокъ-то не ребенокъ ужь, а цѣлый быкъ. Кормилъ я его, кормилъ, поилъ, поилъ, все думалъ поправиться на немъ—анъ нѣтъ! не привелъ Господь самому своего кровнаго бычка выхолить, не рука! Иди бычокъ къ любезному сродственнику, иди, милый, къ Семкѣ Болотову подъ ножъ! Прощай, мой бычокъ! Не рука мнѣ поить-кормить тебя. Не поминай меня лихомъ...

Синицинъ не безъ удивленія выслушалъ этотъ взрывъ отчаянія крестьянина, въ которомъ быстро чередовались самыя противоположныя чувства.

— Ну, что тутъ заранѣе убиваться! Можетъ, онъ бычка-то твоего и не отниметъ, замѣтилъ съ сочувствіемъ учитель.

Гаврило не возразилъ, только покачалъ головой. Онъ вдругъ заторопился уходить и принялся шарить возлѣ порога, гдѣ сидѣлъ, ища свою шапку. При тускломъ свѣтѣ сумерекъ, которыя уже давно настали, плохо было видно, и Гаврило искалъ долго и безуспѣшно. Видя безуспѣшность поисковъ, учитель самъ началъ помогать ему, съ недоумѣніемъ оглядывая всѣ углы своей

Digitized by Google

хаты, спрашивалъ ребятъ, не они ли куда затащили, пока, наконецъ, не спросилъ тревожно—да точно ли у Гаврилы была шапка? Гаврило вдругъ оторопѣлъ, спутался: вѣдь дѣйствительно шапки у него не было. Онъ смущенно распрощался съ учителемъ и вышелъ, сопровождаемый ласковымъ и печальнымъ взглядомъ учителя.

Прійдя домой, Гаврило посидѣлъ на обычномъ мѣстѣ на лавкѣ, похлопалъ глазами, смотря на жену, какъ она укладывала ребятъ спать и собиралась сама лечь въ постель, но ничего не отвѣтилъ на вопросъ жены: «должно быть, не солоно хлѣбавши!» Онъ отправился въ загонъ, къ бычку. Тотъ уже давно лежалъ на соломѣ и сопѣлъ. Гаврило погладилъ его по шеѣ и потомъ принесъ ему пойло, съ простоквашей, отрубями и кусками хлѣба. Гаврило въ эту минуту отдалъ бы ему весь хлѣбъ, но не нашелъ — должно быть, за день весь вышелъ. Гаврило гладилъ животное по головѣ, трепалъ по шеѣ. На слѣдующее утро онъ еще разъ напоилъ его, вставъ чуть свѣтъ, когда только что пѣтухи запѣли. «Кушай, кушай!» говорилъ Гаврило, лаская животное за уши. Когда бычокъ все съѣлъ и сталъ лизать хозяину руки, принявшись вслѣдъ затѣмъ жевать подолъ его рубахи, Гаврило не выдержалъ: на глазахъ его навернулись слезы, онъ съ размаху ударилъ теленка и вышелъ изъ загона.

Конечно, онъ забылъ обо всемъ, постаравшись выбросить изъ головы бычка, когда пришелъ къ зятю, чтобы уговорить его похлопотать на счетъ аренды. Въ минуту прихода Гаврилы, зять занимался приготовленіемъ къ базару, куда онъ долженъ былъ повести ленъ, пеньку, лапти, гужи и прочіе предметы, скупленные имъ по мелочамъ у деревни. Онъ занимался рѣшительно всѣмъ, кромѣ сельскаго хозяйства. Понадобилось молоко — онъ бралъ молоко; скупить нѣсколько фунтовъ шерсти — везетъ шерсть. Особеннаго барыша эта перепродажа не приносила, но онъ жилъ—и этого вполнѣ достаточно, жилъ несравненно лучше тестя и большинства жителей, понявъ хорошо, что въ теперешнее время надо быть «на всѣ руки». Сметливый и юркій, какъ угорь, онъ проползалъ довольно ловко сквозь деревенскія непріятности въ родѣ «нужды», голодухи, безденежья. Копейка у него всегда была, заработанная такимъ образомъ: одинъ грошъ онъ выторговывалъ у мужиковъ, другой грошъ выманивалъ у торговцевъ — вотъ и копейка! Такихъ угрей въ нынѣшней деревни завелось много. Чѣмъ-нибудь надо жить! Такіе жители ни для деревенскаго обывателя, ни для человѣка развитаго не симпатичны, но они не подлы, хотя и не честны. Что касается

Digitized by Google

собственно Болотова, онъ былъ человѣкъ терпимый. Правда, терся онъ между всѣми, нѣсколько изнаглѣлъ, но понималъ и нужду, зная ее по своему опыту.

— На базаръ? спросилъ Гаврило, смотря на суетливую фигуру зятя, раскидывавшаго свой товаръ по сортамъ.

— А, это ты, тестюшка? болтливо возразилъ зять.

— Да, зашелъ по пути, попровѣдать...

— Милости просимъ... Точно, что на базаръ. Нельзя! Я бы теперь лежалъ на боку, да калупалъ въ носу, а тутъ вотъ поѣзжай въ городъ. А прибытокъ — еще какъ Богъ дастъ. Одно безпокойство!

— Ужь и безпокойство! вяло возразилъ Гаврило, все время думавшій, какъ бы начать разговоръ, и совершенно равнодушный къ многочисленнымъ предметамъ, въ безпорядкѣ раскиданнымъ по сѣнямъ. У него стало ныть сердце отъ ожиданія.

— Эка сказалъ! Тутъ какъ въ котлѣ кипишь, нѣтъ никакого тебѣ покою, а онъ не вѣритъ! разгорячился Болотовъ. — Ты вонъ лежишь всю зиму на печи, да паришь кости, а мнѣ и зимой жарко! вотъ какъ ты долженъ разсудить. Напримѣръ, гляди вотъ сюда—ленъ! Какъ ты понимаешь его въ своемъ воображеніи? Ты думаешь—купилъ, свезъ, спустилъ и все дѣло въ шляпѣ? Никакого размышленія больше и не требуется? Нѣтъ, братъ, это ты не дѣло говоришь. Ленъ льну розь. Во-первыхъ, вотъ гляди, ленъ желтый, будто на немъ корова лежала, а вотъ эта горсть сизая, какъ голубь, это значитъ худой, вымоченный ленъ, такъ надо прямо говорить, негодный, и ежели ты не будешь ломать головы, такъ лучше прямо бросай дѣло, отходи прочь, все равно, какъ дуракъ. Надо, чтобы покупатель зарился, чтобы разныя штуки перемѣшаны были ровно, чтобы ленъ горѣлъ, а на это нужно умъ. А то выѣдешь ты со своимъ добромъ на промыселъ, а онъ, этотъ ленъ-то, такъ тебя огрѣетъ по затылку, что ничего отъ него не останется... Вотъ я про что говорю.

— Это вѣрно, всякое рукомесло... вставилъ Гаврило съ возростающей тоской ожиданія.

— Про что же я и говорю! Безъ ума въ нынѣшнія времена не проживешь, продолжалъ Болотовъ. Онъ собралъ, разсматривалъ ленъ, который дѣйствительно горѣлъ у него, какъ солнце, и принялся осторожно перекладывать яица. — Безъ ума, братъ, нынче плохое житье. Возьмемъ, напримѣръ, яйцо. Конешно, оно яйцо; бываетъ яйцо пахучее, съ духомъ, бываетъ болтунъ — это всякій понимаетъ. А ты сдѣлай такъ, чтобы твое яйцо, съ духомъ ли, болтунъ ли—все одно, чтобы оно сплошь

Digitized by Google

было вполнѣ чистое, торговое яйцо, разложи его, какъ слѣдуетъ. Такъ вотъ и подумай! ой-ой, какъ, подумай, какъ его раскласть, чтобы покупатель не обратилъ вниманія. Иная женщина-то придетъ на базаръ и только думаетъ, какъ бы подешевле, ну, съ этой глупой не надо и разговоры разговаривать; другая же попадется ка-аррахтерная; придетъ, обнюхаетъ, ощупаетъ, да такъ тебя обойдетъ, что и свѣту не взвидишь! Бываетъ, что подходитъ она прямо, Господи благослови, къ кошелкѣ, да цапъ за болтунъ! такъ ужь тутъ сиди и молчи; ежели она добрая — только плюнетъ и отойдетъ, а попадись—долго ли до грѣха—характерная, долго ли до грѣха, такъ она тебя при всемъ стеченіи народа нетолько осрамитъ, да и морду-то твою этимъ болтуномъ вымажетъ—вотъ какіе бываютъ случаи! Стало быть, ты все это строго долженъ держать въ воображеніи, а коль скоро нѣтъ у тебя головы, такъ одинъ грѣхъ.

— Да ужь, чай, грѣха въ эдакомъ дѣлѣ много?

— Не то, чтобы грѣхъ, а безпокойно! Словно какъ бы въ кипяткѣ варится голова... Думаешь-думаешь, ломаешь-ломаешь башку — инда хворь на тебя найдетъ, словно какъ бы туманъ или эдакое затмѣніе ума... Возьмемъ опять вотъ творогъ... Ой-ой! какъ онъ достается дорого.

Болотовъ перебиралъ разныя вещи, приготовляя ихъ для продажи и разсуждалъ о каждой съ такими подробностями, что разговору и конца не предвидѣлось.

Гаврило молча, съ замираніемъ слушалъ, пропуская мимо ушей большую часть разговоровъ зятя и все собирался высказать о мучившемъ его дѣлѣ; онъ даже и ротъ уже открывалъ, какъ зять ужь продолжалъ снова свой безконечный разговоръ. Наконецъ, онъ не могъ дольше сидѣть спокойно.

— Сёма! Сдѣлай ты мнѣ одолженіе, въ ноги тебѣ поклонюсь, выручи меня изъ бѣды! заговорилъ, волнуясь, Гаврило.

— Значитъ, худо тебѣ? сочувственно освѣдомился зять.

— Какъ теперь Ивашка у меня сбѣжалъ, и достатку у меня нѣтъ, а барину на глаза не показывайся, началъ было Гаврило, но вспомнилъ сразу весь ужасъ своего положенія и не могъ говорить.

— Ну?

— Спаси мою душу! Я ужь тебѣ удружу.

— То-есть на счетъ какого предмета?

— Земли у меня нѣтъ—вотъ какой мой предметъ! Нѣтъ земли—вотъ и весь предметъ... Ты бы взялъ для меня репду, тебѣ повѣрилъ бы баринъ... а?

Digitized by Google

Зять на нѣкоторое время задумался.

— Сема!

— Что?

— Сдѣлай милость! не оставь старика. А бычокъ... пущай бычокъ идетъ тебѣ по уговору.

— Что мнѣ твой бычокъ! заговорилъ торопливо Болотовъ.— Бычокъ для меня маловажная причина. Ты думаешь, я радъ? А спросилъ бы ты, сообразилъ, что такое есть для меня бычокъ? какой въ немъ прокъ существуетъ... Да ладно; такъ и быть, сродственнику удружить надо... А что касательно бычка, прямо я скажу тебѣ, нѣтъ мнѣ въ немъ корысти.

Дѣло было спѣшное, ждать Гаврилѣ нельзя было; Болотовъ это понималъ и немедленно согласился, въ сопровожденіи тестя, идти къ Шипикину. Впрочемъ, Гаврило, какъ было рѣшено, не долженъ казать глазъ. Отправились.

Оба были возбуждены, хотя по разнымъ причинамъ: тесть думалъ о Шипикинѣ, зять распредѣлялъ мысленно части бычка на предстоящій базаръ. Это была сложная умственная работа; требовалось сообразить бычка всего, до мелкихъ подробностей. Взять и заколоть скотину, потомъ свезти тушу на базаръ—это, конечно, дѣло не мудренное. Но Болотовъ изъ всего привыкъ извлекать часть пользы, хотя бы на грошъ, но пользы. Онъ думалъ о томъ, куда дѣвать рожки, нельзя ли извлечь пользу изъ копытъ? Точно также и шерсть теленка долго занимала его голову; онъ вспомнилъ, что изъ коровьей шерсти ткутъ половики, но отъ кого онъ это слыхалъ, гдѣ покупаютъ такую шерсть, куда, въ какомъ видѣ ее надо представить—этого, хоть убей, онъ не могъ вспомнить! Онъ безпощадно ломалъ голову, но ничего не могъ придумать по всѣмъ этимъ вопросамъ. Онъ былъ самъ не радъ, что всѣ эти предметы лѣзли ему въ голову, мучили его, тѣмъ не менѣе, выбросить ихъ изъ своей головы было не въ силахъ, какъ какое-нибудь бѣсовское навожденіе. Таковъ ужь былъ характеръ его жизни. Какъ человѣкъ, одаренный отъ природы шустрымъ умомъ, онъ волей-неволей вѣчно искалъ предметовъ для размышленія и изобрѣталъ способы улучшить жизнь, побѣдить наготу свою и незащитность, возвыситься надъ окружающей темной бѣдностью; но какъ человѣкъ голый, живущій въ голой деревнѣ, дошедшей до страшно пустой жизни, онъ, также волей-неволей, долженъ былъ пробавлять свой умъ пустяками и вертѣться между пустяшныхъ дѣлъ. Разумѣется, пустяшныя дѣла могли дать ему барыша только по грошу каждое, и съ помощью ихъ нельзя серьёзно скрасить свою жизнь,

Digitized by Google

вслѣдствіе чего количество этихъ пустяшныхъ дѣлъ разрослось у него непомѣрно. Онъ рѣшительно всѣмъ занимался; яйца, молоко, кожи, шерсть, свиная щетина—это только примѣръ; на самомъ же дѣлѣ сфера его промышленности были необъятна. И надъ каждымъ изъ этихъ пустяшныхъ дѣлъ онъ задумывался, на всякую промышленность онъ тратилъ пропасть ума, изобрѣтательности, ловкости, почти генія. Безошибочно можно сказать, что вся мозговая дѣятельность жителей описываемаго округа, весь прогрессъ мысли, все развитіе умственности шло именно въ этомъ направленіи. Выдумать грошовую промышленность, расширить количество грошовыхъ промышленностей — въ этомъ и состояло все умственное развитіе, добытое послѣ освобожденія изъ крѣпостного состоянія. Подобному направленію, впрочемъ, можетъ быть, въ значительной степени помогала старинная, обще-русская, прославленная, но на самомъ дѣлѣ гнусная «смекалка», которая учитъ человѣка «на обухѣ рожь молотить» и приспособляться къ самымъ отвратительнымъ гадостямъ.

Такъ они шли, думая каждый о своемъ дѣлѣ, шли въ первое время молча, шли, обмѣниваяся безсознательными фразами. Путь былъ до Шипикина далекій, почти на цѣлую половину дня, и свободнаго времени для разговора такъ же, какъ и для молчанія оставалось бездна. Гаврило смотрѣлъ подъ ноги, да такъ и шелъ, не поднимая головы, наклоненной книзу свинцовой думой; Болотовъ, напротивъ, ѣздилъ глазами по сторонамъ, ни минуты не останавливая ихъ на какомъ-нибудь предметѣ, что, можетъ быть, зависѣло оттого, что онъ все продолжалъ распредѣлять части бычка, количество которыхъ разрослось до невѣроятнаго множества.

— Да, тутъ, братъ, бываетъ такъ, что и идти незачѣмъ, продолжалъ вслухъ свои размышленія Болотовъ, говоря все о томъ же бычкѣ, хотя упоминать именно о немъ все какъ-то стыдился:—со стороны, оно, конешно, дѣло выходитъ просто. Между же прочимъ, онъ тебя огрѣетъ! Ты походи около него, да обнюхай, да сообрази, съ какой стороны подойти къ нему... Ежели же ты подойдешь не съ той стороны, да сунешься безъ всякаго соображенія—никакого толку не получишь. Развѣ какую ни на есть сущую бездѣлицу!

— Бездѣлицу, ужь это какъ есть! сказалъ Гаврило тревожно.

— Про то я и говорю. Хлопотъ, ходьбы по горло, а интересу мало. И обидно, даже очень обидно!

— Вѣрно. Ужь если интересу мало, такъ какъ же не обидно? отъ всей души согласился Гаврило.

Digitized by Google

— Ходишь, ходишь иной разъ, языкъ высунешь, голова кругомъ пойдетъ, да вдругъ возьметъ тебя зло, да такъ разгоришься, что плюнулъ бы на все и больше ничего. А почему? Интересу мало. Такъ и теперь — не очень-то одолжилъ ты меня! Иди вотъ, бѣги, верти хвостомъ, а интересу получишь бездѣлицу.

— Иной разъ ничего не получишь отъ него—это вѣрно! взволнованно проговорилъ Гаврило и не могъ скрыть ненависти.—А сладко говоритъ! Ужь мелетъ-мелетъ тебѣ, думаешь: ну, слава Богу, дастъ, а глядишь — онъ тебя эдакъ ласково беретъ за плечо, да и пихаетъ въ дверь. Здоровъ точить лясы, чистый Іуда!

Зять, слушая Гаврилу, съ удивленіемъ смотрѣлъ на него. Ему стало очевидно, что они говорили про разные предметы. Онъ обозлился.

— Да ты про кого говоришь? спросилъ онъ вдругъ и злобно посмотрѣлъ на Гаврилу, который, въ свою очередь, пришелъ въ изумленіе.

— Я-то? Я про барина, про Шипикинскаго, отвѣтилъ смущенно онъ.

— Эхъ, ты головушка! Ушами ты слушалъ или... Я ему разсказываю про теленка, а онъ... эва куды!.. Ты, братъ, уши-то шире разставляй, а то... Я ему свое, а онъ про Шипикинскаго барина, чудакъ!

Нѣкоторое время оба пѣшехода молчали, стыдясь взаимнаго непониманія, вина котораго, впрочемъ, ложилась на одного Гаврилу, потому что онъ одинъ былъ въ мучительномъ состояніи. Но Болотовъ быстро оправился отъ смущенія и продолжалъ описывать всѣ трудности своей неопредѣленной жизни. Гаврило сталъ слушать со вниманіемъ.

— Такъ вотъ я про то и говорю, про бычка ли, про другое ли что—все единственно, нигдѣ покою нѣтъ, то-есть нетолько что интересу, а даже спокойствія не замѣчаешь, только и дѣлай день-деньской, что бѣгай, какъ собака безъ хозяина. А все отчего? Оттого, что землю бросилъ. Теперь иной разъ и вернулся бы, да ужь боязно, отвыкъ, даже страхъ какой-то...

— Что-жь это ты такъ... Къ землѣ завсегда можно вернуться, отъ нея не уйдешь далеко...

— Да ужь заболтался... Нѣтъ у меня ужь никакой домашности, а заводить съизнова, тутъ и вѣку не хватитъ, задумчиво возразилъ Болотовъ.

— Что-жь ты такъ? вѣдь отъ меня ты отошелъ вполнѣ хозяиномъ, отчего же ты не соблюлъ наслѣдства? Вѣдь мы раздѣлились по-Божески? спросилъ Гаврило.

Digitized by Google

— По Божески, это вѣрно. Ну, только у меня другія мысли были; не рука мнѣ землепашество. Дѣло ужь теперь прошлое, скажу я тебѣ по совѣсти, повѣришь или нѣтъ, скажу какъ передъ Богомъ, тоска меня взяла отъ этого самаго землепашества, и даже такая тоска, что, напримѣръ, кабакъ былъ первѣйшее удовольствіе для меня, такъ и тянетъ, такъ и тянетъ — вотъ ужь до какихъ предѣловъ дошло. Стало быть, отъ судьбы мнѣ не велѣно заниматься хлѣбопашествомъ.

Болотовъ задумчиво говорилъ съ искренней печалью; Гаврило уже съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ.

— Такъ и спустилъ все хозяйство. Говорю тебѣ, судьбы не было. Главное, отчего у меня тоска-то взялась? мысль у меня была одна: утаить ничего нельзя, коль скоро ты землепашецъ есть— вотъ какая мысль забралась. Отъ этого самаго и бросилъ всю домашность. Какъ вспомнишь бывало, что все у тебя на виду, ничего припрятать для себя на черный день не можешь, все у тебя снаружи, приходи всякій и бери, сколько угодно, какъ вспомнишь, что некуда тебѣ схорониться, такъ и тоска. Возьму я къ примѣру себя въ теперешнемъ моемъ положеніи, какъ нѣтъ у меня никакой домашности, и, стало быть, взять у меня нечего, то никакой у меня тоски нѣтъ, заработаю я малую толику и сейчасъ денежки въ кармашекъ—чисто-благородно! Приходи сейчасъ въ моемъ теперешнемъ положеніи староста, старшина, хоть самъ становой, и ежели я самъ расположиться не пожелаю и не выну денежки изъ кармашка, никто ничего не найдетъ. Первымъ дѣломъ—корова есть у тебя? Никакъ нѣтъ. Овцы, телята, свиньи по двору ходятъ? Никакъ нѣтъ съ. Лошадь есть? Только и есть что одна... Значитъ ничего у тебя нѣтъ? Точно такъ, ваше благородіе... Коль скоро я денежки спряталъ, и ежели не пожелаю самъ расплатиться, то у меня ничего снаружи нѣтъ и никакимъ образомъ ничего не добудетъ. Весь мой животъ въ монетѣ, а монету кто же полѣзетъ считать?

— Никто не полѣзетъ. А землепашцу... возразилъ было Гаврило.

— А у землепашца весь животъ снаружи. Во-первыхъ, скотина, ужь это мало-мало ежели есть одна лошаденка, да коровенка, да три овцы, уже это бѣдно. У меня было въ ту пору двѣ лошади, двѣ коровы съ телкой, семь овецъ, такъ вотъ какъ пустишь ихъ по двору, такъ даже у самаго глаза разгорятся, а не то, что у чужого человѣка. Отъ этого самаго и тоска пошла... Вѣдь нельзя спрятать всю домашность въ карманъ, вся

Digitized by Google

она снаружи, въ глаза хлещетъ. Случилось однажды, такая тоска меня взяла, что я взялъ да и прогналъ всю скотину въ лѣсъ, чтобы то есть схоронить ее. Вотъ хорошо. Прогналъ это я и сейчасъ вижу — валятъ ко мнѣ на дворъ описатели: старшина, староста и прочіе другіе, ну, я вышелъ изъ избы и довольно равнодушно смотрю... Гдѣ, спрашиваютъ, у тебя скотина? Я и говорю — такъ и такъ, коя подохла, кою украли и ничего у меня нѣтъ; ежели бы было, развѣ я самъ не знаю, что надо уплатить? Ужь извините. А коль скоро, говорю, скотины у меня нѣтъ, то и ничего у меня не полагается. Что же касательно, говорю, будущаго года, какъ только поправлюсь, сейчасъ все уплачу, будьте вполнѣ благонадежны, даже съ полнымъ моимъ удовольствіемъ. Говорю я это, да взглянулъ на улицу, а тамъ ба-атюшки! вся подлая-то тварь, скотина-то моя, вижу претъ прямымъ путемъ на свой дворъ, и какъ только ввалилась она на дворъ—и коровы, и лошади, и овцы—увидалъ это старшина мою наглость и подходитъ ко мнѣ, не говоря дурнаго слова, да р-разъ! р-разъ! въ одно ухо, да въ другое! Тутъ я въ ноги повалился... Да ты, чай, слыхалъ?

— Слыхалъ въ ту пору что-то, отвѣчалъ Гаврило.

— Было, все было. Эхъ, да что объ этомъ поминать! съ досадой кончилъ Болотовъ, какъ будто отгоняя отъ себя какія-то темныя воспоминанія.

Нѣсколько минутъ оба пѣшехода молчали.

— Съ этой поры и пошло, значитъ? спросилъ, наконецъ, Гаврило.

— Съ этого и пошло. Главное, эта самая мысль зачала меня мучить: спрятать ничего нельзя. И все мнѣ кажется, что домашностью связанъ я по рукамъ и по ногамъ: подобно рабу я у нея... И зачалъ я пущать все сквозь рукъ; бѣдность, и до того опаршивѣлъ, до той степени ужь дошло, что хоть надѣвай кошель, да иди съ Христовымъ именемъ для ради кусковъ. Ну, однако, Богъ не допустилъ, спасъ, милостивый, не далъ въ конецъ погибнуть. Сталъ я по немногу промышлять и теперь вотъ живу по мелочи.

— Землепашество порѣшилъ совсѣмъ?

— То-то что судьбы нѣтъ. Начни я опять заниматься, и пойдутъ мысли, знаю ужь я! Да и кой шутъ въ теперешнемъ моемъ положеніи приневолитъ къ землепашеству, ежели копейку, какая она ни на есть, сберечь въ карманѣ легче; хочу я ее показать— хорошо, а не хочу, ежели по случаю собственной нужды, не объявить и не объявлю. Потому вѣдь я самъ знаю, когда могу

Digitized by Google

и когда нѣтъ отдавать копейку. Время ужь нынче такое воровское: кто что увидитъ, тотъ то и тащитъ, а кто съумѣлъ вòвремя копейку спрятать, тому ничего, жить можно. Да кабы ежели мнѣ еще земли-то полагалось, а то одна душа, стало быть, нѣтъ никакой возможности мараться—вѣдь я уже все сообразилъ. Ну, однако, сильно беретъ меня раздумье на счетъ земли!

— А что? спросилъ съ живостью Гаврило.

— Думаю, что на счетъ земли чего не будетъ ли. Меня и беретъ раздумье, заниматься ли хлѣбопашествомъ или ужь лучше бросить это дѣло, потому какъ нѣтъ судьбы...

Внутреннее состояніе двухъ пѣшеходовъ совершенно перемѣнилось. Гаврило былъ взволнованъ, Болотовъ сталъ равнодушенъ. Послѣднія свои замѣчанія онъ сболтнулъ такъ, отъ нечего дѣлать, нисколько не вѣря своимъ словамъ, и вралъ, говоря, что «его беретъ раздумье на счетъ земли», вралъ потому, что на самомъ дѣлѣ давно уже и не думалъ объ этомъ предметѣ, сдѣлавшемся для него чуждымъ и не понятнымъ. Между тѣмъ, это вскользь сказанное замѣчаніе вызвало цѣлую душевную бурю въ Гаврилѣ. Онъ что-то вдругъ сталъ припоминать... и припомнилъ! Прошлое, забытое въ продолженіи долгой пустяшной жизни, не позволявшей отдохнуть ни минуты, сразу вернулось, заполонило всю голову бѣдняги и заставило забыть и Шипикина, и бычка, и двѣ десятины, и все, что за минуту передъ тѣмъ казалось ему важнымъ. Гаврило съ какимъ-то ожесточеніемъ запустилъ обѣ пятерни въ волосы, поскребъ съ шумомъ голову и опустилъ руки.

Когда они подходили къ усадьбѣ Шипикина, Гаврило уже оправился отъ нахлынувшихъ на него мыслей. Передъ нимъ снова стоялъ вопросъ жизни и смерти: «дастъ или не дастъ?» Гаврило снова ужасался и, когда они совсѣмъ подошли къ усадьбѣ, онъ выразилъ на лицѣ и въ словахъ величайшій испугъ. «Не дастъ!» рѣшилъ, заранѣе подготовляя себя къ самому худшему. Зять успокоилъ его. Только просилъ не казать глазъ барину, который тогда, ежели откроется обманъ, дѣйствительно, ужь не дастъ. Въ виду этого Болотовъ даже не совѣтовалъ Гаврилѣ совсѣмъ отойти прочь, спрятаться куда-нибудь. Гаврило на все былъ согласенъ, хоть бы въ землю провалиться на время переговоровъ съ бариномъ и ушелъ.

Невдалекѣ отъ самаго дома стоялъ сѣнной сарай, двери его были, къ счастію, отворены, людей вблизи не было, и Гаврило зашелъ туда. Босыя ноги его сильно озябли, да и самъ онъ

Digitized by Google

весь чувствовалъ необходимость обогрѣться, потому что на улицѣ стояла слякоть—шелъ не то дождь, не то снѣгъ, а вѣрнѣе, какіе-то помои лились съ неба. Весна еще не установилась. Чтобы отдохнуть и обсушиться, Гаврило закопался въ сѣно, воткнувъ въ него сперва ноги, потомъ туловище, и оставивъ открытою только голову. Онъ ни о чемъ не думалъ. Передъ нимъ стоялъ двойной вопросъ: дастъ или не дастъ? Его онъ и рѣшалъ, причемъ мысленно хвалилъ барина, въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ, если тотъ воображаемо давалъ ему, или въ самыхъ отборныхъ словахъ ругалъ, если не видѣлъ съ его стороны никакого снисхожденія. Конечно, это нельзя назвать размышленіемъ.

Наконецъ, Гаврило увидалъ зятя выходящимъ изъ дому и вылѣзъ изъ сѣна. Однако, вѣсти были не утѣшительны. Шипикинъ далъ одну десятину. Гаврило, выслушавъ разсказъ зятя, разгорячился. Зять возражалъ и также въ спорѣ сильно разгорячился. — Да вѣдь я-жь тебѣ говорилъ, чтобы двѣ десятины? кричалъ Гаврило.—Да куды тебѣ двѣ, ежели и одна-то тебѣ не по силѣ, потому за нее ты долженъ убрать двѣ десятины травы, да десятину льну, ежели и одна-то тебѣ житья не дастъ, хоть пропадай! кричалъ, въ свою очередь, зять. — Да вѣдь мнѣ же надо двѣ?—Ну, вотъ толкуй тутъ съ нимъ! да какъ же можно двѣ, когда тебѣ и отъ одной-то, можно сказать, мученическая кончина придетъ! И зять, говоря это, еще разъ повторилъ варварскія условія: убрать двѣ десятины лугу, десятину льну и вовремя, мѣсяцъ спустя послѣ уборки хлѣба заплатить громадную арендную плату; если же десятина льну и двѣ десятины травы своевременно не будутъ убраны, то хлѣба Гаврилѣ не видать, какъ ушей; баринъ прямо сказалъ, что въ этомъ случаѣ до снятой десятины онъ не подпуститъ Гаврилу на десять верстъ... «На, вотъ, смотри записку, тутъ все написано», сказалъ зять и подалъ бумажку Гаврилѣ.

Болотовъ былъ правъ; дѣйствительно, отъ такихъ условій можно было принять мученическую кончину; при этомъ, Гаврило еще отдавался живьемъ въ новыя руки, въ руки зятя; отнынѣ зять его былъ кредиторъ. Но Гаврило упрямо стоялъ на своемъ. Взять Шипикинскую десятину онъ согласился, узналъ мѣсто, гдѣ она будетъ отведена ему, помялъ въ рукахъ записку, но мысль, попользоваться еще гдѣ-нибудь десятинкой, не покидала его: это желаніе даже упорнѣе теперь засѣло въ немъ. Онъ простился съ зятемъ, сказавъ, что въ деревню не вернется и попросилъ у него три копейки на хлѣбъ. Послѣ этого, онъ пошелъ прямымъ путемъ къ Таракановскому барину. По дорогѣ

Digitized by Google

къ деревнѣ, лежавшей на его пути, онъ купилъ на три копейки полкоровая хлѣба, и принялся ѣсть на ходу, не останавливаясь ни на мгновеніе и все ускоряя шагъ, который перешелъ въ рысь. Онъ трусилъ, грызъ коровай и думалъ. Думалъ онъ о томъ, какими неправдами еще ухватить одну десятинку у Таракановскаго барина, которому онъ уже давно не показывалъ глазъ. Для него было ясно, что тотъ надругается, прогонитъ, а потомъ черезъ мирового приневолитъ къ работѣ за нескончаемые долги.

Всѣ опасенія Гаврилы сбылись въ точности. Но управитель на этотъ разъ не сталъ ругаться, когда Гаврило поймалъ его у крыльца и даже не взглянулъ на него, а только махнулъ рукой, что̀ означало: «убирайся!» Ему хотѣлось пить чай. Гаврило, однако, не упалъ духомъ; разъ что-нибудь втемяшилось ему въ голову — никакія уже силы не могли выбить изъ него рѣшенной мысли. Теперь онъ рѣшилъ намозолить глаза управляющему — и намозолилъ. Черезъ часъ управляющій вышелъ опять на дворъ, чтобы сдѣлать вечернія распоряженія, но куда онъ только ни шелъ, Гаврило слѣдовалъ за нимъ, не близко, а издали, на почтительномъ разстояніи. Управляющій спустился къ рѣкѣ, гдѣ строили лодку — Гаврило за нимъ; управляющій зашелъ въ коровье сто̀йло—Гаврило остановился сквозь прясла и наблюдалъ за нимъ сквозь щели. Управляющій остановится— и Гаврило также встанетъ, какъ вкопанный, и вперитъ глаза. Управляющій, ничего не видя, чувствовалъ, что за нимъ слѣдятъ. «Отчего онъ безъ шапки и безъ сапоговъ?» подумалъ почему-то управляющій, и ему сдѣлалось неловко. Онъ могъ бы прогнать этого «страннаго мужиченка», но отчего-то не дѣлалъ этого. Напротивъ, онъ старался не оглядываться назадъ, не видѣть и, можетъ быть, въ первый разъ не рѣшился прямо взглянуть въ глаза оборвышу. Все продолжая ходить по усадьбѣ, онъ чувствовалъ, что его спину прожигаютъ два глаза, какъ зажигательныя стекла—чрезвычайно непріятное ощущеніе! Онъ круто повернулся къ преслѣдователю, взглянулъ прямо въ лицо ему.

— Тебѣ что̀ нужно? взволнованно спросилъ управляющій, и не то съ гнѣвомъ, не то со страхомъ, оглядывалъ «страннаго мужиченка» безъ шапки и безъ сапоговъ и забрызганнаго грязью.

— Да все на счетъ давишняго... Сдѣлайте милость, дайте хоть десятинку! проговорилъ задумчиво Гаврило.

— Какъ звать?

— Меня, то-есть? Да, Гаврило Налимовъ, какъ же еще!

Digitized by Google

— Изъ какой деревни?

Гаврило сказалъ. Онъ говорилъ совершенно спокойно. Въ эту минуту онъ сознавалъ, что съ нимъ ничего не подѣлаешь и что никакія угрозы, слова и мученія ничего теперь для него не значутъ.

Тутъ управляющій не выдержалъ, раздраженно заговоривъ. Съ его устъ сорвались страшные упреки и ругательства. Онъ доказывалъ Гаврилѣ, что всѣ жители его деревни негодяи и мошенники, что они берутъ земли даромъ, ничего не платя и не работая на имѣніе, и что онъ давно бы могъ всю деревню продать съ молотка, и если не дѣлаетъ этого, то потому только, что жаль дураковъ, которые отъ своей небрежности, лѣни и пьянства дошли до послѣдняго раззоренія...

— Такъ, стало быть, дашь десятинку-то? спросилъ Гаврило.

Управляющій пожалъ плечами, пораженный этой непобѣдимой неотвязчивостью, и согласился.

Но за это онъ обязалъ Гаврилу, кромѣ арендной платы и разныхъ работъ, вычистить всѣ отхожія мѣста въ усадьбѣ (ждали самого графа изъ Москвы), и притомъ нынче ночью. Впрочемъ, онъ обѣщалъ заплатить. Сейчасъ же онъ крикнулъ сторожа и приказалъ вручить Гаврилѣ лошадь съ телегой, кадушку, лопаты, лампу и прочіе инструменты, а Гаврилѣ приказалъ пока отдохнуть. Гаврило отдохнулъ и, затѣмъ, принялся среди ночи съ величайшей добросовѣстностью за дѣло, которое, правда, было незнакомо ему, но которымъ онъ хотѣлъ отблагодарить управителя. Потому что, въ сущности, Гаврило былъ самъ удивленъ, что добился земли. Къ утру слѣдующаго дня онъ уже съ ногъ до головы былъ забрызганъ вонючею грязью. Управляющій выслалъ ему нѣсколько мелочи и велѣлъ черезъ сторожа передать ему, что онъ доволенъ имъ. Гаврило сіялъ. Не того, чтобы онъ былъ радъ полученнымъ мѣдякамъ, но по всему его существу разлилось чувство успокоенія и сознаніе того, что онъ сдѣлалъ все, что хотѣлъ и что могъ.

Здѣсь кончились на эту весну мученія Гаврилы.

Когда, къ вечеру, онъ вернулся домой, то вдругъ вспомнилъ, что онъ въ эти дни ничего почти не ѣлъ и не спалъ; въ виду этого, онъ наскоро съѣлъ полпирога хлѣба, выпилъ полведра квасу и заснулъ на цѣлыя сутки. Послѣ чего одурѣлъ: вскочивъ съ постели черезъ сутки вечеромъ, онъ вообразилъ, что земли еще не добылъ и что ему надо немедленно бѣжать, чтобы вовремя ухватить хоть малость, и онъ уже готовъ былъ ринуться изъ избы, но былъ остановленъ хозяйкой. «Да ты никакъ оду-

Digitized by Google

рѣлъ!» сказала она, и объяснила, что она уже все приготовила для пашни. Гаврило пришелъ въ себя и окончательно успокоился.

Отдавъ зятю бычка, онъ справилъ себѣ сапоги. Но на пашню не торопился выѣзжать. А когда медлить было больше нельзя, онъ сговорился съ Савосей Быковымъ поѣхать вмѣстѣ. Савося былъ радъ-радёхонекъ, что нашелъ товарища.

Въ первый день ихъ совмѣстной работы, у сохи Савоси отвалился рѣзакъ, во второй день у нихъ ушла лошадь, «шутъ знаетъ куда», ушла на цѣлый день, такъ что только вечеромъ ее отыскали. Савося, при всякомъ подобномъ несчастіи лаялся и метался, какъ будто его поджаривали на медленномъ огнѣ. Гаврило, напротивъ, оставался спокойнымъ, больше молчалъ и работалъ довольно вяло. Ухлопавъ свою крестьянскую энергію на добываніе земли, онъ былъ уже безсиленъ, и настоящей работѣ могъ отдать только уцѣлѣвшій остатокъ растрепанныхъ силъ. Сказать по правдѣ, не въ этомъ только году онъ мучался подъ добываніемъ земли, а много лѣтъ, и усталъ, давно уже усталъ.

Каронинъ.

Digitized by Google

ПРИКАЩИЧЬЯ ВЫУЧКА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Хозяинъ, Илья Егоровичъ.

Пора, однакоже, чтобы читатель кое съ кѣмъ поближе познакомился. И ужь ежели объ комъ говорить, такъ, конечно, первымъ долгомъ объ Ильѣ Егорычѣ, потому что онъ, дѣйствительно, былъ у насъ хозяинъ и всему дѣлу голова. Кое-что при разныхъ случаяхъ сказано; но надо хорошенько все по порядку разсказать.

Родомъ онъ былъ вологжанинъ и привезенъ въ Сибирь мальчикомъ. Родство кое-какое въ купечествѣ было, не важное; однакожъ оно ему въ пользу пошло. Очень рано, году по осьмнадцатому, онъ уже велъ торговое дѣло; и затѣмъ, при большихъ способностяхъ, настойчивости и трудолюбіи, быстро сталъ богатѣть. Начавъ жизнь лавочнымъ мальчикомъ, онъ нетолько не стыдился этого, а, напротивъ, любилъ вспоминать это время. Случалось, дойдетъ до него—все до него доходило, только онъ рѣдко видъ подавалъ—что кто-нибудь обидѣлся, зачѣмъ заставили прислуживать у стола. Внушеніе сдѣлаетъ, объяснитъ, что обижаться этимъ глупо, и себя въ примѣръ приведетъ, какъ онъ лавку подметалъ, да подносы съ чаемъ подавалъ въ такое время, «когда ужь знали люди, что настоящій-то хозяинъ въ дѣлѣ я». Лакеями онъ, дѣйствительно, брезгалъ и старался обходиться парнями, которыхъ бралъ съ тѣмъ, чтобы вывести въ прикащики. Но когда пошли разныя утонченности, требующія лакейской снаровки, пришлось хоть одного привилегированнаго держать. Нечего грѣха таить: грубъ былъ Илья Егорычъ въ обращеніи, дрался. Коли долго не отворяютъ по его звонку, онъ могъ, не войдя и слова не сказавъ, въ рожу мальчику съѣздить. При

*

Digitized by Google

всемъ необыкновенномъ прилежаніи къ дѣлу, онъ въ молодые годы и въ среднемъ возрастѣ кутилъ сильно. Пить онъ могъ необыкновенно много, и хотя пьяный озорничалъ, но противъ прочихъ, въ барышѣ оставался. Въ карты тоже игралъ по очень большой (въ бостонъ, напримѣръ, по рублю), на тысячи; и этихъ тысячъ изъ рукъ не выпустилъ. Въ мое время, разумѣется, ни отъ чего подобнаго и слѣда ужь не оставалось. Только двадцатилѣтніе служаки помнили старину. Сверхъ одной рюмки во время обѣда, онъ теперь капли не пилъ. Въ угоду властямъ, бывалъ иногда принужденъ садиться въ сибирскій вистъ по копейкѣ, но говорилъ, что дороже четверти играть не прилично.

Съ перваго взгляда могъ онъ показаться похожимъ на чиновника. Но черты лица были другія, и въ нихъ ясно сказывался человѣкъ большой силы. И волчій ротъ, и лисій хвостъ несомнѣнно тутъ были; и гнѣвъ, который, дѣйствительно, могъ испугать; и улыбка необыкновенно тонкая была у него, и зловѣщая усмѣшка. Невидимо въ чемъ она выражалась: смѣется лицо и глаза свѣтлые стали. Сконфузится хвастливый человѣкъ, или который обмануть старался, ежели подъ эти глаза попадетъ.

Вставалъ Илья Егорычъ всегда въ шесть часовъ, и вскорѣ затѣмъ появлялся въ кабинетѣ чисто вымытый и причесанный, въ халатѣ. Такъ и оставался до выѣзда или до обѣда. Отъ письменнаго стола онъ въ это время вставалъ развѣ, чтобы проводить гостя поважнѣе, и потомъ съ замѣтной торопливостью возвращался. Раннимъ утромъ, между семью и восьмью, какъ говорилось, «до людей», старались попасть къ нему кое-кто изъ купечества, приближенные люди, пользовавшіеся расположеніемъ, а отчасти и по дѣламъ прикосновенные. Это было самое лучшее время, чтобы переговорить безъ помѣхи, посовѣтоваться, сообщить сплетню, призанять негласно изъ рукъ въ руки нѣсколько тысченокъ. Сообщеній выслушивалъ онъ много, но посѣтители, большею частью, входили съ задняго крыльца, спрашивая, есть ли кто. Ежели сидѣлъ не удобный человѣкъ, не шли: посидятъ въ столовой или къ намъ пройдутъ. И изъ насъ, кому нужно было для развязки на все утро, спросить или доложить о чемъ, старались въ это время улучить минутку. Очень часто онъ въ окно все движеніе во дворѣ видѣлъ, и шагъ каждаго зналъ — иной разъ и самъ позоветъ. Итакъ у него все хитро разсчитано было: иногда только затѣмъ и звалъ, чтобы свидѣтель былъ, чтобы стѣснить, сконфузить непріятнаго посѣтителя, не дать ему говорить. Послѣ восьми часовъ набиралась публика попестрѣе, а съ десятаго часа обыкновенно отдавалось приказаніе:— нѣту дома; а ежели такой-то и такой-то будутъ, проси. Бѣда,

Digitized by Google

ежели мальчикъ передъ чьей-нибудь важностью спасуетъ, и вообразитъ, что отказать нельзя.

Мы имѣли право входа во всякое время, кромѣ, разумѣется, когда въ спальнѣ. Но и то, ежели чувствуешь, что дѣло важное, постучишься. Я нѣсколько разъ стучался. Спроситъ, велитъ войти, или черезъ дверь прикажетъ. Тоже и насчетъ послѣобѣденнаго сна. Спать ему нужно было, хотя бы минутъ двадцать, а ежели время не терпитъ, все-таки пошлешь мальчика разбудить. Въ туже минуту выйдетъ. И никогда онъ за это не сердился, т. е. даже отклика недовольнаго изъ спальни не сдѣлаетъ. Нужно было понимать, что̀ при комъ говорить, когда съ какимъ дѣломъ соваться, ка̀къ незамѣтно напомнить или намекнуть. И ежели кто всѣ эти штуки, какъ игру разыгрывалъ, онъ очень цѣнилъ.

Вообще дѣлалось такъ: письма и телеграммы неси во всякое время, иди прямо, клади, уходи. На телеграммахъ надпись синимъ карандашемъ, крупно, откуда, чтобы онъ сразу зналъ, которую раньше читать. Почту, деньги, бумаги и справки изъ конторы, письма къ подписи, носилъ кто-нибудь одинъ: онъ не любилъ, чтобы непривычное лицо входило въ кабинетъ. Ежели торчишь въ кабинетѣ и видишь въ окно, что несутъ изъ конторы что-нибудь еще, выходишь въ столовую и берешь. Почту на столъ положилъ, а объявленія прямо передъ нимъ. Которое подписываетъ, говори отъ кого и сколько. Съ бумагами идешь, остановись въ дверяхъ. Онъ сидитъ къ тебѣ спиной, пишетъ. Ежели нужно, говори сейчасъ, сразу. А нѣтъ—молчи. Иногда, не оборачиваясь, спроситъ: что? И продолжаетъ писать. Допишетъ, обернется, кому слѣдуетъ руку подастъ. Если призванъ, тоже остановись и жди. Кто съ порученіемъ ѣздилъ, отвѣтъ короткій, положимъ: «Ивана Петровича дома нѣтъ», «кланяется, благодаритъ», «будетъ въ 7 часовъ», и т. д. Говори сразу и уходи. Ежели отвѣтъ длинный—жди. Ни за чѣмъ служебнымъ, хотя бы самымъ пустымъ, домашняя прислуга не разсылалась.

Очень замѣчательная въ немъ черта была, что онъ наушничества не возбуждалъ и любимцевъ не имѣлъ. Онъ зналъ все черезъ бабъ, да и зорокъ былъ очень; но прикащиковъ не разспрашивалъ, и что зналъ негласно, виду не давалъ. А насчетъ любимцевъ не то я хочу сказать, что онъ никого не любилъ. Напротивъ, онъ бывалъ очень расположенъ, и даже такъ, что ему именно пріятно было, чтобы человѣкъ тутъ при немъ въ комнатѣ находился, хотя бы безъ прямого дѣла. У него первый признакъ, что онъ человѣкомъ доволенъ, ежели онъ его тормошитъ. Самыхъ разныхъ порученій надаетъ, а исполнять мѣша-

Digitized by Google

етъ. Позоветъ за чѣмъ-нибудь, и держитъ. Дѣло не терпитъ; а ты часъ и два торчи въ кабинетѣ, пока онъ почту пишетъ или бесѣды ведетъ, а на тебя въ это время взглянетъ или улыбнется. Молодому, положимъ, эти разговоры большая наука, но старику маята одна; въ особенности, какъ одинъ человѣкъ у насъ изъ-за мозолей замшевые сапоги носилъ. Ежели неудовольствіе произошло, а между тѣмъ человѣкъ старается, успѣваетъ—смотришь, помаленьку опалу сниметъ и опять тормошитъ. А ежели сердитъ, сейчасъ же перестаетъ звать; ни о чемъ не спрашиваетъ; всякое дѣло въ двухъ словахъ кончаетъ. Тѣхъ, у кого не было постояннаго дѣла, по мѣсяцамъ безъ занятій держалъ. И ужь такому опальному не давай отъ себя работы, не посылай никуда за самымъ пустымъ дѣломъ, не ставь къ пріемкѣ или накладкѣ товаровъ, ни письма, ни фактуры не давай переписывать. Замѣтитъ, гонка будетъ—не изъ-за этого самаго, а изъ-за чего придется. Одного человѣка полтора года такимъ манеромъ продержалъ: кончилось, что тотъ разсчитался. Изъ всѣхъ насъ, это былъ единственный человѣкъ, довольно глупый. То есть никакихъ обстоятельствъ сообразить не могъ, и все дѣлалъ невпопадъ. Важность на себя напускалъ, и ежели что скажетъ, да ему поддакнуть, обрадуется, и сейчасъ повторитъ громче прежняго: я что же и говорю! Былъ онъ съ Ильей Егорычемъ товарищъ; состоялъ съ нимъ приблизительно въ одномъ капиталѣ, въ карты вмѣстѣ играли; и даже преданіе ходило, будто бы порядочная часть Долгушинскаго капитала въ руки Ильи Егорыча по картамъ перешла. Потомъ пошла дорога разная, и наконецъ, попалъ онъ къ прежнему товарищу въ прикащики. Изъ старшихъ былъ, каждый годъ въ Москву ѣздилъ, а денегъ хорошихъ не нажилъ потому только, что въ дѣлахъ былъ глупъ. Но все-таки, тысячъ двадцать накопилъ. Въ послѣдній разъ, онъ вина въ Москвѣ купилъ. По письмамъ и счетамъ было видно, что покупка плохая: главные сорта дороги, фантазіи разныя допущены; отправка тоже неудачная. Пріѣзжаетъ. Ильи Егорыча не было дома. Матвѣй Терентьичъ его дожидаться не сталъ, одѣлся и поѣхалъ въ гости—и именно въ родственный хозяину домъ, отъ чего умный человѣкъ и во всякое время бы воздержался; потому что Илья Егорычъ никакихъ подобныхъ сближеній не любилъ. Вотъ только что онъ со двора, а хозяинъ во дворъ. Павлушка и докладываетъ: Матвѣй Терентьичъ Долгушинъ пріѣхалъ.—Позови.—Нѣту. Разъ, два, и три—такъ до ночи и не бывалъ. Утромъ—свиданіе...

Кромѣ опалы, ежели недоволенъ, или разсердился, или не въ духѣ—и разговоръ, по человѣку глядя, различный. Самые на-

Digitized by Google

большіе прикащики, главные довѣренные у насъ такіе люди были, что имъ мораль читать или наставленія давать не приходилось. Слышно, конечно, что человѣкъ не доволенъ, брюзжитъ, съ мнѣніемъ несогласенъ, велитъ по своему сдѣлать. Разговоръ, конечно, всегда на «вы». «Ты» только изрѣдка, въ очень дружескомъ тонѣ, при имени и отчествѣ, и то какъ бы для показанія большой близости передъ инымъ, постороннимъ человѣкомъ изъ купечества.—Ну-ка, братъ Геннадій Иванычъ, объясни ты ему, въ какую онъ бѣду съ этимъ дѣломъ влетитъ. Или такъ:—Что, братъ, Богатовъ, оплелъ насъ съ тобой Иванъ Максимычъ; опростоволосились мы. Нѣсколько пониже сортомъ люди назывались также по имени и отчеству, вы или ты, смотря по давности службы и отношеніямъ (первое гораздо чаще). Намъ, мелкотѣ, обознымъ, молодымъ парнямъ, которыхъ кликали по фамиліямъ, не рѣдко тоже приходилось угодить подъ ругань. И тутъ, впрочемъ, разное обращеніе. Илья Егорычъ зорко видѣлъ, какъ на кого дѣйствуетъ, и примѣнялся. Молодыхъ парней иногда ругалъ, и скверныя слова въ поученіе употреблялъ, но безъ всякаго сердца, просто въ родѣ разговора. Иной разъ, ежели человѣкъ по новости или отъ старанія ошалѣлъ, или глупость сдѣлалъ, ему смѣшно, и онъ даже расположенъ къ нему дѣлается. Но только онъ всегда себя выдержитъ; а какъ-нибудь послѣ пошутитъ для ободренія. Дѣйствительно, жестоко и обидно доставалось прислугѣ и эконому, потому что тутъ были отношенія, въ которыхъ онъ не привыкъ себя сдерживать. А всѣхъ страшнѣе разносилъ онъ родственниковъ. Дѣтей своихъ не было, а потому онъ старался вывести въ люди племянниковъ, которыхъ бывшій бухгалтеръ прозвалъ принцами крови. Отличные случаи всѣмъ имъ были даны, но только одному пошли они въ прокъ; и онъ въ короткое время всталъ на ноги и сдѣлался богатымъ купцомъ. Теперь, конечно, перевалилъ за милліонъ. По совѣсти нужно признаться, что въ служебномъ отношеніи купеческіе сынки и племянники плохой народъ. До того они взбалмошны, не надежны въ характерѣ, что и сказать нельзя. Сегодня онъ съ тобой цѣлуется, а завтра пакость сдѣлаетъ, подведетъ передъ хозяиномъ, ни за грошъ продастъ, насплетничаетъ, наклевещетъ. Тоже и насчетъ денегъ бываетъ до крайности подозрительно. Состоитъ при дѣлѣ—разумѣется хозяйскія деньги быть должны. Знаешь про него навѣрное, что продулся онъ въ пухъ—и вдругъ опять бумажки во всѣхъ карманахъ, и въ чемоданчикѣ или комодѣ, пачки починаются. Даже во время игры смотрѣть на такія деньги неловко. Разъ я былъ при томъ случился, какъ Илья Егорычъ подобнаго принца крови разносилъ. Просто страшно: побѣлѣлъ,

Digitized by Google

глаза выкатились, голосъ на весь домъ. Такъ и бьетъ вся эта сила въ человѣка. Какъ съ глазъ прогналъ, обращается ко мнѣ, хочетъ говорить спокойно, а голосъ обрывается, грудь такъ и ходитъ. Другой разъ такая сцена вышла. Уѣзжаетъ на ярмарку; тарантасъ у крыльца; мы всѣ въ столовой; въ прихожей горничныя, кучера, дворники. Видимъ, въ залѣ помолился, перецѣловался съ родственниками, выходитъ къ намъ. Тоже, по порядку, съ каждымъ трижды цѣлуется. До племянника дошелъ, остановился, глаза въ него уставилъ, да въ короткихъ словахъ, тутъ же, при всѣхъ, такъ его обработалъ, что мы только рты разинули.

Когда нужно было, напримѣръ, въ общественныхъ собраніяхъ, Илья Егорычъ могъ себя обуздать. Только дорого это ему стоило. Между тѣмъ въ собраніяхъ тоже и враговъ было довольно, кляузники, выжиги изъ разжившихся кабатчиковъ и т. п., которые, кромѣ обдѣлыванія своихъ дѣлишекъ, прямо на то били, чтобы его взбѣсить и сдѣлать скандалъ. Пріѣдетъ домой до того измученный, что прямо въ постель. Послѣ подобныхъ случаевъ призоветъ иногда вечеркомъ одного изъ старшихъ прикащиковъ, поговоритъ немного о чемъ-нибудь, а потомъ и свернетъ на общественныя дѣла. Жалуется, отвращеніе выражаетъ: «Только и остается, что наплевать на всѣхъ, да затворить ворота». Сидитъ при этомъ иногда въ кабинетѣ, или тихими шагами по залѣ ходитъ. И эта мысль объ отвращеніи у него упорная была; потому что онъ часто къ ней возвращался. И когда у него тихо и мирно было на душѣ, опять говорилъ объ томъ же: бросить все...

Терпѣливъ былъ Илья Егорычъ съ людьми необходимыми, даже при большомъ ихъ безобразіи, напримѣръ, съ бухгалтеромъ. У насъ постепенно до того дошло, что бухгалтеръ по мѣсяцу и болѣе не показывался въ контору. Мы копошимся въ книгахъ и счетахъ, какъ умѣемъ, справки задерживаемъ, счета составляемъ не полные; иного и вовсе доискаться не можемъ. А хозяинъ терпитъ, потому что бухгалтеръ знающій и замѣнить его не кѣмъ. Пробовалъ онъ сойтись съ прежнимъ бухгалтеромъ, который тогда жилъ своимъ домкомъ, независимо. Собственно для счетной части оно было бы не дурно, надежно. Но ладить съ Дмитріемъ Кирилычемъ Бахматовымъ было бы труднѣе, чѣмъ переносить безобразіе пьяницы. Дмитрій Кирилычъ былъ человѣкъ очень умный, быстрѣе Ильи Егорыча, образованнѣе гораздо, замѣчательно находчивый и способный къ насмѣшкѣ. Чтобы въ дуракахъ не остаться, обращеніе съ нимъ требовалось самое

Digitized by Google

осторожное. Неожиданное его возраженіе или шутку не поймешь сразу; а переспросишь, придется отъ него поученіе принять.

Въ числѣ многихъ дѣловыхъ способностей Ильи Егорыча, былъ даръ приказывать просто и вразумительно, каждому въ тѣхъ словахъ и тѣмъ голосомъ, какъ кому для пониманія требовалось. Еще важнѣе было, что онъ возраженіе выслушивалъ отъ всякаго, и ежели признавалъ справедливымъ, то соглашался. Смиреніе онъ любилъ, но въ чемъ? Въ томъ, чтобы человѣкъ не воображалъ о себѣ много, правъ никакихъ въ помышленіи не держалъ, и самое грошовое жалованье принималъ, какъ великую отъ хозяина милость. А чтобы человѣкъ передъ нимъ шалѣлъ и рта не смѣлъ разинуть, этого онъ не цѣнилъ. Онъ голову повернетъ, черезъ плечо взглянетъ и спроситъ:—почему?—Объясни. Для примѣра, какую можно было смѣлость себѣ позволить, разскажу одну исторію про себя. Очень поздно осенью требовалось переправить за Байкалъ и оттуда по глухому, малопроѣзжему тракту отправить партію товаровъ, не большую, но необходимую и спѣшную. Принесъ я бумаги по этой отправкѣ; все оказалось въ порядкѣ. Воскресенье было; расположеніе духа благодушное. Вотъ онъ подписалъ и говоритъ: — Поди, скажи Костылеву, чтобы собирался, а послѣ обѣдни ко мнѣ бы пришелъ. Сергѣй Костылевъ былъ мой первый другъ, и въ то время какъ разъ былъ поставленъ за конторку помощникомъ новаго бухгалтера, который къ намъ поступилъ съ огромнѣйшей репутаціей, и такъ себя важно началъ держать, что даже обѣдать съ нами за однимъ столомъ не захотѣлъ, а приказалъ подавать ему обѣдъ въ его комнатѣ, гдѣ онъ и помѣщался одинъ. И Сергѣй, и я, оба мы думали, что ему, т. е. Сергѣю, будетъ большая польза отъ выучки бухгалтеріи при такомъ хорошемъ учителѣ. Между тѣмъ, поздней осенью не въ диковину было, что пароходъ цѣлую недѣлю качается, не можетъ пристать къ Посольску. Поѣздка могла затянуться недѣли на три, а мученія много. Вдругъ мнѣ все это въ голову пришло; не успѣлъ я до конца столовой дойти, какъ повернулся къ Ильѣ Егорычу, который слѣдомъ за мной шелъ въ спальню одѣваться, и говорю:—Илья Егорычъ, позвольте мнѣ слово сказать.—Что такое?—Извините пожалуйста, что я осмѣливаюсь... Ну, и разсказалъ всю исторію и къ концу, должно быть, довольно покраснѣлъ.—Кого же мы пошлемъ? Матвѣя Терентьича Долгушина развѣ? и улыбнулся своей тонкой, красивой улыбкой.—Ну, пошли его ко мнѣ. Обрадовался я, бѣгу черезъ дворъ; подхожу къ Матвѣю Терентьичу съ такимъ пріятнымъ видомъ, какой бываетъ у молодыхъ для насмѣшки надъ стариками.—Илья Егорычъ васъ про-

Digitized by Google

ситъ.—Что такое? Засуетился, на пятый мѣсяцъ опалы дѣло это было—пошелъ. Я Сергѣю все потихоньку разсказалъ. Вотъ идетъ Матвѣй Терентьичъ назадъ; побагровѣлъ и брови нахмурены.—То есть, говоритъ, еслибъ не для Шарапова, ни за что бы не поѣхалъ.—Что такое? Куда?—За Байкалъ посылаетъ съ —скими товарами. Я, говоритъ, хотѣлъ Костылева послать, да въ Посольскѣ чаи ужь подходятъ, присмотрѣть надо: мальчишкѣ не управиться.

Старшіе прикащики и обозные, кромѣ того, что въ деньгахъ не могли имѣть стѣсненія, сами себѣ выписывали въ счетъ жалованье и положенные расходы. А для нашего брата, мелкоты, большая это была исторія просить денегъ, даже заслуженныхъ. Гораздо чаще приходилось просить впередъ.—Много ли? Пятьдесятъ рублей.—А много ли за тобой? Тридцать рублей. — На что тебѣ деньги? По моему, вовсе тебѣ денегъ не нужно. И пойдетъ разводить. Разумѣется, у кого хорошая причина: матери послать, или что-нибудь подобное, разговоръ короткій. Распроситъ только и все приметъ къ свѣдѣнію. А ежели обносился, сапоги къ празднику, пальто новое; сорочекъ совсѣмъ нѣтъ и т. д., тутъ всегда зубоскальствуетъ и жилы тянетъ. И кутежемъ, и картами, и женскимъ поломъ, всѣмъ попрекнетъ. Потомъ, ежели не сердитъ, дастъ. А, ежели сердитъ, дастъ нелюбезно, ругань про себя произнесетъ, записывая въ журналъ. Жалованья были ничтожныя: 15, 20, 25 рублей; 40 или 50 немногіе получали. Прибавка дѣлалась такъ: передъ балансомъ составлялся списокъ, кто сколько получаетъ и сколько за нимъ долгу. Тутъ Илья Егорычъ и дѣлалъ отмѣтки, кому прибавить, кому списать долгъ или часть долга въ награду. Тутъ у иного дѣлишки маленько поправлялись. Водилось, что и сами ходили просить прибавки, иногда и добивались. Но вообще человѣкъ себѣ подобными просьбами вредилъ...

Снисхожденіе, ежели кто запутается по денежной части, онъ иногда оказывалъ большое; но только тогда, ежели человѣкъ, можно сказать, въ ногахъ валяется. А къ тѣмъ, кто не хочетъ, не умѣетъ унизиться, великодушія не было. Однихъ, проворовавшихся опять приставляетъ къ дѣлу, иногда къ большому дѣлу, прежнюю растрату замазываетъ: Ну, что̀ тамъ, ежели какія крохи къ рукамъ пристали.

А разъ вышелъ случай совсѣмъ въ другомъ родѣ. Вполнѣ вѣроятно, что позже, когда Илья Егорычъ сталъ больше остерегаться всего неблаговиднаго, онъ не рѣшился бы такъ поступить. А можетъ быть и то, что онъ этимъ средствомъ надѣялся вѣрнѣе закабалить на нѣсколько лѣтъ полезнаго человѣка.

Digitized by Google

Эту исторію я въ первый разъ услышалъ, когда лежалъ дома больной, и лечился на деньги Ильи Егорыча; а Сергѣй забѣгалъ иногда въ послѣобѣденное время меня провѣдать. Тетушка тогда ужасно полюбила Сергѣя, да оно, пожалуй, и не трудно было; потому что при моемъ жалкомъ положеніи, онъ оставилъ свою дикость, и старался быть попріятнѣе, шутилъ, смѣялся. Эту приверженность она навсегда сохранила. И я даже думаю, что когда потомъ начались наши бушеванія, пріѣзды въ не показанное время, стукъ дверей и сапоговъ, голоса не трезвые, кутежи до утра и проч., ея удивительное снисхожденіе, можетъ быть, больше къ Сергѣю относилось, чѣмъ ко мнѣ. Бѣдная тетушка! Нетолько ея пяльцы исчезли изъ гостиной, но даже она сама перебралась спать на кухню, гдѣ будто бы было теплѣе. Да, бываетъ подобное звѣрство. Не воротишь. Вотъ съ больными Илья Егорычъ былъ очень добръ и внимателенъ. Мнѣ нетолько далъ денегъ; но и велѣлъ сказать, чтобы и насчетъ будущаго не безпокоился:—эти выйдутъ, и еще можно. Чаю и сахару велѣлъ мнѣ отвезти. Въ конторѣ ли кто лѣчился или дома, онъ всегда помогалъ; присылалъ доктора; трудно больныхъ навѣщалъ. О вычетѣ жалованья за время болѣзни, какъ многіе дѣлаютъ, конечно, и рѣчи не было. То ли онъ въ этихъ дѣлахъ дѣйствительно по христіанскимъ мыслямъ и добротѣ поступалъ; то ли сообразилъ, что стоитъ все это не дорого, а впечатлѣніе производитъ полезное, и на человѣка узду лишнюю налагаетъ—но только больные никогда безъ помощи и попеченія не оставались. Тоже и въ случаѣ смерти: всѣ расходы на свой счетъ, и чтобы все прилично было, и угощеніе духовенства послѣ похоронъ; однимъ словомъ—все. На панихиду придетъ и до кладбища проводитъ.

Скажу еще объ нѣкоторыхъ церемоніяхъ, которыя у насъ соблюдались. Самая главная церемонія—приглашеніе къ хозяйскому обѣду. Самые нàбольшіе приглашались почти всегда. Затѣмъ пріѣзжіе съ отчетами изъ торгующихъ по городамъ, а иногда и изъ прочихъ кое-кто. Костюмъ—кто въ чемъ ходитъ; хотя, конечно, на случай приглашенія себя вообще чище соблюдаютъ. А нàбольшіе, или кто по купечеству, да по банкамъ и присутственнымъ мѣстамъ рыщетъ, со щегольствомъ одѣвались. Входятъ въ столовую и становятся вдоль стѣны и у печки. Съ хозяиномъ или хозяйкой глазами встрѣтятся, кланяются. Между тѣмъ, гости подходятъ къ закускѣ. Мѣста мало, столикъ маленькій, въ углу; такъ что немногіе могли сразу пользоваться. Когда всѣ закусятъ, Илья Егорычъ обращается къ намъ, будто въ первый разъ видитъ и примѣчаетъ, что мы тутъ:—что же, го-

Digitized by Google

спода, водки? Садятся, какъ пришлось; стараются присосѣдиться къ знакомымъ изъ купечества. Ежели во время обѣда влетитъ какой-нибудь запоздавшій, Илья Егорычъ подвигаетъ свой стулъ, и сажаетъ подлѣ себя кого-нибудь, къ кому больше благоволитъ. Это ужь послѣднее мученіе; потому знаешь, что ему неловко и непріятно. Подаютъ въ два блюда, сряду; хозяину, непремѣнно, послѣднимъ. Разговору, чтобы не было никакого. Послѣ обѣда, въ числѣ прочихъ—вонъ, безъ кофе.

Несмотря на вкусный и сытный столъ, всѣ вообще приглашаемые тяготились обыденной церемоніей. А Геннадій Иванычъ, много разъ предупрежденный, заранѣе прошенный и убѣждаемый неоднократно, каждый день бунтовалъ, и комедіи разыгрывалъ.

Пищей и питіемъ за столомъ Ильи Егорыча прикащиковъ не обдѣляли. Но за то ясно выражалось, чтобы въ присутствіи хозяина никто ихъ за людей не почелъ. Эта черта, и во всѣхъ прочихъ случаяхъ, строго соблюдалась. Ежели входишь въ кабинетъ, и тамъ сидитъ довольно даже знакомый человѣкъ, смотри на одного хозяина, гостю не кланяйся, будто его и не видишь. Развѣ ужь близкій, и твое положеніе въ дѣлѣ знаетъ вполнѣ; тогда можно, пока Илья Егорычъ пишетъ или читаетъ, привстать, поздороваться, перекинуться словечкомъ: но только самымъ шопотомъ. Еще признакъ хозяйской важности: ежели, бывало, зайдетъ въ контору, шапки или шляпы не снимаетъ. Заходилъ онъ, между прочимъ, рѣдко; и больше для одного благодушія. Разъ только пришелъ подписать почту, когда ему нужно было поскорѣй выѣхать. Торопилъ спокойно, безъ суеты, т. е. собственно, подходилъ и заглядывалъ; соображалъ, можно ли ему дождаться. Однажды пришелъ вечеромъ, дозоромъ, посмотрѣть, дома ли молодые принцы; и разнесъ исправнаго за не исправнаго. Вообще, хотя онъ желалъ, чтобы считали, будто онъ все видитъ и непремѣнно каждаго согрѣшающаго застигнетъ, но избѣгалъ частыхъ столкновеній, которыя уронили бы его достоинство, и закрывалъ глаза на многое, что было ему извѣстно вполнѣ.

Личность Ильи Егорыча въ моихъ замѣткахъ описана гораздо подробнѣе; но я исключилъ все, относящееся къ домашней обстановкѣ или общественной и свѣтской дѣятельности, и оставилъ только то, что касается торговаго дѣла и отношеній къ прикащикамъ. Мнѣ жаль этихъ сокращеній, въ особенности потому, что это лишаетъ меня возможности помянуть одного до-

Digitized by Google

браго и несчастнаго человѣка, отчего выиграла бы и личность самого Ильи Егорыча. Потому что въ человѣкѣ этомъ лежало наружу многое, что у того было глубоко скрыто подъ броней, наросшей отъ богатства и многолѣтняго веденія большаго дѣла. Я разсказалъ много дурнаго, и только потому умолчалъ о разныхъ неблаговидныхъ мелочахъ торговаго дѣла, что было бы несправедливо говорить о нихъ непривычнымъ людямъ. Онѣ бы всего больше поразили, и впечатлѣніе вышло бы не вѣрное. Вездѣ, во всемъ одни и тѣ же дѣла дѣлаются и мелкими, воровскими людишками, и честными людьми. Илья Егорычъ на этомъ былъ воспитанъ, выросъ и разбогатѣлъ, и, по совѣсти, одну только причину видѣлъ поступать иначе—осторожность. Вѣдь, ежели всѣ люди подлецы, ежели изъ нихъ многіе подлецы такіе, что смотрѣть на нихъ отвратительно, такъ зачѣмъ стѣсняться съ ними? Не глупо ли, отдавать имъ, этакимъ подлымъ людямъ, то, что можно взять себѣ? Развѣ не наказывался каждый разъ, когда воображалъ, что можно человѣку повѣрить, когда пробовалъ поступать иначе? Откуда, въ виду чего, во имя чего, могли явиться другія мысли? А *эти* мысли *были*. И это мысли невеселыя, не легкія для того, въ комъ мысль работаетъ одиноко и упорно. Безъ грѣха никто не живетъ. Но мѣра разная для знающаго, нераскаяннаго, который въ злѣ и лжи наслажденіе находитъ, и для темнаго, который смутно тяготится зломъ; желалъ бы добра; радъ былъ бы перестать злодѣйствовать; отдохнуть отъ вѣчнаго вытягиванія жилъ, которому роковымъ образомъ обрекаетъ капиталъ всѣхъ беззащитныхъ и поддающихся. Не непремѣнно большой капиталъ — всякій, хотя бы тотъ, который заключается въ моей чернильницѣ. Потому что ежели возмешься тутъ предѣльную грань проводить, такъ и при малой сообразительности, большое затрудненіе почувствуешь. Слушаю я, бывало, всякіе разговоры Ильи Егорыча, и, ни чуть не сомнѣваюсь, что онъ правдивый и честный человѣкъ—какъ и въ себѣ самомъ не видѣлъ дурного, когда изъ всѣхъ силъ старался исполнять порученное, или самостоятельно дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Потому что все это было въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, и безъ чего нельзя. Трудно сказать, въ чемъ тутъ заключается разница между людьми, которые одинаковыя, дрянныя дѣла дѣлаютъ—но она есть. И въ силу ея, совѣсть признаетъ самымъ оправданнымъ того, о комъ справедливо сказано, что онъ всѣхъ грѣшнѣе. Въ томъ, что Илья Егорычъ хорошій, справедливый и честный человѣкъ, я былъ, нисколько не думавши, убѣжденъ въ тѣ мои мальчишескіе годы. Такимъ же я его и теперь считаю. Учиться правдѣ ему было не у кого, ни по

Digitized by Google

книгѣ, ни отъ живого человѣка. А сознаніе и желаніе правды все-таки держались. Равнодушія, мертвенности не было до конца.

Лично, я долженъ быть ему навсегда благодаренъ. Я ему обязанъ выучкой, сознаніемъ, что могу работать. Увы! для работы, какая была тогда, нужна та же вѣра въ дѣло, та же возможность искать лучшаго, соображать, стараться. Прочее, что было въ мальчикѣ, быть можетъ, еще и теперь бы воскресло въ усталомъ человѣкѣ.

Хозяйственная часть. Семейный флигель.

Хозяйственная часть была вся на рукахъ эконома. Дѣла тутъ было много. Ремонтъ строеній, а иногда и новыя постройки, садъ, огородъ, дровяной дворъ, амбары, экипажи, 12—15 лошадей, кучера, прачки, кухня, вся прислуга, прикащики, выписка и покупка всего, что для дома требовалось, серебро, сервировка для парадныхъ пріемовъ человѣкъ на сто, возня съ товарами, насколько они попадали во дворъ или имѣли прикосновеніе къ дому, вѣчная гоньба по городу со всякого рода порученіями—словомъ, дѣло очень большое и бойкое. И экономъ Николай Филипычъ Ефремовъ, былъ къ этому дѣлу вполнѣ способенъ. Въ татаркѣ, остроухой мерлушчатой шапкѣ, при темнорыжей бородѣ и усахъ, онъ смахивалъ маленько на атамана. Но разбойникомъ не былъ, а былъ, напротивъ, человѣкъ доброй души; и совѣстливѣе другихъ, которые считали его мытаремъ. Разумѣется, у него съ утра до вечера, ко всякому дѣлу приплеталась забота, сколько къ счету приписать. Зажигаетъ лампаду передъ образомъ, не смѣетъ, конечно, объ чемъ-нибудь дурномъ помолиться; но въ глубинѣ души все-таки мечтаніе, что авось либо дѣло удачно сладится. Жалованья онъ получалъ 150 руб. въ годъ; а дѣло такое, что другому хоть нѣсколько тысячъ дай, такъ онъ не справится; съ той ли, съ другой ли стороны окажется негоденъ. Недѣльные счета бывали по 500 руб. и болѣе, не считая крупныхъ покупокъ. И требовалось, чтобы дѣло велось хорошо, исправно, чтобы все было въ порядкѣ, прилично, чтобы хозяинъ былъ доволенъ, и прочіе не роптали. Такъ оно и было. Хозяинъ привыкъ ругать эконома изъ-за всякихъ пустяковъ и даже вовсе безъ причины, но довѣрялъ ему. Врагъ у него былъ, изъ прикащиковъ, такъ тотъ въ базарные дни чуть свѣтъ оба базара обойдетъ, ко всему прицѣнится, и въ восьмомъ часу Ильѣ Егорычу и доложитъ. Потомъ тотъ эконома и спрашиваетъ.—А овесъ сегодня почемъ?—Шесть гривенъ.—А такъ же Алексѣй Петровичъ по полтинѣ купилъ? Къ ругани хо-

Digitized by Google

зяина, хотя рѣдкій день безъ нея проходилъ, экономъ не могъ привыкнуть; обиду чувствовалъ, клятвы мести произносилъ. И развѣ ужь вечеромъ, какъ подграфитъ и подпишетъ счетъ, почувствуетъ, что какъ будто сквитался; и опять начинаетъ смотрѣть весело. Къ торговому дѣлу онъ бы не годился—ошалѣвалъ бы передъ покупателемъ; но хозяйство, присмотръ, исправленіе своевременное, покупка хозяйственная, толковая, обращеніе съ мебелью, да посудой (хозяинъ щеголялъ тѣмъ, что въ лѣтнее время, послѣ парадныхъ обѣдовъ, гости еще съ сигарами сидятъ, а подносы съ посудой такъ одинъ за другимъ и несутъ черезъ дворъ въ амбаръ; послѣдній гость со двора, а въ домѣ ужь мало и слѣдовъ передряги), возня со всякимъ народомъ, на все это онъ былъ молодецъ. Товарищъ онъ былъ также хорошій, и объ нашемъ благополучіи старался.

Николай Филипычъ былъ родомъ изъ Устюга, и своего устюжскаго угодника, Прокопія, всегда праздновалъ. Къ обѣднѣ ходилъ и насъ угощалъ пирогомъ; что было удобно потому, что день этотъ приходится на лѣтнюю Казанскую, 8-го іюля. Имянины свои, 9-го мая, онъ праздновалъ роскошно. Пирогъ само по себѣ, при участіи духовенства, а главное, тотчасъ послѣ обѣда, передъ самымъ хозяйскимъ окномъ, запрягаютъ телѣжку; кладутъ туда самоваръ, коробки съ посудой, провизіей и напитками (все хозяйское); амбаръ открытъ, несутъ оттуда коверъ тюменскій; садится въ тележку самый лучшій дворникъ, Степанъ, который иногда выѣзжаетъ за кучера нетолько съ хозяйкой, но и съ самимъ хозяиномъ, и ѣдетъ за рѣчку. А потомъ и мы на извощикахъ туда являемся. Травка зеленая въ то время всегда бываетъ, хвоя вполнѣ ожила и освѣжилась, но на березкахъ листья самые развѣ маленькіе. Иной разъ очень свѣжо. Въ конторѣ остается одинъ Макаръ Степанычъ, которому приказано посылать телеграммы прямо въ прихожую къ хозяину. Безобразія на этомъ гуляніи ни разу не случалось. Всѣ чувствовали, что ужь очень не хорошо это вышло бы передъ хозяиномъ.

Къ картамъ питалъ экономъ слабость значительную. Онъ всѣхъ легче изъ числа солидныхъ людей, поддавался соблазну сѣсть играть съ прогорѣвшимъ человѣкомъ, съ котораго взять нечего, а спустить ему можно много. Характеръ эконома хорошо обозначился и по части женскаго пола. Онъ содержалъ дѣвицу изъ благородныхъ, не слишкомъ ужь молодую, порядочно ужь подсохшую и съ морщинками кое-гдѣ. Зубы, впрочемъ, были отличные и волоса завиты. Онъ ее выкупилъ у какого-то подлѣйшаго отца, и бывалъ принужденъ еще отъ времени до вре-

Digitized by Google

мени посылать ему денегъ. Она вышивала въ пяльцахъ самые мудреные узоры, гладью, не торопясь, шила себѣ воротнички и рукавчики, да Николаю Филипычу мѣтила платки. А всего больше любила стишки выписывать въ тетрадку, романы читала, и курила. Все время, какъ я зналъ Николая Филипыча, онъ оставался ей вѣренъ. Про нее нельзя того же сказать, хотя мудрено было строго и взыскивать. Одну свою страсть она мало отъ него скрывала, и даже разошлась бы съ нимъ, еслибы онъ вздумалъ ее стѣснять. Николай Филипычъ нанималъ ей довольно хорошую квартирку, комнатки въ три. Съ кѣмъ былъ больше друженъ, любилъ приводить съ собой чайку напиться, по благородному. Она чай разливаетъ аккуратно, ложечки серебряныя; подъ печеніемъ салфеточка, лимонъ, сливки. Разговоръ, какъ въ семействѣ. Николай Филипычъ всѣхъ серьёзнѣе; никакой вольной шутки себѣ не позволитъ и ничѣмъ своихъ отношеній не покажетъ. А безъ благородныхъ свидѣтелей онъ исчезалъ поздно вечеромъ, когда хозяева отойдутъ на покой. Остается его кровать въ маленькой комнаткѣ, застлана малиновымъ одѣяломъ и лампадка теплится. Можетъ быть, еще двѣ-три койки въ конторѣ стоятъ пустыя.

За добродѣтели свои экономъ впослѣдствіи былъ взысканъ и приставленъ къ постоянному дѣлу, какъ разъ по немъ.

Нашъ конторскій сторожъ, отставной матросъ, Макаръ Степанычъ, былъ старикъ старый. Сгорбился, колѣна подогнулись, носъ вдавленъ, зубовъ нѣтъ, волосы и борода не чесаны. Говорилъ мало и все больше пророчества. Хозяину во дворѣ попадется, тотъ его объ чемъ-нибудь спроситъ; онъ только мнется. Въ богадѣльню тебѣ, старикъ, пора! Миску со щами носилъ черезъ дворъ, ужасно горячую, и не за ручки, а такъ подъ бока. Намъ отъ него мало было пользы, развѣ что въ кабакъ пробирался довольно удачно, не попадался съ бутылью. И самъ выпивалъ. Мы, однакожь, согласны были терпѣть взбалмошнаго и нерашливаго Макара Степаныча, такъ какъ онъ былъ изъ старыхъ служакъ, болѣе пятнадцати лѣтъ, и будто приросъ къ конторѣ. Когда онъ послѣ пошелъ по городу нищенствовать (вѣрно не захотѣлъ въ богадѣльню, а то бы Хорчинъ, конечно, его пристроилъ), намъ всѣмъ было жалко. Я какъ теперь вижу, какъ онъ сидѣлъ между самоваромъ и печкой; и не могу вспомнить, просто представить себѣ, кто послѣ него у насъ былъ. Самые послѣдніе обноски, которые никуда ужь не годились, шли, конечно, всѣ ему. Вотъ онъ въ праздникъ почуднѣе и вырядится, и цилиндръ чей-нибудь надѣнетъ. Послѣ обѣда онъ уходилъ къ своей старухѣ, которая жила гдѣ-то по сосѣдству.

Digitized by Google

Конечно, таскалъ кое-что. А къ нему дѣвочка приходила, дочь его. Рубаху принесетъ выстиранную или что-нибудь, а онъ ей всучитъ что-нибудь изъ съѣстнаго. Въ послѣднее время она вдругъ выросла, складываться стала, лицо пріятное сдѣлалось. И было видно, что ничего, кромѣ нищенской своей работы, у нея на умѣ нѣтъ. Не знаю, что съ ней случилось: въ то время, какъ она была очень молода, ни у кого не повернулся языкъ пристать къ ней.

Хлѣбъ и печеніе, соленія и настойки, бѣлье и кухня состояли въ вѣдѣніи экономки Таисіи Степановны, опрятной женщины, лѣтъ сорока съ хвостикомъ. Денегъ въ рукахъ у нея не было—все денежное шло черезъ эконома. Но, конечно, ей отъ всякихъ салопницъ былъ почетъ, и могла она обо всемъ доложить и у хозяйки выпросить. Жалованье тоже было пустое—15 р. За то отличная комната, чистенькая, хорошо убранная, видъ изъ оконъ веселый, портреты разные; и въ комодахъ и сундукахъ довольно добра всякаго, даренаго и припрятаннаго. Мы ея не любили, а отчего, не умѣю сказать. Была она всегда вѣжлива и любезна, не обижала насъ; и въ день своего ангела, 8-го октября, присылала намъ къ обѣду двѣ бутылки наливки. Должно быть, тутъ какія-нибудь сплетни бабьи были въ ходу, которыя и можно предполагать, шли черезъ семейный флигель, гдѣ изъ-за работъ, да кухни, да утюговъ вѣчно пакости и даже драки выходили. Наслушившись всякой всячины, я тогда еще сталъ соображать, что при необразованіи да дикости, знакомымъ людямъ съ женскимъ поломъ на казарменный манеръ жить не приходится. Невозможно было ожидать, чтобы и у Таисіи Степановны съ бабьемъ тамошнимъ ссоръ не выходило.

Хозяинъ въ мелочи по экономкиной части никогда не вмѣшивался. То есть приказывалъ онъ все до послѣдняго, а до разбора не касался. Очень хорошо онъ понималъ, что тутъ безъ помарки не обойдешься. Но въ самомъ-то дѣлѣ, по такому огромному дому таскали немного. И порядокъ соблюдался, и расходы не велики были. За то одинъ разъ Таисія Степановна удрала съ нимъ штуку необыкновенную. Вдругъ, какъ ни въ чемъ не бывало, попросила жалованье за какое-то большое время. А у нея все было забрано, обыкновеннымъ порядкомъ, кромѣ послѣднихъ мѣсяцевъ.—Да вѣдь я, кажется, выдавалъ деньги.—Выдавали; тогда-то выдавали столько-то, да еще, да вотъ тогда еще; а больше не выдавали.—Потребовалъ счетъ: все выдано. Сталъ онъ ее убѣждать. Она только плачетъ, да сморкается. Махнулъ рукой; поручилъ намъ ее урезонить, на чье краснорѣчіе больше надѣялся. Вытащили мы ей черновые журналы за все время,

Digitized by Google

показываемъ, что вотъ записано рукой хозяина, что не могъ же онъ подкапываться подъ ея деньги. Ничего я этого знать и понимать не могу. Я безграматная; меня обидѣть можно. Ну, приказалъ заплатить; и чтобы она человѣка посторонняго, надежнаго привела расписаться, что разсчетъ за все прежнее время конченъ. Конечно, Илья Егорычъ въ этомъ случаѣ правильно поступилъ, какъ ни досадна подобная наглость. Во-первыхъ, все въ домѣ по прежнему осталось, большого безпокойства избавились. А, во-вторыхъ, молва бы по городу пошла; и бо́льшею частью экономкѣ бы повѣрили или въ родѣ сомнѣнія бы осталось. А другіе по злобѣ стали бы повторять.

Къ числу безсчетныхъ обязанностей эконома относился развозъ передъ Рождествомъ и Пасхой нескрываемыхъ даровъ всѣмъ начальствующимъ лицамъ, отъ наиболѣе высокопоставленныхъ до секретарей и писцовъ. Особый списокъ, собственной руки у него хранился, кому и сколько слѣдуетъ. Передъ каждымъ праздникомъ списокъ исправлялся, соотвѣтственно прибытіямъ, отбытіямъ и превознесеніямъ. Въ головѣ архіерей: рыба семга, 1/4 ящика чаю, сахаръ и вино. Прочимъ вообще сахаръ и вино, отъ дюжины до четырехъ и даже двухъ бутылокъ подороже и подешевле. При страшной суетѣ предпраздничной, это отнимало ужасно много времени и, конечно, одинъ или двое изъ насъ тоже рыскали съ развозомъ.

Бухгалтеръ Иванъ Григорьичъ.—Наша комната.

Собственно изъ насъ я про немногихъ скажу. Слишкомъ длинно бы вышло; да и на одинъ манеръ. Скажу только про тѣхъ, къ кому стоялъ поближе, по дружбѣ или другимъ причинамъ.

Во-первыхъ, бухгалтеръ, конторщикъ Иванъ Григорьичъ Жабринъ. Про другого прежняго, бухгалтера, Дмитрія Кирилыча Бахматова, и про слѣдующаго я уже кое-что сказалъ. Но Иванъ Григорьичъ былъ для меня гораздо важнѣе, потому что при немъ началась моя служба, и я, конечно, предполагалъ, что она отъ него будетъ зависѣть. Къ нему вѣдь я, по приказанію Ильи Егорыча, и явился. Наружность: высокій и немного одутловатый мужчина, лѣтъ сорока съ небольшимъ, довольно короткіе, русые волосы, широкіе усы и борода только на подбородкѣ, а щеки бритыя, глаза сѣрые, золотыя или черепаховыя очки. Двубортный, застегнутый сюртукъ, поношенный и попачканный, но не такой, какъ у приказныхъ. Сипота, шепеляніе и отъ времени до времени свистъ, вслѣдствіе потери многихъ зубовъ. Выраженіе рта, когда онъ смѣялся, было до такой степени подлое и скотское, какъ я во всю жизнь не видывалъ. Не разъ думалось: Господи! до чего

Digitized by Google

этотъ человѣкъ былъ бы гадокъ, еслибы его выбрить! Родомъ онъ былъ москвичъ, московскій мѣщанинъ, происхожденія неизвѣстнаго — всего вѣрнѣе изъ крѣпостныхъ. По крайней мѣрѣ, онъ много разсказывалъ про службу у весьма важныхъ баръ, и разъ совралъ или проврался на счетъ какихъ-то бархатныхъ фраковъ на атласномъ оранжевомъ подбоѣ. Купцовъ онъ презиралъ и не пропускалъ случая надъ ними издѣваться. Кое-что читалъ когда-то, и теперь изрѣдка заглянетъ въ газету или журналъ, и не прочь былъ пустить пыль въ глаза. Но такъ какъ онъ при этомъ, насчетъ всего, что мы знали, жестоко вралъ, то во время разговоровъ его только поддразнивали и смѣялись надъ нимъ. Былъ онъ отъявленный срамникъ, до такой степени, что когда, послѣ выпивки, устраивались неизбѣжныя поѣздки, онъ на слѣдующій день во всей подробности разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ. Каждое слово онъ умѣлъ перековеркать на срамной манеръ, или приплесть къ нему что-нибудь гнусное. На это у него былъ положительный талантъ. Еще былъ у него талантъ — говорить людямъ вещи досадныя или обидныя. Все забудетъ, всякую необходимую конторскую или домашнюю надобность, а ужь этого никогда. Сплетню услышалъ— счастливъ. Какія только можно придумать обидныя объясненія какого-нибудь случая, онъ придумаетъ. А ужь про заглазную клевету и говорить нечего. Такъ у него всякая подобная гадость изъ его подлой, злорадной души и лилась.

Но и въ такомъ сбившемся съ кругу, скверномъ и пропащемъ человѣкѣ во всѣхъ статьяхъ, все еще держались остатки добрыхъ чувствъ и способностей. Дѣтей своихъ маленькихъ любилъ. Такая, разумѣется, любовь, что по недѣлямъ пилъ мертвецки. А все-таки несомнѣнно любилъ. Съ покойницей женой жилъ, говорятъ, хорошо. Повторялъ:—святая была. Дѣло зналъ и способность къ дѣлу имѣлъ. Когда примется, въ три дня мѣсячную работу сдѣлаетъ. Все сразу къ мѣсту разверстаетъ, а не то, чтобы путаться, да со счета на счетъ переводить. Все ясно, умно, ошибокъ — никогда. И вотъ что странно: при такомъ своемъ безобразіи, все-таки въ денежномъ отношеніи честенъ былъ. Я уже говорилъ, что по нашему дѣлу тысячи къ рукамъ приставали, и что хозяинъ это зналъ и даже цѣнилъ людей, которые около его дѣла умѣючи наживались. Не бухгалтера забота вникать, не приписано или не убавлено гдѣ цѣны, да сполна ли за все привезенное количество пудовъ вощику заплачено. Тычетъ, бывало, пальцемъ въ цифру, кричитъ: укралъ! укралъ! укралъ! А чтобы съ нимъ стакнуться, да чтобы онъ какой-нибудь фокусъ или пропускъ въ счетѣ просмотрѣлъ, или

Digitized by Google

хотя бы въ той же цѣнѣ невѣрность, ежели ее усчитать можно, объ этомъ никто бы и заикнуться не посмѣлъ. Не то, чтобы ужь самому сфальшивить, а за одну поблажку много бы онъ могъ получать. Но онъ и изъ грошовыхъ гостинцевъ: кувшинъ водки китайской, контрабандной (майгуло или майгала), кушакъ, галстухъ—дѣлалъ непріятности. Кричитъ, всѣмъ показываетъ—вы не видѣли, какую вещь мнѣ Платонъ Петровичъ изъ Москвы привезъ? Ахъ, какая вещь! Нѣтъ вы подите, посмотрите. Во время работы держалъ себя, однако-жь, безъ панибратства. Всякія объясненія и справки настойчиво спрашивалъ. Отсутствующимъ подробные вопросные пункты писалъ, о которыхъ каждому было извѣстно, что хозяинъ ихъ видѣлъ и отвѣты увидитъ.

Мы всѣ вообще его не любили; знали, что каждому съ наслажденіемъ пакость сдѣлаетъ, и сами надъ нимъ смѣялись вовсе не такъ, какъ у насъ между собой водилось, а злорадственно. По части вранья, онъ у насъ считался примѣромъ, т. е. въ пословицу вошелъ. Играть съ нимъ было, пожалуй, выгодно, потому что онъ садился играть, когда возьметъ жалованье, пачку зелененькихъ въ 300 руб., и большею частью проигрывалъ. Но помаленьку всѣ стали избѣгать игры съ нимъ. Геннадій Иванычъ, тотъ бы прямо не сталъ. Попробуй Иванъ Григорьичъ присѣсть, онъ бы сейчасъ запыхтѣлъ, свою сдачу отбылъ и вышелъ бы изъ игры. Меня онъ злилъ всего больше во время втораго чаю. Работа идетъ горячая, а онъ возьметъ стаканъ, двѣ-три булочки, выйдетъ къ намъ, къ косяку дверному прислонится и начинаетъ ѣсть и разговаривать. Жуетъ и говоритъ. При его беззубомъ ртѣ, да шепеляніи, да при смѣхѣ подломъ, до того это отвратительно выходило, что просто всю душу воротилъ. Послѣ, когда я поокрѣпъ въ конторѣ и вообще сталъ работать прямо къ подписи или разсмотрѣнію хозяина, я много разъ прямо просилъ Ивана Григорьича уйти, потому что онъ мѣшаетъ. Во время полугодового отсутствія хозяина, Иванъ Григорьичъ просто замучилъ насъ. Потому что, кромѣ затрудненія въ дѣлѣ, еще и страхъ надѣлать пакостей, въ отвѣтъ попасть на страшныя суммы. Послѣ возвращенія хозяина, онъ тоже не поправился, и, наконецъ, болѣзнь въ немъ объявилась, почти безъ перерыва. Илья Егорычъ рѣшился покончить, хотя не пріискалъ еще новаго конторщика. Ради дѣтей несчастныхъ, конечно, разсчетъ былъ сдѣланъ значительно выше, чѣмъ по контракту слѣдовало. Иванъ Григорьичъ собрался въ Россію и въ безчувственномъ состояніи всю Сибирь проѣхалъ. Наконецъ, вовсе обезсилѣлъ и умеръ въ Тюмени. Большое счастіе, что онъ до-

Digitized by Google

тянулъ до такого мѣста, гдѣ всегда были наши, такъ что нашлось, кому присмотрѣть. Денегъ и билетовъ для кое-какого обезпеченія сиротъ оказалось отъ двухъ до трехъ тысячъ. Да и старшая, одиннадцатилѣтняя дѣвочка была, должно быть, умненькая.

Теперь, наша комната.

Въ самомъ углу, отъ двери Ивана Григорьича по лѣвую руку—я; а по длинной сторонѣ стола, противъ окна—Сергѣй Захарычъ Костылевъ. Направо отъ двери, за маленькимъ столомъ—Фролъ Михайлычъ Лебедкинъ. Сейчасъ же за его столомъ—дверь въ прихожую, потомъ печка, а на нашей сторонѣ конторка Ѳедора Иваныча Карпова. По четвертой стѣнѣ—дверь въ самую нашу почетную комнату, куда обыкновенно ставили одну только кровать и гдѣ, впослѣдствіи, жилъ новый бухгалтеръ. Мнѣ девятнадцать лѣтъ, Сергѣю семнадцать, Фролка чуть его постарше, Ѳедору Иванычу двадцать два. Всѣ мы другъ друга уважаемъ, говоримъ на вы, величаемъ одинъ другого по имени и отчеству; живемъ дружно, одинъ другому помогать въ работѣ не отказываемся, хотя иной разъ приходится порядочно повилять хвостомъ, пока допросишься. Особенно трудно бывало возиться съ Ѳедоромъ Иванычемъ. Онъ былъ помощникомъ бухгалтера, т. е. настоящая, главная его работа—переписывать журналъ и разносить. Ему отъ насъ никакой почти помощи не могло быть, развѣ когда счетъ перепишешь, а мы, и я въ особенности, приставали къ нему сплошь и рядомъ. И то могло ему казаться, что его работа важнѣе, а невѣдома остается. Насчетъ послѣдняго онъ ошибался, потому что Илья Егорычъ такъ былъ внимателенъ и памятливъ, что всякую строчку замѣтитъ, кѣмъ написана. А еслибы онъ бумаги къ хозяину носилъ, ему бы отъ этого пользы не было. Онъ всѣмъ, какъ есть, не подходилъ къ этому. Бѣлобрысый, некрасивый парень; засмѣется—зубы непріятно оскалитъ; грудь впалая, лопатки выставились; всегда въ черномъ сюртукѣ. Ни дать, ни взять писарь изъ мѣщанской управы. И разговоръ не подходящій, смиренный, или же вдругъ грубый. Хозяинъ съ Карповымъ обращался всегда вѣжливо, но ходу ему не давалъ.

Сергѣй въ ту пору былъ не то, чтобы херувимчикъ, а какъ есть красавецъ—парень на удивленіе: бѣлый, румяный, отъ бѣлизны большой у него весной сильно веснушки выступали; темные волосы волной, глаза сѣрые, зубы бѣлѣйшіе, ровненькіе. Къ тому же, богатырь: плечи, грудь, голову какъ держитъ, походка какая. Одѣвался, какъ у насъ водится: въ воскресенье и четвергъ рубашка чистая, ситцевая, дома шита, мать стирала, чуть подкрахмаливала; галстухъ измочаленный, штаны по части застеж-

Digitized by Google

ки не вовсе въ аккуратѣ и изъ-подъ жилетки вылѣзти могутъ; визитка старенькая, синяя. Фролка былъ забавный: маленькій, совсѣмъ не доросъ, оттого и держался на положеніи горничнаго мальчика; отъ хозяина ему и одежда шла. Экономъ захватитъ въ лавкѣ матеріи, портного привезетъ и справитъ пару. Въ будни изъ твину коричневаго былъ костюмъ, а въ праздникъ изъ сукна, синяго кяхтинскаго, а для улицы у него былъ хорошій черный полушубокъ, шубка, дешевая, песцовая и шапка нѣмецкаго бобра съ зеленымъ бархатнымъ верхомъ. При полушубкѣ хорошо выходило. Про себя мало могу сказать хорошаго, но долженъ быть благодаренъ и за то, что говорить могъ складно и память имѣлъ хорошую. Что когда написано, сразу могъ сказать; и цифры помнилъ; пять цифръ съ копейками легко. Вообще, товарищи всегда меня любили и въ гимназіи. И въ конторѣ, чрезъ самое малое время, дружба явилась. Насчетъ общей работы все шло дружно. Про почтовую часть я уже разсказалъ, а другое, что требовалось самое спѣшное—это переписка копій съ контрактовъ. Мы брали много всякихъ подрядовъ. Ну, разумѣется, контрактъ, залогъ въ размѣрѣ одной десятой, установленное количество копій и сейчасъ же авансъ. Копій требовалось много, потому что кромѣ казны, нашимъ всѣмъ, кого дѣло касалось, посылали. А хозяинъ любилъ, чтобы это дѣло въ мигъ дѣлалось. Во-первыхъ, чтобы деньги въ казнѣ попусту не валялись, а шли бы къ мѣсту и въ оборотъ. А главное, чтобы утереть носъ всякимъ присутственнымъ мѣстамъ, что, дескать, у нихъ сотни чиновниковъ, а дѣло по недѣлямъ таскается; у насъ же два-три паренька малограматныхъ, и за день всегда все поспѣваютъ. Вотъ какъ этакой контрактецъ подойдетъ, потребуемъ мы себѣ свѣчей стеариновыхъ, да какъ въ четыре руки подхватимъ, такъ экземпляра по три испечемъ, даромъ что листъ кругомъ мелкимъ почеркомъ выходилъ. У Фролки обыкновенно и не помѣщалось. Начнетъ хорошо, а потомъ все разбѣгается и перейдетъ на другой листъ. Сорокъ копеекъ, а все-таки расходъ, но хозяинъ за это замѣчаній не дѣлалъ, лишь бы готово было. Разъ по частному дѣлу я писалъ на листѣ въ 600 рублей. Тутъ ужь всѣ прошены были въ комнату не входить. Ошибки ни единой. Чуть-чуть только не совралъ, на первой буквѣ замѣтилъ: въ жаръ и холодъ бросило. Вообще скажу: хоть съ четырехъ странъ свѣта были мы нахватаны, не на выборъ взяты, а всѣ, сколько было насъ въ этой комнатѣ, четверо, были честные. То есть такъ, что порошинки чужой бы не тронули.

Ѳедоръ Иванычъ былъ томскій мѣщанинъ. Не знаю, была ли у него жива мать, братья или сестры, вообще какое семейство;

Digitized by Google

а отецъ былъ слесарь плохонькій и бѣдный, потому что Ѳедоръ Иванычъ изъ своихъ 25 р. ему помогалъ. По воскресеньямъ всегда письмо напишетъ, длинно все описывалъ, и любилъ читать эти письма Фролкѣ и вообще, съ кѣмъ былъ подружнѣе. Онъ и дневникъ велъ, т. е. иногда кое-что для себя въ тетрадку записывалъ. При своей невзрачной наружности все-таки онъ по любовной части успѣвалъ. Настасья Никитишна въ то время не попала еще на настоящую свою линію и, не долго думая, соглашалась съѣздить къ Марѳѣ Степановнѣ; и въ томъ числѣ съ Ѳедоромъ Иванычемъ ѣздила. Только онъ скоро отъ нея отсталъ и влюбился въ «очаровательную» Надечку изъ кабачка, насупротивъ нашихъ оконъ. И ничуть это не удивительно. Настасья Никитишна тогда была порядочно потаскана: румянца никакого; окна протираетъ, на подоконникъ встанетъ босая, платье высоко подтыкано, въ родѣ тряпки; косы не заплетены. Какая въ ней сила была, что люди за ней ходить стали—этого Ѳедоръ Иванычъ не могъ понять. А Надечка была темноволосая, румяная и глаза голубые. Идетъ къ Петру и Павлу, или по набережной погулять; все какъ слѣдуетъ, и сапожки съ каблучками. Зимой даже соболью шапочку завела. Насколько онъ успѣлъ познакомиться—мнѣ неизвѣстно, но жениться мечталъ. И мечта эта не исполнилась: умереть пришлось бѣднягѣ. Объѣлся онъ должно быть Успенскимъ постомъ пирога съ омулями и заболѣлъ. День, другой—все хуже. Пригласилъ знакомаго доктора изъ поляковъ. Тотъ прописалъ ему пилюли слабительные. Хозяинъ своего доктора прислалъ, консиліумъ произошелъ.—Зачѣмъ, говоритъ ему, слабительное; онъ возбужденъ; ему главное спокойствіе нужно, отдыхъ. Тотъ докторъ не согласился, но перечить не сталъ: дали успокоительнаго. Вдругъ, утромъ что-то вышло. Засуетились; хозяйскій докторъ погналъ домой.—Что такое? Нехорошо; воспаленіе брюшины. Стало его рвать чернымъ, при этомъ такъ и встряхиваетъ. Не понимаю, сколько всего дней пролежалъ, только немного. Большіе приказчики всѣ въ отъѣздѣ, и потому комната возлѣ нашей была свободна. Тамъ онъ и лежалъ. Фролка тоже уѣхалъ. Мы съ Сергѣемъ дежуримъ все время; я бо̀льшую часть ночи, потому что Сергѣй былъ сонливый. Тутъ Ѳедору Иванычу подъ кожу сонныя капли вспрыскивали очень маленькой машинкой. Должно быть не для лѣченія, а просто чтобы не мучился. И еще давали мы ему нюхать какую-то соль въ банкѣ. Причастить нельзя было; отецъ Павелъ исповѣдывалъ и разрѣшилъ. Сижу я у постели ночью; тихо; въ тѣхъ комнатахъ спятъ; Макаръ Степанычъ на полу страшно храпитъ, пугаетъ. Въ конторѣ горитъ его же, Ѳедора Иваныча,

Digitized by Google

лампа подъ колпакомъ, свѣтъ убавленъ, а онъ лежитъ, головой по подушкѣ мечется и дышетъ часто. Глаза не вовсе закрыты, ротъ тоже. Вдругъ онъ поуспокоился и говоритъ: «Простите меня, я виноватъ передъ вами. Я былъ грубъ...» Совсѣмъ я взволновался. Потомъ онъ бредилъ про Надечку, что она хочетъ съ нимъ видѣться, что она приходила, что вотъ теперь старуха во дворъ пришла, спрашиваетъ его, записку отдать. Въ послѣднюю ночь, съ вечера Настасья Никитишна пришла съ Варварой; постояла немного, вдругъ ей захотѣлось плакать; нагнулась, поцѣловала руку и убѣжала. Утромъ въ седьмомъ часу пріѣхалъ докторъ и написалъ рецептъ; Сергѣй побѣжалъ взнуздать лошадь и безъ сѣдла поскакалъ въ аптеку, а докторъ пошелъ къ Ильѣ Егорычу. Немного спустя, съ Ѳедоромъ Иванычемъ сдѣлался страшный приступъ рвоты, я испугался: одной рукой коекакъ его поддерживаю, а другой сталъ сильно звонить. Когда я его на подушку опускалъ, докторъ входитъ. Взглянулъ, махнулъ рукой и еще отъ двери повернулъ назадъ. Такъ я въ первый разъ на вѣку увидалъ смерть.

Когда я возвратился часа черезъ два, Ѳедоръ Иванычъ лежалъ на столѣ и уже началъ портиться: за ушами темныя пятна выступили. Хозяинъ каждый день его больного навѣщалъ, и теперь оба дня на панихиду приходилъ. Когда мы стали поднимать гробъ, немного его покачнули, изо рту черная струйка полилась. Гробъ мы несли сами, и онъ провожалъ до кладбища.

При этой смерти, между прочимъ, проявилась подлость души Ивана Григорьича. По его разговору, уже такъ-то онъ Ѳедора Иваныча и любилъ, и цѣнилъ, и благодѣтелемъ ему былъ. А когда хозяинъ поручилъ ему переписать имущество, и при письмѣ отправить въ Томскъ, къ отцу, такъ онъ серебряные часы у себя оставилъ за долгъ въ 20 р. Между тѣмъ, покупка этихъ часовъ была для Ѳедора Иваныча величайшимъ событіемъ: со всѣми-то онъ совѣтовался, всѣмъ показывалъ, просилъ оцѣнить, гордился часами. Конечно, и отцу писалъ объ нихъ со всей подробностью. Наконецъ, изъ всего имущества это была единственная вещь, которую можно было сохранить на память о сынѣ.

Фролка былъ вообще забавный. Семнадцать лѣтъ не велики годы, а по росту и по всему, онъ казался еще гораздо моложе: совсѣмъ мальчикъ. Глазки у него были каріе, къ носу слишкомъ близко, веселые и понятливые, точно у звѣрька И рыльце маленько выдалось. Стараніе понимать въ немъ было постоянное. Разговоръ ведетъ, слушаетъ, и голову то такъ, то этакъ повернетъ, точно звѣрекъ ручной или птица. Иногда вдругъ порвется заговорить, раздумаетъ и не то пикнетъ, не то скрип-

Digitized by Google

нетъ, точно подавили куклу. Смѣяться любилъ, не могъ удержаться. Ежели онъ веселый, да проситъ о чемъ-нибудь, то ластится, ласково глазками смотритъ, какъ дитя, и голоскомъ выводитъ слова ласковыя. Лапки, конечно, маленькія, не настоящія, ноги колесомъ. У него прозванія были: новорожденный, младенецъ, мышь, скрипучка. А обижался онъ всего больше вотъ на что: очень онъ любилъ ѣсть. Когда Макаръ Степанычъ несетъ булки или пироги, ужь онъ на крыльцѣ его шагъ чувствуетъ; выскочитъ и въ прихожей на ходу захватитъ, сколько ему требуется, и особенно, ежели шанежки горячія. На бумажку подлѣ себя положитъ, нальетъ чаю и начнетъ стараться. Зубы большіе, откусываетъ куски непомѣрные, жилка на вискѣ нальется. Ежели въ это время скрипнуть, то разсердится. Его часто таскали подавать кушанье къ хозяйскому столу. Всѣмъ вообще прохвостамъ, которые тамъ бывали, подаетъ блюдо благочестиво, вѣжливо; головку на бокъ поворачиваетъ, въ лицо заглядываетъ.

Выслали его на службу къ намъ изъ глухого вологодскаго городишка. Мать и сестра на родинѣ остались, и онъ имъ помогалъ. Помню, мать звали Натальей Ивановной, и, по его разговорамъ, я думалъ объ ней съ удовольствіемъ; и о сестрѣ любилъ его разспрашивать. Замѣчательно, что мы, всѣ четверо, въ нашей комнатѣ были дружны и разговаривали между собой охотно, а разговоры были совсѣмъ разные. О женскомъ полѣ, напримѣръ, мы съ Сергѣемъ говорили много; съ Ѳедоромъ Иванычемъ мало, съ Фролкой никогда ни словечка. Будто чутье какое-то было, что къ кому подходитъ. И еще мнѣ вспоминается, что хотя не очень наши разговоры были мудрены, а все-таки не всегда же и совсѣмъ пустые. Напримѣръ, Фролка мнѣ разсказывалъ, что, по дорогѣ въ Сибирь, ему пришлось быть въ Ярославской усадьбѣ Некрасова. Ему пріятно было разсказывать, какъ онъ тамъ ходилъ и смотрѣлъ. Стало быть, думалъ же онъ объ чемъ-нибудь подобномъ, и не вовсе безчувственны мы были.

Послѣ, Фролка испортился. Случаи ему были даны отличные. Нѣсколько разъ ѣздилъ онъ довѣреннымъ мальчикомъ съ Геннадіемъ Иванычемъ въ Якутскъ и Ирбитъ и очень былъ хорошъ. Но только покуда въ немъ ребячья старательность и забавность оставалась. И Геннадій Иванычъ, даромъ что въ торговыхъ дѣлахъ тоньше всякаго, насчетъ мелочей самъ былъ настоящій младенецъ. Что ему пить и ѣсть, во что одѣться, да какъ бы вещей не растерять—это все другой за нимъ долженъ присмотрѣть. Всѣмъ этимъ онъ затруднялся, отъ всего отказаться былъ радъ. И по письменной части непремѣнно нужно было его под-

Digitized by Google

талкивать, потому что онъ ее ненавидѣлъ, хотя, когда примется, писалъ свободнѣе и лучше всѣхъ. Душа не унялась: что пріятное или подлое увидитъ, изъ себя выходитъ и Фролкѣ все серьёзно объясняетъ. Такъ что путешествовали они, на прочихъ людей не похожи, въ родѣ какъ бы большой Робинзонъ съ маленькимъ. И между прочимъ, было въ Фролкѣ именно то, что Геннадій Иванычъ всего больше цѣнилъ: стараніе, искренность. Но когда Фролка изъ ребячихъ лѣтъ сталъ выходить, то у него охота къ дѣлу пропала; тупѣть сталъ. Мы всѣ больше привыкаемъ и понимаемъ лучше, что да какъ; а онъ все хуже сталъ дѣлать. Даже писать хуже сталъ. Считаетъ—ошибается. Что ему поручаютъ, беретъ неохотно, непріятный видъ дѣлаетъ. Наконецъ, когда прослышалъ онъ во время поѣздки на Лену о большихъ пріисковыхъ жалованьяхъ, показалось ему вовсе противно и невыгодно служить у насъ. Разсчитался, и получилъ мѣсто въ тысячу съ чѣмъ-то рублей. Ходитъ уже, какъ слѣдуетъ, въ черномъ сукнѣ, цѣпочку золотую шейную завелъ, и, конечно, такъ и засохнетъ на обсчитываніи рабочихъ, да составленіи грабительскихъ матеріальныхъ вѣдомостей.

Мой первый другъ Сергѣй.

Съ Сергѣемъ я подружился въ первый же день поступленія. Посадили меня за одинъ съ нимъ столъ, и я, конечно, обо всемъ его разспрашивалъ. Я чувствовалъ себя одинокимъ, оробѣлъ, сконфузился, и для меня было большимъ утѣшеніемъ, что такой пріятный молодой человѣкъ вѣжливо, дружески со мной обращается. Послѣ обѣда онъ повелъ меня къ себѣ, на дворянскую половину. Постель онъ на день убиралъ, и кровать была застлана тюменскимъ ковромъ, а на стѣнѣ другой коверъ, скрипка и смычекъ. Онъ скрипку снялъ, настроилъ и сыгралъ мнѣ барыню. Я потому знаю, что мы подружились съ перваго дня, что когда его вечеромъ вдругъ турнули съ безконными—очень меня это слово озадачило, не могъ понять: какъ это *ѣхать на безконныхъ!*—то онъ меня утѣшалъ, что ѣдетъ только въ догонку за другой партіей, сдастъ товары въ Дабинѣ, всего пятьдесятъ верстъ, и вернется послѣ завтра. Мы оставались друзьями во все время, хотя ссорились часто; а послѣ, когда служба пошла врозь, и расходились надолго.

Черезъ Сергѣя я подружился и съ его семействомъ. Они были тюменскіе, по отцу и по матери изъ хорошаго, давняго семейства. Домикъ былъ у нихъ старенькій; а потомъ затѣяли и новый построить; но вывели только каменный нижній этажъ, куда

Digitized by Google

и переселились «бабушки». Я впослѣдствіи этихъ бабушекъ видѣлъ, а въ —скѣ зналъ ихъ по карточкамъ, какія въ подобныхъ городахъ снимаются: въ родѣ какъ бы двѣ жабы представлены, черныя и страшныя. Но были они предобрыя, внуковъ (у Сергѣя былъ старшій братъ, Вася) обожали, и, должно быть, баловали крѣпко. Оба брата не забывали ихъ, и писали имъ письма. Отецъ Сергѣя, Захаръ Захарычъ, былъ изъ числа обозныхъ, изъ самыхъ малограматныхъ. Потомъ одно время состоялъ экономомъ; а впослѣдствіи, когда для экономской должности много утонченностей потребовалось, опять возвратился въ обозъ. Онъ былъ извѣстенъ по всему тракту, какъ красавецъ и силачъ. Мнѣ въ конторѣ говорили: вотъ увидите, пріѣдетъ Захаръ Захарычъ; просто братъ своимъ сыновьямъ, а не отецъ. Пріѣхалъ онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—ну, конечно, и подобія нѣтъ. Выше ростомъ, крупнѣе гораздо, здоровякъ; но ужь лицо багровое, глаза посоловѣли, слезятся на вѣтру; волосы и не такъ причесаны, и не такъ разметаны, какъ у молодого; во всей осанкѣ толсто, да тонко не въ томъ мѣстѣ, накопилось сала, гдѣ не слѣдуетъ. Нѣтъ ужь, у кого сыновья выросли въ добрыхъ молодцовъ, не бывать тому молодымъ рядомъ съ ними. Онъ слышалъ обо мнѣ отъ Сергѣя, и встрѣтилъ меня дружески. Какъ тюменскій человѣкъ, онъ, разумѣется, былъ плутъ; но для забавы любилъ напускать на себя простоту. Былъ очень сдержанъ. Коли разсердится—виду не подастъ; и ужь въ крайности начинаетъ крутить усы, или уйдетъ. Слово отвѣтное у него никогда не срывалось необдуманно; а скажетъ погодя, мѣтко, больше въ родѣ присказки. И, кого дѣло касалось, долженъ былъ смекать, что думалъ онъ больше, чѣмъ сказалъ. Вообще въ дѣлахъ и спорахъ всего чаще отмалчивался, и очень трудно было заставить его сдѣлать что-нибудь не по своему. Что задумалъ, пустякъ или что посерьёзнѣе, не покажетъ до послѣдней минуты; и вообще особой своей распоряжаться шито и крыто умѣлъ удивительно. Привычка силача въ томъ сказывалась, что когда съ нимъ затѣвали возню, набрасывались на него, онъ никогда не отбивался. Только вдругъ кого-нибудь подомнетъ и поворотитъ какъ-нибудь неловко (всего чаще эконома), да въ такомъ положеніи и продержитъ. А самъ на прочихъ смотритъ и смѣется. Въ карты игралъ осторожно и прижимисто; однако-жь, въ самую большую игру, какая у насъ бывала. Когда не везло, умѣлъ остановиться. Дѣтей училъ никогда не пить на свой счетъ; но, разумѣется, въ очередной покупкѣ четвертныхъ бутылей участвовалъ. Въ конторѣ не обѣдалъ, по брезгливости, которую отъ него и Сергѣй унаслѣдовалъ. Въ семействѣ былъ голова; однако-жь,

Digitized by Google

при посторонних, и вообще въ мелочахъ, держался какъ бы въ подчиненіи у сыновей, которые были гораздо граматнѣе его. Къ сыну, Васѣ, въ погребъ придетъ, угощенія попроситъ; но Вася знаетъ сколько дать, и онъ подчиняется. Въ былые годы, говорятъ, могъ пить страшно. Въ конторѣ всѣ его любили; а по всему тракту до Перми онъ былъ популяренъ вполнѣ, и проѣзжалъ на безконныхъ выгоднѣе (для себя), нежели всякій другой. Хозяинъ говорилъ о немъ: позвать ко мнѣ Костылева-старика! а въ разговоръ всегда называлъ его Захаръ Захарычъ.

Вася и Сергѣй воспитывались въ тюменскомъ приходскомъ училищѣ. При начальственныхъ посѣщеніяхъ, ихъ выставляли впередъ; и посѣтители трепали ихъ по щечкамъ, и брали за подбородки. Вася былъ слабѣе здоровьемъ, и потому оставался дома лишній годъ; а Сергѣя отецъ привезъ въ —скъ по двѣнадцатому году, и отдалъ его Ильѣ Егорычу въ горничные мальчики. Онъ просуществовалъ въ мальчикахъ три или четыре года, и отъ этого времени у него осталась непреодолимая ненависть къ Ильѣ Егорычу. Подробностей онъ мнѣ разсказывать не хотѣлъ; но я знаю, что по жалобѣ Ильи Егорыча отецъ наказывалъ его ременнымъ кушакомъ. Потомъ онъ ѣздилъ одно лѣто въ Якутскъ; поступилъ подручнымъ въ бакалейный магазинъ; и не задолго до меня былъ переведенъ въ контору. Повидимому, Илья Егорычъ замѣтилъ его особенный характеръ, и потому неоднократно давалъ ему хорошіе случаи. Напримѣръ, по восемнадцатому году, онъ ему предложилъ подъ отчетъ бакалейный магазинъ. Для мальчика на побѣгушкахъ, съ жалованьемъ 20 р., это могло показаться завиднымъ: для ловкаго человѣка мѣсто тысячное. Но Сергѣй отказался, и, конечно, хорошо сдѣлалъ. Во-первыхъ, онъ сообразилъ, что ему обуздывать прежнихъ товарищей будетъ неловко. А во-вторыхъ, бакалейная торговля требуетъ постояннаго и мелкаго надувательства, на которое онъ не былъ способенъ. Поврежденія, бой, расхищеніе — громадныя; все это нужно покрывать, а правильно покрыть нельзя; потому что тогда, по выраженію Дмитрія Кирилыча, въ магазинъ только бѣшеные будутъ заходить, а прочіе станутъ покупать у конкурентовъ. Приходится рвать и тянуть, гдѣ, съ кого и на чемъ можно, запрашивать, обманывать, подсовывать дрянь. И часть всего непремѣнно пойдетъ въ карманъ подручныхъ. Изъ году въ годъ накопляется масса безнадежныхъ товаровъ. Что изъ нихъ не убрано, только вредитъ магазину, возбуждаетъ насмѣшки и недовѣріе покупателей. Уцѣнка допускалась хозяиномъ только на то, что прямо выбросить нужно. А чуть что въ городѣ подобралось, сахаръ, свѣчи, масло, керо-

Digitized by Google

синъ, сейчасъ надбавляй сильно, и слушай ругань. Опять же *исправленіе* товаровъ, сообщеніе годнаго вида разнымъ вареньямъ, сиропамъ, банкамъ, пострадавшимъ отъ мороза. Безъ всего этого торговать нельзя — а все это мелочное и противное мошенничество. Илья Егорычъ не разсердился на Сергѣя за этотъ отказъ и откровенное объясненіе. Вскорѣ потомъ онъ послалъ его поздней осенью къ Байкалу, распорядиться массой товаровъ, которые привалили и скучились на обоихъ берегахъ, при чемъ предвидѣлось большое возвышеніе цѣнъ вощиками. Глядя по погодѣ, слѣдовало извѣстные товары отправить пароходами; а прочіе кругомъ и т. д. Всѣ наши обозные тамъ были, въ томъ числѣ и Захаръ Захарычъ; а Сергѣй все-таки поѣхалъ главнокомандующимъ. Все обошлось благополучно, и погода позволила пароходу оба рейса исполнить скоро. Только пароходная команда выкрала нѣсколько паръ сапогъ, да банокъ варенья. Хозяинъ приказалъ отнести это на счетъ Сергѣя, со словами: «впередъ будь граматнѣе». Но вычета сдѣлано не было. Потомъ онъ взялъ Сергѣя съ собой на ярмарку, и остался имъ вообще доволенъ (и Сергѣй, единственный разъ, по поводу этой поѣздки отозвался о немъ хорошо: все время веселъ былъ, шутилъ, разговаривалъ). Но затѣмъ все-таки ничего путнаго не вышло. Сергѣй продолжалъ держаться враждебно и непріятно, и когда Илья Егорычъ постигъ наконецъ, что ему не подобаетъ выслушивать въ обществѣ замѣчанія насчетъ того, что свѣчи дороги, селедка подгуляла и лафитъ въ магазинѣ Абрамова гораздо лучше, то рѣшился продать магазинъ и погреба приказчикамъ, которые ими завѣдывали. Сергѣй перешелъ къ нимъ. Они, конечно, просили Илью Егорыча отпустить его; такъ что приличіе было соблюдено; но онъ все-таки разсердился и сдѣлалъ Сергѣю разсчетъ нехорошій. Приволье и денежное обезпеченіе у молодыхъ хозяевъ, бывшихъ товарищей, не пошло, однако-жь, Сергѣю въ прокъ.

Сергѣй почти никогда въ конторѣ не обѣдалъ. Ему было противно перехватывать куски. Отъ ножей, вилокъ и ложекъ Макара Степаныча его передергивало. Онъ бѣгалъ обѣдать домой къ матери, и изрѣдка меня угощалъ. У нихъ было очень чисто, и мнѣ нравилось, что все немного на деревенскую руку. Стѣны просто бѣленыя, полы бѣлые, чисто вымыты, и полазы (половики, дорожки) къ столу и дверямъ; перегородка тесовая, занавѣска одна во все окно, каленкоровая, съ бахромой по краю. Въ прихожей умывальникъ мѣдный съ тазомъ, какъ жаръ горитъ, и полотенце тюменское съ кружевными концами. Немного спустя, Сергѣй и ночевать сталъ дома. Илья Егорычъ не могъ ему отказать: отецъ большею частью въ отъѣздѣ, старуха-мать одна, боится.

Digitized by Google

Въ одно время въ жизни Сергѣя произошла перемѣна. Онъ сталъ каждый день уходить послѣ обѣда домой на все время; отъ прогулокъ нашихъ отказался; меня просилъ не заходить, говоря, что теперь неудобно. Я думалъ, что у него явилось какое-нибудь новое знакомство, и огорчился такимъ недовѣріемъ, потому что прежнія его дѣла по этой части были мнѣ извѣстны вполнѣ. Потомъ оказалось, что онъ пріобрѣлъ хорошую скрипку, по случаю, за 25 р., купилъ двѣ книги нотъ въ красномъ переплетѣ, и ходилъ брать уроки къ одному музыканту. Рѣшился онъ, наконецъ, показать мнѣ свое искуство. Ноты на столѣ раскрылъ, къ стѣнѣ приставилъ, сталъ играть. Я до сихъ поръ не знаю, что мнѣ про него на этотъ счетъ думать. Мнѣ очень понравилось; и лицо прекрасное, серьёзное было, тогда ужь съ бородкой, легонькая, черная бородка у него пошла, которую онъ на щекахъ незамѣтно подбривалъ. Онъ подолгу игралъ дома въ свободное время, и послѣ обѣда, и по вечерамъ—и все-таки ничего изъ этого не вышло. Захаръ Захарычъ мнѣ потомъ говорилъ такъ жалостливо, какъ про дурачка: — пиликаетъ, пиликаетъ все одно.—Изъ всѣхъ удовольствій онъ музыку всѣхъ выше цѣнилъ. Гдѣ только можно послушать, въ концертѣ, въ театрѣ, въ саду, непремѣнно отправляется. Читалъ жизнеописанія музыкантовъ, мнѣ разсказывалъ. Фотографіи купилъ; изъ которыхъ помню двухъ его любимцевъ: Листа—глаза къ верху смотрятъ, и Паганини—больше на деревянную куклу похожъ. Даже разговоръ его былъ всего живѣе, тверже, *образованнѣе*, когда онъ объ этихъ вещахъ говорилъ. Я признаюсь, по этой части ужасно плохъ, ничего не понимаю; вообще мнѣ кажется, что у него была способность къ музыкѣ, но что онъ слишкомъ поздно началъ. А потомъ кутежи, или попросту пьянство, окончательно отшибли и загубили и охоту, и способность.

А насчетъ моей мысли объ романѣ, такъ съ нимъ было одно приключеніе необыкновенное. Но это онъ мнѣ въ тотъ же вечеръ сказалъ. Привелъ меня къ себѣ, и, послѣ разныхъ предисловій, съ большимъ волненіемъ сообщилъ, и сталъ совѣтоваться, какъ ему поступить. Вдругъ, совершенно нежданно и негаданно, получилъ онъ отъ одной купеческой барышни письмо, самое страстное — длинное, но до того безграматно и такъ дурно написанное, что мы хотя довольно наторѣли въ чтеніи писемъ отъ торгующихъ по дальнимъ деревнямъ, а тутъ разбирали, разбирали и все-таки нѣсколько словъ не могли разобрать. До позднихъ часовъ мы совѣщались; и хотя Сергѣй въ то время былъ въ самомъ полномъ увлеченіи Настасьей Никитишной, и воображалъ, что одинъ ея расположеніемъ пользуется; но это предло-

Digitized by Google

женіе до того ему польстило, что у него голова пошла кругомъ, и онъ рѣшился отвѣчать, что очень счастливъ и, разумѣется, самъ будетъ любить. Писемъ потомъ набралось много, толстая пачка—прямо насчетъ свадьбы, какъ устроить, чтобы отецъ далъ согласіе, или какъ обойтись безъ его согласія. Встрѣчи, гдѣ можно, на минутку назначались. Въ саночкахъ катитъ—у нихъ отличныя лошади были, и вся выѣздка щегольская—отъ матери муфтой закроется, ему улыбку дѣлаетъ, губами шевелитъ. По вечерамъ мимо дома проходили — у одного окошечка тихонько пальчиками постукиваютъ. Она была очень смѣлая. Когда Сергѣй являлся къ ея тятенькѣ съ порученіями отъ Ильи Егорыча, она, какъ замѣтитъ тележку, выскочитъ въ проходную комнату, и тутъ они цѣловались. Однакожь, во время отъѣзда Сергѣя, она преблагополучно вышла замужъ. Были ли тутъ слезы, или все вольной волей сдѣлалось, мнѣ неизвѣстно, а письма Сергѣй тотчасъ сжегъ. Отъ Настасьи Никитишны все осталось скрыто; да и вообще никакой огласки не вышло.

Не помню я совершенно, какъ и когда мы съ нимъ начали прикладываться къ рюмочкѣ. Вѣрно, что долгое время этого не было, а потомъ пошло очень бойко. Но какъ, когда, какая тутъ была постепенность, совсѣмъ не помню. Подъ хмѣлькомъ онъ смягчался. Съ нимъ очень пріятно было пить. Ссоръ никогда; а разговоры безъ конца, про музыку, про ***, а всего больше про Настасью Никитишну—порою въ самомъ одобрительномъ смысли; то, напротивъ, насчетъ ея подлости: развѣ можетъ такъ порядочная дѣвушка поступать? Какая же у нея послѣ этого душа? На этотъ счетъ онъ былъ особенный человѣкъ. Про наружность его я сказалъ. Здоровье было подъ стать. Много отцовской силы къ нему перешло. По двадцатому году восемъ пудовъ одной рукой съ земли поднималъ; ловокъ былъ; любилъ экономскую тележку на рыси настигать; такъ ловокъ былъ, что назадъ черезъ руки кувыркался; въ городки лихо игралъ; на купаніи изъ воды не выдетъ, пока не посинѣетъ весь. Кажется, такому парню не штука бы случай себѣ подыскать. Положимъ, въ—скѣ на этотъ счетъ было скудно; однакожь прочіе пристраивались. Вася, тотъ никогда безъ знакомства не оставался; и всегда подва и по-три. А Сергѣй за все время, какъ мы съ ними вмѣстѣ жили, и даже послѣ, держался около одной Настасьи Никитишны. Только и было его измѣны, что переписка съ ***. Бывали они въ ссорѣ по нѣскольку мѣсяцевъ; и онъ во все время шага не сдѣлаетъ, чтобы завести другое знакомство. Говорилъ, что ему обо всѣхъ противно подумать. На Настасью Никитишну золъ, изобиженъ до крайности, а какъ

Digitized by Google

она пройдетъ, да взглянетъ или улыбнется, ужь не можетъ устоять; идетъ за ней слѣдомъ, спрашиваетъ, что̀ это значитъ, за руку беретъ. Досталась она ему сначала совсѣмъ нечаянно; въ помышленіи не имѣлъ. Жилъ онъ еще въ мальчикахъ, по шестнадцатому году, она была годами тремя старше; встрѣтилась сумерками въ саду, осенью, въ холодное время стали возиться—только и было всей любви. Послѣ, какъ его стало бить отъ одного разговора объ ней, онъ удивленіе выражалъ: даже удовольствія никакого! Потомъ она съ нимъ нѣсколько разъ условливалась; онъ злится, ежели она обманетъ, а все-таки большого вниманія на это знакомство не обращалъ. Чѣмъ, да когда она его раздразнила, мнѣ неизвѣстно. То ли ему на другихъ смотрѣть завидно показалось, то ли просто въ силу вошелъ и сталъ понимать, что въ ней такое привлекательное было, отчего отстать нельзя; то ли сама она умнѣе сдѣлалась, да научилась людьми вертѣть, только на немъ, какъ еще на нѣкоторыхъ, оказалось, что Настасья Никитишна изъ тѣхъ женщинъ, которые умѣютъ привораживать. Между прочимъ, надо сказать, что несмотря на всю красоту Сергѣя, она его никогда не любила. Она не могла съ нимъ быть откровенна. Онъ того требовалъ, что она все время должна была его обманывать. Надоѣдалъ. И съ нимъ ей пріятнѣе было, чѣмъ со всякимъ другимъ поссориться, развязаться, сдѣлать величайшую пакость. Онъ идетъ къ хозяину; а она нарочно начинаетъ возню съ Павлушкой; въ столовую нарочно его вытащитъ, да такъ, обнявшись, Сергѣя и поджидаетъ. Сергѣю ничего бы не стоило Павлушку изувѣчить, но, по его характеру, умереть легче, чѣмъ въ подобномъ случаѣ руки замарать. Я считаю, что Настасья Никитишна никого не любила, а ужь ежели кого, такъ именно Павлушку, черномазаго, угреватаго, который ее билъ. Цѣлую недѣлю съ подбитымъ глазомъ.—Ушиблась, говоритъ, объ столъ ночью. Но и Павлушку она свободно бросала. И когда онъ уѣхалъ на постоянное мѣсто приказчикомъ и вскорѣ умеръ тамъ, она, ни при отъѣздѣ, ни при письмѣ о смерти, ничуть не огорчилась. Правда, что въ то время у нея явились великіе замыслы. Она вдругъ всѣхъ какъ будто оставила и стала жить, не скрываясь, съ однимъ изъ нашихъ, тоже совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, Александромъ Семенычемъ Рогачевымъ, купеческимъ сынкомъ, не богатымъ, но при настоящемъ семействѣ, съ домомъ, родствомъ, знакомствомъ и проч. Когда онъ ей совсѣмъ поддался, она даже удрала такую штуку: отошла отъ насъ. Никто сначала не хотѣлъ вѣрить, такъ всѣ къ ней привыкли. Однакожь, она на своемъ поставила, и наняла себѣ квартиру, гдѣ Александръ Семенычъ каждую

Digitized by Google

ночь и ночевалъ. Настоящій перемѣны въ домѣ впрочемъ не вышло; потому что квартира была близко, а Настасья Никитишна по нѣскольку разъ въ день приходила къ Варварѣ, и, вѣроятно, кормилась. Она прямо била на то, чтобы Александръ Семенычъ на ней женился, и онъ былъ готовъ; но родные, разумѣется, перепугались, добыли ему мѣсто въ отъѣздъ подальше и сплавили.

Вася. Торговля въ погребѣ.

Съ Васей Костылевымъ я, конечно, познакомился съ первыхъ же поръ. Онъ принесъ бумаги изъ погреба, быстро промелькнулъ въ прихожей; и мнѣ показалось, что это Сергѣй прошелъ. Вотъ что значитъ кровь, потому что въ самомъ-то дѣлѣ они не были похожи. Вася былъ немножко повыше; волосы русые; цвѣтъ лица не такъ чистъ, черты помягче. Осанка совершенно не та, грудь впалая и вся комплекція пожиже. Братья были дружны и не ссорились; но большой близости не было. Каждый шелъ своимъ путемъ. Изрѣдка перемолвятся, конечно, словечкомъ на «ты»; но вообще принятъ былъ тонъ шутливый, на «вы» и по имени и отчеству. Со мной оба были дружны и довѣрчивѣе гораздо, чѣмъ между собой. Но сначала наше знакомство съ Васей было только шапочное, а сошлись мы уже во время отъѣзда Сергѣя въ ярмарку, когда я сдѣлался, можно сказать, завсегдателемъ въ Васиномъ погребѣ. Я разскажу про него подробно; потому что въ его исторіи, хорошо видна прикащичья жизнь: и казовыя стороны, и темныя.

Вотъ отворилъ человѣкъ расхлябанную, стекольчатую дверь въ Васинъ погребъ. Бичевка на блокѣ пищитъ, ускоряется, дверь хлопъ, звонокъ громко качается, долго успокоиться не можетъ. Вася, изъ двери напротивъ выскакиваетъ къ прилавку; воротнички аккуратные; галстухъ цвѣтной съ булавкой; густые волосы шикарно разметаны; улыбка привѣтливая. За нимъ, и по обѣ стороны, всякія бутылки красиво разставлены, хрустальные графины разноцвѣтные, ярлыки росписные. Все чисто протерто, нигдѣ пылинки нѣтъ. Дѣлается покупка, поговорятъ, пошутятъ. Понадобилась бутылка съ верхней полки: Вася ловко вскочитъ на полутора-аршинную приступочку; ноги въ щегольскихъ сапожкахъ, подошва вокругъ шелкомъ прострочена; между бутылками, которыя наставлены тутъ же, переступаетъ, не задѣнетъ, спрыгнетъ безъ шуму. Бутылка у него въ рукахъ, словно обросла бумагой; итогъ въ книгѣ въ моментъ окажется; сдача приподнесется вѣжливѣйшимъ образомъ. И еще надо замѣтить, что

Digitized by Google

въ погребѣ покупатели почти всегда мужчины, такъ что самаго настоящаго случая отличаться Вася еще не имѣлъ. Разумѣется, иному могло бы показаться смѣшнымъ, какъ онъ интересничаетъ, но вообще, каждый бы подумалъ, что это молодой человѣкъ, безпечальный и благополучный. Тѣмъ болѣе, еслибы зналъ, что у него и личный барышъ отъ покупочки соображенъ, и къ вчерашнимъ барышамъ присчитанъ. Или еще такую картину представлю, которой, разумѣется, никто не могъ видѣть, но которая была. Лѣто; пустое время; покупателей мало; дѣлать нечего. Андрей Иванычъ надежнымъ образомъ исчезъ на весь вечеръ, и мы съ Васей сидимъ въ его, Андрея Иваныча, чистенькой комнатѣ, гдѣ противъ окна помѣщается и конторскій столъ. Комодъ тутъ есть, зеркало, разныя склянки, пудра для бороды послѣ бритья, и особенная, Васина, розовая пудра. Я сижу; можетъ быть, рюмочка подлѣ, а Вася передъ зеркаломъ то приступитъ, то отступитъ; то такъ, то этакъ повернется, такъ и этакъ волосы взобьетъ и размечетъ. И все время веселый, улыбается. Часъ подъ-рядъ это можетъ продолжаться, и болѣе. И вдругъ какой же разговоръ? — Правда, что у меня ротикъ маленькій? Мнѣ вчера Надечка сказала, что у меня ротикъ маленькій.

Однакожь, жизнь этого легкомысленнаго мальчика была каторжная, трудная и унизительная. Она его надорвала и свела въ могилу; и въ три года скрутила и погубила въ бѣлой горячкѣ его преемника, который къ тому же, сначала только помогалъ Васѣ и вовсе не могъ дѣлать той значительной письменной работы, которая постоянно на немъ лежала. А еще бѣдняга, Никаноръ Лаврентьичъ, былъ здоровенный двадцатилѣтній вологжанинъ, выдержанный въ лошадиной работѣ и лишеніяхъ. А Вася былъ пять лѣтъ единственнымъ подручнымъ въ погребѣ, и попалъ въ каторгу четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, холенымъ, береженымъ, которому идти въ школу, въ шесть рукъ кафтанчикъ обдернутъ, да кушачокъ расправятъ, да поцѣлуютъ. Онъ выдержалъ дольше, потому что былъ умнѣе, приспособительнѣе, меньше поддавался огорченію, и потому что въ немъ былъ—совершенно не въ отца и не въ брата — азартъ отличнаго работника, артельнаго перваго парня; отчего въ трудные дни, до поры до времени, все кажется ни почемъ, и болезнь не беретъ человѣка.

Повторяю заявленіе и убѣжденіе мое, что все, что я дурное сказалъ про помѣщеніе, пищу, личное положеніе и т. п., у прочихъ вообще должно быть еще хуже. Во-первыхъ, какъ я уже сказалъ, самъ Илья Егорычъ былъ человѣкъ, котораго съ другими нельзя

Digitized by Google

ровнять; затѣмъ, такіе люди, какъ Дмитрій Кирилычъ и Геннадій Иванычъ, не могли не имѣть на насъ вліянія, не прибавить намъ приличія и не убавить дикости. Пища, положимъ, скверная, неопрятная; а все-таки не отъ скряжничества и не отъ тухлой провизіи. Помѣщеніе въ бакалейномъ магазинѣ и у насъ отвратительное. Оно вообще бываетъ всего хуже именно въ парадныхъ каменныхъ домахъ, гдѣ порядочныя помѣщенія дороги, и прикащикамъ поэтому предоставляются отвратительныя конуры. Во всю длину магазина, отдѣленъ былъ сплошной переборкой узкій коридоръ, не проходной, безъ оконъ, гдѣ лампа горѣла круглый годъ, и печная труба по неволѣ всегда стояла открыта. Тутъ спало на койкахъ четыре или пять человѣкъ (въ томъ числѣ въ свое время Сергѣй), и на полу погребской мужикъ. Отхожее мѣсто далеко; и потому стояла лохань, куда выбрасовались и всѣ отброски отъ продаваемой рыбы и сыровъ, а частью и отъ ѣды. Тутъ же столъ со шкапомъ для пищи, судки, въ которыхъ приносятъ одновременно обѣдъ и ужинъ, щи кислыя каждый день. Ежели и захочешь что вытереть загаженнымъ полотенцемъ, такъ въ сумракѣ и не видать, вытерто или нѣтъ. Впрочемъ, оно и не требуется. У насъ вѣдь опрятность и брезгливость какая? Чтобы поганства не было, а чистоту мы плохо понимаемъ. Коридоръ въ бакалейномъ магазинѣ, со всей копотью и вонью, со всей грязью, клопами и блохами, стоялъ не тронутый годы. Очень не хорошо. Однакожъ, ежели жить въ подвалѣ, гдѣ изъ-году въ-годъ складываютъ и работаютъ бѣлку, такъ будетъ еще хуже. А живутъ и тамъ. И надъ этимъ три этажа большихъ оконъ, за которыми часто однѣ пустыя стѣны, и въ жиломъ помѣщеніи каждодневныя плутни, чтобы оттянуть банкротство.

За дверью, изъ которой выскакивалъ Вася, былъ закопченый до черноты сводчатый подвалъ, зимой угарный, съ однимъ окномъ, изъ котораго зимняя рама отъ сотворенія міра не выставлялась, и стекла были зеленыя, загаженныя, залѣпленныя, какъ въ самомъ паскудномъ кабакѣ. Такая же кабачная стекольчатая дверь во дворъ. Другая, сплошная дверь запиралась только на ночь, т. е. когда спать ложатся; потому что пока ходятъ, съ двумя дверьми возиться неловко. Да и темно. Морозъ врывается клубомъ, и все время пронзительный сквозникъ. Въ самомъ сквозникѣ—на продолженіи двери съ улицы, двери въ погребъ и двери во дворъ—въ стѣнкѣ углубленіе, въ аршинъ или полтора ширины, и тутъ Васина койка. Спитъ подъ одѣяломъ и бараньей шубой, закрывается всегда съ головой. Вдругъ звонокъ! Босыя ноги спускаются въ нахолодѣлыя калоши, на-

Digitized by Google

дѣвается сверхъ рубашки таже шуба (между прочимъ, при всей цивилизаціи, Вася носилъ рубашку на выпускъ, и снять гайтанчикъ, поясокъ, не согласился бы ни за что); спичка чиркъ; пошелъ въ погребъ, у окошечка спрашиваетъ, что нужно? И этихъ звонковъ бываетъ много. Чуть человѣкъ заснулъ, опять и опять, до двухъ и до трехъ часовъ. А затѣмъ и то случается, что нѣтъ того вина въ погребѣ, и отъ такихъ людей прислали, что нельзя отказать или замѣнить, исторія выйдетъ. Нужно идти въ подвалъ. Берется фонарь, и конечно, какъ былъ босикомъ, въ калошахъ, маршъ. Снѣгу намело, морозъ, двери тяжелыя, кованыя, два замка, бутылокъ штукъ шесть набралъ, ступени оледенѣли, скольскія, шуба совершенно распахнулась.

Сонъ, стало быть, очень недостаточный, тѣмъ болѣе для мальчика. И ужь какъ простудился, такъ все простуженный и ходи, и разстроивайся. Къ тому же еще вотъ что: Андрей Иванычъ былъ человѣкъ молодой, 23—25 лѣтъ; ночевали у него дѣвушки часто, а рядомъ мальчикъ спитъ, т. е. долженъ бы спать.

Утромъ вставай самое позднее въ семь часовъ и сапоги Андрею Иванычу вычисти, хорошенько—потому онъ франтъ. Булки къ чаю принесены вчера, въ обѣдъ, и сложены въ ящикъ стола. И все, что не доѣдено, назадъ туда же сгребается, для собакъ. Ящикъ до того провонялъ, что ежели пять минутъ булка пролежитъ, она ужь воняетъ. Обѣдъ тоже, какъ сказано выше. Двадцать минутъ ходьбы отъ кухни: все совершенно холодное. Къ ужину разогрѣваютъ въ печкѣ. Носитъ эту ѣду погребской мужикъ, сифилитикъ, Наумъ Даниловичъ. Правый глазъ у него вытекъ совсѣмъ и прикрытъ тряпицей на тесемкѣ, которая не перемѣняется никогда. Носъ тоже не совсѣмъ цѣлъ. Вася не брезгливъ, какъ отецъ и Сергѣй, онъ ѣстъ. Но ѣстъ всегда холодную мерзость и мало. Мяса ему попадаетъ самый вздоръ, а все больше чай и вонючія булки.

Затѣмъ работа. Конечно, пріятно лебезить съ шутливымъ покупателемъ; и при этомъ первыя свои денежки въ карманъ откладывать. Но бываютъ покупатели, которые вовсе не заигрываютъ, напротивъ, ругаются и злятъ до чрезвычайности. Затѣмъ, ежели торговля пошла бойко и придется пробыть въ погребѣ долго, такъ вѣдь онъ нетопленый. Нагрѣвается, сколько для винъ нужно, только тѣмъ, что на ночь и днемъ, когда никого нѣтъ, отворяютъ дверь изъ жилого помѣщенія, въ головахъ Васиной кровати. Дверь на улицу, какъ мы знаемъ, одиночная, стекольчатая, расхлябанная. Конторка съ книгой, куда нужно каждую бутылку записать, и по счетамъ справляться, и коекому тутъ же счетъ выписать—у самаго окна. Зналъ бы, надѣлъ

Digitized by Google

бы шубу, хотя вообще не принято, да и опасно возиться между бутылками. Ну, а не надѣлъ, проберетъ бока, посинѣешь въ костюмѣ. Къ тому же, розничная торговля въ этомъ погребѣ—послѣднее дѣло. Это погребъ оптовый. Подвалы огромные. Сотни ящиковъ по всѣмъ стѣнамъ, въ четыре, пять рядовъ, мѣстами только узенькій проходъ оставленъ. Десятки бочекъ, въ особомъ подвалѣ, гдѣ розливъ. Ставятъ ящики, разумѣется, такъ, чтобы къ росхожимъ сортамъ доступъ былъ легкій, вообще не кое-какъ они установлены, а все-таки перетасовка бываетъ порядочная, потому что всего нельзя предусмотрѣть. Тутъ идетъ разливъ изъ бочекъ; отпускъ винъ по требованію собственнаго главнаго розничнаго погреба, и укупорка для оптовыхъ отправокъ. Даже цѣлые ящики одного вина нужно перекупоривать, потому что при пріемахъ изъ нихъ вынимаютъ до послѣдней бутылки, смотрятъ, нѣтъ ли боя. Эта работа на пожаръ: бутылки кладутся назадъ настолько аккуратно, чтобы благополучно въ подвалъ снести. А въ отправку требуется укладка, совсѣмъ другая. Укупорка ликерныхъ и водочныхъ бутылокъ разнаго фасона, разумѣется, еще копотливѣе. Стало быть, каждый отправляемый ящикъ сними съ мѣста, выпотроши, уложи аккуратно, заколоти, стяни деревянными обручами, марку и номеръ фуксиномъ или чернилами выведи и отставь къ сторонкѣ. Для сборныхъ ящиковъ, кромѣ того, лазай за бутылками въ разные углы, производи перетасовку. Разлитое вино изъ бочекъ въ корзинахъ переносилось въ жилое помѣщеніе, и тамъ ихъ заливали смолой—она въ печкѣ разогрѣвается, воняетъ—или надѣвали капсюли и наклеивали ярлыки. При всей осторожности, смотришь, кокнули бутылку, вино полилось, пошелъ духъ; часть того особеннаго погребского запаха, увы, мнѣ столь знакомаго! Для всей погребской работы помощники: безглазый мужикъ, сифилитикъ, положимъ, знающій, опытный, не воръ, и старикъ, уличный сторожъ, настоящій тюлень. Только въ самые крупные дни поднаймутъ кого-нибудь. А ящики шампанскаго, 60 бутылокъ, девять пудовъ, прочіе, по 50 бут., шесть-восемь пудовъ. И бросить нельзя: надорвись, руки, ноги отдави, но спусти бережно. Андрей Иванычъ въ подвалѣ не работаетъ, является только для надзора и приказаній. Ему, во-первыхъ, некогда. Бо́льшую часть утра онъ въ конторѣ, или по разнымъ порученіямъ по городу рыщетъ. Ежели ему можно посидѣть дома, такъ онъ лучше встанетъ на розничную продажу и, между тѣмъ, поразберется въ счетахъ и бумагахъ. Дѣла у него, дѣйствительно, по уши, и кромѣ того, знакомство и женскій полъ. Да и самъ Вася не желалъ бы, чтобы другой въ подвальную работу вмѣшивался: затрудненіе выйдетъ. Онъ

Digitized by Google

Науму Данилычу вѣритъ. Ему легче по своему Науму Данилычу приказывать; да когда можно урваться, вдвоемъ съ нимъ работать, но чтобы онъ зналъ каждый ящикъ и снаружи, и внутри. Да при неисправности и грѣшки кое-какіе, то же до поры до времени одинъ бы зналъ. Входить съ фонаремъ въ подвалъ можно, но работать при огнѣ не полагается. Что днемъ короткимъ не успѣлъ, а время не терпитъ, тащи ящикъ въ жилье десять, пятнадцать штукъ и работай вечеромъ. Передъ отправкой на воду, мартъ и апрѣль, жилье заставлено по цѣлымъ мѣсяцамъ. Пройти нельзя: все ящики, солома и бутылки. Иногда и большую бочку хересу, меду или портвейну, такъ сказать якутскихъ, сюда приволокутъ, дадутъ отстояться и разливаютъ. Для разлива бутылки приготовить нужно: тоже вѣдь онѣ моются, въ ящики складываются, перетаскиваются. Мыли ихъ въ банѣ и я разъ съ полка, съ двухъ ступенекъ скатился и ногами въ такой ящикъ въѣхалъ.

И такъ далѣе. Работа большая, трудная, съ большой опасностью насчетъ грыжи и простуды. Приступами круто приходилось ужасно, напримѣръ, во время пріемки винъ въ концѣ сентября и началѣ октября. Погода можетъ быть всякая. Ежели морозъ опасенъ для винъ, то пріемка идетъ въ подвалѣ. Но бо́льшею частью происходитъ это на вѣтру и легкомъ морозѣ во дворѣ: свѣтлѣе, удобнѣе, нѣтъ тѣсноты, въ десять разъ скорѣе. На крутую, огневую работу Вася былъ молодецъ изъ молодцовъ, проворный, ловкій, веселый. За все брался самое трудное, все свое прежде кончитъ, на ходу другому поможетъ, покажетъ, самъ устали не знаетъ, другимъ не дастъ почувствовать. Между прочимъ, замѣчательно, что его команда, несчастный Наумъ Данилычъ, сторожъ, Никаноръ Лаврентьичъ, впослѣдствіи подручный, парень Плотниковъ, питали къ нему рабскую преданность, такъ онъ умѣлъ съ людьми обращаться и располагать къ себѣ. И по мѣсяцу въ зеркало не смотрѣлся. Выскакивалъ къ покупателю уже дѣйствительно косматый, въ фартукѣ сверхъ старенькаго, рыжаго пальто, руки въ фуксинѣ и сажѣ, лицо захватано. Въ этомъ была величайшая разница между двумя братьями. Сергѣя нельзя было не уважать за нѣкоторыя черты его характера, но строптивость не располагала къ нему многихъ. И хотя онъ могъ хорошо работать — въ особенности ни въ какой суетѣ не терялся—но работникъ былъ вообще лѣнивый и упрямый. Вздумаетъ—сдѣлаетъ хорошо. Нѣтъ—ни хозяйское дѣло, ни своя выгода не заставятъ. Вася ни въ чемъ, кромѣ дѣла, особеннаго уваженія не могъ внушить, но всѣ его любили, и работалъ онъ отлично, и толково, къ пользѣ хозяина и съ выгодой для себя.

Digitized by Google

Между прочимъ, на немъ и переписка большая лежала нетолько по погребу, но и по таможенному нашему дѣлу, которое всегда спѣшное. Онъ же пересчитывалъ и приводилъ въ аккуратный видъ огромныя суммы денегъ, провѣрялъ залоговые билеты, пачкался съ купонами и т. д. Помимо того, что онъ помаленьку наживалъ деньги, установленными въ коммерціи способами, Вася пользовался довѣріемъ Андрея Иваныча, и вполнѣ его оправдывалъ. Разъ только вышелъ маленькій скандалъ, который, до извѣстной степени, и меня коснулся. Случилось это 30-го августа. Погребъ заперли на весь день. Мы были на имянинахъ у Александра Семеныча и возвратились въ погребъ въ такомъ превосходномъ настроеніи духа, что даже Васино каменное сердце разстаяло, и онъ рѣшился угоститься и меня угостить. Существовалъ въ подвалѣ ящикъ, другой давняго рейнвейну, купленнаго за безцѣнокъ у раззорившагося человѣка. Онъ былъ разцѣненъ дешево, и въ продажу не шелъ, потому что много бутылокъ было порченыхъ. Но Вася почти безъ промаха умѣлъ отличать хорошія, а въ случаѣ ошибки не трудно опять закупорить. Вотъ этимъ рейнвейномъ онъ и угощалъ, и наша бесѣда шла, какъ нельзя лучше. Въ заключеніе стали роспивать полбутылочки мараскину—и вдругъ совершенно неожиданно возвратился Андрей Иванычъ. Вася какъ порвался встать, такъ рюмку на себя и опрокинулъ. Андрей Иванычъ выговаривать не сталъ, но ключи отъ комода у Васи отобралъ, помнится, лежало тамъ въ то время тысячъ тридцать. Какъ мы ни просили, а ключи онъ увезъ.

Когда поступилъ Никаноръ Лаврентьичъ, Васѣ стало легче. Не могу я безъ сожалѣнія вспомнить объ этомъ парнѣ. Согрѣшилъ человѣкъ, который допустилъ его погибнуть. Когда онъ явился, мы съ Васей уже совершенно погрязли въ порокѣ. Онъ пристроивался къ дѣвицамъ средняго поведенія, а я игралъ въ карты и пилъ. Онъ все смѣлѣй наживался, да потихоньку сталъ отдавать деньги за большіе проценты подъ вѣрные векселя, а я все безпутнѣе влѣзалъ въ долги. Никаноръ Лаврентьичъ былъ погрубѣе, да попроще, да за то святая душа. Ни одной мысли грѣшной; усердный, бодрый, веселый. Ничего не имѣетъ и всѣмъ доволенъ. Работаетъ, какъ лошадь, и не воображаетъ, чтобы это составляло какую-нибудь трудность. На наше безобразіе смотритъ, и только на скрипкѣ наигрываетъ свои деревенскія пѣсни. По части дѣла онъ обиженъ не былъ. Вполнѣ заслужилъ довѣріе, оказался надежнымъ человѣкомъ и получилъ въ завѣдываніе большой подвалъ для разлива дешевыхъ винъ и наливокъ. Помаленьку освоился бы, простоту лишнюю

Digitized by Google

откинулъ и наживать бы сталъ. Нажить было съ чего. Но онъ заболѣлъ, запилъ мертвую и погибъ. Его даже вскрывали. Вася тоже былъ боленъ, и тоже зимой — на этомъ самомъ сквозникѣ, да въ страхѣ, что вотъ-вотъ позвонятъ; но къ нему ѣздилъ лучшій докторъ; лекарства покупались; исполнялось, что приказано. Съ трехъ сторонъ его берегли, не дали метаться и капризничать; отъ унынія, насколько можно, оградили. А сиротѣ Никанору Лаврентьичу только сказано было: «Ты что же, парень, не лечишься? Лечиться надо». А можетъ быть, и того не сказали.

Съ теченіемъ времени, Андрей Иванычъ настолько приличіе понялъ, да и денежки явились такія, что завелъ въ городѣ содержаночку, насчетъ которой впрочемъ ошибся. Тогда и Вася сталъ помаленьку исчезать въ ночное время, сначала изрѣдка, а потомъ почти постоянно. Изъ всѣхъ нашихъ молодыхъ людей онъ одинъ избѣгъ сѣтей Настасьи Никитишны. Разъ онъ отнялъ у нея платокъ и обѣщалъ отдать только на условіяхъ. Она мимо погреба идетъ, въ окно ему постучитъ. Но ничего изъ этого не вышло, потому что она ему нисколько не нравилась. Цѣлью его стремленій были чужія содержанки, и онъ умѣлъ на шаромыжку пристроиваться къ двумъ и тремъ сразу; и чѣмъ дальше, тѣмъ становился все не воздержнѣе. Мы съ нимъ въ то время значительно разошлись. Во-первыхъ, погреба поступили къ новымъ хозяевамъ, причемъ Вася получилъ подъ отчетъ главный розничный погребъ, что̀ было для него очень выгодно, и онъ сталъ жить одинъ въ большой свѣтлой комнатѣ. А кромѣ того, онъ слишкомъ ужь увлекался своимъ ростовщичествомъ и вообще сталъ не тотъ человѣкъ. Тогда же, осенью, онъ простудился, и на этотъ разъ довольно серьёзно заболѣлъ чѣмъ-то, въ родѣ воспаленія легкихъ. Послѣ болезни выѣхалъ слишкомъ рано, опять сталъ разнемогаться, и докторъ объявилъ, что у него чахотка. Можетъ быть, тогда еще была возможность его спасти, еслибъ онъ рѣшился ухлопать свои денежки на поѣздку въ Москву и дальше, куда доктора̀ пошлютъ. Разговоръ объ этомъ во всякомъ случаѣ былъ; но Вася не повѣрилъ, не рѣшился. Облекся онъ въ свое любимое коричневое пальто старенькое, мягкое, въ родѣ халата, потомъ и въ валенки. Не надолго сталъ показываться въ погребѣ. Прислонится къ конторкѣ, унылый, посмотритъ-посмотритъ въ окно, да и уплетется къ себѣ на диванъ. Бриться пересталъ, бороду отпустилъ. Рождественская бойкая продажа подошла, молодой хозяинъ говоритъ ему: «Вася, я за тебя встану торговать...» — Ладно. Потомъ, разъ сижу я съ хозяевами въ тамошней конторѣ, пробовали мы какіе-то напитки.

Digitized by Google

Вася входитъ деньги сдавать. Къ дверямъ назадъ пошелъ; комната большая, мы ему вслѣдъ смотримъ, а онъ плетется въ валенкахъ неслышно и изъ стороны въ сторону шатается; не можетъ идти прямо. Опять сталъ я у него просиживать все свободное время, пока онъ не заснетъ. Мазали его тогда чѣмъ-то, отчего кожа лупится, и онъ немножко ожилъ, веселѣй былъ вечеромъ, когда съ себя кожу сдиралъ. Его привычка пачкаться съ собой, что-нибудь надъ собой дѣлать, тутъ въ немъ сказалась. Но все хуже, хуже. Мартъ на исходѣ — окончательно въ постель слегъ, настоящимъ труднымъ больнымъ сдѣлался. Въ погребѣ продолжалъ, однакожъ, распоряжаться; подручный къ нему бѣгалъ, и онъ, что нужно ему, говорилъ. Голосъ тихій сдѣлался, глаза большіе, нескоро поворачиваются, долго глядятъ. Тутъ и Сергѣй бо́льшую часть времени сталъ у него проводить и на диванѣ спалъ. А Васину кровать защитить—хозяинъ далъ хорошую ширму. Блюдечко мы ему подавали плевать, для доктора, замѣтилъ я, что много было бѣлой пѣны. Когда сталъ онъ сползать съ кровати, приподняли мы рубашку, увидалъ я ляшки его, ну просто кость одна въ вершокъ, толщиной, страшныя кости въ бедрахъ; сквозь разрѣзъ рубашки тоже грудь видна, узенькая-преузенькая. Но онъ ни за что не хотѣлъ умирать, не смирялся. Разъ такимъ страстнымъ голосомъ говоритъ: «Не правда ли, я не такъ боленъ? Я не умру?» Апрѣля первые дни настали; докторъ сказалъ: скоро, двое-трое сутокъ. Мы предложили Васѣ причаститься. Онъ отказался; но когда пришелъ отецъ Павелъ, онъ принялъ его прилично и причастился хорошо. И приступа кашля потомъ не было. Илья Егорычъ вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ, и Вася, по прежнему почтенію, пролежалъ передъ нимъ тихенькій, восковой, красивый. Для причастія простыни, наволочки перемѣнили; все опрятно было. Тогда Сергѣй сказалъ ему, что мать очень желаетъ къ нему пріѣхать повидаться съ нимъ. Онъ разсердился. Она пряталась отъ всѣхъ, и онъ понялъ, что если она рѣшается показаться—значитъ плохо. Однакожъ, нельзя было его слушаться; она пріѣхала и ночь у него съ Сергѣемъ и со мной провела. На слѣдующій день, только-что я прилетѣлъ изъ конторы, въ первомъ часу, подхожу къ изголовью, Сергѣй въ ногахъ сидитъ, Вася ко мнѣ голову повернулъ и говоритъ — голосъ не громкій, но видно, что онъ изъ всѣхъ силъ говоритъ: «Ваня, скажи ему, чтобы онъ отсталъ отъ меня, чтобы онъ меня не мучилъ!» Я понялъ, что Сергѣй спрашивалъ его насчетъ денегъ, чтобы онѣ не миновали рукъ семейства. А Вася все время держалъ ключи подъ подушкой, и до послѣдняго дня погребъ, конечно, по добротѣ хозяевъ, ко-

Digitized by Google

торые не захотѣли его огорчить, оставался у него на отчетѣ и и выручку Плотниковъ ему сдавалъ, по его указанію клалъ въ комодъ и отдавалъ ему ключи. Вечеромъ докторъ сказалъ, что Вася ночи не переживетъ. Пошли всѣ спать. Катерина Гавриловна пріѣхала, и мы опять втроемъ съ нимъ остались. Нужно было распорядиться всѣмъ на случай смерти. Мы съ Сергѣемъ очень на этотъ счетъ волновались и суетились. Ни тому, ни другому не приходилось видѣть, какъ что дѣлается. У насъ была душевная забота, чтобы Васю положить въ гробъ, какъ можно приличнѣе и красивѣе, а мы слышали, что черезъ четверть часа послѣ смерти тѣло коченѣетъ и можетъ выйти что-нибудь безобразное. Мы этого ужасно боялись. Приготовленъ былъ опытный человѣкъ; вода грѣлась на хозяйской кухнѣ, соломы припасли. Мы выходили для этихъ хлопотъ и возвращались къ Васѣ. Какія онъ слова въ забытіи шепталъ, что̀ мы послѣднее отъ него слышали, сознательное—не помню. Было въ числѣ этихъ послѣднихъ слышаныхъ словъ и мое имя. Мать припала къ нему, и онъ цѣловалъ ее нѣсколько разъ, хорошо, какъ дитя. Потомъ опять шевелились его бѣдныя, дѣтскія губы, но уже ничего нельзя было разслышать, хотя близко наклонялись. Можетъ быть, въ этомъ беззвучномъ шепотѣ было смиреніе, прощаніе, слово доброе... котораго никто изъ насъ не слыхалъ. Еслибы я такъ любилъ его, какъ прежде, въ первое лѣто нашей дружбы, не выдержать бы безъ рыданій, сердце бы разорвалось. Во второмъ часу, онъ какъ будто сталъ кончаться: судорога въ лицѣ сдѣлалась, челюсть оттянулась. Однако, отдохнулъ и потомъ еще смотрѣлъ и шепталъ, а, наконецъ, въ четвертомъ часу сдѣлался второй такой приступъ—и смерть. Передъ тѣмъ я разбудилъ Плотникова, который любилъ Васю, чтобы онъ видѣлъ его кончину и потомъ поскорѣй помогалъ. По нашей просьбѣ, Катерина Гавриловна торопливо простилась съ Васей и ушла. Въ одно время стали и обмывать его, и кровать выносить, а я у окна возился. Какъ назадъ въ комнату повернулся, вижу Васю на табуретѣ поддерживаютъ и скачиваютъ водой: голова свѣсилась, ноги сдвинуты, тѣло отъ теплой воды бѣлое—и странный видъ мнѣ показался. Одѣли мы его, причесали; рѣдкіе сдѣлались волосы, но все-таки прилично причесались. И лицо у него было хорошее, спокойное, молодое; губы сомкнулись, какъ были у живого; голова на подушкѣ хорошо легла. Галстухъ забыли, потомъ уже побоялись его трогать, а на мнѣ былъ галстухъ на резинкѣ, такъ мы прикололи бантикъ спереди. Потомъ мы съ Сергѣемъ пересмотрѣли комодъ. Въ разныхъ ящикахъ нашли аккуратныя пачки и въ нихъ денегъ и векселей вдвое и втрое

Digitized by Google

больше, чѣмъ думали. Сергѣю на слѣдующій же день предложили принять погребъ и взяли на себя переговоры съ Ильей Егорычемъ. Сергѣй согласился и объявилъ, что ежели при пріемѣ окажется какая-нибудь недостача, такъ онъ покроетъ сполна, потому что послѣ брата остались деньги. Сколько именно, мы рѣшили не говорить, чтобы не было пересудовъ. Однакожъ, все оказалось вѣрно, до послѣдняго рубля той выручки, которую Плотниковъ положилъ въ комодъ наканунѣ смерти. Послѣ нѣсколькихъ недѣль безконтрольной торговли, это, конечно, доказываетъ его сердечную преданность къ Васѣ. Изъ того, какъ все это просто сдѣлалось, читатель можетъ видѣть, какое вообще существовало довѣріе въ кругу людей, о которыхъ здѣсь ведется разсказъ, и что далеко тамъ было отъ всякаго полицейскаго крючкотворства и придирокъ. Какъ впослѣдствіи деньги въ семействѣ распредѣлились, сколько родителямъ пошло и сколько Сергѣю—мнѣ неизвѣстно.

Всѣ объ Васѣ жалѣли и всѣхъ болѣе ***. Она не рѣшилась показаться въ погребъ, но прислала много зелени и цвѣтовъ. Въ церкви, въ дальнемъ углу, рыдала. Илья Егорычъ пріѣхалъ къ отпѣванію и проводилъ тѣло до поворота съ главной улицы. Тутъ же и мы передали гробъ наемнымъ носильщикамъ изъ солдатъ. Погода была чудная. И на этомъ самомъ пути, въ одномъ шагѣ отъ гроба, Сергѣй договорился съ Настасьей Никитишной жить съ ней на квартирѣ, какъ она передъ тѣмъ жила съ Александромъ Семенычемъ. Лица у обоихъ были веселыя. Конечно, они и на тотъ вечеръ условились. Сергѣю, дѣйствительно, трудно было не чувствовать, что теперь всѣ его денежныя бѣдствія кончились, противная кабала у Шарапова тоже. Не могъ онъ также быть равнодушнымъ къ возможности взять въ полное обладаніе женщину, которая имѣла надъ нимъ такую власть. Въ шествіи не было никого, чье присутствіе могло бы его стѣснять. Захаръ Захарычъ былъ въ отъѣздѣ. Катерина Гавриловна прямо изъ церкви поѣхала домой присматривать за обѣдомъ. Вспомнился мнѣ тотъ же Сергѣй, въ былое время, до нашего развращенія, когда онъ несъ гробъ Карпова, простого товарища, даже вовсе нелюбимаго. Все время до могилы шелъ на одномъ мѣстѣ, въ ногахъ, не захотѣлъ смѣниться; холстъ черезъ плечо держитъ, голову несетъ высоко, лицо строгое, богатые волосы вѣтеръ чуть вздымаетъ...

Когда вскорѣ потомъ Захаръ Захарычъ возвратился, онъ въ первую удобную минуту крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ: спасибо, спасибо, спасибо! Потомъ я пришелъ къ нему вечеромъ. Графинчикъ былъ поставленъ, булка и яицы, нарѣзанныя чет-

Digitized by Google

вертинками—должно быть, вскорѣ послѣ Пасхи это было. Разсказалъ я ему все подробно. Онъ вдругъ переспросилъ меня какое-то слово, голосъ у него оборвался, онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ.

Геннадій Иванычъ.—Пушнина.—Соболи.

Изъ людей, которые въ мое время служили у Ильи Егорыча, всѣхъ выше по душѣ, по образованію и по торговымъ способностямъ былъ Геннадій Иванычъ. Онъ читалъ газеты со страстью. Изъ Москвы пріѣзжалъ со всякими разсказами вольнодумнаго содержанія; какой-то адресъ запрещенный онъ разъ привезъ, номера газетъ «День» и «Москва». Разсказывалъ про представленіе Іоанна Грознаго. Существовали для него въ Москвѣ любимые люди, и изъ нихъ всѣхъ болѣе Иванъ Сергѣичъ Аксаковъ. Разъ мы получили бумагу на счетъ безплатной перевозки какихъ-то вещей. Заголовокъ былъ выведенъ славянскими буквами и подписано: Предсѣдатель и потомъ съ большимъ шикомъ «Ив. Аксаковъ». Геннадій Иванычъ мнѣ показываетъ и говоритъ:—Знаете вы, чья это подпись?—Не знаю.—Вотъ это чья подпись! Объ томъ, какой онъ былъ младенецъ, во всемъ, что до него лично касалось, я ужь упоминалъ. Прачки, со второго же раза, переставали возвращать ему сорочки и платки. Во всѣхъ личныхъ, имущественныхъ сношеніяхъ, въ немъ была именно та деликатность, которая иногда прямо вызываетъ грабительство. Онъ хорошо зналъ всѣ наши товары: чай, мануфактуру во всей подробности, по фабрикамъ, колерамъ и мѣстностямъ; бокалею и вина, зналъ все купечество прикосновенное. Но его настоящій товаръ, въ знаніи котораго никто съ нимъ не ровнялся, была пушнина, и еще того болѣе—соболи (по сибирски говорятъ: *собои*, не *соболя*). Разсказывалъ я выше, какая дикость въ нашемъ краѣ, въ нашей торговлѣ Якутской. Отъ всего нашего торгующаго сословія онъ отдѣлялся, какъ совсѣмъ особенный человѣкъ. Ни къ кому не имѣлъ и десятой доли того уваженія. И при всемъ томъ, никто ему, такъ сказать, не завидовалъ, не злобствовалъ противъ него. Онъ не пилъ совершенно: капли въ ротъ не бралъ. Другому бы этого не позволили, сторониться бы стали, а съ него не взыскивали. Я другого такого примѣра не знаю. Никто лучше его не умѣлъ вести комерческіе разговоры, всегда—со всѣми безъ изъятія—дружески, весело. Никто бы не могъ узнать его мысль, на что онъ рѣшился, что задумываетъ, вообще, скрываетъ ли что-нибудь или все сказалъ. Одно только было вѣрно, что подвоха, того, что въ комерціи сомнительнымъ

Digitized by Google

считается, не будетъ и не можетъ быть. Изумительной тонкости бывали у него выраженія лица. До того въ немъ душа кипѣла, что бросался при слабыхъ ногахъ своихъ, въ замшевыхъ сапогахъ, на всѣ пожары, не зрителемъ, а непремѣнно участникомъ. По лѣстницамъ на крыши взбирается, изъ слуховыхъ оконъ выползаетъ, работаетъ. Неугасимый огонь былъ еще насчетъ одного—женскій полъ страстно любилъ.

Мнѣ особенно любопытно было его увидѣть, потому что еще, будучи ребенкомъ, я видѣлъ его у насъ въ домѣ и слышалъ про его славу. Я помнилъ его: высокій, худой, но плечи широкія, большой носъ крючкомъ, длинные, черные волосы, усы и борода рѣденькіе, съ просѣдью.

Его вниманію ко мнѣ и разговорамъ я обязанъ тѣмъ, что немного сталъ понимать пушное дѣло и полюбилъ эту статью больше прочихъ. Мои товары были: пушнина и вина. Въ подробности насчетъ пушнины пускаться не буду, но попробую, въ короткихъ словахъ сказать, что, можетъ быть, изъ публики не всѣмъ извѣстно. Объ соболяхъ только больше скажу, потому что тутъ уже не возможно удержаться.

Вообще, въ Сибири пушнины добывается мало, и пушнина сибирская дорога. Шить мѣха въ Сибири не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ. Мѣха сибирскаго издѣлія дороги, тяжелы, дурно подобраны и дурно сшиты, неуклюжи—то, что, по сибирски называется озойны. Не велика, кажись бы, мудрость сшить шапку, а шапка сибирскаго дѣла всегда озойна—и все сплошь населеніе, кромѣ инородцевъ, носитъ шапки московскія. Мѣха изъ сибирскихъ шкурокъ, выдѣланныхъ въ Лейпцигѣ и оттуда доставленные на Ярмарку, и изъ Ярмарки въ Москву, непремѣнно будутъ дешевле сибирскаго мѣха, несмотря на всѣ эти путешествія и барыши нѣсколькихъ посредниковъ. И будутъ во всѣхъ статьяхъ лучше. Этотъ фокусъ происходитъ отъ искусной выдѣлки, отъ хорошаго подбора изъ множества шкуръ, отъ пользованія ворохами шубнаго лоскута, умѣнія кое-гдѣ чуть повытянуть, чуть-чуть подкрасить. Мѣха вѣдь шьются не изъ цѣльныхъ шкурокъ. Шкурки рѣжутся на нѣсколько частей, подборъ которыхъ и даетъ хорошіе мѣха разнаго достоинства, соотвѣтственно разнымъ требованіямъ. Ни одинъ волосъ не пропадаетъ. Въ Сибири ничего подобнаго не можетъ быть. Дѣло совсѣмъ не развито; выдѣлка и подборъ безобразные, масса обрѣзковъ, шубнаго лоскута пропадаетъ. Никогда, ни въ какомъ случаѣ не долженъ человѣкъ той мыслью увлекаться, чтобы въ Сибири даже отдѣльныя шкурки покупать — развѣ ужь прямо на правахъ исправника или вліятельнаго лица.

Digitized by Google

Настоящая, главная сибирская пушнина: бѣлка, лисица, песецъ, соболь. Прочее—мелочь, не стоющая вниманія. Комчатскіе бобры и камчатскіе соболи провозятся черезъ Сибирь заплоченными и къ общему обороту сибирской пушнины не принадлежатъ. Соболи камчатскіе хорошіе, крупные, пушистые, волосъ высокій и довольно ровный, въ общемъ уступаютъ только якутскимъ соболямъ. Но уступка, конечно, большая.

Бѣлка бываетъ: ленская, вообще дрянь, 10 — 14 коп., якутская хорошая—20—23 коп., нерчинская хорошая, вслѣдствіе болѣе дорогого провоза до 30 коп. Невозможно себѣ представить, до чего наторѣли опытные торговцы въ распознаваніи сорта бѣлки. Чуть-чуть шкурку заворотитъ, у хвоста три волоска увидитъ—говоритъ: такой-то сортъ. И до того это вѣрно, что когда потомъ тючатъ бѣлку, по три тысячи штукъ, разница въ вѣсѣ тюка одинъ, два фунта—рѣдко больше. Второго сорта вѣсъ пойдетъ ужь совсѣмъ другой и т. д. до конца. Нерчинская бѣлка крупнѣе, выше волосомъ, темнѣе, почти всегда съ хвостами, тогда какъ якуты бо̀льшею частью отрѣзываютъ хвосты для своихъ мѣховыхъ работъ, и тогда бѣлка въ торговлѣ называется безхвостая. Но якутская бѣлка, хотя и ниже волосомъ, ровнѣе, пожалуй, голубѣе, отъ рыжаго цвѣта дальше. Для легкаго мѣхового платья она лучше. Лисица бываетъ обыкновенная, рыжая или красная (огневка) разнаго качества, отъ 2 р. 50 к. до 4 р., и затѣмъ нѣкоторое количество сиводушки, темной, съ большимъ количествомъ сѣраго и чернаго волоса, 20 — 25 р. Чернобурая лисица теперь ужь не сибирскій звѣрь. За шкурку платятъ 100—125 р., но ихъ бьютъ 3—5 штукъ въ годъ. Такъ что существующіе въ торговлѣ настоящіе чернобурые лисьи мѣха, т. е. не такіе, которые изъ темной сиводушки сдѣланы — не сибирскаго происхожденія. Песецъ, какъ извѣстно, бѣлый и голубой. Голубого немного. Онъ пушистъ, легокъ, тепелъ, всегда лѣзетъ. Цѣны своей не стоитъ. Бѣлая песцовая шуба очень тепла, но лѣзетъ такъ, что въ городѣ носить нельзя. Дака изъ пыжиковъ (молодыхъ оленей) на песцовомъ мѣху—лучшая одежда для ѣзды по Сибири. Купить можно за 80—100 р. Самыя дешевыя шубы шьются еще изъ крестоваго, молодого песца, бураго съ бѣлымъ. Куницы средняго достоинства немного. Затѣмъ колонки рыжія, волкъ, медвѣдь—все самые пустяки. Бобра нѣмецкаго, якутскаго кто бы увидалъ въ невыдѣланномъ видѣ, не догадался бы: больше похожъ на телячью шкуру. Потомъ, грубый волосъ счесывается.

Соболь соболю рознь. Всѣ соболи хороши, но какъ рядомъ положишь получше, прежній сейчасъ же конфузится. Главные сорта

Digitized by Google

соболей (кромѣ камчатскихъ) называются: амурскіе, баргузинскіе, очень немного такъ называемыхъ иркутскихъ, и, наконецъ, якутскіе или олекминскіе, или точнѣе, учурскіе.

Было время, когда амурскіе соболи можно было вымѣнивать у гиляковъ за рубль серебряный или за полтора. Теперь ничего подобнаго не можетъ случиться, и цѣна соболей на мѣстѣ, партіями, отъ 7 до 15 руб. Но, конечно, исправникъ всегда съумѣетъ купить дешевле. А ежели считать по тѣмъ деньгамъ, которыя онъ изъ кармана выложилъ, такъ, пожалуй, и вовсе даромъ пріобрѣтетъ. Вообще амурскіе соболи довольно крупны; но, конечно, разные. Бываютъ довольно темные, красивые, съ сѣдиной шикарной; и затѣмъ всѣхъ тѣней посвѣтлѣе, и волосъ поплоше до самыхъ послѣднихъ, мышастыхъ, которые называются голыми и составляютъ собственно ужь не товаръ, а бракъ. Всѣ амурскіе соболи желтой воды, т. е. ихъ общій главный цвѣтъ желтоватый, и ежели дуть на шкурку, то въ пуху, который подъ волосомъ, больше желтой, нежели сѣрой тѣни. Ость, т. е. средняя полоса лучшаго волоса по хребту, всегда узкая, разница между хребтомъ и брюшкомъ огромная. Поэтому амурскіе соболи всегда пестры. Выдаются изъ нихъ отборныя шкурки съ очень темной и красивой остью. Но они всегда жидки, не пушисты. Сквозь видна ихъ жидкость, и чуть повернулъ—ужь не то. Въ Сибири соболей не подкрашиваютъ, но буряты ихъ маранотъ, т. е. коптятъ. Отъ этого *вода* голубѣетъ, и для незнающаго соболь кажется лучше. Но привычный глазъ сразу видитъ, и ежели сквозь руку пропустить, слѣдъ сажи обозначится. Цѣну дадутъ тогда ужь гораздо дешевле, чѣмъ еслибы эти самые соболи были не мараные. Иркутскіе соболи, преимущественно изъ Верхоленскаго и Киренскаго округа, неважные, а главное ихъ очень мало. Вообще, они подороже амурскихъ, даже порядочныхъ. Изъ нихъ-то всего чаще попадаются мараные. Буряты соблазняются надеждой продать незнающимъ городскимъ обывателямъ. Да и самое мараніе больше пристало къ среднему, неопредѣленному цвѣту этихъ соболей. Баргузинскіе соболи—изъ дорогихъ: рублей отъ 30 до 50. Вообще, они мельче амурскихъ и пушистѣе, остистѣе и ровнѣе много, и гораздо темнѣе. Выдаются чрезвычайно красивые (видѣлъ шкурки до 80 р.). Но опять-таки и они «пестры», и очаровываютъ, пока съ хорошимъ якутскимъ соболемъ не сравнить.

Торговля якутскими соболями настоящая, т. е. оптовая, изъ первыхъ рукъ, есть дѣло на охотника, и соболь якутскій — товаръ любительскій. Втянувшись, оторваться трудно. Не любя, не стоитъ столько трудовъ поднимать. Прочіе соболи отправ-

Digitized by Google

ляютъ и высылаютъ съ мѣста добычи. За якутскими соболями ѣздятъ. Барыши бываютъ не важные, убытки — очень чувствительные. Въ Якутскѣ между собой настоящимъ образомъ спорятъ три-четыре человѣка, которые только за этимъ и пріѣхали. Телеграфъ въ Москву и Лейпцигъ есть, но въ концѣ-концовъ цѣну все-таки рѣшаетъ капризъ, азартъ, страсть. Въ Ирбитѣ, дѣло уже преимущественно зависитъ отъ европейской моды, отъ заказовъ изъ Лейпцига.

Якутскіе соболи, разумѣется, тоже очень разнаго достоинства отъ 20 руб. Но всѣ они вообще *ровные*. Ость ровнѣе и вообще шире, почти во весь хребетъ, и меньше разницы между хребтомъ и брюшкомъ. Вода голубая, пухъ темно-сѣрый, высокій, густой. Шуба, безъ сомнѣнія, вдвое теплѣе. И затѣмъ все выше и выше сортъ, прекраснѣе шкурки, цѣны среднія 40—60 р. Наконецъ, шкурки отборныя, красоту которыхъ невозможно описать, и за которыя платятъ 80, 100, 125 р. изъ первыхъ рукъ, прямо изъ штановъ тунгуса, который убилъ звѣря за многія сотни верстъ, въ глухой тайгѣ, куда только тунгусъ можетъ рѣшиться идти, совершенно одинъ. Самому въ родѣ звѣря надо быть, чтобы идти въ таежный грохотъ бури, зимой въ безразсвѣтную ночь, или въ тихіе морозы, когда вся тайга цѣпенѣетъ, какъ умерла. А тунгусъ пробирается и звѣря не боится, и нору найдетъ, и кормится. Кожаные штаны, удобная и надежная пазуха. Говорятъ, жемчугъ лучше сохраняется, ежели его на себѣ носить; и парики въ коробкѣ будто бы скорѣе рыжѣютъ, чѣмъ на головѣ. Можетъ быть и тунгуская манера носить соболи полезна для сохраненія ихъ жизненности. Относительно покупки шкурокъ у тунгусовъ, мнѣ Геннадій Иванычъ говорилъ, что ежели попалъ въ руки настоящій высокій соболь, такъ ужь выпускать его не слѣдуетъ. Торгуйся, какъ знаешь, но почемъ бы ни было, купи. Потому что отъ присутствія этихъ-то соболей въ партіи духъ захватываетъ, и оно цѣну рѣшаетъ.

Въ высокихъ соболяхъ не все равно, самецъ или самка, или, какъ говорится, маточка. Геннадій Иванычъ очень высоко цѣнилъ маточекъ. Но на мой взглядъ, имъ все-таки цѣна должна быть дешевле. Онѣ вообще мельче, нѣжнѣе волосомъ, пожалуй, темнѣе и ровнѣе. Запахнуть лицо, ужь объ нихъ не уколешься. Но отъ самой нѣжности волоса нѣкоторая какъ бы прилизанность образуется; и отъ чрезвычайной густоты нѣжнаго пуха, онъ склоненъ немножко сваливаться, такъ что ежели повертѣть шкурку, такъ, чаще щель по длинѣ образуется. А этого бы не надо. У самца волосъ выше, сильнѣе, и оттого въ шкуркѣ больше переливовъ, прозрачности и глубины.

Digitized by Google

Все это слова настоящія, кстати про соболя сказанныя; также какъ и слово «вода». Такой мягкій, теплый блескъ, чистота и глубина только въ дорогихъ камняхъ бываютъ. И во всей красѣ можно видѣть соболи только, когда они лежатъ, ворохомъ въ Якутскѣ. Въ Москвѣ, они появляются лишь на второй годъ—а это ужь не то. Какъ бы ни былъ хорошъ прошлогодній соболь, какъ бы вы имъ ни восхищались, но ежели положить рядомъ съ соболемъ послѣдняго боя, сейчасъ скажется разница. Въ волосѣ самомъ черномъ уже проступитъ тотъ рыжеватый, парниковый оттѣнокъ, который свойственъ мертвому волосу. Тогда какъ въ первое лѣто, волосъ соболя сохраняетъ еще свою живучесть, и оттого блескъ, переливы и прозрачность поразительные. Глазъ отвести нельзя—привораживаетъ.

Сѣдина вовсе не составляетъ въ соболяхъ достоинства. Сильная сѣдина удешевляетъ соболь. Довольно часто встрѣчаются хорошіе, пушистые соболи, не темные, сплошь сѣдые. Смотря по достоинству, они, разумѣется, разной цѣны, но вообще изъ менѣе дорогихъ. Это отливный хозяйственный мѣхъ для женской шубы или дорогой шубки; но къ красотѣ соболиной подобныя шкурки не имѣютъ отношенія. Ими можно передъ куницей гордиться, или передъ амурскимъ соболемъ; но и только. Нѣсколько иглъ сѣдыхъ часто бываютъ въ самыхъ лучшихъ соболяхъ, и ихъ не портятъ. Но въ нихъ нѣтъ надобности и безъ нихъ даже лучше.

Когда—скіе торговцы пріѣзжаютъ въ Якутскъ, въ послѣднихъ числахъ іюля, у всѣхъ одно только слово на языкѣ, одно дыханіе, одна мысль—соболи. Довольно значительное количество шкурокъ покупается по мелочамъ, у якутовъ и тунгусовъ; но главныя партіи собраны въ трехъ-четырехъ рукахъ. Показываютъ соболи не вдругъ. Чрезвычайно важно выбрать для этого хорошій день, съ такимъ освѣщеніемъ, которое для соболя выгодно. И пасмурный день повредитъ, и слишкомъ яркій не годится. И тутъ соболи, какъ вода. Имъ не все равно, какая тучка по небу проходитъ, какъ солнышко свѣтитъ. Все это въ нихъ отражается. Было бы, напримѣръ очень выгодно, еслибъ противъ оконъ возъ сѣна остановился: отраженіе для соболей благопріятное—но, конечно, подобнаго фокуса никто не допуститъ. Ежели одному неудачно покажешь, да другому, партія сконфузится. Пожалуй придется отдать въ убытокъ. Партія всегда идетъ въ однѣ руки, т. е. мнѣ неизвѣстно примѣра другой продажи. Да, кажется, и нельзя иначе продать; потому что головка, т. е. лучшіе, высокіе соболи, тащитъ за собой все. Ее дробить нельзя; а безъ нея за прочее слишкомъ мало выручишь.

Digitized by Google

Дешевые Амурскіе соболи большею частью складываются въ чемоданы шерстью вверхъ. Якутскія всегда выворачиваются шерстью внутрь и набиваются въ сумы чрезвычайно плотно. Не годится, чтобы отборныя шкурки слишкомъ ужь ярко били въ глаза тѣмъ, кому не слѣдуетъ. Сокровища вообще полезно припрятывать. Кромѣ того, тутъ волось лучше сохраняется и болѣе обезпеченъ отъ случайныхъ поврежденій: въ Иркутскѣ, всѣ вообще соболи (кромѣ камчатскихъ) прàвятся, т. е. ихъ смачиваютъ, выправляютъ и приглаживаютъ. Амурскіе соболи, и вообще соболи не высокіе, чрезвычайно отъ этого выигриваютъ; но высокіе остаются почти безъ измѣненія. Они такъ хороши, что трудно сдѣлать ихъ лучше. Подобную шкурку вынь изъ сумы, совершенно сплющенную, выворoти, разъ встряхни, она ужь и показалась во всей красѣ—волоска помятаго нѣтъ. Затѣмъ соболи вяжутся ремнемъ въ полусорочкѝ, т. е. по двадцати штукъ, но говорятъ всегда просто: сорочѐкъ. Сорочкѝ подбираются по номерамъ, отъ самыхъ дорогихъ до самыхъ дешевыхъ; но вовсе не такъ, чтобы въ одномъ сорочкѣ были все одинаковые соболи. Напротивъ, все разные: снаружи гораздо лучше, кругомъ они располагаются, хребтами, конечно, кверху—а потомъ рядами до тѣхъ, которые поплоше. Только общій характеръ сорочкà выдерживается: соболи разные, да подходящіе, такъ сказать подъ масть. Изъ средины сорочкà торчитъ широкая сыромятная петля, за которую тянутъ, чтобы надѣть на сорочекъ такъ называемую сорòчку, т. е. мѣшочекъ, съ не зашитымъ дномъ, который потомъ по обоимъ концамъ затягивается бичевкой. Тянуть приходится изъ всей мочи, особенно пушистые якутскіе соболи. Чѣмъ плотнѣе обтянуто, тѣмъ лучше сохраняется волосъ. У насъ было принято шить сорòчки изъ зеленаго коленкора, и за это слѣдуетъ похвалить; потому что зеленый цвѣтъ соболю благопріятенъ. Когда смотрятъ партію, полезно, чтобы взглядъ упалъ на зеленое.

Разскажу я исторію одной операціи съ якутскими соболями, которая была при мнѣ. Когда Илья Егорычъ поѣхалъ на Ярмарку, Геннадій Иванычъ остался управлять всѣми дѣлами, и, стало быть, не могъ ѣхать въ Якутскъ. Между тѣмъ, замѣнить его было совершенно не кѣмъ. Подручные большей частью бывали перемѣнные; потому что дѣло ихъ въ якутской операціи самое немудрое; и у насъ обыкновенно плавали туда новички. Все-таки наиболѣе опытнымъ и вообще пригоднымъ, хозяинъ призналъ одного дрянненькаго и плутоватого человѣка, который плавалъ нѣсколько разъ, людей въ нашемъ краѣ зналъ и по-якутски могъ объясняться (что необходимо). Можно бы было пригласить

Digitized by Google

въ качествѣ довѣреннаго, одного отличнаго и опытнаго торговца, который самъ дѣлалъ небольшіе обороты въ Якутскѣ и пользовался общимъ расположеніемъ. Дѣло бы вышло хорошее и вѣрное. Но, разумѣется, тутъ пришлось бы заплатить порядочную комиссію, гласную и негласную, а Илья Егорычъ этого не любилъ, и, напротивъ, очень былъ склоненъ поручать дѣла плохонькимъ, дешевымъ людямъ, чтобы показать, что онъ ни въ комъ не нуждается, и что у него каждый можетъ работать—за что, конечно, много разъ и наказывался. Вотъ Иванъ Борисычъ Портнягинъ такимъ манеромъ, на удивленіе всѣмъ, и поѣхалъ въ Якутскъ довѣреннымъ отъ нашей фирмы. Августъ наступилъ, получаемъ телеграмму, что покупка состоялась дорого; притомъ же покупка большая. А затѣмъ слухи стали доходить, что покупка неудачная, что человѣка одурачили и проч. Сентябрь—является Иванъ Борисовичъ, сумы привезъ. — Ну, показывайте, въ домъ велите нести, въ залу; тамъ свѣтлѣе. Пошелъ и меня взялъ съ собой. Стали выворачивать шкурки. Попадаются очень хорошія изъ купленныхъ въ розницу, и даже не дорого, 90, 95 рублей; отличные собольки. Но средній сортъ, настоящая партія, видимо, переплачена. На розничныхъ среднихъ смѣлая надбавка сдѣлана. Взялъ Геннадій Иванычъ одну связку изъ дешевыхъ, рублей по 25, рукой провелъ—сильно мараны. Уныніе на него напало; ничего ужь не говоритъ, не спрашиваетъ; просто до обморока.—Хорошо, говоритъ, велите убрать; счетомъ займитесь (т. е. представленіемъ счета по операціи). Въ свое время выправимъ и связали сорочки; возвратился хозяинъ; представили ему партію, огорчился и онъ и разрѣшилъ, въ случаѣ крайности, продать въ Ирбитѣ съ порядочнымъ убыткомъ. А впослѣдствіи безпокойство хозяина еще усилилось; потому что Геннадій Иванычъ заболѣлъ. Такъ заболѣлъ, что мало вѣроятія было, чтобы могъ выѣхать. Отъ сотворенія міра ирбитской ярмарки безъ него не бывало, а тутъ какъ на зло. На его церемоніи, да отказы хозяинъ не обратилъ вниманія, перевелъ его въ новый особенный флигель, который у насъ за лѣто отстроился; два доктора ѣздило; Илья Егорычъ ихъ распрашивалъ, какое кушанье готовить, и самъ заказывалъ. Наконецъ, сталъ онъ немного поправляться. Въ послѣдніе, рѣшительные дни объявили, что хотя съ большимъ рискомъ, а ѣхать можно. Предосторожности и насчетъ пути особенныя были приняты. На случай бѣды, главная партія болѣе дешевыхъ соболей и разной пушнины отправлена впередъ на возахъ не съ посторонними вощиками, какъ обыкновенно дѣлалось, а съ Захаромъ Захарычемъ. Повозку Илья Егорычъ далъ свою, теплую; но она

Digitized by Google

была не большая; а соболей дорогихъ оказалось такъ много, что одинъ чемоданчикъ узенькій пришлось на отводину привязать. Наконецъ, кому подручнымъ ѣхать? Цыпленокъ Фролка въ подобномъ случаѣ не годится. Надумалъ Геннадій Иванычъ взять Максимова. Парень здоровенный, молодой; стало быть, покладистый и услужливый; мануфактурный товаръ знаетъ, и именно такой поплоше, какъ на ирбитскую да якутскую руку требуется (товары для Якутска покупались, главнымъ образомъ, въ Ирбитѣ). Ну вотъ срядились, и въ самый послѣдній день, какой можно, 19-го что ли января, ужь не помню, легъ Геннадій Иванычъ въ повозку и покатилъ. Ѣздокъ онъ былъ чуть ли не самый лихой по всей Сибири. И на этотъ разъ, на вольномъ воздухѣ, не разболѣлся, а окрѣпъ, и выскакалъ въ Ирбитъ сутками раньше, чѣмъ по соображеніямъ Захарыча возможно было. А Захаръ Захарычъ, какъ человѣкъ, тонкій, ѣхалъ, разумѣется, съ такимъ разсчетцемъ, чтобы ему и себя не надсаживать безъ надобности, и цѣны не переплатить, и суточки въ Тюмени у бабушекъ прогостить. Геннадій Иванычъ прискакалъ въ Ирбитъ— его нѣтъ; нѣтъ и тюменскаго артельщика, котораго онъ долженъ былъ привезти, опытнаго, знающаго человѣка, который всегда въ Ирбитѣ при нашемъ дѣлѣ состоялъ. Ну, разумѣется, какъ хозяинъ въ трепетѣ ожидалъ депеши о благополучномъ пріѣздѣ, Геннадій Иванычъ въ тотъ же моментъ пишетъ телеграмму, прибавивъ: Костылева нѣтъ. Ничего изъ этого не вышло; но Захаръ Захарычъ простить ему потомъ не могъ:—не успѣлъ, съ позволенія сказать, грязь съ себя отмыть съ дороги, я ужь тутъ былъ, а онъ хозяину телеграфируетъ! Какъ депешу написалъ, Геннадій Иванычъ чуть пріодѣлся, поѣхалъ воздуху ярмарочнаго понюхать; и приказалъ Максимову соболи раскупорить, изъ сорочекъ вытащить, встряхнуть, да разложить, чтобы отдыхали, да оправлялись. Возвращается—чемоданы не тронуты, Максимовъ храпитъ на диванѣ, добудиться нѣтъ возможности, и тащи все изъ номера, кто что хочетъ. Оно понятно, что послѣ двѣнадцати дней ѣзды, сломя голову, отдыхъ требовался; не должно воображать, будто лошади сами везутъ, а ты лежи и спи: большое напряженіе нужно все время, день и ночь. По всей вѣроятности, молодой парень только на минутку на диванъ присѣлъ, а вышло, что мертвецки заснулъ. Но у насъ, когда дѣло, никакого сна не полагается; и это была одна изъ тѣхъ штукъ, которыя Геннадій Иванычъ не умѣлъ извинять: сразу всякое довѣріе къ человѣку терялъ. Какъ бы ни было, пошли переговоры; является покупатель; смотритъ соболи. Геннадій Иванычъ, всѣ обстоятельства сообразивши, рѣшилъ съ самаго начала вести

Digitized by Google

дѣло очень свысока; и произвелъ впечатлѣніе благопріятное. Но цѣна, имъ объявленная—значительно выше той, которая значилась по вѣдомости о капиталѣ въ ярмаркѣ—все-таки показалась несообразной. Онъ покупателя отпускаетъ, не удерживаетъ; улыбочка у него на лицѣ чуть примѣтна, будто насмѣшечка надъ простотой, которая своей выгоды не видитъ, и будто онъ эту насмѣшку и пренебреженьеце маленькое желаетъ скрѣть. Покупатель ушелъ, Генадій Иванычъ обращается къ артельщику, спрашиваетъ:—Какъ думаешь? уступать?—Это мнѣ потомъ артельщикъ разсказывалъ. — Бѣги, говоритъ, зови еще на одно слово зайти. Только тотъ хотѣлъ броситься, видитъ въ окно, покупатель назадъ повернулъ. Входитъ. Генандій Иванычъ въ счетахъ роется, увлекся, о немъ чисто забылъ. — А я, артельщикъ говоритъ, тоже свое дѣло знаю, знай складываю соболи въ чемоданъ; будто и не понимаю, къ чему дѣло идетъ. И ужъ тутъ рубля изъ объявленной цѣны уступлено не было. Такъ партія и пошла. Какъ велика была разница между этой цѣной и цѣной въ убытокъ, которую разрѣшилъ взять Илья Егорычъ, я не скажу—но только разница большая.

Эту исторію я всего больше къ тому разсказалъ, чтобы читатель видѣлъ, что невозможно соболями заниматься изъ-за одного разсчета или барыша. Положимъ, для Ильи Егорыча все это дѣло, съ денежной стороны, было, въ сущности, пустяки. Какъ бы ни продались соболи, онъ бы не могъ почувствовать. Ну, а тому, у кого большая часть капитала въ партіи такого товара, развѣ можно торговать, когда дѣло на великія тысячи отъ фантазіи, да отъ минуты зависитъ? Для подобной торговли задоръ игрецкій требуется, страсть.

Помню я, какъ Геннадій Иванычъ возвращался отъ Ильи Егорыча послѣ пріѣзда въ —скъ. Смѣется: — не знаетъ, говоритъ, на какое мѣсто меня посадить!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Поѣздка на Ярмарку съ Геннадіемъ Иванычемъ вышла прекрасная, особенно за Томскомъ. Іюнь мѣсяцъ; лѣто во всей красѣ; свобода, разговоры, ѣзда быстрая, которую я смерть люблю. До Томска потому хуже, что вѣтеръ былъ больше попутный: духота, пыль слѣдомъ гонится, и иногда всякое доброе расположеніе испакостить. Кромѣ того, много арестантскихъ партій попадалось (между Тюменью и Томскомъ ихъ везутъ водой). А на большомъ протяженіи тутъ мошка страшная; такъ что и

Digitized by Google

собакъ дегтемъ мажутъ; и крестьяне на работу выходятъ въ сѣткахъ: противъ лица изъ конскаго волоса, а на головѣ и по плечамъ ситецъ. И вотъ какъ встрѣтишь партію: кандалы брякаютъ, ружья, да еще эти черныя маски надѣты, веселіе-то и перешибетъ. Отъ Томска до Тюмени ѣзда самая лихая. Тысячу пятьсотъ верстъ, а зимой многіе выѣзжаютъ въ пять сутокъ. Вѣрьте, не вѣрьте, а мы, не генералъ-губернаторами будучи, безъ выставленныхъ лошадей и ямщиковъ съ бляхами, выскакали въ одни сутки 340 верстъ. Отъ Тюмени до Екатеринбурга дорога хуже, гористая. Дальше до Перми, мученіе и злоба. Оттуда, конечно, вода, пароходъ и опять праздникъ. Именно праздникъ; потому что чѣмъ ближе къ Ярмаркѣ, тѣмъ сильнѣе и нетерпѣливѣе разгорались мои мечты.

Молодость! Надежды! Какія были не мудрыя—какія золотыя...

Не воображалъ я, что больше не увижу Сибири; и что черезъ знакомство Геннадія Иваныча жизнь моя совершенно иначе направится.

Лучше-ли теперь? Не спился, не одеревѣнѣлъ. Иное сталъ понимать. Но ежели по дѣламъ судить, ежели о томъ подумать, къ чему жизнь сводится, изъ чего она состоитъ, какую себѣ можно цѣль выбрать, насколько къ этой цѣли стремиться... Лучше ли? Тамъ и тогда дѣло было полезное, при всѣхъ грѣхахъ. Здѣсь и теперь... отвѣтьте за меня читатель, *что* у насъ совершается здѣсь и теперь.

Ив. Бредихинъ.

Digitized by Google

НОВЫЙ ТРУДЪ

О ПЕРВОБЫТНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ.

Въ настоящей статьѣ мы желали бы познакомить читателя съ содержаніемъ интереснаго соціологическаго очерка голландскаго писателя *Г. А. Вилькена* «О первобытныхъ формахъ брака и о происхожденіи семьи», помѣщеннаго въ журналѣ «De Indische Gids» [1]. Не говоря уже объ основательномъ и многостороннемъ знакомствѣ автора съ предметомъ своего изученія, собственныя его воззрѣнія на нѣкоторыя стороны разсматриваемыхъ имъ общественныхъ явленій отличаются такою оригинальностью, свѣжестью и остроуміемъ доказательствъ, какія встрѣчаются довольно рѣдко. Всякій, кто знакомъ съ сочиненіями *Бахофена*, *Макъ-Леннона*, *Тейлора*, *Моргана*, *Лёббока* и другихъ новѣйшихъ этнологовъ, не безъ интереса встрѣтитъ въ очеркѣ *Вилькена* нѣсколько новыхъ мыслей, служащихъ, частью, въ подтвержденіе, частью, въ опроверженіе различныхъ положеній этихъ авторовъ. Другое важное для насъ достоинство труда автора состоитъ въ томъ, что, будучи на службѣ контролера въ голландскихъ владѣніяхъ въ Индіи, онъ имѣлъ полную возможность черпать многочисленныя данныя изъ мѣстныхъ голландскихъ источниковъ и представить въ результатѣ довольно яркую картину различныхъ обычаевъ и нравовъ этой мало извѣстной въ Европѣ страны. Жаль только, что, за недостаткомъ мѣста, мы будемъ лишены возможности цитировать названія приводимыхъ *Вилькеномъ* голландскихъ сочиненій, за ближайшимъ ознакомленіемъ съ которыми мы предложимъ интересующимся обратиться непосредственно къ самому очерку автора.

---

[1] G. A. Wilken. «Over de primitieve vormen van het huwelijk en het oorsprong van het gezin». См. журналъ «De Indische Gids», 1880—1881.

Digitized by Google

Примѣненіе теоріи развитія къ области соціологіи расширяется съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Правда, существуютъ пока двѣ школы, изъ которыхъ каждая провозглашаетъ свое ученіе съ извѣстнымъ родомъ религіозной ревности: одна, стоящая за понижающееся, другая за повышающееся движеніе рода человѣческаго; одна, увѣряющая, что исторія человѣчества необходимо начинается съ состоянія чистоты и простоты, которое шагъ за шагомъ уступаетъ дорогу порчѣ, злу и опустошенію; другая, съ такою же увѣренностью настаивающая на томъ, что первыя человѣческія существа стояли лишь на ступень выше животныхъ, и что вся ихъ исторія совпадаетъ съ движеніемъ по пути къ высшему совершенствованію. Хотя, принимая во вниманіе краткость протекшаго времени, затруднительно сдѣлать выборъ между двумя теоріями, защищаемыми людьми, которые въ знаніяхъ и въ учености не уступаютъ другъ другу, но все же въ настоящее время должны быть немногіе, по меньшей мѣрѣ, среди тѣхъ, чей умъ не окованъ формулами и предразсудками, которые не признали бы безусловнаго преимущества второй теоріи надъ первой. Открытія до-исторической археологіи и серьёзныя историческія изслѣдованія, положительная психологія и сравнительная этнографія доставляютъ ежедневно все большее и большее число аргументовъ и доказательствъ въ подтвержденіе теоріи развитія, пробиваютъ все бо́льшую и бо́льшую брешь въ старой теоріи о первоначальномъ совершенствѣ человѣка, о чистотѣ естественнаго состоянія, въ старыхъ фантазіяхъ о золотомъ вѣкѣ и стремятся все болѣе и болѣе установить тѣсную связь, соединяющую людей съ прочими живущими существами и всѣмъ міромъ. Едва ли слѣдуетъ упоминать, что, благодаря новому методу, наука соціологіи подверглась полному преобразованію. Новыя представленія относительно происхожденія и развитія человѣческаго общежитія вытѣснили старыя. Если прежде признавалось, что семейство, основанное на модели патріархальнаго хозяйства — бракѣ и отцовской власти, было клѣточкой, изъ которой произошло общество, то въ настоящее время все болѣе и болѣе одерживаетъ верхъ тотъ взглядъ, что брачный союзъ, будучи далекъ отъ того, чтобы являться первоначальнымъ, существовавшимъ съ самаго начала учрежденіемъ, представляетъ, наоборотъ, сравнительно новое учрежденіе. Древнѣйшее общественное соединеніе было родомъ, и въ этомъ-то родѣ, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ общественнаго развитія и роста, образовалось сначала матріархальное, а впослѣдствіи, съ утвержденіемъ индивидуальнаго брака, патріархальное семейство. Первоначальное состояніе исчерпывалось со-

Digitized by Google

единеніемъ индивидуумовъ, жившихъ безъ брака и даже безъ всякихъ семейныхъ связей, причемъ всѣ мужчины сочетались со всѣми женщинами, причемъ существовало самое полное смѣшеніе половъ, или такъ называемый общинный бракъ.

Врядъ ли необходимо здѣсь приводить на память имена первыхъ провозгласителей этого ученія. Это былъ базельскій ученый *Бахофенъ*, который въ подробномъ трудѣ «*Das Mutterrecht*» и позже въ другомъ сочиненіи «*Die Sage von tanaquil*» впервые указалъ на состояніе общиннаго брака у народовъ классической древности, и поставилъ далѣе на видъ, что всѣ они до патріархальной организаціи быта знали время, когда центральный пунктъ семейства образовывала мать. Сэръ Джонъ *Лёбокъ* въ своемъ сочиненіи «*On the origin of civilisation*» подкрѣпилъ эти результаты изученія *Бахофена* собственными изслѣдованіями, и построилъ примыкающую къ нимъ теорію того способа, какимъ общинный бракъ далъ мѣсто развитію индивидуальнаго. Другой англійскій писатель *Макъ-Леннонъ*, въ своихъ «*Studies in ancient history*», обнимающихъ новое изданіе прежняго его труда «*Primitive Marriage*», сдѣлалъ предметомъ своихъ изслѣдованій различныя формы отношеній между полами и присоединилъ къ этому подробный этюдъ о возникновеніи и дальнѣйшемъ развитіи родовъ и семействъ. Послѣдній предметъ обсуждалъ также *Морганъ* въ своемъ «*Ancient Society*» и еще раньше въ большой книгѣ «*Systems of consanguinity and affinity of the human family*» онъ показалъ способы, на основаніи которыхъ родство у различныхъ народовъ свѣта понимается, различается и приводится въ систему. Наконецъ, необходимо также упомянуть о *Жиро Тёлонѣ* и о *Постѣ*, изъ которыхъ первый написалъ «*La mère chez certains p uples de l'antiquité*» и еще болѣе подробное сочиненіе «*Les origines de la famille*», а второй книжечку—«*Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit*» съ большою ясностью, порядкомъ и точностью, собравъ все лучшее изъ предшествовавшихъ ему писателей и присоединивъ къ этому нѣкоторыя собственныя замѣчанія.

I.

Цѣль автора на послѣдующихъ страницахъ будетъ заключаться въ пересмотрѣ указанныхъ выше новѣйшихъ ученыхъ положеній въ области исторіи развитія общества. Будучи далекъ отъ желанія представить простую компиляцію того, что сдѣлано упомянутыми учеными, авторъ желаетъ прежде всего сообщить

Digitized by Google

свои собственныя воззрѣнія, такъ какъ онъ часто, соглашаясь въ главныхъ пунктахъ, не могъ сойтись во многихъ особенностяхъ ни съ одной изъ существующихъ теорій и составлялъ себѣ о дѣлѣ совершенно иное представленіе. Далѣе, авторъ желалъ бы выставить эпиграфомъ своего очерка: «Honny soit qui mal y pense». Поговорка эта должна быть направлена противъ тѣхъ, которые сдѣлаютъ автору упрекъ, что онъ нарочно избралъ такой предметъ для бесѣды, который даетъ намъ познать человѣка только съ животной его стороны, и не даетъ намъ бросить взглядъ на что-либо изъ возвышенной стороны его природы, ничего изъ того, что Паскаль называетъ въ немъ «ангеломъ». Въ особенности должны сдѣлать автору подобный упрекъ представители теоріи вырожденія, и съ ихъ точки зрѣнія это объясняется достаточно. Въ свѣтѣ раздѣляемаго ими ученія, формы низшаго состоянія общества представляютъ лишь неправильности, уклоненія отъ высшихъ, и, какъ бы ни было интересно ихъ изслѣдовать, для знакомства съ высшими формами они просто на просто безполезны. Но для послѣдователей теоріи развитія все это дѣло имѣетъ совершенно иной характеръ, такъ какъ эти послѣдніе въ своей оцѣнкѣ низшихъ состояній видятъ не вырожденіе старыхъ формъ, а начало новѣйшихъ, которое должно быть разсмотрѣно предварительно, если только желаютъ понять то, что произошло изъ этого начала, въ данномъ случаѣ высшія формы. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія все неприличное исчезаетъ при разсмотрѣніи предметовъ, подобныхъ настоящему. Къ данному случаю совершенно подходятъ слова Гейне, сказанныя имъ по совершенно другому поводу: «все варварское перестаетъ насъ поражать, а безвкусное — оскорблять, когда мы разсматриваемъ это какъ начала и необходимые переходы».

Въ качествѣ исходнаго пункта, намъ слѣдуетъ себѣ представить такое состояніе вещей, когда еще не существовало никакого брака, когда женщина не была еще связана исключительно съ опредѣленнымъ мужчиной, но принадлежала одинаково и безразлично всѣмъ мужчинамъ племени, которымъ она должна была жертвовать собою по очереди. Это состояніе всеобщаго смѣшенія половъ было обозначено Лёббокомъ названіемъ общиннаго брака. Индивидуальное супружество, прочное соединеніе одной женщины съ однимъ опредѣленнымъ мужемъ, было позднѣйшаго происхожденія, плодомъ высшаго развитія разума и нравственности. Уже въ преданіяхъ многихъ древнихъ народовъ видимъ мы намеки на это состояніе. Тамъ говорится о супружествѣ не какъ объ обычаѣ, существовавшемъ искони, а какъ

Digitized by Google

о вновь введенномъ учрежденіи, какъ о преобразовательной мѣрѣ того или другого извѣстнаго въ легендарной исторіи народовъ законодателя. У египтянъ, какъ помнитъ читатель, это былъ Менесъ, у индусовъ Чевакетуъ Если въ этомъ заключается уже молчаливый, но выразительный намекъ на первоначальное состояніе смѣшенія половъ, то сказаніе о Кекропсѣ, какъ о томъ, кто первый установилъ въ древней Аттикѣ индивидуальный бракъ, представляетъ объ этомъ состояніи болѣе точное сообщеніе. До временъ Кекропса, говорится въ преданіи, дѣти имѣли только матерей, а не отцовъ, они были лишь односторонними. Такъ какъ женщины не были соединяемы исключительно съ однимъ только мужчиной, то они производили на свѣтъ однихъ только незаконныхъ дѣтей. Кекропсъ первый положилъ конецъ этому состоянію вещей, замѣнилъ неправильное соединеніе половъ исключительностью брака, далъ дѣтямъ отцовъ и сдѣлалъ ихъ двусторонними, вмѣсто односторонних. Такимъ же образомъ и китайское преданіе, приписывающее введеніе брака Фоги, говоритъ, что оно впервые съ пользою разрушило такое состояніе, при которомъ оба пола смѣшивались безъ различія. Оставляя въ сторонѣ область сказаній и легендъ, можно представить не мало примѣровъ общиннаго брака изъ писателей классической древности, какъ и новыхъ временъ. Перечитывая произведенія древнихъ, встрѣчаешь свѣдѣнія о народахъ, которые не знали учрежденія брака и у которыхъ каждый имѣлъ свободу соединяться съ кѣмъ угодно. Такъ, Солинъ, Плиній, Мела и другіе единогласно свидѣтельствуютъ, что у эфіопскаго племени гарамантовъ существовало полное общеніе женщинъ, Страбонъ и Діодоръ Сицилійскій тоже говорятъ объ африканскихъ троглодитахъ, Геродотъ объ агафирахъ, объ аузахъ, обитателяхъ моря Тритонскаго, и назамонахъ, а Николай Дамасскій о либурнійцахъ и о галактофагахъ. Объ этихъ послѣднихъ говорится, что у нихъ существуетъ общеніе имуществъ и женъ, причемъ они всѣхъ стариковъ зовутъ *отцами*, всѣхъ молодыхъ *сыновьями*, а своихъ ровесниковъ *братьями*. Но нѣтъ надобности обращаться къ неизвѣстнымъ или почти неизвѣстнымъ народамъ, когда требуется добыть примѣры общиннаго брака изъ древней исторіи. Можно найти слѣды гетерическихъ обычаевъ въ древней Италіи, у римлянъ, которые стоятъ въ противорѣчіи съ законнымъ состояніемъ домашняго строя, какъ онъ проявляется въ патриціатѣ. Послѣдній обладаетъ только правильнымъ *connubium*; одинъ только патриціатъ можетъ заключать въ себѣ законный бракъ—*justae nuptiae;* одни только члены его обладаютъ генеалогіей и семьею, признающею предковъ и дѣтей, которыя имѣютъ

Digitized by Google

имя первыхъ. О плебеяхъ же, напротивъ, говорится, что у нихъ нѣтъ вовсе брака, но что они сочетаются свободно и безпрепятственно, подобно скоту: *connubia promiscua habent more ferarum*. Вообще это выраженіе до сихъ поръ принимаютъ не въ буквальномъ, а въ переносномъ его смыслѣ. Такъ какъ бракъ у плебеевъ совершался безъ всякихъ употребительныхъ у патриціевъ богослужебныхъ церемоній, то въ глазахъ этихъ послѣднихъ это былъ не бракъ, а просто свободное сочетаніе половъ, на подобіе животныхъ (*Фюстель де-Куланжъ*, *La cité antique*, стр. 280). Однако, кажется несомнѣннымъ, что здѣсь идетъ описаніе дѣйствительнаго состоянія вещей, хотя бы даже такого, которое восходитъ къ весьма раннему періоду времени, быть можетъ, къ эпохѣ основанія Рима. Можно утверждать съ увѣренностью, что было время, когда патриціатъ уже зналъ бракъ и учрежденіе семьи, основанное на признаніи отчества, плебеи же были совершенно исключены изъ этого и были погружены въ полное смѣшеніе половъ.

Если на предъидущихъ страницахъ констатировано существованіе общиннаго брака только у древнихъ народовъ, то можно легко указать замѣчательные примѣры этого учрежденія также и у новыхъ народовъ. Такъ, жители Алеутскихъ острововъ живутъ безъ различія въ половомъ общеніи, ссылаясь при этомъ на примѣръ тюленей (*Langsdorff*, Reise, I, 132), и тоже самое можетъ быть сказано относительно аиновъ Японіи (*Bastian*, Rechtsverhältnisse, Einleitung, стр. LXII). Бушмены Южной Африки все равно, что не знаютъ брака. Они не имѣютъ никакого особеннаго названія для незамужней дѣвушки и для замужней женщины: обѣ они означаются однимъ и тѣмъ же словомъ. Правда, мужчина беретъ себѣ жену, но держитъ ее у себя только, пока она ему нужна, или пока она не замѣнитъ его другимъ мужчиною. Въ старой Калифорніи испанскіе миссіонеры нашли тоже состояніе вещей: каждый мужчина жилъ здѣсь безъ всякихъ формальностей съ каждою женщиною. У гуротовъ, чтобы привести еще одинъ примѣръ изъ Америки, женщина принадлежитъ по очереди въ теченіи нѣсколькихъ дней каждому изъ мужчинъ племени. Подобный же обычай имѣется у населенія Андаманскихъ острововъ: здѣсь женщина лишь до той поры остается за однимъ мужемъ, пока у нея не родится дитя, или пока оно не выкормлено. Также и къ Европѣ относятся примѣры, показывающіе, что общинный бракъ существовалъ даже въ позднѣйшія времена. Относительно древнихъ жителей Пруссіи, между прочимъ, повѣствуется, что женщины не имѣли никакихъ опредѣленныхъ мужей, но женщины пользова-

Digitized by Google

лись мужчинами безъ различія, насколько имъ это нравилось, и, согласно свидѣтельству отца церкви Іеронима, въ его время въ Шотландіи бракъ вовсе не былъ еще извѣстенъ: *Scotorum natio uxores proprias non habet* etc. (*Bastian*, ib., стр. LXII).

Остается перейти къ тому, что существуетъ по этому предмету на Индійскомъ Архипелагѣ. Такое состояніе, которое могло бы напомнить про общинный бракъ, въ настоящее время встрѣчается лишь у весьма небольшого числа здѣшнихъ племенъ. И этому нельзя удивляться. Большая часть народностей Архипелага уже издавна пришла въ соприкосновеніе съ болѣе образованными расами, достигла уже высшей ступени развитія, чтобы можно было разсчитывать найти у нихъ подобное состояніе. Лишь небольшое число племенъ встрѣчается здѣсь еще такихъ, которыя обрѣтаются въ совершенно натуральномъ состояніи, которыя признаютъ право старѣйшинъ народа, у которыхъ господствуетъ общинный бракъ. Болѣе тщательное изслѣдованіе первобытныхъ обществъ, по всей вѣроятности, выставило бы на свѣтъ болѣе примѣровъ общиннаго брака или слѣдовъ его; но въ настоящее время, число ихъ очень ограничено. О горныхъ жителяхъ острова Пелинга, принадлежащихъ къ группѣ Банггаи, разсказываютъ, что бракъ между ними совершенно неизвѣстенъ. Въ продолженіи пребыванія автора на Буру, онъ имѣлъ случай слышать утвержденіе одного лица, которое нѣсколько разъ посѣщало о—въ Пелингъ и довольно долго оставалось тамъ. Слѣдуя этому свидѣтельству, горные жители Альфуры этого о—ва, не имѣютъ никакого понятія о брачномъ состояніи: мужчины и женщины встрѣчаются между собою лишь временно и сочетаются, помимо всякаго стыда, на глазахъ у каждаго. Относительно дикарей внутренняго Борнео также сообщается, что они ничего не знаютъ о бракѣ и о семьѣ, и сплошь живутъ, подобно звѣрямъ. На полуостровѣ Малакка, который хотя политически и не принадлежитъ къ голландскому архипелагу, но этнографически тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ связанъ, живетъ одно племя Орангъ Сокай, у котораго, слѣдуя сообщенію *Миклухи-Маклая*, продолжаетъ еще существовать общинный бракъ: «Дѣвушка, такъ описываетъ русскій путешественникъ это состояніе: — послѣ того, какъ она состояла въ бракѣ нѣсколько дней или недѣль съ однимъ мужчиной, идетъ добровольно и съ согласія его къ другому, съ которымъ снова проводитъ болѣе или менѣе продолжительное время. Такимъ-то образомъ она обходитъ кругомъ всѣхъ мужчинъ общины, пока не возвратится къ первому своему мужу, у котораго, однако, опять-таки не остается и продолжаетъ заключать подобные временные, регулируемые случаемъ и жела-

Digitized by Google

ніемъ супружескіе союзы» (*Miclucho-Maklay*. Ethnologische Excursionen въ одномъ голландскомъ журналѣ). Если перейти теперь на сосѣднюю Суматру, то мы найдемъ здѣсь описаніе народца Лубу въ мѣстности Майдайлингъ, состояніе котораго весьма напоминаетъ общинный бракъ. Они предаются любви совершенно свободно и женятся совершенно безразлично, и притомъ, до такой степени сообразно внушеніяхъ минуты, что часто можно видѣть, что они берутъ себѣ въ сожительницы матерей и сестеръ своихъ. Подобное же состояніе всеобщаго смѣшенія половъ должно было, судя по описаніямъ, существовать еще въ недавнее время въ округѣ Тонганавангъ, въ Минагассѣ Менадо.

Приведенныхъ на предъидущихъ страницахъ изображеній общиннаго брака совершенно достаточно. Во всѣхъ частяхъ свѣта у наиболѣе неразвитыхъ народовъ, во всѣ времена можетъ быть констатировано существованіе таковаго. Но этого, однако, еще не довольно самого по себѣ, чтобы оправдать предположеніе, что всякое общество можетъ считать эту форму брака за дѣйствительный пунктъ отправленія своего развитія, что гетеризмъ повсюду былъ первоначальнымъ состояніемъ, и что индивидуальный бракъ произошелъ изъ него. Но къ этому предположенію ведетъ нѣчто иное. То, что развилось, должно также нести за собою и слѣды своего развитія. Высшее, происшедшее такимъ образомъ изъ низшаго, должно обнаруживать на себѣ вліяніе послѣдняго. Такова одна изъ основъ, на которую опирается біологическое ученіе эволюціи; таковъ же базисъ и соціологіи. Если индивидуальный бракъ не есть первобытное учрежденіе, не есть нѣчто такое, что, если можно такъ выразиться, было совершенно ясно и отчетливо сознаваемо человѣкомъ съ самого начала, но произошло изъ гетеризма, то оно должно заключать въ себѣ также и переживанія гетеризма. Итакъ, оно есть въ дѣйствительности. Повсюду встрѣчаются въ связи съ бракомъ идеи и обычаи, которые совершенно чужды сущности и характеру этого учрежденія, и не могутъ быть разъяснены иначе, какъ признавая, что они суть переживанія отъ временъ, когда свободная любовь была единственною формою половыхъ сношеній. Такимъ же образомъ и все учрежденіе общества и семейства у многихъ народовъ носитъ на себѣ печать того, что развитіе общественной жизни должно было идти рука объ руку съ происхожденіемъ индивидуальнаго брака изъ общиннаго. Изъ дальнѣйшаго теченія настоящаго очерка все это сдѣлается очевиднымъ для самого читателя.

Первый вопросъ въ порядкѣ изслѣдованія состоитъ въ томъ, какимъ образомъ могъ развиться на почвѣ общиннаго брака

Digitized by Google

бракъ индивидуальный? На этотъ счетъ существуютъ различныя теоріи, но наиболѣе доступная къ признанію есть та, которая предложена *Леббокомъ* въ его уже поименованномъ сочиненіи «On the origin of civilisation» стр. 122. Слѣдуя этому писателю, индивидуальный бракъ возникъ, благодаря похищенію женщинъ изъ чужихъ племенъ. Предварительно всѣ женщины племени, были общими: мужчина, такимъ образомъ, не былъ въ состояніи держать женщину на себя одного, независимо отъ племени, ни съ одной изъ нихъ онъ не могъ заключить индивидуальнаго брака, ибо, поступая такъ, онъ вторгался бы въ права другихъ. Иными словами, здѣсь имѣла свое особое значеніе знаменитая формула Прудона: «la proprieté c'est le vol». Но при женѣ, похищенной изъ чужого рода, этого не происходило. На подобную женщину свой родъ не имѣлъ никакого права, и тотъ, который ее похитилъ, могъ удержать ее для себя одного. Безъ этого не могъ обойтись обычай обращать въ свои подруги жизни военнопленныхъ женщинъ, при чемъ разъ возникъ этотъ обычай, онъ долженъ былъ быстро распространиться. Различныя выгоды и удобства для мужа, связанныя съ обладаніемъ отдѣльною женою, естественныя желанія самой женщины и не въ меньшей степени сила и здоровье дѣтей, рожденныхъ и выхоленныхъ въ бракѣ, вотъ сколько, слѣдуя Леббоку, было причинъ, которыя должны были, въ концѣ концовъ, совершенно уничтожить гетеризмъ. Однако, то, что этотъ писатель, хотя и имѣлъ въ виду, но не показалъ ближе, состоитъ въ слѣдующемъ: установленіе и распространеніе индивидуальнаго брака, приписываемое вышеупомянутымъ обстоятельствамъ, даетъ думать менѣе о сознательномъ дѣйствіи, нежели о безсознательномъ, независимомъ отъ всякаго предположенія и отъ всякаго ожиданія людей. Что индивидуальный бракъ занималъ также все болѣе и болѣе обширное поле, благодаря подражанію, въ этомъ нельзя сомнѣваться; но преимущественно это былъ естественный подборъ, который, въ концѣ концовъ вполнѣ занялъ мѣсто стараго гетеризма. Мужчина съ женою близь себя былъ болѣе обезпеченъ, чѣмъ его соплеменники, въ борьбѣ за существованіе, и, такимъ образомъ, уже самъ по себѣ имѣлъ большіе шансы къ продолженію своего существованія. Дѣти, происшедшія отъ индивидуальнаго брака, должны были также имѣть бо̀льшую или меньшую наклонность повернуться спиною къ гетеризму. Мужъ, очевидно, долженъ былъ разсматривать свою жену, какъ особенную и цѣнную собственность—пусть подумаютъ только о томъ, что въ первобытныя времена отдѣльныя племена и роды вели между собою постоянную войну, а потому первоначальное пріобрѣтеніе женщины не-

Digitized by Google

могло совершаться мирнымъ путемъ,—и, слѣдовательно, не потерпѣлъ бы также, чтобы эта собственность, подобно всякой другой, подвергалась нападеніямъ. Онъ долженъ былъ прежде всего выучить свою жену воздержанію, другими словами, цѣломудрію. Нравственныя наклонности становятся тогда безспорно наслѣдственными, и такимъ образомъ, также и дѣти женщинъ, которыя будучи замужемъ, всегда были обязаны къ цѣломудрію, стали обладать этою добродѣтелью въ той или другой степени чрезъ унаслѣдованіе. И далѣе: распущенныя женщины рѣдко приносятъ много дѣтей. Отсюда слѣдуетъ, что женщины, жившія въ гетеризмѣ, должны были также имѣть меньше дѣтей, нежели состоявшія въ бракѣ, при чемъ и дѣти ихъ не могли быть такъ развиты, какъ рожденныя въ бракѣ. Эти послѣдніе имѣли, слѣдовательно, наибольшіе шансы выдержать борьбу за существованіе. Такимъ образомъ постепенно, путемъ естественнаго подбора, переживанія лицъ, происшедшихъ изъ индивидуальнаго брака, съ развитымъ, вслѣдствіе этого чувствомъ цѣломудрія, а также съ наклонностью къ индивидуальному браку, учрежденіе это сдѣлалось всеобщимъ [1]. Благодаря тому же дѣйствію, индивидуальный бракъ долженъ былъ скоро распространиться на различныя племена и тѣмъ самымъ на громадныя пространства. Подобно тому, какъ это происходитъ у дикихъ народовъ еще въ настоящее время, народы доисторическихъ временъ должны были постоянно вести между собой войну. Это была, въ буквальномъ смыслѣ слова, *bellum omnium contra omnes*. Каждое племя должно было имѣть своего Катона, который произносилъ *caeterum censeo Carthaginem esse delendam* надъ всякимъ другимъ племенемъ. Съ перваго взгляда очевидно, что племя, имѣющее то или другое учрежденіе, которое, съ военной точки зрѣнія, доставляло ему преимущество надъ другимъ племенемъ, имѣетъ также и наибольшіе шансы, чтобы выиграть самую упорную войну. Именно индивидуальный бракъ былъ неоспоримо подобнымъ учрежденіемъ, потому что, сравнительно съ общиннымъ, онъ доставлялъ болѣе и болѣе сильныхъ индивидуумовъ, а также вызывалъ къ существованію болѣе тѣсныя и сильныя семейныя связи и поощрялъ большее сплоченіе родовъ. А сплоченіе всегда и во вся-

---

[1] По нашему мнѣнію, которое мы излагаемъ подробнѣе въ сочиненіи уже написанномъ, но еще не напечатанномъ, переходъ отъ общиннаго брака къ индивидуальному, или, что почти тоже самое, отъ матріархата къ патріархату, обусловливается главнымъ образомъ вліяніемъ въ высшей степени постепеннаго, но непрерывнаго возрастанія прикрѣпленія къ осѣдлости при помощи земледѣлія. Въ этой формѣ выражалась преимущественно та борьба за существованіе, о которой говоритъ авторъ. *Н. З.*

Digitized by Google

кое время было первымъ требованіемъ силы. Такимъ же образомъ тѣ племена, у которыхъ индивидуальный бракъ существовалъ уже всецѣло или только частью, должны были одерживать побѣды надъ тѣми, которыя еще благопріятствовали гетеризму, и, вслѣдствіе этого, первая изъ этихъ формъ брака должна была быстро распространиться повсюду.

Послѣ этого уклоненія въ сторону, пора возвратиться къ теоріи *Лёббока*. Если она представляетъ вѣрную идею для познанія того способа, какимъ установился индивидуальный бракъ, тогда и происхожденіе этого учрежденія отъ экзогаміи или отъ брака внѣ рода, дѣйствительно, должно быть ясно. Этому учрежденію старались давать различныя объясненія. *Макъ-Леннонъ* желаетъ видѣть его происхожденіе въ обычаѣ дѣтоубійства, тяготѣвшаго на дѣвочкахъ, благодаря чему женщины въ родѣ стали рѣдки, такъ что сдѣлалось необходимо идти похищать ихъ у другихъ. Дѣтоубійство у необразованныхъ народовъ еще въ настоящее время не можетъ считаться необычнымъ, а въ прежнія времена навѣрно должно было занимать большое мѣсто. Причина этого явленія довольно хорошо извѣстна и состоитъ въ томъ, что дикари очень часто попадаютъ въ невозможность содержать всѣхъ рождающихся дѣтей и поэтому понятно, что они, дѣйствительно, приходятъ къ тому, чтобы убивать больше дѣвочекъ, чѣмъ мальчиковъ. Храбрые воины и смѣлые охотники, были, какъ замѣчаетъ *Макъ-Леннонъ*, весьма цѣнны для рода и потому высоко ставились. Но женщины не приносили роду пользы: онѣ не были въ состояніи содержать себя сами и увеличить средства содержанія рода. Прокармливать много дѣвушекъ никогда не считалось выгоднымъ. Что подобные доводы могли привести дикіе народы къ тому, чтобы взваливать дѣтоубійство болѣе на женскій, чѣмъ на мужской полъ, съ этимъ можно согласиться. Однако, совсѣмъ иной вопросъ, точно ли, какъ думаетъ *Макъ-Леннонъ*, это могло причинить необходимо недостатокъ въ женщинахъ. *Макъ-Леннонъ* пренебрегъ принять во вниманіе тотъ всеобщаго значенія фактъ, что, хотя число мальчиковъ, рождающихся ежегодно, оказывается больше, нежели число дѣвочекъ, которыя въ тотъ же срокъ родились въ міръ, но что, тѣмъ не менѣе, вездѣ и всегда число женщинъ представляетъ большую половину населенія, чѣмъ число мужчинъ. Кажущееся здѣсь противорѣчіе, какъ извѣстно, разрѣшается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ первые годы жизни смертность среди мальчиковъ больше, чѣмъ среди дѣвочекъ, но очевидно, не менѣе и тѣмъ, что взрослые мужчины подвергаются большимъ опасностямъ, чѣмъ женщины. Законъ этотъ имѣетъ силу также и у

Digitized by Google

первобытныхъ народовъ и встрѣчается здѣсь еще чаще, чѣмъ у образованныхъ народовъ. У дикарей, которые постоянно находятся другъ съ другомъ въ войнѣ, которые должны бороться со всевозможными трудностями для снисканія себѣ необходимѣйшихъ потребностей жизни, иногда отнимаемыхъ ими у дикихъ животныхъ, представляютъ собою безконечно большіе шансы смертности для мужчинъ, чѣмъ для женщинъ. Въ обществѣ дикарей должна такимъ образомъ существовать естественная наклонность къ преобладанію числа женщинъ, а, слѣдовательно, среди народовъ, которые примѣняютъ дѣтоубійство болѣе къ дѣвочкамъ, чѣмъ къ мальчикамъ, это должно имѣть послѣдствіемъ лишь то, что отношеніе между полами остается одинаковымъ, а въ иныхъ случаяхъ склоняется въ пользу преобладанія числа мужчинъ. Во всякомъ же случаѣ вѣрно то, что изъ этого никогда не должно произойти опредѣленнаго недостатка въ женщинахъ. Такимъ образомъ, заключеніе *Макъ-Леннона* невѣрно, и черезъ то его объясненіе экзогаміи также совершенно ошибочно. Но даже, если принять, что противъ этого заключенія нельзя было бы сдѣлать никакихъ возраженій, то оно всетаки было бы неудовлетворительно въ виду того, что содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Можно, очевидно, замѣтить, что хотя убіеніе дѣвочекъ, дѣйствительно, ведетъ къ недостатку женщинъ въ племени, а такимъ образомъ и къ экзогаміи, но, что таже смерть причиняетъ подобный же недостатокъ и въ другихъ племенахъ, при чемъ экзогамія опять-таки невозможна или, по крайней мѣрѣ, крайне затруднена.

Существуетъ еще одинъ взглядъ, которымъ хотѣли объяснить происхожденіе экзогаміи и о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. *Моргань* въ своемъ уже упомянутомъ трудѣ «*Systems of consanguinity*» выставляетъ мнѣніе, что убѣжденіе въ невыгодномъ дѣйствіи брака между ближайшими родственниками должно было повести къ запрещенію браковъ въ одномъ родѣ. Но можно легко спросить, какимъ образомъ возникло это убѣжденіе? На наблюденіи оно не можетъ быть основано ни въ какомъ случаѣ, потому что, насколько говорятъ объ этомъ факты, они иногда оправдываютъ совершенно противоположное заключеніе. Очевидно съ перваго взгляда, что не убѣжденіе повело къ запрещенію, а скорѣе имѣло мѣсто какъ разъ противоположное, и подъ вліяніемъ послѣдняго, вспомоществуемымъ суевѣріемъ и предразсудкомъ, образовалось первое. Но даже согласившись, что первобытный человѣкъ дѣйствительно тѣмъ или другимъ способомъ пришелъ къ убѣжденію во вредѣ браковъ между кровными родственниками, все же экзогамія остается съ

Digitized by Google

этой точки зрѣнія необъяснимою. Несомнѣнно, что при помощи подобнаго учрежденія подобные браки совершаться не могли. Мы видимъ далѣе также, что народы, которые ввели у себя экзогамію, по временамъ допускаютъ у себя брачные союзы между лицами, стоящими другъ къ другу очень близко по крови, какъ, напримѣръ, между различными единокровными и единоутробными братьями и сестрами съ отцовской и материнской стороны, при чемъ они суть различныхъ родовъ. Очевидно, что допущеніе подобныхъ брачныхъ связей сразу доказываетъ неосновательность мнѣнія, что экзогамія можетъ быть объяснена только, какъ реформа, которая кладетъ конецъ супружествамъ между ближайшими родственниками, послѣ того, какъ утвердился взглядъ о невыгодахъ, возникающихъ изъ этого.

Теорія *Лёббока* даетъ намъ, конечно, болѣе удовлетворительное объясненіе этого учрежденія. Отдѣльныя лица брали себѣ жену изъ чужого рода, такъ какъ общность женщинъ рода не дозволяла, чтобы хоть одна изъ этихъ послѣднихъ вступила въ индивидуальный бракъ. Понятно также и то, что когда въ силу навыка установились браки внѣ рода, когда въ томъ не было уже и необходимости, то мало-по-малу образовалось и убѣжденіе, направленное противъ брака въ самомъ родѣ. Нѣтъ надобности указывать здѣсь на примѣрахъ проявленія этого общаго учрежнія—экзогаміи. *Лёббокъ* и *М. Ленгонъ* въ своихъ упомянутыхъ сочиненіяхъ и *Тейлоръ* въ своей «*Early History of Mankind*» сдѣлали уже это достаточно ясно и точно. Тоже учрежденіе встрѣчается и на Индійскомъ Архипелагѣ. Выше было уже упомянуто о батакахъ, у которыхъ никому не дозволено вступить въ бракъ въ своей *марга*. Насколько извѣстно, учрежденія малайцевъ въ Падангскомъ плоскогорьи также требуютъ, чтобы мужчина женился внѣ своего *зуку*. Раздѣленіе племени на роды подъ названіемъ *fenna, ifan* и *tofa* съ запрещеніемъ брака въ родѣ встрѣчается также у алфуровъ Буру, Церама и Гальмагеры. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ прежнія времена учрежденіе экзогаміи было распространено гораздо болѣе нынѣшняго. Очевидно также, нельзя назвать слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что запрещеніе браковъ между близкими родственниками, насколько оно встрѣчается въ настоящее время во всѣхъ частяхъ земного шара, какъ у дикихъ, такъ и у образованныхъ народовъ, должно быть разсматриваемо просто, какъ переживаніе этого учрежденія. Обыкновенно, впрочемъ, взываютъ къ помощи нравственности и физіологіи для объясненія происхожденія этого запрета. Насколько это возможно — это вопросъ, который будетъ, по отношенію къ морали, разсмотрѣнъ ниже. Что же касается до физіологіи, то

Digitized by Google

вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ немедленно въ отрицательномъ смыслѣ. Сознаніе вреда браковъ между кровными родственниками есть нѣчто такое, чѣмъ первобытный человѣкъ, какъ уже замѣчено нами, обладать не можетъ. Но если справедливо принятое авторомъ предположеніе, что запрещеніе браковъ между близкими родственниками вообще дѣйствительно произошло изъ экзогаміи, то слѣдуетъ еще показать, какимъ образомъ это могло имѣть мѣсто. Необходимо прежде всего вспомнить, что, согласно новѣйшимъ воззрѣніямъ, первоначальною формою общественной жизни было не семейство, а родъ, и что въ этомъ родѣ семейство развилось только съ установленіемъ индивидуальнаго брака. На одну особенность слѣдуетъ здѣсь указать прежде всего, именно, на прочность семейныхъ узъ въ древнѣйшія времена. Въ самомъ дѣлѣ эти узы слѣдуетъ предполагать достаточно тѣсными. Члены одного семейства нетолько жили вмѣстѣ, но и имѣли также общее имущество, образовали нѣчто цѣлое, какъ въ административномъ, такъ и въ экономическомъ смыслѣ, насколько подобныя новѣйшія выраженія могутъ здѣсь служить. Такимъ образомъ, родъ постепенно раздѣлялся на извѣстное число семейныхъ группъ, и именно въ этихъ семейныхъ группахъ, когда онѣ достигли полной самостоятельности, понятіе о единствѣ всего рода совершенно отступило на задній планъ и впервые было запрещеніе брака. На высшихъ ступеняхъ развитія мы видимъ въ соединенныхъ семьяхъ правильное разложеніе. Въ началѣ, однако, индивидуальный человѣкъ былъ лишенъ всякой самостоятельности; онъ всецѣло вросталъ въ группу, къ которой принадлежалъ; законы почти ничего не говорятъ о немъ и заботятся только о семействѣ, въ которомъ онъ теряется. Лишь мало-по-малу онъ выступаетъ, какъ личность, на первый планъ и разрываетъ связывавшія его узы, такъ что группа, въ которую онъ прежде входилъ со всѣмъ своимъ существованіемъ, теряетъ свой первоначальный характеръ и всецѣло погибаетъ [1]. Семейное кольцо, которое состоитъ изъ индивидуумовъ, разсматривающихъ себя, какъ родственниковъ, по мѣрѣ этого разложенія старыхъ сложныхъ семействъ, становится само собою все уже и уже, и за этимъ-то съуженіемъ послѣдовало запрещеніе брака, въ началѣ простиравшагося еще на всю сферу семейнаго круга, чтобы въ концѣ примѣняться исключительно къ личностямъ, которыя находились между собою въ ближайшей кровной связи. Достовѣрно то, что гдѣ являются запрещенія браковъ,

[1] Мы сказали бы, не погибаетъ, а только преобразуется и появляется снова подъ видомъ политическихъ, рабочихъ и иныхъ союзовъ.

Digitized by Google

тамъ они могутъ быть выведены указаннымъ способомъ изъ предшествовавшей экзогаміи. Первое и великое запрещеніе брака, хотя основанное только на общинномъ бракѣ женщинъ, а не на понятіи о кровномъ родствѣ, какъ мы видимъ, съ теченіемъ времени всецѣло перешло въ запрещеніе брака между кровными родственниками, при-чемъ постоянно, придерживаясь объема группы, къ которой принадлежалъ индивидуумъ и въ которой индивидуальный человѣкъ распускался всѣмъ своимъ существомъ, оно послѣдовало въ своемъ развитіи за развитіемъ группы и мало-по-малу перешло отъ рода къ соединенному семейству, а отъ соединеннаго семейства къ семейству въ тѣсномъ смыслѣ, соотвѣтствующемъ этому слову. Остается еще указать на характеръ нравственнаго закона, пріобрѣтенный съ теченіемъ времени запрещеніемъ вступленія въ бракъ. Если супружество близкихъ родственниковъ составляетъ у насъ невозможность, то это не столько потому, что законъ запрещаетъ такіе браки, сколько на томъ основаніи, что ихъ запрещаетъ нравственность, внушающая намъ отвращеніе къ нимъ. Запрещеніе — и здѣсь мы снова возвращаемся къ тому пункту, который выше оставили не оспореннымъ—которымъ столь многіе желаютъ объяснить это отвращеніе, оставалось бы само по себѣ безъ дѣйствія. Затрудненіе такимъ образомъ перемѣщается, а не разрѣшается. Очевидно, что за этимъ самъ собою долженъ послѣдовать вопросъ: откуда идетъ означенное отвращеніе? Понять это послѣднее, какъ свойство, принадлежащее съ самаго начала роду и существу человѣка, какъ новое твореніе, пришедшее на землю съ человѣкомъ, съ той точки зрѣнія ученія о развитіи, на которую мы стали, мы не въ состояніи. Первый экземпляръ любого вида вѣдь не существовалъ никогда: какимъ же образомъ характеристика, относящаяся только къ виду могла бы выяснить всѣ специфическія особенности, встрѣчающіяся въ мірѣ? Такимъ образомъ первобытный человѣкъ не обладаетъ никакими первоначальными нравственными свойствами, никакимъ врожденнымъ масштабомъ хорошаго или дурного, никакимъ чувствомъ долга. Справедливо, что въ настоящее время долгъ познается нами, бо́льшею частью, черезъ интуицію; но для пріобрѣтенія этой послѣдней мы просто вступили въ наслѣдство, которое было пріобрѣтено нашими предками послѣ сильной борьбы и по пути тысячелѣтняго изслѣдованія. И въ томъ, что обыкновенно называется врожденнымъ, въ томъ, что мы знаемъ a priori, нѣтъ ничего такого, что̀ въ послѣдней инстанціи не покоилось бы на опытѣ, что не должно быть разсматриваемо, слѣдуя *Геккелю*, какъ получившее свое возникновеніе «посредствомъ продолжительнаго унаслѣдованія

Digitized by Google

приспособленій мозга, пріобрѣнныхъ изъ первоначально-эмпирическаго познанія a posteriori». Тотъ, кто найдетъ не совершенно яснымъ этотъ языкъ школы, все же пойметъ его смыслъ. Подъ вліяніемъ навыка къ опредѣленнымъ, каждодневно повторяющимся отправленіямъ ума, диктуемымъ обстоятельствами жизни, опытомъ, мозгъ предковъ долженъ былъ подчиняться измѣненіямъ, которыя, сдѣлавшись наслѣдственными, дали намъ возможность исполнять тѣ же функціи уже не сознательно, а совершенно безсознательно, какъ бы интуиціей. Несомнѣнно, что запрещеніе брака между близкими родственниками существовало, какъ переживаніе экзогаміи, но какъ одно изъ первыхъ средствъ къ поддержанію этого запрещенія должно было также быть возбуждено и отвращеніе къ подобнымъ бракамъ, какъ къ чему-то грѣшному, дурному, не дозволенному, и это отвращеніе, пройдя черезъ различныя послѣдующія поколѣнія, должно было сдѣлаться въ концѣ-концовъ наслѣдственнымъ и безсознательнымъ въ указанномъ выше смыслѣ. Что браки не могутъ совершаться между близкими родственниками, это потомки нетолько понимаютъ, но и чувствуютъ. Не одинъ только умъ участвовалъ въ признаніи подобныхъ связей за не дозволенныя, но также и совѣсть. Запрещеніе въ данномъ случаѣ сдѣлалось вполнѣ нравственнымъ закономъ.

Какъ мало, впрочемъ, отвращеніе отъ смѣшенія родственной крови представляетъ качество, свойственное человѣку отъ природы, и такимъ образомъ послужившее запрещенію, ясно видно изъ того, что существуютъ примѣры народовъ нетолько мало развитыхъ, но и такихъ, которые стоятъ уже на довольно высокой ступени воззрѣній, которые вообще не знаютъ никакихъ брачныхъ ограниченій. О Карепахъ, племени западней Индіи, разсказываютъ, что у нихъ браки между братомъ и сестрой и отцомъ и дочерью не составляютъ рѣдкости до настоящаго времени. Чиппевеи, народъ, принадлежащій къ племени атапасковъ въ Британской Сѣверной Америкѣ, соединяются не рѣдко съ своими собственными матерями, а также иногда женятся на своихъ сестрахъ и дочеряхъ. Съ цѣлью поддержать въ чистотѣ королевскую кровь, короли мыса Гонзальвеса и Гамбона въ Верхней Гвинеѣ имѣютъ обыкновеніе жениться на своихъ взрослыхъ дочеряхъ, а королевы выходятъ замужъ за своихъ старшихъ сыновей. Слѣдуя Эллису, на Сандвичевыхъ островахъ происходятъ браки между ближайшими родственниками, даже между братьями и сестрами, и особенно часто въ королевской семьѣ. Также и нынѣшніе персіяне считаютъ бракъ между весьма близкими родственниками за очень счастливый. Извѣстно, что у Инковъ древ-

Digitized by Google

ниго Перу существовало правило, что наслѣдникъ трона долженъ жениться на своей старшей законной сестрѣ съ отцовской или материнской стороны. У древнихъ египтянъ существовали также лишь немногія ограниченія ко вступленію въ бракъ. Слѣдуя брачнымъ спискамъ, Птолемеи нерѣдко женились на своихъ сестрахъ, и отъ одного подобнаго союза произошла, между прочимъ, Клеопатра. Также и въ Персіи не существовало никакихъ запрещеній для брака между родственниками. Нетолько братъ и сестра могли у нихъ вступать въ бракъ, но также и отецъ съ дочерью, мать съ сыномъ и даже для выполненія различныхъ богослужебныхъ функцій опредѣленно требовались личности, происходившія изъ подобныхъ браковъ. Подобное же состояніе должно было существовать также въ Мидіи: также и у этого народа совершенно отсутствовало понятіе о нарушеніи кровнаго союза. Что у нашихъ предковъ происходило тоже самое, ясно изъ сагъ и легендъ. Германская Эдда упоминаетъ о бракахъ между братьями и сестрами, скандинавская Геймскрингла Сага разсказываетъ, что Ніордъ женился на своей собственной сестрѣ. Само ученіе о богахъ у многихъ не образованныхъ народовъ служитъ доказательствомъ, насколько было первоначально всеобще отсутствіе понятія о стыдѣ кровосмѣшенія. «Не случайно видимъ мы», говоритъ *Жиро Тейлонъ* (Les origines de la famille, 95), «въ миѳологіи боговъ, женящихся на своихъ сестрахъ. Зевса и Геру у грековъ, Фрейра и Фрейю у германцевъ, Януса и Камизу въ Италіи, Озирису и Изиду въ Египтѣ. Боги имѣли въ то время нравы народовъ, обожавшихъ ихъ: точно также герои, подобные Сигмунду и Сиглиндѣ въ Эддѣ, Эдифилу и Адрастѣ въ миѳахъ Греціи, Манко Панакъ и сестрѣ его Мама Елло у Инковъ Перу, раскрываютъ своими нечестивыми браками историческую легенду». «Эта догма нечестія боговъ», разсказываетъ *Ленорманъ* (Die Magie und Wahr. der Chald., 117), «и брачнаго союза бога съ собственною матерью распространена и лежитъ въ основѣ всѣхъ культовъ передней Азіи. Въ мѣстной религіи Нипура — Адаръ есть вмѣстѣ сынъ и супругъ Белиты. Въ эллинскихъ сагахъ Семирамида заключаетъ кровосмѣсительный союзъ съ своимъ собственнымъ сыномъ Ниномъ».

Для тѣхъ, кто принимаетъ врожденное въ человѣкѣ отвращеніе къ кровосмѣшенію, полное отсутствіе брачныхъ ограниченій у столь многихъ названныхъ выше народовъ является загадкою. Разсматриваемое съ точки зрѣнія теоріи развитія, это явленіе не представляетъ ни малѣйшей трудности для разрѣшенія. Во времена общиннаго брака люди естественно предавались полному кровосмѣшенію. Общеніе женщинъ въ родѣ повело, при установ-

Digitized by Google

леніи индивидуальнаго брака, къ экзогаміи, и изъ послѣдняго учрежденія, какъ это уже показано выше, развилось понятіе о кровосмѣшеніи и о запрещеніи браковъ въ близкихъ степеняхъ родства во всѣхъ его формахъ. Экзогамія и единственно экзогамія была тѣмъ, что въ послѣдней инстанціи поставило границу и преграду состоянію кровосмѣшенія, въ которомъ люди жили предварительно. Тамъ, гдѣ экзогамія никогда не существовала, должно было также удержаться въ силѣ старое состояніе кровосмѣшенія. Несомнѣнно, что именно въ такомъ положеніи находились только что указанные народы: индивидуальный бракъ навѣрно уже въ давнее время принялъ у нихъ другой путь, чѣмъ тотъ, который былъ бы занятъ экзогаміей, и только этимъ можетъ быть объясненъ тотъ фактъ, что понятіе о кровосмѣшеніи, какъ о преступленіи, до такой полной степени отсутствовало у нихъ.

Не послѣдняя заслуга Лёббока заключается въ томъ, что его теорія бросаетъ столь ясный и точный свѣтъ на происхожденіе обычая брака внѣ рода, а также косвенно и на обычай, относящійся къ запрещенію брака между кровными родственниками, если только справедливо, что этотъ обычай и былъ исходнымъ пунктомъ запрещенія. Но есть и еще одинъ обычай, который до сихъ поръ составлялъ для этнологовъ загадку и находитъ свое объясненіе въ теоріи Лёббока. Таково широко и повсюду среди дикихъ и образованныхъ народовъ распространенное учрежденіе—давать мѣсто браку черезъ похищеніе, все равно, представляется ли похищеніе лишь притворнымъ, второстепенною формою брачной церемоніи, или же имѣетъ мѣсто *de facto* и составляетъ законное средство, при помощи котораго могъ бы быть заключенъ бракъ даже противъ желанія дѣвушки, или ея родителей, или той и другихъ вмѣстѣ. Что касается въ частности до Индійскаго Архипелага—для другихъ странъ дали достаточныя указанія Лёббокъ, Макъ-Леннонъ и Тайлоръ—то изъ двухъ упомянутыхъ формъ брака черезъ похищеніе встрѣчается въ наиболѣе чистомъ видѣ вторая на Бали, причемъ въ самомъ фактѣ похищенія заключается совершеніе брака. На ряду съ *mepadik*, обыкновеннымъ способомъ вступленія въ бракъ, съ знанія и согласія родителей обѣихъ сторонъ, балинцамъ извѣстенъ также и *merangkat*, который есть похищеніе дѣвушки или вдовы съ ея согласія и *melegandang*, похищеніе или грабежъ дѣвушки или вдовы насильственный и противный ихъ волѣ. При *merangkat*'ѣ сторона жениха предварительно входитъ въ необходимыя совѣщанія и распоряженія, и выбираетъ благопріятный моментъ времени, чтобы предупредить преслѣдованіе или убійство со стороны родителей. Они скрываются въ домѣ кого-либо изъ друзей

Digitized by Google

до того времени, когда гнѣвъ родителей жены охладится, уплачиваютъ установленную за *merangkat* пеню въ два *benkoes* (около 50 голл. гульденовъ), и бракъ разсматривается всѣми, какъ совершенно законный. Съ *melegandang*'омъ связаны уже большія трудности, такъ какъ въ этомъ случаѣ имѣется дѣло съ сопротивляющеюся женщиною, которая подчасъ сама не знаетъ похитителя, а иногда законно любитъ другого и уже сговорена съ нимъ. Обыкновенно *melegandang* происходитъ такимъ образомъ, что влюбленный съ своею роднею или друзьями прячется въ засаду и въ то мгновеніе, когда женщина выйдетъ изъ своего жилища, они хватаютъ ее и тащутъ въ домъ того или другого жителя дессы, который обязанъ принять къ себѣ похитителя женщины, все равно, извѣстенъ онъ ему, или нѣтъ. Разъ достигнувъ этого, женихъ уже не долженъ опасаться никакого дальнѣйшаго преслѣдованія, а долженъ только уплатить опредѣленную пеню въ 6 *benkoes*, чтобы стать безраздѣльнымъ обладателемъ похищенной невѣсты. Однако, пока пеня не уплачена, ему слѣдуетъ сильно заботиться о томъ, чтобы не покидать своего пріюта, потому что родители невѣсты имѣютъ еще тогда право убить его. *Merangkat* болѣе, чѣмъ *melegandang* можетъ служить типомъ того, что на Архипелагѣ похищеніе является *фактически* брачною формою. У жителей Амбоины еще въ настоящее время каждому браку предшествуетъ похищеніе, такъ называемое *lari bini*, состоящее въ томъ, что дѣвушка добровольно слѣдуетъ за мужчиной или догоняетъ его и потомъ прячется съ нимъ. Похититель долженъ при этомъ только позаботиться о томъ, чтобы оставить обычную плату въ спальнѣ своей невѣсты для укрощенія гнѣва ея родителей. Дня два спустя онъ отправляется въ домъ родителей, чтобы испросить у нихъ прощеніе, и тѣмъ кончаются всѣ формальности. У Альфуровъ Буру похищеніе также представляетъ не рѣдкую форму брака. Если кто-либо здѣсь убѣдился въ привязанности дѣвушки, то въ обычаѣ, чтобы онъ похищалъ ее съ знанія ея родителей и прятался съ нею въ лѣсу, въ теченіе какового времени идутъ переговоры о брачномъ дарѣ. Какъ только эти переговоры кончились, молодые возвращаются, и бракъ считается совершеннымъ законнымъ образомъ.

Приведенныхъ примѣровъ похищенія *de facto*, какъ формы брака, совершенно достаточно. То, на чемъ слѣдуетъ прежде всего остановить взглядъ, это фактъ, что самое похищеніе представляетъ собою бракъ, безъ того, чтобы родители дѣвушки имѣли еще право предъявить по этому дѣлу *veto*. По меньшей мѣрѣ, *merangkat* и *melegandang* подходятъ подъ это правило. Въ

Digitized by Google

этомъ смыслѣ, правда; похищеніе встрѣчается въ настоящее время не часто, но прежде оно было гораздо болѣе распространено.

Есть еще одинъ обычай, который, очевидно, имѣлъ свое происхожденіе въ тѣ времена, когда насильственное похищеніе женщины было наиболѣе распространеннымъ способомъ къ заключенію брака. Дѣло идетъ объ обычаѣ заключать браки между дѣтьми. У дайаковъ на Борнео дѣвушка часто сговаривается при самомъ рожденіи и выходитъ замужъ уже на шестомъ году, причемъ, пока не выростетъ, она остается жить у своихъ родителей. То же самое происходитъ у батаковъ, гдѣ дѣти не рѣдко соединяются отцами въ бракъ, и каждое живетъ дома въ ожиданіи брачнаго совершеннолѣтія. Но преимущественно браки дѣтей имѣютъ мѣсто между лицами, которыя указываются адатомъ, чтобы быть супругами одинъ другого; довольно напомнить обычай батаковъ вступать въ бракъ преимущественно съ дочерью *teelang*'а, брата матери, когда дѣвушка уже достигла совершеннолѣтія, а мальчикъ еще нѣтъ. Въ такомъ случаѣ жена живетъ у своихъ свёкровъ, пока ея супругъ не выйдетъ изъ дѣтскихъ башмаковъ. Подобная невѣста называется *loesong*—камень для молотьбы риса, быть можетъ, потому, что, пока она ждетъ совершеннолѣтія своего дитяти-супруга, ее нельзя обременять никакой иной работой, кромѣ молотьбы риса. Также у алфуровъ Минагассы, повидимому, существовали прежде подобные же браки дѣтей. Еще въ настоящее время встрѣчается среди языческой части населенія обычай, состоящій въ томъ, что дѣтей заставляютъ выполнять всѣ брачныя церемоніи (по альфурски—*pesendëen*). Въ прежнія времена браки, заключенные такимъ образомъ, должны были считаться обязательными. Въ настоящее время это болѣе не такъ. Достаточно извѣстно, что и на Явѣ браки между дѣтьми не составляютъ рѣдкости [1]. При

[1] Обычай заключать браки между взрослой дѣвушкой и мальчикомъ распространены и въ другихъ сосѣднихъ съ Архипелагомъ странахъ. Такъ, у племени Редди въ Южной Индіи (см. *shortt*. Trandact. of. Ethnolog. Society, vol VII, p. 194) дѣвушку 15—16 лѣтъ выдаютъ замужъ за мальчика 5 или 6. Потомъ она живетъ съ какимъ-либо другимъ мужчиной, дядею или обыкновенно съ кузеномъ съ материнской стороны, потому что ей недозволено входить въ связь съ членами отцовской семьи; иногда она даже живетъ съ отцомъ своего мужа, т. е. съ своимъ отчимомъ. Если отъ этой связи будутъ дѣти, то отцомъ ихъ считается молодой мужъ (снохачество). Когда онъ въ свою очередь достигнетъ взрослаго возраста, его жена уже стара и прожила возрастъ имѣть дѣтей; тогда онъ живетъ съ женою другого мальчика и родитъ дѣтей на счетъ молодого мужа». На тотъ же обычай указываетъ, между прочимъ, *Боуритъ* (Philippine Islands, 144—45) на Филиппинскихъ островахъ,

Digitized by Google

подобныхъ бракахъ контрактъ заключается съ обычными формальностями, но соединеніе супруговъ отлагается до того времени, когда они достигнутъ зрѣлаго для супружества возраста. Нельзя долго сомнѣваться относительно источника происхожденія этого страннаго обычая дѣтскихъ браковъ. У народовъ, которые насильственное похищеніе разсматриваютъ, какъ законный способъ достигнуть обладанія женщиной, родители имѣютъ цѣлью освободить своихъ дочерей отъ этого и помѣшать тому, чтобы ихъ собственные планы не были нарушены другими, а потому и обращаются къ дѣтскому браку. Тамъ, гдѣ существуетъ этотъ обычай, можно придти къ заключенію, что прежде существовалъ въ качествѣ брачной формы обычай похищенія *de facto,* на подобіе балинскаго *merangkat* или *melegandang*, хотя его болѣе не осталось и слѣдовъ.

Болѣе общимъ распространеніемъ на Архипелагѣ пользуется бракъ, въ которомъ похищеніе происходитъ лишь притворно, и въ которомъ, несмотря на то, что уже обезпечено согласіе родителей, дѣвушка все-таки должна быть увезенена какъ бы насильно. У сумбанцевъ это бываетъ среди другихъ обычаевъ. Браки у нихъ рѣшаются напередъ родителями обѣихъ сторонъ. Когда произошло соглашеніе относительно покупной цѣны, жениху говорятъ, чтобы онъ становился на стражу съ нѣкоторыми своими друзьями въ опредѣленномъ мѣстѣ въ лѣсу. Послѣ этого родители посылаютъ туда дочь, чтобы нарыть корней или принести воды. Этимъ случаемъ долженъ воспользоваться женихъ, чтобы, съ помощью своихъ друзей, схватить невѣсту, посадить ее за собою на лошади и отвести къ себѣ домой. Правда, при первомъ же извѣстіи о похищеніи, родня невѣсты вооружается и преслѣдуетъ похитителя, но устраиваетъ дѣло такъ, что никогда не догоняетъ его раньше, чѣмъ онъ достигнетъ своего дома. Тамъ, для виду, похищенная дѣвушка требуется назадъ, но этого не исполняютъ, а взамѣнъ платятъ положенную цѣну. Въ подобныхъ же формахъ совершается бракосочетаніе и у жителей Лампонгскихъ округовъ. Юноша похищаетъ дѣвушку съ согласія ея родителей и прячетъ ее въ своемъ домѣ. По истеченіи извѣстнаго времени является во главѣ вооруженной банды отецъ, чтобы отыскать свою дочь, и ожидается у входа въ кампонгъ также вооруженными обитателями таковаго. Чтобы показаться во весь ростъ передъ публикою, между обѣими пар-

---

говоря, что одомашненіе жениха въ домѣ его будущаго тестя ведетъ къ рожденію большого числа незаконныхъ дѣтей, къ частому нарушенію обѣтовъ, къ домашнимъ спорамъ и къ большой нищетѣ. Н. З.

Digitized by Google

тіями совершается родъ турнира и дается пѣтушій бой, въ которомъ стараются, чтобы выигрышъ упалъ на сторону отца невѣсты. Потомъ платится цѣна за невѣсту, и остальной день проходитъ въ ѣдѣ и въ пиршествѣ. Если въ обоихъ упомянутыхъ случаяхъ похищеніе совершается тайно, то это не всегда бываетъ такъ. Иногда оно дѣлается публично, именно въ томъ смыслѣ, что входитъ въ составъ свадебной церемоніи, и что женихъ съ своими дружками завоевываетъ свою невѣсту, съ виду борясь съ ея родителями. Въ нѣсколько иной формѣ обычай этотъ встрѣчается у обитателей мѣстности Горонталь. На островѣ Сумбѣ также въ ходу этотъ способъ притворнаго похищенія, на ряду съ вышеописаннымъ, но, повидимому, только у болѣе знатныхъ лицъ. Такъ, можно прочесть въ одномъ описаніи княжеской свадьбы, что тамъ, при оглушительныхъ крикахъ, происходитъ правильное сраженіе между мужчинами, присланными женихомъ, и женщинами-родственницами невѣсты за обладаніе послѣднею, пока мужчины не одержатъ верхъ и не увезутъ невѣсты.

Обычай, въ силу котораго женщина увозится отъ родителей съ притворнымъ насиліемъ, есть такая черта брачныхъ церемоній, которая также весьма часто встрѣчается и у народовъ, живущихъ внѣ Индійскаго Архипелага, со всевозможными измѣненіями. Такъ, напримѣръ, по словамъ лорда *Кемса*, еще въ началѣ этого столѣтія въ Уэльсѣ происходила въ день свадьбы примѣрная драка между всадниками, изъ которыхъ одна сторона преслѣдовала, а другая защищала посаженную на лошадь невѣсту. Лишь тогда, когда всадники достаточно утомили своихъ лошадей, они даютъ дозволеніе жениху схватить свою невѣсту. Вся сцена заканчивается празднествомъ и ѣдою. Однако, не вездѣ дѣло для жениха столь удобно, такъ какъ по временамъ, при этомъ со стороны родственниковъ жены ему дѣлается достаточно непріятностей. Такъ, напримѣръ, мы находимъ у кондовъ, что когда послѣ совершенія брака мужъ хочетъ перевести свою жену къ себѣ въ деревню, то ему всячески въ этомъ препятствуютъ друзья невѣсты, бросая ему въ голову камни, куски бамбуку и другіе метательные снаряды, стараясь такимъ образомъ отнять у него драгоцѣнную ношу. Онъ не раньше бываетъ въ безопасности, какъ по достиженіи своей деревни [1]. У арау-

[1] Вотъ какъ описывается та же часть брачной церемоніи на Новой Зеландіи *Полакомъ* (Manners und Custons of the New-Zealanders, 141): «бракъ еще не конченъ, какъ партія друзей (ближайшихъ родственниковъ жены) нападаютъ на хижину, грабитъ всякую движимую собственность и часто оставляетъ обитателей почти буквально нагими; съ обѣихъ сторонъ раздаются

Digitized by Google

канцевъ похищеніе невѣсты совершается, правда, притворно, но дѣло иногда идетъ такъ жарко, что комедія превращается въ трагедію. Съ другой стороны, не трудно видѣть, что у болѣе образованныхъ народовъ отъ всего этого обычая остался одинъ только знакъ. Въ томъ же смыслѣ можетъ, конечно, быть объяснено *deductio in domum* невѣсты у римлянъ, причемъ невѣста не могла сама войти въ домъ жениха, но должна была быть внесена туда, такъ что самыя ея ноги не могли коснуться порога, представленіе, которое существовало также и у грековъ, съ такою прибавкою, что женихъ долженъ былъ при этомъ обнаружить нѣсколько усилій неудовольствія, а сопровождающія невѣсту женщины должны были ее защищать. Какъ воспоминаніе притворнаго сопротивленія жениной родни во время свадьбы, можно также разсматривать обычай, существующій въ восточныхъ частяхъ Голландіи, относительно вызова невѣсты къ сдачѣ и поставленія ей запоровъ по пути слѣдованія. Женихъ является съ поѣздомъ, «открытою крестьянскою повозкою, наполненною красивой молодежью обоего пола», которая поетъ и машетъ платками. Двери и окна дома невѣсты закрыты, и тамъ стоитъ стража. «Чего вы желаете», спрашиваетъ стража. Тогда подъѣзжаетъ одинъ изъ ораторовъ и требуетъ выдачи невѣсты въ стихахъ. Послѣ этого домъ отворяется и всѣ входятъ въ него: бутылка водки обходитъ кругъ, ѣдятъ, танцуютъ, и, наконецъ, женихъ съ невѣстой торжественно ѣдутъ къ вѣнцу. По дорогѣ ихъ снова нѣсколько разъ останавливаютъ и запираютъ, что первоначально, навѣрно, дѣлалось родственниками невѣсты и ея близкими сосѣдями, но затѣмъ выродилось въ требованіе «водки» или «на водку» со стороны народа, который запираетъ дорогу шлагбаумомъ или протянулъ черезъ нее канатъ.

Относительно происхожденія обряда похищенія во время свадьбы, какъ онъ только что описанъ, нѣтъ недостатка въ предположеніяхъ. Но ни одно объясненіе не пользуется такимъ распространеніемъ, какъ то, которое хочетъ видѣть въ обрядѣ похищенія ничто иное, какъ средство, которымъ пользуются сами женщины, чтобы изъ прочнаго чувства конфузливости и стыда, порожденнаго нравственностью, придать себѣ видъ, что не собственный выборъ, а только сила и насиліе принуждаютъ ихъ

также здоровые удары. Всѣ припасы, какіе у нихъ могутъ быть, со включеніемъ и зимнихъ запасовъ, грабятся не знающими угрызенія совѣсти мародёрами». См. также тотъ же обычай и столь же de facto исполняемый въ современной Сербіи («Современникъ», 1865, т. CVIII, «Сербское село») и у кавказскаго племени Адиге (Th. Lapinsky. Die Bergvölker des Kaukasus, Hamb. 1863, I, 144—160). Н. З.

Digitized by Google

выходить замужъ. Отлагать въ сторону это объясненіе при помощи нѣсколькихъ словъ, какъ дѣлаютъ это *Макъ-Леннонъ* и *Лёббокъ*, не совсѣмъ-то удобно. Оно во всякомъ случаѣ заслуживаетъ болѣе полнаго опроверженія, чѣмъ то, какое представили означенные авторы, и тѣмъ болѣе, что еще недавно оно нашло себѣ такого сильнаго представителя, какъ Спенсеръ. Похищеніе, слѣдуя этому автору, возникло подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, но главнѣйшее изъ нихъ—это боязливость и отвращеніе женщины. Гдѣ существовало это свойство, «тамъ женщина должна, ради поддержанія своего добраго имени, своей репутаціи выставлять себя крайне боязливою и опасающеюся прежде всего въ виду такой вещи, какъ вступленіе въ бракъ. Сопротивленіе личности предстоящаго супруга слѣдовало тогда само собою, какъ вытекающее изъ нравственности, частью, дѣйствительно существующей, частью же, притворной, причемъ родственники и подруги невѣсты участвуютъ въ этомъ сопротивленіи изъ симпатіи къ ней. По этому-то жениху бываетъ необходимо овладѣть своей невѣстою насиліемъ и хитростью. Похищеніе должно вслѣдствіе этого сдѣлаться обычнымъ явленіемъ». Какъ ни кажется просто и полно это объясненіе, но есть одно важное обстоятельство, которое въ немъ не принято во вниманіе, именно, ничтожная нравственность, которая обыкновенно существуетъ между обоими полами у первобытныхъ народовъ, и которая совершенно исключаетъ существованіе женской стыдливости. Многочисленные примѣры свидѣтельствуютъ, что въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ дѣти ростутъ свидѣтелями половой жизни, дѣвическое цѣломудріе не было извѣстно даже по имени, а также и у женщинъ нельзя искать тонкаго чувства, которое испытывало бы стыдъ при слѣдованіи за мужемъ въ брачное состояніе. Но въ такомъ случаѣ объясненіе Спенсера должно считать, большею частью, невѣрнымъ. Оно невѣрно даже и въ отношеніи къ болѣе развитымъ расамъ, гдѣ цѣломудріе и честность распространены широко и пользуются всеобщимъ уваженіемъ, такъ какъ и въ этомъ состояніи существованіе боязливости и отвращенія не можетъ считаться неизбѣжнымъ. Случай, когда мы, напротивъ, видимъ у женщинъ нескрываемое желаніе вступить въ бракъ, можетъ считаться всеобщимъ нетолько у народовъ, стоящихъ низко, но также и у тѣхъ, которые заслуживаютъ уже названія образованныхъ; это представляетъ естественный результатъ убѣжденія, что вступать въ бракъ и имѣть дѣтей составляетъ назначеніе человѣка на землѣ, и что кто этого не сдѣлалъ, тотъ совершенно нарушилъ цѣль своего существованія. «Плодитеся и мно-

Digitized by Google

житеся» встрѣчается въ представленіяхъ большей части народовъ, какъ Божіе предписаніе. Въ законахъ видно отраженіе его тамъ, гдѣ воспрещается и наказывается холостое состояніе. Діонисій говоритъ, что онъ встрѣтилъ одно старое распоряженіе у римлянъ, по которому молодые люди обязывались вступать въ бракъ, а въ разсужденіяхъ Цицерона о законахъ говорится, что *censores... caelebes esse prohibendo* etc. Въ Спартѣ нетолько серьёзно наказывались тѣ, кто не вступилъ въ бракъ, но также и тѣ, кто дѣлалъ это слишкомъ поздно, и въ различныхъ городахъ Греціи за холостое состояніе наказывали, какъ за преступленіе. Извѣстно, что также у евреевъ и у позднѣйшихъ іудеевъ бракъ признавался за большую заслугу. Въ Ветхомъ Завѣтѣ часто встрѣчаются восхваленія брака, и, слѣдуя Талмуду, юношѣ 18 лѣтъ слѣдуетъ жениться, тогда какъ еще почтеннѣе поступали бы тѣ, кто женился бы на 13 году. Также и въ магометанскихъ странахъ считается, насколько извѣстно, совершеннымъ извращеніемъ жизни, если кто остается не женатымъ. Нетолько въ законахъ, но также и въ богослуженіи встрѣчаются намеки на представленіе, что бракъ есть обязанность, которая должна быть исполнена человѣкомъ на землѣ. Тяжела участь, которая, слѣдуя народнымъ повѣрьямъ, достается дѣвушкѣ, умершей въ дѣвичествѣ. Ей не суждено никакого спокойствія, превращенная въ злого духа, она старается отнять у другихъ то счастье, котораго не могла извѣдать сама. Примѣры этого можно найти у большей части развитыхъ народовъ.

Правда, не всегда, по народнымъ повѣрьямъ, участь, ожидающая умершую дѣвицу, непремѣнно трагична. Но никогда она не бываетъ достойною зависти. Нѣмецкое народное повѣрье заставляетъ души подобныхъ умершихъ старыхъ дѣвушекъ вести безполезную, безцѣльную дѣятельность. Она въ аду должна предлагать на продажу куски сѣры, въ Вѣнѣ чистить щеткою стѣны св. Стефана, въ Базелѣ врата собора, въ Нюренбергѣ, какъ гласитъ поговорка, «бородами старыхъ холостяковъ мести бѣлую башню». Часто дѣтская фантазія представляетъ себѣ умершихъ старыхъ дѣвушекъ переселившимися въ птицъ, напримѣръ, въ южной Германіи, или въ другихъ животныхъ, подобно тому, какъ напримѣръ, у древнихъ грековъ извѣстный родъ саранчи, одинъ видъ которой долженъ былъ причинять всякое несчастіе, считался заколдованной старой дѣвицей. Но, насмѣшливо или трагично смотритъ народное повѣрье на судьбу умершей дѣвушки, всегда высказывается въ немъ самымъ яснымъ образомъ убѣжденіе, что быть въ бракѣ и

Digitized by Google

имѣть дѣтей есть цѣль, которая поставлена на землѣ мужчинѣ и еще болѣе женщинѣ, и никакого счастія не долженъ ожидать тотъ, кто промахнулся въ достиженіи этой цѣли. На Индійскомъ Архипелагѣ существуетъ тоже повѣрье. Оставаться внѣ брака представляетъ и въ глазахъ островитянъ величайшее бѣдствіе, какое только можетъ постигнуть женщину. Точно также смотрятъ они на состоящихъ въ бракѣ и не имѣющихъ дѣтей. «Не отмоетъ ее вода Яванскаго моря, она станетъ предметомъ насмѣшки для своихъ сестеръ, презрѣнія для своего мужа, мученія отъ духовъ на томъ свѣтѣ». Среди нѣкоторыхъ народовъ Архипелага существуетъ повѣрье, что жена, не родившая ни одного дитяти, получитъ въ аду змѣю на грудь въ наказаніе за это.

Какъ послѣдствіе этого обычая, насъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ удивить то, что у менѣе образованныхъ народовъ преимущество стать женою и матерью, замѣнить состояніе дѣвичества состояніемъ супружества, выжидается съ такою тоскою, что стремленіе къ нему столь открыто. Повсюду болѣе или менѣе распространенное среди мало развитыхъ народовъ почитаніе фаллуса не можетъ имѣть иного объясненія, кромѣ естественнаго желанія женщинъ всѣхъ расъ быть плодородными матерями. Тамъ, гдѣ размноженіе есть явленіе, которое такъ сильно входитъ въ кругъ почитанія человѣка, должна быть непремѣнно ощущаема потребность воплощать въ себѣ силу и оказывать ей уваженіе. Но на низкой ступени развитія нельзя представить себѣ иначе силу, какъ въ опредѣленной матеріальной формѣ, индивидуализируя ее въ тѣхъ органахъ человѣческаго тѣла, съ которыми явленіе размноженія становится въ тѣсную связь. Въ частности почитаніе фаллуса женщинами и дѣвушками, первыми, чтобы имѣть многочисленное потомство, вторыми, чтобы скорѣе выйти замужъ, должно было въ прежнія времена являться всеобщимъ, подобно тому, какъ и теперь еще оно такъ часто встрѣчается у не образованныхъ народовъ. Вмѣсто того, чтобы видѣть у нихъ притворное чувство стыда передъ вступленіемъ въ бракъ, которое принимаетъ Спенсеръ для объясненія похищенія женщины, слѣдуетъ, на оборотъ, признать, что женщина здѣсь просто выражаетъ желаніе выйти замужъ. У народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, самое цѣломудріе на этотъ счетъ до такой степени отсутствуетъ, что отношеніе между полами нельзя еще у нихъ разсматривать какъ нѣчто такое, что должно быть покрыто завѣсою тайны. При развитіи болѣе высокомъ у женщины ужь встрѣчается гораздо болѣе тонкая чувствительность къ этому явленію, но все же оно еще далеко

Digitized by Google

отъ того, чтобы общественное мнѣніе считало ея желаніе вступить въ бракъ, какъ бы открыто ни выражалось послѣднее, чѣмъ-то не ловкимъ. При увѣренности, что женщина посредствомъ брака просто на просто выполняетъ свое назначеніе, безъ котораго она себѣ никогда не доставитъ полнаго счастья, желаніе это не можетъ быть разсматриваемо иначе, какъ совершенно естественное, которымъ также никто не могъ быть оскорбленъ. Напротивъ, тѣ, которыя подъ вліяніемъ дѣйствительнаго или притворнаго стыда, полагаютъ, что должны подавить свое желаніе промѣнять дѣвическое состояніе на брачное, должны, въ такомъ состояніи общества, вмѣсто участія, встрѣчать однѣ только насмѣшки, если только не нести еще отвѣтственности за такое не слыханное дѣло. О дѣйствительномъ сопротивленіи противъ личности будущаго супруга, какъ о выраженіи чувства стыда, при подобной обстановкѣ не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ объясненіе Спенсеромъ обычая похищенія, какъ необходимаго послѣдствія сопротивленія, должно естественно упасть само собою.

Исходя изъ теоріи *Лёббока*, относящейся къ установленію индивидуальнаго брака, быть можетъ, не было бы затруднительно найти для обычая похищенія женъ болѣе удовлетворительное объясненіе. По отношенію къ похищенію *de facto*, въ видѣ образцовъ котораго приведены выше балинскіе *merangkat* и *melegandang*, рѣшеніе дѣйствительно лежитъ подъ рукою. Общеніе женщинъ въ племени обязывало членовъ его, которые желали вступить въ индивидуальный бракъ, брать себѣ жену изъ чужого племени. Но насколько дѣло шло о первобытныхъ временахъ, то племена стояли настолько враждебно одни относительно другихъ, что долго не было возможности избрать мирный путь. Мужчина долженъ былъ дѣлаться господиномъ своей невѣсты чрезъ насиліе и грабежъ, если только онъ желалъ имѣть жену. Поэтому-то похищеніе, насильственный увозъ должны были вскорѣ сдѣлаться среди различныхъ племенъ молчаливо признанной и узаконенною формою брака. И это оставалось такимъ-же образомъ послѣ того, какъ постепенно настало болѣе мирное состояніе, благодаря которому наступила возможность для мужчины пріобрѣтать себѣ жену путемъ договора и соглашенія. Этому содѣйствовало одно важное обстоятельство. Если, что постоянно встрѣчается, на ряду съ похищеніемъ de facto происходитъ обыкновенная форма брака съ требуемымъ предложеніемъ отъ жениха, тогда слѣдуетъ обыкновенно отдавать преимущество первой, даже и тогда, когда имѣется увѣренность что, слѣдуя другому пути, можно было бы столь же хорошо

Digitized by Google

пріобрѣсти себѣ жену. Само собою разумѣется, что съ бракомъ при посредствѣ договора соединены многообразныя и сложныя формальности, которыя причиняютъ не только трату времени и труда, но и не малыя издержки. Таково отношеніе балинцевъ къ *mᵉpadik'*у, и есть также указаніе, что это причина того, почему здѣсь чаще встрѣчается бракъ чрезъ *merangkat* и *melagandang*. Точно также и у макассаровъ, чтобы обойти тотъ сложный способъ, какимъ обыкновенно совершается бракъ, похищеніе вовсе не составляетъ рѣдкости. Это послѣднее и здѣсь существуетъ вполнѣ *de facto*. Похититель просто заставляетъ благословить свой бракъ священника за плату 4 реаловъ и, сверхъ того, даетъ родителямъ 24 реала за невѣсту. Однако онъ долженъ позаботиться, чтобы сдѣлать это во время, такъ какъ семья украденной дѣвушки, пока это еще не сдѣлано, можетъ легко изгнать его. Это было то самое обстоятельство, которое теперь заставляетъ отдавать предпочтеніе насильственному похищенію, сравнительно съ правильною формою брака, которая и раньше должна была имѣть значеніе, и которой существованіе должно было быть обезпечено, потому что насиліе было уже не нужно для пріобрѣтенія жены, и это послѣднее уже давно могло шествовать мирнымъ путемъ.

Менѣе ясно значеніе притворнаго похищенія въ церемоніи заключенія брака, причины, почему у столь многихъ народовъ брачный союзъ только тогда считается достойнымъ совершенія, когда предварительно произошло притворное похищеніе невѣсты, тайное или открытое, путемъ завоеванія ея у родственниковъ. *Макъ-Леннонъ* желаетъ видѣть въ этомъ обычаѣ простое переживаніе насильственнаго похищенія, въ силу котораго въ болѣе раннія времена, пока еще не существовало болѣе мирныхъ отношеній между различными племенами, и законъ обязывалъ брать женщинъ изъ чужого рода, только и могли совершаться браки. Къ похищенію обращались «изъ уваженія къ незапамятному обычаю. Было не слыхано съ отдаленнѣйшихъ временъ, чтобы женщина становилась мужнею женою, не будучи похищена силою или украдена у ея друзей имъ или его друзьями. По истинѣ, чего-то, казалось бы, недоставало, если бы бракъ не носилъ и слѣда похищенія» (Studies, 44). *Лёббокъ* не считаетъ возможнымъ объяснить эту вещь такъ просто. Похищеніе и одно только похищеніе могло первоначально давать индивидууму право держать для одного себя жену, съ исключеніемъ своихъ соплеменниковъ. Съ того времени, какъ дѣйствительное похищеніе перестало существовать, форма его

Digitized by Google

все же удержалась. Мужчина, получившій свою жену чрезъ надлежащее предложеніе ея родителямъ, дѣлалъ еще видъ ея похищенія съ цѣлью установить свои права относительно своихъ соплеменниковъ. Похищеніе было такимъ образомъ просто символомъ законнаго обладанія. Сверхъ того, это, какъ говоритъ *Лёббокъ*, не относилось нисколько къ тѣмъ, у кого была взята женщина, а было единственно предназначено «для поставленія преграды правамъ племени, въ которое она вводилась». Послѣднее образуетъ центръ тяжести доказательства *Лёббока*. Не трудно замѣтить слабую сторону таковаго и насколько авторъ въ этомъ случаѣ противорѣчитъ самъ себѣ. Разумѣется, тотъ фактъ, что жена была изъ чужого племени, былъ совершенно достаточенъ для того, чтобы сдѣлать ее исключительнымъ предметомъ обладанія ея мужа. Она, само собою разумѣется, не попадала въ общеніе женъ племени, куда ее приводили, и не нуждалась, слѣдовательно, въ томъ, чтобы быть исключаемой изъ него: мужъ не нуждался ни въ какомъ особомъ символѣ, чтобы проявить по отношенію къ своимъ соплеменникамъ свои исключительныя права на жену. Притворное похищеніе, поэтому, никогда не должно разсматриваться, какъ употребляемое для этой цѣли. Сверхъ того, утвержденіе *Лёббока*, что похищеніе, какъ символъ, первоначально не имѣло никакого отношенія къ тѣмъ, у кого была взята женщина, должно быть, какъ еще менѣе вѣрное, отвергнуто. Обыкновенно при этомъ родственники жены разъигрываютъ такую важную роль, что вообще получается представленіе, что вся комедія происходитъ только ради нихъ. Вмѣсто того, чтобы упускать изъ виду эту особенность притворнаго похищенія, ее слѣдуетъ, напротивъ, имѣть въ виду, на первомъ планѣ, разъ вопросъ идетъ о происхожденіи сказаннаго обычая. Есть еще одна причина, почему слѣдуетъ отложить въ сторону объясненіе *Лёббока*, какъ не полное. Но тутъ не будетъ достаточно и самого представленія о притворномъ похищеніи, какъ о простомъ переживаніи насильственнаго похищенія въ до-историческія времена, согласно мнѣнію *Макъ-Леннона*.

При попыткѣ дать лучшее рѣшеніе этому вопросу, рѣчь снова идетъ о теоріи Лёббока относительно установленія индивидуальнаго брака, которую слѣдуетъ здѣсь принять исходною точкою. Насильственное похищеніе женщины изъ чужаго племени было первоначально единственнымъ способомъ, при помощи котораго могъ состояться бракъ. Для племени жены, для ея родственниковъ, въ особенности, *похищеніе естественно представляло обиду*, и не столько вслѣдствіе того, что ей было нанесено на-

Digitized by Google

силіе, сколько вслѣдствіе того, что жена была отрываема отъ своихъ предковъ, родителей и племени. Съ точки зрѣнія первобытнаго человѣка подобное похищеніе не могло имѣть другого значенія, кромѣ значенія, подобнаго убійству, совершенному надъ однимъ изъ членовъ племени, слѣд. величайшаго позора, какой только можно было нанести племени и какой могъ быть отомщенъ только мечомъ. И дѣйствительно, первоначальныя похищенія женщинъ для брака навѣрно должны были вести за собою постоянныя войны между различными родами. Нѣтъ надобности для доказательства этого обращаться къ области сказаній и легендъ, а достаточно сказать, какъ, напримѣръ, похищеніе сабинскихъ женщинъ, котораго значеніе, съ точки зрѣнія *Лёббока*, будетъ показано впослѣдствіи, имѣло слѣдствіемъ войну между римлянами и сабинянами, и какъ троянская война была результатомъ похищенія прекрасной Елены, которое *Лёббокъ* также желаетъ считать формою брака. Даже въ историческія времена мы встрѣчаемъ упоминовенія о подобныхъ войнахъ. Не безъизвѣстный, какъ историкъ, епископъ упсальскій *Олаусъ Магнусъ* описывалъ насильственное похищеніе, какъ весьма обыкновенный обычай, какимъ многіе сѣверные народы устроивали свои браки, и приводилъ различныя племена изъ таковыхъ, какъ постоянно ведшія между собою войну *propter raptas virgines aut arripiendas.*—Само собою разумѣется, что послѣ того, какъ похищенія женщинъ стали чаще, войны по поводу ихъ должны были стать рѣже. Хвататься за оружіе изъ за каждой женщины, которую похищалъ кто либо изъ чужого племени, перестало быть дѣломъ, подходящимъ для цѣлаго племени. Похищеніе, умыканіе женщинъ изъ племени, однако продолжало все еще считаться въ общественномъ мнѣніи *обидою*, и если само племя не могло уже болѣе выступать въ качествѣ мстителя, то законы требовали, чтобы родители и родственники похищенной не оставляли ея *не отомщенною*, чтобы они требовали отъ похитителя или отъ его племени удовлетворенія за нанесенный такимъ образомъ позоръ. Оставлять не исполненною эту обязанность, вынуждаемую общественнымъ мнѣніемъ, предписываемую мужскою храбростью и мужскою честью, обличало бы величайшую трусость. И это должно было длиться до тѣхъ поръ, пока постепенно не установлялись болѣе дружественныя отношенія между племенами, пока похищеніе женщинъ не было признано молчаливо и не стало законною формою брака. Это не могло не повести немедленно къ требованію удовлетворенія, такъ какъ и подобное, состоявшееся уже, соглашеніе исключало свободный

Digitized by Google

выборъ. Въ похищеніи женщинъ продолжали еще видѣть обиду, за которую похититель долженъ подлежать *уплатѣ пени*. При подобномъ воззрѣніи, несомнѣнно, не могло быть того, чтобы родители, когда бракъ былъ даже желателенъ для нихъ, добровольно и открыто отступались отъ своей дочери, допускали безпрепятственно и у всѣхъ на глазахъ совершаться похищенію ея. Съ виду они, навѣрно, должны были быть противъ этого. Своимъ соплеменникамъ они должны были показать, что дочь ихъ обращена во власть мужа не добровольною уступкою, а насиліемъ или хитростью; вообще, они должны были стремиться произвести такое впечатлѣніе, что совершившійся бракъ, вмѣсто того, чтобы произойти съ ихъ желанія и согласія, былъ, наоборотъ, въ ихъ глазахъ ни больше, ни меньше, какъ обидою. Такимъ образомъ возникло притворное похищеніе и при этомъ могущественно проявлявшееся сопротивленіе со стороны родственниковъ жены; отсюда же произошелъ и обычай родственниковъ выставлять себя разсерженными и опозоренными, а свадьбу, какъ обиду, нанесенную имъ словомъ и дѣломъ. Разъ возникнувъ, оба эти обычая сохранились у многихъ народовъ чрезъ переживаніе, какъ это было уже доказано выше примѣрами притворнаго похищенія. Слѣдующую хорошую иллюстрацію представляетъ описаніе миссіонеромъ *Ятомъ* свадьбы на Новой Зеландіи. «Бракъ не обошелся», говоритъ онъ, «безъ маленькой оппозиціи. Мать невѣсты пришла ко мнѣ наканунѣ вечеромъ и сказала, что ей очень пріятно въ душѣ, что ея дочь выходитъ за Пагана, но что она должна быть сердита на это на словахъ въ присутствіи своего рода, въ противномъ случаѣ туземцы придутъ и отнимутъ у нея все имущество и разорятъ ея жатву... Когда я потомъ воротился изъ церкви съ женихомъ и невѣстою, она встрѣтила процессію, и стала нападать на нее съ величайшимъ гнѣвомъ. Она напустила на себя въ высшей степени ужасный видъ, рвала на себѣ одежду и таскала себя за волосы, какъ фурія; потомъ сказала мнѣ: «А вы, бѣлый миссіонеръ, вы хуже самого дьявола: вы первый сдѣлали мальчика-раба своимъ сыномъ, выкупивъ его у хозяина и потомъ женили на моей дочери. Я вамъ вырву глаза! Я вамъ вырву глаза!» Старуха, присоединяя дѣйствіе къ словамъ, прикидывалась, что царапаетъ мнѣ лицо, говоря въ то же время, что все это былъ одинъ «разговоръ», и что она сама не думаетъ того, что говорила» (*Lubbock*, 108—109). Цитата эта имѣетъ цѣлью дать ясное понятіе о томъ, что бракъ первоначально представлялся родителямъ и родственникамъ жены, какъ обида, и что ими также

Digitized by Google

принимался видъ, что они не дадутъ на себя нападать «за здорово живешь». Вмѣсто того, чтобы обращаться съ зятемъ привѣтливо, съ нимъ обращались какъ съ лицомъ, отъ котораго нѣкогда испытали обиду, третировали его враждебно. Отношеніе между зятемъ и тестемъ съ тещею, особенно же съ тещею, потому что въ то время, когда совершался такой бракъ, жена была болѣе нежели мужъ хозяйкою дома, а также и хозяйкою того лица, которое наиболѣе должно было ее обидѣть, имѣло по необходимости не слишкомъ дружескій характеръ. Поговорки указываютъ на то, что въ прежнее время тещи стояли въ весьма неблагопріятномъ свѣтѣ: «Schwiegermutter—Teufelsunterfutter» или «Schwiegermutter-Tigermutter», говорили нѣмцы, а саксонецъ Зибенбюргена жаловался: «не годится сидѣть съ тещей за однимъ столомъ». Тещѣ желаютъ слѣдующаго: «Die beste Schwiegermutter auf der Gänseweide», а англичанинъ говоритъ: «Mother-in-law and daughter-in-law are a tempest and a hailstorm (свекровь и невѣстка—гроза и буря)». Албанцы боятся даже жить по сосѣдству съ тещею, какъ доказываетъ слѣдующая поговорка: «теща у дверей то же, что халатъ на терновникѣ» (*Andree*, Ethnograph. Parallelen, 160). Точно также и обычай, чтобы зять не могъ смотрѣть на родителей своей жены, а иногда прямо не могъ и говорить съ ними, или произносить ихъ имена и наоборотъ, долженъ былъ навѣрно получить свое начало въ тѣ времена, когда бракъ еще разсматривался, какъ обида, и всякое общеніе съ личностью зятя или, по меньшей мѣрѣ, съ виду должно было избѣгаться. Считалось не приличнымъ открыто говорить тестю съ зятемъ, а еще менѣе тестю допустить, чтобы зять заговорилъ съ нимъ. Напротивъ, онъ долженъ воздерживаться даже отъ одного слова, и всякую попытку къ сближенію со стороны зятя считать неприличной. Извѣстно, сколько обычаевъ, возникшихъ подъ вліяніемъ воззрѣній, пріобрѣли силу предразсудка и въ такомъ видѣ остались. Если имѣть это въ виду, то трудно найти не понятнымъ, что мужчина у каффровъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ сношеній съ матерью своей жены, не можетъ говорить съ нею фамиліарно, ни даже ее видѣть. Когда, что случается часто, зять и теща встрѣтятся гдѣ-нибудь на узкой дорожкѣ, которая ведетъ изъ краала въ садъ и въ обработанныя поля, то они всегда должны себя держать такъ, какъ будто не замѣчаютъ другъ друга: теща смотритъ обыкновенно на ближайшій кустъ и идетъ туда прятаться, а зять заботливо укрывается щитомъ. Этотъ своеобразный этикетъ доводится до того, что когда зять имѣетъ нѣчто

Digitized by Google

сказать своей тещѣ, то онъ долженъ отойти на извѣстное разстояніе и кричать ей, а если сообщеніе такого рода, что другіе не могутъ его слышать, то обѣ партіи садятся съ каждой стороны перегородки и, не видя другъ друга, бесѣдуютъ между собою. Также точно и признаніе нѣкоторыхъ именъ не допускается вовсе. Съ различными измѣненіями обычай этотъ встрѣчается во всѣхъ частяхъ свѣта (см. *Taylor*, Early History of Mankind, 290—292 и *Andree*, Ethnograph. Parallelen, 159—164 [1].

---

[1] Приведемъ въ доказательство этого слѣдующіе три примѣра, находящіеся у насъ подъ рукою. «На островахъ Банковой группы», говоритъ миссіонеръ, Кодрингтонъ (*Globus*, статья *Eckardt*'а), «отношеніе мужа къ родителямъ жены весьма своеобразное. Никогда мужъ не произноситъ имени своего тестя, избѣгаетъ взять черезъ его голову какой-нибудь предметъ, или наступить ему случайно на ногу, когда онъ спитъ. Впрочемъ, часто оба работаютъ вмѣстѣ; но не такъ по отношенію къ тещѣ. Ее зять по возможности избѣгаетъ видѣть и она его также, хотя взаимная бесѣда съ отвернутыми лицами на извѣстномъ разстояніи дозволяется. При случайной встрѣчѣ въ лѣсу, тотъ изъ нихъ, кому удобнѣе, уходитъ съ дороги. На Вануа-Лава, зять и теща избѣгаютъ стать во взаимные слѣды. Отношеніе къ шурину подобно отношенію къ тестю: никогда не произносится его имя... какъ и имя невѣстокъ и зятей, хотя взаимная бесѣда между ними не воспрещается». — «Въ высшей степени своеобразно», читаемъ у *Нахтигаля* (*Sahara und Sudan*, B. I, 1879, 450) «отправленіе семейныхъ отношеній у племени Теда, которое имѣетъ нѣкоторое сходство съ племенами негровъ... Жена теда никогда не станетъ ѣсть въ присутствіи мужа или вмѣстѣ съ нимъ, говоритъ она съ нимъ только съ отвернутымъ лицомъ и, говоря съ посторонними людьми, неохотно называетъ его имя... Если мужъ сидитъ въ обществѣ мужчинъ, и входитъ его тесть, то онъ быстро встаетъ и удаляется; если войдетъ его шуринъ и взглянетъ на него, то, хотя онъ продолжаетъ сидѣть, но тотъ проходитъ мимо. Съ другой стороны, онъ не сядетъ въ собраніи, въ которомъ находится его шуринъ, но натягиваетъ свою шапку на лицо и идетъ мимо». — «Два часа пути», говоритъ *Таннеръ* (*Mémoires*, I, 308) «привели насъ къ его деревнѣ, и онъ предшествовалъ намъ на пути къ очагу его семейства. Входя вслѣдъ за нимъ, я увидѣлъ, что старикъ и старуха (сѣвер. америк. индійцы) покрываютъ себѣ голову одѣяломъ, тогда какъ мой руководитель немедленно проскользнулъ въ маленькую ложу такого размѣра, чтобы помѣстить одну личность и спрятать ее изъ виду остальной семьи; жена его снесла ему пищи въ его отдѣльный апартаментъ, откуда, не показываясь никому, онъ бесѣдовалъ съ тѣми, которые были въ хижинѣ; когда онъ хотѣлъ выйти, жена его увѣдомляла стариковъ, которые прятали себѣ голову, и то же повторялось всякій разъ по его возвращеніи. Обычай этотъ строго соблюдается женатыми у Ассинобоевъ, а также, кажется, у Дакота и у Омоуорисовъ Миссури. Онъ не ограничивается отношеніемъ мужей къ ихъ тестю и тещѣ; а простирается и на тетокъ и дядей избѣгать вида другъ друга представляетъ одинаковую обязанность для мужа и для родителей его жены. Если нѣкто входитъ въ хижину, гдѣ находится его зять, то онъ прячетъ свое лицо до тѣхъ поръ, пока тотъ уйдетъ. Молодые люди, пока остаются въ семьѣ своихъ женъ, имѣютъ маленькое отдѣльное помѣщеніе въ вигвамѣ, или часть общаго помѣщенія, отдѣленную отъ остального про-

Digitized by Google

Лёббокъ даже ставитъ его въ связь съ похищеніемъ, забывая, что это объясненіе съ трудомъ можетъ быть соглашено съ его собственнымъ представленіемъ о похищеніи. Если это послѣднее въ первобытныя времена продѣлывалось притворно мужемъ только въ его пользу (чтобы установить свои права на жену по отношенію къ своимъ единоплеменникамъ), если символъ не имѣетъ никакого отношенія къ родственникамъ жены, то какія причины существовали тогда для послѣднихъ выставлять себя опозоренными? Мы можемъ себѣ, однако, легко представить, что гдѣ со стороны дѣвушки соблюдались извѣстныя формальности при бракѣ, тамъ было въ полномъ ея распоряженіи подвергаться таковымъ даже и тогда, когда эти формальности были для нея вполнѣ безполезны. Обратное, разумѣется, мыслимо менѣе. Просты и естественны, означенные обычаи признанія себя обиженнымъ, въ связи съ притворнымъ похищеніемъ, если ихъ разсматривать, какъ имѣющіе только мѣсто ради родителей и родни жены, они становятся совершенно темными при пониманіи этого похищенія въ приведенномъ у Лёббока смыслѣ, какъ исходящіе отъ мужчины и служащіе только однимъ его интересамъ.

Тотъ же обычай церемоннаго отношенія мужа съ родственниками жены не чуждъ и Индійскому Архипелагу. Дайкъ нѣкоторыхъ племенъ Саравака оказываетъ своему тестю больше почтенія, чѣмъ своему собственному отцу, соблюдаетъ при немъ болѣе формальностей, никогда не ѣстъ съ нимъ изъ одного блюда и избѣгаетъ сидѣть съ нимъ на одномъ коврѣ. Также и на Новой Гвинеѣ; у папуасовъ встрѣчается тотъ же обычай, зять не можетъ видѣть своихъ тестя и тещу. Когда миссіонеръ Гассельти однажды давалъ уроки въ школѣ Дореи, внезапно упалъ подъ столъ мальчикъ лѣтъ шести, подобно куску дерева. Спрошенный о причинѣ этого, онъ отвѣчалъ, что увидѣлъ проходящею мимо тещу своего брата. У Альфуровъ Минагассы не дозволяется произносить слово *posan*, т. е. имени своихъ родителей по закону. Когда туземецъ слышитъ, какъ называется тотъ или другой, или когда упоминаемое лицо одноименно съ его тестемъ или тещей онъ говоритъ: «совершенно какъ мой тесть или теща», или: «я не могу назвать это имя». Въ иныхъ случаяхъ онъ дастъ описаніе имени, или называетъ его въ по-

---

странства одѣялами и висячими кожами; молодая жена здѣсь проводитъ ночь; днемъ же она есть посредница всѣхъ сношеній между тѣми, которые не должны видѣть другъ друга. Очень рѣдко зять произнесетъ имя своего тестя; это считается неприличнымъ и крайне не уважительнымъ».

Н. З.

Digitized by Google

ловину. Этотъ обычай идетъ такъ далеко, что Альфуръ постоянно употребляетъ другое объяснительное имя для однозначащихъ именъ одушевленныхъ и мертвыхъ предметовъ. Если напримѣръ, тестя зовутъ *Ваво рунту*, то онъ никогда не долженъ сказать слово *ваво* (наверху), а *натасъ*. Если его зовутъ *Калало*, тогда онъ не можетъ употребить слово *калало* (лошадь), а *сасакейанъ*.

Отсутствіе права назвать имя кого-либо изъ своихъ родителей по закону простирается также и на жену въ отношеніи къ ея свекру и свекрови. Тотъ же обычай встрѣчается и у другихъ народовъ. Фактъ этотъ нисколько не противорѣчитъ приведенному выше объясненію, какъ бы ни казалось, что это такъ. Можно себѣ прекрасно представить, что разъ существовалъ обычай, что мужъ долженъ былъ соблюдать извѣстныя формальности въ отношеніи къ роднымъ своей жены, то, подобно этому, составляло общее правило, что когда эти формальности стали разсматриваться, какъ выраженіе почтенія, то къ нимъ по отношенію къ роднѣ мужа пришла мало по малу и жена. Что навѣрное подтверждаетъ это воззрѣніе, это фактъ, что означенный обычай существуетъ отдѣльно для мужчины, но никогда для женщины.

До сихъ поръ рѣчь шла исключительно о поведеніи родственниковъ жены при вступленіи ея въ бракъ. Какъ именно ведетъ себя при этомъ жена, это легко узнать. Если бракъ разсматривался какъ обида, если родители невѣсты принимали на себя видъ, что они и отпускаютъ неохотно, если они должны были оказывать сопротивленіе и обнаруживать свою обиженность, то прежде всего должна была дѣлать это сама невѣста. Для нея предложеніе вступить въ бракъ даже въ томъ случаѣ, если оно вполнѣ согласовалось съ ея желаніями и шло отъ личности, избранной ею самою, не должно было быть радостнымъ событіемъ; женихъ долженъ быть для нея предметомъ ненависти, а не любви. То и другое должна она показать другимъ лицамъ языкомъ и знаками. Такимъ образомъ должны были возникнуть слѣдующіе курьёзные обычаи. Когда эскимосской дѣвушкѣ предлагаютъ вступить въ бракъ, то она впадаетъ въ полное отчаяніе, бѣжитъ съ громкимъ плачемъ въ дверь и рветъ у себя волосы. Подобный же способъ держать себя принимаетъ также и дѣвушка у бушменовъ, которой дѣлаютъ брачное предложеніе, а о бедуинахъ Синайскаго полуострова, *Буркгартдъ* разсказываетъ, что невѣста защищается отъ жениха камнями, и иногда при этомъ наноситъ ему раны, тогда какъ, послѣ совершенія драки, при отправленіи въ станъ жениха, она должна

Digitized by Google

горько жаловаться и плакать. Мы видимъ также у кафровъ, насколько принадлежитъ къ брачнымъ церемоніямъ то, что мужъ садится на землю, въ то время, какъ его суженая пляшетъ передъ нимъ и среди танцевъ даетъ ему всевозможныя бранныя имена, бросаетъ ему въ глаза пыль, приводитъ въ безпорядокъ его элегантную шапку и позволяетъ себѣ въ отношеніи къ нему еще большія вольности (*Wood*, Natural history of man, I, 84). Въ другихъ мѣстахъ мы видимъ, какъ должна дѣвица обнаруживать свое отвращеніе предъ женихомъ, чтобы ускользнуть отъ него. Если это отвращеніе было искренне, если дѣвушка была мало расположена въ пользу искателя своей руки, то она не должна была ему давать возможности поймать себя, а стараться всѣми силами ускользнуть отъ него. Въ противномъ случаѣ, она должна сама скоро привести къ концу представленіе, давая возможность себя схватить. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ о калмыкахъ, что у нихъ невѣста садится на лошадь и ускакиваетъ отъ жениха. Когда послѣдній ее нагонитъ, то бракъ совершается на мѣстѣ. Но по временамъ случается, что дѣвушка не желаетъ имѣть мужемъ то лицо, которое ее преслѣдуетъ; въ такомъ случаѣ, она не дастъ догнать себя. Равно и по заключеніи брака жена должна выражать мужу отвращеніе. Если бракъ долженъ былъ представляться ей обидой, то она не могла, конечно, непосредственно успокоиться. Сюда относится существующій у многихъ народовъ обычай, что жена на первые дни и даже на цѣлые мѣсяцы послѣ свадьбы удаляется отъ мужа, какъ это существуетъ у нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ, Таковъ же обычай, который, слѣдуя Ксенофонту и Страбону, существовалъ въ Спартѣ и на островѣ Критѣ, что молодая не могла входить въ домъ своего мужа, а еще нѣкоторое время должна была оставаться жить у своихъ родителей, и мужъ могъ ее посѣщать только украдкой. Тоже самое говоритъ *Лафитò* о сѣверо-американскихъ индѣйцахъ: «мужчины не смѣютъ ходить въ свои частныя хижины, гдѣ живутъ ихъ супруги, иначе, какъ только во мракѣ ночи... Появиться здѣсь днемъ было бы чѣмъ-то чрезвычайнымъ». Въ Футѣ, одномъ изъ королевствъ Западнаго берега Африки, мужу не дозволяется видѣть свою жену въ теченіи первыхъ трехъ дней послѣ брака. Что касается до Индѣйскаго Архипелага, то въ этомъ отношеніи интересенъ разсказъ *Маттеса* о макассарской свадьбѣ, послѣ которой также общеніе жены и мужа не слѣдуетъ непосредственно послѣ заключенія брака, а по истеченіи нѣкотораго времени, часто одного мѣсяца, особенно у знатныхъ. Это время на-

Digitized by Google

полняется всевозможными представленіями, изъ которыхъ самое важное, торжественно выступающій поѣздъ—собственно говоря, преслѣдованіе невѣсты женихомъ—двигающійся по землѣ, причемъ невѣста начинаетъ отбивать жениха вѣеромъ, какъ только онъ начнетъ ухаживать за нею [1]. Во всемъ должна женщина показывать, что мужъ есть личность для нея ненавистная, причемъ, напримѣръ, она въ его присутствіи не ощущаетъ никакого аппетита, не считаетъ его достойнымъ ни одного своего взгляда, а все смотритъ прямо передъ собою, пока наконецъ не преодолѣетъ себя, и не предложитъ ему сливу, что столь же хорошо, какъ если бы она съ нимъ заговорила. Послѣднія слова заслуживаютъ особаго вниманія. У многихъ народовъ Архипелага предложеніе невѣстой жениху бетеля (у вотяковъ ту же роль играетъ раздача табаку, см. *Максъ Бухъ*, Ausland, № 5) представляетъ одну изъ главныхъ составныхъ частей брачной церемоніи, какъ, между прочимъ, у альфуровъ на Буру, и именно здѣсь можно найти объясненіе его. Подобно тому, какъ и у мокассаровъ, оно должно было первоначально повсюду служить знакомъ примиренія, подчиненія, поэтому было необходимо, пока бракъ продолжалъ считаться обидою, и женихъ, какъ лицо, отъ котораго исходила эта обида, пріобрѣталъ милость невѣсты не сразу. Какъ только она переходила къ этому, то должна была какимъ-нибудь образомъ дать знать объ этомъ, и не могло быть ничего краснорѣчивѣе, какъ вручить жениху сливу, которая у индѣйскихъ народовъ такъ часто является символомъ дружескаго настроенія. Въ другихъ мѣстахъ мы видимъ взамѣнъ этого общую трапезу жениха и невѣсты. Такъ, напримѣръ, у балинцевъ, гдѣ, послѣ благословенія брака священникомъ, невѣста беретъ горсть риса, которая подается ей для этой цѣли на пизанговомъ листѣ, и кладетъ ее въ ротъ мужу, послѣ чего онъ дѣлаетъ тоже по отношенію къ ней. У альфуровъ Минагассы брачная церемонія состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что женихъ и невѣста сообща ѣдятъ немного рису и кусочекъ сала и пьютъ нѣсколько капель

---

[1] Къ фактамъ, приводимымъ *Вилькеномъ*, прибавимъ слѣдующіе. Обычай видѣться съ женою тайкомъ отъ другихъ и не иначе, какъ ночью, существуетъ также въ полной силѣ на Палаузскихъ островахъ (*Semper, die Palau-Inseln*). Обычай возвращенія дочери послѣ заключенія брака обратно къ отцу и даже облаченіе ея снова въ дѣвическое платье, встрѣчается, между прочимъ, у вотяковъ (см. *Max Buch*, Feierei und Hochzeit bei dem Wotjaken, Ausland, 1882, № 5). У этого же народа невѣста, при выходѣ замужъ, черезъ притворное похищеніе, стонетъ и кричитъ на весь міръ. *Н. З.*

Digitized by Google

пальмоваго вина, которое подается имъ священникомъ. Подобно этому и у жителей острова Ніасъ ѣда изъ одного блюда представляетъ главную роль совершенія брака. Внѣ Архипелага также встрѣчается этотъ обычай. Онъ же повторялся въ римскомъ бракѣ *confarreatio*, а равно при столь неизбѣжномъ у народовъ германской расы невѣстиномъ пирогѣ, который всегда долженъ быть разрѣзанъ невѣстой, какъ несомнѣнныя переживанія подобной же церемоніи. Та же церемонія встрѣчается среди нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ индѣйскихъ племенъ. Такъ у ирокезовъ женихъ и невѣста обыкновенно раздѣляли между собою пирогъ изъ *сагамите*, который невѣста предлагала жениху; у островитянъ Фиджи совершеніе брака сопровождается тѣмъ же символомъ. Чтобы понять внутренній смыслъ обычаевъ, освѣщенныхъ предъидущими примѣрами, слѣдуетъ только обратить вниманіе на то значеніе, какое обыкновенно придаютъ первобытные народы *общенію стола*. По ихъ понятіямъ сѣсть за одинъ столъ не возможно для лицъ, которыя враждебны другъ къ другу, и извѣстно, что гдѣ это происходитъ, даже совершенно случайно, тамъ должна исчезнуть всякая вражда. Что такое раздѣленіе пищи между женихомъ и невѣстой признается первобытнымъ человѣкомъ за символъ при церемоніи заключенія брака, которая всегда должна являться церемоніею примиренія, это само собой понятно.

II.

Исходя изъ теоріи *Лёббока* о возникновеніи индивидуальнаго брака, необходимо было придти къ заключенію, что съ бракомъ черезъ похищеніе женщины изъ рода, преобладающимъ у первобытныхъ націй, было связано понятіе *объ обидѣ*, и было показано, какимъ образомъ изъ этого понятія объясняется нетолько притворное похищеніе, но также и многіе другіе обычаи, прямо или косвенно связанные съ бракомъ. Если, по мнѣнію читателя, авторъ слишкомъ долго останавливался на этомъ пунктѣ, то пусть послѣднему послужитъ въ извиненіе то, что тутъ дѣло идетъ о мнѣніи, которое не было высказано еще *никѣмъ* изъ писавшихъ объ этомъ предметѣ, и которое поэтому нуждалось въ полномъ подтвержденіи.

Есть еще одно учрежденіе, которое, будучи освѣщено тѣмъ же свѣтомъ, является совершенно яснымъ. Рѣчь идетъ объ учрежденіи *купли* невѣсты. Что подъ нимъ разумѣется, должно

Digitized by Google

быть извѣстно, именно обычай, что женихъ, при вступленіи въ бракъ, долженъ принести родителямъ невѣсты извѣстную сумму денегъ—плату или брачный даръ. Нѣтъ почти необходимости объяснять примѣрами этотъ обычай. Онъ не былъ чуждъ классической древности. Какъ въ Иліадѣ (IX, 148 — 152), такъ и въ Одисеѣ (VIII, 314) встрѣчаются упоминанія о немъ. Когда вожди греческихъ становъ рѣшили послать посольство къ Ахиллесу, чтобы уговорить принести въ жертву обществу свой гнѣвъ, Агамемнонъ, со многими княжескими подарками предложилъ ему также и одну изъ своихъ дочерей, а Вулканъ, желавшій прогнать свою супругу Венеру, по случаю ея любви къ Марсу, говорилъ о возвращеніи того, что онъ далъ за нее отцу при сговорѣ о бракѣ съ нею. Извѣстно также, что у евреевъ существовало учрежденіе купли невѣсты. Сихемъ, который просилъ у Іакова его дочь Дину себѣ въ жены, обѣщалъ дать столько брачныхъ даровъ, сколько онъ, Іаковъ, захочетъ (Genesis XXXIV, 11 — 12), а пророкъ Исаія объявлялъ, что его жена была пріобрѣтена за 15 цикловъ серебра и за извѣстное количество ячменя. Старогерманское право также знало плату отцу за невѣсту, или вообще опекуну невѣсты. Различныя выраженія законовъ не оставляютъ въ томъ сомнѣнія. Такъ звучитъ одно опредѣленіе Lex Saxonum Карла Великаго: *Uxorem ducturus 300 sol. det parentibus ejus*, и другое: «*Qui viduam ducere vult, offerat tutori pretium emptoris ejus, hoc est sol. 300.* Тоже самое съ варіаціями повторяется въ Lex Burgund. и въ Lex Wisigot., причемъ по послѣднему родители устанавливаютъ цѣну дочери, какую захотятъ (*Stammler*. Die Stellung der Frauen im alten deutschen Recht, 19, II, 1880). Еще въ настоящее время встрѣчается въ Европѣ учрежденіе купли невѣсты, между прочимъ, у албанцевъ и у сербовъ, причемъ у послѣдняго народа въ началѣ настоящаго столѣтія, количество того, что требовалось родителями за ихъ дочерей такъ сильно возросло, что менѣе состоятельные люди были не въ состояніи вступать въ бракъ и размѣръ брачной платы долженъ былъ быть опредѣленъ законнымъ постановленіемъ (*Post*, op. cit. 72). На индійскомъ Архипелагѣ почти не существуетъ племени, гдѣ бы бракъ не покоился на платѣ за невѣсту. На Суматрѣ это учрежденіе встрѣчается въ Палембангѣ, Лампонгѣ и Бенгкуленѣ въ качествѣ *djoedjoer*, а въ Батакскихъ земляхъ, какъ *toehor*. Если обратиться къ Целебесу, то увидимъ тоже у макассаровъ, у богинцевъ на югѣ и у альфуровъ Минагассы на сѣверѣ, у первыхъ подъ именемъ *soenrang* и *sompa*, у вторыхъ *roco* или *aroro*. Если пе-

Digitized by Google

рейти черезъ мелкіе Зундскіе острова къ Молуккамъ, то найдемъ плату за невѣсту у жителей Сумба, Тиморъ, Саву, Ротти подъ именемъ *belis*, у амбоинцевъ и серамцевъ подъ именемъ *harta*, у альфуровъ Буру *kaleti*. Если, наконецъ, переправимся на Яву, то здѣсь мы замѣтимъ, что на ряду съ *mas kawin* или *sri kawin*, брачнымъ даромъ, который, по магометанскому праву, долженъ быть поднесенъ самой невѣстѣ, существуетъ еще и плата подъ именемъ *toekon* или *toembassan*, которую даетъ женихъ родителямъ невѣсты.

При разсмотрѣніи этого учрежденія всего болѣе заслуживаетъ вниманія то, что у многихъ народовъ, у которыхъ оно имѣетъ мѣсто, бракъ дѣйствительно является не болѣе, какъ куплей, самый брачный даръ ничѣмъ инымъ, какъ покупной цѣною за жену. Въ приведенныхъ выше извлеченіяхъ изъ германскихъ законовъ сумма, уплачиваемая женихомъ родителямъ невѣсты, такъ прямо и называется покупною цѣною. До XIV и XV столѣтій выраженіе «купить себѣ жену» было въ Германіи совершенно равнозначительно съ бракомъ (*Stammler*, op. cit. 20). Самая церемонія, которая, по древнему германскому праву, исполнялась при вступленіи въ бракъ, придавала этому послѣднему дѣйствительно полный характеръ имущественнаго договора о пріобрѣтеніи жены куплею. Они имѣли, между прочимъ, мѣсто въ томъ, что отецъ или опекунъ невѣсты передавали жениху мечъ и платье съ произнесеніемъ соотвѣтствующей формулы. Таковъ же въ другихъ случаяхъ несомнѣнный знакъ владѣнія, что на пріобрѣтаемую вещь ставятъ или кладутъ ногу. При сговорахъ часто также происходило то, что женихъ наступалъ на ногу женѣ. Другой, не менѣе частый способъ, при помощи котораго совершался бракъ и который также долженъ выражать весьма ясно владѣніе, или, если хотите, заявленіе власти, былъ тотъ, что женихъ бралъ невѣсту себѣ на колѣни. Обычай этотъ удержался мѣстами до настоящаго времени.

Авторъ приводитъ далѣе еще многочисленный рядъ свидѣтельствъ, разъясняющихъ различныя стороны учрежденія купли невѣстъ, о которыхъ мы скажемъ лишь нѣсколько словъ. Такъ, онъ останавливается на обычаѣ, который еще въ настоящее время встрѣчается въ Германіи и который явственно долженъ быть отодвинутъ къ временамъ, когда бракъ былъ не болѣе, какъ куплею-продажей. Это такъ называемыя *Mailehen*—обычай наканунѣ 1-го мая временно соединять въ пары мальчиковъ и дѣвочекъ, символически соединяя ихъ бракомъ, продавая послѣднихъ первымъ и отдавая всѣхъ больше предлагающему.

Digitized by Google

Подробное описаніе этого обычая читатель найдетъ въ сочиненіи *Mannhardt*'а: «Der Baum-Cultus der Germanen etc.» T. I, 451, который разсказываетъ, какъ онъ совершается на Эйфелѣ и Арѣ и въ Юлійской землѣ. Проданныя дѣвочки называются *Maifrauen* или *Mailienen*. Покупщикъ имѣетъ право впродолженіи всей весны и лѣта исключительно танцовать съ своей Maifrau и считаться покровителемъ ея. Съ бо́льшими или меньшими уклоненіями тотъ же обычай *Mailehen* встрѣчается въ Гессенѣ, въ Вестфаліи, въ Рейнской области и во всѣхъ другихъ мѣстахъ Германіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что по отношенію къ этому обычаю, дѣло идетъ о переживаніи того богослуженія первыхъ земледѣльческихъ народовъ, которое стремилось символировать извѣстные миѳы о небѣ и о землѣ, какъ о супругахъ, то соединяемыхъ, то раздѣляемыхъ, этихъ плодородныхъ творцахъ всего живого. Однако, въ древности всѣ богослужебныя церемоніи представляли ничто иное, какъ богослуженіе въ дѣйствіи, изображеніе того, что случилось съ богами. Такимъ же образомъ и миѳъ о бракѣ неба и земли сначала былъ представляемъ въ грубо чувственномъ видѣ, впослѣдствіи же въ очищенномъ, гуманизированномъ, смягченномъ поэзіею, но не безъ того, чтобы отъ прежней грубости не осталось кое-какихъ слѣдовъ. Богослуженіе, принадлежавшее къ этому миѳу, было выраженіемъ дѣтскаго воззрѣнія на міръ, священнодѣствіе въ видахъ обезпеченія благодати плодородія всеотцемъ-небомъ и вѣчной матерью-землею въ ихъ магичестомъ вліяніи на смертныхъ. Подобно празднествамъ въ Вавилонѣ и на Кипрѣ, гдѣ *conjunctio venerea* праздную́щей женщины съ чужеземцемъ должно было изображать соединеніе богини-земли съ ея любвеобильнымъ мужемъ, богомъ весенняго неба, возвратившимся изъ царства мертвыхъ, такимъ же образомъ и временное соединеніе въ пары дѣвочекъ и мальчиковъ въ Германіи, символическіе браки наканунѣ 1-го мая, имѣли у германскимъ предковъ первоначально лишь ту цѣль, чтобы подражать тому же миѳическому представленію о возсоединеніи расторгнутой божественной пары. Фаллическій культъ нигдѣ не выражается такъ рѣзко въ богослуженіи арійскихъ народовъ, какъ, между прочимъ, у восточныхъ славянъ, гдѣ весенніе и лѣтніе праздники обозначаютъ его характеръ самымъ яснымъ образомъ. Первоначальныя паро́ванія, по всей вѣроятности, приводились къ существованію посредствомъ приговоровъ божествъ, или чего-нибудь понимаемаго за божество, причемъ на первомъ мѣстѣ былъ, конечно, жребій, подобно тому, какъ онъ и въ настоящае время здѣсь и тамъ имѣетъ большое зна-

Digitized by Google

ченіе. Но мало-по-малу обычай этотъ сдѣлался не больше, какъ игрою, божественный его смыслъ отъ того былъ совершенно утраченъ, произошло также уклоненіе и отъ древнихъ способовъ, при помощи которыхъ совершались символическіе браки, и эти послѣдніе стали заключаться болѣе по образцу дѣйствительныхъ браковъ. Нѣтъ ничего столь натуральнаго и всеобщаго, какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей, какъ подражать въ своихъ играхъ и занятіяхъ серьёзнымъ процессамъ жизни. Подобно тому, какъ наши дѣти играютъ въ визиты, въ солдатики, въ церковь, точно также и дѣти дикарей стараются копировать дѣйствія своихъ взрослыхъ, которыя они со временемъ сами будутъ исполнять серьёзно, такъ что у нихъ правило; «мои игры—ученіе» имѣетъ буквальный смыслъ. Австралійцы начинаютъ и до сихъ поръ бракъ съ грабежа. Слѣдуя нѣкоторымъ путешественникамъ, мальчики и дѣвочки у этого народа играютъ въ браки въ сабинскомъ стилѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что обыкновенно игры, благодаря своей долговременности, которая особенно имъ свойственна, переживаютъ обычаи, которыхъ они были подражаніемъ, и такимъ образомъ сохраняютъ для этнографа остатки отъ времени, когда обычаи существовали въ дѣйствительности. Можно принять даже a priori, что способъ, по которому символическіе браки происходятъ наканунѣ 1-го мая, даетъ намъ зеркало въ руки, чтобы видѣть, что это были въ болѣе раннее время серьёзные браки. Такъ, изъ обычая дѣлаться хозяиномъ дѣвочки черезъ похищеніе, которую желаютъ себѣ въ *Maifrau*, слѣдуя Мангардту, въ Нарбахѣ и въ округѣ Сааръ-Луи, можно сдѣлать заключеніе, что браки черезъ похищеніе должны были существовать въ раннія времена въ Германіи, что теперь извѣстно и отъ древнихъ. Точно также можно навѣрно изъ *Mailehen*, изъ пароваиія дѣвочекъ и мальчиковъ для продажи послѣднимъ первыхъ, вывести заключеніе, что браки въ болѣе раннія времена происходили черезъ покупку, что родители продавали своихъ дочерей нетолько передъ бракомъ, но и этотъ послѣдній отдавали всѣхъ больше дающему. Какъ бы ни было не вѣроятно это заключеніе, оно находитъ себѣ подтвержденіе въ самой аналогіи. Довольно вспомнить, что, по сообщенію Геродота, подтвержденному буквально найденными надписями, у древнихъ вавилонянъ бракъ имѣлъ мѣсто въ формѣ публичной продажи женщинъ (*Lenormant*. Die Magie und Wahrsagerkunst der Chaldäer. 326).

До сихъ поръ рѣчь шла главнымъ образомъ о германскихъ народахъ, но и у другихъ бракъ съ уплатой за нѣвѣсту также

Digitized by Google

представляетъ куплю. Уже слово *toehor* для брачнаго дара показываетъ, что у батаковъ бракъ считается куплею, откуда покупная цѣна. И далѣе, въ аналогію къ существовавшему прежде у германцевъ выраженію купить себѣ жену», и у батаковъ супругу придается названіе «покупателя». Сверхъ того, и другія наименованія батакомъ своей жены, которую онъ зоветъ своимъ «человѣкомъ», «средствомъ добраться до ѣды», своею «ложкою пищи»—показываютъ, что онъ цѣнитъ ее не выше, чѣмъ купленную вещь.

Но довольно. Читателя не удивитъ, если изъ особаго характера платы за невѣсту сдѣлать заключеніе объ ея происхожденіи. Нѣтъ ничего болѣе распространеннаго, какъ представленіе, что *это учрежденіе съ самаго начала было куплею.* Въ Лёббокѣ, Постѣ, Макъ-Леннонѣ оно опять недавно нашло своихъ новыхъ представителей. Но какъ это объясненіе ни можетъ казаться натурально и просто, все же *авторъ ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи съ нимъ согласиться.* Если принять, что бракъ съ платою съ самаго начала былъ куплею, то отсюда слѣдуетъ само собою, что *это учрежденіе могло возникнуть только тогда, когда отцовская власть, которая распоряжалась дѣтьми неограниченно, уже существовала, и когда встрѣчалось такое состояніе, въ которомъ дѣти представлялись уже болѣе ничто иное, какъ часть прочаго имущества, т. е. тѣломъ и душею были подчинены власти родителей.* Въ общежитіи, подобномъ нынѣшнему англо-американскому, чтобы привести одинъ примѣръ, съ его минимумомъ отцовской власти, съ его эманципированнымъ положеніемъ въ домашнемъ быту, какъ сыновей, такъ и дочерей, нельзя ожидать встрѣтить брака покупкою съ правомъ *vitae necisque* на дѣтей, съ правомъ продавать ихъ въ рабство, словомъ, обширной римской *patria potestas.* Если плата за невѣсту, дѣйствительно, была первоначально куплею, то она могла встрѣчаться одновременно съ одною только *patria potestas.* Эти два учрежденія должны были, такимъ образомъ, всегда являться совмѣстно: гдѣ существовало первое, тамъ необходимо должно было существовать и второе.

Однако, нѣтъ ничего столь невѣрнаго, какъ это. Существуютъ достовѣрные случаи, когда плата за невѣсту стоитъ на ряду съ такимъ учрежденіемъ, какъ римская *patria potestas.* Можно указать, напримѣръ, на германцевъ, у которыхъ *mundium* обнималъ право на жизнь и смерть дѣтей, у которыхъ отецъ имѣлъ власть, при рожденіи дитяти, рѣшить, останется ли оно жить или нѣтъ, и обладалъ правомъ продавать своихъ дѣтей въ рабство, о которомъ само швабское зеркало говоритъ, какъ о безспорномъ

Digitized by Google

правѣ (*Stammler*, 13—14). И у другихъ народовъ встрѣчается плата за невѣсту такимъ же образомъ совмѣщающаяся съ *patria potestas*, но противъ этихъ случаевъ могутъ быть выставлены другіе, въ которыхъ этого не было. Брачный даръ устанавливаютъ обыкновенно нецивилизованные и полуцивилизованные народы, и нѣтъ ничего болѣе невѣрнаго, какъ желать отыскивать у такихъ именно народовъ *mundium* древнихъ германцевъ и *patria potestas* римскаго права [1]. Какъ ни странно это можетъ звучать, но деспотизмъ отца въ семействѣ нетолько не свойственъ самымъ низшимъ формамъ общественнаго развитія, но представляетъ именно критерій высшаго міровоззрѣнія. Съ точки зрѣнія новѣйшей соціологіи это можетъ быть легко объяснено. Не патріархальное, а *матріархальное* учрежденіе семейства было *наиболѣе первобытное*, и дикари, стоящіе всего ниже на лѣстницѣ развитія, удалялись отъ первобытнаго состоянія также менѣе, нежели болѣе образованныя расы. Въ своихъ «Началахъ Соціологіи» *Спенсеръ* показалъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, до какой степени у первобытныхъ народовъ дѣти вообще пользуются независимостью: послушанія, подчиненія отцовской власти стали бы у нихъ искать напрасно. Родители почти не имѣютъ права наказывать своихъ дѣтей, и все, что они могутъ имъ приказывать, относится только ко времени до наступленія ихъ половой зрѣлости (*Spencer*, 714) [2]. Въ подобной же степени это справедливо относительно дѣвочекъ, какъ и относительно мальчиковъ. Прежде всего въ дѣлѣ брака, а это для насъ въ настоящую минуту самое важное, мы видимъ, что первыя пользуются по временамъ такою свободою дѣйствій, какою не обладаютъ молодыя дамы и у насъ. Уже *Дарвинъ* въ своемъ «Происхожденіи человѣка», гдѣ онъ обсуждаетъ тотъ способъ, какимъ дѣйствуетъ у человѣка половой подборъ, указалъ на то, что у дикихъ дѣвушки имѣютъ больше власти избирать, отвергать и приманивать своихъ любовниковъ, чѣмъ можно было бы ожидать (II, 405—408). Также и *Спенсеръ* высказываетъ подобныя же соображенія (757 и 772—73). Если это такъ, то мы видимъ въ такомъ случаѣ *потребность въ отцовской власти отсутствующею*. Подтвердимъ это примѣрами. Когда у Аби-

---

[1] Пользуемся случаемъ сдѣлать здѣсь замѣчаніе, что, не будучи еще знакомы съ настоящимъ трудомъ Вилькена, мы высказались въ томъ же смыслѣ, какъ и онъ, на страницахъ одного, еще не напечатаннаго сочиненія, о невѣрности господствующаго взгляда относительно степени распространенія патріархальной власти и о значеніи этой ошибки для пониманія развитія семьи. *Н. З.*

[2] Подобные же факты приводятся и въ только что упомянутомъ нашемъ сочиненіи. *Н. З.*

Digitized by Google

ноновъ мужчина ищетъ себѣ жену, то онъ сходится съ родителями ея о цѣнѣ. Но иногда случается, что дѣвушка знать ничего не хочетъ о томъ, что происходило между ея родителями и женихомъ, и упорно отказывается слышать о бракѣ. Она убѣгаетъ, прячется, и такимъ образомъ ускользаетъ отъ жениха. На Огненной Землѣ молодой человѣкъ получаетъ согласіе родителей, оказывая имъ одну или двѣ услуги, что представляетъ довольно опредѣленную форму, въ какой иногда выполняется плата за невѣсту, и затѣмъ пробуетъ увезти невѣсту. Но если она этого не хочетъ, то прячется въ лѣсу, пока ея поклонникъ не устанетъ отыскивать ее и не броситъ ея преслѣдованія. Кафры покупаютъ своихъ женъ, и родители иногда сильно бьютъ своихъ дочерей, если тѣ не хотятъ признать назначеннаго имъ жениха; это доказываетъ, что онѣ все же имѣютъ значительную свободу выбора. Такъ, есть примѣры весьма противныхъ, хотя и богатыхъ людей, которые не могли добиться полученія женщины. Дѣвушки должны, чтобы согласиться на сговоръ съ тѣми, кто ищетъ ихъ руки, дать осмотрѣть себя со всѣхъ сторонъ, и были даже примѣры, что онѣ давали мужу брачныя представленія. Послѣднее совсѣмъ не чуждо дикарямъ и полуобразованнымъ народамъ. О пуэблосахъ, одномъ изъ индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки, у каковой расы бракъ вообще покоится на платѣ за невѣсту, извѣстно, что у нихъ дѣвушки нетолько не могутъ быть вынуждены къ браку, какую бы желательную партію ни нашли имъ родители, но обыкновенный путь ухаживанія по временамъ оборачивается, и женщина не ждетъ, чтобы получить предложеніе руки отъ того или другого, но сама избираетъ себѣ мужа и даетъ о томъ знать родителямъ, которые тогда ищутъ осчастливленную особу и знакомятъ ее съ желаніемъ дочери. Объ Этрускахъ, чтобы взять примѣръ изъ древности, также извѣстно, что у нихъ женщины сами пріискивали себѣ мужей. Особенное средство, помощью котораго пользуются у нѣкоторыхъ народовъ дѣвушки, чтобы проявить свой брачный выборъ, есть вышеупомянутый обычай, что дѣвушка должна скрывать свое отвращеніе къ жениху и дѣлать его извѣстнымъ тому, отъ кого, повидимому, она убѣгаетъ. Былъ уже приведенъ примѣръ о калмыкахъ, у которыхъ, если похищеніе притворно и дѣвушка мало заинтересована своимъ претендентомъ, то она не дастъ ему себя поймать и такимъ образомъ можетъ освободиться отъ брачной связи, даже вопреки тому, что о платѣ за нее уже были переговоры и размѣръ платы былъ уже установленъ. У другихъ народовъ находятъ, съ боль-

Digitized by Google

шими или меньшими уклоненіями, тотъ же обычай, и всегда съ тою же особенностью, что гдѣ мужчинѣ не удалось добыть себѣ дѣвушку на скачкѣ, онъ не долженъ и искать ее болѣе. Здѣсь также съ очевидностью проявляется вся *незначительность власти*, какую имѣютъ родители надъ своею дочерью въ дѣлѣ брака. Что дѣвушки, когда возникъ этотъ обычай, чтобы съ виду уйти отъ жениха, дѣйствительно дѣлаютъ это, въ томъ нельзя сомнѣваться. Но одно только *отсутствіе отцовскаго деспотизма* могло сдѣлать этотъ обычай для женщины законнымъ средствомъ отдѣлаться отъ немилаго брака.

Теорія происхожденія платы за невѣсту изъ купли, какъ было уже замѣчено выше, предполагаетъ существованіе развитой *patria potestas*. Только при подобномъ учрежденіи могутъ возникнуть и получить созвучіе въ общественномъ мнѣніи, съ одной стороны, требованіе цѣны за дочь, а съ другой — уплата таковой. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ не встрѣчается платы за невѣсту, само собою не можетъ быть терпима и *patria potestas*. Въ томъ случаѣ, когда послѣдней нѣтъ, *плата* за невѣсту *не можетъ имѣть источникомъ* своего происхожденія *купли* (потому что для купли нуженъ продавецъ, а таковъ только патріархъ-отецъ). Мы видѣли, что это и дѣйствительно такъ у большей части неразвитыхъ народовъ: у нихъ *постоянно*, какъ *правило*, существуетъ *плата за невѣсту*, при которой, однако, всегда вполнѣ отсутствуетъ учрежденіе, напоминающее *patria potestas*. Но столь распространенное учрежденіе не могло возникнуть *различнымъ образомъ*. Если, поэтому, оно въ своемъ происхожденіи у нѣкоторыхъ народовъ *не было вовсе куплею*, когда появляется *не на ряду съ patria potestas*, то *еще менѣе было оно куплею*, когда оно находится *рядомъ съ отцовскою властью. Плата за невѣсту должна такимъ образомъ всегда происходить изъ чего-нибудь другого, а не изъ понятія купли.* У нѣкоторыхъ народовъ, она позже, подъ вліяніемъ опредѣленныхъ условій, вмѣстѣ или лучше на ряду съ *patria potestas*, преобразовалось въ *покупку*, у другихъ же, гдѣ не доставало благопріятныхъ для преобразованія условій, она болѣе *сохранила свой первоначальный характеръ*.

Прежде всего это касается отвѣта на вопросъ—*откуда* получила свое происхожденіе плата за невѣсту? При обсужденіи обычая притворнаго похищенія, читатель видѣлъ, что первоначально съ бракомъ было соединено понятіе *обиды*. Это былъ насильственный увозъ женщины изъ племени, способъ, которымъ только и могъ происходить бракъ въ первое время и который далъ воз-

Digitized by Google

никновеніе этому понятію [1]. Увозъ невѣсты былъ позоръ, нанесенный племени, который могъ быть смытъ только мечемъ, только кровью похитителя. Но если право мести первоначально было неопредѣленно и неограниченно, то впослѣдствіи когда бракъ пріобрѣлъ себѣ прочное положеніе, самъ личный интересъ привелъ къ тому, чтобы отвести этому праву опредѣленныя границы. Нужно обратить вниманіе на то, что похищеніе вообще въ тѣ времена было чѣмъ-то такимъ, что могло упасть на долю каждаго по очереди, и потому каждый долженъ былъ опасаться мести отъ другого. На этомъ основаніи не нужно было много ораторскаго искуства и предусмотрительности, чтобы членамъ племени выучиться прибѣгать къ снисходительности относительно членовъ другого племени, съ тою цѣлью, чтобы найти такую же снисходительность и у нихъ. Причины, побудившія племена, которыя нѣкогда ввели похищеніе для брака, ограничить и смягчить право мести, состояли въ томъ, что они должны были сами дѣйствовать такъ, какъ желали, чтобы дѣйствовали съ ними другіе. Если въ первое время не обходились безъ кровной мести за позоръ похищенія дѣвицы, то постепенно начали приходить къ тому, чтобы, хотя и послѣ извѣстнаго времени, когда впечатлѣніе обиды становилось менѣе свѣжимъ и болѣе скрытымъ, и отвращеніе смягчалось, отказываться отъ мести, такъ что обидчикъ долженъ былъ поправлять свою вину исключительно уплатою *пени*. Одно побочное обстоятельство содѣйствовало тому, чтобы этотъ обычай, разъ начавшій укрѣпляться, становился все распространеннѣе. Когда сабиняне двинулись противъ Рима, чтобы наказать жителей этого города за совершенное ими покушеніе, то сабинскія женщины сами съ мольбою бросились къ своимъ отцамъ и братьямъ и защищали отъ нихъ своихъ новыхъ супруговъ; такимъ же образомъ и въ первобыт-

---

[1] Д-ръ *Земперъ* въ своихъ «Palau Inseln» разсказываетъ чрезвычайно подробно о существованіи общиннаго брака на этихъ островахъ, который состоитъ въ томъ, что дѣвушки одной деревни увозятся ночью молодыми людьми другой деревни и живутъ съ ними въ общинномъ бракѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а потомъ возвращаются домой, гдѣ и выходятъ замужъ и ведутъ скромную и подчиненную замужнюю жизнь. Такимъ образомъ тутъ все оказывается на мѣстѣ совершенно такъ же, какъ и при всякомъ другомъ притворномъ похищеніи: тайный увозъ, недовольство родителей, даже плата имъ за дочерей, но только нѣтъ главнаго пункта теоріи Лёббока и Вилькена, а именно, похищенія дѣвушекъ для *частнаго брака*, которое, по мнѣнію этихъ авторовъ, способствовало разрушенію общиннаго. Здѣсь же мы видимъ нѣчто совершенно образное — дѣвушки похищаются для общиннаго брака; тоже самое явленіе повторяется на Маріанскихъ и Филиппинскихъ островахъ.

Н. З.

Digitized by Google

ныя времена вообще обиженные родственники должны были быть склоняемы къ болѣе мягкому настроенію вмѣшательствомъ самихъ похищенныхъ дѣвушекъ и ради ихъ самихъ. Такимъ образомъ, это обстоятельство и простое примѣненіе золотого правила: «все, что вы желаете отъ людей, дѣлайте для нихъ сами» — должны привести право мести по отношенію къ похищенію, къ *купли* за деньги или вещи, иными словами, къ возмѣщенію матеріальному. Но что было сначала актомъ чисто произвольнымъ, зависящимъ отъ доброй воли обиженныхъ, стало постепенно правиломъ, было повсюду принято, какъ нравственный обычай въ междуплеменныхъ отношеніяхъ. Не всегда и не во всякое время могло теперь постигнуть похитителя право мести. Право это сохранялось въ теченіи извѣстнаго времени, и когда обиженный считалъ свою обиду возмѣщенною посредствомъ уплаты опредѣленной цѣны, то месть прекращалась. Только при этомъ похищеніе взошло въ фазу, о которой мы упоминали выше, при обсужденіи этого обычая, на которой оно стало представлять законную форму брака между различными племенами.

Такимъ-то образомъ возникло возмѣщеніе за похищеніе, за умычку женщины изъ рода. Если первоначально похищеніе, увозъ, дѣйствительно, считались обидою, которая должна была быть смыта кровью похитителя, то замѣна этого права мести денежною или иною пенею было столь естественно, что должно было имѣть мѣсто повсюду. Развѣ мы не имѣемъ аналогическихъ примѣровъ въ развитіи уголовнаго права народовъ въ ихъ дѣтствѣ? Развѣ *Weergeld* старо-германскаго права или *bangoen* у малайцевъ Пидангскаго плоскогорья или *harga njawa* у дайаковъ не представляетъ собою возмѣщенія, выкупа, первобытнаго права мести, слѣдуя которому покуситель на чью-либо жизнь долженъ быть убитъ кѣмъ-либо изъ его потомства? Однако, отправляясь отъ предыдущаго, не трудно узнать, какимъ образомъ обычай выкупа мести такъ быстро долженъ былъ распространиться по большой поверхности. Несомнѣнно, что тѣ племена, у которыхъ этотъ обычай былъ уже установленъ, имѣли громадное преимущество надъ тѣми, которые еще во всей строгости придерживались стараго права мести. Конечно, у этихъ послѣднихъ бракъ былъ, вмѣсто источника увеличенія населенія, наоборотъ, прямымъ поводомъ къ уменьшенію его. Нужно обратить еще вниманіе на то, что племена, среди которыхъ право мести за похищеніе было регулировано и у которыхъ похищеніе было сдѣлано правильною и признанною формою брака, сами по себѣ должны были тѣснѣе примкнуть одни къ другимъ, по-

Digitized by Google

тому что каждое изъ нихъ должно было имѣть поддержку въ горячей борьбѣ за жизнь. На взаимныхъ заключеніяхъ браковъ, которыми были призваны къ жизни первыя международныя отношенія, покоились также, навѣрно, и древнѣйшія федераціи, въ которыхъ, какъ, между прочимъ, у древнихъ латинянъ и грековъ *jus connubii, epigamie* существовало только между гражданами соединенныхъ городовъ. Какъ бы то ни было, но ясно, что тѣ племена, у которыхъ месть за похищеніе была прекращена и обращена въ пеню, должны были вытѣснить тѣ племена, у которыхъ этого преобразованія еще не произошло, и что такимъ образомъ этотъ обычай, въ немалой степени и благодаря дѣйствію естественнаго подбора, черезъ переживаніе народовъ, которые практиковали его въ борьбѣ за существованіе, долженъ былъ быстро распространиться по всему міру.

Теперь читателю должно быть ясно, въ чемъ заключается источникъ происхожденія платы за невѣсту. Несомнѣнно необходимо признать, что она есть ничто иное, какъ переживаніе вышеупомянутой *пени*. Однако, тутъ возникаетъ одно затрудненіе. Пеня должна была существовать лишь столько времени, пока была практикуема еще сама месть. Но употребленіе мести прекратилось, когда похищеніе перестало производиться въ дѣйствительности, поэтому убѣжденіе и переговоры сдѣлались путемъ, при помощи котораго получалась женщина отъ своихъ родителей. Какія же причины могли еще существовать для этихъ послѣднихъ, чтобы продолжать настаивать на необходимости пени? Читатель долженъ найти отвѣтъ на этотъ вопросъ въ томъ, что говорилось выше о возникновенія обычая похищенія. Передъ глазами другихъ лицъ родители должны были теперь принимать на себя видъ, какъ будто они противъ воли отдавали свою дочь въ замужство и были принуждены къ тому насиліемъ и хитростью. Если они считали нужнымъ показывать себя обиженными и опозоренными, то они тѣмъ болѣе должны были придавать себѣ видъ жаждущихъ мести и могущихъ удовлетвориться только пенею, умилостивительною жертвою. Если такимъ образомъ притворное похищеніе считалось родителями необходимымъ условіемъ для жениха при свадьбѣ, то и уплата извѣстной цѣны въ видѣ пени была также необходима. Не трудно также видѣть, какъ уплата цѣны сохранилась черезъ переживаніе, и притомъ постепенно утрачивая свое первоначальное значеніе пени.

Таково-то происхожденіе выкупа невѣсты. Чтобы довести до конца доказательство справедливости этого представленія, слѣдуетъ еще показать, какимъ образомъ тамъ, гдѣ похищеніе существуетъ въ настоящее время еще *de facto*, плата за невѣсту

Digitized by Google

еще вполнѣ носитъ характеръ *выкупа мести*, что обѣ вещи даже совершенно тожественны. У балинцевъ мы видѣли, что при *terangkat*'ѣ и при *melegandang*'ѣ обиженные родственники имѣютъ право преслѣдовать и убить похитителя, но это право прекращается, коль скоро послѣдній приноситъ должную пеню, о которой встрѣчаются выразительныя сообщенія, что она есть плата за жену. У макассаровъ, какъ уже замѣчено выше, также существуетъ плата за похищеніе, которой, однако, похититель можетъ избѣгнуть, если только онъ своевременно позаботится о благословеніи своего брака священникомъ, а также, что еще важнѣе, внесетъ плату за невѣсту. Слѣдуетъ еще взять во вниманіе, что подтверждаетъ выведенное выше теоретическимъ путемъ, что при существованіи притворнаго похищенія, по меньшей мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно сохранилось въ болѣе чистомъ видѣ, плата за невѣсту, повидимому, имѣетъ еще характеръ пени или, самое меньшее, сохраняетъ еще слѣды того, что она была раньше пенею. Одинъ примѣръ этого встрѣчается у жителей Лампонгскихъ округовъ. Тутъ можно видѣть, что послѣ притворнаго похищенія семейство дѣвушки обнаруживаетъ какъ бы попытку къ мести, которая кончается переговорами о платѣ за невѣсту. Тоже самое бываетъ у сумбанцевъ, у которыхъ родственники являются послѣ похищенія вооруженными, какъ бы съ намѣреніемъ наказать обидчика за его дѣло, но удовлетворенные платою за невѣсту снова удаляются. Во многихъ другихъ случаяхъ можно встрѣтить открытое обсужденіе вопроса о брачномъ дарѣ послѣ похищенія, очевидно, составляющее непосредственное послѣдствіе таковаго, подобно тому, какъ это было у древнихъ пруссовъ и на Новой Гвинсѣ (*Post*, 56 и 62).

Изъ предыдущаго должно быть ясно, какъ мало примитивнаго положено въ основу того понятія о платѣ за невѣсту, что женщина за эту плату получается, *покупается*. Въ качествѣ пени, уплата извѣстной цѣна первоначально вовсе не было условіемъ, а просто послѣдствіемъ брака. Она имѣла слишкомъ мало примѣненія къ первобытному человѣку, чтобы отсюда выводить право на вступленіе въ бракъ, т. е. на похищеніе, какъ и при внесеніи *weergeld*—право кого-нибудь убить. Лишь тогда, когда уплата цѣны перестала имѣть значеніе пени, могъ получить мѣсто дѣйствительный *договоръ*, при помощи котораго женихъ можетъ пріобрѣсти отъ родителей жену, договоръ безсознательный, пока еще остается видъ пени, и сознательный, когда объ этомъ видѣ перестаютъ уже вспоминать. Однако, отсюда еще очень далеко до покупки и продажи жены. Подобное понятіе само должно было, разумѣется, образоваться лишь постепенно, лишь послѣ

Digitized by Google

того, какъ развилась *patria potestas*, причемъ дѣти стали составлять не болѣе, какъ часть отцовскаго имущества и были душею и тѣломъ подчинены власти отца.

Читатель, безъ сомнѣнія, согласится съ нами, что изложенное на предъидущихъ страницахъ новое изслѣдованіе вноситъ много свѣта въ область брачныхъ обычаевъ первобытныхъ народовъ и соединяетъ въ одно гармоническое цѣлое тѣ отрывочныя ихъ подробности, которыя не находили себѣ до сихъ поръ надлежащаго разъясненія. Справедливость теоріи автора относительно происхожденія платы за невѣсту, изъ умилостивительной жертвы, или пени за прекращеніе мести, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію. Намъ всегда казалось, что продажа и покупка женщинъ расходятся съ нѣкоторыми учрежденіями, которыя мы встрѣчаемъ у многихъ первобытныхъ народовъ, каково, напримѣръ, учрежденіе матріархата съ преобладаніемъ женщины въ хозяйствѣ, широкій общинный бытъ и часто даже полное отсутствіе идеи мѣновой цѣнности при первоначальныхъ отношеніяхъ съ европейцами. Естественно, поэтому, возникаетъ тотъ вопросъ, какимъ образомъ дикари могли продавать женщину, которая являлась представительницею своего рода, имѣя весьма смутное понятіе о продажѣ и покупкѣ продуктовъ собственнаго производства? Откуда могла у нихъ явиться идея о томъ, что женщина есть не болѣе, какъ предметъ частной собственности, когда они имѣли весьма ограниченное понятіе объ этомъ учрежденіи даже относительно дѣйствительныхъ вещей? Ясное дѣло, что подобныя идеи могли образоваться у нихъ не раньше, какъ тогда, когда усложненіе общественной организаціи привело къ укрѣпленію отцовской власти. Происхожденіе платы за невѣсту изъ пени или жертвы за прекращеніе мести даетъ разрѣшеніе всѣмъ этимъ недоразумѣніямъ и освѣщаетъ цѣлый рядъ обычаевъ, значеніе которыхъ до сихъ поръ оставалось загадкой. Безспорно, что мысль о вознагражденіи за прекращеніе мести должна была возникнуть гораздо раньше, чѣмъ понятіе о куплѣ-продажѣ жены. Кровная месть представляетъ одно изъ явленій, безъ которыхъ не обходилось ни одно первобытное общество на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія. Что похищеніе дѣвушки разсматривалось какъ оскорбленіе, требующее отмщенія, это также совершенно ясно. А отсюда вытекаетъ объясненіе тѣхъ формальностей и церемоній, которыми сопровождается заключеніе брака у первобытныхъ народовъ, и которыя никогда еще не были разъяснены въ ихъ взаимной связи. Теорія, признававшая въ пріобрѣтеніи невѣсты одну только куплю-продажу, должна

Digitized by Google

была, по необходимости, игнорировать значеніе всѣхъ этихъ церемоній и формальностей. Такъ, напримѣръ, если бракъ представляетъ только куплю, то откуда происходитъ гнѣвъ родственниковъ жены? Отвѣтить на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что это переживаніе похищенія, еще не значитъ разрѣшить его. Гнѣвъ родственниковъ жены указываетъ несомнѣнно на обиду, а обида требуетъ возмѣщенія, которое съ теченіемъ времени принимаетъ характеръ пени. Если далѣе, договоръ былъ добровольный, то откуда недовольство невѣсты? Изъ какого источника вытекаетъ подчиненное и служебное положеніе мужа у многихъ народовъ, у которыхъ мужъ идетъ въ родъ жены, если онъ купилъ эту послѣднюю и обратилъ ее въ свою собственность? Всѣ эти вопросы и многіе другіе, на которыхъ мы не имѣемъ возможности остановиться въ настоящую минуту, оставались безъ отвѣта при господствѣ старой теоріи и только теперь могутъ быть разъяснены надлежащимъ образомъ.

Н. З.

Digitized by Google

ѢДЕТЪ!

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Какъ-то въ первыхъ числахъ мая, зашелъ ко мнѣ однажды приходскій священникъ, отецъ Герасимъ. Войдя въ комнату, онъ оглядѣлъ углы ея и, увидавъ образокъ, принялся креститься. Затѣмъ отеръ со лба крупными каплями выступавшій потъ, провелъ раза два по волосамъ ладонью, пощипалъ небольшую рѣденькую бородку и, поздоровавшись со мною, проговорилъ задыхавшимся голосомъ:

— А я къ вамъ...

— Что прикажете?

— Постойте, дайте отдохнуть маленько...

И, вынувъ изъ кармана полукафтанья пестрый ситцевый платокъ, сперва высморкался въ него, потомъ помахалъ на пылавшее лицо, лоснившееся отъ пота и жара, и затѣмъ присѣлъ на кончикъ стула.

— Задохнулся было! проговорилъ онъ, отдуваясь.

— Почему?

— Бѣгомъ почти... съ утра все бѣгаю.

— Случилось развѣ что-нибудь?

— Эхъ! не говорите!

— Что же?

— Ѣдетъ!

— Кто?

— Владыка.

И онъ махнулъ рукой.

— Что же тутъ такого важнаго? спросилъ я.

— Вамъ-то—ничего!

— Да и вамъ тоже.

— Ничего-то, ничего...

— Начальство свое посмотрите.

— Такъ-то такъ...

Digitized by Google

— Конечно. Когда же онъ пріѣдетъ?

— Завтра. Сегодня онъ въ Алексѣевкѣ ночуетъ, заутреню простоитъ тамъ, а къ литургіи сюда.

— Кто же сообщилъ вамъ это?

— Отецъ благочинный увѣдомилъ съ нарочнымъ. Нарочный этотъ въ третьемъ часу ночи пріѣхалъ, принялся въ окна колотить. Я думалъ пожаръ случился, анъ вонъ что!

— И отлично.

Но отецъ Герасимъ только въ затылкѣ поскребъ.

— Ужь вы того... заговорилъ онъ, немного погодя, покряхивая и охая:—дозвольте намъ рыбки-то половить...

— Сдѣлайте одолженіе.

— Эхъ, бѣда! проговорилъ онъ въ раздумьи.

— Какая же бѣда-то?

— Угощать-то чѣмъ? Святой, святой, а пищу-то, поди, какъ и мы, грѣшные, принимаетъ!

— Что-жь такое? Наловите рыбы, сварите уху.

— А кто ловить-то будетъ?

— Какъ кто? пригласите кого-нибудь, никто не откажется.

— Это вы такъ говорите!

— И каждый тоже самое скажетъ.

— Ходилъ ужь я, приглашалъ, все село обѣгалъ.

— И что же?

— Нѣтъ ни болячки!

— Старосту попросите, старшину.

— И ихъ просилъ, полштофъ даже ставилъ.

— Ну?

— Полштофъ-то выпили, а народу все-таки не дали. «Это, говоритъ, не наше дѣло!» Да чего! вскрикнулъ батюшка:—насилу у фершала приволочку выпросилъ! Вѣдь вотъ народъ какой! Не даетъ да и на поди!—«У меня, говоритъ, приволочка новенькая, только что куплена, рвать ее не дамъ. Коли уху хлебать любишь, такъ свою бы и заводилъ!»—«Да чудачина, говорю, нѣшто я для себя хлопочу! Вѣдь владыка, говорю, ѣдетъ; пойми ты это! Вѣдь его, говорю, бараниной, да курятиней не накормишь!» Бился, бился и... опять полштофъ поставилъ!

— Далъ?

— Ну, какъ выпилъ, такъ и подобрѣе сталъ.—«Только смотри, говоритъ, коли разорвешь, такъ ты со мной дешево не раздѣлаешься. Я, говоритъ, за приволочку тысячи рублей съ тебя не возьму». Вонъ вѣдь куда махнулъ-то!

— Отчего же народъ-то не пошелъ, недосугъ что ли?

— Страхъ Божій забыли, какой тамъ недосугъ! Поди сегодня праздникъ!

Digitized by Google

— Какой это?

— Какъ какой? апостола Іоанна Богослова, забыли нѐшто?

— Можетъ быть не празднуютъ его.

— Какъ это не празднуютъ! всѣ у кабака сидятъ!.. Праздникъ!

— Отчего же у васъ обѣдни не было?

— Духомъ смущенъ—вотъ и не было.

И вслѣдъ затѣмъ, покачавъ головой и какъ-то захихикавъ, онъ прибавилъ:

— Сейчасъ слесарь Ларіонъ Николаичъ встрѣтился и тоже про обѣдню спрашивалъ.—«Что же это у васъ, батюшка, службы, говоритъ, сегодня не было: ни заутрени, ни обѣдни, ничего не съэтажили, хоть бы старенькую какую разогрѣли!».

И добродушно засмѣявшись, батюшка замѣтилъ:

— Чудакъ-голова!

Но веселое настроеніе это продолжалось не долго, и отецъ Герасимъ снова впалъ въ уныніе.

— Вотъ и лавочникъ тоже, проговорилъ онъ:—молодецъ, нечего сказать! во всемъ отказалъ. Хотѣлъ было у него винца столоваго выпросить бутылочку, другую, балычку... «Владыка, говорю, ѣдетъ, не откажите! Купить, говорю, достатковъ нѣтъ!», а онъ хошь бы что-нибудь! Даже рису на пирогъ не далъ.—«Это, говоритъ, до меня не касается. Вотъ ежели-бъ исправникъ или становой, такъ это точно, говоритъ, соприкосновеніе имѣютъ, а владыки—это дѣло духовное... Это, говоритъ, вы сами, какъ знаете, такъ и расквитывайтесь!»—«Да вѣдь архипастырь!» говорю.—«Это, говоритъ, мы очень хорошо понимаемъ, только главная причина, соприкосновенія нѣтъ!»—«А ты забылъ, говорю: *передъ лицомъ сѣдаю возстани!..*» — «Нѣтъ, говоритъ, мы очень хорошо помнимъ все это и архипастырское благословеніе завтра принять придемъ». Такъ я ни съ чѣмъ и пошелъ! А того сообразить не хочетъ, что намъ-то гдѣ же взять? Тоже почитай впроголодь живемъ...

И проговоривъ это, батюшка, кряхтя и охая, привсталъ со стула.

— Что вы кряхтите-то? спросилъ я.

— Поясница! отвѣтилъ батюшка и махнулъ рукой.—Однако, я съ вами заговорился... рыболовы-то поди заждались меня...

— Какіе же рыболовы? Вѣдь вы говорите—не пошелъ никто...

— Кое-какихъ набралъ! Дьякона, дьячка, ктитора, сторожа церковнаго, мальчугановъ изъ школы...

— Такъ вотъ вамъ, чего же вы жалуетесь!

— Да вѣдь приволочка-то большая, съ берегу на берегъ... нѐшто ее легко тащить-то... Съ такой приволочкой быстрота необходима, а то и рыба-то вся уйдетъ...

Digitized by Google

— Такъ вы бы бреднемъ.

— Да нѣтъ ни одного.

— Посмотрѣть развѣ на вашу рыбную ловлю, проговорилъ я.

— Что же, пойдемте, день отличный, прогуляетесь.

— А гдѣ васъ рыболовы-то ждутъ? спросилъ я.

— Да вотъ тутъ сейчасъ же, возлѣ мельницы.

Я взялъ шляпу, но батюшка словно запнулся и не двигался съ мѣста.

— Ну что же, идемте! проговорилъ я.

— Идемъ-то, идемъ... Только у меня просьба къ вамъ есть.

— Что такое?

— Да все насчетъ винца для владыки. Водку-то нашу, пожалуй, кушать не станетъ, а у меня нѣтъ ничего... какъ бы не огнѣвался!

И переступивъ съ ноги на ногу, добавилъ:

— Хошь хереску, аль мадерцы, да этого бы красненькаго-то... какъ бишь оно прозывается-то... алафитъ что ли?

— Лафитъ то есть...

— Вотъ, вотъ.

И состряпавъ умильную улыбку, онъ вопросительно поглядѣлъ на меня.

— Ну, ладно; пришлю.

— Да хлѣбца бы бѣленькаго, а то у меня баранки, да такъ засохли, что не угрызешь.

— Хорошо, пришлю и хлѣба.

Но батюшка все еще стоялъ и продолжалъ умильно смотрѣть на меня.

— А повара не отпустите? спросилъ онъ.

— Однако, вы угощеніе-то не на шутку затѣяли!

— Какъ же быть-то!.. вѣдь надо же принять... *почтѝ мще стѝрче*... Можетъ, угожу этимъ...

— А вамъ хочется?

— Еще бы! Тоже вѣдь люди; не безъ слабостей и мы.

Я обѣщалъ отпустить повара, и батюшка просіялъ отъ удовольствія.

Немного погодя, мы шли уже вдоль опушки лѣса, направляясь къ мельницѣ, возлѣ которой, по словамъ батюшки, его ожидали рыболовы съ приволочкой.

II.

Отцу Герасиму было лѣтъ сорокъ пять не болѣе. Это былъ человѣкъ средняго роста, весьма плотный, крѣпкаго сложенія и

Digitized by Google

съ кругленькимъ брюшкомъ, значительно поднимавшимъ передъ его рясы. Если посмотрѣть на отца Герасима сбоку, то, благодаря этому брюшку, фигура его представляла нѣчто, напоминающее беременную женщину, въ особенности когда волосы его, весьма густые, были заплетены въ косу. Это былъ самый добродушнѣйшій, тихій и безобидный человѣкъ, какого только можно встрѣтить. Никогда никого не обижавшій, никогда не сказавшій никому ни единаго дерзкаго слова, онъ заслужилъ любовь нетолько своего прихода, но и всего околодка. Его не любилъ только причетъ и не любилъ за то, что отецъ Герасимъ не былъ алчнымъ. — «Нѐшто такъ съ мужиками возможно обращаться! говорилъ дьяконъ: — трюшникъ за молебенъ!.. Этакъ вѣдь не жрамши насидишься, у насъ дѣти!» — «А коли и мужикамъ-то жрать нечего!» возражалъ батюшка. — «А пьянствовать небось есть деньги!» — «А ты-то не пьянствуешь?» И тѣмъ дѣло кончалось.

Ходилъ отецъ Герасимъ тихо, съ перевалочкой, по утиному; постоянно улыбался, постоянно эхалъ (именно: эхалъ, а не охалъ), жаловался на поясницу, которую поминутно растиралъ то одной, то другой рукой и, садясь, непремѣнно кряхтѣлъ.—«Что съ вами?» спросишь его.—«Эхъ, поясница!» Много разговаривать отецъ Герасимъ не любилъ; говорилъ едва слышно, какими-то отрывчатыми фразами, словно только намекалъ, но намекалъ такъ удачно, что его понимали лучше любого говоруна.—«Эхъ! скажетъ бывало:—обѣдня завтра!» и всякому становилось ясно, что отцу Герасиму служить обѣдню лѣнь, и что еслибы возможно было не служить, то онъ съ удовольствіемъ бы это сдѣлалъ. Дѣйствительно, служить обѣдни отецъ Герасимъ былъ лѣнивъ. Ужь онъ, бывало, тенькаетъ, тенькаетъ въ разбитый колоколъ своей церкви, начнетъ часовъ съ семи тенькать, и только часамъ къ девяти явится въ церковь. Однако, служилъ онъ хотя и скоро, но не торопливо; зычно и четко провозглашалъ возгласы, и все шло у него, какъ по маслу. Примется кадить, такъ полну церковь напуститъ дыму. Кадитъ, бывало, а самъ переваливается съ боку на бокъ и какъ-то бокомъ раскланивается Бывало, только что кончитъ: «Благословенно царство Отца и Сына и Св. Духа», какъ ужь дьячекъ пѣлъ «аминь», а дьяконъ, растопыривъ ноги и запрокинувшись назадъ, подхватывалъ: «міромъ Господу помолимся!» и такъ далѣе вплоть до конца обѣдни. Глядишь, въ три четверти часа все уже кончено. Отецъ Герасимъ разоблачился, дьяконъ тоже, дьячекъ побросалъ въ шкафъ книги, и только одинъ трезвонъ во всѣ колокола, жиденькій, тоненькій, какъ шаловливая болтовня бубеньчиковъ, возвѣщалъ о

Digitized by Google

происходившемъ богослуженіи. Отецъ Герасимъ принадлежалъ къ числу поповъ средней руки, т. е. не походилъ ни на старыхъ, ни на молодыхъ. На старыхъ онъ не походилъ потому, что не спрашивалъ у своихъ исповѣдниковъ:—«По родительску не ругался ли? Пьяный по улицамъ не ходилъ ли?», а на молодыхъ потому, что не носилъ ни воротничковъ, ни рукавчиковъ, а главное, не жаловался на каноническія правила, запрещавшія священникамъ стричь волосы и брить бороды. Я сказалъ уже выше, что жадности отецъ Герасимъ не имѣлъ никакой и довольствовался тѣмъ, что ему давали. Поэтому, онъ не вводилъ въ своемъ приходѣ ни таксъ за совершеніе требъ, ни какихъ-либо сборовъ и натуральныхъ повинностей; онъ не собиралъ на Пасху яйцами и пирогами и даже конфузился за дьякона и дьячка, ходившихъ въ это время съ карманами, наполненными яйцами, стянутыми со столовъ прихожанъ. Держалъ себя отецъ Герасимъ скромно, одинаково со всѣми: какъ съ богатымъ, такъ и съ бѣднымъ; любилъ выпить водочки, но дòпьяна не напивался. Выпьетъ, бывало, сколько нужно—и довольно. Чтеніемъ книгъ отецъ Герасимъ не занимался; даже епархіальныя вѣдомости оставались у него не распечатанными, тѣмъ не менѣе, однако, любилъ разспрашивать про политическія новости и охотно ихъ выслушивалъ. — «Тоже и чтеніе, говорилъ онъ:—на кого какъ дѣйствуетъ. Иному оно въ пользу, а иной изъ прочитаннаго только и почерпнетъ самое что ни на есть негодящее; мысли-то не пойметъ, а верхушку подхватитъ. Вонъ, въ бывшемъ моемъ приходѣ, барышня одна была... та читала, читала, да и кончила тѣмъ, что изъ родительскаго дома съ какимъ-то пьянымъ актеромъ убѣжала!» Лицо у отца Герасима было доброе, веселое, съ выраженіемъ нѣкоторой ироніи, но подшучивать и подсмѣиваться онъ дозволялъ себѣ рѣдко, подъ веселую руку, и то въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ. За то «матушка» отца Герасима нисколько не походила на своего мужа. Это была женщина высокаго роста, съ грубыми чертами лица, съ рѣзкими манерами, съ дерзкимъ взглядомъ, но эффектная и видная. Король-баба! какъ говорится. Насколько отецъ Герасимъ былъ тихъ, скроменъ и не разговорчивъ, настолько «матушка» была бойка, шумлива и болтлива. По милости ея, въ домѣ отца Герасима никто не уживался, ни работники, ни кухарки. Крикъ ея слышался постоянно и только когда «матушка» спала, въ домѣ было тихо и смирно, за то когда просыпалась, то хоть вонъ изъ дому бѣги. Всѣмъ была она недовольна, хотя сама ничѣмъ положительно не занималась, даже собственныхъ своихъ дѣтей не нянчила. Ребенокъ лежитъ, бывало, въ люлькѣ, оретъ во всю

Digitized by Google

глотку, а «матушка» еще пуще.— «Эй, попъ! кричитъ:—оглохъ что ли ты!... возьми ребенка-то, понянчай!» И отецъ Герасимъ спѣшилъ къ люлькѣ, бралъ ребенка и, словно нянька, ходилъ съ нимъ изъ угла въ уголъ, а матушка сидитъ себѣ подъ окошкомъ да галокъ считаетъ. Случалось даже такъ, что когда работницы убѣгали изъ дома, то отцу Герасиму приходилось самому доить коровъ, гонять ихъ въ стадо и самому мѣсить и печь хлѣбы и пироги. Матушка палецъ о палецъ не ударитъ. Вставала она часовъ въ десять не раньше, расфранчивалась и, если погода была хорошая, шла гулять, а если дурная, то садилась въ кресло и весь день злилась.—«Чего не помолишься-то! кричала она на мужа:—не видишь развѣ, что дожди совсѣмъ залили, носа изъ дома высунуть нельзя!» Она даже обыкновеннымъ женскимъ рукодѣліемъ не занималась: платья свои заказывала мѣстнымъ портнихамъ и тѣмъ же портнихамъ отдавала шить и дѣтское бѣлье. Легкомысліе «матушки» доходило до того, что она ѣздила на станцію желѣзной дороги, отстоящую отъ села Вертуновки верстъ на тридцать, единственно съ тою только цѣлью, чтобы встрѣтить и проводить поѣздъ. Бывало, батюшкѣ бороновать или пахать надо, а «матушка» на станцію лошадей угнала. — «Эхъ!» вздохнетъ онъ, бывало, потретъ поясницу, поскребетъ въ макушкѣ, да тѣмъ и кончится. Вслѣдствіе такой безхарактерности отца Герасима, прихожане надавали ему не мало прозваній. Одни называли его «тряпкой», другіе «бабой», третьи «мокрой курицей», а одинъ шутникъ-управляющій далъ ему кличку «попадьинъ подмастерье». Мѣткое названіе это подходило къ нему какъ нельзя лучше. Шуткамъ не было конца. Тенькаютъ, бывало, къ обѣдни въ ожиданіи «батюшки», а народъ стоитъ и зубы скалитъ.—«Ну, говоритъ, недосугъ, пироги, мотри, ставитъ!..» Однако, возвратимся къ разсказу.

III.

Не успѣли мы дойти до конца лѣса, за которымъ тотчасъ же находилась и мельница, какъ до насъ долетѣли уже шумные крики нѣсколькихъ голосовъ.

— Ну! проговорилъ батюша:—ужь они никакъ забрели... Эхъ!

— Что же такое! Пускай ихъ!

— Все-таки неловко маленько... подождать бы разрѣшенія слѣдовало...

Дѣйствительно, рыбная ловля была уже въ полномъ разгарѣ. Длинная приволочка, опущенная въ воду громаднымъ полукругомъ, медленно ползла по рѣкѣ, поддерживаемая досчатыми по-

Digitized by Google

плавками. Видно было по всему, что народу не доставало. Дьячекъ, ктиторъ и церковный сторожъ тянули по одному берегу, а человѣкъ шесть мальчугановъ по другому. Дьяконъ, на обязанности котораго лежало «заводить» приволочку, т. е. перевозить для заброда веревку съ одного берега на другой, стоя въ крошечномъ челнокѣ, плылъ какъ разъ передъ приволочкой. На немъ было рыжее нанковое полукафтанье, подоткнутое за кукушакъ, и рваная шляпенка, въ видѣ стараго разбрюзглаго гриба, до того надѣтая на затылокъ, что весь лобъ и вся передняя часть головы были наружи. Его сапоги и онучи валялись на берегу. Это былъ совершенный атлетъ: съ широкими плечами, густыми львинообразными волосами, высокаго роста, могучими руками. Огребаясь, онъ вздымалъ весломъ такія волны, какъ будто по рѣкѣ плылъ не человѣкъ, а цѣлый пароходъ. При видѣ дьякона, «батюшка» даже руками всплеснулъ.

— Дьяконъ! крикнулъ онъ:—да ты что это, съ ума что ли спятилъ!

— А что? крикнулъ тотъ, да такимъ басомъ и такъ громко, что голосъ его, словно буря, загремѣлъ по лѣсу и разъ пять поторился эхомъ.

— Какъ что! Да кто же это впереди приволочки-то плаваетъ...

— А ужь вы молчите, когда не смыслите ничего!

— Ты и рыбу-то всю разгонишь. Нѐшто такъ можно!..

— Небось, не разгоню.

И обратясь къ тянувшимъ дьяконъ заоралъ:

— Ну, чего губы-то развѣсили! Тяни, тяни веселѣй, тяни! Кàкъ лямку-то тянутъ! Не видали нѐшто! Тяни, тяни!

— Да не кричи ты, ради Господа!

— Стой! кричалъ дьяконъ не обращая вниманія на батюшку и замѣтивъ, что проволочка, несмотря на всѣ усилія тянувшихъ, не подвигалась:—Стой! стой, зацѣпила!..

И круто повернувъ челнокъ, при чемъ пѣна и волны завертѣлись воронкой, онъ шумно переплылъ черезъ приволочку и достигнувъ мотни, бросилъ съ громомъ весло въ челнокъ, сталъ на колѣни и, засучивъ рукава, принялся что-то тянуть...

— Ну, кричалъ онъ:—подавайся!

Батюшка только рукой махнулъ.

— Чтò вы? спросилъ я.

— Никакого толку не будетъ!

— Почему?

— Вѣдь рыба-то, поди, не съума сошла! Вѣдь это, прости Господи, точно дикій звѣрь, прибавилъ онъ, досадливо кивнувъ головой на дьякона, все еще продолжавшаго возиться руками въ водѣ.—Нѐшто этакъ возможно!

Digitized by Google

— Пошолъ! закричалъ вдругъ дьяконъ:—пошолъ!

И вскочивъ на ноги, онъ схватилъ весло, замахалъ имъ въ водѣ, и переплывъ черезъ приволочку, снова очутился впереди подвигавшагося полукруга.

— Пошелъ, пошелъ! гремѣлъ онъ.

— Да не кричи ты! разсердился батюшка.

Дьяконъ тоже обидѣлся.

— А вы не очень! кричалъ онъ, вытаращивъ на насъ бѣлые глаза свои.—Коли такъ, то вѣдь я возьму да брошу.

— Да ужь лучше бросить. Толкъ-отъ одинъ будетъ!

— Вы, можетъ, въ первой приволочкой-то ловите, продолжалъ между тѣмъ дьяконъ:—а ужь я-то ихъ на своемъ вѣку съ сотню перервалъ... Вотъ что-съ! На Волгѣ ловилъ! Такъ вы и молчите!

— А, ну тебя! Съ тобой натощахъ-то нешто столкуешь?

— То-то и есть.

И обратясь къ тянувшимъ прибавилъ:

— Ну! чего стали! Обѣдать что-ли собрались!

— Плохо дѣло! проговорилъ «батюшка» и, потеревъ поясницу, кряхтя и охая, опустился на песчаный берегъ.

Усѣлся съ нимъ рядомъ и я.

День былъ до того жаркій, что песокъ, на который мы сѣли, словно только-что изъ горячей печки былъ высыпанъ. Больно было смотрѣть, такъ весь воздухъ былъ переполненъ солнечнымъ блескомъ; рѣка горѣла зеркаломъ, тянуло въ воду, въ прохладу. Видно было, что и рыбакамъ было не легче. Дьячекъ весь обливался потомъ. Онъ былъ въ одной рубашкѣ, съ заплетенной косичкой, подоткнутой подъ шляпу, и рубашка на немъ была мокрехонька. Только ктиторъ да сторожъ словно не чувствовали жары. Во все время ловли они не проронили ни слова, тянули приволочку, прислонясь другъ къ другу плечами, и ни на минуту не разъединялись. Словно тѣ птицы, которыя сидятъ постоянно бокъ-о-бокъ. Меня даже поразили эти двѣ сухія и поджарыя фигуры съ острыми носами и тонкими губами.

— Стой! закричалъ опять дьяконъ:—выбраживать пора!

— Рано, куда это съ этихъ поръ! вступился батюшка.

— Что-же вамъ! Сто верстъ что-ли тянуть.

— Не сто верстъ, а все-таки вонъ до того затончика дотянуть слѣдуетъ... Тамъ и выбраживать способно.

— А здѣсь не способно нешто? осердился дьяконъ.

— Извѣстно, неспособно; крутобережье!

— А вы знаете, проговорилъ онъ, злобно метнувъ взглядомъ:— что курицу яйца не учатъ.

*

Digitized by Google

Раздался общій хохотъ, только ктиторъ да сторожъ хоть бы бровями повели и остановились, прислонившись другъ къ другу.

— Зарапортовался дьяконъ! замѣтилъ дьячекъ и поправилъ ошибку дьякона.

— Зарапортуешься! Вѣдь языкъ-отъ одинъ поди!

И дьяконъ достугнувъ противуположнаго берега, выхватилъ у тянувшихъ веревку, схватилъ ее зубами и отправился обратно къ нашему берегу.

— Ну, дружнѣй, беритесь! кричалъ онъ.

Выскочивъ на берегъ, онъ принялся тянуть веревку. Взялись и мы за нее съ «батюшкой».

— Дружнѣй, дружнѣй! кричалъ дьяконъ:—дружнѣй! Не разводи широко-то!.. дружнѣй!

Но поощрять насъ было совершенно напрасно, ибо приволочка согнувшись кольцомъ, шла и безъ того весьма легко. Наконецъ, клячи были уже въ нашихъ рукахъ.—Дьяконъ быстро вскочилъ въ середку и принялся сводить нижнюю часть приволочки.

— Что-то легко! замѣтилъ дьячекъ:—видно нѣтъ ни рожнà!

— Больно ты глубокò видишь! огрызнулся дьяконъ.—Валяй, валяй!

Между тѣмъ, батюшка, стоявшій какъ разъ позади дьякона, замѣтивъ высунувшуюся изъ его кармана бутылку, осторожно вытащилъ ее, понюхалъ, далъ мнѣ понюхать, и спряталъ къ себѣ въ карманъ. Въ бутылкѣ была водка.

— То-то онъ и шумитъ! прошепталъ онъ мнѣ.

Дьяконъ ничего не замѣтилъ и продолжалъ свою команду.

— Валяй, валяй! кричалъ онъ.

Наконецъ, приволочка была вытащена, и—о ужасъ!—половины мотни какъ не бывало!

Батюшка даже руками развелъ.

— Видишь, что ты надѣлалъ! кричалъ онъ; (я никогда еще не видалъ его въ такомъ отчаяніи).—Вотъ ты теперь и расплачивайся съ фершаломъ, какъ знаешь!..

— Я-то тутъ при чемъ! удивился дьяконъ:—нешто это я оборвалъ!

— А кто-же? Вѣдь ты отцѣплялъ-то!

Но дьяконъ нашелся и тутъ.

— *Се не рьенъ!* крикнулъ онъ вдругъ по французски: — ничего!

И вытащивъ на берегъ всю приволочку, обратился къ сторожу.

— Бѣги скорѣй въ лавочку, возьми пучекъ бичевы англійской. Мы сейчасъ же всю эту прорву зачинимъ. Ну, бѣги скорѣй...

Digitized by Google

— Вы вонъ лучше дьячка пошлите, пропищалъ сторожъ птичьимъ голосочкомъ и, отойдя вмѣстѣ съ ктиторомъ въ сторону, усѣлся рядомъ съ нимъ на горячій песокъ.

— Ну, ты бѣги! обратился дьяконъ къ дьячку.

— А дастъ-ли онъ безъ денегъ-то? спросилъ дьячекъ.

— Ну, какъ не дастъ! Скажи, что батюшка, молъ, прислалъ.

— Съ какой же стати: батюшка? вступился отецъ Герасимъ:— ты разорвалъ, ты и чини.

— Да я починю—только бичевы давайте.

— Фу, ты Господи! вскрикнулъ «батюшка» и опустивъ по самый локоть руку въ карманъ, (извѣстно, что у поповъ карманы глубокіе) загремѣлъ мѣдными деньгами. Сколько надо? спросилъ онъ у дьякона.

— Копѣекъ тридцать.

— Серебромъ?

— Нынѣ ассигнаціями-то бросили считать! пробурчалъ дьяконъ и выхвативъ изъ рукъ «батюшки» деньги передалъ дьячку.

— Катай!

Дьячекъ бросился въ лавку, а дьяконъ какъ будто что-то вспомнивъ, побѣжалъ въ лѣсъ. Но не прошло и двухъ минутъ, какъ дьяконъ, ощупывая карманы, вылетѣлъ изъ кустовъ, подбѣжалъ къ челноку, вскочилъ въ него и переѣхалъ на противуположный берегъ, къ тому самому мѣсту, къ которому причаливалъ, отправляясь за веревкой. Тщательно осмотрѣвъ берегъ и внутренность челнока, онъ опять вскочилъ въ него, принялся работать весломъ и поспѣшно направился туда, гдѣ отцѣплялъ мотню приволочки. Достигнувъ этого мѣста, онъ остановилъ челнокъ, приложилъ ко лбу руку козырькомъ, пригнулся къ водѣ и принялся разсматривать дно рѣки. Онъ даже сбросилъ съ себя полукафтанье и рубаху и обнаженной рукой опустился въ воду. Шарилъ онъ долго, наконецъ, что-то вытащилъ.

— Вотъ она мотня-то! прокричалъ онъ потрясая въ воздухѣ кускомъ мотни аршина въ полтора; вотъ она! за корягу зацѣпила!..

Но видно было по всему, что мотня попалась ему подъ руку случайно и что искалъ онъ совсѣмъ не мотню, а что-то другое, ибо бросивъ мотню на дно челнока, онъ поспѣшно надѣлъ на себя рубаху и поплылъ еще куда-то, въ другое мѣсто. Минутъ черезъ десять, онъ вернулся мрачный и суровый, молча усѣлся на берегъ и поджалъ подъ себя ноги.

— Что̀, спросилъ «батюшка», али потерялъ что?

Дьяконъ тутъ же смекнулъ въ чемъ дѣло.

— У васъ? крикнулъ онъ весело, и подбѣжалъ къ «батюшкѣ».

Digitized by Google

— Что̀?

— Да у васъ! Я по глазамъ вижу!..

— Да что такое, я не знаю...

— Ну, будетъ вамъ... отдайте!

— На, на̀ возьми ужь, Богъ съ тобой!

И отецъ Герасимъ подалъ дьякону вытащенную имъ бутылку съ водкой.

— *Мерси боку!* крикнулъ дьяконъ.

— Смотри, не быть бы тебѣ на боку! съострилъ батюшка.

Дьяконъ захохоталъ.

— *Вуле ву?* спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, благодарю.

— Напрасно. А вы? обратился онъ къ батюшкѣ.

— Эхъ! вздохнулъ онъ и, закряхтѣвъ, принялся терѣть поясницу.

— Выпьете что-ли?

Батюшка выпилъ, а послѣ него приложился къ бутылкѣ и дьяконъ, да такъ долго булькалъ, что почти всю бутылку осушилъ.

IV.

Вскорѣ вернулся дьячекъ съ пучкомъ англійской бичевы, и дьяконъ въ ту же минуту принялся за починку приволочки. Минутъ черезъ двадцать оторванный кусокъ былъ снова прикрѣпленъ къ своему мѣсту и мы опять принялись за рыбную ловлю. Тоней десять сдѣлали мы, исходили всю рѣку, а рыба, какъ нарочно, не попадалась. Даже въ самыхъ лучшихъ затонахъ дѣло оканчивалось одними только раками.

— Жарко больно, говорилъ дьяконъ: — теперь вся рыба, на днѣ, въ омутахъ.

Отчаянію «батюшки» не было границъ.

— Чѣмъ же кормить-то! шепталъ онъ.

— Чего же теперь дѣлать! кричалъ дьяконъ. — Такъ и скажите: хоть тресни, молъ, ваше преосвященство, а рыба не ловится.

И дьяконъ захохоталъ во все горло.

— Эхъ, легкомысленный ты человѣкъ! замѣтилъ батюшка:— тебѣ хорошо, а каково мнѣ глазами-то хлопать.

— А то та̀къ сдѣлайте, какъ одинъ священникъ, старичекъ. Изжарьте поросенка и скажите: — «Ну, молъ, владыка, рыбы нѣтъ, купить не на что, пусть порося превратится въ карася!»

— Глупый анекдотъ! проговорилъ батюшка съ досадой, а дьяконъ опять захохоталъ.

Digitized by Google

Такъ ни одной рыбки и не поймали.

Вечеромъ, часовъ въ десять, отецъ Герасимъ снова пришелъ ко мнѣ.

— Къ вамъ опять! проговорилъ онъ.

— Все насчетъ архирея?

— Насчетъ архирея.

— Что такое?

— Поваръ масла прованскаго требуетъ.

— Возьмите.

— Еще... огурчики свѣженькіе, вишь, есть у васъ...

— Есть.

— Ботвинью хотимъ сдѣлать... ужь не откажите!

— Берите; съ удовольствіемъ.

— Бѣда! насилу ноги таскаю! Съ четырехъ часовъ утра бѣгаю... Какъ стадо выгонять стали...

— Какъ же вы съ рыбой-то сдѣлались?

— Купилъ немножко.. И, усѣвшись на кончикъ стула, прибавилъ:

— А теперь другое горе.

— Какое еще?

— Команда вся запьянствовала, медвѣдями нарядилась: и дьяконъ, и дьячекъ. Связались это съ писаремъ съ волостнымъ и теперь въ кабакѣ такіе канты разводятъ, что близко не подходи! Не знаю, что и дѣлать! Пожалуй къ службѣ не будутъ годиться.

— Проспятся! утѣшилъ я батюшку.

— Дьяконъ оретъ на все село и все по-французски.

— Да у кого это выучился?

— Такъ кругъ господъ нахватался кое-чему и коверкаетъ по своему.

— А вы бы въ кабакъ-то сходили, усовѣстили бы ихъ.

— Нѐшто ихъ усовѣстишь! Отъ дьячка-то отъ нашего самъ владыка отступился.

— Какъ это?

— Такъ и отступился. Былъ онъ, дьячекъ-то, въ крестовую взятъ на исправленіе; на клиросѣ читалъ и разныя черныя работы исправлялъ: печи топилъ, дрова рубилъ, за водой ѣздилъ. Вотъ, однажды, и послали его за водой на архіерейской лошади. Поѣхалъ онъ съ бочкой, да и пропалъ. Недѣли двѣ искали его, наконецъ, нашли гдѣ-то. Оказывается, что лошадь онъ продалъ, бочку тоже и деньги всѣ прокутилъ. Доложили владыкѣ, а преосвященный только рукой махнулъ!—«Видно, говоритъ, горбатаго только могила исправитъ! Отпустить, говоритъ, его домой, а то мнѣ, пожалуй, ѣздить не на чемъ будетъ!» Только и всего.

Digitized by Google

И помолчавъ немного, отецъ Герасимъ прибавилъ:

— Ну ужь и народъ только у насъ! Насилу у старосты бабъ выпросилъ, чтобы полы въ церкви помыть... не идетъ никто! а ужь алтарь самъ вымылъ.

— Чего же ктиторъ-то смотритъ? Это его дѣло!

— Мужикъ онъ, такъ мужикъ и есть. Тоже тамъ съ дьякономъ въ кабакѣ...

— И ктиторъ тамъ?

— Тамъ, рядомъ со сторожемъ сидитъ.

Немного погодя, забравъ все нужное, батюшка сталъ прощаться.

— А вы смотрите, проговорилъ я:—повару водки не давайте, а то онъ вамъ такихъ кушаній настряпаетъ, что не рады будете.

— Нѣтъ, я только рюмочку поднесъ.

— Напрасно.

— Божится, что изготовитъ! «Кой изъ чего, говоритъ, а такой обѣдъ изготовлю, что въ носу зачешется. Я, говоритъ, всѣ архирейскія кушанья до тонкости знаю!»

— Хвалиться-то онъ мастеръ!

И мы съ батюшкой распростились.

V.

На слѣдующій день вокругъ церкви села Вертуновки, собралась такая масса, что, глядя на народъ этотъ, можно было подумать, что въ Вертуновкѣ происходила ярмарка. Звонъ къ обѣдни начался съ семи часовъ утра, тотчасъ же послѣ заутрени, и такъ какъ архіерея все еще не было, то и рѣшено было звонить вплоть до его прибытія. Народъ стекался со всѣхъ сторонъ. Сморщенныя, дряхлыя старушенки сидѣли на землѣ, вдоль церковнаго фундамента (въ церковь, вымытую и вычищенную никого не впускали), прислонившись къ нему и обнявши сухими руками согнутыя колѣна. Старушки эти были въ чистомъ бѣльѣ, темныхъ сарафанахъ, съ бѣлыми платками на головахъ и искренно радовались, что Господь приведетъ ихъ принять святительское благословеніе — «и помирать, родимая, легче будетъ!»—увѣряли онѣ другъ друга и набожно крестились. Молодежь была настроена нѣсколько иначе; ее болѣе занимало зрѣлище. Посмѣиваясь и весело болтая, молодежь эта раздѣлялась на группы и устроила какое-то гулянье. Народъ былъ вездѣ: и въ оградѣ, и за оградой, и даже на кладбищѣ, расположенномъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ церкви. Кладбище пестрѣло праздничными нарядами и преимущественно женскими.

Digitized by Google

Одна молодая баба, вся въ красномъ, склонивши надъ могильнымъ курганомъ голову и кулакомъ, прижимая грудь, выла и причитывала на всю окрестность:—«Ой, ты мой родимый, распѣвала она, на кого ты меня покинулъ, на кого ты меня бросилъ! Не милъ мнѣ свѣтъ безъ тебя, ключевая вода горькая, хлѣбъ насущный камня черствѣй, не пила бы, не ѣла, на Божій бы свѣтъ не глядѣла!» Но, прошло двѣ, три минуты и таже молодица весело смѣялась уже съ подругами, болтала и скалила бѣлые, какъ сахаръ, зубы. Что-жь означалъ вопль этотъ? Былъ ли онъ искреннымъ изліяніемъ горя, или простою только формальностью, рѣшить не берусь, но думаю, что въ немъ была доля того и другого. Набѣжала минута щемящей тоски, облегчилось горе слезами, люди похвалили эти слезы и довольно, къ чему же нить долго!

Но не одни только мужики и бабы собрались на встрѣчу архіерея. Собралась и вся интеллигенція прихода: два-три кунцы-землевладѣльца съ своими женами и дѣтьми, волостной старшина со знакомъ на груди, урядникъ съ женой и нагайкой, волостной писарь тоже съ женой, учитель, судебный приставъ, земскій фельдшеръ, тотъ самый, приволочкой котораго мы тщетно ловили вчера рыбу и еще нѣсколько дамъ и дѣвицъ. Фельдшеръ, молодой человѣкъ съ развязными и бойкими манерами, первый танцоръ во всемъ приходѣ, съ желтыми волосами на головѣ и усахъ, пестрившій свою рѣчь французскими словами: *пардонъ*, *мерси*, *dos-à-dos* (это была любимая его фраза) прогуливался съ «матушкой», покручивалъ усы и разсыпался передъ нею любезностями и каламбурами. Расфранченъ онъ былъ въ пухъ и прахъ. На немъ была сѣренькая визитка, бѣлый жилетъ и клѣтчатые панталоны, а на головѣ фуражка съ двумя козырками (фуражки эти только-что вошли у насъ въ моду и мужики прозвали ихъ: *«здравствуй и прощай»* такъ какъ одинъ козырекъ былъ спереди, а другой сзади). «Матушка» была положительно царицей всего сборища. Величавая и гордая даже въ будни, она казалась теперь еще величественнѣе и гордѣе. Она была совершенно декольте и только какой-то до крайности прозрачный газъ, словно окуривалъ легкимъ фиміамомъ ея обнаженныя плечи и вздымавшуюся грудь. Голова «матушки» была увѣнчана вѣнкомъ изъ блестящихъ колосьевъ, а на косѣ, свернутой короной, красовался пунцовый бантъ, длинные концы котораго роскошно развѣвались по вѣтру. Легкое кисейное платье, здѣсь и тамъ перехваченное букетами и бантами, пріятно шуршало, скользя по зеленой муравѣ. Фельдшеръ на этотъ разъ былъ особенно любезенъ. Закинувъ руки назадъ и похлопывая себя

Digitized by Google

сзади перчатками, онъ пріятно улыбался, глядя на грудь «матушки» и все говорилъ о какихъ-то изобрѣтенныхъ имъ пилюляхъ, придающихъ лицу дѣтскую свѣжесть, а глазамъ—блескъ нѣги и сладострастія. Матушка просила дать ей этихъ пилюль «на пробу», и фельдшеръ согласился съ тѣмъ, однако, чтобы «матушка» dos-à-dos осчастливила его какимъ-нибудь сувениромъ.

Глядя на эту многочисленную толпу, собравшуюся вокругъ церкви, мѣстный торговецъ Кузьма Васильичъ Ферапонтовъ рѣшился воспользоваться случаемъ и «поддернулъ» къ церкви цѣлый возъ ящиковъ, наполненныхъ всевозможными орѣхами и пряниками; разбилъ на скорую руку палатку и въ палаткѣ этой такъ искусно разложилъ товаръ, что на него заглядывались нетолько крестьянскіе парни и дѣвки, но даже и такія дамы, какъ, напримѣръ, жены урядника и волостнаго писаря. Дамы эти, хотя и дѣлали равнодушныя физіономіи, проходя мимо палатки, но по всему было замѣтно, что онѣ съ большимъ бы наслажденіемъ запустили свои руки, украшенныя перстнями и кольцами, въ эти соблазнительные ящики, еслибы не боялись подобной невоздержанностью повредить своему достоинству. Глядя на торговца Ферапонтова, возлѣ церкви расположился и какой-то проѣзжавшій мимо *шабольникъ* и въ какихъ-нибудь полчаса распродалъ цѣлый возъ колецъ, серегъ, бусъ и т. п. женскихъ украшеній. Словомъ, вокругъ церкви села Вертуновки было такое стеченіе народа, какого не запомнятъ самые дряхлые вертуновскіе старожилы. Все словно пробудилось и поспѣшило на встрѣчу его преосвященства. Даже мѣстная молодежь мужскаго пола, и та не осталась равнодушною и наскоро составила хоръ, долженствовавшій встрѣтить владыку партейнымъ пѣніемъ. Въ описываемую минуту хоръ этотъ спѣвался въ церковной сторожкѣ и звуки его, несмотря на двойныя оконныя рамы и крѣпко-накрѣпко запертыя двери, все-таки вырывались наружу и сливаясь съ дребезжаніемъ потрясаемыхъ стеколъ, еще болѣе оживляли и безъ того уже оживленную картину.

Между тѣмъ, было уже извѣстно, что въ сосѣднее село Алексѣевку, владыка прибылъ вчера часовъ въ девять вечера, что остановился онъ въ домѣ священника, котораго засталъ въ совершенно трезвомъ видѣ, что преосвященнаго еще на выгонѣ встрѣтили крестьяне села Алексѣевки съ хлѣбомъ и солью, а потомъ цѣлой гурьбой подвалили къ дому священника и подали владыкѣ коллегіальное прошеніе (подъ которымъ, по недосмотру волостнаго писаря подписались даже и давно умершіе), кончавшееся слѣдующими словами: «а потому просимъ нашего попа пьяницу и плясуна отъ насъ принять и поставить намъ такого,

Digitized by Google

который бы къ занятіямъ симъ былъ болѣе равнодушенъ». Было извѣстно уже, что прошеніе это преосвященный принялъ, обѣщалъ разобрать дѣло и долго журилъ попа. Вѣсть обо всемъ этомъ, дошедшая до села Вертуновки, еще вчера вечеромъ, весьма смутила отца Герасима и онъ всю ночь не могъ заснуть.

VI.

Преосвященнаго ждали съ минуты на минуту.

Духовенство въ полномъ облаченіи, ярко горѣвшемъ на солнцѣ, стояло на церковной паперти и не сводило глазъ съ извивавшейся по лугамъ дорогѣ, по которой приходилось прослѣдовать его преосвященству и по которой только-что проскакалъ какой-то неизвѣстный верховой. Верховой этотъ, скрывшійся въ улицѣ села, заставилъ вздрогнуть нетолько смущенное духовенство, но и всю собравшуюся толпу. Каждый догадывался, что верховой этотъ былъ непремѣнно «нарочный», посланный отцемъ благочиннымъ съ предъувѣдомленіемъ о выѣздѣ преосвященнаго изъ села Алексѣевки. Болѣе всѣхъ былъ смущенъ отецъ Герасимъ. Блѣдный, какъ полотно, и болѣзненно переминаясь съ ноги на ногу, онъ, казалось, силился проникнуть взглядомъ сквозь длинный рядъ избъ и соломенныхъ крышъ, спрятавшихъ верховаго.

— Провалился словно! ворчалъ онъ.

— Не видать! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— А пора бы ужь и проѣхать улицу-то.

— Можетъ, такъ кто-нибудь, изъ мужиковъ ѣхалъ! замѣтилъ дьяконъ хриплымъ басомъ.

Какъ видно вчерашній медвѣдь все еще не вышелъ изъ него.

Батюшка даже разсердился.

— Будетъ тебѣ болтать-то! замѣтилъ онъ: — ну, развѣ станетъ мужичекъ такъ лошадь мучать! Понятное дѣло, что это былъ нарочный, отъ благочиннаго.

— Теперь намъ, со страху-то, корова проскочи, такъ и та за благочиннаго покажется! проговорилъ дьяконъ, сплюнувъ.

Въ толпѣ раздался хохотъ.

— Будетъ, будетъ вамъ! замѣтилъ батюшка.

— Квасу бы теперь холоднаго! ворчалъ дьяконъ. — Внутри словно пожаръ идетъ.

— За то вчера весело было.

— Вотъ онъ, вотъ онъ! крикнула толпа.

И дѣйствительно, изъ-за скирды полугнилой и почернѣвшей

Digitized by Google

соломы выскакалъ верховой и, повернувъ по направленію къ церкви (церковь стояла поодаль отъ села, на довольной крутой горѣ), пустился скакать въ гору. Оказалось, что верховой былъ алексѣевскій дьячекъ. Въ старой рваной шляпѣ, съ большими полями, изъ-подъ которой развѣвались густые волосы, въ нанковомъ полукафтанѣ, трепавшемся по вѣтру, дьячекъ этотъ представлялъ изъ себя крайне комичную фигуру. Сидѣлъ онъ, пригнувшись къ шеѣ лошади, съѣхавъ ей почти на холку и нахлестывая кнутомъ справа и слѣва, точно барабанилъ ногами по ребрамъ своего Россинанта. Словно жидъ контрабандистъ, улепетывавшій отъ преслѣдованія казаковъ, мчался дьячекъ по направленію къ церкви. Въ другое время, самъ отецъ Герасимъ расхохотался бы, глядя на дьячка, но теперь было не до смѣха. Дьячекъ, между тѣмъ, подскакалъ къ церкви, словно упалъ съ лошади и, едва переводя духъ, объявилъ, что владыка сѣлъ уже въ карету и «вотъ-вотъ сейчасъ прикатитъ!»

И точно. Не успѣлъ дьячекъ объявить это, какъ по дорогѣ показалась сначала скакавшая тележка, а немного позади ея— карета, запряженная шестеркою лошадей.

— Ѣдетъ! гаркнула толпа и все заколыхалось.

Отецъ Герасимъ чуть не упалъ отъ страха.

— Все ли готово? спросилъ онъ дьякона.

— Извѣстно, все! отвѣтилъ тотъ.

— Платъ на престолѣ откинулъ?

— Откинулъ.

— А антиминсъ развернулъ?

— Развернулъ.

— Ты бы хоть ладонцу пожевалъ, а то отъ тебя такъ и разитъ водкой.

— Это можно!

— А ты чинъ встрѣчи-то помнишь?

— Еще бы! проговорилъ дьяконъ:—какъ только изъ кареты вылезетъ, такъ сейчасъ: *исполла э ти деспота!..*

— Вотъ и не такъ! перебилъ его батюшка.

— Какъ же?

— Мы становимся на «солею», я подаю на блюдцѣ крестъ, а ты кадишь. Владыка беретъ крестъ, идетъ въ алтарь и преклоняется престолу. Клиръ поетъ тропарь храму... потомъ ты возглашаешь краткую сугубую эктинію «помилуй мя Боже»...

Дьяконъ даже по лбу себя хлопнулъ.

— Вѣрно, вѣрно! проговорилъ онъ: — теперь на половину припомнилъ, а то какъ вѣтромъ изъ головы выдуло. Ну, да и то сказать: и на Машку бываетъ промашка!

Digitized by Google

— Ты смотри съ пьяныхъ-то глазъ «Рцемъ вси» не запали!

— Небось, не запалю.

На колокольнѣ раздавался трезвонъ во всѣ колокола и духовенство поспѣшило въ церковь занять свои мѣста.

— Ближе, ближе подвигайся! говорилъ батюшка, становясь на солею (такъ называется мѣсто передъ царскими вратами) съ крестомъ, возложеннымъ на блюдце, и обращаясь къ дьякону, раздувавшему угли въ кадилѣ.

Дьяконъ подвинулся.

— А тебя, Константинъ Иванычъ, прибавилъ батюшка, обращаясь къ дьячку:—я Христомъ Богу прошу, не бормотать, когда начнешь сорокъ разъ *Господи помилуй* читать.

Ввалилъ въ церковь хоръ любителей и, ставъ на клиросъ, принялся откашливаться.

Между тѣмъ, тележка и карета все приближались и приближались. Вотъ миновали онѣ только-что распустившуюся березовую рощу, какъ-то желтѣвшую среди изумрудной зелени луговъ; вотъ спустились въ небольшую западинку, скрылись на минуту, а потомъ опять показались и быстро покатили по гладкой луговой дорогѣ. Пыль, какъ дымокъ, поднималась изъ-подъ колесъ, но благодаря утренней влагѣ, тутъ же опускалась на дорогу. Можно было разсмотрѣть уже, что всѣ лошади, какъ въ тележкѣ, такъ и въ каретѣ, скакали голопомъ. Народъ глазъ не сводилъ съ этихъ двухъ экипажей, а на колокольнѣ, между тѣмъ, трезвонъ шелъ: маленькіе колокола заливались, какъ мелкія пташки, средніе глухо бормотали, а главный треснутый колоколъ словно кашлялъ сухимъ груднымъ кашлемъ. Всѣхъ даже голубей распугалъ съ колокольни этотъ звонъ.

Но вотъ экипажи, прокатившись по лугамъ, въѣхали въ улицу и скрылись. Народъ хлынулъ въ ограду и, разступившись, корридоромъ наполнилъ собою пространство между церковью и воротами ограды. По краямъ этого корридора пестрѣли костюмы вертуновскихъ дамъ, а по серединѣ разгуливалъ урядникъ съ нагайкой, и водворяя порядокъ, кричалъ и шумѣлъ больше всѣхъ. Старушки сгрудились въ притворѣ, охали и набожно крестились. «Матушка» помѣстилась на папертѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ и продолжала бесѣдовать съ фельдшеромъ.

Но вотъ экипажи снова выкатили изъ улицы, поднялись на гору и направились къ церкви. Народъ снялъ шапки. Благочинный, въ фіолетовой камилавкѣ и съ золотымъ наперстнымъ крестомъ на груди, соскочилъ съ тележки у калитки ограды, подобралъ рясу и, пробѣжавъ бѣгомъ по корридору, остановился у крыльца. Карета, съ испуганно прижавшимися пристяжными ло-

Digitized by Google

шадьми, словно втискалась въ ворота ограды и, подъѣхавъ къ крыльцу, остановилась. Лакей соскочилъ съ козелъ, быстро отворилъ дверцу и преосвященный, поддерживаемый съ одной стороны лакеемъ, а съ другой—отцемъ благочиннымъ, вышелъ изъ кареты. Панагія и двѣ звѣзды такъ и блеснули на солнцѣ. «Господи! батюшка ты нашъ!» шептали старухи, а преосвященный поднялся, между тѣмъ, на ступени крыльца, взошелъ на паперть и, медленно и торжественно обернувшись лицомъ къ народу, благословилъ его обѣими руками. Затѣмъ, онъ снова повернулся, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и тою же медленной и величавой походкой, перебирая янтарными чотками, вошелъ въ растворенныя двери храма. Благочинный шмыгнулъ за нимъ какъ-то бокомъ и придерживая крестъ на груди. «*Архистратизи божіи, служителіе божественныя славы*», грянулъ хоръ любителей, дьяконъ замахалъ кадиломъ, а преосвященный, подойдя къ священнику, взялъ поднесенный ему на блюдѣ крестъ (причемъ батюшка, чмокнувъ руку архирея, отошелъ въ сторону) поцѣловавъ его и войдя въ растворенныя царскія врата, сдѣлалъ земной поклонъ передъ престоломъ и приложился къ антиминсу. «*Помилуй насъ Боже по велицей милости твоей и по множеству щедротъ твоихъ!..*» гудѣлъ дьяконъ, высоко поднявъ правую руку, а хоръ подхватывалъ: «*Господи помилуй*». Когда эктинія была окончена, преосвященный обернулся къ народу и, держа крестъ въ рукахъ, проговорилъ мягкимъ, едва слышнымъ голосомъ: «*Яко подобаетъ Тебѣ слава, честь и поклоненіе Отцу, и Сыну, и Св. Духу*».—«*Аминь*», хватилъ хоръ, такъ что преосвященный даже вздрогнулъ, а дьяконъ ревѣлъ уже: «*Благоденственное и мирное житіе*», затѣмъ раздалось многолѣтіе и преосвященный, стоя на амвонѣ, осѣнялъ крестомъ народъ. «*Исполла э ти деспота*», загремѣлъ, наконецъ, хоръ, владыка удалился въ алтарь и обѣдня началась.

По окончаніи обѣдни матушка первая подлетѣла къ кресту. Приложившись и поцѣловавъ руку преосвященнаго, она обратилась къ нему съ слѣдующими словами:

— Ваше преосвященство! осчастливьте! пожалуйте къ намъ на чашку чая...

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? спросилъ владыка тѣмъ же мягкимъ, бархатнымъ голосомъ, не сводя маленькихъ, узенькихъ глазъ съ костюма матушки.

— Я... я здѣшняя попадья...

— Супруга отца Герасима Мизерандова?

— Точно такъ-съ, ваше преосвященство...

— Благодарствую, весьма благодарствую, проговорилъ владыка:—но извиняюсь, заѣхать къ вамъ не могу...

Digitized by Google

— Осчастливьте! забормоталъ было «батюшка», польщенный, что владыкѣ извѣстно его имя и даже фамилія, но его преосвященство перебилъ его:

— Извиняюсь, вторично извиняюсь... не могу никакъ. Далъ слово быть въ двѣнадцать часовъ у князя Проглядова-Рукавицына...

«Еще двадцать разъ поспѣете!» хотѣла было сказать «матушка», но преосвященный, поклонившись ей, принялся благословлять прихлынувшій къ нему народъ и матушкѣ пришлось отойти.

— Батюшка нашъ, Господи! шептали старухи, крестясь и плача:—привелъ Господь... Слава тебѣ, Царица небесная, мать Богородица святая, удостоила насъ грѣшныхъ... Слава Тебѣ, Господи!

Владыка не пропускалъ никого и благословлялъ всѣхъ, подходившихъ къ нему. На головы дѣтей онъ возлагалъ руку и ласкалъ ихъ. Нѣкоторые подходили по нѣскольку разъ даже, кланялись въ ноги и цѣловали полы его коричневой муаровой рясы. Долго чернѣлъ клобукъ владыки, колыхаясь надъ головами благоговѣйно тѣснившагося вокругъ него народа. Наконецъ, благословивъ всѣхъ, преосвященный снова вошелъ на амвонъ, приложился къ иконамъ Спасителя и Божіей Матери, трижды обѣими рукамя осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ народъ, хоръ снова запѣлъ *Исполла э ти деспота* и, ведомый подъ руки отцемъ благочиннымъ и батюшкой, вышелъ изъ церкви.

— Посторонись! посторонись! кричалъ урядникъ, разгоняя народъ:—посторонись... вотъ я васъ!..

Дверца захлопнулась, благочинный вскочилъ въ тележку, лакей крикнулъ: «Пошелъ!» и, шагомъ спустившись съ горы, карета снова умчалась, сопровождаемая благожеланіями растроганной и умиленной толпы.

VII.

Изъ церкви я пошелъ къ больному сосѣду, у котораго провелъ весь день, и только вечеромъ отправился домой. Мнѣ приходилось опять пройти Вертуновкой, какъ-разъ мимо домовъ причта, переулкомъ, носившимъ названіе «поповскаго околодка». Были уже густыя сумерки, но всходившая луна настолько свѣтила ярко, что всѣ встрѣчавшіеся предметы обрисовывались весьма ясно. Большой я охотникъ до такихъ ночей, особенно майскихъ, когда вмѣстѣ съ мягкимъ свѣтомъ луны и мягкій ароматъ разцвѣтающей природы. Прохладно, ароматично; все дышетъ, упивается, живетъ...

Поровнявшись съ домомъ отца Герасима, я увидалъ его, оди-

Digitized by Google

ноко сидящимъ на ступенькѣ крыльца. На этотъ разъ батюшка не растиралъ поясницу, а сидѣлъ, схвативъ себя руками за животъ, пригнувшись и болѣзненно стеня.

— Что съ вами? спросилъ я.

Онъ только рукой махнулъ.

— Что случилось?

— Животъ! простоналъ онъ.

— Что же именно?

— Какъ есть съ самаго обѣда и до сей поры рѣзь стоитъ... Словно кто ножами кишки мнѣ распарываетъ.

— Отчего же это?

— Съ кушанья съ архирейскаго должно быть!

И вдругъ застонавъ, онъ согнулся въ крючекъ.

— Охъ!

Лицо его было блѣдно, болѣзненно-перекошено. Крупный потъ катился ручьями.

— Вы бы капель иноземцевыхъ приняли.

— Принималъ ужь.

— Что же?

Батюшка головой замоталъ.

— Съ водкой бы.

— Пилъ и съ водкой.

— Можетъ быть это со страху?

— Ну!

— Что же вы ѣли-то?

— Да весь обѣдъ съѣлъ... все, что было изготовлено. Попадья въ гости ушла, я все одинъ и съѣлъ... А теперь вотъ и катаетъ. И, простонавъ нѣсколько разъ, онъ прибавилъ:

— А тутъ еще фершалъ растревожилъ.

— Чѣмъ это?

— Да вонъ, видите! проговорилъ «батюшка», указывая на валявшуюся возлѣ крыльца приволочку, которою мы вчера ловили рыбу. — Принесъ, да и бросилъ. — «Мнѣ, говоритъ, такой не надо! Ты, говоритъ, новую бралъ, новую и подавай, а не дашь — къ мировому!» Я было рубль серебра за порчу давалъ, такъ куда тебѣ! носъ воротитъ! Придется покупать.

И батюшка снова застоналъ.

— А дороги такія приволочки?

— Двадцать рублей, вишь, заплатилъ. Эхъ, бѣда! все одно къ одному...

— Еще-то что же?

— А еще... просвирку уронилъ! прокряхтѣлъ батюшка.

— Это какъ?

Digitized by Google

— Сталъ послѣ литургіи владыкѣ просвирку на маломъ блюдцѣ подавать, руки-то трясутся, она и упади на полъ...

— Что же?

— «Подыми» говоритъ.

— И больше ничего.

— Ничего, а все таки конфузно.

— А зачѣмъ онъ пріѣзжалъ-то?

— Извѣстно зачѣмъ. Ревизію производилъ.

— Въ чемъ же состояла ревизія?

— Мало ли въ чемъ! Антиминсъ осмотрѣлъ, мѵро святое, дарохранительницу, въ которой у насъ запасныя частицы хранятся, посмотрѣлъ, не всплеснѣли ли частицы... Мало ли что! Спрашивалъ о приличіи и неприличіи причта.

— Что же вы сказали?

— Извѣстно что! Все, молъ, слава Богу, прилично! Эхъ, все бы это ничего, прибавилъ онъ вздохнувъ:—одно только грустно...

— Что?

— Не осчастливилъ!

И печальная, страшно печальная нотка, зазвучала въ этомъ словѣ.

«Вотъ она гдѣ самая суть-то!» подумалъ я.

Вдругъ дьяконъ, сидѣвшій на крылечкѣ своего дома, рядомъ съ домомъ отца Герасима, заоралъ на весь «поповскій околодокъ».

Ахъ, бонжуръ ма шармантъ, ма тре бонъ...

— Господи! застоналъ батюшка и, повернувшись въ сторону дьякона, прибавилъ плаксивымъ голосомъ:—ну, какъ тебѣ не совѣстно... Тутъ рѣзь въ животѣ, сердце кровью обливается, а ты глотку дерешъ! Умираю я, слышишь ли, умираю совсѣмъ!

— Ужь очень пѣсня-то хороша! пробасилъ дьяконъ, подходя къ намъ. (Отъ него такъ и разило водкой). Собственнаго перевода, самолично на французскій діалектъ переложилъ...

— Какая же это пѣсня? спросилъ я.

— Нѐшто не поняли?

— Нѣтъ.

— Вотъ тѣ здраствуй! Такъ неужто вы не знаете:

Здраствуй милая, хорошая моя...

— Знаю.

— Ну, такъ вотъ, эту самую я и перевелъ.

Вдругъ въ домѣ напротивъ, распахнулось окно, и дьячекъ, высунувшись въ него по поясъ, крикнулъ:

— Дьяконъ! это ты?

— Я.

— Дергай сюда.

Digitized by Google

— Зачѣмъ?

— Вонзимъ по рюмочкѣ.

— Можно.

И дьяконъ направился къ дому дьячка.

«Исполла э ти деспота» кричалъ дьячекъ, встрѣчая дьякона.

— Ну! проговорилъ батюшка:—всѣ взбѣсились!

И черезъ силу поднявшись на ноги прибавилъ:

— Нѣтъ, не могу. Моченьки моей нѣту... пойду, въ постель лягу!

Мы распростились, и батюшка, больной и убитый, скрылся въ сѣняхъ своего дома.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ «поповскаго околодка» помѣщался и домъ земскаго фельдшера, весь утонувшій въ полисадникѣ, засаженномъ кустами сирени и черемухи. Проходя мимо, я услыхалъ голосъ матушки. Она стояла въ полисадникѣ подъ окномъ, возлѣ котораго, живописно раскинувшись и съ папиросой въ зубахъ, сидѣлъ фельдшеръ.

— Что же пилюли? спрашивала матушка.

— Нѣтъ ужь *пардонъ-съ*; раздался голосъ фельдшера:—теперь не дамъ.

— Почему это? вы вѣдь обѣщали...

— Мало ли что было! Вы бы вотъ запретили своему мужу приволочки чужія рвать... вотъ что-съ.

— Я-то чѣмъ же виновата?

— А это называется по нашему: dos-à-dos!

И фельдшеръ грубо захлопнулъ окно.

Подходя къ дому, я чуть не упалъ, наткнувшись на что-то черное, валявшееся поперегъ дороги. Я нагнулся, сталъ разсматривать и въ лежавшемъ узналъ своего повара...

Боль живота прошла у батюшки на другой день, но онъ долго ходилъ грустный и печальный, часто вздыхалъ и еще чаще задумывался...

«А можетъ быть и къ лучшему!» шепталъ онъ иногда. Но я не распрашивалъ, въ чемъ именно состояло это лучшее.

1882 г. С. Ивановка.

И. Саловъ.

Digitized by Google

КАКЪ МЕЛЕНТЬЕВЦЫ ИСКАЛИ ВОЛИ.

(Эпизодъ изъ добраго стараго времени).

— Эге! въ старину-то бывали такія дѣла, какимъ теперь ужь не бывать...

Разскащица остановилась и многозначительно закашлялась. Всѣ поняли, что начнется разсказъ, и подвинулись ближе. Слушатели всѣ принадлежали къ зеленой молодежи, понаѣхавшей въ деревню на лѣтній отдыхъ послѣ зимнихъ петербургскихъ занятій. Разскащица была, напротивъ, старая, беззубая старушка, промышлявшая продажею бубликовъ, сѣмячекъ и другихъ деревенскихъ лакомствъ. Несмотря на различіе возрастовъ и профессій, между слушателями и разскащицею существовали самыя теплыя отношенія: разскащица любила своихъ молодыхъ слушателей, часто посѣщала ихъ и забавляла своими разсказами; молодежь, въ свою очередь, любила старую торговку и съ удовольствіемъ слушала ея разсказы.

— Ну, такъ какія-жь дѣла въ старину бывали? спросилъ безусый студентъ, когда всѣ размѣстились вокругъ старушки.

— Да разныя дѣла бывали... Мало ли чего не бывало!..

И снова остановилась, какъ бы желая показать, что она вовсе не намѣрена ничего разсказывать. Старость вообще любитъ поломаться.

— Будетъ тебѣ, Агаѳьюшка, церемониться! воскликнула курсистка, любимица разскащицы:—разсказывай скорѣй, а не то мы у тебя всѣ сѣмячки отберемъ, въ видѣ штрафа...

— Ишь ты, востроносая! засмѣялась торговка и, положивъ свою старушечью, исхудалую, покрытую тысячами морщинъ руку на шею молодой дѣвушки, начала разсказъ.

— Былъ у насъ мужичекъ одинъ... Мы-то сами воронежскіе, валуйскіе, села Мелентьева, графовъ Паниныхъ крестьяне... Ну, какое ужь житье крестьянамъ подъ помѣщиками было? Одно слово, плохо было всѣмъ. А этотъ мужичекъ былъ такъ какой-

Digitized by Google

то, Христосъ его знаетъ отчего, неудачливый совсѣмъ. За что бы онъ ни брался, какъ ни старался поправиться, все у него выходилъ убытокъ. Ну, бился онъ, бился, все бѣдствуетъ страсть какъ... Только сослалъ къ намъ изъ Питера графъ своего повара: прогнѣвался за что-то на него. Вотъ съ этимъ-то поваромъ и познакомился нашъ Митряй, мужичка такъ звали. Познакомился онъ съ нимъ и разспрашиваетъ про житье въ Питерѣ, какъ что, почемъ тамъ цѣны, ну и другое тамъ, что любопытно знать. Извѣстно, мужикъ дальше своей деревни не былъ, ему все въ диковинку. Ну, а тотъ-то поваръ радъ случаю поврать: домà, говоритъ, все изъ мрамора, а окна, говоритъ, золотомъ обиты. И пошелъ, и пошелъ врать. А Митряй стоитъ, глаза выпучилъ, не надивуется. Только разъ Митряй и спроси повара: «а почемъ, говоритъ, въ Питерѣ яица?» «Двадцать копеекъ десятокъ», говоритъ поваръ... А тогда счетъ-то деньгамъ еще на ассигнаціи былъ: двадцать-то копеекъ — это, значитъ, какъ бы шесть копеекъ по теперешнему. Только Митряю эта цѣна показалась страсть какая дорогая: у насъ о ту пору яица-то двѣ копейки десятокъ стоили, на ассигнаціи двѣ копейки, меньше, значитъ, копейка по нынѣшнему. Ну, какъ услыхалъ Митряй, что въ Питерѣ-то двадцать копеекъ десятокъ яицъ, сейчасъ ему и бросилось въ голову: свезу-ка я туда вотъ яицъ—вотъ разживусь-то! А того не разсчелъ, что въ торговомъ дѣлѣ нуженъ умъ, да умъ. Въ торговомъ дѣлѣ чуть не доглядѣлъ, ну и убытокъ. Вотъ хоть бы къ примѣру взять рыбу: купила я разъ на сорокъ рублей лососины, на двадцать продала, а остальное выкинула, потому не доглядѣла, а она *сдушилась*. А то вотъ другой разъ купила я раковъ...

— Ну, будетъ тебѣ про рыбу, да про раковъ, перебилъ разсказчицу будущій докторъ: — продолжай-ка лучше про своего Митряя.

— Ну, такъ вздумалъ это Митряй везть въ Питеръ яица и сталъ ходить по дворамъ скупать ихъ. Накупилъ это онъ цѣлый возъ, уложилъ хорошенько, пересыпалъ отрубями, чтобы не разбились, покрылъ возъ полстями и поѣхалъ. А тогда еще чугунокъ не было, ѣхать отъ насъ до Питера нужно было мѣсяца полтора, а то и больше. Ну, вотъ проѣхалъ онъ недѣлю, проѣхалъ другую, третью, а все еще ѣхать далеко. Только слышитъ онъ разъ что-то пищитъ у него за спиною. Что такое? думаетъ. Поглядѣлъ-поглядѣлъ кругомъ — ничего не видно. Пошелъ онъ опять около воза, да, знай, барыши высчитываетъ: сколько онъ денегъ выручитъ, да какъ съ ними распорядится. А сзади у него опять что-то пищитъ, да все сильнѣе. Подошелъ онъ къ

Digitized by Google

возу, отвернулъ полсть, глядь — а тамъ полонъ возъ цыплятъ: яйца-то нагрѣлись въ отрубяхъ да и вылупились. Поднялся тутъ пискъ, а Митряй объ земь, да какъ зареветъ! Вотъ тебѣ и барыши!.. Погоревалъ-погоревалъ мужикъ, да подъѣхалъ къ кручѣ—и вывалилъ возъ. Такъ ни съ чѣмъ и пріѣхалъ домой...

— Зачѣмъ же онъ вывалилъ въ кручу? спросила курсистка.

— А что-жь бы ему съ ними дѣлать, моя кралечка?

— А продать?

— Да кому-жь они, такіе маленькіе-то нужны?..

— Однако, въ старину народъ-то глупый былъ, не сообразилъ, что яица нагрѣются, съ апломбомъ замѣтилъ естественникъ.

— Что и говорить: теперь народъ куда умнѣе; только какъ будто *щедушный* немного сталъ...

— Какъ, щедушнѣй?

— Да такъ: развѣ въ старину были такіе-то *крючки*, какъ вы? Отродясь такихъ *скрученныхъ* не видала...

— Браво, Агафьюшка! разсмѣялись всѣ:—ты еще и остришь!

— Что-жь, не шутя говорю: прежде народъ былъ куда *закомалистый*...

— Какъ это закомалистѣй?

— Да такъ. Возьмемъ вотъ хоть нашего брата, женщинъ изъ простого званія: прежде развѣ такія были? Ужь не говорю на счетъ работы; а возьмемъ хоть на счетъ драки. Теперь бабы поссорятся—только отъ нихъ и толку, что переругаются, на чомъ свѣтъ стоитъ, а чтобы руки пустить въ ходъ — это онѣ не могутъ, потому нѣжны...

— А прежде какъ же было?

— Прежде-то?.. А вотъ послухайте, я вамъ разскажу, какъ у насъ въ старину бабы ссорились. Было у насъ два двора на самомъ краю деревни, и была между ними маленькая лужайка. И вотъ на эту-то лужайку ходили съ обоихъ дворовъ куры, гуси, утки и прочая живность. Ну, какъ тутъ не быть ссорѣ между бабами? То одна утенка не досчитается и кажется ей, что сосѣдка къ себѣ загнала; то другая посыпитъ зерна своей птицѣ, а чужую палкой бьетъ, отгоняетъ. Такъ постоянно бабы и ссорились; бывало, цѣлый день надъ лужайкой стонъ-стономъ отъ ругни стоитъ: это, значитъ, бабы со своихъ дворовъ перекликаются. Только ссорились онѣ, ссорились, да разъ и уцѣпились: вышли какъ-то вмѣстѣ на лужайку, уцѣпили дружка дружку за волосья, да и давай таскать. Долго ли, нѣтъ, они такъ воловодились, только одна была посильнѣе — свалила свою недругу и давай ее колошматить. Отколошматимши порядкомъ, вскочила

Digitized by Google

да и побѣжала къ себѣ. А та-то, что была на низу, поднялась, оправилась, да за нею. Вотъ только та, что посильнѣе, ужь въ избу свою вошла, ужь черезъ сѣнечки перешла, какъ другая хвать ее за косу. Обернулась она да и сама цапъ ту тоже за косу. Повалились обѣ: головы-то и руки въ волосахъ лежатъ въ сѣничкахъ, а туловищи-то за порогами: хозяйкино—въ избѣ, а сосѣдкино — на дворѣ. Лежатъ такъ и какъ будто окаменѣли, руки-то запустили въ косы. А время было рабочее: всѣ домашніе ихніе на ту пору были въ полѣ. Дома-то осталась у каждой только по дѣвочкѣ, такъ, погодки были лѣтъ по четырнадцати. Такъ эти дѣвочки схватили—одна рогачъ, а другая — кочергу, да и давай чужихъ матерей бить: хозяйкина дѣвочка бьетъ сосѣдку, а сосѣдкина—хозяйку. И такъ онѣ ихъ били, что у бабъ живого мѣста не осталось. И не безъ грѣха бы тутъ было, да ужь мужики съ поля прибѣжали; чудно имъ стало, что крику надъ дворами не стало слышно: какъ разъ, думали, смертоубійство случилось. Такъ что же вы думаете? насилу пятеро мужиковъ растащили бабъ: такъ онѣ осатанѣли...

Всѣ посмѣялись.

— А что̀, Агаѳьюшка, когда было лучше жить, теперь или въ старину?

— Подъ помѣщиками-то?

— Ну-да!..

— Развѣ тогда жисть была?..

— А то какъ же?

— О, да не дай же Боже никому такой муки испытать... Теперь что! Теперь я чисто какъ въ раю: и хлѣбушка въ волю поѣмъ, и самоварчикомъ побалуюсь. А тогда мы и понятія на счетъ самоваровъ и чаевъ не имѣли, да и хлѣба-то съѣсть, сколько хочется, не всегда приводилось... Теперь я подати заплачу, да и вольный казакъ; все, что заработаю, на меня да на семью идетъ. А тогда—подати-то на дворѣ лежатъ, да еще барину полсотни, гдѣ хочешь, возьми. А еще барщина? И не приведи Господи, сколько мы натерпѣлись на ней! Баринъ-то нашъ въ вотчинѣ не жилъ: все либо въ Питерѣ, либо за-границей. А дѣлами всѣми управлялъ нѣмецъ. И какъ онъ насъ мучилъ! Жадный былъ, изъ всего старался пользу получать. Бывало, гдѣ трава на цѣлинѣ плохо растетъ, такъ что косить нельзя, такъ онъ руками заставлялъ щипать. Велитъ согнать дѣтишекъ лѣтъ восьми, десяти, да и заставляетъ ихъ рвать траву. Ну, извѣстно, трава рѣжется, всѣ руки, бывало, изрѣжешь, кровь течетъ — расплачутся дѣтишки. А нѣмецъ ходитъ сзади, да какъ замѣтитъ, кто плачетъ, такъ того плетью и урѣ-

Digitized by Google

жетъ. А потомъ станутъ подростать дѣтишки, заставляютъ ихъ стричь овецъ. А овцы-то у насъ были не то, что тутошняя дрянь: бывало, возьмешь барана за переднія ножки, онъ какъ встанетъ на заднія, такъ выше большого человѣка. А рога большіе, да крученые.

— Мериносы, должно быть, замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

— Шпанка, по нашему, значитъ; а ужь какъ по вашему, по ученому, не знаю... Ну, такъ вотъ заставлялъ, бывало, нѣмецъ подростковъ стричь овецъ. А шерсть-то у нихъ хорошая, гладкая, вся вьючиками пошла Вотъ и нужно, бывало, снять ее всю цѣликомъ—руномъ это называется. Бывало, стараешься, стараешься, анъ овца брыкнетъ да и порветъ руно; ужь колотитъ-колотитъ тогда нѣмецъ плетью! Да вѣдь какъ билъ: рубашки-то на насъ были не то, что изъ ситцу, какой вы носите, а прямо изъ дерюги, чуть не въ большой палецъ толщины; такъ, бывало, треснетъ плетью, такъ рубаху и просѣкетъ.

Старушка остановилась и задумалась. Лицо ея какъ-то съежилось, вся она пригнулась, скомкалась, уменьшилась. Видно тяжелыя воспоминанія совсѣмъ сдавили ее.

— И взрослыхъ билъ нѣмецъ? спросила курсистка.

— Да еще какъ билъ! Взрослымъ-то еще больше доставалось, плетью самъ вздуетъ, да еще на конюшнѣ высѣчетъ...

— А на конюшнѣ кто же сѣкъ, самъ?

— Нѣтъ, не самъ. Заставлялъ мужиковъ другъ дружку сѣчь...

— А они бы отказывались, не сѣкли?

— Ишь ты! Откажешься, такъ самого положатъ. Вотъ я вамъ разскажу, что было съ моимъ отцомъ. Провинился чѣмъ-то передъ нѣмцемъ мой дядя, отцовъ братъ, нѣмецъ и повелъ его на конюшню. А на ту пору случился на барскомъ дворѣ мой отецъ, нѣмецъ и велѣлъ ему сѣчь дядю. Ну, извѣстно, отцу жалко брата: онъ ударитъ, да нестолько по немъ, сколько черезъ него перепускаетъ. Замѣтилъ это нѣмецъ, какъ схватитъ лопатку—сбоку стояла—да какъ сталъ гвоздить отца лопатой, по головѣ, по лицу, по плечамъ... Ужь онъ его гвоздилъ-гвоздилъ—живого мѣста не оставилъ; пришелъ отецъ домой, страшно посмотрѣть на него: все лицо въ рубцахъ, на головѣ кровавыя шишки, плечи и грудь опухли, вездѣ запеклась кровь... Такъ вотъ какъ! а ты говоришь—отказываться!

— Ну, а пожаловаться на него?

— А кому жаловаться? начальство онъ все подкупилъ, а баринъ далеко... Было такъ: терпѣли-терпѣли мужики, да и рѣшились пожалиться барину. Ну, послать ходока нельзя, потому нѣмецъ сейчасъ узнаетъ, что человѣка нѣтъ, перейметъ на до-

Digitized by Google

рогѣ черезъ полицію. Порѣшили послать барину письмо и въ немъ все описать. А граматѣи тогда рѣдки были: у насъ на всю вотчину чуть ли не одинъ мой свекоръ-батюшка писать умѣлъ. Вотъ и стали собираться у насъ старики письмо сочинять, а свекоръ писалъ. Долго они сочиняли. Соберутся, бывало, въ полночь старики, бороды сѣдыя, головы сѣдыя—помолятся сперва Богу, усядутся за столъ и начинаютъ: одинъ вспомнитъ одну обиду, другой другую, а свекоръ все пишетъ, все пишетъ. И написали они страсть какое большое письмо! И все въ немъ описали: какъ бьетъ нѣмецъ, какъ мучаетъ на работѣ, какъ обираетъ деньгами, какъ крадетъ барское добро, ну все, какъ было. Написали, а потомъ стали думать, какъ его отправить. Если черезъ нашу губернію его отправить, думали, такъ нѣмецъ его перейметъ. Вотъ и послали человѣка въ Харьковскую губернію, чтобы оттуда отправить. Послали и ждутъ. Прошло этакъ съ полгода: получаетъ нѣмецъ выговоръ отъ барина. Разсвирѣпѣлъ тутъ нѣмецъ: послалъ за свекромъ, сейчасъ его на конюшню и давай сѣчь! Ужь онъ его сѣкъ-сѣкъ: думали живого не оставитъ. Какъ пустилъ онъ свекра, такъ тотъ пятнадцать верстъ (жили-то мы не въ Мелентьевѣ, а на хуторѣ) безъ штановъ, какъ маленькій мальчишка, бѣжалъ... Вотъ каково было жалиться барину!..

Агаѳьюшка замолчала. Молчали и слушатели. Чрезъ нѣсколько минутъ она снова начала:

— Ну, вотъ послѣ этого стали старики собираться по задворьямъ да толковать между собою: неправильно, дескать, баринъ владѣетъ нами. Барыня наша, говорятъ, умерла, а баринъ не родной ей племянникъ, съ какой стати онъ нами владѣетъ? Давайте, говорятъ, собирать денегъ да искать такого человѣка, чтобъ всѣ эти дѣла доподлинно зналъ и насъ изъ неволи вызволилъ. Потому, какой же это намъ баринъ? неправильно онъ нами владѣетъ! Ну, стали собирать деньги — собрали полторы тысячи рублей. Выбрали ходоковъ: свёкрова брата да еще одного мужика — двадцать годовъ старостой ходилъ, значитъ, должонъ всѣ эти дѣла знать доподлинно. Это мужики-то такъ думали, а онъ ничего какъ есть не зналъ, какъ и всѣ. Развѣ таки можно, чтобъ баринъ неправильно держалъ сорокъ пять тысячъ десятинъ земли да семъ тысячъ однѣхъ душъ? Развѣ это все равно, что корову держать? И никто объ этомъ не знаетъ?.. Одно слово, дурни были, ничего не понимали—вотъ и галдѣли. Свёкоръ-то мой и говоритъ брату: не воли это ты, Аѳоня, ищешь, а острога. А старики на свекра напустились: и такой, и сякой ты! ты воли, значитъ, не хочешь! Страсть, бывало, какъ ругали его!

Digitized by Google

Досталось и мнѣ съ мужемъ... Ну, отправились наши ходоки въ Воронежъ. Пришли—и не знаютъ, куда идти, что̀ дѣлать. Вышли на базаръ, походили-походили — подошли къ одной лавкѣ. Купецъ и спрашиваетъ ихъ: что̀ вамъ угодно? Да вотъ, говорятъ, господинъ купецъ, что̀ вы намъ посовѣтуете? Вошли въ лавку и разсказываютъ: такъ и такъ, барыня наша умерла, баринъ ей не родной племянникъ, неправильно нами владѣетъ; ищемъ мы такого человѣка, кто бы эти дѣла понималъ и насъ изъ неволи вызволилъ... Позвалъ тутъ купецъ своихъ сосѣдей, купцовъ, велѣли сызнова все разсказывать. А потомъ и говорятъ: острога вы ищете, господа старички, а не воли. Обидѣлись наши ходоки, думаютъ: врутъ, либо ничего не знаютъ. Пошли дальше. Вотъ навстрѣчу имъ идетъ баринъ, такой важненькій, аккуратненькій, толстенькій, съ ясными пуговицами, А у насъ, бывало, всякаго съ ясными пуговицами за самое важное начальство принимаютъ и почетъ ему отъ всѣхъ не то, что теперь. Теперь иди хоть полковникъ, хоть располковникъ, никто ему и шапки не скинетъ; а прежде всѣ встрѣчные, какъ стебельки отъ вѣтра, гнутся. Теперь даже батюшка идетъ, на него никакого вниманія не обращаютъ; а матушку такъ рѣдкій и въ лицо знаетъ. А прежде батюшка часъ цѣлый черезъ улицу переходитъ, потому со всѣхъ сторонъ къ нему подъ благословеніе сбѣгались. А матушкѣ, бывало, стóитъ только по селу пройтись, какъ къ ней бабы такъ и тащутъ куръ, яицъ, волну... Ну, такъ вотъ увидали наши ходоки барина, сейчасъ шапочку долой, низенько поклонились. А баринъ добрый: здравствуйте, говоритъ, господа мужички!—Здравствуй, ваше благородіе!—говорятъ они.—Зачѣмъ такимъ пожаловали?—спрашиваетъ баринъ. Они ему опять тоже, что купцамъ разсказывали.—Ну, такъ я, говоритъ баринъ, такой человѣкъ, какого вамъ нужно. Все это дѣло я понимаю и все могу вамъ сдѣлать.—Обрадовались мужики, кланяются:—сдѣлай, говорятъ, милость!..—Ладно, говоритъ, пойдемъ, я вамъ ваше дѣло покажу...—Повелъ онъ ихъ въ большущій трехъэтажный домъ, на самый верхъ, по лѣстницѣ. Растворилъ тамъ какую-то архиву, вынулъ разныя бумаги и сталъ читать. Ну, извѣстно: что̀ наши мужики понимаютъ? знай головой мотаютъ, да поддакиваютъ... Почиталъ баринъ, почиталъ, да и говоритъ:—видите, ваше дѣло правое, и въ моей власти повернуть его, какъ слѣдуетъ.—Ну, мужики опять кланяются:—не оставь, говорятъ, ваша милость!.—А деньги у васъ есть?—спрашиваетъ баринъ.—Есть говорятъ...

— А видно онъ дѣло-то хорошо понималъ, коли деньги прежде всего потребовалъ, засмѣялись слушатели.

Digitized by Google

— Да, видно деньгамъ счетъ зналъ, улыбнулась и Агаѳьюшка. — Ну, достали ходоки деньги, отдали барину. Пересчиталъ онъ и говоритъ:—этого на ваше дѣло мало; идите и еще соберите. Когда принесете, я ваше дѣло въ ходъ пущу.—Вернулись ходоки въ Мелентьево, разсказали всѣмъ про барина. И всѣ обрадовались, что нашелся добрый баринъ, сейчасъ же за ихнее дѣло взялся. Стали опять собирать деньги, чтобъ добраго барина ублаготворить. А свекоръ мой опять сталъ говорить брату: не воли ты ищешь, а острога. Начали опять всѣ ругать и свекра, и меня съ мужемъ, и всѣхъ нашихъ домашнихъ. Какъ разъ въ это время были въ полѣ работы: насъ не приняли въ артель, не хотятъ вмѣстѣ съ нами кашу варить. Дѣвокъ нашихъ и ребятъ въ хороводы не пускаютъ, съ улицы гонятъ... Чистая бѣда!.. Ну, собрали опять денегъ семьсотъ рублей и послали опять старыхъ ходоковъ. Пришли въ Воронежъ, идутъ по улицѣ, а навстрѣчу имъ опять тотъ же баринъ, какъ будто чуялъ, когда они придутъ. — Здравствуйте, мужички! — Здравствуйте, ваше благородіе!—Принесли деньги?—Принесли.—Ну, давайте!—Достали ходоки деньги, а баринъ вырвалъ ихъ у нихъ и давай считать. Мужички за бариномъ... Разъ, два, три, четыре, пять... десять... пятьдесятъ... Насчиталъ пятьдесятъ да и въ карманъ.—Какъ пятьдесятъ? говорятъ ходоки: — тамъ семьсотъ рублей.—Какъ семьсотъ рублей?!—закричалъ на нихъ баринъ:—вы меня надувать?! Я васъ, ракаліи!..—Испужались мужики, сняли шапки, знай кланяются. Смилостивился баринъ:— ну, то-то, смотрите-жь, не врать! а то я васъ въ бараній рогъ скручу!.. Ну, теперь идите за мной...—Повелъ ихъ опять къ большущему трехъэтажному дому. Свёкрова-то брата поставилъ внизу около двери да еще велѣлъ ему держать дверь, чтобъ была открытая, а того-то ходока, что двадцать лѣтъ въ старостахъ ходилъ, повелъ вверхъ по лѣстницѣ. Вотъ свёкровъ братъ стоитъ да и думаетъ, что-жь это такое будетъ? зачѣмъ это баринъ велѣлъ ему двери держать? А самъ все смотритъ вверхъ, на барина да на старосту. Видитъ: все они поднимались, да поднимались вверхъ, а какъ взошли на самый верхній приступочекъ, баринъ какъ повернетъ старосту къ себѣ задомъ, да какъ *чепонётъ* его ногой въ *энто мѣсто*, такъ староста кувыркомъ по лѣстницѣ и покатился, да въ растворенную дверь и выскочилъ на улицу. Тутъ только дядя Аѳанасій и понялъ, зачѣмъ ему баринъ велѣлъ держать дверь растворенною. А староста какъ поднялся съ зёми, да какъ пустится бѣжать! А свёкровъ братъ за нимъ. Поднялся тутъ шумъ, крикъ, свистки свистятъ, трещетки трещатъ, народъ бѣжитъ, ловитъ нашихъ ходоковъ: ду-

Digitized by Google

мали, что воры, аль душегубы какіе бѣгутъ. Поймали ихъ, голубчиковъ, да въ полицію. Тутъ имъ допросъ; они во всемъ и повинились. Изъ Воронежа ихъ перевели въ Валуйки въ острогъ. Начали производить слѣдствіе. Понаѣхало къ намъ начальства видимо-невидимо. Стали допрашивать: кто подбивалъ? кто первый зачинщикъ былъ. Стали тягать стариковъ да сажать въ острогъ. Поднялся по селу вой: бабы голосятъ, дѣти плачутъ. А чиновники ходятъ да грабятъ, что имъ приглянется. Чисто французское раззореніе! Сталъ ѣздить свёкоръ къ брату въ Валуйки; придетъ въ острогъ да и говоритъ:—говорилъ я тебѣ, братецъ, не воли ты ищешь, а острога—такъ и вышло.—А свёкровъ братъ заплачетъ да и говоритъ:—правда твоя, братецъ; дуракъ я былъ, что не слушалъ тебя.—Долго такъ-то держали ихъ въ острогѣ. Только свёкрова-то брата освободили, потому онъ во всемъ повинился и обѣщался больше этими глупостями не заниматься. А тотъ-то, что въ старостахъ-то двадцать лѣтъ ходилъ, тотъ все на своемъ стоялъ: неправильно, говоритъ, баринъ владѣетъ нами; наша барыня умерла, баринъ ей не родной племянникъ — какой же онъ намъ баринъ? Ну, его за это и оставили въ острогѣ; такъ онъ тамъ и сгнилъ... Такъ вотъ какъ было въ старину волю искать!

Разсказщица замолчала и задумалась. Задумались и слушатели. Мысли всѣхъ невольно направились къ тому времени, когда мелентьевцы наряду со всѣми крѣпостными получили, наконецъ, волю. У нѣкоторыхъ слушателей уже вертѣлись на языкѣ вопросы относительно этого времени, какъ Агаѳьюшка начала сама:

— А какъ начали ходить слухи про настоящую волю, то-то мы радовались! Бывало, гонятъ насъ на барщину или такъ, гдѣ соберется народъ, только и разговоровъ, что про волю. А нѣмцу объ этомъ передадутъ, онъ—пороть; да такъ поролъ, какъ никогда: на послѣдкахъ, значитъ, хотѣлъ память оставить. Озлился народъ на него и не приведи Господи какъ! Такъ и ждали, что кто-нибудь его на ножъ подыметъ. Ну, только все обошлось, благодаря Бога, безъ грѣха. А какъ объявили намъ волю, вотъ былъ-то душевный праздникъ! Всѣ плакали. Самые кряжистые старики — и тѣ ревутъ, какъ бабы. Дѣтенки маленькіе—и тѣ словно поняли, что за праздникъ былъ: бѣгаютъ, прыгаютъ, играютъ такъ весело, какъ никогда. Одно слово, настоящій крестьянскій былъ праздникъ и больше такого ужь не было... Нѣмецъ-то нашъ ходилъ тогда, какъ водой облитый: не по вкусу ему пришелся нашъ праздникъ. Ну, да мы все тогда простили ему, потому добрые стали; только подсмѣивались надъ

Digitized by Google

нимъ. А онъ, проклятый, опять подвелъ насъ: отвелъ что ни на есть негодную землю, и пришлось намъ расползаться по новымъ мѣстамъ, кто ушелъ на «самару», кто въ степи кубанскія, кто куда. Сколько пришлось натерпѣться и голода, и холода, и лихорадокъ, и всякаго горя! Не разъ и старинку добромъ вспоминали...

— Ага, Агаѳьюшка! а давеча ты говорила, что въ старину жизнь куда была хуже?

— А ты думалъ, нѣтъ? Теперь-то мы хоть и горе терпѣли да для себя: терпѣли, терпѣли, да все-жь выбились кой-какъ— жить стали. А прежде терпѣли-то *безъ конца*, выбиться нельзя было... Вотъ оно, голубчики, какая разница!

Ѳедосѣевецъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ФОРМЫ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ВЪ РОССІИ [1]

Подъ аграрнымъ строемъ страны принято понимать всю совокупность общественныхъ условій земледѣльческаго производства, которыя въ процвѣтаніи и прогрессѣ земледѣльческой культуры играютъ по меньшей мѣрѣ такую роль, какъ и физическія условія почвы, климата, флоры и фауны. Натурально поэтому, что изслѣдованіе аграрнаго строя имѣетъ первостепенную важность и значеніе для всякой страны, тѣмъ болѣе для страны, по преимуществу живущей земледѣліемъ. Долго, слишкомъ долго для блага населенія и интересовъ государствъ, наука игнорировала, однако, изученіе аграрнаго строя и всюду аграрная статистика возникла на памяти живущаго поколѣнія. Впрочемъ, и доселѣ эта статистика не объемлетъ нигдѣ всей совокупности общественныхъ условій, которыми обставлено земледѣліе, нигдѣ не регистрируетъ всѣхъ факторовъ земледѣльческаго производства и поэтому всюду доставляетъ матеріалъ, не дающій достаточно полной и всесторонней картины аграрнаго строя. Такъ статистики даютъ (и то съ недавняго времени и не повсемѣстно), данныя для распредѣленія земли по владѣнію и для распредѣленія земли по ея сельско-хозяйственному назначенію (лѣса, луга, посѣвы и пр.), но какъ земельная площадь разнаго назначенія (напримѣръ, посѣвы) распредѣляется между владѣніями,— на этотъ вопросъ статистики отвѣта не даютъ. Точно такъ же, регистрируя отдѣльно землевладѣніе, капиталъ сельскаго хозяйства и земледѣльческихъ рабочихъ, статистика не заботится

[1] Предлагаемый вниманію публики этотъ статистическій этюдъ о формахъ земледѣльческаго производства въ Россіи, ихъ распредѣленіи, относительно роли и шансовъ на развитіе въ ближайшемъ будущемъ—составляетъ извлеченіе (и сокращеніе) изъ болѣе обширной работы объ аграрномъ строѣ въ Россіи и задачахъ экономической политики, имъ поставляемыхъ.

Авт.

Digitized by Google

опредѣлить точнѣе комбинацію этихъ трехъ главныхъ факторовъ земледѣльческаго производства. Не трудно, однако, убѣдиться, что только, опредѣливъ численныя отношенія различныхъ комбинацій, въ которыя вступаютъ факторы земледѣльческаго производства между собою, и можно уяснить себѣ аграрный строй данной страны.

Производство земледѣльческое, какъ и всякое другое, слагается изъ трехъ экономически-простыхъ, первичныхъ элементовъ или факторовъ производства: *силы природы* (въ данномъ случаѣ по преимуществу земли), *человѣческаго труда*, къ ней прилагаемаго, и *капитала*, содержащаго и вооружающаго трудъ. Различныя сочетанія этихъ первичныхъ экономическихъ факторовъ, ихъ распредѣленія и тѣ правовыя условія, въ которыя общество ставитъ ихъ по отношенію другъ къ другу и всему производству,—и составляютъ, такимъ образомъ, аграрный строй. Общество можетъ распредѣлить эти три фактора производства между тремя же сословіями:—землевладѣльцевъ, арендаторовъ-съемщиковъ и сельскихъ рабочихъ, но оно можетъ и всѣ факторы сосредоточить въ рукахъ одного сословія крестьянъ, ведущихъ собственное хозяйство на собственныхъ земляхъ. Между этими двумя крайностями могутъ быть установлены различные промежуточные типы аграрнаго строя. Можетъ быть, напримѣръ, случай веденія крестьянами собственнаго хозяйства на земляхъ арендованныхъ, гдѣ крестьяне-съемщики будутъ представителями труда и капитала, а земля лишь будетъ достояніемъ другого сословія, но можетъ быть случай веденія собственнаго хохозяйства помѣщиками, при чемъ земля и капиталъ будутъ сосредоточены въ рукахъ одного сословія, а трудъ отдѣленъ на долю сельскаго пролетаріата, не имѣющаго ни земли, ни хозяйства (капитала). Всѣ эти типы аграрнаго строя, дѣйствительно, существуютъ въ различныхъ странахъ земнаго шара и въ частности въ Европѣ. Хозяйство народное на собственныхъ земляхъ распространено во Франціи, Россіи, Сербіи, Норвегіи и встрѣчается въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ почти во всей континентальной Европѣ; народное хозяйство на земляхъ арендованныхъ распространено въ Италіи, Франціи, Ирландіи, Россіи и Германіи. Помѣщичье хозяйство преобладаетъ въ Германіи, распространено въ Англіи и Франціи. Наконецъ, хозяйство арендаторовъ-капиталистовъ встрѣчается въ незначительномъ размѣрѣ по всей Европѣ, чаще всего въ Англіи и Шотландіи. Хотя эти и подобныя свѣдѣнія о распредѣленіи различныхъ формъ земледѣльческаго производства въ разныхъ странахъ Европы и имѣются на лицо во многихъ мѣстахъ, но правильной регистраціи они нигдѣ не подвергаются и потому весьма трудно (лишь при помощи сложныхъ косвенныхъ вычисленій) представить ихъ точныя числовыя отношенія. Между тѣмъ для того, чтобы понять и ясно представить себѣ все значеніе для національной экономіи этихъ точныхъ числовыхъ отношеній, стоитъ только,

Digitized by Google

хотя бы бѣгло, взглянуть на вліяніе того или другого типа на развитіе земледѣлія.

Оцѣнивая экономическое значеніе этой классификаціи аграрнаго устройства, нельзя не признать наиболѣе существеннымъ рѣшеніе вопроса о томъ, въ чью пользу идетъ трудъ сельскаго рабочаго сословія: трудится ли оно на собственное хозяйство или на чужое? Экономическое значеніе этого признака опредѣляется тѣмъ, что работа на собственное хозяйство всегда будетъ усерднѣе, тщательнѣе и успѣшнѣе, нежели на чужое хозяйство, а равно и сбереженіе собственнаго хозяйства всегда будетъ рачительнѣе и лучше, нежели хозяйства чужаго. И то, и другое произойдетъ вполнѣ независимо даже отъ степени добросовѣстности рабочаго. Рядомъ съ этимъ чисто-экономическимъ преимуществомъ формы народнаго производства, она имѣетъ еще болѣе важное общественно-экономическое значеніе, обезпечивая страну отъ развитія пролетаріата, а сельскому населенію гарантируя экономическую, а слѣдовательно и моральную независимость. Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія культурно-экономической, и тѣмъ болѣе съ общественно-экономической народное производство предпочтительнѣе капиталистическаго, т. е. такого, въ которомъ хозяйство (капиталъ земледѣльческій) принадлежитъ одному сословію, а трудъ выпадаетъ на долю другаго, лишеннаго земли и очага. Народное производство выгоднѣе для страны, потому что обезпечиваетъ болѣе успѣшную культуру (при остальныхъ равныхъ условіяхъ, конечно) и равномѣрнѣе распредѣляетъ продукты производства между производителями.

Внутри каждаго изъ этихъ главныхъ типовъ аграрнаго устройства существуютъ, какъ мы видѣли, подклассы: народное хозяйство можетъ быть ведено на собственныхъ земляхъ или на арендованныхъ (на тѣхъ или иныхъ началахъ); капиталистическое хозяйство, такимъ же образомъ, можетъ быть основано на собственной землѣ или на арендованной. Ясно съ перваго взгляда, что форма хозяйничанія на собственной землѣ предпочтительнѣе и выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Земля, являясь опредѣляющимъ факторомъ производства, вовсе не представляется экономическою силою неизмѣннаго характера; земля можетъ ухудшаться вслѣдствіе истощенія, одичанія (особенно луга), излишняго овлажненія или осушенія и т. д., но такъ же она можетъ быть значительно улучшена и ея экономическое значеніе въ земледѣліи, сообразно съ этими колебаніями ея производительности, тоже измѣняется. Улучшеніе земли, требующее всегда довольно значительной затраты труда и капитала, а равно и сбереженіе земли отъ истощенія и всякой другой порчи, тоже сопряженное съ расходованіемъ труда и капитала,—можетъ имѣть весьма ограниченное мѣсто при хозяйничаніи на арендованной землѣ (и то лишь при случаѣ долгосрочной аренды).

Изъ этихъ соображеній вполнѣ несомнѣнно слѣдуетъ, что самая совершенная форма земледѣльческаго производства есть на-

Digitized by Google

родное хозяйство на собственныхъ земляхъ, а самая несовершенная—капиталистическое хозяйство на арендованной землѣ (крупное фермерство). Между этими двумя крайностями стоятъ—народное хозяйство на арендованной землѣ (мелкое фермерство) и помѣщичье хозяйство (капиталистическое производство на собственной землѣ). Какъ всякая переходная форма, два эти типа аграрнаго устройства могутъ вылиться въ весьма различные виды и подвиды, приближаясь то къ одной, то къ другой сторонѣ. Такъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ главная невыгода, отличающая его отъ народнаго, заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, что рабочее сословіе нимало не заинтересовано въ успѣшности труда своего и въ томъ, что это сословіе при этомъ обдѣлено при разверстаніи продуктовъ производства. Ясно, что чѣмъ больше успѣетъ помѣщичье хозяйство заинтересовать своихъ рабочихъ въ успѣхѣ производства, тѣмъ болѣе оно приблизится къ преимуществамъ народной культуры. Съ другой стороны, форма мелкаго фермерства или вообще народной аренды невыгодно отличается, между прочимъ, отъ формъ народнаго хозяйства на собственныхъ земляхъ тѣмъ, что съемщикъ, не будучи заинтересованъ въ улучшеніи или сбереженіи земли, допускаетъ ея истощеніе и порчу. Ясно, поэтому, что чѣмъ обезпеченнѣе съемщикъ въ пользованіи землею, тѣмъ болѣе народная аренда по своему значенію приближается къ формѣ народнаго землевладѣнія. Отсюда такая громадная экономическая разница между народною арендою по обезпеченной системѣ и по системѣ необезпеченной, что экономисты ихъ различаютъ, какъ два совершенно самостоятельныхъ типа аграрнаго устройства.

Это различеніе основано нетолько на вѣрныхъ культурно-экономическихъ соображеніяхъ, только-что приведенныхъ, но еще больше на данныхъ общественно-экономическаго характера. Лучшимъ историческимъ примѣромъ широкаго примѣненія народной аренды по необезпеченной системѣ представляетъ Ирландія. Поэтому здѣсь обыкновенно и изучаютъ значеніе, культурное и общественное, этой формы земледѣльческаго производства. Ирландская система, въ ея чистомъ, не испорченномъ видѣ, отличалась слѣдующими существенными чертами: крестьянинъ арендуетъ землю на неопредѣленный срокъ по цѣнѣ, опредѣляемой по свободному договору. Этотъ «свободный договоръ», иначе «свободная конкурренція», вмѣстѣ съ краткосрочностью (или, что еще хуже, безсрочностью), и составляетъ Ахиллесову пяту системы. Крестьянское хозяйство, однажды оно существуетъ, нуждается въ землѣ во что бы то ни стало. Эта безъисходность крестьянина, который, имѣя хозяйство (скотъ, орудія, сѣмена, запасы фуража, удобреніе и пр.), *долженъ* имѣть и землю, дѣлаетъ вполнѣ фиктивною *свободу* договора и ставитъ его въ положеніе вполнѣ зависимое. Арендаторъ-капиталистъ, снимая землю, разсчитываетъ, за уплатою ренты и покрытіемъ издержекъ производства (въ томъ числѣ и рабочей платы), получить еще

Digitized by Google

и прибыль. Прибыли этой онъ не уступитъ землевладѣльцу, иначе затратитъ капиталъ на другое дѣло. Крестьянинъ же съемщикъ этого выхода не имѣетъ; если онъ лишится земли, то его маленькое хозяйство погибнетъ, а онъ самъ съ семьею куда дѣнется? Естественно, что при возрастаніи населенія и увеличенія спроса на землю, свободная конкурренція означаетъ просто экономическое рабство. Землевладѣлецъ (или его оптовой арендаторъ) вполнѣ властенъ возвышать плату далеко за предѣлы той ренты, которую онъ могъ бы получить отъ капиталиста и которая оставляетъ земледѣльцу нѣкоторую прибыль на капиталъ. При ирландской арендной системѣ прибыль очень скоро поглощается рентою и съемщикъ остается лишь при рабочей платѣ, т. е. ему оставляется ровно столько, сколько необходимо для скуднаго содержанія семьи и хозяйства, причемъ и самая норма потребностей постоянно испытываетъ стѣсненіе и должна понижаться, все ухудшая и ухудшая содержаніе сельскаго земледѣльческаго сословія. Поглощеніе прибыли рентою ведетъ еще къ тому, что хозяйство страны лишается тѣхъ свободныхъ рессурсовъ, на которые только и можетъ оно улучшаться или хотя бы возобновляться. Поэтому, при господствѣ этой системы, земледѣліе нетолько не прогрессируетъ, но даже неизбѣжно регрессируетъ. Но лишеніе хозяйства прибыли лишаетъ его и запаснаго капитала, столь необходимаго при случайностяхъ, неизбѣжныхъ въ земледѣльческомъ производствѣ. Вслѣдствіе этого, неурожаи и сопровождаются самыми ужасными кризисами въ странахъ, гдѣ господствуетъ народная аренда по необезпеченной системѣ. Судьбы Ирландіи подтверждаютъ вполнѣ всѣ эти теоретическія соображенія, иллюстрируя самыми ужасными картинами и деградацію хозяйства, обнищаніе населенія и роковые кризисы, періодически истощающіе эту несчастную страну. Кризисы эти о двухъ концахъ, и, если съ одной стороны, они губятъ голодною смертью массу земледѣльцевъ, то съ другой разоряютъ и землевладѣльцевъ, которые раньше, въ видѣ возвышенной ренты, получили по частямъ основной капиталъ и запасные фонды страны. Въ послѣдній кризисъ въ Ирландіи, англійское правительство, въ лицѣ министерства Биконсфильда, сочло необходимымъ прійти на помощь ирландскимъ землевладѣльцамъ и предложило съ этою цѣлью разрѣшить кредитъ въ нѣсколько милліоновъ для раздачи въ видѣ ссуды на льготныхъ условіяхъ ирландскимъ ландлордамъ! Некрасива судьба этихъ ландлордовъ:—цѣною разоренія народа и страны, цѣною періодическихъ голодовокъ милліоновъ населенія купить—что же? даже не богатство, а лишь собственное разореніе, и въ послѣднюю минуту, среди обнищалаго и остервененнаго голодомъ и нищетою народа, разореннаго ихъ алчною и узко-себялюбивою политикою, протягивать руку за помощью изъ національныхъ фондовъ, чтобы спастись отъ позорнаго банкротства!! Печальная и поучительная судьба, глубокая и горькая истори-

Digitized by Google

ческая иронія надъ эгоистическою столько же, сколько и недальновидною кастою... Министерство Гладстона, смѣнившее Биконсфильда, поспѣшило, однако, принять и другія мѣры для излеченія ужасной экономической и соціальной болѣзни Ирландіи. Оно рѣшилось въ законодательномъ порядкѣ ограничить право землевладѣнія и придать народной арендѣ больше обезпеченности, какъ противъ произвольнаго назначенія ренты землевладѣльцемъ, такъ и противъ лишенія земли.

Народная аренда по необезпеченной системѣ или ирландская арендная система встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ Европы (напримѣръ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи, Россіи и др.) и вездѣ производитъ свои опустошенія, но нигдѣ она еще не принесла такихъ очевидныхъ плодовъ. Народная аренда по системѣ обезпеченной гораздо болѣе распространена, часто встрѣчаясь во Франціи, Италіи и др. У насъ она существуетъ въ западныхъ губерніяхъ, въ видѣ, такъ называемаго чиншеваго права, а въ остальной Россіи подъ именемъ временно-обязанныхъ отношеній. Самымъ типическимъ выраженіемъ этой системы можно признать средне-итальянскую, гдѣ крестьянинъ-арендаторъ не можетъ быть лишенъ земли, покуда уплачиваетъ ренту, а сама рента не можетъ быть возвышена. Въ такомъ видѣ, народная аренда мало чѣмъ уступаетъ, по своему экономическому значенію, народному землевладѣнію.

Наконецъ, въ заключеніе этого бѣглаго предварительнаго обзора различныхъ формъ земледѣльческаго производства, нельзя еще не упомянуть о подклассахъ, на которые распадается форма народнаго хозяйства на собственныхъ земляхъ, которые могутъ быть въ общинномъ и подворномъ владѣніи. Главное и существенное отличіе второй формы заключается въ томъ, что она носитъ въ себѣ зародыши перехода въ другія, менѣе выгодныя формы производства, тогда какъ общинная форма лучше гарантируется отъ этой деградаціи аграрнаго устройства [1]. Такимъ образомъ, резюмируя вкратцѣ предъидущія страницы, слѣдуетъ сказать, что, по своимъ культурно-экономическимъ и общественно-экономическимъ вліяніямъ, разныя формы земледѣльческаго производства могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ наиболѣе выгоднаго типа аграрнаго строя:

1) Народное хозяйство на собственныхъ земляхъ общиннаго владѣнія;

2) Народное хозяйство на собственныхъ земляхъ подворнаго владѣнія;

3) Народная аренда по обезпеченной системѣ;

4) Капиталистическое хозяйство на собственныхъ земляхъ;

5) Капиталистическое хозяйство на арендованныхъ земляхъ, и

---

[1] Вопросъ объ общинѣ имѣетъ очень много весьма разнообразныхъ сторонъ, но здѣсь не мѣсто входить въ ихъ разборъ. Я отмѣтилъ лишь чисто экономическое его значеніе.

Digitized by Google

6) Ирландская арендная система или народная аренда по необезпеченной системѣ.

Предпославъ это маленькое введеніе, необходимое для яснаго пониманія значенія и роли различныхъ формъ земледѣльческаго производства въ народной жизни, мы можемъ теперь обратиться къ непосредственному предмету этого этюда, къ вопросу о распространеніи въ Россіи тѣхъ или другихъ изъ этихъ формъ и типовъ, о характерѣ русскаго аграрнаго строя, обусловливающемъ успѣхи и развитіе земледѣлія, этого главнаго экономическаго основанія нашей жизни.

I.

Распредѣленіе въ средѣ сельскаго земледѣльческаго населенія площади производства (земли) и орудій производства (капитала) должно выяснить намъ, какія формы производства мы можемъ и должны встрѣтить на обширной территоріи русскаго государства. Для уясненія перваго вопроса (о распредѣленіи земли) наша статистика уже достигла нѣкоторыхъ интересныхъ данныхъ и числовыхъ отношеній, но для второго вопроса ничего еще не сдѣлано и намъ придется прибѣгнуть къ довольно сложнымъ вычисленіямъ, чтобы придти къ какимъ-либо заключеніямъ, хотя бы косвеннымъ путемъ.

По формамъ землевладѣнія, Россія можетъ быть распредѣлена на четыре неравнаго размѣра области. Наибольшая, заключающая въ себѣ 39 губерній и областей Европейской Россіи и всю Сибирь составляетъ страну преобладанія спеціально-русскаго (или даже славянскаго) поземельнаго права. Принципъ поголовнаго надѣленія землею всѣхъ земледѣльцевъ и принципъ общиннаго владѣнія представляютъ собою главныя отличительныя черты этой области и этого права. Вторженіе западно-европейскаго вліянія создало, однако же, и тутъ, рядомъ съ этими древними славянскими поземельными порядками, и новыя населенія другого типа и экономическаго значенія. Вся поземельная площадь этой области (не включая, конечно, Сибири) распредѣляется между тремя главными видами землевладѣнія слѣдующимъ образомъ [1]:

	Тысячъ дес.
Государственныхъ земель	152,132
Народнаго землевладѣнія	122,918
Личной собственности	69,872
S =	344,922

[1] Здѣсь взяты цифры землевладѣнія согласно свѣдѣніямъ 2-го тома «Сравн. Стат.», г-на Янсона, но прибавлены еще изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія объ Уральской, Терской, Кубанской и Донской областяхъ. Станичныя земли отнесены къ рубрикѣ народнаго владѣнія, офицерскія внесены въ итоги частнаго владѣнія, а запасныя—государственнаго.

Digitized by Google

Отношенія площади народнаго землевладѣнія и частнаго выражается въ процентахъ:

Народное	63,8 %
Частное	36,2 %
	100,0 %

Остальныя 25 губерній Европейской Россіи представляютъ область, гдѣ господствуетъ система, принципы которой являются смѣсью славянскихъ и германскихъ поземельныхъ порядковъ. полнымъ представителемъ которой у насъ является балтійскій край, гдѣ нетолько общинное владѣніе, но и принципъ надѣленія землею хлѣбопашцевъ одинаково и совершенно отвергнуты. Земля большею частью закрѣплена за рыцарскимъ сословіемъ, а въ меньшей за крестьянскимъ на началахъ участковаго владѣнія, поставленнаго въ предѣлы minimum'а и maximum'а. Здѣсь землевладѣніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Государственное	779,000 дес.
Народное	643,000 »
Частное	6,080,000 »
	S = 7,502,000 »

Взаимное отношеніе народнаго и частнаго землевладѣнія выразится:

Народное	9,5 %
Частное	90,5 %
	100,0 %

Между этими двумя крайностями надо поставить 1) Лѣвобережную Украйну съ Бессарабіей и 2) земли, бывшія подъ властью Польской короны. Въ обѣихъ областяхъ принципъ общиннаго владѣнія палъ подъ вліяніемъ польско-германской культуры, но принципъ поголовнаго надѣленія земледѣльцевъ проведенъ еще и тутъ, хотя не одинаково въ обѣихъ областяхъ. Въ земляхъ бывшей польской короны этотъ принципъ извращенъ неравномѣрностью надѣленія. Числовыя отношенія въ этихъ странахъ слѣдующія:

	Малороссія и Бессарабія.	Польша и 9 зап. губерній.
Госуд. земл. . . .	310,000 д.	3,831,000 д.
Народное	5,172,000 »	21,199,000 »
Частное	7,037,000 »	25,021,000 »
	12,519,000 »	50,051,000 »
Народное	42,4%	46,0%
Частное	57,6%	54,0%

Итоги землевладѣнія по всей Россіи дадутъ цифры:

	Тысячъ дес.
Государственнаго.	157,042
Народнаго	149,732
Частнаго	98,010
	404,784

Digitized by Google

Народное 60,4%
Частное 39,6%

Этими суммарными свѣдѣніями мы и можемъ ограничиться въ этомъ предварительномъ обзорѣ формъ землевладѣнія, которое отчасти обусловливаетъ собою и формы производства. Народное производство занимаетъ собою площадь народнаго землевладѣнія всегда и повсемѣстно, а потому оно не можетъ занимать въ общемъ производствѣ страны мѣста меньше, нежели въ общемъ итогѣ землевладѣнія занимаетъ все народное землевладѣніе. Относительное значеніе народнаго землевладѣнія представляетъ собою, такимъ образомъ, minimum того значенія, которое имѣетъ народное производство. Народное землевладѣніе въ Россіи относится къ частному, какъ 60,4% къ 39,6%, и эти 60,4% и составляютъ minimum участія народнаго производства въ общемъ итогѣ всей культуры страны. Таково именно было бы отношеніе народнаго и капиталистическаго производства (— 3 : 2), еслибы народная культура вовсе не проникла на владѣльческія земли, и еслибы владѣльческія земли были воздѣланы въ томъ же относительномъ размѣрѣ, какъ и земли народнаго владѣнія. Извѣстно, однако, что то и другое одинаково имѣетъ мѣсто, что земли частнаго владѣнія воздѣланы не въ такомъ размѣрѣ, а народное хозяйство распространило свою культуру также и на часть землевладѣльческихъ. Въ виду этого намъ предстоитъ найти: 1) въ какомъ размѣрѣ воздѣланы земли крестьянскія и помѣстныя, и 2) какая часть воздѣлываемыхъ (культурныхъ) земель помѣстнаго владѣнія занята подъ народную культуру. Только опредѣливъ эти данныя, мы можемъ представить относительную роль и значеніе двухъ главныхъ типовъ земледѣльческаго производства въ Россіи. Начнемъ съ опредѣленія кульрной площади народнаго и частнаго владѣнія.

Нѣкоторыя прямыя свѣдѣнія мы имѣетъ лишь для 14 губерній, вошедшихъ въ 2 выпуска оффиціальной «Статистики поземельной собственности», и, сверхъ того, для Херсонской губ., Бессарабіи (нѣсколько устарѣлыя данныя) и нѣкоторыхъ уѣздовъ Черниговской губерніи [1]. Свѣдѣнія эти были бы вполнѣ недостаточными, еслибы на нихъ нельзя было смотрѣть лишь какъ на провѣрку данныхъ, добытыхъ путемъ вычисленія. Въ числѣ 17 губерній, поземельная статистика которыхъ уже вошла въ упомянутое оффиціальное изданіе, семь относятся къ черноземной центральной области, а семь къ подмосковной промышленной (великорусской не черноземной). Займемся прежде черноземной полосой.

---

[1] Для *Херсонской* губерніи въ *Таблицахъ*, обработанныхъ въ мѣстномъ статистическомъ комитетѣ («Одесс. Вѣстн.», 1878 г., №№ 238 и слѣд.); для Бессарабіи въ изданіяхъ «Стат. Комитета», вып. I; для Черниговской въ описаніяхъ уѣздовъ (Борзенскаго, Черниговскаго и Нѣжинскаго), изданныхъ земствомъ.

Digitized by Google

Все крестьянское землевладѣніе этихъ семи черноземныхъ губерній (Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская и Тульская) равняется 16,311,000 дес., въ томъ числѣ пахатныхъ — 12,865,000 дес. Сверхъ того, мелкой собственности (меньше 100 дес.), гдѣ таже земля воздѣлывается на началахъ мелкаго производства, гдѣ хозяинъ и работникъ еще не дифференцировались въ особыя общественныя наслоенія — 1,029,000 дес., въ томъ числѣ пахатныхъ — 708,000 дес. Всего въ распоряженіи народнаго хозяйства земли — 17.340,000 дес., пашни—13,573,000 дес. Подъ пашнею оказывается 78,3% земельной площади, состоящей въ распоряженіи народнаго производства. Личной собственности (крупнѣе 100 дес.) всей въ 7 губерніяхъ—9,454,000 дес., въ томъ числѣ пахатной—5,345,000 дес., или 56,6% земельней площади. На земляхъ государственныхъ, городскихъ, церковныхъ и проч. пахатной земли еще 388,000 д., а всей пашни въ краѣ 19,306,000 дес. Такимъ образомъ изъ всей площади подъ пашнею находится на земляхъ:

Народнаго владѣнія	70,3%
Крупнаго »	27,7%
Остальныхъ земель	2,0%

При этомъ

Всей земли въ краѣ . .	28,788,000	дес.	100,0 %
Пахатной.	19,306,000	»	67,5 %
Остальной	9,482,000	»	32,5 %

Въ составъ остальной входятъ лѣса, сѣнокосы, усадьбы и неудобныя земли съ выгонами. Изъ нихъ собственно культурною землею можно признать еще сѣнокосы [1], но для ихъ распредѣленія между народнымъ и помѣстнымъ владѣніемъ прямыхъ свѣдѣній ни въ оффиціальной поземельной статистикѣ, ни въ другихъ источникахъ не имѣется. Приходится прибѣгнуть къ вычисленію.

Методъ нашего вычисленія заключается въ слѣдующемъ: Принимая во вниманіе, что въ надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ черноземной полосы неудобныя земли не были отводимы, мы можемъ признать культурною площадью народнаго владѣнія всю крестьянскую землю за исключеніемъ: 1) усадьбы въ размѣрѣ около 5%, 2) неудобныхъ земель, отведенныхъ въ надѣлъ государственнымъ крестьянамъ и показанныхъ въ «Сравнительной статистикѣ» г-на Янсона (вып. II, 116—117) и 3) лѣсныхъ надѣловъ той же категоріи крестьянъ, приведенныхъ тамъ же. Вся затѣмъ остающаяся площадь крестьянскаго владѣнія представляется культурною, а зная площадь пахатной земли, мы, при помощи простого вычитанія, получимъ и пло-

[1] Конечно, въ сущности культурныя земли не ограничиваются этими двумя рубриками (огороды, сады, виноградники, плантаціи и проч.), но свойство статистическаго матеріала принуждаетъ сосредоточиться на этихъ двухъ рубрикахъ.

Digitized by Google

щадь сѣнокоснаго крестьянскаго владѣнія. Имѣя же данныя объ общей площади сѣнокосовъ въ краѣ (Янсонъ, II, 274—275), мы легко опредѣлимъ и площадь сѣнокосовъ помѣстнаго владѣнія. При этомъ методѣ вычисленія серьёзнымъ поводомъ къ ошибкѣ можетъ быть только то обстоятельство, если гдѣ либо крестьяне государственные значительныя пространства своихъ лѣсныхъ надѣловъ разчистили подъ культуру, но дѣйствительно значительные лѣсные надѣлы отведены лишь въ Орловской губерніи, которую поэтому и исключаемъ изъ нашего вычисленія.

Въ 6-ти остальныхъ губерніяхъ всей крестьянской земли 14,301,000 дес., въ томъ числѣ лѣсныхъ надѣловъ, неудобныхъ земель и площадь подъ усадьбою (=5% всей площади) — 1,689,000 дес., остальной (пашня и сѣнокосъ)—12,612,000 дес. По свѣдѣніямъ Поз. стат. I,—одной пахатной—11,259,000 д., стало быть сѣнокосовъ — 1,353,000 дес. Всей сѣнокосной — 3,325,000 дес., сѣнокосной помѣстной—1,972,000 д., да пахатной, согласно прямымъ свѣдѣніямъ—5,280,000 дес., всего культурнаго на частныхъ земляхъ—7,252,000 дес. Отношеніе всей культурной площади двухъ владѣній выразится, слѣдовательно, слѣдующими цифрами:

Культура на народныхъ земляхъ . . .	62,6 %
» » частныхъ »	35,8 %
» » прочихъ »	1,6 %

Но здѣсь народное землевладѣніе и его культура уменьшены на всю величину культуры мелкаго частнаго владѣнія (577 тыс. одной пашни), а культурная площадь частнаго владѣнія увеличена какъ на эту величину, такъ еще и на неизвѣстную величину сѣнокосовъ на «прочую» землю, которая впрочемъ должна быть ничтожна.

Если мы возьмемъ всю площадь культурныхъ земель (пашни, согласно позем. стат., I, а сѣнокосы, согласно Янсону, II) 6 губерній (20,191,000 дес.) и вычтемъ изъ нея полученную выше указаннымъ методомъ площадь культуры на крестьянскихъ земляхъ (12,612,000 д.), то должны получить остатокъ, равный всей площади культуры на земляхъ частнаго и остального владѣнія. Этотъ остатокъ равенъ 7,579,000 д., а выключивъ изъ него полученную тѣмъ же вычисленіемъ площадь сѣнокосовъ частнаго владѣнія (1,972,000 д.), получимъ *вычисленную* площадь пахатныхъ земель частнаго и остального владѣнія, всего=5,607,000 д. Площадь же пахатныхъ земель этой категоріи, полученная не вычисленіемъ, а прямымъ путемъ (Поз. стат. I), тоже равняется—5,607,000 д. Изъ этого ясно, что избранный нами методъ вычисленія, согласно коему исчисляется общая площадь культуры народнаго владѣнія, выбранъ нами удачно и можетъ быть распространенъ и на другія губерніи той же трехпольной черноземной полосы, гдѣ въ составъ надѣла крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, неудобныхъ земель не было отводимо совсѣмъ или почти совсѣмъ.

Digitized by Google

Всей крестьянской земли въ 5 другихъ губерніяхъ трехпольной черноземной полосы—13,383,000 д. Выключивъ лѣсной надѣлъ, неудобныя земли государственныхъ крестьянъ и 5% на усадьбы, всего 1,754,000 д., получимъ вычисленную площадь культуры на народныхъ земляхъ—11,629,000 д. Для распредѣленія этихъ площадей между лугами и пашнею данныхъ нѣтъ.

Чтобы вычислить теперь площадь культуры на помѣстныхъ земляхъ, намъ необходимо имѣть общую площадь всей культуры. По даннымъ, которыми пользовался г. Янсонъ, общая площадь пахатныхъ земель края равняется 10,604,000 д., но свѣдѣнія эти, обработанныя министерствомъ государственныхъ имуществъ еще въ концѣ 60-хъ годовъ относятся ко времени, отдѣленному отъ насъ двумя десятилѣтіями, и къ странѣ, которая благодаря благопріятнымъ условіямъ климата, почвы и географическаго положенія, значительно развила земледѣліе именно за это время. Насколько эти свѣдѣнія тоже дѣйствительны, можно заключить изъ сравненія старыхъ данныхъ министерства государственныхъ имуществъ и новыхъ поземельной статистики въ семи губерніяхъ той же полосы, выше разсмотрѣнныхъ. По даннымъ министерства государственныхъ имуществъ пахатныхъ земель въ этихъ губерніяхъ—15,723,000 д., а по новѣйшимъ оффиціальнымъ же свѣдѣніямъ *Поз. стат.*—оказывается уже 19,302,000 д., на 23 % больше. Такое же увеличеніе мы вправѣ ожидать и въ 5 другихъ губерніяхъ той же полосы (Казанской, Полтавской, Саратовской, Симбирской и Харьковской), но на тотъ же ли самый % или нѣсколько иной—съ увѣренностью сказать нельзя. Однако, для того, чтобы, получивъ общую площадь культуры, затѣмъ вычислить и площадь, занятую подъ культуру на помѣстныхъ земляхъ, намъ приходится, либо прибѣгнуть къ этому *среднему* увеличенію пашни, или поискать другихъ способовъ. *Г. Янсонъ*, на основаніи данныхъ о количествѣ посѣва и количества зерна высѣваемаго на десятину, дѣлаетъ приблизительное вычисленіе, по послѣднимъ даннымъ, площади, занятой разными посѣвами. Принимая же, какъ это рекомендуетъ г. Янсонъ, площадь пара равною площади озимаго посѣва и складывая всѣ эти цифры, получимъ *вычисленную* площадь пашни. Какъ удачно сдѣланы г. Янсономъ его вычисленія для черноземной полосы, видно изъ сличенія площади пахатныхъ земель, такимъ способомъ вычисленныхъ, съ свѣдѣніями Поз. стат. По симъ послѣднимъ площадь культуры въ 7-ми губерніяхъ равняется—23,027,000 д., а *вычисленная* площадь г. Янсона—23,091,000 д. Разница = 64,000 д. или ошибка на 0,19,%. Очевидно, что исчисленіями г. Янсона мы можемъ смѣло пользоваться и для остальныхъ губерній трехпольнаго чернозема. Затрудненіе встрѣчается лишь относительно Полтавской губерніи, гдѣ сумма исчисленной пахатной площади и сѣнокосной (по прежнимъ даннымъ) окажется превосходящею площадь губерніи. Это находитъ себѣ объясненіе или въ ошибкѣ при вычисленіи, или же въ разновременности

Digitized by Google

сводимыхъ въ одномъ итогѣ данныхъ, при чемъ, если за это время часть сѣнокоса запахана, то эти земли распаханныхъ луговъ должны оказаться дважды подсчитанными. Не имѣя возможности опредѣлить, какой % культуры такимъ образомъ дважды считается, остается выключить Полтавскую губернію изъ нашихъ разсчетовъ.

Всей культурной земли 4-хъ губ. .	14,068,000 д.
Культ. крестьянской	9,850,000 »
Культ. помѣстной и прочей	4,218,000 »

Полагая, что и въ этихъ губерніяхъ на «прочую» отойдетъ около 5%, культурная площадь помѣстной культуры останется—4,007,000 д. культ. площади пом. владѣнія.

Мы пропустили въ нашихъ итогахъ 2 губерніи, Орловскую и Полтавскую.

Въ *Орловской* губерніи пахатныхъ крестьянскихъ земель—1,606,000 д. (поз. ст.); принимая, что сѣнокосами орловцы снабжены такъ же, какъ и остальные крестьяне черноземной трехпольной полосы, т. е. около 11 % пашни, окажется сѣнокоса—177,000 д., а всего 1,783,000 д., слѣдовательно помѣстное владѣніе имѣетъ подъ культурою—1,153,000 д., въ томъ числѣ сѣнокоса—223,000 д. и пашни 930,000 д. а исключая 63,000 д. пах. земель разнаго владѣнія, на долю собственно помѣстнаго—867,000 д. Въ *Полтавской* губерніи крестьянская культура исчисляется обыкновеннымъ способомъ=1,779,000 д., а помѣстную, въ виду констатированнаго сильнаго расширенія культуры, въ виду сплошь почти черноземной поверхности губерніи и отсутствія другихъ способовъ, можно исчислить исключеніемъ изъ общей площади помѣстнаго владѣнія лѣсовъ и 5% на неудобную, выгоны и усадьбы; остается—1,663,000 д.

Такимъ образомъ, во всѣхъ 12 губерніяхъ трехпольной черноземной области культурная площадь (сѣнокосы и пашни) распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

На земляхъ	народ. влад. .	26,024,000 д.	64,6 %
» »	частн. влад. .	14,012,000 »	34,0 —
» »	прочихъ . . .	601,000 »	1,4 —
		S=40,637,000 дес.	

При этомъ вся площадь:

Нар. владѣнія	= 29,697,000 д.	воздѣлано	87,6%
Частнаго	= 18,898,000 »	»	74,1%

Въ составѣ культурной площади частнаго землевладѣлія состоитъ 708,000 д. пахатныхъ земель на мелкой собственности въ 7 вышеисчисленныхъ губерніяхъ, неизвѣстной величины площадь луговъ того же владѣнія, неизвѣстной величины площадь такой же культуры въ 5 другихъ губерніяхъ и сѣнокосы на земляхъ «остальныхъ». Все это, конечно, должно бы чувствительно понизить, какъ абсолютныя, такъ и относительныя пи-

Digitized by Google

фры частнаго землевладѣнія и культурой площади на немъ, но данныхъ для этого перечисленія мы не имѣемъ.

И для не черноземной полосы Великороссіи мы имѣемъ уже спорныя данныя въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ въ оффиціальной *статистикѣ поземельной собственности* (вып. II), гдѣ приведены числовыя отношенія для 7 губерній этой области, именно для Владимірской, Калужской (вып. I), Костромской, Московской, Нижегородской, Тверской и Ярославской. По этимъ свѣдѣніямъ, интересующія насъ цифры находимъ въ слѣдующихъ комбинаціяхъ:

	Всей.	Пах.
Надѣльной крестьянской земли .	13,419,000 д.	7,459,000 д.
Мелкой собственности.	1,439,000 »	317,000 »
Всего народной . . .	14,858,000 д.	7,776,000 д.

Пахатная . 52,3%

Помѣстной же собственности въ краѣ:

Всего. . . 9,394,000 дес.

Пахотной земли 842,000 »

воздѣлывается 8,9% всей площади. Культуры на прочихъ земляхъ—210,000 дес., такъ что въ составѣ всей культурной площади страны находится земли:

Народнаго владѣнія . 89,1 %

Частнаго » . 8,8 —

Прочихъ » . 2,1 —

Если мы теперь примѣнимъ и къ этой области тотъ методъ вычисленія, который намъ удался въ полосѣ черноземной, то съ первыхъ же шаговъ будетъ ясно, что здѣсь онъ болѣе неприложимъ. Вся площадь пахатныхъ земель 7 разсматриваемыхъ губерній равняется, согласно свѣдѣніямъ *Поз. Стат.*, II,—8,868,000 дес., сѣнокосной же земли, по Янсону—3,362,000 дес., всего культуры, стало быть—12,238,000 дес. Всей крестьянской земли въ той же области 13,419,000 дес., въ томъ числѣ лѣсного надѣла, неудобныхъ земель въ надѣлѣ государственныхъ крестьянъ и подъ усадьбою (считая тоже 5%)—1,499,000 дес., остается, слѣдовательно еще 11,920,000 дес. Если бы признать всю эту площадь подъ культурою, то останется для помѣстной культуры—318,000 дес., тогда какъ по прямымъ свѣдѣніямъ, одной пашни безъ сѣнокоса должно быть 1,160,000 дес. Очевидно, что въ составѣ крестьянскаго надѣла замежеваны значительныя пространства земель неудобныхъ, что̀ и дѣлаетъ нашъ методъ совершенно неприложимымъ. Если же этотъ методъ не годится, то мы едва ли найдемъ другой для распредѣленія сѣнокосныхъ угодій между землями разнаго владѣнія, а такъ же и для вычисленія культурной площади разныхъ владѣній въ другихъ не черноземныхъ губерніяхъ трехпольной полосы (Черниговской, Смоленской, Псковской, Новгородской и Петербургской).

Для того же, чтобы хотя съ нѣкоторою вѣрностью подойти къ числовымъ отношеніямъ разныхъ культуръ, приходится опе-

Digitized by Google

реться на выведенныя нами отношенія для 7 губерній и распространить ихъ и на остальныя пять. Культура *надѣльныхъ* крестьянскихъ земель занимаетъ собою 84,1 % всей культурной площади семи губерній, культура на частныхъ земляхъ (мелкаго и крупнаго владѣнія)—13,1% и 2,8% остальной площади приходится на прочія земли. Но на этихъ отношеніяхъ можно бы было основать вычисленія лишь въ томъ случаѣ, еслибы отношенія землевладѣній народнаго и частнаго и въ этихъ пяти губерніяхъ были бы тѣ же. Между тѣмъ, оказывается, что въ то время, какъ въ семи подмосковныхъ губерніяхъ народное землевладѣніе превышаетъ помѣстное, въ этихъ пяти въ общей сложности наоборотъ. Естественно, что при другихъ отношеніяхъ всей площади владѣнія, было бы слишкомъ смѣло предполагать, что отношеніе культурныхъ площадей должно остаться тоже самое, но совершенно правдоподобно за то предположить, что, при равныхъ въ общихъ чертахъ физическихъ и экономическихъ условіяхъ, можетъ удержаться и тутъ тоже отношеніе между всею площадью владѣнія и его частью, занятою подъ пашню. Такъ, если въ семи губерніяхъ не черноземной, великорусской, трехпольной полосы народная земля обработана въ размѣрѣ 55,6% о, то и въ сосѣднихъ губерніяхъ той же не черноземной, трехпольной полосы крестьянскій надѣлъ будетъ заключать около того же количества пашни, а землевладѣльческія будутъ воздѣланы въ размѣрѣ 10,1%, какъ и въ семи губерніяхъ, о которыхъ есть прямыя свѣдѣнія. Въ такомъ случаѣ оказалось бы пашни:

На земляхъ крестьянскихъ	. . . .	4,175,000 дес.
» » частныхъ	. . . . .	1,161,000 »
» » прочихъ	. . . . .	107;000 »
	S =	5,443,000 »

Если мы этотъ итогъ пахатныхъ земель сравнимъ съ свѣдѣніями о количествѣ пахатныхъ земель въ тѣхъ же 5 губерніяхъ, приводимыхъ г. Янсономъ по даннымъ министерства государственныхъ имуществъ, относящихся къ началу шестидесятыхъ годовъ, то увидимъ, что обѣ цифры весьма мало соотвѣтствуютъ другъ другу. Въ началѣ 60-хъ годовъ числилось здѣсь пахатныхъ земель гораздо больше, а именно 7,843,000 дес. Но это разнорѣчіе не должно насъ смущать, потому что тоже явленіе значительнаго уменьшенія пашни видимъ мы и въ тѣхъ семи губерніяхъ, гдѣ имѣли новѣйшія свѣдѣнія. Въ этихъ губерніяхъ пашни было, 20 лѣтъ тому назадъ, по свѣдѣнію министерства государственныхъ имуществъ, 10,905,000 дес., а нынѣ, по даннымъ «Позем. Стат.», осталось всего 8,868,000 д., т. е. уменьшилось на 20% приблизительно. Исчисленія г. Янсона площади подъ посѣвами приводятъ къ тому же заключенію о повсемѣстномъ и весьма значительномъ сокращеніи пашни въ не черноземной полосѣ. Прямыя свидѣтельства о томъ же весьма

Digitized by Google

многочисленны, между прочимъ, для Новгородской губерніи кн. А. И. Васильчикова, для Смоленской—г. Энгельгардта и пр.

Въ такомъ случаѣ для всѣхъ 12 губ. великорусской не черноземной полосы получимъ отношенія:

Культуры на крест. зем.	11,634,000 д.	—	81,6%
» » пом. »	2,321,000 »	—	16,2—
» » остальн. »	307,000 »	—	2,2—
	S = 14,262,000 д.	—	100,0%

Изъ площади народнаго землевладѣнія подъ культурою—55,6%, помѣстнаго—10,1%. Въ это распредѣленіе не вошли луга, занимающіе, по старымъ даннымъ министерства государственныхъ имуществъ, 6,100,000 дес.

Чтобы не выходить изъ предѣловъ трехпольной полосы, обратимся теперь къ западному краю, въ который входитъ 2 губерніи черноземныя (Кіевская и Подольская), 1 смѣшанной почвы (Волынская) и 6 не черноземныхъ. Относительно первыхъ двухъ мы можемъ смѣло примѣнить методъ, принятый нами для остальныхъ 12 губ. трехпольныхъ черноземныхъ. Что касается другихъ семи губерній, то, безъ спеціальнаго разсмотрѣнія условій мѣстнаго землевладѣнія, нельзя рѣшиться на примѣненіе этого метода. Извѣстно, что отличительная черта крестьянскаго землевладѣнія края состоитъ въ томъ, что здѣсь не отводилась земля крестьянскому обществу по числу ревизскихъ душъ, а лишь оставлено было крестьянскому сословію все то, чѣмъ оно пользовалось до освобожденія, при чемъ *пашни*, *сѣнокосы и усадьбы* предоставлены въ собственность крестьянамъ, а на выгоны и лѣса, которыми они пользовались сообща съ помѣщиками, распространено дѣйствіе сервитутовъ; сами же эти площади признаются помѣщичьими и отчетахъ крестьянскаго землевладѣнія не помѣщаются. Такимъ образомъ, по самому принципу надѣленія, во владѣнія крестьянъ, бывшихъ помѣщичьхъ, должны были попасть только въ культурныя земли, усадьбы, пашни и луга. Неудобныя земли и лѣса получали лишь государственные крестьяне, и для нѣкоторыхъ губерній мы имѣетъ цифры этихъ не воздѣланныхъ площадей. Отсутствіе ихъ для другихъ вообще не можетъ имѣть значительнаго вліянія на вычисленіе, въ виду незначительнаго числа государственныхъ крестьянъ. Лишь въ Волынской губерніи, повидимому, мы должны признать, безъ этихъ данныхъ, цифры культурныхъ крестьянскихъ земель нѣсколько дефектными, но на все вычисленіе для 9 губерній это обстоятельство не можетъ оказать существеннаго вліянія. Итакъ, эти соображенія дозволяютъ намъ примѣнить къ краю уже употребленный нами съ успѣхомъ методъ.

Всей крестьянской земли 15,782,000 дес. Лѣсного надѣла, неудобныхъ земель (по скольку онѣ показаны) и усадебной площади (5% всей) 1,087,000 дес.; остатокъ—14,695,000 дес. и составляетъ вѣроятную площадь культуры на крестьянскихъ земляхъ.

Digitized by Google

Со времени, къ которому относятся свѣдѣнія министерства государственныхъ имуществъ, вся культурная площадь края должна была измѣниться. Въ губерніяхъ Кіевской и Подольской она должна была возрости, какъ-то и показываютъ вычисленія г. Янсона; въ Волынской губерніи культура на черноземномъ югѣ, конечно, тоже возросла, но на черноземномъ болотистомъ сѣверѣ она, вѣроятно, понизилась, какъ и въ не черноземной Великороссіи, такъ что въ общемъ итогѣ вся культурная площадь губерніи едва ли значительно измѣнилась, что, дѣйствительно, тоже совпадаетъ съ вычисленіями г. Янсона. Тѣ же вычисленія указываютъ на такое же постоянство культурной площади или на неважныя колебанія еще въ губерніяхъ Гродненской и Виленской; объясненіе этому можетъ быть найдено въ бо̀льшей интенсивности культуры. Послѣдняя причина еще дѣйствительнѣе въ губерніи Ковенской; хотя исчисленія г. Янсона здѣсь и показываютъ упадокъ, но я скорѣе склоненъ отнести его къ ошибкѣ вычисленія. Остаются губерніи Минская, Могилевская и Витебская, въ которыхъ г. Янсонъ показываетъ очень значительное уменьшеніе запашки и гдѣ этого уменьшенія слѣдовало и ожидать, и по аналогіи съ подмосковною нечерноземною областью, и по прямымъ свѣдѣніямъ. Только едва ли можно допустить, чтобы этотъ упадокъ могъ совершиться въ такой ужасной степени, какъ то было бы, еслибы вычисленія г. Янсона принять безъ дальнѣйшей критики. Мы видѣли выше, какъ блистательно оправдались исчисленія г. Янсона въ черноземной полосѣ, гдѣ они, можно сказать, предвосхитили свѣдѣнія, сообщенныя въ «Позем. Стат.». Нѣсколько другіе результаты принесли исчисленія г. Янсона въ губерніяхъ не черноземныхъ; здѣсь (въ 7 губерніяхъ), по прямымъ свѣдѣніямъ, площадь пашни равна 8,868,000 дес., а по исчисленію г. Янсона—7,037,000 дес., т. е. меньше на 1,831,000 дес. или на 20%. Такое крупное разнорѣчіе не позволяетъ намъ принять для не черноземныхъ губерній цифръ г. Янсона за основаніе для вычисленій, а лишь за указатель направленія культуры (къ упадку или развитію). На какой же цифрѣ мы можемъ остановиться въ такомъ случаѣ для трехъ бѣлорусскихъ губерній? Если подмосковная культура уменьшилась на 20%, если вычисленія г. Янсона указываютъ на регрессъ почти въ 50% (напримѣръ, для Витебской съ 1,877,000 д. пашни до 920,000 д.), то для Бѣлоруссіи будетъ самымъ благопріятнымъ предположить, что и здѣсь культура сократилась лишь въ размѣрѣ такомъ же, какъ и въ не черноземной Великороссіи. Если мы примемъ за основаніе для нашего вычисленія всѣ эти данныя и соображенія, то получимъ нижеслѣдующія отношенія (для всѣхъ 9 губ. Западнаго Края):

Крестьянской культ. земли	14,695,000 д.	68,4 %
Владѣльческой » »	6,792,000 »	31,6 —
	S = 21,487,000 д.	100,0 %

Digitized by Google

Всей крестьянской	15,782,000 д.	воздѣлано	93,0 %
Помѣстной	19,489,000 »	»	34,8 —

Обратимся къ даннымъ для Царства Польскаго, которыя оказываются еще скуднѣе. Здѣсь, напримѣръ, лишь крестьянское землевладѣніе приведено нѣсколько въ извѣстность, а помѣстное вносится въ статистику по вычисленію.

Г. Янсонъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, даетъ итогъ всей земельной собственности въ слѣдующемъ видѣ:

Владѣнія	казны	659,000 д.
»	помѣщиковъ	3,680,000 »
»	шляхты.	361,000 »
»	колонистовъ	243,000 »
»	крестьянъ.	4,747,000 »
»	городовъ	417,000 »
	S =	10,107,000 д.

Между тѣмъ, съ другой стороны итоги угодій не сходятся съ этимъ итогомъ:

Пахатныхъ земель. .	5,775,000 д.	
Луговъ	985,000 »	
Лѣсовъ	3,053,000 »	
Неудобныхъ земель .	1,820,000 »	(также выгоны и усадьбы)
S =	11,653,000 д.	
Больше на	1,546,000 д.	

Г. Янсонъ желаетъ предположить, что эти $1^1/_2$ мил. дес. находятся подъ городами, водами, дорогами и пр. Но подъ городами состоитъ всего, по его же свѣдѣніямъ, 25,000 дес., большихъ внутреннихъ водъ въ Царствѣ не имѣется, а мелкія, составляя собственность разныхъ владѣльцевъ, вносятся и въ исчисленіе *всей* площади ихъ владѣній, попадая въ рубрику неудобныхъ; наконецъ, дороги никакимъ образомъ къ угодьямъ отнесены быть не могутъ и скорѣе можно было бы ихъ найти въ итогѣ земли по владѣніямъ, чѣмъ въ итогѣ по угодьямъ. Самое вѣроятное предположеніе, что эти земли ($1^1/_2$ мил.) составляютъ площадь неудобныхъ земель частнаго владѣнія (которыя г. Янсонъ получилъ лишь вычитаніемъ остальныхъ цифръ владѣнія изъ общаго итога). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что по старымъ свѣдѣніямъ «Военно-Статистическаго Сборника», IV, итогъ помѣстныхъ земель превышаетъ цифру г. Янсона на три съ лишнимъ милліона. Часть земель, правда, отошла на дополнительные надѣлы крестьянамъ, но все же далеко не въ такомъ размѣрѣ.

Изъ остальныхъ родовъ владѣнія земли колонистскія и городскія (собственно говоря мѣщанскія) мы отнесемъ къ площади народнаго землевладѣнія, а шляхетскія (мелкія имѣнія) къ частной, потому что и для остальной Россіи мы не могли выдѣлить мелкія имѣнія, а такъ же и потому, что по всѣмъ свѣдѣніямъ они быстро скупаются другими сословіями.

Digitized by Google

Итоги землевладѣнія окажутся, такимъ образомъ: народнаго—5,407,000 дес., частнаго—5,542,000 дес. Но какая часть этихъ площадей находится подъ культурою? Всѣхъ неудобныхъ и усадебныхъ земель въ краѣ—1,820,000 дес.; изъ нихъ мы признали находящимися на частныхъ земляхъ—1,521,000 дес., остальныя 300,000 дес. должны лежать на земляхъ народныхъ. Всѣхъ лѣсовъ въ краѣ — 3,053,000 дес., въ томъ числѣ казенныхъ — 659,000 дес., крестьянскихъ—106,000 дес. и неизвѣстно какое количество на колонистскихъ и городскихъ земляхъ. Остальные лѣса—въ помѣстномъ владѣніи. Въ виду того, что земли колонистскія и городскія составляютъ вмѣстѣ всего 660,000 дес., можно бы было и пренебречь ихъ лѣсами, которыхъ не можетъ быть много при маломѣрности мѣщанскихъ надѣловъ. Отбросимъ, однако, на нихъ еще процентовъ десять, т. е. 66,000 дес. Въ такомъ случаѣ, остальныя—2,222,000 дес. лѣса расположены на частныхъ земляхъ. При этихъ вычисленіяхъ окажется:

	На народныхъ земляхъ.	На помѣстныхъ земляхъ.
Неудобныя земли, усадьбы, выгоны.	300,000 д.	1,520,000 д.
Лѣсовъ	172,000 »	2,222,000 »
Не возд. земель	472,000 д.	3,744,000 д.
Культурныхъ	4,935,000 »	1,798,000 »
Всего культурной земли		6,733,000 »
По даннымъ мин. гос. им. . . .		6,760,000 »

Такимъ образомъ, это распредѣленіе культурной площади было бы вполнѣ вѣроятнымъ, если бы со времени собиранія данныхъ, обработанныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, культура края осталась въ томъ же размѣрѣ, но, хотя политическія событія шестидесятыхъ годовъ не могли временно не задержать культуры, однако, затѣмъ она должна была оправиться и прогрессировать, одинаково побуждаемая къ тому густотою населенія и благопріятными физическими условіями. Дѣйствительно, вычисленія г. Янсона показываютъ, что культурная площадь расширилась съ 5,775,000 дес. пашни до 6,730,000, т. е. на 955,000 дес. Сѣнокосная площадь по всей вѣроятности тоже расширилась посредствомъ устройства искуственныхъ луговъ, но свѣдѣній объ этомъ не имѣемъ. Все это расширеніе культуры могло произойти только на частныхъ земляхъ, гдѣ культурная площадь такимъ образомъ возвысилась, по меньшей мѣрѣ, до—2,753,000 дес. Относительныя цифры культурныхъ площадей выразятся:

На народныхъ зелляхъ. . .	64,1 %	
На помѣстныхъ	35,9 —	= 100,0 %

Изъ общей площади землевладѣнія обработано:

Народнаго владѣнія	91,2 %
Частнаго	49,6 —

Въ трехъ *прибалтійскихъ* губерніяхъ, какъ и въ сѣверной ча-

Digitized by Google

сти Великороссіи въ составъ крестьянскихъ земель должно было войти довольно значительное количество земель неудобныхъ. Лѣсные надѣлы у г. Янсона не показаны. Въ составѣ частныхъ имѣній должна быть довольно значительная площадь лѣсовъ, а именно:

Въ Курляндіи	220,000 дес.
» Лифляндіи	830,000 »
» Эстляндіи	217,000 »
	1,267,000 дес.

Остальныя—4,817,000 дес. представляютъ сумму культурныхъ и некультурныхъ, удобныхъ и неудобныхъ земель. Не имѣя никакихъ другихъ данныхъ, намъ приходится принять отношеніе культурныхъ площадей народнаго и частнаго землевладѣнія равнымъ отношенію всей площади народной къ площади частной за исключеніемъ лѣсовъ, т. е. какъ 643: 4,817, при чемъ получимъ участіе каждаго рода землевладѣнія въ культурѣ слѣдующее:

Народное	11,8 %	(= 364,000 д.)
Частное	88,2 —	(= 2,801,000 »)
	100,0 %	3,165,000 д.

Абсолютныя цифры взяты согласно культурной площади по свѣдѣніямъ министерства государственныхъ имуществъ. По исчисленію же г. Янсона онѣ значительно меньше (2.780,000 д.). Не точности въ вычисленіяхъ г. Янсона въ не черноземной полосѣ не дозволяютъ намъ замѣнить его цифрами старыя данныя, а между тѣмъ онѣ достаточно доказательны, чтобы не допускать предположенія объ увеличеніи культурной площади.

Въ *Херсонской* губерніи, по свѣдѣніямъ мѣстнаго статистическаго комитета, въ 1878 году состояло подъ посѣвами: на земляхъ крестьянскаго владѣнія—1,269,000 д., на земляхъ владѣльческихъ—935,000 д. Сѣнокосная площадь въ полосѣ черноземной переложной не представляетъ собою постоянныхъ угодій, а просто является всею невоздѣланною землею. Переложная система тоже не знаетъ пара, такъ что въ сущности площадь посѣва не представляетъ культурную площадь края. Для Херсонской губерніи она равна слѣдовательно—2,204,000 дес., въ томъ числѣ

На земляхъ народныхъ влад.	57,6 %
» » частныхъ »	42,4 —
	100,0 %

Всей земли.			
Крестьянской . . .	2,110,000 д.	воздѣлано . .	60,1%
Частной	3,577,000 »	» . .	28,9 —

По исчисленіямъ г. Янсона подъ посѣвами въ Херсонской губерніи состоитъ—2,048,000 д., да подъ паромъ въ Александрійскомъ уѣздѣ (трехпольная полоса)—125,000, дес., всего 2,173,000

Digitized by Google

дес., т. е. весьма близко къ прямымъ новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Оказывается, что и тутъ на черноземѣ исчисленія г. Янсена снова блистательно оправдываются прямыми свѣдѣніями.

Отношенія, выведенныя нами для Херсонской губ., могутъ быть распространены и на Екатеринославскую, гдѣ совершенно тѣже соціальныя, экономическія и физическія условія. Принимая поэтому, что и въ этой губерніи крестьянскія и помѣстныя земли воздѣланы въ такомъ же размѣрѣ, получимъ культурную площадь.

Народнаго владѣнія . . .	1,723,000 д.	66,6 %
Частнаго » . . .	847,000 »	33,4 —
	S = 2,570,000 д.	100,0 %

Абсолютная цифра всей культуры превышаетъ нѣсколько, какъ цифры министерства государственныхъ имуществъ, такъ и вычисленію г. Янсона. Въ виду такой не полной точности нашего вычисленія даже относительно смежной и однородной Екатериновской губерніи было бы опасно распространять на другія губерніи той же переложной черноземной южной полосы (Таврическая и Донская). Для Бессарабіи же (частью трехпольной, частью переложной) мы имѣемъ независимыя данныя, хотя и устарѣлыя.

Свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ для этой губерніи, относятся къ началу шестидесятыхъ годовъ, но здѣсь (въ большей части губерніи) аграрныя отношенія давно установились и реформа внесла болѣе юридическое, нежели фактическое перераспредѣленіе земли. Расширеніе культуры и здѣсь большею частью должно быть отнесено на счетъ частнаго землевладѣнія. Обращаясь къ старымъ даннымъ, мы получимъ слѣдующую таблицу народнаго и помѣщичьяго посѣва.

	Озимаго.	Яров.	Карт.	Всего
Помѣстный	70,796	45,110	1,557	= 116,463
Народный.	139,276	261,625	16,393	= 417,795
S =	210,072	306,735	18,450	= 534,258

Т. е. 78,2% высѣяннаго зерна принадлежитъ народному производству, а 21,8%—владѣльческому. Что касается площади воздѣлываемой земли, то она не совсѣмъ соотвѣтствуетъ этимъ отношеніямъ. Въ составѣ владѣльческихъ посѣвовъ играетъ первую роль пшеница (и въ яровомъ, и въ озимомъ полѣ), въ составѣ крестьянскихъ яровыхъ посѣвовъ преобладаетъ маисъ, котораго на десятину высѣвается вчетверо менѣе, нежели пшеницы. Точно такъ же и картофель, котораго больше воздѣлывается крестьянами, высѣвается на десятину въ размѣрѣ въ четыре раза меньшемъ зерновыхъ хлѣбовъ, какъ пшеница, рожь, ячмень. На основаніи этихъ данныхъ расчисленная площадь культуры окажется.

Подъ помѣщ. запашкою . . .	97,727 д.	12 %
Подъ народною » . . .	721,729 »	88 —
S =	819,466 д.	100 %

Digitized by Google

Въ настоящее время, по исчисленію г. Янсона, подъ посѣвами въ Бессарабіи состоитъ—886,000 дес, т. е. на 66.000 дес. больше, чѣмъ 15 лѣтъ тому назадъ. Это показываетъ, какъ мало расширилась культура со времени нашихъ свѣдѣній. По свѣдѣніямъ министерства государственныхъ имуществъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ состояло пах. земли 1,210,000 дес., что тоже соотвѣтствуетъ нашимъ вычисленіямъ. 820,000 дес. посѣва требуютъ около 400,000 пара, всего 1,22000 дес. пахатныхъ земель.

Однако, это распредѣленіе пашни и посѣва даетъ намъ, собственно говоря, не отношеніе пашни народнаго и помѣстнаго владѣнія, а прямо народнаго и помѣстнаго хозяйства, между тѣмъ, какъ первое распространяется и на помѣстныя земли. Всей пашни народнаго хозяйства, сообразно этимъ вычисленіямъ, 1,083,000 дес. (считая 361,000 дес. пара). Все же крестьянское землевладѣніе равняется 1,585,000 дес., считая въ томъ числѣ сѣнокосы и некультурныя земли, которыхъ у колонистовъ и новороссійскихъ казаковъ должно быть довольно много. Поэтому, на основаніи тѣхъ же матеріаловъ, опредѣлимъ спеціально площадь пашни для каждой категоріи сельскихъ жителей:

Царане и резеши	595,434	дес.
Государственные крестьяне.	23,093	»
Колонисты	94,013	»
Казаки	4,199	»

Три послѣднія категоріи, обильно надѣленныя, воздѣлывающія землю не всю удобную площадь своего владѣнія и живущія по преимуществу въ южной Бессарабіи, гдѣ частное землевладѣніе ничтожно, не должны распространять своей культуры на земли помѣстнаго владѣнія. Только культура царанъ и резешей можетъ распространяться и на частныя земли. Вся пашня этой категоріи равняется (съ паровою смѣною) 893,000 дес. Всей же земли резешей и царанъ 878,000 дес. Въ томъ числѣ считается 5% на усадьбы (44,000 дес.) и выключая также резешскія лѣса (42,000 дес.), остается 792,000 дес. царанской и резешской земли, которую въ этой благодатной странѣ можно почитать всю культурною, но сюда должны войти и сѣнокосы, которыхъ, впрочемъ, у поселянъ очень мало. Такимъ образомъ, мы вправѣ опредѣлить количество резешской и царанской пашни на собственныхъ земляхъ около 750,000 дес. и на арендованныхъ 143,000 дес. Увеличивая культурную площадь помѣстнаго владѣнія и на весь приростъ запашекъ (66,000 дес.), мы получимъ культурную площадь:

Народнаго владѣнія. . .	940,000	дес.	75,5%
Помѣстнаго » . . .	307,000	»	24,5%
S =	1.247,000	»	100,0%

Изъ состава крестьянской земли занято пашнею 59,3%
Помѣстной. 14,9%

Digitized by Google

О *пяти* сѣверныхъ лѣсныхъ губерніяхъ можно съ увѣренностью сказать, что здѣсь вся культурная площадь приходится на долю народнаго землевладѣнія. Лишь въ южной части *Вологодской* губерніи мы вправѣ ожидать небольшой культуры на помѣстныхъ земляхъ. Въ Архангельской и Пермской губерніяхъ ея достовѣрно нѣтъ, а въ Олонецкой и Вятской самое землевладѣніе частное такъ относительно незначительно, что, если здѣсь и зародилась кое-какая культура, то въ очень ничтожномъ размѣрѣ и была бы ведена во всякомъ случаѣ крестьянскими хозяйствами. Вся культурная площадь этихъ пяти губерній равняется лишь 13,050,000 дес. по старымъ свѣдѣніямъ министерства государственныхъ имуществъ, а по исчисленіямъ г. Янсона—11,300,000 дес. По извѣстнымъ уже соображеніямъ мы предпочитаемъ первую цифру, которая и представляетъ собою культурную площадь крестьянскаго владѣнія за исключеніемъ ничтожной и неуловимой культуры на частныхъ земляхъ.

Въ *Астраханской* губерніи помѣстное землевладѣніе ничтожно, а помѣстнаго хозяйства и вовсе не существуетъ. Вся культура ведется народными хозяйствами и за ничтожными и неуловимыми исключеніями на собственныхъ же земляхъ. Вся культура губерніи (считая только пашни), по свѣдѣніямъ министерства государственныхъ имуществъ, 1,211,000 дес., а по исчисленіямъ г. Янсона—1,166,000 дес.

Объ остальныхъ губерніяхъ Европейской Россіи (Самарской, Уфимской, Оренбургской, Таврической, Ставропольской и Донской) нѣтъ никакихъ данныхъ для распредѣленія культурной площади между разными владѣніями [1].

Подводя итогъ этому изслѣдованію, мы можемъ сказать, что въ Европейской Россіи, въ 55 губерніяхъ культурная площадь распредѣляется между двумя главными видами землевладѣнія слѣдующимъ образомъ:

Культ. площадь нар. владѣнія	75,765,000	д.	70,6%
» » пом. владѣнія	30,768,000	»	28,6%
Въ 24 губ. на прочей	908,000	»	0,8%
S =	107,441,000	»	100,0%

Конечно, въ виду разнородности и разновременности матеріала, сведеннаго нами для вывода этихъ цифръ, на нихъ слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на приблизительныя и вѣроятныя.

Но опредѣливъ культурную площадь разныхъ владѣній, мы этимъ выдѣлили и точнѣе вычислили лишь площадь, занятую народнымъ производствомъ на собственныхъ земляхъ, тогда какъ въ рубрикѣ культурной площади на помѣстной землѣ заключается нѣсколько различныхъ видовъ земледѣльческаго производ-

[1] Объ областяхъ Уральской, Терской и Кубанской извѣстно только, что тутъ капиталистической культуры вовсе не существуетъ и что сборъ хлѣба достигаетъ 2,316,000 четвертей.

Digitized by Google

ства: капиталистическое на собственной и арендованной землѣ, народное на арендованной землѣ по обезпеченной и по не обезпеченной системѣ. Къ распредѣленію культурной площади между этими видами и къ уясненію отношенія двухъ главныхъ типовъ производства (народнаго и капиталистическаго) мы приступаемъ теперь.

II.

Отношенія культурной площади народнаго и частнаго владѣнія въ 12 губерніяхъ не черноземной великорусской трехпольной полосы, мы нашли выше, опредѣливъ культуру перваго въ 11,634,000 дес., а второго въ 2,321,000 дес. Теперь намъ предстоитъ попытаться опредѣлить, сколько изъ этой послѣдней воздѣлывается помѣщичьими хозяйствами капиталистическимъ способомъ и сколько обработывается народными хозяйствами, арендующими землю у помѣщиковъ. Эта система мелкой крестьянской аренды отдѣльными домохозяевами, какъ и цѣлыхъ имѣній крестьянскими общинами, довольно распространена въ этомъ краѣ. Мы имѣемъ о томъ многочисленныя и разностороннія свидѣтельства. Г. *Виберъ* [1] сообщаетъ о *Псковской* губерніи: «Зажиточные крестьяне или арендуютъ сосѣднее имѣніе, или берутъ землю подъ ленъ съ платою по десятинно отъ 50 до 90 руб. за лѣто. Недостаточный крестьянинъ, имѣющій исправную семью, обыкновенно беретъ въ одномъ изъ сосѣднихъ имѣній землю въ пользованіе исполу, т. е. обработываетъ одну или двѣ десятины подъ ленъ и такое же количество подъ яровой и озимый хлѣбъ, за что, по окончаніи полевыхъ работъ и уборкѣ хлѣба, получаетъ, за исключеніемъ посѣянныхъ сѣмянъ, половину зерноваго прироста и половину добытаго волокна». Г. *Энгельгардтъ* [2] сообщаетъ о *Смоленской* губерніи, что повсемѣстно сѣнокосы сдаются исполу, иногда за деньги крестьянамъ. Онъ же свидѣтельствуетъ, что крестьяне повсемѣстно арендуютъ такъ называемые «отрѣзки», т. е. земли, которыми они пользовались до реформы 1861 года и которые, по уставнымъ граматамъ, отошли къ помѣщикамъ. *Князь Васильчиковъ*, лично хозяйничавшій въ *Новгородской* губерніи и тщательно изучившій условія сельскаго хозяйства, его характеръ и развитіе во всей полосѣ, отзывается слѣдующимъ образомъ [3]: «Господскія запашки здѣсь составляли и въ прежнее время исключеніе; бо́льшею частью крестьяне жили на чисто оброчной повинности, владѣя дѣйствительно всѣми помѣщичьими угодьями. Въ этой полосѣ болѣе, чѣмъ во всѣхъ дру-

---

[1] См. «Труды И. в. э. общества», 1879 г., № 2: *Виберъ*. «Сельск. хоз. Псковской губ.».

[2] «Отеч. Зап.», 1876 г., № 1.

[3] «Землевладѣніе и земледѣліе», I.

Digitized by Google

гихъ, пострадали отъ прекращенія крѣпостного труда помѣщичьи хозяйства и тѣ изъ нихъ, которыя и нынѣ еще устояли, сократились на половину и на двѣ трети. Но съ другой стороны, въ этомъ краѣ произошелъ и происходитъ по сіе время переворотъ, очень выгодный для землевладѣльцевъ. Такъ какъ при крѣпостномъ правѣ и при слабомъ казенномъ управленіи прежнихъ временъ крестьяне привыкли къ полному приволью и пользовались беззапретно или, по крайней мѣрѣ, безнаказанно всѣми помѣщичьими и казенными землями, то отрѣзка земель по уставнымъ граматамъ и владѣннымъ записямъ крайне стѣсняла ихъ. Отъ этого сдаточныя цѣны на земли стали быстро возвышаться и землавладѣльцы пріобрѣли новые источники дохода отъ такихъ пустошей, лѣсныхъ покосовъ и пустырей, которые крестьяне признавали неудобными, а сами помѣщики—бездоходными». Спеціально о *Псковской* губерніи и смежныхъ частяхъ *Смоленской* и *Тверской* покойный изслѣдователь замѣчаетъ: «Разсчитано, что еслибы крестьяне засѣвали льномъ всѣ свои надѣленныя земли, то подъ посѣвъ другихъ яровыхъ растеній осталось бы не болѣе 38,000 дес. Поэтому, занявъ льняными посѣвами возможно бо̀льшую площадь собственной земли, они еще занимаютъ большія пространства помѣщичьей земли. Этотъ усиленный запросъ ежегодно возвышаетъ цѣну сдаточныхъ земель, такъ что въ этомъ краѣ, гдѣ земли вообще дурного качества и продажныя цѣны не выше двадцати рублей за десятину пашни и луговъ, сдаточныя цѣны поднялись въ послѣднее время до 5—10 р. за пашню и до 20 р. за десятину подъ ленъ, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ послѣднія цѣны доходятъ до 60 и даже до 80 р.».

Эти данныя свидѣтельствуютъ, что аренда крестьянами земель помѣстнаго владѣнія подъ культуру льна и хлѣбовъ, а также и для сѣнокошенія, получила сильное распространеніе въ разсматриваемой мѣстности. Площадь культурныхъ земель помѣстнаго владѣнія и безъ того, какъ мы видѣли, едва равняется 16% всей культуры, но и изъ этихъ шестнадцати процентовъ приходится извѣстную долю отчислить, какъ занятую народнымъ хозяйствомъ. Все это низводитъ собственно помѣщичьи запашки до самаго ничтожнаго процента, вѣроятно, ниже 8%. Если, однако, читатель полагаетъ, что, по крайней мѣрѣ, эта площадь воздѣлывается способомъ капиталистическимъ, то онъ ошибется. Для того, чтобы можно было примѣнить къ какой-нибудь формѣ производства этотъ эпитетъ, необходимо, чтобы капиталъ, затрачиваемый въ производство, былъ обособленъ отъ труда, чтобы онъ принадлежалъ не рабочимъ, затрачивающимъ въ производство свой трудъ. Трудятся одни, капиталъ затрачиваютъ другіе; это обособленіе факторовъ производства, это раздѣленіе на классъ трудящійся и классъ капиталистовъ и составляетъ отличительный признакъ капиталистическаго строя. Необходимо, чтобы капиталъ, на который ведется производство, принадлежалъ хозяину, чтобы въ имѣніи существовало «хозяйство», т. е. капиталъ, ском-

Digitized by Google

бинированный въ видѣ рабочаго скота, комплекта постоянныхъ и временныхъ рабочихъ, орудій производства, запасовъ фуража для скота, продовольствіе для рабочихъ и т. д. Только въ такомъ случаѣ земледѣльческое производство можетъ быть названо капиталистическимъ и такія капиталистическія хозяйства дѣйствительно и встрѣчаются въ другихъ областяхъ Россіи, особенно западныхъ, но здѣсь въ не черноземной Великороссіи ихъ вовсе нѣтъ. Помѣщичьи запашки существуютъ въ небольшомъ количествѣ повсемѣстно въ краѣ, но помѣщики при этомъ вовсе не имѣютъ *хозяйства*; они не держатъ ни рабочаго скота, ни рабочихъ, ни орудій производства. Вотъ какъ г. *Виберъ* характеризуетъ, напримѣръ, подобное хозяйство безъ хозяйства въ Псковской губерніи: «Бѣдный и малосемейный крестьянинъ, не имѣя возможности взять землю исполу, обработываетъ извѣстное количество ея за деньги. Плата за обработку одной круглой десятины (т. е. одной десятины озимой, одной десятины яринь, одной—парового клина, всего три десятины) колеблется отъ 20 до 30 р.». Князь *Васильчиковъ* даетъ слѣдующую характеристику этой особой системы обработки земли: «Вольнонаемное хозяйство (т. е. капиталистическое производство) въ этомъ краѣ ведется съ большимъ трудомъ, потому собственно, что помѣщичьи имѣнія, состоявшія бо́льшею частью на оброкѣ, не были подготовлены къ хозяйственной эксплуатаціи; но, впрочемъ, во многихъ мѣстностяхъ устроился, уже послѣ освобожденія крестьянъ, порядокъ обработки земли, очень удобный и выгодный для владѣльца; этотъ порядокъ — *сдача земель на кругъ или на гнѣздо*. Крестьянинъ нанимается на всѣ полевыя работы на круговую десятину, т. е. по одной десятинѣ пашни во всѣхъ трехъ поляхъ и, кромѣ того, одну десятину покоса; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ исключается изъ работъ молотьба, въ другихъ—вывозъ навоза, прочія работы производятся наемщиками *своимъ рабочимъ скотомъ и орудіями* по цѣнѣ за кругъ отъ 23 до 26 р. въ Новгородской губерніи, 28 — въ Псковской. 29 — въ Тверской». Г. *Энгельгардтъ* подробно описываетъ эту же систему въ *Смоленской* губерніи и вообще она общепринята въ имѣніяхъ великорусской не черноземной полосы. Изъ предыдущихъ характеристикъ видно, что система эта заключается въ томъ, что владѣлецъ *сдаетъ землю* и *получаетъ* за это не деньги, но *готовый продуктъ*. За такую операцію надъ своею землею, за ея воздѣлываніе, онъ уплачиваетъ тѣмъ «хозяйствамъ», которыя это дѣлаютъ, наличными деньгами условленную сумму. Собственнаго хозяйства землевладѣлецъ не имѣетъ и не ведетъ. Воздѣлывается земля, слѣдовательно, не капиталистическимъ способомъ, но при посредствѣ тѣхъ же мелкихъ хозяйствъ, которые обработываютъ и остальные $^{9}/_{10}$ съ лишнимъ культурной площади края. Капиталъ, участвующій въ производствѣ, не обособляется отъ труда, а составляетъ собственность трудящихся надъ нивою рабочихъ. Только здѣсь раздѣлъ выручки производится совершенно осо-

Digitized by Google

бымъ образомъ. Обыкновенно, если земля обработывается не собственникомъ ея, то съемщикъ выплачиваетъ землевладѣльцу ренту деньгами, а изъ остальной выручки, за покрытіемъ издержекъ производства, получаетъ прибыль на затраченный капиталъ и вознагражденіе за трудъ; здѣсь же, наоборотъ, съемщикъ получаетъ свою долю наличными деньгами, предоставляя землевладѣльцу выручать ренту изъ полученнаго имъ натурою готоваго продукта. Но каковы бы ни были основанія, принятыя для дѣлежа выручки между землевладѣльцемъ и хозяиномъ, воздѣлывающимъ его землю, отъ этого не измѣняется нисколько тотъ фактъ, что земля и въ этомъ случаѣ воздѣлывается силами не капиталистическаго, а народнаго хозяйства. Этотъ способъ вести хозяйство отнюдь не капиталистическій, а является лишь маскированною чисто-рентовою эксплуатаціей земли, народнымъ производствомъ на арендованной землѣ. Г. *Энгельгардтъ*, характеризуя этотъ видъ хозяйничанія въ Смоленской губерніи, замѣчаетъ: «Собственно говоря въ подобныхъ имѣніяхъ хозяйство ведется только для того, чтобы получить ренту съ земель, которыхъ за деньги прямо отдать въ аренду нельзя, но можно сдать подъ работу». Авторъ указываетъ на довольно значительную категорію помѣстій, гдѣ за обработку земли помѣщики платятъ крестьянамъ не деньгами, а прямо землею, причемъ рентовая эксплуатація еще болѣе демаскируется этимъ фактомъ. Вообще же отзывается объ этой системѣ почтенный профессоръ въ слѣдующихъ словахъ: «Помѣщичьи поля крестьяне на своихъ лошадяхъ, со своими орудіями отработываютъ тѣмъ же порядкомъ, тѣми же способами, какъ обработывали въ старое время, и ссыпаютъ въ амбаръ готовый хлѣбъ».

И такъ, характеризуя аграрный бытъ великорусской не черноземной полосы, мы можемъ сказать, что здѣсь *капиталистическаго производства вовсе не существуетъ. Вся воздѣлываемая площадь обработывается силами и средствами народнаго хозяйства.* При этомъ, однако, небольшой процентъ культуры (около 8—10%, самое большое) воздѣлывается особымъ способомъ, сохраняющимъ обманчивый призракъ помѣстнаго хозяйства. Причисляя культуру на «прочихъ» къ народной на арендованныхъ земляхъ, получаемъ слѣдующее распредѣленіе земледѣльческаго производства между различными его формами:

Народное производство на собственной землѣ		82%
» » » аренд. земл.	въ чистомъ видѣ	10—12%
	въ маскир. видѣ	8—10%

Прежде, чѣмъ обратимся къ черноземной полосѣ Россіи, напомнимъ, что въ остальныхъ 5 не черноземныхъ сѣвернорусскихъ губерніяхъ капиталистическаго производства не существуетъ. Весьма небольшую, не поддающуюся вычисленію, часть культуры

Digitized by Google

можно отнести къ народному производству на арендованныхъ земляхъ. Вся же масса производства относится къ типу народной культуры на собственыхъ земляхъ. Тоже замѣчаніе вполнѣ примѣнимо и къ Астраханской губерніи.

Въ 12 губерніяхъ черноземной трехпольной полосы, культурная площадь частнаго владѣнія равняется, какъ мы видѣли, 14 мильонамъ десятинъ, но какой % этой площади занятъ владѣльческими запашками и какой крестьянскими на правахъ народной аренды, денежной и издольной,—опредѣлить довольно затруднительно, Одно достовѣрно, что система мелкой аренды очень сильно распространена и, повидимому, даже преобладаетъ надъ системою владѣльческихъ запашекъ. Болѣе или менѣе точныя данныя можно привести относительно *Борзенскаго* уѣзда, который можно признать типичнымъ для большей части черноземной Малороссіи и для южной части черноземной Великороссіи. Поэтому мы воспользуемся обстоятельными данными, собранными земскими статистиками, для возможно полной характеристики аграрныхъ отношеній мѣстности. Въ Борзенскомъ уѣздѣ всѣхъ имѣній свыше 100 дес. владѣнія — 130, съ общею площадью земли около 46,000 дес. Точныя свѣдѣнія приведены для 122 имѣній (о восьми не достаетъ свѣдѣній); изъ нихъ капиталистическое хозяйство ведется въ 11, въ 67 существуетъ исключительно система мелкой крестьянской аренды и въ 44-хъ обѣ системы существуютъ рядомъ. Другими словами *54,2%* эксплуатируются по системѣ мелкой аренды, 9,8% при посредствѣ капиталистической формы, 36%—тѣмъ и другимъ способомъ смѣшанно. Для уясненія соотношенія обѣихъ формъ производства въ этой послѣдней категоріи имѣній, мы располагаемъ болѣе детальными свѣдѣніями для 24 имѣній, которыя, имѣя въ общей сложности — 12,600 дес., воздѣлываютъ подъ собственную запашку всего 894 дес. (или 7% всего владѣнія), остальныя же культурныя земли сдаются крестьянамъ за деньги или изъ доли. Если запашку считать всего въ 50% всей площади владѣнія, что составитъ minimum (въ Полтавской губерніи % площади посѣвовъ приблизительно такой), то мелкая арендная культура займетъ 11,706 д., т. е. на долю капиталистической культуры 15% всей площади культуры въ имѣніяхъ смѣшанной системы и 85% подъ культурою народныхъ хозяйствъ. Сводя эти выводы, окажется:

1. Капиталист. культура .	*а*)		9,8%
	б) (15% изъ 36%)		5,4%=15,2%
2. Народн. культ. на влад. землях	*а*)		54,2%
	б) (85% изъ 36%)		30,6%=84,8%
			100,0

Такимъ образомъ менѣе 1/6 культурной площади помѣстнаго

Digitized by Google

владѣнія воздѣлывается капиталистическимъ способомъ; остальныя 5/6 съ лишнимъ владѣльческихъ культурныхъ земель воздѣлываются по системѣ народной аренды. Если же мы возьмемъ во вниманіе и народное производство на собственныхъ земляхъ, то окажется, что капиталистическая культура не занимаетъ въ уѣздѣ и 3% всей воздѣлываемой земли. «Во всемъ Борзенскомъ уѣздѣ, замѣчаютъ земскіе статистики, самымъ рѣшительнымъ образомъ преобладаетъ такъ называемое мелкое хозяйство (petite culture). Оно ведется нетолько на земляхъ казаковъ и крестьянъ, но и на большей части помѣщичьей земли, которая снимается въ раздробь поселянами по десятинно, — или прямо отъ самого владѣльца, или отъ его арендатора».

Въ Мураевенской волости Данковскаго уѣзда *Рязанской* губерніи [1] всѣхъ имѣній (больше 100 дес.)—13. Изъ нихъ воздѣлываютъ всю культурную землю подъ собственныя запашки — 5 съ пахатною площадью — 909 дес., сдаютъ всю землю по мелочамъ подъ крестьянскую аренду—3 имѣнія съ площадью пахатныхъ земель—1,024 дес., наконецъ, со смѣшанною культурою—5 имѣній съ площадью пахатныхъ земель—3,235 дес., изъ коихъ раздается въ аренду крестьянамъ всего 950 дес. Но эти данныя относятся ко всѣмъ пахатнымъ землямъ, т. е. посѣвамъ и паровому полю, но послѣдняго въ составѣ пашни, остающейся въ распоряженіи помѣщиковъ, гораздо больше, такъ какъ крестьяне рѣдко арендуютъ паровую смѣну, не имѣя обыкновенія удобрять арендованную землю. Отношенія же посѣвовъ оказываются слѣдующими. Всѣхъ владѣльческихъ посѣвовъ (во всѣхъ 22 имѣніяхъ, т. е. и въ тѣхъ 9, кои меньше 100 дес.) — 2,300 дес., а подъ посѣвами крестьянъ въ тѣхъ же имѣніяхъ состоитъ — 1,800 дес. Другими словами, подъ владѣльческою культурою 56%, подъ народною арендою — 44% Однако, эти отношенія нимало не выражаютъ еще относительной роли капиталистическаго производства и народной аренды, потому что здѣсь сильно распространена система маскированной рентовой эксплуатаціи, съ которою мы познакомились выше, при описаніи аграрнаго быта не черноземной полосы. Г. *Семеновъ* сообщаетъ: «Наемъ крестьянъ на работы во владѣльческія экономіи происходитъ въ четырехъ различныхъ формахъ: или въ качествѣ годовыхъ батраковъ (плата 35—40 р. въ годъ), или для обработки десятины пашни на отрядъ на крестьянской лошади, начиная отъ пахоты до своза хлѣба на гумно (плата 6—7 р.), или же за снимаемую крестьяниномъ въ наемъ землю, или, наконецъ, поденно»... Обычная съемная плата за землю отъ 10 до 12 р. за десятину въ озимомъ и отъ 8—10 р. въ яровомъ полѣ. Крестьяне *весьма часто* платятъ только половину этой платы деньгами, а за другую половину отработываютъ, т. е. пашутъ, косятъ, убираютъ и свозятъ хлѣбъ съ такой же десятины у владѣльца». Изъ этихъ свѣдѣній слѣдуетъ, что большая часть вла-

[1] Сообщеніе г-на *Семенова* въ «Сборникѣ свѣдѣній о поземельной общинѣ».

Digitized by Google

дѣльческихъ посѣвовъ производится этимъ не капиталистическимъ способомъ, при помощи народныхъ хозяйствъ. Поэтому, если на долю капиталистическаго производства отчислить половину всѣхъ владѣльческихъ посѣвовъ, то мы превзойдемъ вѣроятную мѣру этого производства, при чемъ получимъ:

Капиталистическое производство.		28%
Народная аренда *а*) въ чистомъ видѣ	44%	
б) въ маскированномъ	28%=72%	
		100%

О *Симбирской* губерніи [1] есть свѣдѣніе, что тамъ изъ общаго числа 2,895 имѣній частнаго владѣнія лишь въ 16 имѣются хозяйственныя обзаведенія и вольнонаемные рабочіе, т. е. лишь 0,5% имѣній эксплуатируются капиталистическимъ способомъ, остальные же 99,5%—по системѣ народной аренды. Въ *Казанской* губерніи изъ 911 имѣній 764, т. е. 84% сдаются крестьянамъ въ аренду. Остальныя 16% имѣютъ владѣльческія запашки, но воздѣлываются эти запашки крестьянами по системѣ маскированной аренды. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что въ восточной поволжской части разсматриваемой полосы капиталастическое производство уже вовсе не существуетъ, а культурная площадь частнаго владѣнія эксплуатируется народными хозяйствами въ большей части случаевъ по системѣ народной аренды въ чистомъ видѣ (84 — 99%), въ меньшей въ маскированной формѣ—господской запашкѣ, обрабатываемой крестьянскими руками на крестьянскій капиталъ.

О *Курской* губерніи *Чаславскій* [2] приводитъ слѣдующій примѣръ: въ Рокитнянской волости Грайворонскаго уѣзда крестьяне снимаютъ до 3,000 дес. въ озимомъ полѣ и до 2,500 въ яровомъ «частью за деньги (по 7 р. 50 к.), частью съ *отработкою десятины за десятину*». Собственныя владѣльческія запашки занимаютъ всего около 1,000 дес., которыя всѣ обработываются крестьянами десятина за десятину. Словомъ въ этой волости капиталистическое производство не существуетъ вовсе, а культурная площадь частнаго владѣнія дѣлится между народною арендою въ чистомъ видѣ (5,500 дес., 84,6%) и въ маскированномъ (1,000 дес., 15,4%).

Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ отрывочныхъ и, конечно, недостаточныхъ свѣдѣній оказывается, что если культурная площадь помѣщичьяго владѣнія и составляетъ около 1/3 доли всего воздѣлываемаго пространства, то для опредѣленія доли, приходящейся на капиталистическое производство придется очень значительно ее уменьшить. Всѣ свѣдѣнія единодушно склоняются въ пользу того, что значительнѣйшая часть культурныхъ земель

[1] Свѣдѣнія о Симбирской и Казанской губ. заимствованы у кн. Васильчикова.

[2] Цитируемъ по выдержкѣ у кн. Васильчикова.

Digitized by Google

владѣльческихъ сдается крестьянамъ подъ ихъ посѣвы, что затѣмъ сами господскія запашки, всюду относительно незначительныя, не всѣ, однако, воздѣлываются капиталистическимъ способомъ, а часто являются лишь особымъ видомъ взиманія ренты и обрабатываются силами и средствами народныхъ хозяйствъ. За всѣмъ тѣмъ, однако, небольшой % земель воздѣлывается капиталистическимъ способомъ, отсутствующимъ вполнѣ въ не черноземной Великороссіи, а такъ же и по восточной окраинѣ черноземной трехпольной Россіи. Таковы вполнѣ достовѣрные выводы изъ анализа всѣхъ извѣстій и свѣдѣній о хозяйствѣ разсматриваемаго края. Для выраженія же этихъ выводовъ въ числовыхъ отношеніяхъ — вполнѣ точныхъ данныхъ не имѣется, или, вѣрнѣе, имѣется, но для небольшихъ слишкомъ районовъ. Исключая три поволжскія губерніи, изъ которыхъ о двухъ (Казанской и Симбирской) есть, какъ мы видѣли, прямыя свѣдѣнія объ отсутствіи капиталистическаго производства, а о третьей (Саратовской) должно думать тоже въ виду аналогіи, какъ съ этими губерніями, такъ и Самарской (о которой ниже), остается 9 губерній всего съ тремя опорными пунктами. Самый доказательный, объемлющій довольно обширную территорію и 130 имѣній — Борзенскій уѣздъ, гдѣ капиталистическое производство занимаетъ 15% культурной площади частнаго владѣнія и 3% всей культурной площади. Менѣе надежны два другихъ пункта, двѣ волости — одна въ Рязанской, другая въ Курской губерніи, представляющихъ обѣ культурную площадь частнаго владѣнія едва въ 12,500 тыс. дес.; при полной достовѣрности свѣдѣній объ этихъ волостяхъ, эта меньшая надежность происходитъ отъ незначительности территоріи, ими занимаемой, что̀ даетъ возможность случайности имѣть большое вліяніе на культурныя отношенія. Дѣйствительно, въ одной волости капиталистическая культура занимаетъ около 28%, въ другой вовсе не существуетъ. Среднее даетъ слѣдовательно — 14%, т. е. отношеніе, близкое къ тому, которое находимъ въ Борзенскомъ уѣздѣ. Намъ ничего не остается, какъ принять эти 15% за среднюю для всей области, хотя должно помнить, что цифра эта весьма проблематична.

Капиталистическое произ.			5,1 %
Народ. произв.: *а*) на соб. зем. . .	67,6 %		
б) на аренд. . . .	30,3 —	—	94,9 —
			100,0 % [1]

Въ губерніяхъ черноземныхъ заволжскихъ (Самарская, Уфимская, Оренбургская), для которыхъ мы не нашли свѣдѣній, чтобы распредѣлить культурную площадь между народнымъ и частнымъ землевладѣніемъ, владѣльческія земли занимаютъ довольно

[1] Здѣсь вычисленіе сдѣлано для всѣхъ 12 черноз. губерній, что, конечно, повышаетъ значеніе капиталистическаго производства.

Digitized by Google

значительныя пространства, но эксплуатируются по системѣ народной аренды. *Князь Васильчиковъ* говоритъ объ этомъ краѣ: «Помѣщичьи запашки исчезаютъ; очень немногіе изъ частныхъ владѣльцевъ обрабатываютъ землю за свой счетъ. Вольнонаемная, издѣльная, испольная системы полеводства встрѣчаются только въ видѣ исключенія, а общій, по крайней мѣрѣ, преобладающій порядокъ эксплуатаціи есть сдача земель за денежную плату съемщикамъ изъ крестьянъ». Нѣсколько далѣе тотъ же авторъ замѣчаетъ, «что въ этой восточной окраинѣ водворяются ирландскіе порядки оптовыхъ съемокъ крупными арендаторами, которые переоброчиваютъ ихъ мелкимъ съемщикамъ». Новоузенская земская управа (Самарской губ.) тоже жалуется на эту систему, раззоряющую населеніе и истощающую землю. Такимъ образомъ, заволжскія губерніи представляются имѣющими характеръ однороднаго производства, но распредѣлить его между разными видами не возможно за полнымъ отсутствіемъ болѣе детальныхъ данныхъ. Всего же подъ посѣвомъ въ этихъ губерніяхъ—5,429,000 дес.

Въ *Херсонской* губерніи площадь капиталистическаго производства и народной аренды выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Капиталист. культура	560,000 д.	59 %	
Народная аренда	375,000 »	41 —	
S =	935,000 д.	100 %	

Въ Екатериноскавской губерніи должны быть приблизительно тѣже отношенія. Для Бессарабіи мы ихъ уже опредѣлили выше. Для всѣхъ трехъ губерній отношенія окажутся слѣдующими:

Капиталистическое произв. .	1,214,000 д.		20,2 %
Народное произ. *а*. На соб. з. .	3,932,000 »	65,1 %	
б. На ар. » .	865,000 »	14,7 — =	79,8 —
S =	6,011,000 д.		100,0 %

Переходимъ къ западнымъ губерніямъ, гдѣ капиталистическое производство пустило болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ остальной Россіи. Однако и здѣсь далеко не вся площадь воздѣлываемой земли помѣстнаго владѣнія занята капиталистическою культурою. Значительныя пространства земли раздаются владѣльцами подъ народную аренду, причемъ мы здѣсь встрѣчаемъ обѣ формы народной аренды: ирландскую форму по не обезпеченной системѣ, распространенную и въ остальной Россіи, и болѣе совершенную по обеззпеченной системѣ, на такъ называемомъ чиншевомъ правѣ. Наиболѣе свѣдѣній о народной арендѣ имѣемъ мы для Подоліи. [1] Объ уѣздахъ *Литинскомъ*, *Брацлавскомъ*, *Гадсловскомъ*, *Балтскомъ*, *Винницкомъ* и *Каменецкомъ* есть прямыя свѣдѣнія, что народная аренда распространена, хотя не вездѣ одинаково.

[1] «Матеріалъ для статистическаго описанія Каменецъ-Подольской губерніи», изд. мѣстнаго статистическаго комитета.

Digitized by Google

Въ *Проскуровскомъ*, *Ушицкомъ* и *Ямпольскомъ* уѣздахъ эта система распространена мало. О *Могилевскомъ* и *Летичевскомъ* уѣздахъ нѣтъ свѣдѣній. Болѣе детальныя свѣдѣнія имѣемъ лишь о Каменецкомъ и Брацлавскомъ уѣздахъ. Въ первомъ, во всѣхъ имѣніяхъ часть земли состоитъ подъ народною арендою на чиншевомъ правѣ, въ 12 имѣніяхъ сверхъ того часть земли раздается по не обезпеченной системѣ (на общемъ правѣ) крестьянамъ, а въ 4 имѣніяхъ вся земля раздается такимъ образомъ. Эти отношенія доказываютъ лишь распространенность народной аренды въ краѣ, но не даютъ никакой опоры для исчисленій. Для этого болѣе годны свѣдѣнія въ Брацлавскомъ уѣздѣ, гдѣ изъ состава культурныхъ земель частнаго владѣнія — 6,312 дес. были въ 1871 году сданы крестьянамъ по мелочамъ въ аренду (цѣна 3,37—6 р. за дес.) Общая же площадь помѣстнаго владѣнія уѣзда равняется — 67, 295 дес., въ томъ числѣ лѣса — 43,901 дес. Принимая даже всю остальную площадь (23,394 дес.) культурною, окажется, что болѣе 1/4 культурной площади пом. владѣнія воздѣлывается по системѣ народной аренды, именно—26,9 %.

О Липовецкомъ и Уманьскомъ уѣздахъ *Кіевской* губерніи [1] тоже есть свѣдѣнія, что и тамъ система народной аренды практикуется, сверхъ неизмѣнной площади обезпеченной аренды на чиншевомъ правѣ. Князь *Васильчиковъ* приводитъ свѣдѣнія для *Волынской* губерніи и вообще о юго-западномъ краѣ замѣчаетъ: «Имѣнія, снятыя оптовыми съемщиками отчасти передаются изъ вторыхъ рукъ крестьянамъ съ значительнымъ повышеніемъ платы. Арендаторы евреи, переоброчивая земли крестьянамъ, обыкновенно берутъ съ нихъ часть урожая. Въ губ. Волынской крестьяне отдаютъ имъ иногда половину, чаще 2/3, даже 3/4 урожая, съ сѣнокосовъ до 3/4 всего количества сѣна. За луговые сѣнокосы крестьяне платятъ отъ 8 — 12 р. и 12 — 20 р. за десятину».

О *сѣверо-западномъ краѣ* князь *Васильчиковъ* сообщаетъ: «Кромѣ оптоваго арендованія имѣній по цѣлымъ фольваркамъ и мызамъ, здѣсь *въ большомъ обыкновеніи* сдача земель по уволокамъ въ 20 — 30 дес.; на эти уволочныя аренды является много охотниковъ изъ шляхты, евреевъ, прежнихъ управляющихъ, экономовъ, зажиточныхъ крестьянъ». О крестьянахъ *Могилевской* губерніи г. *Курдюковъ* [2], между прочимъ, сообщаетъ, что «они охотнѣе занимаются своимъ хозяйствомъ и *многіе изъ нихъ*, болѣе зажиточные, арендуютъ съ этою цѣлью землю, которая цѣнится здѣсь не дорого». Такимъ образомъ, можно съ достовѣрностью сказать, что народная аренда довольно распространена во всемъ краѣ и капиталистическое производство зна-

---

[1] Свѣдѣнія сообщены на V всеросс. съѣздѣ сел. хозяевъ, 1878 г. въ Одессѣ.

[2] Труды Импер. Вол. Экон. Общества, 1879 г. №№ 2 и 4 «Хозяйство въ Бѣлоруссіи».

Digitized by Google

чительно меньше культурной площади частнаго владѣнія. Она должна быть уменьшена на все количество чиншевой земли и на все пространство, сдаваемое крестьянамъ и прочимъ кустарямъ земледѣлія изъ доли или за деньги, на все пространство наконецъ, мелкихъ уволочныхъ арендъ сѣверозападнаго края. Сколько приходится отчислить на все это культурной площади, существуютъ числовыя данныя единственно для Брацлавскаго уѣзда, который по своему центральному положенію въ черноземной правобережной Украинѣ можетъ быть принятъ типичнымъ для этой послѣдней. Въ сѣверо-западномъ краѣ условія уже нѣсколько иныя и помѣстное хозяйство находится далеко не въ столь цвѣтущемъ состояніи, какъ на благодатной почвѣ и подъ благословеннымъ небомъ Подоліи. Поэтому, въ сѣверо-западномъ краѣ слѣдуетъ ожидать менѣе благопріятныхъ отношеній для капитализма; не имѣя однако для отысканія этихъ отношеній другихъ опорныхъ данныхъ, примемъ для всего западнаго края эти общія отношенія и получимъ:

Капиталистич. произв.	—	4,965,000	д.	23,1 %
Народное: *а.* На сб. з.	14,695,000	—		—
б. » ар. »	1,827,000	16,522,000	»	76,9 —
S =	—	21,487,000	д.	100,0 %

Народная аренда занимаетъ безъ малаго 8% культурной площади края, въ томъ числѣ часть по системѣ обезпеченной аренды на чиншевомъ правѣ. Принимая во вниманіе скудныя данныя о числѣ и земельномъ надѣленіи чиншевиковъ [1], можно признать, что площадь ихъ аренды едва достигаетъ 1 мил. дес., но считая въ томъ числѣ и усадьбы, которыя при маломѣстности надѣловъ едва ли могутъ составлять только 5% всей площади. При этомъ чиншевая культурная площадь должна нѣсколько превзойти—900,000 дес., т. е. составить половину всей народной аренды и около 4% всей культуры страны.

О *Царствѣ Польскомъ* мы почти не располагаемъ свѣдѣніями о существованіи тамъ народной аренды. Въ 1877 году иностранные колонисты арендовали 68,000 дес. земли, но это и все, что мы знаемъ о величинѣ народной аренды въ краѣ. Мы не знаемъ даже, арендуются ли эти земли колонистами по мелочамъ въ раздробь, или цѣлыя имѣнія снимаются въ аренду колонистскими сельскими обществами и лишь потомъ разверстываются между хозяевами? Въ первомъ случаѣ, мы вправѣ ожидать, что не одни колонисты пользуются такими арендами; во второмъ, напротивъ, эти аренды ничего не доказываютъ и могутъ быть явленіемъ исключительнымъ. Кромѣ того, въ первомъ

[1] Довольно обстоятельныя данныя о землевладѣніи есть лишь для Каменецкаго уѣзда Под. губ. О численности чиншевиковъ данныя болѣе вѣрныя, о землевладѣніи отрывочныя. Наша цифра по всей вѣроятности меньше дѣйствительной.

Digitized by Google

случаѣ эта арендуемая площадь сплошь культурная, во второмъ же сюда входятъ и лѣса, и неудобныя земли, и усадьбы и пр. При такой неизвѣстности необходимыхъ условій и при ничтожности абсолютной цифры этихъ арендъ, намъ остается только признать отношенія капиталистической и народной культуры равными отношеніямъ культурныхъ площадей народнаго и частнаго владѣнія, т. е.

Народное произв.	64,1 %
Капиталистическое произв. .	35,9 —
	100,0 %

Хотя здѣсь мы несомнѣнно нѣсколько преувеличиваемъ относительное участіе въ земледѣліи капиталистической формы, но едва ли это преувеличеніе очень значительно, такъ какъ въ Польшѣ, по разнымъ свѣдѣніямъ, капитализмъ довольно прочно утвердился въ земледѣльческомъ производствѣ.

Обойдя мало по малу всѣ полосы Европейской Россіи, мы только не коснулись еще *Прибалтійскаго края*. Выше мы привели свѣдѣнія о землевладѣніи края, помѣстномъ и крестьянскомъ; послѣднее очень незначительно, но крестьянское землепользованіе гораздо больше его землевладѣнія. Въ составѣ земель каждаго рыцарскаго помѣстья края есть извѣстное пространство, которое землевладѣлецъ не имѣетъ права обратить подъ владѣльческую культуру, но долженъ сдавать въ аренду мелкими участками крестьянамъ. Въ *Лифляндіи* такой условно-помѣстной земли—1,369,000 дес.; въ *Курляндіи*—500,000 дес. и въ *Эстляндіи*—613,000 дес., всего—2,782,000 дес., но въ составъ этой площади входятъ и неудобныя земли и усадьбы [1]. Вся площадь помѣстнаго владѣнія безъ лѣсовъ составляетъ — 4,817,000 дес., а за вычетомъ народной аренды въ непосредственномъ распоряженіи помѣстнаго хозяйства остается—2,035,000 дес. Принимая, что неудобныя и просто невоздѣланныя земли занимаютъ одинаковую относительную площадь на обѣихъ категоріяхъ помѣстныхъ земель, культурная площадь распредѣлится:

Подъ капит. культурою	1,183,000 д.	42,3%
» народ. арендою	1,618,000 »	57,7—
S =	2,801,000 д.	100,0—

Прикладывая же и народную культуру на собственныхъ земляхъ (364,000 дес.), вся народная культура будетъ 1,982,000 д., такъ что всѣ три формы производства распредѣлятся:

[1] Цифры эти приводимъ, согласно даннымъ, помѣщеннымъ въ «Воен. Статис. Сборникѣ» IV.

*

Digitized by Google

Капитал. произ.	—	37,3%
Нар. произв. *а*) на собств. землѣ. .	11,8%	—
» » *б*) » аренд. » . .	50,9—	62,7%
		100,0%

За исключеніемъ Таврической губерніи и Донской области, для которыхъ мы не располагаемъ никакими данными, мы постарались вывести отношенія между тремя главными формами земледѣльческаго производства, распространенными въ Россіи: формою народной культуры насобственныхъ земляхъ, формою народной аренды по не обезпеченной (ирландской) системѣ и формою капиталистическою. Аренда по системѣ обезпеченной выдѣлена нами для 9 губерній западнаго края, гдѣ она существуетъ, какъ самостоятельная форма. Въ прочей Россіи она тоже распространена подъ названіемъ оброка временно-обязанныхъ крестьянъ, но эти земли мы помѣстимъ въ отдѣлѣ собственныхъ крестьянскихъ земель, такъ какъ, согласно послѣднимъ узаконеніямъ, эта форма народной культуры должна быть ликвидирована къ 1-го января 1883 года.

Сводя всѣ эти разнообразныя данныя въ одну картину и подводя итогъ всѣмъ вычисленіямъ, мы получимъ слѣдующія абсолютныя и относительныя цифры:

1) Народная культура на собственныхъ земляхъ распространена въ Россіи повсемѣстно и занимаетъ по разнымъ полосамъ площади:

12 губерній чернозем. трехп.	26,024,000	дес.
9 » западныхъ	14,595,000	»
5 » сѣверныхъ	13,050,000	»
12 трехп. не черноз.	11,634,000	»
Польша (10 губерній)	4,935,000	»
Новороссія и Бессарабія (3 губ.) . .	3,952,000	»
Нечерноземная степь (Астрах. губ.).	1,211,000	»
Прибалтійскій край (3 губ.).	364,000	»
	S = 75,765,000	дес.

Въ составѣ всей культуры страны занимаетъ 71,0%.

2) Народная аренда по ирландской системѣ:

12 чернозем. трехп. губерній	12,541,000	дес.
12 не чернозем. трехп. губерній. . .	2,628,000	»
Прибалтійскій край.	1,618,000	»
Западный край	907,000	»
Новороссія и Бессарабія	865,000	»
	S = 18,559,000	дес.

Итого, въ составѣ культуры 17,2%.

3) Народная аренда по обезпеченной системѣ:

Западный край 920,000 дес. 0,8%.

Digitized by Google

4) Народной культуры въ исчисленныхъ областяхъ:

Всего.	95,244,000 дес.
Сверхъ того въ Заволжьи (3 губ.).	5,429,000 »
S =	100,673,000 дес.

Въ составѣ всей культурной площади народное производство занимаетъ:

Безъ Заволжья	89,0%
Вмѣстѣ съ Заволжьемъ	89,3%

5) Капиталистическое производство занимаетъ площадь:

Западный край.	4,965,000 дес.
Польша	2,753,000 »
Чернозем. трехпольн. . .	2,072,000 »
Новороссія и Бессарабія.	1,214,000 »
Прибалтійскій край . . .	1,183,000 »
S =	12,187,000 дес.

Въ общемъ производствѣ страны капиталистическое составляетъ:

Во всемъ производствѣ	10,7%
Безъ Заволжья.	11,0%

6) Все земледѣльческое производство Европейской Россіи занимаетъ:

Земельную площадь.	112,289,000 дес.
Безъ Заволжья.	107,431,000 »

Такимъ образомъ, лишь 1/10 всей культурной площади Европейской Россіи занята подъ капиталистическое хозяйство, а 9/10 эксплуатируется народными хозяйствами, въ томъ числѣ 7/10 съ лишнимъ на собственныхъ земляхъ и менѣе 2/10 по системѣ народной аренды. Таковы суммарные выводы по всей Россіи.

Какъ бы ни смотрѣли на точность этихъ числовыхъ отношеній, одно не можетъ подлежать сомнѣнію, что народное производство составляетъ главную господствующую систему хозяйства въ Россіи, а капиталическое ютится по окраинамъ, нигдѣ не достигая преобладанія и едва представляя собою 1/12 до 1/10 части всего производства. Это заключеніе можетъ служить указателемъ экономической политики страны, ясно говоря, гдѣ главный интересъ земледѣлія Россіи и куда должны быть, слѣдовательно, направлены главныя усилія общества и государства, откуда мы вправѣ ожидать самаго плодотворнаго и важнаго прогресса. Но эти суммарныя данныя еще не выясняютъ ни потребностей, ни средствъ, ни недуговъ господствующихъ формъ производства. Чтобы уяснить себѣ вопросы этого порядка, необходимо тщательнѣе и всестороннѣе разсмотрѣть условія и обстановку, среди которыхъ каждая форма производства живетъ и развивается. Точно такъ же полезно, съ этой точки зрѣнія, остановиться на вопросѣ о переходѣ формъ про-

Digitized by Google

изводства и о движеніи внутри каждой формы; эти переходы и движенія составляютъ весьма важную и существенную черту аграрнаго строя страны. Къ разсмотрѣнію этого ряда фактовъ мы и обратимся теперь.

III.

Всѣ предыдущіе выводы можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: народная культура составляетъ $^9/_{10}$ всей культуры страны, между тѣмъ, какъ народное землевладѣніе занимаетъ всего $^6/_{10}$ площади страны (безъ госуд. земель); съ другой стороны, помѣстное владѣніе, занимая $^4/_{10}$ площади страны, успѣло занять капиталистическою культурою лишь около $^1/_{10}$ всего земледѣльческаго производства. *Народное производство не помѣщается на своихъ земляхъ и принуждено занимать подъ свою культуру значительныя пространства* (19 $^1/_2$ милл. дес.) *земель частнаго владѣнія, тогда какъ производство капиталистическое обременено многоземеліемъ и только съ небольшою сравнительно площадью можетъ справиться собственными силами*, уступая остальное подъ народное производство или оставляя вовсе невоздѣланнымъ. Изъ 93 милліоновъ всей площади помѣстнаго владѣнія — 12 милл. находится подъ капиталистическою культурою, 19 $^1/_2$ милл. подъ народною арендою и свыше 60 милл. не воздѣланныхъ земель, въ томъ числѣ подъ лѣсомъ 26 милл. дес. и совсѣмъ некультурныхъ—36 милл. дес. Эти данныя, сами по себѣ, уже довольно ярко освѣщаютъ средства и состоятельность двухъ видовъ земледѣльческаго производства, но, рисуя современное состояніе, внутреннюю жизненность каждаго изъ нихъ, весьма мало даютъ для обрисовки внѣшнихъ условій и обстановки. Остановимся теперь на этихъ условіяхъ и на тѣхъ видахъ на будущее, которые каждая изъ существующихъ у насъ формъ земледѣльческаго производства вправѣ питать.

Изъ общей площади территоріи Европейской Россіи лишь $^1/_3$ приблизительно воздѣлана, остальныя же $^2/_3$ представляютъ громадныя пространства, покрытыя лѣсами, мелкими кустарными зарослями, болотами, неразработанными степными новями и проч. Такимъ образомъ, одна изъ задачъ русскаго земледѣлія (и притомъ едва ли не самая главная) воспользоваться этою громадною площадью втунѣ лежащихъ и ждущихъ своей очереди плодородныхъ непочатыхъ земель. Расширеніе культурной площади—первая забота русскаго земледѣлія въ настоящее время и въ ближайшее будущее. Которая же изъ культурныхъ формъ, нами выше намѣченныхъ, можетъ воспользоваться этою заботою для увеличенія своей роли въ производствѣ земледѣльческомъ и, слѣдовательно, въ общей экономіи страны?

Изъ общаго пространства 104 милл. десятинъ, находящихся

Digitized by Google

въ распоряженіи крестьянъ 54 губерній, нами разсмотрѣнныхъ, занято подъ культурою 76 милл. дес., причемъ не введены сѣнокосныя угодья 15 губерній и всѣ усадебныя земли (послѣднія одни должны составлять около 5 милл. дес.), да, сверхъ того, около 2½ мил. д. лѣса. Принимая во вниманіе всѣ эти поправки, мы увидимъ, что собственно не воздѣланныхъ земель должно остаться весьма немного. Усадьбы, лѣса (кромѣ 5 сѣв. губ.) и воздѣланныя земли (кромѣ луговъ, 15 губ.) составятъ площадь въ 84 милл. дес., остается около 20 милл. на сѣнокосы 15 губ., лѣса 5 и невоздѣланныя земли, а между тѣмъ, въ однихъ пяти сѣверныхъ губерніяхъ изъ 25 милл. всѣхъ народныхъ земель воздѣлано (съ усадьбами) около 14 милл., остается 11 милл. дес., а на всѣ остальныя 9 милл. дес. Въ числѣ этихъ послѣднихъ и должны быть луга 15 губерній, такъ что тутъ не должно много остаться на долю невоздѣланныхъ земель, и то, конечно, дѣйствительно къ культурѣ неудобныхъ (болото, песокъ, склоны, воды и проч.). Можно предположить, что изъ 11 милл. невоздѣланной земли сѣверныхъ губерній можетъ найтись нѣкоторая часть къ культурѣ годной, но кто знаетъ, какой громадный процентъ неудобныхъ земель въ этомъ краѣ, тотъ и въ этомъ усумнится. На этомъ самомъ Сѣверѣ, рядомъ съ этими неудобными крестьянскими землями, лежатъ вполнѣ удобныя, но не воздѣланныя земли, частныя и государственныя; естественно, что именно сюда сила вещей должна направить расширяющій культуру трудъ человѣка. Нѣсколько болѣе вправѣ мы ожидать отъ станичныхъ земель казачьихъ областей нашего юговостока; здѣсь общинныя станичныя земли заключаютъ еще довольно много не воздѣланной земли; увеличеніе населенія и вздорожаніе земледѣльческаго продукта, конечно, будутъ постепенно расширять станичную культуру. Но это и все, что мы вправѣ ожидать отъ *количественнаго* прогресса народной культуры на собственныхъ земляхъ. Занявъ все, что было можно, подъ земледѣльческое производство, народная культура могла бы расширяться лишь съ расширеніемъ народнаго землевладѣнія.

Народная аренда по обезпеченной системѣ тоже при наличныхъ условіяхъ не имѣетъ никакихъ шансовъ расширить занимаемую ею площадь. Такимъ образомъ, весь *количественный прогрессъ* земледѣльческой культуры долженъ будетъ, при наличныхъ условіяхъ аграрнаго быта, распредѣлиться между двумя только формами культуры, капиталистическою и народно-арендною по не обезпеченной (ирландской) системѣ. Которая же изъ двухъ формъ производства имѣетъ шансы взять на себя главную роль въ этомъ дѣлѣ распространенія культурной площади страны? Посмотримъ сначала на факты, на процессъ, уже совершающійся, а потомъ перейдемъ къ уясненію условій и обстоятельствъ, которыя именно по тому, а не другому пути направляютъ аграрное движеніе.

Можно думать, что въ Балтійскомъ краѣ, гдѣ капиталистиче-

Digitized by Google

ское производство процвѣтаетъ больше, нежели гдѣ-либо въ Россіи, это производство, между прочимъ, направляетъ свою дѣятельность и на разработку неудобныхъ земель, осушеніе болотъ и проч. Между тѣмъ, статистическія свѣдѣнія нѣсколько противорѣчатъ этому. По старымъ свѣдѣніямъ мин. гос. имущ., относящимся къ началу шестидесятыхъ годовъ, культурная площадь края равнялась 3,165,000 дес., а, принимая за основаніе новыя исчисленія г. Янсона, она понизилась черезъ 15—20 лѣтъ до 2,780,000 дес., причемъ еще въ нашихъ исчисленіяхъ мы приняли паровое поле равнымъ озимому, какъ въ трехпольной полосѣ, между тѣмъ, какъ г. Янсонъ рекомендуетъ считать здѣсь паровую смѣну равною лишь 20% пашни, въ каковомъ случаѣ культурная площадь еще понизилась бы до 2,593,000 десятинъ. Уменьшеніе за 20 лѣтъ (нѣсколько меньше) на 572,000 дес., или больше чѣмъ на 18%. Это явленіе находитъ отчасти объясненіе въ томъ, что новыхъ данныхъ для луговодства не имѣется, а отчасти и въ томъ, что въ числѣ посѣвовъ пропущено травосѣяніе. То и другое (расширеніе естественныхъ луговъ осушеніемъ болотъ, разчисткою лѣса и проч. и травосѣяніе на пахатныхъ земляхъ), вѣроятно, способны балансировать уменьшеніе зерновыхъ посѣвовъ, но, во всякомъ случаѣ, даже признавая возможность нѣкоторой ошибки въ исчисленіяхъ г. Янсона, едва ли есть основаніе признать сколько-нибудь значительный количественный прогрессъ культуры въ Балтійскомъ краѣ. За то несомнѣнно кормовая площадь (предназначенная для продовольствія скота) расширилась въ ущербъ пищевой площади (предназначенной для продовольствія населенія), явленіе, всюду сопровождающее развитіе капиталистическаго производства.

Въ *Польшѣ*, какъ мы видѣли, культурная площадь нѣсколько расширилась, хотя мы и встрѣчаемся здѣсь съ нескончаемыми жалобами на сервитуты, препятствующіе прогрессу хозяйствъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что сервитуты не дозволяютъ измѣнять системы хозяйства на старо-культурныхъ земляхъ помѣстнаго владѣнія, но они ни мало не препятствуютъ обращать не воздѣланныя земли подъ культуру, причемъ на эти ново-культурныя земли сервитуты не распространяются. Это мы дѣйствительно и видимъ, такъ какъ въ теченіе 15—20 лѣтъ культурная площадь помѣстнаго владѣнія расширилась на 950,000 дес., т. е. болѣе нежели въ полтора раза. Но и за всѣмъ тѣмъ въ Польшѣ остается еще болѣе 4 милл. дес. не воздѣланной земли, изъ общей площади въ 11½ милл. дес. Отчисляя даже 20% всей площади на лѣса, остается все еще 1,800,000 дес., ждущихъ культуры и человѣческаго труда. Ясно, поэтому, что сервитуты, которые настоятельно необходимы для народнаго хозяйства страны, вовсе не представляются неодолимыми препятствіями прогрессу капиталистическихъ хозяйствъ. Нельзя отрицать, что они мѣшаютъ введенію болѣе совершенныхъ системъ на

Digitized by Google

старо-культурныхъ земляхъ, которыя, однако, составляютъ не болѣе 1/3 помѣстныхъ земель; правда, обращеніе подъ культуру новыхъ земель требуетъ больше капитала, и съ этой стороны, при раззореніи помѣстнаго сословія вслѣдствіе событій 1863 — 1864 гг., сервитуты въ нѣкоторой степени являются помѣхою. Но, во-первыхъ, 20 лѣтъ покоя уже успѣли залечить раны помѣстнаго сословія и возстановить его состоятельность (что доказывается и прогрессомъ культуры), а, во-вторыхъ, отмѣна сервитутовъ, нѣсколько облегчивъ прогрессъ капиталистическаго производства, составляющаго 36% всего производства, нанесла бы непоправимый ударъ производству народному (64%).

Въ сосѣднихъ *Литвѣ* и *Западной Руси* культура, какъ мы видѣли, стремится къ расширенію въ 2 губерніяхъ (Кіевской и Подольской), съ трудомъ удерживается на одномъ и томъ же уровнѣ въ четырехъ губерніяхъ (Волынская, Гродненская, Виленская, Ковенская) и въ трехъ стремится къ упадку, къ сокращенію запашки, достигающему почти 50% (Минская, Могилевская, Витебская). А между тѣмъ, именно въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ не воздѣланная площадь такъ велика, что занимаетъ больше половины всей территоріи. Именно здѣсь слѣдовало бы ожидать наибольшихъ результатовъ отъ дружно и искусно направленныхъ усилій къ расширенію культуры. Капиталистическое производство, въ распоряженіи котораго находится вся свободная невоздѣланная земля, не чувствуетъ себя въ силахъ отважиться на это дѣло, а, напротивъ, допустило одичать значительныя уже воздѣлывавшіяся площади земли. Причиною тому тотъ ли самый мятежъ, который долго препятствовалъ культурѣ Польши, или ее надо искать въ несостоятельности самого сословія, которому ввѣрены эти необъятныя площади свободной невоздѣланной земли на границѣ Западной Европы, между относительно воздѣланными и густонаселенными Польшею, Малороссіею и Великороссіей? Трудно рѣшить этотъ вопросъ съ наличными данными; несомнѣненъ только фактъ земледѣльческаго застоя и частью даже регрессіи. Очевидно, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, мы не вправѣ ожидать, чтобы капиталистическое производство внезапно пріобрѣло силу и жизненность и обратило сельско-хозяйственное развитіе страны къ прогрессу. Въ нѣкоторой степени ожидать такого прогресса можно только въ Подоліи, южной Волыни и Кіевской губерніи, гдѣ культура за послѣдніе 15—20 лѣтъ расширилась и откуда мы имѣемъ прямыя свидѣтельства о расширеніи пашень.

Выше мы видѣли, что капиталистическая культура занимаетъ довольно видное мѣсто (1/5 производства) еще въ Новороссіи; можно поинтересоваться, каковы свѣдѣнія о ея развитіи въ этой многоземельной черноземной полосѣ. Первая (экономическая) секція V Всероссійскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ, засѣдавшаго въ Одессѣ въ декабрѣ 1878 года, назначила комиссію для уясненія этого вопроса. Эта комиссія, заключенія которой были

Digitized by Google

одобрены секціею и общимъ собраніемъ съѣзда, собрала и обработала значительное число отвѣтовъ сельскихъ хозяевъ разныхъ мѣстностей юга Россіи и въ докладѣ представила ихъ резюме съѣзду. Извлекаю изъ этого резюме свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу. О размѣрѣ владѣльческихъ запашекъ и скотоводства комиссія слѣдующимъ образомъ резюмируетъ сущность полученныхъ ею отвѣтовъ: «Въ Бессарабіи, въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской и въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской, обнаружилось общее сокращеніе экономическихъ посѣвовъ. Въ губерніяхъ Кіевской, Полтавской и частію Харьковской—увеличеніе владѣльческихъ посѣвовъ, введеніе удобренія, выкорчевка лѣсовъ подъ пашни».—«Уменьшеніе скотоводства замѣчается въ помѣстныхъ хозяйствахъ повсемѣстно въ Бессарабіи, Херсонской и Екатеринославской губерніи и Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской; въ остальныхъ мѣстностяхъ безъ перемѣны или увеличенія». Эти интересныя показанія южно-русскихъ землевладѣльцевъ свидѣтельствуютъ, что во всей Новороссіи—капиталистическія хозяйства сокращаютъ площадь своей культуры, единовременно уменьшая посѣвы и скотоводство. Изъ сравненія старыхъ данныхъ съ исчисленіями г. Янсона оказывается въ Бессарабіи незначительное увеличеніе посѣвовъ, а въ Херсонской и Екатеринославской—уменьшеніе. Для Бессарабіи это противорѣчіе можетъ быть объяснено либо тѣмъ, что возрастаніе падаетъ на долю народнаго производства (въ томъ числѣ и народной аренды), либо тѣмъ, что упадокъ сказался въ Бессарабіи позднѣе и что сравнительно со старыми данными оказывается даже избытокъ.

О капиталистическомъ производствѣ въ трехпольной черноземной полосѣ мы выше привели отзывы для Полтавской и части Харьковской губерній, гдѣ замѣчаются нѣкоторые успѣхи. Г. *Семеновъ*, говоря о Мураевенской волости Рязанской губерніи, тоже замѣчаетъ, что помѣстное хозяйство не въ упадкѣ, увеличило свое скотоводство, лучше удобряетъ землю, лучше обстроилось. Другія однако свѣдѣнія говорятъ объ упадкѣ помѣстнаго хозяйства области. Приблизительно такъ смотритъ на дѣло князь Васильчиковъ. Можно съ достовѣрностью сказать одно: расширенію культуры въ этой полосѣ остается сдѣлать очень немногое, такъ какъ и теперь обработано почти все, что было возможно, а часто больше, нежели что было благоразумно (въ виду истребленія лѣсовъ и проч.). Поэтому, занимая теперь всего около 5% культурной площади края, капиталистическое производство могло бы расширяться здѣсь исключительно на счетъ другихъ формъ производства, а не насчетъ не воздѣланной площади, которой, собственно говоря, нѣтъ, такъ какъ занята она лѣсами, и безъ того истребленными въ неблагоразумномъ размѣрѣ. Расширяться капиталистическая культура здѣсь должна бы была, слѣдовательно, прежде всего насчетъ народной аренды, но до сихъ поръ этого явленія вовсе не замѣчается, такъ какъ

Digitized by Google

20 лѣтъ тому назадъ, когда освобождались крестьяне, народной аренды вовсе не существовало; она зародилась послѣ и въ два десятилѣтія достигла такого развитія, что занявъ 30% всей культурной площади края, въ 6 разъ превзошла то пространство, которое удержано капиталистическимъ хозяйствомъ.

Мы обозрѣли положеніе и шансы развитія капитастическаго хозяйства въ 34 губерніяхъ; въ остальныхъ 28 губерніяхъ, по пространству превосходящихъ разсмотрѣнныя уже нами и заключающихъ въ себѣ самое большее количество не воздѣланной земли, въ настоящее время вовсе нѣтъ капиталистической формы земледѣльческаго производства. Изъ обзора же 34-хъ губерній можно вывести, что проявленіе нѣкотораго процесса этой формы замѣчается въ Польшѣ, въ двухъ право-бережныхъ Украинскихъ губерніяхъ и вѣроятно въ Прибалтійскомъ краѣ; въ трехпольной черноземной полосѣ положеніе скорѣе неблагопріятное, что доказывается быстрымъ развитіемъ народной аренды; въ Новороссіи, Бессарабіи и Сѣверо-западномъ краѣ замѣчается прямой регрессъ капиталистической культуры. Вообще, за исключеніемъ крайнихъ западныхъ окраинъ, капиталистическая культура всюду оказывается несостоятельною въ конкурренціи съ народною арендою.

Эти факты и отзывы могутъ быть пополнены другимъ рядомъ фактовъ, косвенно освѣщающихъ тотъ же вопросъ. Мы говоримъ о повсемѣстномъ уменьшеніи дворянскаго землевладѣнія и о переходѣ земель въ руки купцовъ. Я нимало не сомнѣваюсь, что между купцами могутъ встрѣчаться люди съ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ и съ желаніемъ трудиться на этомъ поприщѣ, но въ общемъ нельзя не признать даже à priori, что классъ коммерческій долженъ доставлять плохихъ сельскихъ хозяевъ. Коммерція и сельское хозяйство слишкомъ несходны въ своихъ экономическихъ основахъ, слишкомъ часто начала ихъ веденія даже противуположны. Изъ этого всего слѣдуетъ, что даже если бы не было фактовъ, то пришлось бы признать, что переходъ помѣстнаго землевладѣнія въ руки купечества отнюдь не знаменуетъ наступленія прогресса и преуспѣянія. Но и въ фактахъ нѣтъ недостатка. Согласно оффиціальной «Позем. Стат.» въ черноземной трехпольной полосѣ въ дворянскихъ имѣніяхъ подъ пашнею состоитъ 55 % всей земельной площади; въ купеческихъ—лишь 43%. Въ трехпольной не черноземной полосѣ, согласно тѣмъ же оффиціальнымъ даннымъ, пашни дворянскихъ имѣній занимаютъ 9%, а купеческихъ всего 5%. Наконецъ, въ Херсонской губерніи дворянскія земли воздѣлываются въ размѣрѣ 30% всего владѣнія, а купеческія лишь въ размѣрѣ 20%; промысловое скотоводство въ имѣніяхъ дворянскихъ и купеческихъ той же губерніи вообще одинаково, но рабочаго скота купцы держатъ меньше (1 лошадь у дворянъ приходится на 33 дес., у купцовъ на 44 дес.). Другими словами запашки сокращаются съ переходомъ въ купеческія руки въ не черноземной

Digitized by Google

Великороссіи—на 45%, въ Новороссіи—на 33% и въ трехпольной черноземной полосѣ на 22%. Эти цифры, вполнѣ точныя и достовѣрныя, статистическимъ языкомъ выражаютъ деградацію хозяйства при переходѣ дворянскихъ земель въ купеческія руки. Многочисленныя свидѣтельства, стекающіяся со всѣхъ концовъ Россіи и гласящія о хищническомъ образѣ дѣйствія купечества, вступающаго во владѣніе помѣстьями, слишкомъ хорошо извѣстны публикѣ, которая читаетъ о немъ ежедневно на столбцахъ газетъ, слушаетъ о немъ въ земскихъ собраніяхъ и въ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ собраніяхъ, ученыхъ обществахъ, видитъ, наконецъ, его въ окна вагоновъ, лишь только выглянетъ изъ городовъ и проч. и проч. Лѣса вырубаются, но за симъ не расчищаются подъ культуру и не запускаются снова подъ лѣсъ, а стравливаются въ видѣ дешеваго выгона; парки, сады вырубаются, топлива ради; дома и хозяйственныя строенія разбираются, матеріала ради; хозяйственныя сооруженія, какъ на лугахъ каналы и проч., не поддерживаются и поля дичаютъ, болотятся, уничтожаются; запашки сокращаются, рабочій скотъ распродается, рогатый скотъ идетъ на убой и проч. Таковы единодушные отзывы о купеческомъ хозяйничаніи въ дворянскихъ имѣніяхъ, ими пріобрѣтенныхъ. Нельзя сказать, чтобы того же не дѣлалось и въ дворянскихъ имѣніяхъ. И здѣсь лѣса истребляются, строенія и сооруженія плохо поддерживаются, ветшаютъ и постепенно разрушаются, посѣвы сокращаются, скотоводство уменьшается, но, во-первыхъ, не повсемѣстно, а, во-вторыхъ то, что здѣсь дѣлается по нуждѣ, иногда по легкомыслію, но всегда съ сожалѣніемъ, въ купеческихъ имѣніяхъ совершается систематически, по разсчету (очень плохому, конечно, разсчету, но все же совершенно преднамѣренно); что въ дворянскихъ помѣстьяхъ дѣлается медленно, постепенно, колеблющимся шагомъ, съ оглядкою назадъ, съ попытками возстановить хозяйство, то въ купеческихъ хозяйствахъ совершается быстро, сразу, безъ оглядки на прошлое, безъ загадыванія о будущемъ. Купецъ, пріобрѣтя (большею частью за безцѣнокъ) имѣніе, старается прежде всего возвратить покупную сумму, вынутую имъ изъ оборота. Этого онъ легко достигаетъ, но совершенно раззоряетъ имѣніе, а затѣмъ новому владѣльцу остается даромъ земля, въ которой нуждается сосѣдній крестьянинъ. Это хорошо извѣстно каждому коммерческому покупателю имѣнія, который, покончивъ съ разореніемъ и ликвидаціей хозяйства, принимается уже за эксплуатацію, но не земли, а населенія при помощи земли, медленно подготовляя ликвидацію и народнаго хозяйства округа. Вообще можно сказать, что если помѣстныя хозяйства и всюду не представляются въ блестящемъ состояніи и скорѣе склоняются къ упадку, то процессъ перехода дворянскихъ земель въ купеческія руки является быстрою ликвидаціей этихъ хозяйствъ. Посмотримъ же на этотъ процессъ, точно ли онъ такъ великъ

Digitized by Google

и всеобщъ, какъ-то утверждаютъ? Точно ли онъ повсемѣстенъ и знаменателенъ?

Если мы возьмемъ цифры дворянскаго землевладѣнія, какъ онѣ были собраны редакціонными комиссіями передъ реформою, вычтемъ изъ нихъ крестьянскій надѣлъ и остатокъ сравнимъ съ данными, собранными податною комиссіею черезъ десять лѣтъ послѣ реформы, то быстрое уменьшеніе дворянскаго землевладѣнія станетъ несомнѣннымъ. Изъ общаго количества дворянскаго землевладѣнія тридцати губерній, о которыхъ находимъ свѣдѣнія въ обоихъ источникахъ, всего около 50 мил. дес., осталось черезъ 10 лѣтъ только 44 мил. дес., уменьшившись на 12%. Но эти суммарныя свѣдѣнія, по обыкновенію, гораздо менѣе краснорѣчивы и поучительны, нежели разсмотрѣнныя по губерніямъ и полосамъ. Уменьшеніе замѣчается не по всѣмъ губерніямъ, напротивъ, въ нѣкоторыхъ замѣтно даже увеличеніе. Особенно рѣзко бросается въ глаза этотъ фактъ въ заволжскихъ черноземныхъ губерніяхъ (Самарской, Уфимской и Оренбургской), гдѣ дворянское землевладѣніе увеличилось на 20%. Это возрастаніе дворянскаго землевладѣнія въ названной мѣстности находитъ себѣ объясненіе въ обширныхъ всемилостивѣйшихъ пожалованіяхъ. Затѣмъ мы видимъ незначительное увеличеніе дворянскаго землевладѣнія въ Полтавской, Курской и Пензенской губерніяхъ и небольшое сравнительно уменьшеніе въ Харьковской, Симбирской, Тамбовской, Кіевской и Подольской, такъ что общая площадь уменьшенія дворянскаго землевладѣнія въ этихъ восьми губерніяхъ равняется всего 2,7%, а безъ Кіевской и Подольской губерній, гдѣ политическія событія содѣйствовали уменьшенію дворянскаго землевладѣнія (конфискаціи), въ остальныхъ шести губерніяхъ существуютъ только мѣстныя передвиженія, но не уменьшеніе дворянскаго землевладѣнія (0,2+). Такимъ образомъ, узенькая полоска изъ 11 губерній отъ австрійской границы до Урала составляетъ территорію, на которой дворянское землевладѣніе не ликвидируется. Благодатная черноземная почва, мягкій климатъ и выгодное географическое положеніе соединились тутъ вмѣстѣ для поддержанія помѣстнаго владѣнія, а въ восточной части полосы, менѣе благопріятной, присоединились еще пожалованія. Непосредственно съ юга и съ сѣвера къ этой полосѣ прилегаютъ губерніи, тоже черноземныя, но находящіяся въ менѣе выгодныхъ физическихъ или общественныхъ условіяхъ (напримѣръ, малонаселенность). Въ девяти этихъ губерніяхъ (*съ юга*: Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Воронежская и Саратовская, *съ сѣвера*: Орловская, Тульская, Рязанская и Казанская) сказалось уже довольно значительное уменьшеніе дворянскаго землевладѣнія, болѣе нежели на 15%. Въ шести губерніяхъ литовско-бѣлорусскихъ (о Минской нѣтъ свѣдѣній) уменьшеніе это оказалось еще значительнѣе, именно на 26%, но самымъ знаменательнымъ образомъ процессъ этотъ проявился въ не черноземной Ве-

Digitized by Google

ликороссіи, гдѣ дворянское землевладѣніе за первое десятилѣтіе послѣ реформы потеряло 5,759,000 дес. изъ общей площади прежняго владѣнія въ 17,781,000 дес., т. е. 32,3%! Почти треть дворянскаго землевладѣнія перешла въ этомъ краю въ недворянскія руки уже въ 1871 году! Остановился ли этотъ процессъ въ послѣднее десятилѣтіе? Нимало. Для всей Россіи мы не имѣемъ свѣдѣній, а лишь для 14 губерній, но и этого достаточно для характеристики движенія. Въ семи черноземныхъ трехпольныхъ губерніяхъ по свѣдѣніямъ *Поз. Стат.*, I, въ настоящее время состоитъ 8,525,000 дес. двор. земель, уменьшилось сравнительно съ 1871 г. на 7%. Въ семи нечерноземныхъ губерніяхъ уменьшилось на 8%. Эти свѣдѣнія доказываютъ, что процессъ обезземеленія дворянскаго сословія продолжается повсемѣстно и что, слѣдовательно, съ постепеннымъ переходомъ имѣній въ руки торгово-промышленнаго класса, продолжается и быстрая ликвидація помѣстнаго хозяйства.

Таковы факты. Они рисуютъ передъ нами картину, которая не дозволяетъ разсчитывать (въ ближайшемъ будущемъ, конечно) на капиталистическое производство, какъ на факторъ, призванный служить прогрессу нашего земледѣлія, расширенію культурной площади и т. д. Двѣ трети нашей территоріи не воздѣланы; лучшія земли изъ этой громадной не воздѣланной площади находятся въ рукахъ частнаго землевладѣнія, но, несмотря на это не отъ капиталистическаго хозяйства приходится ожидать обращенія этихъ плодородныхъ непочатыхъ пустырей подъ культуру; оно оказывается явно не состоятельнымъ. Можно ли надѣяться на перемѣну въ этомъ отношеніи? Для процвѣтанія капиталистическаго производства необходимы три условія: *капиталъ*, обособленный отъ труда; *рабочіе*, освобожденные отъ собственныхъ хозяйствъ; опытные и образованные руководители-*хозяева*. Имѣются ли на лицо эти условія? Образованныхъ и опытныхъ спеціалистовъ сельскихъ хозяевъ въ Россіи—нѣтъ. Дворянство есть сословіе по преимуществу служилое; купечество—торговое, а крестьяне, конечно, опытны въ своемъ прирожденномъ занятіи, свѣдущи въ земледѣліи и любятъ его, но теперь они, во-первыхъ, бѣдны и невѣжественны, а, во-вторыхъ, покуда составляютъ въ массѣ скорѣе противовѣсъ всякому капитализму. Впрочемъ, еслибы мы непремѣнно предпочли сидѣть, сложа руки, передъ лицомъ всей этой экономической сумятицы, нами переживаемой, и ждать терпѣливо нарожденія и у насъ сословія руководителей капиталистическими хозяйствами, то, конечно, только изъ среды крестьянства мы и вправѣ были бы ожидать этихъ спасителей, но, разумѣется, не сегодня и не завтра. Необходимо дать время рѣзко выдѣлиться и обособиться изъ неимущаго крестьянскаго большинства новому наслоенію крестьянъ имущихъ; необходимо дать время этой новой сельской буржуазіи просвѣтиться и къ практической опытности присоединить теоретическое образованіе. Больше намъ не откуда ожидать по-

Digitized by Google

явленія образованныхъ сельскихъ хозяевъ для капиталистическаго хозяйства. Профессоровъ агрономіи у насъ не много, да и изъ нихъ одинъ лишь г. Энгельгардтъ—и то невольно—ушелъ въ село примѣнять свои свѣдѣнія и устраивать капиталистическое хозяйство. Не надо забывать, что такихъ хозяевъ требуется тысячи и десятки тысячъ, а образованіе профессора агрономіи стоитъ довольно дорого странѣ, да въ настоящее время и заняться этимъ дѣломъ немногіе пожелаютъ. Въ городахъ жить пріятнѣе.

Второе условіе—капиталъ. Мы уже знаемъ, какъ ничтожна роль капиталистической культуры въ Россіи, слѣдовательно, такъ же относительно ничтоженъ и капиталъ, скомбинированный ею. Въ половинѣ Россіи вовсе нѣтъ капиталистическихъ *хозяйствъ*, въ другой половинѣ въ значительной части помѣстій ихъ тоже нѣтъ, а въ части помѣстій, въ которыхъ ихъ не мало уже, размѣръ и силы ихъ очень ограниченны. Необходимо, слѣдовательно, основать громадное число хозяйствъ, т. е. возвести необходимыя строенія и сооруженія, купить рабочій и промысловый скотъ, составить полный инвентарь орудій, обозъ, сѣмена, нанять и содержать комплектъ рабочихъ и пр., и пр. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ уже есть хозяйства, необходимо ихъ расширить. На все это нужны милліарды и милліоны. 100 милліоновъ десятинъ народной культуры воздѣлываются 8 милліонами приблизительно мелкихъ народныхъ хозяйствъ; если на каждое изъ нихъ положимъ 500 рублей серебромъ [1] основнаго и оборотнаго капитала, то весь капиталъ народнаго хозяйства достигаетъ 4 мильярдовъ рублей или 40 р. на культурную десятину. Общая площадь частнаго владѣнія 98 мил. и если мы положимъ только $^2/_3$ ея для культуры, т. е. 63 мил. дес., то при настоящемъ размѣрѣ капиталистической культуры въ 12 мил. десятинъ необходимо будетъ ей занять еще 51 мил. дес. или скомбинировать капиталъ въ 2 миліарда рублей по меньшей мѣрѣ, не считая стоимости самой земли. Гдѣ взять эти капиталы, которые необходимо затратить для основанія и веденія капиталистическихъ хозяйствъ? Капиталы у насъ рѣдки и дороги; къ тому же мы уже не однажды давали въ руки помѣстнаго хозяйства значительные капиталы. Чтобы не вспоминать старой исторіи съ приказами общественнаго призрѣнія и вообще дореформеннаго времени, укажемъ прежде всего на выкупъ крестьянской земли. Свыше 600 мил. руб. получило помѣстное хозяйство въ свои руки выкупной ссуды. Гдѣ она? Но эта операція, обложивъ высокими платежами народное владѣніе и задержавъ прогрессъ народнаго хозяйства, не повредила по крайней мѣрѣ помѣстному хозяйству. Не такъ дешево отдѣлалось это хозяй-

[1] Въ Мураевьенской волости Рязанской губерніи средній размѣръ капитала крестьянскаго хозяйства (безъ земли), 675 р., не считая запасовъ сѣмянъ и содержанія рабочихъ (т. е. себя).

Digitized by Google

ство отъ результатовъ второй попытки дать ему капиталъ для расширенія и улучшенія культуры. Я разумѣю поземельные банки. Этимъ путемъ снова были розданы помѣстному сословію сотни милліоновъ. Обѣ операціи (выкупная и банковая) дали въ руки этого сословія свыше миліарда рублей, но этотъ громадный капиталъ, который могъ бы устроить, если не утвердить капиталистическое производство, погибъ втуцѣ и послужилъ къ тому только, что связалъ даже частный прогрессъ хозяйствъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяйство идетъ не дурно, оно не можетъ свои избытки употреблять на улучшеніе или расширеніе; оно обязано ихъ вносить въ банкъ. Такъ плачевно окончились грандіозныя попытки дать необходимые капиталы для заведенія капиталистическаго производства. Капиталы растрачены, имѣнія обременены долгами, а капиталистическихъ хозяйствъ все-таки нѣтъ. Ясно, что и капиталъ не поможетъ, если нѣтъ другихъ необходимыхъ условій. А теперь и капитала взять не откуда; имѣнія заложены и перезаложены. Если же мы все-таки желаемъ настойчиво насадить и у насъ «усовершенствованную» западно-европейскую капиталистическую культуру, то опять-таки должны ждать (и не мало ждать) появленія капиталистовъ-крестьянъ, возникновенія новаго владѣльческаго сословія, ибо настоящее всѣ капиталы, которые имѣло или могло получить, уже истратило и сидитъ на своихъ земляхъ въ неоплатныхъ долгахъ. Конечно, не одно поколѣніе совершитъ еще свой циклъ прежде, чѣмъ окончательно окрѣпнутъ и оперятся эти благодѣтели, эти носители будущаго россійскаго капитализма, но вѣдь нація живетъ не поколѣніями; только наши потомки насладятся благами «усовершенствованной культуры».

Мы видимъ, что двухъ основныхъ условій капиталистическаго производства — хозяевъ и капитала — на лицо не имѣется и въ близкомъ будущемъ не предвидится. Такой же отвѣтъ мы должны дать и на вопросъ о третьемъ основномъ условіи капиталистической формы, о рабочихъ, свободныхъ отъ собственнаго хозяйства, о сословіи батраковъ, безъ котораго не мыслимо правильное капиталистическое хозяйство. Не даромъ одинъ откровенный землевладѣлецъ на V Всеросс. съѣздѣ сельскихъ хозяевъ прямо заявилъ, что, дескать, возникновеніе пролетаріата необходимо и желательно, безъ чего «мы» не будемъ имѣть рабочихъ. Дѣйствительно, сословіе батраковъ образуется и рекрутируется только изъ пролетаріевъ. Крестьяне-хозяева, если по нуждѣ, и нанимаются въ батраки, то всегда неохотно и по возможности не надолго. Сельскій пролетаріатъ у насъ существуетъ, но покуда въ такомъ незначительномъ размѣрѣ, что не удовлетворяетъ потребностямъ въ батракахъ даже нынѣшняго незначительнаго капиталистическаго хозяйства. Отсюда-то постоянныя жалобы на рабочихъ, такъ называемый «рабочій вопросъ», который въ сущности есть вопросъ объ образованіи сельскаго пролетаріата. Для расширенія капиталистическаго производства

Digitized by Google

необходимо поэтому озаботиться увеличеніямъ числа сельскихъ пролетаріевъ. Подождите, впрочемъ, вышеупомянутаго процесса раздѣленія крестьянства на имущихъ и не имущихъ; не имущіе пойдутъ въ батраки, а имущіе составятъ сословіе образованныхъ хозяевъ-капиталистовъ. Словомъ, всѣ дороги ведутъ въ Римъ: капиталистическое хозяйство можетъ основаться лишь на развалинахъ народныхъ хозяйствъ, путемъ обособленія изъ среды народа болѣе имущаго слоя и обѣдненія большинства, путемъ нарожденія пролетаріата и ликвидаціи большинства крестянскихъ хозяйствъ. Но всѣ эти процессы хотя и возможны и вѣроятны при наличныхъ условіяхъ, но всѣ они лишь медленно и постепенно расчищаютъ почву для капитализма, властнаго появленія котораго въ сферѣ земледѣльческаго производства вправѣ ждать мы не вскорѣ. Въ настоящее же время и въ ближайшемъ будущемъ капиталистическое производство не имѣетъ никакихъ шансовъ на развитіе и скорѣе слѣдуетъ ожидать его дальнѣйшаго паденія. Для его веденія и процвѣтанія нѣтъ ни капитала, ни хозяевъ, ни рабочихъ; попытка насадить капитализмъ раньше обособленія труда и капитала была преждевременною и потому безплодною, окончившеюся лишь банкротствомъ земледѣльческаго сословія и гибелью миліарднаго капитала! Такъ оно должно было случиться, и такъ и случилось.

Если же при наличныхъ условіяхъ капиталистическое хозяйство безсильно и несостоятельно, то откуда же мы вправѣ ждать разработки $^2/_3$ нашей территоріи, лежащихъ праздно не воздѣланными? Народное хозяйство на собственныхъ земляхъ воздѣлало все, что могло, и расширяться за недостаткомъ земли не можетъ; капиталистическое хозяйство воздѣлываетъ ничтожную долю земли, находящейся въ его разпоряженіи, но и эту долю оно съ трудомъ удерживаетъ за собою, расширяться оно не можетъ за отсутствіемъ хозяевъ, капиталовъ, рабочихъ, словомъ всего кромѣ земли; площадь народной аренды по обезпеченной системѣ тоже не подлежитъ расширенію. Остается значитъ народная аренда по ирландской системѣ, на не обезпеченномъ правѣ. Только съ этой стороны, въ настоящее время и въ ближайшемъ будущемъ, мы и вправѣ ожидать болѣе или менѣе значительнаго количественнаго прогресса. Если народная культура на собственныхъ земляхъ, занимающая собою 71% всей культурной площади, можетъ считаться главнымъ факторомъ настоящаго, то ирландская система можетъ съ такимъ же правомъ считаться главнымъ дѣятелемъ и пріуготовителемъ будущаго, если, конечно, наличныя условія аграрнаго быта не измѣнятся. И теперь она уже занимаетъ второе мѣсто въ производствѣ (17%), уступая только народной культурѣ на собственныхъ земляхъ и значительно превосходя обѣ другія формы культуры, вмѣстѣ взятыя (12%). Съ каждымъ годомъ она расширяетъ культурную площадь, и только она одна; съ каждымъ годомъ растетъ ея абсолютное и относительное значеніе въ экономіи страны, и

Digitized by Google

только ея одной. При наличныхъ аграрныхъ условіяхъ только она одна и можетъ развиваться и преуспѣвать.

Послѣ этого резюме, обрисовывающаго аграрныя отношенія, позволительно однако спросить: если народное хозяйство на собственныхъ земляхъ и не можетъ расшириться на этихъ земляхъ, воздѣлавъ все, что было возможно, то не можетъ ли оно расширяться посредствомъ увеличенія народнаго землевладѣнія? Не касаясь въ настоящемъ мѣстѣ вопроса о такомъ увеличеніи въ силу государственныхъ мѣропріятій, такъ какъ это явилось бы уже *измѣненіемъ* наличныхъ аграрныхъ условій, остановимся нѣсколько на условіяхъ, которыя дозволяютъ или нѣтъ народному землевладѣнію расширяться изъ себя самого, т. е. прикупкою земли? Вѣдь дворянское землевладѣніе такъ быстро распродается; отчего же народному хозяйству не воспользоваться этимъ процессомъ для увеличенія своей культурной площади, въ чемъ оно такъ нуждается, судя по развитію народной аренды? Свѣдѣнія *Поз Стат.* даютъ нѣкоторый матеріалъ, чтобы судить о томъ, насколько воспользовалось народное хозяйство этою дворянскою ликвидаціей для расширенія своего землевладѣнія. Всего за 20 лѣтъ въ 14 губерніяхъ увеличили свое землевладѣніе путемъ покупки 3,609 общинъ, пріобрѣвшихъ всего — 371,000 дес. и тѣмъ увеличившихъ общую площадь надѣльной земли на 1,2%. Изъ общаго же состава распроданной дворянами земли (всего въ 14 губерніяхъ 5,387,000 дес.) крестьянскія общества успѣли удержать за собою лишь 6,7%. Остальныя 93,3%, или 5,016,000 дес. распроданной дворянами земли минули народныя общины. Они достались большею частью городскимъ сословіямъ, меньшею же частью попали въ руки отдѣльныхъ богатыхъ домохозяевъ изъ крестьянъ, выдѣляющихся изъ массы и подготовляющихъ образованіе самой буржуазіи, о чемъ уже упомянуто выше. Но отчего же народное хозяйство такъ слабо воспользовалось грандіозною ликвидаціею дворянскаго землевладѣнія? Объясненіе тому легко найти въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ ему суждено было влачить свое существованіе въ теченіе этихъ 20 лѣтъ.

Народное производство на собственныхъ земляхъ составляетъ теоретически лучшую форму земледѣльческаго производства, обезпечивающую и успѣхъ сельскаго хозяйства и, вообще, общественный прогрессъ. Но успѣшное хозяйничаніе, тѣмъ болѣе, усовершенствованіе требуютъ постоянной затраты новыхъ средствъ въ землю; только насчетъ этого увеличенія суммы затраченнаго капитала и вложеннаго труда земля улучшается, а не истощается, земледѣліе совершенствуется, производство увеличивается. Улучшенныя орудія, улучшенныя породы рабочаго и промысловаго скота, увеличенное плодородіе земли, искуственные луга, введеніе новыхъ культурныхъ растеній или даже улучшенныхъ сѣмянъ, не говоря о перемѣнѣ системы хозяйства—все это требуетъ свободныхъ средствъ, иногда единовременно довольно значительныхъ, большею

Digitized by Google

частью небольшихъ, но постоянно изъ года въ годъ затрачиваемыхъ въ хозяйство. Поэтому-то первостепенной важности вопросъ— условія хозяйства и аграрнаго быта оставляютъ ли культурѣ свободныя средства для затраты ихъ на прогрессъ и совершенствованіе, или же, поглощая всѣ избытки производства, фатально осуждаютъ на косность и застой, которые въ концѣ-концовъ должны вызвать упадокъ и кризисъ? Къ сожалѣнію, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что народная культура на собственныхъ земляхъ обставлена, въ указанномъ отношеніи, самыми неблагопріятными экономическими условіями. Несоразмѣрность платежей съ доходностью крестьянской земли составляетъ нынѣ наилучше доказанный тезисъ. Лица, еще сомнѣвающіеся, точно ли маломѣрны крестьянскіе надѣлы, громко высказываются о непомѣрности платежей. Даже и охранители ничего не возражаютъ противъ этого. Правительство тоже сознало эту несоразмѣрность, созывало свѣдущихъ людей для детальнаго опредѣленія и, наконецъ, рѣшилось сбавить платежи бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ кругомъ по рублю съ надѣла. Ниже мы остановимся на вопросѣ, насколько эта сбавка улучшила положеніе народнаго хозяйства, а теперь посмотримъ, въ какихъ условіяхъ влачило свое существованіе это хозяйство въ теченіи истекшихъ 20 лѣтъ? Могло ли оно совершенствоваться, могло ли расширяться покупкою распродающихся дворянскихъ земель? Двѣ правительственныя комиссіи, податная и сельско-хозяйственная, работали въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ и собрали довольно богатый фактическій матеріалъ, обработанный княземъ Васильчиковымъ и профессоромъ Янсономъ. Послѣдній, на основаніи этихъ данныхъ, составилъ нѣсколько таблицъ, въ коихъ сгруппировалъ платежи и доходы крестьянъ съ души и десятины по губерніямъ. То обстоятельство, что свѣдѣнія эти относятся къ началу 70-хъ годовъ, не должно насъ смущать, потому что мы разсматриваемъ экономическое состояніе крестьянъ за двадцатилѣтіе, въ которомъ годы собиранія свѣдѣній занимаютъ среднее мѣсто. При томъ же съ тѣхъ поръ и платежи и доходность земли нѣсколько возросли и отношенія немногимъ измѣнились. Г. Янсонъ даетъ намъ данныя для 27 губерній, въ томъ числѣ для 15 черноземныхъ и для 12 не черноземныхъ, объемлющихъ вмѣстѣ сплошную площадь коренныхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерній. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ оказывается, что у крестьянъ бывшихъ государственныхъ въ 14 губерніяхъ (Казанской, Кіевской, Полтавской, Тульской, Херсонской, Владимірской, Вятской, Костромской, Калужской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Псковской и Тверской) доходность не покрываетъ платежей, а въ 13 губерніяхъ (Екатеринославской, Курской, Орловской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Таврической, Тамбовской, Харьковской, Бессарабской, С.-Петербургской, Смоленской и Черниговской) нѣсколько превышаетъ платежи. У крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ нѣкото-

Digitized by Google

рое превышеніе находимъ лишь въ четырехъ губерніяхъ (Орловской, Таврической, Тамбовкой и Бессарабской), въ остальныхъ же 23-хъ губерніяхъ значительный дефицитъ. Наконецъ, удѣльные крестьяне имѣютъ нѣкоторый избытокъ въ 4-хъ губерніяхъ (Орловской, Самарской, Саратовской и Тверской) и дефицитъ въ 8-ми (Казанской, Владимірской, Вятской, Костромской, Московской, Нижегородской, Новгородской и С.-Петербургской). Въ общей сложности дефицитъ простирается до 29,248,000 руб., а избытокъ до 13,983,000 р. с., т. е. балансъ крестьянскаго хозяйства 27 губерній подбивается дефицитомъ въ 15½ мил. р. с. Не надо забывать, что содержаніе семьи не введено въ исчисленіе, а такъ же платежи страховые, приходскіе, бо́льшею частью мірскіе; не введены и натуральныя повинности. Ясно, что и та категорія крестьянъ, которая по этому исчисленію имѣетъ нѣкоторый избытокъ, въ сущности лишь нѣсколько успѣшнѣе сводитъ концы съ концами и ей приходится для этого прибѣгать къ постороннимъ хозяйству занятіямъ (отхожіе промыслы, кустарная промышленность, заработки) или къ арендѣ земли. Всѣ эти данныя показываютъ до очевидности то тяжелое положеніе, въ которомъ находится народная культура на собственныхъ земляхъ. Обремененная высокими платежами, она принуждена напрягать доходность земли до послѣдней степени возможности (даже выше благоразумія), а расходы на хозяйственныя нужды сводить къ самымъ крайнимъ предѣламъ. Естественно, что при этихъ условіяхъ невозможно и думать о земледѣльскомъ прогрессѣ и хозяйственныхъ усовершенствованіяхъ. Расширеніе земледѣлія покупкою тоже изъ свободныхъ средствъ хозяйства не возможно; если же, несмотря ни на что, крестьянскія общины успѣли такъ расширить свое землевладѣніе прикупкою въ 14 губерніяхъ почти на полмилліона десятинъ, то ясно, что каждая копейка, заработанная внѣ хозяйства, затрачивается народомъ въ земледѣліе. Только и этой копейки не много; платежи не оставляютъ хозяину средствъ для развитія и расширенія хозяйства. Князь *Васильчиковъ*, приведя подобныя свѣдѣнія о 76 губерніяхъ Европейской Россіи, восклицаетъ: «Мы спрашиваемъ, какія еще требуются и пріискиваются другія причины разстройства крестьянскаго быта, какія еще собираются свѣдѣнія, производятся изслѣдованія о разныхъ неурядицахъ сельскаго нашего строя, когда главнѣйшая изъ нихъ, существенная, признана и заявлена гласно и единодушно всѣми мѣстными учрежденіями и властями, земскими и административными: губернаторами, губернскими присутствіями, статистическими комитетами, земскими управами, мировыми посредниками изъ 32 коренныхъ великороссійскихъ губерній!» Какъ выше упомянуто, нынѣ уменьшены платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на 1 р. съ надѣла. Для всѣхъ 27 губерній, о которыхъ мы привели выше детальныя свѣдѣнія, это составитъ около 6,214,000 р. с., т. е. низведетъ дефицитъ хозяйства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ съ

Digitized by Google

23 мил. р. до 16,9 мил. р., а весь дефицитъ народныхъ хозяйствъ понизитъ до 23,034,000 р., при чемъ балансъ подобьется все еще громаднымъ дефицитомъ въ 9¼ мил. р. с. Говоря по поводу этихъ дефицитовъ о ихъ значеніи, князь *Васильчиковъ* дѣлаетъ слѣдующее совершенно вѣрное замѣчаніе: «Всякое заключеніе о положеніи землевладѣнія въ данной странѣ находится въ прямой зависимости отъ этого отношенія и, *какая бы ни была форма владѣнія и культуры, доходность имуществъ и успѣхъ земледѣлія обусловливается этою пропорціею чистой ренты съ земель къ обязательнымъ платежамъ земледѣльцевъ*». Народное хозяйство у насъ этой чистой ренты вовсе не имѣетъ, а большею частью имѣетъ даже чистый дефицитъ. Это опредѣдѣляетъ условіе земледѣльскаго прогресса нынѣ господствующей формы культуры, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, освѣщаетъ отчасти съ новой стороны роль народной аренды, какъ призванной покрывать дефициты.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, условія, среди которыхъ развиваются у насъ народное и капиталистическое хозяйства, мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что при аграрномъ status quo, и крестьяне, и землавладѣльцы равно заинтересованы въ развитіи народной аренды. Для крестьянъ это главный источникъ къ покрытію дефицитовъ собственныхъ хозяйствъ, для землевладѣльцевъ—это важнѣйшій источникъ доходовъ, обезпечивающій имъ возможность очищать платежи, которыми услужливый кредитъ обременилъ помѣстныя земли. Этимъ вполнѣ опредѣляется значеніе народной аренды въ общей экономіи страны, какъ главнаго фактора, поддерживающаго экономическое status quo обоихъ сословій, не дозволяющаго полнаго и немедленнаго банкротста, неизбѣжнаго въ противномъ случаѣ. Будучи экономическою необходимостью для обѣихъ сторонъ и вызванная къ жизни рѣшительною крайностью, она естественно должна на себѣ носить всѣ неизбѣжныя послѣдствія экономической крайности: напряженіе доходности земли до maximum'а при minimum'ѣ затратъ (иначе, хищничническую культуру) съ одной стороны и всевозможныя попытки къ эксплуатаціи съ другой. Менѣе способные къ этому дворяне быстро очищаютъ арену, уступая эту благодарную заботу кулакамъ, купцамъ, евреямъ. Дворяне очищаютъ мѣсто не только распродажею, но еще больше сдачею имѣній въ аренду. Оптовые арендаторы переоброчиваютъ землю крестьянамъ. Интересующіеся этимъ вопросомъ найдутъ его прекрасно обработаннымъ въ извѣстномъ капитальномъ сочиненіи кн. Васильчикова. Вообще, вредная и невыгодная для страны, земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ ирландская форма народной аренды по не обезпеченной системѣ водворилась въ Россіи въ самой неблагопріятной обстановкѣ: при сильномъ развитіи системы оптовыхъ арендъ и подъ давленіемъ повелительной экономической необходимости, созданной чрезмѣрною обремененностью—платежами народнаго и частнаго землевладѣнія. Первое

Digitized by Google

вынуждаетъ крестьянъ соглашаться на всякія условія, лишь бы достать земли; второе располагаетъ землевладѣльцевъ къ системѣ оптовыхъ арендъ на отягчительныхъ условіяхъ. Въ результатѣ раззоряется и имѣніе, и населеніе, а выигрываютъ одни оптовые съемщики.

Въ какомъ экономическомъ положеніи находится народная аренда—лучше всего видно изъ сопоставленія цифръ за землю, снимаемую крестьянами подъ свои запашки, и за обработку земли крестьянами собственными средствами для владѣльцевъ. Въ Мураевинской волости Рязанской губерніи плата за десятину, снимаемую крестьянами, доходитъ до 10—12 р., а за обработку десятины для владѣнія они получаютъ 6—7 р. Первыя цифры представляютъ чистую ренту землевладѣльца, а послѣднія являются суммою рабочей платы и прибыли, слѣдуемой на капиталъ, скомбинированный въ крестьянское хозяйство. Оказывается, что рента вдвое больше рабочей платы и прибыли вмѣстѣ взятымъ; другими словами, не очевидно ли, что рента уже поглотила прибыль и оставила съемщикамъ лишь рабочую плату, доведенную до весьма скромныхъ размѣровъ. Въ *Псковской* губерніи, гдѣ съемная плата десятины пашни доходитъ до 90 р. подъ ленъ, за обработку круговой десятины платится всего 20 — 30 руб., то есть за одну десятину около 7—10 р. Это свѣдѣнія г. Вебера. Согласно болѣе старымъ свѣдѣніямъ кн. Васильчикова, эти отношенія были немногимъ благопріятнѣе: за десятину подъ ленъ до 80 р., подъ другія запашки до 10 р., а за обработку десятины около 7—9 р. (28 р. за четыре десятины, въ томъ числѣ 1 сѣнокосная и 1 паровая). Здѣсь тоже чистая рента землевладѣльца превосходитъ въ нѣсколько разъ рабочую плату и прибыль, т. е. послѣдняя поглощена рентою совершенно, а первая сокращена до возможнаго minimum'а. Ирландская система привела и къ ирландскимъ порядкамъ; народная аренда такъ же, какъ и народное хозяйство на собственныхъ земляхъ, прибыли не приноситъ. Рента поглотила ее въ первой такъ же, какъ платежи во второмъ; осталась лишь рабочая плата, которая и идетъ для заплатъ крестьянскихъ дефицитовъ. Какъ ни убыточна поэтому народная аренда, разсматриваемая независимо, она необходима для поддержанія равновѣсія народнаго хозяйства.

Теперь позволительно сдѣлать резюме изъ этого сжатаго обзора главныхъ чертъ русскаго народнаго строя, какъ онъ уже вполнѣ явственно нынѣ обрисовывается.

Русское земледѣліе, этотъ главный, если не единственный источникъ нашего богатства, могущества, просвѣщенія и исторической роли, находится въ настоящее время вполнѣ въ рукахъ народнаго хозяйства; капиталистическое хозяйство, имѣя жалкое и ничтожное настоящее, въ будущемъ (по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ вѣроятнаго предвидѣнія) обѣщаетъ не больше того. Судьба экономическаго прогресса въ Россіи зависитъ всецѣло

Digitized by Google

отъ судебъ милліоновъ мелкихъ экономическихъ единицъ—крестьянскихъ хозяйствъ. Около 8 милліоновъ этихъ простѣйшихъ ячеекъ нашей экономической организаціи всѣ вмѣстѣ воздѣлываютъ свыше 100 милліоновъ десятинъ собственной и арендованной земли. Около 3/4 этой громадной культуры крестьяне-хозяева производятъ на собственныхъ земляхъ, но потребности хозяйства и семьи и обязательства передъ государствомъ и выкупною операціей не удовлетворяются доходами этой культуры, а рабочія силы хозяйствъ превышаютъ размѣры собственнаго землевладѣнія. Въ этомъ заключается причина, толкающая народное хозяйство распространять свою культуру на частныя земли; это создаетъ, рядомъ съ народною культурою собственныхъ земель, народную аренду по необезпеченной или ирландской системѣ. Въ виду того, что собственная крестьянская земля сплошь воздѣлана, а капиталистическое производство не подаетъ никакихъ признаковъ жизни, именно отъ этой ирландской формы народной аренды только и позволительно, *при наличныхъ аграрныхъ условіяхъ*, ожидать расширенія культурной площади страны, двѣ трети которой не воздѣланы. Народная аренда по не обезпеченной системѣ, играющая въ современномъ земледѣльческомъ производствѣ уже весьма видную роль, призвана въ ростѣ земледѣлія играть первую, если не единственную роль. Весь количественный прогрессъ сельскаго хозяйства будетъ совершаться лишь въ пользу этой формы и при ея посредствѣ. Что касается качественнаго прогресса, то всѣ условія русскаго земледѣлія, кажется, какъ бы составили между собою заговоръ противъ него. Обремененное платежами, превышающими платежныя силы земли, народное хозяйство на собственныхъ земляхъ обречено въ лучшемъ случаѣ на косность, часто же на неизбѣжное разстройство. Дефициты могутъ быть покрыты только изъ постороннихъ источниковъ, главнымъ образомъ арендою земли. Это обстоятельство налагаетъ лишній гнетъ на народную аренду, какъ систему и безъ того крайне неблагопріятную прогрессу культуры. Экономическій гнетъ заставляетъ напрягать до крайней степени доходности, какъ собственную землю, такъ и арендованную, ограничивая расходы до крайней степени возможности и даже невозможности. Съ другой стороны, экономическій гнетъ и обремененіе землевладѣнія кредитомъ вынуждаетъ собственниковъ земли сдавать имѣнія оптовымъ съемщикамъ, этимъ по профессіи раззорителямъ населенія и помѣстій. Такимъ образомъ, двойной экономическій гнетъ, отягчающій крестьянъ и землевладѣльцевъ, задерживаетъ прогрессъ хозяйства, толкаетъ страну на путь самаго экстенсивнаго хозяйничанія, истощаетъ земли хищническою культурою и кидаетъ обѣ стороны въ руки посредниковъ—эксплуататоровъ, оптовыхъ съемщиковъ, ничѣмъ не связанныхъ съ населеніемъ и краемъ, вовсе не заинтересованныхъ въ сбереженіи земель и угодій.

Такова общая картина состоянія, въ которомъ находится нынѣ

Digitized by Google

русское земледѣліе. Наилучшія теоретическія начала и принципы были положены въ основу великихъ аграрныхъ экономическихъ реформъ прошлаго царствованія: формѣ народнаго хозяйства на собственныхъ земляхъ или на арендованныхъ по наилучше обезпеченной системѣ (временно-обязанное состояніе) дано было этими реформами рѣшительное преобладаніе. Но во время осуществленія великой реформы былъ допущенъ крупный дефектъ: не соразмѣрные платежи были возложены на хозяйство народное. Еслибы и не было другихъ дефектовъ, вкравшихся при введеніи реформы, то и одного этого было бы болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы осудить наше земледѣліе на косность и упадокъ, чтобы вызвать всѣ вышеисчисленныя грустныя явленія, чтобы насадить у насъ печальные ирландскіе поземельные порядки, которые, зародившись всего какихъ-нибудь 15 лѣтъ тому назадъ, успѣли занять второе мѣсто въ производствѣ и завоевать себѣ еще болѣе широкіе виды на будущее.

Это будущее русскаго земледѣлія не сулитъ странѣ ничего хорошаго, если не будутъ измѣнены наличныя условія нашего аграрнаго строя. Въ какомъ направленіи подлежатъ они измѣненію—отчасти видно изъ предыдущаго изложенія, но полнаго учета нашихъ аграрныхъ задачъ и потребностей это изложеніе еще не даетъ. *Несомнѣнно*, главная забота нашей аграрной политики—улучшить условія народнаго хозяйства, составляющаго $^{11}/_{12}$ всего земледѣльческаго производства Россіи (безъ Польши); несомнѣнно это хозяйство нуждается въ расширеніи своего землевладѣнія или обезпеченія своей аренды, такъ какъ оно уже не помѣщается на собственныхъ земляхъ; несомнѣнно, оно нуждается въ устраненіи несоразмѣрности возложенныхъ на него платежей, что̀ можетъ быть достигнуто тремя путями—расширеніемъ землевладѣнія (черезъ что возростаетъ доходъ), уменьшеніемъ платежей и безубыточною арендою. Словомъ, расширеніе народнаго землевладѣнія, упорядоченіе арендного права, уравновѣшеніе платежей съ доходами—вотъ несомнѣнныя задачи нашей аграрной политики, но для учета дѣйствительнаго размѣра этихъ потребностей, а потому и для опредѣленія рода мѣръ, для выработки программы нуженъ рядъ другихъ свѣдѣній, болѣе детальнаго изслѣдованія потребностей и дефицитовъ [1].

С. Южановъ.

Статья того-же автора «Еврейскій вопросъ въ Россіи» («Отечественныя Записки», май) ошибочно подписана С. Южановъ.

Ред.

---

[1] Какъ уже объяснено, этотъ этюдъ есть извлеченіе изъ болѣе обширнаго труда, въ которомъ по возможности приведены въ извѣстность и учтены и эти задачи. Если окажется удобнымъ, я, быть можетъ, познакомлю съ ними читателей въ такомъ же извлеченіи раньше окончанія всего труда.

Авт.

Digitized by Google

ГЕНРИ УОДСВОРТСЪ ЛОНГФЭЛЛО.

I.

Въ послѣднее время беллетристика различныхъ языковъ потерпѣла значительныя потери. Германія потеряла своего едва ли не талантливѣйшаго романиста, Ауэрбаха. На югѣ Франціи умеръ поэтъ Барбье, «Ямбы» котораго одно время—хотя и не надолго—поставили его въ общественномъ мнѣніи наравнѣ съ величайшими лириками Франціи. За послѣдніе дни газеты принесли намъ извѣстія, что 24-го (12-го) марта умеръ Генри Уодсвортсъ Лонгфэлло, одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ поэтовъ Америки.

Популярность Лонгфэлло была громадна. Газеты называли его «величайшимъ поэтомъ Америки» и считали его читателей «милліонами». Его «Псаломъ жизни» и «Мостъ» считаются наиболѣе популярными стихотвореніями на англійскомъ языкѣ. Его «Fxcelnôv» есть обычная декламаціонная пьеса американской молодежи. Англичане вычислили, что еслибы возможенъ былъ аккуратный разсчетъ между Англіею и Сѣверною Америкою за литературный трудъ, Лонгфэлло пришлось бы получить изъ Англіи болѣе крупную сумму, чѣмъ кому-либо другому. Американскія газеты сообщаютъ, что почти во всѣхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ его портретъ выставленъ въ книжныхъ лавкахъ, окруженный траурными символами, и публика наполняетъ церкви во время поминальной службы. Лондонскія книжныя лавки наполнены многочисленными изданіями его поэтическихъ произведеній, и цѣна ихъ восходя до нѣсколькихъ фунтовъ, опускается въ дешевомъ изданіи для народа, до 6 пенсовъ (около 25 коп. по нынѣшнему курсу). Довольно строгій и не особенно симпатизирующій цѣнитель Лонгфэлло, поэтъ Россетти (который успѣлъ умереть между началомъ этой статьи и ея окончаніемъ), долженъ былъ признаться, что Лонгфэлло, у всѣхъ читающихъ на англійскомъ языкѣ, былъ наиболѣе читаемымъ поэтомъ изъ жившихъ въ послѣднюю четверть вѣка; соперниками ему могли быть въ этомъ отношеніи лишь Теннисонъ, да неизвѣстный почти вовсе внѣ Англіи любимецъ лондонскихъ cockney'евъ Топперъ; впрочемъ, послѣднее сопоставленіе надо приписать нѣкоторой ядовитости

Digitized by Google

Россетти, такъ какъ едва ли можно отнести Топпера къ области серьезной литературы.

Писатель, занявшій подобное мѣсто въ литературѣ, заслуживаетъ во всякомъ случаѣ серьёзнаго вниманія. Заключается ли источникъ его популярности въ истинно-высокой художественности или въ томъ, что его произведенія успѣли удачно выразить высшія поэтическія настроенія его времени, или даже въ томъ только, что онъ стоялъ въ одномъ уровнѣ съ средними требованіями отъ искуства, существующими у большинства читателей данной эпохи—его приходится оцѣнить, какъ замѣчательное явленіе въ искуствѣ, какъ характеристическое выраженіе даннаго фазиса развитія человѣческой мысли или, наконецъ, какъ иллюстрацію умственной и эстетической жизни эпохи.

II.

Лонгфэлло родился 27-го февраля 1807 г. и можно сказать, вся его жизнь была посвящена литературнымъ трудамъ. Въ собраніи его стихотвореній мы встрѣчаемъ произведенія, писанныя ранѣе 19 лѣтъ, гдѣ онъ воспѣвалъ «нѣжнаго духа, наполняющаго міръ», который воплощался для него «въ ясный образъ свѣта и красоты, присутствующихъ въ природѣ» (The spirit of Poetry); послѣдній, сколько мнѣ извѣстно, его стихотворный сборникъ («Keramos and other Poems», гдѣ находится и его стихотвореніе «Бѣлый Царь») появился въ 1878 году, въ сборникѣ же, предшествовавшемъ этому послѣднему лишь тремя года («The masque of Pandora and other poems»), заключаются нѣкоторыя изъ замѣчательнѣйшихъ его произведеній. Отдѣльныя стихотворенія — и вовсе не изъ худшихъ — напечатаны имъ въ 1880 году. Кромѣ многочисленныхъ сборниковъ лирическихъ произведеній, онъ писалъ поэмы, которыя принадлежатъ къ извѣстнѣйшимъ идиллическимъ продуктамъ новаго времени, или важны въ этнологическомъ отношеніи, какъ воспроизведеніе цѣлаго цикла поэзіи краснокожихъ. Онъ писалъ произведенія въ драматической формѣ, хотя и невозможныя для сценическаго исполненія. Его прозаическія труды наполняютъ толстый томъ мелко напечатанаго сборника; онъ, кромѣ того, перевелъ огромное количество произведеній другихъ поэтовъ, и одинъ изъ крупныхъ его трудовъ составляетъ переводъ «Divina Commedia» Данта въ 3 томахъ (1867—70). Подъ его руководствомъ, наконецъ, вышли изданія «Poets and Poetry of Europe» (1845, 1870) и многотомное «Poems of Places», одинъ изъ томовъ которой посвященъ Россіи [1]. При этомъ съ 1826 года

[1] Именно томъ 20-й появившійся въ 1878 г. Онъ заключаетъ болѣе сотни стихотвореній различныхъ авторовъ, но довольно мало переводовъ съ русскаго·

Digitized by Google

по 1854 Лонгфэлло занималъ профессуру иностранныхъ языковъ сперва въ Bowdoin College, потомъ въ Herrard university, гдѣ онъ замѣнилъ историка испанской литературы Тикнара и, въ свою очередь, уступилъ мѣсто поэту Лауэлю, нынѣшнему посланнику Штатовъ въ Англіи.

Весьма важнымъ, опредѣляющимъ элементомъ въ литературной дѣятельности Лонгфэлло были три путешествія въ «Старый свѣтъ», предпринятыя имъ для надлежащаго подготовленія къ обязанностямъ только-что упомянутой профессуры. Первое путешествіе было совершено въ 1826—29 годахъ, и продуктомъ его была книга «Outre-mer» (1835), посвященная преимущественно Франціи и Испаніи. Второе—въ 1835—36 годахъ, сблизило Лонгфелло съ Германіей и Скандинавіей, и отразилось въ особенности въ «Hyperion» (1839), а частью въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ, имѣющихъ отношеніе къ Скандинавскимъ сагамъ и преданіямъ. Наконецъ, въ 1842 года, Лонгфэлло снова посѣтилъ Францію, Германію и Англію.

«Старый міръ» былъ для Лонгфэлло чѣмъ-то въ родѣ «Святой земли» средневѣковыхъ пилигримовъ, и онъ прямо это высказываетъ въ первой главѣ «Outre-mer», самое названіе котораго обозначаетъ для него подобное отношеніе. Здѣсь онъ развилъ какъ свою разнообразную и обширную начитанность, такъ и замѣчательную воспріимчивость къ живописной сторонѣ культурныхъ формъ самыхъ различныхъ эпохъ и народовъ. Отсюда онъ вынесъ то почти релиліозное уваженіе ко всему «старинному», легендарному, которое ввело его въ ряды романтиковъ съ нѣсколько особымъ оттѣнкомъ. Это же сдѣлало его главою европейской школы. Въ Америкѣ и позволила одному изъ критиковъ американской литературы выразиться о немъ, что «онъ имѣетъ въ себѣ очень мало существенно - американскаго» и что въ его многочисленныхъ произведеніяхъ нельзя найти «ничего, что можно бы назвать туземнымъ продуктомъ почвы и чего не могъ бы написать всякій талантливый англичанинъ». Авторъ (*Charles Waite:* A sketch of the History of American Literature» 1869) дѣлаетъ исключеніе для «Пѣсни о Гаяватѣ» и разсказа «Kavanagh», но едва ли и это исключеніе необходимо было дѣлать. Лонгфэлло принадлежитъ къ писателямъ, которые настолько воспріимчивы къ разнообразнымъ впечатлѣніямъ историческихъ эпохъ и различныхъ національностей, что ихъ собственное время и родина не могутъ уже вызвать въ нихъ достаточно сильнаго отголоска. Ихъ можно было бы назвать «общечеловѣч-

---

Лучшіе изъ послѣднихъ принадлежатъ довольно извѣстному въ Россіи Ральстону. Всѣ стихотворенія расположены по алфавиту мѣстностей, къ которымъ относятся: *Украйна* представлена «Мазепой» Байрона. Между 8-ю стихотвореніями, соединенными подъ рубрикою «Кавказъ», четыре относятся къ миѳу Прометея (Эсхила, Гёте, Шелли и Лауэля). Не мало стихотвореній, конечно, посвящены крымской войнѣ.

Digitized by Google

ными», еслибы это слово не заключало двойного значенія, которое можетъ вызвать недоразумѣніе. Есть люди, которые, опираясь на прочную почву симпатій, задачъ и стремленій своей эпохи и націи, расширяютъ эти симпатіи, задачи и стремленія *вслѣдствіе ихъ энергіи* до того, что они становятся «общечеловѣческими», принимая характеръ элементовъ международной солидарности. Есть другіе люди, которые свои личные интересы, задачи и стремленія считаютъ возможнымъ удовлетворить лишь, оставляя въ сторонѣ все то, что̀ дѣлаетъ ихъ членами опредѣленной націи, участниками въ жизненной борьбѣ извѣстной эпохи, и такимъ образомъ становятся на почву вопросовъ, одинаково относящихся до всего человѣчества, вопросовъ космополитическихъ, *вслѣдствіе слабости* своей связи съ эпохою и націею. Люди обоихъ типовъ встрѣчаются и въ жизни, и литературѣ. Апостолы новыхъ религіозныхъ и общественныхъ ученій всего чаще принадлежатъ къ первой категоріи. Дѣятели всемірной торговли, индустріи, спекуляціи—ко второй. Великіе поэты, подобные Шекспиру, Гёте, Гейне болѣе и менѣе приближались къ первому типу. Міровыя симпатіи, которыя воплотилъ соперникъ Лонгфэлло, Уайтъ Уайтманъ, въ своихъ «Salut au monde», и «To field Pievolter or Pievoltress» и многихъ другихъ, выросли на почвѣ страстнаго, даже можно сказать слѣпо-фанатическаго, американскаго патріотизма. То же можно сказать о Лоуэлѣ въ его «The Fatherland», «To the Poet», «To the future», «Ode to France» (1848). Лонгфэлло скорѣе принадлежалъ ко второму типу, и потому слабость его связи съ интересами эпохи имъ пережитой, какъ и съ заботами націи, къ которой онъ принадлежалъ, мнѣ кажется можно всего точнѣе выразить, сказавъ, что его поэзія имѣетъ характеръ «космополитическій».

Что̀ касается до его слабой связи съ своею эпохою, она въ значительной степени опредѣляется элементомъ романтизма, который характеризуетъ бо̀льшую часть произведеній Лонгфэлло. Мнѣ придется еще указать ниже нѣкоторые примѣры этой малой отзывчивости Лонгфэлло на задачи эпохи, но уже изъ сказаннаго о его симпатіяхъ ко всему «старинному» читатель можетъ заключить, что къ современности онъ долженъ былъ относиться до нѣкоторой степени апатично. Впрочемъ, почти каждая страница его «Outre-mer» и «Hyperion» легко можетъ подтвердить это. Онъ, молодой человѣкъ 20 лѣтъ, проѣзжалъ по Франціи наканунѣ іюльской революціи; 28 лѣтъ посѣщалъ Германію въ эпоху, когда совершался расколъ между лѣвой и правой стороной гегельянцевъ, и философія, обѣщавшая успокоить человѣчество въ области безусловнаго пониманія, оказывалась источникомъ бурь, которыя затѣмъ перешли изъ области теоретической мысли и въ область мысли практической. Поищите слѣдовъ этихъ *современныхъ* волненій въ произведеніяхъ, навѣянныхъ путешествіемъ Лонгфэлло. Вы ихъ найдете, но именно отношеніе автора къ этимъ явленіямъ, которыхъ

Digitized by Google

незамѣтить онъ не могъ, подтверждаютъ высказанное мною о малой отзывчивости Лонгфелло на современные вопросы жизни. И въ литературно-историческихъ очеркахъ, которые составляли его оригинальный взносъ въ изданіе «Poets and Poetry of Europe,» всякій замѣтитъ, какъ долго онъ останавливается на первыхъ періодахъ развитія французской и нѣмецкой литературы, и насколько ограничивается для новѣйшаго времени почти однимъ перечисленіемъ авторовъ.

III.

Въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ нашего вѣка развитіе романтизма было такъ значительно, что не мудрено было американцу-пилигриму, отправлявшемуся на поклононіе къ «святымъ мѣстамъ» Стараго свѣта, подпасть подъ его вліяніе. И всѣми признано, что Лонгфэлло принадлежалъ къ романтическому движенію въ литературѣ. Достаточно просмотрѣть содержаніе большинства его оригинальныхъ и особенно переводныхъ стихотворныхъ произведеній, достаточно прочесть «Гиперіона», чтобы въ этомъ не сомнѣваться. Для него Тэгнеръ выше Гете! Но романтизмъ представляетъ сложное явленіе въ исторіи мысли и въ разныхъ странахъ выступаетъ весьма различно. Представитель реакціи, художественнаго индивидуализма и грубаго каприза фантазіи въ Германіи, онъ былъ подготовителемъ и отзвукомъ политической бури во Франціи, раздвоился въ Англіи на нѣсколько отраслей, къ которымъ принадлежало и вполнѣ оригинальное развитіе бонапартизма, и романы Вальтеръ Скотта, и позднѣйшіе продукты недавно умершаго Карлэйля; онъ перешелъ въ русской литературѣ съ Пушкинымъ на почву реализма; во всѣхъ европейскихъ странахъ его развитіе обусловливалось борьбою революціонныхъ и реакціонныхъ элементовъ, борьбою, которая съ конца XVIII вѣка не давала успокоиться мысли Европы. Для Лонгфэлло, какъ американца, эта борьба была чужимъ вопросомъ и потому средневѣковыя и религіозныя симпатіи не могли быть похожи на католическія симпатіи нѣмецкихъ романтиковъ, только что пережившихъ республику въ Майнцѣ и Эрфуртское собраніе государей Европы подъ предсѣдательствомъ бывшаго поручика артиллеріи; не могли быть похожи на легитимистскія симпатіи Шатобріана и молодой Франціи, гдѣ на престолѣ сидѣлъ братъ казненнаго Людовика XVI-го, гдѣ тоже перо, которое писало торжественную оду на коронацію Карла X, должно было воспѣвать вскорѣ «славные» іюльскіе дни, а революція противу Расина и Буало была насущнымъ вопросомъ; не могли быть похожи и на средневѣковыя симпатіи автора Айвенго, который былъ окруженъ цѣлымъ міромъ остатковъ старинныхъ традицій. Какъ въ Россіи отсутствіе историческихъ преданій,

Digitized by Google

способныхъ вызвать вдохновляющіе звуки прошлаго, неизбѣжно отрывали русскій романтизмъ отъ безпочвенныхъ фантазій Жуковскаго, для того чтобы путемъ вліянія байронизма, переработать его въ чистый реализмъ, оставляя прославленіе минувшаго на долю Загоскинымъ, такъ въ Америкѣ романтизмъ фатально переработывался въ космополитическое сочувствіе всѣмъ народамъ и прошедшимъ эпохамъ, начиная съ древнихъ евреевъ и скандинавскихъ викинговъ, до патріотовъ Новой Англіи. Миѳологія краснокожихъ въ «Пѣснѣ о Гаяватѣ», сѣверо-американскіе пуритане XVII и XVIII вѣковъ въ «Трагедіяхъ Новой Англіи» и въ «Эванджелинѣ», современные школьные учителя и пасторы его отечества въ «Kavanagh», нисколько не болѣе близки чувству Лонгфэлло, нисколько не болѣе близки его мысли и не тоньше имъ понимаются, чѣмъ средневѣковые монахи въ «Золотой легендѣ», скандинавскіе викинги въ разсказахъ музыканта, входящихъ въ составъ «Tales of Wagside Sun» испанцы въ «Spanish Student» или въ «Torquemada».

Это «ровное» отношеніе къ разнымъ эпохамъ и народамъ, эта гибкость воображенія, позволяли Лонгфэлло, при помощи обширной начитанности, соединить въ одну трилогію «Christus», евангельскій разсказъ въ драматической формѣ, «Miracle-play», мистическую повѣсть «Золотой легенды», оживленную многочисленными реалистическими подробностями изъ средневѣковаго быта, и кровавую картину пуританской нетерпимости въ «Трагедіяхъ Новой Англіи», помѣстивъ рядомъ съ ними, какъ объяснительныя переходныя фигуры, пророка Аввакума и Іоакама да Фіоре, Лютера и Іоанна Богослова. Они позволили ему поставить рядомъ «Tales of Wagsides Sun» разсказы изъ самыхъ различныхъ эпохъ, и даже самаго различнаго характера, причемъ во многихъ изъ нихъ внѣшнія характеристическія черты изображаемыхъ эпохъ и народностей очерчены весьма удачно. Простота и ясность рѣчи Лонгфэлло, составляющія его замѣчательную особенность и отличающія его весьма выгодно, какъ отъ большинства романтиковъ другихъ народностей, такъ и отъ большинства его соотечественниковъ-поэтовъ, увеличиваютъ достоинство этихъ поэтическихъ иллюстрацій исторіи. Нѣкоторые изъ нихъ при помощи ландшафтныхъ красотъ природы, къ которымъ Лонгфэлло безспорно чутокъ, составляютъ едва ли не главный вкладъ его въ поэзію послѣдняго полувѣка, иногда дозволяя ему даже весьма значительное приближеніе къ реализму. Едва ли кто безъ удовольствія прочтетъ нѣкоторыя сцены изъ жизни монаховъ въ «Золотой легендѣ», или разсказъ объ испанскомъ отцѣ-фанатикѣ, когда тотъ проситъ, чтобы ему дозволено было принести дрова для костра, на которомъ должны быть сожжены его собственныя дочери-еретички, имъ же преданныя инквизиціи, и затѣмъ самъ поджигаетъ этотъ костеръ (Torquemada), или нѣкоторыя сцены домашней жизни въ «Сватовствѣ Милэса Стэндиша» или въ «Viavanagle».

Объ истинномъ, глубокомъ пониманіи историческаго процесса

Digitized by Google

въ этихъ иллюстраціяхъ эпохъ и народовъ не можетъ быть и рѣчи. Романтизмъ ни въ одной странѣ не выработалъ и не могъ выработать этого пониманія, потому что у него не было надлежащей философской подкладки для этого. Онъ опирался или на ограниченное поклоненіе старинному преданію, потому лишь, что оно старинное преданіе, или на философію провиденціализма, или на философію тожества, не различавшую ни областей природы, ни періодовъ исторіи, или, наконецъ, любовался картинками исторіи и старался переживать воображеніемъ ея различные фазисы, безъ всякаго цѣльнаго философскаго міросозерцанія, во имя одного общаго художественнаго сочувствія ко всему человѣческому, когда оно живописно и поэтично, или во имя отвлеченнаго начала терпимости. Идеалистическая теорія эволюціи, построенная гегелизмомъ, осталась внѣ романтизма. Реалистическая теорія исторической эволюціи, обусловленная появленіемъ дарвинизма, еще не выступала въ его время. Нельзя поэтому обвинять Лонгфэлло, что онъ не глубже понималъ и не лучше освѣщалъ историческія картины, которыя появлялись одна за другою передъ публикою въ его волшебномъ фонарѣ. Это было бы возможно для него лишь при такомъ могучемъ поэтическомъ талантѣ, который позволялъ Шекспиру или Гете иногда угадать характеристическія черты эпохъ и событій, или при бо́льшей силѣ критической мысли, которая на основаніи энергическаго проникновенія въ живыя задачи современности, позволила бы разгадать нѣкоторыя существенныя черты вопросовъ прошедшаго; но привычки мысли Лонгфэлло были совершенно чужды и подобной критики, и подобнаго интереса къ современности.

Такъ какъ въ романтизмѣ религіозный элементъ игралъ огромную роль и такъ какъ религіозный вопросъ проходитъ черезъ большинство произведеній Лонгфэлло, то нельзя не остановиться на его отношеніи къ религіи. Почитатель Чэннинга, которому онъ посвятилъ въ самый годъ его смерти (1842) свое «Стихотвореніе о невольничествѣ», Лонгфэлло пытался, какъ и Чэннингъ, остаться внѣ сектъ и фракцій христіанства, стремясь ко всеобщему «миру и благоволенію», чуждаясь всякой догматической полемики, сводя все на вопросы личнаго смиренія и примиренія, и забывая, что искренняя религіозность совершенно невозможна для общества безъ вполнѣ опредѣленныхъ и отличительныхъ формъ догмата и культа, что, поэтому, христіанство *вообще*, за которое онъ такъ крѣпко держался, есть вовсе не религія массъ, а искуственный продуктъ мысли, удалившейся отъ настоящей жизни. Но во имя этого христіанства *вообще* Лонгфэлло могъ писать и свою «Божественную трагедію», перелагая въ ней въ драматическую форму гармонію евангелій, и проповѣдь брата Кутберта на площади Страсбурга, и судъ надъ квакерами въ Новой Англіи; могъ рисовать съ одинаковою симпатіею мистическую католичку Эльси «Золотой легенды» и столь

Digitized by Google

же мистическую пуританку Эванджелину, и даже энергическую квакершу-проповѣдницу Эдиѳь (самую живую изъ его женскихъ фигуръ); могъ всюду вооружаться противъ нетерпимости, и кончать свою трилогію словами, вложенными имъ въ уста Іоанна Богослова, что слѣдуетъ не «повторять имя» Божіе, но «исполнять Его волю». Точно будто и Олафъ, и Лютеръ, и католическіе инквизиторы, и пуританскіе палачи квакеровъ и колдуній не воображали, что «исполняютъ Его волю»? Съ *вообще* христіанской точки зрѣнія Лонгфэлло не было видно, что «мечъ духа болѣе крѣпкій, чѣмъ сталь», и «свѣтъ истины болѣе быстрый, чѣмъ стрѣла» (какъ онъ выражается въ концѣ «Саги объ Олафѣ», входящей въ «Tales of Wagside Sun»), поражалъ и долженъ былъ поразить *не одну* скандинавскую миѳологію.

Но недостатокъ болѣе глубокаго пониманія сущности формъ религіозныхъ вѣрованій, при недостаточной силѣ поэтическаго чутья, привелъ Лонгфэлло на этой почвѣ и къ прямой эстетической фальши. Религіозная мотивировка побудила Лонгфэлло допустить странное окончаніе «Пѣсни о Гаяватѣ», гдѣ этотъ національный духъ—цивилизаторъ Америки завѣщаетъ ее туземцамъ «слушать слова мудрости, слушать правду», которую имъ принесутъ блѣднолицые проповѣдники. Лонгфэлло могъ въ 1855 году (когда появилась «Пѣснь о Гаяватѣ») прекрасно знать, что «блѣднолицые» принесли краснокожимъ истребленіе. Подобный же диссонансъ, но уже не допускающій объясненія даже религіознымъ мотивамъ, является въ концѣ «Золотой легенды», когда религіозная фанатичка Эльси говоритъ о земной любви. Эти, уже чисто эстетическія ошибки и нѣкоторыя другія, на которыхъ я останавливаться не стану, свидѣтельствуютъ объ отсутствіи у Лонгфэлло истиннаго, глубоко-художественнаго пониманія образовъ, имъ созданныхъ.

Недостатокъ поэтической глубины въ образахъ, которые выступаютъ въ его красивыхъ картинкахъ, всего замѣтнѣе тамъ, гдѣ возможно сравненіе этого много-начитаннаго автора съ другими поэтами. Луциферъ «Золотой легенды» явно писанъ подъ вліяніемъ воспоминанія Мефистофеля «Фауста». «Еванджелина» есть такая же идиллическая попытка, какъ «Германъ и Доротея, допускающая даже многія близкія параллели. «Постройка корабля» (въ «The Seaside and the Fireside») прямо соперничаетъ съ «Пѣснью о колоколѣ». Въ многочисленныхъ балладахъ Лонгфэлло весьма часто бралъ сюжеты близкіе или даже тожественные съ сюжетами балладъ Гете. Наконецъ, въ «Пандорѣ» онъ вывелъ Прометея—одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ въ поэзіи. Здѣсь нуженъ даже не особенно выработанный поэтическій вкусъ, чтобъ замѣтить, насколько безсильнѣе и поэтически безжизненнѣе созданія искуснаго, ловкаго, образованнаго американскаго стихотворца сравнительно съ произведеніями истинно великихъ поэтовъ.

Digitized by Google

IV.

И здѣсь источникъ слабости лежитъ не столько въ недостаткѣ творчества, сколько въ отсутствіи всякаго страстнаго и живого участія въ интересахъ и вопросахъ современности, окружавшей Лонгфэлло. О его произведеніяхъ можно сказать приблизительно то, что сказалъ о его личности Тикноръ зъ своихъ мемуарахъ, назвавъ его «весьма дружелюбнымъ и любезнымъ человѣкомъ, котораго всѣ очень любятъ». Онъ чуждался, какъ всего слишкомъ чувственнаго, такъ и всякой рѣзкой насмѣшки, ѣдкаго сарказма, гнѣвнаго взрыва. Онъ старался сохранить дружественныя отношенія ко всѣмъ группамъ людей, съ которыми сближался. Его произведенія могли съ пріятностью читать люди самыхъ разнообразныхъ взглядовъ въ наше время, представляющее такой разладъ мыслей и стремленій. Тихія печали, скромныя радости, нѣсколько узкій жизненный кругозоръ—вотъ въ сущности главное содержаніе его поэзіи.

Примѣры этому найдти не трудно. Что для него значитъ Прометей? Смыслъ его дѣятельности для Лонгфэлло выраженъ въ словахъ второй парки: «Многоиспытанный, многоискушенный, не избавленный ни отъ какихъ мукъ въ казни ему присужденной, въ страданіи его воспитавшемъ, часто обманутый призраками, часто терпѣвшій неудачи и пораженія въ работахъ имъ совершенныхъ путемъ труда и самоотверженія онъ достигаетъ высшаго».

Впрочемъ, даже не Прометей главный сюжетъ драмы, а влюбленный въ Пандору Эпиметей, который, когда Пандора напускаетъ на человѣческій міръ всѣ бѣдствія, успокоиваетъ ее окончательно тѣмъ, что «мы примиряемся съ безсмертными богами и съ самими собою лишь путемъ наказанія за наши дурныя дѣла и путемъ страданія».

Нельзя не сказать, что непокорный титанъ древности, такой величественный въ стихахъ Гете, здѣсь въ значительной мѣрѣ умалился.

Лонгфэлло нѣсколько разъ возвращался къ общей задачѣ поэта и поэзіи. Въ предисловіи къ своему первому сборнику лирическихъ произведеній («Voices of the night and other Poems 1839) онъ говорилъ себѣ:

«Знай, что ты впередъ будешь воспѣвать не горы съ ихъ снѣжною шапкою, не лѣса, шумъ которыхъ подобенъ шуму моря, не вѣчно-текущія рѣки, надъ которыми склоняются деревья, чтобы посмотрѣть на небо, развернувшееся внизу. Есть лѣсъ, гдѣ раздается звукъ желѣзныхъ вѣтвей; въ немъ живетъ могучая рѣка, и кто въ нее взглянетъ, тотъ увидитъ небо, почернѣвшее отъ грѣховъ, небо, неизмѣримое по глубинѣ и по

Digitized by Google

пространству... Взгляни, поэтому, въ твое сердце и пиши! Взгляни въ глубокій потокъ жизни!»

И въ томъ же сборникѣ, въ повторяемомъ повсюду «Псалмѣ жизни» авторъ ставитъ задачею человѣку: «Дѣйствуй въ живомъ настоящемъ!»

Нѣсколько позже онъ написалъ свое знаменитое «Excelsior!» (переведено въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 г. и помѣщено въ сборникѣ «Избранные поэты Англіи и Америки» Спб., 1864, стр. 24 и слѣд.). Это—одно изъ немногихъ туманныхъ произведеній автора, отличающагося вообще ясностью своей рѣчи. Тутъ мы видимъ юношу, который идетъ умирать на ледяной альпійской вершинѣ во имя того «знамени», которое онъ несетъ въ рукахъ, «знамени» со страннымъ девизомъ: «Excelsior»! идетъ, не останавливаясь «въ уютныхъ домахъ, гдѣ свѣтло и тепло горѣли огни», не слушая ни предостереженій прохожихъ, ни призыва красавицъ. Всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ ролью, которую придавалъ въ жизни романтизмъ искуству, не усумнится ни на минуту, что какой ни былъ бы дѣйствительный смыслъ этого знамени, для Лонгфэлло его должна была нести поэзія.

Еще позже онъ говорилъ о поэтахъ: «Лишь тѣ были увѣнчаны, были святыми, которые узнали горе, сдѣлали народы благороднѣе, свободнѣе» («Prometheus» въ «Birds of Passage», «Flight the first»).

И въ стихотвореніи, написанномъ въ концѣ его дѣятельности и составляющемъ какъ бы его завѣщаніе, Лонгфэлло совѣтовалъ всѣмъ написать на своихъ дверяхъ «мудрое и старинное изрѣченіе: будь смѣлъ! будь смѣлъ! и всюду будь смѣлъ! не будь излишне смѣлъ, но лучше избытокъ, чѣмъ недостатокъ въ этомъ случаѣ,» и обращался къ своимъ сверстникамъ со словами:

«Неужели мы праздно сядемъ и скажемъ: ночь пришла; день конченъ?—ночь еще не пришла: недостатокъ свѣта еще не совсѣмъ мѣшаетъ намъ работать; намъ осталось еще кое-что сдѣлать, кое-что дерзнуть» («Morituri salutamus» 1875).

Но пробовалъ ли Лонгфэлло хотя въ какой либо мѣрѣ исполнить подобныя живыя, историческія задачи поэзіи? Достаточно ли внимательно онъ посмотрѣлъ «въ глубокій потокъ жизни» и прислушался къ «звуку желѣзныхъ вѣтвей» ея лѣса? какой былъ *жизненный* смыслъ «страннаго девиза», изъ-за котораго, по мнѣнію Лонгфэлло, слѣдовало идти умирать, не останавливаясь ни въ одномъ «уютномъ» углу жизни, не беря въ соображеніе никакихъ опасностей? Пробовалъ ли вообще Лонгфэлло дѣйствовать въ «живомъ настоящемъ», какъ его современники, Уайтманъ, Лауэль и Уайтеръ? Пробовалъ ли онъ, какъ они, «сдѣлать народы благороднѣе, свободнѣе», по крайней мѣрѣ на сколько каждый изъ нихъ понималъ свободу? Что именно «сдѣлалъ онъ, что дерзнулъ» онъ, пока для него не наступала ночь въ мартѣ 1882 г.?

Digitized by Google

Едва ли эти громкія задачи не были для Лонгфэлло поэтическими мотивами вдохновенія, подобно множеству другихъ, но *только* поэтическими мотивами, которые онъ былъ способенъ пережить воображеніемъ, нисколько не думая нетолько внести ихъ въ свою практическую дѣятельность, но и сдѣлать главною характеристикою своего художественнаго творчества. Его «Excelsior»!—произведеніе бозспорно поэтическое—получило свое громадное распространеніе именно вслѣдствіе своей туманности. Можно догадываться, что истинный смыслъ «страннаго девиза» для автора былъ нѣчто неопредѣленное, но поэтически-религіозное и имѣющее весьма мало общаго съ практическими задачами личной и общественной дѣятельности. Будь этотъ романтическій мотивъ выраженъ яснѣе, онъ оттолкнулъ бы однихъ; сдѣлайся онъ реальнымъ—онъ напугалъ бы другихъ. Такъ какъ онъ представленъ, подъ его неопредѣленную формулу всякій воленъ подкладывать любое содержаніе, искать въ звучномъ словѣ поэта отвѣтъ на *свои* стремленія, и «Excelsior!» сдѣлалось любимымъ стихотвореніемъ въ тѣ годы, когда опредѣленность стремленій еще не была возможна, а также и для огромныхъ группъ людей, которыхъ пугаютъ всякія опредѣленно-выставленныя, реальныя задачи жизненной борьбы, выраженныя въ яркой поэтической формѣ.

«Псаломъ жизни», о которомъ только что было упомянуто, принадлежитъ, къ произведеніямъ, популярность которыхъ должна быть приписана вовсе не ихъ поэтичности, а скорѣе отсутствію въ нихъ всего, что составляетъ поэзію. Крайняя банальность мысли не выкупается здѣсь ни красотою формы, ни живыми образами, ни даже техникою стиха. О послѣднемъ, конечно, читатель могъ бы судить лишь по оригиналу, но содержаніе можно уловить и въ переводѣ. Можетъ быть всегда почтенно, но далеко не ново было и въ 40-хъ годахъ повторять, что «жизнь реальна! жизнь серьёзна!»; что «не о душѣ сказано: ты прахъ и въ прахъ возвратишся!»; что «цѣль или путь, намъ назначенный, есть не удовольствіе и не печаль, но дѣйствіе, чтобы каждое завтра нашло насъ далѣе, чѣмъ сегодня»; что «жизнь великихъ людей напоминаетъ намъ нашъ долгъ — сдѣлать нашу жизнь возвышенною» и что «поэтому», намъ надо «учиться работать и ждать».

Романтизмъ, пока онъ оставался романтизмомъ, и не развилъ въ себѣ совершенно самостоятельныя формы жизненнаго протеста Байрона и Шелли и реализма Пушкина, сохранилъ прирожденную антипатію къ практическимъ задачамъ жизни и потому становился или туманенъ, или прозаично-баналенъ, когда до нихъ касался. Поэтическія красоты, безспорно встрѣчающіяся у Лонгфэлло, принадлежатъ инымъ сферамъ.

*

Digitized by Google

V.

Прежде всего вы найдете у него искреннее и тонкое чувство красотъ природы и связь ихъ воспріятія съ личнымъ настроеніемъ человѣка. Въ его небольшихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, какъ и въ большихъ произведеніяхъ, можно было найти множество примѣровъ, гдѣ съ большимъ чувствомъ мѣры онъ вызываетъ поэтическое впечатлѣніе именно ловкой комбинаціей этихъ двухъ элементовъ, внѣшней картины природы и субъективнаго настроенія. Не то, чтобы онъ и въ этой области пробилъ новый путь, открылъ новые поэтическіе источники, но онъ ловко, симпатично и, до извѣстной степени, своеобразно отразилъ ту поэтическую сторону воззрѣній на природу, въ которой новые эволюціонисты открываютъ слѣдъ доисторическаго міросозерцанія человѣка [1].

Отражая въ своихъ стихахъ міръ чувствъ и эффектовъ, Лонгфэлло лишилъ себя, добровольно или невольно, двухъ весьма важныхъ поэтическихъ элементовъ, игравшихъ громадную роль въ литературѣ, потому именно, что они играли такую же роль и въ жизни. Для Лонгфэлло чувственная сторона любви какъ будто не существуетъ или прикрыта такъ искусно, что не можетъ шокировать самой щепетильной англійской читательницы. Чтобы оцѣнить искуство Лонгфэлло въ этомъ отношеніи, стоитъ прочесть одно изъ его лирическихъ произведеній, принадлежащихъ къ лучшимъ, именно «Эндиміонъ», гдѣ самый сюжетъ не могъ совершенно устранить чувственныхъ образовъ, и гдѣ онъ говоритъ, какъ любовь, «прекрасная, свободная, вѣнецъ человѣчества», является безъ зова и молча къ избраннымъ въ ихъ уединеніи, цѣлуя ихъ сонные глаза и пробуждая ихъ, какъ Діана Эндиміона. Въ этомъ отношеніи, какъ почти и во всѣхъ, Лонгфэлло составляетъ совершенную противоположность своему сопернику Уайту Уайтману, который возмутилъ англосаксонскую чопорность безцеремонною наготою своихъ произведеній (напримѣръ, «A woman wait forme») и принудилъ Россетти, считающаго его первымъ поэтомъ Америки, выкинуть въ изданіи его стихотвореній — назначенныхъ для Англіи, цѣлую половину его «Leades of Grass». Для Англіи, конечно, эта «стыдливость» была однимъ изъ источниковъ громадной популярности Лонгфэлло.

Но у Лангфэлло отсутствуетъ почти совершенно и элементъ энергической страсти, выражающейся, какъ въ трагическомъ, такъ и въ сатирическомъ отношеніи къ событіямъ и людямъ.

---

[1] См. *C. du Prel*: «Die Lyrik als paleontologische Weltanschauung» въ «Kosmos» V (1879).

Digitized by Google

Онъ, какъ мы видѣли, ставилъ условіемъ великому поэту наравнѣ съ его вліяніемъ на общество—въ смыслѣ облагораживанія и свободы, еще и то, что онъ долженъ «узнать горе». Конечно, почти всѣ люди переживаютъ горе, но воспринимаютъ его весьма различно, и многіе первостепенные поэты, какъ Гете, повидимому, были неспособны, лично испытать истинное горе, хотя умѣли найти ему потрясающее выраженіе. О большинствѣ поэтовъ намъ весьма мало извѣстно, на сколько они были лично впечатлительны къ несчастіямъ, ихъ поражавшимъ. но мы находимъ, повидимому, самыя разнообразныя отраженія личнаго несчастія въ «Божественной комедіи» Данте, въ «Манфредѣ» Байрона, въ «ночахъ» Альфредъ де-Мюссе, въ горько насмѣшливыхъ произведеніяхъ послѣдняго періода Гейне. Страстность, энергія, глубина чувства составляютъ во всѣхъ этихъ случаяхъ существенный элементъ ихъ поэтичности. Нельзя сказать, что Лонгфэлло не пережилъ тяжелаго горя. Любимую имъ жену постигъ несчастный случай, сравнительно рѣдкій: возвратившись съ концерта, она неосторожно подошла къ камину; платья вспыхнуло, и она умерла вслѣдствіе обжоговъ. Случай этотъ оставилъ очевидно слѣды въ его поэзіи, но и тутъ мы видимъ не страстность, не горе, а тихую тоску, грустное воспоминаніе. Онъ разсказываетъ какъ въ сумерки его посѣщаютъ призраки тѣхъ, которые ушли. Небесный посланникъ садится подлѣ него, кладетъ свою кроткую руку въ его руку и смотритъ на него такими глубокими и нѣжными глазами, какъ звѣзды тихо смотрящія внизъ съ неба. («Voices of the Night»). Онъ описываетъ «комнату видѣній въ сердцѣ, куда проникаютъ молчаливые лучи луны, гдѣ раздаются на полу таинственные шаги, около стѣнъ слышенъ шопотъ, и у окна садится призракъ прошлаго (The haunted chamber). Но впослѣдствіи, сидя передъ огнемъ камина, онъ поучалъ терпѣнію въ молчаніи, потому что лишь земной туманъ, сквозь который мы видимъ далекіе свѣточи неба, можетъ быть, придаетъ имъ, въ нашихъ глазахъ, видъ погребальныхъ факеловъ («Resignation» въ «The seaside and fireside» 1850).

Главный поэтическій мотивъ его лучшихъ лирическихъ произведеній есть самый обыкновенный мотивъ лирики, но едва ли не постоянно способный заставить зазвенѣть въ душѣ читателя струну симпатіи. Этотъ мотивъ—тоска по невозвратимомъ прошломъ и желаніе отъ жизни того, чего она уже дать не можетъ. Въ связи съ этимъ и отдѣльно являются нѣкоторыя весьма красивыя и прочувствованныя стихотворенія, относящіяся къ дѣтскому міру. Назовемъ «Отворенное окно» (которое было переведено въ «Современникѣ» 1861 г.), «Сумерки» (оба въ «The seaside and fireside») и «Усталость» въ («Birds of Passage»). Но первый упомянутый мотивъ проходитъ черезъ всѣ сборники. Звукъ маятника «Старинныхъ часовъ на лѣстницѣ», напоминая поэту всѣхъ, которыхъ провожалъ этотъ звукъ, вы-

Digitized by Google

зываетъ въ немъ вопросы: «Всѣ теперь разсѣялись и разбѣжались; кто вышелъ замужъ, кто умеръ, и когда я мучительно спрашиваю: «встрѣтятся ли они?» Старинные часы отвѣчаютъ мнѣ точно также, какъ и въ давно минувшее время: «Навсегда—никогда! никогда—навсегда!»

Поэту припоминаются разговоры въ сумеркахъ, при ревѣ океана, при порывахъ вѣтра, отъ которыхъ дрожатъ стекла оконъ, при разгорающемся и потухающемъ огнѣ, разговоры «о многихъ исчезнувшихъ сценахъ, о томъ, что̀ мы когда-то думали и говорили, о томъ, что̀ было и могло быть, о тѣхъ, кто измѣнился, о тѣхъ, кто умеръ» причемъ звуки природы становятся частью фантастическихъ образовъ мозга («The fire ot Driftwood»).

Тоскливое, грустное настроеніе особенно замѣтно въ стихотвореніяхъ 67-лѣтняго поэта въ сборникѣ «Дожинки», гдѣ въ «Встрѣчѣ» только-что приведенный мотивъ является въ новой формѣ:

«Послѣ долгаго отсутствія мы снова встрѣчаемся: пріятна или грустна намъ наша встрѣча?.. Мы дружелюбно привѣтствуемъ другъ друга давно знакомыми голосами, и думаемъ, хотя и не высказываемъ это: какъ онъ постарѣлъ и посѣдѣлъ! Мы говоримъ о веселомъ праздникѣ Рождества и желаемъ другъ другу много разъ счастливо встрѣтить Новый Годъ, но каждый въ глубинѣ души думаетъ о тѣхъ, которыхъ здѣсь нѣтъ. Мы говоримъ о друзьяхъ и о ихъ судьбѣ, о томъ, что они говорили и дѣлали, такъ что живыми кажутся одни мертвецы и только живые кажутся умершими. Наконецъ, мы съ трудомъ отличаемъ привидѣнья отъ гостей, и наши самыя веселыя шутки облекаетъ мгла и мракъ грусти».

Въ менѣе непосредственной связи съ стихотвореніями этой группы, но въ родствѣ съ ними по настроенію находятся другія, лучшія небольшія произведенія Лонгфэлло. Передъ фантазіею поэта, стоящаго на мосту въ полночь, проходятъ длинныя процессіи озабоченныхъ людей; многіе годы они идутъ и все идутъ по мосту въ ту и въ другую сторону, одни съ горячимъ и безпокойнымъ сердцемъ юноши, другіе съ подавленнымъ и медленно бьющимся сердцемъ старика (The Bridge). Онъ думаетъ о жизни, такой же холодной и мрачной и утомительной, какъ дождливый день, когда ни дождь, ни вѣтеръ не прекращаются, и его мысли цѣпляются за заплесневѣлое прошлое, какъ дикій виноградъ цѣпляется за заплесневѣлую стѣну (The rainy Day). Крикъ невидимыхъ перелетныхъ птицъ, ищущихъ болѣе теплаго климата преображается для слушателя въ крикъ душъ, ищущихъ тепла и пріюта, крикъ воплощенный въ пѣснь поэта (Birds of passage). Ручей приноситъ свою свѣжесть и нѣжность бурному и проникнутому горечью сердцу волны океана (The Brook and the Wake). Красоты этихъ стихотвореній безспорны, но также безспорно, что рядомъ съ этими красотами встрѣчаются выраженія достаточно прозаическія и мысли вполнѣ банальныя.

Digitized by Google

VI.

Но неудовлетворенность жизнью *какъ она есть*, желаніе *иного*, можетъ быть весьма различно въ различныхъ личностяхъ и зависятъ отъ того идеала жизни, который стоитъ передъ человѣкомъ, вдохновляетъ поэта и въ его тоскѣ, и въ его страсти, и въ негодованіи, и въ восторгѣ. Въ какихъ же предѣлахъ вставалъ передъ фантазіею Лонгфэлло этотъ идеалъ жизни? Какъ развилъ онъ въ поэтическихъ образахъ задачу, поставленную имъ въ молодости, задачу «дѣйствовать въ живомъ настоящемъ».

На это онъ далъ достаточно ясный отвѣтъ въ идиллическомъ произведеніи, принадлежащемъ его послѣднимъ годамъ (1874) и носящемъ названіе «Hanging of the Crane», что можно довольно близко перевести «Новосельемъ».

По поводу новоселья молодой четы передъ поэтомъ развивается рядъ картинъ, охватывающихъ цѣлую жизнь. Въ красивомъ лондонскомъ изданіи съ изящными иллюстраціями очень пріятно читать это красивое и просто написанное произведеніе Лонгфэлло. Вдвоемъ сидятъ молодые, потомъ являются малютки, одинъ, другой; маленькій столъ, достаточный вначалѣ, раздвигается шире; новое поколѣніе наполняетъ комнаты шумными и новыми жизненными стремленіями; молодежь размѣтается во всѣ стороны; снова вдвоемъ сидятъ старики, слѣдя съ боязнью сквозь очки по газетамъ за бурями морей, въ которыхъ плаваютъ дорогія имъ личности. Но вотъ всѣ собираются снова на золотую свадьбу и тѣмъ кончается разсказъ.

Итакъ, семейныя радости и семейныя печали, вотъ весь горизонтъ «дѣятельности въ живомъ настоящемъ», весь горизонтъ жизни. Даже «Колоколъ» Шиллера звучалъ нѣсколько болѣе широкими задачами.

Впрочемъ, «Колоколу» Шиллера американцы выставляютъ въ стихотвореніяхъ Лонгфэлло другую параллель. Это «Постройка корабля», которая кончается знаменитымъ патріотическамъ воззваніемъ:

«Плыви и ты, корабль государства; плыви, союзъ, могучій и великій»! Все человѣчество со всѣми его опасеніями и со всѣми его надеждами на будущее, сдерживая дыханіе, слѣдитъ за твоею судьбою... Не бойся всякаго внезапнаго шума и толчка. Это— волна, а не подводная скала, это — лишь спускаютъ паруса, а не буря разрываетъ ихъ! На зло подводнымъ скаламъ и реву бури, на зло ложнымъ огнямъ на берегу, плыви и не бойся встрѣтить море грудью. Наши сердца и надежды всѣ съ тобою. Наши сердца, наши надежды, наши молитвы, наши слезы, наша вѣра, побѣждающая опасенія—всѣ онѣ съ тобою, всѣ онѣ съ тобою!»

Digitized by Google

Лонгфэлло, дѣйствительно, жилъ достаточно долго, чтобы видѣть много подводныхъ скалъ около своего отечественнаго корабля, много ложныхъ огней на берегу, прикидывавшихся маяками. Въ 50 томахъ, въ которыхъ онъ вмѣстилъ въ 1875 году минувшіе 50 лѣтъ, заключалось, какъ онъ это самъ говоритъ, много и «трагедій», «комедій» и «лѣтописей торжества и побѣды, борьбы, искушеній и отступленій»; много свидѣтельствъ «сожалѣній, сомнѣній, опасеній». А для Лонгфэлло къ этимъ 50 томамъ прибавилось еще нѣсколько. Онъ пережилъ раздоръ изъ-за вопроса о невольничествѣ и сепаратистскую борьбу Юга съ Сѣверомъ. Онъ пережилъ страшные биржевые скандалы, которые доказали продажность законодательныхъ собраній и предавали цѣлые штаты на эксплуатацію нѣсколькихъ безцеремонныхъ капиталистовъ. Онъ пережилъ и 1877 годъ, когда соціальный вопросъ всталъ передъ американской республикой въ опасной формѣ рабочихъ безпорядковъ, разлившихся отъ одного океана до другаго, когда цѣлые города находились въ рукахъ возставшаго пролетаріата, и только отсутствіе организаціи и опредѣленной программы у инсургентовъ спасли государство отъ грозной катастрофы. Послѣдній сборникъ его стихотвореній («Keramos and other Poem») появился черезъ годъ послѣ этого событія.

Какъ же отозвался на эти «бури» и «ложные огни» поэтъ, который говоритъ, что сердцемъ, надеждою, вѣрою, онъ слился съ судьбами государственнаго корабля «Союза», поэтъ, который въ молодости требовалъ отъ себя и отъ другихъ «дѣятельности въ живомъ настоящемъ»; человѣкъ, который писалъ, что «его симпатіи принадлежатъ людямъ, улицамъ и городскимъ ворорамъ», такъ какъ въ нихъ онъ находилъ «строгую реальность» жизни («The great metropolis» въ «Drift wood»), и который даже въ старости подтверждаетъ своимъ товарищамъ сверстникамъ, что они могутъ еще кое-что сдѣлать?

Споръ о невольничествѣ былъ слишкомъ громокъ и рѣзокъ, чтобы его пройти молчаніемъ и Лонгфэлло посвятилъ ему даже цѣлый—хотя и небольшой—сборникъ стихотвореній 1842 годъ, во главѣ котораго стоитъ уже упомянутое выше обращеніе къ Чэннингу, одному изъ самыхъ энергическихъ проповѣдниковъ противу невольничества. Изъ восьми стихотвореній, носящихъ общее названіе «Poems on slavery», мнѣ извѣстны три, и въ русскомъ переводѣ, напечатанныя во «Времени» 1861 и въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1863 года, онѣ вошли въ тотъ сборникъ «Избранныхъ поэтовъ Англіи и Америки», о которомъ я упоминалъ выше. Что Лонгфэлло былъ противникомъ рабства, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но чтобы оцѣнить характеръ его оппозиціи, всего удобнѣе сравнить эти стихотворенія съ стихотвореніями его современника и соотечественника Джона Гринлофа Уайтера (Whittier), для котораго, какъ для убѣжденнаго квакера, религіозные мотивы были тоже весьма характерною чертою его творчества, но который въ «Пѣсни свободныхъ» требо-

Digitized by Google

валъ, чтобы за свободу «говорили голосомъ бури, рѣшительнѣе и могущественнѣе», и совсѣмъ иначе бичевалъ «Охотниковъ за людьми» и духовныхъ лицъ, поддерживавшихъ невольничество, «оплаченныхъ лицемѣровъ», которые «нанялись за деньги, выданныя за кровь». Да и не одинъ Уайтеръ могъ бы служить въ этомъ случаѣ точкою сравненія, но и многія стихотворенія Уайта Уайтмана и Лоуэля. Подобное сравненіе позволяетъ понять, почему одинъ критикъ могъ назвать «Стихотворенія о невольничествѣ» Лонгфэлло «безобидными картинками», и сказать, что «ихъ могъ читать всякой южный баронъ, не злясь на аввтора». Жгучій для Америки вопросъ былъ, для Лонгфэлло однимъ изъ множества вопросовъ, которымъ онъ въ извѣстной степени сочувствовалъ, которые вызывали въ его воображеніи, хотя и грустныя, но красивыя картинки, но этотъ вопросъ не выдвигался для него изъ множества картинъ разнаго времени и разныхъ народностей, картинъ съ совершенно одинаковою силою возникавшихъ передъ поэтомъ.

Отвратительные скандалы биржеваго и оффиціальнаго міра Америки не нашли себѣ отголоска въ поэзіи Лонгфэлло, что и не мудрено, такъ какъ для красивыхъ картинокъ, изящно-грустныхъ мыслей и благочестиво-нравственныхъ соображеній они не давали сюжетовъ. Трудно сказать, подразумѣвалъ ли ихъ Лонгфэлло, говоря объ опасностяхъ, грозящихъ государственному кораблю союза и не намекалъ ли онъ на нихъ, когда въ толкованіи аллегорическаго разсказа, помѣщеннаго въ «Morituri salutamus» онъ морализировалъ о «рыцаряхъ и благородныхъ дамахъ, тѣла и кости которыхъ обращены любостяжаніемъ въ камень», о «писателѣ (клэрикѣ) и ученомъ, котораго желаніе добычи отвлекаетъ отъ книгъ и отъ высшаго я» о «рынкѣ», о «страсти къ наживѣ, цѣль которой — суета, а результатъ — страданіе». Но довольно вѣроятно, что для американскаго романтика это былъ предметъ слишкомъ низкій и даже не проникнутый ароматомъ востока, какъ его еврей въ «Teles of a Wagside Jau» и потому Лонгфэлло не могъ остановиться на этомъ предметѣ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, въ нѣкоторое оправданіе Лонгфэлло, что этой болѣзни ихъ отечества не коснулись поэты Америки, несравненно болѣе энергическіе по мысли, и Уайтъ Уайтманъ, прямо ставившій задачею созданіе «неразрывнаго материка» и «магнетической страны» на почвѣ «товарищеской любви» («Love of camrades») и сатирикъ Лодэль, такъ рѣзко осмѣивавшій защитниковъ невольничества (The Bigglow Papers») и политическій поэтъ по преимуществу, Уайтеръ. Они не сдѣлали этого, можетъ быть, потому, что это было слишкомъ больно ихъ патріотизму; создателю «самой великолѣпной расы подъ солнцемъ» пришлось бы дать тому началу солидарности или «товарищеской любви», которое онъ выставилъ, нѣсколько иное, болѣе реальное основаніе, не гармонировавшее съ его идеалами; будущему посланнику пришлось бы

Digitized by Google

направить свою сатиру преимущественно на политическую партію, къ которой онъ самъ принадлежалъ; политику-квакеру пришлось бы убѣдиться, что «мужественный духъ» въ наше время не можетъ быть непремѣнно духомъ «довольства».

Рабочаго вопроса Лонгфэлло коснулся болѣе ясно въ весьма извѣстномъ «Деревенскомъ кузнецѣ», вошедшемъ въ сборникъ 1841 года (переведенъ въ «Вѣкѣ» 1861 г.) и въ «Вызовѣ», относящемся къ 1874 г. Въ 40-хъ годахъ романтику, можетъ быть, было и дозволительно ограничиться слѣдующею идилліею:

«Работая,—радуясь,—плача,—горюя—
«Проходитъ онъ жизненный путь,
«Что утромъ начнетъ онъ, то вечеромъ кончитъ,
«И поздно идетъ отдохнуть,
«Когда голова ужь его отъ истомы
«Падетъ на широкую грудь...
«А въ праздникъ кузнецъ собирается въ церковь
«И всѣхъ мальчугановъ беретъ,
«И слушаетъ проповѣдь, шепчетъ молитвы...

Окончательно, поэтъ благодаритъ своего «достойнаго друга» за поданный, ему—поэту—урокъ: «Такъ въ огнѣ кузницы жизни должны быть выработаны наши судьбы; такъ на ея звенящей наковальнѣ получаетъ форму всякое горячее дѣло и всякая горячая мысль».

Аллегорія довольно безобидная и довольно далекая отъ реальнаго вопроса, къ которому нѣсколько ближе подошелъ около того же времени (1844 г.) Лоуэль въ своемъ стихотвореніи «Hunger and Cold». Нѣсколько лѣтъ позже Уайтеръ обращался къ рабочимъ со своими «Пѣснями труда», въ которыхъ надѣялся внушить рабочимъ «болѣе мужественный духъ довольства» увѣряя ихъ, что трудъ, бывшій «проклятіемъ», сдѣлался теперь «благословеніемъ». Еще позже, и уже гораздо рѣшительнѣе, но все-таки оставаясь на почвѣ мирнаго прогресса, Уайтманъ обращался къ рабочимъ съ вопросами: «Что же вы думали о себѣ? Думали ли вы, что вы хуже другихъ? что богатымъ лучше? что образованные люди мудрѣе васъ?» Далѣе Уайтманъ говорилъ имъ о союзѣ, о конституціи, о религіяхъ, о «всѣхъ ученіяхъ, всей политикѣ и цивилизаціи»: «все это для васъ». «Все это выросло изъ васъ», и онъ кончилъ свое длинное, энергическое, но безформенное, стихотвореніе словами: «все остальное должно уступить мѣсто мужчинамъ и женщинамъ, подобнымъ вамъ» («Carol of Occupations» въ авторскомъ изданіи 1876 г.; «To Working men» въ изданіи Россетти 1868).

Въ «Вызовѣ» нѣкоторая доля серьёзности этого вопроса проглядываетъ у Лонгфэлло, когда онъ говоритъ о «голодной безчисленной арміи у всѣхъ воротъ жизни», о «пораженныхъ нищетой милліонахъ, которые посылаютъ ругательство нашему вину и нашему хлѣбу, и называютъ всѣхъ насъ, живыхъ и мертвыхъ,

Digitized by Google

измѣнниками». Но подъ его рукою картина какъ-то постепенно теряетъ свой грозный характеръ, ограничиваясь сначала тѣмъ, что, когда поэтъ сидитъ на какомъ-либо пиру, «въ свѣтлую залу смотрятъ худыя, блѣдныя лица и истощенныя руки протягиваются, *чтобы ловить падающія крохи*». Окончательно все концентрируется въ картинѣ «Христа, великаго Царя арміи» голодныхъ, который «лежитъ мертвый на равнинѣ» въ «лагерѣ голодныхъ».

Въ сборникѣ 1878 года не оказалось отраженія бури, которая въ предыдущемъ году прошла надъ «государственнымъ кораблемъ» Союза, но она не отразилась, на сколько мнѣ извѣстно, и ни у одного изъ главныхъ представителей поэзіи Сѣверной Америки. За то въ упомянутомъ сборникѣ оказалось стихотвореніе «Бѣлый Царь», гдѣ призракъ Петра I смотритъ на русскія войска, освобождающія южныхъ христіанъ отъ султана, и каждая строфа котораго кончается припѣвомъ: «Batiyushka! Gosudar!» довольно наивнымъ для русскаго читателя, но о которомъ авторъ, вѣроятно думалъ, что онъ въ немъ какъ разъ уловилъ мѣстный колоритъ [1].

На сколько же можно сказать, что патріотическій конецъ «Постройки корабля» былъ полонъ глубокаго смысла и задушевнаго чувства для Лонгфелло? На сколько «все его сердце» и всѣ его мысли были съ этимъ кораблемъ? Позволительно думать, что и «государственный корабль» Союза былъ однимъ изъ многочисленныхъ образовъ, способныхъ вызвать поэта лишь на красивую рѣчь, на лирическое волненіе. Чуждый сильной страсти во всѣхъ сферахъ, но способный въ достаточной мѣрѣ волноваться отъ всякаго сюжета, вызывающаго въ воображеніи красивую картинку, Лонгфэлло не сочинялъ на заказъ риторически-патріотическихъ гимновъ, но и патріотизмъ въ немъ не могъ быть глубокою страстью, глубокимъ убѣжденіемъ.

VII.

Гораздо искреннѣе онъ отнесся къ *своей* задачѣ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ онъ раскрываетъ не столь широкій горизонтъ. Три стихотворенія, изъ которыхъ я приведу нижеслѣдующіе отрывки, принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ Лонгфэлло, можетъ быть именно потому, что онѣ вполнѣ отражаютъ его искреннее отношеніе къ поэзіи.

Въ одномъ изъ довольно раннихъ стихотвореній «День оконченъ» онъ говоритъ дорогой ему личности: «Приди, прочти

[1] По всей вѣроятности, Лонгфэлло въ этомъ случаѣ взялъ прямо эти слова изъ перевода русской пѣсни, сдѣланнаго Рольстономъ, и помѣщеннаго въ «Poems of Places» Russia, 114, гдѣ, впрочемъ, эти слова употреблены не такъ безтолково, такъ какъ переводчикъ понималъ русскій языкъ.

Digitized by Google

мнѣ какіе-либо стихи, какую либо простую и прочувствованную пѣснь, которая утишила бы безпокойное чувство и прогнала бы дневныя мысли. Не надо произведенія великихъ старинныхъ поэтовъ, величественныхъ бардовъ, далекіе шаги которыхъ звучатъ въ галлереяхъ исторіи. Потому что ихъ могучія мысли, подобно звукамъ воинственной музыки, говорятъ о вѣчной работѣ, о вѣчномъ напряженіи жизни, а я теперь хочу покою. Читай мнѣ изъ какого-либо болѣе скромнаго поэта, котораго пѣсни лились бы изъ его сердца, какъ льются слезы изъ глазъ—поэта, который и въ долгіе дни труда, и въ безпокойныя ночи все-таки слышалъ въ своей душѣ музыку чудесныхъ мелодій. Такія пѣсни могутъ утѣшить безпокойно-бьющійся пульсъ заботы и сходятъ, какъ благословеніе послѣ молитвы».

Въ довольно позднемъ собраніи «Дожинки» онъ говоритъ въ стихотвореніи «Fata Morgana»: «Я иду, иду впередъ, и вѣчно сіяетъ предо мною свѣтлый градъ пѣсней въ прекрасной странѣ грезъ, но какъ только я хочу войти во врата этой золотой атмосферы, онъ исчезаетъ, и я иду, ожидая, чтобы видѣніе явилось снова».

Одно изъ самыхъ послѣднихъ стихотвореній Лонгфэлло, относящееся къ 1880 г. и доказывающее, какъ онъ сохранилъ до глубокой старости технику стиха, говоритъ что «стихи поэта приносятся ему дуновеніемъ вѣтра изъ туманной страны принадлежащей обширному «Неизвѣстному». Пѣсни, которыя онъ поетъ, и его, и не его... Потому что голоса преслѣдуютъ его днемъ и слышатся ему ночью. Онъ слышитъ и долженъ повиноваться, когда ангелъ говоритъ ему: пиши!»

Такимъ образомъ, поэзія какъ успокоеніе, поэзія какъ призрачный міръ грезъ, поэзія какъ невольное отраженіе преслѣдующихъ поэта звуковъ и словъ—это уже совсѣмъ иная задача, чѣмъ та, которая требовала дѣйствія, борьбы, уловленія вопросовъ настоящаго. Лонгфэлло, противуполагая въ приведенномъ выше стихотвореніи: «День оконченъ» міровыхъ поэтовъ, которые волнуютъ людей и вызываютъ ихъ къ жизненной борьбѣ, поэтамъ, убаюкивающимъ читателя и отвлекающимъ его отъ заботъ дня, самъ опредѣлилъ свое мѣсто въ исторіи литературы XIX вѣка.

VIII.

Среди рѣзкихъ противуположностей реакціи и стремленія къ прогрессу путемъ критики въ области мысли и жизни, XIX вѣкъ выработалъ въ своей литературѣ какъ откровенный индифферентизмъ, такъ и направленіе къ болѣе или менѣе лицемѣрному прикрытію истинныхъ интересовъ, раздѣляющихъ людей, громкими словами, которымъ вѣрило старое поколѣніе, но перестало

Digitized by Google

вѣрить новое, все-таки употребляя ихъ. Такихъ словъ оказалось довольно много и въ политикѣ, и въ общественной, и въ частной жизни. Ихъ высѣкали на стѣнахъ зданій, нисколько не думая ихъ осуществлять. Ихъ повторяли съ волненіемъ и слезами въ голосѣ проповѣдники, адвокаты, политическіе ораторы. Они составляли обиходную, рутинную маску и домашняго безсердечія, и разврата, и газетнаго пустословія. Встрѣчались великіе поэты и художники, которые тащили эти слова на позоръ лучшихъ людей. Но эти крупные дѣятели составляли меньшинство. Ихъ призывъ къ борьбѣ противъ господствующаго лицемѣрія и пустой реторики, прикрывающей самыя постыдныя стремленія, вызывалъ удивленіе, но раздражалъ большинство, а XIX вѣкъ гордился тѣмъ, что въ немъ искуство сдѣлалось элементомъ жизни именно большинства (хотя этотъ терминъ подлежитъ въ значительной степени ограниченію). Это большинство достаточно боролось за существованіе, за обогащеніе, за общественное значеніе средствами весьма безцеремонными, и потому хотѣло отъ искуства успокоенія, отвлеченія отъ серьёзной мысли, а не волненія. Въ наше разсчетливое время запросъ вызвалъ естественнымъ путемъ и производительность ему соотвѣтствующую. Явилось искуство забавляющее и откровенно обращающееся къ самымъ низкимъ интеллектуальнымъ способностямъ человѣка, къ чувственнымъ картинамъ, къ безсодержательному смѣху, къ балаганной декоративности. Явилось искуство, откровенно пошлое и не пугающееся никакой пошлости. Оффенбахи и Топперы имѣли, какъ извѣстно, очень большой успѣхъ. Но для нашего лицемѣрнаго вѣка они были слишкомъ откровенны. Они забавляли, но все-таки—претили. Большинству, рядомъ съ этими гаерами и пошляками, хотѣлось въ искуствѣ чего либо, похожаго на тѣ монументальныя слова, которыя это большинство съ гордостью показывало иностранцамъ на стѣнахъ биржъ и тюремъ; ему хотѣлось поэтовъ, которые произнося громкія слова, когда то многозначительныя, волновались бы еще изящнѣе, чѣмъ волновались на своихъ каѳедрахъ, произнося эти слова, проповѣдники религіи, ораторы юридической правды и государственнаго блага. Господствующему большинству нужны были *искренніе* художники, способные отвести ему на время глаза отъ всего, что̀ оно само совершало въ жизни. И тутъ предложеніе отвѣтило спросу. Явились такіе художники, которые вполнѣ искренно поднимали задачи философіи, чуждой ежедневнымъ заботамъ, обращались къ миѳамъ Эллады и картинамъ природы, къ микроскопическому разбору душевныхъ движеній и къ гимнамъ наукѣ. Они дали много прекрасныхъ произведеній. Критика поставила ихъ высоко. Но это были художники для немногихъ и популярности они пріобрѣсти не могли. Большинство могло дать популярность лишь тѣмъ, которые *искренно* повторяли бы въ художественной формѣ то самое, что служило слишкомъ явною маскою для дѣльцовъ эпохи, маскою благочестія

Digitized by Google

и терпимости, свободолюбія и самоотверженія, общечеловѣческихъ симпатій и философской ширины мысли.

Явились и такіе, преимущественно какъ продукты переработки романтизма. Одни, обладая дѣйствительно поэтическою силою, съумѣли создать громкія, оглушающія своими могучими и странными аккордами симфоніи, въ которыхъ именно всѣ эти показныя слова и показныя чувства выступали въ такихъ грандіозныхъ, иногда чудовищныхъ размѣрахъ, что ихъ фальшь какъ бы исчезала для зрителей въ этой грандіозности и чудовищности. Другимъ эти могучія формы были недоступны, и они съумѣли повторить простою, доступною всѣмъ рѣчью тысяча разъ повторенные лирическіе мотивы, не впадая въ прозу и пошлость; они развернули передъ читателемъ пестрыя картинки изъ разныхъ эпохъ и народовъ, постоянно затрогивая лишь то, что могло понравиться, возбудить, даже при грустной картинѣ, сознаніе превосходства настоящаго надъ прошедшимъ, своего надъ чужимъ; они умалили идеалы человѣческихъ чувствъ и человѣческой дѣятельности до того, что эти чувства и эта дѣятельность оказались подъ ростъ самымъ ординарнымъ людямъ въ минуты, когда эти люди вздумали бы замечтаться; они, въ своемъ всемірномъ сочувствіи, умолчали о всемъ раздражающемъ, обличающемъ современное лицемѣріе, раскрывающемъ фальшь благочестія и свободолюбія, общечеловѣческой терпимости и философскаго паренія надъ частностями. Въ произведеніяхъ тѣхъ и другихъ было настолько искренности, что большинство могло безъ особеннаго усилія допустить этотъ условный міръ чувствъ и образовъ, какъ художественное изображеніе настоящаго міра— на пользу его, господствующаго большинства. Оно имѣло здѣсь *своихъ* поэтовъ, *своихъ* художниковъ, которые повторяли его обычныя мысли въ изящной формѣ, не требуя отъ него жизненной борьбы, напротивъ, отвлекая его отъ этой борьбы, одни—тѣмъ, что переносили борьбу въ такія высокія сферы, что тамъ и бороться реальнымъ людямъ нельзя, другіе—убаюкивая читателя до того, что онъ забывалъ о всякой жизненной борьбѣ и, оставаясь при своихъ ежедневныхъ побужденіяхъ, казался самъ себѣ лучше, могъ спокойно по привычкѣ продолжать лицемѣрить, могъ повторять привычныя ему фразы, цитируя при этомъ знаменитыхъ, популярныхъ, искреннихъ поэтовъ.

Поэты этого рода должны были пользоваться громадною популярностью и она сдѣлалась ихъ достояніемъ. Лонгфэлло есть именно представитель послѣдней категоріи. Въ одномъ изъ только-что появившихся его некрологовъ, приписывая его популярность тому, что «употребляя самый простой и чистый слогъ, онъ обращался ко многимъ милліонамъ обыкновенныхъ людей, которые составляютъ теперь читающую публику», критикъ прибавляетъ: «То, что полуобразованный мужчина или полуобразованная женщина могутъ понять вполнѣ сразу, что дѣти лепечутъ и дома, и въ школѣ, это—литература для массъ; кто

Digitized by Google

написалъ это, тотъ достигъ популярности». Слѣдовало, можетъ быть, прибавить, что надо еще, чтобы ясно высказанное не стояло выше нравственныхъ и умственныхъ потребностей большинства, чтобъ въ эпоху, когда искуство во всѣхъ сферахъ болѣе и болѣе приближается къ требованіямъ удовлетворенія комфорта, и поэтъ являлся спокойнымъ кресломъ, въ которомъ можно спокойно сидѣть, а, пожалуй, и вздремнуть, а не возбудителемъ къ жизненной борьбѣ. Тогда его стихи будутъ повторяться и дома, и въ школѣ, будутъ цитироваться между биржевой спекуляціей; будутъ утѣшеніемъ для семьи, гдѣ жена добродѣтельно продалась за комфортабельную квартиру своему мужу и воспитываетъ дѣтей такъ, чтобы и они могли сдѣлать хорошія партіи и помечтать о комфортабельномъ «новосельи»; будутъ патріотическими гимнами на кораблѣ государства, на которомъ спекуляторы отправляются на поиски золотого руна, и міръ слѣдитъ за этими аргонавтами новаго времени со «всѣми своими надеждами и молитвами».

IX.

Остается сказать нѣсколько словъ о Лонгфэлло, какъ переводчикѣ и стилистѣ.

Достоинство Лонгфэлло, какъ переводчика, безспорно. Его впечатлительность и гибкость мысли позволяли ему безъ особеннаго труда становиться на точку зрѣнія и переживать настроеніе переводимаго имъ писателя, а искуство владѣть метрическими формами языка придавало ему способность подходить и въ ритмическомъ отношеніи близко къ подлиннику.

Простота слога Лонгфэлло, отсутствіе всякой вычурности, чувство мѣры въ архитектоникѣ произведеній были достаточно восхваляемы всѣми цѣнителями, особенно если сравнить Лонгфэлло стихотворенія съ его главными американскими соперниками; напримѣръ, съ далеко превосходящимъ его по мощи и энергіи рѣчи и по ширинѣ мысли Уайтомъ Уайтманомъ, у котораго презрѣніе къ формѣ доходитъ до крайности, или даже съ Джемсомъ Росселемъ Лоуэлемъ, нѣсколько расплывчатымъ нетолько въ своихъ серьёзныхъ — болѣе слабыхъ — произведеніяхъ, но и въ знаменитыхъ сатирахъ. Однако, чистота слога Лонгфэлло имѣетъ свои границы, и если онъ не создаетъ по произволу почти невозможныя на англійскомъ языкѣ слова, какъ Уайтманъ, если не пишетъ сознательно жаргономъ янки, какъ Лоуэль, то нерѣдко попадаются у него неточное употребленіе терминовъ, прозаическіе и нѣсколько банальные обороты рѣчи даже въ лучшихъ произведеніяхъ. Онъ особенно старался выработать англійскій гекзаметръ, попытка очень трудная въ языкѣ, гдѣ преобладаютъ короткія слова. Хотя нѣкоторые его гекзаметры считаются образ-

Digitized by Google

цовыми, но нельзя сказать, чтобы не встрѣчались и весьма неудачныя въ лирическомъ отношеніи мѣста. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать на гекзаметръ, приводимый однимъ критикомъ:

Children's children sat on his Knee and heard his great watch tick.

Какъ оригинальный поэтъ—едва ли Лонгфэлло можетъ быть поставленъ высоко. Впечатлительный и воспріимчивый къ чужимъ мыслямъ, къ обиходнымъ чувствамъ, онъ едва ли во всѣхъ своихъ произведеніяхъ далъ одну вполнѣ оригинальную мысль, одно вполнѣ оригинально выраженное чувство. Въ большинствѣ главныхъ сюжетовъ онъ имѣлъ предъ собою предшественниковъ, съ которыми могъ состязаться, и едва ли кто искренно поставитъ «Эванджелину» рядомъ съ «Германомъ и Доротеей», «Постройку корабля» рядомъ съ «Пѣснею о колоколѣ». Лонгфэлло стоитъ, конечно, выше нѣмецкихъ романтиковъ въ своей «Золотой легендѣ», но за то, что̀ же это за соперники! Его «Пѣснь о Гаяватѣ» есть красивая поддѣлка подъ поэзію краснокожихъ, въ родѣ той, какъ въ романсахъ начала нашего вѣка встрѣчается поддѣлка подъ русскую народную пѣснь. «Калевала», которую можно назвать ближайшимъ аналогическимъ произведеніемъ «Пѣсни о Гаяватѣ», несравненно бережнѣе сохраняетъ элементъ народной финской поэзіи.

Чуждый всякой личной страсти, всякаго рѣшительнаго участія въ борьбѣ теоретическихъ и практическихъ партій современности, Лонгфэлло не принадлежитъ и къ тѣмъ поэтамъ, въ которыхъ будущіе читатели будутъ переживать высшія душевныя волненія нашего времени. Но средній читатель слѣдующаго вѣка найдетъ въ немъ понятно и красиво высказанное чувство грусти, доступное всегда огромному большинству, мораль, повторяемую издавна и долженствующую долго еще повторяться во всѣхъ углахъ безъ особенно важныхъ результатовъ. Нѣсколько лирическихъ стихотвореній, не выходящихъ изъ этой сферы и почти вполнѣ удачныхъ, произведутъ, какъ производили, свое впечатлѣніе на десятки тысячъ разстроенныхъ жизнью сердецъ; и тотъ, кто хочетъ отвернуться отъ жизни, кто усталъ, кто хочетъ успокоенія, тотъ иногда обратится къ Лонгфэлло. Историкъ мысли будетъ отмѣчать въ его произведеніяхъ, каковы были обиходныя потребности мысли и чувства у большинства читателей на англійскомъ языкѣ въ срединѣ XIX вѣка, и популярность Лонгфэлло можетъ въ этомъ случаѣ служить полезнымъ историческимъ и соціологическимъ указателемъ. Но въ «галлереяхъ исторіи» шаги его громко раздаваться не будутъ.

П. Крюковъ.

Апрѣль, 1882.

Digitized by Google

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Внѣшняя политика: Египетскій вопросъ и отношеніе къ нему Парижа.—Миролюбивое настроеніе французовъ. — Изысканіе средствъ избѣжанія сѣтей Бисмарка.—Друзья мира и коллективисты, не признающіе родины.—Запросъ Делафосса, внесенный 1-го іюня. — Ораторскій поединокъ между Гамбеттой и Фрейсинэ.—Вмѣшательство Рибо, Гатино, Клемансо.—Заявленіе довѣрія министерству.—Смерть Гарибальди и дружественныя франко-итальянскія манифестаціи въ Римѣ, Парижѣ и на Капрерѣ.—Манчини и союзъ четырехъ державъ. — Мятежъ въ Александріи и изгнаніе европейцевъ изъ Египта. — Запросы въ палатѣ и сенатѣ отъ 22-го по 26-е іюня. — Отвѣты министра-президента. — Крайній радикализмъ и равнодушіе въ дѣлѣ внѣшней политики. — «Желтая книга».

Тяжелое испытаніе, постигшее Францію въ 1870 г., и значительный ростъ ея демократіи, замѣтно измѣнили характеръ француза. Въ настоящую минуту онъ не «божій воинъ», какъ титуловали его во времена старой монархіи, и не «знаменосецъ революціи», какъ любили величать его со временъ Наполеона I либеральные поэты и публицисты. Урокомъ 1870 г. съ избыткомъ воспользовалась масса сельскихъ избирателей, составляющая, какъ извѣстно, двѣ трети французскихъ гражданъ, пользующихся правомъ голоса. Народъ, не исключая и городскихъ рабочихъ, сдѣлался миролюбивъ до крайности и, быть можетъ, превзошелъ, въ этомъ отношеніи, даже пресловутую, отъѣвшуюся буржуазію временъ Людовика-Филиппа. Воинственный кличъ Тьера въ 1840 г., по поводу египетскаго вопроса, былъ повторенъ Гамбеттой въ 1882 г., но вполнѣ безуспѣшно. Но непопулярность тунисскаго дѣла ничто въ сравненіи съ той, какой встрѣчены были интересы, подлежащіе защитѣ на берегахъ Нила. За исключеніемъ двухъ сотъ депутатовъ и сенаторовъ, да нѣсколькихъ публицистовъ, придерживающихся традиціонныхъ взглядовъ—никто не интересуется тѣмъ, что происходитъ за предѣлами страны, всѣ съ ненавистью относятся къ дипломатіи и не понимаютъ никакой войны кромѣ оборонительной. Нѣмцамъ это хорошо извѣстно, и вотъ почему Бисмаркъ напрасно взываетъ къ старинной враждѣ, ведущей свое начало съ 1813 года; рейхстагъ

Digitized by Google

упорно отказываетъ ему въ табачной монополіи, въ увеличеніи налога на пиво, однимъ словомъ во всей системѣ налоговъ, имѣющей въ виду военныя приготовленія. Видя постоянно-возрастающее миролюбіе нѣмцевъ, противъ котораго остаются безплодными непрестанныя подстрекательства вождей пангерманизма, многіе изъ образованныхъ французовъ пришли къ убѣжденію, что народная масса совершенно основательно отказывается понимать необходимость нарушенія мира, и считаетъ нелѣпостью рисковать чѣмъ бы то ни было для поддержанія преобладанія англо-французскаго контроля въ Каирѣ. Въ числѣ этихъ людей есть такіе, которые весьма серьёзно относятся къ планамъ князя Бисмарка, относительно пополненія великаго германскаго отечества на счетъ Люксамбурга, Голландіи, Даніи и Россіи, но въ то же время полагаютъ, что для Франціи опасность только бы увеличилась въ случаѣ вмѣшательства ея въ египетскія дѣла и, что эта опасность можетъ быть устранена и изъ Алжира, если оставить все, предпринятое въ Тунисскихъ владѣніяхъ и ввѣрить охрану африканскаго сѣвера союзу всѣхъ примыкающихъ къ Средиземному морю державъ.

Внѣ парламента мы имѣемъ «Друзей мира», группирующихся въ различныя общества, начиная съ общества, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Франка (академика) и кончая «Международной Лигой Мира и Свободы», имѣющей свое мѣстопребываніе въ Женевѣ и состоящей подъ предсѣдательствомъ г-жи Гёггъ и бывшаго сенъ-симониста Шарля Лемоннье. Они выражаютъ свое одобреніе каждый разъ, какъ открывается конгрессъ или конференція, констатируя, что это лишній шагъ впередъ по пути замѣны третейскимъ судомъ, пушечныхъ выстрѣловъ. Наконецъ, мы имѣемъ «рабочую партію» и совокупность малочисленныхъ, но за то весьма шумныхъ революціонеровъ-коллективистовъ, считающихъ понятіе объ отечествѣ устарѣлымъ и находящихъ, что соціальный вопросъ одинъ и тотъ же во всѣхъ странахъ міра.

Предпославъ этотъ краткій очеркъ нашего общественнаго мнѣнія, мы изложимъ — не египетскія событія — а тѣ впечатлѣнія, какія были ими вызваны въ парижскомъ политическомъ мірѣ.

Бонапартистскій депутатъ Делафоссъ, извѣстный своими упорными нападками на тунисскую экспедицію, сдѣлалъ 1-го іюня запросъ министру иностранныхъ дѣлъ, по поводу безсилія французскаго и англійскаго консуловъ поддержать Хедива и отказа египетскаго правительства подчиниться требованіямъ, формулированнымъ ему отъ имени двухъ западныхъ державъ. Въ запросѣ указывалось на безполезность и даже опасность отправки франко-англійской эскадры въ Александрію. Кальвалосскій депутатъ возсталъ рѣшительно противъ союза съ Англіей, съ которой Франція, по его мнѣнію, не имѣетъ никакихъ общихъ интересовъ въ Египтѣ. Онъ строго порицалъ отступленіе отъ старой французской политики на востокѣ, основанной на друже-

Digitized by Google

ственномъ покровительствѣ Турціи и заключилъ свою рѣчь картиной тѣхъ послѣдствій, которыя повлекло бы за собой вмѣшательство Турціи, вызывая неминуемый взрывъ мусульманскаго фанатизма во всей Африкѣ.

Фрейсинэ отвѣчалъ увѣреніями, что правительство сдержитъ свои обѣщанія, то есть обезпечитъ французскіе интересы въ Египтѣ и независимость этой страны, сперва при помощи союза съ Англіей, а затѣмъ, при содѣйствіи европейскаго концерта. «Чтобы обойтись безъ европейскаго концерта», сказалъ министръ, «мы должны были бы заставить силою принять рѣшенія, которыя были бы выработаны нами одними. Я не думаю, чтобы Франція расположена была, въ настоящее время, пуститься на такія приключенія. Выражая эти мысли, я выражаю мнѣнія всего кабинета: ни одинъ изъ моихъ товарищей не откажется подтвердить мои слова. Ни одинъ изъ нихъ не сочувствуетъ политикѣ приключеній, на путь которой хотѣли бы толкнуть насъ».

— «Кто? кто?» рѣзко спрашиваютъ, въ особенности на правой, гдѣ Бодри д'Ассонъ заставляетъ, чтобы его призвали къ порядку, принявъ на счетъ своей партіи намекъ Фрейсинэ на бонапартистовъ.

Министръ продолжалъ настаивать на «однородности кабинета, члены котораго ни въ какомъ случаѣ не согласятся поддерживать политику приключеній».

Всеобщее вниманіе обращаетъ на себя Гамбетта, сидящій на концѣ предпослѣдней скамьи лѣвой, подперевъ голову руками и обнаруживая самые явные признаки нетерпѣнія.

Министръ дѣлаетъ апологію европейскаго концерта и необходимости подвергнуть его разсмотрѣнію дѣло общаго интереса, касающееся всѣхъ державъ, не исключая Турціи, и затѣмъ торжественно объявляетъ: «Никогда не согласимся мы на французскую военную экспедицію въ Египетъ...»

— «Хорошо, а что же скажете вы конгрессу, если онъ васъ не послушаетъ?» гремитъ голосъ Гамбетты, среди рукоплесканій, вызванныхъ рѣчью министра въ центрѣ и на крайней лѣвой.

— «Я прошу слова».

На это Фрейсинэ возражаетъ: «Если здѣсь есть кто-нибудь, кто не одобряетъ нашей политики и полагаетъ, что интересы Франціи требуютъ въ настоящую минуту военной экспедиціи въ Египетъ, то пусть онъ это выскажетъ».

Послѣ бонапартиста Кольбера-Лапласа, одного изъ друзей Делафосса, на трибунѣ появляется Гамбетта.

Ожидали большой рѣчи, но ораторъ съ самаго начала заявилъ, что не желаетъ вмѣшиваться въ пренія и представитъ лишь краткія замѣчанія въ объясненіе вырвавшагося у него восклицанія, находя, что было бы неумѣстно и неудобно для кабинета, проводить до конца сравненіе между политикой приключеній, приписываемой министерству, къ которому онъ принадлежалъ и

Digitized by Google

новымъ направленіемъ политики, котораго придерживается нынѣшній каминетъ.

«Когда я услышалъ», произнесъ Гамбетта самымъ громкимъ своимъ голосомъ, «что не довольствуясь отказомъ отъ исключительнаго положенія, созданнаго для Франціи традиціей и фирманами; не довольствуясь передачей европейскому концерту, т. е. противникамъ своимъ, рѣшенія вопроса, касающагося охраненія существующаго порядка вещей — руководитель французской политики заявляетъ, и притомъ въ моментъ отправленія на европейскую конференцію, что существуетъ заранѣе принятое рѣшеніе, чтобы несмотря *ни на какія обстоятельства*, *Франція никогда* не приступала бы *къ военному вмѣшательству*... Когда я услышалъ это, я вспомнилъ, что, однажды, Беррье взошелъ на эту самую трибуну и, протестуя противъ подобной же политики, произнесъ ей приговоръ словами: «Не говорите такимъ образомъ! Такъ не говорятъ о Франціи!»

Тонъ, которымъ была сказана эта длинная фраза, произвелъ громадное впечатлѣніе. За исключеніемъ весьма ограниченнаго числа депутатовъ крайней лѣвой, вся палата слилась въ дружныхъ рукоплесканіяхъ.

Фрейсинэ снова взошелъ на трибуну и сталъ опровергать толкованіе, данное его словамъ бывшимъ другомъ. Онъ заявилъ, что вовсе не желалъ отрицать военнаго вмѣшательства Франціи, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, а только объявилъ, что «не понимаетъ рѣшенія вопроса *одною* Франціей, и принимаетъ обязательства, отвѣтственность, рѣшенія и способы дѣйствія европейскаго концерта».

— «Заранѣе!» продолжалъ Гамбетта. — Желая смягчить свои первыя заявленія, г. президентъ совѣта министровъ только усилилъ ихъ».

— «Нѣтъ, нѣтъ, никто не могъ ошибиться относительно настоящаго значенія словъ г. министра!» прерываютъ гг. де-Ланессанъ, Тони Ревильонъ и ихъ сосѣди на самыхъ верхнихъ скамьяхъ Горы.

— «Съ удовольствіемъ констатирую», съ горечью продолжаетъ Гамбетта, «что только одна фракція, а именно крайняя лѣвая, ручается за министерскія слова... Министерская мысль, выраженная г. Фрейсинэ, до такой степени осталась сокрытой въ глубинѣ его мыслительнаго органа, что онъ закончилъ свои поправки, объявляя себя готовымъ принять рѣшенія европейскаго концерта, каковы бы они не были. Мнѣ неизвѣстно, удостоится ли такая политика санкціи парламента, будетъ ли держаться ея и конгрессъ, но я знаю, что она недѣйствительна уже и теперь, потому что вы *обнаружили передъ Европой тайну вашего безсилія!*»

На этотъ разъ рукоплесканія исходятъ только изъ среды «республиканскаго союза» и правыхъ. Большинство же лѣвыхъ съ какимъ-то отупеніемъ смотритъ на министерскую скамью. По-

Digitized by Google

слѣ минутнаго колебанія Рибо поднялся съ своего мѣста въ центрѣ и съ обычнымъ искуствомъ началъ разъяснять антецеденты египетскаго вопроса, напоминая, что фирманы, на которые соглашалась Турція и которые были подтверждены Европой, создали порядокъ вещей, измѣненія котораго не можетъ желать Франція. «Президентъ совѣта», продолжалъ депутатъ, «очевидно зашелъ далѣе, чѣмъ того желалъ, когда утверждалъ, что Франція заранѣе подписываетъ всѣ рѣшенія европейскаго концерта на предстоящей конференціи... Нѣтъ, безъ сомнѣнія, Франція не согласилась бы на уничтоженіе фирмановъ; полная изолированность предпочтительнѣе пагубной политики; въ первомъ случаѣ, мы, по крайней мѣрѣ, сохранили бы за собой свободу, не для того, чтобы идти на встрѣчу приключеніямъ, а для того, чтобы руководствоваться исключительно своимъ достоинствомъ и интересами».

Фрейсинэ ухватился за протянутую ему руку спасенія и въ третьей рѣчи своей сдѣлалъ, наконецъ, заявленіе, которое долженъ бы сдѣлать въ первой: «Событія, развертывающіяся въ Египтѣ, одинаково ускользаютъ и отъ дѣйствія Франціи, и отъ дѣйствія Англіи... Могутъ произойти, и едва не произошли двѣ недѣли тому назадъ, событія, способныя повлечь за собою внезапное отреченіе отъ престола или низложеніе нынѣшняго хедива. Между тѣмъ, именно съ этимъ хедивомъ связанъ фирманъ 1879 года, а дарованныя Египту вольности составляютъ принадлежность семейства Мехмеда-Али. Съ исчезновеніемъ хедива не исчезнутъ ли и фирманы? Такая опасность уже грозила въ 1875 году, во время низложенія Измаила. Въ видахъ избѣжанія этой опасности и обезпеченія за Египтомъ фирмановъ или равносильной имъ доли вольностей, державы и желаютъ совѣщаться съ Оттоманской Портой. Въ этомъ заключается главная цѣль конференціи... Мы принимаемъ въ ней участіе только потому, что державы признали за основу своихъ обсужденій поддержаніе *status quo*. Мы увѣрены, что такимъ путемъ, и даже въ случаѣ вмѣшательства Турціи въ египетскія дѣла, подъ контролемъ Европы, независимость Египта будетъ ограждена, а въ этомъ и заключается главный результатъ, постоянно имѣемый нами въ виду и руководящій нашей политикой».

Затѣмъ, послѣ обращенія Журно къ министру иностранныхъ дѣлъ, котораго этотъ депутатъ умолялъ о достаточной твердости на конгрессѣ и вѣрности національной политикѣ на востокѣ, были прочитаны мотивированные очередные порядки; одинъ — грубокомическаго свойства, принадлежащій перу Бодри д'Ассона, другой—рѣзко-враждебный Гамбеттѣ и поданный Піэйромъ, наконецъ, третій, съ простымъ выраженіемъ довѣрія, подписанный Сади Карно, Ложероттомъ и Лонглуа. Затѣмъ Клемансо поднялся съ своего мѣста и потребовалъ простаго перехода къ очереднымъ дѣламъ, не съ цѣлью отстаивать политику Гамбетты, но потому что не желаетъ одобрять политики Фрейсинэ.

Digitized by Google

Президентъ совѣта принялъ только очередной порядокъ Карно. Палата, отвергнувъ простой переходъ 299 голосами противъ 169 засвидѣтельствовала 282 голосами противъ 67, что «питаетъ довѣріе къ заявленіямъ правительства».

Іюня 3-го получено было въ Парижѣ извѣстіе о смерти Гарибальди на островѣ Капрерѣ. Съ самаго начала засѣданія палаты, депутатъ города Ниццы, родины итальянскаго героя, среди страшнѣйшаго шума, производимаго клерикальными правыми, торжественно произнесъ: «Италія только-что утратила одного изъ славнѣйшихъ гражданъ своихъ, великаго патріота... Отъ имени города, представителемъ котораго я состою, и отъ имени всей республиканской партіи, прошу собраніе присоединиться къ скорби дружественной націи и выразить свое участіе семейству того итальянца, который, въ трудныя минуты, явился на защиту нашей родины».

На правой, бонапартистъ по имени Буржуа, желая замять демонстрацію, потребовалъ возвращенія къ такъ называемому предварительному вопросу.

Между тѣмъ, президентъ палаты депутатовъ, Анри Бриссонъ, довольно сухо замѣтилъ, что не сдѣлано никакого опредѣленнаго предложенія.

«Я имѣю сдѣлать предложеніе!» кричитъ де Лонессонъ съ своего мѣста. И взойдя на трибуну, требуетъ закрытія засѣданія въ знакъ траура по человѣкѣ, протянувшемъ Франціи руку помощи въ минуту опасности и избраннаго Парижемъ (и четырьмя департаментами) членомъ перваго національнаго собранія третьей республики.

Съ тактомъ, свойственнымъ защитникамъ монархіи, Бодри д'Ассонъ возражаетъ на предложеніе, мотивируя тѣмъ, что «Гарибальди боролся противъ папы!» Правая повторяетъ свое требованіе, относительно предварительнаго вопроса.

Модьё де-Монжо указываетъ, что «самый характеръ оппозиціи налагаетъ уже на представителей французской республики обязанность, торжественнымъ образомъ подтвердить свое уваженіе къ тому, кто нетолько былъ великимъ гражданиномъ, великимъ патріотомъ и человѣкомъ высокой души, но и въ теченіи цѣлыхъ 25 лѣтъ являлся представителемъ свободы мысли и республиканской идеи».

Начинается баллотировка предложенія. Изъ 427 вотировавшихъ, 298 противъ 129 рѣшаютъ закрытіе засѣданія. Вмѣстѣ съ правыми подали голоса и нѣкоторые изъ умѣренныхъ республиканцевъ, не прощающихъ Гарибальди послѣднихъ писемъ его по поводу тунисской экспедиціи, въ которыхъ онъ враждебно относился къ Франціи. Министры всѣ воздержались отъ подачи голоса.

Въ то же время, по почину позитивиста доктора Робинэ и гамбеттиста Эдгара Монтейля, парижскій муниципальный совѣтъ созванъ былъ на чрезвычайное засѣданіе. Матеріалистъ

Digitized by Google

Гевелакъ внесъ предложеніе о порученіи бюро избрать изъ своей среды делегацію, которая служила бы представительницей столицы при погребеніи героя. Клерикальный совѣтникъ Ріонъ возражалъ, указывая на враждебныя Франціи стремленія Гарибальди, требовавшаго возвращенія Италіи Ниццы, на непріязненное отношеніе его къ Франціи въ 1849 и 1867 годахъ, въ Римѣ, Ментонѣ, на компрометированіе имъ національной защиты во главѣ вогезскихъ красныхъ рубашекъ и т. д.

Все это привело къ довольно бурной сценѣ въ Павильонѣ Флоры. Ріонъ, поддерживаемый семью другими бонапартистскими и роялистскими представителями муниципальнаго совѣта, дошелъ до того, что сослался на сомнительное письмо Гарибальди отъ 7-го марта 1882 года, въ которомъ читаемъ: «Моя любовь къ Франціи превратилась въ презрѣніе... Германія оказала великую услугу человѣчеству, унизивъ Францію». Сенскій префектъ Флокэ вмѣшался въ пренія и объявилъ, что такъ какъ Гарибальди защищалъ Францію и былъ выбранъ французскимъ народнымъ представителемъ, то сенская администрація пошлетъ оффиціальную делегацію на похороны, причемъ потребовалъ ассигнованія на этотъ предметъ 3,000 франковъ. Напрасно другой клерикалъ, Дюпати, повторилъ въ иной формѣ возраженія Ріона, онъ потерпѣлъ такую же неудачу, а предложенія Гевелака и Флокэ получили большинство. Принято къ свѣдѣнію также и предложеніе Робинэ и Монтейля, относительно наименованія именемъ Гарибальди одной изъ парижскихъ улицъ или одного изъ бульваровъ.

Представителями Парижа и Сенскаго департамента назначено было пять членовъ муниципальнаго совѣта. Сенскій департаментскій совѣтъ назначилъ делегатомъ своего предсѣдателя, де-Тореля. Радикальная и лѣвая палаты депутатовъ выбрали трехъ изъ своихъ членовъ; крайняя лѣвая 5-хъ. Наконецъ, республиканская печать назначила делегатовъ для присутствія при погребеніи и сверхъ того, для устройства въ Парижѣ погребальной церемоніи, которая должна была служить pendant къ римскому «апоѳеозу», въ тотъ же день, 11-го іюня.

Римскій муниципалитетъ сдѣлалъ блестящій пріемъ делегатамъ парижскаго муниципалитета, о чемъ возвѣщено было самою торжественною телеграммой. Въ торжественномъ кортежѣ «апоѳеоза» въ Капитоліѣ парижскимъ делегатамъ отведено было почетное мѣсто. Когда во главѣ 300,000 представителей отъ всѣхъ итальянскихъ городовъ, они дошли до эстрады, имъ кричали: «да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Парижъ!» Они отвѣчали на это привѣтствіемъ Италіи. Краткая рѣчь Сонжона, которую переводили по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, была встрѣчена громкими выраженіями сочувствія и одобренія. На банкетѣ итальяно-французской печати 13-го и на муниципальномъ банкетѣ 15-го, снова обѣ націи обмѣнялись самыми теплыми дружескими увѣреніями, какъ передаетъ отчетъ, про-

Digitized by Google

читанный 19-го іюня парижскому городскому совѣту. Все это заставило парижскихъ «автономистовъ» предаться ликованію, по поводу «апоѳеоза примиренія» Италіи и Франціи. Во всѣхъ ихъ органахъ: «Lanterne», «Radical», «Marseillaise» и «Intransigeant», повторялась: «Правительства совершаютъ ошибки; муниципалитеты же исправляютъ ихъ... Италія примирилась съ Франціей!» и т. д.

Даже оппортюнисты повѣрили примиренію; между Гамбеттой и Менотти Гарибальди произошелъ обмѣнъ самыхъ дружескихъ телеграммъ. Наконецъ, въ парижскомъ зимнемъ циркѣ собралось до 5,000 человѣкъ, по приглашенію франко-итальянскаго комитета, чтобы присутствовать на торжествѣ, посвященномъ памяти итальянскаго героя. Викторъ Гюго не могъ явиться, такъ какъ преклонный возрастъ его не позволилъ бы ему перенести усталости, сопряженной съ такимъ торжествомъ. Онъ прислалъ вмѣсто себя внука своего Жоржа, которому и было предложено предсѣдательство. Фактически же предсѣдательствовалъ Локруа (Кржижановскій), которому, какъ бывшему волонтеру Гарибальди, по праву принадлежалъ почетный постъ, во главѣ тѣхъ, кто пожелалъ почтить память его генерала. Мадье де-Монжо произнесъ горячую рѣчь, заключавшуюся словами: «Могила Гарибальди послужитъ алтаремъ союза между французами и итальянцами».

Генералъ Турръ, въ свою очередь, произнесъ краткую рѣчь, прерываемую привѣтствіями обѣимъ націямъ. Послѣ пламенной рѣчи депутата Лекретеля, закончившейся словами: «Безъ Гарибальди у насъ не было бы Дижона!» была спѣта «Марсельеза», «гимнъ Гарибальди», а Кловисъ Гюгъ прочиталъ стихотвореніе, написанное имъ на смерть незабвеннаго героя и глубоко тронувшее присутствующихъ. Молодому поэту сдѣлано было двѣ оваціи: въ залѣ цирка и при выходѣ изъ него, гдѣ собралась многочисленная толпа народа.

Между тѣмъ, 12-го іюня въ римской палатѣ депутатовъ происходило засѣданіе, на которомъ вполнѣ игнорировались оффиціальнымъ міромъ всѣ эти дружескія изліянія. Громкія рукоплесканія встрѣтили рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ Манчини, въ которой повѣствовалось о томъ, какимъ образомъ Италіи удастся приступить къ реваншу за тунисскую экспедицію и какимъ образомъ она взяла на себя починъ, если не союза, то по крайней мѣрѣ соглашенія между четырьмя державами, руководящая роль въ средѣ которыхъ принадлежитъ Германіи, а второстепенная — Австро-Венгріи и Россіи. Это соглашеніе имѣетъ цѣлью выработку проэкта европейской конференціи, долженствующей замѣнить изолированное дѣйствіе Франціи и Англіи».

Все это происходило какъ разъ на слѣдующій день послѣ кровавыхъ событій въ Александріи 11-го іюня, вызванныхъ, по мнѣнію однихъ, агентомъ, присланнымъ съ этою цѣлью изъ Каира Араби-пашей, по другимъ же свѣдѣніямъ бывшихъ слу-

Digitized by Google

чайнымъ слѣдствіемъ ссоры въ кварталѣ домовъ терпимости, между мальтійцемъ и арабомъ.

Это столкновеніе быстро распространилось на всю европейскую часть города и въ теченіе пяти часовъ продолжались кровавыя сцены, которымъ положило конецъ воздѣйствіе египетскихъ войскъ. Англійскій и греческій консулы подверглись нападеніямъ и были ранены въ своихъ экипажахъ; итальянскій вице-консулъ, секретарь консульства и супруга австрійскаго консула подверглись оскорбленіямъ.

Не менѣе шестидесяти европейцевъ (не считая тѣхъ, которые были брошены въ море) оказались убитыми или ранеными. Всеобщая паника заставила европейцевъ искать убѣжища на судахъ своихъ націй. Казалось, что девизъ національно-военной партіи Араби-паши: «Египетъ египтянамъ!» близокъ былъ къ своему осуществленію путемъ избіенія гяуровъ. Уполномоченный султана Дервишъ-Паша выѣхалъ изъ Каира вмѣстѣ съ Хедивомъ и всѣми иностранными консулами и направился къ Александріи, оставляя столицу на произволъ Араби-паши. Этотъ послѣдній не злоупотребилъ своею властью. Но почему?

Очевидно потому, что оттоманскій комиссаръ не потребовалъ примѣненія къ нему мѣры, указанной въ первоначальномъ ультиматумѣ двухъ западныхъ державъ, а также и потому, что по совѣту германскаго консула, Дервишъ-паша заставилъ Тевфика образовать кабинетъ въ примирительномъ духѣ, т. е. подъ предсѣдательствомъ стараго Рохеба-паши, причемъ военнымъ министромъ оставался попрежнему Араби-паша.

Тѣмъ не менѣе европейцы нисколько не были успокоены и и продолжали цѣлыми тысячами уѣзжать изъ Египта, такъ, что для перевозки потребовались пароходы австрійскаго Ллойда и французскихъ марсельскихъ и тулонскихъ обществъ. Англичане стали подумывать о десантѣ, французы, несмотря на свое крайне-миролюбивое настроеніе, въ свою очередь, не могли не признать необходимости послѣдовать ихъ примѣру. Событіе 11-го іюня разрушило цѣлую сѣть земледѣльческихъ, торговыхъ и промышленныхъ начинаній предпріимчивыхъ европейскихъ переселенцевъ, преимущественно французовъ и англичанъ.

Уже 12-го іюня депутатъ Тэно поставилъ Фрейсинэ нѣсколько вопросовъ по поводу взрыва мусульманскаго фанатизма, а равно и тѣхъ мѣръ, которыя намѣрено принять правительство для обезпеченія безопасности нашихъ соотечественниковъ и огражденія французскихъ интересовъ.

Фрейсинэ не могъ, конечно, отрицать александрійскаго бунта, но всячески старался смягчить его характеръ и указывалъ, что если французскій консулъ «подвергся угрозамъ, то онѣ не были приведены въ исполненіе», и что «въ числѣ убитыхъ европейцевъ, можетъ быть, не было ни одного француза». Впрочемъ, онъ ручается, что всѣ необходимыя для охраненія безопасности фран-

Digitized by Google

пузскихъ подданныхъ и огражденія чести Франціи мѣры будутъ приняты.

13-го іюня, въ сенатѣ, роялистъ де-Лоренти потребовалъ объясненій.

Министръ-президентъ повторилъ оптимистическій разсказъ о дракѣ араба съ мальтійцемъ; съ величайшей похвалой отозвался объ образѣ дѣйствій французскаго консула, вмѣшательство котораго было такъ полезно; сказалъ, что если египетскія войска явились нѣсколько поздно, то во всякомъ случаѣ, исполнили свой долгъ и нашелъ нужнымъ похвалить энергію, выказанную александрійскими властями! Сокративъ цифру жертвъ до 38, между тѣмъ, какъ англійскіе корреспонденты доводили ее до 250, онъ утверждалъ, что политическія и религіозныя страсти были чужды возмущенію, имѣвшему причиной пустую случайность. Наконецъ, выразилъ увѣренность, что «спокойствіе не будетъ болѣе нарушено, такъ какъ приняты нѣкоторыя мѣры, и подкрѣпленія уже прибыли изъ Каира».

22-го іюня въ палатѣ депутатовъ, Казиміръ Перье, членъ бывшаго лѣваго центра, а нынѣ демократическаго союза, пожелалъ узнать, какія инструкціи даны будутъ представителю Франціи на предстоящей конференціи. Онъ указалъ также, до какой степени трудно отдать себѣ отчетъ въ въ политикѣ нынѣшняго министерства.

«Въ началѣ г. Фрейсинэ утверждалъ, что мнѣніе Франціи и Англіи, связанныхъ тѣснымъ союзомъ, будетъ имѣть преобладающее значеніе; морская демонстрація, предпринятая обѣими державами не оказала никакого вліянія, даже въ смыслѣ простой обороны; соединенное дѣйствіе обѣихъ державъ замѣнено было европейскомъ концертомъ; дошли до того, что допустили вмѣшательство Турціи, отвергнутое вначалѣ; рѣшенія конференціи подписываются заранѣе»... «Если, сказалъ ораторъ въ заключеніи своей рѣчи, Франція принуждена будетъ вернуться къ свободѣ дѣйствій, вслѣдствіе безуспѣшности конференціи, то я въ томъ увѣренъ, правительство найдетъ въ палатѣ откликъ, когда обратится къ ней съ вопросомъ о способѣ дѣйствій...» На крайней лѣвой послышался ропотъ; на правой—смѣхъ. Казиміръ Перье съ большимъ достоинствомъ прибавилъ, продолжая развивать свою мысль: «Мы въ особенности просимъ г. президента совѣта прекратить положеніе вещей, прискорбное для нашихъ интересовъ и причиняющее ущербъ чести Франціи; не слѣдуетъ забывать, что наши соотечественники принуждены были садиться на суда всѣхъ возможныхъ національностей, и это, въ виду французской эскадры!»

Министръ иностранныхъ дѣлъ, на этотъ разъ тщательно остерегался «легкости» выраженій, возбудившій такой гнѣвъ въ Гамбеттѣ 1-го іюня. Напротивъ, онъ объявилъ, что соглашеніе между Франціею и Англіею остается въ полной силѣ, и французское правительство не отказалось ни отъ одной іоты своей независи-

Digitized by Google

мости. «Если же, вопреки ожиданіямъ, возникли бы разногласія, если положеніе дѣлъ станетъ несовмѣстимымъ съ нашими интересами и достоинствомъ, то мы возвратимся къ полной свободѣ дѣйствій, такъ какъ общенародное право требуетъ, чтобы вступая на конгрессъ, отдѣльная держава не утрачивала своей свободы, и чтобы рѣшенія могли быть обязательными лишь въ случаѣ единогласія, а не большинства».

Эти слова были встрѣчены горячими рукоплесканіями. «République Française» нашла возможнымъ ядовито поздравить министра-президента съ значительными успѣхами въ области изученія общенароднаго права. «Хотя», прибавляла эта газета, «для интересовъ Франціи, было бы несомнѣнно предпочтительнѣе окончаніе курса этой науки ранѣе принятія на себя руководства дѣлами страны».

Изъ этой краткой выдержки уже видно, до какой степени обострился разрывъ между Фрейсинэ и Гамбеттой.

Фрейсинэ держится политики Гизо. Ему рукоплещутъ не «ожирѣвшіе буржуа», а «алчущіе портфелей» непримиримые и депутаты крайнихъ партій. Излишне было бы распространяться о томъ, что едва ли Фрейсинэ связанъ съ ними единствомъ убѣжденій и стремленій. Онъ дорожитъ ими единственно потому, что они враждебны Гамбеттѣ.

Весьма любопытна оцѣнка только что изданной правительствомъ «Желтой книги», сдѣланная непримиримыми. Эти документы обнимаютъ собою весь періодъ правительства Гамбетты и возвращеніе къ кормилу Фрейсинэ. Мы приведемъ здѣсь небольшую и наиболѣе характерную выдержку изъ «Marseillaise», гдѣ де-Лонессонъ заканчиваетъ критическій очеркъ «Желтой книги» слѣдующею параллелью: «Цѣлью Гамбетты были военныя дѣйствія въ Египтѣ, и онъ съ ожесточеніемъ боролся противъ національной партіи; онъ поставилъ во враждебное къ намъ отношеніе не только Турцію, но и всѣ европейскія державы, онъ изолировалъ насъ даже отъ Англіи... Г. Фрейсинэ возстановляетъ доброе расположеніе къ намъ Турціи и державъ, щадитъ египетскую національную партію и въ тоже время работаетъ надъ заключеніемъ серьёзнаго союза съ Англій».

На противоположномъ республиканской партіи полюсѣ, газета «Parlement» (редакторъ ея Рибо), находитъ, что Фрейсинэ исправляетъ ошибки Гамбетты. «Съ теоретической точки зрѣнія», читаемъ въ этой газетѣ, «политика Гамбетты можетъ быть и достойна похвалы, но существенный недостатокъ ея заключается въ ея практической непримѣнимости и расчетѣ на случайности для исполненія пустой формальности дѣйствія вдвоемъ».—На это «République Française» спокойно отвѣчаетъ: «Тѣ шесть недѣль, срокъ которымъ истекаетъ 26-го января, дѣлятся на два періода: до 7-го числа Гамбетта работаетъ надъ заключеніемъ франко-англійскаго союза и имѣетъ блестящій успѣхъ; послѣ 7-го числа (т. е. послѣ англо-французской ноты, подтверждающей

Digitized by Google

рѣшеніе обѣихъ западныхъ державъ противиться измѣненію status quo въ Египтѣ)—лордъ Гренвилль и Гамбетта ждутъ; лордъ Гренвилль, пытаясь возвратить себѣ свободу дѣйствій; Гамбетта—употребляя всю свою ловкость, чтобы помѣшать распасться только что связаннымъ узамъ. На другой день послѣ 26-го января Гамбетта имѣлъ бы возможность побудить англійскій кабинетъ остаться вѣрнымъ своей подписи. При помощи торговаго договора и поддержкѣ части кабинета онъ могъ успѣть въ этомъ дѣлѣ. Въ такомъ случаѣ, никто бы и не говорилъ объ Арабипашѣ, а изъ Египта не пришлось бы бѣжать 20,000 европейцевъ послѣ того, какъ у нихъ предъ глазами погибло нѣсколько сотенъ своихъ».

Сентъ-джемскій кабинетъ, очевидно, не могъ продолжать съ Фрейсинэ переговоровъ, начатыхъ Гамбеттой, но не менѣе очевидно и то, что созваніе конференціи привело Англію, остававшуюся невозмутимой даже послѣ александрійской рѣзни, къ дѣйствію, предложенному и рѣшенному въ январѣ нынѣшняго года.

26-го, г. Локруа указалъ съ трибуны палаты депутатовъ на слухи, распространившіеся на биржѣ и въ печати, и безъ лишнихъ фразъ спросилъ министра иностранныхъ дѣлъ: «Правда ли, что англійское правительство сдѣлало распоряженіе о вооруженіи флота, что оно, въ самомъ скоромъ времени будетъ держать на готовѣ свои войска въ Гибралтарѣ, на Мальтѣ, Кипрѣ и даже въ Индіи и, что этотъ флотъ и эти войска должны направиться къ Египту и Портъ-Саиду? Правда ли, что англійское правительство просило васъ, г. министръ, три дня тому назадъ принять участіе въ отправкѣ этихъ военныхъ силъ? Правда ли, наконецъ, что оба консула, французскій и англійскій: почтенные гг. Малэ и Сенкевичъ, выѣхавшіе изъ Египта, какъ говорили, по разстроенному здоровью, на самомъ дѣлѣ оставили страну по причинамъ дипломатическаго и политическаго свойства?.. Я не спрашиваю, какъ и почему почтенный Арабипаша получилъ орденъ Меджидіэ первой степени. Этой награды всѣ ожидали, и она ни въ комъ не возбуждаетъ удивленія».

Фрейсинэ объявилъ на это, что «не имѣетъ возможности дать палатѣ свѣдѣнія о приготовленіяхъ, которыя дѣлаетъ Англія и на которыя она имѣетъ полное право». То же самое долженъ онъ отвѣтить и по поводу англійскаго консула. Что же касается консула французскаго, то, «дѣйствительно», сказалъ министръ, «я имѣю намѣреніе разрѣшить ему пріѣхать во Францію, ради интересовъ службы; это возвращеніе, которое можетъ быть только временнымъ, не имѣетъ никакого отношенія къ измѣненію въ направленіи французской политики».

— «Очень хорошо, очень хорошо!» раздается на скамьяхъ крайней лѣвой и центра.—Президентъ совѣта министровъ выражаетъ желаніе хранить молчаніе относительно прочихъ фактовъ, справедливы они, или нѣтъ, и въ заключеніе восклицаетъ: «Я молчу, господа, потому что мое молчаніе могло бы быть пе-

Digitized by Google

ретолковано!»—Эта невѣроятная фраза была исправлена «Оффиціальной Газетой» слѣдующимъ образомъ: «Я дѣлаю это замѣчаніе для того, чтобы молчаніе мое не могло быть перетолковано».

Между тѣмъ, Локруа, уже не въ палатѣ, а въ газетѣ «Rappel» вывелъ слѣдующія заключенія: «Изъ объясненій министра слѣдуетъ, что англичане приготовляются къ отплытію и, что мы, быть можетъ, послѣдуемъ ихъ примѣру. Но если это случится, то безъ вѣдома парламента будетъ предпринята экспедиція въ далекіе края, отправятся искать приключеній, безъ всякаго предварительнаго совѣщанія съ нами, совершенно такъ, какъ то случилось съ тунисской экспедиціей».

Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что въ настоящую минуту люди, дорожащіе старыми французскими традиціями, могутъ сильно опасаться за господство Франціи въ Сѣверной Африкѣ. Даже Алжиръ, которымъ владѣетъ она съ 1830 г. легко можетъ ускользнуть отъ нея.

Творецъ Суэцскаго канала, Лессепсъ, еще недавно заявлялъ, что интересы владѣльцевъ акцій и облигацій канала нисколько не пострадаютъ въ случаѣ перехода всего дѣла въ исключительную собственность Англіи. Лессепсъ рискнулъ даже сдѣлать апологію Араби-паши, назвавъ его «человѣкомъ новыхъ идей» и объявилъ, что въ настоящее время «остается только распорядиться отплытіемъ броненосцевъ изъ водъ Александріи». Если вѣрить Габріэлю Шармексу, недавно печатавшему въ «Journal des Débats» свои путевыя замѣтки о политическомъ положеніи тунисскихъ и триполійскихъ владѣній, то подобное распоряженіе оказалось бы весьма удобнымъ... для турецкаго султана. Этотъ писатель-путешественникъ констатируетъ замѣчательное усиленіе авторитета султана и калифа и указываетъ на подготовляющійся взрывъ мусульманскаго фанатизма, какъ на неизбѣжное слѣдствіе торжества верховной власти султана на берегахъ Нила.

II.

Внутренняя политика.—Нравы.—Выборы коммунаровъ и коллективистовъ. — Консерватизмъ сельскаго населенія. — Дѣятельность палаты депутатовъ и сената: принятіе проэктовъ преобразованія уголовнаго слѣдствія и возстановленія развода. — Отмѣна рабочихъ книжекъ. — Рѣшеніе вопроса о коронныхъ бриліантахъ.—Тюльерійскія развалины.—Судебная присяга. — Избираемость судей. — Снесеніе церкви съ Монмартрскаго холма. — Преслѣдованіе порнографическихъ сочиненій и изображеній.—Студенты и такъ-называемые soutenеurs de filles».—Драка въ Латинскомъ кварталѣ.—Запросы въ муниципальномъ совѣтѣ и палатѣ депутатовъ. — Процессъ герцогинь де-Шонь и Шеврёзъ.—Убійство въ Шату.

Выборы въ парижскій муниципальный совѣтъ обратили на себя всеобщее вниманіе и вызвали не мало отчаянныхъ возгла-

Digitized by Google

совъ со стороны реакціи. Дѣло въ томъ, что на этотъ разъ въ число муниципальныхъ совѣтниковъ попалъ рабочій Жоффренъ, придерживающійся самыхъ крайнихъ соціалистическихъ воззрѣній. Его выбрали въ Монмартрскомъ предмѣстьи, въ качествѣ соперника радикала Клемансо. Сверхъ того, отъ Каенскаго округа Ньеврскаго департамента выбранъ въ палату извѣстный, Гамбонъ, бывшій членомъ національныхъ собраній 1848 и 1871 г., а затѣмъ, парижской коммуны, и даже комитета общественной безопасности, по распоряженію котораго разстрѣляны были заложники. Впрочемъ, внимательное изученіе настроенія сельскаго населенія показываетъ, до какой степени нелѣпы тревоги реакціонеровъ. Непоколебимый консерватизмъ этого населенія способенъ залить водой всякіе горячіе матеріалы, накопившіеся въ средѣ городскаго пролетаріата и увлечь крестьянина, такъ-называемыми утопіями и идеологіей далеко не легко. Наполеоновъ же у насъ къ счастію не предвидится...

Занятія обѣихъ палатъ идутъ своимъ чередомъ. Въ сенатѣ проведенъ былъ въ первомъ чтеніи, и, по всей вѣроятности, будетъ принятъ во второмъ, проэктъ преобразованія уголовнаго слѣдствія, о которомъ я упоминалъ въ послѣдней хроникѣ. Палата, послѣ двухъ довольно интересныхъ засѣданій, приняла проэктъ Накэ о разводѣ. Большую поддержку оказали этому проэкту бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Марсеръ и бывшій полицейскій префектъ Леонъ Рено, придавши ему «оппортюнистскій» оттѣнокъ.

Депутаты приняли почти безъ преній проэктъ отмѣны такъ-называемыхъ рабочихъ книжекъ, бывшихъ предметомъ постоянныхъ жалобъ рабочихъ, въ теченіи столь долгихъ лѣтъ. Законъ, ограждающій права «агентовъ-комиссіонеровъ» желѣзно-дорожныхъ обществъ, хотя и принятъ, но въ слишкомъ измѣненномъ видѣ, и не въ пользу этихъ агентовъ. Вопросъ объ употребленіи коронныхъ бриллiантовъ, нынѣ безполезныхъ, наконецъ, рѣшенъ. Предложеніе гг. Ферри и Антонена Пруста, клонившееся къ тому, чтобы 8-ми или 10-ти милліонная сумма, которую предполагаютъ выручить отъ продажи этихъ драгоцѣнностей, была предоставлена въ распоряженіе общественныхъ музеевъ, было отвергнуто. Этотъ фондъ пойдетъ на основаніе «кассы вспомоществованія инвалидамъ труда», что неминуемо должно привести къ учрежденію пенсій рабочимъ или страхованію отъ всевозможныхъ опасностей, грозящихъ человѣческой жизни.

Палата также рѣшила, а сенатъ утвердилъ снесеніе развалинъ Тюльерійскаго дворца, на мѣстѣ котораго могутъ быть построены галлереи, служащія продолженіемъ Лувра.

Палата проявила весь свой радикализмъ, при рѣшеніи вопроса о судебной присягѣ, которая вполнѣ снята съ религіозной почвы, вмѣсто того, чтобы быть предоставленной на выборъ присяжныхъ и свидѣтелей, какъ это предлагалось въ министерскомъ проэктѣ. Отнынѣ никто не обязанъ будетъ клясться именемъ

Digitized by Google

Бога, а лишь «честью и совѣстью». Къ великому скандалу набожныхъ людей, всякая религіозная эмблема устранена изъ залы судовъ.

Судебная реформа, выработываемая съ 1875 г., заняла палату депутатовъ отъ 30-го мая до 10-го іюня. Результатомъ преній было отрицаніе всѣхъ предложенныхъ собранію проэктовъ. 293 голосами противъ 192 вотировали уничтоженіе несмѣняемости и 275 противъ 208 избираемость судей. Хранитель государственной печати, г. Гюмберъ, не желая вызывать кризиса въ кабинетѣ Фрейсинэ своей отставкой, взялъ мѣсячный отпускъ.

Но комиссія увидѣла себя въ крайне затруднительномъ положеніи, когда дѣло дошло до примѣненія принципа избираемости. Этотъ вопросъ такъ и будетъ оставленъ безъ рѣшенія настоящей сессіей, и прежняя клерикально-монархическая магистратура сохранитъ свои мѣста.

Заявленіе о необходимости воздвигнуть на Монмартскомъ холмѣ церковь «Святого сердца», въ ознаменованіе побѣды церкви надъ французской революціей, было одною изъ крупныхъ дерзостей клерикально-монархическаго версальскаго собранія. Несмотря на возраженія министра Гобле, замѣтившаго, что для этого потребуется около 15 милліоновъ, палата депутатовъ рѣшила отмѣнить законъ о постройкѣ этого господствующаго надъ Парижемъ іезуитскаго капища и снести храмъ съ Монмартра.

Почти единогласно, за исключеніемъ какихъ-нибудь пятидесяти голосовъ, приняло было рѣшеніе о преслѣдованіи продажи, распространенія, выставки, наклейки или раздачи на улицѣ сочиненій, листковъ и изображеній непристойнаго содержанія. Эта мѣра нравственной ассенизаціи невольно заставляетъ вспомнить о многихъ и многихъ язвахъ современнаго Вавилона, которыя ждутъ врачеванія, а пока продолжаютъ разъѣдать его организмъ...

Я уже сообщилъ о столкновеніяхъ между студентами и такъ называемыми «souteneurs de filles», тянувшихся цѣлые мѣсяцы въ латинскомъ кварталѣ, преимущественно въ увеселительномъ заведеніи bal Bullier и въ другихъ мѣстахъ того же рода на Сенъ-Мишельскомъ бульварѣ и улицѣ Сенъ-Жакъ. Всѣ считали эти ссоры затихшими, какъ вдругъ 26-го и 27-го мая онѣ вспыхнули съ новой силой. Въ первый день, въ то время, какъ играла музыка республиканской гвардіи, внезапно раздались крики: «A bas les maquereaux!» (*maquereau*, презрительная кличка, данная парижскимъ простонародіемъ людямъ, живущимъ на счетъ проституціи).

Человѣкъ шесть было побито, а одинъ изъ нихъ, который, какъ потомъ оказалось, вовсе и не принадлежитъ къ постыдной корпораціи, былъ брошенъ въ бассейнъ, находящійся передъ зданіемъ сената. Завязалась довольно горячая борьба съ полиціей.

Digitized by Google

На слѣдующій день столкновеніе съ полиціей возобновилось при выходѣ изъ bal Bullier и сдѣлалось почти кровавымъ на Сенъ-Мишельскомъ бульварѣ и на улицѣ Monsieur le Prince, продолжаясь до четырехъ часовъ утра. Убитыхъ не было, но число раненыхъ было значительно, и полиція въ лицѣ старыхъ служакъ напомнила блаженныя времена имперіи, когда у городскихъ сержантовъ были такіе здоровые кулаки и au naturel, и въ усовершествованномъ видѣ. Спокойствіе могло быть возстановлено только благодаря вмѣшательству самихъ студентовъ, жалобы которыхъ были затѣмъ приняты къ свѣдѣнію префектомъ полиціи Камескассомъ, который замѣнилъ полицейскую стражу въ упомянутомъ заведеніи республиканской гвардіей. Судъ исправительной полиціи также весьма мягко отнесся къ студентамъ, а въ муниципальномъ совѣтѣ и палатѣ депутатовъ была поднята цѣлая буря въ ихъ защиту.

Въ муниципальномъ совѣтѣ полицейскій префектъ потребовалъ отсрочки запроса, который намѣревался ему сдѣлать 2-го іюля Ивъ Гюйо, по той причинѣ, что прямой начальникъ его, министръ внутреннихъ дѣлъ, долженъ былъ самъ отвѣчать на подобный же запросъ, въ палатѣ депутатовъ. Совѣтъ не согласился отложить пренія. Онъ принялъ большинствомъ 40 голосовъ противъ 7 (на 80 вотировавшихъ) пространно мотивированный очередной порядокъ, клеймившій насилія полицейскихъ агентовъ, приглашая правительство подвергнуть ихъ изслѣдованію и пользуясь случаемъ лишній разъ констатировать необходимость превращенія полиціи въ муниципальное учрежденіе. Такъ какъ такого рода очередной порядокъ превышаетъ компетентность мѣстнаго собранія, то президентъ республики не замедлилъ издать декретъ, въ которомъ объявилъ его не имѣющимъ никакой силы.

6-го числа, въ палатѣ, депутатъ де-Лонессонъ сдѣлалъ запросъ отъ имени парижскихъ депутатовъ. Изложивъ съ бо́льшею обстоятельностью и ясностью всѣ насилія, которыя позволила себѣ полиція, по отношенію къ студентамъ, онъ заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: «Безъ сомнѣнія, въ латинскомъ кварталѣ были совершены поступки, заслуживающіе порицанія, но они все-таки не оправдываютъ дѣйствій полиціи; молодые люди могутъ увлечься, но власти ни въ какомъ случаѣ не должны отдавать приказаній, подобныхъ тѣмъ, которыя были ими отданы. Невозможно оправдать прадварительную отправку полицейскихъ агентовъ, скрывавшихся въ тѣни нѣкоторыхъ улицъ, ихъ вооруженное нападеніе на прохожихъ, безъ всякаго вызова со стороны этихъ послѣднихъ, ихъ вторженіе въ частныя жилища и насилія надъ личностями... Находитъ ли возможнымъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ принять на себя отвѣтственность за подобныя дѣйствія?»

Гоблэ отвѣчалъ, что еслибы онъ имѣлъ поводъ порицать префекта полиціи, то уже смѣнилъ бы Комескасса. Далѣе за-

Digitized by Google

мѣтилъ, что нѣкоторые изъ приведенныхъ де-Лонессономъ фактовъ преувеличены. Не отрицая, однакоже, всѣхъ насилій, онъ объявилъ что: «вообще говоря, полиція исполнила свою обязанность, обязанность тяжелую, относительно которой не приходится ослаблять ее и лишать мужества; что касается отдѣльныхъ, заслуживающихъ порицанія поступковъ, то администрація констатируетъ ихъ и накажетъ виновныхъ; прежде всего необходимо, чтобы порядокъ уважался всѣми.

Полиція должна быть вѣжливой и привѣтливой, но въ то же время твердой, и именно такого образа дѣйствій держалась она за послѣдніе десять лѣтъ. Студенты подверглись весьма легкимъ взысканіямъ; слѣдуетъ надѣяться, что они не возобновятъ прискорбныхъ безпорядковъ; если полиція заставляетъ рабочихъ уважать порядокъ въ ту минуту, когда они склонны увлечься за предѣлы благоразумія, движимые своимъ интересамъ, то она *съумѣетъ заставить и буржуа уважать этотъ порядокъ*».

Заявленіе порицанія, предложенное де-Лонессономъ, было отклонено простымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ, который вотировался поднятіемъ рукъ, даже безъ баллотировки.

Нѣсколько дней спустя, по произведеніи административнаго слѣдствія, префектъ полиціи понизилъ чиномъ одного полицейскаго агента, за превышеніе власти, временно отставилъ отъ должности четверыхъ, исключилъ изъ службы двоихъ и подвергъ взысканію одного. Замѣтимъ кстати, что начальникъ персонала городской полиціи, Кобэ, бывшій членъ муниципальнаго совѣта, старый республиканецъ и позитивистъ, долгое время состоявшій въ качествѣ такъ-называемаго gérant при журналѣ, редактированномъ Литтрэ и Вырубовымъ, и человѣкъ несомнѣнной честности. Не его вина, что предшествовавшія управленія оставили ему въ наслѣдство плохіе элементы. Онъ воспользовался происшествіемъ въ Латинскомъ кварталѣ, чтобы отъ нихъ избавиться. Вотъ почему палата депутатовъ и муниципальный совѣтъ, довѣряя благонамѣренности и способности, Кобэ и Камескасса, всегдашняго заступника за студентовъ еще во время имперіи, не стали доводить дѣла до конца.

Въ текущемъ мѣсяцѣ окончены въ сенскомъ гражданскомъ и въ сартскомъ ассизномъ судахъ надѣлавшіе не мало шума процессы герцогинь де-Шеврёзъ и де-Шонь, которыми такъ усердно занималась парижская великосвѣтская печать съ сентября 1881 года. Около этого времени герцогиня де-Шонь (Chaulnes), вдова герцога этого имени, сдѣлала попытку похищенія собственныхъ дѣтей, находившихся съ согласія властей у ея свекрови, гж-и де-Шеврёзъ. Еще ранѣе имя г-жи Шонь прогремѣло на бульварахъ, вслѣдствіе происшестія съ хроникеромъ Шоллемъ, избитымъ въ Café Riche за разсказанную имъ въ одной изъ парижскихъ газетъ легенду о торжественномъ сознаніи женщины въ прелюбодѣяніи, вынужденномъ мужемъ стараго покроя и про-

Digitized by Google

исходившемъ въ нѣкоемъ замкѣ и въ присутствіи всей домашней челяди. Не менѣе знаменита и другая героиня процесса, г-жа де Шеврёзъ. Во время приведенія въ исполненіе декретовъ противъ конгрегацій, эта почтенная дама прославилась ожесточенной защитой бенедиктинцевъ. Во главѣ набожныхъ свѣтскихъ защитниковъ этихъ монаховъ, она бросилась на префекта и собственноручно, именитой рукой, дала пощечину жандарму!

Въ апрѣлѣ 1875 года, сынъ этой набожной и нервной особы, герцогъ де-Шонь, женился по любви на княжнѣ Софьѣ Голицыной, шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, блиставшей необыкновенной красотой. Привязанность супруговъ могла бы сдѣлаться взаимной, еслибы свекровь не старалась вмѣшиваться въ ихъ отношенія и властвовать надъ юной парой. Наконецъ, герцогъ умираетъ отъ чахотки въ концѣ прошлаго года, а герцогиня де-Шеврёзъ присваиваетъ себѣ его двухъ дѣтей и ихъ многомилліонное состояніе. Еще при жизни герцога, ей удалось въ октябрѣ 1880 г. заставить молодую герцогиню подписать два письма, въ одномъ изъ которыхъ говорилось: «Я прошу прощенія у моего мужа и предоставляю себя его власти!» А въ другомъ: «Поручаю дѣтей... и отказываюсь отъ нихъ!» Это сознаніе и уступка кому-то дѣтей были вынуждены мужемъ при помощи револьвера и въ присутствіи двухъ бенедиктинскихъ монаховъ, обычныхъ спутниковъ его набожной матери. По истинѣ, сцена изъ мелодрамы «Тайны Инквизиціи». Пока угасалъ чахоточный герцогъ, была подана отъ его имени просьба о разводѣ, и одновременно съ тѣмъ начатъ встрѣчный искъ его женою. Но уже въ іюнѣ 1881 года было получено отъ предсѣдателя сенскаго суда предписаніе о временномъ предоставленіи дѣтей на попеченіе отца, съ правомъ матери, видѣться съ ними три раза въ недѣлю. Г. де-Шонь умираетъ, а г-жа де-Шеврёзъ получаетъ отъ флешскаго суда разрѣшеніе удержать при себѣ внуковъ. Семейный совѣтъ, созванный въ Парижѣ подъ предсѣдательствомъ мирового судьи 7-го округа, подтверждаетъ за ней это право и лишаетъ опеки г-жу де-Шонь. Вслѣдъ затѣмъ, мать дѣлаетъ попытку похищенія своихъ дѣтей, между тѣмъ, какъ свекровь обращается къ сенскому гражданскому суду съ просьбой о санкціонированіи рѣшенія семейнаго совѣта. Похищеніе не удалось и молодая женщина обратилась къ суду общественнаго мнѣнія, стараясь расположить его въ пользу своихъ материнскихъ требованій путемъ цѣлаго ряда статей, помѣщенныхъ въ газетѣ «Voltaire». «Evénement» отрицалъ справедливость нѣкоторыхъ изъ увѣреній «Voltaire», что заставило герцогиню написать главному редактору этой газеты письмо слѣдующаго содержанія: «Обращаюсь къ вашему великодушію и чувству справедливости. Думаете ли вы, что справедливо разлучать съ дѣтьми, изъ которыхъ одному 5, а другому 3 года, молодую 23-нюю мать, которую не заклеймилъ и

Digitized by Google

не нашелъ недостойною ни одинъ судья? Эта мать — я. Эти дѣти находились подъ попеченіемъ своихъ родителей. Ихъ отецъ умеръ, онѣ принадлежатъ матери, онѣ мои. Ихъ не отнимутъ у меня. Это вещь не слыханная. Я буду терпѣть, бороться, я перенесу всѣ муки матери, разлученной съ дѣтьми. Но Богъ и добрые люди за меня. Я обращусь ко всѣмъ судамъ, я пойду всюду требовать возвращенія мнѣ дѣтей и рано или поздно найду судей, которые скажутъ: «Супруга и мать чиста отъ всякаго нареканія; отецъ умеръ, дѣти принадлежатъ матери».

Еще до слушанія дѣла въ судѣ, печать много занималась имъ. Наконецъ, выступила и адвокатская защита. Адвокатомъ г-жи Шеврёзъ явился Бетоланъ, г-жи Шонь Дюрье. Первое дѣло (въ сартскомъ судѣ) началось 25-го апрѣля. Второе (въ парижскомъ) 9-го мая. Окончены онѣ только въ іюнѣ.

Гражданскій судъ подтвердилъ лишеніе молодой герцогини права опекунства надъ ея дѣтьми, признавъ подлинность сознанія, заключающагося въ вышеуказанныхъ, подписанныхъ ея рукою, письмахъ отъ 5-го октября 1879 г. и отрицая возможность насилія надъ особой, «со столь энергическимъ характеромъ». Клерикальные судьи съ большею ловкостью поставили на видъ различные мелкіе случаи, въ которыхъ, по мнѣнію набожной г-жи де-Шеврёзъ, проявлялось легкомысліе невѣстки. Наконецъ, они постановили, что истица совершенно неосновательно считаетъ себя жертвою споліаціи, такъ какъ лишеніе права опеки не отнимаетъ у нея права законнаго пользованія имуществомъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Вопросъ о томъ, на чьемъ попеченіи должны находиться эти малолѣтніе, былъ оставленъ въ сторонѣ на томъ основаніи, что о немъ не было упомянуто въ рѣшеніи семейнаго совѣта.

На другой день послѣ суда, «Voltaire» получилъ письмо, въ которомъ г-жа де-Шонь горячо благодарила редакцію этой газеты за все, для нея сдѣланное: «Я просила слѣдствія, говорилось въ концѣ письма:—но судьи отказали мнѣ въ немъ и, не выслушавъ меня, обвиняютъ въ явномъ дурномъ поведеніи. Но гдѣ же эта очевидность? Чѣмъ доказано мое дурное поведеніе? Вѣрятъ на слово г-жѣ де-Шеврёзъ, особѣ наиболѣе заинтересованной и наименѣе доброжелательной. Впрочемъ, я этого ожидала... Она нисколько не заботится о чести дѣтей своего сына, она покрываетъ ихъ позоромъ, лишь бы удовлетворить свою ненависть и распоряжаться ихъ милліонами, къ которымъ я отношусь съ полнымъ равнодушіемъ. Я буду бороться до послѣдней капли крови, чтобы отвоевать дѣтей моихъ».

Сообщники и виновники неудавшагося похищенія дѣтей бѣжали ранѣе. Бельгіецъ Бремакеръ былъ задержанъ властями своей страны, а дѣвица Эмма Довилье, также арестованная, была освобождена по окончаніи слѣдствія, по недоказанности преступленія. Передъ сартскимъ ассизнымъ судомъ явился только молодой человѣкъ, по имени Жоржъ Гюйо, обвиняемый въ томъ,

Digitized by Google

что 18-го марта 1882 г. пытался обманомъ или насиліемъ похитить двухъ дѣтей, при чемъ у него отобрано запрещенное оружіе, а именно: карманный револьверъ.

Г-жа де-Шеврёзъ разсказала на судѣ, какимъ образомъ она была извѣщена преданными слугами о подкупѣ лакея и няньки своихъ внуковъ, получившихъ изъ рукъ Гюйо по 1,000 франковому билету. Это показаніе произвело самое неблагопріятное впечатлѣніе на публику. Напротивъ, показаніе г-жи Шонь было бы прервано самыми громкими заявленіями сочувствія, еслибы предсѣдатель не погрозилъ велѣть очистить залу. Молодая женщина заявила, что виновна она одна, хотя ея и не обвиняютъ. Она рѣшительно отрицала фактъ подкупа, говоря, что не деньги заставили Гюйо и другихъ помогать въ этомъ дѣлѣ, но что она должна же была покрыть издержки такого сложнаго и щекотливаго предпріятія.

— Слѣдовательно, вы принимаете отвѣтственность за случившееся? спросили ее.—Безусловно. Я была разлучена съ дѣтьми. Я хотѣла имѣть ихъ около себя, я мать имъ, вотъ и все!—Но, возражаетъ прокуроръ:—вѣдь вы имѣли возможность видѣть вашихъ дѣтей; почему же вы не пользовались ею?—Я была больна, я не могла выходить.. Но еслибы и могла, то не хотѣла, потому что дѣтей пришлось бы приводить въ жалкое помѣщеніе и видѣться съ ними въ присутствіи свидѣтелей. Это было бы слишкомъ грустно для нихъ. Все, что я имъ говорила, перетолковывалось. Это было причиной вѣчнаго огорченія для нихъ; они были нѣсколько разъ больны, вслѣдствіе этихъ свиданій. И какая мать удовлетворилась бы такими свиданіями?

Присяжные совѣщались только нѣсколько минутъ и вынесли оправдательный вердиктъ, встрѣченный горячими рукоплесканіями присутствующихъ. Такимъ образомъ, г-жу Шонь поощрили на новыя попытки похищенія своихъ младенцевъ. Но и г-жа де-Шеврёзъ со своими св. отцами бенедиктинцами не дремлетъ и, конечно, приметъ мѣры къ тому, чтобы ихъ не легко было найти.

Едва перестала заниматься публика этимъ великосвѣтскимъ скандаломъ, какъ на смѣну ему явился новый, изъ буржуазнаго міра: аптекарь Оберъ былъ убитъ въ загородномъ домикѣ, въ Шату, бывшимъ хозяиномъ своимъ Фанейрономъ, при сообщничествѣ любовницы этого послѣдняго, жены Обера и брата убійцы.

Трупъ былъ раздѣтъ до нага, забитъ въ свинцовую трубу и брошенъ въ Сену. Онъ всплылъ только потому, что труба была недовольно хорошо закупорена. Дѣло объ этомъ убійствѣ будетъ разбираться въ сенскомъ окружномъ судѣ въ іюлѣ.

Подробности убійства въ Шату, передаваемыя репортерами и обнаруженныя судебнымъ слѣдствіемъ, поглощаютъ вниманіе большинства читателей парижскихъ газетъ въ несравненно сильнѣйшей степени, чѣмъ египетскія дѣла.

Но оставимъ эти ужасы и перейдемъ къ свѣтлой области литературы и искуства!

Digitized by Google

III.

Литература, театры, искуство: «Торквемада», драма Виктора Гюго.—«Denis Papin», Фигье. — «C'est la loi!», Кликэ. — Возобновленіе представленій пьесы Жоржъ-Занда «Le Pressoir». — Еще о выставкѣ художественныхъ произведеній.—Новый музей восковыхъ фигуръ.

Театры закрыты, по случаю лѣтняго сезона, и Викторъ Гюго выбралъ именно эту минуту для появленія въ свѣтъ своей совершенно неудобной для сцены драмы.

«Торквемада», эпопея въ пяти дѣйствіяхъ, изъ которыхъ одно занято прологомъ, задумана авторомъ еще въ 1856 г. въ изгнаніи, на островѣ Джерсеѣ. Мысль этого произведенія внушена поэту слѣдующими словами посланія св. апостола Павла: «Сила любви христіанской такъ велика, что выраженіе ея превосходитъ порою силы человѣческія; такъ мать христіанка предпочтетъ видѣть дочь свою пожираемой пламенемъ предъ глазами своими, но не лишенной благодати, чѣмъ видѣть ее еретичкой и предназначенной для вѣчнаго огня».

Величайшій поэтъ нашего вѣка, сдѣлалъ изъ типа инквизитора, опустошителя Испаніи, бросавшаго на костеръ сотни и тысячи евреевъ, мавровъ и уличенныхъ въ ереси христіанъ — сентиментальнаго фанатика. Влюбленныя дѣти: донъ Санхо де-Салинасъ и донья Роза Ортецъ, случайно спасли его отъ вѣрной смерти въ могилѣ, куда замуровали его по приказанію епископа ургельскаго, какъ неудобнаго и опаснаго фанатика. Онъ доказываетъ имъ свою благодарность, вырывая молодую дѣвушку изъ сѣтей сластолюбиваго короля Фердинанда, и спасая юношу (котораго заговорщики хотятъ сдѣлать королемъ Бургоса) отъ честолюбія объединителя Испаніи. Но уплативъ долгъ личной благодарности, онъ узнаетъ, что для его спасенія, легкомысленные молодые люди совершили святотатство: они сняли съ могилы неприкосновенную святыню — крестъ, и пользовались ею какъ простымъ орудіемъ, чтобы отвалить камень съ той ямы, куда ввергли его самого. За такое преступленіе ихъ неминуемо ждетъ гіенна огненная. И вотъ, вмѣсто того, чтобы помочь имъ перебраться во Францію, гдѣ они соединились бы священными узами брака и народили бы множество христіанъ, онъ приходитъ къ убѣжденію, что только земной огонь въ состояніи спасти этихъ несчастныхъ отъ вѣчнаго горѣнія въ преисподней. Вокругъ этой интриги развертываются, какъ въ старыхъ драмахъ романтической школы, фантастическо-историческія сцены, противорѣчащія одна другой. Есть могучіе эффекты и множество прекрасныхъ тирадъ въ стихахъ, порою нѣжныхъ, порою ужасныхъ, иногда нелѣпыхъ и часто дѣйстви-

Digitized by Google

тельно высокихъ, которыя плѣняютъ воображеніе, но мутятъ разсудокъ.

Я не почитатель реализма «Нана» и «Pot Bouille», но сознаюсь, что нисколько не чувствую себя упоеннымъ этой неестественной идеализаціей бандита церкви, бѣшенаго сумасброда, надъ которымъ нѣтъ никакой нравственной необходимости умиляться заднимъ числомъ и разъясненіе личности котораго, еслибы оно было вѣрно, могло бы имѣть лишь самыя плачевныя послѣдствія для общественной и личной совѣсти. Побережемъ наше сочувствіе и участіе для кого-нибудь другого, вмѣсто этого инквизитора и зажигателя костровъ. Будемъ лучше его ненавидѣть, какъ ненавидимъ костры и фанатизмъ! Будемъ наслаждаться прекрасными стихами, но не станемъ вдаваться въ обманъ, принимая поэта за историка, тѣмъ менѣе за философа. Въ концѣ концовъ «Торквемада», несмотря на свои литературныя достоинства, могъ бы показаться необыкновеннымъ произведеніемъ развѣ между 1825 и 1840 годами, т. е. во время искуства для искуства. Французская печать, впрочемъ, единодушно восхищается имъ, изъ уваженія къ генію восьмидесяти-лѣтняго автора. Сомнѣваюсь, чтобы такая піэса могла держаться на народномъ театрѣ. Лѣтъ черезъ десять, а можетъ быть и въ будущемъ году, интересоваться ею станутъ развѣ ученые библіофилы, которые, безъ сомнѣнія поставятъ ее значительно ниже анти-натуралистическаго и также не удобоиграемаго «Кромвелля».

На противоположномъ полюсѣ интеллигентнаго міра, также новинка: въ театрѣ «Gaîté» даютъ «научную» драму въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ сочиненія Луи Фигье, извѣстнаго фельетониста-популяризатора механическихъ, физическихъ, химическихъ и другихъ открытій. Драма носитъ названіе «Папенъ, иль открытіе дѣйствія пара». Авторъ не озаботился заручиться содѣйствіемъ metteur en scène, въ родѣ г. Деннери, которому обязанъ успѣхомъ своихъ географическихъ фантазій Жюль Вернъ. При сотрудничествѣ, вѣроятно, жены своей, написавшей нѣсколько небольшихъ пьесокъ для театра «Vaudeville», Фигье придумалъ слѣдующую, немного наивную завязку: Денисъ Папенъ, принужденъ бѣжать въ Лондонъ, вслѣдствіе отмѣны Нантскаго эдикта; въ Лондонѣ онъ женится, но вскорѣ бросаетъ жену и сына и отправляется въ Германію, съ цѣлью произвести тамъ первую пробу дѣйствія пара. Судно, на которомъ онъ плыветъ по Везеру, безъ паруса и весла, подвергается нападенію и разрушается какими-то полудикарями; дочь, которую онъ взялъ съ собою, умираетъ на рукахъ отца. Онъ въ отчаяніи. Далѣе приходится ему узнать, что жена и сынъ его погибли въ Лондонѣ во время пожара. Онъ возвращается туда и узнаетъ, что изобрѣтеніе эксплуатируется какимъ-то кузнецомъ, въ которомъ онъ узнаетъ своего сына, чудесно-спасеннаго отъ смерти во время катастрофы. Отецъ не подаетъ вида, что узналъ сына. Въ ту минуту, какъ приступаютъ къ испытанію паровой водокачальни,

Digitized by Google

которая должна доставить жителямъ англійской столицы воду Темзы, Папенъ появляется и, бросившись къ предохранительному клапану, предотвращаетъ взрывъ машины, получаетъ жестокія обжоги, но открывается сыну и изобрѣтеніе спасено. Постановка, которая могла быть блестящею, довольна посредственна. Но если чисто-сценическая часть плоха, то механическія объясненія обличаютъ искуснаго лектора. Къ сожалѣнію ихъ мало слушаютъ, такъ какъ онѣ прерываютъ дѣйствіе. Исполненіе вполнѣ удовлетворительно, и добрая половина залы занята лѣтнею публикой. Рецензенты, къ удивленію, отнеслись безъ малѣйшей ироніи къ почтенному предпріятію Фигье.

Бывшій нотаріусъ Мари Кликэ поручилъ молодому актёру Морису Симону, нанявшему залу Клюни на лѣтнее время, составить летучую труппу и поставить пьесу его собственнаго сочиненія: «C'est la loi», въ которой вопросъ о разводѣ освѣщается не съ буржуазной, а съ народной точки зрѣнія. Мы видимъ рабочаго-типографщика, который будучи брошенъ женой, сходится съ бѣдной обольщенной дѣвушкой. У нихъ родится дочь. Они счастливы. Но въ ту минуту, какъ Ренодэ долженъ получить наслѣдство, его недостойная «законная» жена возвращается, изгоняетъ «наложницу» и водворяется въ жилищѣ мужа. По счастію она отравляется ядомъ, приготовленнымъ ею для Ренодэ и посѣтители верхнихъ галлерей театра Клюни расходятся по домамъ съ облегченнымъ сердцемъ.

Въ «Vaudeville» возобновили пасторальную фантазію Жоржъ-Зандъ «Le Pressoir». Двѣ другія пьесы ея въ томъ же родѣ «François le Champi» и «Claudie» до сихъ поръ держатся на провинціальныхъ сценахъ нашихъ.

«Pressoir» построенъ, какъ извѣстно, на торжествѣ дружбы надъ любовью. Дѣвица Лего прелестна въ роли крестьянки; такъ и кажется, что она выскочила изъ картины Грёза. Ея обожателей играютъ: Бертонъ и Вольнисъ, превосходно исполняющіе дуэтъ борящейся и, наконецъ, побѣжденной дружбы.

Изъ другихъ заслуживающихъ вниманія возобновленій, упомяну о возобновленіи «Іосифа Прекраснаго» Мегюля, котораго поставили на сценѣ «Комической Оперы». Въ новыхъ фарсахъ и водевиляхъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ недостатка нѣтъ, какъ и всегда. Скабрёзный оттѣнокъ преобладаетъ въ нихъ и, порою, скандализируетъ, даже, всего наслушавшихся и насмотрѣвшихся рецензентовъ, оказывающихся, въ этомъ случаѣ, менѣе снисходительными, чѣмъ публика.

Художественная выставка закрылась 20-го іюня. Предѣлы моего письма не позволяютъ вернуться къ ней, хотя салонъ нынѣшняго года и представляетъ не мало замѣчательнаго. Упомяну только, что въ 1882, такъ же, какъ и въ 1881 году 12,000 франковъ, даваемые на окончаніе образованія поѣздкой въ Италію на три года присуждены скульптору, а именно Лонценіэ, молодому человѣку, лѣтъ 30 съ небольшимъ.

Digitized by Google

5-го іюня, мы имѣли случай любоваться въ помѣщеніи тюльерійской оранжереи на великолѣпные два плафона, заказанные Полю Бодри однимъ американскимъ ультрамилліонеромъ. Вмѣстѣ съ плафонами выставлены были медальоны и другія украшенія, заказанныя герцогомъ Омальскимъ для его замка въ Шантильи, а также нѣсколько портретовъ, изъ которыхъ особенно хороши портреты Гизо, Бёлэ и Мадлены Броганъ.

Въ тотъ же день происходило торжественное открытіе на Монмартрскомъ бульварѣ, «музея восковыхъ фигуръ Гревена». Весь парижскій high life явился сюда, платя по 10 франковъ за входный билетъ; вырученныя деньги пойдутъ на благотворительныя цѣли. Этотъ музей будетъ французскимъ конкурентомъ знаменитаго лондонскаго музея Тюссо. Гревенъ—художникъ и парижанинъ до мозга костей. Особенно извѣстенъ онъ мастерскими изображеніями, такъ называемыхъ «petites dames». Въ расположеніи восковыхъ фигуръ онъ проявилъ весь свой умъ и всю свою вѣрность дѣйствительности. Сюжеты вполнѣ современны. Вотъ передъ нами «*фойе Comedie française во вторникъ*». Узнаемъ Делонэ, m-lle Самари, Кокелена старшаго, Александра Дюма, Сарду, Мунэ Сюлли, Кокелена младшаго, Эдмона Польерона, Фебвра, m-lle Бартэ, Мадлену Броганъ и Го, разговаривающихъ съ генераломъ Галифэ. Идемъ далѣе и останавливаемся предъ генераломъ Скобелевымъ подъ Плевной. Вотъ Лессепсъ, показывающій своей маленькой дочери глобусъ и всѣ прорытые и подлежащіе прорытію перешейки. Викторъ Гюго работаетъ въ уединеніи своего кабинета, а неподалеку отъ него Луиза Мишель, въ черномъ платьѣ и красномъ галстухѣ, говоритъ рѣчь, которую стенографируетъ Марія Феррэ. Далѣе, Грэви спокойно и важно сидитъ въ своей библіотекѣ, а тамъ на трибунѣ палаты депутатовъ, виднѣется громадная фигура Гамбетты, приподнимающагося справа Поля де-Кассаньяка, удерживаемаго епископомъ Фреппелемъ и Жюлье де-ла Моттомъ. Бриссонъ предсѣдательствуетъ. Тони Ревильонъ улыбается, Флокэ споритъ съ Жюлемъ Ферри, а Нокэ бесѣдуетъ съ Клемансо. И вдругъ мы очутились у «Гаттейнскаго свиданія», въ средѣ императоровъ: Вильгельма и Франца-Іосифа, пожимающихъ другъ другу руки, эрцгерцога Альбрехта, фельдмаршала Мольткэ, Бисмарка и графа Андраши.

Въ противоположность съ этими серьёзными сценами, по самой серединѣ главной залы поставлена группа, названная «Весь Парижъ у Гревена». Здѣсь около двадцати фигуръ: живописецъ, дѣлающій набросокъ карандашемъ съ танцовщицы, стоящей на табуретѣ; парижская кокотка, завязывающая ленты своей шляпки передъ зеркаломъ psyché, послѣ сеанса у художника; Сарсэ и редакторъ «Charivari», Пьеръ Веронъ, любуются какой-то актрисой, играющей на билліардѣ. Гуно и Массенэ у фортепіанъ, Анри Рошфоръ съ газетой въ рукахъ. Журналисты: Альберъ Вольфъ и Шолль разговариваютъ съ живописцами, оставляя

Digitized by Google

Эмиля Золà раздумывать въ уединеніи о своемъ «Pot Bouille». Тутъ же видимъ Жюдикъ въ ея «buen retiro» въ театрѣ «Variétés», Сару Бернаръ, занятую лѣпкой бюста Эмиля де-Жирардена. Наконецъ, парижанку, наливающую чай тремъ пріятельницамъ, изъ которыхъ каждая представляетъ весьма удачно схваченный типъ. Пройдя мимо Бу-Амемы, проповѣдующаго священную войну, мы подходимъ къ выставкѣ французскихъ солдатскихъ формъ, съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Затѣмъ, предъ нами «Полиція у нигилистовъ», которыхъ застаютъ за печатаніемъ прокламацій, «Убійство президента Гарфильда», «Погребеніе картезіанскаго монаха», наконецъ всѣ перипетіи преступленія: убійство, арестъ, очная ставка, судъ, одѣваніе къ казни и казнь: ничто не забыто, ни палачъ, ни священникъ ла-рокетской тюрьмы.

Будетъ ли имѣть музей Гревена тотъ успѣхъ, который имѣли первыя выставки восковыхъ фигуръ въ XVIII вѣкѣ, и починъ которыхъ принадлежалъ Курціусу? Придется часто мѣнять фигуры, такъ какъ эти вещи занимательно видѣть разъ, но во второй онѣ уже наскучаютъ. Предприниматели вполнѣ это понимаютъ и намѣрены принять это соображеніе къ свѣдѣнію, но это потребуетъ значительныхъ расходовъ.

Людовикъ.

Парижъ, 30-го іюня 1882 года.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Очерки и характеристики I. **Нѣмецъ и іезуитъ въ Россіи.** Сочиненіе *К. В. Трубникова.* Изданіе второе, дополненное главою подъ названіемъ: «Что дѣлать?» Спб. 1882.

Мы не помнимъ перваго изданія этой брошюры и даже допускаемъ, что его вовсе не было. По крайней мѣрѣ трудно понять слѣдующее заявленіе «отъ автора» во-*второмъ* изданіи: «Хотя нѣкоторые отрывки изъ этой книги (?) и были помѣщены въ газетахъ 1880 и 1882 гг., но они являются въ настоящемъ изданіи исправленными и значительно дополненными». Можетъ быть первымъ изданіемъ г. Трубниковъ считаетъ эти газетныя статьи? Это впрочемъ безразлично. Дѣло не въ счетѣ изданій, а въ ихъ содержаніи.

Г. Трубниковъ человѣкъ, искусившійся въ журнальномъ дѣлѣ. Въ теченіи 25 лѣтъ, какъ онъ сообщаетъ, онъ издавалъ семь газетъ и журналовъ («Журналъ для акціонеровъ», «Биржевыя Вѣдомости», «Вечерняя Газета», «Записки для чтенія», «Новое Время», «Финансовое Обозрѣніе» и «Телеграфъ»). Кое-что изъ этой издательской дѣятельности мы помнимъ. Одно время г. Трубниковъ даже какъ бы избралъ себѣ спеціальностью заводить газету, вслѣдъ за тѣмъ продавать ее, заводить новую и опять продавать. Это не мѣшало, однако, и не мѣшаетъ г. Трубникову пламенѣть самыми высокими чувствами. Лежащая передъ нами брошюра начинается слѣдующими словами: «Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью, въ рядѣ очерковъ, изъ которыхъ этотъ первый, приступить къ усиленію, насколько это возможно, органовъ печати, изыскивающихъ способы къ популяризаціи теоретическихъ и практическихъ выводовъ и данныхъ, доказывающихъ, что полнота общественной, глубина и достоинство личной жизни, возможны только при проникновеніи общества идеализмомъ».

Конечно, этотъ періодъ нѣсколько напоминаетъ вавилонскую башню въ моментъ ея разрушенія, но высота чувствъ г. Трубникова не подлежитъ никакому сомнѣнію. Спрашивается однако, почему же онъ, столь опытный и охочій издатель, только прикомандировываетъ себя теперь къ «органамъ печати, изыскивающимъ» и т. д., а не самъ заводитъ такой органъ? На это

Digitized by Google

есть весьма важныя причины. Г. Трубниковъ разочаровался въ своей доселѣшней литературной дѣятельности. Онъ уяснилъ себѣ, что «газеты не могутъ замѣнить книжной литературы, въ которой писатели готовятся болѣе или менѣе глубокими изслѣдованіями и долгимъ размышленіемъ». «Общественное мнѣніе, продолжаетъ нашъ авторъ: воспитанное подъ исключительнымъ вліяніемъ газетъ, стоитъ обыкновенно на низкой степени, заимствуя отъ нихъ свойственныя такой лихорадочной дѣятельности шаткость, раздражительность, неосновательность». Сознавъ это, г. Трубниковъ естественно долженъ былъ отрясти газетный прахъ отъ ногъ своихъ и предаться «глубокимъ изслѣдованіямъ и долгому размышленію». А предавшись этому почтенному занятію, онъ въ концѣ-концовъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ собрать свои газетныя статьи и издать ихъ отдѣльною брошюрою. Положимъ, что газетныя статьи остались газетными статьями, то есть тѣми именно твореніями, которыя плодятъ «шаткость, раздражительность, неосновательность». Но такъ какъ изъ нихъ все-таки слѣплена книга или брошюра, то онѣ являются уже въ этомъ видѣ плодомъ «глубокихъ изслѣдованій и долгаго размышленія».

Да не удивляется читатель нѣсколько непонятному ходу мыслей г. Трубникова. Особенность его брошюры въ томъ именно и заключается, что въ ней слова, факты, мысли играютъ въ чехарду. Игра же эта, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что играющіе не особенно граціозно прыгаютъ другъ черезъ друга, такъ что задній оказывается впереди, передній позади и т. д., доколѣ есть охота продолжать игру. Такая оригинальная конструкція произведенія г. Трубникова дѣлаетъ его весьма неудобопонятнымъ и мы должны откровенно признаться, что почти ничего въ немъ не поняли. Можетъ быть, читатель будетъ счастливѣе насъ, уразумѣвъ истинный смыслъ слѣдующаго «глубокаго изслѣдованія». Мы беремъ его на удачу, потому что все произведеніе во всѣхъ своихъ частяхъ одинаково проводитъ пословицу: была яма глубока, а теперь и дна не видно!

«Прочь, прочь отъ насъ эти идеи, эту язву христіанской Европы! Но если реалистическую и чувственную цивилизацію хотятъ намъ навязать путемъ насилія, т. е. тѣмъ средствомъ, которымъ она поддерживается въ Германіи, то намъ ничего не остается, какъ совершить благородное насиліе, вооружась противъ изувѣровъ, кто бы они ни были. «Мы отъ него, повторяемъ слово доблестнаго генерала, избавимся не иначе, какъ съ мечемъ въ рукахъ; борьба съ нѣмцемъ неизбѣжна и близка!» Намъ могутъ сказать, что «кровь и желѣзо» несовмѣстимы съ христіанскою доктриной, но прибѣгаютъ къ нимъ лишь націи, утратившія свои христіанскіе идеалы. Затѣмъ, скажутъ, мы преисполнены духомъ сомнѣнія въ солидности нашей матеріальной силы противъ германскаго Чингисхана. Эти сомнѣнія могутъ быть только въ той средѣ, которая не вѣруетъ въ присутствіе

Digitized by Google

Промысла въ жизни, когда въ глубинѣ души каждаго вѣрующаго слышатся явственные отвѣты настоящаго на вопросы прошедшаго, возстановляющіе смыслъ и правду въ жизни. Намъ нужно поднять силу религіознаго и національнаго самосознанія и, въ искупленіе нашихъ прежнихъ прегрѣшеній, держать мечъ въ рукахъ. А пока единственный мечъ, которымъ истинный христіанинъ долженъ пользоваться, который и врагомъ его можетъ быть съ нѣкоторымъ успѣхомъ обращаемъ, есть слово. Слово—предметъ внутренней духовной жизни; всѣ же внѣшнія проявленія политической жизни составляютъ область государственную, на неусыпномъ попеченіи которой лежитъ забота держать во всякое время готовымъ мечъ войны» (стр. 18, 19).

Если изъ этого глубокаго изслѣдованія постараться извлечь заключающееся въ немъ подобіе мысли, то все изслѣдованіе можетъ, кажется, быть замѣнено слѣдующими двумя строками: пусть русскіе публицисты ругаются съ нѣмцами, а русскіе солдаты пусть съ ними дерутся. Едвали, однако, надо было готовиться къ такому результату долгимъ размышленіемъ, и мы отнюдь не ручаемся, что вѣрно поняли мысль г. Трубникова. И наши сомнѣнія совершенно понятны въ виду той чехарды, въ которую играютъ у г. Трубникова «слово» и «мечъ».

Въ брошюрѣ есть очеркъ развитія философскихъ и соціальныхъ идей въ Европѣ, очеркъ краткій, но, какъ удостовѣряетъ самъ г. Трубниковъ, «основанный на серьёзныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ». Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, критику «утопистовъ въ родѣ Сенъ-Симона, Анфантена и ихъ послѣдователей: Руссо, Фурье, Прудона, Луи Блана» (стр. 34) Не будемъ разсуждать объ томъ, въ какой мѣрѣ всѣ эти люди другъ къ другу близки по существу своихъ идей, объ этомъ разговаривать по поводу брошюры г. Трубникова некогда, да и не стоитъ. Но вотъ обстоятельство, не требующее особенно глубокаго размышленія: Руссо родился въ 1712 г. и умеръ въ 1778; Анфантенъ родился въ 1776 г. и умеръ въ 1864; какимъ образомъ Руссо могъ быть послѣдователемъ Анфантена? Дѣло объясняется очень просто: Анфантенъ и Руссо играютъ въ чехарду, живописно прыгая другъ черезъ друга, и естественно, что каждый изъ нихъ находится поперемѣнно то впереди, то позади другого. По всей вѣроятности эта самая чехарда историческихъ лицъ, словъ, понятій, фактовъ и внушаетъ г. Трубникову чрезвычайную бодрость. Онъ рѣшительно торжествуетъ надъ кѣмъ или надъ чѣмъ-то побѣду и заявляетъ: «Теперь, въ короткое время, когда во главѣ государственнаго управленія поставлены истинно русскіе люди, все измѣнилось и мы съ вами, не опасаясь цензурной кары, пишемъ статьи, гдѣ свободно обсуждаемъ самый коренной, животрепещущій вопросъ о нѣмцахъ, о которыхъ прежде и заикнуться не было возможности» (стр. 56).

Въ самомъ дѣлѣ, теперь г. Трубниковъ совершенно свободно заикается, и если мы такъ долго занимали читателя его бро-

Digitized by Google

шюрой, то именно для того, чтобы показать, какъ заикается издатель-редакторъ семи газетъ и журналовъ.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе *Дмитрія Кобеко*. Спб. 1882.

Авторъ говоритъ въ послѣсловіи: «Смѣю надѣяться, что личность Цесаревича Павла Петровича представится безпристрастному читателю не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ изображаютъ ее иностранные историки, а съ ихъ голоса и нѣкоторые русскіе писатели. Даровитый, образованный, прямодушный, другъ порядка и законности, Цесаревичъ невольно привлекаетъ къ себѣ сочувствіе. Причины, подъ вліяніемъ которыхъ измѣнился его характеръ и вслѣдствіе которыхъ, по выраженію одного изъ преданныхъ ему людей, князя И. М. Долгорукаго, разсудокъ его былъ потемненъ, сердце наполнено жолчи и душа гнѣва, я старался, насколько то было возможно, выяснить».

Насколько то было возможно, авторъ достигъ своей цѣли. Нѣкоторыя страницы книги г. Кобеко (чисто фактической и даже суховатой по манерѣ изложенія) нельзя читать безъ глубокаго негодованія на ту массу развращающихъ и вмѣстѣ оскорбительныхъ условій, среди которыхъ протекла жизнь Павла Петровича до самаго воцаренія. Конечно, никакой гигантъ не вышелъ бы изъ этой житейской школы невредимымъ. Трудно даже сказать, каковъ былъ Павелъ Петровичъ отъ природы, потому что неблагопріятныя вліянія начались съ самого его рожденія. Пусть читатель просмотритъ, напримѣръ, страницы 40 и слѣд., 68, 100, 120 и слѣд. 280, 332, 341 и слѣд., 348, 358, 364. Новаго въ книгѣ г. Кобеко собственно мало, такъ какъ онъ заимствуетъ свѣдѣнія изъ печатныхъ источниковъ. Но эти свѣдѣнія впервые являются сгруппированными въ одно цѣлое, и притомъ старательною рукою. Оттого исторія развитія Павла получаетъ глубокій и истинно драматическій интересъ. Можно только пожалѣть, что книга немного дорога (3 р.), что объясняется приложенными къ ней тремя портретами, самого цесаревича и двухъ его супругъ.

Аракчеевщина. Сочиненіе *Н. Богославскаго*. Спб. 1882.

Есть люди экономные и есть люди расточительные. Г. Богославскій изъ расточительныхъ. Весьма скромныхъ цѣлей достигаетъ усиленными средствами и безразсчетно расточаетъ слова, слова и слова для внѣдренія читателю весьма скудной мысли. Мысль г. Богославскаго состоитъ въ томъ, что Аракчеевъ былъ человѣкъ не хорошій и сдѣлалъ много вреда. Какъ мысль, это, конечно, очень скудно, хотя, безъ сомнѣнія, фигура Аракчеева и картина всего того, что онъ натворилъ, достойны кисти мастера. Но г. Богославскій не мастеръ и въ добавокъ человѣкъ чрезвычайно расточительный. Отсюда и проистекаютъ два немаловажные недостатки его книги: во-первыхъ, необыкновенная скука, одолѣвающая читателя на первыхъ же страницахъ и препятствующая ему добраться до послѣднихъ; во-вторыхъ, отсутствіе

Digitized by Google

аракчеевщины. То есть, пожалуй, въ книгѣ фигурируютъ и самъ Аракчеевъ, и его сынъ, и его любовница, и военныя поселенія; все это есть, но все это завалено такою массою ненужнаго хлама, изъ-за которой рѣшительно ничего не видать.

Книга состоитъ изъ статьи «Графъ Аракчеевъ», не то полемическаго, не то біографическаго характера, и затѣмъ изъ ряда разсказовъ: «Шумскій, мнимый сынъ графа Аракчеева»; «Настасья, фаворитка гр. Аракчеева»; «Естьянская Шурма, начало военныхъ поселеній»; «Устройство военныхъ поселеній». Онофрій и Осипъ Кузьмины, конецъ военныхъ поселеній. Остановимся для примѣра хоть на разсказѣ «Шумскій».

Г. Богославскій сначала томительно долго и скучно разсказываетъ, какъ ему пришлось однажды прожить по дѣламъ цѣлый мѣсяцъ въ Грузинѣ, имѣніи Аракчеева, какъ онъ тамъ случайно встрѣтился съ нѣкіимъ Ефимомъ Васильевичемъ, какъ тотъ познакомилъ его со священникомъ, какъ священникъ упомянулъ въ разговорѣ о сынѣ Аракчеева и какъ, наконецъ (наконецъ!), священникъ сталъ ему, автору, и Ефиму Васильевичу читать исторію жизни Шумскаго, записанную со словъ послѣдняго. Въ этой автобіографіи мнимаго сына Аракчеева все и дѣло, а предыдущее, слишкомъ длинное для присказки, слишкомъ скучное для сказки, занимаетъ мѣсто въ книгѣ лишь по непомѣрной расточительности г. Богославскаго. Разсказъ Шумскаго, впрочемъ, столь же томителенъ, какъ и разсказъ нашего автора. Но этого мало. Разсказываетъ, разсказываетъ Шумскій, или вѣрнѣе, читаетъ, читаетъ его разсказъ священникъ, какъ вдругъ Ефимъ Васильевичъ перебиваетъ: «Батюшка, бываютъ обстоятельства, заставляющія человѣка быть жестокимъ?—Никогда! сказалъ священникъ». Сказалъ и потомъ на *шести* страницахъ затянулъ канитель о разныхъ важныхъ матеріяхъ, какъ, напримѣръ, о томъ, что «мужикъ есть необходимое звено общества; существованіе его необходимо и неизбѣжно; ему назначено нести тяжелые труды, потому ему нужны сильныя руки». Только что вы одолѣли эту, можетъ быть, очень драгоцѣнную, но совершенно ненужную инкрустацію, какъ наткнетесь на разсказъ матери Шумскаго. Такимъ образомъ, вы читаете разсказъ г. Богославскаго объ томъ, что священникъ разсказывалъ ему изъ разсказа Шумскаго, который, въ свою очередь, разсказываетъ то, что ему разсказывала мать! Потомъ опять Ефимъ Васильевичъ перебиваетъ разсказъ вопросомъ и опять батюшка тянетъ по этому случаю канитель о матеріяхъ важныхъ. Какая же ужъ тутъ «аракчеевщина»!

Или вотъ, напримѣръ, въ повѣсти (?) «Онофрій и Осипъ Кузьмины» есть глава подъ названіемъ «Сквозь строй» (стр. 417). Дѣло происходитъ въ Ильинъ день въ военныхъ поселеніяхъ. Разсказывается, какъ идетъ праздникъ. Между прочимъ, два поселянина бесѣдуютъ:

— «Здорово, кумъ Назаръ.

Digitized by Google

— Здорово, дядя Степанъ.

— Съ праздникомъ.

— Не стоитъ благодарности.

— Что такъ!

— Какой праздникъ! Выдали манерку водки, все за обѣдомъ и выпили.

— Развѣ безъ вина плохъ праздникъ?

— Разъ въ годъ хоть напиться, все горе забыть, и того не позволяютъ.

— Тебѣ очень хочется выпить?

— Какъ еще хочется. Кажется, ничего не пожалѣлъ, все бы отдалъ за полштофъ добраго вина.

— Пойдемъ къ Анисиму Алексѣеву. У него можно достать.

— Развѣ онъ торгуетъ?

— Вона! Водка-то у него только разбавленная. Ну, да подороже дать, поставитъ и за печатью.

— Пойдемъ, другъ сердечный».

Пріятели идутъ къ Анисиму Алексѣеву, тотъ производитъ пьяный скандалъ. При чемъ же тутъ «сквозь строй»? А вотъ при чемъ. Благодаря пьяному скандалу, открылось, что Алексѣевъ торгуетъ водкой, а это было запрещено въ военныхъ поселеніяхъ и безпощадно наказывалось. Алексѣева присудили прогнать сквозь строй черезъ четыре тысячи. «Два раза принимались гонять Анисима Алексѣева сквозь строй въ каменномъ штабу, на зеленой улицѣ. Въ первый разъ прошелъ онъ только половину и упалъ, его отнесли въ госпиталь. Какъ только поправился, его снова прогнали, чтобы окончить экзекуцію, а потомъ вылечили и отправили по назначенію». Затѣмъ поселяне при встрѣчахъ опять, конечно, говорили: «Здорово, кумъ Назаръ.—Здорово, дядя Степанъ». А пока они такъ бесѣдуютъ, расточительный г. Богославскій не замѣтилъ, какъ исполнился сонъ фараона, какъ тощія коровы пожрали тучныхъ и какъ въ «Аракчеевщинѣ» не оказалось аракчеевщины.

Въ качествѣ расточительнаго человѣка, г. Богославскій, кромѣ того, очень безпорядоченъ. Въ статьѣ «Графъ Аракчеевъ» онъ чрезвычайно энергически полемизируетъ съ какимъ-то г. Глѣбовымъ, но оставляетъ читателя въ совершенной неизвѣстности насчетъ этого самаго г. Глѣбова: книгу ли тотъ написалъ объ Аракчеевѣ, статью, или просто велъ личную съ г. Богославскимъ переписку. Въ той же статьѣ г. Богославскій предлагаетъ: «Не будемъ говорить о «Шумскомъ»—эпизодѣ изъ жизни Аракчева, напечатанномъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года». Никакой такой статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ прошломъ году напечатано не было.

Минеральныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и заграницею. (Классификація, химическій составъ, физіологическое дѣйствіе и показанія къ употребленію. Путеводитель по лечеб-

Digitized by Google

нымъ мѣстностямъ). Сост. *Л. Бертенсонъ* и *Н. Воронихинъ*. Спб. 1882.

Существовавшій долгое время пробѣлъ въ литературѣ отечественной гидрологіи и климатологіи въ послѣднее время, мало-по-малу, выполнялся отдѣльными монографіями и брошюрами, авторы которыхъ знакомили публику съ цѣлебными свойствами разныхъ минеральныхъ источниковъ въ Россіи. Вышедшій изъ печати, въ маѣ мѣсяцѣ, солидный трудъ докторовъ Бертенсона и Воронихина представляетъ драгоцѣнный вкладъ въ нашу медицинскую литературу и вполнѣ заслуживаетъ вниманія, какъ медицинской публики, такъ и вообще всѣхъ, нуждающихся въ указаніяхъ относительно выбора минеральныхъ водъ, купаній и климатическихъ санитарныхъ станцій. Авторы упомянутой книги, не отвергая достоинствъ существующаго у насъ съ 1855 г. обстоятельнаго сочиненія д-ра Грума «о минеральныхъ водахъ, купаніяхъ и грязяхъ русскихъ и заграничныхъ», признаютъ его устарѣвшимъ и заботились, съ своей стороны, собрать въ одно цѣлое все, что могли найти новѣйшаго въ иностранной и отечественной литературѣ по бальнеологіи и климатологіи. Изданное ими сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой изъ нихъ, вначалѣ, приведена новѣйшая литература болѣе замѣчательныхъ сочиненій на инстранныхъ и русскомъ языкахъ по бальнеологіи съ 1860 по 1882 г. Затѣмъ излагаются: физіологическое дѣйствіе водъ и общія врачебныя показанія къ внутреннему и наружному ихъ употребленію. Воды раздѣлены, по ихъ химическому составу, на 7 группъ: 1) щелочныя, 2) воды поваренной соли, 3) желѣзныя, 4) горькія, 5) сѣрнистыя, 6) известковыя или землистыя, 7) химически-индифферентные теплые источники. Каждая группа, въ свою очередь, дѣлится на классы, такъ, напримѣръ, щелочныя воды, по преобладанію составныхъ частей, раздѣлены на 4 класса: 1) углекислыя воды, 2) щелочно-углекислыя, 3) щелочно-соляныя и 4) щелочно-глауберовыя и т. д. Заграничныя воды описаны въ перемежку съ русскими въ алфавитномъ порядкѣ, но систематически сгруппированы по ихъ свойствамъ. Аналитическія таблицы, сопровождающія описаніе водъ, наглядно знакомятъ насъ съ химическимъ ихъ составомъ и температурой въ источникахъ. Въ концѣ этой части помѣщены слѣдующія главы: минеральныя грязи, морскія купанья, спеціальныя терапевтическія показанія для назначенія минеральныхъ водъ, грязей и морскихъ купаній; искуственныя минеральныя воды, пользующіяся наибольшею извѣстностью и, наконецъ, практическія указанія для леченія водами. Во второй части введены: путеводитель по лечебнымъ мѣстностямъ и перечень по государствамъ минеральныхъ водъ, грязей и морскихъ купаній; въ концѣ книги алфавитный указатель. Авторы весьма удачно преодолѣли затрудненія, встрѣчавшіяся имъ при разработкѣ скуднаго матеріала по отечественной климатологіи и бальнеологіи и заслуживаютъ полнѣйшей благодарности со стороны вра-

Digitized by Google

чей-практиковъ за услугу, имъ оказанную составленіемъ такого полезнаго, въ практическомъ отношеніи, руководства. Желательно бы было, чтобы составители его не ограничились вторымъ изданіемъ своего сочиненія и при слѣдующемъ выпускѣ (мы не сомнѣваемся, что онъ вскорѣ потребуется) пополнили его введеніемъ новыхъ главъ о леченіи кумысомъ, сывороткой, виноградомъ и т. д. и о заведеніяхъ, существующихъ для этой цѣли, какъ на Руси, такъ и за-границею.

Школы и заразительныя болѣзни. Статья *Н. И. Григорьева.* Ярославль. 1882 г.

Брошюрка эта, написанная однимъ изъ земскихъ врачей Ярославской губерніи, посвящена авторомъ учителямъ и учительницамъ земскихъ школъ. Въ виду страшныхъ опустошеній, производимыхъ въ средѣ дѣтскаго населенія различными эпидемическими болѣзнями, въ особенности же дифтеритомъ [1] (такъ, въ иныхъ селахъ буквально всѣ дѣти вымирали отъ дифтерита), является самая настоятельная необходимость принимать самыя энергическія врачебно-полицейскія мѣры при *первомъ же* появленіи въ данной мѣстности заразительныхъ болѣзней, такъ какъ школы, при неблагопріятной гигіенической обстановкѣ, могутъ служить очагами развитія заразы или же распространителями ея, когда она занесена извнѣ, то «на обязанности школьнаго начальства, говоритъ авторъ, лежитъ священная забота о томъ, чтобы наши земскія школы не превращались изъ «храма науки» въ разсадникъ заразы, чтобы онѣ вмѣсто желаемой пользы не приносили вредъ».

Само собою понятно, что при неудовлетворительной обстановкѣ школьныхъ зданій, плохой вентиляціи классныхъ комнатъ, грязной и вонючей водѣ, употребляемой дѣтьми для питья, плохо устроенныхъ и рѣдко вычищаемыхъ сортирахъ—всякая зараза встрѣчаетъ весьма благодарную почву.

Въ подобныхъ случаяхъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, на учителяхъ и учительницахъ земскихъ школъ, ближе всего стоящихъ къ дѣтямъ и пользующихся особымъ довѣріемъ не только своихъ учениковъ, но и родителей ихъ, «лежитъ нравственная обязанность слѣдить за здоровьемъ ввѣренныхъ имъ дѣтей».

Но для того, чтобы распознать заразную болѣзнь на первыхъ же порахъ и своевременно удалить изъ школы ученика или ученицу, подозрѣваемыхъ въ томъ, что они больны заразительною болѣзнію, сами учителя и учительницы должны быть знакомы съ первыми, главными признаками заразительныхъ болѣзней, и, кромѣ того, для нихъ столь же необходимо знаніе основныхъ началъ гигіены, безъ чего они не будутъ въ состояніи созна-

[1] Въ семи губерніяхъ (Харьковской, Полтавской, Черниговской, Орловской, Херсонской, Курской и Воронежской) въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ умерло отъ дифтерита 74,814 человѣкъ («Врачъ», 1881, стр. 248).

Digitized by Google

тельно примѣнять извѣстный рядъ мѣръ, которыя могутъ воспрепятствовать, какъ заносу заразы въ школу извнѣ, такъ и самостоятельному возникновенію ея въ школѣ.

Съ цѣлью ознакомить учителей и учительницъ съ признаками заразительныхъ болѣзней, сопровождающихся лихорадкою (какъ, напримѣръ, оспа, корь, скарлатина, дифтеритъ и др.) и протекающихъ безъ лихорадки (каковы: воспаленіе слизистой оболочки глазъ, накожныя болѣзни, сифилисъ), авторъ представляетъ краткій перечень главныхъ симптомовъ, характеризующихъ заразительныя болѣзни, принадлежащія къ этимъ двумъ большимъ группамъ.

Для предупрежденія распространенія безлихорадочныхъ заразительныхъ болѣзней училищное начальство должно предоставлять земскимъ врачамъ, живущимъ въ уѣздѣ, право осматривать учениковъ въ школѣ; учителя же и учительницы должны подвергать каждаго ребенка, поступающаго въ школу, предварительному осмотру: нѣтъ ли на немъ сыпи или язвы, не болятъ ли у него глаза.

Таковы desiderata. Останутся ли наши земскіе дѣятели равнодушными къ указаніямъ врачей—какъ это зачастую бывало до настоящаго времени—или же поймутъ, наконецъ, всю опасность небрежнаго отношенія къ требованіямъ науки — вотъ въ чемъ вопросъ... Вѣдь всѣ предохранительныя мѣры, какъ противъ возникновенія болѣзней въ самыхъ школахъ, такъ и противъ заноса ихъ въ послѣднія, могутъ быть выполнены учителями и учительницами *только* въ томъ случаѣ, «если имъ въ этомъ дѣлѣ будетъ оказано содѣйствіе со стороны училищнаго начальства, а также волостными, сельскими и деревенскими властями». Въ противномъ случаѣ, по пословицѣ: *одинъ въ полѣ не воинъ*, учителя и учительницы, при всемъ своемъ желаніи сдѣлать что-либо полезное, будутъ безсильны».

Въ дѣйствительности, мы видимъ, что при постройкѣ школы рѣдко соблюдаются правила и требованія гигіены, а при составленіи плановъ земскихъ школъ никогда не участвуютъ врачи.

Кому не извѣстно, что наши земцы, считая себя хозяевами, а врачей—наемниками, рѣдко снисходятъ до того, чтобы выслушать указанія врача и еще рѣже слѣдуютъ этимъ указаніямъ.

Если иногда на земскихъ собраніяхъ врачъ и фигурируетъ въ качествѣ компетентнаго лица, то роль его, въ большинствѣ случаевъ, весьма не завидна: земцы, безъ дальнихъ разсужденій, забаллотировываютъ предложенія врачей (напримѣръ, относительно мѣръ противъ дифтерита), вѣроятно, считая себя болѣе компетентными въ санитарно-медицинскихъ вопросахъ. При такихъ порядкахъ, конечно, нечего ожидать какихъ-нибудь серьёзныхъ результатовъ отъ тѣхъ мѣропріятій, которыя принимаются нашими земцами въ борьбѣ съ эпидеміями. Сколько здѣсь даромъ затраченныхъ средствъ и напрасно загубленныхъ душъ—

Digitized by Google

одному Богу извѣстно; а голосъ врача попрежнему остается голосомъ вопіющаго въ пустынѣ!

Будущность крестьянскаго хозяйства (критико-экономическія монографіи), часть I. *Сергѣя Шарапова.* Москва, 1882. 1 р. 50 к.

Прежде всего не лишнее будетъ замѣтить, что авторъ посвящаетъ свою книгу «дорогому учителю и сосѣду Александру Николаевичу Энгельгардту», при чемъ послѣ словъ «съ чувствомъ» значится многоточіе и стоитъ въ скобкахъ: «ну, да вы хорошо знаете мои чувства относительно васъ!» Что это за чувства, читатель, конечно, не знаетъ и только, по прочтеніи монографій, можетъ составить о нихъ нѣкоторое представленіе. Затѣмъ, г. Шараповъ счелъ необходимымъ сказать «два словечка рецензентамъ», гдѣ увѣряетъ, что рецензенты относительно него непремѣнно *спутаются*, такъ какъ онъ *не либералъ* и *тѣмъ болѣе не консерваторъ*, а *равнымъ образомъ не радикалъ, не соціалистъ и не нигилистъ*. «Всѣ эти клички, говоритъ онъ, мнѣ пошлы и противны. Я просто русскій человѣкъ, смотрящій на вещи своими собственными глазами...» Посмотримъ же, что говоритъ нашъ *просто русскій человѣкъ*, смотрящій на вещи собственными (конечно, русскими) глазами. Вотъ въ чемъ дѣло: «за границею три четверти гражданъ батраки, пролетаріи—у насъ *всѣ* имѣютъ *свой* собственный уголъ, свою землю; тамъ родился человѣкъ и, подросши, чувствуетъ сразу, что онъ лишній, что онъ у кого-нибудь да долженъ отнимать кусокъ, чтобы жить; намъ—открыты необозримыя пространства, каждый новый гражданинъ получаетъ готовый приборъ—*садись и ѣшь, только не пронеси ложки мимо рта!..*» (стр. 160).

Такими краснорѣчивыми словами, заключаетъ г. Шараповъ I часть своихъ «критико-экономическихъ монографій», посвященныхъ вопросамъ мужицкаго хозяйства. Въ началѣ же первой монографіи: «Крестьянскій трудъ и малоземелье» тотъ же г. Шараповъ увѣряетъ, что «иллюзіи, которымъ такъ неумѣренно предавались въ эпоху освобожденія крестьянъ—разсѣялись. Вмѣсто всеобщаго благоденствія, въ которомъ видѣли законный результатъ свободнаго труда, наступило всеобщее обѣднѣніе. Непосредственно вслѣдъ за реформою на пространствѣ цѣлой Россіи сталъ замѣтенъ экономическій регрессъ населенія, продолжающійся равномѣрно и неуклонно вплоть до настоящаго дня и принимающій все болѣе и болѣе грозные размѣры» (стр. 1).

Горше этой обиды, дѣйствительно, и придумать нельзя: вмѣсто всеобщаго благоденствія и «мирнаго житія»—скудость и мрачное настроеніе духа, вмѣсто полной чаши—убытки и дефицитъ. Какъ же это такъ случилось, что «мы» пронесли ложку мимо рта; а если нѣкоторые изъ насъ и не пронесли, и даже успѣли — плотно покушавъ и отдохнувъ — вдоволь насладиться прекрасными «иллюзіями», за то теперь они «казнятся» и бьютъ себя въ грудь: «Наша вина, наша величайшая вина!»

Digitized by Google

«*Мы* больны и больны страшно!» увѣряетъ г. Шараповъ. Но г. Шараповъ нетолько констатируетъ болѣзнь, а нашелъ причину ея, и даже обѣщаетъ доставить самое дѣйствительное лекарство, противъ котораго не устоитъ наше экономическое худосочіе, успѣвшее стать уже хроническимъ. Дѣло, видите ли, въ томъ, что «причина *всѣхъ* ужасныхъ явленій нашего государственнаго быта лежитъ въ одномъ: *русскіе граждане* въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ *не умѣютъ добывать себѣ хлѣбъ*. Они проѣли свой капиталъ и сидятъ теперь на мякинѣ...» —*Кто* же эти достойные русскіе граждане, неумѣющіе добывать себѣ хлѣбъ? «Мы» ли съ г. Шараповымъ, «проѣвшіе свои капиталы» [1], или то огромнѣйшее большинство, которое осталось безъ прибора и, къ нашему позднему сожалѣнію, пронесло почему-то «ложку мимо рта?» Если вѣрить монографіи, то неумѣющимъ добывать себѣ «хлѣбъ» оказывается это большинство, которое теперь и сидитъ на мякинѣ. Оно, это большинство, истощило русскую землю, ведя экстензивную культуру и неразумно растрачивая нашъ «капиталъ». Конечно, г. Шараповъ вовсе не намѣренъ винить его за эту невольную оплошность, напротивъ, онъ даже изъявляетъ желаніе придти на помощь и... «поучить народъ, какъ удобрять землю, какъ строить хату, какъ пахать плугомъ». Мало того, г. Шараповъ научитъ его еще тому—«какъ жить и богатѣть на 4 десятинахъ» надѣла, и тогда-то мужикъ перестанетъ «мечтать о чужихъ сорока десятинахъ (г. Шараповъ убѣжденъ, что такое «мечтаніе», дѣйствительно, существуетъ въ народѣ), перестанетъ потому, что сознаетъ въ концѣ-концовъ, что ему, во-первыхъ, съ этими сорока (!) десятинами не совладать, во-вторыхъ, что то соціальное неравенство, которое его гнететъ, *должно* уничтожиться само собою рано или поздно, но мирнымъ, хорошимъ, божьимъ путемъ». Почему же *должно*, быть можетъ, спросите вы? Очень просто: потому что «помѣщикъ не останется только землевладѣльцемъ, когда у него рукъ не будетъ, *а безъ обработки, что ему такое пространство земли?* Мало по малу, крупныя имѣнія раздробятся и вѣковая историческая несправедливость загладится. Но для этого нужно *одно* (такъ и быть, я вамъ выдамъ секретъ г. Шарапова): чтобы крестьянинъ былъ *независимъ* на своемъ надѣлѣ, а независимъ онъ будетъ тогда, когда... этотъ надѣлъ *безъ всякихъ постороннихъ мужковъ, отрѣзковъ и т. д., будетъ его нетолько кормить, но обогощать*» [2].

Если правда, что г. Шараповъ можетъ научить мужика—какъ ему стать «независимымъ» на своемъ надѣлѣ, то судьба Россіи

---

[1] «Я—говоритъ авторъ—велъ мастерскую (изготовлявшую плуги), теперь бросилъ, нарвавшись на одного милаго человѣка, который подъ видомъ компаньона выпустилъ меня въ трубу».

[2] Я старался держаться подлинника «монографіи», дабы не измѣнить какъ-нибудь ясности изложенія.

Digitized by Google

и нашего народнаго хозяйства спасена. Одного только я боюсь: какъ бы секретъ г. Шарапова не остался подъ спудомъ. Въ самомъ дѣлѣ, нынѣ ощущается крайній недостатокъ въ читателяхъ серьёзно-научныхъ «монографій»; по крайней мѣрѣ, въ открытомъ письмѣ къ А. Н. Энгельгардту, авторъ «монографій» самъ признается: «Вы, А. Н., были единственнымъ *настоящимъ* [1] читателемъ и оппонентомъ, хотя, къ сожалѣнію, слишкомъ молчаливымъ. Несмотря на то, что работалъ въ изданіи очень распространенномъ и вліятельномъ, я чувствовалъ каждую минуту, что говорю почти на вѣтеръ, что мои самыя любимыя мысли, самыя горячія убѣжденія, облеченныя далеко не въ банальную форму обыкновенныхъ газетныхъ статей — не производятъ никакого впечатлѣнія, остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». «Конечно, утѣшаетъ себя г. С. Шараповъ, я долженъ радоваться, если вижу, что тамъ гдѣ-то, въ *сферахъ я*, быть можетъ, и служу иногда совѣтомъ, въ томъ смыслѣ, что иная, пущенная мною идея, находитъ почву и иногда падаетъ не на голый камень. Но увы! выростаетъ изъ нея все-таки совершенно не то, чего желаешь. Нѣкоторыя мои идеи, дѣйствительно, брались за базисъ извѣстныхъ предположеній, но... можетъ быть, я и самъ этому виноватъ, излагая дѣло только въ общихъ чертахъ, результаты выходили микроскопическіе». Что-жь, подождите, г. Шараповъ!

Впрочемъ, къ счастію для крестьянскаго хозяйства, авторъ «монографій» не остался совсѣмъ безъ читателей: у него образовался даже цѣлый кружокъ (правда, небольшой) исключительно провинціальныхъ читателей. Тамъ, въ провинціи, статьи автора нашли откликъ, хотя увы! *опредѣлить даже приблизительно силу и составъ этого кружка* онъ *рѣшительно не въ состояніи.*

Знаетъ только г. Шараповъ, что въ этомъ кружкѣ не хватаетъ двухъ самыхъ дорогихъ элементовъ: во-первыхъ, *мужика* [2]. Затѣмъ, и это автора «сокрушаетъ всего болѣе», въ его аудиторіи нѣту «*молодежи*: — «Почему же нѣтъ»? спросите вы. «Да потому, отвѣчаетъ г. Шараповъ, что я говорю съ *трибуны*, къ которой молодежь не подходитъ, которая окружена особаго рода частоколомъ, и перелѣзть черезъ этотъ частоколъ нельзя *безъ особаго мужества*, безъ яснаго, самостоятельнаго мышленія. Ну, а этими качествами, по правдѣ сказать, наша молодежь не блистаетъ. Да и одна ли молодежь!»

---

[1] Курсивъ подлинника.

[2] Съ мужикомъ автору «очень хотѣлось бы поговорить, да нельзя. «Знаю, понялъ бы онъ меня, съумѣлъ бы и я съ нимъ толковать, да телефона такого нѣтъ. Газетъ мужикъ не читаетъ («монографій», вѣроятно, и подавно!)... словомъ, мужикъ до такой степени искусно отрѣзанъ, что къ нему съ разговоромъ не проберешься». Подождите, г. Шараповъ, вотъ разбогатѣетъ мужикъ на вашихъ искуственныхъ удобреніяхъ, тогда и монографіи ваши купитъ и, пожалуй, по телефону спасибо вамъ пошлетъ.

Digitized by Google

Въ переводѣ на обыкновенный языкъ, это означаетъ, что г. Шараповъ печаталъ свои статьи въ газетѣ «Русь». Молодежь же Аксакова совсѣмъ не знаетъ и къ «Руси» не подходитъ. «Это грустно, восклицаетъ г. С. Шараповъ, потому что въ настоящую минуту только *одна* эта газета, хотя и несовершенно (sic), представляетъ отраженіе народной души... А молодежь этого знать не хочетъ. Грустно, тысячу разъ грустно, потому что это осуждаетъ нашу молодую силу, нашу надежду идти по прежней торной дорожкѣ въ сторону отъ народа, въ лагерь утонченнаго *научно-либеральнаго* крѣпостничества».

Но, хотя авторъ и идетъ рука объ руку съ Аксаковымъ, говоритъ съ его *трибуны* (и вмѣстѣ съ нимъ будто бы раздѣляетъ почетное отлученіе отъ *либеральной церкви*), однако, въ отношеніи его существуютъ нѣсколько иныя обстоятельства. «Моя борьба не можетъ быть и вовсе плодотворна, по крайней мѣрѣ, долго еще (что-жь, подождите, г. Шараповъ!), потому что мои противники не чета какимъ-нибудь Бильбасовымъ или Родзевичамъ. Противъ меня, во-первыхъ, *цѣлый ареопагъ ученыхъ мужей*, принявшихъ меня съ самаго перваго выхода, что называется, въ два кнута, во-вторыхъ, цѣлая наука «современная агрономія», въ-третьихъ, ясно выраженная мысль народа (вы видите, какъ спокойно я признаюсь въ этомъ), наконецъ, въ-четвертыхъ, вы, А. Н., я одинъ, буквально одинъ противъ этой несмѣтной силы!» (Даже становится страшно за г. Шарапова).

Господи, за что же это ученый изслѣдователь подвергается столь суровому пріему! Мало того, что отлученъ отъ либеральной церкви, да еще инквизиторски принятъ въ два кнута цѣлымъ ареопагомъ ученыхъ? Одно автору остается въ утѣшеніе: всѣ великіе люди, открывавшіе новыя Америки, подвергались со стороны толпы осмѣянію; а тутъ, шутка ли сказать, авторъ открылъ, что «*всѣ* наши бѣды» произошли оттого, что русской землѣ недостаетъ фосфора, кали и еще чего-то (чуть ли не «порядка!»). Въ самомъ дѣлѣ, только этого и недостаетъ: въ немъ, въ «искуственномъ удобреніи», и есть «*все наше спасеніе*», такъ, по крайней мѣрѣ, рѣшилъ *самъ* г. Сергѣй Шараповъ, забравшись въ Сосновку [1].

Но какже предоставить нашей землѣ то, чего ей недостаетъ? Положимъ, «порядокъ» обезпеченъ, его, безъ сомнѣнія, введетъ г. Аксаковъ, такъ какъ онъ—истый «*представитель* мужика въ «*собирательномъ смыслѣ*» и если «*весь мужикъ* еще не знаетъ его, какъ знаетъ, напримѣръ, *своихъ* народныхъ героевъ—Черняева и Скобелева», то вѣдь это еще ничего не доказываетъ. Все-таки г. Аксаковъ, благодаря своему «художническому чутью постигаетъ народную думу и говоритъ *за народъ* (не отъ *имени*

---

[1] Стр. XXXIV открытаго письма.

Digitized by Google

народа... Одинъ онъ, г. Аксаковъ, потому, что *другого* нѣтъ, пока *не выискался еще*!» [1].

Повѣримъ на слово г. Шарапову, что другой представитель народа еще не объявился; пусть именно г. Аксаковъ проникъ, такъ сказать, въ народную душу и «постигъ народную думу»; но если народная дума есть въ тоже время дума г. Аксакова, то самъ г. Сергѣй Шараповъ (по крайней мѣрѣ, по поземельному вопросу) остается «при особомъ мнѣніи» и народную думу забраковываетъ.

«Въ данномъ случаѣ народная мысль, говоритъ г. Шараповъ, *ошибается*, слѣдуетъ невѣрному инстинкту. Наука глядитъ *глубже* и этого инстинкта *не оправдываетъ*, напротивъ, указываетъ на его страшныя послѣдствія. Государство [2], внѣшняя сила въ первый разъ становится здѣсь поперекъ народному инстинкту и говоритъ: *нельзя*, потому что вы разсчитываете невѣрно. *Земля, которой вы желаете, можетъ васъ погубить, обезземелить вовсе*» (стр. XXVIII).

«Вы видите, я совершенно откровененъ!» замѣчаетъ г. Шараповъ. Какъ не видѣть, мало того, что откровенны, вы обладаете, г. Шараповъ, истиннымъ смиреніемъ и скромностію.

«Я считаю себя человѣкомъ изъ народа, и, кромѣ того, *человѣкомъ народа* (трибунъ, настоящій трибунъ!). Я иду съ нимъ рука объ руку, думаю *его думой*; всѣ силы моей души готовъ отдать ему, да не отвлеченному какому-нибудь «либеральному» народу, а именно живому морю бѣдняковъ въ сермягахъ и лаптяхъ... И рядомъ съ этимъ, напримѣръ, въ вопросѣ о землѣ (но *только* [3] въ одномъ этомъ вопросѣ!) я рѣзко отхожу въ сторону и говорю совершенно другое, чѣмъ народъ... Я говорю: 4 десятины на душу [4] у насъ довольно за глаза и *больше мужику не надо*». (А если кому не хватаетъ до 4 десятинъ?).

Г. Шараповъ мотивируетъ свое, столь категорически высказанное мнѣніе тѣмъ, что народъ, даже еслибы и пріобрѣлъ *всю* помѣщичью землю—«не поправитъ своего положенія, не создастъ себѣ обезпеченности и *прочнаго хозяйства* (отчего же, г. Шараповъ, развѣ г. Аксакову такъ-таки и не удастся устроить надлежащаго порядка, или же порядокъ этотъ окажется столь же непрочнымъ, какъ и наше бывшее хозяйство?).

— «Нѣтъ, вамъ (мужикамъ, то есть) не создать *прочнаго* хозяйства, говоритъ «человѣкъ народа». Нетолько посредствомъ банковъ, но еслибы вы *даромъ* получили землю, вы съ ней не справитесь, вы *погибнете*, и на развалинахъ вашего землевладѣ-

---

[1] См. «Открытое птсьмо», стр. XXV.

[2] Г. Шараповъ раздѣлилъ, кажется, всѣ роли съ г. Аксаковымъ: одинъ говоритъ за народъ, а другой, отъ имени «науки», «государства» и внѣшней силы.

[3] Курсивъ подлинника.

[4] Въ средней нечерноземной полосѣ.

Digitized by Google

нія оснуется крупное капиталистическое хозяйство, *а вы будете кнехтами и пролетаріями*».

Въ виду такой ужасной будущности, какъ не возблагодарить г. Сергѣя Шарапова за то, что онъ берется, наконецъ, научить нашъ народъ уму-разуму и начертить намъ практическій путь къ достиженію идеала (т. е. мужицкаго богатства). «Этотъ путь начинается съ того фосфора и кали, которое лежитъ подъ землей. Въ нихъ заключается *независимость* мужика, и чѣмъ скорѣе мы ихъ вытащимъ на свѣтъ божій, тѣмъ ближе подвинемся къ идеалу, тѣмъ скорѣе будемъ въ состояніи отвѣтить на некрасовскій вопросъ: «Кому на Руси жить хорошо?»—земледѣльцу!»

Нечего опасаться, что мужикъ, не дождавшись того счастливаго дня, когда мы для него вытащимъ изъ земли фосфоръ и кали—«разбѣжится во всѣ стороны или же опухнетъ съ голоду»; нечего, говорю, опасаться этого, такъ какъ тамъ, гдѣ-то въ *сферахъ*, мысли автора уже приняты къ свѣдѣнію...

Digitized by Google

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

Московская или, какъ ее называютъ, «Всероссійская промышленно-художественная выставка въ Москвѣ» служитъ теперь предметомъ всероссійскаго изученія, предметомъ многочисленныхъ газетныхъ описаній и еще больше разговоровъ. Позвольте и мнѣ, читатель, занять ваше вниманіе этимъ «выдающимся событіемъ внутренней жизни», этимъ «торжествомъ русской промышленности», этимъ «праздникомъ русскаго труда», а вѣрнѣе веселымъ русскимъ пикникомъ, устроеннымъ на Ходынскомъ полѣ людьми весьма мало общаго съ трудомъ имѣющими. Я не буду утруждать вашего вниманія исторіей нашей промышленности, разными металлургическими и техническими тонкостями производствъ, монографіями фабрикъ и біографіями фабрикантовъ и т. п. Всего этого черезъ чуръ достаточно въ газетахъ, которыя теперь точно наверстываютъ существующій въ печати пробѣлъ по части промышленно-техническихъ свѣдѣній, до которыхъ, впрочемъ, въ обыкновенное время не особенно охочъ и самъ благосклонный читатель. Если окажется нужнымъ, то мы впослѣдствіи дадимъ болѣе обстоятельный отчетъ о выставкѣ; а теперь посмотримъ на нее только съ внѣшней, такъ сказать, стороны, только настолько, насколько она занимаетъ мѣсто въ жизни и интересуетъ общество. Если много разговоровъ о выставкѣ въ Петербургѣ, то можете представить, сколько ихъ въ Москвѣ, у самаго первоисточника, и какими они тамъ бьютъ ключами и водопадами! А сколько еще предстоитъ впереди этихъ разговоровъ и волненій, сколько еще будетъ споровъ и обличеній другъ друга въ «техническомъ невѣжествѣ», въ несоблюденіи «стиля», въ недостаткѣ «художественнаго вкуса» и непремѣнно въ отсутствіи у кого-нибудь патріотизма и въ присутствіи у кого-нибудь плутовства (вовсе не устраняемаго патріотизмомъ.) Безъ плутовства у насъ ничего не обходится, не обойдется, вѣроятно, и выставка. И все это будетъ продолжаться ни много ни мало какъ цѣлое нынѣшнее лѣто и добрую половину осени, до тѣхъ поръ, должно быть, пока осенніе дожди не польютъ на гг. экспонентовъ и ихъ витрины ручьями (крыша выставки, говорятъ, уже и теперь кое-гдѣ протекаетъ) и пока морозы не посократятъ любопытства и усердія публики. Да, раз-

Digitized by Google

говоровъ будетъ вполнѣ достаточно. Еслибы можно было всѣ ихъ сосчитать и какъ нибудь выразить вещественно, вмѣстѣ съ сопряженною съ ними тратою средствъ и силъ, какъ денежныхъ и физическихъ, такъ умственныхъ и эмоціональныхъ, то получилось бы, вѣроятно, нѣчто бо̀льшее Сухаревой башни и Ивана Великаго. Одинъ англичанинъ высчиталъ, что человѣкъ средняго краснорѣчія можетъ наговорить въ день цѣлый небольшой томикъ. Какая обширная могла бы составиться библіотека, еслибы все печатать, что говорится, и какая это была бы безсодержательная библіотека: сколько разъ мы прочли бы тамъ, что въ іюлѣ жарко, а въ январѣ холодно, что денежка рубль бережетъ, что сахаръ вздорожалъ, а къ говядинѣ и не приступиться, что въ одномъ трактирѣ не умѣютъ кормить, а въ другомъ дерутъ, что искуство и промышленность сдѣлали невѣроятный шагъ, что лучше русскихъ колоколовъ нѣтъ нигдѣ въ Европѣ, что русскіе выдумали самоваръ и т. д. Какое, право, счастіе, что человѣческая рѣчь льется въ видѣ исчезающихъ въ воздухѣ звуковъ, а не въ видѣ воды или какой-нибудь жидкости... Но это вѣдь относительно одной только рѣчи, а затѣмъ остается еще переѣздъ на выставку и перевозка разныхъ цѣнностей и тяжестей, упаковка ихъ, нагрузка, выгрузка, установка, волненія, удивленія, восторги, зависть, тоска, мечты, интриги, заискиванія и т. д., и т. д. Отчего бы въ самомъ дѣлѣ не заняться кому-нибудь вычисленіемъ, о которомъ я говорю? Вычисляютъ же астрономы звѣздныя разстоянія, высчитываютъ же математики вѣсъ разныхъ планетъ, пески Сахары и время, въ которое черепаха можетъ совершить кругосвѣтное путешествіе. Я зналъ такихъ любителей математики, которые, продѣлавъ все, что только можно было продѣлать въ области ихъ науки и имѣя все-таки не мало досужаго времени, занимались составленіемъ уравненій для женскихъ талій и тому подобныхъ предметовъ. Вотъ для нихъ новая задача, и задача — право — не праздная, нисколько, по крайней мѣрѣ, не празднѣе нѣкоторыхъ другихъ задачъ и самаго предмета вычисленія. Документъ — сколько мы затратили въ 1882 г. средствъ и усилій на одно только выставочное празднество — вѣроятно могъ бы кому-нибудь пригодиться, если не изъ современниковъ, то изъ потомковъ. Оно, конечно, было бы интересно и вообще опредѣлить общественно-полезное и безполезное время, производительную и непроизводительную трату человѣческихъ способностей, силъ и труда, причемъ, безъ сомнѣнія, мы изумились бы господствующему у насъ не экономическому порядку вещей и увидѣли бы какая масса въ жизни совершенно излишнихъ и ненужныхъ обычаевъ, учрежденій, обязанностей и дѣятельностей, нетолько не приносящихъ никому никакой пользы, но не приносящихъ никому даже удовольствія и соединенныхъ зачастую для многихъ даже съ страданіемъ и стѣсненіемъ свободы. Но тутъ, вѣроятно, многое подлежало бы спору. Давность существованія

Digitized by Google

установившагося житейскаго уклада и непосредственные результаты различныхъ дѣятельностей, несмотря на всю ихъ микроскопичность, могутъ значительно маскировать дѣло и сбивать людей съ толку. Относительно же выставокъ это довольно затруднительно. Тутъ прежде всего происходитъ торжество промышленности, т. е. прежде всего предполагается, что промышленность, веселая и самодовольная, гордая своими успѣхами и какъ бы созерцающая ихъ, устраиваетъ празднество, наряжается во всѣ свои наряды и начинаетъ показывать міру все свое искуство, богатство и могущество, при чемъ олухамъ остается только разѣвать ротъ, завистникамъ завидовать, а добрымъ людямъ — поучаться. Непосредственныхъ плодовъ для общества здѣсь, кажется, и не ждетъ никто, и если имѣются въ виду какіе нибудь плоды, то плоды очень отдаленные и скорѣе невещественные, чѣмъ вещественные, или же имѣются въ виду плоды и выгоды совсѣмъ особаго рода, косвенныя, въ родѣ прилива денегъ въ извѣстные пункты, въ родѣ выгодъ желѣзнодорожниковъ, трактирщиковъ, содержателей гостинницъ, извощиковъ и т. п. О косвенныхъ выгодахъ обыкновенно не говорятъ хотя, конечно, нѣкоторые изъ устроителей выставокъ имѣютъ ихъ въ виду (послѣдняя Парижская выставка дала этому заразительный примѣръ: французы, говорятъ, вернули всю свою контрибуцію), а выставляютъ обыкновенно на видъ болѣе широкіе культурные мотивы: преуспѣяніе народной промышленности, народное благосостояніе, расширеніе умственнаго кругозора рабочихъ, улучшеніе ихъ быта и разныя другія общегосударственныя и даже общечеловѣческія цѣли и пользы. Говорятъ, что международныя промышленныя выставки, помимо развивающаго и облагороживающаго вліянія на массу, представляютъ еще арену для мирнаго соперничества народовъ и являются средствомъ сближенія ихъ и развитія между ними сношеній. Все это, конечно, было бы очень прекрасно, если бы не было столь неопредѣленно и отдаленно и еслибы, дѣйствительно, такъ происходило, какъ говорится; но въ этомъ не только позволительно усомниться, а скорѣе трудно не усомниться, въ виду отсутствія сколько нибудь убѣдительныхъ аргументовъ и фактовъ. Фабричная цивилизація давала народу слишкомъ много промессовъ на будущія блага, которыя не наступали, чтобы, получая новый промессъ, не поинтересоваться узнать— подлежитъ ли онъ какому-нибудь учету, какъ и когда сулимыя блага могутъ осуществиться. Когда вамъ говорятъ самоувѣренно и авторитетно о пользѣ и важномъ общественномъ значеніи выставокъ, то вы можете поставить говорящимъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые они, конечно, затруднятся отвѣтить: кого и чему научили и научаютъ выставки; кого и къ чему поощряли онѣ и поощряютъ; какъ и насколько развиваютъ онѣ общество и въ особенности народную массу; не развиваютъ ли онѣ, вмѣсто мирнаго соперничества и общенія, антагонизма между народами, который выражается въ усиленіи та-

Digitized by Google

моженнаго надзора и въ увеличеніи провозныхъ пошлинъ; не порождаютъ ли онѣ въ человѣкѣ, вмѣсто добрыхъ чувствъ къ ближнему, желаній заткнуть ее за поясъ, утерѣть ему носъ и даже стереть его съ лица земли; не ослѣпляютъ ли онѣ людей блескомъ роскоши, пробуждая въ нихъ жажду богатства; не пріучаютъ ли ихъ къ поверхностности и легкомыслію; всегда ли даютъ настоящее представленіе о состояніи промышленности и положеніи рабочаго класса и не представляютъ ли дѣйствительности въ слишкомъ розовыхъ краскахъ; даютъ ли рабочему наглядное указаніе пользы техническихъ улучшеній и возможности ихъ приложенія для улучшенія своего положенія; не даютъ ли онѣ уроковъ легкой наживы, не поощряютъ ли спекуляцію и сами не служатъ ли поводомъ къ ней, подобно вѣнской выставкѣ 1873 года, вызвавшей нѣсколько новыхъ спекулятивныхъ предпріятій и давшей сигналъ къ извѣстному краху, и т. д., и т. д. Можно быть увѣреннымъ, что на всѣ эти вопросы не получится положительнаго отвѣта. Но, если возможно предъявлять подобныя сомнѣнія къ выставкамъ, когда онѣ, хоть ради приличія, задаются общественными и культурными цѣлями, то тѣмъ болѣе все это можетъ быть предъявлено къ московской промышленно-художественной выставкѣ, носящей прежде всего увеселительный характеръ, отнесшейся крайне невнимательно къ чисто-народной промышленности, приспособленной преимущественно къ вкусамъ и потребностямъ высшей и купеческой публикѣ и сочетавшей для этой публики съ чисто московскимъ реализмомъ художественный элементъ съ промышленнымъ, картины великихъ художниковъ съ сапогами великихъ сапожниковъ. Все это мы сейчасъ увидимъ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ по поводу увеселительнаго характера выставки, такъ рѣзко бросающагося въ глаза. Москва вообще любитъ повеселиться и покушать. Это тамъ заведено уже изстари и, можетъ быть, предопредѣлено даже самимъ Господомъ Богомъ. Да отчего и не повеселиться, въ особенности когда въ жизни замѣчается поворотъ къ лучшему — къ московскимъ началамъ... Отчего, наконецъ, не развлечь публику, если она *очинно грустна?* Не все же, въ самомъ дѣлѣ, слезы горькія лить о бѣдствіяхъ существенныхъ и твердить вслѣдъ за неблагонамѣренною печатью, что мы переживаемъ тяжкую минуту. Будемъ веселиться, сказали москвичи, и, при помощи не унывающихъ тоже петербуржцевъ, превратили Москву въ такой развеселый городъ, подобнаго которому, конечно, въ настоящую минуту не сыщешь нетолько у насъ, но и въ Европѣ съ Америкой. Въ Москвѣ теперь вовсе не одна промышленно-художественная выставка. Она, правда, представляетъ центръ увеселительной системы, но у нея есть нѣсколько спутниковъ: шведская выставка, болгарская, китайская (д-ра Пясецкаго), 10-я передвижная, Боткинская, выставка живописи по стеклу, выставка лошадей, выставка г. Сухоровскаго (извѣстной картины «Нана»), выставка г. Ростовскаго (картина «Минута нѣги»), собачья вы-

Digitized by Google

ставка, рысистые бѣга, командоръ Казеневъ, цыганскіе хоры, русскіе хоры и множество другихъ увеселеній и увеселительныхъ мѣстъ. Потокъ этого удовольствія до того великъ и неудержимъ, что разобраться въ немъ нѣтъ никакой возможности, а о томъ, чтобы остановить его, нечего, разумѣется, и думать. Смерть митрополита Макарія изгладилась, какъ капля съ горячей плиты. Смерть Скобелева также. Все спѣшитъ, торопится, гогочетъ, суетится, о чемъ-то хлопочетъ, куда-то ѣдетъ, спрашиваетъ полусловами, отвѣчаетъ мычаньемъ... Словомъ, дымъ идетъ коромысломъ. Не забываютъ развѣ только одно — закусить, да и это священное для москвича отправленіе дѣлается уже не съ толкомъ, чувствомъ и разстановкой, а какъ-то мимоѣздомъ: «заѣхалъ, говорятъ, перекусилъ немножко», или «еле успѣлъ выпить рюмку и съѣсть полпорціи», «только раскупорили — гляжу 5 часовъ!» и т. д. Это, конечно, пустяки, потому что закусочныя потребности вполнѣ удовлетворяются на самой выставкѣ г. Лопашовымъ. Такъ говорятъ только находящіе, что Лопашовъ кормитъ дрянью и предпочитающіе Большой-Московскій, Эрмитажъ или какой-нибудь другой трактиръ. Обжорныя заведенія г. Балашова, взявшаго кормленіе публики на откупъ, занимаютъ на выставкѣ огромнѣйшее помѣщеніе (гораздо больше кустарнаго отдѣла) и имѣютъ нѣсколько отдѣленій съ садиками, палатками, террасами, отдѣльными залами и другими удобствами. На выставкѣ то и дѣло слышишь: «идемъ къ Лопашову», «въ 12 у Лопашова», «будетъ разглядывать-то — успѣете; пойдемъ лучше къ Лопашову», или: «вотъ что уговоръ: осмотримъ II группу — завтракать, осмотримъ III — обѣдать, а ужинать ужь въ Большой-Московскій...»

Когда такъ много зрѣлищъ и когда все такъ спѣшитъ ими насладиться, то, право, тутъ не до дѣла, не до изученія предмета и очень легко нетолько слона просмотрѣть, но даже ничего не увидѣть. Я пробылъ въ Москвѣ цѣлую недѣлю и каждый день бывалъ на выставкѣ съ намѣреніемъ, какъ говорятъ корреспонденты, изучить ее, но пришлось ограничиться болѣе или менѣе подробнымъ осмотромъ только кустарной промышленности и общимъ обзоромъ другихъ отдѣловъ. Вотъ почему я и пишу не отчетъ о выставкѣ, а только о впечатлѣніи, ею производимомъ, при чемъ весьма возможно, что общій поверхностный обзоръ мой покажется многимъ легкомысленнымъ. Впрочемъ, поверхностно и легкомысленно относится къ выставкѣ и большинство посѣщающей ее публики, по крайней мѣрѣ, предметы, больше всего останавливающіе на себѣ ея вниманіе и разговоры, которые слышатся, не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Все эфектное, большое, блестящее, красивое и дорогое, т. е. вообще все бросающееся въ глаза, невольно приковываетъ толпу, сѣренькое же и незамѣтное — пропускается и неудостоивается вниманія Около картинъ, золота, мебели и дорогихъ платьевъ происходитъ чистая ярмарка, кустарныя же произведенія осматри-

Digitized by Google

ваются меньше, а машины и физическіе приборы еще того меньше. Вопросы: видѣли платье, консоли, диванъ, столъ, шубку, колье и т. п., сопровождаемые восклицаніями удивленія и восторга на всѣхъ языкахъ, наполняютъ выставочные своды. А въ перемежку опять: «идемте къ Лопашову». Очень часто вы слышите также сужденія и замѣчанія, показывающія полное незнакомство съ предметомъ: стоитъ, напримѣръ, человѣкъ 20 или 30 около группы чучелъ четырехъ волковъ, нападающихъ на большого кабана, изъ которыхъ двухъ молодыхъ послѣдній уже уничтожилъ, а старики еще цѣлы и грызутъ его, и слышите: «ишь ты какъ», «это за дѣтей — онъ ихъ хотѣлъ съѣсть, а мать-то съ отцомъ на него». «Что же это за звѣрь такой?» спрашиваетъ какая-то дама, повидимому, изъ купчихъ.—«Что за звѣрь, рѣшаетъ кто-то:—развѣ не видите—барсучекъ». И всѣ удовлетворяются. Нельзя не сказать, что для осмотра выставки имѣется и довольно много неудобствъ: выставка помѣщается далеко; если вы остановились, напримѣръ, у Николаевскаго вокзала и не попали почему-нибудь на Каланчевскую станцію желѣзной дороги, гдѣ происходитъ часто пренепріятная давка, то можете на «живейномъ» проѣхать на выставку цѣлый часъ; каталога выставки нѣтъ—первое изданіе все распродано, а второе еще не вышло; объяснять некому или, по крайней мѣрѣ, не заведено правильныхъ періодическихъ объясненій, какъ это можно было бы сдѣлать, а экспоненты часто не присутствуютъ около своихъ произведеній; затѣмъ, тѣснота не позволяетъ вамъ оставаться у предмета, сколько бы вамъ было нужно, а заставляетъ двигаться съ массою, масса же, какъ я только-что сказалъ, не особенно интересуется подробностями осматриваемаго, если только это не какое-нибудь великолѣпіе; въ рублевые дни еще довольно свободно и можно кое-что видѣть, но рублевый день всего только одинъ въ недѣлю (понедѣльникъ) и и пожалѣть объ этомъ вмѣстѣ съ «Московскими Вѣдомостями» никакъ не приходится, несмотря на все неудобство. Вотъ почему вы и ограничиваетесь невольнымъ хожденіемъ или, вѣрнѣе, плаваніемъ по павильонамъ и главному зданію выставки, не имѣя возможности на чемъ-нибудь сосредоточиться. Затѣмъ, блескъ, многочисленность и неожиданность встрѣтить многіе предметы (въ родѣ пряниковъ въ 10 пудовъ или облѣзлыхъ чучелъ верблюдовъ), производитъ рябь въ глазахъ. Нерѣдко, вслѣдствіе наплыва публики, вы не въ состояніи скоро попасть туда, куда вамъ нужно. Правда, въ зданіи выставки есть ручныя колесныя кресла, которыя возятъ люди, предлагающіе вамъ свои услуги—провезти васъ въ желаемый отдѣлъ; но ѣздить на людяхъ какъ-то неловко. Правда, во дворѣ выставки бѣгаетъ еще маленькая электрическая желѣзная дорога, на локомотивѣ которой сидитъ верхомъ машинистъ и на которой вы также можете проѣхать... но проѣхать въ трактиръ къ Лопашеву или кругомъ двора, куда вамъ, можетъ быть, вовсе не нужно. Въ этой толкотнѣ проходитъ

Digitized by Google

иногда цѣлый часъ, а то и больше времени; въ пять же часовъ надо собираться уходить, такъ какъ начинаются приготовленія къ выходу, о чемъ васъ и предупреждаютъ городовые.

Вслѣдствіе всего этого мнѣ не пришлось осмотрѣть и другихъ московскихъ выставокъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя были по пути на промышленно-художественную выставку. Шведская выставка отличается простотою и дешевизною, въ особенности небольшихъ сельско-хозяйственныхъ орудій, но это выставка чужестранная. Собачья выставка скоро закрылась и я прочелъ объ этомъ только телеграммы въ петербургскихъ газетахъ, въ которыхъ сообщалось, что собачій аукціонъ былъ неудаченъ, но что послѣ аукціона было продано нѣсколько собакъ по очень хорошей цѣнѣ. Главный экспонентъ выставки, извѣстный московскій собачникъ г. Лихачевъ, конечно, нуждался не въ цѣнѣ, а въ славѣ. Китайская выставка г. Пясецкаго не представляетъ особаго интереса: коллекція китайскихъ башмаковъ, матерій, рубашекъ, сѣмянъ, рисунковъ, вышиванія, пестрыхъ мышей и фазаньихъ чучелъ, которую собралъ г. Пясецкій, не представляетъ ничего невиданнаго и вообще довольно бѣдна. Всего этого, право, не стоило собирать и везти, или можно было собрать и дома, безъ путешествія въ Китай, которое г. Пясецкій такъ подробно описываетъ и иллюстрируетъ плохими рисунками и панорамою пройденныхъ горъ и пустынь, съ обозначеніемъ всѣхъ своихъ стоянокъ и ночлеговъ. Наибольшій интересъ представляютъ, по моему, на выставкѣ живые китайцы, которыхъ, вѣроятно, тоже захватилъ съ собою г. Пясецкій для полноты коллекціи. Они торгуютъ чи-чун-чей и показываютъ, какъ играютъ на китайскихъ балалайкахъ. Кто никогда не видалъ живыхъ китайцевъ, тотъ, конечно, не много потеряетъ, заплативъ г. Пясецкому 30 к. за входъ на его выставку, гдѣ онъ получитъ также и возможность купить фотографическій портретъ г. Пясецкаго, который, вѣроятно, представляетъ себя теперь не иначе, какъ Ливингстономъ или Стэнли. Публики на китайской выставкѣ, впрочемъ, очень довольно, потому что г. Пясецкій не поскупился на объявленія, да и время имъ выбрано очень удачно. Конечно, если смотрѣть на выставку г. Пясецкаго, какъ на предпріятіе, то можно думать, что она не столь выгодна, какъ выставка г. академика академіи художествъ г. Сухоровскаго, которому и надо отдать пальму первенства. Показывая свою «Нану» за 50 коп., онъ, какъ говорятъ, собралъ уже до 50 т. руб. На такую свѣчу комаровъ летитъ гораздо больше. Если цифра, о которой говорятъ, не преувеличена, то это вѣдь значитъ, что Нану посѣтили до 100,000 чел. Я не видѣлъ эту «замѣчательную картину», когда она была въ Петербургѣ, а потому, слыша о ней со всѣхъ сторонъ восторженные отзывы (даже отъ почтенныхъ матерей семействъ, которыя ее смотрѣли) и увидѣвъ противъ вокзала Смоленской желѣзной дороги, по пути на выставку, огромнѣйшую, чуть ли не въ заборъ вышиною, вывѣску, гдѣ красными и зе-

Digitized by Google

леными буквами изображено: «Нана подлѣ памятника Пушкина», заѣхалъ посмотрѣть на эту сосѣдку нашего поэта. Говорятъ, что не видѣть Нану считается въ нѣкоторыхъ московскихъ сферахъ даже невѣжествомъ. Выставка помѣщается дѣйствительно подлѣ памятника Пушкина и какъ-разъ противъ Страстнаго монастыря, что также не особенно удивительно для Москвы: тамъ, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на Варваркѣ на стѣнѣ церковной ограды красовалась же вывѣска: «Депо блистательной ваксы Кочеткова». Религіозность въ Москвѣ совсѣмъ особеннаго рода. Но не уклоняюсь въ сторону отъ «замѣчательной картины». На самомъ подъѣздѣ г-жи Наны стояли и не смѣялись, а просто ржали отъ восторга два дебелыхъ купца, очевидно, возвращавшіеся съ выставки. Энергическіе жесты руками сопровождали ржаніе и, очевидно, соотвѣтствовали движеніямъ хвоста у жеребцовъ и собакъ. Множество мелкихъ вывѣсокъ: Нана! Нана! Нана! налѣпленныхъ на углахъ, дверяхъ, стѣнахъ, окнахъ и вообще всюду, гдѣ только ихъ можно было прилѣпить, привели меня къ дѣвицѣ, продающей билеты. «Вамъ на выставку? любезно спросила она: — пожалуйте», и, вручивъ билетъ, проводила меня въ совершенно темную комнату — спальню Наны. Окна были тщательно занавѣшаны чѣмъ-то чернымъ; а за аркой, въ узенькой сосѣдней комнаткѣ, освѣщенной однимъ только окномъ, свѣтъ изъ котораго искусно направленъ на картину, покоилась сама Нана, совершенно голая, растянувшись на кушеткѣ, покрытой тигровой кожей. Я слышалъ, что Нана г. Сухоровскаго изображена голою и представляетъ собою довольно неприличную картину, но я никакъ не думалъ, чтобы она была такъ гола, и чтобы были изображены съ такимъ безстыдствомъ всѣ подробности женской наготы. Все же, думалъ я, хоть покрывало какое-нибудь есть или поза какая-нибудь, для приданія нѣкоторой скромности придумана, или, наконецъ, классическій фиговый листочекъ имѣется, но ничего этого нѣтъ и все выставлено на показъ съ поразительною ясностью. Только одна, кажется, правая нога ниже колѣна чѣмъ-то прикрыта. Техника картины, дѣйствительно, тонкая—глаза какъ живые, тѣло какъ живое, но, право, краснѣешь отъ стыда. Едва дверь за мною затворилась, какъ сейчасъ же вновь отворилась, и дѣвица, продающая билеты, сказала: «Неугодно ли вамъ бинокль? Совѣтую стоять вотъ здѣсь и смотрѣть прямо въ глаза, окидывая остальную часть картины съ этой точки зрѣнія; а для полной иллюзіи совѣтую смотрѣть вотъ сюда», и она указала на огромное зеркало, помѣщенное у противуположной стѣны, въ темной комнатѣ, гдѣ картина отражалась. Тутъ только я замѣтилъ, что въ комнатѣ находился не я одинъ, а сидѣли еще три посѣтителя — одинъ безбородый юноша и два лысыхъ старца, повидимому, изъ чиновниковъ, которые тоже отражались въ зеркалѣ. Они до того были преданы созерцанію «полной иллюзіи», что затаили дыханіе и не

Digitized by Google

выдали своего присутствія даже вздохомъ. Иллюзія, дѣйствительно, получается полная, но за то вы испытываете и другую иллюзію: — вы видите, что попали не на художественную выставку, а въ нѣкоторое заведеніе. Болѣе циничной картины мнѣ видѣть не приходилось, и, право, выставку г. Сухоровскаго я ни съ чѣмъ инымъ сравнить не могу, какъ именно съ непотребнымъ заведеніемъ, которое онъ перевезъ теперь въ Москву по случаю выставки, а на будущій годъ, можетъ быть, повезетъ въ Нижній на ярмарку. О, такія заведенія могутъ приносить ихъ владѣльцамъ очень много... Такая картина своего рода капиталъ, капиталъ гораздо болѣе долговѣчный, чѣмъ живыя Наны. Читая романъ Зола, вы, конечно, не чувствуете такого отвращенія, какъ смотря на картину г. Сухоровскаго: тамъ вы видите картину нравовъ, чувствуете нѣкоторую мораль, тамъ вы, сравнивая Нану съ другими дѣйствующими лицами, напримѣръ, хоть съ Мюфа, не знаете, кто хуже — она или они, тамъ вы порою даже жалѣете Нану; здѣсь же ничего этого нѣтъ, и передъ вами одно только тѣло, предназначенное распалять самыя грубыя страсти московскихъ купцовъ и лысыхъ тихонь чиновниковъ. Романъ Зола послужилъ темою для нѣсколькихъ художниковъ и скульпторовъ, но никто, кажется, не сдѣлалъ изъ него такого сквернаго употребленія, какъ г. Сухоровскій. Всѣ, напримѣръ, вѣроятно, видѣли недавно появившуюся олеографическую картинку въ двухъ видахъ: патера, читающаго романъ Нана, котораго въ самую, повидимому, интересную мимину жалитъ пчела въ носъ, и затѣмъ того же патера разрѣзывающаго пчелу ножницами съ самымъ невѣроятнымъ остервѣненіемъ. Какая разница въ пользованіи одной и той же темой. Осмотрѣвъ заведеніе г. Сухоровскаго, я уже въ заведеніе г. Ростовскаго—смотрѣть «Минуту Нѣги» не поѣхалъ, тѣмъ болѣе, что, взявъ въ гостинницѣ, гдѣ стоялъ, самую распространенную теперь въ Москвѣ и весьма неопрятную газету «Московскій Листокъ», прочелъ тамъ объ этой картинѣ слѣдующее: «Г. Ростовскій въ фойе театра Салодовникова выставилъ картину «Минута нѣги». Вещица эта, по своимъ художественнымъ достоинствамъ, ниже всякой критики и прямо расчитана на порнографическіе инстинкты толпы, но и въ послѣднемъ художникъ тоже ничего не съ умѣлъ сдѣлать: отдыхающая безъ покрывала женщина напоминаетъ собою картины, развѣшивавшіяся въ старину въ отдѣльныхъ кабинетахъ трактировъ средней руки» (№ 167). Если такъ отзывается о картинѣ газета, сама не отличающаяся особенною опрятностью и неизвѣсто чѣмъ больше недовольная — тѣмъ ли что картина взываетъ къ дурнымъ инстинктамъ или тѣмъ, что художникъ не *съумѣлъ* ничего сдѣлать по части изобразительности женскаго тѣла, то, конечно, смотрѣть ее было нечего. Въ томъ же № «Московскаго Листка» вычиталъ я, между прочимъ, слѣдующее: «Г. Савичъ, картины котораго помѣщаются въ настояще время на частной выставкѣ въ домѣ Шаблыкина,

Digitized by Google

на Большой Дмитровкѣ, занятъ работой.—Амуръ и Психея. Вещь задумана превосходно (?!), но сюжетъ идетъ дальше, чѣмъ даже въ картинѣ «Минута Нѣги». Куда же это дальше? Г. Ростовскій пошолъ дальше г. Сухоровскаго, а этотъ идетъ еще дальше г. Ростовскаго?! Все это несомнѣнно знаменія времени. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти зрѣлища и удовольствія отличались деликатностью и тонкостью вкусовъ и чувствъ и чтобы получалась пріятная картина нравовъ.

Когда я послѣ Наны г. Сухоровскаго попалъ опять на промышленно-художественную выставку, то мнѣ она тоже почему то показалась Наною. Тоже, казалось мнѣ, стремленіе выставить на показъ всѣ свои прелести, тоже желаніе поразить зрителя предметами безумной роскоши, когда рядомъ стоитъ голодная и холодная нищета, тоже отсутствіе идеи и стремленія служить народу и прогрессу своей страны и тоже присутствіе низменныхъ страстей, къ удовлетворенію которыхъ, очевидно, наша промышленность стремится, стараясь угодить испорченнымъ вкусамъ немногочисленнаго зажиточнаго класса лицъ, тоже стремленіе жить не на счетъ своего собственнаго труда, а на счетъ казны и покровительственныхъ пошлинъ, о которыхъ только и толкуютъ наши фабриканты, и т. д. Вы ясно видите, что промышленность наша показываетъ еще свои прелести не въ настоящемъ, а въ подмалеванномъ видѣ: она еще набѣлилась и нарумянилась, чего, кажется, не дѣлала Нана. Вотъ это то главнымъ образомъ и придаетъ увеселительный характеръ выставкѣ, а не одни только обжорныя заведенія г. Лопашова, цыганскія пѣсни и концерты музыкальнаго общества, для которыхъ выстроенъ особый музыкальный павильонъ, (музыки даже мало слышится на выставкѣ, а больше все колокола), вовсе не однѣ только приспособленія для покупки конфектъ и нарядовъ, обращающія иногда нѣкоторые павильоны въ настоящій гостинный дворъ, и т. д. На выставку натащена такая масса предметовъ—нужныхъ и совершенно ненужныхъ, полезныхъ и безполезныхъ, новыхъ и старыхъ, что о состояніи русской промышленности очень легко составитъ себѣ чрезвычайно ошибочное представленіе. Для чего, напр., присутствуютъ на выставкѣ лодки, манекены, мачты, пушки, бараки, цѣлые лазареты и т. п. тяжелые и громоздкіе предметы? Для чего присутствуютъ всѣмъ извѣстные и перебывавшія уже на многихъ выставкахъ картины Гг. Рѣпина, Маковскаго, Верещагина, Айвазовскаго и другихъ художниковъ, даже старинныя картины Бруни и Иванова? Вѣдь если бы свозить все, что написано нашими художниками хоть въ одномъ только нынѣшнемъ столѣтіи и опустошить для этого всѣ наши галлереи, музеи, академію и другія хранилища живописи, то можно было бы навезти и еще больше картинъ. Для чего присутствуютъ на выставкѣ вещи также бывшія на другихъ выставкахъ, какъ напр. двѣ литыя конныя статуи фабрики Ф. Ю. Шопена? Для чего медвѣди изъ иголокъ, десяти-

Digitized by Google

пудовые пряники, сахарныя группы по 200 руб., церкви и соборы изъ дощечекъ, гипса и даже соломы по 500 р., 1500 р. и дороже? Говорить ли все это о процвѣтаніи промышленности, или, можетъ быть это искуство, которое нуждается въ поощреніи? Положимъ, что покрыть сдѣланнаго изъ чего нибудь медвѣдя иголками вмѣсто шерсти не легко, что замѣсить и пропечь 10 пуд. пряникъ также трудно, а свертѣть изъ соломы цѣлый соборъ еще того труднѣе, но все это, право, не трудъ и не искуство, а если и искуство, то искуство поощренія не заслуживающее. Группы изъ «Жизни за Царя», сдѣланныя изъ сахара, вовсе не художественныя произведенія и могутъ быть сдѣланы и изъ всякого другаго какъ съѣдобнаго, такъ и не съѣдобнаго матеріала. Вкуса онѣ, вѣроятно, особаго не имѣютъ, ѣсть ихъ неудобно, а литейные заводчики и скульпторы, вѣроятно, никогда не замѣнятъ бронзы, чугуна и мрамора сахаромъ. Я видѣлъ еще коровій рогъ, обдѣланный кѣмъ то въ золото или бронзу, въ видѣ какой-то невиданной птицы или дракона, рыцарское вооруженіе для какихъ-то несуществующихъ уже теперь рыцарей, цвѣты изъ волосъ (по 100 руб.), изъ жучковыхъ крылышекъ и т. д. Все это пустяки, которымъ не должно было бы быть мѣста на выставкѣ и которыя тамъ имѣются для доставленія публикѣ удовольствія. У Наны г. Сухоровскаго тоже какіе то букеты стоятъ на столѣ и браслетъ валяется на полу. Между тѣмъ вездѣ этихъ пустяковъ такъ много, что они порою заслоняютъ собою дѣло и сбиваютъ наблюдателя, не знакомаго съ дѣйствительнымъ состояніемъ нашей промышленности или лѣнящагося съ нею ознакомиться, съ толку, внушая ему, разумѣется, мысль, что промышленность сдѣлала такіе успѣхи и находится на такомъ высокомъ уровнѣ, что удовлетворяетъ вполнѣ всѣмъ потребностямъ государства, такъ что ей остается развѣ только заниматься дѣланіемъ сахарныхъ группъ или цвѣтовъ изъ волосъ. Что такое представленіе внушается, то это несомнѣнно, и внушается оно всѣмъ характеромъ выставки и въ особенности изобиліемъ самыхъ вычурныхъ, самыхъ невѣроятныхъ предметовъ роскоши. Газеты не мало уже распространялись о директорскомъ вагонѣ юго-западной желѣзной дороги (одной изъ наиболѣе не исправныхъ передъ правительствомъ дорогъ), гдѣ свѣчи изъ чистаго серебра, ватерклозеты изъ мрамора съ палисандровымъ деревомъ, спальни для гостей изъ лимоннаго дерева, а спальня хозяина обита атласомъ и на дорогой кровати постлано атласное же одѣяло, подбитое кружевомъ. (У Наны не было такой роскоши, а на картинѣ у нея только тигровая шкура). Но развѣ этотъ вагонъ представляетъ какую нибудь рѣдкость или исключеніе на выставкѣ, развѣ тамъ мало другихъ еще болѣе роскошныхъ предметовъ?

Стоитъ только заглянуть въ отдѣлы золотыхъ издѣлій, мебели, домашней утвари и одежды, чтобы увидѣть, что многое оставляетъ за собою даже вагонъ г. директора юго-западной дороги.

Digitized by Google

Мнѣ разсказывали, что одинъ молодой богатый саврасъ, которому родитель не даетъ наличныхъ денегъ, желая извлечь изъ старика нѣкоторую толику таковыхъ, по случаю своей женитьбы, убѣдилъ его умеблировать свое будущее жилище, состоявшее изъ 5 комнатъ, по вкусу своей жены, и представилъ смѣту на 40 т. руб., на что тотъ весьма нерезонно отвѣтилъ: «рыломъ вы еще съ твоею женою не вышли». Мнѣ разсказывали объ этомъ и удивлялись, куда можно употребить такую огромную сумму, но это нисколько не удивительно. Еслибы кто нибудь, положимъ купецъ Парамоновъ, пожелалъ жениться или завести себѣ «штучку», въ родѣ Наны, и пожелалъ бы на выставкѣ купить для нея женскій гардеробъ и мебель для своихъ аппартаментовъ тоже изъ 5 комнатъ, то 40 т. руб., пожалуй, даже не хватило бы. Пожалуй не хватило бы даже 100 т. руб., и при этомъ онъ могъ бы даже не покупать бриллiантовъ и золота, картинъ, какихъ нибудь дорогихъ украшенiй и даже наиболѣе дорогихъ вещей, а ограничился бы только деревомъ, бронзой, пенькою, шерстью и шолкомъ хорошихъ достоинствъ. И въ самомъ дѣлѣ, намѣтимъ нѣкоторыя вещи и посмотримъ въ каталогѣ ихъ цѣны. Положимъ, для гардероба жены онъ заплатилъ бы, напр. у Лемерсе: за 1 дюж. денныхъ рубашекъ 1800 р., за 1 д. ночныхъ 2100 р., за 1 д. простынь 2640 р., за 1 д. платенецъ 350 р., за одно покрывало 300 р., за 6 кофточекъ 306 р., за 2 пеньюара 400 р. и за 1 платье 500 р.; затѣмъ онъ купилъ бы у г-жи Самойловой 1 дюж. воротничковъ по 80 р. шт.—960 р., 1 д. рукавчиковъ—300 р. и 1 накидку 300 р., у г-жи Юдиной 1 д. чулокъ—180 р., у г-жи Усковой 1 д. платковъ—1440 р. и другую дюжину у г-жи Гуковой—1200 р.; далѣе изъ мѣховыхъ вещей онъ взялъ бы у Бѣлкина манто въ 1500 р., выѣздную ротонду въ 4000 р., выходную шубку—1250 р., 1 шапочку—100 р., боа—350 р., муфту 300 р., 1 пуховую мантилью 200 р. и 1 пух. одѣяло 200 р., затѣмъ, такъ какъ 1 платья для порядочной женщины мало, то онъ взялъ бы еще 1 платье у Ведерникова 700 р. и 1 платье у г-жи Юдиной въ 1000 р., присоединивъ къ этому національный костюмъ 50 р. и бальную накидку 650 р.; затѣмъ послѣдовали бы разныя мелочи, въ родѣ: двухъ паръ башмаковъ у Гибнера—80 р., 1 д. перчатокъ у Долгоносова 27 р., подушки у г-жи Бардаковой 50 р. и накидки на подушку у г-жи Гуковой 150 р., вѣера 150 р., барбъ (хоть 1/2 дюж.) 360 р., перелинки у г-жи Виноградовой 100 р., сашэ для платковъ и т. д. Все это составитъ уже сумму около 25000 р. Затѣмъ, такъ такъ золоченую гостинную мебель во вкусѣ Людовика XIV, выставленную г. Лизере, перекупилъ у нашего Парамонова кн. Петръ Кочубей, заплативъ за нее 12,000 р. («Совр. Изв.», № 181), то придется или заказать такую же мебель, или подобрать другую. Можно подобрать на эту цѣну и другую не худшую мебель, напримѣръ, у Вундерлиха, гдѣ также есть стулья по 400 р. за штуку, т. е. 4,800 р. за дюжину; а если въ гостинную помѣ-

Digitized by Google

стить 2 зеркала отъ Леонарда по 1,000 р. за штуку, да взять двѣ двери у Волосатикова по 2,000 р. за каждую, купить изъ отдѣла желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій хорошенькіе канделябры у Винклера въ 3,000 р., лампу хоть рублей въ 600 у Кумберга или Тихонова, вязанную салфетку на столъ у г-жи Хрептовичъ въ 500 р., 2 подушки на диванъ по 400 р. и еще чего-нибудь, то гостинная выйдетъ нисколько не хуже Кочубеевской и будетъ стоить также около 25 т. р. Столовая, если мы возьмемъ буфетъ въ 3,000 р. и обѣденный столъ въ 400 р. отъ Шютца, 2 дюжины стульевъ у Левита въ 4,200 р., чайный сервизъ въ 1,300 р. и дежене въ 1,200 р., тарелокъ дюжины четыре по 50 р. за штуку и 2 дюжины десертныхъ тарелокъ по 600 р. за дюжину съ фарфороваго завода и т. п., обойдется тысячъ въ 20. Въ кабинетъ Парамоновъ поставитъ: письменный столъ и кресло къ нему въ русскомъ стилѣ отъ Егорова въ 9,000 р. и письменный приборъ въ 200 р., 2 книжныхъ шкафа (нынче купцы любятъ книжные шкафы) отъ Леонтьева (по 6,000 р.) 12,000 р. ларь 2,500 р., фаянсовый каминъ отъ Кузнецова 2,500 р., бюро отъ Вундерлиха въ 950 р., несгараемый шкафъ (для прятанія денегъ отъ Наны) отъ Виллера 1,800 р., диванъ рублей хоть въ 500 (есть диваны въ 1,200 р.), да стульевъ хоть полдюжины, то вотъ вамъ и вышло уже болѣе 25,000 р. Въ спальню нужно 2 кровати дубовыхъ отъ Петржиковскаго (по 1,500 р.) 3,000 р., туалетъ въ русскомъ стилѣ съ табуреткой отъ Бетца 460 р. или хоть будуарный столикъ съ кресломъ отъ г. Гейбовича въ 625 р., шифоньерку отъ Вундерлиха — 800 р., 2 тумбы отъ Зибрехта 200 р., дамскій рабочій столикъ отъ Волосатикова 200 р., какой-нибудь дешевый ассортиментъ будуарной мебели, рублей въ 1,000, хоть какой-нибудь письменный столикъ (все же и Нанѣ, глядишь, придется что-нибудь написать) рублей въ 10, что ли... Но вотъ вамъ и всѣ уже 100,000 р. А у Парамонова, между тѣмъ, осталась еще безъ мебели зала, онъ не купилъ также ни рояля у Вернера въ 1,200 р., ни фаэтона у Петрова въ 2,100 р., ни кареты у Брейтигама въ такую же цѣну, ни дышловой упряжи въ 500 руб., ни ножей, ни вилокъ у Батта по 144 р. за дюжину, ни туалетнаго прибора у Корнилова въ 120 р., ни купальныхъ и умывальныхъ принадлежностей у Смирнова въ 525 р. и т. д. Словомъ, не купилъ еще многаго, что слѣдовало купить, не купилъ даже ни одного образа въ 1,500 р., у Петржиковскаго или Фраже и ни одного кіота у Захарова также въ 1,500 р., не говоря уже о какихъ-нибудь украшеніяхъ, въ родѣ фаянсовыхъ фигуръ по 650 р. за штуку, вазъ хоть по 2 т. за штуку (есть вазы въ 35 т.), консолей Порше по 700 р. за штуку, оконныхъ ширмъ по 65 р. за шт., занавѣсей по 40 р. за шт., экрана въ 200 р., вышитыхъ картинъ въ 800 р. (у Лемерсье) или въ 2,000 р. (у Ел. Поликарп. Студенцовой). А послѣдняя картина вышита на историческо-патріотическій сюжетъ и изображаетъ спасеніе Петра I. И, замѣтьте, что Парамоновъ не покупалъ также

Digitized by Google

ни брилліантовъ, ни золота, ни серебра, стоющихъ десятки и сотни тысячъ, не покупалъ бронзовыхъ съ мозаикою ширмъ въ 29,000 руб., не покупалъ даже очень дорогихъ вещей. Такъ, напримѣръ, онъ взялъ платье у Юдиной въ 1,000 руб., когда у нея есть платье въ 1,500 руб.; письменный приборъ взялъ только въ 200 р., когда у г. Смирнова есть одна только чернильница въ 4,850 р., прессъ-бюваръ въ 360 р. и пара подсвѣчниковъ въ 750 р.; онъ взялъ тарелки только по 50 руб. за штуку, когда есть тарелки по 130 р. за штуку, и. т. д. Онъ не купилъ еще разныхъ мелочей, составляющихъ необходимую принадлежность культурнаго жилища, въ родѣ курильницъ, цвѣтниковъ, трельяжей и т. д., не купилъ: часовъ, портфеля, чемодановъ, сакъ-вояжей, щеточекъ, гребешковъ, ножницъ, перочинныхъ ножей, палокъ, зонтиковъ и т. д., безъ чего культурный человѣкъ не обходится даже въ пути, набивая ими свои чемоданы, а все это также стоитъ не дешево. Еслибы онъ все это купилъ и выбиралъ наиболѣе дорогія вещи, а тѣмъ болѣе, еслибы онъ зашелъ туда, гдѣ соперничаютъ ювелиры и мастера по драгоцѣннымъ металламъ, гг. Болины, Фаберже, Чичелевы, Сазиковы, Овчинниковы и Хлѣбниковы — гдѣ висятъ виноградныя кисти изъ жемчуга, стоятъ букеты изъ драгоцѣнныхъ камней и красуется шиповникъ, лепестки котораго сдѣланы изъ розоватыхъ брилліантовъ, середина изъ большого, въ орѣхъ, желтаго брилліанта, а листья на вѣткѣ изъ брилліантовъ зеленоватой воды, то, конечно, могло бы не хватить и новыхъ ста тысячъ. Что тогда было бы изъ нашего Парамонова и его «штучки», наряженной во всѣ эти беллиндрясы, конечно, отгадать не трудно: онъ остался бы тѣмъ же Парамоновымъ и сколько ни сидѣлъ бы за драгоцѣннымъ письменнымъ столомъ, конечно, Шекспиромъ не сдѣлался бы, а «штучка» его осталось бы тою же «штучкою». Между тѣмъ, вѣроятно, гг. Парамоновыхъ не мало, если изготовляется такое обиліе бездѣлушекъ и если онѣ находятъ для себя покупателей. Какой контрастъ представляетъ со всею этою роскошью кустарный отдѣлъ, гдѣ стоятъ деревянныя чашки и ложки, лапти и сомодѣльныя грубыя ткани. Какой контрастъ представляетъ весь этотъ блестящій пиръ выставки съ дѣйствительнымъ состояніемъ промышленности, съ ея нуждами и потребностями. Тутъ происходитъ пиръ, а одновременно въ Петербургѣ, публикуется новый покровительственный тарифъ, возвышающій пошлины на привозные товары. Тутъ говорятъ объ успѣхахъ и процвѣтаніи промышленности, а тамъ сами фабриканты признаются, что они существуютъ только благодаря покровительственнымъ пошлинамъ, что многія отрасли промышленности переживаютъ трудную минуту, заставляющую ихъ сокращать производство и число рабочихъ. Контрастовъ вообще много. Съ одной стороны, канделябры въ 3,000 р., а съ другой—лучина, составляющая, повидимому, правильное производство въ имѣніи гр. Уварова. Съ одной стороны, эфектъ смазочныхъ минераль-

Digitized by Google

ныхъ Рагозинскихъ маслъ, съ другой—безпорядки и почти крахъ самой смазочной компаніи. Съ одной стороны, сказочные вагоны желѣзнодорожныхъ директоровъ, а съ другой—разсчетъ профессора Чупрова, что нашъ транспортъ ложится лишними 1½—2 р. на четверть пшеницы, что наша перевозка вообще гораздо дороже заграничной («Моск. Вѣд.», № 185), причемъ даже такія богатыя дороги, какъ московско-рязанско-козловская, акціи которой, при номинальной цѣнѣ въ 100 р., стоятъ 400 р, возвышаютъ тарифъ на грузы малой скорости на цѣлые 20% («Нов. Время», № 2229), затѣмъ, общая задолженность желѣзныхъ дорогъ и, наконецъ, катастрофы, въ родѣ тилигульской и недавно случившейся на московско-курской дорогѣ, которая искалѣчила нѣсколько десятковъ людей и погребла живьемъ отъ 60 до 200 чел. (сколько именно—точно неизвѣстно), которые до сихъ поръ не всѣ еще отрыты и изъ которыхъ нѣкоторые, можетъ быть, еще находятся въ агоніи (при обвалахъ каменноугольныхъ шахтъ и колодцевъ были случаи и болѣе продожительной жизни подъ землей). Тутъ стремленіе угодить украшеніями и нарядами самымъ прихотливымъ вкусамъ и капризамъ, тамъ, на фабрикѣ г. Хлудова, опытъ тушенія пожара запираніемъ рабочихъ въ загорѣвшемся зданіи фабрики. Тутъ въ витринахъ такое обиліе золота и драгоцѣнностей, тамъ нужда въ какихъ-нибудь копейкахъ и хлѣбѣ, обезцѣненіе рубля и паденіе курса, минутное повышеніе котораго недавно такъ неудачно и преждевременно привѣтствовалъ г. Катковъ. Въ то время, когда въ 1880 г. золота было привезено въ Россію по европейской границѣ на 6,906,069 р. и по азіатской на 139,039 р., того же металла было вывезено на 24,139,158 р. по европейской границѣ и на 1,726,850 р. по азіатской. Это означаетъ, что золото уходитъ изъ страны, а внутреннія потребности неудовлетворяются промышленностью, это считается признакомъ неудовлетворительнаго состоянія промышленности и торговли и вообще экономическаго положенія страны. Даже тѣ отрасли промышленности, которыя сдѣлали за послѣдніе годы особенно большіе успѣхи, и тѣ еще находятся на весьма низкой степени развитія, такъ что нетолько не производятъ избытковъ произведеній для вывоза, но не удовлетворяютъ даже домашнихъ потребностей и заставляютъ страну выписывать все изъ-за границы. Мы выписываемъ и желѣзо, и чугунъ, и ткани, и каменный уголь, и керосинъ, и кожи (не одни только шагрени, но и подошвы), и мѣдь, и свинецъ, и вообще все, что только можно выписывать. Каменнаго угля, напримѣръ, мы получили въ 1880 г. изъ-за границы 114,968,237 пуд., что ровнялось 37% всего потребленнаго угля, такъ-что свой уголь значитъ составлялъ 63% или менѣе ⅔ всего количества, причемъ насъ снабжали углемъ нетолько Великобританія, Франція и Германія, но даже такія страны, какъ Турція и Румынія. Мы привезли въ томъ же году чугуна 15,036,212 п., желѣза полосового и желѣзныхъ рельсовъ—6,423,888 п., желѣза листового 2,959,115 п. и стальныхъ

Digitized by Google

рельсовъ 1,833,048 п. Собственный чугунъ у насъ удовлетворяетъ спросъ въ размѣрѣ 64%, а желѣзо только въ размѣрѣ 58%. Снабжаетъ насъ чугуномъ и желѣзомъ преимущественно Англія, а между тѣмъ, было время, когда мы добывали и имѣли чугуна и желѣза больше Англіи. Мѣди мы получаемъ болѣе 550,000 п. и свинца болѣе 1,167,800 п. (въ 1879 г.). Тоже самое и съ другими товарами. Вотъ что мы прочли недавно въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» о состояніи московскаго рынка въ 1881 году:

«Неблагопріятное окончаніе 1880 торговаго года, при низкихъ цѣнахъ на бумажную пряжу, миткаль и всѣ вообще мануфактурные товары, едва не вызвало торговаго кризиса на мануфактурномъ рынкѣ. Новый 1881 годъ начался, вслѣдствіе этого, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и многіе изъ фабрикантовъ и торговцевъ мануфактурными произведеніями запродали въ январѣ и февралѣ нетолько наличный, но и часть будущаго товара по убыточныхъ для себя цѣнамъ» (№ 132).

Оживленіе на крещенской и ирбитской ярмаркахъ нѣсколько поправило дѣло; спросъ на мануфактурный товаръ повысился и въ мартѣ цѣны на него нѣсколько поднялись но... «Спекуляція тотчасъ воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, и всѣ продажи миткаля въ весенніе мѣсяцы были сдѣланы по значительно повышеннымъ цѣнамъ противъ начала». Удовлетворительные виды на урожай хлѣбовъ и ожидавшееся оживленіе осенней отпускной хлѣбной торговли опять-было вызвали повышеніе цѣнъ на мануфактурные товары; нижегородская ярмарка также поддержала оживленіе и дала «возможность фабрикантамъ и торговцамъ освободиться отъ значительной части имѣвшихся у нихъ запасовъ». Но «къ сожалѣнію, говоритъ «Правит. Вѣстникъ», надеждамъ, бывшимъ на рынкѣ весною, относительно огромнаго вывоза хлѣба за границу не суждено было осуществиться: высокія цѣны на хлѣбъ какъ внутри Россіи, такъ и въ портахъ затормозили вывозъ хлѣба; застой же въ хлѣбномъ дѣлѣ вызвалъ уменьшеніе денежнаго обращенія на внутреннихъ рынкахъ, сокращеніе спроса на мануфактурный товаръ и естественное паденіе на него цѣнъ. Такимъ образомъ, ноябрь и декабрь прошли почти безъ дѣлъ и при низкихъ цѣнахъ какъ на суровье, такъ и на готовый товаръ. Къ концу декабря, хотя дѣла немного и оживились, въ надеждѣ на зимнія ярмарки, тѣмъ не менѣе цѣны не поправились и 1881 годъ закончился при значительныхъ запасахъ мануфактурнаго товара, слабомъ на него спросѣ и при низкихъ цѣнахъ...» Затѣмъ «Правит. Вѣстн.» указываетъ и на «вялое настроеніе съ испанскою мериносовою шерстью», перешедшее отъ 1880, державшееся всю первую половину 1881 г. (такъ что цѣны на грязную шерсть на югѣ упали до 8 р. 50 к. за пудъ) и затѣмъ лѣтомъ нѣсколько было оживившееся, но не на долго, такъ что «весь остальной 1881 г. отличался крайней неопредѣленностью и вялостью». Цѣны опять

Digitized by Google

понизились, торговля сукнами шла *крайне неудовлетворительно* и нѣкоторые фабриканты *были принуждены сократить выработку суконъ*. Требованія на шелковыя ткани сократились и «цѣны на ткани въ продолженіи 1881 г. были невысоки. Продажа шла преимущественно на деньги, или на самый короткій срокъ, а если и былъ увеличенъ кредитъ, то это только ради сбыта остановившагося требованія на канаусъ и фай, которые были продаваемы на дальніе сроки». Торговля выдѣланными кожевенными товарами также «шла не особенно оживленно» и цѣны на нѣкоторые сорта кожъ упали отъ 10 до 15% и т. д. (№ 132). Все это какъ-то не особенно вяжется съ нашимъ промышленнымъ торжествомъ. Мы нарочно беремъ эти свѣдѣнія не изъ какихъ-нибудь легкомысленныхъ газетъ, гдѣ въ теченіи 1880—1881 гг. сообщалось не мало фактовъ о банковыхъ и торговыхъ банкротствахъ, сокращеніи рабочей платы, числа рабочихъ и пріостановкѣ фабричныхъ работъ, а изъ газеты оффиціальной, которая, по самому положенію своему, всегда настроена больше оптимистически, чѣмъ пессиместически и склонна глядѣть впередъ «безъ страха и сомнѣнія». А если къ этому присоединить, что и хлѣбная торговля наша испытываетъ затрудненія, что Россія, считавшаяся когда-то хлѣбною житницею Европы, теперь оттѣснена Америкою, то увидимъ, что торжествовать намъ и совсѣмъ не приходится. Вотъ что говорилъ на дняхъ профес. Чупровъ на торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Москвѣ: «Не далѣе какъ въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ Великобританія получала изъ Россіи цѣлую треть своего огромнаго ввоза пшеницы; между тѣмъ, въ 1879 году она взяла изъ Россіи только 13%, въ 1880 году 5%, а въ первые мѣсяцы 1881 года не болѣе 10% ввоза, тогда какъ изъ Америки, напротивъ, она получила въ тѣ же годы 60%, 65% и 70%. Каковы бы не были въ средѣ общества взгляды на значеніе внѣшней торговли для нашей страны, но если перемѣны въ отпускѣ пойдутъ въ томъ же направленіи, наше отечество, при огромной его задолженности за границею, рискуетъ испытать неисчислимыя затрудненія».

Возвращаясь опять къ промышленности, мы видимъ, что она идетъ какимъ-то очень тихимъ, робкимъ и неровнымъ шагомъ. Исключеніе составляетъ развѣ только сахаръ, для котораго, по словамъ «Правит. Вѣстника», «1881 г. во всѣхъ отношеніяхъ можно назвать блистательнымъ» и «очень прибыльнымъ». Но блистательность эта совершалась исключительно на счетъ потребителей. Заводчики, которыхъ у насъ весьма немного и которымъ поэтому всегда не трудно согласиться, рѣшили повысить цѣны на сахаръ и не допускать продажъ въ кредитъ, чего и держатся почти цѣлый годъ чрезвычайно упорно. Цѣны на сахарный песокъ и рафинадъ, въ теченіи 1881 г. «*постоянно повышались*: въ январѣ свеклосахарный песокъ продавался на биржѣ по 5 р. 60 к. за пудъ, а въ декабрѣ поднялся до 7 р. 30 к.; рафинадъ съ 5 р. 80 к. и 6 р. 60 коп. въ январѣ, поднялся

Digitized by Google

къ концу года до 7 р. и 8 р. 70 коп. за пудъ». Но это цѣны торговыя, а мы — потребители — платили и платимъ за сахаръ 9 р. 60 к., 10 р. 40 коп. и дороже за пудъ. Говорятъ, что въ подлежащихъ сферахъ рѣшено обратить серьёзное вниманіе на это «блистательное положеніе» сахарозаводчиковъ и понизить пошлину на заграничный сахаръ, но будетъ ли это и когда будетъ — неизвѣстно. Протекціонисты наши, предлагающіе для оживленія промышленности свою живую воду, т. е. новое повышеніе тарифа, кажется, имѣютъ ясный въ сахарѣ и убѣдительный фактъ, что живая вода ихъ покупается слишкомъ дорогою цѣною — налогомъ на населеніе въ пользу фабрикантовъ, что возростаніе и упроченіе промышленности не всегда идетъ вслѣдъ за покровительственными пошлинамы (пускай у насъ будетъ уничтожена пошлина на сахаръ и мы увиднмъ во что обратятся наши блистательные фабриканты въ самое непродолжительное время) и почти всегда сопровождается спекуляціей, и наконецъ, что для промышленности важнѣе всего существовать не искуственно, а основываться на потребностяхъ страны и стремиться удовлетворять не прихоти и вкусамъ немногочисленныхъ, хотя бы и богатыхъ потребителей, а большинству, то-есть народной массѣ. Между тѣмъ, много ли у насъ производствъ, много ли фабрикъ, которыя имѣютъ въ виду именно такого рода потребителей. Если бы мы попробовали изъ всей массы произведеній нашихъ фабрикъ и мануфактуръ отдѣлить то, что производится собственно для народа, то, конечно, удивились бы — какъ немного такихъ произвеній. Московская выставка даетъ къ этому очень удобный поводъ, такъ что нельзя не пожелать, чтобы кто-нибудь этимъ занялся. За исключеніемъ дешевыхъ ситцевъ и миткалей, да кое-какихъ желѣзныхъ издѣлій и кожъ, расходящихся вовсе не въ такихъ большихъ количествахъ, какъ бы можно было ожидать, еслибы они были доступнѣе по цѣнѣ, мы увидимъ, что народъ самъ удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ: самъ онъ дѣлаетъ рубаху, суконную одежду и шубу, самъ дѣлаетъ соху и борону, обувь и посуду и т. д. Къ сожалѣнію, собственно народное производство (т. е. какъ домашнее, для собственныхъ потребностей, такъ кустарное для сбыта) представлены на выставкѣ весьма неполно и недостаточно, на что указывалось уже въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Говорятъ, что еслибы не дѣятельныя хлопоты нѣкоторыхъ московскихъ земцевъ и лицъ заинтерисованныхъ въ изученіи кустарной промышленности, а главнымъ образомъ не участіе московскаго генералъ-губернатора кн. Долгорукова, то мы не увидѣли бы даже особаго павильона кустарной промышленности, представляющаго изъ всей выставки наибольшій интересъ. Говорятъ, что изъ огромныхъ, милліонныхъ суммъ, потраченныхъ на выставку, на этотъ отдѣлъ было ассигновано или вѣрнѣе выброшено только 15 т. руб. Говорятъ, что нѣкоторыя изъ устроителей выставки даже иронизировали надъ самою мыслью о представленіи произведеній народной про-

Digitized by Google

мышленности на столь великолѣпную выставку: «какая, молъ, тамъ промышленность и произведенія». Они не думали, конечно, что, говоря это, они больше всего иронизируютъ сами надъ собой, потому что этою то промышленностью и удовлетворяется страна, а не дорогими драпами и бархатомъ и тѣмъ болѣе не экзотическими растеніями, для которыхъ также отведено особое помѣщеніе на выставкѣ, и отведено, вѣроятно, съ любезностью. Кромѣ особаго павильона, о которомъ я говорю, кустарный отдѣлъ помѣщается еще въ одной изъ галерей главнаго зданія выставки. Въ павильонѣ находятся произведенія только пяти губерній—Московской, Ярославской, Вологодской, Владимірской и Нижегородской; въ галереѣ же—остальныхъ губерній. Тутъ вы встрѣтите самые первобытныя орудія производства, въ родѣ кусочка косы, вправленнаго въ ручку, или какой нибудь деревянной колотушки, и узнаете, что производители дѣйствуютъ иногда даже зубами, какъ напр. при плетеніи корзинъ или приготовленіи кистей, гдѣ волосъ нужно туго обматывать проволокою. Тутъ вы встрѣтите, начиная отъ самыхъ допотопныхъ произведеній, въ родѣ кулей изъ мочала, до роскошныхъ шолковыхъ и бархатныхъ тканей, продающихся по 8 р. аршинъ, тонкихъ кружевъ, великолѣпной и изящной мебели (поставляемой, разумѣется, въ Москву и другіе города) и даже оптическихъ инструментовъ. Нельзя, не замѣтить вліянія городовъ и большой промышленности (которая, какъ напр. нѣкоторыя мануфактуры между прочимъ нерѣдко существуютъ исключительно работою кустарей, которымъ отдается работа на домъ) на кустарную промышленность, на тобужденіе и возбужденіе даже въ самихъ кустаряхъ стремленія къ производству предметовъ роскоши. Дѣлаются, напр., игрушки, въ родѣ тройки съ экипажемъ, стоющей 125 р., разрисовываются на подносахъ и издѣліяхъ изъ папье-маше кропотливыя карнинки и т. п. И тутъ же вы сейчасъ поражаетесь страшною непропорціональностью цѣнъ между предметами, предназначенными для разныхъ потребителей: дороговизною для людей богатыхъ и дешевизною «для простонародья». Стѣнныя часы напр. стоятъ 70 к., дюжина, складныхъ ножей 50 к. и даже 30 к., а маленькій рисуночекъ на какой-нибудь табакеркѣ, нарисовать который потребовалось, можетъ быть, 1/2 часа или часъ времени, возвышаетъ ея цѣну до 5 и 6 р. Особенный интересъ представляютъ на выставкѣ тѣ производства и тѣ предметы, гдѣ видна самостоятельность мысли и вкуса рабочихъ. Того и другого не рѣдко недостаетъ или выступаютъ они какъ нибудь несообразно, стремясь къ подражанію грубымъ городскимъ образцамъ, но иногда вы просто поражаетесь не только изяществомъ вкуса, но и находчивостью мысли. Такъ, напр., въ кустарномъ павильонѣ выставлена небольшая витрина съ разными предметами, добываемыми изъ пожарныхъ остатковъ и всякаго сора, чѣмъ занимаются въ селѣ Рогачевѣ, Дмитровскаго уѣзда, 19 производителей (съ рабочими 39), выручая въ годъ до 16000 р. Послѣ по-

Digitized by Google

жаровъ они наводятъ обыкновенно справки, что именно сгорѣло изъ имущества и если тамъ было что нибудь цѣнное, то берутъ или покупаютъ соръ и увозятъ его къ себѣ въ деревню. Покупаютъ они также мусоръ изъ передѣлываемыхъ церквей и мастерскихъ серебряниковъ. Въ этой скупкѣ и разъѣздахъ проходитъ цѣлая зима, а лѣтомъ, когда мусора накопится достаточно, они подвергаютъ его сортировкѣ и обработкѣ путемъ сложныхъ химическихъ процессовъ, до которыхъ дошли совершенно самостоятельно, не имѣя, разумѣется, понятія о химіи, какъ наукѣ. Они добываютъ изъ мусора: золото (изъ кусочковъ разбитыхъ позолоченныхъ рамъ), серебро, мѣдь, свинецъ, ртуть, марянку, мѣдный купоросъ, селитру и т. п. Не безынтересенъ также въ томъ же отдѣлѣ маленькій локомотивъ, сдѣланный крестьяниномъ Владимірской губ., Муромскаго уѣзда села Загарина, И. И. Бирюковымъ, «лишь раза три видѣвшимъ какъ поясняетъ надпись, настоящій локомотивъ на ближайшей станціи (Гороховой) ж. д., и при томъ въ такой мѣстности, гдѣ исключительно существуетъ бондарный промыселъ и слесарей—не только механиковъ—нѣтъ». Крестьянинъ этотъ, служитъ теперь смазчикомъ на желѣзной дорогѣ и, говорятъ, очень доволенъ своею судьбою. Изъ губерній лучше другихъ представлена Московская, а затѣмъ Тверская, Вологодская, Нижегородская и нѣкоторыя другія. Гдѣ земство, какъ напр. въ Московской губ., приложило старанія, тамъ вы и видите, что нѣчто сдѣлано, положимъ пока только для самопознанія, но и это не дурно, когда другія и до этого еще не дошли. Безъ земскаго участія вѣроятно не было бы прислано и того, что теперь есть на выставкѣ, ибо большинство кустарей настолько бѣдно, что имъ приходилось выдавать авансы или покупать даже у нихъ вещи. Какихъ нибудь два самовара уже затрудняли оборотъ и правильное теченіе производства. Кустари нуждаются не въ одномъ только изученіи, но и въ матеріальной поддержкѣ ихъ кредитомъ, въ освобожденіи ихъ отъ зависимости скупщиковъ, торговцевъ и другихъ причастнымъ къ нимъ капиталистовъ, и вообще въ организаціи ихъ производствъ на болѣе или менѣе правильныхъ основаніяхъ и въ сообщеніи имъ раціональныхъ, техническихъ пріемовъ и знаній (насколько полезнѣе было бы, напримѣръ, еслибы суммы, потраченныя на выставку, были употреблены на поддержку кустарнаго производства); но, очевидно, что время для этого еще не наступило. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только посмотрѣть, что и какъ толкуютъ о выставкѣ въ свѣтѣ. Беру наиболѣе серьёзную—«Московскія Вѣдом.» (№ 170) и нахожу слѣдующія разсужденія и мысли о мебели:

«Насколько допустима фантазія въ мебели? Область фантазіи ограничивается здѣсь цѣлымъ рядомъ условій, вытекающихъ изъ самаго назначенія предмета.. Фантазіи открывается просторъ лишь въ области мелкихъ подробностей и внѣшняго украшенія.

Digitized by Google

А въ этой области фантазія также ограничивается другими условіями.

«Каждый народъ предъявляетъ къ жилью (а слѣд. и къ мебели) свои собственныя, лично ему свойственныя требованія, которыя вытекаютъ изо всей совокупности національныхъ, климатическихъ и культурныхъ особенностей. Каждый народъ по своему устраиваетъ свое жилище; каждая нація и, въ частности, каждая историческая эпоха по своему создаетъ себѣ свой жилой уютъ. Этотъ жилой уютъ представляетъ явленіе очень сложное, но вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно цѣлостное, ибо всѣ составныя его части вытекаютъ изъ одного и того же круга и склада матеріальныхъ потребностей и эстетическихъ воззрѣній, налагающихъ на все свой отпечатокъ. Стиль есть именно этотъ отпечатокъ свойственныхъ каждому народу особенностей и своеобразностей; поэтому каждая нація имѣетъ свой стиль». Ну, и т. д. Оказывается, разумѣется, что французская мебель не удовлетворяетъ русскому стилю, что у насъ въ домахъ трудно найти остатки «нашей культурной старины иначе какъ въ церквахъ и дворцахъ. Церковь и царь пріосѣнили и сберегли подъ своею сѣнью русскую народность и ея духовныя проявленія. Старинная утварь, старинное оружіе, старинная архитектура, старинное убранство почти не встрѣчаются въ домахъ нашихъ частныхъ лицъ. За то въ этихъ домахъ существуютъ цѣлыя библіотеки французскихъ старинныхъ изданій, цѣлые склады французской старинной мебели, фосфора, различныхъ *bibelots* и т. д.». Однако, особенно огорчаться нечего:

«Время господства иностраннаго вкуса проходитъ. Мы научаемся говорить и думать по-русски. Мы начинаемъ сознавать свою своебытность, мы начинаемъ интересоваться нашею стариной и въ этой старинѣ открыли русскій стиль, ту особую печать, которая не оставляетъ произведеніе русскаго духа безличнымъ...» Но право даже трудно кончить, потому что ниже стоятъ еще вопросы: «въ какомъ отношеніи находится стиль къ свободѣ художественнаго творчества?» и «Возможно ли художественное творчество при требованіяхъ стиля?», за которыми слѣдуютъ и соотвѣтственные отвѣты. Затѣмъ, беру другую газету («Правит. Вѣстн.» № 146) и читаю тамъ разсужденія г. Аверкіева о бѣльѣ: «Не понятно ли всякому, пишетъ г. Аверкіевъ, что вышивальный узоръ на бѣльѣ долженъ ласкать глазъ; что онъ долженъ быть простъ, ясенъ и невычуренъ по рисунку. Къ чему трудиться вышивать на груди мужской сорочки миніатюрное лицо какого-нибудь героя, удостоеннаго памятника отъ признательнаго потомства, когда никто не станетъ его разглядывать? Право, тутъ страдаетъ нетолько вкусъ, но и здравый смыслъ.» и т. д.

Не говоритъ ли, однако, чего-нибудь лучшаго о выставкѣ и интересахъ дня самая распространенная въ Москвѣ газета — «Москов. Листокъ». Беремъ ее и читаемъ:

«Питерскій ресторaторъ г. Балашовъ, помѣстившись въ саду

Digitized by Google

«Альгамбра» ничѣмъ инымъ не удивилъ московскую публику, какъ неудачностью, даже полнѣйшей нелѣпостью своего буфета и несообразными цѣнами.

«На дняхъ, заказываю тамъ порцію разварной осетрины, и самъ ухожу отъ столика, слушать хоръ пѣвицъ.

«Послушавъ хоръ, возвращаюсь къ столу. — «Подавать осетрину прикажете?» спрашиваетъ лакедронъ. — «Давай». Что же вы думаете? Я ожидаю *разварную* осетрину, а мнѣ подаютъ просто на просто *вареную* съ хрѣномъ, да и осетрину-то весьма сомнительнаго достоинства.

«— Что это ты мнѣ подалъ? спрашиваю.

«— Что приказывали-съ.

«— Я приказывалъ разварную, а это просто вареная.

«— Это разварная-съ.

«Я возмутился».

Не правда ли, что о судьбахъ кустарной промышленности нечего и думать въ такія серьёзныя минуты жизни?

Digitized by Google

СОЮЗНИКИ.

ИЗЪ СВѢЖИХЪ ПРЕДАНІЙ ТРУЩОБСКА.

I.

Еще была ночь, когда я выѣхалъ со станціи, зарылся въ пышно наваленное въ тарантасъ сѣно, подложилъ подъ голову кожаную подушку и заснулъ.

Толчекъ, еще толчекъ, еще и еще. Я открылъ глаза. Сквозь щели кожанаго фартука, которымъ тарантасъ былъ на ночь закупоренъ, врѣзается задорный лучъ восходящаго солнца; голова мотается, тѣло съѣзжаетъ внизъ, подъ козлы, никакъ его не достать. Подушка куда-то ускользнула, сѣно невыносимо щекочетъ руки и лицо, лѣзетъ въ носъ и глаза. Короткіе, упругіе толчки безъ конца; лошади бредутъ шагомъ; колокольчикъ вздрагиваетъ, жалобно звеня при каждомъ толчкѣ; ямщикъ закуриваетъ трубку; тютюномъ потянуло.

Оно, значитъ, болото: началось оно и потянется невыносимой бревенной гатью безъ малаго на пять верстъ. Милое, съ дѣтства знакомое болото. Я сразу совсѣмъ проснулся и выглянулъ на волю.

Оно, гладкое, широкое, безпредѣльное, безжизненное, сырое, мягкое. Словно инеемъ подернуто оно по кочкамъ бѣлымъ мохомъ; индѣ свѣтлѣютъ большія лужи, какъ стальныя зеркала съ пятнами красной ржавчины, около дороги; на болѣе сухихъ мѣстахъ, назрѣваютъ желто-румяныя ягоды морошки и доцвѣтаетъ свѣтло-карминная чашечка мамуры. Изъ-подъ ногъ лошадей вспархиваютъ стаи бѣлыхъ, какъ снѣгъ, бабочекъ, словно разносятся вѣтромъ лепестки мелко-на̀-мелко изорваннаго письма. Сосенки изрѣдка торчатъ, голыя, тщедушныя, облѣпленныя бѣ-

Digitized by Google

лымъ мохомъ; торчатъ онѣ, уныло покачнувшись, безпомощно растопыривъ свои неуклюжія вѣтки. Тишь какая! Господи! крикъ болотной птицы словно утопаетъ въ мокрой, безпредѣльной мягкоти природы. Только подъ тарантасомъ глухо и мѣрно бьютъ колеса, перескакивая съ бревна на бревно.

— Стой! скомандовалъ я ямщику.

Онъ какъ будто не слыхалъ и продолжалъ сидѣть, подремывая въ лучахъ начинающаго припекать солнышка, подремывая и подпрыгивая надъ каждымъ бревешкомъ.

— Стой же, тебѣ говорятъ! закричалъ я, должно быть, благимъ матомъ, ибо ямщикъ проснулся и изумленно поглядѣлъ на меня.

У меня въ груди начинало колоть, подбрасывало во всѣ стороны, зудъ даже какой-то во всемъ тѣлѣ сдѣлался, чувство отвратительной безпомощности охватило меня. Я хотѣлъ пройтись пѣшкомъ по гати. Съ самаго ранняго дѣтства, когда въ деревню изъ Петербуга большой семьей ѣзжали мы, вся семья пѣшкомъ перебиралась по гати, причемъ неизъяснимое удовольствіе доставляло шлепать по лужамъ ногами, обутыми въ толстые, высокіе сапоги, сшитые спеціально для деревни. Одна только покойница бабушка оставалась въ экипажѣ, и такъ въ немъ ее бѣдную метало вмѣстѣ съ подушками, мѣшочками и кофточками, что, казалось, какой-то японецъ ими всѣми, и мѣшочками, и подушками, и самой бабушкой, какъ шарами играетъ. А намъ всѣмъ даже пріятно было пройтись, ноги поразмять. Я уже 6 лѣтъ не ѣзжалъ по этой гати, и теперь чувствовалъ непреодолимое желаніе пройтись.

— Нѐпошто, баринъ, сурово возразилъ мнѣ, сильно одолѣваемый дремотой, ямщикъ: — обмочитесь, ишь вода брыжетъ изъ-подъ мосту-то. Задарма себя безпокоите. Только вотъ конямъ вздохнуть дадимъ;—эхъ вы, матушки! будь здорова! привѣтствовалъ онъ чхнувшую пристяжную: — только кони вздохнутъ— опять запалимъ! шоссе! Сичасъ ему, этому бревну, конецъ.

— Ну, какой же сейчасъ! Ѣзжалъ я тутъ много разъ, знаю. Еще добрыхъ четыре версты, у меня кости-то свои.

— Сичасъ конецъ!

— Да какой конецъ! Пять верстъ вся-то гать. Я вѣдь ѣзжалъ.

— Когда ѣзжали-то? лѣниво спросилъ ямщикъ, взглянувъ мнѣ въ лицо: не призналъ ли онъ, кого везетъ, и все-таки не останавливался.

— Лѣтъ восемь тому назадъ.

Ямщикъ только головой презрительно мотнулъ и опять повторилъ:

Digitized by Google

— Полверсты тутъ не болѣ, а тамъ поворотъ—шоссе. Вотъ какъ запустимъ.

— Исправили, что ли, дорогу?

— И-и! какъ исправили!

Очень пріятно было это слышать, и картина расторопности трущебскаго земства такъ ярко стала рисоваться въ моемъ воображеніи, что я и толчки сталъ переносить безъ содраганія.

— Эхъ вы, голубыя, писаныя! проснулся мой ямщикъ черезъ десять минутъ; рубаха около него запузырилась, надутая встрѣчнымъ воздухомъ, пристяжныя закрутили головы, коренникъ, вздернувъ горбатый носъ, мѣрно и твердо замоталъ дугой съ колокольчикомъ. И мы, дѣйствительно, запустили, если не по шоссе, то по ровной, широкой, гладко обсыпанной желтымъ пескомъ и обрытой по бокамъ канавами дорогѣ. Влѣво оставалось пустынное болото съ сѣрѣвшею по немъ полосой старой гати, а мы уносились вправо. Вправо тоже, какъ мнѣ отчетливо помнилось, было прежде такое же болото. Теперь мѣстность была неузнаваема. Желтая полоса гладкой дороги врѣзывалась въ исчерченную канавами равнину, покрытую зеленой травой, сначала болотной, осочистой и постепенно переходившей въ доброкачественную. Дальше видно было, что кочки срѣзаны, мѣстами чернѣли распашки только-что поднятыя, мѣстами бурѣлъ тотъ могучій овесъ, готовый съ рожью ростомъ помѣряться, который ростетъ въ нашемъ сѣверномъ краю, только на удачно осушенныхъ способныхъ низинахъ. Вдали были разбросаны плоскія деревянныя строенія, большіе шалаши или сараи за ними, на самомъ краю прежняго болота, пестрѣла большая группа построекъ, насколько можно было издали разсмотрѣть, заводскихъ или фабричныхъ. Промежъ и около нихъ кипило людское движеніе. На ясномъ утреннемъ небѣ чернѣли густые красиво изогнутые султаны дыма, выходящаго изъ высокихъ трубъ.

Я освѣдомился у ямщика, что̀ это все такое.

— Заводчина, коротко отвѣчалъ онъ, все погоняя и погоняя тройку.

— Какая заводчина?

— Да вотъ тутъ Савенковъ... ишь построилъ. Онъ и дорогу эту самую выстроилъ. Народу страсть работаетъ.

Я что-то не помнилъ Савенкова въ прежніе годы въ этой мѣстности. Ямщикъ, вообще весьма безтолковый, отъ природы ли, отъ безсонной ли ночи, объяснилъ, что Савенковъ краснопуповскими и опочинскими имѣніями заправляетъ, все одно, что своими, все подъ себя забралъ, и «мужикъ хорошій». Такъ ямщикъ и сказалъ, что мужикъ хорошій.

Digitized by Google

— Да что этотъ Савенковъ изъ крестьянъ, что ли?

— А кто его знаетъ. Одѣвается по барски, а коли по разговору, да по ѣдѣ, значитъ, такъ кабы и мужикъ. Когда надо— самъ работой на брезгаетъ, какую барину не осилить. Иной разъ на заводѣ-то день-деньской куетъ, учитъ народъ. И съ артелью ѣстъ, коли случится далеко отъ дому. А всѣмъ ворочаетъ, и желѣзо выискалъ въ болотѣ, и глину въ Питеръ продаетъ, и зимой лѣсами промышляетъ. Одно слово, дошлый! И денегъ же, говорятъ, загребаетъ!

«И высосетъ онъ изъ болотъ—руды, изъ лѣсу—сосны, изъ мужика—мускулы, и все въ деньги обратитъ. Алхимикъ нашего времени. Ну, да что же! и то хорошо, хоть дорогу исправилъ», думалось мнѣ.

А дорога, въ самомъ дѣлѣ, была на славу, прочно выстроена, поднята высоко, чтобы могла бороться съ вешними разливами и осенними ливнями. Недалеко отъ выѣзда съ болота она раздвоилась. Одна вѣтвь уходила вправо къ заводчинѣ, куда мы и поѣхали. Другая вѣтвь тянулась по направленію стариннаго тракта къ селу и деревушкамъ, закинутымъ въ болотистые тощіе лѣса, разукрашеннымъ темными соснами и песчаными безплодными холмами. Съ дѣтства зналъ я эти деревушки, приткнувшіяся то къ холмику, то къ ручейку, то къ большой болотистой лужѣ, называемой въ нашей мѣстности озеромъ; маленькія, сѣренькія деревушки, похожія на небольшія кучи грибовъ, которыхъ подбирать не стòитъ, окружéнныя міазмами, исковырянной сухой поскотиной, на которой скоту, печально влачащему свое существованіе, нечего защипнуть, бурой, зачерствевшей, какъ морской сухарь, парениной, полями, засѣянными рожью и овсомъ, такими жидкими, что лучше бы ихъ было и не сѣять совсѣмъ. Жалостливо какъ-то становилось, глядя на эти деревеньки.

— Гдѣ останавливаться станете? Чай будете кушать? спроменя ямщикъ на выѣздѣ изъ болота.

— Да въ селѣ у Барабана. Гдѣ же больше? Живъ Барабанъ-то?

Во всей этой волости, кромѣ какъ въ селѣ Зоболотьѣ въ домѣ умнаго зажиточнаго мужика Семена Кирилова, по прозвищу Барабанъ, невозможно было ни отдохнуть съ дороги, ни самовара найти.

— Живъ, чего ему долгобородому дѣется, презрительно отвѣчалъ возница, и, немного помолчавъ, прибавилъ: — а не то у Трифона въ угловой, либо у Амельяныча.

— Ну, вотъ еще выдумалъ!

Digitized by Google

— Останетесь довольны. Не хуже Барабана будутъ. Дома новые.

— Поправились?

— И-и какъ поправились! протянулъ ямщикъ и закрутилъ въ воздухѣ кнутомъ.

Дѣйствительно, и мнѣ казалось, судя по мѣстности, которую я проѣзжалъ, что тутъ вообще, если еще не произошло поправленіе, то поправленіе назрѣвало. Гдѣ мнѣ помнились болота, тамъ теперь нерѣдко зеленѣла паскотина. А поскотина, зеленѣющая среди лѣта, не малый признакъ благосостоянія. Обыкновенно поскотина бываетъ изглодана до того, что у коровъ на зубахъ песокъ хруститъ, а въ брюхѣ вѣтеръ ходитъ. И скотъ былъ нынче какъ будто веселѣе прежняго, менѣе тощъ, и больше его было. Хлѣбъ по полямъ росъ гуще, ровнѣе, костеря рѣже забуряла рожь, и вымочекъ лысѣло меньше. Постройки въ деревняхъ положительно поправились; гдѣ новая золотистая сосновая изба, гдѣ свѣжая тесовая кровля надъ домомъ, съ вывѣшеннымъ заново угломъ; много срубовъ и бревенъ, подтащенныхъ къ деревушкамъ, начинающимъ утрачивать характеръ непотребныхъ грибныхъ кучъ.

Пузатые, бѣловолосые ребятишки съ живостію, которой я прежде не замѣчалъ въ этомъ удрученномъ мякиннымъ людомъ слоѣ населенія, кидаются распахнуть отводъ [1], завидя экипажъ и даже задорно протягиваютъ къ проѣзжающему рученьки, громогласно требуя: пряничка, дядинька!

Рѣшительно поправляются! И мнѣ было досадно, что я этого не зналъ, и пряничковъ съ собой не захватилъ. Ребятишки, если не ошибаюсь, за это упущеніе даже бранили меня довольно громко, до такой степени поправки они дошли.

Село, и прежде болѣе опрятное и, относительно, болѣе зажиточное изо всѣхъ селеній, обитаемое частію плотниками, уходящими на заработки, носило теперь на себѣ явные слѣды прогресса. На погостѣ рядомъ съ желтою приземистою деревянною церковью, выросъ большой бѣлокаменный храмъ, весело сверкавшій на солнцѣ округлымъ куполомъ, покрытымъ лучеобразно жестяными листами. Печальный лѣсъ деревянныхъ надгробныхъ крестовъ былъ охваченъ широко, съ запаснымъ мѣстомъ для грядущихъ поколѣній, зеленой веселенькой оградкой на каменномъ фундаментѣ. Въ оградѣ были приспособленія для лавокъ и базарной торговли.

— Каждое воскресенье торгъ нонѣ завели, пояснилъ мнѣ

[1] Деревенскія ворота.

Digitized by Google

ямщикъ, вихремъ мчавшій меня по пыльной, мягкой улицѣ повеселѣвшаго села.

— Вотъ какъ!

И мнѣ тоже становилось веселѣе. Только при видѣ Барабанова жилища какъ-то обидно стало, за стараго пріятеля. Жилище это, когда-то первое въ волости, выглядѣло теперь униженнымъ и оскорбленнымъ. Окрестъ него все приподнялось и повеселѣло, а большая прочная изба Барабана, словно въ землю стала вростать, посѣрѣла, нахмурилась, и никакихъ признаковъ прогресса не являла.

Самъ Барабанъ, оказавшійся дома, тоже посѣрѣлъ, и нахмурился. Огромный, мощный мужикъ, съ широкой бородой по поясъ, съ мускулистыми руками, которыя оттопыривались отъ туловища, съ большими неестественно вытаращенными, пронзительно во всѣ стороны бѣгающими глазами, онъ въ былое время всегда казался мнѣ мужикомъ, призваннымъ господствовать и повелѣвать. И дѣйствительно, прежде онъ былъ одинъ изъ весьма немногихъ заболотскихъ жителей, умѣвшихъ набивать мошну; а гулкій, полный голосъ его, доставившій ему прозванье Барабана, подавлялъ мелкую сошку на сходахъ.

Нынче онъ, подобно своему дому, посѣрѣлъ, и сталъ вростать въ землю, глаза таращилъ меньше прежняго, и глядѣли они загадочно, задумчиво; въ движеніяхъ появились заискиваніе и неувѣренность, чего прежде не замѣчалось. Признавъ во мнѣ стараго знакомаго, онъ какъ будто обрадовался, и поздоровался въ руку, чего тоже прежде не дѣлывалъ.

— Вотъ спасибо, что завернули, не побрезгали.

— Чего брезгать. Старый другъ лучше новыхъ двухъ. А самоварчикъ есть?

Барабанъ пытливо уставилъ на меня свои вытаращенные глаза и какъ будто обидѣлся.

— Есть еще, слава Богу. Есть, отвѣчалъ онъ, до того не дожили, чтобы не быть. Нынче у всякаго на селѣ самоваръ завелся. И у насъ есть... не продавать стать. Еще не дошли до того, благодареніе Царицѣ Небесной.

— А много завелось самоваровъ?

— Завелось! Мы держали для проѣзжающаго, а нонѣ народъ и самъ лакать сталъ. Какъ-то проживутъ съ чая съ этого!

— Проживутъ, какъ бы про себя увѣренно протянулъ присутствовавшій при этомъ разговорѣ сынъ Барабана, здоровый молодой парень, очень проворный, вдумчивый, и какъ я узналъ вскорѣ, работающій на заводчинѣ.

Отецъ сердито поглядѣлъ на сына.

Digitized by Google

— У васъ волость-то вообще, какъ будто поправилась? спросилъ я.

— Поправилась, отвѣчалъ Барабанъ, но такъ это сказалъ, какъ будто былъ очень сердитъ на поправленіе.

— За умъ взялись; работать лучше стали?

— Одна у мужика работа. Работы обухомъ не вышибешь, и ума ему не прибавишь. Мужикъ, такъ мужикъ и есть. Какой у его умъ!

— Такъ отъ чего же самовары-то завелись? Вонъ и постройка лучше, и скотъ, и поля какъ будто тоже подобрѣли.

— Это точно.

— Такъ отъ чего же, какъ не отъ ума?

— Отъ земли это. Землевладѣльцами нынѣ числимся.

— Выкупъ что ли покончили, начисто откупились?

— На выкупъ мы давно пущены. А начисто выкупиться, гдѣ намъ! Сами знаете, какіе у насъ были достатки, какія средствія. Гдѣ намъ выкупиться. Не нашего кармана, не нашего ума дѣло. Мы, благослови Господи, новую себѣ петлю надѣли, сами своими руками ее затягиваемъ. Землю купили, въ новый долгъ влѣзли.

И Семенъ Кирилычъ объяснилъ мнѣ, что окрестныя сельскія общины купили разные клочки земли, большею частію болота, да лѣса у Сергѣя Владиміровича Опочина и у его сродственниковъ, которые вошли въ компанію съ Савенковымъ, краснопуповскимъ управляющимъ; что земли куплены въ разсрочку, и что сгоряча мужики, какъ будто и пользоваться толкомъ стали землей, покосы и подскотину подчистили, скотъ поправили; постройки отдѣлали.

— Оно извѣстно, новая метла. Спервоначалу лестно. Ну, а петля, такъ петля и есть. Затянутъ ее, вотъ и будетъ разъ.

— Да какая же петля?

— Какъ, какая? Земля-то куплена, да деньги-то не плачены.

— Ну, что пустое говорить! вмѣшался сынъ. Отецъ презрительно поглядѣвъ на молокососа, ушелъ распорядиться на счетъ самовара и яичницы.—Что пустое-то говорить, продолжалъ парень.—Какая петля?—Купили мы село отъ Опочинскаго барина съ разсрочкой, да не деньгами платимъ. Слава Богу, вотъ ужъ шестой годъ пошелъ, никакихъ пустяковъ въ заводѣ нѣтъ; и недоимки хоть бы тѣ грошъ, и казенную недоимку справляемъ.

Я узналъ отъ Барабанова сына, что старикъ помѣщикъ Опочинъ составилъ какую-то компанію съ бывшимъ управляющимъ краснопуповскими заводами Перфильемъ Савенковымъ; самъ какіе-то заводы завелъ; а лишнія земли, мягкаго болота большею ча-

Digitized by Google

стію, съ лѣсомъ однако, по совѣту того же Савенкова, продалъ крестьянскимъ обществамъ. Уплачивается эта покупка работой крестьянъ на заводахъ; работа такъ налажена, что кто какое дѣло знаетъ, тотъ къ тому и приставляется, мужики, ходившіе прежде на спеціальные заработки, въ отходъ далеко отъ дому за сотни верстъ, нынчѣ на заводчинѣ у Савенкова и Краснопупова мѣсто своимъ рукамъ находятъ, и времени, чтобы около полей и около дома работать, остается у нихъ больше, чѣмъ прежде. Плата за землю положена хорошая, но и жалованье на заводчинѣ тоже хорошее.

— Можно жить, что говорить, заключилъ парень, видимо вошедшій во вкусъ заводской работы и новыхъ порядковъ.

— Поживи съ наше, тогда и говори—можно жить, али не можно, внушительно возразилъ родитель, вернувшійся на эти слова.

— Чего жить! и нонѣ видимое дѣло.

— Видимое дѣло! презрительно кинулъ сыну Семенъ и обратился ко мнѣ вкрадчивымъ, задушевнымъ полушопотомъ, вступая въ серьёзное объясненіе.

— Сами вы теперь посудите. Землю мы пріобрѣли, обрабатываемъ за землю. Безъ вынужденія. Это вѣрно, потому жалованье на заводѣ хорошее. А вѣдь это завлеченіе одно. Глаза отводятъ. Какъ мы въ землю-то вопьемся, въѣдимся въ нее, во вкусъ-отъ войдемъ—тутъ и шабашъ. Жалованье пойдетъ такое, что одна недоимка станетъ у насъ на шеѣ оставаться. Онъ то съ насъ за землю свое и допрежъ того выберетъ, а тамъ и работой прижметъ. Вотъ она, петля, тутъ и окажется.

— И-и! Не такой онъ человѣкъ! Видимо вѣдь это... увѣренно проворчалъ сынъ.

— Да вы изволите помнить Сергѣя Владиміровича, полагаю? продолжалъ вкрадчиво повѣтствовать Барабанъ. — Ловокъ былъ земли-то съ барышомъ продавать. Въ прежніе годы господъ обогрѣвалъ, вельможъ, сказываютъ въ столицахъ обиралъ этимъ способомъ. А нынче у господъ денегъ не стало; купца не объегоришь, да и мужикъ не глупъ, коли у него деньги есть. Такъ вотъ онъ наше общество голозадое и обошелъ; мы тутъ и попались. Горлодёровъ-то нынче много завелось на сходѣ; всякому самовара хочется. У него, у Сергѣя-то Владимірыча болото языкомъ змѣинымъ вдоль всей волости прошло. Ни къ чему оно кромѣ нашихъ деревнюшекъ не притыкается. Ну, намъ и навязалъ. Ловокъ былъ, ловокъ и остался. Ужь коли вельможъ государевыхъ объегоривалъ, такъ наше общество вшивое и Богъ велѣлъ.

Digitized by Google

— А Савенковъ-то, что за человѣкъ?

— Савенковъ! громыхнулъ всѣмъ своимъ барабаномъ Семенъ Кирилычъ, выпрямился, встряхнулся молодецки, и даже глаза по старинному бойко у него заблистали и забѣгали при этомъ имени:—Савенковъ-то! Это, братецъ ты мой, умственный человѣкъ! Это, братецъ ты мой, такой человѣкъ по уму — день бѣлый. Пронзительный умомъ. Онъ и тебя, и меня, и общество наше, и заводы, и лѣса, все скарманитъ; а ты только спасибо скажешь. Вотъ какой это человѣкъ!

— Хорошій мужикъ! отозвался сынъ, надъ чѣмъ-то копошившійся въ углу.

Мнѣ показалось, что окрестная молодежь не безъ симпатіи и уваженія относится къ этому Савенкову.

— Теперь вы сами извольте посудить, съ трудомъ понижая свой могучій голосъ, продолжалъ повѣствовать Барабанъ:—Этакій онъ человѣкъ, что всѣ Краснопуповскія имѣнія въ его рукахъ; всѣ Опочинскія, не одного Сергѣя Владимірыча, а и сродственниковъ всѣхъ, у того же Савенкова въ рукахъ. Изъ болота, батюшка, изъ нашего-то болота, мертвое вѣдь мѣсто съ измалѣтства вамъ извѣстно, теперь онъ, желѣзо, да чугунъ, глину какую-то фарфоровую, да Христосъ его знаетъ, чего не выжимаетъ. Ну какъ же онъ изъ глупаго, дурня мужика, изъ общества нашего горлодраннаго не выжметъ своей пользы? Мужикъ нонѣ глупъ сталъ. Который прежде былъ поумнѣе — нонѣ того міроѣдомъ зовутъ: не надо, говорятъ, его. Не слушаютъ. Вотъ примѣромъ, у меня кабакъ былъ; ленъ я скупалъ тоже; у Амельяныча—лавка, тоже торговлей онъ сталъ распространяться. А по нынѣшнимъ порядкамъ порѣшить пришлось. Вотъ оно что.

— Отчего же?

— А оттого же: говорятъ, мы міроѣды; народъ обижаемъ. На заводчинѣ они, у этого самого, Савенкова, ума набрались. Два кабака уничтожили, торговлю притѣснили. Молодой-то народъ льстится на новое; думаетъ: лучше ленъ какимъ-то товариществамъ прямо въ Питеръ на биржу сбывать, либо въ новой лавкѣ отъ заводчины товары покупать. Барышнѣе. Слова нѣтъ. Да какъ бы барышъ-то не вскочилъ въ убыточекъ. Вы это понимаете, куда ведетъ-то? а? понимаете линію-то эту?

Я ничего не понималъ. Возбужденный Барабанъ совсѣмъ шопотомъ, хотя отъ его шопота гулъ по всей горницѣ расходился, пояснилъ:

— Это что бы мужика умнаго, значитъ, укротить, ходу ему не дать. Дураковъ-то легче будетъ подъ себя сгресть. Вотъ онъ

Digitized by Google

какой умственный человѣкъ, этотъ Савенковъ! До женщинъ прорва, да еще съ Сергѣемъ Владиміровичемъ связался. Господи прости наши прегрѣшенія!

И старикъ сталъ сердито креститься.

II.

Перфилью Тарасовичу Савенкову было тогда около 35 лѣтъ, но казался онъ гораздо старше. Правда, его большіе черешневаго цвѣта глаза были свѣжіе, бойкіе; но его даже и въ 25 лѣтъ не считали за молодого человѣка, какъ мнѣ разсказывали; такой онъ былъ серьёзный, огромный, неуклюжій, тяжеловѣстный, неукладистый. Сядетъ—вездѣ ему, какъ будто, тѣсно; того и гляди кого-нибудь нечаянно съ мѣста сдвинетъ ножищей или задѣнетъ руками, которыя любилъ, то запихивать въ отвислые карманы своего пиджака, то вытаскивать оттуда. И вытаскивалъ онъ ихъ не безъ труда, потому что, его мускулистымъ рукамъ было въ карманахъ, очевидно, тѣсно, особенно большому пальцу правой руки, расплюснутому на какой-то работѣ, и глубокимъ шрамомъ, точно черной шелковинкой, перетянутому вдоль по ногтю. Круглая, какъ арбузъ, полысѣвшая съ широкаго лба голова, плотно всаженная въ могучія плечи, даже на этихъ богатырскихъ плечахъ, казалась огромною. Объемистая была голова, и чего, чего въ нее, кажется, не уложено! Да и было порядкомъ уложено: онъ и на медицинскомъ факультетѣ курсъ кончилъ, и технологъ былъ патентованный, и въ естественныхъ наукахъ, говорятъ, собаку съѣлъ, и механикой занимался. И все-таки еще надо полагать въ ней много празднаго мѣста оставалось, ибо онъ читалъ и штудировалъ всѣ новѣйшія сочиненія, хотя работалъ на заводахъ съ утра до ночи. Его воловье здоровье позволяло ему пренебрегать сномъ. Мозгъ у него былъ съ перегородками; свѣдѣнія у него укладывались каждое на свое мѣсто, и когда въ чемъ являлась потребность, онъ безъ замедленія извлекалъ требуемое, зная, гдѣ его взять. Но даромъ, безъ опредѣленной цѣли онъ ни себя, ни своей кладовой не безпокоилъ; онъ былъ мало разговорчивъ, да и некраснорѣчивъ. Онъ часто употреблялъ выраженія несвойственныя великорусскому языку, предлогъ *за* ставилъ туда, гдѣ его совсѣмъ не надо: «Онъ мнѣ говорилъ *за* дрова», «онъ *за* меня сказалъ». Что означало: «онъ мнѣ говорилъ *о* дровахъ»; «онъ сказалъ *обо* мнѣ. Вмѣсто назвать всегда говорилъ *наименить*; вмѣсто загнуть—*зачепить;* вмѣсто шитье—*пошитье*; вмѣсто отстали *откарасак-*

Digitized by Google

лись; гадка вмѣсто дума, помышленіе. Когда надо было сказать не знаю, не могу сказать, онъ басомъ выпаливалъ: не скажу, и т. д. Эта *гадка*, какъ слово весьма неблагозвучное и «не скажу», всегда сбивали съ пониманія его рѣчей, великоруссовъ, среди которыхъ ему приходилось жить.

Глядѣлъ онъ, какъ и говорилъ, простовато, даже, можно сказать, придурковато, что не мало содѣйствовало расположенію къ нему мѣстной интеллигенціи, и довѣрію, которое питали къ нему всѣ власти, начиная отъ станового и отца духовнаго, и кончая исправникомъ и товарищемъ прокурора. Въ началѣ его нѣсколько подозрительно обнюхивали; но убѣдясь, что если онъ, не взирая на свою простоватость и, «шельмецъ», какъ любовно опредѣлялъ его въ началѣ знакомства Сергѣй Опочинъ, что если онъ и «прорва», какъ въ порывѣ нѣжной благодарности за его успѣшную дѣятельность по заводамъ отзывался о немъ его хозяинъ старикъ Краснопуповъ, то «шельмецъ» и «прорва» онъ отнюдь не въ смыслѣ политико-экономически-соціальномъ, а только въ очень благонамѣренномъ смыслѣ наживы. Деньги онъ умѣлъ изо всего выворачивать. Лѣсъ на срубъ Краснопуповъ купитъ, онъ ему бревна и плашки въ Англію сплавитъ, и неожиданно для хозяина тройную цѣну пріобрѣтетъ. Пни гніютъ въ болотѣ, онъ посреди болота поставитъ какіе-то сараи съ печами, станетъ поджаривать пни и изъ пней въ кубышки и бочки разные продукты наливать, за которые деньги выручитъ большія. Станетъ рыться въ болотныхъ лужахъ, подернутыхъ красной ржавчиной, и такія неистощимыя вороха желѣзныхъ бобовъ оттуда извлечетъ, что Краснопупъ, хоть новый заводъ строй. И непремѣнно построитъ, потому что прибыльно. Глинистую гору, отъ которой, какъ отъ козла, ни шерсти ни молока, вдругъ по частямъ станетъ на барки грузить, и слышно, гдѣ-то около Питера гора начинаетъ въ тончайшій фарфоръ превращаться. Пески сыпучіе въ зеркала передѣлываетъ. Словно онъ землю насквозь видитъ. Все, что у него подъ руками, забираетъ. Все, что за моремъ выдумаютъ другіе—примѣняетъ. И торфъ, и песокъ, и элекричество, и машины, и сжатый воздухъ, и динамитъ, все это у него въ дѣло идетъ, и идетъ такъ чудно, что даже такія блестящія и занятныя вещи, какъ электричество, телефоны, и проч., въ общей совокупности и примѣненіи, какъ будто, и не блестящія изобрѣтенія, а самая заурядная рабочая сила. Простота необыкновенная во всемъ, какъ и въ немъ самомъ.

Оттого его Опочинъ и называлъ шельмецомъ; любя называлъ, потому что слѣдилъ за нимъ, съ самаго его появленія и любовался его дѣятельностію. А Краснопуповъ старикъ, звалъ «прор-

Digitized by Google

вой», потому что жалованье онъ требовалъ громадное. И чуть что новое выдумаетъ, сейчасъ прибавку, да еще участіе въ барышахъ.

— Что я на тебя даромъ что ли работать стану? говорилъ онъ Краснопупову. Даромъ-то я бы лучше къ отцу пошелъ работать. Да заработокъ у него малъ. Онъ хуже тебя—кремень.

Краснопуповъ соглашался, что, дѣйствительно, сухая ложка ротъ деретъ, увѣренный, что Перфилій смачную кашу заваритъ.

Сначала, Краснопуповъ недовѣрчиво относился къ такой новой системѣ. Для него по древней привычкѣ было сподручнѣе, чтобы прикащикъ умѣлъ «пользоваться», не безпокоя хозяина жалованьемъ. Но умный старикъ скоро освоился съ новыми порядками, тѣмъ болѣе, что Савенковъ больше съ Власомъ, сыномъ Краснопупова дѣло имѣлъ. Во время своихъ заграничныхъ бѣдствованій Власъ и познакомился съ Савенковымъ, который работалъ тогда на какой-то бельгійской фабрикѣ.

Сословія онъ былъ мѣщанскаго. Отецъ у него—тоже «шельмецъ» въ своемъ родѣ—жилъ въ Украйнѣ, и занимался хозяйствомъ на своемъ хуторѣ.

Старикъ Савенковъ выпивалъ безъ малаго четверть ведра водки въ день, а въ экстренныхъ случаяхъ и больше и, даже въ этихъ экстренныхъ случаяхъ, не бывалъ пьянъ; много-много, что рожа у него къ вечеру раскраснѣется, да раньше онъ спать ляжетъ. Деньги у него водились изрядныя; хуторъ былъ не многоземельный, но по хозяйственному, богатѣйшій; такъ всякая благодать и претъ изъ земли. Онъ былъ богаче многихъ первогильдейскихъ купцовъ, хотя торговлей пренебрегалъ, предпочитая земледѣліе. Даже купеческаго свидѣтельства не выправлялъ, числился въ мѣщанахъ, и вообще жилъ по мужицки.

Хозяйствовалъ онъ тоже шельмовато. Придетъ къ нему, напримѣръ, мужикъ въ самую горячую пору наниматься.

— Сколько берешь? спроситъ старикъ Савенковъ.

— Да сорокъ-то копеекъ на день положьте, батюшка, запроситъ мужикъ.

А Тарасъ на него сердито глаза выпучитъ, за такой запросъ всякими недобрыми прозвищами обозветъ. «Дармоѣдъ! дескать, какая твоя работа на сорокъ копеекъ въ этакую пору? вѣдь дѣло-то горитъ, а ты сорокъ копеечекъ».

Мужикъ опѣшитъ. И если вытаращенные глаза Тараса, рабочей способности въ мужикѣ болѣе, какъ на 40 коп. въ день не усмотрятъ, то обыкновенно мужику приходится, поджавъ хвостъ, удалиться. Если же въ мужикѣ есть сила и прокъ, то Тарасъ ему говоритъ:

Digitized by Google

— Ну, какую я съ тебя могу объ этакую пору за 40 коп. работу спрашивать, фуфлыга ты арзамаская! Ты цѣну настоящую проси, я и взыскивать съ тебя буду по настоящему. А то 40 копеечекъ! На 40-то копеечекъ ты у меня только напакостишь. А не то что.

Тарасъ Савенковъ, когда распорядокъ хозяйства позволялъ, работалъ самъ въ полѣ и зачастую ѣлъ вмѣстѣ съ рабочими. Только пилъ всегда дома. «А то я имъ соблазнъ одинъ, говаривалъ онъ:—слабы они супротивъ меня».

Слабыхъ онъ вообще не любилъ. Въ себѣ онъ сокрушался одной слабостью: въ граматѣ былъ не силенъ. Но хоть и въ силу великую, а каждое воскресенье, придя отъ обѣдни, прочитывалъ нумеръ «Сына Отечества», который получалъ отъ сосѣда. О политикѣ и о томъ, что прочитывалъ, онъ не любилъ говорить, но думалъ о прочитанномъ на досугѣ, и нерѣдко на практикѣ оказывалось, что нетолько думалъ, но и дѣлалъ здравые выводы.

Судовъ, тяжебъ и всякаго «стрекулянья», какъ онъ выражался, Тарасъ не терпѣлъ. Готовъ былъ скорѣй «поплатиться, чѣмъ судиться», и этимъ нѣкоторые пользовались. Но когда его раза три окончательно вывели изъ терпѣнія неправильными рѣшеніями, онъ самъ сталъ являться защитникомъ своихъ дѣлъ на судѣ, и обыкновенно выигрывалъ. Единственнаго своего сына, Перфилья, онъ дома обучалъ какъ слѣдуетъ, а по 12-му году свезъ въ Москву, опредѣлилъ въ гимназію на полный пансіонъ. Мальчикъ учился хорошо, но интерната выносить не могъ, и изъ четвертаго класса написалъ отцу, что жить болѣе въ гимназіи не можетъ, а ходить на лекціи и вообще учиться будетъ. Отецъ ласково отвѣчалъ ему, что онъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы сынъ не жилъ въ гимназіи не имѣетъ, но что и денегъ на проживаніе приватное ему давать не будетъ. На такое дѣло не припасъ, такъ ужь ты самъ какъ-нибудь».

Это, однако, не помѣшало сыну выполнить свое намѣреніе, которое онъ сообщилъ отцу, твердо его обдумавъ. Перфилій помѣстился на жительство въ углу у сапожника, учился въ гимназіи, давалъ уроки, лѣтомъ находилъ мѣсто въ отъѣздъ, и пробился-таки въ университетъ на медицинскій факультетъ. Кончивъ курсъ успѣшно, онъ, однако, менѣе года занимался практикой. Онъ находилъ, что медицинская практика недобросовѣстное дѣло, при настоящемъ несовершенствѣ медицинской науки. Запасшись медицинскими знаніями и недовѣріемъ къ состоятельности ихъ основъ, онъ сталъ заниматься естественными науками, потомъ технологіей, и, кончивъ курсъ въ технологиче-

Digitized by Google

скомъ институтѣ, поѣхалъ за-границу. Для этой поѣздки онъ занялъ у отца 500 руб. Отецъ далъ деньги охотно, но взялъ росписку на срокъ и пресерьёзно наказывалъ, прощаясь:

— Ты смотри, Перфилій, не надуй. Я, знаешь, не люблю. Уважилъ тебя, а ты не нагрѣй.

Сынъ обнадежилъ отца, что не нагрѣетъ, и отецъ былъ спокоенъ.

Перфилій подсмѣивался надъ скупостью отца, отецъ подсмѣивался надъ его ученостью, покуда онъ изъ нея не умѣлъ путныхъ грошей выколотить. Но встрѣчались они всегда дружно, по-братски, говорили другъ другу ты, оба вѣровали другъ въ друга и питали, каждый по своему, взаимное уваженіе.

За-границей, въ Бельгіи, Перфилій изучалъ практически механическое дѣло, работалъ сначала поденьщикомъ, а потомъ и дешевенькое мѣсто нашелъ. Тамъ съ нимъ и встрѣтился Власъ Краснопуповъ, пригласившій его въ Россію служить на отцовскихъ заводахъ. Перфилій, какъ и отецъ, не любилъ вздорнаго жалованья, чтобы не выходило вздорной работы. Власъ имъ дорожилъ, довѣрялъ ему больше, чѣмъ себѣ, обращался съ нимъ, какъ съ товарищемъ. Савенковъ же былъ съ нимъ сухъ, холоденъ и только изрѣдка насмѣхался надъ его спекулятивными предпріятіями. Власъ даже какъ будто заискивалъ у Перфилья Тарасыча; онъ любилъ въ бесѣдѣ съ нимъ вызывать воспоминанія о далекомъ прошломъ и возвращаться къ помысламъ и принципамъ, ставшимъ для него, Власа, тоже прошлымъ, но еще дорогимъ. Савенковъ при этихъ воспоминаніяхъ оставался сухъ, холоденъ и неотзывчивъ, а когда молодой Краснопуповъ, движимый не то теплотой воспоминаній, не то желаніемъ доставить удовольствіе технологу, предложилъ при заводахъ учредить нѣкоторую ассоціацію труда и капитала такъ, чтобы и онъ, Савенковъ, въ качествѣ управляющаго, и всѣ рабочіе, не жалованье, а извѣстный процентъ съ прибылей получали, то Перфилій даже посмѣялся надъ простотой молодого милліонера.

— А нутка попробуй, сказалъ Савенковъ: — а я вотъ становому Извѣтову сообщу, что ты ассоціацію, фаланстеръ собираешься вводить. Извѣтовъ ужь давно ищетъ такихъ словечекъ: никто ихъ не понимаетъ, а доблесть становыхъ они возвышаютъ.

Вѣчно занятый заводской работой, Савенковъ, конечно, мало удѣлялъ времени обществу, но когда удѣлялъ, то былъ пріятенъ и ни въ чемъ отъ другихъ не отставалъ. Его уважали, видя въ немъ человѣка способнаго быстро нажиться. Пить онъ, правда, не пилъ; танцовать, конечно, не умѣлъ, но въ карты былъ не прочь и вистикъ составить, и завинтить, и постучать. Иногда чудесныя

Digitized by Google

пѣсни украинскія пѣлъ. Жилъ онъ по своему доходу, свинья-свиньей, какъ выражался становой приставъ, жившій, по своимъ доходамъ, конечно, очень роскошно. Но заѣзжимъ на заводъ именитымъ лицамъ всегда были готовы и водочка, и закусочка, и сытный обѣдъ съ добрымъ виномъ, и даже мягкія постели съ очень грубымъ бѣльемъ, но безъ вшоповъ. Угощенья, говорятъ, онъ относилъ на хозяйскій счетъ и, слѣдовательно, все-таки въ существѣ оставался сволыгой и скрягой. Но это даже ему въ достоинство, по зрѣломъ разсужденіи, ставили: бережетъ, дескать, копейку и, того гляди, развернется, всѣ Краснопуповскіе заводы подъ себя заберетъ! Подозрѣвали даже, что онъ, кромѣ жалованья, хапаетъ съ заводовъ. Это еще болѣе возвышало его въ глазахъ интеллигенціи и властей, ибо это было имъ родственно и понятно. Это закругляло ихъ представленіе о пріятности и доброкачественности технолога, который съ одной стороны, всю современную науку въ карманѣ носитъ, съ другой — охранитель преданій добраго стараго времени. А что живетъ свинья-свиньей, такъ на что ему, мѣщанинишкѣ, жить-то лучше. Тоже нѣкоторымъ образомъ охраненіе преданій. За то деньжищъ ужъ и теперь — прорва. Ученостью своею онъ никому глазъ не мозолилъ, держалъ ее для своего обихода. Даже, какъ сказано, былъ простоватъ и некраснорѣчивъ. Книгъ читалъ множество, но тоже такъ, что никому этого не было видно. Какъ отецъ своей водкой, Перфилій своей ученостью, никого въ соблазнъ вводить не любилъ.

Голосъ у него былъ южный, чудесный и, хотя не каждое воскресенье, но онъ любилъ пѣть на клиросѣ и даже изъ заводской молодежи и дѣтей хоръ составилъ, который во время обѣдни пріятно сглаживалъ впечатлѣніе, производимое на молящихся сопѣньемъ отца Игнатія. Отецъ Игнатій, сознававшій недостатки своего носа, былъ за это, а также и за обильныя угощенья во время приходскихъ и другихъ праздниковъ, весьма признателенъ Перфилью Тарасовичу, онъ его даже милостивцемъ иногда величалъ, потому что Перфилій изъ доходовъ заводскихъ много содѣйствовалъ украшенію храма Божія. Въ этомъ его самъ Федулъ Краснопуповъ поощрялъ.

Съ рабочими Савенковъ обходился сурово. Платилъ жалованье хорошее: рабочіе при немъ поправились, и въ сберегательной кассѣ, ими самими по инціативѣ технолога, устроенной, копеечку имѣли. Дѣтей имъ не приходилось рано посылать на работу и можно было дольше держать въ школѣ. Жалованье платилъ нешуточное, но и вздорной работы не терпѣлъ. Чтобъ у него всякій по линіи своей валомъ валилъ, а не то не

Digitized by Google

прогнѣвайся. Онъ разговаривать не охотникъ былъ. Мужикъ сколько не лопочи—у мужика лопоты въ утробѣ много—а коли Перфилій Тарасовичъ слово скажетъ, такъ вся лопота въ мужикѣ замретъ, инда попятится.

Не взирая на его суровость рабочіе его любили. Молодежъ любила больше чѣмъ старики, а больше всего любили его шемела, какъ онъ называлъ дѣтей—труха, въ которой, много сору и пустоцвѣту, за то и здоровыхъ сѣмянъ много. Только знай, какъ съ трухой обращаться и на какую почву кинуть. Дѣти его любили. Дѣти были сильнѣе его, вся его суровость и строгость пропадала въ присутствіи дѣтей, они дѣлались почти его тиранами; онъ съ ними шутилъ, балагурилъ. Онъ не могъ пройти мимо ребенка, чтобъ не приласкать его, или не улыбнуться ему по крайней мѣрѣ, и въ этой улыбкѣ исчезала, какъ это не странно—и его простоватость, и его старообразіе. Онъ становился даже какъ будто моложе своихъ лѣтъ, и лицо свѣтилось умомъ и любовью, словно онъ сбрасывалъ какую то личину, которую надѣвалъ при взрослыхъ. Маленькія рученки сдергивали эту личину и сопротивляться имъ онъ либо не умѣлъ, либо не смѣлъ. Можетъ быть, по этой своей слабости онъ и на заводѣ дѣтей роботать не допускалъ. Слонообразная нескладная фигура его на забаву дѣтей выказывала чудо ловкости, когда онъ принималъ участіе въ ихъ играхъ. И иногда изъ этого выходили смѣшные и конфузившіе даже его нѣкоторымъ образомъ qui-pro-quo.

III.

Съ Сергѣемъ Владиміровичемъ Опочинымъ, мнѣ случилось познакомиться лѣтъ восемъ тому назадъ, въ то самое время, когда онъ занимался устройствомъ своихъ дѣлъ, только что вступая въ союзъ съ Савенковымъ.

Знакомство наше завязалось случайно.

Мы, т. е. я и нѣсколько трущобцевъ, только что закусили у Сливочкина. Славный былъ человѣкъ Сливочкинъ. Съ разу его выбрали въ предводители трущобскаго дворянства, и въ силу того, что онъ никогда въ Трущобскѣ не живалъ, а наслаждался дотолѣ Петербургомъ и заграницей и, слѣдовательно, ни къ какой Трущобской партіи не принадлежалъ, всѣ его сразу полюбили: обходительный, хлѣбосольный, настоящій русакъ, даромъ что отъ его одежды, рукъ и даже рѣчей и улыбки вѣяло столицей и заграницей.

Мы только что закусили—слегка, но такъ, что отяжелѣли.

Digitized by Google

— Пора по домамъ, хозяину отдохнуть надо!

— Что это, помилуйте, протестовалъ хозяинъ. Я не отдыхаю никогда. Да и вамъ то, что дома дѣлать?

Оно, дѣйствительно, не пора было,—всего второй часъ дня; и дома нечего было дѣлать. А если и было у кого дѣло, такъ какое же занятіе послѣ закуски у Сливочкина? У него всякіе консервы отъ Вьюшина, и портвейнъ отъ Елисѣева. Изволь-ка переварить омаровъ, да pâtè изъ жирной печени, съ трюфелями.

Въ Петербургѣ и климатъ, и жизнь, и занятія, и развлеченія, и мостовыя, и экипажи такъ принаровлены, чтобы поддерживать во всемъ населеніи, дающемъ тонъ Россіи, вялость апетита, вялость печени, несвареніе желудка, а желчь распространять не на свое мѣсто.

Въ Трущобскѣ, не взирая на всѣ нововведенія, свѣжій воздухъ такъ васъ со всѣхъ сторонъ и обвѣваетъ. Ужасно въ Трущобскѣ много этого свѣжаго воздуха, патріархальной простоты и бездумья даже не созерцательнаго. Живи себѣ, да и полно. Особенно нынче. И жалованья пошли хорошія, и помимо жалованья матерьяльныя удобства невозбранно допускаются, какъ въ доброе старое время. Вали черезъ пень колоду и живи тѣлу во здравіе, душѣ на спасеніе, родинѣ на славу.

Очень пріятное бездумье охватываетъ, какъ покушаешь, разумѣется, предварительно выпивъ и, разумѣется, когда душа полна несокрушимой надежды на то, что вечеркомъ можно будетъ либо «постукать» либо «завинтить», либо «мушку половить».

Пора по домамъ, къ «покою», или, въ переводѣ на прозаическій діалектъ—ко сну, такъ насъ и клонило. Даромъ, что былъ всего второй часъ дня.

Мы взялись за шапки и вдругъ звонокъ.

— Сергѣй Владиміровичъ Опочинъ! доложилъ слуга.

Старикъ Опочинъ былъ человѣкъ легендарный; онъ когда то забавлялъ и развлекалъ всѣ слои населенія Трущобскаго уѣзда. А вѣдь это заслуга великая. Со времени обновленія Трущобска реформами, онъ скрылся и обратился въ легендарнаго героя. Всѣ новые люди знали о немъ, но мало кто его видѣлъ.

— Ну, теперь останемся! рѣшилъ прокуроръ, великій охотникъ до цѣльныхъ натуръ и наблюденій за человѣчествомъ.

Опочину было лѣтъ подъ шестьдесятъ. Широкія плечи, сплошь румяное лицо; густые курчавые, хотя сильно сѣдые волосы, умаляли на видъ его годы. Красивая серебристая бородка и усы, слегка по поповски подстриженные, надъ верхней губой, скрадывали морщины и придавали его физіономіи весьма почтен-

Digitized by Google

ный характеръ. Два маленькихъ, маслянисто-сѣрыхъ глаза безпрестанно моргали почти черными рѣсницами. Морганье особенно усиливалось, когда лицо или рѣчь Сергѣя Владиміровича выражали глубокія чувства — почтеніе, грусть, торжественность, и усиливалось, казалось, для того, что-бы скрасть упрямо, помимо воли Опочина, постоянно пробивавшуюся насмѣшку.

Опочинъ явился въ первый разъ къ новому предводителю и поэтому, вѣрный старымъ обычаямъ, былъ во фракѣ. Фракъ былъ стариннаго, степеннаго, красиваго покроя и хорошо округлялъ его формы; большой сѣрый атласный галстухъ, спадавшій небрежно по бѣлой накрахмаленой рубашкѣ, былъ заколотъ крупной сапфировой булавкой. Изъ подъ тонкихъ голландскихъ рукавовъ выглядывала ярко красная фуляровая сорочка.

Онъ оставилъ въ передней какой-то большущій портфель и мѣховую шапку; входя въ гостиную, съ трескомъ раскрылъ клякъ отъ Брюно и, придерживая его одной рукой, зашаркалъ передъ хозяиномъ по полу ногами въ мягкихъ сапогахъ. Затѣмъ онъ элегантно подошолъ къ ручкѣ madame Сливочкиной, и сѣлъ не на ближайшее къ ней кресло, на которое она указала длиннымъ вязательнымъ крючкомъ, а на отдаленное. Вѣжливый по старинному, онъ выказывалъ, что цѣну себѣ, при всей своей скромности, все таки знаетъ.

Хозяинъ и хозяйка старались занимать гостя. Гость скромно молчалъ, внимательно слушалъ, и какъ то по мышиному наблюдалъ, быстро перебѣгая глазами съ одного предмета на другой, съ одного лица на другое. Сливочкинъ сталъ распространяться о родственникахъ Опочина, которыхъ предводитель знавалъ въ столицѣ. Заявить о знакомствѣ съ этими родственниками было лестно; всѣ они блистали ярко и вѣсили много. Кто, насадивъ эмансипацію и земство въ мѣдвѣжьемъ углу, былъ нынѣ призванъ въ столицу насаждать бюрократію въ вѣдомствѣ, заразившемся вѣяніями земства и эмансипаціи. Кто, раззоривъ свое состояніе эфектными хозяйственными операціями, пріобрѣлъ славу прекраснѣйшаго дѣятеля, свѣдущаго хозяина и насыщалъ разныя комиссіи проэктами возрожденія и обогащенія цѣлыхъ областей; кто, въ качествѣ учредителя и директора многочисленныхъ банковъ, помогалъ крупному землевладѣнію поддерживать представительство; кто гремѣлъ по всей Руси патріотизмомъ, ненавистью ко всему иноземному, проповѣдывалъ освободительные крестовыя походы.

— Да, меланхолически произнесъ Сергѣй Владиміровичъ, выслушавъ много хорошаго про своихъ блистательныхъ род-

Digitized by Google

ственниковъ: русскіе они люди, русскіе всѣ мы, Опочины. Достойные они люди. Одинъ я осѣвокъ.

И, поморгавъ слезливо глазами, прибавилъ:

— Родственныя чувства—моя слабость; глубоки они, очень глубоки.

Отъ полноты чувствъ онъ больше ничего не сказалъ. Но сказалъ онъ это такъ, что Богъ его знаетъ, не то шутилъ, не то душу выкладывалъ.

Сливочкинъ попенялъ ему, что вотъ онъ при такихъ связяхъ и при личной извѣстности въ губерніи, никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ не принимаетъ: хоть бы въ земствѣ, на избирательные съѣзды показывался. Очень Сергѣй Владиміровичъ удивился; даже съ сидѣнья приподнялся медленно.

— Я то-съ, Николай Петровичъ? Я то-съ?

Вся фигура Сливочкина изобразила утвердительный отвѣтъ: онъ голову склонилъ на бокъ, руки напряженно растопырилъ и, вытаращивъ глаза, уставилъ ихъ на Опочина: именно вы!

— Шутить изволите, Николай Петровичъ! Да что же я такое? юнкеръ въ отставкѣ; вы, можетъ, не изволите знать?

— Да нынче чины не принимаются въ разсчетъ.

— Не знаю-съ; я нынѣшнихъ законовъ не знаю. Я вообще законовъ не знаю, отъ этого много въ жизни терпѣлъ и терплю. Впрочемъ, оно, конечно, можетъ статься и въ прежнее время чины мало значили—деньги-съ, связи-съ, значили, а не чины пробормоталъ Опочинъ, какъ будто въ сторону.—Я юнкеръ-съ, пятидесятилѣтній юнкеръ-съ. Такъ вы изволите говорить, что нынче чины не препятствуютъ. Ну, а невѣжество-съ, невѣжество какъ-съ?

— То есть какъ это?

— Да коли я ничего не знаю, нигдѣ не воспитывался. Однимъ словомъ—юнкеръ въ отставкѣ?

— Да, конечно, образовательный цензъ; но въ земствѣ и его не надо и законъ допускаетъ... опытность вообще...

— Помилуйте-съ, вы шутить изволите. Какая же моя опытность! Вы, я думаю, обо мнѣ наслышаны. Одному меня родитель мой, царство ему небесное, обучилъ: проживать деньги въ свое удовольствіе—и опытность моя вся въ этомъ состоитъ. И вдругъ я въ земствѣ буду! Земство, какъ до меня доходятъ слухи, учреждено съ цѣлію поднятія благосостоянія и благоустройства края общими усиліями мѣстныхъ жителей... Такъ—это-съ вѣрно-съ?

— Совершенно.

— Изволите видѣть. Куда же я тутъ гожусь? Самъ я весь

Digitized by Google

свой вѣкъ все проживалъ, и разстроивался. Вамъ, можетъ, извѣстно, что нынѣ всей семьей въ гумнѣ и двухъ дорожныхъ экипажахъ проживаю, въ описанномъ кредиторами моими имѣньи. И вдругъ я то стану добрыхъ людей поучать, какъ обогащаться и благоустроиваться. Грѣхъ-съ. На томъ свѣтѣ съ меня взыщется, а до того свѣта мнѣ ужь рукой подать.

Хозяинъ поспѣшилъ замять разговоръ и повелъ рѣчь о судѣ присяжныхъ, о мировомъ институтѣ, въ которомъ, по его мнѣнію, Сергѣй Владиміровичъ могъ бы принять участіе не безъ пользы.

Сергѣй Владиміровичъ при этомъ оживился.

— Это вы о новыхъ судахъ-съ? о судьяхъ новыхъ-съ? Незнаю-съ, какъ. Богъ меня покаралъ; имѣлъ дѣла-съ; такъ какъ то обидно вышло.

— Тѣмъ болѣе, если вы недовольны результатами новыхъ судовъ, вамъ слѣдовало бы принять въ нихъ участіе, продолжалъ настаивать Сливочкинъ.

Недавно ставъ на стражу общественной дѣятельности въ провинціи, онъ былъ одержимъ зудомъ ея и всякаго дворянина любилъ прельщать.

— Позвольте-съ—извините вы мою простоту, я не уразумѣю, какъ это я могу принять участіе.

— Мировымъ судьей, напримѣръ, быть.

— Я-то-съ? опять удивился Опочинъ — я-то-съ? не ученыхъ, прокутившихся дураковъ, по моему понятію, по шеямъ оттуда— извините сударыня за выраженіе, обратился онъ къ хозяйкѣ:— а не допускать-съ. Да и грѣхъ великій на старости лѣтъ!

— Грѣхъ то какой же? позвольте.

— Грѣхъ-съ? А изволите помнить евангельское слово—Сергѣй Владиміровичъ поискалъ глазами образа—не судите, не судимы будете. Какой же я судья-съ? Шемяка-съ я буду? Я и отъ этой новой поголовной повинности, откупился-съ.

Сливочкинъ вытаращилъ глаза: отъ какой повинности?

— Кажется, присяжными засѣдателями называется. Призываютъ меня, а я не ѣзжу.

— Штрафуютъ? замѣтилъ прокуроръ.

— Неоднократно штрафовали и довольно большіе куши.

— Охота вамъ штрафы платить.

— Штрафъ, сударь, легче грѣха. Не судите, не судимы будете. А впрочемъ, я штрафовъ не плачу.

— Какъ-же такъ?

— Я для удовлетворенія лицъ, меня штрафующихъ, денегъ не имѣю, и предоставилъ судебному приставу описать пустошку.

Digitized by Google

— Значитъ, все-таки платите? Вѣдь пустошка чего-нибудь да стоитъ.

— Мнѣ она собственно ничего не стоитъ; такъ была прихвачена при выгодной покупкѣ другого имѣнья. Я ее въ цѣну не ставлю. Хотѣлъ было даже крестьянамъ сосѣдямъ подарить, у нихъ дровъ нѣтъ въ надѣлѣ, да вотъ пришлось за шрафъ суду отдать. Я и предоставилъ ее описать и, благодареніе Бога, покрыла она всѣ шрафы; еще раза на два впередъ осталось.

Сливонкина, да и всѣхъ насъ, глубоко оскорбило такое небреженіе, къ обязанностямъ гражданина, и мы это высказали откровенно. Всѣ мы были и краснорѣчивы, и многорѣчивы. Молча, уныло, словно подавленный тяжестью обвиненія, сидѣлъ на своемъ креслѣ Опочинъ. Только мышиные глазки за темными рѣсницами, все бѣгали да бѣгали; смѣялись они или слезы, навертывавшіяся изъ глубины души, разгоняли, кто ихъ знаетъ.

— Не обижайте малыхъ сихъ, произнесъ онъ какъ бы про себя, и даже не произнесъ, а точно тяжко выдохнулъ. И взглянулъ на образъ.

Наши рѣчи порвались.

— Кого «малыхъ сихъ»? какъ это, «не обижайте малыхъ сихъ?»

— Младшую братію. Обездолѣнную братію. Грѣшны мы, отъ нихъ же первый есмъ азъ. Много меня порицали, и достоинъ я порицанья: воистину плоть моя немощна. Меня, какъ вамъ, конечно, извѣстно, Николай Петровичъ, и въ прежнія времена, когда еще крѣпостные люди были, обвиняли, порицали. За расточительность даже опеку наложить на меня хотѣли. Грѣшный человѣкъ, не умѣлъ я никогда денегъ беречь, доходовъ извлекать, родители не научили, да и самъ виноватъ, не старался обучиться. За расточительность хотѣли взять въ опеку; комиссія дворянская изслѣдовала... Ну, а о жестокомъ обращеніи, рѣчи не было. И вдругъ я теперь на старости лѣтъ стану жестокостями заниматься!

— Да позвольте, мы совсѣмъ не о томъ...

— Нѣтъ, ужъ вы великодушно меня извините, мнѣ, по глупости моей, кажется, что о томъ именно. Вы изволите говорить: небреженіе дворянскаго долга...

— Гражданскаго, поправилъ прокуроръ.

— Гражданскаго, прошу извинить, я все по старому — вы говорите, неисполненіе гражданскаго долга. Первый долгъ, по моему глупому разуму: малыхъ сихъ не изобидь. Вотъ позвольте-съ, обижалъ ли я когда? Разрѣшите-съ? сейчасъ въ переднюю, схожу, доложу-съ.

Digitized by Google

Опочинъ нѣсколько нетвердо, но быстро направился въ переднюю, порылся тамъ въ толстомъ портфелѣ и принесъ намъ какой то документъ.

— Вотъ, сдѣлайте мнѣ великое одолженіе, Николай Петровичъ, потрудитесь пробѣжать. Я даже долгомъ считаю вамъ, какъ нашему новому предводителю, предъявить, отрекомендоваться-съ.

Документъ оказался свидѣтельствомъ бывшаго губернскаго предводителя дворянства о томъ, что по тщательномъ разслѣдованіи особою комиссіею вотчинъ, имѣній и быта крестьянъ принадлежавшихъ отставному юнкеру Опочину, оказалось, что крѣпостные крестьяне весьма достаточны, къ помѣщику своему привязаны и вообще имѣнье, не только ни въ чемъ безпорядка не представляетъ, но отличается образованымъ благоустройствомъ. Документъ относился къ послѣднимъ годамъ существованія крѣпостнаго права.

— Вотъ изволите видѣть, пояснилъ Опочинъ: порицали меня, а Богъ открылъ правду.

— Да, конечно, такъ, но времена перемѣнились. То былъ долгъ помѣщика—вы его исполнили; Ну, а нынче долгъ гражданскій...

Сергѣй Владиміровичъ какъ то грустно и недовѣрчиво улыбнулся.

— Все одно-съ, возразилъ онъ, долгъ честнаго человѣка, первый долгъ: не обижай малыхъ сихъ. Я его исполнялъ тогда и теперь, по моему разумѣнію выполняю. Я понималъ, что хозяйничать я не способенъ, при моемъ образованіи и характерѣ. Ну и не хозяйничалъ. Отъ того и мужикъ былъ мной доволенъ, и моя совѣсть была спокойна. Нынѣ—вы меня извините, я договорю—остановилъ онъ собравшагося было его перебить прокурора:—нынѣ я въ новыхъ порядкахъ ничего не понимаю и воздерживаюсь отъ участія.

— Да помилуйте, если бы всѣ стали воздерживаться...

— Кто въ себѣ силу чувствуетъ, тому, конечно, грѣхъ воздерживаться. А я ничему не учился, ничего не знаю. Вмѣшаюсь—непремѣнно кого нибудь обижу, грѣхъ на душу возьму. Ужъ лучше такъ, какъ нибудь, проживемъ.

— Научиться можно.

— Старъ учиться. Глупъ, хворъ. И съ дворянами то отъ борьбы уклонялся. А теперь даже и не дворяне, а похитрѣе—какъ французы говорятъ: буржуазія-съ. Насъ размечетъ, крестьянъ обгложетъ; новая сила; гдѣ ужъ намъ!

— Тутъ то и бороться, тутъ-то и побороть...

Digitized by Google

— Да, побороть, побороть, видимо внутренно углубляясь въ сильно занимающій его вопросъ, пробормоталъ Сергѣй Владиміровичъ. Побороть! Вотъ кабы мы, твердостью, либо познаніями отличались, а то вѣдь помилуйте...

Мадамъ Сливочкиной ужасно надоѣлъ дѣловой разговоръ. Она постаралась его перемѣнить, и освѣдомилась о состояніи здоровья гостя.

— Видъ у васъ прекрасный, замѣтила она.

— Видъ! что видъ, сударыня! наружность обманчива. Я мертвый человѣкъ; только отпѣть позабыли. Мертвый. Вотъ, если позволите, я на минутку отлучусь... Я на всякій случай всегда при себѣ бумаги вожу. И, шаркнувъ ножкой, онъ опять исчезъ въ переднюю, отъ куда появился черезъ минуточку съ новымъ документомъ.

— Позволите-съ? спросилъ онъ, и безъ дальнѣйшихъ предисловій прочелъ: «Мы нижеподписавшіеся докторъ медицины Федоръ Куропаткинъ, и профессоръ N-ой клиники Фридрихъ Шмандкухенъ, по тщательномъ діагнозѣ нашли и признали въ состояніи здоровья помѣщика Заглохинаской губерніи С. В. Опочина слѣдующіе недостатки: расположеніе сердца къ ожирѣнію и поврежденіе клапана праваго желудочка; катарръ большой кишки; неправильное кровообращеніе, и какъ послѣдствія его, припадки головокруженія; ненормально румяный цвѣтъ лица, по временамъ переходящій въ темно-красный, буроватый».

Опочинъ немного опустилъ бумагу, чтобъ всѣмъ было видно его лицо, и провелъ по немъ рукой.

«Хроническое катаральное состояніе почекъ, съ наклонностію одной къ постепенному разрушенію». Мму, мму, замычалъ онъ, проскальзывая нѣсколько строкъ:—извините сударыня, при дамахъ неудобно... Однимъ словомъ, болѣзнь Брайта. Дальше парализированіе венозно артеріальныхъ составочныхъ развѣтвленій, движущихъ нервовъ, хроническое трясеніе конечностей»...

И пальцы Сергѣя Владиміровича, дѣйствительно, тряслись, бумага трепетала въ рукахъ, а ноги нервно ерзали по ковру.

Миганіе... мму и проч., катаральное расположеніе верхнихъ конечностей дыхательныхъ вѣтвей, выражающееся болями въ груди, расположеніемъ къ охриплости, горловыми болями, слабостію голоса...

Голосъ Опочина опадалъ.

— И наконецъ... мму... Тутъ латинскія названія, я ихъ непонимаю-съ—хроническое воспаленіе paucreas, paucreas; это тутъ гдѣ то—онъ прикоснулся дрожащимъ пальцемъ къ тому мѣсту

Digitized by Google

жилета, надъ которымъ болтался огромный золотой брелокъ, крупная печатка съ гербомъ рода Опочиныхъ.

— Pancreas? что такое, спросилъ кто то изъ присутствующихъ: желѣза...

— Желѣзка-съ, вѣрно изволили замѣтить. Поджелудочная желѣза, какъ мнѣ объяснили. Riz de veau, еще ее такъ вкусно подъ sauce tomate у Бореля подаютъ, прибавилъ онъ совсѣмъ серьезно. Лицо его выражало страданье и, вмѣстѣ, словно смѣялось надъ ними своими темными глазами и концами клыковъ, опустившимися на нижнюю губу.

— Вы лечитесь? спросила Сливочкина.

— Лечусь, всѣмъ лечусь, гидропатіей, гимнастикой, даже гомеопатіей. Меня лечили Боткинъ и Здекауеръ въ Петербургѣ, Иноземцевъ въ Москвѣ, Зальцкрахъ въ Вѣнѣ, Роджерсъ—знаете, знаменитый Роджерсъ, по 100 фунтовъ стерлинговъ за визитъ беретъ—еще на послѣднихъ скачкахъ его лошадь первый призъ выиграла—такъ онъ лечилъ; въ Парижѣ къ Нелатону обращался.

— Много докторовъ, пожалуй хуже, замѣтилъ хозяинъ: — у семи нянекъ дѣтя безъ глазу...

— Что дѣлать-съ. Утопающій за соломенку хватается... Грѣшный человѣкъ, я животолюбивъ. Жизнь человѣческая—испытаніе, тяжкое испытаніе, а все жить хочется. При такихъ иногда, можно сказать, нищенскихъ средствахъ, всю Европу объѣздилъ. Нынче только моціономъ и держусь. По полусажени дровъ въ день распиливаю. Роджерсъ мнѣ и Гладстону предписалъ. Гладстонъ деревья рубитъ, а я дрова пилю; тѣмъ и поддерживаю себя, благодаря Господа-Бога.

И Опочинъ вновь набожно возвалъ глаза на икону.

— Радикально излечиться надѣятесь? спросилъ Николай Петровичъ.

— Гдѣ-же, помилуйте. Всякому свой предѣлъ! Скоро наступитъ часъ мой; я ужь давно приготовился предстать предъ вѣчнаго судію, давно получилъ отпущеніе грѣховъ.

Опочинъ такъ трогательно и торжественно произнесъ эти слова, что присутствующіе, не взирая на свое удивленіе, почти были тронуты. Однако замѣтили, что русская церковь индульгенцій не выдаетъ. Особенно горячо сказалъ это молодой членъ суда, великій скептикъ.

— Не выдаетъ-съ? вы полагаете? съ грустнымъ сожалѣніемъ, глядя на скептика, произнесъ Сергѣй Владиміровичъ, и приподнялся съ кресла. А вотъ-съ я имѣю случай вамъ доказать, я тоже съ собой этотъ документъ имѣю.

И онъ опять, попросивъ позволенія на минутку отлучиться,

Digitized by Google

сходилъ въ переднюю и принесъ оттуда большой атласистый листъ бумаги, который вручилъ своими дрожащими руками скептику—судьѣ. Твердый, какъ картонъ, пергаментный листъ былъ обрамленъ изображеніемъ священныхъ предметовъ въ красивомъ сочетаніи; текстъ документа былъ написанъ крупнымъ заостреннымъ церковнымъ почеркомъ; внизу около огромной печати, изображавшей большую церковь съ тремя главами, стояла подпись Филарета.

— Изволите видѣть. Я ужь давно забочусь о смертномъ часѣ. Жаловалъ меня блаженной памяти угодникъ Господень, и великій мужъ родины своей, высокопреосвященный Филаретъ... Жаловалъ. Отъ него я и грѣховъ отпущеніе получилъ.

— Да позвольте! заикнулся было членъ суда.

— Прочтите, прочтите-съ!

Скептикъ пробѣжалъ документъ.

Онъ оказался благодарностью за пожертвованіе на церковь.

Опочинъ утвердительно кивнулъ головой.

— Пятнадцать тысячъ рублей на возведеніе новаго храма во имя Воздвиженія честнаго креста, въ Темнозерскѣ и лѣсная дача на срубъ. Пожертвованіе-съ, пояснилъ онъ.

— Да не отпущеніе же грѣховъ, продолжалъ настаивать скептикъ.

— А вы до конца извольте внимательно прочесть, скромно, едва внятно и на этотъ разъ, молебно возведя глаза къ небу, упрашивалъ Сергѣй Владиміровичъ.

Членъ суда небрежно вслухъ дочиталъ документъ. Опочинъ вслушивался, какъ бы подчеркивалъ выраженія, то глубоко вздыхая, то возводя глаза къ потолку.

— Осѣняемъ васъ нашимъ пастырскимъ благословеніемъ, благоговѣйно повторилъ онъ, по окончаніи чтенія, подчеркнутыя вздохами фразы.—Осѣняемъ васъ нашимъ пастырскимъ благословеніемъ, возносимъ теплыя молитвы о васъ... Поручаемъ и благословляемъ священно и церковно служителямъ созидаемаго вами храма непрестанно молиться о здравіи вашемъ при жизни и вѣчномъ упокоеніи души вашей въ лонѣ Авраама, Исаака и Іакова, по отозваніи васъ въ лучшій міръ... и да будетъ благодать Господа Іисуса Христа и Бога нашего на васъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь...

Опочинъ скрестилъ руки на груди и поникъ головой, творя молитву.

— Такъ какая же это индульгенція? продолжалъ упорствовать судья:—благодарность.

— Для кого фасонъ де парле, встрепенулся Опочинъ, а для

Digitized by Google

меня упованіе! вѣчная молитва церкви, благодать Господа, нынѣ и во вѣки вѣковъ, вѣчное успокоеніе въ Господѣ... Исходитъ то отъ кого? Отъ праведника!

Скептикъ продолжалъ оспаривать. Опочинъ его не слушалъ; черныя рѣсницы сѣренькихъ глазокъ быстро моргали и клыки опять выступили на нижнюю губу. Онъ бережно, сосредоточенно, складывалъ дрожащими пальцами завѣтные документы, и неожиданно среди общаго оживленнаго разговора, приподнялся съ кресла и зашаркалъ передъ хозяйкой.

— Вы уѣзжаете? Вы надолго въ городѣ? Милости просимъ къ намъ, мы почти всегда дома! прощались съ нимъ гостепріимные хозяева...

— Буду, буду, не забуду, вдругъ какъ то фамильярно по шутовски, отвѣчалъ онъ Сливочкину, и мгновенно перешолъ въ почтительно просительскій тонъ, хотя на лицо выступила тонкая лукавая усмѣшка.

— Дѣла въ городѣ-съ. Вѣроятно, задержатъ. Я даже, можетъ, буду васъ своими дѣлами безпокоить. По старинному; къ кому, какъ не къ представителю нашего сословія, намъ обездоленнымъ дворянамъ обращаться, произнесъ онъ, низко кланяясь Сливочкину и скользнувъ чуточку презрительнымъ взглядомъ по представителямъ новаго суда.

— Это онъ опять какіе нибудь фортели подпускаетъ! замѣтилъ послѣ удаленія Опочина одинъ изъ Трущобскихъ старожиловъ.

И старожилъ оказался правъ. Опочинъ пріѣхалъ на этотъ разъ въ городъ для того, чтобы устраивать какую то сдѣлку по имѣнію съ Савенковымъ.

IV.

Опочины гордились древностію своего рода, помнившаго крамолу Грознаго. Одинъ изъ нихъ, красивый гвардеецъ временъ императрицы Елисаветы Петровны, баловень судьбы и государыни, нажилъ колоссальное состояніе, изъ котораго около 1,000 душъ дошло до отца Сергѣя, Владиміра Кирилыча. Владиміръ Кирилычь ничего изъ своего состоянія не прожилъ, но выжалъ, изъ доставшихся ему 1,000 душъ крестьянъ все, что могъ выжать распутнѣйшей барской жизнью, преисполненный обычныхъ крѣпостныхъ наслажденій.

Жена его рано окончила свои дни, и Сергѣй росъ безъ матери. Три сына Кирилъ, Сергѣй, и Владиміръ жили при отцѣ.

Digitized by Google

Сердцемъ онъ ихъ любилъ; но никогда не подумалъ, чѣмъ должна выражаться отцовская любовь на пользу дѣтей; и любви этой они не подозрѣвали. Онъ ихъ безпутно баловалъ, развращалъ, и также безпутно наказывалъ, если они чѣмъ нибудь ему мѣшали и досождали. Дѣти, благодаря примѣру отца, развратились въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, и ничего, кромѣ страха, къ отцу не питали. Морочить отца, и, если можно, пакостить ему, составляло для нихъ наслажденіе. Неискренность отношеній къ нему и неравность его отношеній къ нимъ выработали въ нихъ, и въ особенности въ Сергѣѣ, способность лгать и хитрить безнаказанно. «Не попадемся въ лапы медвѣдки» говаривалъ 10-ти лѣтній Сергѣй. Онъ отца звалъ медвѣдкой. Ихъ единственный сердечный другъ, старая няня Афросинья, увѣряла, что Сережу на томъ свѣтѣ за такія слова о родителѣ будутъ на сковородѣ вѣки вѣчные жарить.

Афросинья была покорная раба, преданная семьѣ, но ненавидѣвшая сама ея главу. Она пугала дѣтей коленой сковородкой за ихъ неуваженіе къ главѣ семейства, читала имъ нравоученія, заставляла утромъ и вечеромъ класть за него по земному поклону, и вмѣстѣ съ тѣмъ учила ихъ лицемѣрію предъ нимъ, въ которомъ сама была искусна. Подобострастная и смиренная передъ бариномъ, въ душѣ она его ненавидѣла. Она видѣла, какъ истощались существованія сотень семействъ, какъ барскій капризъ разносилъ послѣдніе остатки, послѣдніе признаки благоденствія и тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе ему полюбиться и тѣхъ, кто попадалъ въ опалу. То, что она сама видѣла и чувствовала, она не могла не передавать дѣтямъ, даже противъ своей воли, ибо она искренно вѣрила, что возстановлять дѣтей противу родителя—смертный грѣхъ, и сама боялась каленой сковороды на томъ свѣтѣ. Между тѣмъ въ дѣтяхъ она не могла не поселить сочуствія къ жертвамъ отца. И тѣмъ легче это дѣлалось, что самихъ барчатъ она считала, и небезосновательно, тоже его жертвами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сама продуктъ крѣпостнаго права, она поблажала въ нихъ развитіе отцовскихъ инстинктовъ на счетъ тѣхъ же крѣпостныхъ жертвъ, и этимъ, какъ бы старалась вознаградить ихъ за то, что они сами претерпѣвали отъ Владиміра Кирилыча. Къ тому же самые эксперименты барчатъ надъ крѣпостнымъ населеніемъ, не носили на себѣ характера тираніи, а скорѣй походили на союзъ молодыхъ господъ съ жертвами, съ вотчиной, противу общаго мучителя. И тѣхъ и другихъ связывало общее чувство страха и желанія морочить владыку.

Изъ старшаго брата Кирила, выработался злющій, ехидный

Digitized by Google

юноша, способный сдѣлаться достойнымъ продолжателемъ родителя. Кирилъ и нянѣ начиналъ досаждать, и сверстники дворовые его боялись и не любили, и съ братьями, у него не было дружбы. Владиміръ былъ слабъ здоровьемъ, простоватъ; ни рыба ни мясо. Всѣхъ проказливѣе, остроумнѣе и вмѣстѣ добросердечнѣе былъ Сергѣй. Изобрѣтательность его по части ухищреній противу родителя, и впослѣдствіи, противу старшаго брата, Кирила, который его не долюбливалъ, была изумительна. Крѣпостные союзники и сверстники любили его больше, чѣмъ Владиміра. Владиміръ былъ приглупенъ. Сергѣй умѣлъ тѣшиться съ ними и надъ ними, такъ что ему выходило удовольствіе, а крѣпостнымъ сверстникамъ не причинялось вреда.

Сергѣй въ самомъ нѣжномъ возрастѣ полюбилъ житейскія наслажденія. Зрѣлище крѣпостнаго эпикуреизма отца возбуждало и въ немъ сильный апетитъ; у него слюнки текли и мечты разыгрывались, когда на своихъ оргіяхъ родитель являлся полновластнымъ сомодержцемъ, кормившимъ, поившимъ, веселившимъ, и рабовъ, и чиновниковъ и окрестныхъ дворянъ, когда около отца ѣли, пили, веселились, потрясали воздухъ пѣснями и хохотомъ, когда отъ широкаго разгула стонъ стономъ стоялъ. Мальчикъ какъ бы опьянялся. Ему хотѣлось жить, весело жить, но такъ, чтобы и другимъ было весело. Онъ самъ хохоталъ, пѣлъ, лихо плясалъ въ присядку, отвалывалъ трепака и помогалъ отцу и его сотрапезникамъ шутить шутки и строить проказы, покуда въ этихъ шуткахъ и проказахъ кромѣ смѣху ничего не было. Онъ съ увлеченьемъ самъ пришпиливалъ на спину заѣзжему торгашу жиду кусокъ контрабандныхъ кружевъ и забавлялся, какъ бѣдный Мошка въ отчаяніи метался по всему дому, разыскивая свою пропавшую драгоцѣнность, которую всѣ кромѣ него самого, видѣли; Сергѣй охотно собственноручно смазывалъ варомъ бороды двухъ упившихся за отцовской трапезой монаховъ, завалившихся въ мертвецкомъ снѣ на одну кровать носъ къ носу, и сзывалъ отца и всѣхъ его гостей любоваться, какъ монахи, икая, дергали взаимно другъ другу бороды, и наконецъ разодрались съ пьянаго просонья, не будучи въ силахъ разорваться. Онъ рисовалъ фосфоромъ ночью чорта въ спальнѣ до смерти боявшагося дьявольскаго навожденія сосѣда, Кузьмы Савича, будилъ его изъ-за стѣны барабаннымъ боемъ и тѣшился ужасомъ пьянчужки, узрѣвшаго врага рода человѣческаго, разкрывшаго надъ нимъ свою пылающую пасть и зловѣще простиравшаго къ нему свои свѣтящіеся когти. Сергѣй непрочь былъ припугнуть, обмануть, принадуть, лишь бы забавно выходило, и насколько онъ понималъ, не причиняло людямъ зла. Но когда

Digitized by Google

дѣло доходило до травли чиновниковъ настоящими, хотя и ручными медвѣдями; когда попа, взявшагося сварить отмѣннаго вкуса пиво и сварившаго какую то бурду въ наказаніе предательски въ горячей банѣ вытерли, по приказанію барина, перцовкой и выпарили вымоченными въ перцовкѣ-же вѣниками, причемъ попъ нагишомъ выскочилъ изъ бани, выбивъ окно, и, воя, какъ лютый звѣрь, по снѣгу катился добрую версту до дому и схватилъ горячку; когда надъ тѣлами дворовыхъ, дурно пропѣвшихъ плясовую передъ барскими хоромами, свистѣли гибкія пучки розогъ; когда красавицу Дуню, любушку Сергѣева пріятеля, форейтора Климки, заставляли стоять по цѣлымъ часамъ на колѣняхъ и на четвереньках на мѣшкахъ, наполненныхъ мѣдными полушками за то, что она не покорялась барской любви; или когда увозили куда-то на поселенье, изъ глазъ всей семьи другого Сергѣева пріятеля кузнеца Трошку за то, что съ колеса у барской коляски шина свалилась—Сергѣй негодовалъ, трепеталъ, озлоблялся, а можетъ быть и трусилъ. Нервы у него были потрясены рано, и раннимъ развратомъ, и отцовскимъ произволомъ.

Онъ самъ не выносилъ тѣлесной боли, и причинять ее другимъ ему было больно. Онъ по своей воспріимчивости самъ, какъ бы воспринималъ боль. Онъ никого никогда не подводилъ подъ наказаніе; напротивъ, если могъ, при помощи своей изобрѣтательности, избавлялъ людей отъ наказанія. Когда по приказанію барина пороли дворовыхъ и крестьянъ, Кирилъ Сергѣевичъ, не довѣряя палачамъ, изъ дворовыхъ же, приказывалъ приводить къ себѣ наказанныхъ и издали взглядывалъ на ихъ обнаженныя спины. Къ счастію, онъ былъ близорукъ и почти всегда пьянъ. Сергѣй выучился раскрашивать спины такъ искусно, что отца не рѣдко удавалось обманывать, избавляя людей отъ наказанія. Но когда, однажды, случилось подвергнуться барскому гнѣву самому старостѣ Ефиму, любимцу Кирила Сергѣевича, широкорожему, корявому извергу, зачастую подводившему другихъ подъ розги, и когда Ефимъ попросилъ художника-барчука расписать ему спину на подобіе сѣченой, то Сергѣй нарисовалъ на этой спинѣ подобіе собственной паскудной хари Ефима. Это разсмотрѣли даже близорукіе и пьяные глаза барина. Потерпѣлъ, конечно, и самъ Сергѣй, потому что Ефимъ его выдалъ, за то Ефимъ нетолько былъ вспоротъ сугубо, но и палъ на вѣки при общемъ ликованіи, избавившейся отъ его тираній вотчины.

Досаждать отцу безнаказанно составляло главнѣйшее его занятіе, на которомъ чрезвычайно изострился его вообще отъ природы острый умъ. Потѣшаться такъ, чтобы другимъ было весело,

Digitized by Google

а не скверно, составляло второе его занятіе, содѣйствовавшее его развитію. Любовью къ ученію онъ не отличался, и поэтому никуда кромѣ какъ въ юнкера, поступить не могъ, но офицерскаго экзамена не выдержалъ, и, воспользовавшись смертію отца, вышелъ въ отставку и водворился въ деревнѣ. Впрочемъ, еслибы онъ и выдержалъ экзаменъ, то все-таки вышелъ бы въ отставку, ибо имѣлъ органическое отвращеніе проливать чью бы то ни было кровь, а тѣмъ болѣе подвергать свою жизнь опасности. Храбрость онъ однажды, по крайней мѣрѣ, въ своей жизни выказалъ, какъ гласятъ легендарныя о томъ преданія и даже при обстоятельствахъ весьма ужасныхъ. Но храбрость эта была возбуждена такими обстоятельствами, которыя и въ зайцѣ доблесть возбуждаютъ. А именно: изъ-за любви и ревности онъ убилъ на дуэли родного брата, негодяя Кирила. Кирилъ послѣ цѣлаго ряда самыхъ гнусныхъ дѣяній, обезчестилъ дѣвушку, которую любилъ Сергѣй—дочь обѣднѣвшей остзейской баронесы фонъ-Штокгаузенъ. Сергѣй нетолько убилъ брата, но и женился на его жертвѣ. Впрочемъ, дѣйствительность дуэли никогда не была доказана, хотя три петербургскихъ комиссіи пріѣзжали поочереди въ Трущобскъ для разслѣдованія дѣла. Борьба съ этими комиссіями также содѣйствовала изощренію способностей нашего героя. Вотъ, вотъ кажется всѣ доказательства на лицо, а смотришь онъ выкинетъ какую-нибудь штуку, и доказательствъ какъ не бывало. Третья и послѣдняя, комиссія, довела, было, дѣло до конца, впрочемъ, основывая свои доказательства больше на слухахъ и на нравственномъ убѣжденіи. Къ вящему торжеству проницательной комиссіи, стали по городу носиться слухи, что Сергѣй Опочинъ ищетъ средствъ отдѣлаться и отъ младшаго брата, дабы завладѣть и его частью имѣнья. Однажды весь Трущобскъ былъ приведенъ въ ужасъ: Сергѣй въ одной рубахѣ и съ саблей въ рукахъ гнался по улицѣ за Владиміромъ, который былъ тоже въ одной рубахѣ. Сергѣй нагналъ несчастнаго, повалилъ и закололъ. Мирные Трущобскіе деревянные мостки Московской улицы обогрились кровью. Люди Опочиныхъ, бѣжавшіе за господами, унесли трупъ домой и увели убійцу, который тотчасъ же со всѣхъ сторонъ заперся отъ полиціи въ своемъ жилищѣ. Второе братоубійство подтверждало первое; комиссія торжествовала, и полиція ворвалась таки въ домъ. Но въ это самое время, оба брата, и убитый и убійца, Богъ ихъ знаетъ, какъ они изъ земли выросли—нѣжно обнявшись, прогуливались взадъ и впередъ по площади. Вотъ тутъ и въ ѣте нравственному убѣжденію и достовѣрнымъ слухамъ. Комиссія уѣхала ни съ чѣмъ, и Сергѣй Владиміровичъ на вѣки восторжествовалъ. За

Digitized by Google

то у себя дома онъ терпѣлъ пораженіе за пораженіемъ. Его супруга, сентиментальная Амальхенъ, была остзейская сиротка баронскаго происхожденія. Она не могла жить безъ Шиллера, клавикордъ, буколь, похожихъ на сосиски, и безъ матушки, сугубой — и по рожденію и по браку — остзейской баронессой, властолюбивой и раздраженной нѣсколькими годами вдовьей бѣдности. Эта дама поселилась у Опочиныхъ, и стала загонять Сергѣя Владиміровича въ баронесскія формы и обычаи; а съ его мужиковъ и имѣнья начала поостзейски снимать пѣнку. Въ дѣтствѣ Сергѣй изощрялся въ атмосферѣ родительскаго безпутства, теперь ему пришлось изощряться въ борьбѣ съ крахмальной чопорностью, или задыхаться въ затхломъ запахѣ баронскихъ склеповъ, который распространяла его теща. Въ дѣтствѣ ему не нравилось, какъ отецъ раззорялъ имѣнье и мучилъ вотчину. Нынче ему еще менѣе нравилось, какъ желѣзная frau мама все въ струночку вытянула и, начиная съ него самого, изо всего сокъ жала своей дланью, унизанной кольцами съ бирюзой и гранатами. Жалко было ему самого себя, жалко ему было и мужика, и онъ задалъ себѣ вопросъ, да неужели нельзя пользоваться жизнью, не удушая ближнихъ? Очень это былъ хитрый вопросъ для человѣка, никогда философіей не занимавшагося. Но мало-по-малу, Сергѣю Владиміровичу удалось его разрѣшить болѣе или менѣе удовлетворительно. Прежде всего оказалось необходимымъ фрау-мама спровадить. Баронеса выписала себѣ сбрую, экипажи, лошадей и кучера изъ остзейскаго края, и въ первый же разъ, когда отправилась показывать все это сосѣдней генеральшѣ, при въѣздѣ въ лѣсъ была встрѣчена нѣсколькими залпами изъ фалконетовъ, сюрпризомъ, разставленныхъ въ кустахъ. Почтительный зять, наученный остзейскимъ обычаямъ, торжественнымъ салютомъ, желалъ почтить первый торжественный въѣздъ баронесы. Честь, конечно, честью, а лошади понесли; фрау-мама получила синяки, контузіи, разлитіе жолчи, и, предусматривая дальнѣйшія почести и сюрпризы со стороны почтительнаго зятя, покинула имѣніе Опочина, обезпечивъ матеріально себя и Амальхенъ, которая тоже, страхъ успѣла надоѣсть мужу.

Опочинъ, провожая ихъ, пролилъ нѣсколько крупныхъ слезъ, и, оставшись одинъ на свободѣ, ясно сознаъ три вещи: что онъ ненавидитъ все остзейское—разъ; что онъ хозяйничать неспособенъ ни по отцовски, ни по тѣщенски, и вообще никакъ—два; что надо вообще жить, и даже жить себѣ въ удовольствіе и другимъ не въ утѣсненіе. Не имѣй онъ отвращенія къ остзейской тѣщѣ, онъ, можетъ быть, постепенно поступился бы вто-

Digitized by Google

рой половиной третьей очевидности и, зажмуря глаза, завинтилъ бы мужиковъ. Но больно ужь тёща его доѣхала; вспомнилось, какъ отецъ и его, и мужиковъ доѣзжалъ; сердце у Сергѣя было доброе, умъ находчивый. Зачѣмъ хозяйничать—можно продавать земли имѣнія. Да не сглупа, не задаромъ, а ловко, дорого, продавать тѣмъ, кого и обобрать не грѣхъ; тѣмъ, чьи деньги никому не полезны.

И Сергѣй Владимірычъ всю жизнь дорого продавалъ, и дешево покупалъ имѣнія; а владѣя имѣньемъ, давалъ всевозможныя льготы мужикамъ и радостію ихъ радовался, ибо сердце у него было доброе, народолюбивое.

V.

Заявивъ свое прибытіе въ Трущобскѣ визитомъ къ Сливочкину Опочинъ замелькалъ передъ нами въ городѣ, который сталъ было забывать этого, когда то знаменитаго легендарнаго героя, всѣхъ утѣшавшаго и забавлявшаго. Почти 10 лѣтъ уже, вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ онъ все уходилъ въ даль преданій; образъ его блѣднѣлъ, подвиги начинали забываться. Теперь онъ опять воскресъ, мы его осязали, видѣли и чувствовали съ благодарностію, что пробиваетъ онъ нашу трущобскую скуку, также какъ и 10 лѣтъ тому назадъ, хотя она теперь, и перемѣнила свой характеръ. Прежде мы скучали, не зная, куда дѣвать свою мощь, нынче мы скучали отъ безсилія и неумѣнья. Годы и реформы измѣнили многое, но скуки не отмѣнили. Не измѣнили они и Сергѣя Владимірыча Опочина.

Онъ немножко постарѣлъ, немножко сгорбился, клыки немножко больше чѣмъ прежде выступали изъ подъ верхней губки, глаза немножко медленнѣе мигали. Но ходилъ онъ по улицѣ въ той же красной, канаусовой рубахѣ, въ какой хаживалъ въ былые дни; также внезапно останавливался на улицѣ и начиналъ продѣлывать гимнастику, отталкивая руки то вверхъ, то въ бокъ, то впередъ; вращалъ ихъ на подобіе мельничныхъ крыльевъ, или туловищемъ начиналъ воронку описывать, или просто дрыгать ногами. Повертится, подрыгаетъ, и продолжаетъ свой путь по улицѣ, объяснивъ знакомымъ зрителямъ, обыкновенно останавливавшимся около него, что ему докторомъ предписаны подобныя упражненія, и что долженъ онъ ихъ производить тотчасъ же, когда почувствуетъ приступъ извѣстнаго недуга. То онъ каялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, называя ихъ пакостями и даже рыдалъ: то похвалялся своими добродѣтелями и выражалъ увѣ-

Digitized by Google

ренность попасть въ царствіе небесное. И опять проливалъ слезы. А мы всѣ хохотали, словно присутствовали на представленіи искусно исполненной классической комедіи, уносящей насъ изъ скучной современной дѣйствительности въ завидную даль прошлаго (что грѣха таить, во глубинѣ души признаваемаго нами золотымъ) времени.

Воскресъ передъ нами герой, воскресли и легенды. Вспоминали, какъ онъ старому дилетанту антикварію, сосѣду князю Мурашкину продалъ за 2,000 р. увѣсистую серебрянную луковицу, часы, увѣривъ его, что онъ эти часы заводитъ только разъ въ мѣсяцъ. Князь убѣдясь, что часы надо ежедневно заводить, обрушился на него съ ругательствами, а Опочинъ объяснилъ: «а вотъ, ваше сіятельство, неугодно ли за пять тысячъ продамъ, у меня въ кухнѣ часы есть—я ихъ только разъ въ годъ завожу».

Вспоминали, какъ онъ своего кузена (нынѣ въ столицѣ высокій административный постъ занимающаго) одурачилъ на 1,000 р. Кузену очень полюбилась вороная тройка Сергѣя Владимірыча, и Сергѣй Владимірычъ предложилъ пари на 1,000 р. что онъ кузена, не кормя, на этой тройкѣ изъ Трущобска до Заглохнова довезетъ. А отъ Трущобска до Заглохнова около 200 верстъ. Проѣхали 30 верстъ, Опочинъ приказалъ кучеру остановиться на постояломъ дворѣ, чтобы лошадей покормить, а изумленному кузену объявилъ: да неужели же ты думаешь, что я лошадей съ голоду морить буду? Это я тебя, дурака, до Зоглохнова, *не кормя*, довезу; а животинку безсловесную—какъ же можно не покормить?

И выигралъ пари.

«Пошло»! приговаривали, вспоминая легенды, но смѣялись. Гдѣ смѣхъ, тамъ прощенье. Онъ много забавлялъ, и много прощалось ему. Да развѣ онъ не жертвовалъ самимъ собой для забавы тонущаго отъ скуки Трущобска. Вспоминали, какъ однажды—это было давно, когда даже еще уступали свое мѣсто на диванахъ губернаторамъ, когда фрейлинъ—помѣщицъ встрѣчали въ уѣздныхъ городахъ съ колокольнымъ звономъ, и когда загоралась въ сердцахъ россіянъ сладкая вѣра въ близость рая на землѣ и въ изобиліе плодовъ земныхъ—черезъ Трущобскъ долженствовало прослѣдовать высокопоставленное лицо, никода небывалое въ нашемъ скромномъ мірѣ.

Десятки тысячъ народа стеклись въ городъ, и ожидали вмѣстѣ съ толпами горожанъ пріѣзда великаго лица. Архіерей въ облаченьи, съ крестомъ въ рукахъ, ждалъ въ соборѣ момента, когда ему должно было выйти на паперть, осыпанную дворянскими мундирами и привѣтствовать. И вдругъ движеніе, волне-

Digitized by Google

ніе; по дорогѣ пыль; экипажи, вороная шестерня, коляска и въ коляскѣ мущина въ бѣлой фуражкѣ: онъ! Колокола звонятъ, народъ кричитъ, у дворянъ и властей подколѣнки трясутся, преосвященный, трепетно вращая бѣлками своихъ желтыхъ глазъ, грядетъ на паперть. И вдругъ!.. о ужасъ! экипажъ и вороная шестерня, и бѣлая фуражка, и клубы пыли, все это мимо, мимо, сквозь толпу за городъ. Народъ разорвалъ бы дерзкаго шутника, да уже вороная шестерня больно шибко уносила его.

Опочинъ, все Опочинъ.

А его лукуловскія пиршества, задаваемыя всему уѣзду, и цѣлымъ вотчинамъ мужиковъ. А продажи имѣній за баснословную цѣну людямъ, не то что Трущобску, а Европѣ по уму извѣстнымъ; или подарки нѣсколькихъ сотень десятинъ мужикамъ. Разъ онъ цѣлую вотчину на волю съ землей отпустилъ.

«Пòшло», и все таки его любили, и никто не въ силахъ былъ презирать его. Нынѣ всѣ эти легенды еще невѣроятнѣе казались, а тоже нельзя было презирать. И забавенъ то очень, и простъ онъ до придурковатости, и уменъ должно быть, вмѣстѣ съ тѣмъ шельма. Новые люди твердили: «пòшло, гадко», а у самихъ смѣхъ въ брюхѣ такъ и разводило, а въ сердцѣ нѣкоторая даже зависть, и, вмѣстѣ, уваженіе являлось. Вотъ имъ, этимъ новымъ людямъ, ужь новаго жалованья, еще недавно казавшагося крупнымъ и достаточнымъ — не хватаетъ; надо иные способы существованія придумывать. Хорошо еще афера — въ аферѣ самому черту не разобрать, гдѣ воровство, гдѣ законное пріобрѣтеніе. А не то за старую отцовскую знакомую, за взяточку принимайся. Оно впослѣдствіи, какъ втянешься, чудесно: никто тебя за это не коритъ. Даже почету больше. А все съ первоначала боязно.

А Опочинъ! даромъ, что теперь обнищалъ, даромъ, что живетъ въ гумнѣ описаннаго имѣнья, въ дормезѣ своей любовницы Липочки помѣщается, Опочинъ все-таки воспрянетъ. Всѣ это знаютъ, отъ того хоть смѣются надъ нимъ, а уваженія не забываютъ. Даже побаиваются; особенно полиція, чортъ его знаетъ, вдругъ губернатору во время ревизіи обѣдъ задастъ. И гдѣ только онъ найдетъ средства воспрянуть? Къ современной аферѣ онъ не способенъ, службы не имѣетъ, а воспрянетъ. Не даромъ онъ такъ искренно, самъ разсказывая про свои подвиги, раскаяніемъ убивается и громы небесные на свою голову призываетъ. И не даромъ, отведя душу раскаяніемъ, впадаетъ въ дѣтское веселье и шутки, шутитъ и цѣлую теорію житейской мудрости передъ новыми мудрецами выкладываетъ. Кто, дескать Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ. Всякому кушать хочется, и благо

Digitized by Google

тому, кто кушаетъ не отъ ближняго своего. А развѣ онъ, Сергѣй Опочинъ, когда либо питался человѣческимъ мясомъ. Имѣнія спускалъ въ десять разъ дороже, чѣмъ слѣдовало бы, правда, такъ, уже не говоря о томъ что это дѣло комерческое, законами и кодексомъ европейской нравственности даже поощряемое, вѣдь кому онъ имѣнья то спускалъ—такимъ людямъ, которыхъ, какъ всей Европѣ извѣстно, никто надуть не можетъ. Они хотѣли съ него поживиться, а поживился онъ съ нихъ. Съ бѣдняка же онъ гроша не взялъ напрасно. Совсѣмъ, напротивъ, онъ эти самые барыши не на себя собственно и тратилъ, а бѣднымъ людямъ помогалъ; кормилъ ихъ, поилъ, деньги давалъ. А что европейскихъ мудрецовъ и сановниковъ одурачилъ, такъ уже это Господу было угодно.

Да и онъ тоже... нищъ и убогъ нынче. И не далеко отъ своихъ жертвъ ушолъ, ибо, какъ только оскудѣли эти жертвы, такъ и онъ растерялся, погибаетъ, и семья погибаетъ, положимъ, незаконная семья, а все таки своя плоть и кровь. За грѣхи, значитъ, Господь наказываетъ. А велики ли, кажется, грѣхи: жить хотѣлось!

И сокрушался, и слезы проливалъ, и даже рыдалъ Сергѣй Владимірычъ, и такъ трогательно, что насъ жалость пробирала, жалость такая же искренняя, какъ и смѣхъ, который онъ возбуждалъ въ другіе моменты нашего съ ними общенія.

Но особенно трогалъ онъ насъ, когда впадалъ въ меланхолію, по поводу своего невѣжества, своей необразованности. Тутъ онъ не себя лично жалѣлъ, а обобщалъ, охватывалъ всю родину своей іеремiадой и стоналъ по общепринятому камертону. Отъ того мы ему такъ и сочувствовали, отъ того мы и къ рѣчамъ его прислушивались и въ пренія съ нимъ вступали, хотя онъ совершенно переставалъ забавлять.

Что мужикъ обнищалъ, спился и исподлился отъ необразованности, что помѣщикъ послѣдовалъ (по своему, конечно, ибо мужикъ пьетъ сивуху, а помѣщикъ, по малой мѣрѣ, мадеру или хересъ, худо-худо—наливку) примѣру мужика, да еще озлобился отъ той же необразованности, намъ и доказывать было нечего. Но Опочинъ доказывалъ, что и онъ самъ подлости дѣлалъ отъ той же самой необразованности, ибо будь онъ богатъ знаніями, какая бы ему была надобность, хитрость дикаря къ барышничанью землею примѣнять. Не будь онъ дикаремъ, вооруженнымъ только первобытной хитростью, у предковъ унаслѣдованной, какая бы ему была надобность европейскіе умы въ дурацкіе колпаки преждевременно рядить, и въ концѣ-концовъ самому обнищать безнадежно, когда карманы европейскихъ умовъ оскудѣли?

*

Digitized by Google

Да и великіе умы попадались на удочку дикаря тоже по своей необразованности. Слишкомъ на себя надѣялись, будто свѣтъ отъ себя распространяли, а свѣтилась на нихъ одна пыль цивилизаціи—встанутъ, встряхнутся, хвостъ распустятъ, ну пыли въ глаза и напустятъ; у кого глаза пыль эту промигать могутъ, тотъ изъ ихъ грубой оболочки и вырветъ кусъ. Теперь и ихъ жалко. Потому что грубость и невѣжество—болѣзнь общая и всѣхъ губитъ. Сергѣй Владимірычъ утверждалъ, что хуже будетъ, и особенно жалѣлъ мужиковъ и помѣщиковъ, ибо самъ принадлежалъ къ именитому роду.

«Помѣщикъ, развивалъ Опочинъ свои мысли, теперь мужика во всемъ винитъ, въ капиталисты лѣзетъ, о союзѣ съ капиталомъ мечтаетъ, отъ него хочетъ поживиться. Капиталъ нынѣшній, конечно, еще необразованнѣе помѣщика, да за то по своей самой необразованности капиталъ—дикарь и хитрость дикаря имѣетъ, и отъ нѣжныхъ чувствъ свободенъ. Гдѣ же намъ съ нимъ тягаться? Ужь одно то, что накопленіе знаній и образованности такъ и разметаютъ тѣ, кому надлежитъ разметать. Чуть станетъ наслоиваться молодежь сознаніями, пройдетъ вѣтерокъ, и нѣтъ ихъ—этого слоя и этой молодежи, этихъ знаній. А что выстоитъ изъ людей знающихъ, то капиталъ на свою службу захватитъ. Кабы остальные по вѣтру не были разсѣяны, такъ на всѣхъ бы хватило, и на мужиковъ, и на капиталъ, и на помѣщиковъ. А теперь, гдѣ же на всѣхъ хватить, только одному капиталу въ пору захватить тѣхъ, у кого знанія въ головѣ. Намъ, боярамъ, одно спасеніе—союзъ съ мужиками и съ знаніемъ, а мы, дескать, помогаемъ капиталу въ союзѣ съ знаніемъ мужика жрать, сами себя ему въ пищу преподносимъ; удивляемся, что насъ кушаютъ и плачемся надъ своей бѣдой и мужицкой подлостью»...

Очень иногда краснорѣчиво заговаривался Сергѣй Владимірычъ, проницательно свои мысли излагалъ, и товарищъ прокурора, большой поклонникъ своего принципала, говаривалъ: точно Александръ Иванычъ (это прокуроръ) сидитъ въ судѣ во время судебнаго слѣдствія, глаза закроетъ, думаешь спитъ, а онъ все себѣ на усъ мотаетъ, станетъ рѣчь говорить — ничего не пропустилъ.

VI.

Ежегодно въ тѣ дни и часы, когда въ Петербургѣ производился тиражъ билетовъ выигрышнаго займа, въ усадьбѣ Сергѣя

Digitized by Google

Владимірыча Опочина служили молебенъ. За нѣсколько недѣль до описанной мною встрѣчи съ Опочинымъ, было 1-е іюля, тиражный день. У самого Сергѣя Владимірыча билетовъ не было—у него вообще никакого движимаго имущества не было—но были у его вѣрной, безупречной сожительницы, когда-то распрекрасной Липочки, а нынче полновѣсной и почтенной Олимпіады Степановны, подарившей Сергѣя Владимірыча двумя пухленькими и здоровыми дочками, Надей и Соней, представлявшими счастливое въ физическомъ отношеніи сочетаніе простонароднаго элемента со стороны крѣпостной матери, и древнебоярской крови со стороны отца.

Опочинъ особенно усердно молился на этотъ разъ, потому что находился въ періодѣ глубокаго оскудѣнія. Самый молебенъ приходилось служить не въ барскомъ домѣ, какъ-то дѣлалось многіе годы, а на гумнѣ. И столы для гостей были поставлены не въ барскихъ хоромахъ и даже не на барскомъ дворѣ, а въ тѣни полуразрушенной мякинницы, въ обширномъ гуменникѣ, въ которомъ паслись обыкновенно телята, который по заплывшимъ канавамъ обросъ кудряватыми кустами ивняка.

День былъ знойный; съ обширныхъ, кочковатыхъ, мягкихъ покосовъ парило и вѣяло запахомъ спѣлой травы, съ бурѣющихъ хлѣбныхъ полей, раскиданныхъ окрестъ по пологимъ холмамъ, лился ослѣпительный искристый свѣтъ; въ ласковомъ голубомъ небѣ проносились бѣлыя пухлыя облачка, изрѣдка застилая свѣтъ солнца и окидывая землю успокоительнымъ, нѣжнымъ покровомъ тѣни и легкой прохлады.

Народъ молился въ гумнѣ, гдѣ отецъ Игнатій, пожилой, маленькій, коренастый, плотный, затвердѣвшій въ борьбѣ съ требами и земледѣліемъ, попъ, сопя лоснящимся круглымъ носомъ, служилъ молебенъ. Не мало народу бродило по зеленому простору гуменника, точно въ престольный праздникъ по погосту.

— Ишь какъ, божоной, убивается, всхлипивала Терентьевна, тетка Липочки, длиннымъ подбородкомъ указывая на барина.

— Извѣстно! сочувственно морщился старикъ Ипатычъ, бывшій дворовый.

— Въ гумнѣ-то, братъ, жить видно не по скусу, равнодушно замѣчалъ молодой парень въ длинныхъ городскихъ панталонахъ и въ жилетѣ поверхъ розовой ситцевой рубахи. — Ужо овины станутъ топить, какъ ему тутъ жить будетъ?

И парень втихомолку усмѣхался, скаля бѣлые зубы.

Сергѣй Владимірычъ со всѣмъ семействомъ, дѣйствительно, уже болѣе мѣсяца жилъ въ гумнѣ. И вотъ по какому непріятному случаю.

Digitized by Google

Лѣтъ 10 ранѣе, вскорѣ послѣ объявленія воли, Опочинъ оскудѣлъ. Но оскудѣніе это ни мало не зависило отъ «воли» и вообще отъ реформъ, ни мало не удивило ни его самого, ни его друзей. Онъ всю свою жизнь то оскудѣвалъ, то вдругъ разцвѣталъ, какъ махровый піонъ. А еслибы вы его спросили, чѣмъ онъ живетъ, онъ, со свойственной ему прямотой, отвѣчалъ бы вамъ: «живу я дураками-съ». Какъ будто дураки продуктъ какой или жизненные припасы. И дѣйствительно, онъ жилъ дураками, которыхъ поставлялъ ему по преимуществу Петербургъ. Придя вновь въ фазисъ оскудѣнія, вскорѣ послѣ «объявленія воли», онъ рѣшилъ, что надо опять дураками поживиться, въ Петербургъ съѣздить, денегъ достать. Трудненько, однако-жь, было. У него только одно неважное имѣньишко оставалось, а въ ту пору съ скверными имѣніями было плохо. Дворяне отъ имѣній чурались; низменные буржуа еще во вкусъ не вошли, и даже банковый кредитъ былъ въ младенческомъ состояніи. Другое имѣніе у него было, да онъ его раззорилъ, отдавъ лучшія земли въ прибавку къ надѣлу крестьянъ.

Но Опочинъ былъ человѣкъ глубоко вѣрующій.

— У меня въ Петербургѣ, заявлялъ онъ, отъѣзжая изъ Трущобска:—еще непочатый уголъ дураковъ.

— Ну исполать вамъ! напутствовали его трущобцы, менѣе твердые въ вѣрѣ и оскудѣвшіе по независящимъ отъ нихъ причинамъ.

Черезъ три мѣсяца Сергѣй Владимірычъ вернулся въ свое Лохматово, даже прутика изъ имѣнія не продалъ, а между тѣмъ, привезъ, какъ случалось въ подобныхъ случаяхъ и прежде, цѣлыя бочки винъ, цѣлые подвалы провизіи, всей семьѣ парижскіе наряды, подарковъ на половину уѣзда, всѣмъ своимъ «временнообязаннымъ» по синему кафтану, бабамъ по ситцевому сарафану, задалъ пиръ на весь міръ и, самолично пройдясь въ хороводѣ, объявилъ мужикамъ, что даритъ на каждую семью по 100 бревенъ на поправку, и всей общинѣ жалуетъ пустошь: по двѣ десятины на тягло приходилось. Словомъ, поступилъ, какъ и въ прежнюю пору. Заглохловцы только руками разводили, лакая его шампанское.

Оказалось, что въ Петербургѣ онъ продать имѣнія не могъ, но заложилъ его за 60,000 р. А по трущобскимъ понятіямъ того времени 6,000 р. всему Лохматову красная цѣна была. Заложилъ онъ имѣніе старику, князю Суслову, аристократу и сановнику, раздававшему, подъ великимъ секретомъ, деньги подъ вѣрные залоги.

Ахъ, еслибы хитроумный сіятельный старецъ могъ слышать

Digitized by Google

какъ весело смѣялись трущобцы надъ «вѣрнымъ залогомъ», и какъ хорошо разсказывалъ про совершенную имъ операцію Опочинъ, угощая трущобцевъ виномъ, купленнымъ на занятыя деньги.

— Я вѣдь вамъ говорилъ, что у меня тамъ не початый уголъ дураковъ!

Имѣніе было заложено на 10 лѣтъ. Лѣтъ 7 онъ кой-какъ платилъ проценты. Потомъ начались неисправности, взысканія. Князь разсвирѣпѣлъ: во-первыхъ, его обошли какъ дурака, тогда какъ онъ всю жизнь слылъ за одного изъ мудрѣйшихъ сановниковъ, а самъ себя всегда считалъ за хитроумнѣйшаго ростовщика. Во-вторыхъ, князь терялъ деньги; въ-третьихъ, надо было затѣвать процессъ, значитъ, обнаруживать свое ремесло. Имѣніе Опочина было описано. Цѣнная движимость въ домѣ оказалась принадлежащею не Сергѣю Владимірычу, а Олимпіадѣ Степановнѣ, а также и экипажи. Олимпіада Степановна выпросила у довѣренныхъ кредитора позволеніе сложить свое имущество въ гумно, а экипажи поставить въ гуменникъ. Гумно обратилось въ складъ громоздкихъ движимостей, а самъ Сергѣй Владимірычъ поселился въ дормезѣ, гдѣ премило устроилъ спальню и кабинетъ, и гдѣ даже принималъ посѣтителей по дѣламъ, требующимъ болѣе или менѣе интимныхъ переговоровъ.

VII.

— Десница Всевышняго не оскудѣваетъ на праведныя, просопѣлъ о. Игнатій, усаживаясь послѣ молебна на кресло, обитое толстымъ штофомъ, пріютившееся между нескладно наваленною въ гумнѣ мебелью, ящиками и всякимъ скарбомъ. — Дай вамъ Богъ 200,000 сегодня выиграть.

— Гдѣ ужъ двѣсти! Мы бы и 75 рады были. И съ 25-ю даже могли бы поправиться, вздохнулъ Сергѣй Владимірычъ.

— Грѣхъ это вамъ, Сергѣй Владимірычъ, упрекнула своего сожителя Олимпіада Степановна.—Коли ежели батюшка двухъсотъ тысячъ желаютъ, такъ вы... Я и дочерямъ о двухъ стахъ заказывала молиться.

Олимпіада Степановна была женщина статная, плотная, степенная, сохранившая слѣды смачной русской красоты. Одѣта она была нарядно, побарски, почти со вкусомъ, и обращеніе имѣла, хотя нѣсколько неуклюжее, но скромное и пріятное. Умная была баба. Какъ только кончился молебенъ, она вмѣстѣ съ обѣими дочерьми стала истово хлопотать о трапезѣ. Обѣдъ готовился въ одной изъ людскихъ, предоставленныхъ для этого

Digitized by Google

случая въ ея распоряженіе кредиторами; кушанья оттуда носили въ гуменникъ.

Кто знаетъ, можетъ и впрямь молебенъ поможетъ; билетъ Олимпіады Степановны выиграетъ и Сергѣй Владимірычъ опять піономъ разцвѣтетъ. Много на его вѣку бывало неожиданныхъ превращеній; отъ того имъ въ бѣдности, какъ и въ богатствѣ, никогда не брезгали трущобскіе друзья. Бѣденъ, бѣденъ, бьется, какъ рыба объ ледъ, и вдругъ...

— Гдѣ ужь оно, не до жиру намъ, быть бы живу, Липочка. А вотъ бы ты намъ закусочки поскорѣй. Жарковато, у батюшки въ горлѣ пересохло.

— Ничего, привычны, просопѣлъ отецъ Игнатій. — Оно, конечно, и 75,000 великія деньги.

— Семьдесятъ пять описей, вмѣшался и самъ своимъ словамъ расхохотался Аркадій Петровичъ Шишмаревъ, богатый сосѣдъ, старый пріятель Опочина, высокій сѣдоватый старикъ, съ неглупой впечатлительной физіономіей. Одѣтъ онъ былъ джентльмэномъ и держалъ себя таковымъ же, покуда не поддавался воздѣйствію общества, въ которомъ находился. По своей впечатлительности, онъ въ чопорномъ обществѣ становился чопоренъ и накрахмаленъ; въ безцеремонно-низменномъ—вульгаренъ. И вульгарность, и накрахмаленность всегда у него выходили искренни, отражаясь въ самой душѣ. Острилъ онъ грубо, не всегда смѣшно, и про запасъ самъ смѣялся своимъ анекдотамъ и остротамъ.

На его остроту о 75 описяхъ Опочинъ грустно и укоризненно покачалъ головой: «У тебя, дескать, и не описываютъ, а тоже подъ гору шибко идешь».

— Слава Богу, еще первая, съ роду первая. Господь милосердъ, возразилъ Опочинъ громко.

— То-то, первая, отвѣчалъ Шишмаревъ:—лиха бѣда первая, а тамъ и пойдутъ! Нынче судъ скорый.

Опочинъ только моргалъ глазами.

— Времена нонѣ, дѣйствительно, трудныя, вмѣшался священникъ:—хоть бы и до насъ доведись. Требы куда прежде сподручнѣе было справлять...

— Въ шапку, да на пустозвонъ [1], опять съострилъ Шишмаревъ и опять расхохотался.

— Народъ не тотъ: требовательный, неуважительный. Земля да-

[1] Священники въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстностяхъ даютъ молитвы родильницамъ въ шапку, т. е. не ходятъ къ родильницѣ, а читаютъ молитву въ шапку пришедшаго за священникомъ мужика, велятъ шапку нести въ горсти и вытряхнуть молитву на родильницу. Пустозвонъ — благовѣстъ, за которымъ обѣдни не служится.

Digitized by Google

же—кажется, тотъ же на ней уходъ—а родитъ не какъ прежде. Бога прогнѣвили!

— Какъ кому, задумчиво возразилъ Сергѣй Владимірычъ. — Вонъ вишь столковываются нонѣшніе-то люди, имъ можетъ и легче прежняго.

Опочинъ указалъ на двухъ мужчинъ, стоявшихъ въ широко распахнутыхъ воротахъ гумна и о чемъ-то серьёзно, полушопотомъ разговаривавшихъ. Одинъ былъ недавно возникшій изъ «телятниковъ» и широко раскинувшій по разнымъ областямъ и отраслямъ свою комерцію, милліонеръ Семенъ Иванычъ Поркинъ. Другой—Перфилій Савенковъ.

Поркинъ былъ длинный, худощавый, далеко не старый, но состарѣвшійся отъ заботъ человѣкъ. Его умные глаза, характерное лицо, даже волосы на головѣ, порѣдѣвшіе, словно молью изъѣденные—все носило на себѣ слѣды изнурительныхъ заботъ. Скитаясь умомъ за милліонами, онъ постоянно велъ колоссальныя рискованныя предпріятія, направляя ихъ не единственно къ личному обогащенію, но и къ прославленію своей гуманности и филантропичности. И нельзя сказать, чтобы его филантропичность была неискренняя. Онъ любилъ добро дѣлать.

Оба были одѣты въ сюртуки. У Поркина въ петличкѣ краснѣла ленточка.

— Дѣйствительно, кого Господь взыщетъ, пробормоталъ батюшка, взглянувъ на нихъ:—оно точно.

— У одного денегъ уйма, у другого ума палата—вотъ! печально замѣтилъ Опочинъ.

— Головизна у этого технолога! показалъ Шишмаревъ руками:—какая головизна!

— Гдѣ намъ съ ними тягаться? какъ бы обдумывая завѣтную мысль, едва шевелилъ губами Опочинъ, устремивъ маленькіе глазки на Поркина, и выпустивъ на губу свои клыки. — Еще Поркины ничего, а вотъ этакіе-то, ученые-то простаки, коли они рука въ руку—ну, тогда намъ отходная! А вотъ кабы они къ намъ пристали!

— Головизны-то? засмѣялся Шишмаревъ.

— Да, голубчикъ!

— А за какія блага они къ намъ приставать станутъ?

— Мму, мму, н-да... мычалъ Опочинъ. — Не знаешь, гдѣ искать!

— Ужь коли ты не знаешь, гдѣ искать, хлопнулъ Шишмаревъ Опочина по плечу: — такъ значитъ finita la comedia дѣйствительно.

— Какъ для кого, печально замѣтилъ Опочинъ.—вонъ у Семена Иваныча ленточка.

Digitized by Google

— Это вы про меня, Сергѣй Владимірычъ? спросилъ Поркинъ.

— Про васъ, Семенъ Иванычъ. Намъ гдѣ же! Ленточекъ нынче намъ не даютъ. Вашъ чередъ чины и ордена брать.

— А что? очень хочется отъ Краснопупова-то къ себѣ Савенкова переманить? спросилъ Шишмаревъ. — Алхимикъ онъ. За что не возьмется, изо всего у него золото выходитъ.

— Зачѣмъ же у Краснопупова отбивать хорошаго человѣка, отвѣчалъ Поркинъ, и по неровности своей не могъ скрыть лукавой улыбки:—не попріятельски было бы. Мы съ Краснопуповымъ пріятели.

— Пріятели-то пріятели, а съ Савенковымъ шушукаетесь вы не даромъ. Только я бы тебѣ не совѣтовалъ, Семенъ Иванычъ. Онъ, братъ, даромъ что тихоня, а зубъ у него волчій, хвостъ лисій; ученъ больно. У Краснопупова есть Власъ. Какъ никакъ, а Власъ тоже ученый; можетъ его и попровѣрить. Ну, а мы съ тобой даромъ, что изъ разныхъ гнѣздъ, а сыроѣжки. На ученомъ-то алхимикѣ какъ бы намъ не подавиться.

— Нѣтъ, это вы напрасно говорите, совсѣмъ серьёзно заступился за Перфилья Семенъ Иванычъ:—человѣка сразу видно.

— Да, вотъ подите, мѣщанинъ, живетъ, какъ мужикъ, а говорятъ, больше десяти тысячъ заработываетъ! вздохнулъ мировой судья, вспомнивъ свои 1,500 руб.

— Больше десяти! пояснилъ Поркинъ: — вдвое больше, если не втрое.

— Господи помилуй! Господи помилуй! изумился отецъ Игнатій:—куда только онъ ихъ дѣваетъ... экія деньги.

— Найдетъ мѣсто, какъ-то двусмысленно улыбнувшись, замѣтилъ Шишмаревъ.

— То-есть это какъ? спросилъ Поркинъ:—какое мѣсто?

— Да мало ли какія хорошія мѣста бываютъ; можетъ, и вамъ съ Краснопуповымъ тепленькій уголокъ припасетъ ужо.

— Нѣтъ, вы напрасно на него нападаете, Аркадій Петровичъ. Савенковъ даромъ, что бука, честнѣйшій, добрѣйшей души человѣкъ. Благородный человѣкъ!

Батюшка пояснилъ, что, дѣйствительно, какъ будто суровъ Савенковъ, а очень добръ, и что прихожане его любятъ. Обходителенъ и всякому совѣтомъ поможетъ. У Пахома мельница плохо работала, мужикамъ приходилось на другую мельницу за 10 верстъ хлѣбъ возить, такъ онъ выучилъ Пахома такъ знатно жернова насѣкать, что вдвое заработывать сталъ. Даже мужики по своимъ дѣламъ къ нему обращаются, потому что у него и мужицкія понятія есть. Сколько лѣтъ, напримѣръ, Ершовскіе

Digitized by Google

съ Карповскими мужиками вздорили изъ-за лядины, что къ мысу, къ озеру выперла, а нонѣ Савенковъ помогъ разобраться— и разобрались. Чудесный человѣкъ, умственный. У батюшки у самого тоже не задалась одна полоска, а Савенковъ золы посовѣтовалъ посыпать. Ну, что такое зола? всегда выкидывали, а тутъ, глядь, великую помощь оказала. Умственный человѣкъ, и въ храмъ божій ходитъ.

Шишмаревъ только усмѣхнулся.

— Нѣтъ, что говорить, онъ честный малый, намъ вѣдь это видно. Хоть и сыроѣжки по вашему, а комерцію-то понимаемъ. Кабы хотѣлъ, онъ давно бы Краснопупова обдуть могъ.

Шишмаревъ загорячился.

— Да развѣ я говорю, что онъ нечестный, только какъ для кого. Можетъ, у него честь и есть, да не про нашу честь. Нынче, братъ, не разберешь, иной въ томъ и полагаетъ честь, чтобы на пользу однихъ другихъ обирать... Вотъ, напримѣръ, тебя за что ленточкой-то почтили? увлекся было старый магнатъ, но воздержался отъ дальнѣйшаго увлеченія, ибо Поркинъ былъ человѣкъ болѣе, чѣмъ полезный для магната. Кстати же и Олимпіада Степановна засуетила гостей къ закусочкѣ. Обильная закуска была расположена въ полумракѣ овинной шеи, симетричной съ той, въ которой служили молебенъ.

VIII.

Весело прокатилось по небу солнышко въ этотъ день подъ Лохматовымъ. Бойко разгулялось село къ вечеру; словно «кормилецъ» Сергѣй Владимірычъ царствовалъ въ прежнемъ блескѣ; словно всѣ забыли, что онъ обратился въ неисправнаго должника, изгнаннаго изъ барскихъ хоромъ. Мрачная сторона, пированье на гумнѣ, исчезала за веселящими душу винными парами, за отягченіемъ желудка, напоминавшимъ старое время. Гумно! эка важность. Мало ли гдѣ барамъ, съ сытаго брюха, придетъ охота баловаться. Ну, на гумнѣ, такъ на гумнѣ.

Даже птичница, Терентьевна, забыла, какъ убивался за молебномъ «божоной баринъ», и весьма бойко (принимая въ соображеніе количество поданныхъ ей Олимпіадой Степановной рюмочекъ жгучей влаги)—шлепала своими босыми ногами по тропкѣ отъ людской къ гуменнику и обратно, пособляя Олимпіадѣ управляться съ угощеніемъ гостей.

Алый, золотистый вечеръ смѣнился на всю ночь прозрачными сѣнокосными сумерками. Бѣлыя струйки тумана закудрявились было надъ низинами; но скоро сконфузились, растянулись въ

Digitized by Google

тонкія горизонтальныя полоски, лѣниво заколыхались и постепенно разстаяли въ тепломъ, пропитанномъ ароматомъ сѣна, воздухѣ. Потянулъ едва примѣтный, чуть-чуть прохладный вѣтерокъ.

Къ веселью и пѣснямъ, оглашавшимъ село съ утра, явилась въ подмогу добрая пѣсня косцовъ, вернувшихся съ луговъ. Степенные мужики и бабы, получивъ надлежащее угощеніе, все изъ тѣхъ же неустанныхъ рукъ общей сродственницы Олимпіады Степановны, и поцѣловавъ ручку кормильца, Сергѣя Владиміирыча, разбрелась по своимъ клетямъ. Хороводъ звѣнѣлъ хриплыми голосами бабъ, взвизгивалъ дивичьими пѣснями, въ перемежку съ любезностями парней и заливчатой гармоникой. Гармонику эту, какой подобной во всемъ уѣздѣ не было, пять лѣтъ тому назадъ, Сергѣй Владимірычъ привезъ своему любимцу Аѳонѣ и самъ выучилъ его выводить куранты.

Подъ заборами и въ канавахъ, валялось съ десятокъ трупообразныхъ мужицкихъ фигуръ, которыхъ хозяйкамъ не подъ силу было домой уволочить. Дьячокъ лежалъ поперекъ крыльца своего собственнаго жилища, и изрыгалъ ругательства на все окружающее вообще, и на поповскихъ свиней, попавшихъ въ его огородъ, въ особенности. Старый дворовый Александръ, прошедшій всѣ должности отъ дворецкаго до мельника включительно, зачастую пьяный, и всегда трудящійся, хрипѣлъ, пѣлъ и благодушествовалъ на берегу гладкаго озера, почернѣвшаго отраженіемъ лѣса. Александръ ладилъ однонитки и челно. Въ какомъ бы градусѣ его опьяненіе ни находилось, онъ не могъ лечь спать, не исполнивъ всей необходимой по его понятіямъ работы. А въ такую благодать рыба на озерѣ играетъ—всплескъ, да всплескъ. Грѣхъ Божьимъ даромъ пренебрегать—нельзя не поставить однонитокъ. А то и сна Господь не пошлетъ.

Въ гумнѣ свѣтился огонь. Тамъ доканчивали праздникъ господа. Къ вечеру еще понаѣхало сосѣдей. Закуска, настоящее имя которой у насъ въ Трущобскѣ — выпивка, и два сдвинутыхъ вмѣстѣ ломберныхъ стола, окруженные постукивавшими гостями, расположились уютно въ той самой овинной шеѣ, въ которой отецъ Игнатій утромъ служилъ молебенъ.

Карточная игра, впрочемъ, шла вяло, на что весьма сердился старый полковникъ въ мундирѣ безъ эполетъ, ѣздящій къ сосѣдямъ единственно для того, чтобы постукать, и даже всегда возившій карты въ карманѣ. Полковникъ только карты изо всего мірозданія и понималъ, хотя всегда проигрывалъ. Не могъ онъ понять, зачѣмъ онъ на старости лѣтъ женился на молоденькой женщинѣ, какъ не понималъ, отчего его сынишка, какъ двѣ капли воды, походилъ на уѣзднаго лекаря. Полковникъ хмурился, потому

Digitized by Google

что игра шла вяло, прерываемая отъѣздами. То Крутовъ, извѣстный въ Трущобскѣ, подъ прозваніемъ Мефистофеля, начнетъ ругать Савенкова за то, что тотъ своимъ поганымъ жалованьемъ на заводъ мужиковъ сманиваетъ. То отецъ Игнатій табачнымъ сокомъ карты закапаетъ, такъ что и трогать ихъ претительно. То судья, совсѣмъ отяжелѣвшій отъ закуски, захлопаетъ красными глазами; и объявивъ, что у него завтра засѣданіе, домой пора, приподнимается со стула. То Поркинъ и Савенковъ о какой-то желѣзной дорогѣ, либо объ антрацитѣ рѣчь заведутъ.

И зачѣмъ это Поркинъ, всегда дорожащій своимъ временемъ, въ лохматовскомъ гумнѣ его растрачиваетъ. Не даромъ это. Опочинъ свои глаза промигалъ, проникая въ поркинскую душу. Большія уши Сергѣя Владимірыча даже зардѣлись отъ напряженія, съ которымъ онъ прислушивался къ каждому слову, пророненному между Савенковымъ и Поркинымъ.

Совсѣмъ вывинтившійся изъ своего джентльмэнства, воспріимчивый къ средѣ и напиткамъ Шишмаревъ галстухъ развязалъ, сертукъ сбросилъ, рубашку разстегнулъ, пряжку на брюкахъ отпустилъ. И все-таки ему было жарко, и душно, и тѣсно, и тяжко... Время на него напирало. Не годы, а духъ времени. Въ общественныхъ дѣлахъ, въ собраніяхъ, смазанныхъ условнымъ либерализмомъ, онъ былъ горячимъ и краснорѣчивымъ адвокатомъ, этого самаго духа, въ земство вѣровалъ, эмансипацію прославлялъ. А какъ только попадетъ въ глубь помѣщичьихъ осадковъ, да хлебнетъ лишняго—такъ этотъ самый хваленый духъ за горло и станетъ его хватать. Душитъ этотъ духъ времени, и зачѣмъ только за него распинаться было въ земствѣ. Горькое раскаяніе душу гложетъ въ такія минуты. И что хуже всего, чувствуетъ Шишмаревъ въ эти же самыя минуты, какъ завтра же—попади онъ въ другую обстановку, опять словословить этотъ духъ времени станетъ.

— Вѣдь мы нынче идіотами стали, твердитъ онъ, забывая карты: — идіотами! это насъ нарочно сдѣлали идіотами. Звѣри мы стали. Это насъ нарочно звѣрьми сдѣлали. Вѣдь я, господа, вдругъ началъ онъ откровенничать:—добрый человѣкъ, ей-Богу добрый! люблю, охъ, какъ могу любить, и васъ люблю, и народъ люблю... А вѣдь, ей-Богу, до того довели, что и себя бы изгрызъ и всѣхъ бы перервалъ. Я вѣдь и не дуракъ, я понимаю, что надо работать, а что же я могу работать? Околѣю. Вонъ Александръ у озера оретъ, слышите? Вѣдь онъ пьянъ подлецъ, какъ стелька пьянъ, а работаетъ—рыболовитъ. А я и трезвый... не могу! Умъ есть, а чувствую что идіотомъ становлюсь.

— А вы у него поучитесь, посовѣтовалъ Крутовъ, подмаргивая на хозяина.

Digitized by Google

Хозяинъ, принявъ скромно-степенный видъ, предложилъ всѣмъ пройтись еще разокъ по поповочкѣ.

— Тезка будетъ, просопѣлъ отецъ Игнатій и опрокинулъ рюмку поповки.

Крутовъ влилъ въ себя три рюмки безъ передыху, пропихалъ въ горло ломоть ветчины, загоготалъ толстымъ брюхомъ и, выпучивъ большіе на выкатѣ глаза, опять завелъ рѣчь о хлѣбосольномъ хозяинѣ и о его подвигахъ, достойныхъ подражанія.

Всякій трущобецъ зналъ наизусть повѣствованіе о томъ, напримѣръ, какъ Опочинъ, еще задолго до эмансипаціи, погрузясь однажды въ періодическое оскудѣніе, поѣхалъ въ Петербургъ заморить червячка, перекусить дурачка. Обладалъ онъ въ то время жалкимъ имѣньемъ, которое только-что купилъ у раззорившихся на немъ братьевъ Трухановыхъ, предпріимчивыхъ европейцевъ. Это имѣнье онъ самъ же въ періодъ своего предъидущаго оскудѣнія, спустилъ имъ за сто тысячъ, прельстивъ предпріимчивыхъ европейцевъ обиліемъ песчаной земли, которую было плевое дѣло, при трухановскомъ капиталѣ, всю превратить въ хрусталь и зеркала. Трухановы, раззорясь очень скоро на хрусталѣ и зеркалахъ, вышли изъ терпѣнья и продали песчаное царство за сущій безцѣнокъ обратно Опочину. Злы они на него были, но никто другой не покупалъ, а отдѣлаться надо было поскорѣе. Это-то имѣніе Опочинъ вновь насадилъ на удочку и закинулъ ее въ омутъ, гдѣ водилась крупная рыба—въ Петербургъ. Разузналъ, кому способнѣе посватать пески, оказалось, что статсъ-секретарь Кленковъ искалъ въ то время имѣнія съ живописной мѣстностью, съ легкимъ воздухомъ, съ комфортабельнымъ домомъ, и съ лѣсами для охоты. За хозяйственными выгодами онъ особенно не гнался, ему лишь бы можно было отдыхать на лонѣ природы отъ государственныхъ заботъ, ну, а все-таки пріятно, чтобы былъ заводъ какой-нибудь, какъ-будто Европой пахнетъ, цивилизаціей. Заводъ есть—чего лучше—зеркально-хрустальный, а все остальное тоже, разумѣется, есть. Чтобы у Сергѣя Владиміpыча чего не было въ имѣньи, когда онъ имѣнье въ Петербургѣ отрекомендовать хочетъ! Кленкову было предложено имѣнье со всѣми искомыми прелестями. Статсъ-секретарь не лѣсопромышленникъ, онъ съ дворяниномъ дѣло на слово дѣлалъ. Осматривать имѣнья не считалъ нужнымъ. Но, однако, наводилъ справки, какъ человѣкъ привыкшій къ бюрократической аккуратности. И справки, въ которую сторону онъ за ними ни обращался, были наиудовлетворительнѣйшія. Особенно хорошо отзывались объ имѣніи Опочина: камердинеръ Кленкова, познакомившійся съ лакеемъ Опочина, и Лори Дубль, танцов-

Digitized by Google

щица, съ которою Опочинъ свелъ знакомство. И трущобскіе помѣщики, мотавшіеся въ Петербургѣ и мечтавшіе о концессіяхъ, банкахъ и патріотическихъ заводахъ съ пособіемъ изъ министерства финансовъ, тоже совѣтовали не упускать случая. Обѣдами въ Петербургѣ Опочинъ своихъ трущобцевъ кормилъ отмѣнными: такими обѣдами отъ худого имѣнья не накормишь. Потомъ лестно было залучить въ трущобцы такого туза. «Мой сосѣдъ статсъ-секретарь Кленковъ», или даже просто: «мой пріятель Кленковъ». Это, какъ хотите, очень пріятно.

Словомъ, Кленковъ со всѣхъ сторонъ слышалъ: «Не упускайте имѣнья, пользуйтесь случаемъ».

Опочинъ простякъ, деревенщина, имѣнье ему сбыть до зарѣзу нужно, значитъ, не поприжать со стороны Кленкова было бы просто глупо. Кленковъ былъ убѣжденъ, что имѣнье стоитъ 150,000, но на 75,000 онъ уперся; больше не давалъ, и видѣлъ, какъ неудержимо падалъ духомъ продавецъ, какъ онъ все сдавался, спускалъ цѣну, спустилъ съ 120 до 90,000 р. Но на этой цифрѣ и заколодилъ. А Кленковъ давалъ только 80. Толковали, не столковались, и совсѣмъ убитый горемъ, Опочинъ удалился, однажды, изъ кабинета сановника. «Неужели ускользнуло? вознегодовалъ было на себя Кленковъ, и началъ колебаться:—не послать ли за Опочинымъ, не накинуть ли 5,000.

Между тѣмъ Опочинъ, выйдя на лѣстницу, по лисьи оглянулся во всѣ стороны на первой площадкѣ. Никого не было. Никто его не могъ видѣть. Только стоялъ сзади него, всюду сопровождавшій его крѣпостной камердинеръ, рыжій Лавруха. Какъ больной человѣкъ, Опочинъ одинъ никуда изъ дому не выѣзжалъ. Припадокъ, послѣдствія отравленія, могъ его всюду настигнуть. Одинъ Лавруха глядѣлъ на него теперь изъ подъ ливрейной гороховой съ галунами фуражки, какъ всегда, полупьяными, презрительными глазами.

Сергѣй Владимірычъ вонзилъ себѣ въ глаза свои костлявые кулаки, крѣпко повинтилъ ими, поглядѣлъ на руки, и покачалъ головой:—нѣтъ не выходитъ!

— Лавруха, обратился онъ къ своему камердинеру, откинувъ ниже на спину воротникъ своего потертаго енота:—Лавруха, бей меня въ шею.

— Это вы что же еще? даже испугался Лавруха, не спятилъ ли баринъ съ ума?

— Бей меня! сердито повелѣлъ баринъ.

Лавруха помоталъ презрительно головой и приложилъ свой кулачище къ барской шеѣ.

Digitized by Google

— Да это ты что же? шутишь что ли? Говорятъ: бей крѣпче. Крѣпче, каналья. Ну! вотъ такъ! та-акъ.

Три раза покачнулась вся маленькая фигурка помѣщика, подъ натискомъ лакейскаго кулака, а изъ маленькихъ темныхъ глазъ, быстро, быстро заморгавшихъ, закапали слезы.

— Будетъ! будетъ! бѣги на верхъ, звони у его превосходительства. Ну!

Черезъ минуту Сергѣй Владимірычъ, со слезами на глазахъ входилъ въ кабинетъ Кленкова и, прерывающимся отъ волненія голосомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, заявилъ, что по крайности, за 85,000 уступаетъ; меньше не можетъ.

Какъ искренне было горе этого деревенскаго простака! Кого бы не растрогалъ его пришибленный видъ. И имѣніе было продано за 85,000 р.

Какой обѣдъ закатилъ Опочинъ метавшимся въ Петербургѣ трущобцамъ; какой браслетъ подарилъ Лорѣ Дубблъ! какіе подарки привезъ домой; какія празднества устроилъ мужикамъ! Лаврухѣ триста рублей пожаловалъ, а въ придачу, сыну его вольную выдалъ и земли кусокъ отрѣзалъ.

Тысячу разъ слыхали всѣ трущобцы эту знаменитую исторію, и каждый разъ ее было пріятно прослушать. Даже Шишмаревъ пересталъ кислиться, пряжку на брюкахъ затянулъ, пріосанился и пьяно моталъ головой...

— Ловокъ былъ тузовъ надувать! гоготалъ Крутовъ, тыкая большой ручищей въ умалившагося Опочина.

— Ну, гдѣ же мнѣ надувать сановниковъ, дипломатовъ, можно сказать? скромно оправдывался Опочинъ.

— Да, теперь Лазаря запѣлъ. Ну, а Трухановыхъ песочкомъ не прельстилъ? А Таразанова въ казенныя заповѣдныя дачи вмѣсто своихъ не водилъ? Лепехину не сбылъ имѣніе по планамъ съ подскобленными надписями? И какъ ловко подскоблилъ-то еще!

Опочинъ вздохнулъ глубоко.

— Ну, что же! было дѣло, было. Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ. На то и покаяніе. Каюсь я! Такъ вѣдь батько? Покаялся, значитъ, гдѣ же грѣхъ? Батько, а? такъ?

Отецъ Игнатъ объяснилъ, что оно точно, таинство покаянія... ну, и грѣховъ отпущеніе, а, впрочемъ...

— Да позвольте, вдругъ оживился и сталъ оправдываться Опочинъ: — кого же я собственно обидѣлъ? Надо же было мнѣ жить! Вотъ вы хозяйствомъ жили. А я — какой же я хозяинъ? Вотъ извольте видѣть, вы еще и теперь живете, а я — до чего я дохозяйничался? въ гумнѣ со всѣмъ семействомъ обитаю. Не

Digitized by Google

могу я хозяйничать. Я хотѣлъ веселиться, да и мужичка отчего не повеселить? Эти барщины, да поголовщины—бывало, и при батюшкѣ-то покойномъ я ихъ не любилъ... ахъ, какъ бывало скверно! Ну, какъ же жить? Одинъ Богъ безъ грѣха. Пожилъ. А развѣ Кленковы да Труфановы бѣднѣе стали? Да и то сказать, деньги я съ нихъ бралъ настоящія за имѣнье, а они только хозяйничать не умѣли, какъ и я. Такъ опять развѣ это моя вина? Вотъ нынѣшніе пошли, хоть бы Перфилій Тарасычъ, либо вонъ онъ... Опочинъ указалъ на Поркина.—Умѣлость значитъ, откуда что берется. Значитъ, и не обманывалъ я. А какъ я не умѣлъ, такъ и они не умѣли пользоваться. За грѣхи Господь насъ всѣхъ и покаралъ. Такъ, батька? за грѣхи?

— А что же мы въ карты какъ? проснулся полковникъ.

Но на него не обратили вниманія.

— А какже вы, этого самаго мужичка жалѣючи, да кому ни попало продавали? произнесъ насмѣшливо густой басъ Савенкова.

Опочинъ заѣздилъ на стулѣ, что-то болѣзненное проступило въ выраженіи его глазъ.

— Все это по глупости. Вѣдь люблю я ихъ, выросъ съ ними жалѣю... Породнился даже... Хоть и грѣхомъ, безъ церковнаго благословенія, прости меня Господи—Опочинъ перекрестился—а породнился... Ну и выходитъ по недоумью. Жалѣешь, жалѣешь, а тутъ гляди и забудешь... Вотъ, слава Богу, нынче этого нельзя.

— И дѣйствительно, слава Богу, какъ бы про себя выговарилъ Савенковъ, а Шишмаревъ, давно уже старавшійся свое слово ввернуть, весь просіялъ и пролился краснорѣчивымъ потокомъ. Дескать какъ это, дѣйствительно, прекрасно что нельзя, и какъ нынче то лучше противу прежняго.

— А то вѣдь мерзость какая! глубоко, искренно негодовалъ старый магнатъ:—съ покупщика за раззоренное имѣнье деньги въ три дорога сорветъ...

— Ну, а коли самъ изъ мужика сокъ выжимаетъ, это какъ, лучше? загадочно спросилъ Савенковъ.

Шишмаревъ запнулся, но скоро опять вдохновился и полился: нѣтъ-съ, и не выжимали, и не выжимали, а порядочный помѣщикъ... И Аркадій Петровичъ объяснилъ свою дѣятельность. Очень хорошо выходило.

— Такъ что же лучше то, тогда или нынче? опять озадачилъ его Савенковъ. Шишмаревъ опять запнулся, ибо совсѣмъ запутался въ мысляхъ: тогда или нынче? Чортъ знаетъ, сколько разъ и то и другое доказывалъ и себѣ, и другимъ, а вотъ поставятъ вопросъ ребромъ съ двухъ сторонъ, и выйдетъ путаница.

— Все одно, скверно, разрѣшилъ его сомнѣнія, никогда неу-

Digitized by Google

нимавшій Крутовъ:—тогда по одному было скверно; нынче по другому.

Очень обрадовался такому рѣшенію Шишмаревъ; даже всталъ, зашагалъ, замахалъ руками; нѣсколько разъ до хрипоты усердно прокричалъ, что это святая истина, потомъ машинально выпилъ стаканъ портера и снова впалъ въ уныніе.

Опочинъ умиленно поглядывалъ на Савенкова, и косился на Поркина, совсѣмъ не вмѣшивавшагося въ разговоръ.

— Что на нихъ посматриваешь, сосѣдъ? обратился Крутовъ къ хозяину.—Въ Петербургѣ рыбина отощала, а эта щука зубастая. Ихъ не объѣдешь, какъ статсъ-секретарей.

— Ну еще кто кого, замѣтилъ сквозь свою думу Поркинъ, привѣтливо улыбнувшись. Улыбка у него была пріятная, симпатичная, немного даже страдальческая.

— Еще этотъ нѣшто, можетъ тебѣ и годится, продолжалъ Крутовъ, помахивая подбородкомъ на Поркина:—изсохъ отъ заботы; значитъ, слабость есть, его еще можно попробовать.

— Гдѣ намъ съ Сергѣемъ Владимірычемъ тягаться, пошутилъ Поркинъ.

— Ну, а вотъ хохолъ-то, его не своротишь ни заботой, ни работой, съ этимъ шутокъ, смотри, не шути.

Хохолъ сидитъ, словно не про него рѣчь шла; Опочинъ одобрительно качалъ головой, и вдругъ встрепенувшись, произнесъ искренно, съ убѣжденіемъ, какъ будто противу воли высказалъ завѣтную мысль.

— Да, люди это! Я такъ думаю: коли пристанутъ они къ мужику и къ намъ, мы выплывемъ, а коли къ купцу пристанутъ, купецъ выплыветъ... На какіе вѣсы свой мечь эти люди положатъ, тѣ и перетянутъ. Наука!

— Ни къ кому мнѣ нѣтъ нужды приставать, я самъ по себѣ къ дѣлу пристаю, а тамъ мужикъ ли, баринъ ли, купецъ ли, мнѣ все равно, съ досадой возразилъ малороссъ, всталъ и отошолъ къ открытымъ на лугъ воротамъ гумна.

— Что же мы не доиграли? встрепенулся было опять полковникъ

— А ну ихъ, въ самомъ дѣлѣ, къ праху эти карты! вдругъ бѣшено стукнулъ кулакомъ по столу Шишмаревъ, такъ что лампа затряслась; затресся съ просонья и страху полковникъ, и сталъ сгребать карты, самъ не зная, отъ какой опасности желая спасти свое сокровище.

— Батюшка, Аркадій Петровичъ, что вы это? трагически разведя руками, и насмѣшливо выпучивъ глаза на Шишмарева, возвалъ къ нему Крутовъ:—что вы это? Насъ то пожалѣйте, у насъ тоже жены, дѣти дома есть.

Digitized by Google

— Всѣ по міру пойдемъ, въ отчаяніи ерошилъ свои волосы Шишмаревъ и глаза его глядѣли куда то вдаль. Они несомнѣнно прозрѣвали ужасныя картины будущаго.

— Полно вамъ, Аркадій Петровичъ, полушутя успокоивалъ его Поркинъ:—вотъ ужо проведемъ линію желѣзной дороги черезъ ваше имѣнье, еще какъ поправитесь то!..

— Проведете и слопаете.

— Слопаютъ, непремѣнно слопаютъ: какъ пить дадутъ! по своему утѣшалъ Крутовъ. По губамъ мазнутъ, и маршъ имъ въ глотку. Вотъ они здѣсь мужиковъ по губамъ мажутъ; распирать стало пейзана отъ чаевъ; говядину сталъ каждое воскресенье лопать мужикъ. А вотъ ужо погодите.

— Что погодите? вдругъ вплотную къ нему подойдя, спросилъ Савенковъ.

— Слопаете мужика съ говядиной въ брюхѣ. Мужикъ у насъ же хлѣбца Христа ради попроситъ.

— Нѣтъ, опять какъ будто помимо своей воли произнесъ Опочинъ. Поркинъ по прежнему снисходительно улыбался. А Савенковъ, не дождавшись отвѣта, снова отошолъ къ воротамъ.

По задумчивому зеленоватому лицу Поркина давно стала разливаться какая-то ласковая, и вмѣстѣ почтительная, точно просительская улыбка—такая улыбка, которой онъ умѣлъ забираться въ чужую душу по дорогѣ къ чужому карману. Поркинъ давно что-то собирался сказать и видимо обдумывалъ, что выгоднѣе: сказать или промолчать. Опочинъ сильно моргалъ и зорко, какъ кошка за мышью, слѣдилъ за лицомъ милліонера.

— А вѣдь знаете, господа, полушутя, полусерьезно, рѣшился наконецъ высказать Поркинъ: — вѣдь, вотъ, мы смѣемся надъ Сергѣемъ Владимірычемъ, что онъ князя обманулъ, а вѣдь это мы напрасно! Его имѣнье...

— Чортъ съ ними, съ имѣньями! яму намъ каждому по серединѣ своего имѣнья выкопать, да и лечь живьемъ! удрученно объявилъ Шишмаревъ.

Поркинъ пояснилъ, что хотя это вообще говоря и справедливо, но что Лохматово—другое дѣло. Ибо несомнѣнно, линію желѣзной дороги выгоднѣе всего провести черезъ это имѣнье, и именно вдоль его; что Лохматово обладаетъ водяной силой необыкновенныхъ размѣровъ, что въ нѣдрахъ его хранятся богатства колоссальныя, для простого глаза невидимыя, и жаль только, что все это достанется въ руки князя, который никогда не продастъ ничего. Будетъ лежать на сѣнѣ, какъ собака.

Поркинъ вздохнулъ и замолчалъ, и какъ будто даже раскаялся, что преждевременно высказался. Лицо его опять зачер-

Digitized by Google

отвѣло заботой. За то Опочинъ заволновался. У него непритворно затряслись руки.

— Господи! кто это все вамъ навралъ! Да неужели вы думаете, что кабы у меня были такія сокровища, я бы ихъ совсѣмъ таки проглядѣлъ и сталъ бы горе мыкать съ семьей, дорогихъ гостей въ поганомъ гумнишкѣ хлѣбомъ солью кормить? Господи! Вѣдь это кто нибудь надо мной, дуракомъ, пошутить захотѣлъ. Савенковъ! это онъ все это вамъ наговорилъ?

— Я, отозвался густой басъ изъ за воротъ.

— Ну вотъ, ну онъ... Смѣется надъ несчастнымъ! грѣхъ это.

Шишмаревъ выпрямился, у него тоже ушки на макушку вскочили, и его охватила надежда: «а ну какъ и у меня тоже сокровища въ имѣньи». Онъ даже внезапно помолодѣлъ.

— Ну, Перфилій Тарасычъ шутить не любитъ, увѣренно, твердо произнесъ онъ.

— Надъ кѣмъ не шутитъ, а надо мной и Богъ проститъ, возразилъ Опочинъ, все безпокойнѣе моргая и ерзая на стулѣ.

— Не шутитъ.

— Ей Богу, шутитъ. А коли и не шутилъ, такъ очень ошибается. Онъ у Краснопупова подъ всякой кочкой имперіалы находитъ, думаетъ и у меня тоже. Вѣдь и я тоже думалъ, что дураки до моего обихода не изведутся, анъ извелись. Ошибется и Перфилій Тарасычъ, повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. Погрѣшилъ каюсь, не желаю больше. По совѣсти, по чистотѣ... Въ монастырь пойду.

— Мо-онахъ! дѣвка въ головахъ! загоготалъ Крутовъ.

IX.

Было далеко за полночь, когда гости начали разъѣзжаться. Сѣрые сумерки лѣтней ночи, стали совсѣмъ прозрачные; изъ за темнаго лѣса на востокѣ вытянулось въ небо широкое полотно бѣлаго облака; алая заря слабо теплилась за нимъ. Гдѣ то, въ кустахъ и деревьяхъ, съ просонья чирикали птицы.

Поркину подали неуклюжій тарантасъ на деревянныхъ осяхъ съ огромнымъ кузовомъ, надъ которымъ постукивала дурно прикрѣпленная бичевками рогоженная кибитка. За то тройка пѣгихъ круглыхъ сытыхъ лошадокъ глядѣла щегольски подъ своей блестящей пошаркивавшей и позванивавшей сбруей, и рвалась изъ возжей.

— Тарантасъ-отъ на дорогѣ отъ коней на сколько верстъ отстанетъ? съострилъ Крутовъ, усаживаясь въ свою одноколку, приспособленную изъ сноповой телеги.

Digitized by Google

— Милліонеръ, другъ министровъ, а въ этакой рогожѣ ѣздитъ! страмъ вѣдь! посмѣялся Шишмаревъ.

— Съ насъ и того будетъ, уныло и добродушно улыбаясь, возразилъ Поркинъ, не безъ затрудненія помѣщая свою тощую фигуру въ обширную внутренность кузова, заваленную сѣномъ. Въ изголовьи валялись двѣ ситцевыя полинялыя подушки, и истертый полушубокъ, рядомъ съ тонкимъ англо-индѣйскимъ непромокаемымъ плащемъ; въ ногахъ стоялъ огромный несессеръ въ красномъ сафьяновомъ футлярѣ; въ немъ было до сотни баночекъ съ золотыми крышечками, которыя, за исключеніемъ мыльницы, никогда не вынимались хозяиномъ. Тутъ же стоялъ цѣнный изящный погребецъ, между ними валялся тощій, обвязанный веревкой, чемоданчикъ, совсѣмъ обитый по краямъ, и едва выглядывалъ изъ сѣна затасканный ковровый мѣшокъ, все попадавшій подъ ноги Поркину, покуда онъ укладывался, предварительно во всѣ стороны повернувшись, и обминая сѣно, какъ собака, которая собирается комфортабельно заснуть.

— Мѣшечекъ-то поди ассигнаціями набитъ? Смотри разлезется, птички-то пестренькія разлетятся, опять съострилъ Крутовъ, подбирая свои веревочныя возжи.

— Бѣлье грязное въ мѣшкѣ, скромно пояснилъ купецъ.

— Знаемъ, бѣлье! Полно, бѣлье ли? моргнулъ глазомъ Крутовъ.—Какъ бы не ограбили! И двусмысленно разсмѣялся.

— Не ограбятъ! спокойно кинулъ въ отвѣтъ Поркинъ вмѣстѣ съ прощаньемъ, и лихая пѣгая тройка, съ мѣста въ карьеръ, унесла тарантасъ, заскрипѣвшій и застонавшій всѣми своими суставами.

— Экіе лихіе кони! вдругъ воспламенился Шишмаревъ и впился глазами въ дорогу, по которой уносился экипажъ. — На этой тройкѣ не ограбишь, небось.

— Гдѣ ограбить, самъ онъ каждаго ограбитъ, какъ будто прошипѣлъ Сергѣй Владимірычъ.

— Да и грабить-то, братцы, его нечего. Самъ онъ себя грабитъ. Широко плаваетъ, а канаты тонки. Намедни три тысячи мнѣ за дрова, что я на его пароходы ставлю, отдавалъ, ужь онъ считалъ-считалъ, деньги-то считалъ, рублевки да трешники, и деньгами-то совѣстно назвать. Ну, спокойной вамъ ночи...

И, нукнувъ на рабочую клячу, толстая фигура Крутова запрыгала на сноповой одноколкѣ.

Шишмаревъ, усаживаясь въ свой великолѣпной дормезъ, запряженный безукоризненнымъ заводскимъ воронымъ шестерикомъ, пережилъ, какъ это часто съ нимъ случалось, цѣлую жизнь ощущеній въ какія-нибудь пять минутъ. Старый угрю-

Digitized by Google

мый камердинеръ, бережно подсадивъ барина въ глубь экипажа, обложилъ его подушечками, подъ ножки что-то осторожно подсунулъ, пледомъ увернулъ и посовѣтовалъ «плечико» шарфикомъ закинуть, а не то къ утру свѣжо, не равенъ часъ.

— Домой, скомандовалъ Шишмаревъ, чувствуя разбитость и усталость во всѣхъ членахъ.

Опочинъ радушно и умиленно провожалъ гостей, искренне сокрушаясь, что ему въ его положеніи нельзя ихъ на ночь успокоить.

— А что бы мнѣ стульчика нельзя ли? возвалъ къ Опочину слабый голосъ полковника, про котораго какъ-то всѣ позабыли.

Онъ стоялъ на каменномъ невысокомъ фундаментѣ гумна, вцѣпившись одной рукой въ выступъ бревна, чтобы не свалиться. Въ другой рукѣ онъ держалъ поводъ лошади, переступавшей съ мѣста на мѣсто, и, очевидно, не желавшей принять сѣдока. Полковникъ чувствовалъ себя безпомощно, хозяинъ былъ даже убитъ видомъ его положенія, и, мрачно покачавъ головой, самъ принесъ стулъ, при помощи котораго полковникъ, жалуясь на геморой, взобрался на сѣдло.

— Вотъ и людишекъ-то нѣтъ, понуривъ голову, извинялся Опочинъ, и полковникъ тоже жаловался, что людишки совсѣмъ пропали, однако, утѣшался тѣмъ, что такое ужь положеніе вообще. Подъ положеніемъ полковникъ подразумѣвалъ всѣ новые порядки, всѣхъ ихъ пріурочивая къ Положенію 19-го февраля 1861 года. Затѣмъ, онъ затрусилъ по увлаженной утренней росой дорогѣ, а хозяинъ усмѣхнулся, потомъ захихикалъ, потомъ затрясся отъ смѣха, поджалъ животъ руками, и сѣлъ на валявшееся около овина бревно.

Смѣхъ его былъ какой-то истерическій, слезный и разомъ оборвался. Онъ отеръ глаза. Утренняя свѣжесть пробѣжала по его тѣлу непріятной дрожью; въ душѣ стало скорбно. Откутилъ, отпотчивалъ. А дальше?

Вонъ въ дорожномъ экипажѣ шевелится что-то бѣлое. Это ему дочка Надя постель стелетъ. На старости лѣтъ валяться изъ ночи въ ночь въ дорожной коляскѣ невесело, тяжко. Олимпіада суетится, убирая посуду и серебро, измаялась за день, хозяйка она заботливая, а помогать ей некому. Одна сонная Терентьевна безъ пути толчется около нея, только мѣшаетъ. Да вонъ еще Александръ никакъ. Да, Александръ, даромъ что пьянъ, а поставилъ свои однонитки, прибѣжалъ съ озера, дайте, матушка Олимпіада Степановна, помогу вамъ!

Добрый народъ. За что это они, право, не покидаютъ. Остальные перепились, умаялись, а еслибы не то, тоже помогли бы.

Digitized by Google

Да помогли бы убраться, а жить не помогли бы. Сами жить не умѣютъ. Кто поможетъ? Старое порвалось, съ новымъ гдѣ же сладить?

Скорбь и жалость пригнетала Опочина. Себя жалко... нѣтъ не себя, что-жь себя жалѣть, своя пѣсня спѣта. А за что пить-то пропадать? Олимпіадой силой когда-то завладѣлъ, а она полюбить съумѣла; жизнь прожила съ нимъ, ни за себя, ни за дѣтей, словомъ однимъ не попрекнула. Берегла и сожителя, и его добро; сдерживать разгула не могла, иногда и сама его дѣлила, увлекаясь. За то нищету и бѣдствіе безропотно переносила. Вѣрнѣе не найти ему человѣка, хоть весь свѣтъ обойди. Знаетъ Олимпіада всѣ его грѣхи, всѣ пороки, а бережетъ и любитъ. И въ новую бѣдность, по всему кажется безъисходную бѣдность, идетъ она будто... что съ ней будетъ. Деньги на исходѣ. Серебро заложить—а дальше?

А дочки? Вотъ онѣ, голубушки, тоже трудятся. Надя постлала отцу постель и куда-то проворно зашагала, въ людскую за посудой, вѣрно мать послала. У дѣвушки ноги подгибаются, глаза отъ усталости синими кругами охватило, а идетъ, хлопочетъ. И изъ-за чего хлопочетъ? Изъ-за того, что ему, старому дураку, на послѣднія деньги дѣтскія развернуться захотѣлось.

И всю-то жизнь такъ. Гдѣ же конецъ? А вотъ онъ и конецъ, тутъ онъ и есть, за гумномъ.

— Поди-ка сюда, Надечка, посиди. Устала? окликнулъ Опочинъ, пробѣгавшую мимо него дочь.

Дѣвушка остановилась. Во всей ея фигурѣ оказывалось сильное утомленіе.

— Устать-то устала. Да гдѣ же мнѣ отдыхать. Вонъ мама послала...

— Да отдохни минутку.

И старикъ приподнялся съ бревна, положилъ руку на плечо Нади, поласкалъ ее рукой по взбившимся русымъ волосамъ. Глаза его совсѣмъ не моргали, а твердо и любовно глядѣли въ доброе лицо дѣвушки.

— Вы бы, батюшка, легли, я постельку *постелила*. А мы уберемся. Замаялись и вы-то съ гостями.

Опочинъ поласкалъ еще дочку.

— Нѣтъ, я еще не лягу.

— А *ляжете* лучше, нѣжно посовѣтовала она еще разъ, и прибавивъ дѣловымъ голосомъ: — а мнѣ надо ложки принести изъ людской, проворно удалилась.

Совѣстно стало Опочину, что вотъ онѣ работаютъ, а его на покой посылаютъ. Онъ усталъ, правда, а съ чего усталъ? Браж-

Digitized by Google

ничалъ. И всю жизнь такъ. Только прежде какъ-то не было совѣстно и горько, въ самыя критическія минуты были надежды, потому что былъ цѣлый непочатый уголъ дураковъ. А теперь конецъ. Каяться только и остается.

Дочерей ему жалко стало. Ни барышни онѣ, ни крестьянки. Работать по крестьянски не умѣютъ, въ учительницы сельскія, и то не годятся: вотъ «постелила» да «ляжьте»—куда онѣ голову приклонятъ? И кому онѣ нужны, никто на нихъ и не [illegible]нится. И при этой мысли [illegible]
потому что [illegible]

[illegible] понималъ отецъ, какъ любитъ его [illegible] онѣ грубы съ нимъ были, и ему бы легче было.

Понуро сгорбившись, Опочинъ побрелъ спать и легъ. Но ему не спалось. Неотвязна была щемящая сердце дума. Долго еще слышалъ онъ, какъ брякали посудой, серебромъ и шевелили мебелью Липочка съ дочерьми. Какъ онѣ разговаривали шопотомъ, боясь нарушить покой главы семейства. «Ну ужь и глава же!» горько усмѣхался самъ надъ собою Опочинъ. Потомъ охватилъ его утренній холодокъ, на селѣ заскрипѣлъ очепъ, стукнулъ отводъ раза три, заговорили люди, протяжно замычали коровы. Косы мужики отбиваютъ, бабы граблями на сараѣ разобраться не могутъ: ругаются. Опять отводъ, хлопъ-хлопъ. Стали въ поле выходить. Куры отчаянно кудахтаютъ.

— Что Богъ далъ? слышится съ озера голосъ Терентьевны.

— Ишь, корзина цѣлая, хрипло отвѣчаетъ Александръ.

Когда только онъ спитъ? Знать однонитки вынулъ.

— Все сорожка? [1]

— Нѣтъ, ершъ есть, два окуня знатные...

Кожанный фартукъ коляски началъ накаливаться, солнце разогрѣвать стало. Задремалось Опочину, а сквозь дрему все таже дума... что же съ ними будетъ? Вотъ вѣдь и не глупъ, а куда годенъ? Эхъ кабы вотъ этакъ, умѣючи, какъ Савенковъ!

Савенковъ оставался ночевать въ Лохматовѣ у прикащика.

X.

Сергѣй Владимірычъ немного забылся сномъ, когда въ селѣ все стихло. Всѣ ушли на работу, только куры продолжали кудахтать. Сонъ былъ призрачный, томительный. Сквозь этотъ сонъ онъ все время чувствовалъ, какъ у него сердце не то ныло то-

[1] Плотва.

Digitized by Google

ской, не то физически болѣло. Когда онъ совсѣмъ проснулся, тѣло было разбитое, кости болѣли, глаза рѣзало.

Онъ зналъ свою натуру, такая болѣзненность одолѣвала его не отъ физическаго утомленія, она бывала признакомъ окончательнаго оскудѣнія. Онъ обыкновенно долго боролся съ наступавшими заботами, искуственно стараясь ихъ забыть; но кончалось тѣмъ, что борьба эта все-таки разбивала его тѣло. А это было особенно неудобно, потому что разбитое состояніе ощущалось во всей своей силѣ тогда именно, когда откладывать наступательныя дѣйствія на фортуну было уже невозможно.

Сегодня онъ это особенно мучительно сознавалъ, но ничего путнаго не могъ выдумать. Заслышавъ шаги около дормеза, онъ окликнулъ:

— Надя?

— Я, батюшка.

Надя, по обыкновенію, помогла отцу совершить его довольно сложный старческій туалетъ. Она пододвинула къ нему бѣлье, фуфайки, приподняла его съ постели, бережно поддержала его разбитое тѣло, когда онъ, кряхтя отъ слабости и боли, спускался изъ экипажа, вытерла ему мокрой губкой спину и шею, отерла тѣла простыней, дала умыться изъ фарфороваго умывальника, поправила канаусовую рубаху, и подставила свѣтло-вычищенные сапоги.

Онъ покосился на руки дочери, запачканныя ваксой, очевидно, она сама вычистила сапоги. Однако, ничего не сказалъ, только вспомнилъ, какъ одинъ заѣзжій молодой сосѣдъ осуждалъ его за то, что онъ заставляетъ дочерей отирать свое голое старое тѣло:

— Вѣдь онѣ — ваши дочери, хоть и не законныя, а все же дочери.

Прежде Опочинъ смѣялся надъ этимъ, теперь ему стало, дѣйствительно, совѣстно, что онъ заставляетъ дочерей исполнять унизительныя обязанности.

— Гдѣ Палашка? спросилъ онъ, усаживаясь за опрятно накрытый для чайной трапезы столъ.

Дѣвчонка Палашка, была единственной постоянной прислугой въ семействѣ.

— Палашку мама въ Ершово за циплятами послали, вы вечоръ приказали.

— Гмъ!

Сергѣй Владимірычъ съѣлъ безъ аппетита яицо въ смятку. Оно ему показалось горькимъ, чай тоже показался перепрѣлымъ. но у него не хватило духу сдѣлать дочери замѣчаніе.

— Соня гдѣ?

— Обѣдъ готовитъ въ людской.

Digitized by Google

— Гмъ!

Онъ допилъ большую чашку чаю. Надя проворно убирала его походную спальню и превращала дормезъ въ кабинетъ.

— А мать гдѣ?

— Стираетъ. У васъ ни носковъ, ни платковъ нѣтъ...

— Это еще что! стираетъ! нѐкому что ли?

— А кому больше. Народъ на работѣ. Терентьевна занята.

— А Перфилій Тарасычъ въ Лахматовѣ у прикащика ночевалъ, къ озеру теперь пошелъ искупаться, замѣтила Надя, надѣясь, что отецъ будетъ доволенъ возможностью поразвлечься бесѣдой съ Савенковымъ.

Мысль блеснула въ маленькихъ глазкахъ Опочина: нельзя ли какъ-нибудь черезъ Савенкова? Съ нимъ трудно... хитеръ! Однако, надо же что-нибудь предпринимать.

Сергѣй Владимірычъ, непритворно пошатываясь отъ нытья во всемъ тѣлѣ, побрелъ къ озеру по узкой тропкѣ, пробиравшейся между длиннымъ садовымъ плетнемъ и высокой рожью. Въ воздухѣ царила тишь, колосья, осыпанные своей цвѣтною пылью, стояли сѣровато-зеленой массой и обдавали сытнымъ запахомъ; изъ запущеннаго сада пахло левкоями и только что зацвѣтающими розами. Бѣлое облако, на восходѣ солнца вытягивавшееся изъ-за лѣса полотномъ, теперь застлало все небо ровнымъ сѣроватымъ покровомъ. Небо словно пріопустилось и на землѣ стало безжизненно и печально.

Озеро лежало спокойное, тоже сѣроватое, мѣстами зеркалилось гладью, отражая обрывки холмовъ, лѣса и деревушекъ.

Савенковъ только что выкупался. Вылѣзъ изъ озера, выжалъ руками свои длинные волосы, выкрутилъ воду изъ бороды, встряхнулся, какъ добрый песъ, и, не вытираясь, натянулъ на себя сятцевую рубаху; она прилипла къ тѣлу, и вода неравными пятнами выступала сквозь пестрые разводы. Онъ присѣлъ около опрокинутаго вверхъ дномъ челна, на которомъ Александръ ночью ѣздилъ ставить однонитки и, вытащивъ изъ кучи платья двѣ чистыя квадратныя тряпицы, сталъ обвертывать ими свои большія ноги.

Опочинъ позавидовалъ ему. Этотъ не раззорится, денегъ куча, богатѣетъ съ каждымъ днемъ, и никакого ухода ему не надо. Что еслибы я такъ могъ! Ужь не для Нади ли остался Савенковъ въ Лохматовѣ. Ахъ, еслибы?

Они поздоровались.

— Я прогуляться, пояснилъ Опочинъ: — а вы ужь выкупались. Кофе-то пили?

— Блиновъ овсяныхъ поѣлъ у Татьяны; знатные блины она печетъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Digitized by Google

— Давно встали?

Оказалось, что Савенковъ успѣлъ обойти больше 10 верстъ; все осматривалъ Лохматовскія угодья.

Давно работавшая въ умѣ Опочина мысль опять засвѣтилась въ его маленькихъ глазахъ. Онъ присѣлъ на челнокъ и сталъ жалиться: имѣніе чудесное, а приходится его потерять; по-міру идти—семьи жалко. И въ самомъ дѣлѣ, ему было жалко семьи, и, не взирая на то, что онъ этой рѣчью начиналъ приводить въ исполненіе нà-скоро созданный хитрый планъ, онъ говорилъ задушевно. По привычкѣ, онъ впадалъ иногда въ комедіанство, но сейчасъ обрывался, потому что и сердце у него слишкомъ наболѣло, и Савенковъ однимъ своимъ присутствіемъ разрушалъ въ немъ увѣренность въ силѣ его драматическаго таланта.

— Что я теперь буду дѣлать?

А Перфилій Тарасычъ медленно застегивалъ подтяжки и нетолько не былъ тронутъ, но даже какъ будто вниманія не обращалъ на его слова.

— Ну куда дѣться? куда я? Кабы я что-нибудь зналъ, кабы я умѣлъ работать? причиталъ Сергѣй Владимірычъ:—а то, что же я умѣю? Примись я работать—вѣдь околѣю.

— Околѣете, апатично, но добродушно подтвердилъ малороссъ.

Опочину даже страшно стало.

— Много добраго въ Лохматовѣ, невозмутимо обводя даль апатичными глазами, выговорилъ хохолъ.

Опочинъ обрадовался этому слову, встрепенулся и вкрадчиво спросилъ:

— Какъ по вашему, вѣдь больше 60,000 р. стòитъ?

Старикъ съ замирающимъ сердцемъ глядѣлъ въ глаза Савенкова, ожидая отвѣта.

— Теперь за что же, а если заняться...

— А если заняться?

— А если умѣючи заняться, такъ и десять разъ 60,000 руб. выручить можно.

Опочинъ оживился, всѣ его суставы пришли въ движеніе, словно задрожали, и глаза заморгали.

— Батюшка! отецъ родимый! взмолился онъ:—помогите.

Сергѣй Владимірычъ просилъ кому-либо зарекомендовать имѣніе, всѣ его достоинства, чтобы продать подороже. Вѣдь не обманъ будетъ. Вѣдь и князя Суслова онъ, значитъ, не обманулъ. Онъ внутренно искренно обрадовался, когда оказалось, что хотя и нечаянно, но на этотъ разъ онъ лжецомъ не оказался. За это онъ даже приливъ благодарности къ Савенкову почувствовалъ. Пріятно сознать себя честнымъ человѣкомъ, даже невзначай.

Digitized by Google

Онъ схватилъ молодого человѣка за руку, которую тотъ тотчасъ же высвободилъ, чтобы поднять съ травы фуражку и надѣть ее на голову. Опочинъ просилъ помочь продать имѣніе, зарекомендовать его и выручить Лохматово изъ залога. Все это надо было сдѣлать скоро.

— Что въ имѣніи добраго—научу изволь.

И Савенковъ развилъ передъ своимъ просителемъ такія поземельныя достоинства, которыхъ, хоть сто лѣтъ спи, не увидалъ бы и во снѣ. Опочинъ былъ, какъ въ огнѣ.

— Ну, а продажей я не занимаюсь. Не мое дѣло, охолодилъ его Перфилій напослѣдокъ.

— Да я процентъ заплачу, большой процентъ, посулилъ было Опочинъ и испугался; въ молодыхъ глазахъ, устремившихся на него, блеснуло что-то страшное.

— Вѣдь самому-то мнѣ не повѣрятъ, что имѣніе этакое золотое дно, уныло произнесъ онъ.

— Не повѣрятъ.

Господи! что̀ это за слова все у этого человѣка, твои же слова тебѣ подтвердитъ, и точно бревно привалитъ.

— Такъ присовѣтуйте, кому продать, по крайней мѣрѣ. Вотъ бы Поркину...

— Не знаю.

Опочинъ сталъ перебирать, кому бы можно было продать. Конечно, купцамъ, у дворянъ денегъ нѣтъ, а коли есть, нѣтъ умѣнья, охоту отбило.

— А купецъ вѣдь прижметъ.

— Прижметъ. Барышъ сорветъ—и кончено, какъ-то не добро произнесъ Савенковъ:—не стоитъ купцу.

Опочинъ подмѣтилъ въ немъ какое-то озлобленіе противъ купцовъ, которое прежде подозрѣвалъ только смутно, онъ сразу рѣшился эксплуатировать это открытіе. Онъ сталъ развивать свои завѣтныя мысли, что купецъ живетъ насчетъ барина и мужика, что хорошо купца обогрѣть, что это даже христіанское дѣло. Хоть бы Поркина. Сколько Поркинъ зла надѣлаетъ своими капиталами. Сколько бы пользы народу, кабы купеческіе карманы повыжать.

— Это еще вопросъ, какъ выжать! холодно отвѣчалъ Савенковъ: — польза будетъ, коли вообще народъ обезпечите работой и землей. А кусъ съ купца, если и сорвете, еще, пожалуй, хуже будетъ. Онъ этотъ кусъ выжметъ изъ голоднаго рабочаго.

Новая мысль блеснула въ умѣ Сергѣя Владимірыча, онъ клялся, что если Савенковъ поможетъ ему продать имѣніе, такъ онъ для мужиковъ все, что укажетъ Перфилій Тарасычъ, пожерт-

Digitized by Google

вуетъ: землю, деньги — все. Вѣдь онъ истинно всегда любилъ народъ...

— Народъ любите, купца считаете за его раззорителя, а сами купцу имѣніе продать хотите? — это значитъ мужиковъ закабалить.

Савенковъ одѣлся, волосы расчесалъ роговымъ гребешкомъ, который носилъ въ карманѣ жилета, вскинулъ за плечи легкое ружьецо, просунулъ въ петличку пиджака, сорванный въ травѣ, душистый цвѣтокъ. Онъ, какъ всѣ малороссы, до страсти любилъ цвѣты, и дома, на заводѣ, много ихъ у себя разводилъ. Затѣмъ онъ объявилъ, что пойдетъ еще посмотрѣть, побродить, къ себѣ на заводъ не поѣдетъ: теперь сѣнокосъ и много рабочихъ распущено домой.

«Зачѣмъ это онъ все бродитъ по Лохматову?» подумалось Опочину, опять въ душѣ его сверкнула надежда.

Опочинъ предложилъ ему сопутствовать.

— Отъ чего же! Еще лучше...

Долго бродили они по лѣсамъ и болотамъ. День былъ сѣрый и паристый, старика Опочина стало совсѣмъ размаривать, но онъ не имѣлъ духу покинуть Савенкова и уйти домой. Въ душѣ его все еще шевелилась тайная надежда и разгоралось вожделѣніе. Технологъ на каждомъ шагу дразнилъ его воображеніе, указывая на скрытыя, но несомнѣнныя достоинства имѣнія. Сотни тысячъ изъ него можно извлечь. И неужели у него, у Опочина, не найдется умѣнія что-либо извлечь? Неужели голодъ, бѣдность и злоба только и остались ему въ удѣлъ на закатѣ жизни, когда еще почти вчера была въ рукахъ возможность всѣ эти скрытыя сокровища назвать своими?

Въ прозорливости Савенкова онъ не сомнѣвался: богатства существуютъ. И передъ нимъ человѣкъ—не человѣкъ, а магъ, могущій вызвать эти богатства къ жизни. Но магу нѣтъ дѣла до того, что онъ погибнетъ, онъ, бывшій владѣтель этихъ сокровищъ, погибнетъ со всей семьей. Заставить этого человѣка дѣйствовать такъ, какъ ему, Опочину, нужно—невозможно. Хитрость съ нимъ безполезна: онъ человѣка, какъ и землю, насквозь видитъ.

И вдругъ, возвращаясь къ усадьбѣ, Савенковъ сдѣлалъ Опочину предложеніе. Онъ, Савенковъ, выкупитъ Лохматово изъ залога съ тѣмъ, чтобы взять его въ аренду на 30 лѣтъ. Но за аренду будетъ платить только по 500 руб. въ годъ и выдавать необходимое для содержанія семьи Сергѣя Владимірыча продовольствіе.

Предложеніе было сдѣлано такимъ тономъ и въ такую минуту,

Digitized by Google

что Опочинъ не чувствовалъ себя въ силахъ бороться. Онъ сознавалъ, что онъ подавленъ геніальнымъ «шельмецомъ», ловко пойманъ. Онъ принялъ искренне жалкій видъ: ну, какъ же при такихъ богатствахъ имѣнія всего 500 руб. аренды?

А развѣ ему не достаточно этого, чтобы жить? развѣ 500 р. не лучше нищеты? развѣ богатства онъ открылъ самъ? развѣ онъ съумѣетъ извлечь изъ имѣнія пользу? отвѣчалъ ему Савенковъ. И въ самомъ дѣлѣ такъ.

Савенковъ улыбался загадочной улыбкой, глядя на него, какъ будто что-то обдумывая, на что-то рѣшаясь. И, наконецъ, рѣшился.

— А хотите больше, много больше получать? спросилъ онъ старика.

— Конечно, какъ не хотѣть!

— Ну, такъ я вамъ скажу, а вы ужь до поры до времени никому не говорите.

Планъ Савенкова былъ такой: значительную часть земель имѣнія, не нужныхъ для цѣлей промышленныхъ, продать въ разсрочку и за сходную цѣну, окрестнымъ крестьянамъ. Крестьяне будутъ погашать долгъ работой, которая будетъ такъ наложена, чтобы не мѣшала ихъ сельскимъ работамъ. Савенковъ желалъ, кромѣ того, пріобрѣсти въ аренду, съ правомъ также уступать земли крестьянамъ, имѣніе именитыхъ родственниковъ Опочина, земли которыхъ окружали Лохматово. Сергѣй Владимірычъ долженъ это дѣло устроить, и на устройство этого дѣла получить необходимыя суммы. Мало того, одному Савенкову, конечно, со всѣмъ дѣломъ не управиться. Еще нужны помощники, у него есть три пріятеля, люди вполнѣ благонадежные во всѣхъ отношеніяхъ, проживающіе въ разныхъ мѣстахъ. Сергѣй Владимірычъ, при помощи своихъ именитыхъ петербургскихъ родственниковъ, долженъ выхлопотать этимъ пріятелямъ разрѣшеніе переѣхать на работу въ Трущобскій уѣздъ и охранять ихъ общественное положеніе.

Глазки Сергѣя Владимірыча заблестѣли. Опять широкое поприще дѣятельности, хоть временно широкая жизнь, безъ широкой жизни не обойдешь своихъ петербургскихъ кузеновъ. А обойти ихъ, заставить ихъ сдѣлать все по своему — какое это наслажденіе. «И какой же ты шельмецъ, какая непроходимая бестія!» думалъ Сергѣй Владимірычъ, глядя на широкое лицо Савенкова. И видѣлись ему въ этомъ лицѣ такая доброта и простодушіе, что совершенно смущались его помыслы о плутоватости молодого украинца. И плутъ онъ, и бестія, но не такого склада плутъ, какъ Поркины и Краснопупо.ы. Что-то глу-

Digitized by Google

бокое, сердечное человѣческое теплилось въ его умныхъ глазахъ. Въ самомъ способѣ наживы его было что-то такое, что особенно привлекало къ нему извѣрившееся сердце Опочина. Это сердце начинало особенно радоваться, когда Савенковъ подробнѣе развилъ ему свой планъ, свои цѣли, достиженію которыхъ Опочинъ долженъ былъ содѣйствовать. Савенковъ хотѣлъ жить, но его личныя желанія не заходили долѣе обезпеченнаго удовлетворенія самыхъ законныхъ человѣческихъ потребностей. Всѣ избытки своего заработка, всѣ барыши онъ желалъ принести на пользу общую, онъ не копилъ ничего для себя. Онъ исполнялъ слово евангельское. Онъ заботился, чтобы ближнему жилось хорошо, чтобы хорошее за ближними упрочилось.

Какая-то давно забытая струна дрогнула въ груди Опочина. «Жить и давать жить другимъ». Не урывками жить, не очертя голову, а сознательно, послѣдовательно. Вспомнилось ему дѣтство, молодые, безпутные и безплодные порывы, искреннее желаніе дѣлать добро, желаніе, котораго онъ никогда не умѣлъ привести въ исполненіе и сводилъ всегда къ своему личному спокойствію; и непрочно было это спокойствіе, на пескѣ построено. Вспомнились Опочину и свои грѣхи, и тяжкіе грѣхи отца. Сергѣй Владимірычъ былъ человѣкъ богобоязненный; теперь вотъ, можетъ статься, представлялась возможность нетолько свои прегрѣшенія искупить, но и отца на томъ свѣтѣ выкупить изъ мученій.

Такъ хорошо становилось на душѣ старика, что онъ, возвратясь домой, предался игривой радости, шаловливо цѣловалъ Липочку, дурачился съ дочерьми, Палашку за щеку ущипнулъ, и послалъ за отцомъ Игнатіемъ опять молебенъ служить.

Савенковъ какъ будто нѣсколько прозрѣлъ въ эту душу. И за это старикъ чувствовалъ къ нему глубокую благодарность.

XI.

По дѣлу, въ отвратительномъ пассивномъ выжиданіи, мнѣ пришлось года два тому назадъ, прожить нѣсколько сутокъ въ городишкѣ К., передъ которымъ нашъ Трущобскъ казался столицей. К. одна изъ тѣхъ мѣстностей гдѣ люди и сверху, и снизу живутъ внѣ законовъ человѣческихъ, и даже внѣ законовъ природы. Только чудомъ можно себѣ объяснить, что человѣческія существа, нетолько прозябаютъ, но плодятся и множатся въ безбрежныхъ моховыхъ пространствахъ, окружающихъ К., въ пространствахъ, до того голодныхъ и холодныхъ, что и дикій звѣрь тамъ плохо уживается. Какъ мнѣ ни было скучно, но знако-

Digitized by Google

миться съ заспанными опухшими чиновниками, съ единственными представителями интелигенціи въ К., я не былъ расположенъ. Моя комната на почтовой станціи, съ ея прибитыми гвоздями къ стѣнѣ синими полосатыми обоями, за которыми свободно проживали міріады голодныхъ клоповъ, горшками ерани и бѣлыхъ петуній, запахомъ дегтя, надоѣла мнѣ до смерти. Я спасался съ утра до ночи, бродя по окраинамъ города или валяясь въ ольховомъ кустарникѣ, заростившемъ берегъ извилистой, мелкой рѣченки, катившей черезъ К., изъ болота въ болото, свои мѣднокрасныя воды.

Разъ, возвращаясь подъ вечеръ домой мимо низкихъ домишекъ, безпорядочно раскинутыхъ около рѣчки, я обратилъ вниманіе на сѣренькую избенку въ два окна. Словно пригорюнясь, накренилась она на одинъ уголъ; около фундамента она была опутана слоемъ мякины и отрепьевъ, выбивавшихся изъ за двухъ полугнилыхъ досокъ, подпертыхъ колышками; отворенныя окошечки едва выглядывали на свѣтъ Божій изъ за этой ограды. Въ одномъ окошечкѣ я увидалъ лицо старика, показавшееся мнѣ знакомымъ. Длинные, вьющіеся, сѣдые волосы, маленькіе темносѣрые глазки, мигавшіе за темными еще рѣсницами, толстыя добродушныя губы и, выступавшій на нижнюю губу клыкъ—очевидно другой выпалъ—все это я видалъ прежде, въ другой обстановкѣ, въ болѣе свѣжемъ видѣ.

Неужели это Сергѣй Опочинъ? Старикъ сталъ вглядываться въ меня. Мы признали другъ друга. Да, это былъ онъ. Онъ искренно мнѣ обрадовался. Едва мы успѣли оба воскликнуть: «Какими судьбами», какъ Сергѣй Владимірычъ стоялъ уже на крылечкѣ, и тащилъ меня въ свое жилище, предварительно три раза обнявъ меня, и покрывъ мое лицо влажными поцѣлуями. Мнѣ показалось, что въ этой влагѣ были слезы, которыя онъ на этотъ разъ скрывалъ, а не выставлялъ на показъ, какъ бывало прежде.

— Богъ-то кого даетъ, Богъ-то кого даетъ, Липочка! кричалъ разбитымъ голосомъ Опочинъ. — Иди сюда, Липочка! Липочка! Вотъ, подлинно, голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ!

Мы съ нимъ прежде никогда не были коротко знакомы и непритворная искренность его радости меня трогала. Надо быть, онъ очень настрадался.

Олимпіада Степановна поспѣшно и тоже радостно хотя и болѣе сдержанно, выбѣжала привѣтствовать гостя въ маленькія темныя сѣни. Она совсѣмъ состарѣлась. На ней былъ надѣтъ грубый крестьянскій сарафанъ; руки были покрыты бурымъ тѣстомъ. Вѣроятно, она стряпала.

Digitized by Google

Все жилище состояло изъ одной комнаты, раздѣленной на двое щелистой досчатой перегородкой. Бѣдность, которую скрывать безполезно, сказывалась во всемъ. Но видно было, что женская привычная къ работѣ и порядку рука, поддерживала опрятность и скрадывала острое впечатленіе нищеты.

Въ первой комнаткѣ, въ углу за набойчатой занавѣской помѣщалось двуспальное ложе. У окна стоялъ столъ, заваленный какимъ то кудрявымъ, бѣлѣсоватымъ узорчатымъ мохомъ и обрѣзками папки; тутъ же стоялъ горшечекъ съ клейстеромъ и тарелка съ объѣдками мелкой жареной рыбы. За перегородкой, около огромной печки, виднѣлся большой столъ, на которомъ бурѣла высокой конической грудой миска тѣста.

— Ну, какъ вы въ наши то палестины? зачѣмъ это Господь принесъ? распрашивалъ Сергѣй Владимірычъ, пріискивая, гдѣ бы меня усадить.

Усадить гостя, за скромностію жилища и мебели было нѣсколько затруднительно. Я кой какъ примостился на не совсѣмъ твердый въ сидѣньи, рыночный красный стулъ, и пояснилъ, что именно меня занесло въ К. Распрашивать хозяевъ, у меня какъ то не хватало духу. Я ждалъ, чтобы они сами о себѣ повѣдали.

— Чайку бы гостю дорогому. Чайку позвольте? Теперь время, Липочка, ты бы самоварчикъ поставила... Суетился Сергѣй Владимірычъ.

Липочка устремила на него многозначительный взглядъ. Пришибленною безпомощностью отразился этотъ взглядъ во всемъ существѣ Опочина. Онъ немного растерялся, и пробормоталъ.

— А вотъ папиросочекъ нѣтъ. Извините, нѣтъ; я не курю вѣдь.

Я понялъ, что и чаю у нихъ тоже нѣтъ, и поспѣшилъ замять рѣчь объ угощеньи разными общими замѣчаніями о богоспасаемомъ градѣ К.

Олимпіада Степановна, грустно глядѣла на насъ, время отъ времени вздыхая; и наконецъ, вымолвивъ: «вотъ Богъ радость негаданную послалъ», удалилась за перегородку и принялась раскатывать свое бурое тѣсто. Сергѣй Владимірычъ оправился постепенно отъ волненія, хотя губы у него все еще дрожали, точно онъ заплакать хотѣлъ. Ясно было, что онъ желалъ высказаться.

— Да городокъ! отвѣтилъ онъ на одно изъ моихъ замѣчаній о безотрадности К.—Здѣсь противно и жить, не только умирать И поразсказавъ затѣмъ, какъ люди во всей области гибнутъ, не имѣя силъ умереть, во время заключилъ стихами:

И человѣка, человѣкъ
Послалъ къ Аичару мощнымъ взглядомъ,

Digitized by Google

И онъ послушно въ путь потекъ
И къ утру возвратился съ ядомъ.

— И ядъ-то какой: горькій, медленный.

Опочинъ произносилъ стихи какъ-то изъ души, тепло. Его нервность нынче питалась поэзіей, чего я прежде не замѣчалъ. Въ его убогомъ жилищѣ я увидѣлъ нѣсколько книгъ. Онъ мнѣ объяснилъ, что одинъ добрый человѣкъ, также какъ и онъ «пострадавшій», даетъ ему кой-что почитать, что книгъ хотя немного, но онѣ—единственная его утѣха.

— Прежде въ руки не бралъ, сожалѣлъ онъ—кончаю тѣмъ, чѣмъ бы слѣдовало начать. Можетъ и не случилось бы *этого*, кабы учился.

— Давно вы тутъ живете? спросилъ я.

— Два года, безъ малаго, какъ несчастіе случилось.

— И плохо живете? невольно сорвалось у меня съ языка.

— «И вотъ въ пустынѣ я живу, какъ птицы—даромъ божьей пищи», опять продекламировалъ онъ:—«кабы не Липочка, да не Надя, такъ съ голоду бы умеръ. На семь рублей въ мѣсяцъ, гдѣ же прожить. Я тоже работать вздумалъ. Мужики здѣсь мохомъ питаются; такъ думаю, отчего бы и мнѣ мохомъ не питаться, съострилъ онъ и усмѣхнулся, указавъ на столъ, заваленный мохомъ и папкой. Коробочки я сталъ изъ моху клеить; и довольно хорошо выходитъ; одинъ пріятель въ Москвѣ обѣщалъ продавать; да толку что-то мало. И переправлять-то въ Москву трудно: когда нѣтъ оказіи, а когда и нѐначто. Вѣрите ли, папки нѐначто купить иногда бываетъ... Да и какая моя работа. Руки трясутся, глаза слезятся. Да и подѣломъ мнѣ. А вотъ Липочку жалко, полушопотомъ повѣдалъ мнѣ Опочинъ, когда его сожительница, заткнувъ за поясъ подолъ сарафана, пошла съ ведромъ на рѣчку. Кормитъ она меня, убивается. Пряники, знаете, печетъ въ лавки: она—мастерица. Вотъ, ужо, коли у ней остались свѣженькіе, вы отвѣдайте. Чудесные пряники. Я тоже лакомлюсь.

Я поблагодарилъ.

— Кабы не Липочка, съ голоду бы умеръ. А она рукъ не покладываетъ. Пряники испечетъ, отнесетъ, все уберетъ въ домишкѣ, за шитье примется; шить она тоже мастерица, глаза только плохи стали. По ночамъ чулки вяжетъ, тоже въ Москву посылалъ. Здѣсь нитки почти даромъ. Народъ ленъ сѣетъ на подсѣкахъ... Надя тоже помогаетъ.

— Она съ вами?

Сергѣй Владимірычъ нѣсколько смутился.

— То-есть, да, со мной. То-есть въ К. Она въ услуженіи, какъ будто въ компаньонкахъ у одной купчихи больной, у вдо-

Digitized by Google

вы; бакалейную лавку содержитъ. Жалованье намъ, голубушка, почти все отдаетъ.

— А Софья Сергѣвна?

— Соня... Соня—въ голосѣ Опочина слышались сдержанныя слезы, и онъ покосился на дверь, не возвращается ли Олимпіада: — когда случилось со мной это несчастіе, Соню оно не захватило. Ее Шишмаревъ сначала пристроилъ-было учительницей въ школѣ, ничего бы; да, должно быть, озлобилась она что ли... къ нехорошимъ людямъ пристала. Пропала.

И крупныя слезы покатились по впалымъ щекамъ старика. Онъ ихъ поспѣшно отеръ и завернулся въ свой ветхій халатикъ, когда скрипнула дверь, и показалась Олимпіада Степановна.

— А пряничковъ нѣтъ ли у тебя? Вотъ бы гостя поподчивала, она у меня мастерица; стараясь казаться веселымъ, обратился онъ къ сожительницѣ.

Пряники оказались, дѣйствительно, превосходными. Солнце уже зашло. Дѣло было въ августѣ; наступали сумерки. Сергѣй Владимірычъ начиналъ какъ-то особенно тревожиться и конфузиться. По нѣкоторымъ знакамъ, которые онъ дѣлалъ Липочкѣ, я понялъ, что у нихъ нѣтъ свѣчей и поспѣшилъ удалиться, пообѣщавъ навѣстить ихъ до отъѣзда изъ К. еще разъ.

Когда я пришолъ на другой день въ назначенное время, меня, видимо, ждали. Тотчасъ же появились самоваръ, крендели, сливки. Только сахару было нѣсколько кусочковъ и серебряная ложечка, остатки прежняго величія, была одна на всѣхъ. Сергѣя Владимірыча я засталъ за чтеніемъ Іоанна Дамаскина Толстаго; онъ очень хвалилъ эту поэму, и размышлялъ, что въ пустынѣ лучше жить.

— Вотъ, хоть бы я, пояснялъ онъ, очевидно, рѣшивъ отвести душу. — Живу въ пустынѣ, дошелъ до предѣла, покончили со мной. Грабишь людей—тебя почитаютъ. Честно жить станешь—тутъ тебя и прихлопнутъ. Набивай свою мошну и поклоняйся Мамону, и можешь жить въ покоѣ. А вспомни, что у тебя крестъ на вороту—и кончено...

Глубоко вздохнулъ Сергѣй Владимірычъ, изъ души у него выходили эти слова. Горе окончательно вывѣтрило изъ него комедіянство. Да и къ чему бы оно теперь, когда «онъ дошелъ до предѣла».

Олимпіада Степановна брякала чайникомъ и стаканами, безпокойно поглядывая на сожителя, какъ будто чего-то опасливо отъ него ожидая.

— Вотъ, хоть бы Савенковъ, опять заговорилъ Опочинъ: — трудился онъ, себя не обогощалъ, край отъ него свѣтъ увидѣлъ...

*

Digitized by Google

Всегда кроткая и сдержанная Олимпіада Степановна, при этихъ словахъ вспыхнула, злобно пристукнула крышкой по чайнику, такъ что кругомъ горячіе брызги полетѣли.

— Не поминайте вы его, лучше, не поминайте, сдѣлайте милость, Сергѣй Владимірычъ! почти прикрыкнула она на старика.

Старикъ пугливо опустилъ глаза и, закутавшись въ халатецъ, робко, какъ упрямыя, но запуганныя дѣти, пробормоталъ:

— Да что̀-жь не поминать? Лихомъ его помянуть нечѣмъ.

Олимпіада Степановна только сверкнула на него своими, все еще красивыми, карими глазами, и стала почти швырять въ стаканы куски сахару. Такою раздраженной я ея никогда не видывалъ. Губы ея шевелились; она что-то про себя говорила. Можетъ, ей тоже хотѣлось высказаться; она нѣсколько разъ взглядывала на меня, какъ будто собираясь что-то сказать; однако, продолжала молчать и сердито управляться съ чаемъ.

Водворилось непріятное безмолвіе. Слышно было, какъ квакали лягушки въ болотистыхъ берегахъ бурой рѣченки, протекавшей подъ окномъ. Я заговорилъ о чемъ-то постороннемъ. Хозяева мнѣ едва отвѣчали. Они были погружены въ тѣ думы, которыя избѣгали высказывать.

Наконецъ, женщина не вытерпѣла и вдругъ, сквозь брызгнувшія слезы, заговорила рѣшительно, поспѣшно, нервно, словно не имѣя силы долѣе удерживаться. Она хотѣла поскорѣй избавиться отъ тяготѣвшаго на ея душѣ бремени...

— Вѣрите ли, обратилась она ко мнѣ:—столько мы изъ-за него, изъ-за этого Савенкова натерпѣлись, столько натерпѣлись! Статочное ли дѣло этакъ-то, Сергѣю Владимірычу, на старости лѣтъ маяться. А все изъ-за него, за этого Савенкова. Господь его знаетъ, что̀ ужь онъ такое надѣлалъ. — Ну, такъ его бы и наказывали. А насъ-то за что̀? Ну, онъ тамъ понадобился; самъ исправникъ пріѣхалъ за нимъ... Мать Пресвятая Богородица! страсти Господни! А мы-то зачѣмъ?

— А мало онъ намъ добра сдѣлалъ? робко замѣтилъ Сергѣй Владимірычъ, и вдругъ какъ-то горячо искренно прибавилъ: — да я за него не то, что это, да я за него готовъ былъ бы самъ...

Олимпіада Степановна всплеснула руками.

— Вотъ, вотъ, всегда-то такъ. Ну, конечно, онъ насъ изъ бѣды выкупилъ. Жили мы съ нимъ, слава тебѣ Господи, девять лѣтъ, ни зла ни горя не знали... Да, душа-то чужая—потемки. Этакъ ввѣриться, этакъ ужь ввѣриться, какъ Сергѣй Владимірычъ ввѣрились... вѣдь, прости Господи, Богу на него молились. Ну, а когда пріѣхали за нимъ; значитъ, надобенъ онъ... понапрасну тоже не станутъ.

Digitized by Google

— А мы-то какъ же? не понапрасну? опять робко замѣтилъ Сергѣй Владимірычъ; но его сожительница не обратила вниманія на эти слова и продолжала:

— Понапрасну не станутъ. За нами, слава Богу, ничего худого не примѣчено, да и примѣчать-то нѐчего. Мы бы въ сторонѣ остались. Такъ вѣдь Сергѣй Владимірычъ исправника-то, какъ маленькаго ребенка, три дня дурачили, этого самого, свое божество, Савенкова, прятали...

— Да вѣдь какъ-съ! вдругъ встрепенулся своей старинной шаловливостью старикъ: потѣха! Точно мы съ исправникомъ, въ игру играемъ, знаете, какъ дѣти: я Савенкова прячу, а онъ ищетъ. Даже къ исправнику на дворъ я въ своихъ пошевняхъ разъ пріѣхалъ, и говорю: знаете, гдѣ его искать? Тамъ-то и тамъ-то... Тотъ и поскакалъ, и я на тройкѣ за нимъ. А Савенковъ, у меня въ саняхъ, подъ полостью. Вотъ штука-то была!

Старикъ, при воспоминаніи объ удачѣ своихъ обычныхъ проказъ, повеселѣлъ, словно забылъ свое настоящее горе.

— Вотъ за то и натерпѣлись теперь сами, замѣтила Олимпіада Степановна, и слезы градомъ струились у нея по щекамъ, а злоба все еще сверкала въ глазахъ.

А Сергѣй Владимірычъ, прищуривая глаза, словно вглядываясь въ безвозвратную даль прошлаго, продолжалъ смѣяться.

— Что смѣяться-то! Не до смѣху, ей Богу, Сергѣй Владимірычъ! вновь упрекнула она сожителя.—Какой ужъ тутъ смѣхъ. Столько мы изъ-за него приняли горя, изъ-за этого Савенкова!

Сергѣй Владимірычъ пересталъ смѣяться, и, покачивая головой, замѣтилъ:

— Напрасно! Напрасно это ты, Липочка, напрасно!

— Что напрасно то? правду я говорю...

— Напрасно Липочка, собравшись съ духомъ рѣшился заступиться за своего пріятеля Опочинъ. И всей то вины Перфилья Тарасовича было, что онъ не пограбительски широкое дѣло повелъ; народъ къ работѣ пріучалъ, работу путевую наставилъ, и своей мошны не набивалъ. А главная вина въ томъ, что онъ всѣхъ нашихъ сосѣдей съ толку сбилъ. Всѣ эти Крутовы да Шишмаревы, да судьи, да полковники, да Поркины видятъ, что у него ото всюду деньги прутъ, да все какъ по маслу идетъ. И они стали подражать, да не хватило ихъ. Умъ то у кого если и есть, да знаютъ то они съ мое. А Савенковъ чего не знаетъ? Между ними, конечно, и добрые люди есть тоже; по душѣ добрые люди есть. Только опять не умѣютъ они себѣ добро дѣлать! Ихъ что винить! Конечно и мы такіе же. Вотъ и стали они подражать Савенкову да ничего не выходитъ. Завидно стало. Подо-

Digitized by Google

зрѣнія разныя пошли, отъ чего у него такъ, а у нихъ иначе. Да пронюхали, что у него деньги не на себя копятся, а на расширеніе дѣла, да на пользу народа расходятся... Да еще урядникъ завелся въ околодкѣ... Вотъ и вся вина Савенкова.

А въ краю то онъ сколько добра сдѣлалъ!

— Это что же напрасно говорить, смягчилась Липочка: добра то онъ много надѣлалъ.

— То то вотъ: и его жалко, и народъ жалко.

— Жалко то, жалко. До народа добръ былъ. И злобныя слезы Липочки стали переходить въ слезы искренней жалости...

— Вѣдь въ краю то какіе стали порядки хорошіе заводиться. Поясните, обратился ко мнѣ Опочинъ:—вы, кажется, проѣзжали въ Трущобскъ, въ то время, какъ у меня съ Савенковымъ дѣло въ началѣ заводилось.

Я помнилъ, и спросилъ: ну, а теперь какъ заводчина?

— А теперь, вотъ вы туда опять собираетесь: увидите сами.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ, дѣйствительно, случилось быть въ Трущобскомъ уѣздѣ, проѣзжать знакомое болото, видѣть заводчину, заболотскія угодья и бесѣдовать съ Барабаномъ. Заводы были каменные и роскошныя зданія. Ими правилъ самъ Власъ Краснопуповъ; съ высокомѣрнымъ сожалѣніемъ отзывался онъ объ утопистѣ Савенковѣ. Барабаны и Емельянычи стали снова разбухать, видимо всасывая обиліе, давольство. У мужиковъ вновь стало меньше заработка и меньше времени; и скотъ и угодья, какъ то потускнѣли. И въ населеніи назрѣвало какое то уныніе, хотя Барабаны и Емельянычи несомнѣнно благодушествовали и величались. По ихъ вышло... Кризисъ, послѣдовавшій за выбытіемъ изъ края Савенкова, переходы имѣній изъ однихъ рукъ въ другія, временный застой работъ и новая система управленія, все это затянуло ту петлю, которую въ прежній мой пріѣздъ въ Заболотье, пророчилъ своимъ землякамъ дальновидный Барабанъ.— А открытыя Савенковымъ естественныя богатства пошли на улучшеніе Краснопуповскихъ и Поркинскихъ милліоновъ.

Тогда же мнѣ случилось узнать подробно и о хозяйственныхъ пріемахъ Савенкова на заводчинѣ, и объ его отношеніяхъ къ окрестному населенію, и о причинахъ недовольства имъ помѣщиковъ, и о выросшей изъ этого недовольства катастрофѣ, неожиданно захватившей Сергѣя Владимірыча и Липочку. Все это, и въ особенности поступокъ Савенкова съ любившей его Надей, когда нибудь въ другой разъ мы разскажемъ читателямъ.

Л. Руськинъ.

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АВСТРАЛІИ И ОКЕАНІИ.

I.

Переѣздъ.

Прекрасная Венеція; ея настоящее значеніе и географическій конгрессъ; рѣчи Лессепса и Тюрра. Плаваніе по Адріатикѣ и Бриндизи. — Изъ Александріи въ Суэсъ. — Суэсскій каналъ и его польза. — Красное море; похороны на пароходѣ.—Адэнъ; торгъ съ туземцами; искусные пловцы. — Индѣйскій океанъ; житье-бытье на пароходѣ.—Вегетарьянецъ и остальные пассажиры.—Скудное переселеніе въ Австралію.—Воскресенье на пароходѣ. — Островъ Цейлонъ и гавань Галля.—Переѣздъ до Кингъ-Джоржъ-Зоундъ. — Городокъ Ольбени; сестры милосердія.—Туземцы и бомерангъ.—Первые переселенцы въ западную Австралію.—Прибытіе въ Аделаиду.

Передъ площадью С-го Марка въ Венеціи стоялъ на якорѣ параходъ Тенжоръ. Занявъ въ немъ каюту, я, въ ожиданіи отѣзда, любовался съ палубы двумя рядами дворцовъ, окаймляющихъ воды Большого канала, пышнымъ дворцомъ дожей, храмомъ С-го Марка и прекрасной набережной, по которой разсыпались гондольеры, приглашая разгуливающихъ иностранцевъ прокатиться въ гондолѣ въ садъ на полуостровѣ или въ Лидо. Странно казалось мнѣ, что европейцамъ именно здѣсь,—въ этомъ отжившемъ, какими-то земноводными обитателями въ средніе вѣка сооруженномъ, городѣ, приходится садиться на пароходъ съ тѣмъ, чтобы плыть въ дальній новый, едва лишь зараждающійся край, въ Австралію.

Любуясь прекрасной Венеціей, невольно спрашиваешь себя:

Digitized by Google

къ чему существуетъ теперь этотъ своеобразный средневѣковой городъ? Какое значеніе имѣетъ онъ въ настоящее время? Строился онъ купцами и мореходами въ такое время, когда города и жилища вообще строились попреимуществу съ цѣлью защищаться отъ хищныхъ набѣговъ доблестныхъ рыцарей и пиратовъ, или съ цѣлью самимъ совершать набѣги и грабежи, какъ напримѣръ, бурги, которыми любуются туристы по Рейну. Эти развалившіяся нынѣ укрѣпленія на недоступныхъ скалахъ давно покинуты. Пожалуй и выстроенную на водахъ Венецію постигла бы та же участь, еслибъ она не привлекала къ себѣ толпы праздныхъ туристовъ, которые посѣщаютъ ее изъ любопытства, точно также какъ посѣщаютъ они Геркуланумъ и Помпею, которые любуются ея погруженными въ воду дворцами, катаются въ гондолѣ и дышатъ при этомъ навѣвающимъ нѣгу воздухомъ, подъ чуднымъ небомъ Италіи.

Въ самомъ дѣлѣ, стóитъ только побыть день-другой на площади С-го Марка и убѣдиться, что городъ существуетъ не самъ по себѣ, не для туземныхъ жителей, а скорѣе для иностранцевъ, и что существованіе его—въ настоящемъ видѣ по крайней мѣрѣ—только ими и поддерживается. Роскошныя гостинницы оплачиваются, конечно, одними только иностранцами. Съ ранняго утра, съ Бедекеромъ въ красномъ переплетѣ подъ мышкой и съ биноклемъ черезъ плéчо, высыпаютъ они изъ отелей на площадь С-го Марка. Магазины подъ арками съ ихъ блестящими бездѣлушками, съ фотографіями, изображающими Венецію въ разныхъ видахъ, то днемъ, то при лунномъ свѣтѣ, кофейныя, кондитерскія—словомъ все, чѣмъ переполнены здѣсь магазины и лавочки, въ которыхъ торгуютъ итальянцы, разсчитываетъ на тароватость туристовъ и живетъ только ими. Сами же итальянцы пользуются Венеціей какъ бы въ видахъ промысла, а простой народъ—тотъ здѣсь словно чужой: онъ робко держится въ сторонѣ и какъ будто то и дѣло высматриваетъ—нельзя ли и ему попользоваться отъ щедротъ чуждыхъ пришельцевъ. Это поражаетъ тѣмъ болѣе, что итальянецъ по природѣ вообще не робокъ и не чуждается людей; напротивъ, онъ очень общителенъ и равнодушнаго нрава. Но здѣсь, также конечно и въ другихъ посѣщаемыхъ иностранцами городахъ Италіи, онъ смотритъ на людей, какъ на добычу и становится попрошайкой, нищимъ. Стóитъ иностранцу остановиться гдѣ нибудь на улицѣ и спросить о какомъ нибудь мѣстѣ, тотчасъ явится оборванный итальянецъ съ предложеніемъ услугъ. И онъ уже не отстанетъ отъ васъ, пока не получитъ подачки въ видѣ пяти или десяти центовъ. Весь этотъ людъ и

Digitized by Google

всѣ промышляющіе въ роскошныхъ магазинахъ, отеляхъ, на рынкахъ, снабжающихъ отели съѣстными припасами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и банки навѣрное покинули бы Венецію, еслибъ иностранцы, наскучивъ ею, перестали посѣщать ее. Но теперь, т. е. въ двадцатыхъ числахъ сентября, въ осенній сезонъ, Венеція кишитъ народомъ, и это тѣмъ еще болѣе, что въ настоящее время въ ней собрался географическій конгрессъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ открыта также выставка.

Я попалъ сюда въ самый разгаръ конгресса. Ф. Лессепсъ открылъ его рѣчью, въ которой указалъ на значительное вліяніе, какое въ свое время Италія вообще и Венеція въ особенности имѣли на расширеніе географическихъ знаній. И въ самомъ дѣлѣ, въ тѣ смутныя времена средневѣковыя, когда существовали лишь самыя скудныя средства сообщенія, когда путешествіе въ дальніе края составляло, дѣйствительно, нетолько трудный, но и опасный, для не многихъ лишь личностей доступный подвигъ—не то что въ наше время—изъ Венеціи вышелъ Марко Поло, слава этого города. Пространствовавъ цѣлые года по дальнему востоку, онъ сообщилъ о немъ свѣдѣнія, которыя современниками считались чуть-ли не вымысломъ праздной фантазіи, тогда какъ достовѣрность ихъ поразительно подтверждалась все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ европейцы стали ближе знакомиться съ востокомъ. Упомянувъ о другихъ уроженцахъ Италіи, содѣйствовавшихъ, какъ своими путешествіями, такъ и научными изслѣдованіями, расширенію географическихъ знаній, Лессепсъ указалъ на генуэзца Христофора Колумба, на Америко Веспучи, по имени котораго названъ новооткрытый материкъ, на венеціанцевъ Іоанна и Севастіана Каботовъ, изслѣдовавшихъ восточныя побережья сѣверной Америки. Если помимо другихъ присоединить сюда еще имя славнаго Галлилея, то для насъ будетъ ясно то высокое вліяніе, какое уроженцы Италіи оказали на наши познанія о поверхности земнаго шара вообще.

Послѣ Лессепса, занятаго въ настоящее время прорытіемъ Панамскаго перешейка, говорилъ генералъ Тюрръ, излагая въ своей рѣчи проэктъ по поводу прорытія Коринѳскаго перешейка. Ораторъ закончилъ ее такими словами: «Марко Поло начерталъ намъ также нашу миссію. А именно, творить благо въ нашихъ изслѣдованіяхъ, употребить наши знанія на пользу всѣхъ народовъ, менѣе цивилизованныхъ и менѣе свѣдущихъ, и такимъ образомъ заставить ихъ полюбить насъ; вообще—сблизить между собою всѣ человѣческія племена и—да исчезнутъ затѣмъ послѣдніе слѣды варварства на землѣ!»

Digitized by Google

Эти громкія слова возбуждаютъ, конечно, сочувствіе слушателей, но увы!—въ дѣйствительности онѣ рѣдко осуществляются. Не отрицая нисколько громадной пользы, доставляемой сокращеніемъ и вслѣдствіе того удешевленіемъ средствъ сообщенія, нельзя однако не замѣтить, что именно такого благотворнаго сближенія народовъ другъ съ другомъ на дѣлѣ не оказывается. Стоитъ только указать на Америку, гдѣ до прибытія европейцевъ жило нѣсколько милліоновъ краснокожихъ, тогда какъ, по сближеніи съ ними бѣлыхъ, многіе изъ туземныхъ племенъ уже вовсе исчезли съ лица земли, а остальныя, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ душъ, продолжаютъ исчезать подъ вліяніемъ проникающей къ нимъ цивилизаціи, такъ что не далеко то время, когда въ Соединенныхъ штатахъ не останется и слѣда отъ первобытныхъ владѣльцевъ этого края. За то, правда, въ настоящее время, благодаря эмиграціи изъ Европы, тамъ около пятидесяти милліоновъ такъ называемаго цивилизованнаго населенія, причемъ въ самой Европѣ населеніе за послѣднее столѣтіе не только не уменьшилось, а напротивъ—еще наросло.

Какъ бы то ни было, но мы тутъ не видимъ любвеобильнаго сближенія человѣческихъ племенъ между собою, какъ хочетъ увѣрить насъ ораторъ, а скорѣе столкновеніе двухъ расъ, всегда роковое и гибельное для туземцевъ. Китайцы не даромъ противились такъ долго вторженію въ свой край европейцевъ съ ихъ цивилизаціей, и, какова бы ни была китайская цивилизація, но благодаря ихъ упорному сопротивленію, поддерживаемому особенностями географическаго положенія ихъ края, они успѣли сохранить свою народность до нашего времени, и сохранятъ ее, какъ надо полагать, навсегда, хотя бы и шли по стезѣ прогресса своимъ самобытнымъ путемъ. Не всѣ народы поставлены были въ такія благопріятныя въ этомъ отношеніи условія, какъ китайцы, и мы видимъ, что, вслѣдствіе улучшенія и сокращенія путей сообщенія, совершается полное уничтоженіе одной расы другою, а вмѣстѣ съ тѣмъ, правда, и расширеніе нашей европейской цивилизаціи, для которой такимъ образомъ открывается все болѣе и болѣе обширное поприще. Напрасно было бы и прибѣгать къ такимъ ораторскимъ уловкамъ: вѣдь сами ораторы, да и слушатели ихъ вполнѣ убѣждены, что ради братскаго сближенія европейцевъ съ туземцами ни одинъ банкиръ не сталъ бы покупать акціи общества, составленнаго хотя бы для прорытія Суэсскаго канала, еслибъ подобнаго рода предпріятія не представляли громадныхъ выгодъ для торговли. А потому они и выгодны преимущественно для того класса нашего цивилизованнаго

Digitized by Google

общества, въ рукахъ котораго сосредоточиваются коммерческія операціи вообще.

Что же касается до вліянія на судьбу туземныхъ племенъ, вслѣдствіе прорытія Суэсскаго перешейка, то въ предстоящемъ путешествіи по странамъ Тихаго океана мы надѣемся не разъ еще встрѣтиться съ этимъ вопросомъ.

Воздавъ Венеціи должную дань за ея прошлые подвиги по части мореплаванья и географическихъ открытій, ораторы ничего не сказали о настоящемъ значеніи этого города. Да и что могли бы сказать они по этому поводу? Развѣ то, что благодаря открытію Суэсскаго канала англійское общество восточнаго пароходства (Peninsular and Oriental steam Navigation Company), воспользовалось незначительною гаванью Венеціи и избрала ее исходнымъ пунктомъ для пассажировъ, отправляющихся съ европейскаго материка въ Индію и Австралію.

На пароходѣ поднялась суета: онъ снялся съ якоря; раздался свистокъ—другой—и ровно въ 10 часовъ утра 23-го сентября нов. ст. наше мореходное зданіе, описавъ полукругъ, въ виду толпившихся на набережной зрителей, двинулось къ выходу изъ залива. Прощай прекрасная Венеція! — Осторожно подвигаясь между лагунами, Тенжоръ часа черезъ два миновалъ проливъ Лидо и, прибавивъ паровъ, смѣлѣе пошелъ по Адріатическимъ волнамъ.

Въ Адріатикѣ, служившей нѣкогда поприщемъ весьма оживленнаго мореходства, встрѣчали мы очень мало судовъ, да и то были все однѣ барки съ парусами кирпичнаго цвѣта. Съ нашей палубы виднѣлись извилистые очерки Аппенинъ на западѣ. Вообще, во все время плаванія по этому морю, берега, то съ одной, то съ другой стороны, почти никогда не пропадали изъ виду. Къ вечеру того же дня пароходъ присталъ къ Анконѣ и, простоявъ ночь въ гавани, принялъ тутъ новый грузъ и еще нѣсколькихъ пассажировъ. Раннимъ утромъ мы шли уже опять въ виду песчаныхъ, частью обнаженныхъ береговъ Италіи, гдѣ по временамъ виднѣлись мѣстечки и села. На третій день нашего плаванія пароходъ узкимъ проливомъ вошелъ въ небольшую гавань Бриндизи. Налѣво передъ нами пріютился городокъ, а на противоположной сторонѣ, на правомъ берегу, раскинулись домики и сады съ изгородями изъ лапчатыхъ кактусовъ, съ агавами, пальмами и другими тропическими растеніями. Тенжоръ причалилъ вплоть къ набережной, гдѣ стояли три парохода, два фрегата и нѣсколько мелкихъ судовъ. Это было въ воскресенье, а потому не приступали къ нагрузкѣ, и намъ при-

Digitized by Google

шлось прождать здѣсь цѣлый день. Пользуясь этимъ, пассажиры разсыпались по городу.

Бриндизи или классическій Брундузіумъ римлянъ носитъ на себѣ отпечатокъ разныхъ историческихъ эпохъ. Ветхіе дома съ вывѣтрившимися барельефами, дворы съ арками, полуразвалившіеся фонтаны свидѣтельствуютъ о древнемъ владычествѣ здѣсь римлянъ, а фортификація, защищавшая городъ съ суши, съ ея развалившимися амбразурами и обсыпавшимися стѣнами, полуразрушенная церковь и бывшій дворецъ, обращенный теперь въ тюрьму, напоминаютъ собою средніе вѣка, тогда какъ обновленная и хорошо выложенная камнемъ набережная, новая макадамизированная улица, подъ названіемъ страта Амэна, ведущая отъ набережной внутрь города къ площади, новые щегольскіе дома по ней и зданіе почты—служатъ представителями девятнадцатаго столѣтія.

Послѣднія постройки, какъ и гавань, обязаны своимъ возникновеніемъ также открытію Суэсскаго канала: почта со всѣхъ государствъ Европы, клади, пассажиры — все это окончательно принимается пароходами въ Бриндизи, какъ въ самомъ крайнемъ европейскомъ портѣ, въ которомъ пристаютъ они. Благодаря этому, древняя, полузабытая гавань пріобрѣтаетъ въ наше время опять важное значеніе. Городъ не великъ, такъ что нѣсколькихъ часовъ достаточно было для того, чтобы обойти его по всѣмъ улицамъ и побывать даже за крѣпостнымъ валомъ. Но и въ этомъ городѣ также непріятно поражаетъ васъ нищенство итальянцевъ. Особенно дѣти съизмала уже пріучаются къ такому промыслу. Они просто не могутъ видѣть иностранца безъ того, чтобы не просить милостыни. Мнѣ случилось какъ-то на старой каменной лѣстницѣ, близь средневѣковаго храма, взобраться на площадку, среди которой стоитъ мраморная колонна. На возвышенной, усыпанной камнемъ, площадкѣ не было ни души. Я принялся было разбирать отчасти вывѣтрившуюся древнюю латинскую надпись на пьедесталѣ колонны, какъ, откуда ни возьмись, меня окружила толпа мальчиковъ отъ семи до десятилѣтняго возраста; нѣкоторые изъ нихъ были даже хорошо одѣты. Сначала я не обратилъ на нихъ вниманія, но они все ближе приступали ко мнѣ, прося подачки. Я видѣлъ, что тутъ не до надписи и направился внизъ. Вся орава съ прыжками и крикомъ послѣдовала за мною, что разсмѣшило меня. Ободренные моимъ смѣхомъ, мальчики стали чуть не прыгать на меня, прося пенни. На мое счастіе въ это самое время по лѣстницѣ взбирался итальянецъ съ корзиной на плечѣ и грозно прикрик-

Digitized by Google

нулъ. Вся ватага вмигъ разсыпалась въ разныя стороны, и я успѣлъ спастись на палубу парохода. Другіе пассажиры тоже жаловались, что отъ нищихъ проходу нѣтъ. И подъ такими-то впечатлѣніями пришлось намъ покинуть европейскій материкъ. Иностранцы, на короткое время побывавшіе здѣсь, по неволѣ выносятъ весьма грустное мнѣніе о жалкомъ итальянскомъ народѣ, дѣти котораго съ малыхъ лѣтъ пріучаются къ нищенству, и, какъ видно по ихъ здоровымъ лицамъ, по порядочной одеждѣ, дѣлаютъ это не по нуждѣ, а просто изъ баловства.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня пароходъ принялъ почту съ разныхъ концовъ Европы, еще нѣсколько пассажировъ и вышелъ изъ гавани, направляясь далѣе къ югу. На закатѣ второго дня, по выходѣ изъ Бриндизи, мы прошли въ виду острова Кандіи и, оставивъ его за собою, окончательно распростились съ Европой. Потомъ пароходъ направился къ юговостоку по тихимъ синимъ волнамъ Средиземнаго моря, а на шестые сутки, по выѣздѣ изъ Венеціи, онъ вошелъ въ круглую, довольно просторную гавань Александріи.

Едва пароходъ успѣлъ причалить къ пристани, какъ на палубу съ шумомъ и гамомъ взобрались копты и феллахи въ бѣлыхъ и синихъ балахонахъ и въ фескахъ съ бѣлыми тюрбанами на головѣ, предлагая въ продажу финики, бананы, апельсины, кокосовые орѣхи и проч. Тутъ же появился фокусникъ и, размѣстивъ на палубѣ свои снаряды, сталъ потѣшать любопытную публику. Къ пристани, у которой мы остановились, проведены рельсы желѣзной дороги. Пассажиры переходятъ прямо въ вагоны и отправляются отсюда въ Суэсъ, гдѣ ожидаетъ ихъ пароходъ изъ Англіи. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ пассажировъ и болѣе грузная кладь изъ Великобританіи отправляются на большомъ пароходѣ компаніи прямо изъ Соутемптона: гавань его собственно и составляетъ настоящій исходный пунктъ морского пароходства изъ Европы въ Индію и Австралію. Но желающіе избавиться отъ двухнедѣльнаго плаванія вокругъ Европы отправляются сухимъ путемъ по желѣзнымъ дорогамъ въ Венецію или Бриндизи, откуда и перевозятся на пароходѣ меньшаго размѣра той же компаніи въ Александрію, а затѣмъ по желѣзной дорогѣ въ Суэсъ.

Дорога идетъ сначала по низменностямъ Дельты Нила. Поля и огороды по обѣ стороны ея засѣяны рисомъ, дуррою, сахарнымъ тростникомъ, хлопчатникомъ, а мѣстами красуются группы финиковыхъ пальмъ съ ихъ большими гроздіями спѣлыхъ плодовъ. Кое-гдѣ попадаются деревни туземцевъ: лачуги кое-какъ

Digitized by Google

слѣплены изъ глины или скорѣе изъ сырой грязи, а плоскія кровли просто завалены пальмовыми листьями. Въ этихъ лачугахъ и живутъ полунагіе, едва прикрытые лохмотьями туземцы. Кладбища, похожія нѣсколько на еврейскія, были чище и пригляднѣе самихъ деревень. Такая крайняя бѣдность поражаетъ еще сильнѣе въ виду окружающей ее роскошной растительности. Сколько вѣковъ трудились здѣсь предки подъ владычествомъ фараоновъ и другихъ державцевъ, сколько пирамидъ, обелисковъ, каналовъ, озеръ и прочихъ чудесъ настроили они на удивленіе міру, а въ концѣ-концовъ оставили своимъ потомкамъ въ наслѣдіе одно нищенство, и все это въ такомъ богатомъ растительностью краѣ.

Египетъ, эта колыбель исторіи человѣчества, представляетъ намъ такимъ образомъ поразительный фактъ, а именно: вездѣ и всегда туземныя племена, коренные обладатели земли порабощаются чуждыми пришельцами, захватывающими силою меча власть и верховенство надъ краемъ. И этотъ фактъ роковымъ образомъ повторяется черезъ всю исторію съ тою развѣ разницею, что въ иныхъ мѣстахъ туземцы окончательно искореняются, тогда какъ уцѣлѣвшія порабощенныя племена споконъ вѣка и понынѣ, подобно коптамъ и феллахамъ, влачатъ жалкую жизнь подъ гнетомъ, если не фараоновскаго, то столь же тяжкаго для нихъ деспотизма.

Начиная съ четвертой станціи—Бэнга (Benha), по мѣрѣ приближенія къ Суэсскому каналу, открывается песчаная пустыня: по обѣ стороны дороги стелется желтоватый песокъ перемѣшанный съ хрящомъ, образуя здѣсь и тамъ наносные холмы. Рельсы большею частью пролегаютъ по берегу канала съ прѣсной водой, который былъ проведенъ отъ Нила для снабженія свѣжею водою рабочихъ на перешейкѣ. На шестой станціи Нифишъ вмѣстѣ съ нашимъ поѣздомъ на запасномъ рельсовомъ пути остановился другой, весь наполненный магометанами-богомольцами, направлявшимися въ Мекку. Отсюда желѣзная дорога развѣтвляется: одна вѣтвь ея идетъ прямо на востокъ въ Измаилію, городокъ, возникшій на берегу Суэсскаго канала у озера Тимзы, а другая, т. е. наша вѣтвь, направляется къ югу въ Суэсъ все тѣмъ же берегомъ канала прѣсной воды. Такимъ образомъ, въ настоящее время богомольцы къ святымъ мѣстамъ, какъ въ Мекку и Медину, такъ точно и въ Іерусалимъ, направляются по рельсовому пути до Измаиліи, а оттуда уже, пользуясь каналомъ, далѣе къ мѣсту назначенія. Магометане, столпившись въ запертыхъ вагонахъ съ рѣшетчатыми стѣнками въ густыя

Digitized by Google

кучи, производили страшный шумъ, перекрикиваясь другъ съ другомъ и съ торговцами, которые снаружи предлагали имъ разнаго рода съѣстные припасы и плоды, большею частью финики.

Нашъ поѣздъ двинулся, наконецъ, перейдя по мосту, на другой берегъ того же канала прѣсной воды. Вдоль по окаймляющему его валу то и дѣло попадались туземцы съ верблюдами. Изогнувъ шею кверху и вытянувъ впередъ губастую морду, важно и степенно шагали они одинъ за другимъ съ ношами на горбахъ, а подгоняемые феллахами ослики торопливо сѣменили вслѣдъ за ними. По полямъ паслись сѣропепельнаго цвѣта коровы тоже съ длинными шеями и серпообразными назадъ изогнутыми рогами, какъ обыкновенно изображаются на иллюстраціяхъ тощія фараоновы коровы. Въ болотистыхъ мѣстахъ взлетали испуганные шумомъ паровоза бѣлые ибисы. Женщины, попадавшіяся по пути, были одѣты въ черные балахоны съ накидками на головѣ и чернымъ наличникомъ, скрывавшимъ нижнюю часть лица, такъ что видны были одни только глаза. Дѣти бѣгали совсѣмъ голыя.

Вечеромъ поѣздъ подкатилъ къ Суэсу, который мы не могли видѣть за темнотой, тѣмъ болѣе, что наши вагоны тотчасъ же были осаждены туземцами, предлагавшими въ продажу табакъ, сигары, разные плоды, фотографіи и проч. Они не могли проникнуть въ самые вагоны, такъ какъ дверцы были заперты, но цѣплялись снаружи и старались пролѣзть въ открытыя окна. Когда поѣздъ, захвативъ почту въ Суэсѣ, направился къ гавани, то туземцы такъ и не покидали своего поста и, все также цѣпляясь снаружи, проводили насъ до самой пристани.

Такъ какъ въ самомъ заливѣ, у котораго расположился Суэсъ, вода недосаточно глубока для большихъ пароходовъ, то пристань перенесли на песчаную отмель въ море, соединивъ ее съ городомъ посредствомъ широкаго вала, по которому пролегаютъ три пары рельсъ. Поѣздъ подкатилъ къ самой пристани, гдѣ насъ ожидали два парохода: одинъ изъ нихъ былъ назначенъ въ Бомбей, къ сѣверо-востоку по выходѣ изъ Краснаго моря, тогда какъ нашъ направлялся на юговостокъ—къ острову Цейлону. Такимъ образомъ часть пассажировъ и груза перешла отъ насъ на другой пароходъ; но на нашемъ и безъ того уже былъ значительный грузъ, привезенный изъ Англіи; на немъ же пріѣхало нѣсколько пассажировъ прямо изъ Соутемптона. Въ Бомбей отправлялись большею частью офицеры индѣйской арміи. Они обыкновенно въ это время возвращаются изъ отпуска на европейскую родину къ своимъ полкамъ въ Индіи.

Digitized by Google

Нашъ пароходъ, по имени Нипаль, прибылъ изъ Соутемптона, приставая по пути къ Гибралтару и острову Мальтѣ. Изъ Портъ-Саида, на сѣверномъ концѣ канала, онъ прошелъ до Суэса въ три дня, останавливаясь по ночамъ въ пристаняхъ, такъ какъ по уставу суда ночью по каналу не ходятъ. Весь переѣздъ отъ Соутемптона до Суэса онъ совершилъ въ теченіи семнадцати сутокъ. Плаваніе по каналу, судя по разсказамъ пассажировъ, крайне не привлекательно, а вслѣдствіе жаровъ оно даже довольно утомительно. По обѣ стороны тянется все та же песчаная пустыня, и только на станціяхъ, гдѣ пристаютъ суда, насажены деревца, которыя, однако, не успѣли еще порядкомъ разростись. А приставать приходилось нетолько по ночамъ, но и днемъ, оттого, что по узкому каналу для пропуска какого-нибудь встрѣчнаго корабля одному приходится причаливать къ пристани и выжидать, пока другой не прошелъ. Помимо этихъ задержекъ самая плата за переѣздъ все еще очень высока. Такъ Нипаль заплатилъ за проѣздъ, какъ за грузъ, такъ и за пассажировъ 1,200 фунтовъ стерлинговъ. Но даже такая высокая плата была бы не въ ущербъ для компаніи пароходства, еслибы только сократили еще время перехода, по каналу, а для этого необходимо расширить его настолько, чтобы большія суда свободно могли проходить одно возлѣ другого.

Въ виду всѣхъ этихъ неудобствъ невольно возникаетъ вопросъ: какая польза отъ этого канала? На это самъ Лессепсъ въ одной изъ рѣчей своихъ отвѣчаетъ слѣдующимъ картиннымъ образомъ: «Во время моего послѣдняго похода по пустынѣ, я посѣтилъ начальника одного изъ аравійскихъ племенъ, живущихъ на границѣ между Египтомъ и Сиріей. Этотъ вождь, окруженный шейками разныхъ сосѣднихъ мѣстъ, просилъ меня объяснить ему пользу и цѣль нашего предпріятія. Тогда я тутъ же на пескѣ передъ ними изобразилъ карту земного шара и указалъ имъ, какъ отправившись изъ Европы и съ побережья Средиземнаго моря, перерѣзавъ Египетъ и достигнувъ восточнаго моря, этотъ путь съ запада на востокъ приводитъ въ сообщеніе триста милліоновъ европейцевъ съ семью стами милліоновъ жителей Африки, Азіи и Океаніи. Съ другой стороны, я показалъ, какъ путь черезъ Гибралтарскій проливъ, огибающій всю Африку и мысъ Доброй Надежны, пересѣкаетъ два раза экваторъ и, проходя мимо Мадагаскара, лишь послѣ гораздо болѣе долгаго плаванія достигаетъ того же Индѣйскаго океана, отдѣленнаго при посредствѣ Суэсскаго канала всего только на четыре или пятьсотъ миль отъ Средиземнаго моря. Внимательно разсмотрѣвъ пред-

Digitized by Google

ложенный имъ мною очеркъ и выслушавъ мое объясненіе, эти люди, пораженные величіемъ предпріятія, подняли руки къ небу и начали восхвалять аллаха; эти первобытныя натуры, воспитываясь въ уединеніи пустыни, вездѣ и во всемъ видятъ перстъ божій и все великое и доблестное относятъ ко славѣ Всевышняго».

Главная выгода состоитъ, конечно, въ значительномъ сокращеніи пути и въ томъ, что благодаря каналу избѣгается опасное плаваніе вокругъ мыса Доброй Надежды. Вслѣдствіе всего этого значительно сокращаются и страховыя преміи, такъ какъ корабли болѣе короткій срокъ подвергаются опасностямъ плаванія. Не входя въ дальнѣйшія подробности, прибавимъ только, что, несмотря даже на высокую плату за проѣздъ по каналу, пароходныя компаніи все-таки много выгадываютъ, пользуясь этимъ путемъ. А со временемъ, когда каналъ расширится и устранятся другія его неудобства, громадные расходы на него потраченные вознаградятся сторицею.

Принявъ почту и кладь, пароходъ Нипаль въ полночь двинулся въ Красное море. Цвѣтъ воды его синій немного свѣтлѣе, нежели въ Средиземномъ. Но отличается это море необыкновеннымъ зноемъ: такого палящаго воздуха даже подъ экваторомъ не бываетъ. Такъ и кажется здѣсь, будто сами воды раскалены отъ солнечныхъ лучей. Оно иначе и быть не можетъ: съ одной стороны каменистая Аравія, а съ другой песчаная Нубія такъ накаляютъ воздухъ, что откуда бы ни подулъ вѣтеръ, онъ нисколько не освѣжаетъ атмосферы. Температура поднималась до 28 град. по Реомюру. Вообще вѣтру мало и море спокойно. Четверо сутокъ пришлось намъ печься въ этой жарѣ. Иные съ жары пьютъ невоздержно и оттого нерѣдко заболѣваютъ дизентеріей. Одна изъ служанокъ на пароходѣ, дѣйствительно, заболѣла и умерла во время нашего плаванія по Красному морю. Похороны совершены были на самомъ пароходѣ: покойницу завернули въ парусъ. Между пассажирами оказался англійскій священникъ; онъ и прочелъ молитву, затѣмъ тѣло усопшей выдвинули въ люкъ и при посредствѣ привѣшеннаго груза опустили на дно морское.

Вообще, переѣздъ по Красному морю считается нетолько непріятнымъ, но даже опаснымъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые путешественники отправляются въ Австралію инымъ путемъ, а именно черезъ Америку. Другіе огибаютъ далѣе мысъ Доброй Надежды, лишь бы избѣжать Краснаго моря. Оно въ настоящее время до того покинуто, что мы въ теченіи нашего плаванія

Digitized by Google

по немъ встрѣтили только двѣ или три барки арабовъ. А было же время, когда и по этому морю кипѣло мореходство: по немъ ходили корабли Хирама и Соломона за золотомъ въ Офиръ; изъ него вышли финикіяне, совершая свое плаваніе вокругъ Африки, а греки отсюда же пускались въ Индѣйскій океанъ; корабли Птоломеевъ ходили по немъ за драгоцѣнными парчами въ Индію и за пряностями въ Аравію. Но это море давно уже какъ бы вымерло и даже Суэсскій каналъ мало способствуетъ его оживленію. Мы рады были, когда, по прошествіи четырехъ сутокъ, пароходъ вышелъ, наконецъ, Бабельмандебскимъ проливомъ изъ Краснаго моря и остановился въ Адэнскомъ заливѣ, въ виду самой крѣпости Адэна.

Это, сооруженное англичанами, гнѣздо въ потухшемъ кратерѣ, не что иное, какъ Гибралтаръ Краснаго моря: здѣсь постоянно находится англійскій гарнизонъ. Но офицеры и солдаты довольно часто смѣняются отрядами изъ Англіи, оставаться по долгу въ этомъ притонѣ ужасныхъ болѣзней было бы невыносимо для европейскаго организма. Пустынное, выжженное солнцемъ, побережье вообще неудобообитаемо ни для какого организма. Базальтъ, лава и голыя скалы, и на нихъ никакой растительности, вотъ на чемъ англичане воздвигли укрѣпленія, наставили пушекъ и готовы запереть выходъ изъ Краснаго моря всякому враждебному судну, во всякое время, когда имъ вздумается. Вмѣстѣ съ тѣмъ, должно, конечно, прекратиться и судоходство по Суэзскому каналу, и оно, хотя и не непосредственно, но все-таки болѣе въ ихъ власти; такъ что французы строили каналъ, а англичане нетолько преимущественно передъ всѣми націями пользуются имъ, но даже господствуютъ надъ нимъ. Властвуя такимъ образомъ надъ всѣми морями, англичане, конечно, никакъ не могутъ забыть, что Дарданеллы все еще не въ ихъ власти и что они не вполнѣ еще господствуютъ надъ Чернымъ моремъ.

Здѣсь, въ Адэнѣ, по цѣлымъ годамъ не бываетъ дождя. Въ крѣпости выстроены обширные водоемы, въ которыхъ скопляется влага, стекающая послѣ рѣдкихъ дождей съ окрестныхъ горъ. Кромѣ того, въ послѣднее время здѣсь устроили дистиллировальный снарядъ въ довольно большихъ размѣрахъ, чтобы снабдить обитателей хоть сколько-нибудь сноснымъ пойломъ. Впрочемъ, нашъ пароходъ привезъ для гарнизона большое число ящиковъ съ винами и коньякомъ. Вообще всякіе припасы, все необходимое для жизни, доставляются, конечно, изъ Англіи. Можно себѣ представить поэтому, съ какимъ нетерпѣніемъ ожи-

Digitized by Google

даются гарнизономъ пароходы, заходящіе сюда раза по два въ мѣсяцъ. Самая крѣпость возвышается по правой сторонѣ бухты, а на лѣвомъ низкомъ песчаномъ побережьи ея раскинулось мѣстечко, состоящее изъ нѣсколькихъ сотень бѣлыхъ домишекъ съ плоскими кровлями, издали похожихъ на ящики. Тамъ живутъ арабы и жиды.

Когда мы подошли къ Адэну, то въ немъ свирѣпствовала холера, а потому всякое сообщеніе съ жителями было настрого заказано. Мы остановились въ полумили отъ крѣпости. Несмотря на это, жители мѣстечка не преминули явиться къ намъ. Прежде всего подъѣхалъ маленькій пароходъ съ агентомъ компаніи и разными властями изъ Адэна. Тутъ стали выгружать почту и кладь, назначенную для гарнизона. Вслѣдъ затѣмъ подошли двѣ барки, на которыхъ оказались евреи въ длинныхъ бѣлыхъ балахонахъ, покрытые пестрыми фесками, изъ подъ которыхъ по вискамъ спускались длинные пейсики завитками. Они просились на нашу палубу, но, несмотря на ихъ умильныя просьбы, капитанъ не пустилъ ни одного. Тогда они съ своихъ барокъ стали предлагать пассажирамъ товары, состоявшіе преимущественно изъ страусовыхъ перьевъ и яицъ. Вскорѣ потомъ появилось еще съ дюжину лодочекъ или скорѣе душегубокъ изъ древесной коры, управляемыхъ однимъ короткимъ весломъ. Въ каждой изъ нихъ сидѣло по одному или по два совершенно нагихъ туземца шеколаднаго цвѣта кожи. Мало того: за неимѣніемъ лодокъ, дюжины три туземцевъ прибыли къ пароходу просто вплавь. Въ душегубкахъ привезли съ собою разные товары якобы своего издѣлія; но весьма сомнительно, чтобы они сами изготовили всѣ эти красиво сплетенныя корзины, деревянные ящички, коврики и т. п. Потомъ предлагались въ продажу также кораллы, страусовыя яица, ананасы, кокосы. Скоро завязался живой торгъ. Пассажиры, евреи и туземцы перекрикивались между собою: одни, показывая товаръ, назначали цѣны, а съ палубы имъ предлагали чуть ли не десятую часть требуемаго. Когда, несмотря на такое разногласіе, торгующіе сходились въ цѣнѣ, то товаръ передавался на бичевѣ или въ люкъ; тѣмъ же путемъ производилась и расплата.

Но болѣе всего туземцы выручали инымъ путемъ: во все время пока производилась выгрузка и совершалась крикливая торговля, человѣкъ двадцать показывало свое искуство въ плаваніи и ныряніи. Колыхаясь все время на волнахъ передъ пароходомъ, съ палубы котораго смотрѣли на нихъ пассажиры, пловцы то и дѣло припѣвали: «мы нырнемъ, мы нырнемъ»! соблю-

Digitized by Google

дая при этомъ своеобразный тактъ. Вотъ одинъ изъ пассажировъ бросилъ монету въ воду, и вмигъ всѣ двадцать головъ погрузились въ глубь на дно морское А глубина въ этомъ мѣстѣ не малая, судя уже по тому, что тутъ ходятъ большіе пароходы; во всякомъ случаѣ до дна никакъ не менѣе трехъ саженъ. Прошло нѣсколько секундъ и курчавыя головы опять показались на поверхности: одинъ изъ туземцевъ показываетъ въ рукѣ захваченную имъ монету. Та же гимнастика съ тѣми же припѣвами продолжалась во все время нашей стоянки, т. е. отъ полудня и до шести часовъ вечера. Когда иной изъ пловцовъ уставалъ, то онъ вскакивалъ изъ воды въ одну изъ душегубокъ, а товарищъ прямо оттуда нырялъ въ воду за брошенною кѣмъ-нибудь монетой.—Но вотъ, какимъ-то образомъ, туземецъ очутился въ одной изъ шести лодокъ, привѣшенныхъ по обѣ стороны парохода надъ верхней палубой. Никто и не замѣтилъ, какъ онъ туда вскорабкался. Боцманъ тотчасъ же послалъ матроса, чтобы прогнать араба; онъ, не долго думая, прямо сверху бросился въ глубь. Гамъ, шумъ и крикъ раздавались въ воздухѣ во все это время. «Это настоящій Бедламъ!» воскликнулъ одинъ англичанинъ на палубѣ. Наконецъ когда, принявъ грузъ, пароходикъ пошелъ къ пристани, а нашъ Нипаль сталъ выходить изъ бухты, пошли къ берегу и барки съ жидами и душегубки, а вслѣдъ за ними вплавь отправились и всѣ остальные туземцы. Съ парохода было еще видно, какъ, выходя одинъ за другимъ на каменистый берегъ, они отряхали съ себя соленую воду.

Выбравшись изъ Адэнскаго залива въ Аравійскій, мы почувствовали, что воздухъ значительно посвѣжѣлъ. Несмотря даже на то, что мы приближались къ экватору, направляясь къ юго-востоку, но дня черезъ два въ Индѣйскомъ океанѣ стало еще свѣжѣе, особенно когда небольшой дождь оросилъ палубу. Сталъ подувать юговосточный муссонъ. Отъ небольшой качки нѣкоторые изъ пассажировъ по не привычкѣ страдали морскою болѣзнію. Но вообще въ этихъ моряхъ никогда не бываетъ такого сильнаго волненія, какое приходится испытывать въ Атлантическомъ океанѣ. Даже пароходы, которые ходятъ по здѣшнимъ водамъ, снаряжаются такъ, что въ нихъ было бы крайне неудобно плавать по болѣе бурной Атлантикѣ. Тамъ пассажирамъ не возможно было бы такъ спокойно размѣщаться въ креслахъ и кушеткахъ на палубѣ, какъ это дѣлалось, напримѣръ, на нашемъ Нипалѣ. Такія плетеныя кресла и кушетки предлагаются въ продажу еще въ Бриндизи, и многіе изъ пассажировъ тамъ уже запасаются ими на все время переѣзда.

Digitized by Google

Пора, однако, покороче ознакомиться съ нашимъ житьемъ-бытьемъ на пароходѣ, на которомъ намъ, какъ бы членамъ одной коммуны, приходится совершить переѣздъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Вѣдь общество пассажировъ тоже своего рода коммуна, въ которой каждый изъ членовъ внесъ извѣстную плату и за то пользуется всѣми удобствами содержанія. Итакъ, начнемъ съ ранняго утра.

Едва забрежжетъ свѣтъ на востокѣ, какъ по знаку боцмана на палубѣ просыпаются уже матросы. На пароходахъ, плавающихъ по Индѣйскимъ водамъ, матросы набираются съ острова Цейлона; это такъ называемые сингалезы, каштановаго цвѣта кожи, народъ очень ловкій, смышленный и трудолюбивый. Въ синихъ или сѣрыхъ порткахъ и рубахахъ, перепоясанныхъ красными платками, съ круглыми изъ тростника плетеными шапочками и красными тюрбанами на головѣ, сингалезы, въ числѣ двадцати человѣкъ, съ разсвѣтомъ вскакиваютъ по знаку боцмана и берутся за дѣло, т. е. за мытье и чистку парохода, что безотложно производится изо-дня въ день. Длинная каучуковая кишка привинчивается посреди палубы къ насосу, приводимому въ движеніе паровой машиной. Кишка разстилается до самаго носа корабля и водой изъ нея поливается вся палуба отъ одного конца до другого. Затѣмъ сингалезы вооружаются терками, сдѣланными изъ перепиленныхъ на двое толстыхъ скорлупъ кокосовыхъ орѣховъ. Становясь на карточки по трое въ рядъ, они трутъ опиленной стороной орошенную и посыпанную пескомъ палубу, подвигаясь въ то же время на карточкахъ все болѣе впередъ съ одного конца до другого. Когда эта операція окончена, то сингалезы берутся за половыя щетки, и вытираютъ ими опять всю палубу, такъ что ей остается только просохнуть подъ вліяніемъ вѣтра и солнечныхъ лучей. Остальныя части на кораблѣ, а именно скамьи, перила, борта, двери и окна также моются и чистятся; мѣдная оковка вездѣ доводится до блестящаго состоянія. Потомъ сингалезы окончательно разставляютъ вдоль по палубѣ упомянутыя выше кресла и кушетки пассажировъ, оставляя только мѣсто для прохода вдоль бортовъ.

Пока производилась эта работа, солнце успѣло уже подняться надъ горизонтомъ въ такомъ блескѣ и такъ величаво, какъ рѣдко приходится видѣть это на сушѣ, развѣ въ степяхъ. Изъ пассажировъ нѣкоторые уже вышли изъ своихъ каютъ. Эти каюты размѣщены по обѣ стороны общей залы подъ верхней палубой. Въ каждой изъ нихъ по двѣ или по три койки, умывальный столикъ, зеркало, такъ что нельзя жаловаться на неудобство

Digitized by Google

помѣщенія. Надѣвъ шерстяныя шаровары и рубаху, каждый изъ пассажировъ спѣшитъ съ полотенцомъ въ ванную. Напустивъ туда посредствомъ крана морской воды и нагрѣвъ ее по желанію посредствомъ пара, проведеннаго изъ котла паровой машины, съ наслажденіемъ погружаешься въ соляную влагу. Выкупавшись, жадно поглощаешь чашку чая или кофе съ сухаремъ. Потомъ съ босыми ногами и въ томъ же легкомъ костюмѣ спѣшишь на палубу, по которой шагаешь изъ конца въ конецъ, вдыхая свѣжій морской воздухъ и выкуривая тутъ же утреннюю папиросу.

Все это разрѣшается до восьми часовъ. Тутъ раздается первый звонокъ изъ зала и на палубу появляются леди, а потому джэнтельмены обязаны перемѣнить свой утренній костюмъ на болѣе приличный. Палуба понемногу наполняется пассажирами обоего пола. На Нипалѣ насъ было до полутораста человѣкъ. Въ половинѣ девятаго раздается второй звонокъ, и всѣ спѣшатъ внизъ, въ залъ, гдѣ на длинномъ столѣ накрытъ обильный завтракъ. Всякій занимаетъ свое мѣсто, которое не мѣняется уже во все время переѣзда. Пароходная прислуга спѣшитъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ пассажировъ, а между тѣмъ мальчики сингалезы, прислонившись къ стѣнкамъ зала, приводятъ въ движеніе такъ называемыя длинныя панки, приспособленныя надъ столомъ такъ, чтобы они могли обмахивать пассажировъ, которымъ иначе было бы невыносимо въ душномъ залѣ подъ тропическимъ зноемъ. Было бы, конечно, лучше, если-бы эти панки приводились въ движеніе не мальчиками, стоящими позади васъ, а при посредствѣ паровой машины, что и дѣлается въ иныхъ случаяхъ.

Завтракъ весьма обильный, особенно для такого ранняго часа; но вѣдь надо знать, что на морѣ вообще развивается сильный, чуть ли не волчій аппетитъ. Тутъ предлагается вамъ и баранина, и котлеты, и бифстексъ, и ветчина, и сосиски, и яйца, сверхъ того рисъ, и всякая овощь, и все это запивается кофе или чаемъ. Кстати, скажемъ здѣсь же, что полдникъ, такъ называемый англійскій лёнчъ (lunch) состоитъ тоже изъ обильнаго количества мясныхъ блюдъ, но холодныхъ, а къ обѣду все подается опять горячее и прибавляются еще разнаго рода пуддинги и печенія, и все это завершается окончательно десертомъ изъ фруктовъ, орѣховъ, изюму, миндалю и т. п.

Какъ видно, выборъ яствъ довольно полный и можетъ удовлетворить всякому желудку. Но и тутъ находятся недовольные. Возлѣ меня съ одной стороны сидѣлъ вегетарьянецъ изъ Вен-

Digitized by Google

гріи, а съ другой французъ изъ Ліона. Венгерецъ жаловался все на чрезвычайное обиліе мясной пищи, которой онъ вовсе не употреблялъ, и на скудность мучныхъ яствъ: онъ къ обѣду и не приходилъ до тѣхъ поръ, пока не подавались пуддинги и печенія, и ими только и питался. Французъ же, съ другой стороны, жаловался на неумѣнье англичанъ приготовлять супы и соусы. «Ужь лучше бы» говорилъ онъ: «англичане остались при своей туземной кухнѣ стараго времени, когда подавался простой, но сочный ростбифъ, а затѣмъ ихъ плумпъ-пуддингъ и честерскій сыръ. А то вздумали подражать французамъ, и вотъ супъ ихъ— какая то бурая, нещадно приправленная каіенскимъ перцемъ жижа, которая только жжетъ во рту, а соусы отзываются какимъ то скипидаромъ». — Это отчасти правда, но, при такомъ обиліи блюдъ, можно обойтись и безъ супа и безъ соуса.—Замѣтимъ еще, что упомянутыя блюда подаются въ салонъ перваго класса. У пассажировъ второго класса столъ проще, не такъ разнообразенъ, но довольно хорошъ и всего вдоволь. Мясо и всѣ припасы въ свѣжемъ состояніи. На этотъ конецъ на пароходѣ всегда берется съ собой около пяти воловъ, дюжины двѣ овецъ, нѣсколько куръ, утокъ, гусей, и все это убивается во время переѣзда по мѣрѣ надобности. Съ нами была даже дойная корова, снабжавшая насъ свѣжимъ молокомъ. Изъ всего этого видно уже, съ какимъ удобствомъ совершаются въ настоящее время кругосвѣтныя путешествія. Это скорѣе прогулка вокругъ свѣта, особенно по здѣшнимъ морямъ. И дѣйствительно, въ Лондонѣ существуетъ компанія Кука, учиняющая подобныя кругосвѣтныя поѣздки съ туристами.

Послѣ утренняго завтрака пассажиры собираются на палубѣ. Барыни съ нѣгой разваливаются по кушеткамъ и лежа ведутъ бесѣду, среди которой иногда незамѣтно задремлятъ. Дѣти рѣзвятся кругомъ. Мущины то курятъ въ особоотведенномъ для того мѣстѣ, куда леди не заходятъ обыкновенно, то разгуливаютъ по палубѣ. Иные играютъ въ шашки или шахматы, другіе въ карты, а не то читаютъ, сидя въ плетеныхъ креслахъ. Для этого запасаются обыкновенно книгами и журналами на переѣздъ, а на пароходѣ есть также своя библіотека, состоящая изъ нѣсколькихъ десятковъ экземпляровъ, собранныхъ по случаю отъ прежде переѣзжавшихъ пассажировъ. Она состоитъ подъ вѣдѣніемъ доктора, который за умѣренную плату выдаетъ желающимъ по одной книгѣ въ день.

Такъ проходитъ на пароходѣ часъ за часомъ, и если кто скучаетъ, то пусть винитъ самаго себя за неумѣнье устроить

Digitized by Google

свои занятія. За то пассажиры не знаютъ ни заботъ, ни тревогъ, ихъ не возмущаютъ никакія возбуждающія желчь извѣстія и пересуды газетъ; до нихъ не доходитъ никакая злоба дня: отрѣшенные отъ всего остального міра, они всѣ свои интересы сосредоточили въ жизни на пароходѣ. Въ полдень на немъ наступаетъ интересный моментъ: въ это время капитанъ и офицеры производятъ наблюденія надъ высотою солнца для опредѣленія мѣстнаго полудня и притомъ также долготы мѣста. Такъ какъ пароходъ шелъ на юговостокъ, то полдень каждыя сутки наступалъ нѣсколько ранѣе чѣмъ наканунѣ. Опредѣливъ полдень, капитанъ переставлялъ часы минутъ на 20 или на 30 впередъ, смотря по пройденному числу градусовъ долготы, и пассажиры не мало радовались такой перестановкѣ, какъ будто имъ удавалось украсть у времени нѣсколько лишнихъ, скучныхъ минутъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вывѣшивается наружу табличка съ указаніемъ долготы и широты мѣста, гдѣ въ самый полдень находится пароходъ, и пройденнаго имъ пространства отъ одного полудня до другого. Нашъ пароходъ дѣлалъ обыкновенно отъ 250 до 300 миль въ сутки.

Ровно въ часъ пополудни опять раздается рѣзкій звонокъ изъ зала, и пассажиры идутъ вкушать полдникъ. Затѣмъ слѣдуетъ уже въ шесть часовъ обѣдъ и чай. Солнце закатывается, на морѣ наступаютъ сумерки и вскорѣ ночь съ усыпаннымъ звѣздами небомъ разстилается надъ словно серебромъ окаймленною морскою далью. Въ воздухѣ разлита такая теплая свѣжесть. Даже барыни покидаютъ свои кушетки, одна изъ нихъ садится за рояль, помѣщенный на палубѣ и акомпанируетъ какой-нибудь пѣвицѣ. Жаль только, что между пассажирами не оказалось ни виртуозовъ хорошихъ, ни пѣвицъ съ сильнымъ голосомъ. Пѣсни ихъ слабо звучали среди безпредѣльнаго океана. На нашемъ пароходѣ устраивались даже танцы подъ звуки роялино. — Насладившись ночной прохладой, пассажиры мало по малу расходятся по своимъ каютамъ и предаются сну съ тѣмъ, чтобы съ слѣдующаго утра опять начать туже беззаботную, ни чѣмъ невозмущаемую жизнь. При такихъ условіяхъ и особенно при спокойномъ плаваньи по здѣшнимъ морямъ путешествіе благотворно вліяетъ на организмъ, а потому и не удивительно, что доктора въ послѣднее время, для излѣченія отъ нѣкоторыхъ болѣзней, совѣтуютъ паціентамъ совершить кругосвѣтное плаванье.

Ограничивая свои общіе интересы предѣлами парохода, постоянно находясь въ близкомъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, пассажиры, конечно, скоро знакомятся между собою: развѣ какой-

Digitized by Google

нибудь отъявленный бирюкъ не сведетъ знакомства и не перемолвитъ хоть по нѣскольку словъ почти со всѣми на палубѣ. На нашемъ пароходѣ обращалъ на себя особенное вниманіе публики упомянутый вегетарьянецъ изъ Венеціи. Его иначе и не звали какъ вегетарьянцемъ. Но онъ заинтересовалъ публику не тѣмъ только, что не употреблялъ никакой мясной пищи и чѣмъ возбуждалъ опасеніе англичанъ касательно благополучнаго состоянія его организма; но также и другими странными затѣями. Такъ напр. онъ курилъ маленькія папиросы, насаживая ихъ на громадный, длиною въ одинъ футъ, мундштукъ, на которомъ изъ пѣнки изваяна была цѣлая охота: олень и кабанъ, за ними свора собакъ и наконецъ самъ охотникъ верхомъ на конѣ. Курилъ онъ изъ этого мундштука, какъ потомъ оказалось, болѣе для показа. Привлекаемые прекрасно сдѣланными фигурами охоты пассажиры окружали его и любовались чудесной отдѣлкой. Пользуясь этимъ случаемъ, онъ разсказывалъ, что у него много такихъ прекрасныхъ вещей, которыя онъ везетъ съ собою въ продажу, и приглашалъ любопытныхъ посмотрѣть его коллекцію. И дѣйствительно, онъ везъ съ собой два большихъ сундука, наполненныхъ разными галантерейными товарами, какъ то: мундштуками, вѣерами изъ страусовыхъ и другихъ перьевъ, нессесерами, золотыми брошками и кольцами съ алмазами, опалами и цвѣтными драгоцѣнными каменьями, и вообще все предметами чрезвычайно дорогими и мало полезными. Онъ имѣлъ въ виду распродать всѣ эти бездѣлки въ Мельбурнѣ и такимъ образомъ въ короткое время зашибить капиталъ, достаточный для открытія болѣе обширнаго предпріятія. Между пассажирами были многіе, возвращавшіеся въ Мельбурнъ и Сидней, которымъ хорошо извѣстны тамошнія торговыя условія. Эти господа посмѣивались надъ замысломъ венгерца, какъ надъ вещью несбыточною, но онъ нисколько не смущался, будучи увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ заинтересовалъ меня какъ типъ аферистовъ, которые, по нѣкоторымъ печатнымъ, плохо понятымъ ими извѣстіямъ, составляютъ себѣ свое особое мнѣніе о новомъ краѣ и пускаются туда за наживой. А потому я рѣшился и впредь не упускать его изъ виду. Между пассажирами однако нашлись иные, которые для развлеченія полюбопытствовали осмотрѣть его коллекцію, и при этомъ случаѣ ему-таки удалось сбыть нѣсколько бездѣлушекъ. Ѣхавшій въ Калькутту инженеръ, итальянецъ родомъ, купилъ у него небольшую жокейскую шапку изъ розоваго шелку, которой прикрывалась простая чернильница; потомъ еще преспанье

Digitized by Google

изъ слоновой кости и черепаховую сигарочницу, и все это за весьма дорогую цѣну. Другой пассажиръ пріобрѣлъ себѣ коллекцію фотографическихъ видовъ разныхъ мѣстностей въ Италіи. Этотъ починъ много способствовалъ ободренію венгерца.

Другой пассажиръ, молодой берлинецъ, былъ болѣе положительнаго свойства: онъ служилъ комми-вояжеромъ при большомъ торговомъ домѣ въ Берлинѣ и ѣхалъ въ Мадрасъ для закупки индиго. Венгерецъ то и дѣло препирался съ нимъ, доказывая ему превосходство города Вѣны надъ Берлиномъ, на что берлинецъ, возражая, напоминалъ ему Кёниггрецъ. Эти стычки тоже служили предметомъ развлеченія для пассажировъ. Между нами находились еще два инженера, англичане, ѣздившіе на побывку въ Европу и возвращавшіеся въ Калькутту; потомъ коммиссіонеры, агенты разныхъ компаній и торговцы изъ Мельбурна и Сиднея. Одинъ изъ негоціантовъ везъ изъ Англіи свою семью, т. е. жену и двухъ дѣтей, мальчиковъ отъ трехъ до пяти лѣтъ. При нихъ находилась нянюшка, которая съ утра до вечера бдительно слѣдила за дѣтьми, нисколько не мѣшая имъ бѣгать и возиться по палубѣ, сколько душѣ угодно. На пароходѣ былъ съ нами юный австраліецъ, изучавшій въ Европѣ машинное производство и возвращавшійся теперь послѣ шестилѣтняго отсутствія къ своимъ роднымъ въ городъ Фриментль, что въ Западной Австраліи, гдѣ старикъ, дядя его, содержитъ довольно значительный заводъ сельско-хозяйственныхъ машинъ. Потомъ съ нами ѣхалъ также епископъ Тасманіи съ женой, дочерью и сыномъ, который служилъ священникомъ въ Гобартѣ, главномъ городѣ Тасманіи. Нѣсколько офицеровъ индѣйской арміи возвращались въ Калькутту къ своимъ полкамъ.

Все это пассажиры перваго класса. Во второмъ же, который, какъ значится въ програмѣ пароходной компаніи, назначается также для прислуги, ѣхало человѣкъ десять ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, возвращавшихся изъ побывки въ Европу. Но напрасно стали бы искать на пароходѣ того настоящаго ядра переселенцевъ, которое на судахъ, отправляющихся изъ Европы въ Америку, составляютъ самую людную массу пассажировъ, а именно хлѣбопашцевъ и вообще рабочихъ. Да оно и не удивительно, потому уже, что переѣздъ въ Австралію обходится слишкомъ дорого для недостаточнаго люда. И въ самомъ дѣлѣ: въ первомъ классѣ переѣздъ изъ Соутемптона вмѣстѣ съ содержаніемъ стоитъ 70, а во второмъ 45 фунтовъ стерлинговъ; тогда какъ переѣздъ въ Америку обходится чуть ли не вчетверо

Digitized by Google

дешевле. Вслѣдствіе такой дороговизны, нѣкоторые, но весьма немногіе изъ переселяющихся въ Австралію, отправляются туда на парусныхъ судахъ, совершая этотъ переѣздъ иногда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Но и это обходится не очень дешево, а потому многіе нанимаются въ Англіи на судно, отправляющееся въ Австралію, въ качествѣ матросовъ или кочегаровъ, и, по прибытіи туда, остаются въ странѣ. Такимъ образомъ, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія въ Австралію, перебралось около 250,000, тогда какъ въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки въ одинъ истекшій годъ переселилось изъ Европы слишкомъ 400,000 человѣкъ. Переселеніе изъ Европы въ Австралію, за дальностью разстоянія, едва ли когда-нибудь достигнетъ такихъ размѣровъ. Скорѣе всего можно ожидать, что въ дальнемъ будущемъ такое переселеніе будетъ совершаться развѣ изъ Америки и Азіи, когда со временемъ въ этихъ странахъ, такъ же какъ теперь въ Европѣ, тѣсно покажется ихъ обитателямъ.

Наше житье-бытье на пароходѣ разнообразилось нѣсколько по воскресеньямъ. Въ этотъ день совершалось обыкновенно богослуженіе. Прежде всего, часу въ двѣнадцатомъ, всѣ матросы-сингалезы, одѣтые попраздничному въ бѣлыя рубахи, перепоясанныя пестрыми платками, выстраивались на палубѣ вмѣстѣ съ остальною прислугою въ два ряда. Капитанъ съ офицерами обходили ихъ, дѣлая генеральный смотръ. Потомъ на палубѣ размѣщались скамьи, въ-родѣ того, какъ это бываетъ въ англійскихъ церквахъ, а столъ передъ роялью покрывался флагами, представляя такимъ образомъ родъ налоя. Сопровождавшій насъ епископъ и капланъ, сынъ его, являлись—первый въ фіолетовомъ, а послѣдній въ бѣломъ облаченіи по уставу англійской епископальной церкви. Одна изъ дамъ садилась за рояль; присутствовавшимъ вручались псалмы и молитвенники, и богослуженіе сопровождалось пѣніемъ; послѣ чего капланъ говорилъ небольшую проповѣдь.—Въ этотъ день пассажиры скучали болѣе всего, потому что по англійскому обычаю считается непозволительнымъ играть въ карты или шахматы по воскресеньямъ...

А паровая машина безустанно день и ночь работаетъ во все это время, и пароходъ все подвигается къ своей цѣли. По пути встрѣчалось мало судовъ. Вообще, эти моря далеко еще не такъ оживлены, какъ Атлантическій океанъ, гдѣ дня не проходитъ безъ встрѣчи съ пароходомъ или парусными судами. Изрѣдка подлетали къ намъ чайки. Разъ въ морѣ показалась стая дельфиновъ: играя и кувыркаясь, они волновали и пѣнили морскую

Digitized by Google

воду на большое пространство. Наконецъ, семь дней спустя послѣ нашей стоянки передъ Адэномъ, показались въ туманѣ очерки горъ Цейлона, изъ которыхъ выступала остроконечная вершина Адамова пика. Издали уже виднѣлась бѣлая пѣна отъ прибоя волнъ, разбивавшихся о шхеры и подводные камни, которыми окружена укрѣпленная гавань Галля, куда вошелъ нашъ пароходъ. За укрѣпленіями раскинулся городокъ съ его каменными, черепицей крытыми, домами отчасти восточной архитектуры.

Пароходъ Нипаль, пришедшій изъ Соутемптона, направляется отсюда въ Мадрасъ и Калькутту, а почта, кладь и пассажиры, держащіе путь на Австралію, переходятъ здѣсь на другой корабль, находящійся въ вѣдѣніи австралійской компаніи. Такимъ образомъ, перейдя съ Нипаля на австралійскій пароходъ Индусъ, мы окончательно могли считать, что ступили какъ бы на почву Австраліи: мы находились уже подъ ея флагомъ и подчинялись ея законамъ.

Препроводивъ свой багажъ на Индусъ, мы воспользовались временемъ, пока онъ нагружался и отправились въ лодкѣ на берегъ. Лодки туземцевъ устроены весьма оригинально: онѣ такъ узки, что одинъ человѣкъ едва въ состояніи умѣститься на лавочкѣ, но за то довольно длинны, такъ что въ каждой усаживается гуськомъ человѣка четыре. Будучи такъ узки, лодки не могли бы удержаться въ равновѣсіи на водѣ и, навѣрное, опрокинулись бы при малѣйшемъ толчкѣ. Для избѣжанія этого, туземцы придумали родъ противовѣса: поперекъ лодки прикрѣпляются два дугообразныхъ коромысла, длиною сажени въ три, которыя другими своими концами спускаются къ водѣ. Къ этимъ концамъ, параллельно съ лодкой и такой же длины, какъ она, прикрѣпляется здоровая балка, которая и служитъ противовѣсомъ: плавая на поверхности воды, она не даетъ лодкѣ покачиваться ни въ ту, ни въ другую сторону... Когда я съ двумя товарищами высадились на пристани, то лодочникъ потребовалъ съ каждаго изъ насъ по 2 шиллинга. Одинъ изъ моихъ товарищей, бывавшій уже прежде въ этихъ мѣстахъ, заявилъ, что цѣна ниже, и подошелъ съ лодочникомъ къ висящей на пристани таксѣ: тутъ послѣдній торжественно указалъ пальцемъ на графу цѣнъ и, дѣйствительно, тамъ стояло по 2 шиллинга. Тогда товарищъ нашъ обратился къ подошедшему полицейскому, тоже изъ туземцевъ, и спросилъ его, что слѣдуетъ заплатить? По полушиллингу съ человѣка, коротко отрѣзалъ полицейскій, грозно посмотрѣвъ

Digitized by Google

на лодочника, который, получивъ съ насъ троихъ законные полтора шиллинга, тотчасъ же поспѣшилъ скрыться въ своей лодкѣ. Недоумѣвая, что это значитъ, мы опять обратились къ таксѣ, установленной мѣстнымъ начальствомъ, и тутъ только замѣтили, что на ней значится двѣ графы цѣнъ: одна для поѣздокъ внутри, а другая — внѣ гавани. Чтобы сбить съ толку пріѣзжихъ, лодочники затерли первую графу, такъ что осталась одна только съ высшими цѣнами для дальнѣйшихъ поѣздокъ внѣ гавани.

Въ городѣ, въ который мы вошли затѣмъ, довольно роскошная гостинница въ восточномъ вкусѣ, съ арками и обширной террасой, гдѣ и размѣстились тотчасъ же прибывшіе сюда пассажиры. Всѣ были рады хоть на нѣсколько часовъ ступить на твердую землю. Тутъ же появились туземные торговцы, предлагая разные предметы роскоши: въ родѣ слониковъ изъ слоновой кости для преспапье, черепаховыхъ ящичковъ и портсигаровъ, а также колецъ, серегъ и брошекъ съ драгоцѣнными камнями, которыми славится Цейлонъ. Всѣ эти предметы нарочно изготовляются для пріѣзжающихъ европейцевъ. Торговцы запрашиваютъ, обыкновенно, высокія цѣны, а уступаютъ потомъ втридешево. На улицѣ туземцы то и дѣло пристаютъ съ предложеніемъ размѣнять деньги или купить какую-нибудь бездѣлушку, въ родѣ зонтика туземнаго произведенія, драгоцѣнныхъ камней, причемъ, какъ увѣряли насъ, не рѣдко эти камни замѣняются искуственными, привезенными изъ Европы. Вообще, какъ туземцы, такъ и торгующіе здѣсь европейцы заражены, казалось намъ, однимъ общимъ порокомъ, порождаемымъ гоньбою за наживой. Но при этомъ никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что иностранцамъ, заѣзжающимъ на короткій срокъ въ край, вездѣ суждено соприкасаться прежде всего съ самыми дурными сторонами туземныхъ обитателей.

Около шести часовъ пополудни, мы, австралійскіе пассажиры, отправились опять-таки въ узенькой лодочкѣ на Индусъ. Насъ теперь осталось всего человѣкъ сорокъ. Остальные спутники наши отправились на другихъ пароходахъ, кто въ Мадрасъ и Калькутту, кто въ Сингапуръ и Шангай. Вышедъ изъ гавани, Индусъ направился по Индѣйскому океану прямо къ югозападной оконечности Австраліи, Кингъ-Джоржъ-Зоунду.

Изъ Цейлона къ намъ прибыло два новыхъ пассажира, а именно: директоръ французской компаніи пароходства и съ нимъ агентъ. Они ѣхали въ Сидней, съ тѣмъ, чтобы развѣдать усло-

Digitized by Google

вія, касательно устройства новой линіи пароходства. Компанія изготовляетъ къ будущему году шесть большихъ пароходовъ, которые и будутъ поддерживать сообщеніе съ Австраліей, заходя по пути на принадлежащіе Франціи острова, на востокѣ отъ Африки.

На другой день по выѣздѣ изъ Галля, рано утромъ, мы пересѣкли экваторъ, что, впрочемъ, ничѣмъ въ особенности не ознаменовалось, такъ что мы незамѣтно изъ области осени въ сѣверномъ полушаріи, перешли въ область весны въ южномъ, гдѣ она и начинается именно въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Вѣтеръ все болѣе крѣпчалъ, и по временамъ перепадали теплые дожди, освѣжая нѣсколько воздухъ. Въ морѣ чаще стали показываться летучія рыбки. Двѣ изъ нихъ случайно влетѣли въ открытое окно моей каюты. Эти рыбки немногимъ болѣе нашихъ ершей, съ серебристой чешуей и прозрачными сѣтчатыми крылушками. Перелетывая, онѣ поднимаются надъ водою аршина на два и, проносясь по воздуху около двухсотъ шаговъ, дѣлаютъ рикошетъ, потомъ опять поднимаются, летятъ далѣе и ныряютъ наконецъ въ воду.

Намъ предстояло теперь совершать самый долгій переѣздъ до ближайшей стоянки, а именно, слишкомъ двѣнадцать сутокъ пришлось пробыть въ открытомъ морѣ. По мѣрѣ того, какъ мы удалялись на югъ отъ экватора, въ воздухѣ становилось все свѣжѣе; почти все время дулъ сильный противный вѣтеръ, такъ что въ послѣдніе дни намъ показалось даже холодно на палубѣ, особенно послѣ тропическихъ жаровъ, и необходимо было облечься въ болѣе теплое платье. На тринадцатый день, около полудня, мы съ палубы завидѣли, наконецъ, песчаные берега Западной Австраліи, а вечеромъ Индусъ вошелъ въ прекрасную, окруженную скалами, холмами и песчаными отмелями бухту Кингъ-Джоржъ-Зоунда. Самый городокъ, по имени Ольбени, размѣстился въ ложбинѣ между двумя каменистыми холмами, вершины и скаты которыхъ покрыты эвкалиптами, впервые увидѣнными нами въ этомъ мѣстѣ. Въ городѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ десятковъ домиковъ, изъ гостинницы, двухъ-трехъ магазиновъ, почтамта и зданія пароходной компаніи, наши взоры болѣе всего привлекали къ себѣ величавыя араукаріи, краса австралійскаго хвойнаго лѣса, вышиною съ нашу обыкновенную сосну, съ ихъ рядами, размѣщенными правильно расходящимися во всѣ стороны вѣтвями.

Съ ранняго утра нашъ пароходъ началъ разгружаться. Вре-

Digitized by Google

мени до отхода его оставалось еще много. Директоръ французской компаніи съ молодымъ агентомъ, венгерецъ и я поѣхали въ лодкѣ на берегъ и пошли гулять по городу. Въ садикахъ, передъ домами, пестрѣли цвѣты, но напрасно искали мы между ними представителей туземной флоры: тутъ болѣе всего разводились гераніи, пеларгоніи и розаны, къ которымъ, какъ мы замѣтили, жители питаютъ особенное пристрастіе. Подымаясь по не вполнѣ еще застроенной улицѣ, мы увидѣли среди пустыря новую каменную церковь, въ которой отправлялось богослуженіе. Мы вошли въ нее и сѣли на скамью. Кромѣ священника и двухъ французскихъ сестеръ-милосердія, которыхъ не трудно было признать по бѣлымъ, особаго покроя чепцамъ, въ ней никого болѣе не оказалось. Служба скоро кончилась. Узнавъ своихъ соотечественницъ, французы подошли къ сестрамъ и завели съ ними бесѣду. Выходя изъ церкви, онѣ пригласили насъ въ свое жилище. Одна изъ сестеръ, постарше, уже тридцать лѣтъ живетъ въ Австраліи, куда пріѣхала съ миссіонерами. Другая, помоложе, прибыла сюда недавно. Священникъ, католическій патеръ, былъ родомъ испанецъ. Сестры ввели насъ въ свою гостиную, посреди которой стоялъ столъ; на немъ лежали библія и разные молитвенники въ красивыхъ переплетахъ, въ родѣ кипсековъ. На стѣнѣ висѣли картины священнаго содержанія, между прочимъ, портретъ Пія IX. Надъ каминомъ стояло распятіе изъ слоновой кости, по обѣ стороны котораго красовались въ вазахъ прекрасные гладіолусы. Вообще вся обстановка и изящная меблировка производила на глаза пріятное впечатлѣніе. Между французами завязалась живая бесѣда о Франціи, о тамошнихъ послѣднихъ событіяхъ. А испанецъ-патеръ заговорилъ съ венгерцемъ. Не проговоривъ съ нимъ и пяти минутъ, патеръ сказалъ послѣднему: «Мнѣ почему-то кажется, что вы были въ монастырѣ».—И дѣйствительно, оказалось, что вегетарьянецъ воспитывался въ монастырѣ въ теченіе восьми лѣтъ, какъ это часто дѣлается въ Венгріи, гдѣ родители отдаютъ туда своихъ дѣтей. Но почему патеръ такъ вѣрно угадалъ, это осталось для насъ загадкой.—Затѣмъ, сестры пригласили насъ къ своему завтраку, за которымъ угостили насъ отличнымъ кофе и бараньими котлетами. Рѣдко встрѣчаясь здѣсь съ образованными людьми, онѣ рады были оказать гостепріимство пріѣзжимъ изъ Европы, и тѣмъ болѣе своимъ соотечественникамъ. Распростившись съ ними, мы отправились назадъ къ пристани.

По дорогѣ, навстрѣчу къ намъ, шли два туземца, но, ко-

Digitized by Google

нечно, уже не въ своемъ первобытномъ костюмѣ, а одѣтые нѣсколько по-европейски, въ старое, изодранное платье. Ихъ вообще называютъ здѣсь неграми, съ которыми, впрочемъ, у нихъ одно только общее—почти черный цвѣтъ кожи. Въ остальномъ они мало походятъ на африканскихъ негровъ, съ ихъ курчавыми волосами, похожими болѣе на шерсть. У австралійцевъ, напротивъ того, волосы висятъ прядью, ротъ большой, но губы не такъ сильно вздуты. У обоихъ туземцевъ, какъ мы замѣтили, недоставало по два верхнихъ переднихъ зуба; оказывается, они нарочно въ дѣтствѣ еще вышибаютъ себѣ рѣзцы — съ какою цѣлью, трудно сказать; говорятъ, для красы. Одинъ изъ туземцевъ несъ въ правой рукѣ два длинныхъ копья, а у другого подъ мышкой было орудіе, въ которомъ я, по видѣннымъ мною рисункамъ, призналъ бомерангъ. Мы тотчасъ же уговорили негра метнуть эту штуку. Онъ тутъ же перелѣзъ черезъ ближайшій тынъ, за которымъ разстилалось большое, открытое поле и швырнулъ свое деревянное плоское орудіе, по формѣ напоминающее серпъ, а величиною отъ одного конца до другого, слѣдуя по изгибу, около аршина. Бомерангъ крутясь пролетѣлъ высоко по воздуху шаговъ на триста впередъ и, описавъ параболу, сталъ было спускаться; но, не дошедъ шаговъ на двадцать до земли, вдругъ перевернулся на воздухѣ и полетѣлъ назадъ; описавъ снова параболу, онъ, наконецъ, упалъ къ ногамъ туземца. Въ другой разъ негръ бросилъ свое орудіе такъ, что оно, пролетѣвъ впередъ, перевернулось и направилось по воздуху въ сторону, потомъ, не падая на земь, перевернулось еще разъ и полетѣло опять въ другую сторону.

Мы нигдѣ не могли допытаться объясненія этого явленія, но намъ кажется, его лучше всего можно бы объяснить, если вспомнить подобный опытъ, производимый надъ билліарднымъ шаромъ. Если, пожимая шаръ пальцемъ сверху, сообщимъ ему толчокъ впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вращательное движеніе, но не такое, какое онъ имѣлъ бы, катясь впередъ самъ собою по наклонной плоскости, а въ противоположную сторону, то извѣстно, что шаръ, прокатившись нѣсколько по билліарду, возвратится опять къ своему прежнему мѣсту. Почти тоже происходитъ и съ бомеренгомъ: если стать по правую руку отъ мечущаго туземца, то увидимъ, что бомеренгъ, пролетая по воздуху, въ то же время крутится справа налѣво, т. е. по направленію къ бросившему его негру. А потому бомеренгъ и летитъ впередъ лишь до тѣхъ поръ, пока не истощится вся сила сообщеннаго ему

Digitized by Google

толчка впередъ. Когда же дѣйствіе этой силы израсходовалось, такъ сказать, то бомеренгъ, вслѣдствіе сообщеннаго ему сверхъ того обратнаго вращенія долженъ уже летѣть въ противоположную сторону и возвратиться къ своему прежнему мѣсту.

Это своеобразное и одними только австралійцами употребляемое орудіе, изготовляется изъ сучьевъ особой породы растущей здѣсь акаціи. Туземцы убиваютъ бомеренгомъ птицъ и мелкихъ кенгуру. Они пользуются имъ также въ своихъ бояхъ, и въ такомъ случаѣ орудіе это опасно тѣмъ болѣе, что, увидавъ его въ воздухѣ, непріятель никакъ не можетъ угадать, куда ему вздумается полетѣть. Но попавъ въ цѣль, или ударившись о какой-нибудь предметъ, бомеренгъ тутъ же падаетъ на земь. Показавъ свое искуство въ метаніи, туземецъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ своимъ орудіемъ, но за нѣсколько шиллинговъ мы успѣли уговорить негра уступить его намъ.

Въ Олбени окончательно высадился ѣхавшій съ нами юноша, изучавшій въ Европѣ механическое производство. Дядя его выѣхалъ къ нему на встрѣчу изъ своего города Фриментля, лежащаго на сѣверъ отсюда, на берегу Соунъ-Ривера или, какъ значится на русскихъ картахъ, Лебединой рѣки. Встрѣтившись съ нами, юноша познакомилъ насъ съ своимъ дядей, который прибылъ въ Западную Австралію мальчикомъ, лѣтъ двѣнадцати, вмѣстѣ съ первыми переселенцами изъ Англіи. Онъ разсказалъ намъ нѣсколько интересныхъ эпизодовъ этой курьёзной эмиграціи. «Мы переселились сюда экспромптомъ, говорилъ онъ:— изъ насъ никто порядкомъ не зналъ, куда мы ѣдемъ и что найдемъ здѣсь. Всѣ думали только о томъ, какъ бы скорѣе разбогатѣть, но о средствахъ и способахъ для этого не имѣли никакого понятія».

Для большей ясности передаемъ здѣсь сообщенныя имъ свѣдѣнія, въ связи съ историческими подробностями, почерпнутыми нами изъ печатныхъ извѣстій по этому поводу.

Моряки, посѣтившіе югозападныя окраины Австраліи, возвратившись въ 1827 году на родину, распространили въ Англіи слухъ о весьма благодатныхъ естественныхъ условіяхъ новаго, видѣннаго ими края, при устьѣ большой рѣки, которая вскорѣ прославилась черными, впервые здѣсь попавшимися европейцамъ, лебедями. Въ то время въ восточной Австраліи, куда ссылали преступниковъ, колоніи успѣли уже развернуться настолько, что многіе изъ отправлявшихся туда вольныхъ предпринимателей пріобрѣтали въ короткій срокъ значительныя имущества. Англичане и разсудили, если въ колоніи съ каторж-

Digitized by Google

никами достигаются такія богатства, то въ свободномъ отъ ссылки краѣ надо надѣяться достичь еще болѣе блестящихъ успѣховъ. И вотъ, съ свойственною англичанамъ рѣшительностью, нѣсколько негоціантовъ составили компанію для заселенія югозападной Австраліи. Правительство поощрило такое предпріятіе, впередъ раздавая щедрою рукою огромныя пространства земель отважнымъ выходцамъ въ новый край, который оно почему-то считало своею собственностью. Такая щедрость, конечно, ничего ему не стоила, а между тѣмъ образовался новый классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ сравненіи съ которыми даже англійскіе ландлорды казались мелкими. Переселенцы снарядились въ дальній путь такъ, какъ вообще англичане любятъ снаряжаться, перенося съ собою въ новый край всѣ свои обычаи и житейскія привычки; а на этотъ разъ ландлорды новыхъ австралійскихъ земель довели, какъ кажется, такой англійскій норовъ до крайнихъ предѣловъ. Они, какъ выразился нашъ знакомый австраліецъ, собрались словно на пикникъ. Суда нагружались нетолько всѣми возможными предметами, необходимыми для домашняго комфорта въ англійскомъ смыслѣ, но даже вещами, вовсе непригодными въ новомъ, не заселенномъ краѣ: будущіе ландлорды везли съ собою отличныя рояли, великолѣпныя лондо, кровныхъ лошадей, породистый скотъ, мериносовъ и пр. Короче, они замышляли въ новомъ краѣ зажить такъ, какъ въ Англіи привыкли жить крупные землевладѣльцы. Они забрали съ собою также заранѣе законтрактованныхъ рабочихъ.

Послѣ долгаго плаванія, переселенцы высадились, наконецъ, при устьѣ Суонъ-Ривера и тутъ же, на первомъ шагу на новой землѣ, для нихъ наступило горькое разочарованіе. Во-первыхъ, дикіе встрѣтили ихъ враждебно, вовсе не думая уступать новымъ пришельцамъ правъ на земли, купленныя у англійскаго правительства, котораго дикари знать не знали. Притомъ, сама страна съ перваго раза оказалась далеко не такою плодородною, какъ ее расписывали. Къ тому же наступила еще новая бѣда: законтрактованные въ Англіи рабочіе отказывались исполнить условія и шли на работу только за весьма высокую плату. А новые рабочіе не прибывали, оттого, что никому не было охоты ѣхать изъ Англіи въ такую даль съ тѣмъ, чтобы опять поступить въ батраки къ ландлордамъ; хлѣбопашцы переселялись туда, гдѣ могли пріобрѣсть кусокъ земли въ свою полную собственность и работать на самихъ себя. Такимъ образомъ, оказалось на самомъ дѣлѣ, что изъ всѣхъ родовъ колонизаціи самый

Digitized by Google

безуспѣшный и всего менѣе цѣлесообразный именно тотъ, который избрали на этотъ разъ, и который, какъ извѣстно, нерѣдко практиковался и у насъ въ Россіи, а именно: колонизація посредствомъ раздачи крупныхъ участковъ лицамъ, по ихъ профессіи не имѣющимъ никакого прямого отношенія къ землевладѣнію.

Бѣдственное состояніе колонистовъ доходило до крайней степени: они во всемъ терпѣли нужду; рабочихъ рукъ было крайне мало, такъ что, наконецъ, лѣтъ десять спустя они нашлись вынужденными обратиться въ Англію съ просьбою о помощи, а именно, чтобы правительство выслало къ нимъ для работъ каторжныхъ. Правительству это было тогда какъ разъ на руку, потому что другія колоніи въ восточной Австраліи отказывались уже принимать къ себѣ ссыльныхъ. И вотъ, съ тѣхъ поръ какъ изъ Англіи стали присылать преступниковъ въ Западную Австралію, съ тѣмъ чтобы ихъ за извѣстное содержаніе отдавали на заработки колонистамъ, дѣла въ новомъ краѣ стали поправляться: благодаря каторжникамъ, вскорѣ устроена была гавань Фриментля, а потомъ основанъ, также на берегу Суонъ-Ривера, Портъ, теперешній главный городъ Западной Австраліи. Когда явились рабочія руки, то и край оказался вовсе не такимъ бѣднымъ производительными средствами природы. Впослѣдствіи Западная Австралія перестала даже принимать къ себѣ ссыльныхъ изъ Англіи. Но какъ туго все еще подвигается заселеніе края, можно судить уже по тому, что въ этой, самой обширной по пространству изъ всѣхъ колоній Австраліи, населеніе до сихъ поръ не достигаетъ даже 30,000 душъ.

На нашемъ пароходѣ раздался свистокъ, призывавшій пассажировъ съ суши на палубу. Вскорѣ послѣ полудня пароходъ, обогнувъ мысъ, понесъ насъ на востокъ вдоль южнаго берега Австраліи. Становилось все холоднѣе, подувалъ довольно сильный вѣтеръ, такъ что пассажиры болѣе засиживались въ общемъ залѣ. Тутъ мы нашли новыя газеты, которыя предупредительными редакціями изъ разныхъ городовъ нарочно высылаются въ Кингъ-Джорджъ-Зоундъ для пассажировъ, какъ и значится на оберткѣ. Въ газетахъ сообщалось мало интересныхъ новостей изъ Европы. Несмотря на прямое телеграфное сообщеніе, редакціи ограничиваются весьма скудными извѣстіями изъ европейскихъ государствъ.

Проѣхавъ четверо сутокъ, мы завидѣли по правую нашу сторону пески и лѣса острова Кенгуру и маяки на немъ, а ночью затѣмъ пароходъ вошелъ въ заливъ св. Викентія и остановился

Digitized by Google

въ виду приморскаго мѣстечка Гленеля. На песчаномъ побережьи красовались новенькія каменныя двухъэтажныя гостинницы, у самой пристани стояла обширная купальня, а за городомъ виднѣлись покрытые эвкалиптами каменистые холмы.

Мѣстечко Гленель служитъ лѣтней дачей и мѣстомъ морскаго купанья для жителей Аделаиды, съ которымъ оно сообщается посредствомъ желѣзной дороги. Покинувъ окончательно пароходъ и распростившись съ своими спутниками, ѣхавшими далѣе, въ Мельбурнъ и Сидней, я высадился на берегъ и черезъ часъ былъ уже въ Аделандѣ, главномъ городѣ Южной Австраліи.

Эд. Циммерманъ.

Аделаида. Ноября 2-го, 1881 г.

Digitized by Google

ПОСЛѢДНЯЯ ЖЕРТВА КАТАСТРОФЫ.

(Эскизы съ натуры).

I.

Линія Z—ской желѣзной дороги, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ, какъ по своему значительному протяженію, такъ и по стратегическимъ цѣлямъ, съ которыми она была выстроена.

Постройка ея была предпринята земствомъ одной изъ подмосковныхъ губерній, съ цѣлью предоставить мѣстному голодавшему населенію средства къ существованію. Однако, земство, несмотря на оказанную со стороны правительства значительную денежную помощь, не было въ силахъ вынести всю тяжесть громаднаго предпріятія и только «во многихъ мѣстахъ поковыряло землю». Дорога была докончена жидовской компаніей, получившей на достройку ея концессію отъ правительства.

Прошло болѣе десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ дорога эта открыта для эксплуатаціи, а товарное движеніе по ней все еще «въ зародышѣ».—Доходовъ далеко не хватало на издержки по эксплуатаціи, на ремонтъ пути и зданій, а потому казна ежегодно переплачивала страшныя суммы по гарантіи.

Если вы когда-нибудь проѣзжали по этой дорогѣ, то, вѣроятно, обратили вниманіе на стоящіе около второклассныхъ станцій хорошенькіе, раскрашенные въ тѣнь коричневою краскою, домики съ большою оранжереею съ одной стороны, и съ парниками и всѣми хозяйственными принадлежностями съ другой. Домики эти одноэтажные, но помѣстительные. Лѣтомъ въ особенности

Digitized by Google

они хороши. Всѣ по макушечку въ зелени. А цвѣтники-то, цвѣтники какіе раскинуты передъ главнымъ фасадомъ, всегда обращеннымъ къ полотну дороги! Цѣлая барская усадьба со всѣми удобствами самой прихотливой жизни.

Въ этихъ усадьбахъ живутъ желѣзно-дорожные счастливцы, начальники дистанцій.

Въ одной изъ такихъ усадебъ, близь станціи В., жилъ да поживалъ начальникъ V дистанціи Петръ Михайлычъ Перечеркаевъ. Онъ отлично устроился на своемъ мѣстѣ. Хотя онъ и не инженеръ (отставной инфантеріи подпоручикъ), но, поступивши на службу еще до распоряженія «опредѣлять на должности начальниковъ дистанцій только лицъ, получившихъ спеціальное образованіе», остался на мѣстѣ. Это ему не дешево стоило, но онъ «всегда съумѣетъ свое взять назадъ». Пятьдесятъ верстъ пути и четыре станціонныхъ зданія со всѣми службами были въ его командѣ и на его отвѣтственности.

Пріѣхалъ онъ къ намъ, въ В. за недѣлю до открытія движенія по дорогѣ для публики. Такъ какъ усадебъ для помѣщенія начальниковъ дистанцій по концессіи не полагалось, то Перечеркаевъ, не имѣя квартиры при вокзалѣ, долженъ былъ нанять себѣ квартиру въ В. На первое время онъ нанялъ не большую квартирку въ три комнатки, потому что вѣдь и семья у него была не большая: жена, да дочка, еще ребенокъ, 8 лѣтъ.

— «Бѣднячокъ пріѣхалъ», говорили про него, помню, обыватели:—одежонка плохинькая, и имѣнія-то въ два чемодана покласть нечего!

Черезъ три-четыре мѣсяца онъ занялъ уже другую, большую квартиру, вся обстановка для которой была выписана имъ изъ Москвы. Лошадей, экипажи завелъ.

— Вотъ тѣ и бѣднячокъ! говорили обыватели, на глазахъ которыхъ совершилась эта метаморфоза. — Сказывали, что двѣсти рублей на мѣсяцъ жалованья ему положено, а онъ на-ко-ся, поди-ко-ся! кажній день гости! На двѣсти-то рубликовъ!

Когда отстроилась для него при станціи «усадьба», онъ переѣхалъ туда и пересталъ мозолить обывателямъ глаза своимъ открытымъ образомъ жизни.

Прислуги у него было цѣлый штатъ. Вся даровая, «общественная». Лакеи, старшій и младшій повара, старшій и младшій кучера; старшій и младшій садовники; кухонные мужики числились «постоянными ремонтными рабочими» съ жалованьемъ помѣсячно. Женская прислуга числилась въ барверщицахъ.

Гостей всегда полонъ домъ. Съ двухъ часовъ дня и до четырехъ утра, въ домѣ непротолчоная труба. Всѣ нужные люди

Digitized by Google

города и уѣзда были здѣсь на лицо. Всѣ «на заставахъ власть имѣющія лица» ежедневно собирались сюда на кормёжку. Исправникъ (больше вечеромъ, «къ винту»), слѣдователи, мировые судьи, доктора, судебные пристава, офицеры квартирующаго въ городѣ полка; городское управленіе, земство. Когда предводитель и товарищъ прокурора бывали въ городѣ, то и они. Словомъ, «высшій классъ».

Пьютъ, ѣдятъ и играютъ въ карты. Прекрасный поваръ, отличный столъ, превосходныя вина. Не рѣдко случалось гостямъ ѣсть ужинъ, заказанный въ Москвѣ и привезенный съ курьерскимъ.

Дамскій полъ у рояля. Мадамъ Перечеркаева—музыкантша и у нея удивительный инструментъ. — «Прямо изъ Америки!» — «Три тысячи стоитъ!»

Весело жилось этой семьѣ.

Управленіе всегда считало Перечеркаева однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ службы ремонта пути и зданій. По отчетнымъ вѣдомостямъ, ремонтные рабочіе никогда у него не сидѣли безъ дѣла. Постоянныя требованія, авансовъ и авансовъ, въ особенности зимою, «въ виду угрожающихъ движенію снѣжныхъ заносовъ», показывали начальству, что начальникъ дистанціи на своей должности «не спитъ». Если управленіе запоздаетъ выслать требуемую сумму, хотя бы на сутки, онъ ѣдетъ получать деньги самъ, и вообще ему никогда въ деньгахъ отъ управленія не было отказу.

— Чѣмъ больше требуешь, тѣмъ лучше на тебя начальство смотритъ! Не забывай только уговорные десять копеечекъ съ рубля въ управленіи выплачивать, проговорился разъ онъ своимъ гостямъ подъ пьяную руку.

Построекъ каждое лѣто заводилъ онъ тьму тьмущую. Дорога была выстроена жидами и, разумѣется, кое-какъ. За десять лѣтъ пришлось передѣлать чуть ли не всѣ сооруженія, а нѣкоторыя даже и два раза.

Работы всегда хватало на круглый годъ. Лѣтомъ—ремонтъ, а зимой — расчистка пути отъ снѣга. Крестьяне ближайшихъ къ линіи деревень думали сперва, что нашли себѣ «вѣчный» кусокъ хлѣба и прекрасный заработокъ; но скоро, при первомъ же разсчетѣ горько разочаровались въ своихъ предположеніяхъ. Ихъ наняли по семидесяти-пяти копеекъ за рабочій день, а разочли по сорока. Обиженные сунулись къ мировому. Помаялись, одна-

Digitized by Google

ко, получили «полный разсчетъ». Мировые не были еще знакомы съ Перечеркаевымъ домами и «не зная человѣка, не могли быть убѣждены въ его честности». А тутъ толпы крестьянъ, по сту и больше человѣкъ, приходили искать правосудія.

Послѣ перваго процесса, знакомство Перечеркаева съ мѣстнымъ мировымъ институтомъ установилось прочное. Оно сдѣлалось еще прочнѣе, когда Перечеркаевъ одному изъ мировыхъ судей воздвигъ трудами ремонтныхъ рабочихъ, въ самый короткій срокъ, прекрасный двухъэтажный деревянный домъ, а другому—заново реставрировалъ старый, полуразвалившійся, въ которомъ нельзя было уже жить.

Съ этого времени иски крестьянъ-рабочихъ сдѣлались совершенно бездоказательными, а претензіи ихъ «ни на чемъ не основанными».

Поденные рабочіе имѣли книжки, въ которыхъ подробно описывались условія работъ: семьдесятъ-пять копеекъ въ рабочій день, считая его въ столько-то часовъ, по уговору, лѣтомъ—больше, а зимой—меньше. Дорожный мастеръ, непосредственный начальникъ рабочихъ, вписывалъ въ книжку каждое число часовъ, дѣйствительно, проведенныхъ на работѣ на линіи, не принимая въ разсчетъ время, проведенное при переходѣ съ одного мѣста пути, гдѣ работы уже прикончены, на другое. При подбивкѣ шпалъ это бываетъ часто. Мѣсяцъ прошелъ, рабочій требуетъ разсчетъ. Дорожный мастеръ сложитъ число записанныхъ имъ въ книжкѣ, проведенныхъ рабочимъ на работѣ въ теченіи мѣсяца, часовъ и раздѣлитъ полученную сумму на число уговорныхъ рабочихъ часовъ въ сутки. Въ результатѣ получится число «рабочихъ дней». За это число рабочихъ дней крестьянинъ-поденщикъ получаетъ условленную плату. Мужички разсчитывали ни какъ не меньше восемнадцати или девятнадцати за мѣсяцъ получить, а имъ по десяти, да по одиннадцати вышвырнули.

— Обида! На харчахъ пожалуй эстолько проѣли, а онъ свой разсчетъ выдумалъ! Часы вздумалъ писать! Отъ зари до зари мы на работѣ, а онъ часы записываетъ! Обѣды тоже вычитаетъ! Да развѣ рабочему человѣку ѣсть не полагается? Идемъ къ мировому, братцы!

Сунулись къ мировому—отказъ. Сунулись въ съѣздъ—отказъ. Въ сенатъ не захотѣли и подавать: далеко лѣзть. Перестали жаловаться, да перестали ходить и на работу.

Недовѣріе къ Перечеркаеву и его дорожнымъ мастерамъ дошло до того, что разъ, когда почтовый поѣздъ завязъ на цѣлыя сутки въ снѣгу въ пяти верстахъ отъ станціи В., никто изъ

Digitized by Google

окрестныхъ крестьянъ не пошелъ расчищать путь за обѣщанную плату по три рубля въ сутки.

— За старое сперва разочтись! отвѣчали дорожнымъ мастерамъ крестьяне чуть-ли не каждой деревни, куда тѣ пріѣзжали нанимать рабочихъ откапывать поѣздъ.

— Давай деньги впередъ! требовали они отъ Перечеркаева.— Не то обманешь!

— А ну какъ вы на работу не явитесь? спрашиваетъ онъ.

— А ты разсчитывайся по чести: мы всегда будемъ твои слуги!

Денегъ впередъ онъ имъ не далъ, а мужики не польстились на обѣщанные три рубля. Пришлось нанять «расчищать путь» стоявшихъ у вокзала извощиковъ. И тѣ потребовали было деньги впередъ, но удовольствовались тѣмъ, что довѣрили деньги «второкласному буфетчику за руки». Заносъ былъ не особенно большой, но пассажиры просидѣли на пути больше сутокъ. Причину «задержки» пассажиры, разумѣется, узнали тотчасъ-же, потому что крестьяне тутъ-же около увязшаго въ снѣгу поѣзда торговались съ дорожными мастерами и ругали этихъ послѣднихъ за прежніе разсчеты на чёмъ свѣтъ стоитъ... По прибытіи поѣзда въ В., въ жалобную книгу была записана отъ именъ пассажировъ жалоба, въ которой подробно разсказывались причины суточной остановки поѣзда въ полѣ и подъ которой подписывались всѣ граматные пассажиры поѣзда. Страницъ пять жалобной книги на эту жалобу посадили, а толку не добились никакого, потому что начальникъ станціи не счелъ нужнымъ отослать копію съ этой жалобы въ управленіе, а инспекторъ дороги, осмотрѣвши книгу мѣсяцевъ черезъ восемь послѣ занесенія жалобы, счелъ лишнимъ класть по ней какую либо резолюцію и расписался только, какъ самъ видѣлъ: «жалобу сію читалъ. Сентября 10 дня. Инспекторъ дороги такой-то».

Плохо пришлось бы Перечеркаеву, если-бы въ письмоводители къ нему не поступилъ чиновникъ нашего полицейскаго управленія, Алексѣй Петровичъ Карташевъ. И рабочіе стали являться на работу, и никакихъ жалобъ на неразсчетъ съ ихъ стороны не было.

Алексѣй Петровичъ Карташевъ былъ очень способный молодой человѣкъ. Самъ исправникъ, рекомендуя его Перечеркаеву, ручался за его «развязность».

Своимъ письмоводителемъ Перечеркаевъ съ первыхъ же поръ сталъ очень доволенъ и всячески старался доказать ему свое особенное благоволеніе. Штатнаго жалованья письмоводителю полагалось только сорокъ рублей, но Перечеркаевъ отъ себя при-

Digitized by Google

бавлялъ ему тридцать пять. Семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ для человѣка, окончившаго курсъ наукъ въ уѣздномъ училищѣ, согласитесь, весьма хорошее жалованье. Бухгалтеръ казначейства столько же получаетъ, да еще на всемъ своемъ, а Карташевъ имѣлъ очень хорошенькую квартирку «въ жиломъ домѣ», при станціи и, разумѣется, освѣщеніе и отопленіе этой квартиры шло отъ общества. Карташевъ былъ какъ свой у Перечеркаева и послѣ занятій проводилъ у него все свое свободное время «наравнѣ съ гостями». Онъ и обѣдалъ тамъ, за столомъ очень часто садился рядомъ съ исправникомъ, передъ которымъ, бывало, стаивалъ въ струнку въ полиціи.

Нѣсколько лѣтъ съ ряду дѣла у Перечеркаева шли прекрасно. Ремонтныя работы годъ отъ года увеличивались. Затѣвались новыя постройки, передѣлывались старыя. Участокъ его былъ въ совершенной исправности, потому что, какъ онъ хвастался, онъ всегда во время съумѣетъ предупредить опасность. Проэкты за проэктами улучшенія пути летѣли отъ него въ управленіе, а оттуда выше по инстанціямъ, на утвержденіе. Недавно онъ представилъ смету на передѣлку моста на рѣкѣ В., въ двухъ верстахъ отъ станціи, съ увеличеніемъ пролета на четыре сажени. Передѣлка должна обойтись въ 72,000 рублей, да постройка временнаго деревяннаго моста въ восемь тысячъ. Назначенная правленіемъ коммисія вмѣстѣ съ чиновниками отъ министерства и правительственнымъ инспекторомъ дороги осмотрѣла мостъ и признала, что къ работамъ должно быть приступлено неотложно, «дабы хотя временный мостъ устроить къ наступленію весенняго времени», какъ было сказано въ ея заключеніи по поводу согласнаго осмотра.

Работа закипѣла.

Устройство временнаго деревяннаго моста и затѣмъ разборка стараго были поручены Перечеркаеву хозяйственнымъ способомъ. Работы по возведенію новаго моста сданы подрядчику, а непосредственное наблюденіе за ними препоручено было Перечеркаеву-же.

— Не меньше красненькой!.. Меньше и не помирюсь! оцѣнивалъ при этомъ свои барыши Перечеркаевъ въ интимномъ кружкѣ своихъ наиболѣе близкихъ знакомыхъ.

II.

А уѣздныя власти изъ года въ годъ, изо дня въ день исправно посѣщали гостепріимный домикъ. И не надоѣдало, потому что

Digitized by Google

развлеченій всегда было много. Къ приходу почтоваго, пассажирскаго или курьерскаго поѣзда все общество высыпало на вокзалъ взглянуть на проѣзжающихъ. Шесть поѣздовъ въ сутки, считая въ оба конца, встрѣчались и провожались гостями Перечеркаева, которыхъ развѣ дождь, снѣгъ или сильный морозъ зимою заставлялъ пропустить поѣздъ. Такъ ужь всѣ привыкли. Лѣтомъ на платформѣ въ особенности удобно было взглянуть, кто ѣдетъ, кто пріѣхалъ и кто уѣзжаетъ.

Всѣ эти «гости-власти» занимали, какъ я уже сказалъ извѣстныя должности. Когда они работали, когда «дѣло свое дѣлали», это остается тайною. Я констатирую только фактъ ихъ постояннаго пребыванія у Перечеркаева «въ гостяхъ». А какъ они дѣло свое дѣлали, службу свою исполняли, это ужь ихъ, а не мое дѣло. Я знаю, что зачастую въ городскомъ общественномъ клубѣ гостей бывало меньше, чѣмъ у Перечеркаева. Еще-бы! Въ клубѣ за все нужно платить, а у Перечеркаева угощеніе было и прекрасное, и даровое.

Разъ въ годъ, на святкахъ, Перечеркаевъ и его гости устраивали въ В. спектакль съ благотворительною цѣлію, «въ пользу бѣдныхъ города В.» Спектакли эти всегда устраивались въ присутственной камерѣ мѣстнаго мирового съѣзда, въ домѣ земской управы. Постановку пьесы бралъ на себя всегда Перечеркаевъ, а такъ какъ всякій разъ сцена и кулисы дѣлались, какъ значилось въ «словесныхъ» отчетахъ Перечеркаева своимъ гостямъ, новыя, то разумѣется, не смотря на полные сборы, собранныхъ съ публики денегъ не хватало на покрытіе расходовъ по постановкѣ пьесы, такъ что бѣдные города В. не получали отъ этихъ благотворительныхъ спектаклей ни гроша. «До всего любившіе доходить» обыватели, возмущаясь безконтрольными дѣйствіями Перечеркаева, въ тихомолочку заявляли, что «вѣдь и сцена-то вся таже, старенькая, давнымъ давно принаровленная и только заново клеевой красочкой покрашенная», да вѣдь маленькихъ людей съ крошечнымъ голосомъ никто и не слушалъ.

— Даже съ бѣдныхъ пользишку норовитъ сорвать! говорили про Перечеркаева послѣ каждаго спектакля обыватели.—Привычка!

Съѣздъ мировыхъ судей помѣщался въ домѣ земской управы и занималъ одну и туже квартиру вмѣстѣ съ общественнымъ клубомъ. Въ клубные дни, когда, разумѣется, въ съѣздѣ не было засѣданій, присутственная камера превращалась въ «игральную» комнату. Это нѣсколько профанировало правосудіе, но такъ ужь было заведено съ самаго введенія въ В. мировыхъ учрежденій. Совѣщательная комната превращалась въ дамскую уборную и

Digitized by Google

наоборотъ. Когда наѣзжалъ окружный судъ на сессію, то обыкновенно «буфетная» (съ билліардомъ по серединѣ) предназначалась подъ «камеру для совѣщаній присяжныхъ засѣдателей». И серьезнѣйшія дѣла рѣшались въ этой полутрактирной обстановкѣ.

— Поменьше-бы послѣ каждой репетиціи шампанскаго-то глушили, такъ и бѣднымъ на голые зубы что-нибудь-бы осталось! не безъ основанія ворчали обыватели, узнавая, что, «хотя театръ былъ биткомъ набитъ, а бѣднымъ все-таки шишъ съ масломъ достался».

Вообще, между обывателями Перечеркаевъ не пользовался хорошей репутаціей. Онъ былъ очень слабъ на кулакъ, и чуть что не по немъ, тотчасъ давалъ въ зубы или въ шею. Раза два онъ попадалъ за это къ мировому, но всегда выходилъ изъ суда «оправданнымъ» за признаніемъ «взаимности обидъ».

Однажды купецъ Дьяковъ пришелъ къ нему за разсчетомъ и, представляя счетъ въ пятьсотъ съ чѣмъ-то рублей за забранный для дороги кирпичъ, позволилъ себѣ съ дерзостью замѣтить, что онъ «больше двадцати разъ присылалъ прикащика за деньгами а Петръ Михайлычъ все съ недѣли на недѣлю платежи оттягиваетъ». Перечеркаевъ вышелъ изъ себя и выгналъ Дьякова взашеи вонъ. Но обвиненіе въ насиліи было бездоказательнымъ, потому что сенатъ въ нѣсколькихъ рѣшеніяхъ своихъ призналъ за хозяиномъ квартиры право «удалить» силою всякого, остающагося тамъ вопреки ясно выраженной имъ волѣ. Гражданскій искъ въ пятьсотъ рублей по «не подписанному» счету былъ признанъ тоже бездоказательнымъ. Такая же исторія повторилась и съ купцомъ Безпраздниковымъ, у котораго Перечеркаевъ забралъ домовыхъ приборовъ тысячи на полторы рублей и не заплатилъ ихъ.

Обыватели считали Перечеркаева за жулика, а гости-власти— души въ немъ не чаяли и душой-человѣкомъ величали.

— Хлѣбъ соль и разбойнику глаза выѣстъ! смѣясь, говаривали обыватели про эти задушевныя отношенія властей къ начальнику дистанціи.

Въ запрошломъ году случилось такъ, что сессія окружного суда была назначена съ 16 по 23 декабря. Объ устройствѣ сцены и постановкѣ пьесы «для обычнаго спектакля въ пользу бѣдныхъ города В.» нечего было и думать. Перечеркаевъ, однако, не унывалъ.

— Къ пасхѣ свой театръ выстроимъ! порѣшилъ онъ.

Сказано—сдѣлано. Въ три мѣсяца театръ былъ готовъ. Весь ремонтъ работалъ надъ его устройствомъ.

Digitized by Google

Въ В., видавшемъ когда-то лучшіе виды, стояли множество каменныхъ, пришедшихъ въ ветхость и заброшенныхъ хозяевами домовъ. Перечеркаевъ облюбовалъ одинъ изъ нихъ, снялъ его за бездѣлицу на пятнадцать лѣтъ въ аренду съ правомъ передѣлки на театръ, и приступилъ къ работамъ.

— Къ пасхѣ театръ долженъ быть готовъ и будетъ готовъ! весело говорилъ начальникъ дистанціи своимъ завсегдатаямъ, проводя цѣлые дни «въ театрѣ».

И театръ къ страстной ужь былъ готовъ. Офицеры, «квартирующаго въ городѣ полка» и нѣкоторые изъ штатскихъ завсегдатаевъ, уже разучили и репитировали комедію «Въ осадномъ положеніи», которая должна быть дана при открытіи театра. Спектакль назначенъ на второй день праздника. Спектакль и концертъ. Въ антрактахъ г-жа Перечеркаева исполнитъ на своемъ американскомъ роялѣ нѣсколько пьесъ. Расклеенныя по городу афиши уже возвѣстили обывателямъ о предстоящемъ торжествѣ. «Билеты можно было заблаговременно получать въ кассѣ». Всѣ мѣста были разобраны на расхватъ.

Къ этому великому торжеству «директоръ театра» Перечеркаевъ пригласилъ изъ Москвы нѣсколькихъ знаменитостей музыкальнаго и артистическаго міра. Все шло, какъ по программѣ. Знаменитости пріѣхали въ пятницу на страстной, осмотрѣли театръ и нашли его во всѣхъ отношеніяхъ «прелестнымъ». Время началось уже «неприсутственное» и всѣ ежедневные завсегдатаи были «на лицо».

Попили таки въ этотъ день порядкомъ.

Скоро два часа ночи. Заказной ужинъ «изъ Москвы». Гости за столомъ; время идетъ чрезвычайно оживленно. Дошло дѣло до тостовъ.

Со стаканомъ шампанскаго въ рукѣ грузно поднимается съ своего мѣста драматическая знаменитость и провозглашаетъ:

— Мы собрались сегодня подъ кровъ гостепріимнаго хозяина, соединяющаго въ себѣ столько эстетическихъ наклонностей!..

А телеграфистъ со станціи, какъ бомба, влетаетъ въ столовую:

— Почтовый поѣздъ... На шестой верстѣ... Телеграмма изъ будки... На полномъ ходу... подъ откосъ! Убитыхъ много! Требуютъ вспомогательный поѣздъ! заоралъ онъ во все горло, самъ дрожа отъ ужаса.

На пиру Валтазара «Мани, Факелъ, Фаресъ» произвели меньше эффекта. Тостъ остался недоговореннымъ. Высоко поднятый стаканъ съ шампанскимъ такъ и замеръ въ рукѣ драматической знаменитости. Спектакль отмѣнялся самъ собою.

Digitized by Google

Суматоха между гостями поднялась страшная. Дамы попадали въ обморокъ. Московскія знаменитости стушевались. Объ нихъ и забыли. Никто не зналъ, какъ и когда они «удрали» назадъ въ Москву. Не до нихъ ужь было.

— Дежурный паровозъ скорѣй!.. Ремонтныхъ рабочихъ на тендеръ! черезъ минуту кричалъ, бѣгая по платформѣ, Перечеркаевъ.

Рабочихъ насилу растолкали. Они получили отъ Перечеркаева, при осмотрѣ театра, красненькую «на водку», пропьянствовали цѣлый вечеръ и спали мертвымъ сномъ въ паровозномъ зданіи.

Черезъ четверть часа, однако, Перечеркаевъ съ Карташевымъ, два жандарма и человѣкъ двадцать ремонтныхъ рабочихъ мчались на паровозѣ къ мѣсту катастрофы.

III.

Я видѣлъ этотъ разбитый поѣздъ. Въ тотъ же день рано утромъ я видѣлъ его, и никогда въ жизни этой ужасной картины не забуду. Снять бы фотографію, да повѣсить въ кабинетѣ каждаго желѣзнодорожнаго дѣятеля въ назиданіе.

Поѣздъ лежалъ подъ откосомъ. Издалека казалось, что словно гигантская, мѣстами разорванная цѣпь валялась у подошвы покрытой снѣгомъ насыпи. Паровозъ, тендеръ и багажный вагонъ лежали на боку на насыпи. Послѣдній, самый задній въ поѣздѣ вагонъ, почтовый, далеко оставшись назади, тоже лежалъ на насыпи. А середина поѣзда, десять вагоновъ, на протяженіи, по крайней мѣрѣ, ста сажень валялись подъ откосомъ. Поѣздъ былъ въ усиленномъ составѣ. Въ теченіи всей страстной недѣли масса рабочаго люда, получившая разсчетъ на фабрикахъ, отправляется изъ Москвы домой на Пасху. Въ это время дороги прекращаютъ товарное движеніе, такъ какъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго наплыва пассажировъ, и товарные поѣзда, превращаясь на время въ пассажирскіе, не успѣваютъ перевозить желающихъ. Почтовый и пассажирскій поѣзда отправляются въ это время въ усиленномъ составѣ и всегда биткомъ набиты пассажирами.

Разбитые вагоны лежали и группами, и въ одиночку, въ разныхъ положеніяхъ. Три вагона третьяго класса влѣзли одинъ на другой, сцѣпились другъ съ дружкой, такъ что представляли какую-то безобразную кучу обломковъ дерева и желѣза. Отъ двухъ вагоновъ 3-го же класса уцѣлѣли только нижнія площадки (полъ), на которыхъ устанавливается самый кузовъ вагона, а отъ

Digitized by Google

кузововъ ихъ тамъ и сямъ были разбросаны по полотну дороги щепочки, кусочки... На разрушенномъ пути всюду валялись вагонныя принадлежности: поломанныя рессоры, колеса на осяхъ, исковерканныя сидѣнья, подножки. Воображаю, какой хаосъ былъ въ моментъ катастрофы!

Вагоны перваго и второго классовъ изломанные, исковерканные, лежали подъ откосомъ кверху дномъ, бо́льшею частью безъ колесъ. Изъ оконъ торчали сбитыя сидѣнья, чугунныя рамы для багажа.

О крушеніи поѣзда я узналъ утромъ на почтѣ. Спрашиваю свои газеты, мнѣ отвѣчаютъ, что почтовый поѣздъ въ 6 верстахъ отъ города свалился съ рельсовъ, и самъ почтмейстеръ поѣхалъ на мѣсто крушенія, чтобы разузнать, въ чемъ дѣло, и принять, если можно, корреспонденцію.

На мѣсто катастрофы насъ пошла цѣлая гурьба. Весь городъ перебывалъ тамъ въ этотъ день. Извощиковъ достать было невозможно, потому что большая часть ихъ прямо отъ вокзала уѣхала на мѣсто крушенія; другіе же дожидались около вокзала прихода вспомогательнаго поѣзда, возившаго съ мѣста крушенія на вокзалъ пассажировъ разбитаго поѣзда.

Едва ли можно было найти хотя одного пассажира, которому эта катастрофа прошла даромъ. Я видѣлъ убитыхъ, сложенныхъ въ кучу и прикрытыхъ брезентомъ. Видѣлъ оберъ-кондуктора, сдавленнаго между двумя приплюснутыми другъ къ другу вагонами 3-го класса. Я видѣлъ трехмѣсячнаго ребенка, придавленнаго колесомъ...

Всѣ пассажиры были въ крови. Снѣгъ былъ пропитанъ кровью.

— Трясло насъ, какъ орѣхи въ мѣшкѣ! разсказывалъ кто-то изъ уцѣлѣвшихъ.

Путь былъ испорченъ на протяженіи полутораста, если не болѣе, сажень и тутъ-то, подъ начальствомъ Перечеркаева, кипѣла самая кипучая, дѣятельная работа. Вынимались гнилыя, мягкія, какъ губка, какъ кисель, шпалы и замѣнялись новыми. Накладывались новые рельсы. Работало около двухъ сотъ человѣкъ. Съ пути и съ полотна дороги убирались, сваливались въ кучи разбитыя части вагоновъ. Часть рабочихъ пыталась домкратами приподнять паровозъ и тендеръ, чтобы поставить ихъ на рельсы. Путь расчищался и быстро приводился въ порядокъ.

Слѣдователя еще не было.

Онъ пріѣхалъ при мнѣ на паровозѣ. Онъ не могъ прямо, при первой же вѣсти о катастрофѣ, ѣхать на мѣсто крушенія и позаботиться о сохраненіи вещественныхъ доказательствъ круше-

Digitized by Google

нія, для опредѣленія причины крушенія и того, кто въ этомъ виноватъ.

Чтобы начать слѣдствіе ему необходимо нужно было съѣздить домой, надѣть форменный фракъ и захватить съ собою портфель съ бланками и письменными принадлежностями. Потомъ, вернувшись опять на вокзалъ, онъ долго, битыхъ четыре часа дожидался, пока ему подадутъ паровозъ. Подъѣхать къ мѣсту крушенія на извощикѣ онъ не могъ: не такъ импозантно.

А Перечеркаевъ, въ теченіи шести битыхъ часовъ, работалъ надъ исправленіемъ пути. Въ инструкціи для начальниковъ дистанцій сказано, что въ случаѣ крушенія поѣзда, или поврежденія пути, начальникъ дистанціи, доведя «о происшедшемъ» до свѣдѣнія судебныхъ властей «немедленно приводятъ путь въ исправность для возстановленія движенія». Это мудрое правило предоставляло самимъ лисицамъ заметать свой слѣдъ.

Слѣдствіе началось по холоднымъ слѣдамъ.

На вспомогательномъ поѣздѣ, вмѣстѣ съ послѣдними пассажирами потерпѣвшаго крушеніе поѣзда, пріѣхалъ и я на вокзалъ.

А на вокзалѣ, биткомъ набитомъ пассажирами, стоялъ стонъ стономъ. Въ одномъ углу служили панихиду по «убіеннымъ», въ другомъ благодарственный молебенъ за спасеніе жизни. Въ телеграфную протиснуться было нельзя. Около ста депешъ было подано пассажирами, извѣщавшими родныхъ о перенесенномъ несчастіи.

У буфета толпа спасенныхъ прямо такъ таки и называла Перечеркаева виновникомъ крушенія. Въ рукахъ у многихъ изъ пассажировъ были обломки безусловно гнилыхъ шпалъ, взятыхъ съ мѣста крушенія.

На столикѣ у жалобной книги, какой-то инженеръ-путеецъ писалъ отъ имени пассажировъ жалобу и высказывалъ, что причиною крушенія поѣзда были гнилыя шпалы, что начальникъ дистанціи эти шпалы замѣнялъ новыми, а вытащенныя съ пути гнилыя, какъ губка, обливалъ керосиномъ и жегъ. Объ этомъ твердили всѣ пассажиры и, подписываясь подъ жалобою, оставляли свои адреса.

Я самъ видѣлъ горящіе костры шпалъ.

Къ вечеру правильное движеніе поѣздовъ по мѣсту катастрофы было возстановлено. Послѣ вскрытія и медицинскаго осмотра, трупы жертвъ крушенія, были сданы родственникамъ, для преданія землѣ. Личности «убіенныхъ» были съ точностью опредѣлены. Мужички обыкновенно ѣдутъ домой артелью, «изъ одного

Digitized by Google

мѣста да въ одно мѣсто» и знаютъ другъ друга въ лицо. Нѣсколько крестьянскихъ труповъ похоронены, по распоряженію слѣдователя, полиціею на счетъ казны: «денегъ при покойныхъ не оказалось», а родственники, по донесенію мѣстныхъ волостныхъ правленій, «въ кусочки ушли», Христовымъ именемъ побирались и еще не вернулись къ празднику домой.

IV.

Слышимъ—по городу слухи ужасно быстро разносятся—Карташевъ, Перечеркаевскій письмоводитель съ самого крушенія запилъ и запилъ! да какъ запилъ-то! страсть! чайными стаканами сталъ водку глушить!

Ему-ль было не житье! Всегда чистенько, опрятненько одѣтъ. Всегда полный бумажникъ денегъ, а тратить некуда. Развѣ на вокзалѣ у буфета что-нибудь израсходуетъ, да тамъ все такая дрянь, а онъ человѣкъ избалованный: каждый день у начальника дистанціи обѣдаетъ, привыкъ къ хорошему столу.

«До несчастнаго случая» онъ выпивалъ иногда, но выпивалъ умѣренно. Никогда чтобы «въ дрызгъ», или «до положенія ризъ». «Аккуратность въ себѣ наблюдалъ, потому всегда на дѣло могъ потребоваться». Правая рука Перечеркаева, да будетъ пьяная! Ни-ни!.. Будетъ того, что «самъ» съ гостями пьянствуетъ.

Пить сталъ онъ послѣ крушенія ужасно. Сразу навалился на водку. И пошелъ и пошелъ чередить! Сразу запилъ. Безобразенъ былъ во хмѣлю, ужасенъ даже.

— Со-овѣсть свою пропиваю! Со-овѣсть! кричалъ онъ на вокзалѣ, и всюду, гдѣ только торговали водкой. По кабакамъ сталъ шляться. Кричитъ и плачетъ.

Надъ нимъ смѣялись: Кто-жъ на пьяныя слёзы обращаетъ вниманіе?

— Кро-ови-то! Кро-ови-то! Крови-ищи-то! оралъ онъ, обливаясь горючими слезами.

— Одному кишки выдавили! кричалъ онъ ровно ему самому ихъ выдавили:—Брр!.. Другому голову въ лепёшку... Цѣлаго «обера» въ лепёшку... Ребеночка малюточку въ лепёшку!.. Въ блинокъ разпластали! Боже, Боже, прости ты меня грѣшнаго!..

Стаканъ водки.

— А мы театры заводить! Шпалы-то два сро-ока отслужили!.. Театрррь! Вотъ тѣ и представленіе! Рабочихъ-то на линію нужно! Надо костылями шпалы, да подкладки крѣпить!.. Нельзя! Весь

Digitized by Google

ремонтъ на театръ согналъ! А дороженка подождетъ... Вотъ и дождались!

Жалко было на человѣка смотрѣть.—Погибалъ парень. Двадцатипяти лѣтъ и такъ глушитъ водку. Какая-жъ натура вынесетъ? Пробовалъ-было я его уговаривать.

— Не могу!.. Совѣсть свою пропиваю!.. Со-овѣсть!

И какимъ богомольнымъ онъ сдѣлался. Каждое утро въ церковь. Заутреню, обѣдню отстоитъ. Придетъ домой—опять пить, пить. Къ вечеру готовъ. На утро опять въ церковь. Послѣ обѣдни все панихиды заказывалъ. Убіенныхъ при крушеніи поминалъ. Убитыхъ всѣхъ разузнали, кто и откуда; справки тоже наводили, портреты съ нихъ снимали.

— Грѣ-ѣхи свои замаливаю!

Слѣдствіе шло своимъ чередомъ. Слабонервное было какое-то это слѣдствіе. Очень много слёзъ и очень мало уликъ. Подробнѣйшія описанія того шума и хаоса, который царилъ на вокзалѣ по прибытіи туда потерпѣвшихъ крушеніе пассажировъ, и коротенькій протоколъ осмотра мѣста катастрофы. «Все было прибрано». Еще-бы! Шесть часовъ времени дано, да не убрать!

Приглашались эксперты. Семь человѣкъ и семь мнѣній. Каждый объяснялъ причину схода по своему, но четверо пришли къ тому «несомнѣнному» выводу, что причиною схода поѣзда была неисправность пути, которую, быть можетъ, въ виду весенняго времени, моментально исправить было нельзя. Трое другихъ пришли путемъ заключеній къ тому «несомнѣнному» выводу, что причиной крушенія поѣзда была неисправность въ подвижномъ составѣ: «Надо полагать, что вагонная ось (толщиною въ доброе бревно) во время хода поѣзда лопнула» и была причиною крушенія поѣзда.

О гнилыхъ шпалахъ, о заявленіи потерпѣвшихъ крушеніе пассажировъ слѣдствіе упоминало вскользь и даже какъ-бы упрекало пассажировъ въ напрасной суетливости. А представленные пассажирами слѣдователю куски гнилыхъ шпалъ, взятыхъ ими съ мѣста крушенія, были просто напрсто выброшены вонъ, такъ какъ онѣ собраны были внѣ указаннаго закономъ порядка и слѣдовательно вещественными доказательствами служить не могли.

Казалось-бы, и виновныхъ нѣтъ? Напротивъ! Виноватаго нашли! Виноватъ, во всемъ виноватъ... Злой рокъ! Судьба-мачиха виновата! Зачѣмъ ты, злая, посадила на этотъ поѣздъ убитыхъ-то, да искалѣченныхъ крушеніемъ пассажировъ?

Пусть-бы одни уцѣлѣвшіе сѣли, да поѣхали! Цѣлехонько-бы доѣхали!

Digitized by Google

Однако, правда жила еще въ сердцахъ людскихъ. Пассажиры пассажирскаго поѣзда, пришедшаго шестью часами раньше почтоваго, потерпѣвшаго крушеніе, явились къ слѣдователю и заявили, что они припоминаютъ, что минутъ за десять до прибытія ихъ на станцію В., на той самой насыпи, гдѣ случилась катастрофа съ почтовымъ поѣздомъ, они почувствовали такой сильный подъ своимъ поѣздомъ толчекъ, что едва усидѣли на своихъ мѣстахъ. Оберъ-кондукторъ ихъ поѣзда, лютеранинъ по вѣроисповѣданію, и тотъ перекрестился и выбѣжалъ на площадку вагона посмотрѣть «цѣлъ-ли поѣздъ, не оторвало-ли половину его». Такъ силенъ былъ толчокъ.

Оберъ-кондукторъ на слѣдствіи и потомъ на судѣ подтвердилъ это обстоятельство, заявивши, что онъ говорилъ объ этомъ толчкѣ по прибытіи поѣзда въ В. двумъ дорожнымъ мастерамъ, да тѣ не обратили никакого на его слова вниманія, потому что пили за буфетомъ водку и были ужь очень грузны.

И вотъ обвиненіе готово. Прямыя улики противъ начальника дистанціи и участковаго дорожнаго мастера. Со стороны начальника дистанціи обнаруженъ «слабый надзоръ за подчиненными», послѣдствіемъ чего было крушеніе поѣзда, причинившее смерть столькимъ пассажирамъ. Дорожному мастеру поставлено въ вину «невнимательное исполненіе обязанностей службы, послѣдствіемъ чего было крушеніе на такой-то верстѣ почтоваго поѣзда, причемъ погибло столько-то пассажирскихъ жизней». Все остальное было въ порядкѣ. Умысла не было. Начальникъ дистанціи, обкрадывая свой участокъ, свою дистанцію, развѣ злоумышляетъ противъ жизни пассажировъ? Онъ только свою пользишку беретъ—и больше ничего! Есть такая сила стихійная, непреодолимая сила... На нее все можно свалить. Если начальникъ дистанціи докажетъ, что крушеніе поѣзда произошло отъ непреодолимой силы, тогда онъ не виноватъ. Судъ долженъ его оправдать.

Есть и другая сила, еще непреодолимѣе. Тоже «живая сила», страстью къ наживѣ она называется. Но она не была вовсе въ этомъ процессѣ обслѣдована.

Дошло дѣло до суда. У подсудимыхъ знаменитый защитникъ. Три тысячи рубликовъ за оправданіе затребовалъ, а половину впередъ безъ отдачи «за защиту» взялъ.

Судили-рядили. Осудили. Одного «за слабый надзоръ» за подчиненными на два мѣсяца подъ арестъ, другого «за неисполненіе обязанностей» на три мѣсяца съ половиной.

— Дешево отдѣлались наши душегубы-то! заговорили обыватели, изумленные легкостью назначеннаго судомъ Перечеркаеву

Digitized by Google

наказанія.—Сколько человѣкъ народу погажено и на что свели! На два мѣсяца!

Карташевъ въ это время совсѣмъ уже спился. Церковь все-таки не забывалъ. Каждое утро къ заутрени и къ ранней обѣдни бѣгалъ. Выспится и въ церковь бѣжитъ. А чего не доспитъ, въ церкви соснетъ, въ углушкѣ. Староста «не препятствовалъ», потому что Карташевъ для церкви человѣкъ былъ пользительный и причту всегда отъ него доходъ. По окончаніи службы, панихиды онъ заказывалъ по прежнему. Остальную часть дня по-прежнему пьянствовалъ.

— Меня-бъ на скамеечку-то на ту посадить, меня-бъ! Я-бъ имъ разсказалъ! Развѣ сунуться съ повинною? Нѣтъ! Б-боюсь!.. За Сибирь, пожалуй, загонятъ! кричалъ онъ, выпивая «стаканъ за стаканомъ» и обливаясь горячими слезами.

Стакана три водки выпьетъ, сейчасъ и въ слёзы. Отъ него всѣ бѣгали: «пьяныя слова такія сталъ выражать! судиться захотѣлъ! съ нимъ еще попадешь въ бѣду!»

Обвиненные подали апелляціонный отзывъ въ палату. Что-то она скажетъ, чѣмъ рѣшитъ!

Карташевъ свою службу давнымъ-давно бросилъ. Съ самаго крушенія бросилъ. На его мѣсто взяли другого. Службу-то онъ бросилъ, а жалованье по прежнему получалъ исправно. Сколько прежде получалъ, столько и теперь, не служа, сталъ получать.

Разобралось дѣло и въ палатѣ. Подсудимые «оправились». Всѣ обыватели такъ и ахнули, когда узнали о такомъ исходѣ дѣла.

— Человѣку въ теченіи всей зимы съ его оравой ремонтныхъ рабочихъ только и работы было, что за счетъ казны театръ у насъ строить! зашумѣли горожане В.—Вотъ что значитъ до отвалу «гостей-властей-то» закармливать!..

Непреодолимая сила была признана виною, а добрые люди невиноваты. Виновата-ли въ этомъ дѣлѣ непреодолимая страсть къ «наживѣ», объ этомъ вопроса не поднималось. Впрочемъ, будь онъ затронутъ, пришлось бы «пустить» дѣло «съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей», а это пахло каторгой. Продежурившаго цѣлыя сутки, не смыкая глазъ, стрѣлочника, за малѣйшую провинность въ исполненіи служебныхъ обязанностей, «послѣдствіемъ чего *могло* произойти крушеніе поѣзда», всегда предавали суду присяжныхъ. «Дѣло о катастрофѣ» было направлено къ разсмотрѣнію судомъ коронным.

Какъ узналъ Карташевъ объ оправданіи своего начальника, запилъ пуще прежняго. Бросилъ и въ церковь ходить. День и ночь сталъ пить.

Digitized by Google

— Со-овѣсть свою каторжную пропиваю, а Перечеркаевской совѣстью закусываю!

Отъ водки опухъ совсѣмъ.

Недѣлю, другую пьетъ. Мѣсяцъ пьетъ. Пьетъ, а жалованье свое получаетъ.—Куда! Больше даже прежняго сталъ получать. Сколько захочетъ, столько и получитъ. Безъ отказу.

На вокзалѣ пересталъ бывать.

— Совѣстно, говоритъ, служащимъ въ глаза посмотрѣть.

По всѣмъ трактирамъ и кабакамъ шляться сталъ. Оборванный, отрепанный. Буянитъ, а обходъ его не трогаетъ. Отъ исправника такой приказъ вышелъ, чтобы не безпокоить. Перечеркаевъ просилъ. Ну, да и обходу хорошо отъ Карташова попадало: всѣхъ, въ лоскъ напоитъ, коли часъ на него найдетъ. Самъ пьетъ и другихъ угощаетъ. Любилъ компанію водить... Золотая рота, да дровоклады около него поживились таки за это время.

— Пожалуйте разсчетъ! требуетъ цѣловальникъ, или тамъ половой въ трактирѣ, видя, что Карташевъ почти готовъ. — На семнадцать рублей напили, да прежнихъ за вами...

— Н-нѣт-ту! сс-сейч-часъ б-будутъ! Б-бумаги и каррандашъ мнѣ!.. Живо!

Даютъ.

— Изво-щика.

— Готовъ-съ!

— Поѣзжай, брр-ратецъ, на вокзалъ, къ начальнику дистанціи, Перечеркаеву! Отдай ему эту записку и скажи, что отъ меня! отъ меня, отъ Карташова!

На клочкѣ бумаги стояло: «денегъ».—И черезъ полчаса деньги являлись. Всегда съ кучеромъ или съ кѣмъ-либо изъ домашнихъ ихъ присылали. Рѣдко когда меньше сотенной. Если меньше—закапризничаетъ.

— Неси назадъ! швырнетъ онъ деньги посланному.

— Приказано сказать, что сегодня больше не могутъ! Завтра остальныя вамъ дошлютъ.

Обозлится, кулакомъ по столу застучитъ.

— М-могутъ! Полчаса тебѣ сроку!.. Слышь!

И скорѣе чѣмъ черезъ полчаса сотенная была у Карташева въ рукахъ.

Разъ онъ высказался. Извѣстно, что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ.

— Такія дѣла—просто прелесть! Больше сорока почерковъ я знаю! И всѣ другъ на друга не похожи! Тридцатью почерками правой рукой за граматныхъ могу написать и расписаться, а

Digitized by Google

десять почерковъ лѣвой рукой за неграматныхъ. И все вѣдь мужицкіе почерки.

Стаканъ водки.

— Вали, бывало, въ табели, да въ платежной вѣдомости: «за столько-то дней 11 рублей крестьянинъ такой-то деревни Петръ Ивановъ получилъ, въ чемъ и руку приложилъ». А то иначе: «двадцать рублей двадцать копеекъ получилъ крестьянинъ такой-то деревни Иванъ Петровъ!.. Деревень-то понапишу всегда такихъ, какихъ и въ трехъ уѣздахъ не сыщешь.

— Самъ людей дѣлалъ!.. Д-да! Чего вы смѣетесь! Нужно отчетъ въ авансахъ подавать, да новые авансы требовать, вотъ я и пишу: Въ одинъ день побольше сотни людей надѣлаю! Столько надѣлаю, сколько потребуется! Всѣ авансовыя денежки разведу, да требованіе въ управленіе насчетъ новыхъ авансовъ построже напишу, чтобы поскорѣй высылали. Перечеркаеву только подписаться. «За безопасность пути, дескать, въ случаѣ промедленія высылки аванса, я не отвѣчаю».—Живо пришлютъ. Вотъ я какъ мерзавничалъ! И передъ крушеніемъ мерзавничалъ! А денежки-то всѣ у начальника въ кармашкѣ сидятъ.

Опять стаканъ водки.

— А рабочихъ и не ищи! Всѣ изъ моей головы. Святцы, бывало, возьмешь, да по нимъ и подписываешъ, Ты-сячи въ расходъ выводилъ... Три, я думаю, пути новыхъ можно было бы уложить на тѣ денежки, которыя я за семь лѣтъ въ ремонтъ выводилъ! А за подрядчиковъ-то сколько фальшивыхъ квитанцій подписывалъ! Больше двухъ сотъ тысячъ «онъ» черезъ меня въ кармашекъ положилъ! А «онъ» на эти денежки гостей принималъ, да прикармливалъ!

Два стакана водки.

— Ребеночка-ангелочка, что вотъ тогда колесомъ раздавило забыть не могу! Не могу забыть! Какъ сейчасъ вижу, лежитъ онъ красненькій, голенькій подъ колесомъ! ы-ы-ы! обливался Карташевъ слезами.

— А всему театръ виноватъ! Московскіе-то актеры, да музыканты за шесть часовъ до несчастія пріѣхали къ намъ и разсказываютъ, помню, Петру Михалычу, что путь у него не въ порядкѣ.—«Насъ, говорятъ, подъѣзжая къ городу, на высокой насыпи около лѣсу такъ тряхнуло, что просто страсть! У насъ, говорятъ, въ нашемъ вагонѣ чемоданы съ мѣстъ попадали!» А онъ смѣется.—«Это, говоритъ, такъ! Пучинка маленькая, оттого что земля отходить стала! Надо завтра будетъ сказать, чтобы подкладочку здѣсь положили! Я, говоритъ, знаю это мѣсто!» Вотъ оно это мѣсто! И я теперь знаю! И я теперь знаю, что на

Digitized by Google

этомъ самомъ мѣстѣ рельса лопнула и, значитъ, вотъ и катастрофа!.. Вагонъ на вагонъ! Народу накрошили! Душегубъ я и онъ душегубъ!.. Эй, водки!

Перечеркаевъ, впрочемъ, участливо заботился о Карташевѣ. Съ казенной квартиры его свезли на частную: чистенькую комнатку ему наняли, и особый приказъ квартирнымъ хозяевамъ, мѣщанамъ Вавинымъ, брату и сестрѣ, дали, чтобы «имѣть о квартирантѣ неусыпное попеченіе».

За то въ деньгахъ стали гораздо скупѣе. Стали водку къ нему на квартиру натурою поставлять. Не все ли равно, гдѣ пить. А то по трактирамъ, да по кабакамъ болтовня разная, непотребная пошла. Человѣкъ до бѣлой горячки допился и душегубцемъ сталъ себя величать, да «хорошихъ» людей марать, позорить!

Къ тому же и къ цѣли ближе. Къ развязкѣ скорѣй.

Каждое утро отъ начальника дистанціи приносилась четверть вина и становилась на столъ, на видное мѣсто. Больше четверти въ сутки не давали: опасно. И исподволь, медленною смертью угасалъ человѣкъ. Не задолго до смерти онъ сдѣлалъ Перечеркаеву прощальный визитъ.

Понадобились ему деньги, а ихъ нѣтъ. Послалъ къ Перечеркаеву, а тотъ вернулъ посланнаго съ пустыми руками, приказавши сказать, что «завтра самъ завезетъ». Карташевъ погналъ посланнаго во второй разъ. Квартирный хозяинъ у него всегда эту должность исправлялъ.

— Поди, скажи, чтобы сію минуту сотенную! Слышишь!

Посланный возвратился съ пустыми руками.

— Петръ Михайлычъ приказали вамъ сказать, что они очень на васъ серчаютъ: денегъ вы много изводите зря! передаетъ онъ отвѣтъ.—Еще приказали вамъ сказать, что нѣтъ у нихъ для васъ денегъ...

— А-а!.. Когда такъ, я самъ къ нему пойду!

— Не велѣно васъ изъ комнаты выпускать! Гости у нихъ теперь! Весь, почитай, городъ собрался! Ну, можно ли вамъ въ такомъ видѣ туда идти! Да я васъ не пущу! И одежонку вашу уберу! Завтра днемъ сходите!

Карташевъ согласился обождать «до завтра». Но только лишь Вавинъ ушелъ на свою половину, приперевъ своего квартиранта, чтобы не ушелъ, на задвижку; какъ Карташевъ вылѣзъ въ чемъ былъ, грязный, растерзанный, изъ окна на улицу, и ночью — въ холодную осеннюю ночь — безъ шапки и верхняго платья, совсѣмъ пьяный пошелъ къ Перечеркаеву «въ гости».

Какимъ путемъ пробрался онъ къ Перечеркаеву въ гостин-

Digitized by Google

ную, не знаю, а передаю только со словъ очевидцевъ то, что тамъ было.

Весь въ грязи, обтрепанный, пьяный, въ какомъ-то рваномъ сюртучишкѣ явился онъ въ гостинную, гдѣ сидѣлъ цвѣтъ В—скаго общества.

Всѣ онѣмѣли отъ изумленія и испуга. На что ужъ самъ Перечеркаевъ, человѣкъ, кажется, бывалый, тертый, и тотъ не нашелся сказать ни слова.

— Здрррраствуйте, честной народъ! На ворованныя денежки пьете, да закусываете! На здоровье! А гдѣ же Петръ Михайлычъ? А-а! Вотъ онъ! В-вотъ онъ! Господину душегубцу почтеніе! Двѣнадцать душъ загубилъ. Мла-аденца загубилъ! Колесикомъ-то придавило... Помнишь? И мою душу загубилъ! Душу мою разбилъ! А свою — нѣтъ! Опрравдался! Чистъ! А помнишь, какъ я правой да лѣвой рукой ремонтныхъ-то рабочихъ дѣлалъ, да отчеты по авансамъ писалъ? Или забылъ? А помнишь, какъ я за подрядчиковъ-то тебѣ квитанціи подписывалъ? А?.. Или тоже забылъ? Давай сотенную! Нѐчего съ тобой, подлецомъ, разговаривать...

И Перечеркаевъ молча вынулъ изъ кармана и подалъ ему сотенную.

— Давно бы такъ! Послѣднюю беру. Помни.

Повернулся-было чтобы уйти, да увидалъ слѣдователя.

— А-а! Господинъ слѣдователь! Душегубъ двѣнадцать душъ загубилъ, а у васъ двѣнадцать тысячекъ въ кармашкѣ сидятъ! По тысячѣ съ души, чтобы безъ присяжныхъ было пустить! Знаемъ! Мы все знаемъ! Ну, пррощайте! Желаю вамъ жить, да поживать, да добра наживать.

И ушелъ, оставивъ всѣхъ гостей съ разинутыми ртами. Потомъ, когда всѣ опомнились, то, по почину земскаго врача, «единогласно» признали его за сумасшедшаго. «Жаловаться на дурака за клевету не стоитъ».

— Его надо въ больницу! Онъ въ бѣлой горячкѣ!.. Околесицу какую несетъ! объявилъ докторъ.

Исправникъ обѣщалъ распорядиться.

Впрочемъ, распорядиться ему и не пришлось. Карташевъ правду сказалъ, что взялъ у Перечеркаева «послѣднюю» сотенную. Онъ простудился послѣ этого визита, слегъ и въ два дня его не стало.

Перечеркаевъ съ честью похоронилъ его и вздохнулъ посвободнѣй.

Это была «послѣдняя жертва» катастрофы.

Digitized by Google

Перечеркаевъ служитъ на своемъ мѣстѣ попрежнему. Попрежнему онъ задаетъ пиры и балы и попрежнему къ нему ежедневно ѣздятъ «гости-власти».

Недавно онъ задалъ пиръ на весь міръ: дочку замужъ выдалъ за офицера и далъ хорошее прилагательное.

Его тетръ въ В. давно открытъ и заѣзжіе артисты часто даютъ въ немъ спектакли. Перечеркаевъ за стѣны и декораціи беретъ только «по парочкѣ четвертныхъ» за вечеръ.

Веселится онъ непрежнему. Даже больше.

— Этого совѣсть не убьетъ! говорятъ про него обыватели.— Она у него желѣзная! Желѣзно-дорожная!

В. Кротковъ.

Digitized by Google

* * *

Блаженъ, кто вѣритъ въ наше время,
Что не настолько одряхлѣлъ
Нашъ жалкій міръ, чтобъ не съумѣлъ
Въ концѣ концевъ онъ сбросить бремя
Всесокрушающаго зла,
Той страшной ржавчины рутины,
Что̀ крѣпко въѣлась къ намъ въ тѣла̀
И гнетъ позорно наши спины.

Блаженъ, кто вѣрою такой
Въ себѣ питаетъ духъ и тѣло
И, въ жертву ей убивъ покой,
Идетъ впередъ наивно-смѣло,—
Идетъ и рѣзко судитъ тѣхъ,
Въ комъ эти пылкія стремленья
Встрѣчаютъ слово сожалѣнья
Иль недовѣрья горькій смѣхъ.

Блаженъ... Но тщетно ищешь всюду
Такихъ блаженныхъ въ наши дни...
Когда встрѣчаются они
Имъ удивляешься, какъ чуду
Среди несмѣтности такой
Больныхъ, разбитыхъ, утомленныхъ
И тяжкимъ опытомъ склоненныхъ
На все и всѣхъ махнуть рукой...

Петръ Вейнбергъ.

Digitized by Google

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

XIX.

День вступленія на престолъ Александра I, 12-го марта 1801 года, былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней русской исторіи. Современники встрѣтили этотъ день съ нескрываемою, шумною радостью. По словамъ очевидцевъ, нетолько внутри домовъ, въ интимныхъ кружкахъ друзей, но при встрѣчахъ на улицахъ и площадяхъ люди незнакомые открыто поздравляли другъ друга и даже при этомъ обнимались и цѣловались въ порывахъ восторга, словно въ день Пасхи. Не прошло нѣсколькихъ дней, какъ весь Петербургъ преобразился: снова появились круглыя шляпы, фраки, панталоны, жилеты; къ концу апрѣля одноборт-ные кафтаны и камзолы изрѣдка встрѣчались лишь на людяхъ крайне бѣдныхъ. Въ тоже время несмотря на распутицу, разлитіе рѣкъ, время самое неблагопріятное для путешествій, всѣ дороги покрылись путешественниками. «Отставные или выключенные, говоритъ Вигель въ своихъ запискахъ: — потянулись толпами, чтобы проситься на службу, весьма многіе поскакали затѣмъ только въ Петербургъ, чтобы полюбоваться царемъ». «Много литераторовъ, говоритъ тотъ же Вигель въ другомъ мѣстѣ: — существовало непримѣтнымъ образомъ, скрывалось по деревнямъ, какъ бы ожидая «назначеннаго часа»: онъ пробилъ 12-го марта. Я былъ тогда въ Москвѣ и помню этотъ часъ: откуда что взялось? какъ будто изъ земли выросло. Все съ истиннымъ, равнымъ восторгомъ, хотя и не съ равнымъ искуствомъ, пустилось привѣтствовать и славословить Александра, все кинулось, кто къ трубамъ и лирамъ, кто къ балалайкамъ и гудкамъ, принимая одни за другіе, запѣло, запищало».

Восторгъ современниковъ былъ вполнѣ понятенъ и естественъ. На престолъ вступалъ кроткій и мягкосердечный юноша, издавна пользовавшійся всеобщею популярностью, воспитанный

Digitized by Google

при дворѣ просвѣщенной бабки, по всѣмъ правиламъ новѣйшей педагогіи, въ духѣ гуманныхъ идей XVIII вѣка свободолюбивымъ швейцарцемъ, Лагарпомъ. Изданный имъ въ первый день вступленія на царство манифестъ, открывалъ подданнымъ самыя радужныя перспективы. «Воспріемля престолъ, объявлялъ юный монархъ: — воспріемлемъ и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ *по законамъ и по сердцу* августѣйшей бабки нашей, императрицы Екатерины Великой».

Правда, что подобное обѣщаніе могло быть истолковано двояко, такъ какъ царствованіе Екатерины II рѣзко раздѣляется на два періода, совершенно противоположные. Но съ одной стороны характеръ и всѣ душевныя качества Александра, съ другой—рядъ всевозможныхъ льготъ и широкихъ реформъ, предпринятыхъ въ первый же годъ новаго царствованія—все это обѣщало, что внукъ готовится идти по стопамъ своей бабки, какъ сочинительницы наказа, а не какъ гонительницы Новикова. Одно уже то должно было наполнить сердца современниковъ ликованіями, что первымъ дѣйствіемъ молодого монарха было освобожденіе всѣхъ, содержащихся по дѣламъ тайной экспедиціи въ крѣпостяхъ и сосланныхъ въ Сибирь или въ отдаленные города и деревни Россіи подъ надзоръ полиціи, и уничтоженіе самой тайной экспедиціи. Когда Ал. Петр. Ермоловъ, выходя изъ петропавловской крѣпости, написалъ на стѣнѣ: «свободна отъ постоя», государь, узнавши объ этомъ, сказалъ: «желаю, чтобъ навсегда!» Какъ же было не радоваться?

Къ сожалѣнію, современники не принимали въ разсчетъ одного очень важнаго обстоятельства. Дѣло въ томъ, что какъ бы ни были высоки душевныя качества монарха, какъ бы ни была неограниченна и направлена ко благу воля его, во всякомъ случаѣ характеръ эпохи зависитъ не отъ одной его личности, а является суммою разумѣнія и хотѣнія всѣхъ лицъ, учавствующихъ въ управленіи страною. Исключеніе изъ этого закона представляютъ лишь такіе вѣковые геніи, каковъ былъ Петръ I. Вліятельная же общественная среда этого времени представляла собою очень печальную картину. Самые передовые и наиболѣе благомыслящіе изъ людей этой среды были въ тоже время очень поверхностно и плохо развиты, для того чтобы глубоко усвоивать тѣ идеи, которымъ поклонялись, и послѣдовательно, до конца проводить тѣ реформы, которыя пытались проводить въ жизнь. Все ихъ образованіе ограничивалось внѣшнимъ лоскомъ европеизма, заключавшимся въ утонченныхъ свѣтскихъ манерахъ и блестящихъ передовыхъ фразахъ самого, повидимому, гуманнаго характера, но когда отъ этихъ фразъ они переходили къ

Digitized by Google

дѣлу, то выходило всегда, что они умѣли только мягко стлать, но оказывалось очень жестко спать. Наполеонъ, изрекши свое геніальное изреченіе, что стоитъ потереть русскаго человѣка, и въ каждомъ подъ европейскою политурою вы обрѣтете татарина, имѣлъ въ виду, очевидно, именно всѣхъ этихъ сладкопѣвцевъ, съ которыми ему только и приходилось встрѣчаться и имѣть дѣло изъ нашихъ соотечественниковъ. И дѣйствительно, все это были истые татары до мозга костей. Одни изъ нихъ, самые лучшіе, изломанные и обезличенные предшествовавшею реакціею, напуганные въ одно и тоже время ужасами разомъ двухъ терроровъ—краснаго во Франціи и бѣлаго въ отечествѣ—представляли изъ себя людей крайне слабодушныхъ, безвольныхъ и трусливыхъ, только о томъ и помышлявшихъ, какъ бы проплыть между Сциллою и Харибдою: страхъ возвращенія мрачныхъ предшествовавшихъ годовъ наполнялъ ихъ помыслы мечтами о благихъ и широкихъ реформахъ, а когда они принимались за осуществленіе этихъ реформъ, то съуживали ихъ до крайняго минимума изъ опасенія какъ бы не вышло чего-нибудь въ родѣ того, что произошло въ Парижѣ. Другіе же ревностные сподвижники Шешковскаго и Туманскаго, только на время прикинулись гуманными либералами, но въ тоже время продолжали скрывать въ себѣ свои хищные и кровожадные инстинкты и скрипѣли зубами, смотря на то, что дѣлалось вокругъ нихъ и выжидая, что придетъ праздникъ и на ихъ дворъ—и праздникъ не замедлилъ придти. Молодое же поколѣніе, выступившее на общественное поприще къ 20-мъ годамъ текущаго столѣтія, съ новыми идеями, стремленіями и инымъ нравственнымъ закаломъ, въ это время бѣгало еще въ курточкахъ и рубашечкахъ по родительскимъ сераляиъ. И вотъ эпоха, на которую всѣ смотрѣли, какъ на зарю новой жизни, какъ на воскресеніе изъ мертвыхъ, только и подарила намъ, что нѣсколько университетовъ, да и тѣ потомъ такъ обкарнала, исказила, что довела до полнаго ничтожества. Во всемъ же остальномъ эпоха эта оказалась жалкимъ пустоцвѣтомъ, эпохою самаго коварнаго тартюфства, въ которую всѣ предпринимаемыя реформы мало того, что сводились къ нулю, но произвели рядъ отрицательныхъ величинъ, налегшихъ на страну новымъ гнетомъ, при чемъ сначала подъ маскою доброжелательства и гуманности скрывалась черствая и ледяная жестокость, а затѣмъ подъ личиною фанатическаго ханжества проявилось чисто азіатское звѣрство.

Но нигдѣ этотъ пустоцвѣтный, тартюфскій характеръ эпохи не отразился съ такою полнотою, какъ на законахъ о печати и

Digitized by Google

цензурной практикѣ этого времени, поражающихъ своими пертурбаціями весьма поучительнаго характера.

Такъ мы видимъ, что первыя правительственныя распоряженія по этой части вполнѣ носятъ характеръ новыхъ вѣяній, обѣщаютъ самую широкую свободу печати, отмѣняя всѣ тѣ тяжкія постановленія, какія были сдѣланы въ концѣ царствованія Екатерины и при Павлѣ I. Не прошло и трехъ недѣль по вступленіи на престолъ, Александръ успѣлъ уже издать слѣдующаго рода указъ 31-го марта 1801 г., безъ сомнѣнія наполнившій восторженныя сердца россійскихъ гражданъ, и особенно писателей и ученыхъ, еще большимъ восторгомъ:

«Простирая попеченія Наши на пользу вѣрноподданныхъ Нашихъ и желая доставить имъ всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, Повелѣваемъ учиненное указомъ 18-го апрѣля 1800 года запрещеніе на впускъ всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно запечатанныя, по повеленію, іюня 5-го дня 1800 года послѣдовавшему, частныя типографіи распечатать, дозволяя, какъ провозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри Государства, по точнымъ правиламъ, въ указѣ отъ 16-го сентября 1796 года постановленнымъ» [1].

Правда, что этотъ указъ имѣлъ значеніе чисто отрицательное, какъ лишь отмѣненіе излишнихъ строгостей предшествовавшаго царствованія, но отнюдь не заключалъ въ себѣ какихъ-либо новыхъ положительныхъ постановленій относительно печати, но у нѣкоторыхъ изъ восторженныхъ современниковъ до того въ ту пору закружилась голова, что они вообразили, будто этимъ указомъ совершенно отмѣняется всякая цензура и устанавливается безграничная свобода печати. И вотъ одинъ изъ такихъ легковѣрныхъ оптимистовъ поспѣшилъ издать книгу подъ заглавіемъ «Философъ горы Алаунской, или мысли при кончинѣ Государя Императора Павла Перваго и при вступленіи на престолъ Александра Перваго», не представивъ своего сочиненія на одобреніе цензуры, не означивъ на заглавномъ листѣ типографіи, въ которой оно было напечатано, однимъ словомъ обойдя всѣ цензурныя правила. Но правительство не замедлило осадить слишкомъ ужь увлекшагося смѣльчака. Мы не знаемъ, была ли книга арестована и что послѣдовало съ авторомъ ея, но петербургская цензура не упустила изъ виду этого нарушенія установленныхъ законовъ и сдѣлала докладъ по начальству, результатомъ котораго былъ именной указъ 14-го іюня 1801 г.,

[1] Сборн. постан. и распор. по цензурѣ, стр. 65.

Digitized by Google

подтверждавшій, «дабы въ предупрежденіе всякаго злоупотребленія, отъ самовольнаго печатанія книгъ произойтить могущаго, содержатели всѣхъ типографій, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, никакихъ книгъ, подлежащихъ разсмотрѣнію цензуръ, безъ одобренія одной изъ нихъ не печатали, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгаго по законамъ взысканія; при томъ на всѣхъ сочиненіяхъ, которыя будутъ печататься по одобреніямъ цензуръ, непременно означать на заглавныхъ листахъ годъ, въ какой типографіи и по одобренію которой цензуры печатано» [1].

Вслѣдъ затѣмъ 9-го февраля 1802 года былъ изданъ указъ, еще болѣе либеральный и рѣшительный, чѣмъ указъ 31-го марта 1801 года. «По уваженію внѣшнихъ обстоятельствъ, гласилъ этотъ указъ:—хотя и признано было въ 1796 году нужнымъ существовавшія до того времени правила на пропускъ книгъ иностранныхъ и учрежденіе типографій внутреннихъ перемѣнить, и вслѣдствіе того установить особыя цензуры, подчинить строгому ихъ разсмотрѣнію всѣ сочиненія, какъ извнѣ привозимыя, такъ и внутри Имперіи издаваемыя, съ уничтоженіемъ и существовавшихъ дотолѣ вольныхъ типографій; но какъ съ одной стороны важныя обстоятельства, къ мѣрѣ сей правительство побудившія, прешли, и нынѣ уже не существуютъ, а съ другой—пятилѣтній опытъ доказалъ, что средство сіе было и весьма недостаточно къ достиженію предполагаемой имъ цѣли; то по уваженіямъ симъ и признали Мы справедливымъ, освободивъ сію часть отъ препонъ, по времени содѣлавшихся излишними и безполезными, возвратить ее въ прежнее положеніе, и вслѣдствіе того повелѣваемъ: 1) пропускъ книгъ иностранныхъ постановить, какъ было сіе до 1796 г., на точномъ основаніи тарифа 1782 года, 2) типографіи и внутренній порядокъ изданія книгъ въ Имперіи учредить на правилахъ, въ указѣ 1783 года генваря 15-го дня изображенныхъ, силою коихъ повелѣно: Типографій не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій, а потому и дозволяется каждому по волѣ заводить оныя во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи, давая только знать о таковомъ заведеніи Управѣ Благочинія того города, гдѣ кто типографію имѣть хочетъ... Сіе распоряженіе Мы считаемъ нужнымъ дополнить тѣмъ, чтобы отнынѣ разсматриваніе книгъ, внутри Имперіи тисненію предаваемыхъ въ вольныхъ типографіяхъ, возложено было не на Управы Благочинія, но на самихъ Гражданскихъ Губернаторовъ, которые имѣютъ къ сему употребить Директоровъ народныхъ училищъ... въ типографіяхъ-же, при ученыхъ обществахъ

[1] Ibid, стр. 67.

Digitized by Google

какъ-то: при Академіяхъ, Университетахъ, Корпусахъ и прочихъ казенныхъ мѣстахъ существующихъ, Цензура издаваемыхъ книгъ возлагается на попеченіе и отчетъ тѣхъ самыхъ мѣстъ и начальниковъ». Наконецъ, § 4-й этого указа предписываетъ: «Цензуры всякаго рода въ городахъ и при портахъ учрежденныя, яко ненужныя, упразднить, а чиновниковъ, какъ духовныхъ, такъ и гражданскихъ, въ нихъ состоящихъ, первыхъ обратить въ свое начальство, а послѣднихъ, если другихъ должностей они не имѣютъ, опредѣлить по способностямъ ихъ къ другимъ дѣламъ по усмотрѣнію Правительствующаго Сената» [1].

Такимъ образомъ указъ этотъ, возвращаясь къ 1783 году, идетъ еще дальше по пути либерализма: онъ устраняетъ литературу отъ власти полиціи. Теперь книги, отпечатанныя въ вольныхъ типографіяхъ, должны были прочитывать не какіе-либо полуграматные подъячіе управъ благочинія, а директора народныхъ училищъ, люди, предполагавшіеся образованными и компетентными.

Однакоже, какъ ни либераленъ казался этотъ указъ, но въ продолженіи его краткаго времени существованія, успѣли таки быть совершены нѣсколько конфискацій книгъ. Такъ мы видимъ, что одновременно съ тѣмъ, какъ въ высшихъ сферахъ, въ знаменитомъ «comité du salut public» обсуждался, между прочимъ, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ издалъ книгу: «Ist die von einigen des Adels projectirte Einführung der Freiheit unter dem Bauerstande in Livland dem Staatsrechte Russlands conform?» Книга эта была арестована, экземпляры ея сожжены и автору ея было объявлено «негодованіе Его Величества за столь дерзновенный поступокъ» [2]. Въ то же время военный губернаторъ, Беклешовъ, пріостановилъ продажу сочиненія: «Abrégé de l'histoire de Russie», которое, по разсмотрѣніи цензурою, было признанно «содержащимъ множество погрѣшностей», а потому запрещено. Московскій же военный губернаторъ графъ Салтыковъ конфисковалъ сочиненіе «Кумъ Матвѣй», переведенное съ французскаго и дозволенное для продажи московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а книгопродавцевъ, у которыхъ оно продавалось, арестовалъ, и это арестованіе книгопродавцевъ, напомнившее времена губернаторства князя Прозоровскаго и новиковскаго процесса, произошло опять-таки какъ-разъ въ то самое время, когда въ «le comité du salut public» обсуждался вопросъ о введеніи въ Россіи habeas corpus. На этотъ разъ пра-

[1] Ibid, стр. 72—74.
[2] Истор. свѣд. о цензурѣ въ Россіи, стр. 9.

Digitized by Google

вительство не одобрило распоряженія гр. Салтыкова: арестованныхъ книгопродавцевъ государь велѣлъ освободить, а министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей, увѣдомилъ о томъ одного изъ нихъ вѣжливымъ письмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, убытки, понесенные распоряженіемъ гр. Салтыкова, были вознаграждены изъ суммъ кабинета [1].

Но не такъ милостиво было поступлено съ московскимъ книгопродавцемъ Риссомъ, который, за продажу запрещенныхъ книгъ, былъ высланъ за-границу, и вслѣдъ затѣмъ 1-го мая 1802 года былъ изданъ именной указъ слѣдующаго рода:

«По случаю открывшагося злоупотребительнаго торга иностранными книгами, запрещенными, соблазнительными и противными законамъ Божіимъ и Гражданскимъ, книгопродавцемъ Московскимъ Риссомъ, который подвергнулъ себя за то высылкѣ заграницу, и желая отвратить подобный жребій отъ прочихъ книгопродавцевъ, еслибы кто изъ нихъ, побуждаемый алчностью къ корысти, вздумалъ выписывать изъ чужихъ краевъ запрещенныя книги и продолжать оными законопротивную торговлю, повелѣваю вамъ собрать къ себѣ всѣхъ книгопродавцевъ и внушить имъ мѣру Моего снисхожденія, подтвердить наистрожайше, чтобъ никто изъ нихъ ни тайно, ни явно отнюдь не дерзали производить далѣе сего рода торговлю и выписывать впредь непозволенныя въ продажѣ книги, обязавъ ихъ вновь подписками съ тѣмъ, что въ случаѣ нарушенія оныхъ, *безъ всякой уже пощады*, подпадутъ подъ наказаніе, неповинующимся Гражданской власти законами установленное. За дѣйствительнымъ чего исполненіемъ полиція долженствуетъ имѣть бдительное наблюденіе» [2].

Одновременно со всѣмъ этимъ бывшій адъюнктъ московскаго университета, Баккаревичъ, обратился къ правительству съ проэктомъ обширнаго періодическаго изданія подъ заглавіемъ «Правительственный Журналъ». «Въ семъ журналѣ, писалъ Баккаревичъ въ своемъ проэктѣ: — помѣщаемы будутъ всѣ государственные акты и бумаги, каковыя только благоразуміе правительства почтетъ за благо обнародывать, какъ-то: Высочайшіе манифесты, рескрипты, журналы всѣхъ Высочайшихъ путешествій, бывшихъ или имѣющихъ быть; всѣ новыя узаконенія и уставы, если они не слишкомъ обширны; реляціи министровъ и полководцевъ, описанія военныхъ экспедицій, сраженій и побѣдъ, и разные трактаты съ иностранными дворами; примѣчательнѣйшія письма къ Императорскому Величеству или къ знаменитымъ го-

[1] Ibid, стр. 9—10.
[2] Сб. пост. и расп. по цензурѣ. стр. 78.

Digitized by Google

сударственнымъ особамъ; голоса и мнѣнія, какъ гг. сенаторовъ, такъ и другихъ верховныхъ чиновниковъ относительно къ важнымъ дѣламъ; примѣчательнѣйшія тяжбы; достопамятнѣйшія уголовныя дѣла, рѣшенныя или въ правительствующемъ сенатѣ, или въ палатахъ, или въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, съ показаніемъ ихъ теченія и производства. Далѣе помѣщены будутъ краткія описанія жизни и дѣяній великихъ россійскихъ патріотовъ и героевъ, прославившихъ или спасшихъ отечество. Помѣщаемы будутъ всѣ новые одобренные проэкты, писанные яснымъ и чистымъ слогомъ; всѣ новыя полезныя открытія, въ какомъ бы то родѣ ни было. Всѣ основательныя разсужденія относительно къ общественной пользѣ: о законодательствѣ, напримѣръ, о земледѣліи, торговлѣ, пчеловодствѣ, о воспитаніи юношества; также всякія патріотическія мысли, всякія характеристическія черты россійскаго народа, всякіе примѣры добродѣтели; словомъ, это будетъ хранилище всѣхъ домашнихъ, такъ сказать, важнѣйшихъ государственныхъ происшествій».

Далѣе Баккаревичъ изъяснялъ, что изданіе это должно сдѣлаться архивомъ необходимыхъ для отечественной исторіи матеріаловъ: «Родится, писалъ онъ:—россійскій Тацитъ, россійскій Робертсонъ и найдетъ въ семъ обширномъ хранилищѣ богатый запасъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ», недостатокъ которыхъ, по мнѣнію Баккаревича и составляетъ существенную причину невозможности написать исторію Россіи; поэтому онъ полагалъ предоставить редактору этого изданія званіе «исторіографа Россійской Имперіи». Всѣ матеріалы, долженствовавшіе войти въ этотъ журналъ, по проэкту Баккаревича, обязаны были сообщать въ редакцію министры и главноуправляющіе вѣдомствами».

Проэктъ свой Баккаревичъ представилъ сначала Н. Н. Новосильцеву, котораго онъ предполагалъ поставить во главѣ изданія, а затѣмъ, черезъ Новосильцева, проэктъ былъ представленъ минитру народнаго просвѣщенія гр. Завадовскому. Но гр. Завадовскій не одобрилъ проэкта Баккаревича. Въ докладѣ своемъ государю, онъ представилъ, что въ замышляемое изданіе должны войти «такія статьи, которыя едва ли можно позволить издавать въ свѣтъ частному человѣку», каковы: манифесты, рескрипты, которые, будучи напечатаны неисправно, могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Кромѣ того, министръ полагалъ, что слишкомъ трудно найти людей, довольно способныхъ и просвѣщенныхъ, для составленія редакціи подобнаго изданія, и что, наконецъ, еслибы такіе люди и нашлись, то потребовали бы слишкомъ большого содержанія, а при этомъ и самое изданіе едва ли могло бы окупиться».

Digitized by Google

И такимъ образомъ проэктъ былъ отвергнутъ. Этотъ фактъ можетъ служить прототипомъ всѣхъ предпринимавшихся въ то время преобразованій. Въ основѣ вы видите широкій, блистательно-либеральный планъ полной правительственной гласности. Планъ этотъ задумывается не безъ участія Н. Новосильцева, члена comité du salut public, и, слѣдовательно, самого высшаго правительства. Но потомъ находятся тысяча препятствій, и такихъ, притомъ, мелочныхъ, какъ типографскія опечатки, могущія искажать смыслъ манифестовъ, дѣло откладывается въ долгій ящикъ, и въ концѣ-концовъ гора родитъ мышь, въ видѣ «Сѣверной Почты», которая издавалась съ 1810 года при почтовомъ департаментѣ, подъ редакціею товарища министра внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлева, и была самымъ заурядным и безцвѣтнымъ казеннымъ изданіемъ [1].

XX.

Та же судьба послѣдовала и съ законами о печати. Началось дѣло, какъ мы видѣли, указомъ 2-го февраля 1802 года, который ввелъ цензурныя постановленія, во всякомъ случаѣ либеральнѣйшія, чѣмъ всѣ когда-либо существовавшія. Но имъ суждено было просуществовать всего два года. Въ томъ же 1802 году, когда былъ изданъ вышеупомянутый указъ, было учреждено вмѣстѣ съ прочими министерствами и министерство народнаго просвѣщенія, къ вѣдомству котораго была причислена существовавшая съ 1782 года «Комиссія для образованія училищъ». Комиссія эта была теперь преобразована и переименована въ «Главное правленіе училищъ», и ей было вмѣнено первымъ дѣломъ озаботиться объ открытіи и преобразованіи университетовъ, среднихъ и низшихъ училищъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и объ организаціи цензуры.

Во главѣ министерства народнаго просвѣщенія стоялъ въ это время тотъ самый графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, который провалилъ проэктъ Баккаревича. Родомъ малороссъ, Черниговской губерніи, стародубскаго уѣзда, сынъ казака, воспитанникъ іезуитской школы и кіевской академіи, онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и передовыхъ людей въ лучшіе годы екатерининской эпохи, но теперь ему было уже 64 года, и какого бы уваженія ни заслуживали тѣ педагогическія реформы, какія были совершены во время его правленія министерствомъ, какъ

[1] Ист. св. о цен. въ Рос., стр. 7—8.

Digitized by Google

бы ни было почтенно одно уже то, что онъ не былъ поборникомъ реакціи и на долю его выпало считаться самымъ либеральнымъ министромъ народнаго просвѣщенія въ царствованіе Александра I, во всякомъ случаѣ, онъ далеко не стоялъ въ уровнѣ современныхъ требованій и не могъ постигнуть всей широты реформъ, задуманныхъ правительствомъ въ первые годы по вступленіи на престолъ Александра, и поэтому невольно былъ однимъ изъ тѣхъ тормазовъ, которые сводили задуманныя реформы къ крайнему минимуму, если не къ нулю. Такимъ, по крайней мѣрѣ, тормазомъ проявилъ онъ себя по отношенію къ законамъ печати.

Что касается до Главнаго правленія училищъ, которому суждено было во все время царствованія Александра играть совершенно такую же роль по отношенію къ прессѣ, какую нынѣ занимаетъ Главное правленіе по дѣламъ печати, то первыми членами его, при учрежденіи этого вѣдомства, были, во-первыхъ, ближайшіе друзья государя, Строгановъ, Новосильцевъ, Чарторижскій, и затѣмъ, какъ спеціалисты по различнымъ научнымъ и педагогическимъ вопросамъ—Янковичъ-де-Миріево, Мартыновъ, Румовскій, Озерецковскій, Фусъ. Выработка проэкта новаго цензурнаго устава была поручена академикамъ Озерецковскому и Фусу.

Указомъ 1802 года предварительная цензура, господствовавшая въ царствованіе Павла, была, какъ мы видѣли, уничтожена: книги просматривались цензорами уже по напечатаніи ихъ. Правда, по старой памяти иногда авторы представляли на разсмотрѣніе и рукописи. Такъ въ 1802 г., черезъ полгода по изданіи вышеупомянутаго указа, нѣкто Августъ Видманъ представилъ министру народнаго просвѣщенія рукопись, жалуясь, что петербургская цензура *не дозволила ее напечатать* подъ предлогомъ, что «ему не слѣдуетъ писать о таковыхъ матеріалахъ и что сіе принадлежитъ однимъ знатнымъ особамъ», и прося о дозволеніи ее напечатать. Такъ Н. Н. Новосильцевъ препровождалъ къ гр. Завадовскому сообщенную ему рукопись: «Троянъ и Александръ», прося «приказать разсмотрѣть оную цензурѣ *для одобренія къ напечатанію*» [1]. Но это была добрая воля авторовъ или происходило отъ незнанія ими существующихъ законовъ, которые вовсе не обязывали, чтобы рукописи подвергались цензурѣ до ихъ напечатанія. Передовые умы въ эту эпоху сознательно стояли за полную свободу печати. Такъ въ то время, когда Главное правленіе училищъ занималось обработкою цензурнаго устава, и въ обществѣ возлагались самыя свѣтлыя на-

[1] Ист. св. о ц. въ Р., стр. 9.

Digitized by Google

дежды на правленіе, въ это вѣдомство была прислана, между прочимъ, пространная записка неизвѣстнаго автора, доказывавшая необходимость и своевременность освобожденія печатнаго слова отъ всякаго рода цензуры. Обращаясь къ членамъ правленія, авторъ говоритъ:

«Истинные сыны отечества ждутъ уничтоженія цензуры, какъ послѣдняго оплота, удерживавшаго ходъ просвѣщенія тяжкими оковами и связывающаго истину рабскими узами. Свобода писать въ настоящемъ философическомъ вѣкѣ не можетъ казаться путемъ къ развращенію и вреду государства. Цензура нужна была въ прошедшихъ столѣтіяхъ, нужна была фанатизму невѣжества, покрывавшему Европу густымъ мракомъ, когда варварскіе законы государственные, догматы невѣжествомъ искаженной вѣры и деспотизмъ самый безчеловѣчный утѣсняли свободу людей, и когда мыслить было преступленіе... Словесность наша всегда была подъ гнетомъ цензуры. Сто лѣтъ какъ она составляетъ отдѣлъ въ исторіи ума человѣческаго и его произведеній. Мы имѣемъ много хорошихъ поэтовъ, много прозаиковъ: видимъ на нашемъ языкѣ сочиненія математическія, физическія и другія, но философіи—нѣтъ и слѣда! Можетъ быть, скажутъ, что у насъ есть переводы философскихъ твореній. Это правда, но всѣ наши переводы содержатъ только отрывки своихъ подлинниковъ: рука цензора умѣла убить ихъ духъ... Разные толки объ истинѣ не столько опасны, сколько заблужденія невѣжества... Нѣкоторые утвержданютъ, что французская революція, причинившая столько бѣдъ Франціи и цѣлой Европѣ, есть слѣдствіе литературныхъ произведеній. Несправедливо обвиняютъ Руссо, Вольтера, Реналя и другихъ писателей. Не они, а Робеспьеръ, Маратъ и имъ подобные произвели и питали революцію. Безъ писателей Франція бы пала и сдѣлалась жертвою раздраженія внутреннихъ и внѣшнихъ партій. Писатели одушевили истинныхъ гражданъ, указали имъ цѣль, къ которой должно стремиться. Итакъ, писатели нетолько не произвели революціи, но въ революціи спасли Францію, показавъ исходъ изъ лабиринта всеобщаго волненія. Если Сена послужила могилою для цѣлыхъ семействъ, бросавшихся въ нее отъ голода; если улицы Парижа наполнены были день и ночь грабителями и убіцами; если кредитъ окончательно упалъ и во всемъ былъ страшный недостатокъ, то писатели въ этомъ отнюдь не повинны. Если я спокоенъ и счастливъ, говори мнѣ философъ, что̀ угодно, я не пожертвую своимъ настоящимъ благосостояніемъ для неизвѣстнаго будущаго: такъ думаетъ народъ. И такъ, писатели спасли Францію отъ революціи, писатели одушевили героевъ и величайшаго изъ нихъ, Бонапарте,

Digitized by Google

устроить благоденствіе народа и успокоить волненіе. Слѣдственно, истины, изглагаемыя печатнымъ слогомъ, полезны, и свободный ходъ къ нимъ не долженъ быть заграждаемъ» [1].

Само высшее правительство въ лицѣ одного изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ главнаго правленія училищъ, попечителя С.-Петербургскаго округа, Н. Н. Новосильцева, было склонно къ освобожденію печати отъ предварительной цензуры. Такъ мы видимъ, что Н. Н. Новосильцевъ указалъ Главному правленію, какъ на образецъ, на постановленія о печати, изданныя датскимъ правительствомъ, въ самое либеральное время правленія короля Христіана VII (1766—1808), когда во главѣ правительства стоялъ горячій приверженецъ новыхъ идей, графъ Струензе. Правда, постановленія эти успѣли уже значительно исказиться въ эпоху реакціи, послѣдовавшей въ Даніи послѣ паденія Струензе, и въ томъ видѣ, въ какомъ Новосильцевъ предложилъ ихъ правленію, они представляли собою чисто драконовскій характеръ. Съ особенною строгостью преслѣдовали они анонимныя сочиненія, признавая ихъ вопіющимъ зломъ, безнравственнымъ орудіемъ для оскорбленія священнѣйшихъ правъ гражданъ, и въ силу этого обязывали, чтобы на заглавномъ листѣ каждой книги, непремѣнно были выставлены имена автора, издателя и типографщика съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ званій, а также, чтобы были обозначены городъ и годъ изданія; точно также и въ періодическихъ изданіяхъ, обязательно было обозначеніе издателя, редактора, типографщика и автора каждой отдѣльной статьи. Нарушеніе этого закона влекло за собою конфискацію книги и штрафъ въ 200 талеровъ въ пользу бѣдныхъ. Еще болѣе тяжкими карами грозило это постановленіе за прямыя злоупотребленія печати. Такъ напримѣръ, за кощунство и оскорбленіе религіи, исповѣдуемой иновѣрцами, виновный подвергается тюремному заключенію на время отъ 4—14 дней, на хлѣбѣ и водѣ. Такому-же наказанію подлежалъ и тотъ, кто позволялъ себѣ насмѣшки надъ государственными учрежденіями или разбиралъ ихъ безъ соблюденія должнаго приличія въ выраженіяхъ или-же выпускалъ книгу, соблазнительную для благонравія. За ложное извѣстіе о намѣреніяхъ и распоряженіяхъ правительства, равно какъ за пренебрежительные отзывы о дружественныхъ державахъ и представленія въ ложномъ и оскорбительномъ свѣтѣ дѣйствій ихъ государей, виновные подвергались работѣ въ смирительномъ домѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до

---

[1] Матер. для ист. просв. въ Р., въ цар. имп. Ал. I. М. Сухомлинова статья 3, гл. I, стр. 18.

Digitized by Google

трехъ лѣтъ. За порицаніе монархическаго правленія вообще, распространеніе невыгодныхъ и оскорбительныхъ слуховъ о королѣ, королевѣ, принцахъ и принцессахъ королевскаго дома, за отрицаніе Бога и безсмертія души, слѣдовало изгнаніе на время отъ 3—10 лѣтъ, а если кто, наказанный такимъ образомъ, являлся въ отечество ранѣе срока, подвергался вѣчной каторжной работѣ въ цѣпяхъ. И наконецъ, авторъ книги, заключавшей въ себѣ внушенія произвести перемѣну правленія и взывавшей къ бунту, подвергался смертной казни.

Но, предложивъ подобные грозные законы въ руководство правленію, Новосильцевъ вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ и тѣ измѣненія, которыя онъ находилъ нужнымъ сдѣлать въ датскомъ образцѣ. Такъ по его мнѣнію: 1) требованіе печатать имя каждаго автора и переводчика особенно было-бы тягостно для молодыхъ литераторовъ, впервые вступающихъ на поприще словесности и изъ скромности скрывающихъ свои имена. Можно было-бы предоставить свободу печатать книги и безъ означенія имени автора; для отвращенія злоупотребленій, достаточно, чтобы двое или трое гражданъ, имѣющихъ гдѣ-либо постоянное пребываніе, давали типографщику письменное обязательство, что въ случаѣ надобности они объявятъ имя автора; 2) взысканія за нарушенія цензурныхъ правилъ, принятыя въ Даніи, и не соотвѣтствующія русскимъ законамъ и обычаямъ, должны быть замѣнены другими, сообразными съ русскимъ законодательствомъ; 3) въ Россіи право конфискаціи подозрительныхъ книгъ удобнѣе предоставить не полиціи, какъ это практикуется въ Даніи, а университетамъ и академіямъ, съ тѣмъ чтобы они, увѣдомивъ мѣстное начальство, представляли мнѣнія свои вмѣстѣ съ экземпляромъ книги въ Главное правленіе училищъ; 4) если дѣла по печати предоставить обыкновеннымъ судамъ, въ которыхъ часто засѣдаютъ чиновники, не имѣющіе научныхъ познаній, то могутъ произойти пагубныя для подсудимыхъ писателей слѣдствія, для отвращенія которыхъ слѣдовало-бы учредить особый родъ суда. Главное правленіе училищъ составитъ списокъ государственныхъ чиновниковъ, имѣющихъ требуемыя свѣдѣнія и пользующихся уваженіемъ въ обществѣ. Въ случаѣ обвиненія въ изданіи вредной книги, правленіе назначитъ отъ помѣщенныхъ въ спискѣ лицъ опредѣленное число (четыре, шесть или восемь) посредниковъ отъ живущихъ въ томъ городѣ, гдѣ находится обвиняемый. Для скорѣйшаго теченія дѣлъ и для соблюденія переписки можно предоставить и университетамъ право назначать посредниковъ отъ лицъ, внесенныхъ въ списокъ въ Главномъ правленіи. Если обвиняемый будетъ оправданъ посредни-

Digitized by Google

ками, то онъ освобождается отъ всякаго суда, а книга его отъ запрещенія и конфискаціи; *обвинитель-же* (?) *подвергнется взысканію на основаніи законовъ* [1]; и 5) постановленіе о свободномъ книгопечатаніи не должно касаться цензуры книгъ духовныхъ, наблюденіе за которыми вполнѣ предоставлено св. Синоду.

Вотъ какъ умѣли мягко стлать государственные люди того времени. Если-бы этотъ проэктъ Новосильцева былъ утвержденъ, то наши законы о печати были-бы либеральнѣе самого либерализма и едва-ли уступали-бы существовавшимъ въ то время англійскимъ. Но, конечно, ужъ сейчасъ-же не замедлили найтись тысячи препятствій. Озерецковскій и Фусъ, разсмотрѣвъ датскій уставъ, представили свои возраженія противъ предложенія Новосильцева. По ихъ мнѣнію оказывалось, что 1) онъ не предохраняетъ совершенно отъ гибельныхъ послѣдствій злоупотребленія свободнаго слова. Ядъ возмутительнаго и пагубнаго сочиненія, пущеннаго въ свѣтъ подъ невиннымъ заглавіемъ, можетъ отравить многія сердца и взволновать умы прежде, нежели успѣютъ остановить его продажу; 2) онъ поставляетъ въ необходимость всѣхъ сочинителей объявлять свои имена; но многіе изъ авторовъ, по скромности и во избѣжаніе придирчивой критики и личностей, скорѣе согласятся вовсе не печатать своихъ сочиненій, нежели ввѣрить тайну двумъ или тремъ лицамъ, которыя по тщеславію, нескромности или легкомыслію, могутъ открыть имя автора; 3) великое неудобство было-бы предавать авторовъ обыкновенному суду; но чрезвычайно затруднителенъ также и выборъ посредниковъ, проникнутыхъ истинно либеральными мыслями и чуждыхъ пристрастія и всякаго рода предразсудковъ; 4) какъ-бы ни разграничивали преступленія и постепенность наказаній,—тонкость и неуловимость оттѣнковъ въ нарушеніяхъ закона, различіе въ возрѣніи и требовательности судей, способъ толкованія намековъ и мѣстъ, имѣющихъ двоякій смыслъ, и т. п., дѣлаетъ въ высшей степени затруднительнымъ приговоръ надъ книгами и авторами; 5) опытъ показываетъ, что запрещеніе книги придаетъ ей цѣну и пускаетъ въ ходъ

---

[1] Эти замѣчанія Н. Н. Новосильцева заимствованы изъ статьи г. Сухомлинова «Матеріалы для ист. просв. въ Россіи», а г. Сухомлиновъ извлекъ ихъ изъ архива Мин. Нар. Просв., (карт. 1316, № 38761, л. 3—8 об.) Не имѣя доступа въ означенный архивъ, авторъ не имѣетъ возможности провѣрить текста, представляемаго г. Сухомлиновымъ, но вполнѣ убѣжденъ, что здѣсь вкралась типографская опечатка и вмѣсто *обвинитель* слѣдуетъ читать *обвиненный*, потому что трудно предполагать, чтобы либерализмъ Новосильцева разошелся до такого размаха, чтобы подвергать суду цензора послѣ каждаго излишняго сомнѣнія въ издаваемой книгѣ.

Digitized by Google

сочиненія, не обращавшія на себя дотолѣ ни малѣйшаго вниманія.

И вотъ въ силу всѣхъ этихъ доводовъ почтенные академики пришли къ убѣжденію, что гораздо цѣлесообразнѣе и полезнѣе будетъ введеніе предварительной цензуры. Такой способъ цензуры по ихъ мнѣнію, вошелъ уже у насъ въ историческую привычку и продолжалъ существовать при духовномъ вѣдомствѣ, равно для книгъ, издававшихся учеными заведеніями, академіями и университетами; онъ болѣе обезпечиваетъ отъ злоупотребленій, останавливая зло въ зародышѣ и лишаетъ его возможности распространиться, освобождаетъ авторовъ отъ обязанности объявлять свои имена и пр.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ соображеній появился проэктъ новаго цензурнаго устава, представленный Озерецковскимъ въ Главное правленіе училищъ. Проэктъ этотъ былъ написанъ на французскомъ діалектѣ, тѣмъ высокимъ слогомъ и либеральнымъ языкомъ, какими въ то время все писалось и говорилось. Каждая строка проэкта дышала громкими воззваніями къ свободѣ мысли и слова:

«Благо, проистекающее, писали авторы проэкта:—изъ благоразумной свободы печати такъ велико и прочно, зло-же, сопровождающее злоупотребленіе этою свободою, такъ рѣдко и мимолетно, что нельзя не сожалѣть о необходимости, въ которую ставится правительство, во всѣхъ прочихъ дѣлахъ рѣшительно вступившее на почву либеральныхъ принциповъ, полагать границы этой свободѣ, вынуждаемое къ этой мѣрѣ опытомъ, обстоятельствами минуты, или-же могучимъ потокомъ духа времени. Сожалѣнія эти должны еще болѣе увеличиться, если принять во вниманіе, что подобное стѣсненіе трудно удержать въ должныхъ границахъ, что доведенное до крайности, оно часто является совершенно безполезнымъ и всегда вреднымъ. Такъ какъ несомнѣнно, что эта мѣра строгости почти всегда влечетъ за собою гибельныя послѣдствія, совершенно подавляя искренность, парализуя умы, потушая священное пламя любви къ истинѣ, и черезъ это самое останавливая распространеніе просвѣщенія. Не сомнѣнно въ тоже время, что свобода мыслить и писать представляется самымъ могущественнымъ средствомъ возбуждать, облагораживать и развивать національный геній, что господство истины можетъ даже выиграть отъ свободнаго допущенія какого-нибудь заблужденія, потому что едва заблужденіе это покажется на бѣлый свѣтъ, какъ сотни перьевъ будутъ готовы къ опроверженію его. Несомнѣнно, наконецъ, что истинный прогрессъ культуры, твердое и неуклонное шествіе по пути развитія, на

Digitized by Google

какое способенъ человѣческій родъ, возможны только тамъ, гдѣ свободное употребленіе всѣхъ психическихъ способностей возбуждаетъ умы, гдѣ дозволено публично обсуждать, какъ вопросы гуманности, такъ и истины, интересующія человѣка и гражданина» [1].

Вотъ какимъ высокимъ слогомъ, какія великія истины изволили изрекать почтенные академики въ то время, какъ предлагали во имя священной и необходимой для правильнаго прогресса свободы слова, уставъ предварительной цензуры, учрежденія признававшагося всѣми тогдашними передовыми умами, давно отжившимъ и наиболѣе стѣснительнымъ для печати. Мнѣніе ученыхъ и компетентныхъ мужей было уважено правительствомъ, и вотъ 9-го іюня 1804 года, былъ утвержденъ высочайшимъ повелѣніемъ первый уставъ предварительной цензуры. Вотъ въ главныхъ и основныхъ чертахъ содержаніе этого устава:

По смыслу § 1 цензура имѣетъ обязанностью разсматривать всякаго рода книги и сочиненія, назначаемыя къ общественному употребленію, и на семъ основаніи въ § 3 говорится, что ни одна книга или сочиненіе не должны быть напечатаны въ Имперіи Россійской, ни пущены въ продажу, не бывъ *прежде разсмотрѣны* цензурою.

Для разсматриванія книгъ и сочиненій (§ 4) учреждаются цензурные комитеты при университетахъ изъ профессоровъ и магистровъ и состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ университетовъ, и каждый изъ этихъ комитетовъ разсматриваетъ книги въ своемъ университетскомъ округѣ. Каждый цензурный комитетъ (§ 12) имѣетъ въ положенное время засѣданіе, цензоры, составляющіе его, раздѣляютъ между собою книги и сочиненія, поступающія въ цензуру, и по прочтеніи представляютъ письменныя объ оныхъ отъ себя донесенія, за вѣрность коихъ сами и отвѣтствуютъ. Книги и сочиненія, которыя цензоръ самъ собою напечатать сомнѣвается, представляются въ полное собраніе цензурнаго комитета, а цензурный комитетъ, въ случаѣ сомнѣній, (§ 14) испрашиваетъ черезъ попечителя разрѣшенія отъ Главнаго училищъ правленія. Если цензоръ въ доставленной ему рукописи (§ 16) найдетъ нѣкоторыя мѣста, противныя закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина, то не дѣлаетъ самъ собою никакихъ поправокъ, но означивъ таковыя мѣста, отсылаетъ рукопись къ издателю, дабы онъ самъ перемѣнилъ или исключилъ оныя. По возвращеніи же

[1] Матер. для пр. въ Рос. и пр. стр. 86.

Digitized by Google

исправленной такимъ образомъ рукописи, цензоръ одобряетъ ее къ напечатанію.

Если же въ цензуру (§ 18) прислана будетъ рукопись, *исполненная* мыслей и выраженій, оскорбляющихъ личную честь гражданина, благопристойность и нравственность, то цензурный комитетъ, отказавъ въ печатаніи такого сочиненія, объявляетъ причины сего запрещенія тому, кто прислалъ оное, а самое сочиненіе удерживаетъ у себя.

Если-же въ цензуру (§ 19) прислана будетъ рукопись, *исполненная* мыслей и выраженій, явно отвергающихъ бытіе Божіе, вооружающая противъ вѣры и законовъ отечества, оскорбляющая верховную власть, или совершенно противная духу общественнаго устройства и тишины, то комитетъ немедленно объявляетъ о такой рукописи Правительству, для отысканія сочинителя и поступленія съ нимъ по законамъ. Впрочемъ, говорится въ § 21, цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій, руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. *Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, то въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать.* Не менѣе любопытенъ былъ и § 22, въ которомъ говорилось, что «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго, или какой-бы то ни было отрасли Правленія, нетолько не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободною тисненія, возвышающаго успѣхи просвѣщенія».

Что-же касается до типографій, то (§ 43) за напечатаніе неодобренной цензурою рукописи весь заводъ напечатанной книги отбирается въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, и въ пользу Приказа взыскиваются съ содержателя типографіи, если онъ печаталъ книгу не на свой счетъ, всѣ издержки, во что обошлось напечатаніе всего завода. А если книга или сочиненіе (§ 44) будутъ сверхъ того содержать въ себѣ мѣста, упомянутыя въ 18 и 19 пунктахъ Устава, въ такомъ случаѣ содержатель типографіи и издатель отсылаются къ суду, а книга предается сожженію [1].

Уставъ этотъ, при всемъ томъ, что по самой своей сущности не имѣлъ ничего общаго съ либерализмомъ, такъ такъ былъ

---

[1] Ист. св. о ценз. въ Рос., стр. 85—95.

Digitized by Google

основанъ на отжившихъ началахъ административнаго произвола, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ считается самымъ либеральнымъ изъ всѣхъ, послѣдовавшихъ за нимъ. Такъ смотрѣли на него и современники. По крайней мѣрѣ гр. Завадовскій въ докладѣ, при которомъ онъ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе проэктъ устава писалъ: «Сими постановленіями ни мало не стѣсняется свобода мыслить и писать, но токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной». Постлано было во всякомъ случаѣ мягко. Каково-же мягко оказалось писателямъ александровской эпохи покоиться на этомъ ложѣ, это мы узнаемъ въ слѣдующихъ главахъ.

XXI.

Первое и главное зло, не замедлившее обнаружиться вслѣдствіе введенія устава предварительной цензуры, заключалось въ томъ, что вопреки § 21, запрещавшему цензорамъ всякія пристрастныя толкованія и § 22, дозволившему полную свободу скромнаго и благоразумнаго обсужденія всѣхъ религіозныхъ и общественныхъ вопросовъ, цензура сразу сдѣлалась слѣпымъ орудіемъ вѣяній и партій, господствовавшихъ въ высшихъ сферахъ. Цензора, хотя бы и въ лицѣ профессоровъ, людей образованныхъ и ученыхъ, во всякомъ случаѣ оказались чиновниками, вполнѣ зависящими въ іерархическомъ порядкѣ, отъ лицъ высшей администраціи, и взгляды ихъ на дозволенное и недозволенное въ цензурномъ отношеніи, вполнѣ сообразуясь со взглядами лицъ, стоявшихъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, мѣнялись при малѣйшей перемѣнѣ правительственнаго вѣтра.

Такъ, въ первые года существованія устава, пока либеральные порывы не успѣли еще заглохнуть въ правительственныхъ сферахъ—и цензора были мягки и уступчивы. Писатели, по собственному ихъ сознанію, высказывали вещи, о которыхъ не рѣшились бы и заикнуться въ прежнія времена; отовсюду слышались сочувственные отзывы о странѣ, гдѣ никому не запрещалось обнаруживать истину на пользу и просвѣщеніе общества. Появилось множество новыхъ журналовъ, и въ нихъ впервые, хотя чисто въ зародышевомъ состояніи, выразилось нѣчто въ родѣ политическихъ направленій. Такъ представителями ультрапатріотическаго и реакціоннаго направленія, громившими французскія идеи, которымъ поклонялось общество и подражаніе Европѣ во имя сохраненія основныхъ началъ русской жизни,

Digitized by Google

самодержавія и православія, были «Демокритъ» А. Кропотова, «Русскій Вѣстникъ» С. Глинки, и «Сынъ отечества» Греча.

Умѣренный постепенный либерализмъ съ консервативнымъ оттѣнкомъ представлялъ собою «Вѣстникъ Европы» Карамзина. «Сѣверный Вѣстникъ» Мартынова со своимъ поклоненіемъ англійской конституціи, занималъ лѣвый центръ либерализма. Затѣмъ «Журналъ Россійской Словестности» Н. Брусилова, газета «Геній временъ» О. Шредера и Ив. Деракроа, а позже «Духъ журналовъ» Яценкова выражали то крайне-либеральное направленіе, какое въ то время было возможно. Въ этихъ журналахъ часто встрѣчались довольно прозрачные намеки на освобожденіе крестьянъ, на введеніе гласныхъ судовъ, полной свободы печати и разныхъ гарантій противъ административнаго произвола, помѣщались иногда и болѣе ѣдкіе выходки. Такъ напримѣръ въ «Журналѣ Россійской Словестности», въ баснѣ А. Измайлова. «Истина во дворцѣ» повѣствовалось, какъ истина вошла во дворецъ и была приговорена къ ссылкѣ въ рудники; но потомъ, перерядившись въ вымыселъ, въ шуткахъ высказала все, что нужно было, и ее благосклонно выслушали. Правда, въ концѣ авторъ смягчилъ рѣзкость своей басни слѣдующими стихами:

Счастлива та страна, въ которой кроткій царь
Правдиво говоритъ себѣ не запрещаетъ!
Счастливѣй ты стократъ: нашъ ангелъ-государь,
Не только истину въ чертогъ къ себѣ впускаетъ,
Но даже ищетъ самъ ее.

Тѣмъ не менѣе басня все таки выдается своею смѣлостью среди всего, что печаталось въ то время. Въ 5-мъ нумерѣ того же журнала помѣщена басня, въ которой хозяинъ, за вѣрную службу дворняшки даритъ ей *ошейникъ* и болѣе ничего, а въ № 7-мъ другая — «Царь и придворный», гдѣ проводится мысль, что «блескъ царскаго величія» ничто безъ поддержки народа и пр. [1]

Но вмѣстѣ со всѣми этими легкими поблажками литературѣ, цензура зорко прислушивалась къ правительственному камертону и грозно обрушалась на все то, что не нравилось въ высшихъ сферахъ. Такъ мы видимъ, что въ періодъ либерализма правительство продолжало придерживаться традиціонныхъ, завѣщенныхъ Екатериною, взглядовъ на массоновъ и всякого рода мистиковъ. Оно не преслѣдовало ихъ такъ ожесточенно, какъ это было въ эпоху новиковскаго процесса, но во всякомъ случаѣ не питало къ нимъ благосклонности. И новая цензура, примѣняясь къ этимъ взглядамъ правительства, не замедлила обрушить свои

[1] «Изъ исторіи нашего литер. и общ. развитія» А. П. Пятковскаго, т. II стр. 129.

Digitized by Google

громы на мистиковъ. Одна изъ первыхъ мѣръ, повлекшихъ за собою одностороннее и произвольное толкованіе самыхъ существенныхъ параграфовъ устава, направлена была противъ изданія массонскихъ и мистическихъ сочиненій. Въ собраніи главнаго правленія училищъ представлено было, что цензурные комитеты, основываясь на статьѣ устава, дозволяющей скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества и прочаго, одобряютъ къ напечатанію сочиненія мистическія, служащія къ заведенію сектъ, предвѣщательныя и другія, каковы сочиненія Штиллинга, Эккартсгаузена, Сведенборга и другихъ. По этому Главному правленію вмѣнено въ обязанность привести въ большую ясность означенную статью устава. Вслѣдствіе этого давленія свыше цензурные комитеты начали очень строго относиться къ массонскимъ и мистическимъ сочиненіямъ и допускали ихъ не иначе, какъ съ нѣкоторыми ограниченіями, предварительными справками и пр. Такъ по свидѣтельству г. Сухомлинова, приводящаго въ своей статьѣ одно изъ дѣлъ министерства (жур. главн. правл. уч. 1810, № 48, ст. LX) мы видимъ, что Главное правленіе училищъ, чтобы пропустить массонскія пѣсни самаго невиннаго содержанія, потребовало отъ содержателя типографіи письменнаго свидѣтельства отъ министерства полиціи о томъ, что массонскія общества дозволены въ имперіи. А въ 1806 г., когда стоявшій въ это время во главѣ мистиковъ въ Россіи вице-призидентъ Академіи художествъ А. Ѳ. Лабзинъ, послѣдователь мистическихъ ученій Юнги Штиллинга и Эккартсгаузена и переведшій на русскій языкъ многія изъ ихъ сочиненій, вздумалъ издавать мистическій журналъ «Сіонскій вѣстникъ», журналъ этотъ былъ запрещенъ цензурою на 9-й книжкѣ. Ниже мы увидимъ, какая превратная судьба постигла этотъ журналъ позже.

Не менѣе чѣмъ и за мистицизмомъ, зорко слѣдила цензура за толками о крестьянскомъ вопросѣ. При всемъ сочувствіи нѣкоторыхъ высшихъ правительственныхъ лицъ, не исключая и самого государя, къ этому вопросу, большинство вліятельныхъ людей того времени смотрѣло на освобожденіе крестьянъ, какъ на революціонное потрясеніе всѣхъ основъ государства. Мы видимъ, что даже и такой просвѣщенный и либеральный писатель того времени, какъ Карамзинъ, и тотъ смотрѣлъ на освобожденіе крестьянъ, какъ на мѣру преждевременную, и крайне опасную. Къ страху повторенія французской революціи примѣшивалась здѣсь, конечно, не малая доля и своекорыстія. И эта-то примѣсь, конечно, и была главною причиной, что не смотря на дозволеніе обсуждать какія угодно государственные вопросы, лишь-бы при-

Digitized by Google

лично и благоразумно, каждая мало мальски прямая и открытая постановка крестьянскаго вопроса въ прессѣ производила впечатлѣніе скандала. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся цензурныхъ скандаловъ подобнаго рода представляетъ книга Пнина «Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи».

Петръ Ивановичъ Пнинъ былъ незаконнорожденный сынъ князя Рѣпнина, чему и обязанъ онъ былъ своей усѣченной фамиліей— Пнинъ. Онъ родился въ 1773 году, первоначальное воспитаніе получилъ въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, потомъ перешелъ въ инженерный кадетскій корпусъ и съ 1789 года по 1797 находился въ военной службѣ, а затѣмъ почти до самой смерти отъ чахотки въ 1805 г., служилъ по разнымъ департаментамъ гражданскаго вѣдомства. Воспитанный въ духѣ гуманной философіи 18 вѣка, другъ и пріятель Радищева, Пнинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ въ то время передовыхъ людей, которые, не довольствуясь разными паліативными мѣрами, требовали болѣе серьезныхъ и рѣшительныхъ реформъ. Это былъ демократъ, если не по убѣжденіямъ, то по природнымъ инстинктамъ и въ самой практикѣ своей жизни. «Будучи весьма небогатъ, говоритъ его біографъ:—онъ любилъ помогать несчастнымъ. Съ жаромъ друга человѣчества, всякую скорбь угнетаемаго людьми и судьбою человѣка бралъ онъ близко къ сердцу своему и не щадилъ ни трудовъ, ни покоя, ни иждивенія для облегченія судьбы несчастныхъ». На литературное поприще выступилъ онъ еще при Екатеринѣ и въ 1798 г. издавалъ «Петербургскій журналъ», при чемъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, и поэтическихъ (басняхъ, одахъ), и прозаическихъ (статьяхъ политическаго и экономическаго содержанія) сознательно проводилъ тѣ же радикальныя для того времени идеи, какіе мы встрѣчаемъ въ книгѣ Радищева, на сколько, конечно, было это возможно въ тѣ тяжкія времена. Съ воцареніемъ Александра литературная дѣятельность его еще болѣе оживаетъ и расцвѣтаетъ: онъ предполагаетъ издавать по очень обширной программѣ новый журналъ «Народный Вѣстникъ», пишетъ «Опытъ о просвѣщеніи» «Вопль невинности, отвергаемой закономъ» (о печальномъ и неправильномъ положеніи незаконнорожденныхъ дѣтей), «О возбужденіи патріотизма», оканчиваетъ первое дѣйствіе исторической драмы «Велизарій» и задумываетъ собрать свои стихотворенія подъ названіемъ: «Моя лира». Преждевременная смерть, причина которой заключалась, конечно, не въ одной простудѣ, но и горькомъ разочарованіи, вынесенномъ имъ изъ зрѣлища всеобщаго разлада словъ и дѣлъ, окружавшаго его со всѣхъ сторонъ, прекратила сразу эту кипучую дѣятельность.

Digitized by Google

«Опытъ о просвѣщеніи» изданъ былъ съ эпиграфомъ «Блаженны тѣ государства и тѣ страны, гдѣ гражданинъ, имѣя свободу мыслить, можетъ безбоязненно сообщать истины, заключающія въ себѣ благо общества». Трактатъ заключалъ въ себѣ три части: въ первой—Пнинъ рѣшаетъ вопросъ, въ чемъ должно состоять истинное просвѣщеніе; во второй—всѣ ли состоянія въ Россіи требуютъ одинаковаго просвѣщенія, и въ третьей — указываются мѣры, которыя могутъ «наиболѣе споспѣшествовать просвѣщенію».

Въ первой части авторъ исходитъ изъ того начала, что будущіе вѣка должны служить зерцаломъ для настоящихъ дѣлъ законодательныхъ. «Но обыкновенно законодатели не придерживаются подобнаго правила», и Россія вслѣдствіе этого, по словамъ автора, «имѣла многихъ обладателей, но правителей мало». Далѣе Пнинъ подробно разсматриваетъ вопросъ о управленіи народомъ. «Власть самодержавная, говоритъ онъ: истекая изъ единой воли, рѣдко какую либо цѣль предполагающей, зависитъ почти всегда отъ расположенія духа дѣйствующей особы». Указывая затѣмъ, въ чемъ должно заключаться истинное управленіе народомъ, авторъ говоритъ: «управлять народомъ значитъ наблюдать правосудіе, сохранять законы, поощрять трудолюбіе, распространять просвѣщеніе, словомъ, созидать общее благо, и къ сему единственному предмету желаній гражданина, посредствомъ начертанныхъ для того правилъ, постановленнаго порядка и мудрой дѣятельности, открыть всѣмъ свободный путь». Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о просвѣщеніи. Судить о просвѣщеніи всей страны по числу ея сочинителей и писателей, по его мнѣнію, несправедливо. Истинное просвѣщеніе непремѣнно предпологаетъ «спокойствіе и блаженство гражданъ». Та страна, гдѣ этого нѣтъ, не можетъ быть названа просвѣщенной, хотя-бы имѣла много ученыхъ и литераторовъ. «Обязанность государства должна заключаться въ томъ, чтобы внушить нужду взаимной зависимости, положить каждому предѣлы, изъ которыхъ нельзя было-бы выйти, опредѣлить каждому состоянію его права, предписать его обязанности». Затронувъ вопросъ о сословіяхъ, Пнинъ въ яркихъ чертахъ рисуетъ положеніе крестьянъ: «какъ можно, говорить имъ: чтобы участь толико полезнѣйшаго сословія гражданъ, отъ котораго зависитъ могущество и богатство государства, состояло въ неограниченной власти нѣкотораго числа людей, которые, позабывъ въ нихъ подобныхъ себѣ человѣковъ, человѣковъ, ихъ питающихъ и даже прихоти ихъ удовлетворяющихъ, поступаютъ съ ними иногда хуже нежели со скотами, имъ принадлежащими. Ужасная мысль! При такомъ безотрадномъ по-

Digitized by Google

ложеніи русскихъ крестьянъ, законодатели должны всѣ свои усилія направить къ тому, чтобы предписать законы, могущіе опредѣлить собственность земледѣльческаго состоянія и защитить оную отъ насилій, словомъ, сдѣлать оную неприкосновенною». Пнинъ считаетъ при этомъ, что заботиться о просвѣщеніи крестьянъ возможно только тогда, когда послѣдніе будутъ въ состояніи пользоваться всѣми человѣческими правами, будутъ свободны.

Во второй части Пнинъ разсматриваетъ, въ чемъ должно состоять просвѣщеніе каждаго сословія. Чтобы просвѣтить народъ, нужно опредѣлить главнѣйшія добродѣтели каждаго сословія, «и потому, говоритъ онъ:—трудолюбіе и трезвость нахожу я самыми приличными добродѣтелями для земледѣльскаго сословія; исправность и честность для мѣщанъ; правосудіе и всегдашную готовность пожертвовать собою пользамъ отечества для дворянъ, и наконецъ благочестіе и примѣрное поведеніе для состоянія духовнаго». Воспитателямъ нужно всего болѣе стремиться къ тому, дабы пріуготовить Россіи россіянъ, а не иностранцевъ, дабы приготовить полезныхъ сыновъ отечеству, а не такихъ людей, которые гнушались-бы тѣмъ, что есть отечественное и презирали-бы собственный языкъ. Сообразно воспитанію этихъ сословныхъ добродѣтелей, и науки авторъ располагаетъ тоже по сословіямъ: земледѣльцевъ, по его мнѣнію, надлежитъ обучать только чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, сельской механикѣ, скотоводству, обработкѣ полей и пр. Для мѣщанъ грамматика, географія, введеніе во всеобщую исторію и главныя эпохи русской исторіи, геометрія, тригонометрія, естественная исторія, технологія, физика и практическія знанія, полезныя для промышленности. Для купцовъ ко всему этому присоединяются англійскій языкъ, алгебра, простая и двойная бухгалтерія, исторія комерціи, товаровѣдѣніе и пр., для дворянъ-же сверхъ всего вышеозначеннаго предполагается занятіе юридическими науками и высшее философское, политическое и естетическое образованіе [1].

По всему этому вы можете судить, въ какомъ еще дѣтскомъ состояніи находилось мышленіе нашихъ соотечественниковъ въ то время, и какъ трудно было отрѣшаться имъ отъ господствовавшей рутины. Пнинъ во всякомъ случаѣ является передовымъ и наиболѣе крайнимъ мыслителемъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ, но вы видите, что и онъ является проникнутымъ чисто кастовыми предразсудками, и его книга, представлявшая веркъ свободомыслія въ свою эпоху, въ настоящее время отъ первой

[1] «Древ. и Нов. Россія», 1879, № 9.

Digitized by Google

страницы до послѣдней могла-бы быть принята символомъ вѣры для самыхъ строгихъ изъ нашихъ современныхъ консерваторовъ. Консерваторы-же начала нынѣшняго столѣтія усмотрѣли въ ней потрясеніе всѣхъ основъ.

Книга была издана въ 1804 году, до введенія новаго устава, и гражданскій губернаторъ, которому она была представлена по отпечатаніи, свободно пропустилъ ее въ продажу. Успѣхъ ея былъ такъ великъ, что въ томъ-же году почти все первое изданіе было распродано и понадобилось второе. Авторъ не замедлилъ имъ и въ томъ-же 1804 году представилъ свою книгу уже во вновь открывшійся цензурный комитетъ съ рукописными дополненіями, сдѣланными, какъ авторъ объяснялъ, *по волѣ монарха*. Въ тоже время былъ представленъ въ цензурный комитетъ доносъ на книгу Пнина, нѣкогда бездарнаго писаки Гавріила Геракова, извѣстнаго своими патріотическими произведеніями въ родѣ: «Герои русскіе за 400 лѣтъ», «Твердость духа нѣкоторыхъ Россіянъ» и т. п. Книга Пнина была рекомендована Гераковымъ, какъ крайне вредная и исполненная разрушительныхъ правилъ. [1]

Доносъ этотъ произвелъ свое вліяніе на цензурный комитетъ: новое изданіе книги не было разрѣшено, а экземпляры перваго изданія, еще остававшіяся въ продажѣ, предписано отобрать изъ книжныхъ лавокъ. Вмѣстѣ съ книгою были отвергнуты цензурнымъ комитетомъ и рукописныя къ ней дополненія, при чемъ комитетъ слѣдующимъ образомъ мотивировалъ свое запрещеніе:

Приведя слова автора: «насильство и невѣжество, составляя характеръ правленія Турціи, не имѣя ничего для себя священнаго, губятъ взаимно гражданъ, не разбирая жертвъ», цензоръ замѣчаетъ: «хочу вѣрить, что эту мрачную картину списалъ авторъ съ Турціи, а не съ Россіи, какъ-то иному легко показаться можетъ; но и для турецкаго правленія это язвительная клевета, будто народъ сей не имѣетъ для себя ничего священнаго и губитъ себя взаимно, не разбирая жертвъ». Главный же доводъ противъ книги Пнина цензоръ полагаетъ въ томъ, что «авторъ съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и даже самая жизнь, по мнѣнію его, находится въ рукахъ какого-нибудь капризнаго паши... Хотя бы то и справедливо было, что русскіе крестьяне не имѣютъ собственности, ни гражданской свободы, однако, зло сіе есть зло, вѣками укоренившееся, и требуетъ осторожнаго и повременнаго исправленія. Мудрые наши монархи усмотрѣли его давно; но зная, что сильный переломъ

[1] Изъ ист. наш. лит. и общ. разв. А. Пятковскаго, т. II, стр. 100—102.

Digitized by Google

всегда разрушаетъ машину правленія, не хотѣли вдругъ искоренить сіе зло, дабы не навлечь черезъ то еще большаго бѣдствія. Правительство дѣйствуетъ въ семъ случаѣ подобно искусному врачу; мѣры его кротки и медленны, но тѣмъ не менѣе безопасны и спасительны. Еслибы сочинитель нашелъ или думалъ найти какое-нибудь новое средство, дабы достигнуть скорѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безопаснѣе предполагаемой имъ цѣли, т. е. истребленія рабства въ Россіи, то приличнѣе было бы предложить оное проэктомъ правительству. А разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіей черную губительную тучу».

Пнинъ, не удовлетворившись этими отеческими увѣщаніями цензора, подалъ протестъ въ Главное правленіе училищъ. «Всякій писатель, возражалъ онъ:—пишущій о предметахъ государственныхъ, никогда не долженъ терять изъ виду будущее. Ибо цѣлый народъ никогда не умираетъ, ибо государство, какимъ бы оно ни было подвержено сильнымъ потрясеніямъ, перемѣняетъ только видъ свой, но вовсе никогда не истребляется. И потому сочинитель обязанъ истины, имъ предусматриваемыя, представлять такъ, какъ онъ находитъ ихъ. Онъ долженъ въ семъ случаѣ послѣдовать искусному живописцу, коего картина тѣмъ совершеннѣе бываетъ, чѣмъ краски, имъ употребляемыя, соотвѣтственнѣе предметамъ, имъ изображаемымъ. Впрочемъ, все сказанное мною о необходимости крестьянской собственности, всѣ истины, къ сему предмету относящіяся, почерпнулъ я изъ премудраго наказа Великія Екатерины. Она внушила мнѣ оныя. Она возбудила во мнѣ тотъ жаръ и энтузіазмъ, который цензоръ ставитъ мнѣ въ преступленіе. Рукописное дополненіе, сдѣланное мною по волѣ монарха, заключаетъ въ себѣ опредѣленіе крестьянской собственности, примѣненное мною къ настоящему положенію вещей».

Но протестъ этотъ не имѣлъ никакого успѣха, Главное правленіе училищъ согласилось съ цензурнымъ комитетомъ на запрещеніе книги Пнина. Послѣднему только и оставалось обратиться къ общественному мнѣнію, и онъ излилъ свою скорбь на страницахъ «Журнала Россійской Словесности» (№ 12) въ особенномъ сочиненіи: «Сочинитель и цензоръ, переводъ съ манчжурскаго». Мы считаемъ не лишнимъ привести вполнѣ это сочиненіе, которое покажетъ намъ наглядно, насколько писатели того времени были довольны вновь введенною цензурою:

Сочинитель. Я имѣю, государь мой, сочиненіе, которое желаю напечатать.

Digitized by Google

Цензоръ. Его должно напередъ разсмотрѣть. А подъ какимъ оно названіемъ?

Сочинитель. «Истина», государь мой.

Цензоръ. «Истина»? О! ее должно разсмотрѣть и строго разсмотрѣть.

Сочинитель. Вы, мнѣ кажется, излишній берете на себя трудъ. Разсматривать истину? что это значитъ? Я вамъ скажу, государь мой, что она не моя и что она существуетъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ. Божественный Кунъ (Конфуцій) начерталъ оную въ премудрыхъ своихъ законахъ. Такъ говоритъ онъ: «Смертные! любите другъ друга, не отнимайте ничего другъ у друга, просвѣщайте другъ друга, храните справедливость другъ къ другу, ибо она есть основаніе общежитія, душа порядка и, слѣдовательно, необходима для вашего благополучія». Вотъ содержаніе сего сочиненія.

Цензоръ. «Не отнимайте ничего другъ у друга, просвѣщайте другъ друга, храните справедливость другъ къ другу»!.. Государь мой, сочиненіе ваше непремѣнно разсмотрѣть должно. (Съ живостью). Покажите мнѣ его скорѣе.

Сочинитель. Вотъ оно.

Цензоръ. (Развертывая тетрадь и пробѣгая глазами листы). Да... ну... это еще можно... и это позволить можно... но этого никакъ пропустить нельзя (указывая на мѣсто въ книгѣ).

Сочинитель. Для чего же, смѣю спросить.

Цензоръ. Для того, *что я не позволяю* и, слѣдовательно, это непозволительно.

Сочинитель. Да развѣ вы больше, г. цензоръ, имѣете права не позволить мнѣ печатать мою «Истину», нежели я предлагать оную?

Цензоръ. Конечно, потому что я отвѣчаю за нее.

Сочинитель. Какъ? Вы должны отвѣчать за мою книгу? А я развѣ не могу отвѣчать за мою «Истину». Вы присваиваете себѣ, государь мой, совсѣмъ не принадлежащее вамъ право. Вы не можете отвѣчать ни за образъ мыслей моихъ, ни за дѣла мои. Я уже не дитя и не имѣю нужды въ дядькѣ.

Цензоръ. Но вы можете заблуждаться.

Сочинитель. А вы, г. цензоръ, не можете заблуждаться?

Цензоръ. Нѣтъ, ибо я знаю, что должно и чего не должно позволить.

Сочинитель. А намъ развѣ знать это запрещается? Развѣ это какая-нибудь тайна? Я очень хорошо знаю, что я дѣлаю.

Цензоръ. Если вы согласитесь (показывая на книгу) выбросить сіи мѣста, то вы можете книгу вашу издать въ свѣтъ.

Digitized by Google

Сочинитель. Вы, отнимая душу у моей «Истины», лишая всѣхъ ея красотъ, хотите, чтобы я согласился въ угожденіе вамъ обезобразить ее, сдѣлать ее нелѣпою? Нѣтъ, г. цензоръ, ваше требованіе безчеловѣчно; виноватъ ли я, что «Истина» моя вамъ не нравится и вы не понимаете ея?

Цензоръ. Не всякая «Истина» должна быть напечатана.

Сочинитель. Почему же? Познаніе «Истины» ведетъ къ благополучію. Лишать человѣка сего познанія, значитъ, препятствовать ему въ его благополучіи, значитъ, лишать его способовъ сдѣлаться счастливымъ. Если можно не позволить одну «Истину», то должно уже не позволять никакой, ибо истины между собою составляютъ непрерывную цѣпь. Исключить изъ нихъ одну, значитъ, отнять изъ цѣпи звено и ее разрушить. Притомъ же истинно великій мужъ не опасается слушать истину, не требуетъ, чтобы ему слѣпо вѣрили, но желаетъ, чтобы его понимали.

Цензоръ. Я вамъ говорю, государь мой, что книга ваша, безъ моего засвидѣтельствованія, *есть и будетъ ничто*, потому что безъ онаго не можетъ она быть напечатана.

Сочинитель. Г. цензоръ! позвольте сказать вамъ, что «Истина» моя стоила мнѣ величайшихъ трудовъ; я не щадилъ для нея моего здоровья, просиживалъ для нея дни и ночи: словомъ, книга моя, есть моя собственность. А стѣснять собственность, какъ говоритъ премудрый Кунъ, никогда не должно, ибо черезъ сіе нарушается справедливость и порядокъ. Впрочемъ, вѣрнѣе, засвидѣтельствованіе ваше можно назвать незначущимъ, ибо опытъ показываетъ, что оно нисколько не обезпечиваетъ ни книги, ни сочинителя. Притомъ, г. цензоръ, вы изъясняетесь слишкомъ непозволительно.

Цензоръ (гордо). Я говорю съ вами, какъ цензоръ съ сочинителемъ.

Сочинитель (съ благороднымъ чувствомъ). А я говорю съ вами, какъ гражданинъ съ гражданиномъ.

Цензоръ. Какая дерзость!

Сочинитель. О Кунъ, благодѣтельный Кунъ! Если-бы ты услышалъ разговоръ сей, если-бы ты видѣлъ, какъ исполняютъ твои законы; если-бы ты видѣлъ, какъ наблюдаютъ справедливость, если-бы ты видѣлъ, какъ споспѣшествуютъ въ твоихъ божественныхъ намѣреніяхъ, тогда-бы... тогда-бы справедливый гнѣвъ твой... Но прощайте, г. цензоръ, я такъ съ вами заговорился, что потерялъ уже охоту печатать свою книгу. Знайте, однакожъ, что «Истина» моя пребудетъ неизмѣнно въ сердцѣ моемъ, исполненномъ любви къ человѣчеству, и которое не имѣетъ нужды ни въ какихъ свидѣтельствахъ, кромѣ собственной моей совѣсти».

Digitized by Google

Этотъ скорбный голосъ остался, конечно, голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Пнина не стало...

Чтобы не возвращаться нѣсколько разъ къ одному предмету, мы нарушимъ здѣсь тотъ хронологическій порядокъ, которому придерживаемся и исчислимъ за одно всѣ цензурныя преслѣдованія, какія были въ царствованіе Александра I по поводу крестьянскаго вопроса.

Такъ одною изъ жертвъ этого вопроса, былъ Василій Григорьевичъ Анастасевичъ, почтенный труженникъ науки и литературы, правая рука Чарторижскаго, принимавшій самое живое и горячее участіе по преобразованію Виленской академіи и вообще по устройству учебнаго вѣдомства въ западномъ краѣ, обогатившій, наконецъ, нашу литературу массою переводовъ ученыхъ и поэтическихъ произведеній (такъ онъ перевелъ Федру Расина, стихотворенія Сафо и пр.). Въ 1809 г. была издана въ Вильнѣ брошура Валеріана Стройновскаго. «Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами». Авторъ съ прискорбіемъ говоритъ о поддержкѣ крѣпостнаго права со стороны польскаго общества, до того сильной, что не только въ 1780 году сеймъ отвергнулъ проэктъ, направленный противъ этого безчеловѣчія, но и въ его время немногіе соглашаются съ тѣмъ, что человѣкъ не можетъ быть такою-же собственностью другого человѣка, какъ вскормленная въ дому или купленная лошадь или быкъ. Несмотря на то, будучи убѣжденъ, что рано или поздно помѣщики узнаютъ надобность уволить крестьянъ изъ крѣпостного состоянія, Стройновскій разсматриваетъ, какимъ образомъ и на какихъ основаніяхъ дѣлать съ крестьянами добровольные договоры о землѣ.

Анастасевичъ перевелъ эту брошуру и предпослалъ этому переводу предисловіе, въ которомъ, собралъ изъ древней россійской вивліоѳики историческія свидѣтельства о крестьянахъ въ Россіи и на основаніи этихъ свидѣтельствъ сдѣлалъ такое заключеніе: «Знающій отечественную исторію удобно припомнитъ, что желаніе свободы крестьянамъ въ Россіи, если-бы когда-либо исполнилось, было-бы только возвращеніемъ имъ того блага, которымъ они наслаждались не въ слишкомъ давнія времена, т. е. менѣе двухсотъ лѣтъ».

Книга эта возбудила такую сенсацію въ высшихъ сферахъ, и толки о ней получили такой грозный характеръ, что Сперанскій принужденъ былъ предложить Анастасевичу просить увольненія отъ занимаемой имъ въ комиссіи законовъ должности помощника начальника отдѣленія польскихъ и малороссійскихъ правъ. [1]

---

[1] Матер. для ист. обр. въ Р. ст. I, стр. 28, 29.

Digitized by Google

Но наибольшую строгость по отношенію къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ, начала проявлять цензура позже, въ 20-хъ годахъ, послѣ цѣлаго ряда смутъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и въ особенности Кочубеевскихъ крестьянъ. Помѣщикъ Кочубей продалъ крестьянъ помѣщику-же Кирьякову, который перевелъ ихъ изъ Полтавской губерніи въ Херсонскую. Крестьяне не хотѣли повиноваться, и не покорялись даже и тогда, когда покупщикъ отъ нихъ отказался, и они остались за прежнимъ владѣльцемъ. Предписано было наказать виновныхъ при собраніи одновотчинниковъ и сосѣднихъ помѣщичьихъ крестьянъ и подтвердить, что малѣйшее неповиновеніе помѣщичьей власти повлечетъ строгое наказаніе, которое, не ограничиваясь зачинщиками, будетъ простираться и на ихъ семейства. Но всѣ крестьяне обоего пола, даже малолѣтніе, остались непреклонными. Напрасны были увѣщанія начальства, представлявшаго имъ ужасное положеніе, въ которое ввели они себя своимъ упорствомъ: дома стояли безъ крышъ, безъ окошекъ и даже безъ дверей; хлѣба вовсе не имѣли; въ дворахъ не было ни скота, ни птицы. При самомъ совершеніи наказанія, когда палачъ грозилъ всему обществу тою-же участью, никто не обнаружилъ ни смущенія, ни робости. Крестьяне сохранили совершенное спокойствіе и не обнаружили ни малѣйшаго сопротивленія и дерзости; когда-же уполномоченный отъ помѣщика предложилъ имъ хлѣбъ и другія вспомоществованія, они отказались принять ихъ, говоря, что полагаются на волю Божію и на свою судьбу.

Виновата во всемъ этомъ оказалась, конечно, ужь литература. Начальство сейчасъ же возмнило, что всѣ эти смуты происходятъ ни отъ чего иного, какъ вслѣдствіе допущенія цензурою сочиненій, направленныхъ противъ помѣщичьей власти, которыя крестьяне читаютъ и возмущаются. И вотъ попечителямъ всѣхъ учебныхъ округовъ было предписано, чтобы ни подъ какимъ видомъ не были пропускаемы цензурою сочиненія, касающіяся политическаго состоянія крестьянъ въ Россіи.

Въ это самое время (1820 г.) въ историко-статистическомъ журналѣ, выходившемъ въ Москвѣ, помѣщена была переведенная съ нѣмецкаго статья подъ заглавіемъ: «Взглядъ на успѣхи земледѣлія и благосостояніе въ Россійскомъ государствѣ». Главнѣшимъ залогомъ благосостоянія Россіи авторъ полагаетъ открытіе училищъ и освобожденіе крестьянъ. «Въ царствованіе Императора Александра I, замѣчаетъ авторъ:—учреждено пять университетовъ, пятьдесятъ восемъ гимназій и сто уѣздныхъ училищъ, кромѣ множества народныхъ школъ и другихъ учебныхъ заведеній. Главное средство къ возведенію Русскаго государства

Digitized by Google

на высшую степень просвѣщенія и благосостоянія заключается въ томъ, чтобы исподволь и съ благоразуміемъ доставить крестьянамъ бо́льшую свободу и даровать имъ въ полной мѣрѣ права, принадлежащія имъ, какъ людямъ и существамъ разумнымъ. Въ тысяча восьмистахъ городахъ живетъ въ Россіи шесть милліоновъ гражданъ, наслаждающихся полною гражданскою свободой; многіе крѣпостные получили свободу отъ рабства съ согласія своихъ господъ; крестьянамъ позволено покупать свою свободу; постепенное уничтоженіе крѣпостного права начато уже на окрайнахъ государства, откуда исподволь можетъ распространиться и во внутренніе предѣлы страны».

Цензоръ, профессоръ Черепановъ, которому была представлена эта статья на разсмотрѣніе, не счелъ себя въ правѣ задержать ее, такъ какъ она вполнѣ соотвѣтствовала основнымъ параграфамъ цензурнаго устава: вопросъ обсуждался скромно и благоразумно, и въ то же время сочиненіе было проникнуто полнымъ сочувствіемъ и глубочайшимъ уваженіемъ къ дѣйствіямъ правительства. Къ тому же, Черепановъ видѣлъ подтвержденіе словъ автора въ начинавшемся освобожденіи крестьянъ въ Курляндіи, о чемъ было напечатано въ томъ самомъ Гамбургскомъ журналѣ, откуда переведена была статья объ успѣхахъ земледѣлія и благосостоянія въ Россіи. Но высшее начальство посмотрѣло на эту статью другими глазами: оно имѣло въ виду распоряженіе по поводу крестьянъ Кочубея и боялось, какъ бы историко-статистическій журналъ не попалъ въ руки крестьянъ и они, прочтя вышеозначенную статью, не пришли бы въ еще бо́льшее волненіе. И вотъ Черепановъ былъ обвиненъ Главнымъ правленіемъ училищъ за пропускъ статьи, заключающей въ себѣ неприличныя разсужденія о видахъ правительства и къ тому же, въ неповиновеніи волѣ начальства. Въ силу этого обвиненія онъ былъ удаленъ отъ званія цензора, а какъ по уставу оно соединялось съ званіемъ декана, то воспрещено было избраніе Черепанова въ деканы [1].

XXII.

Но болѣе всего цензура того времени противорѣчила себѣ и ежедневно измѣняла свои требованія по вопросамъ внѣшней политики. Это была тревожная и горячая эпоха наполеоновскихъ войнъ. Расположеніе русскаго правительства къ властителю Евро-

[1] Матер. для ист. пр. въ Россіи, статья 3-я, гл. II, стр. 35, 36.

Digitized by Google

ны переживало въ это время самыя разнородныя и противуположныя фазы: сегодня смотрѣли на Наполеона, какъ на беззаконнаго узурпатора, адское исчадіе революціи и чуть что не антихриста, завтра поклонялись ему, какъ всемірному генію, братались съ нимъ и заключали самые дружественные союзы. Сообразно этому и цензура, то, что считала позволительнымъ вчера, запрещала сегодня, и наоборотъ.

Такъ съ 1802 г. свободно обращались въ продажѣ книги «Histoire de Bonaparte» и «Du commerce français dans l'état actuel de l'Europe», наполненныя наивными похвалами императору Французовъ и представлявшія его протекторатъ спасеніемъ для всей Европы. Въ началѣ 1807 года, то есть во время войны съ Франціей, книги эти обратили на себя вниманіе и были препровождены с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Вязмитиновымъ, къ предсѣдателю цензурнаго комитета, Новосильцеву, поступившему въ эту должность въ 1807 году послѣ графа П. А. Строганова. Цензурный комитетъ «во уваженіе нынѣшнихъ обстоятельствъ», нашелъ вышеозначенныя сочиненія недозволительными. «Авторъ первой изъ нихъ, доносилъ онъ гр. Завадовскому: — вообще обнаруживаетъ себя попеременно то почитателемъ революціи и всѣхъ ея ужасовъ, то подлымъ обожателемъ хищниковъ трона».—«Сверхъ того, сочинитель этой книги отъ начала до конца превозноситъ Бонапарте, какъ нѣкое божество, расточаетъ ему самыя подлыя ласкательства, представляетъ всѣ его властолюбивыя дѣянія въ самомъ благовидномъ видѣ; всѣ его несправедливыя присвоенія и хищничества представляетъ праведными и законными». Въ книгѣ же «Du commerce etc.» цензурный комитетъ обратилъ вниманіе на «порицаніе англійскаго правительства, будто оно золотомъ своимъ подкупаетъ прочія европейскія государства (а слѣдовательно, и Россію) къ союзу противъ Франціи»; будто Англія есть единственная причина всякой войны въ Европѣ и пр. Во вниманіе всего этого обѣ вышеозначенныя книги были изъяты изъ обращенія [1].

Но вотъ былъ заключенъ тильзитскій миръ, русское правительство встало въ самыя дружественныя отношенія къ Наполеону, и теперь цензура начала преслѣдовать всякія порицанія Наполеона и осужденія его дѣйствій. Особенно въ этомъ отношеніи обращено было вниманіе на «Русскій Вѣстникъ», издатель котораго С. Глинка, проводя свое патріотическое направленіе, продолжалъ отзываться о Наполеонѣ враждебно. Такъ въ мартовской книжкѣ этого журнала сказано было: «Въ продолженіи прошед-

[1] Ист. свѣд. о цензурѣ, стр. 15.

Digitized by Google

шаго похода Наполеонъ всегда былъ близокъ къ погибели, и чѣмъ далѣе заходилъ, тѣмъ опасность его становилась ужаснѣе, неизбѣжнѣе... Еслибы миролюбивый Александръ не пожертвовалъ невѣрною союзницей благоденствію своей имперіи, то по сихъ поръ Богъ знаетъ, гдѣ бы былъ непобѣдимый Наполеонъ и великая армія великой націи. Теперь поднялась завѣса, и всѣ узнали, что прусскимъ кабинетомъ управлялъ Талейранъ; что прусскими силами располагалъ Талейранъ; что онъ нарочно поссорилъ сіе королевство со всѣми державами: съ Австріею, Россіею, Швеціею, Англіею, такъ усыпилъ Фридриха-Вильгельма надеждою на миръ, что онъ вступилъ въ сраженіе въ твердомъ увѣреніи, что все кончится дружелюбно. Теперь извѣстно, что измѣна генераловъ и комендантовъ—чего, благодаря Бога, въ Россіи еще не случалось и долго не случится — не менѣе геройскаго мужества и быстроты Наполеона способствовали завоеванію Пруссіи».

Подобные отзывы вызвали со стороны министерства замѣчаніе: «Таковыя израженія неприличны и предосудительны настоящему положенію, въ какомъ находится Россія съ Франціей. Почему строжайшимъ образомъ предписать цензурному комитету, дабы воздержался позволять въ періодическихъ и другихъ сочиненіяхъ оскорбительныя разсужденія, и проходилъ бы изданія съ наибольшею строгостью по матеріаламъ политическимъ, которыхъ близко видѣть не могутъ сочинители, и, увлекаясь одною мечтою своихъ воображеній, пишутъ всякую всячину въ терминахъ неприличныхъ». Всѣмъ округамъ предписано было, чтобы «цензоры не пропускали никакихъ артикуловъ, содержащихъ извѣстія и разсужденія политическія» [1].

Съ 1812 года отношенія русскаго правительства къ Наполеону опять радикально измѣняются; снова Наполеонъ дѣлается узурпаторомъ и антихристомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ поощряться всякія патріотическія сочиненія и журналы. Такъ, при открытіи журнала «Сынъ Отечества», государь, узнавъ, что издатель Гречъ недостаточенъ, повелѣлъ выдать ему изъ Кабинета 1,000 р.

Приближеніе борьбы съ двунадесятью языками отразилось въ цензурной сферѣ слѣдующими распоряженіями: «Комитетъ гг. министровъ положилъ, писалъ гр. Разумовскій въ цензурные комитеты: чтобы въ настоящихъ обстоятельствахъ издатели всякихъ періодическихъ сочиненій въ государствѣ, въ коихъ помѣщаются политическія статьи, почерпали изъ иностранныхъ газетъ такія

[1] Матер. для ист. пр. въ Россіи, статья 3-я, гл. II, стр. 29, 30.

Digitized by Google

только извѣстія, которыя до Россіи вовсе не касаются, а имѣющія нѣкоторую связь съ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ заимствовали бы изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», издаваемыхъ подъ ближайшимъ надзоромъ».

Осенью же 1812 года велѣно было приготовлять календарь на слѣдующій годъ безъ родословій чужеземныхъ владѣтельныхъ домовъ.

Въ 1814 году политическія наши отношенія вновь радикально измѣнились, и литературѣ было указано сообразоваться съ этою перемѣною. Такъ предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета, Уваровъ, предлагаетъ комитету слѣдить за тѣмъ, чтобы «журналисты, писавшіе въ 1812 году, иначе писали бы въ 1815 году, и мало по малу согласовались бы съ намѣреніями правительства и содѣйствовали распространенію мирныхъ сношеній, слѣдуя такимъ образомъ общему стремленію къ новому и прочному порядку вещей». При этомъ Уваровъ предлагалъ комитету «обратить свое вниманіе на выписки изъ листовъ и рѣчи членовъ оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ», помѣщаемыя въ нашихъ журналахъ, а равно и «смягчать грубый тонъ въ сужденіяхъ о другихъ народахъ, стоящихъ нынѣ въ совершенно новыхъ отношеніяхъ къ намъ», но съ которыми, какъ видно, не могло еще примириться всколыхавшееся до дна патріотическое чувство русскихъ писателей. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовалъ и гр. Разумовскій, стараясь успокоить взволнованныя народныя страсти и не вполнѣ въ этомъ успѣвая, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ одного изъ его циркуляровъ: «весьма непріятно для меня, писалъ онъ:—напоминать столь часто цензурнымъ комитетамъ объ ихъ обязанностяхъ» [1].

Кромѣ всего вышеозначеннаго считаемъ нелишнимъ упомянуть о слѣдующихъ цензурныхъ распоряженіяхъ, состоявшихся въ первый періодъ царствованія Александра, т. е. по 1812 г.

Такъ въ 1806 г. привезено было къ петербургскому книгопродавцу Динеману нѣсколько экземпляровъ сочиненія «Feldzug von 1805», неблагопріятнаго нашей арміи, вслѣдствіе чего Вязмитиновъ адресовалъ на имя выборгскаго губернатора Обрескова, слѣдующую записку: «По высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію препровождаемаго при семъ книгопродавца Динемана благоволите, ваше высокопревосходительство, приказать выслать за-границу и меня увѣдомить». Повѣренный Динемана въ С.-Петербургѣ ходатайствовалъ о дозволеніи ему возвратиться, объясняя, что выписанная имъ книга, хотя и дѣй-

[1] Истор. свѣд. о цензурѣ стр. 12, 13, 19, 20.

Digitized by Google

ствительно подвергалась запрещенію цензуры, но уже въ то время, когда было сдѣлано распоряженіе о его высылкѣ. Въ просьбѣ этой было отказано, по какимъ соображеніямъ неизвѣстно.

Около того же времени цензурный комитетъ задержалъ книгу «Mes souvenirs de vingt aus de sejour à Berlin ou Frédéric le Grand, par M. Thibault» 1805, въ 5 томахъ. При этомъ особенное вниманіе было обращено на слѣдующія слова Петра Великаго о самомъ себѣ: «Mon cher frère, je suis un sauvage, qui ne sait rien... Daignez faire pendre quelqu'un dès demain afin que je sache, comment vos bourreaux s'y prennent...»

«Хотя бы и былъ такой разговоръ между монархами, прибавляетъ цензоръ—однако всякій замѣтитъ, что Императоръ Петръ I говорилъ это шуткою, а посему г. сочинитель разсматривалъ анекдотъ не съ надлежащею достовѣрностью и представилъ его въ другомъ видѣ». Но Главное правленіе училищъ разрѣшило продажу книги съ исключеніемъ одного лишь разсказа о вступленіи на престолъ Екатерины II, но съ удержаніемъ въ цѣлости всѣхъ другихъ мѣстъ, «кажущихся опасными, но въ дѣйствительности не имѣющихъ вліянія на общественное мнѣніе». [1]

Въ 1807 году конфисковано было сочиненіе подъ заглавіемъ «Ежедневныя христіанскія упражненія по руководству слова Божія», напечатанное еще въ 1801 году и свободно обращавшееся. Подверглось оно запрещенію единственно потому, что напечатано было не въ типографіи духовнаго вѣдомства и безъ дозво- Св. Синода, хотя въ приговорѣ о запрещеніи не упоминается, чтобы въ книгѣ содержалось что-либо предосудительное. [2]

Книга подъ заглавіемъ: «De la souveraineté ou connaissances des vrais principes du gouvernement des peuples» была осуждена цензоромъ за новыя правила, вредныя основаніямъ доброй нравственности, вѣры и политики. Но цензурный комитетъ, опредѣленіемъ 12-го апрѣля 1807 года, не призналъ ее вредною. По отзыву его, «въ книгѣ хотя и содержатся многія смѣлыя и оригинальныя мысли, которыя, будучи взяты въ отдѣльности, могутъ оказаться предосудительными; но соображая ихъ съ общимъ духомъ книги, нельзя не признать, что авторъ, разрѣшая, повидимому, общепринятыя мнѣнія о добродѣтели, нравственности, религіи и правахъ человѣчества, тѣмъ не менѣе утверждаетъ ихъ на новомъ основаніи. Въ такомъ вѣкѣ, когда потрясены всѣ древнія опоры алтарей и троновъ, не безполезно противопоставить опытъ Макіавеліева ученія, смягченнаго и при-

---

[1] Матер. для истор. пр. въ Россіи ст. 3, гл. II, стр. 57.
[2] Ист. свѣд. о цензурѣ, стр. 14.

Digitized by Google

наровленнаго къ духу настоящаго времени. Будучи наполнена отвлеченными и глубомысленными изысканіями книга: «De la souveraineté» обратитъ на себя вниманіе только людей ученыхъ и просвѣщенныхъ, которые, безъ сомнѣнія, прочтутъ ее съ пользою, и если не согласятся съ мнѣніемъ автора, то по крайней мѣрѣ доведены будутъ до разысканія многихъ полезныхъ истинъ, хотя бы то было и къ опроверженію самого автора. Что же касается до читателей не дальновидныхъ, для которыхъ книга эта могла бы послужить соблазномъ, то кажется, утвердительно можно сказать, что они не захотятъ принять на себя трудъ входить въ лабиринтъ глубокомысленныхъ изслѣдованій автора». [1]

Въ сентябрѣ 1807 г. было конфисковано болѣе 5000 экземпляровъ сочиненія: «Тайная исторія французскаго двора», переведеннаго съ нѣмецкаго съ дозволенія петербургскаго комитета. Экземпляры эти предписано было петербургскимъ военнымъ губернаторомъ кн. Д. И. Лобановымъ-Ростовскимъ, оберъ-полиціймейстеру Эртелю «истребить огнемъ». Но это autodafé обошлось не дешево: издатель «Тайной исторіи» потребовалъ удовлетворенія за убытки и по Высочайшему повелѣнію ему было выдано изъ комитета 6500 рублей.

Въ 1808 году остановлено было сочиненіе «Гирлянда милымъ женщинамъ», по причинѣ «недостатка въ смыслѣ». [2]

Въ 1809 году, въ книгѣ Монтескьё «О существѣ законовъ», переведенной на русскій языкъ — Дмитріемъ Языковымъ, Московскій цензурный комитетъ исключилъ слѣдующія мѣста: «Рабство не хорошо по существу своему; оно не приноситъ пользы ни господину, ни рабу; этому, потому что онъ ничего не можетъ сдѣлать по разсужденію, а первому, что, обходясь съ своими рабами, занимаетъ разныя дурныя привычки, нечувствительно пріучаясь не наблюдать никакихъ нравственныхъ добродѣтелей, дѣлаясь гордымъ, вспыльчивымъ, суровымъ, гнѣвливымъ, сластолюбивымъ, жестокимъ (кн. XV, гл. I). Но какъ всѣ люди родятся равными, то надобно сказать, что рабство противно природѣ, хотя въ нѣкоторыхъ земляхъ оно основано на естественной причинѣ, и надобно очень отличать эти земли отъ тѣхъ, въ которыхъ запрещаютъ естественныя причины» (гл. VII). Главное правленіе училищъ, одобривъ рѣшеніе комитета, присовокупило, что по многимъ, усмотрѣннымъ въ отрывкахъ перевода, погрѣшностямъ противъ чистоты и исправности слога, не слѣдовало-бы

[1] Матер. и пр. стр. 57, 58.
[2] Ист. свѣд. о ценз. стр. 14, 15.

Digitized by Google

одобрять рукопись къ печатанію, пока слогъ ея не будетъ выправленъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ и усердіемъ. [1]

Въ томъ-же 1809 году было не одобрено къ печатанію сочиненіе: «Жизнь, характеръ, военныя и политическія дѣянія россійскаго генералъ-фельдмаршала, князя Г. А. Потемкина-Таврическаго». Сочиненіе это было прочтено самимъ гр. Заводовскимъ, заинтересовавшимся имъ тѣмъ болѣе, что въ немъ встрѣчались кое-какія черты изъ его собственной жизни, и вотъ что писалъ онъ по поводу этого сочиненія предсѣдателю петербургскаго цензурнаго комитета, 28 марта 1809 г: «Не хотѣвъ занять Главное училищъ правленіе лишнимъ трудомъ, я самъ прочелъ доставленную ко мнѣ рукопись подъ заглавіемъ: «Жизнь, характеръ» и т. д. Я помню дѣла того времени, и обращался въ нихъ. Князь Потемкинъ былъ дѣйствующее орудіе на знаменитыя происшествія, а сочинитель, повидимому, не знавъ близко ни характера, ни его дарованій, изъ своего воображенія кидаетъ злорѣчіе на лицо усопшаго и столь знаменитаго мужа. И сего единаго было-бы достаточно, чтобы не дозволять печатать таковое сочиненіе; но какъ еще въ ономъ неприлично разсѣяны неуважительныя выраженія въ отношеніи къ самой императрицѣ Екатеринѣ II, то предпишите комитету сію рукопись удержать». [2]

О томъ, какъ ревностно слѣдилъ ветеранъ «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма» за исторіографіей этой лучшей эпохи своей жизни, мы можемъ судить и по другому еще факту, подобнаго-же рода: около того-же времени гр. Заводовскій сдѣлалъ замѣчаніе петербургскому комитету за то, что въ пропущенной имъ книгѣ «Духъ великаго Суворова», онъ «не уважилъ ни писанія, не вездѣ смыслъ поддерживающаго, ниже нелѣпостей, коими (книга эта) наполнена». [3]

Въ 1810 году въ петербургскій цензурный комитетъ представлена была рукопись: «Повелѣнія законодательныя, собранныя со всѣхъ древнихъ и нынѣ существующихъ узаконеній и расположенныя по матеріямъ Павломъ Волошиновымъ». Цензура нашла, что рукопись не можетъ быть напечатана, потому что узаконенія расположены въ ней безъ всякаго систематическаго порядка, названіе не имѣетъ никакого разумнаго смысла, и вообще она скорѣе можетъ запутать и повести къ заблужденію, нежели послужить вѣрнымъ руководствомъ для желающихъ поль-

---

[1] Матер. ст. 3, гл. II, стр. 48.
[2] См. Матер. ст. I, глав. I, стр. 17, 18.
[3] См. Истор. свѣд. стр. 14.

Digitized by Google

зоваться ею по дѣламъ судовымъ. Но Главное правленіе училищъ разрѣшило печатать книгу Волошинова, замѣтивъ, что критическіе разборы книгъ нисколько не входятъ въ обязанность цензурныхъ комитетовъ, которымъ предоставлено только право внушать кроткими мѣрами сочинителямъ и переводчикамъ, чтобъ они, при изданіи въ свѣтъ сочиненій и переводовъ, старались, сколько возможно, выправлять встрѣчающіяся въ слогѣ погрѣшности. [1]

Наконецъ въ томъ-же 1810 году въ петербургскій цензурный комитетъ представлена была надворнымъ совѣтникомъ Антоновскимъ рукопись подъ заглавіемъ «Журналъ или ежедневная записка всѣхъ случаевъ и плаванія, веденная вице-адмираломъ Бредалемъ во время военныхъ дѣйствій на Азовскомъ морѣ учебнымъ армейскимъ флотомъ подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала Ласси въ 1737 и 1738 годахъ». Комитетъ затруднился дать свое одобреніе, потому что рукопись имѣла видъ офиціальнаго акта, заимствованнаго изъ какого нибудь публичнаго архива. Но Главное правленіе училищъ опредѣлило дозволить напечатать рукопись, и такой приговоръ былъ важенъ особенно потому, что комитетъ заявилъ, что рѣшеніе Главнаго управленія послужитъ цензурѣ руководствомъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Подобнымъ же образомъ Главное правленіе училищъ разрѣшило печатать задержанную комитетомъ критику Измайлова на похвальное слово Суворову. [2]

Всѣ эти факты показываютъ намъ, въ какомъ туманѣ бродила въ это время цензура, путаясь въ лабиринтѣ непримиримыхъ противорѣчій. Она вертѣлась какъ бѣлка въ колесѣ, получая постоянно нахлобучки сверху, то за излишнюю снисходительность, то наоборотъ за неумѣстную строгость, при чемъ при полномъ административномъ произволѣ и вверху, и внизу, область цензурнаго вѣдѣнія оставалась до такой степени неопредѣлена, что цензора, помимо вопросовъ о политической благонадежности книгъ, вступали очень часто и въ область чисто литературной критики, и даже имъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать за чистотою языка и правильностью слога. Такова была цензура въ самые либеральные годы царствованія Александра. Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ, до чего дошла она въ эпоху реакціи, наступившую послѣ 12 года.

А. Скабичевскій.

---

[1] Матер. ст. 3-я, гл. II, стр. 48.
[2] Ibid., стр. 56, 57.

Digitized by Google

* * *

Въ часъ веселья и праздной забавы,
Какъ ребенокъ наивный вполнѣ,
Ты вѣнокъ обольстительной славы
Такъ любезно пророчила мнѣ.
Но одно лишь святое желанье
Въ ту минуту томило мнѣ грудь:
Усмирить это злое страданье,
Что̀ въ душѣ подымало рыданья,
И навѣки тихонько уснуть!
Такъ уснуть, ко всему безъ участья,
Чтобы жгучая жажда любви
Замерла, какъ природа въ ненастье,
Чтобы свѣтлые призраки счастья
Не будили желаній въ крови...

Въ наше время, дорогой прямой,
Бодрымъ шагомъ идти до могилы,
За идеей великой, святой —
Нужно чувствовать гордыя силы
И владѣть закаленной душой!
Быть готовымъ—безъ стоновъ, безъ крика
Подъ мечами враждебными пасть,
Въ битвѣ грозной, безжалостно-дикой,
Нужно грёзы о счастьи проклясть!..

А въ душѣ моей знойною тучей
Выплываютъ мечты за мечтой,
И отравой мучительно-жгучей,
Наполняютъ разсудокъ больной.
Не даютъ онѣ—цѣли прекрасной,
Безраздѣльно отдаться во власть...
Сердце бьется тревожно и страстно,
И душа молодая не властна
Грёзы личнаго счастья проклясть!..

П. Якубовичъ.

Digitized by Google

БОЛЬНОЙ ЖИТЕЛЬ.

(РАЗСКАЗЪ).

До своей деревни Мирону оставалось не болѣе пятнадцати верстъ, ничего незначущихъ для свѣжихъ ногъ. Но онъ прошелъ не одну сотню верстъ, усталъ, проголодался и почувствовалъ желаніе отдохнуть. Положа на землю сапоги и котомку, болтавшіеся у него за спиной, снявъ шапку и зачѣмъ-то посмотрѣвъ въ ея нутро, онъ нѣсколько минутъ оставался въ нерѣшительности, гдѣ ему присѣсть. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали шаршавые кусты, въ прошломъ году до чиста обглоданные скотомъ, а нынѣ только-что покрывшіеся рѣдкой, заморенной листвой; подъ кустами зеленѣла весенняя травка, а надъ ея уровнемъ кое-гдѣ возвышались плѣшивые бугры изъ глины, сдѣланные муравьями. Неизвѣстно почему, но Миронъ выбралъ мѣсто привала возлѣ одного изъ этихъ бугровъ.

Не медля ни минуты, онъ вынулъ изъ котомки съѣстные припасы, берестянный буракъ съ водой, и принялся, съ нѣсколько странными пріемами, закусывать, весь сосредоточившись на этомъ занятіи. Сначала онъ отрѣзалъ тоненькій листикъ ржаного хлѣба, посыпалъ его тончайшимъ, почти невидимымъ слоемъ соли и отложилъ съ величайшею бережливостью въ сторону. Потомъ принялся лупить луковицу; слупивъ съ нея осторожно первую кожуру, онъ собралъ ее на ладони и съ задумчивымъ видомъ соображалъ, нельзя ли и ее съѣсть? Однако, убѣдившись, что это не возможно, онъ съ сожалѣніемъ положилъ ее на траву. И тогда только рѣшился кусать листикъ хлѣба съ лукомъ. Съѣвъ первую порцію, онъ нѣкоторое время медлилъ, думая, что можетъ ограничиться такимъ обѣдомъ, но рѣшилъ еще отрѣзать немножко. Еще и еще, и такъ далѣе. Странная операція продолжалась долго и съ одинаковымъ однообразіемъ, пока луковица не была доѣдена. Тутъ ужь дѣлать было нечего: «Будетъ! и то ужь очень сладко!» сказалъ Миронъ съ укоризной, обращенной,

Digitized by Google

очевидно, къ собственному желудку. Сложивъ оставшуюся краюху ржаного хлѣба въ котомку, онъ задумался. Думалъ онъ о томъ, съѣсть ли ему оставшееся каленое яйцо или донести домой въ цѣлости, но искушеніе было столь сильное, что онъ поддался ему почти безъ сопротивленія. Послѣ этого онъ перекрестился, икнулъ и торопливо проговорилъ серьёзнымъ тономъ:

Богъ напиталъ,
Никто не видалъ;
А кто видѣлъ,
Тотъ не обидѣлъ.

Во все продолженіе обѣда онъ не обращалъ вниманія на окружающее. Пролетѣла ворона надъ его головой, сѣла на ближайшее дерево и принялась глядѣть на него; возлѣ него черезъ дорогу пробѣжалъ сусликъ, надъ самой его головой копошились какія-то твари; въ уши, въ носъ и ротъ лѣзли ему весеннія мошки. Но только послѣ прекращенія обѣда онъ оглядѣлъ окрестность. Вдали по дорогѣ показался еще человѣкъ, но за дальностью разстоянія Миронъ долго не могъ ничего разобрать. Прохожій понуро шелъ, глядя въ землю.

— Господи! Неужели Егоръ Ѳедорычъ! восклинулъ Миронъ, разинувъ ротъ отъ удивленія.

Послѣдній, внезапно окликнутый и выведенный изъ задумчивости, поднялъ голову.

— Ты ли, Егоръ Ѳедорычъ? продолжалъ спрашивать Миронъ.

Но на его восклицанія Егоръ Ѳедорычъ молчалъ, очевидно, не узнавая своего земляка.

— Стало быть, не признаешь?

Прохожій покачалъ головой.

— Мирона-то, говорю, не признаешь? Я Миронъ, чай помнишь... эка!

И на это прохожій только покачалъ головой, усиленно вглядываясь въ Мирона.

— Я Миронъ, ишь память-то у тебя отшибло!.. Миронъ Уховъ, Миронъ Петровъ, а по прозванію Уховъ... эка!

Прохожій узналъ и улыбнулся. Земляки поздоровались. Егоръ Ѳедорычъ также усѣлся на травѣ и снялъ свою котомку съ плечъ. Обыкновенно при такихъ неожиданныхъ встрѣчахъ люди принимаются усиленно говорить, захлебываясь и перебивая другъ друга, но при этой встрѣчѣ говорилъ и спрашивалъ одинъ только Миронъ, а Егоръ задумчиво вглядывался въ него, протянувъ ноги и пощупывая ихъ.

— Зудятъ? спросилъ Миронъ, указывая на ноги.

— Безпокойно, отвѣчалъ Егоръ Ѳедорычъ.

Digitized by Google

Онъ сидѣлъ также понуро, какъ и шелъ. Онъ былъ сгорбленъ, казался дряхлымъ, съ осунувшимся лицомъ, хотя жидкіе волоса его не имѣли ни одного сѣдого волоса.

— Знаю я это. Словно, кто жуетъ у тебя икру. Какъ и не зудиться, братецъ ты мой, ежели ты бывалъ, будемъ говорить примѣрно, и въ Питерѣ, и въ Москвѣ, и въ Крыму, и у казаковъ, и въ прочихъ палестинахъ... А ты ихъ дегтемъ мажь.

— Хорошо?

— Первое удовольствіе. Сейчасъ вытеръ больное мѣсто — и ничего, вреда нѣтъ.

Миронъ предложилъ Егору Ѳедорычу воды, видя его запекшіяся губы. Это дало новый оборотъ разговору.

— На какомъ же ты теперича положеніи сюда предъявился? За какой нуждой? спросилъ Миронъ.

— Побывать вздумалъ...

— Значитъ, дѣло?

— Нѣтъ, такъ... заскучалъ.

— Это вѣрно. Заскучать не долго. Ужь я на что человѣкъ, можно прямо сказать, домашній, да и то, даже на удивленіе!.. Все думаешь, какъ тамъ лошадь, благополучна ли корова. Тоже опять ребята, хозяйка—все забота, все безпокойство. Нынче я и не чаю, какъ домой прибѣжать...

— Несчастье?

— Нѣтъ, Богъ грѣхамъ терпитъ, несчастья нѣтъ. Но только вотъ мосолъ... Говоря это, Миронъ взволнованно смотрѣлъ на собесѣдника.

— Какой мосолъ?

— Обыкновенно мосолъ, кости... Ну, только вполнѣ измучился! И во снѣ-то, ночью, все онъ мнѣ видится, чуть прикурнешь, а ужь его видимо-невидимо! А на яву безперечь думаешь, въ какой препорціи покупать, за какія цѣны продавать и прочее тому подобное...

— Да ты о чемъ говоришь? спросилъ Егоръ Ѳедорычъ раздраженно.

— Обыкновенно, о костяхъ. Думаю я, братецъ, промышленность завести, прямо сказать — торговлю. Надоумилъ меня въ городѣ одинъ баринъ; не то, чтобы баринъ, а даже лакей въ господскомъ домѣ. Пришелъ я однова къ нему подъ лѣстницу— тринадцать копеечекъ полагалось съ него получить—пришелъ и гляжу: лукошко стоитъ, а въ лукошкѣ эта кость; стало быть, господа ѣдятъ убоину, а кости не трогаютъ...—Куды, спрашиваю, предназначаются? Тутъ-то я и узналъ, что кость идетъ въ пользу, хорошія деньги даетъ. Съ этой поры я и задумалъ.

*

Digitized by Google

— Ежели даетъ хорошія деньги, такъ на что лучше! сказалъ Егоръ Ѳедорычъ.

— То-то вотъ и разсчитываю. Иной разъ, Господи благослови, въ барышѣ у меня остается рубль, иной — три, а то такъ и нѣтъ ничего... Какъ вспомнишь, что тебѣ ничего не останется за всѣ твои труды-хлопоты, какъ подумаешь, что, сохрани Богъ, ухлопать свои собственныя денежки на этотъ мосолъ, все одно какъ дубиной тебя долбанетъ! Ты какъ мнѣ присовѣтуешь? съ нетерпѣньемъ и дрожью въ голосѣ спросилъ вдругъ Миронъ.

— Что-жь я тебѣ присовѣтую! возразилъ Егоръ Ѳедорычъ.— Я толку не знаю. Самъ бы я завсегда плюнулъ на эти полоумные пустяки, а ты какъ знаешь. Это ужь твое дѣло.

Егоръ Ѳедорычъ сталъ собираться. Замолчали. Тишина невозмутимая. Миронъ безпокойно поглядывалъ вокругъ, размышляя о своемъ дѣлѣ. А Егоръ Ѳедорычъ безучастно глядѣлъ въ даль.

Наконецъ, Миронъ первый нарушилъ молчаніе. Онъ предложилъ Егору Ѳедорычу идти вмѣстѣ. Оба они заразъ встали, закинули за спину свои котомки и молча зашагали по дорогѣ на родину. На полпути Егоръ Ѳедорычъ свернулъ въ сторону, объявивъ, что ему надо зайти въ другую деревню. Во все время, онъ не спросилъ ничего, что дѣлается дома, ни одного слова! Миронъ нѣкоторое время слѣдилъ глазами за его сгорбленной фигурой, медленно двигавшейся посреди кустовъ, и на мгновеніе задумался. Такое впечатлѣніе Егоръ Ѳедорычъ производилъ на всѣхъ, кто съ нимъ сталкивался.

Никто въ деревнѣ не обратилъ вниманія на возвращеніе Егора Ѳедорыча Горѣлова (такъ было его прозвище), когда онъ снова, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, поселился въ своемъ заброшенномъ домѣ. Жизнь деревни шла такимъ образомъ, что обитатели ея ничѣмъ не интересовались. У каждаго было свое собственное мучительное дѣло, и некогда думать о чужихъ.

Егоръ Ѳедорычъ нетолько не оскорблялся этимъ равнодушіемъ, но былъ радъ ему, потому что желалъ одного, чтобы его не трогали и не надоѣдали ему разными мучительными дѣлами. Одинокій, безъ семейства и безъ друзей, онъ безучастно и уединенно жилъ въ своей избѣ. Конечно, жуткій это былъ кровъ. Не говоря дурного слова о сосѣдяхъ, можно тѣмъ не менѣе подтвердить фактъ, что всѣ хозяйственныя постройки возлѣ избы куда-то пропали вмѣстѣ съ плетнями, заборами и воротами; послѣ нихъ на дворѣ остались однѣ груды мусора, да и тѣ заросли травой; а ветлы, посаженныя нѣкогда (давно это было) Его-

Digitized by Google

ромъ Ѳедорычемъ на задахъ, были срублены, и лишь корни ихъ еще виднѣлись изъ земли. Самая изба подверглась опустошенію; въ ней теперь стояла только печь, отъ которой несло холодомъ. Въ трубѣ поселились галки, въ сѣняхъ—летучія мыши.

Ни къ чему не прикасался Егоръ Ѳедорычъ по приходѣ домой. Онъ бросилъ въ одинъ уголъ охапку сѣна, служившаго ему постелью, купилъ чашку, ложку и котелокъ, въ которомъ по вечерамъ варилась жидкая кашица. Въ этомъ и состояло все его хозяйство. Странно сказать, онъ не бѣгалъ, не хлопоталъ и не имѣлъ никакого опредѣленнаго дѣла; странно потому, что всѣ въ деревнѣ бѣгали и хлопотали, все что-то такое устраивая.

Когда у него вышли всѣ деньги, онъ сталъ наниматься на работы, которой въ это время довольно было вездѣ. Вознагражденіемъ онъ довольствовался ничтожнымъ, беря гривенникъ или двугривенный, вообще столько, сколько ему надо было на хлѣбъ и на кашу. Это равнодушіе удивляло и радовало, такъ что всѣ брали его съ удовольствіемъ. Не нравилось только то, что онъ былъ плохой работникъ. Ѣдетъ онъ, напримѣръ, по пашнѣ съ бороной, а самъ все о чемъ-то думаетъ и такъ задумается, что ѣздитъ часъ, другой, третій. «Ты что̀ же дѣлаешь?» спрашиваетъ у него хозяинъ, и только тогда Егоръ Ѳедорычъ приходитъ въ себя.

Ни съ кѣмъ онъ не объяснялся о своихъ замыслахъ, да и у него никто не спрашивалъ, какъ онъ думаетъ жить по возвращеніи. Развѣ отъ нечего говорить спроситъ иной хозяинъ объ его дѣлахъ. Такъ, однажды хозяинъ принялся его пытать разными вопросами. Дѣло было на пашнѣ во время обѣда.

— Какъ же ты, Егоръ Ѳедорычъ, на счетъ хозяйства, думаешь принаравливать или такъ? спросилъ хозяинъ.

— Такъ, отвѣчалъ Горѣловъ.

— Мочи нѣтъ, т. е., напримѣръ, капиталу?

— Не желаю!

— А надо бы...

— Не надо, возразилъ Горѣловъ.

— Хозяйство? Чудакъ ты, я вижу, этакое неосторожное слово сказалъ! Да какъ же безъ хозяйства? хозяйство всякъ долженъ приспособить...

— Для чего?

— Это хозяйство-то? Очевидно, это слово ставило хозяина въ тупикъ.

— Да глухъ, что ли ты!..

— Ну, шутникъ ты, погляжу я. Потому хозяйство требуется, быть безъ него нѣтъ силы-возможности. Даже какой-нибудь мо-

Digitized by Google

шенникъ или собачій сынъ и тотъ.. Да какъ же это возможно, чтобы хозяйства не надо...

— Разное бываетъ хозяйство. Главное, чтобы въ умѣ былъ порядокъ. Который человѣкъ полоумный и никакого хозяйства въ душѣ у него не водится, тому все одно... Есть у тебя эдакое хозяйство? рѣзко спросилъ Горѣловъ.

Хозяинъ положилъ ложку на траву, положилъ туда же недоѣденный огрызокъ хлѣба и чесалъ спину. Изумленіе его было столь велико, какъ еслибы ему сказали, что его ноги, собственно говоря, ростутъ вмѣстѣ съ онучами у него на головѣ. Подумавъ немного, онъ снова взялъ ложку и только сказалъ въ глубокой задумчивости: вонъ оно какъ! Разумѣется, хозяинъ послѣ такого разговора пересталъ разспрашивать Горѣлова, чувствуя къ послѣднему неопредѣленный страхъ. Надо замѣтить, что этотъ крестьянинъ не обладалъ, строго говоря, никакимъ хозяйствомъ; онъ не могъ усидѣть ни около своей земли, ни у другого какого дѣла. Каждогодно онъ принимался за занятія, не имѣющія ничего общаго между собой. То онъ возитъ въ городъ на продажу дрова, покупая ихъ у Шипикина, то служитъ въ трактирѣ половымъ, то звонитъ въ колокола за мѣсто сторожа. И всякій разъ, по окончаніи одного изъ своихъ занятій, которыя были всегда новы и неожиданны, онъ приходилъ домой, чтобы поковырять немного землю. Но помаявшись нѣкоторое время надъ своимъ дѣломъ, онъ летѣлъ на поиски... Тѣмъ не менѣе, идея какого-то хозяйства была въ немъ еще такъ сильна и крѣпка, что онъ рѣшительно не могъ сжиться съ мыслью, что хозяйства у него давно уже нѣтъ.

Вообще, послѣ такихъ разговоровъ многіе жители деревни стали побаиваться Горѣлова. Оказалось, что говорить съ нимъ нѣтъ никакой возможности: нападаетъ тоска. Развѣ иной по незнанію впутается въ разговоръ, да и то спѣшитъ замолчать. Это было черезъ нѣсколько дней у другого мужичка, имѣвшаго неосторожность пристать къ Горѣлову за совѣтомъ. Горѣловъ нанялся къ нему за четырнадцать копеекъ помогать пахать. Между тѣмъ, хозяинъ недавно перенесъ глубокое несчастіе: у него развалилась изба. Чтобы поправить поскорѣе дѣла, онъ отобралъ годныя къ употребленію бревна отъ старой избы, прибавилъ къ нимъ круглыхъ чурбашковъ отъ курятника, присоединилъ еще нѣсколько слегъ отъ коровника и сочинилъ изъ этого нѣчто новое, якобы избу. Но убѣжище это не понравилось ему и мучило его однимъ своимъ видомъ, къ сожалѣнію, довольно страннымъ. Съ этимъ дѣломъ онъ и обратился къ Горѣлову, считая послѣдняго опытнымъ.

Digitized by Google

— Ты какъ думаешь о моей избѣ... выдержитъ? спросилъ онъ.

— Не знаю, отвѣтилъ Горѣловъ.

— Я полагаю—не выдержитъ! съ внезапнымъ отчаяніемъ выговорилъ хозяинъ.—Все она смотритъ вотъ эдакъ... Задомъ сѣла, и передъ подняла кверху.

— Что-жь, опрокинется! замѣтилъ Горѣловъ.

— Во, во! это самое, я и думаю! Не выдержитъ! Что-жь мнѣ съ ней, подлой, дѣлать?

— А я почемъ знаю!

— Нѣтъ, такъ къ слову, чтобы ты присовѣтовалъ? а?

— Да говорю тебѣ—не знаю!

— Однако, какъ бы ты думалъ? Чѣмъ бы эдакъ утвердить ее? Чего ей, сволочи, не достаетъ?

Горѣловъ, наконецъ, потерялъ терпѣніе.

— Лѣсу ей не достаетъ, а тебѣ ума и Бога... сказалъ онъ со злобой.

Молчаніе и оцѣпенѣніе. Хозяинъ буквально разинулъ ротъ, даже поблѣднѣлъ, потому что имъ овладѣлъ вдругъ какой-то суевѣрный страхъ.

Темныя слова, сказанныя Горѣловымъ, были, очевидно, ясны для него. Подъ ними онъ разумѣлъ цѣлый рядъ явленій, хорошо знакомыхъ ему, кровью пережитыхъ и потому особенно ненавистныхъ, какъ и все его прошлое, внушавшее ему одно отвращеніе. Между тѣмъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ былъ не тотъ, какимъ сталъ теперь. Большинство жителей деревни скажетъ, что тогда онъ жилъ ладно. Ладно, то есть вмѣстѣ со всѣми прочими. Всѣ метались, промышляя ѣду, и онъ метался. Никто не помнитъ истинной жизни, и онъ забылъ. Забылъ вплоть до того времени, когда ему случайно пришло на мысль волей-неволей оглядѣть себя. Въ это время онъ сдѣлалъ открытія, самъ не вѣря тому, какъ онъ могъ ихъ пропустить мимо глазъ и ушей.

Было ли въ его жизни что-нибудь особенное? Нѣтъ, ровно ничего такого, что было бы необыкновенно въ деревенской жизни. Пожалуй, можно приписать случившійся въ его настроеніи переворотъ трешницѣ, но исторія ея также обыкновенна. Она состояла въ слѣдующемъ. Былъ у Егора Ѳедорыча шестилѣтній сынъ Мишка. Неизвѣстно, любилъ ли онъ его, какъ единственную свою опору въ будущемъ, только особеннаго вниманія Мишка не обращалъ на себя. Мальчонко росъ, ѣлъ, бѣгалъ по лужамъ, ловилъ воробьевъ, ѣздилъ верхомъ на телятахъ, ревѣлъ, когда его колотили, или шалилъ, когда его забывали на цѣлую недѣлю, все какъ слѣдуетъ. Но вотъ однажды пришлось Егору

Digitized by Google

Ѳедорычу прихватить у сосѣда деньжонокъ; тотъ далъ и въ назначенный срокъ аккуратно пришелъ за долгомъ. Егоръ Ѳедорычъ также аккуратно вытащилъ изъ-за пазухи кожанный кошель, а изъ кошеля осторожно вынулъ трешницу и нѣжно разглаживалъ ее на ладони. И вдругъ дьяволъ подтолкнулъ Мишку выпросить у отца бумажку, чтобы посмотрѣть на нее хоть однимъ глазкомъ. Не успѣлъ отецъ опомниться, какъ сорванецъ подбѣжалъ къ печкѣ, которая топилась, и выронилъ бумажку, заявивъ объ этомъ несчастіи страшнымъ ревомъ. Моментально всѣ находящіеся въ избѣ бросились къ печкѣ и нѣсколько паръ глазъ вперились въ огонь. Бумажка вспыхнула и пропала. Егоръ Ѳедорычъ бросился отъ печки, догналъ улепетывающаго Мишку, и внѣ себя отъ ужаса и отчаянія, принялся тузить его. И вѣдь, правильно говоря, не долго тузилъ. Но Мишка съ этой поры сталъ какой-то дуракъ, чистый юродивый. Изъ ушей у него текло, изо рта текло, изъ носу текло, глаза смотрѣли тупо, слышать онъ пересталъ. Потомъ онъ померъ.

Такъ вотъ. Пожалуй, можно приписать случившійся въ душѣ Егора Ѳедорыча переворотъ трешницѣ, но, вѣроятно, были общія, болѣе широкія условія всей деревенской жизни, благопріятствовавшія, вмѣстѣ съ трешницей, превращенію Егора Ѳедорыча изъ хозяина въ бездомнаго шатуна, не знавшаго нигдѣ покою. Самыя обыденныя и обыкновенныя вещи ему опротивѣли съ этого времени. Первымъ предметомъ его отвращенія сдѣлался ближайшій къ нему человѣкъ—хозяйка его Аннушка. Не то, чтобы она была, дѣйствительно, противная баба, совсѣмъ напротивъ. Аннушка работала съ нечеловѣческими усиліями, по лошадиному, а потребности имѣла ничтожныя. Однимъ словомъ, кладъ баба. Видъ ея былъ всегда растерянный и пугливый, но это происходило оттого, что она не давала себѣ отдыха. Даже въ свободныя минуты она готова была куда-то бѣжать, что-то схватить, взвалить на спину и тащить, такое ужь лицо у ней было безпокойное. Сидитъ, напримѣръ, въ воскресенье и ѣстъ чатрушку, но вдругъ вспомнитъ какую-нибудь картошку, которую надо будто бы перечести вотъ въ этотъ уголъ, вспомнитъ и ринется, а потомъ ужь цѣлый день все что-то перетаскиваетъ, перекатываетъ и перевозитъ, тяжело дыша. А къ вечеру валится, какъ убитая и спитъ, какъ бездыханный трупъ. Такая неустанная дѣятельность уживалась рядомъ съ неряшливымъ одѣяніемъ, съ замореннымъ лицомъ и вѣчной бѣдностью всюду, гдѣ она только проявляла эту дѣятельность.

Наблюдая за ней, Егоръ Ѳедорычъ питалъ все бо̀льшую и бо̀льшую ненависть къ ней. За то, что она работала до упаду,

Digitized by Google

за то, что у ней не было ни минуты покою, однимъ словомъ, за все, что въ ней было для всѣхъ постороннихъ хорошаго, онъ чувствовалъ отвращеніе къ ней, какъ и къ картошкѣ, узламъ, отрубямъ и прочей дряни, ради которой она убивалась. Иногда кипѣвшая внутри его злоба вырывалась наружу.—Да, ты хоть бы разъ подумала... Спрашиваю я, для какой надобности ты всполошилась, и вообще по какимъ причинамъ ты живешь? Ну, хоть бы одно ты путное слово обронила... туды, сюды мечешься, какъ оглашенная, тамъ накричишь, въ другомъ мѣстѣ наругаешься... хлопъ—и спишь»... Говоря это, Егоръ Ѳедорычъ чувствовалъ всю безнадежность этихъ словъ и всей своей жизни. Наконецъ, онъ не выдержалъ и отправился на заработки, да тамъ и застрялъ на нѣсколько лѣтъ. Аннушка также ушла на заработки, долго мыкалась по свѣту Божьему. Потомъ померла.

Получивъ полнѣйшее отвращеніе ко всѣмъ обычнымъ дѣламъ и порядкамъ, Егоръ Ѳедорычъ нигдѣ и ни на чемъ ужь не могъ остановиться. Поработавъ въ одномъ мѣстѣ, онъ шелъ въ другое, гонимый какимъ-то безпокойнымъ чувствомъ. Онъ колесилъ по всей Россіи, побывалъ въ самыхъ темныхъ ея закоулкахъ, но нигдѣ по долгу не оставался. Недавно онъ заскучалъ по родной сторонѣ и поплелся туда.

Теперь безпокойное чувство утихло немного, и онъ мирно жилъ въ своей старой избѣ. Каждый день онъ шелъ куда-нибудь работать, а вечеромъ возвращался домой, разводилъ въ печкѣ огонь, варилъ кашицу и грѣлъ мозжившія ноги. Морщинистое лицо его было спокойно и безучастно. Повидимому, ничего не ожидая отъ жизни, онъ ничѣмъ не волновался. Его не манила къ себѣ деревенская суета, не прельщала его копейка, и не гонялся онъ за кускомъ. Какой-нибудь гривенникъ вполнѣ удовлетворялъ его. Но у него была внутренняя жизнь, волновавшая его, были внутреннія раны, которыя болѣли, потому что онъ самъ ихъ бередилъ.

Сидя передъ пылающей печкой, Егоръ Ѳедорычъ весь погружался въ свои думы. Деревня давала ему матеріалъ ежедневно, а онъ его перерабатывалъ, только мысли его принимали чрезвычайно странныя формы. Онъ думалъ о своей родной деревнѣ, припоминая въ тоже время Аннушку и Мишку. Всѣ свои думы онъ олицетворялъ въ этихъ двухъ образахъ, врѣзавшихся ему въ память такъ сильно, что онъ уже не могъ обойтись безъ нихъ, размышляя о деревенской жизни. А послѣдняя ежеминутно врывалась въ его жизнь, хотя онъ казался равнодушнымъ ко всему. Онъ не могъ оторваться отъ нея, хотя старался не думать о ней. Да, наконецъ, поэтому-то онъ и возвратился къ

Digitized by Google

своей землѣ, въ свою избу, что они, помимо его воли, влекли къ себѣ. И вотъ онъ волей-неволей задумывался надъ жизнью деревни, волнуясь, припоминая, гнѣваясь и страдая... Все это переживалось передъ печкой. Когда ему въ голову лѣзли ненавистные для него деревенскіе порядки, когда въ немъ поднималось отвращеніе къ «полоумству», тогда вдругъ деревня превращалась въ Аннушку, которая вставала передъ нимъ во весь ростъ, и онъ ссорился съ деревней, которая все суется за какой-то картошкой, все о чемъ-то горячо, до смерти хлопочетъ, но ничего изъ этого не выходитъ путнаго. Видъ ея растерянный, дѣла полоумныя и ни ума, ни Бога...

— Хозяйка! говоритъ Горѣловъ вслухъ, забывъ, что Аннушка давно умерла. — Да ты хоть бы однажды одумалась, полоумная, по какимъ причинамъ ты живешь? Что ты все суешься, дура!

Воспаленные глаза Горѣлова неподвижно смотрѣли на огонь, и все лицо его выражало ненависть: онъ припоминалъ и соединялъ все гнусное изъ жизни своей деревни... Но въ сущности онъ жалѣлъ ее отъ всего сердца, любилъ, былъ до могилы привязанъ къ ней, къ этой несчастной странѣ, которую оглушили, изувѣчили. Тогда появлялся Мишка, какъ живой, и на лицѣ Горѣлова появлялась невыразимая жалость.

— Мишка! говорилъ Горѣловъ шепотомъ: — ты не сердись... прости меня!.. Славный былъ бы мужикъ... прости, Мишка!

Егоръ Ѳедорычъ съ тоской глядитъ въ одну точку печки и совершенно позабываетъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Но всѣ эти представленія и лица, предметы и событія, перепутанные и темные, были для него ясны, какъ божій день, и составляли одно цѣлое. Деревня и Аннушка, Мишка и мужики — все это совершенно складно соединялось у него. Первую онъ ненавидѣлъ, втораго жалѣлъ. Первой онъ приписывалъ полоумство, глупость, второй вызывалъ внутри его невидимыя рыданія. Отъ первой онъ бѣжалъ, второму хотѣлъ помочь. И для него все было ясно.

Такъ онъ проводилъ свои вечера. Трудно сказать, до чего онъ дошелъ бы въ этомъ мучительномъ перебираніи пустяковъ и припоминаніи безпутно проведенной жизни, если бы онъ имѣлъ средства безотлучно торчать передъ печкой. Но у него не было гривенника, и чтобы добыть его, онъ долженъ былъ по неволѣ забывать свои думы, жить день за день, сталкиваться съ людьми, проникаться ихъ несчастіями и слушать деревенскіе разговоры. За постоянной работой ради этого гривенника, за неминуемыми разговорами все о томъ же гривенникѣ должна была неизбѣжно протекать и его жизнь.

Digitized by Google

Черезъ нѣкоторое время даже въ самой въ избѣ его поселился сожитель, нѣкій Ѳедосей, повидимому старичокъ, на самомъ же дѣлѣ еще довольно молодой мужикъ, только страдавшій ломотой въ рукахъ, а потому безпомощный. Не имѣя пристанища въ деревнѣ, хотя былъ кореннымъ ея жителемъ, онъ попросился къ Горѣлову, обольщая его двадцатью копейками ежемѣсячной платы. Эта просьба цѣлый часъ оставалась безуспѣшной.—Пустишь? со страхомъ спрашивалъ Ѳедосей, не переставая обольщать: — тоже, братъ, двадцать-то копеекъ—деньги! онѣ, двадцать-то копеекъ съ полу не подымаются! Двугривенный, соколъ мой! А при всемъ томъ я прошу Христомъ Богомъ, сдѣлай снисхожденіе несчастному!

— Молчи! съ негодованіемъ, наконецъ, сказалъ Горѣловъ, выходя изъ себя. — Больно мнѣ нуженъ твой гривенникъ, или двугривенный... Чтобы ни слова, а иначе по шеѣ...

Ѳедосей со страхомъ смотрѣлъ въ лицо Горѣлова, ожидая его рѣшенія, какъ смерти. Но къ удивленію и радости его, Горѣловъ согласился пустить его въ свой домъ на жительство, указавъ уголъ, гдѣ онъ могъ спать, сколько ему угодно. Онъ только утвердительнымъ тономъ выговорилъ условіе, чтобы Ѳедосей не болталъ. Придешь съ работы, шлепъ въ уголъ—и молчи, а иначе по шеѣ!.. Это условіе Ѳедосей свято исполнялъ.

Нельзя представить себѣ болѣе дѣловаго человѣка, какъ этотъ Ѳедосей. Проживъ свое хозяйство, свой домъ и свою семью, онъ остался спокоенъ, какъ генералъ, проигравшій сраженіе. У него каждый день находились дѣла. Правда, заработки его были плохіе, кто же дастъ ему работу, коли руки у него не годятся? — но Ѳедосей оставался твердъ и дѣятельно искалъ работы и пищи, и если иногда обстоятельства ставили его въ недоумѣніе, такъ онъ не долго раздумавая, бралъ кошель и знакомымъ ему тономъ вымаливалъ куски Христа ради. Послѣднее занятіе было даже вѣрнѣе; не бывало случая, чтобы Ѳедосей приходилъ домой съ пустыми руками. Куски всегда приносились въ достаточномъ количествѣ, вслѣдствіе чего Ѳедосею непремѣнно представлялась возможность, по приходѣ домой, заняться подробнымъ вычисленіемъ и сортированіемъ добычи. Онъ высыпалъ всю добычу изъ кошеля и раскладывалъ куски на кучи. Вотъ эту сейчасъ съѣсть, эта пойдетъ на завтрашній день, эта куча предназначается къ продажѣ, а эту должно обратить въ сухари. Ѳедосей разсчитывалъ глубокомысленно, какъ банкиръ, подводящій балансъ. Вообще, жизнь Ѳедосея была занятая, полная. Въ то время, когда онъ поселился у Горѣлова, онъ нашелъ довольно складную работу. На маслобойнѣ въ сосѣдней деревнѣ нала ло-

Digitized by Google

шадь, возившая ремень, которымъ вертѣлись маслобойныя колеса. Узнавъ объ этомъ, Ѳедосей живо скаталъ на маслобойню и послѣ непродолжительныхъ переговоровъ подрядился возить колеса впредь до того времени, когда хозяиномъ будетъ пріобрѣтена новая лошадь, за что получалъ шесть копеекъ въ сутки и мѣру толокна.

Никакого имущества Ѳедосей не имѣлъ; все у него было ободрано, рвано, вонюче. Но Ѳедосей не унывалъ никогда, довольный всѣмъ міромъ, всей своей жизнью, и въ томъ числѣ и своей одеждой. Однако и у него были свои пристрастія. Во-первыхъ, онъ до безконечности любилъ сахаръ и постоянно имѣлъ его, хотя бы въ видѣ огрызка съ булавочную головку. Гдѣ онъ его доставалъ — неизвѣстно, но каждый вечеръ, послѣ серьёзной и утомительной дѣятельности, за ужиномъ онъ сгрызалъ немножко сахару, и только тогда спокойно укладывался спать. Другою страстью его были рукава полушубка. Полушубокъ давно протухъ, истлѣлъ и износился — званія его не осталось, но рукава остались. Ѳедосей неизмѣнно надѣвалъ ихъ на руки и говорилъ, что безъ нихъ ему давно бы пришелъ смертный часъ. Онъ ихъ любилъ, берегъ, и боялся, какъ бы ихъ не украли.

Горѣловъ въ первое время усиленно наблюдалъ Ѳедосея и въ концѣ-концовъ, къ своему собственному удивленію, сталъ жалѣть его. Иногда онъ кое въ чемъ помогалъ ему, иногда давалъ ему кашицы. Ѳедосей за это такъ привязался къ нему, что въ дождливое время отдавалъ ему на храненіе рукава.

Въ рѣдкія минуты у Горѣлова являлось желаніе вмѣшаться въ дѣла деревни. Такъ было черезъ недѣлю послѣ того, какъ въ его домѣ поселился Ѳедосей. Егора Ѳедорыча потребовали на сходъ, и онъ не отказался идти. На очереди стояли два вопроса. Во-первыхъ, пустить Рубашенкова съ лавочкой, или отказать ему. Второй вопросъ заключался въ томъ, согласны ли міряне сдѣлать единовременный взносъ одной копейки съ души на покупку канцелярскихъ принадлежностей для сборной избы, гдѣ сельскій писарь растратилъ всѣ слюни для выдуманнаго имъ способа дѣлать рыжія чернила и обозлился, вымаливая у бабъ гусиныхъ перьевъ, такъ какъ стальныя перья составляли для него неосуществимую мечту. Міряне, послѣ продолжительныхъ взаимныхъ оскорбленій, согласились на уплату одной копейки, которую, впрочемъ, рѣшено было выбить изъ мірянъ черезъ мѣсяцъ, по причинѣ безденежнаго сезона.

Горѣловъ раздраженно покачалъ головой и выбросилъ на столъ нѣсколько мѣдяковъ — поступокъ, вызвавшій во всѣхъ присутствовавшихъ оцѣпенѣніе, а потомъ благодарность. Горѣловъ на

Digitized by Google

этотъ разъ сдержался и отошелъ въ самый дальній уголъ, гдѣ на лавочкѣ помѣщался Прохоровъ, бывшій на этотъ разъ въ трезвомъ состояніи. Прохоровъ имѣлъ довольно жалкій видъ: короткіе штаны, открывавшіе голыя икры, коты на ногахъ вмѣсто сапогъ не придавали ему бодрости; онъ робко прижался въ уголъ, не смѣлъ слова выговорить и чего-то стыдился. Сосѣдство же Горѣлова привело его въ полное смущеніе; онъ еще плотнѣе прижался къ углу, повидимому желая влѣзть въ самую стѣну, чтобы скрыться тамъ.

Горѣловъ, конечно, и не думалъ пугать кроткаго Прохорова, который только вообразилъ это, потому что съ малыхъ лѣтъ былъ напуганъ всей совокупностью нехорошей жизни. Лицо Горѣлова, правда, исказилось злобою, но она относилась къ рѣшенію схода относительно Рубашенкова. Рѣшено было въ такомъ смыслѣ: по причинѣ того, что сладиться съ Рубашенковымъ нѣтъ возможности, то взять съ него четыре ведра, а лавочку пущай заводитъ! Это было обыкновенное рѣшеніе. Крестьяне чувствовали свою немощь и вознаграждали себя за безсиліе водкой.

Таково было обаяніе имени Рубашенкова. Это былъ природный житель деревни, который рано понялъ невыгоду быть битымъ дуракомъ. Нѣкогда постояннымъ занятіемъ его было выпусканіе хлѣба изъ амбаровъ посредствомъ пробуравленія дыръ, но затѣмъ онъ нашелъ это рукомесло невыгоднымъ и бросилъ его; отъ него остались только незначительныя признаки на лицѣ, а именно: рубецъ на лбу, ближе къ лѣвому виску и поротое лѣвое же ухо. Онъ сдѣлался подрядчикомъ у Тараканова, занимался наймомъ рабочихъ, которые боялись его пуще огня. Въ немъ была одна глубокая, совершенно немошенническая черта: онъ страшно, систематически мстилъ за свое прошлое. Иногда онъ не обращалъ вниманія даже на матеріальные интересы свои, чтобы только удовлетворить жажду мести къ крестьянамъ, мести, которая сдѣлалась его наслажденіемъ и сознательнымъ удовольствіемъ, почти усладой его темной жизни. Онъ насмѣшливо издѣвался надъ пойманнымъ крестьяниномъ и радовался до одуренія, когда послѣдній валился къ его ногамъ. По большей части, онъ прощалъ его. Впрочемъ, и матеріальные интересы его не страдали; онъ уже завелъ въ нѣсколькихъ деревняхъ мелочныя лавочки, а теперь думалъ устроиться съ лавочкой и въ той деревнѣ, гдѣ жилъ Горѣловъ.

Горѣловъ протискался впередъ и заговорилъ. Послѣ нѣкоторыхъ усилій ему удалось заставить себя слушать. Онъ говорилъ толково, но волновался и задыхался. Онъ увѣрялъ, что жизнь идетъ не хорошо; настоящихъ людей нѣтъ, остались какія-то

Digitized by Google

твари худыя. Главное—нѣтъ ума и Бога! живемъ мы, можно прямо сказать, не для себя и не для другихъ прочихъ, а такъ, для полоумныхъ пустяковъ... Второе—науки намъ нѣтъ, по причинѣ чего и идетъ эта безтолочь. Подумайте сами: неужели-жь нѣтъ никакого сладу съ этимъ Рубашенковымъ, прямо сказать, негодяемъ, который радъ, что нашелъ уйму дурачья, а это дурачье пьетъ за его здоровье ведрами»?..

— По моему разсужденію, кончилъ Горѣловъ, съ лавочкой Рубашенкова не допускать. А чтобы онъ больше не путалъ народъ, прописать ему мірской приговоръ, въ томъ смыслѣ, что, молъ, видѣть его больше не желаемъ.

Горѣловъ замолчалъ какъ-то вдругъ. Лицо его сразу осунулось, и онъ безнадежно слушалъ гамъ, поднявшійся затѣмъ. Большинство сначала перетрусилось до невѣроятности, услышавъ предложеніе; нѣкоторые побѣлѣли, какъ снѣгъ. Третьи закричали, выражая накипѣвшую злобу противъ своего безсилія, что надо бы, давно надо бы спровадить его этакимъ манеромъ.» За ними почувствовалъ приливъ злобы и весь сходъ. Со всѣхъ сторонъ кричали: «чтобы и другому псу неповадно было». Потомъ всѣ принялись ругать и издѣваться надъ Рубашенковымъ. Каждый старался выкрикнуть самый ѣдкій эпитетъ, самое вонючее слово. Егоръ Ѳедорычъ ушелъ—невозможно было дышать въ этой атмосферѣ. Онъ понялъ, что дѣло вонючими словами только и ограничится. Не то, чтобы онъ пораженъ былъ невыгорѣвшившимъ предложеніемъ.. что ему Рубашенковъ? онъ и говорить-то не хотѣлъ объ этомъ негодяѣ. Онъ желалъ только взволновать душу крестьянскую, заставить одуматься, а вышло совсѣмъ иное, совсѣмъ противное, полоумное.

— Поди-жь ты... мочи не стало, сказалъ съ отчаяніемъ Горѣловъ, идя домой, на другой конецъ села. Онъ шелъ, не обращая вниманія ни на что, всецѣло погруженный въ себя. Вдругъ позади его раздалось шлепанье котовъ, усиленные плевки и грозная рѣчь. Какъ оказалось, это бурлилъ Прохоровъ, успѣвшій зайти въ кабачокъ и выпить, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы потерять обычную робость и сдѣлаться гордымъ. Онъ гордо шлепалъ котами и разсуждалъ о своемъ умѣ, но, по обыкновенію, доказывалъ это положеніе издалека. Сначала онъ разговаривалъ съ какимъ-то невидимымъ врагомъ, который, должно быть, оспаривалъ его положеніе, но замѣтивъ Горѣлова впереди, принялся его вызывать на словопреніе, а если можно, и на бой. Горѣловъ молчалъ.

— Позвольте, господинъ умникъ, остановить васъ малость... Горѣловъ, какъ-будто ничего не слыша, продолжалъ шагать.

Digitized by Google

— Позвольте съ вами одинъ моментъ поговорить, продолжалъ приставать Прохоровъ, но не встрѣтивъ возраженія, сталъ разговаривать съ затылкомъ Горѣлова.—Позвольте, умница вы наша, теперь узнать, что есть жукъ... въ какомъ разсужденіи у васъ жукъ?

Волей не волей Горѣловъ слушалъ и на этотъ разъ съ недоумѣніемъ.

— Не знаете? Вотъ тото и оно! А еще умникъ!.. Жукъ есть самая послѣдняя, напримѣръ, тварь, въ которой существуетъ естественная глупость. Сидитъ этотъ жукъ въ навозѣ, жретъ этотъ самый навозъ и ни въ какомъ случаѣ свѣту Божьяго не видитъ. Но никто не смѣетъ сказать ему: подлецъ ты, жукъ! дуракъ! Никто не смѣетъ, потому что онъ живетъ по жучьему, по своимъ правиламъ! Вѣрно я разсуждаю?

Горѣловъ прислушивался, и на его сумрачныхъ чертахъ появилась слабая улыбка.

— Теперь позвольте васъ спросить, господинъ умникъ: какое дать названіе мірянину нашему, этому православному-то мужичу, одру-то нашему?

— Не знаю, невольно отвѣчалъ Горѣловъ.

— Онъ есть жукъ...

— Кто?

— А мірянинъ-то, съ которымъ по глупости нынче вы разсуждали, оболтусъ-то нашъ... Онъ — жукъ, говорю. Живетъ онъ въ навозѣ, жретъ этотъ самый навозъ, а свѣту Божьяго не видитъ... А умнѣйшій человѣкъ во всей округѣ, господинъ Горѣловъ, считаетъ, что имѣетъ полное право ругать его: ахъ ты, дуракъ, дуракъ! скотина, молъ, ты чумазая!

Лицо Прохорова засіяло радостнѣй, и онъ принялся говорить о своемъ умѣ, ругая Горѣлова и всѣхъ. Послѣдній долго ничего не отвѣчалъ, и только подойдя къ своему дому, оборотился къ Прохорову возразилъ ему заразъ на все.

— Ежели бы ты въ самомъ дѣлѣ былъ умный мужикъ, такъ ты бы допрежь всего прочаго подумалъ, откуда бы свѣту-то Божьяго получить, съ какой стороны, отъ какого солнышка?.. А потому скажу: ахъ ты дуракъ, дуракъ! пошелъ лучше спать, пьяная рожа!

Горѣловъ поплелся къ своей избѣ, а Прохоровъ, отъ неожиданности, на одно мгновеніе даже отрезвѣлъ, съежился, струсилъ и пугливо посматривалъ на уходившаго Горѣлова.

— Оголтѣлъ народъ душевно! сказалъ Горѣловъ задумчиво, по приходѣ въ свою избу. Онъ задумался надъ этимъ случаемъ, надъ Прохоровымъ, надъ его пьянствомъ. Но незамѣтно для себя

Digitized by Google

онъ пересталъ питать презрѣніе къ пропойству, которое сдѣлалось предметомъ его мысли и не ругалъ пропойцевъ, потому что принялся объяснять ихъ. Такая перемѣна особенно рѣзко объявилася въ другомъ случаѣ, на который онъ случайно натолкнулся черезъ нѣсколько дней. Случай этотъ представилъ своей особой Портянка.

Его настоящее имя было Тимофей, фамилія—Портянковъ, но его всѣ звали просто Портянкой—до такой степени онъ упалъ во мнѣніи всѣхъ. Онъ всегда находился въ состояніи безсознательномъ. Былъ ли онъ пьянъ или трезвъ, онъ всегда оставался безчувственнымъ. Время онъ дѣлилъ такъ: всю недѣлю работалъ, въ воскресенье пилъ, присоединяя иногда къ праздничному дню и понедѣльникъ, и не останавливаясь передъ закладомъ портковъ, если они не были надѣты въ моментъ жажды. Лицо его всегда было одутлое и больное, хотя толстое, подобно свиному пузырю; глаза безсмысленны. Но здоровье еще оставалось въ немъ. Всѣ съ охотой брали его на работу, потому что онъ не обращалъ вниманія, выдержитъ ли его пупъ, или треснетъ. Что бы ни заставили его дѣлать, онъ безмолвно ворочалъ, возилъ, таскалъ съ покорностью слона. Онъ буквально молчалъ нѣсколько лѣтъ, и если пытался иногда выразить что-нибудь, то крайне безтолково и безсвязно: онъ разучился говорить.

И пьяный онъ никогда не говорилъ. Тогда онъ падалъ даже ниже: молча напьется, выйдетъ на улицу — хлопъ, и лежитъ безъ движенія; лежитъ до тѣхъ поръ, пока работодатель, нанявшій его, самъ не придетъ и не растолкаетъ его пинками.

— Эй ты, бревно! будетъ тебѣ отдыхать! кричитъ онъ, пуская въ ходъ пинки.

— Вставай, одеръ! Довольно ужъ поспалъ! съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ кричитъ хозяинъ и съ бо́льшимъ остервененіемъ будитъ «одра».

Послѣ этого Портянка вставалъ и покорно слѣдовалъ за хозяиномъ; но не просыпался, потому что спалъ вѣчно, безпрерывно, какъ въ могилѣ.

Когда Егоръ Ѳедорычъ къ вечеру этого дня вышелъ изъ дому, чтобы поспросить въ деревнѣ, нѣтъ ли какой работишки на завтрашній день, онъ наткнулся внезапно на лежавшаго безъ движенія Портянку и невольно остановился надъ нимъ. Но въ эту минуту къ нему подходилъ Миронъ Уховъ.

— Никакъ Портянка? еще издали сказалъ онъ:—такъ и есть, онъ самолично. Я его искалъ-искалъ, а онъ вотъ! Здорово, Егоръ Ѳедорычъ!

Digitized by Google

Послѣдній отвѣтилъ на привѣтствіе, а Миронъ принялся будить Портянку.

— Ей ты, быкъ! поворачивайся! кричалъ онъ, толкая спящаго.

«Портянка» не шевелился. Миронъ употребилъ болѣе энергическія мѣры.

— Бусь... послышалось глухо, какъ изъ-подъ земли. Это говорилъ Портянка.

— Шевелись, бревно проклятое! некогда мнѣ съ тобой тутъ валандаться!

— Бусь...бубусь... возразилъ Портянка.

— Вонъ до чего налопался... что есть слова путнаго не выговоритъ! сказалъ Миронъ, тяжело переводя духъ и обращаясь къ Горѣлову.

— Да зачѣмъ онъ тебѣ? спросилъ Горѣловъ.

— Онъ нанялся. Завтра чуть свѣтъ въ поле... А не разбуди его—до полдѐнъ завтра пролежитъ, какъ бревно!

— Что же ты съ нимъ хочешь сдѣлать?

— Утащить къ себѣ, чтобы съ глазъ не спускать.

— А какъ ты его утащишь? удивленно замѣтилъ Горѣловъ.

— Какъ ни то, надо... За ноги, что ли!.. А то бы ты помогъ? обратился Миронъ съ просьбой.

Горѣловъ согласился. Вдвоемъ они подняли Портянку, взяли его подъ руки и повели. Дорогой Портянка велъ себя не хорошо, валясь то на ту, то на другую сторону, то устремляясь впередъ, то пятясь назадъ. Для предотвращенія этихъ колебаній, Миронъ хлопалъ Портянку то по переду, то по заду, смотря по надобности. Лицо Горѣлова затуманилось состраданіемъ, но глаза выражали злобу.

— Зачѣмъ ты его бьешь? лечить его надо! сказалъ онъ Мирону.

Миронъ больше не дѣлалъ изъ своего кулака руля, для направленія пути Портянки. Онъ разсказалъ Горѣлову свое горе, состоявшее въ томъ, что вслѣдствіе хлопотъ надъ костями, онъ не можетъ самъ завтра выѣхать въ поле докосить лужокъ, а на Портянку не полагается вполнѣ, опасаясь, какъ бы онъ и на завтрашній день не остался въ безчувствіи.

— Ежели бы ты помогъ? а! Съ заискивающей лаской обратился Миронъ къ Горѣлову.

— Что же, мнѣ все одно, гдѣ ни работать, согласился Горѣловъ.

Миронъ несказанно обрадовался, найдя двухъ такихъ невзыскательныхъ работниковъ. Остальная часть дороги прошла безъ всякихъ приключеній. Портянку благополучно привели на мѣсто,

Digitized by Google

именно на погребушку, предварительно давъ тѣлу его положеніе дуги, и положили его на солому.

Егоръ Ѳедорычъ постоялъ еще съ минуту въ задумчивости и отправился домой.

Ему очень дурно работалось у Мирона, вялость на него напала такая, что по вечерамъ онъ отказывался отъ ужина, недоумѣвая, спать ему или не спать. Къ довершенію его глухого недовольства, работы у Мирона растянулись на цѣлую недѣлю: то сѣно было мокро отъ дождя, то слишкомъ сильно дулъ вѣтеръ, и нельзя было его метать въ стога. Хоть онъ и говорилъ, что ему все одно, гдѣ ни работать, но Миронъ надоѣлъ ему. Одинъ видъ этого суетливаго, вѣчно мечущагося мужичка, раздражалъ его. Къ нему возвратились обычныя чувства—тоска и злоба, силу которыхъ Миронъ ежеминутно увеличивалъ своей возмутительной дѣятельностью.

Онъ, этотъ самый Миронъ Уховъ, былъ настоящій «трудолюбивый муравей». Всю жизнь онъ о чемъ-то хлопоталъ, за что-то страдалъ и чего-то ужасался. Ужасался—вотъ слово, которое хотя нѣсколько опредѣляетъ и объясняетъ внутреннее его состояніе. Голодный ли червь сидѣлъ въ немъ и жралъ его, напуганъ ли онъ былъ съ дѣтства какимъ-нибудь случаемъ — кто его знаетъ; какъ бы то ни было, жизнь для него была чрезвычайно печальнымъ обстоятельствомъ, пугавшимъ его до такой степени, что онъ рѣшительно не зналъ, что съ ней дѣлать. Мучился онъ тамъ, гдѣ для другого была только ничтожная непріятность. Стала въ эту весну у его лошадки лѣзть шерсть, такъ онъ измаялся, глядя на нее, словно у него у самого лѣзла шерсть; въ продолженіи мѣсяца онъ все похаживалъ около нея и съ смертельной тревогой поглядывалъ, заранѣе приготовляя себя къ мысли, что лошадка околѣетъ.

Этотъ ужасъ ко всему на свѣтѣ былъ вполнѣ неоснователенъ. Мужикъ жилъ ладно, не нуждался особенно и не таскался по міру. Весь его дворъ и домъ, имущество и хозяйство носили на себѣ слѣды неусыпности хозяина. Только все это было въ маломъ видѣ. Крохотная избушка его имѣла одно окошечко со стеклами и одно съ тряпицей. Дворъ его также микроскопичный, окруженъ былъ какими-то ничтожными строеніями, похожими будто бы на амбары, сараи, погреба. Это и на самомъ дѣлѣ, были амбары, сараи и т. д., но значительно уменьшеннѣе противъ естественной величины. Въ сарайчики и погребушки онъ и его домашніе ходили слѣдующимъ замысловатымъ способомъ: надо было изогнуться налѣво, держась одной рукой за правый косякъ, потомъ наклониться впередъ и тогда лѣзть. Въ амбарушку же

Digitized by Google

ходили почти на четвереньках. Что касается скота домашняго, то у Мирона онъ былъ, какъ на подборъ—все малый и ничтожный, но сытый. О лошадкѣ уже было упомянуто; у него одно время жила большая лошадь, но онъ ее не полюбилъ, называлъ «дылдой», потому что долженъ былъ съ большими трудностями затаскивать ее въ сарайчикъ, пихая сзади. За это онъ ее живо промѣнялъ на ярмаркѣ. Была у него еще безрогая корова, которой онъ иногда хвастался, увѣряя, что молока она даетъ много. Еще у него была безхвостая свинка. Но нѣтъ нужды перечислять всѣ чудеса хозяйства Ухова; достаточно сказать, что у него всего было понемногу и въ маломъ размѣрѣ. Тѣмъ болѣе, неумѣстенъ былъ его ужасъ. Мало того, что онъ изнурялъ свое сознаніе дѣйствительными несчастіями, совершавшимися съ нимъ — онъ самъ выдумывалъ разные мнимые страхи. То вдругъ вообразитъ, что коровку его волки слопали, причемъ откуда-то добудетъ извѣстіе, что видѣли копыта и хвостъ, принадлежащіе его коровкѣ... То неожиданно, среди глубокой ночи, поражаетъ себя чудовищной мыслью, что въ амбарушкѣ появились стада мышей и грызутъ его хлѣбъ, послѣ чего ужъ не можетъ заснуть до утра и даже будитъ всѣхъ домашнихъ. И все это неправда; дѣйствительно, жили въ амбарушкѣ мыши, но посадивъ на слѣдующее утро туда кота, онъ съ помощью его ничего не поймалъ и черезъ три дня долженъ былъ выпустить несчастное животное еле живымъ отъ голода.

Ужасы, придумываемые Мирономъ, касались иногда дѣлъ иного рода. Такъ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, неизвѣстно, какимъ путемъ онъ рѣшилъ въ умѣ, что за недоимки будутъ впредь давать по 333 лозы, и только тогда убѣдился въ неправдѣ своего страха, когда на самомъ себѣ испыталъ фактическое опроверженіе, доказавшее, что количество лозы осталось прежнимъ. Въ прошломъ году онъ создалъ еще большую нелѣпость, воображая самъ и увѣряя всѣхъ, что теперь за долги худыхъ мужиковъ станутъ отдавать въ рабство вмѣстѣ съ землей Рубашенкову.

Горѣловъ съ нетерпѣніемъ ждалъ дня, когда сѣно у Мирона будетъ убрано, а до тѣхъ поръ, въ глаза и за глаза выражалъ свой взглядъ на хозяина. «Кажись, человѣкъ ничего себѣ, ладный, а, между прочимъ, вполнѣ дуракъ, столько этого полоумства въ емъ, чисто какъ звѣрь неразумный!» сказалъ однажды Горѣловъ, обращаясь къ своему товарищу Портянкѣ. Въ отвѣтъ на это товарищъ сочувственно хрюкнулъ. Наконецъ, работа кончилась. Но напослѣдокъ Миронъ поразилъ-таки себя ужасомъ. Замѣтивъ, что нѣсколько горстей сѣна остались не

Digitized by Google

прибранными и разсѣянными по лугу, онъ сначала оцѣпенѣлъ, а потомъ съ страшнымъ укоромъ посмотрѣлъ на Горѣлова. Послѣдній, однако, не обратилъ вниманія на его страданія, и вмѣстѣ съ Портянкой поторопился оставить его.

Въ слѣдующіе дни Горѣловъ и Портянка ходили на заработки вмѣстѣ. Между ними завязалось нѣчто въ родѣ дружбы. Портянка кротко подчинялся Горѣлову, незамѣтно подпавъ подъ его вліяніе. Горѣловъ не сердился на то, что товарищъ его никогда не говорилъ, и, можетъ быть, потому только и почувствовалъ симпатію къ нему, что тотъ умѣлъ лишь мычать.

На слѣдующій день они нанялись къ нѣкоему Зюзину, крестьянину ихъ деревни, убирать съ нимъ и съ его семействомъ лугъ. Здѣсь оказалось, что Горѣлову не все равно было, гдѣ ни работать. Все, что напоминало ему прошлое, что раздражало его и дѣлало изъ него безпокойнаго человѣка, мгновенно выплыло наружу, когда онъ увидалъ Зюзина и провѣрилъ своими очами разсказы, ходившіе про этого человѣка въ деревнѣ. Войдя къ Зюзину въ избу, онъ подумалъ, что попалъ не туда, а въ нищенскій пріютъ; точно также онъ не повѣрилъ, что видитъ самого Зюзина, который предсталъ передъ нимъ въ видѣ одного изъ нищихъ, которые сидятъ на паперти церквей. Онъ былъ худой, съ костлявыми руками, съ воспаленными, подозрительными глазами; отъ его лохмотьевъ, болтавшихся на изможенномъ тѣлѣ, пахло чѣмъ-то рѣзкимъ, отвратительнымъ. Горѣлову показалось, что онъ трясется, но это былъ просто обманъ зрѣнія, потому что на самомъ дѣлѣ онъ выглядѣлъ неподвижнымъ скелетомъ; это было просто обманчивое впечатлѣніе, производимое имъ на каждаго, вновь знакомившагося. При первыхъ же словахъ, въ разговорѣ съ двумя рабочими, онъ выразилъ жалость, что онъ бѣдный человѣкъ, взять съ него нечего. «Ужь вы не взыщите, родимые, насчетъ хорошей платы, какъ передъ Богомъ — нѣту!» говорилъ онъ. Горѣловъ и Портянка согласились, однако, работать. Но всѣ дни, пока длилась уборка сѣна, Горѣловъ раздражался, не вынося даже вида дѣтей и всего семейства Зюзина. Кормилъ работниковъ Зюзинъ какимъ-то каменнымъ хлѣбомъ и водой. Оказалось, что хлѣбъ былъ хорошій, но его пекли три недѣли тому назадъ.

— Хлѣбъ-то у меня, родимые, чуточку черственекъ, а хорошій... вы только покушайте — питательный хлѣбецъ! говорилъ Зюзинъ во время обѣда въ полѣ, и Горѣлову опять показалось, что рука Зюзина, въ которой онъ держалъ кусокъ хлѣба, трясется.

— Собака, пожалуй, съѣстъ! коротко замѣтилъ Горѣловъ.

Digitized by Google

— Зачѣмъ собака!.. Даръ-то Божій нельзя бросать всякому псу смердящему... Онъ хоть и крѣпкій, а пользительный хлѣбецъ... Кушайте, родимые!

Горѣловъ долго всматривался въ лицо хозяина, и на его языкѣ уже вертѣлись слова—песъ смердящій, но онъ промолчалъ. Впрочемъ, онъ и Портянка, нашли способъ ѣсть «хлѣбецъ»: они съ утра клали его въ озерко, находившееся подлѣ луга, и «хлѣбецъ» нѣсколько разбухалъ.

Но напрасно Горѣловъ обращалъ свое отвращеніе и на семейство Зюзина, которое ни въ чемъ не было виновато. Дѣти его были несчастными, заморенными и запуганными существами: худыя, съ коростами на головахъ, глупыя и вялыя до полной безжизненности. Его жена и сноха солдатка также представляли собой что-то въ этомъ родѣ, обѣ женщины носили на себѣ рѣзкую печать нравственнаго отупѣнія. Одежда ихъ всегда была такъ паскудна, что возбуждала гадливое чувство даже въ деревнѣ; онѣ едва были прикрыты. Таково было вліяніе Зюзина на свою семью. Жизнь его самого была до крайности несчастна, полна лишеній, нужды и всякаго рода грязи. Но онъ еще добровольно подвергался лишеніямъ. Онъ буквально морилъ голодомъ себя, семью и домашній скотъ, подвергая всѣхъ безграничнымъ страданіямъ. Одна у него была радость—копить деньги; это была неутолимая жажда, ради удовлетворенія которой онъ не щадилъ ни себя, ни родныхъ. Хлѣбъ, скотъ, молоко, яйца, солома, мякина, все, что попадалось въ его костлявыя руки, онъ тащилъ въ городъ и продавалъ. Его раззоренное хозяйство, его заброшенный, потонувшій въ нечистотѣ, срамной дворъ такъ и носили на себѣ слѣды постоянной распродажи и опустошенія, какъ будто хозяинъ намѣревался все бросить и уйти. Эта распродажа шла круглый годъ, и круглый годъ дѣти и жена съ снохой не имѣли отдыха и не знали покоя передъ жгучимъ взглядомъ хозяина, который все высматривалъ, что бы еще стащить и продать для удовлетворенія ненасытной жажды желтыхъ бумажекъ. Полученную бумажку онъ клалъ въ знакомый черепокъ, черепокъ засовывалъ въ старое голенище, а старое голенище спускалъ въ подполье, гдѣ у него была особая трещина. Выгнавъ изъ избы семейство, онъ запирался, спускался въ подполье и тамъ наслаждался медленнымъ счетомъ бумажекъ. Онъ шепталъ: «разъ... два...» и замиралъ на мѣстѣ. Капиталъ его доросъ уже до цифры 45 р., которыя онъ вымучилъ изъ себя и изъ своего семейства въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, но эта сумма не удовлетворяла его. Пятнадцать лѣтъ копилъ. Это совершенно

Digitized by Google

вѣрно, ибо пятнадцать лѣтъ назадъ, онъ былъ славный, добрый мужикъ, хотя бѣднягой никогда не переставалъ быть.

Какъ могъ появиться этотъ странный человѣкъ, этотъ заморышъ, этотъ іуда-стяжатель въ деревнѣ, гдѣ ни стяжать, ни копить нечего, гдѣ каждая дрянь сейчасъ же идетъ на дневное продовольствіе и гдѣ надо вымучивать себя, чтобы припрятать нѣчто на черный день? Или съ нимъ произошло какое-нибудь потрясающее событіе, показавшее ему ярко невѣрность существованія; случайность счастія и безправіе лица? Или жизнь его была слишкомъ безсодержательна, чтобы дать ему иную цѣль, кромѣ опустошенія дома и вымучиванія копейки? Или вся вообще окружающая жизнь была смердящая и циничная?

Когда Горѣловъ съ товарищемъ стали по окончаніи работы разсчитываться съ Зюзинымъ, онъ съежился и поблѣднѣлъ. Отойдя далеко отъ нихъ, онъ сталъ считать деньги, перекладывалъ ихъ съ одной ладони на другую и мучительно, съ лихорадочнымъ взглядомъ, не рѣшался отдать ихъ, боясь, что обсчитался. Наконецъ, отдалъ.

— Не хватаетъ одиннадцати копеекъ, возразилъ Горѣловъ, не скрывая своего раздраженія.

— Что ты! что ты, Господь съ тобой! судорожно заговорилъ Зюзинъ.

— Погляди самъ.

— Ахъ, ты грѣхъ какой... не хватаетъ, говоришь?

— Само собой, не хватаетъ.

— Одиннадцати копеекъ—говоришь? Ахъ, вы родимые соколики! вѣдь у меня ихъ нѣту... одиннадцати-то копѣекъ, какъ передъ Богомъ!

— Прихвати у кого, сказалъ Портянка.

— Одиннадцать-то копеекъ? Милые мои голубки! да кто же мнѣ дастъ? Такъ не хватаетъ, говоришь?

Горѣловъ остановилъ пристальный взглядъ на фигурѣ Зюзина, какъ будто изучая его; потомъ вдругъ сказалъ:

— Да пропади ты съ одиннадцатью копейками, собака!.. Пойдемъ, Василій, вонъ.

И они пошли вонъ. На этотъ разъ Горѣловъ рѣшился уйти вонъ на нѣкоторое время совсѣмъ изъ деревни, куда-нибудь подальше. Онъ пригласилъ съ собой Портянку. Послѣдній согласился безмолвно ходить по окрестностямъ и добывать пропитаніе. Они оба привязались другъ къ другу. Портянка во всемъ подчинялся Горѣлову, безпрекословно слушался, глядѣлъ ему въ глаза. Почему Горѣловъ пріобрѣлъ надъ нимъ такую власть—трудно сказать, но онъ ничего не проповѣдывалъ, не

Digitized by Google

ругалъ его, между тѣмъ, въ слѣдующій же день по уходѣ изъ срамнаго двора Зюзина, Портянка провелъ трезвымъ, хотя этотъ день былъ воскресенье. Горѣловъ просто сказалъ ему.

— Ты, Василій, не пей, погоди.

И Василій не напился. Въ первый разъ онъ умылся, причесался и смирно сидѣлъ на лавочкѣ передъ избой Горѣлова; взоръ его былъ кроткій, довольно смышленый, хотя сидѣлъ онъ, какъ истуканъ. Онъ не зналъ, какъ ему убить время. У него въ карманѣ лежалъ заработокъ въ видѣ мѣди, и онъ нѣсколько разъ высыпалъ его на ладонь и съ глубокимъ недоумѣніемъ разсматривалъ. Рѣшительно у него не было никакого дѣла въ жизни. Мало по малу, онъ проникался одной мыслью... Когда-то онъ мечталъ купить красную рубаху, бѣлый платокъ на шею, сапоги и хорошую шапку, но—это было давно! мечта не осуществилась, и онъ забылъ ее. Теперь, въ этотъ новый для него день, онъ что-то припомнилъ, и это сильно воодушевило его. Онъ сознательно хотѣлъ теперь работать, чтобы добыть необходимыя средства для приведенія въ исполненіе давнишняго желанія.

Горѣловъ какъ-то проникъ въ эти тайные помыслы и сказалъ ему сочувственнымъ тономъ.

— Ты, Василій, не бойся... Одежда у тебя будетъ, рубаха, напримѣръ...

— И портки бы... замѣтилъ смущенно Василій.

— И они будутъ.

— Чтобы ужь и сапогъ былъ настоящій...

— И сапогъ... все будетъ. Только погоди пить. Походимъ и заработаемъ. Горѣловъ говорилъ твердо; Портянка смотрѣлъ ему въ глаза и видно было, что онъ безгранично вѣрилъ своему другу. Такъ и не пилъ въ этотъ день.

Горѣлова въ этотъ день попросилъ къ себѣ Синицынъ, мѣстный учитель. Онъ только лишь хотѣлъ везти закупленную астраханскую селедку на распродажу, какъ увидалъ, что рыба дала духъ; надо было разбирать ее, промывать и перекладывать— дьявольская работа, съ которой Синицынъ не могъ сладить. Вотъ почему онъ и прибѣжалъ утромъ къ Горѣлову, умолялъ помочь ему. Отъ него пахло рыбой; ноги его были обуты въ стоптанные смазные сапоги; онъ былъ въ жилеткѣ. Странная это была личность, но при знакомствѣ, загадочный его видъ вполнѣ объяснялся: это былъ просто несчастный промышленникъ. На его рукахъ лежало большое семейство, состоявшее изъ восьми человѣкъ включительно, а жалованья онъ получалъ только семь рублей, которые съѣдались съ ужасающей быстро-

Digitized by Google

той. Чтобы пополнить пробѣлъ въ своемъ фальшивомъ бюджетѣ, бѣдняга долженъ былъ въ продолженіи всего лѣта, не щадя живота, добывать средства къ зимѣ, то сѣяніемъ огурцовъ, то перепродажей яблоковъ, а также астраханской селедкой. Разумѣется, онъ мало походилъ на учителя. Онъ былъ простодушный, во всѣхъ отношеніяхъ простой человѣкъ; онъ мужественно боролся съ нуждой, но не съ невѣжествомъ, съ которымъ онъ не могъ сладить и въ своей-то головѣ; очевидно также, что для своего дѣла учительскаго онъ былъ въ положеніи отребья. Нынѣшнее лѣто выпало для него неудачное. Купилъ онъ рыбу дорого, а спросъ на нее остановился, къ тому же она протухла. Цѣлый день до темной ночи онъ съ помощью Горѣлова бился надъ бочками.

Проработавъ съ Синицинымъ до полночи, Егоръ Ѳедорычъ пошелъ было домой. Онъ вышелъ на улицу, гдѣ его охватило холодомъ и мракомъ. Было сыро, дулъ вѣтеръ. Ему вдругъ стало жутко, и онъ рѣшилъ вернуться. Цѣлый день онъ мучился недоумѣніемъ, поговорить ли съ учителемъ, или не надо? Ему страстно хотѣлось что-нибудь узнать, и онъ остановился въ нерѣшимости на площади. Онъ пошатался еще немного и пошелъ назадъ. Прійдя къ воротамъ учителя, онъ тихонько постучалъ, но, не получивъ отклика, сѣлъ около калитки, не рѣшаясь еще постучать. Онъ сидѣлъ около калитки, съежившись, засунувъ руки за пазуху кафтана и не шевелился... Наконецъ, онъ постучалъ въ окно.

— А! это ты? замѣтилъ Синицынъ при видѣ его и принялся за прерванную работу въ сѣняхъ: ворочалъ бочки, надписывалъ на нихъ мѣломъ какія-то цифры и перевязывалъ веревками. Но семейство его давно уже спало.

— Да, зашелъ поговорить, но опасаюсь, какъ бы тово... А ужь давненько я думалъ выпытать у тебя... Горѣловъ сѣлъ на порогъ сѣней и пристально наблюдалъ за работой учителя.

— На счетъ чего? равнодушно спросилъ учитель.

— Да на счетъ нашего брата. Слыхалъ я, будто въ губернѣ на счетъ деревень нашихъ хлопочутъ, стало быть касательно мужика... Мнѣ и занятно бы послушать, что такое, въ какомъ значеніи? Сказать такъ къ примѣру о нашей деревнѣ: вѣдь ужь ты самъ жилъ и видишь, что тутъ ничего больше какъ худо и даже силъ нѣтъ глядѣть.., Одно слово—пусто!

— Конечно, бѣдность въ нашихъ мѣстахъ, замѣтилъ учитель.

— Не то, чтобы бѣдность, чтобы жрать было нечего, а въ умѣ-то пусто. Вотъ что есть важное. Вѣдь ужь ты жилъ, своими глазами видалъ, какъ же эдакъ возможно жить? Вѣдь ужь онъ,

Digitized by Google

житель-то нашъ, на кого онъ похожъ сталъ, спрошу я тебя? Какой образъ у него? Образа у него нѣтъ.

— Конечно, глупости у насъ довольно, замѣтилъ учитель.

— И то! Глупости-то само собой водятся.. да, нѣтъ! не въ томъ причина! Образу-то, лику-то у него нѣтъ. Хотя бы къ примѣру въ нашей деревнѣ: кто онъ такой — мѣщанинъ, купецъ, или крестьянинъ? Вѣдь вотъ ужь до чего дѣло дошло! На счетъ, напримѣръ, земли... не то, чтобы отъ земли онъ совсѣмъ чурался — какъ это возможно! но и не занимается онъ ей, какъ слѣдуетъ быть, а только паскудитъ... Тамъ напаскудитъ, въ другомъ мѣстѣ напаскудитъ, а за мѣсто всего хорошаго получаетъ шишъ. А какъ шишъ-то ему объявился, и не разъ, и не два, а каждый Божій годъ, такъ ужь онъ землѣ не радъ, ужь онъ на нее вниманія не обращаетъ, не мила она ему!

— Само собой, не умѣетъ нашъ крестьянинъ обработывать по наукѣ, какъ предписываютъ земледѣльческія правила, глубокомысленно подтвердилъ учитель.

— И не вдомекъ мнѣ теперь, почему такой срамъ идетъ? Главная его забота — монету словить; медомъ его не корми, а дай ты ему двугривенный. А коль скоро получилъ онъ монету, и никакой заботы ему нѣтъ, никакого основанія въ пустой башкѣ! И день, и недѣля, и мѣсяцъ онъ только и норовитъ, какъ бы легкимъ способомъ монету зацапать, а не думаетъ, полоумный, что въ этой самой монетѣ и есть конецъ ему. Ежели же ужь монета на умѣ, такъ какой же онъ крестьянинъ? Стало быть, жуликъ онъ выходитъ, а не то что честный житель.

Въ голосѣ Горѣлова звучало негодованіе.

— Конечно, подлости эти существуютъ въ нашихъ мѣстахъ.

— Не то онъ полоумный, не то дуракъ! Все у него идетъ въ раззоръ, все валится, а онъ вниманія не обращаетъ, только и есть эта жадность къ монетѣ... Горѣловъ внезапно остановился, на мгновеніе задумавшись...—Или ужь и въ самомъ дѣлѣ измотался онъ, песъ его знаетъ? сказалъ онъ.

— Да, не хорошо у насъ.

— Вотъ я и хочу у тебя спросить, насчетъ чего хлопочутъ въ губернѣ? Въ какомъ нынче значеніи житель-то нашъ? Слыхалъ я, что въ мѣщане приписываютъ... или останется онъ на прежнемъ положеніи?

— Хлопочутъ, чтобы какъ лучше ему было, возразилъ учитель.—Ты вотъ не умѣешь читать, а я читалъ газету. Прямо написано: дать мужику въ нѣкоторомъ родѣ отдыхъ.

— Облегченіе?

Digitized by Google

— Облегченіе. По крайности, чтобы насчетъ пищи было благородно.

— А насчетъ прочаго? Съ тоской спросилъ Горѣловъ.

— Ну, въ отношеніи прочаго я тебѣ ничего пока не могу сказать. Пока не вычиталъ. А какъ вычитаю — приходи, разскажу досконально.

Настало длинное молчаніе. Учитель молчалъ, потому, что дѣйствительно «пока ничего не вычиталъ» и ничего не зналъ. Горѣловъ понуро сидѣлъ на порогѣ. Кажется, что онъ уже раскаивался. Развѣ онъ это хотѣлъ сказать? Въ немъ билось что-то глубокое, таинственное, онъ хотѣлъ узнать самую середину, сердце своей мысли, допытаться до самаго послѣдняго корня мучившихъ его вопросовъ... а вышли какіе-то «полоумные пустяки». Когда онъ поднялъ голову, выраженіе его лица было ужь совсѣмъ новое.

— А я такъ думаю, не миновать ему казни! Сказалъ онъ.

— Кому казни? удивленно спросилъ учитель.

— Да, жителю-то.

— Что ты говоришь?

— Да, такъ... Не минетъ онъ казни. Помяни ты мое слово— будетъ ему казнь? Ужели же пользу ему возможно сдѣлать, ежели онъ ополоумѣлъ? Говоришь—хлопочутъ, да Господи Боже мой, зачѣмъ? Стало быть, пришелъ же ему конецъ, какъ скоро онъ все одно что оглашенный. Нѣту ему больше ходу, и никто не воленъ облегчить его. Не знаю... не знаю, какъ нашимъ ребятамъ... имъ бы помочь, а нашему брату, древнему жителю, ничего ужь намъ не надо! Одна единая дорога нашему брату старому жителю—къ бочкѣ, грѣшной...

— Въ кабакъ?

— Пря-амехонько въ кабакъ! По той причинѣ, что никто неволенъ дать намъ другой радости, окромя этой...

Настало опять молчаніе. Синицынъ сострадательно глядѣлъ на Горѣлова.

— А ты пьешъ? я что-то не слыхалъ... сказалъ онъ.

Горѣловъ покачалъ головой.

— Извини, что утрудилъ. Поздно, кажись. Пойду домой.

Утромъ слѣдующаго дня Горѣловъ въ сопровожденіи Портянки отправился въ путь, въ окрестныя деревни. Онъ ухаживалъ за своимъ товарищемъ, какъ за малымъ ребенкомъ, отдавалъ ему деньги свои, если послѣднія у него были, покупалъ ему табаку... И чѣмъ больше онъ былъ угрюмъ, тѣмъ ласковѣе былъ съ Портянкой.

Чтобы хоть сколько-нибудь уяснить состояніе Горѣлова, надо

Digitized by Google

вспомнить время, доставшееся на его долю, и поколѣніе, къ которому онъ принадлежалъ и будетъ всецѣло принадлежать до послѣдняго своего вздоха, до самой могилы. Это странное поколѣніе нельзя назвать даже страждущимъ, несчастнымъ; оно не мучилось и не страдало до глубины сердца, потому что не боролось, потому что и не съ чѣмъ было бороться... все билось, постепенно задыхаясь, но не жило, не страдало, не падало въ пропасти, не поднималось на высоту. Это было поколѣніе по преимуществу пустое, безсодержательное, въ которомъ не было дѣйствительной жизни, а лишь прозябаніе подъ спертымъ воздухомъ, безъ мрачной темноты, безъ яркаго свѣта, но и безъ холода; о немъ скоро забудутъ, оно вымретъ, не оставивъ послѣ себя слѣда, и если будутъ вспоминать его, то лишь за безпримѣрную, поразительную пустоту и безсодержательность.

Отчего оно не жило? Развѣ воля сама по себѣ не была потрясающимимъ событіемъ, способнымъ стряхнуть всякую обузу съ головы? Нѣтъ, тогдашніе дни были памятны, глубоки, и—что главное—вносили содержаніе въ жизнь деревни, давая смыслъ ея существованію. Горѣлову въ то время минуло двадцать пять лѣтъ, слѣдовательно, онъ сознательно пережилъ эту эпоху; однако, онъ не помнитъ, чтобы на его долю выпалъ хоть одинъ день свѣтлой радости и успокоенія. Всеобщая суматоха, страхъ возврата прошлаго, страхъ за будущее, взаимное объегориваніе и подсиживаніе судившихся тогда сторонъ, обоюдная жадность, распаленная дѣлежомъ крѣпостнаго имущества — вотъ что онъ помнитъ. Но несмотря на это, была дѣйствительная жизнь, настоящая, человѣческая, съ волненіями и борьбой, съ отчаяніями и надеждами, жизнь достаточно полная, чтобы дать смыслъ и цѣль существованію. Но что было потомъ, что дѣлалось въ послѣдующіе длинные годы — этого, хоть убей, онъ не помнитъ, не можетъ припомнить. Да и припоминать нечего, потому что во все это время стояла пустота безъ смысла и безъ опредѣленія. А въ этой безграничной деревенской пустотѣ, не заключавшей въ себѣ ни воздуха, ни свѣту, ни человѣческихъ волненій и борьбы, *ни событій*, однимъ словомъ ничего настоящаго, въ этомъ неопредѣленномъ полумракѣ и полужизни, развелось мало по малу столько пустяшнаго «жителя», который велъ не настоящее, а пустяшное существованіе, что отъ него не стало проходу, все онъ заполонилъ собой...

Плоское это было время, безпутное. Довело оно жителя до пустяшности не вразъ, а потихоньку, незамѣтно подкрадываясь къ нему. Въ тотъ самой моментъ, какъ житель воображалъ, что онъ еще живетъ, его ужь давно ошеломили. Медленно, тихо, въ

Digitized by Google

продолженіи десятковъ лѣтъ это распутное время мотало «жителя», также тихо и незамѣтно, какъ трусливый развратникъ мотаетъ достояніе своихъ родныхъ. И вотъ «житель» все убывалъ, убывалъ пока не умалился до такой степени, что трудно стало различать въ немъ полную человѣческую фигуру. И не въ томъ бѣда, что у ошельмованнаго «жителя» пищи не стало—мысль-то его одурѣла: вотъ та причина, которая ухлопала его на повалъ. Получая отъ всѣхъ предпріятій нѣчто невыразимо малое, или по словамъ Горѣлова, «шишъ», житель сперва приходилъ въ изумленіе отъ такого страннаго результата и продолжалъ свои предпріятія съ достойной лучшей участи энергіей; но когда «шишъ» сталъ получаться хронически, ежегодно, ежемѣсячно и, можно сказать, ежечасно, когда послѣ всякой египетской работы получался все тотъ же странный «шишъ», онъ одурѣлъ и началъ метаться, подобно угорѣлому, а такъ какъ распутное время ему опомниться не давало, то онъ окончательно и вполнѣ сталъ «полоумнымъ», упорно гонялся все за тѣмъ же «шишомъ», который сдѣлался его цѣлью, конечнымъ желаніемъ и почти что идеаломъ. Послѣ паденія крѣпостнаго рабства жителю предстояла новая жизнь, развитіе, а тутъ онъ принужденъ былъ бороться съ пустяками и ради пустяковъ. Пропустивъ черезъ свою душу и сердце милліонъ этихъ «шишей», онъ и мысль свою довелъ до степени «шиша», да, и самъ сталъ шишомъ, съ котораго взять рѣшительно нечего... «Житель» умалился до ничтожества, въ немъ не стало больше руководящей думы, которая проникала бы все его существо до мозга костей, пропалъ въ немъ интересъ къ подлинной жизни, и лишился онъ Божьей искры, которая грѣла бы его нахолодѣвшее сердце и свѣтила бы его мысли... Нѣтъ! рѣшительно это обездоленное поколѣніе шагнуло на сто лѣтъ назадъ!

Кажется, лишнее говорить, что все сказанное относится къ описываемой мѣстности. Но и здѣсь время медленнаго распутства отразилось неодинаково на жителей. На однихъ оно подѣйствовало такъ, что они стали вполнѣ пустяшными, до такой степени пустяшными, что встрѣчая ихъ, сейчасъ же даешь имъ соотвѣтственныя имена. Это тотъ разрядъ жителей, для котораго необходимъ непосредственный ударъ, толчокъ, громъ и молнія, чтобы онъ пришелъ въ память, такой ударъ, отъ котораго засвистѣло бы въ ушахъ, посыпались искры изъ глазъ, а мысли ходуномъ заходили. На другихъ эти годы отразились болѣе роковымъ и менѣе отвратительнымъ образомъ. Таковъ былъ Горѣловъ.

Вялость, апатія сдѣлались неразлучными его спутниками; у

Digitized by Google

него все валилось изъ рукъ, и онъ положительно не находилъ себѣ мѣста. Онъ избороздилъ всю Россію вдоль и поперекъ, все какъ будто что-то отыскивая, съ жгучей жаждой сѣсть на облюбованномъ мѣстѣ, но проходила недѣля, много мѣсяцъ — и онъ шелся дальше. У него не было дѣла. Какъ это ни странно сказать про крестьянина, который вообще привыкъ вѣчно быть занятымъ, озабоченнымъ, погруженнымъ въ работу, но относительно Горѣлова это была страшная правда. Онъ не могъ болѣе видѣть въ «полоумныхъ пустяцахъ» дѣла, потому что питалъ къ нимъ непреодолимое отвращеніе. Видъ пустяшныхъ жителей омерзѣлъ для него, послѣ гибели его семьи. Но мало того: не имѣя никакого дѣла, надъ которымъ работала бы и отдыхала его душа, онъ остался безъ опредѣленнаго занятія, шатался туда и сюда, мотая свою жизнь изо дня въ день и нигдѣ, ни за какимъ занятіемъ не находя себѣ покою. Преобладающимъ чувствомъ была тоска, которую онъ разносилъ по необъятному пространству Руси...

Бывали случаи и минуты въ жизни Горѣлова, когда въ немъ вдругъ поднимались невѣдомыя силы, являлась жгучая жажда въ пользу православнаго народа, когда онъ чувствовалъ, что способенъ совершить ради своей нуждающейся деревни, въ пользу родного міра какое-то большое дѣло; тогда ему казалось, что тоска его пропадала, а въ измученной душѣ его совершается переворотъ. И онъ уже видитъ себя на площади, передъ громаднымъ сходомъ, которому говоритъ божескую правду, позоритъ полоумную, одурѣлую жизнь. И народъ слушаетъ, пораженный до глубины сердца. Но вдругъ его что-то ударяло, словно дубиной по головѣ, рѣчь его моментально обрывалась, а въ сердце снова водворялось отчаяніе. Егора Ѳедорыча поражала вдругъ мысль, что онъ собственно ничего нужнаго не говоритъ да и не въ силахъ ничего сказать, потому что ничего не знаетъ. Эта мысль клала его въ лоскъ. Послѣ такого момента онъ опускался и дряхлѣлъ на двадцать лѣтъ.

Иногда, смущенный, что все больше и больше растрачиваетъ свою жизнь, онъ собирался совсѣмъ уйти вонъ, дальше отъ старыхъ мѣстъ, куда-нибудь въ невѣдомую глушь. Приволье глубоко волновало его. Его манилъ дремучій лѣсъ, непроходимыя и нетоптанныя человѣческой ногой земли, широкія бездонныя рѣки. Тамъ, среди могучей природы, на лонѣ матери-земли, во мракѣ дремучаго бора, онъ жаждалъ отдохнуть. Тамъ онъ примется работать; застонутъ сосны подъ его топоромъ, побѣжитъ дикій звѣрь и почернѣетъ земля отъ его плуга, и въ этой борьбѣ онъ найдетъ свою потерянную радость, свой покой. Раздумывая

Digitized by Google

надъ этими мыслями, Егоръ Ѳедорычъ чувствовалъ, что онъ поднимается духомъ, что сердце его замираетъ отъ надежды... Но проходила недѣля, проходилъ мѣсяцъ, и Егоръ Ѳедорычъ, кругомъ опутанный пустяшною жизнью, окруженный пустяшными людьми, забывалъ обо всемъ. Самъ не замѣчая того, онъ слишкомъ крѣпко приросъ къ ненавистной жизни, чтобы какая-нисила могла оторвать его.

Горѣловъ и Портянка проходили до осени; когда уже полили дожди, они собрались домой. Между ними было рѣшено, что Портянка на всю зиму поселится въ избѣ Егора Ѳедорыча.

Нѣтъ никакой возможности логически связать всѣ событія, совершившіяся въ деревнѣ вскорѣ послѣ прибытія туда Горѣлова и Портянки и заставившія ихъ измѣнить намѣренія.

У Ѳедосея были рукава—это извѣстно. Но, къ несчастію, онъ ихъ лишился; они сгорѣли. Съ этого и началась исторія. Ѳедосей былъ глубоко пораженъ однажды, когда, вынимая изъ печурки свои рукава, гдѣ они сушились, онъ увидалъ и понялъ, что ихъ у него больше нѣтъ. Онъ замеръ отъ этого несчастія и съ безмолвнымъ волненіемъ осматривалъ ихъ; они покоробились, высохли и при малѣйшемъ прикосновеніи, къ нимъ трескались и крошились, какъ сухари. Нѣсколько разъ Ѳедосей потрогивалъ ихъ пальцами, но, наконецъ, убѣдился, что одежды, спасавшей его руки отъ непогоды нѣтъ у него. На глазахъ его навертывались слезы. Когда пришелъ въ избу Горѣловъ, Ѳедосей обратился къ нему съ страшнымъ упрекомъ, потому что именно Горѣловъ положилъ рукава въ печурку, и теперь не могъ слова выговорить въ свое оправданіе.

Что было потомъ съ Ѳедосеемъ — неизвѣстно. Онъ рѣшился только во что бы ни стало промыслить средства на новую одежду для наступающей зимы, вслѣдствіе чего случайно залѣзъ въ амбарушку Мирона, отсыпалъ въ свой мѣшокъ нѣсколько фунтовъ муки, да кстати наклалъ и лукошко костей. И вдругъ засталъ его самъ Миронъ. Мгновенно онъ окоченѣлъ со страху. Окоченѣлъ и Миронъ, какъ только увидалъ случившееся. Въ продолженіи нѣкотораго времени оба молча смотрѣли прямо въ глаза другъ другу. Ѳедосей лишился языка, а Миронъ, пришедшій въ ужасъ, беззвучно шепталъ: «мука... мосолъ...»

— Что ты сдѣлалъ, разбойникъ, со мной? вскричалъ, однако, Миронъ, прерывающимся голосомъ. Потомъ, какъ будо все понявъ и оправившись отъ оцѣпенѣнія, онъ заоралъ что было мочи:—Братцы! вора поймалъ! Сюда!..

На этотъ отчаянный крикъ прибѣжали сосѣди, а вмѣстѣ съ

Digitized by Google

ними откуда-то влетѣлъ и Василій Портянка. Всѣ живо обступили «разбойника». Одной рукой Миронъ вышибъ у него мѣшокъ, другой—лукошко съ костями. Все это посыпалось врозь. «Ребята! бей его!» крикнулъ Миронъ, и мгновенно всѣ набросились на Ѳедосея, сшибли съ ногъ и принялись таскать по двору, кто за ноги, кто за волосы. Всѣхъ яростнѣе свирѣпствовалъ, какъ оказалось, Василій Портянка; онъ положительно остервенѣлъ въ этой бойнѣ и ужь не помнилъ, что̀ дѣлаетъ.

— Тащи его въ темную! сказалъ Миронъ, задыхаясь. Моментально Ѳедосей былъ поднятъ съ земли и поставленъ на ноги. Его было повели со двора, но онъ вдругъ заартачился и выразилъ на своемъ лицѣ мольбу. Что?! Онъ потерялъ сахаръ.

— Вѣдь обронилъ я сахаръ-то, сказалъ онъ, обводя глазами дворъ Мирона.—Не замай, я найду его... Я сейчасъ...

Всѣ остановились.

— Пропалъ, родимые... вѣдь вотъ грѣхъ какой? А былъ въ тряпочкѣ, безсвязно говорилъ онъ и нагибался то къ тому, то къ другому мѣсту двора, гдѣ его били. Но поиски его были безуспѣшны: туманъ застилалъ его глаза, откуда струились слезы. Ничего не видя, онъ принялся шарить по землѣ, ворочая щепки, разрывая соръ. Всѣ принялись дѣятельно помогать ему въ его поискахъ и также шарить по двору... «Да гдѣ-жь найти его!» кто-то замѣтилъ.—«Найду, найду, родимые!.. Въ тряпочкѣ... я сейчасъ... какъ не найти?!» испуганно лепеталъ Ѳедосей и метался въ разныя стороны. Волосы его были всклочены, на лицѣ сидѣло нѣсколько синяковъ, волоса и усы выпачканы были кровью, но онъ весь погрузился въ поиски. Нѣкоторые изъ присутствующихъ бросили уже помогать, только обводили глазами дворъ, но остальные все еще старательно разгребали руками соръ.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! сказалъ, наконецъ, Ѳедосей, поднимая тряпочку, и въ голосѣ его слышалась радость, но эта радость мгновенно вызвала ярость всѣхъ присутствующихъ, которыя опомнились.

— Тащи, ребята, его!.. Я тебѣ покажу, какъ лазить по чужимъ амбарамъ! сказалъ Миронъ.

Къ вечеру, неизвѣстно кѣмъ собранная, сошлась сходка въ сборной избѣ. Всего вѣроятнѣе, что никто въ особенности не собиралъ, сами всѣ вообще собрались судить Ѳедосея. Собравшіеся плотной массой стояли вокругъ лукошка съ костями и мѣшка, которыя были вещественными доказательствами. Лица собравшихся были озлоблены; въ плотно сбившейся толпѣ постоянно выкрикивалось имя Ѳедосея; удивлялись дневному гра-

Digitized by Google

бежу, кричали о ворахъ, конокрадахъ и другихъ врагахъ міра, и съ каждой минутой злоба, наколившаяся долгими годами, все сильнѣе разгоралась. Кто-то упомянулъ о «мірскомъ приговорѣ». Это предложеніе было подхвачено и разнесено по всему сходу. Послали за сельскимъ писаремъ. Когда онъ пришелъ, ему закричали:

— Пиши: не принимаемъ! воръ, молъ, онъ!

— Пиши руки!

Была уже ранняя осенняя ночь. Но это нисколько не успокоило. Передъ столомъ, который стоялъ тутъ же на дворѣ, горѣлъ пучекъ лучины, и при свѣтѣ краснаго пламени его писарь писалъ бумагу. Явилось странное затрудненіе. Когда писарь вызывалъ по одиночкѣ для «приложенія руки», у каждаго мгновенно пропадала злоба, и онъ нерѣшительно бормоталъ: «Да мнѣ что! по мнѣ наплевать!» Но лишь писарь обращался ко всему сходу въ массѣ, раздавался всеобщій крикъ: «не принимаемъ!» и гулъ этого слова снова разносился въ воздухѣ ночи по всей деревнѣ.

На сходѣ были не всѣ жители, но тѣ, кто приходилъ позже, немедленно присоединялъ свои голоса къ общему гулу, въ которомъ слышались злоба и внутренняя тоска. Каждый изъ приходящихъ, хотя заранѣе зналъ, въ чемъ дѣло, все-таки спрашивалъ:

— На счетъ Мослова?

— Мослова, отвѣчали ему.

— Жарь его, разбойника!

Это означало: «не принимаю!»

Ѳедосею грозила Сибирь. Мірской приговоръ быстро подвигался къ концу. Но когда, послѣ написанія приговора, Ѳедосея привели на сходъ самолично, мрачное озлобленіе стало понемногу стихать. Всѣхъ напугалъ жалкій видъ Ѳедосея. Ясно было, что вспыхнувшая ненависть только случайно пала на бѣднягу.

— Ишь какой синякъ! замѣтилъ кто-то.

На него внимательно смотрѣли. Лицо его освѣщалось пламенемъ лучины и производило странное впечатлѣніе.

— Слышь, ребята, заговорилъ кто-то:—взять бы его да дать березовыхъ; больше никакого награжденія онъ не заслуживаетъ.

Это предложеніе было принято также быстро, какъ и первое. Мгновенно нашлись розги и экзекуторы... Ѳедосей получилъ все, что требовалось. Тогда его прогнали со двора и принялись сѣчь другихъ... Кого? Виновные сейчасъ нашлись изъ среды того же схода. Какъ это случилось—это невозможно разсказать, но тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько времени отодрали еще пятерыхъ. Одинъ

Digitized by Google

въ прошломъ году укралъ узду, другой случайно воспользовался чужой шапкой, третій упомянулъ какъ-то въ пьяномъ видѣ о «красномъ пѣтухѣ» и пр. Гнѣвное настроеніе на сборномъ дворѣ стало непрерывнымъ и росло, какъ волна; эта волна подхватила виновнаго, и онъ не успѣвалъ опомниться, какъ его бросали подъ розги. Постоянно раздавался вопросъ: «кого еще!» И голосу отвѣчалъ сейчасъ же другой голосъ: «Вотъ этого сокола». И «сокола» хватали, клали и отпускали, что требовалось. Такимъ образомъ наказали еще нѣсколькихъ человѣкъ, въ томъ числѣ Василія Чилигина за то, что онъ не заплатилъ больничныя деньги, Василія Портянку за пьянство и Василія Прохорова просто за неуваженіе къ міру... Была минута, когда измученные и разгнѣванные жители готовы были устроить всеобщую порку, чтобы вылить и забыть поднявшееся мрачное озлобленіе. И если этого не случилось, то потому лишь, что одинадцатая жертва, угрожаемая наказаніемъ, успѣла выкрикнуть прерывающимся голосомъ: ей-ей! погоди, ребята!.. два ведра!.. дай срокъ...»

Волненіе стихло, и на этотъ разъ окончательно. Мало по малу дворъ пустѣлъ; крестьяне по одиночкѣ и группами, среди глубокой ночи двигались по улицѣ къ кабаку и уже мирно разговаривали другъ съ другомъ. Собравшись возлѣ кабака, сейчасъ же принялись пить, не взирая на полночный часъ. Пили до разсвѣта, причемъ одинъ упоенный взялъ общественный приговоръ о Ѳедосеѣ въ ротъ и тоскливо жевалъ его.

Горѣловъ нѣкоторое время сидѣлъ безмолвно на сходѣ, но никто его не видалъ и не тронулъ. Однако, впечатлѣніе отъ схода такъ врѣзалось въ него, что онъ принялъ рѣшеніе: «Уйду вонъ!» Его потянуло изъ деревни, и онъ раздумалъ зимовать. Черезъ нѣсколько дней онъ уже совсѣмъ собрался, не обращая вниманія на наступившую осеннюю распутицу. На полу стояла котомка, въ рукахъ онъ держалъ походный костыль. Онъ присѣлъ на лавку и равнодушно оглядывалъ свою избу, въ которой царилъ полумракъ, потому что все небо было покрыто клочьями осеннихъ облаковъ, изъ которыхъ лился мелкій, холодный дождь. Еслибы онъ остался дома, онъ, можетъ быть, поправилъ бы свою расшатанную избу, но теперь ему было все равно; въ трубѣ завывалъ вѣтеръ, сквозь большую щель въ потолкѣ просачивался дождь и спускался широкою полосою по стѣнѣ.

У него въ деревнѣ не было человѣка, который бы пришелъ сказать ему на прощанье нѣсколько словъ. Ѳедосей куда-то пропалъ, а Василій Портянка запилъ. Послѣдній, впрочемъ, приплелся къ знакомой избѣ, когда уже хозяинъ ея вышелъ на

Digitized by Google

улицу. Оба остановились. Всю свою новую одежду Портянка пропилъ, надѣвъ на себя какія-то лохмотья. Лицо его не выражало полнаго безчувствія, но было дико, и онъ почти со злобой вперилъ глаза на Горѣлова. Въ рукахъ онъ крѣпко держалъ бутылку, прижимая ее къ груди, потому что боялся, что Горѣловъ станетъ отнимать ее.

— Не замай меня... не отымай... сказалъ онъ, и судорожно прижалъ къ груди бутылку.

Горѣловъ равнодушнымъ тономъ объяснилъ ему, что онъ уходитъ вонъ и навсегда. Василій смотрѣлъ на него, и видно было, что онъ хотѣлъ понять слова Егора Ѳедорыча, но онъ ничего не могъ сообразить.

— Ну, прощай... а только не трошь меня... сказалъ онъ безсвязно.

— Живи съ Богомъ, возразилъ Горѣловъ.

— Скажи, молъ, жилъ-пилъ свинья Васька... и прости.

— Не увидимся! возразилъ Горѣловъ.

Василій, наконецъ, понялъ.

— Ну, прощай! дай тебѣ Богъ... сказалъ онъ и сѣлъ около избы. Онъ усталъ. Силы измѣнили ему, но лицо его было, повидимому, смышлено. Онъ разумными взорами смотрѣлъ вслѣдъ за удаляющимся Горѣловымъ и долго говорилъ съ нимъ.

— Не замай.... Скажи, молъ, свинья Васька... и прощай! говорилъ еще онъ, когда Горѣлова уже не видно было, когда уже онъ далеко за деревней шагалъ, провожаемый мелкимъ дождемъ и попутнымъ вѣтромъ, который дулъ ему въ спину и какъ будто торопилъ скитальца впередъ, въ далекій, безцѣльный путь.

Каронинъ.

Digitized by Google

ВЪ МАСТЕРСКОЙ.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Паровозная мастерская, въ которой мнѣ пришлось работать чернорабочимъ около полугода, имѣла видъ, да и теперь имѣетъ такой, какой можно встрѣтить у всѣхъ большихъ фабрикъ: огромное зданіе изъ краснаго кирпича съ двумя рядами оконъ, отодвинутое немного назадъ отъ главнаго желѣзнодорожнаго пути и отъ двухъ такихъ же кирпичныхъ сараевъ, расположенныхъ по бокамъ и назначенныхъ для починки вагоновъ. Ни украшеній, ничего лишняго; каждый кирпичъ на своемъ мѣстѣ и исполняетъ какое нибудь, дѣйствительно, полезное назначеніе.

И вокругъ мастерской вся мѣстность имѣетъ такой же обыкновенный характеръ. Впереди—обширная площадь, растянувшаяся болѣе чѣмъ на версту, до самаго вокзала и исчезающая тамъ подъ множествомъ разныхъ построекъ, а здѣсь перерѣзанная высокими насыпями съ безчисленными рядами пересѣкающихъ другъ друга, сходящихся и расходящихся рельсовъ, глубокими ложбинами отъ вынутой для насыпей земли, съ прудами, образовавшимися отъ этой же причины, и кое-гдѣ съ деревянными казармами для служащихъ и для рабочихъ. По сторонамъ насыпей груды безпорядочно наваленныхъ бревенъ и шпалъ. Пѣшеходныя тропинки вьются около желѣзныхъ путей, пересѣкаютъ ихъ, спускаются и поднимаются по отлогимъ откосамъ, оканчиваясь гдѣ-нибудь около мастерскихъ, около сигнальныхъ будокъ, построенныхъ на высокихъ столбахъ, или уходя вмѣстѣ съ рельсами въ даль.

И днемъ, и ночью, по безчисленнымъ рельсамъ снуютъ маленькіе и большіе дежурные паровозы, товарные и пассажирскіе поѣзды; длинными вереницами передвигаются пустые вагоны.

Digitized by Google

Сигнальные фонари вѣчно повертываютъ свои лирообразныя головы подъ вліяніемъ неизмѣнно торчащихъ около нихъ стрѣлочниковъ, которые въ свою очередь, въ точности исполняютъ приказанія сигнальныхъ свистковъ. На травѣ ложбинъ спокойно пасутся коровы, привыкшія къ шуму и свисту машинъ; на прудахъ плаваютъ гуси и утки, женщины полощутъ бѣлье или купаются съ рѣдкой безцеремонностью въ двухъ шагахъ отъ самыхъ бойкихъ тропинокъ и въ трехъ шагахъ отъ купающихся въ томъже пруду мужчинъ.

За всѣмъ этимъ безконечный заборъ отдѣляетъ владѣнія желѣзнодорожнаго общества отъ городскихъ огородовъ, за которыми сначала виднѣются плохенькіе домики и рѣдкія церкви, а потомъ и весь городъ съ его зелеными крышами и садами и множествомъ колоколенъ всякихъ цвѣтовъ.

Позади мастерской опять огороды, потомъ лугъ, за нимъ лѣсъ на горизонтѣ И опять между огородами и мастерской рельсы, но въ меньшемъ количествѣ. Онѣ рѣже здѣсь перекрещиваются и оставляютъ больше свободнаго мѣста для запасныхъ полѣнницъ березовыхъ дровъ и для товарныхъ навѣсовъ.

Двѣ пары рельсовъ проходятъ въ самую мастерскую подъ громадныя ворота. Въ лѣвой части передней стѣны такія-же ворота нарушаютъ строгую симметрію ящикоподобнаго зданія. Ворота эти задѣланы наглухо, и только маленькая, вся черная и захватанная калитка служитъ для входа и выхода. Отъ семи часовъ утра и до семи вечера она безпрестанно отворяется, пропуская рабочихъ. Одни входятъ, другіе выходятъ, всѣ безъ инструментовъ и безъ верхней одежды, въ синихъ и сѣрыхъ блузахъ или въ изодранныхъ и лоснящихся сюртукахъ.

Спереди и съ боковъ мастерской между старыми вагонами, между множествомъ чугунныхъ колесъ, снятыхъ и не снятыхъ съ осей, между разобранными тендерами и остовами паровозовъ цѣлый день копошутся слесаря, мѣдники и котельщики; чернорабочіе перекатываютъ и ставятъ на мѣсто обточенныя колеса, разгружаютъ и нагружаютъ вагоны вещами, принадлежащими мастерской, таскаютъ огромные брусья черезъ высокій порогъ другой калитки, находящейся въ другомъ концѣ зданія, выносятъ мусоръ или гдѣ нибудь въ уютномъ мѣстечкѣ за вагонами и дровами жуютъ хлѣбъ съ солью, другіе наскоро закуриваютъ коротенькія трубки съ махоркой. По лѣнивымъ пріемамъ рабочихъ видно, что внѣ мастерской подгоняющая сила слабѣе. Дѣйствительно, начальство рѣдко выглядываетъ наружу, потому что вся главная рабочая жизнь, со всѣмъ ея трескомъ и шумомъ, сосредоточена у машинъ и станковъ. Второго этажа въ

Digitized by Google

мастерской нѣтъ; вмѣсто него, подъ верхнимъ рядомъ оконъ устроены узкіе хоры, на которыхъ помѣщается главный пунктъ мастерской—большая контора, а противъ нея и вдоль другихъ стѣнъ — верстаки и столы, измазанные разными красками или завалены ворохомъ стружекъ; тутъ же механическіе станки токарей и строгальщиковъ, точильные и шлифовальные камни.

Внизу, какъ слоны, на двухъ парахъ рельсовъ, проходящихъ вдоль всей мастерской, стоятъ огромные паровозы безъ трубъ и колесъ на брусьяхъ и подъемныхъ винтахъ. По стѣнамъ подъ хорами съ одной стороны идутъ непрерывно слесарные верстаки съ подобающимъ количествомъ слесарей, съ другой—большіе токарные станки для вагонныхъ и паровозныхъ колесъ, большая строгальная машина и самоточка.

На полу, между станками и паровозами, лежатъ кучами мѣдныя трубы, свертки желѣзныхъ листовъ, доски и брусья, сломанныя части машинъ и всякіе нужные и ненужные обрѣзки дерева и желѣза. Противъ воротъ, подъ конторой, стеклянная дверь ведетъ въ такъ называемый магазинъ или складъ матерьяловъ — особое мѣсто съ особымъ начальствомъ, съ своими книгами и съ своимъ воровствомъ. Черезъ другую стеклянную дверь виденъ чадъ и огонь отдѣленія кузницъ.

Вездѣ закоптѣлые блузники, каждый съ своимъ инструментомъ, у верстаковъ, у станковъ, верхомъ на высокихъ котлахъ почти въ уровень съ хорами и вторымъ рядомъ оконъ, въ канавкахъ, подъ паровозами, изгибаясь въ невозможныя позы; стучатъ, пилятъ, пускаютъ и останавливаютъ машины. Всюду грязно, шумно и тѣсно, а во многихъ мѣстахъ и опасно: почти каждый безконечный ремень способенъ оторвать руки и ноги, или скрутить цѣлаго человѣка; а зубчатыя колеса и шестерни тамъ, гдѣ ничѣмъ не прикрыты, какъ будто нарочно и поставлены съ этою цѣлью.

Такова мастерская.

II.

Между занятыми, снующими туда и сюда блузниками, на общемъ грязно-масляномъ фонѣ, всегда гдѣ нибудь можно было замѣтить чистенькую сѣрую фигурку сѣдаго старика нѣмца, главнаго непосредственнаго начальника мастерской, такъ называемаго мастера, носившаго странную фамилію Фондерхунда, о которомъ не разъ доводилось мнѣ слышать во время работы много удивительныхъ рѣчей.

Digitized by Google

Блѣдный, геморроидальный, всегда сердитый, старикъ Фондерхундъ медленными шагами по нѣскольку разъ въ день обходилъ мастерскую, поворачивая свою, сильно наклоненную впередъ голову, то направо, то налѣво, и бросая по сторонамъ угрюмые взгляды, нѣтъ ли проявленія лѣни.

Вездѣ, гдѣ онъ проходилъ, руки двигались быстрѣе обыкновеннаго, спины ниже сгибались надъ верстаками и во взглядахъ выражалось большее вниманіе къ дѣлу.

По русски Фондерхундъ говорилъ очень плохо, что заставляло его дѣлать замѣчанія по возможности рѣже. Его угрюмое спокойствіе казалось невозмутимымъ и, дѣйствительно, не возмущалось иногда по нѣскольку дней. За то тѣмъ сильнѣе были взрывы его гнѣва.

Замѣтивъ упущеніе, онъ выходилъ изъ всякихъ границъ; вся фигура его преображалась, и жестикуляція принимала какой то съумасшедшій характеръ. Онъ размахивалъ руками, моталъ во всѣ стороны головой, откидывалъ назадъ локти и тыкалъ указательнымъ пальцемъ, какъ будто что нибудь пробивая. Кричалъ при этомъ, путаясь въ русскихъ ругательствахъ, и выкрикивая какіе то неопредѣленные звуки, и доходилъ, наконецъ, до того, что испуганная жертва переставала понимать частности выговора, что̀ еще больше смущало.

Про такое состояніе Фондерхунда рабочіе говорили: «бодаетъ».

— За что тебя нонче старикъ бодалъ? спрашивали какого нибудь несчастливца.

Рѣдко кто отвѣчалъ на такой вопросъ прямо; однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ отвѣтовъ: «а кто его знаетъ, за что». Но, по общему мнѣнію, Фондерхундъ никогда не «бодалъ» безъ причины. Опытнымъ глазомъ онъ умѣлъ каждый разъ отыскать настоящую неисправность, которая всѣмъ бросалась въ глаза, когда онъ выводилъ ее на чистую воду, и которой сами рабочіе не могли не признать. Поэтому, обруганный нетолько не находилъ сочувствія въ сотоварищахъ по работѣ, но даже самъ весьма рѣдко бывалъ возмущенъ грубостью нѣмца, несмотря на то, что брань Фондерхунда, всегда во много разъ превышала вину.

Фондерхунда даже любили.

Мѣдникъ, одинъ изъ весьма суровыхъ людей, часто говорилъ, что при прежнемъ слабомъ мастерѣ чаще онъ запивалъ и прогульныхъ дней было больше. Тоже самое онъ относилъ и ко всей мастерской. Съ нимъ соглашались.

Любили Фондерхунда, конечно, не за одну его строгость. Между прочимъ, всѣмъ нравился его сосредоточенный, нахмуренный видъ—признакъ важности и величія, соединенный съ основа-

Digitized by Google

тельнымъ знаніемъ механики и съ хорошимъ практическимъ знаніемъ слесарнаго мастерства. Рѣдкіе случаи, когда мастеръ самъ брался за напильникъ, не забывались рабочими, которые болѣе чѣмъ кто-либо могли оцѣнить по достоинству ловкость и чистоту въ работѣ.

— Чисто старикъ работаетъ, хоть и тихо, говорили мастеровые.—Ну, да ужъ нѣмцы всѣ тихо работаютъ, въ этомъ супротивъ русскаго имъ далеко.

Дивились также памяти Фондерхунда и съ уваженіемъ относились къ внимательности, которую онъ оказывалъ своимъ подчиненнымъ.

— И какъ это, братцы, всѣхъ онъ знаетъ! Второй день человѣкъ работаетъ, а онъ его имя и фамилію ужь запомнилъ. Послѣдняго мальчишку помнитъ, какой при какомъ дѣлѣ поставленъ. Про каждаго заботу имѣетъ, чтобы съ самаго первоначалу къ какому нибудь мастерству привыкалъ. При такомъ мастерѣ ученикамъ житье: имѣй только стараніе—до всего дойдешь.

Такъ отзывались о человѣкѣ, который нерѣдко тѣснилъ рабочихъ несправедливымъ разсчетомъ, надъ которымъ еще очень недавно стряслась исторія самаго непріятнаго свойства. Потерявшіе терпѣніе слесаря положили порѣшить его самосудомъ и долго гонялись за нимъ съ молотками и другими инструментами сначала по мастерской, а потомъ на дворѣ между рядами вагоновъ. Положеніе было совершенно критическое, можетъ быть, даже самая жизнь подвергалась опасности. Къ счастію вечеръ былъ темный и старческія ноги не измѣнили Фондерхунду: юркнувъ подъ вагоны, онъ успѣлъ скрыться и благополучно ушелъ къ себѣ на квартиру. Рабочіе устроили тогда стачку и подавали прошеніе, расположивъ свои подписи кругомъ, чтобы нельзя было узнать, кто подписывалъ первый. Но самые буйные были усмирены жандармскимъ офицеромъ, а другихъ выжилъ самъ мастеръ.

Замѣчательно то, что новый комплектъ рабочихъ, въ которомъ очень много оставалось и прежнихъ, никогда не вспоминалъ ни про прошеніе, ни про стачку, хотя она и увѣнчалась нѣкоторымъ успѣхомъ. Рабочіе объ этомъ совсѣмъ не говорили между собой; а тѣ, которые продолжали щетиниться передъ мастеромъ, открыто порицались товарищами за неумѣренную строптивость. Напримѣръ, былъ въ мастерской токарь Трипецкій, маленькій рыжій полякъ, похожій на нѣмца; получалъ онъ хорошую поденную плату и, несмотря на то, что былъ человѣкъ семейный, жилъ и одѣвался съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ барства и франтовства. Всѣ относились къ Трипецкому съ большой симпатіей. Случилось ему сцѣпиться разъ съ Фондерхундомъ по по-

Digitized by Google

воду какого-то несовсѣмъ справедливаго выговора. Фондерхундъ раскричался, замоталъ головой; Трипецкій самъ вспылилъ, выдержалъ грозный напоръ и не спасовалъ передъ нѣмцемъ. Само собою понятно, что дѣло кончилось исключеніемъ непокорнаго человѣка изъ мастерской, потому что такія дѣла никогда не кончались иначе.

Но прошло нѣсколько дней и ни одного сочувственнаго отзыва о Трипецкомъ не было слышно.

— Вотъ что съ нашимъ братомъ за непокорство бываетъ! говорили нѣкоторые, вспоминая исторію объ изгнаніи Трипецкаго.—Теперь онъ безъ мѣста наплачется: семья у него велика.

— Другой разъ смирнѣе будетъ, отвѣчали всѣ въ голосъ.

Во всякомъ случаѣ, надо отдать справедливость умѣнью Фондерхунда подобрать въ свою мастерскую болѣе подходящихъ для «боданья» людей. Вѣроятно, въ этомъ случаѣ помогло ему счастье; но несомнѣнно также и то, что любовь новыхъ рабочихъ къ мастеру въ значительной степени основывалась на сильнѣйшей ненависти къ его помощнику, котораго прежде не было и который теперь, благодаря своимъ свойствамъ, какъ громоотводъ, привлекалъ на себя весь небольшой запасъ злобы своихъ подчиненныхъ. Фондерхундъ вслѣдствіе этого много выигрывалъ въ родѣ того, какъ выигрываетъ женщина съ обыкновеннымъ лицомъ, поставленная рядомъ съ уродомъ.

Подмастерье или Портной, какъ прозвали его за совершенное непониманіе надзираемаго имъ дѣла, былъ гораздо глупѣе мастера, а потому его строгость принимала характеръ нахальной дерзости, всегда попадавшей какъ разъ мимо цѣли. Фондерхундъ, дѣлая выговоры, позволялъ себѣ ругаться, а Портной, никогда не дѣлалъ выговоровъ, а постоянно ругался. Во всѣхъ распоряженіяхъ Фондерхунда рабочіе замѣчали умъ и знаніе дѣла, а относительно Портного было совершенно иное: бо̀льшая часть приказаній его мѣшала работѣ и только закрѣпляла за нимъ все больше и больше обидную кличку. Кличка портнаго почиталась слесарями почему-то самой постыдной.

Изо рта у несчастнаго подмастерья, прозваннаго Портнымъ, постоянно пахло виномъ, потому что онъ пилъ его ежедневно въ опредѣленно большомъ количествѣ; а если пропускалъ сверхкомплектную чарку, то становился еще крикливѣе. Съ особеннымъ удовольствіемъ штрафовалъ онъ тогда не соблюдающихъ дисциплину; тутъ онъ меньше всего рисковалъ промахнуться, потому что не надо было имѣть никакихъ спеціальныхъ познаній, чтобы обругать рабочаго за куреніе табаку или за ѣду во время работы.

Digitized by Google

Когда Портной понукалъ рабочихъ, онъ всегда кричалъ имъ: «*мнѣ* нужно, чтобы эта работа была окончена»... Всегда прибавлялъ: «*мнѣ* нужно». Выгружали мы, напримѣръ, паровой ящикъ и уже для собственной безопасности не зѣвали; градомъ катился съ насъ потъ, трехвершковые рычаги трещали, вершковые ломы гнулись. Портной выступалъ грудью впередъ, отведя назадъ плечи, вздернувъ голову вверхъ, и, понимая очень хорошо, что люди работаютъ съ крайнимъ усердіемъ, все-таки считалъ нужнымъ кричать: «живо, живо не спи! Къ 320-му паровозу! *Мнѣ* до обѣда еще нужно будетъ прикинуть».

Между тѣмъ, каждый зналъ, что всякія прикидыванія, измѣренія и прочее производились всегда или слесарями, или монтёрами, а Портной въ это время стоялъ возлѣ, прикладывалъ изрѣдка свой складной метръ наугадъ, часто совсѣмъ не туда, куда слѣдовало, и все вниманіе сосредоточивалъ на выраженіи своего лица, чтобы придать ему глубокомысленный видъ.

Ночными работами завѣдывалъ другой подмастерье—молоденькій нѣмчикъ, отличавшійся нѣжнымъ видомъ и грубостью обращенія. Его, впрочемъ, мало знали рабочіе. Токарный мастеръ, начальникъ всѣхъ токарей, и кузнечный мастеръ, начальникъ всѣхъ кузнецовъ, получали по полутора рубля въ день, подъ власть Портного не подходили, скорѣе равнялись съ нимъ по своему положенію и помогали ему въ конторѣ распивать полуштофы, когда не было тамъ Фондерхунда.

Изрѣдка приходилъ въ мастерскую Бильбокэ, французъ, участковый начальникъ всего подвижнаго состава; высокій, красивый, уважаемый всѣми рабочими за то, что былъ друженъ съ общимъ любимцемъ, Фондерхундомъ, и за то, что ругалъ, иногда довольно безцеремонно въ присутствіи всей мастерской, ненавистнаго подмастерья.

Еще рѣже являлся какой-то огромный англичанинъ, на обязанности котораго лежало свидѣтельствованіе выходившихъ изъ починки локомотивовъ. Онъ внушалъ всѣмъ суевѣрное и безконечное уваженіе къ своей недосягаемой учености. И это понятно: Бильбокэ и Фондерхундъ, люди безконечно ученые для рабочихъ, трепетали передъ англичаниномъ. Чего-жъ больше!

Были въ мастерской и другіе служащіе, не работавшіе руками: табельщики, конторщикъ, писарь и сторожа, но они мало касались рабочихъ.

Digitized by Google

III.

Всѣхъ рабочихъ было больше двухъ сотенъ, и первый поверхностный взглядъ на нихъ въ мастерской выносилъ ложное впечатлѣніе дѣятельной и кипучей работы, ложное потому, что почти каждая работа была *шумна*, и рабочіе, пользуясь этимъ, очень ловко умѣли беречь свои силы.

Установлена была поденная плата; сдѣльной работы не было; слѣдовательно, всякій надзоръ, въ значительной мѣрѣ, оставался безсиленъ. Отъ малѣйшаго мальчишки и до старѣйшаго слесаря, каждый заботился совсѣмъ не о томъ, чтобы работать усердно, а о томъ, чтобы не попасться праздно стоящимъ на глаза старику или его подмастерью. Какъ бывало прежде въ гимназіяхъ ученикъ, доходя до высшихъ классовъ, совершенствовался не въ учебныхъ предметахъ, а въ познаніи свойствъ и привычекъ учителей, и съ помощью этихъ дорогихъ знаній достигалъ хорошихъ отмѣтокъ, такъ и здѣсь въ мастерской опытной рабочій зналъ всѣ пункты внизу и на хорахъ, откуда видны были его тиски, такъ что, поворачивая голову для осмотра, онъ обращалъ вниманіе всего на три, на четыре опасныя мѣста и, если тамъ не оказывалось начальства, то является какъ бы законный предлогъ отдохнуть. Въ этомъ отношеніи много помогали громоздкіе предметы, торчавшіе по всей мастерской: четыре или пять паровозовъ, одинъ или два тендера, трубы, подъемныя машины и прочее. Они повсюду образовывали укромные уголки для неспѣшной работы. Чернорабочіе почти совсѣмъ ускользали отъ надзора начальства. Подъ предлогомъ работы, они вездѣ находили удобное мѣсто, чтобы стоять сложа руки: залѣзали въ канаву подъ паровозъ и минутъ десять, двадцать выметали оттуда какую-нибудь несчастную щепку, выносили за дрова мусоръ и тоже нѣсколько минутъ удѣляли на отдыхъ.

Для посторонняго наблюдателя или вообще для человѣка, появленіе котораго не производило бы внушающаго впечатлѣнія на рабочихъ, и который, слѣдовательно, имѣлъ бы возможность оцѣнить по достоинству все количество дневнаго труда, стало бы несомнѣнно, что 5-ти или 6-ти часовой настоящей усердной работы было бы совершенно достаточно, чтобы получились тѣ же, если не бо̀льшіе результаты, какіе получались теперь съ 7 часовъ утра до 7 вечера съ часовымъ промежуткомъ.

И, несмотря на это, мастерская существовала не въ убытокъ желѣзной дорогѣ.

Digitized by Google

Не слѣдуетъ, однакоже, думать, что работа въ мастерской изо дня въ день, была такая легкая, что всякому слабому человѣку могла быть по силамъ. Напротивъ. Во-первыхъ, надзоръ все-таки производилъ свое дѣйствіе, да кромѣ того и самый характеръ работы былъ таковъ, что подчасъ по семи потовъ сходило съ самой грубой и неподатливой кожи.

Если общая сумма дневной или недѣльной работы въ мастерской была ничтожна, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что трудно было только слабымъ или непривычнымъ рабочимъ. Ничтожность суммы зависѣла не отъ умѣренности труда, но отъ его крайней неравномѣрности. Такія громадныя машины, какъ паровозы, зачастую требовали отъ рабочихъ неимовѣрныхъ усилій.

Разбирался, напримѣръ, локомотивъ для замѣны всѣхъ испорченныхъ частей новыми; надо было обрубить нѣсколько гаекъ гдѣ-нибудь внизу между рамами: ключъ не дѣйствовалъ, гайки заржавѣли и закипѣли до такой степени, что ихъ никакъ нельзя было отвинтить. Лѣзетъ слесарь подъ паровозъ съ острымъ стальнымъ ломикомъ, туда же лѣзетъ кто-нибудь изъ чернорабочихъ съ огромной кувалдой. Дивно смотрѣть, какъ они тамъ помѣститься съумѣли: кругомъ желѣзныя полосы, составляющія основаніе паровоза, небольшое свободное пространство, остающееся отъ нихъ, стѣсняется толстыми брусьями, подложенными подъ концы котла на время починки, со всѣхъ сторонъ торчатъ винты, углы и острые края планокъ; кажется, пошевельнуться нельзя, а между тѣмъ надо бить тяжелой кувалдой по наставленному зубилу, и надо бить очень сильно, иначе цѣлый день никакого результата отъ работы не будетъ; надо бить очень вѣрно, иначе, покачнувшись отъ промаха, чернорабочій разобьетъ себѣ голову объ углы и винты, а кувалда, попавшая мимо цѣли, раздробитъ руки слесаря, который держитъ зубило; надо бить снизу вверхъ, неестественно изогнувъ спину и шею, пристально устремляя глаза на точку удара, а при каждомъ ударѣ изъ стараго паровоза сыпется цѣлое облако ржавчины, пыли и копоти. Глаза слѣпитъ, потъ льется градомъ и вмѣстѣ съ своими каплями увлекаетъ за воротъ блузы всю грязь, которая успѣла за день налипнуть на лицо и на шею. Когда мнѣ приходилось съ двумя котельщиками клепать паровые котлы, сидя согнувшись въ цилиндрѣ и пудовымъ обрубкомъ желѣза прижимая изо всѣхъ силъ надъ головою раскаленный до бѣла стержень, въ то время какъ снаружи удары двухъ молотковъ сыпались градомъ, чтобы успѣть окончить заклепку, пока желѣзо еще горячо, тогда оглушенный, осыпанный искрами и ржавчиной, съ тревожными взорами, устремленными на красную точку, я ни

Digitized by Google

съ чѣмъ инымъ не могъ сравнивать свое положеніе, какъ съ положеніемъ грѣшника, угодившаго за грѣхи въ адъ.

А то случится, что ушлютъ въ командировку куда-нибудь на промежуточную станцію бо̀льшую часть черноробочихъ чинить, напримѣръ, водокачку—тогда оставшимся нѣсколькимъ человѣкамъ черноробочихъ ужь нѣтъ ни минуты покоя. Рвутъ ихъ во всѣ стороны и чуть не дерутся изъ-за нихъ; и столяры, и слесаря, и мѣдники, и котельщики—всѣмъ нужна помощь. Въ паровозной мастерской каждому безпрестанно приходится имѣть дѣло съ такими громоздкими и тяжелыми предметами, которые для своего перемѣщенія требуютъ совокупнаго усилія нѣсколькихъ человѣкъ. Оставшіеся черноробочіе кидаются, какъ угорѣлые отъ одной работы къ другой, а тутъ еще Портной раздражаетъ своими нелѣпыми приказаніями.

Сносною работа была для привычныхъ рабочихъ, видавшихъ на своемъ вѣку и неимѣвшихъ никакой будущности, для тѣхъ, которые хорошо знали по личному опыту, какова ручная работа въ другихъ мѣстахъ на Руси и особенно у мелкихъ хозяевъ. Людямъ же иного сорта въ мастерской житье было самое горькое. Былъ, напримѣръ, между черноробочими Павелъ — мѣщанинъ, добрѣйшеее безмолвное существо; работникъ онъ былъ старательный, безпрекословно шелъ всюду, куда его посылали, таскалъ глину и кирпичи, исполнялъ опасныя работы гдѣ-нибудь около трубъ на крышѣ и по цѣлымъ часамъ мокъ иногда подъ дождемъ безъ малѣйшаго ропота. Терпѣніемъ, слѣдовательно, обладалъ великимъ. Но у него на какой-то прежней службѣ было скоплено нѣсколько сотенъ рублей, и этого было довольно, чтобы онъ на работу въ мастерской смотрѣлъ, какъ на занятіе временное и слишкомъ трудное.

Другой черноробочій, могущій служить въ настоящемъ случаѣ еще лучшимъ примѣромъ, былъ дворянинъ Николай Скоровъ, занимавшій до поступленія въ мастерскую различныя мелкія должности на желѣзныхъ дорогахъ. Надо было видѣть всю комичность его фигуры, когда онъ ежился и корчился подъ тяжелыми дубовыми брусьями съ острыми краями, рѣзавшими ему плечо, или съ ломомъ въ рукахъ при перемѣщеніи какой-нибудь тяжести; надо было видѣть въ этихъ положеніяхъ Николая Скорова, чтобы вполнѣ понять, какова для непривычнаго человѣка самая легкая изъ черныхъ работъ. А Николай Скоровъ былъ все-таки бравый молодецъ: рослый, сильный, расторопный, обладавшій неистощимымъ весельемъ.

— Были деньги, говорилъ онъ: — жилъ хорошо; какъ нѣтъ денегъ—пошелъ на работу. Трудно съ непривычки, да кувырк-

Digitized by Google

нешь сорокоушку — и трудная работа безъ горя справляется. Извѣстно, у меня руки дворянскія, бѣленькія—при этомъ онъ показывалъ свои жирныя грязныя руки—не могутъ за всякую нечистоту браться, за то вы, сиволапое мужичье, мнѣ почетъ отдавать должны, за меня грязное дѣло изъ уваженія править.

Но несмотря на упорное терпѣніе Павла и на веселое балагурство Николая, оба они замѣтно худѣли.

Не жирѣли въ мастерской и привычные люди.

IV.

Во внѣшности всѣхъ рабочихъ не было почти ничего деревенскаго. Сѣрый цвѣтъ, искони сообщившій свое названіе бѣднымъ людямъ, замѣнялся здѣсь синимъ. Блуза преобладала надъ всѣми другими костюмами, но подъ русскимъ вліяніемъ не могла сохранить своего первоначальнаго вида. Русскій вкусъ сдѣлалъ ее длиннѣе и перепоясалъ ремнемъ. Безцѣльная ширина штановъ и высокія голенищи также предпочитались еще многими узенькимъ брюкамъ и маленькимъ сапогамъ. А кузнецы, за исключеніемъ рессорщиковъ, молотобойцы и печники не разставались ни съ русскою рубахою, ни съ поддевкой. Котельщики составляли, и по грубости своего занятія, и по одеждѣ, переходную ступень къ слесарямъ: у нихъ блузы были сшиты изъ синей набойки—истинно русскаго деревенскаго матеріала. Затѣмъ нѣкоторые изъ чернорабочихъ отличались одеждой, или потому, что еще не успѣли обзавестись блузами, или потому, что не намѣревались оставаться долго у Фондерхунда. Такъ на Павлѣ и Николаѣ, о которыхъ я говорилъ, красовались довольно франтоватые пиджаки.

Истинныхъ блузниковъ, такихъ, какіе встрѣчаются во Франціи, въ Германіи, въ Швейцаріи, особенно много было между слесарями. Короткая неподпоясанная блуза надѣвалась ими поверхъ жилета, на ногахъ были узкія нѣмецкія брюки и смазные сапоги съ галошами или ботинки. За неимѣніемъ сапогъ и ботинокъ—башмаки, драныя резиновыя галоши, зашитыя бѣлыми нитками или въ лѣтнее время туфли, сдѣланныя изъ старыхъ сапогъ, а то и сафьяновыя съ мишурнымъ шитьемъ.

Характеръ костюмовъ совершенно соотвѣтствовалъ степени нравственной связи рабочихъ съ крестьянскою деревенскою жизнью. Кузнецы и молотобойцы менѣе всѣхъ были разобщены съ нею, чаще всѣхъ посѣщали деревню. Семьи котельщиковъ жили также по деревнямъ и они навѣщали ихъ правильно по большимъ

Digitized by Google

праздникамъ. Слесаря, не говоря уже о нѣмцахъ, не имѣли ничего общаго съ русскимъ крестьянствомъ. Между ними отставные солдаты изъ казенныхъ заводовъ и мастерскихъ, за давностью времени мало помнили свою прежнюю жизнь, другіе слесаря съ младенчества росли по большимъ городамъ учениками въ разныхъ мастерскихъ, принадлежавшихъ частнымъ предпринимателямъ и, чего не бываетъ между крестьянами, въ 30 и 40 лѣтъ оставались холостяками, или, обзаведясь семействами, поселяли ихъ вмѣстѣ съ собою въ городѣ и приписывались обыкновенно къ мѣщанамъ. Даже тѣ изъ слесарей, которые неуспѣли еще полюбить исключительно городъ и усвоить себѣ его нравы, поддѣлывались подъ общій тонъ окружавшихъ товарищей, стараясь, между прочимъ, казаться развращеннѣе, чѣмъ они были на дѣлѣ.

Чисто деревенскіе интересы мало кого занимали. Почти никогда не служили они темой для разговоровъ за мастерской, гдѣ съ утра до вечера толпились охотники отдыхать и курить. Иные по часу и больше сидѣли тамъ, слушая и разсказывая какую-нибудь быль или сказку. Сторожъ, слабоногій кутила, съ сильнымъ отекомъ въ обезображенной физіономіи, бывшій когда-то хорошимъ слесаремъ, а теперь, по невозможности продолжать работу на ногахъ, посаженный за мастерскую гонять рабочихъ, слишкомъ злоупотреблявшихъ предлогомъ для отдыха, самъ любилъ послушать разсказы и поболтать, вслѣдствіе чего число отдыхающихъ рѣдко было менѣе десяти, пятнадцати человѣкъ. Да и какъ было не собираться здѣсь, когда нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя было поговорить по душѣ. Живя на отдѣльныхъ квартирахъ, рабочіе, по недостатку времени, не могли по вечерамъ видѣться, а между тѣмъ почти каждому многое хотѣлось узнать отъ другихъ и много своего сообщить. Всѣ лоттереи, годичные праздники, соединявшіеся всегда съ угощеніемъ по подпискѣ, требовали долгихъ и обстоятельныхъ обсужденій. Еще болѣе нуждались рабочіе въ обсужденіи серьёзныхъ вопросовъ о пріискиваніи работы; для каждаго изъ нихъ важно было нетолько научиться работать, но и умѣть отыскать мѣсто; послѣднее, при современныхъ печальныхъ условіяхъ жизни, было даже гораздо важнѣе.

Это-то драгоцѣнное умѣнье и пріобрѣталось за мастерской, гдѣ больше сотни бывалыхъ людей сообщали о своемъ житьѣ въ многочисленныхъ мастерскихъ, въ совершенно различныхъ, часто очень отдаленныхъ концахъ Россіи. Разсказывали, какъ и почему не уживались они съ тѣмъ или другимъ хозяиномъ, какъ бѣдствовали безъ мѣста и какъ находили работу.

Digitized by Google

Въ этой практической школѣ ученики и подростки формировали свой нравъ и характеръ, научались думать, говорить и вести себя такъ, чтобы въ дальнѣйшей своей жизни, ладя съ товарищами, не раздражать и хозяевъ.

Самое гнетущее впечатлѣніе производили бесѣды на тему, гдѣ наиболѣе видную роль играла житейская мудрость, гласившая, между прочимъ, о томъ, чтобы не тягаться съ богатымъ. Эта древняя формула находила большое сочувствіе въ пожилыхъ представителяхъ мастерской и—я говорю то, что я видѣлъ—съ замѣтнымъ успѣхомъ усвоивалась молодыми умами.

Особенно безногій сторожъ, Степанъ Григорьевъ, считавшій своихъ хозяевъ десятками, любилъ поучать молодежь примиряться. Его слушали со вниманіемъ, и рѣдко кто ему возражалъ. Бесѣды Степана Григорьева, по своему характеру, тѣсно связывались съ финансовыми вопросами, а на этомъ пути всякій ораторъ, даже самый бездарный, всегда находитъ слушателей, потому что большинство людей съ дѣтства пріучается всюду искать такія готовыя правила, которыя научили бы жать тамъ, гдѣ они не сѣяли, и собирать тамъ, гдѣ не расточали.

Всѣ разговоры по поводу денегъ, различныхъ уплатъ и разсчетовъ почти всегда затрогивали вопросы высшей желѣзнодорожной администраціи, высоту курса тѣхъ или другихъ акцій, причины хорошаго или дурного управленія той или другой желѣзной дороги; при этомъ всегда выражалось неподдѣльное уваженіе къ тѣмъ обществамъ и отдѣльнымъ капиталистамъ, которые въ отчаянной конкурренціи оставались побѣдителями. Напротивъ, всѣ побѣжденные навлекали на себя презрѣніе и насмѣшки. Совершенно подобнымъ же образомъ относились рабочіе къ тѣмъ изъ служащихъ на ихъ желѣзной дорогѣ, которые шли въ гору и видимо богатѣли. Вообще, преклоненіе передъ золотымъ тельцомъ въ теоріи было почти безгранично. Были личности, составлявшія исключеніе изъ общаго правила, какъ бываетъ вездѣ и всегда, но такія были рѣдки.

Сюда относился одинъ изъ такъ-называемыхъ монтёровъ, Егоръ Михайловъ, сынъ крестьянина, пробившій себѣ дорогу безъ всякой помощи почти противъ воли отца. О богатствѣ и бѣдности онъ высказывалъ убѣжденія діаметрально противоположныя. Жизнь и личный опытъ привели его къ инымъ убѣжденіямъ, за то та же жизнь и тотъ же опытъ сдѣлали его замкнутымъ, сдержаннымъ, заставили его сторониться отъ людей и научили устанавливать къ товарищамъ хорошія, но холодныя и далекія отношенія. Онъ никогда не могъ бы сдѣлаться распространителемъ своихъ убѣжденій, потому что сознательно не хотѣлъ завязывать тѣсныхъ

Digitized by Google

отношеній съ людьми. Будучи монтёромъ, т. е. до нѣкоторой степени начальникомъ всѣхъ слесарей, занятыхъ починкою какого-нибудь одного паровоза, Егоръ Михайловъ никогда не подводилъ рабочихъ подъ штрафъ или выговоръ, какъ это безпрестанно дѣлали другіе монтёры. Ни одинъ человѣкъ никогда не былъ черезъ него разсчитанъ. Всякая ссора, всякая серьёзная брань между рабочими ужасно его возмущали. Единодушіе, дружба, пониманіе взаимной солидарности были любимыми коньками его мыслей и рѣдкихъ урывчатыхъ теоретическихъ разговоровъ. По краткости и рѣдкости, разговоры эти оставляли самое слабое впечатлѣніе, а Егоръ Михайловъ не старался говорить чаще, предпочитая молчать и работать.

Такимъ образомъ многорѣчивыми авторитетами по части практической философіи оставались Спетанъ Григорьевъ и компанія такихъ же, какъ онъ, стариковъ, усвоившихъ себѣ, вмѣстѣ съ привычкою пить, много раболѣпія.

Чаще житейскихъ вопросовъ, вниманіе публики, собиравшейся за мастерской, привлекали литературные разговоры, естественно— научные споры и самые разнообразныя исторіи и анекдоты, всегда интересные по содержанію, но никогда не вызывавшіе на размышленіе. Записными разскащиками по части исторій и анекдотовъ были дядя Михѣй, Куликовъ по фамиліи, одинъ изъ чернорабочихъ, слесарь Курскій, и иногда Николай Скоровъ. Послѣдняго, впрочемъ, слушали мало; его глупые и непремѣнно скандальные анекдоты подчасъ даже сердили такихъ степенныхъ людей, какъ, напримѣръ, Куликовъ. За то и Николай не упускалъ случая поймать кого-нибудь изъ степенныхъ, по преимуществу Куликова, когда они, сами того не замѣчая, увлекались чѣмъ-нибудь «не ходячимъ»; когда, напримѣръ, Куликовъ вдавался въ слишкомъ подробное описаніе Елены Прекрасной или живо припоминалъ свою бурную юность. Впрочемъ, это рѣдко случалось. Дядя Михѣй былъ человѣкъ въ высшей степени набожный, безпрестанно цитировалъ священное писаніе, любилъ читать Потерянный Рай Мильтона или серьёзные историческіе учебники, зналъ хорошо начало русской исторіи и имѣлъ много свѣдѣній о древнихъ мидянахъ и персахъ, о древней Греціи и Римѣ. Иліаду и Одиссею, по собственному сознанію, дядя Михѣй прочиталъ два раза съ большимъ вниманіемъ, и прочиталъ бы еще, еслибы опять могъ достать эти книжки. Все прочитанное служило для Куликова однимъ изъ источниковъ, изъ которыхъ онъ черпалъ матеріалъ для своихъ неистощимыхъ разсказовъ.

Другимъ еще болѣе обширнымъ источникомъ для разсказовъ служила дядѣ Михѣю его собственная походная жизнь, прове-

Digitized by Google

денная на Кавказѣ, въ южно-русскихъ степяхъ, въ Малороссіи и во многихъ губерніяхъ средней Россіи. Онъ былъ отставной солдатъ, хотя по наружному виду никто этого не сказалъ бы. Волосы онъ стригъ въ кружокъ, отпустилъ бороду и въ костюмѣ не сохранилъ ничего солдатскаго, да и по характеру и манерамъ совершенно не подходилъ къ извѣстному типу отставного солдата старыхъ временъ; у Куликова не было грубости этихъ искаженныхъ людей; степенность такъ проникала все его существо, что даже придавала нѣкоторый оттѣнокъ основательности его религіознымъ воззрѣніямъ. Говорилъ онъ ровно, не спѣша, обстоятельно, съ полной увѣренностью, что его дослушаютъ до конца. Помимо невѣроятнаго разнообразія наблюденій, произведенныхъ во время службы надъ черкесами, казаками, калмыками, турками и малороссами, помимо замѣчательной памяти, которая позволяла приводить малѣйшія подробности всѣхъ особенностей, замѣченныхъ въ жизни инородцевъ и соплеменниковъ, Куликовъ поражалъ хорошимъ знаніемъ отечественной географіи: онъ съ точностью опредѣлялъ границы всѣхъ пройденныхъ имъ губерній, направленіе главнѣйшихъ рѣкъ, перечислялъ всѣ города по Волгѣ и Камѣ, зналъ множество названій уѣздныхъ городовъ и никогда не ошибался, въ какой губерніи они находятся. Безспорно, такія свѣдѣнія были удивительны, хотя они и не составляютъ рѣдкости среди русскихъ рабочихъ, вѣчно бродящихъ по заработкамъ или получающихъ географическія познанія отъ товарищей, пришедшихъ домой послѣ тщетныхъ поисковъ лучшаго мѣста. Напротивъ, большіе промахи въ этомъ отношеніи рѣдкость. Напримѣръ, не часто приходится слышать такой споръ, какой однажды возникъ за мастерской на счетъ того, что Волга течетъ черезъ Петербургъ, потому что въ Нижнемъ и въ Рыбинскѣ плывутъ по ней барки, отправляемыя въ Петербургъ. Куликовъ разрѣшилъ этотъ споръ, начинавшій становиться ожесточоннымъ, описавъ почти вѣрно маріинскую систему каналовъ.

Курскій также былъ отставнымъ солдатомъ, но о прошлой своей жизни никогда не разсказывалъ, книжекъ тоже не читалъ, славу же разсказщика доставили ему фантастическія исторіи всегда почти о Полякахъ. На первомъ планѣ въ его разсказахъ фигурировалъ какой нибудь красавецъ Полякъ, предводитель банды, живущій въ непроходимыхъ лѣсахъ съ красавицей княжной и ея матерью, или какой нибудь ксендзъ полуколдунъ-получудотворецъ, зарывающій червонцы гдѣ нибудь въ таинственномъ мѣстѣ и непремѣнно съ заговоромъ. Съ Курскимъ не рѣдко

Digitized by Google

случалось, что онъ запутывался подъ конецъ разсказа, не успѣвая придумать развязки, хотя сколько нибудь похожей на истину.

Слушатели такими концами оставались весьма недовольны.

— Нѣтъ, Курскій, не кругло!

— Какъ не кругло? Я разсказываю то, что было. Что мнѣ врать!

— Какже, братецъ, теперечa этотъ самый полякъ распоролъ себѣ нутро кинжаломъ, а потомъ пошелъ кладъ казать?

Курскій не очень смущался и старался какъ нибудь увернуться.

— Зачѣмъ распоролъ, онъ только такъ примѣръ сдѣлалъ!

— Какой примѣръ, когда ты самъ говоришъ: въ кишкахъ ногами запутался!

— А, ну васъ! И за то будьте благодарны, что разсказалъ.

— Все-таки ты ври да оглядывайся.

— И какъ Курскій врать здоровъ! замѣчали послѣ его ухода.

— Безо-всякой совѣсти вретъ; поспѣетъ придумать, кончитъ, будто и похоже на дѣло, а то сейчасъ и запутался. Изо всей мастерской первый врунъ.

— Вотъ у Куликова завсегда круглѣе выходитъ.

— Куликовъ, братъ, мастеръ по этой части; Курскому никогда такъ не соврать, какъ Куликову.

Слово «врать» часто употреблялось вмѣсто «разсказывать», но къ Курскому оно примѣнялось и въ прямомъ, и въ переносномъ значеніи.

— А что я въ Вѣдомостяхъ читалъ: позабылъ какой губерніи, мужики на рынкѣ сами себѣ гробы покупаютъ? перемѣнялъ кто нибудь разговоръ.

— Такъ что-же, это и въ нашихъ мѣстахъ такъ дѣлается: поставятъ гробъ въ телегу, сами въ гробъ сядутъ и ребятъ посодятъ, да еще полштофъ прихватятъ спрыснуть обнову.

— Однако для этого привычка нужна, чтобъ о смерти всякій часъ имѣть помышленіе.

— Кому какъ, другой отъ рожденія такой, что помереть не боится. Третьяго дня у насъ водовозъ удавился, развѣ онъ себя пріучалъ къ этому? Такъ, страху не было.

— Страху Божьяго не было, поправилъ машинистъ, отъ природы меланхоликъ.

— А то что-жъ бы?

— А то, что не удавился бы, убоялся бы страшнаго суда. На томъ то свѣтѣ, что за такія дѣла бываетъ?

— Не похвалятъ нашего брата за это.

Слесарь Пальчиковъ, слушавшій молча, не выдержалъ. Онъ

Digitized by Google

былъ завзятый матерьялистъ-эпикуреецъ. Любовь къ жизни и беззаботность были основными чертами его характера. Получая около рубля въ день, онъ ходилъ чуть не босой и въ лохмотьяхъ, потому что всѣ деньги сейчасъ же по полученіи прокучивалъ съ нѣсколькими своими подругами. Работникъ онъ былъ отличный, но крайне лѣнивый, вѣчно веселый и вмѣстѣ съ тѣмъ съ вѣчно заспаннымъ видомъ. Физіономіей онъ обладалъ такой доброй и симпатичной, что на ней даже въ пылу самой ожесточенной брани можно было замѣтить добродушнѣйшую улыбку, доказывавшую, что Пальчиковъ совсѣмъ не умѣлъ сердиться, хотя ругаться очень любилъ; этимъ онъ забавлялъ всѣхъ окружавшихъ, которые помирали со смѣху, слѣдя, какъ Пальчиковъ безъ малѣйшаго признака злобы, съ чуть замѣтной улыбочкой, произносилъ самыя отчаянныя ругательства и выводилъ изъ себя противника, не замѣчавшаго всей комичности своего положенія.

— А что на томъ свѣтѣ бываетъ? замѣтилъ Пальчиковъ машинисту:—никто оттуда не приходилъ, никто не разсказывалъ, что тамъ бываетъ, ничего и не будетъ.

— Какъ ничего не будетъ, куда-жъ ты душу то дѣнешь?

— Какую душу? Живъ ты—и душа жива, померъ — и души нѣтъ.

— Ври больше, человѣкъ нѣшто собака?

На лугу передъ говорившими паслась корова.

— Вотъ, возьми хоть корову, продолжалъ Пальчиковъ:—убей ее—будетъ говядина, помри я, что отъ меня останется? Мясо да кости.

— Пустое толкуешь, душа въ однѣхъ костяхъ жить не можетъ, значитъ, она по твоему помереть должна? а какъ же сказано: духъ человѣческій никогда не помретъ?

— Какой духъ?

— Такой! Съ вами говорить, только тоска забираетъ, того и гляди—самъ удавишься.

Машинистъ отъ такого разговора начиналъ трусить; но кого и чего, самъ хорошенько не понималъ. Съ Пальчиковымъ почти всѣ соглашались; но и загробной жизни не отвергали.

— А ты вотъ что скажи, продолжалъ Пальчиковъ, возвращаясь къ началу бесѣды:—не страху божьяго у нашего водовоза не было, а осень близко. Теперь у насъ у Креста пойдетъ грязь по ступицу, не захотѣлъ онъ мучиться съ своей лошаденкой—ну, и удавился.

— Нѣтъ, онъ изъ за бабъ удавился, возразилъ слесарь, начавшій разговоръ о водовозѣ.

*

Digitized by Google

— Брешешь ты, какъ это человѣкъ изъ за бабъ удавиться можетъ!

— А такъ и можетъ. У него было двѣ. Ссоры да попреки, слезы да сплетни. Горько ему стало, помирить бабъ никакъ не можетъ, жалко ему и той и другой — изъ за этого онъ себя и загубилъ.

— Ничего мудренаго нѣтъ, баба хуже всего можетъ загубить человѣка, произнесъ глубокомысленнымъ тономъ Степанъ Григорьевъ. Онъ за малостью своего разума чаще любилъ соглашаться чѣмъ спорить.

Пальчикову его замѣчаніе не понравилось:

— Ну, нѣтъ, никогда я не повѣрю, чтобы человѣкъ изъ за бабъ губить себя сталъ. Теперь ихъ у меня три, такъ я и давиться долженъ? Да хоть они зарѣжь другъ дружку, давиться не стану; пусть ужь онѣ лучше давятся. И водовозъ, кабы спрыснуть его хорошенько розгами, давиться не сталъ бы. Такъ изъ за лѣности удавился; работать не захотѣлось.

Другой разъ зашелъ разговоръ о громѣ. Степанъ Григорьевъ утверждалъ, что это воспаленіе воздуха, другіе думали, что это просто дуновеніе духа, но этимъ было доказано фактами, что молнія—каменная стрѣла, способная дѣлать дырки. Подъ конецъ нашлись умѣвшіе объяснить образованіе каменныхъ стрѣлъ въ землѣ.

Случившійся при этомъ слесарь, какъ называлъ его Пальчиковъ, съ самаго начала разговора о громѣ съ видимымъ раздраженіемъ навострилъ уши. Пока спорили, онъ сидѣлъ молча, изогнувъ свою маленькую совершенно сухую чахоточную фигурку, хмуря брови и передергивая плечами. Когда кончили, порѣшивъ, что молнія это воспаленіе воздуха или что нибудь очень близкое къ этому, слесарь обратился къ умолкнувшимъ собесѣдникамъ съ ядовитой улыбкой:

— Какъ это вы объ этомъ разговаривать можете?

— Нѣшто заказано?

— Да.

— Не ты-ль заказалъ?

— Отъ Бога заказано. Никто этого знать не можетъ: когда конецъ міру и отчего громъ.

— Ну, а ежели кто допытается?

— Никогда этого быть не можетъ. Знаетъ про то только Богъ да Иванъ Богословъ. Въ Харьковѣ я про это книжку читалъ: когда Иванъ Богословъ хотѣлъ разсказать Божьей Матери, такъ Богъ сказалъ ему: «Богословъ, ты не двоесловь».

— Ну, что врешь, станетъ Богъ такъ просто разговаривать!

Digitized by Google

Дружный хохотъ прогналъ слесаря въ мастерскую.

Такимъ образомъ всѣ естественно-научные разговоры вызывали множество полезнѣйшихъ мнѣній, но всегда почти находились довольно свѣдущіе, чтобы разъяснить непонятное и, если не довести до истины, то хоть вывести на дорогу къ ней.

Вслѣдствіе постояннаго общенія многихъ людей, связанныхъ общими интересами, вслѣдствіе частыхъ бесѣдъ, затрогивавшихъ серьезныя стороны человѣческихъ отношеній, жизнь въ мастерской имѣла большое вліяніе на рабочихъ.

И могла бы вліять хорошо. Но не круглый годъ шла она такъ, какъ описана.

V.

Чѣмъ больше надвигалась осень съ ея проницающимъ сырымъ холодомъ, съ вѣтромъ, привольно гулявшимъ среди рѣдкихъ построекъ, тѣмъ меньше и меньше собиралось народу за мастерской. Прибѣжитъ какой-нибудь слесарь, накинувъ на плечи изодраное пальтишко, посидитъ, посидитъ, продрогнетъ и спѣшитъ опять въ мастерскую. Сначала болѣе зябкіе, а потомъ и другіе предпочитали отдыхать въ мастерской, оглядываясь, конечно, по сторонамъ, не попасться бы на глаза Фондерхунду. Рѣже выходили курить. Степану Григорьеву становилось скучнѣе; подъ конецъ осени онъ и совсѣмъ покинулъ свой постъ. Бесѣды, составлявшія лучшую часть дневной жизни, почти прекратились. Только по утрамъ иногда, до начала работъ, собирались тамъ и сямъ группы изъ рано пришедшихъ и между ними слышались возникавшіе разговоры, пока не разгонитъ сигнальный свистокъ, а онъ не заставлялъ себя ждать. Внутри мастерской впродолженіе дня, конечно, не могло быть особенно длинныхъ бесѣдъ; только подъ вечеръ, когда зажигались огни, рабочимъ становилось немного свободнѣй, потому что паровозы, станки и машины бросали отъ себя такія темныя тѣни, подъ покровомъ которыхъ можно было отдыхать, сколько хочешь.

Полумракъ мастерской, чередуясь съ освѣщенными ярко мѣстами, настолько мѣшалъ надзирать за работой, что Портной по вечерамъ почти не дѣлалъ обходовъ и сидѣлъ больше въ конторѣ, а Фондерхундъ уходилъ домой раньше, чѣмъ обыкновенно. Понятно, что все это приводило рабочихъ въ веселое настроеніе духа. Стукъ молотковъ и машинъ какъ будто немного стихалъ, кой-гдѣ сквозь него прорывался веселый взрывъ смѣха; токари затѣвали возню; тендерные слесаря подбивали другъ друга учи-

Digitized by Google

нить незаконный кутежъ, и такъ какъ складчины для этого они никогда не дѣлали, очереди тоже не соблюдали, то кому угощать, рѣшалъ жребій: клали въ шапку свои номера, и чей выпадалъ, тотъ, бранясь и проклиная судьбу, во весь духъ мчался въ городъ за селедкой и полуштофомъ. Между сосѣдями по работѣ начинались толки объ интересныхъ предметахъ, но толки эти были иные чѣмъ лѣтомъ, когда въ нихъ заразъ принимали участіе человѣкъ двадцать пять.

Съ приближеніемъ зимы хуже всѣхъ становилось чернорабочимъ: у нихъ и лѣтомъ, и осенью, и зимой всегда было много работы внѣ мастерской. Приходилось зябнуть и мокнуть; одна блуза не согрѣвала, надо было надѣвать что нибудь потеплѣе. Съ удовольствіемъ вспоминались лѣтніе дни. Тѣ, которые были половчѣе, съ наступленіемъ осени пристраивались къ какому-нибудь дѣлу исключительно внутри мастерской. Дядя Михѣй, напримѣръ, отвоевалъ себѣ всѣ токарные станки и наслаждался подъ ними полнѣйшимъ спокойствіемъ, дѣлая видъ, что обираетъ желѣзныя стружки. Другой чернорабочій сдружился съ котельщиками, и тѣ сдѣлали его постояннымъ своимъ помощникомъ. Остальные грѣлись урывками, но все-таки грѣлись, не то что какіе-нибудь полевые рабочіе, обреченные иногда до самой зимы, не только по цѣлымъ днямъ работать въ ненастье, но и ночевать гдѣ-нибудь далеко отъ жилья.

И, надо отдать справедливость, въ мастерской Фондерхунда никогда не слышалось жалобъ на трудность или неудобство работы; за то совершенно понятное недовольство вызывала ничтожная плата. Будь она хоть немного побольше, между чернорабочими устранилась бы, по крайней мѣрѣ, рѣзкая бѣдность; а то на пятьдесятъ пять копѣекъ одинокому еще кое какъ можно было прожить, но ужь никакъ не съ семействомъ, не имѣя постороннихъ доходовъ или отдѣльнаго заработка жены.

Голодъ такъ хорошо давалъ себя знать, что семейства рабочихъ въ значительной степени отъ него уменьшались.

— Что мнѣ съ того, говорилъ чернорабочій Косой:—что работа легка, когда у меня дома дѣти плачутъ, не ѣвши. Посуди самъ, я теперича живу самъ шостъ, а за прошлый мѣсяцъ пришлось получить 12 съ полтиной. Кабы по праздникамъ работа была, а то праздники работаемъ рѣдко; ночи тоже; ну, 13, 14 рублей заработаешь въ хорошій мѣсяцъ, въ который праздниковъ мало, а больше, какъ ни вертись, не достанешъ. А на житье то семейному надо не мало: каждый мѣсяцъ за фатеру четыре рубля подай, на харчи, какъ ни жмись, 10, 12 рублей на шестерыхъ изойдетъ; должаю лавочнику, а самъ не знаю, какъ долги

Digitized by Google

распутывать буду. Опять, зимнее время подходитъ, какую ни на есть одежонку припасать надо, въ одной блузѣ не проработаешь. Такъ то плохо, такъ плохо, просто хоть въ бутылку полѣзай. Не глядѣлъ бы на свѣтъ Божій.

Ужасно тяжелъ былъ тонъ, которымъ говорились такія слова. Семейный старикъ жаловался на легкость работы, изъявлялъ готовность работать и ночью, и днемъ, и въ будни, и въ праздники, работать какъ лошадь, только дайте ему возможность кормить досыта жену и дѣтей.

Немногимъ лучше было женатымъ, которые не имѣли дѣтей. Имъ приходилось работать съ хлѣба на квасъ, какъ они говорили, т. е. съ великимъ трудомъ концы съ концами сводить. Понятно, что легкость работы и имъ была не совсѣмъ по душѣ; и такіе рабочіе при первой возможности переходили на другую работу, гдѣ можно было не такъ голодать.

Изъ двадцати слишкомъ чернорабочихъ не больше десяти или двѣнадцати было постоянныхъ, не желавшихъ оставлять мастерской; другіе работали временно за неимѣніемъ лучшаго мѣста.

Довольныхъ своимъ положеніемъ между чернорабочими было очень немного, и первымъ изъ нихъ несомнѣнно былъ низенькій квадратный старикъ дядя Матвѣй, глава и предводитель чернорабочихъ, и, сравнительно съ другими, богачъ. Онъ здѣсь работалъ лѣтъ тридцать съ самого основанія желѣзной дороги. За свой начальническій санъ и за тридцатилѣтнюю опытность не въ примѣръ прочимъ получалъ по рублю въ день, т. е. такое жалованье, за которое слесаря и другіе мастеровые почитались счастливцами; имѣлъ двухъэтажный деревянный домъ въ одной изъ пригородныхъ слободокъ, которая, впрочемъ, только потому называлась слободкой, что лежала за чертой города, улицы же ея и переулки непосредственно соединялись съ городскими; домъ, слѣдовательно, былъ доходный. И все-таки дядя Матвѣй жаловался иногда на многочисленность своего семейства, хотя жалобы его были не основательны: средствъ у него было довольно, но бережливый въ молодости, онъ становился подъ старость скупымъ. Выходилъ, напримѣръ, онъ на работу не пивши чаю, что дѣлали только простые чернорабочіе; подъ блузой носилъ рубашку изъ деревенской холстины, пальто свое не замѣнялъ новымъ, хотя, судя по его ужасному виду, это казалось совершенно необходимымъ; выпить любилъ только на даровщинку, за то, ужь если выпадалъ такой случай, то забывалъ всякую мѣру, такъ что иногда за дешовый кутежъ уплачивалъ рубля два въ видѣ штрафа, попадаясь Портному въ состояніи, похожемъ на смерть. Сравнительно съ другими Матвѣю Аѳанасьичу, однако-жь,

Digitized by Google

больше прощалось, потому что даже Портной считалъ его человѣкомъ незамѣнимымъ.

Въ мастерской чернорабочему надо было имѣть много смѣкалки; безпрестанно приходилось дѣйствовать рычагами, веревками, блокомъ. Матвѣй Аѳанасьичъ все это зналъ хорошо, самъ работалъ усердно и умѣлъ надлежащимъ образомъ распорядиться другими, а главное, умѣлъ съ чернорабочими ладить — обстоятельство весьма важное для успѣха въ работѣ и очень трудное дѣло, такъ какъ рабочіе, почти раболѣпно относясь къ Фондерхунду, Портному и прочимъ, всегда готовы были повздорить безъ всякой причины съ такимъ начальствомъ, какъ дядя Матвѣй и монтёры. На этихъ начальникахъ, которые стояли только чуть-чуть повыше, вымѣщалась вся злость, возбужденная настоящимъ начальствомъ. Матвѣй Аѳанасьичъ въ такихъ случаяхъ неподражаемо ловко умѣлъ выходить изъ затруднительныхъ положеній, строя невиннаго балагура. Какъ начальникъ, онъ *долженъ* былъ часто ругаться, особенно въ критическіе моменты какой-нибудь трудной работы; когда же ругательства начинали, наконецъ, раздражать подчиненныхъ, онъ очень ловко, новымъ потокомъ брани, но только такой, какой никто никогда не слыхалъ, и честь изобрѣтенія которой всегда принадлежала ему самому, смѣшилъ всѣхъ, начинавшихъ сердиться и достигалъ своей цѣли: опасная или трудная работа кончалась удачно. Для начальства Матвѣй Аѳанасьичъ былъ безъ сомнѣнія человѣкомъ драгоцѣннымъ.

Достойно особеннаго замѣчанія то, что дядя Матвѣй, вмѣстѣ съ другими чертами характера, усвоилъ также умѣнье въ высшей степени почтительно относиться къ начальству и за-глаза бранить его крайне умѣренно. Можетъ быть, и тутъ главной причиной былъ тридцатилѣтній опытъ, а, можетъ быть, это вытекало и изъ основнаго характера его смирной натуры.

Въ лучшемъ положеніи сравнительно съ другими находились еще Иванъ и Власовъ, составлявшіе съ Матвѣемъ неразрывный тріумвиратъ, который въ свое продолжительное существованіе осушилъ много сорокоушекъ и полуштофовъ. Эти двое жили далеко не однимъ жалованіемъ, доходовъ со стороны у нихъ было больше, чѣмъ у другихъ, тѣмъ не менѣе они жили бѣдно. Власовъ держалъ нахлѣбниковъ и имѣлъ сына слесаря, получавшаго по рублю въ день; у Ивана жена заработывала довольно много; кромѣ того, онъ, какъ и Власовъ, получалъ за долговременную службу шестьдесятъ копеекъ въ день вмѣсто пятидесяти пяти. Въ результатѣ являлась, правда, не голодная, но все-таки бѣдность.

Digitized by Google

Кромѣ Матвѣя, Власова и Ивана, между чернорабочими не было ни одного человѣка, не нуждавшагося въ самомъ необходимомъ и прежде всего въ лучшихъ квартирахъ, которыя всѣ почти, находясь «на Балканѣ», представляли, можетъ быть, много оригинальнаго, но ровно ничего, что необходимо для рабочаго человѣка.

VI.

Есть въ нашемъ большомъ бѣлокаменномъ городѣ маленькій гнилой прудикъ Балканъ, подъ именемъ котораго извѣстна вся прилежащая мѣстность. Весной и лѣтомъ отъ него несетъ нестерпимою вонью, зимой около него дышется нѣсколько легче; но въ сосѣднихъ переулкахъ отъ нечистыхъ дворовъ не исчезаетъ вонь и зимой.

Домики въ переулкахъ однимъ своимъ видомъ нагоняютъ тоску. Само собою понятно, населеніе ихъ состоитъ изъ рабочихъ, т. е. бѣдняковъ. Достаточные люди не станутъ укрываться отъ непогоды и бурь за гнилыя и покосившіяся стѣны, подъ дырявыя сѣдлообразныя крыши, за радужныя отъ старости оконныя стекла: все это слишкомъ плохая защита. Кромѣ того, балканскій кварталъ, находясь съ краю города, прилегаетъ къ мѣстности, куда асенизаторы сваливаютъ все, что считается вреднымъ для достаточныхъ людей, а множество съѣстныхъ лавочекъ, частые кабаки и харчевни окончательно отравляютъ и безъ того зараженный ужь воздухъ.

Днемъ окрестность Балкана пустѣетъ и оживаетъ только съ окончаніемъ рабочаго дня. По праздникамъ слышатся звуки гармоники, у нѣкоторыхъ калитокъ собираются хоры, изъ кабаковъ несутся нестройные крики, около трактировъ толпятся мастеровые.

Много видѣлъ я здѣсь лицъ совершенно убитыхъ нуждою, много видѣлъ злыхъ отъ опьяненія людей; веселыя физіономіи встрѣчались рѣже, да и то почти исключительно по трактирамъ. Но трактирныя выраженія лицъ не должны идти въ счетъ, тамъ къ реальной основѣ каждаго настроенія всегда примѣшано много иллюзій, много такого, чего нѣтъ въ дѣйствительной жизни рабочихъ.

Въ сторону станціи желѣзной дороги балканскій кварталъ граничитъ маленькой площадкой—«Тычкомъ»; въ нее упираются три балканскіе переулка и еще два съ другой стороны; по срединѣ красуется будка, а на ближайшихъ домахъ, кромѣ вывѣсокъ, много бѣлыхъ бумажекъ — объявленій объ отдачѣ различ-

Digitized by Google

ныхъ угловъ: свѣтлыхъ и просторныхъ съ окномъ, свѣтлыхъ и просторныхъ, но безъ окна, и просто просторныхъ безъ окна и безъ свѣта.

Домъ крестьянки Ѳедоровой, въ которомъ я жилъ во время моего пребыванія въ мастерской Фондерхунда, былъ ничѣмъ не лучше другихъ на Тычкѣ. Въ передней части его помѣщались портерная, харчевня и табачная лавка, сзади, во флигеляхъ и нескладныхъ пристройкахъ, грязныя, холодныя и сырыя квартиры.

Въ первой изъ нихъ, оцѣненной домохозяйкой въ шестнадцать рублей мѣсячной платы, жилъ мой квартирный хозяинъ, Николай Ѳедорычъ, отставной кавказскій солдатъ съ любовницей Авдотьей Гордѣевной. Квартира состояла изъ пяти грязныхъ конуръ, отдѣленныхъ другъ отъ друга щелистыми перегородками. Три конуры сдавались жильцамъ, четвертая, вмѣщавшая въ себѣ огромную русскую печку, служила общею кухней, а пятая, самая большая, отдавалась въ наймы по угламъ и вмѣстѣ съ тѣмъ была для Авдотьи Гордѣевны парадной гостиной, столовой и спальной.

Николай Ѳедорычъ былъ начальникомъ пожарной команды, состоявшей изъ шести человѣкъ, при станціи желѣзной дороги; жизнь его текла бы не дурно, еслибы не было Авдотьи Гордѣевны. На желѣзной дорогѣ Николай Ѳедорычъ получалъ по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ и, служа очень долго, зналъ всѣ мѣста въ станціонномъ районѣ, гдѣ можно было, во время его ежесуточныхъ дежурствъ, по ночамъ воровать дрова, говядину, овощи, рыбу, муку и множество другихъ съѣдобныхъ вещей или годныхъ къ продажѣ. При такихъ условіяхъ сколачиваются обыкновенно первоначальные капитальцы; можетъ быть, и у Николая Ѳедорыча копились бы кой-какія деньжонки, да Авдотья Гордѣевна въ этомъ случаѣ была такимъ дырявымъ карманомъ, въ которомъ ничто не держалось, а давать себѣ деньги она заставляла бранью, кулаками, кочергой и ухватомъ. Ничего не подѣлаешь противъ чертовой бабы, а баба была, дѣйствительно, похожа на чорта.

Родившись въ Москвѣ, Авдотья Гордѣевна выросла въ зажиточной мѣщанской семьѣ, получила нѣкоторое образованіе, позволявшее ей съ грѣхомъ пополамъ сочинять любовныя письма. Красота, умъ, грубая бойкость и желѣзное здоровье дѣлали ее типомъ горожанки большихъ городовъ. На бѣду у нея было нѣсколько старшихъ сестеръ, свысока относившихся къ ней, какъ къ младшему члену семейства; онѣ помыкали ею во время ея жизни въ семьѣ, какъ дѣвчонкой, а у нея уже былъ на примѣтѣ

Digitized by Google

любовникъ, было сознаніе своей силы. Семейный деспотизмъ сдѣлался для Авдотьи Гордѣевны невыносимъ, и она рѣшилась выйти за перваго жениха; подвернулся кузнецъ, выработывавшій 35 рублей въ мѣсяцъ. Кузнецы самый грубый народъ, Авдотья Гордѣевна знала, съ кѣмъ придется ей ладить, но за себя не боялась.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ вѣнчанья, мужъ былъ избитъ часовой гирей и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться отъ этакой неожиданной ласки, Авдотья Гордѣевна подала на него жалобу мировому судьѣ за то, что онъ ударилъ ее кулакомъ; на судѣ говорила такъ ловко, что несчастнаго кузнеца засадили на мѣсяцъ въ Титовку.

По выходѣ изъ тюрьмы, мужъ недолго наслаждался семейнымъ покоемъ; Авдотья Гордѣевна очень скоро заставила его отдать ей приданое и прогнала прочь. Съ той поры любовниковъ у нея было много: сапожники, слесаря, буфетчики, половые. О смерти одного изъ нихъ Авдотья Гордѣевна очень часто жалѣла и подъ пьяную руку, приплясывая, пѣла про него такъ:

Умеръ, умеръ мой Алешка,
Куплю гробъ ему на ножкахъ,
Обобью его глазетомъ,
А сама пойду къ кадетамъ...

съ присвистомъ и прищолкомъ; а иногда измѣняла:

Обобью его батистомъ,
А сама пойду къ артистамъ.

Какъ ни странно, но у Авдотьи Гордѣевны грусть и тоска выражались именно въ такой формѣ.

Когда Авдотья Гордѣевна была въ трезвомъ видѣ, что случалось, къ несчастію всѣхъ ея жильцовъ, очень не часто, она способна была всѣхъ развеселить своей беззаботной веселостью, шутками, смѣхомъ. Въ квартирѣ были двѣ дѣвочки, одна—дочь чернорабочаго, принадлежавшаго къ артели, исключительно занимавшейся разгрузкой вагоновъ съ дровами и извѣстной подъ именемъ золотой роты; другая поменьше — дочь толстой любовницы писаря изъ ближайшей конторы квартала. Эти двѣ дѣвочки всегда были въ величайшемъ восторгѣ, когда Авдотья Гордѣевна начинала съ ними играть. И все взрослое населеніе угловъ и коморокъ забавлялось, глядя на радость дѣтей.

Послѣ такихъ вечеровъ, ночь проходила спокойно, и рабочіе, жившіе у Авдотьи Гордѣевны, спали, какъ слѣдуетъ, и на другое утро съ свѣжими силами отправлялись работать.

За то бывали ночи, весь домъ потрясавшія, напоминавшія шабашъ на Лысой горѣ. За свой уголъ я платилъ два рубля въ мѣсяцъ, а подчасъ радъ былъ бы отдать вдвое больше за нѣ-

Digitized by Google

сколько спокойныхъ часовъ, лишь бы сколько-нибудь заснуть до зари и не совсѣмъ изможеннымъ идти на работу. Не проходило недѣли, чтобы я хоть одинъ разъ, уходя въ мастерскую, не клялся перемѣнить квартирныхъ хозяевъ, но когда начиналъ разспрашивать сотоварищей по работѣ, то становился въ тупикъ и откладывалъ перемѣну, потому что повсюду квартирная жизнь была приблизительно таже.

Въ квартирѣ Николая Ѳедорыча, въ этомъ скученномъ сборищѣ заморенныхъ людей, опьянѣніе жильцовъ никогда не сопровождалось весельемъ. За многіе годы накипѣвшая злость на судьбу, на людей, на весь міръ, за тѣ милліоны страданій, обидъ, униженій, которыми такъ полна убогая безпріютная жизнь—все вырывалось наружу, когда спиртъ отуманивалъ разумъ. У приличныхъ людей, говорятъ, все бываетъ прилично, а у грубаго человѣка чѣмъ кончается пьянство?—Бьетъ онъ жену и дѣтей, рѣжетъ себѣ горло.

Бывало, съ вечера, какъ убитый, заснешь; вдругъ, среди ночи начинаетъ душить какая-то тяжесть, надъ самымъ ухомъ раздается неистовый крикъ, съ просонья не сразу поймешь, что такое творится, протираешь глаза, керосиновый ночникъ освѣщаетъ картину: Авдотья Гордѣевна съ кухоннымъ аршиннымъ ножемъ въ правой рукѣ, махая ногами, отбивается отъ ухвата, съ которымъ Николай Ѳедорычъ отчаянно напираетъ, нанося имъ удары, дѣйствуя какъ штыкомъ, и стараясь выбить ножъ.

— А, чортова баба! думаешь, за жильца завалиться, думаешь, я тебя у стѣны не достану!

— Бей, вотъ бей по чужому-то человѣку! вотъ онъ тебя въ часть сволочетъ!

Меня такія угрозы только смѣшили, потому что въ квартирѣ Николая Ѳедорыча каждый, какъ нельзя лучше, зналъ, что если его пугаютъ закономъ и частью, то пугающій только хочетъ похвастать. Въ сущности, здѣсь всѣ поголовно относились къ полиціи такъ недовѣрчиво, что даже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда кѣмъ-нибудь подъ вліяніемъ спирта начинали дѣлаться положительныя попытки исторгнуть изъ ближняго жизнь, то и тогда бравшійся довести до свѣдѣнія полиціи о начинающемся смертоубійствѣ, считалъ нужнымъ только выскочить на крыльцо, постоять тамъ немного и, вернувшись, объявить, что полиція скоро будетъ. Изъ дерущихся никому въ голову не приходитъ повѣрить, что полиція придетъ разнимать, и свалка обыкновенно идетъ своимъ бурнымъ порядкомъ.

А гдѣ-нибудь рядомъ въ коморкѣ тоже слышатся стоны и

Digitized by Google

крикъ. Тамъ тоже драка; мужъ бьетъ жену, ребенокъ оретъ, какъ будто его собираются рѣзать.

Въ углу, находящемся на одной діагонали съ моимъ, съ испуганными глазами сидитъ старичекъ поваръ, давно ужь въ буквальномъ смыслѣ умирающій понемногу отъ голода, оставаясь безъ мѣста. Онъ приходилъ въ ужасъ отъ всякихъ бурныхъ порывовъ. Взглядомъ полнымъ тревоги за свое маленькое изсохшее тѣло слѣдитъ за быстрыми движеніями ухвата по воздуху и при каждомъ ударѣ, при каждомъ энергическомъ взмахѣ вздрагиваетъ всѣмъ своимъ существомъ, словно самъ получаетъ всѣ эти удары или ждетъ, что вотъ-вотъ и его очередь наступитъ сейчасъ подставлять имъ бока.

Драка хозяевъ продолжается иногда часа два или три, то сильнѣе ожесточаясь, то затихая немного; Авдотья Гордѣевна мечется изъ угла въ уголъ, прячась отъ ухвата то за того, то за другого жильца, но изрѣдка и сама дѣлаетъ вылазки на своего супостата; тогда Николай Ѳедорычъ бываетъ или обезоруженъ, или со срамомъ съ своимъ длиннымъ ухватомъ загнанъ на русскую печку, гдѣ онъ успѣваетъ немного вздохнуть и вернуть ускользнувшую изъ его души храбрость.

Если схватка происходила по поводу денегъ, то какъ только Николай Ѳедорычъ бывалъ побѣжденъ и дѣлалъ уступку, какъ только Авдотья Гордѣевна хватала брошенныя ей съ проклятіемъ деньги, мгновенно все измѣнялось: Николай Ѳедорычъ, тяжело дыша и съ ненавистью поглядывая на своего побѣдителя, садился на нѣсколько минутъ отдохнуть къ столу, чтобы затѣмъ немедля уйти на свою обычную службу, а Авдотья Гордѣевна, прежде чѣмъ поваръ Аѳанасій Иванычъ успѣвалъ очнуться отъ впечатлѣнія страха, уже кружилась по комнатѣ, весело распѣвая:

Родимая моя мать
Меня некому унять!

— Вѣрите ли, Измаилъ Петровичъ, говорилъ мнѣ Аѳанасій Иванычъ, когда Авдотья Гордѣевна исчезала:—вотъ теперь шестой часъ утра, а я еще ни единой минуты не спалъ. Съ вечера жильцы вотъ изъ этой комнаты почти до полуночи все шмыгали мимо меня то туда, то сюда — Богъ ихъ знаетъ, что такое у нихъ сегодня случилось! А я, знаете, слабъ ногами, скорчившись лежать не могу, какъ задремлю, такъ ноги и опадутъ, свѣсятся за кровать, какъ разъ противъ двери, кровать-то на полъ-аршина короче меня, ну, каждый въ потьмахъ зацѣпитъ за ноги и своротитъ съ кровати. Какой тутъ можетъ быть сонъ? Конечно, я задолжалъ за квартиру, но только зачѣмъ же

Digitized by Google

обижать-то ужь такъ человѣка? Вѣдь они, можно сказать, какъ ужа вилами, прижали меня; перевели въ этотъ уголъ, а тутъ, окромя того, что для ногъ никакъ не сыщу себѣ мѣста, клоповъ, я вамъ скажу, столько, что, кажется, можно только дивиться.

— Ну, Аѳанасій Иванычъ, клоповъ-то и въ моемъ углу не мало! пробовалъ я, по извѣстному способу, утѣшать его горе горемъ другихъ.

— Нѣтъ, у васъ все-таки легче, а у меня такъ за ночь нажгутъ, что тѣло отъ нихъ горитъ, какъ въ огнѣ! Да и печка при томъ, удивленія просто достойно: щелей, кажется, нѣтъ, а такой угаръ отъ нея, всю голову разломило; такъ и жду, что когда-нибудь ночью помру отъ угара. И въ этакой-то уголъ человѣка затиснуть! А ко всему еще буйство. Ужь, кажется, если пускаешь жильцовъ, ну и веди себя благородно, успокой рабочаго человѣка. Мнѣ еще ничего, я и днемъ могу спать, ну, а вы, примѣрно, или вотъ тутъ еще двое на работу ходятъ. Ну, какъ рабочему человѣку не спавши идти!

Я попытался прибѣгнуть опять къ прежнему способу утѣшеній. Лучшихъ не имѣлось.

— Конечно, Аѳанасій Иванычъ, про наши углы, правду сказать, и толковать не стоитъ: угаръ, сырость, холодъ, насѣкомыя, драки, а вотъ какъ поглядишь на нашемъ крыльцѣ за дверями въ морозную ночь въ октябрѣ, народъ спитъ на голой землѣ и почитай что безъ всякой одежи...

— Ну, что ужь, кого ровнять вздумали! Вѣдь это «золотая рота!» Она, извѣстно, за что муку принимаетъ; паспортовъ у нихъ нѣтъ, кто-жь такихъ согласится пустить ночевать? А подлинно, какъ подумаешь, ровно это и не люди совсѣмъ: цѣльный день на работѣ и какъ спятъ, а все живы.

И. Хмелевъ.

Digitized by Google

СИЛЬФИДА.

РАЗСКАЗЪ

ЭЛИЗЫ ОРЖЕШКО.

Мѣстомъ дѣйствія нашего разсказа является одинъ изъ тѣхъ обширныхъ, немощеныхъ дворовъ, какіе встрѣчаются только въ провинціальныхъ городахъ. На улицу выходилъ деревянный, довольно красивый домъ; въ глубинѣ же двора находилось длинное, низкое, полуразвалившееся строеніе. Средина его служила сараемъ для дровъ и мѣстомъ для сваливанія мусора, а на обоихъ концахъ находилось по одной квартирѣ съ двумя маленькими окнами и такими же дверьми, къ которымъ вело нѣсколько полусгнившихъ ступенекъ. Одна сторона двора была отдѣлена отъ огородовъ заборомъ, а на другой возвышалось недостроенное каменное зданіе, съ красными стѣнами и непокрытое еще крышею.

Въ одной изъ квартиръ полуразвалившагося строенія виднѣлись за окнами разныя женскія работы: салфеточки, подставки, дѣтскіе башмачки и т. п., какъ бы выставленные для продажи. Кто, однако, могъ ихъ тутъ видѣть и ими прельститься? Трудно было отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ и догадаться, на что смотрѣла изъ окна другой крартиры какая-то женщина.

Это была г-жа Жиревичъ, нѣкогда славившаяся красотою и добрымъ сердцемъ, дочь почтмейстера, потомъ жена Игнатія Жиревича, чиновника, занимавшаго видную и доходную должность, а теперь вдова, жившая вмѣстѣ, съ единственною дочерью, на проценты съ маленькаго капитала.

Digitized by Google

Люди, знавшіе ее давно, утверждали, что ей лѣтъ подъ пятьдесятъ; но на видъ она казалась гораздо моложе. Станъ ея и теперь былъ еще стройный, цвѣтъ лица нѣжный, глаза голубые, взоръ необыкновенно мягкій. Только всмотрѣвшись ближе въ ея лицо, можно было замѣтить густую сѣть морщинокъ на бѣломъ лбу, красноту вѣкъ и двѣ складки на нижней части щекъ. Виски подъ чепчикомъ также уже слегка посѣдѣли. На ней было черное платье, потертое, кое-гдѣ заплатанное, но съ длиннымъ шлейфомъ и убранное большими бантами.

Комната, въ которой она находилась, была не мала, но низка; стѣнка ея и большой каминъ въ углу были грязны. У оконъ красовались занавѣси изъ дорогой матеріи, мѣстами разорванныя. Мебели было мало, но у одной изъ стѣнъ находился рояль съ вытершейся политурою, свидѣтельствовавшій о прежнемъ достаткѣ хозяйки. Противъ большого камина, полузанавѣшеннаго зеленымъ ситцемъ, у самаго окна стоялъ мягкій диванчикъ; на немъ-то, именно, и сидѣла хозяйка и, видимо, скучая, глядѣла на пустой дворъ.

Маленькія, нѣжныя ручки ея, держа батистовый вышитой платокъ, покоились на одномъ изъ заплатанныхъ мѣстъ ея изящно скроеннаго платья. Ее, очевидно, удручали печальныя мысли, потому что брови ея были нахмурены и по временамъ она тяжело вздыхала. Но вдругъ она ожила, увидѣвъ человѣческую фигуру, появившуюся на дворѣ. Это была нищая, старуха, съ морщинистымъ лицомъ и въ лохмотьяхъ; она прямо направилась къ окну описанной нами квартиры.

— Да будетъ благословенъ! послышался за окномъ дрожащій и хриплый голосъ.

— Во вѣки вѣковъ! ласково кивнувъ головой, отвѣтила пани Жиревичъ и, съ улыбкой на губахъ, поспѣшно вынула изъ ящика стола мѣдную монету, которую, отворивъ окно, подала нищей.

— За упокой души Игнатія, прибавила она: — помолись, милая, за упокой его души!

— Да вознаградитъ васъ Богъ! Знаю я, знаю, за чью душу мнѣ молиться.

Она стояла у самаго окна, опираясь на свою длинную палку, и бормотала слова молитвы. Пани Жиревичъ, казалось, также молилась, потому что шевелила губами, и взглядъ ея былъ устремленъ на небо.

— Всегда-то вы, сударыня, однѣ, заговорила нищая.

— Да, одна, милая... что дѣлать! Одна...

— Я встрѣтили вашу дочку... тамъ, въ Болотномъ переулкѣ:

Digitized by Google

она несла бѣлье на катокъ. Ой, ой! Корзина такая тяжелая, что барышня еле могла ее тащить... Трудится, бѣдняжка, трудится...

Лицо вдовы покрылось яркимъ румянцемъ.

— Она любитъ возиться, возразила она поспѣшно. — Такой ужь у ней характеръ... вѣдь она въ этомъ вовсе не нуждается...

— Конечно, не нуждается! льстивымъ голосомъ подтвердила нищая. — Извѣстно, у господъ бываютъ разныя фантазіи... Да будетъ благословенъ...

Она собиралась уйти, но пани Жиревичъ съ безпокойствомъ взглянула на нее. Очевидно, ей совѣстно было задерживать нищую, но, въ тоже время, и не хотѣлось лишиться ея общества.

— Послушай, милая, заговорила она: — что̀ тамъ слышно въ городѣ? Много народу на улицахъ? А?

— Ой, ой! Много, много! Денекъ лѣтній, теплый. На Садовой улицѣ трудно пробраться — столько господъ гуляетъ! а барыни такъ разнаряжены, что въ глазахъ рябитъ...

Вдова вздохнула. Вѣки ея еще сильнѣе покраснѣли и на глазахъ навернулись слезы.

— А музыка играетъ въ саду? спросила она въ полголоса.

— Какъ же, какъ же! Во всемъ городѣ слышно! Но почему же вы, сударыня, не прогуляетесь, не посмотрите на міръ Божій? Жаль смотрѣть, какъ вы томитесь въ одиночествѣ!

Увы! Вдова не могла сказать, почему она не выходитъ изъ дома: у нея не было соотвѣтственной шляпы и накидки. Улыбаясь сквозь слезы, она отвѣтила:

— Гдѣ ужь мнѣ, милая, думать о гуляньѣ, мнѣ, вдовѣ, брошенной другомъ и людьми!

Съ громкимъ вздохомъ и сострадательно покачивая головою, нищая заговорила:

— Ахъ, бѣдняжечка, бѣдняжечка вы моя! Покойникъ—хорошій былъ баринъ! ой, какой хорошій...

— Лучшаго въ мірѣ не сыщешь! воскликнула вдова и залилась слезами. Она закрыла лицо батистовымъ платкомъ и разрыдалась. А нищая, попрежнему, опираясь на палку, съ соболѣзнованіемъ бормотала: охъ бѣдняжка, бѣдняжка! Какъ она жалѣетъ своего муженька, какъ убивается о немъ! Вотъ такъ ангелъ!

Вдругъ, въ ту именно минуту, когда вдова, наплакавшись вдоволь, опустила платокъ, въ воротахъ показался мужчина.

— А! вскрикнула пани Жиревичъ и вскочила съ дивана. На глазахъ ея не осталось и признака слезъ, лице просіяло. — Съ Богомъ, съ Богомъ, милая! сказала она нищей и поспѣшно за-

Digitized by Google

крыла окно. Но нищая придерживалась того мнѣнія, что за бесѣду и проявленіе сочувствія ей слѣдуетъ вознагражденіе.

— Добрая, милая барыня! Дайте еще что-нибудь такой же бѣдной вдовѣ, какъ и вы!

Слово: «такой же» произвело непріятное впечатлѣніе на пани Жиревичъ. Ее передернуло, и она гордо подняла голову, хотя съ устъ ея и не сорвалось рѣзкаго слова. Быстро открывъ форточку, которую она такъ же поспѣшно потомъ закрыла, она бросила нищей уже серебряную монету со словами: «ступай, ступай себѣ съ Богомъ!» и отошла отъ окна.

Она остановилась по серединѣ комнаты и быстро окинула ее взглядомъ. Затѣмъ подбѣжала къ роялю, открыла его и положила на пюпитръ ноты; выхвативъ изъ шкафа какую-то мантильку, она вытерла ею пыль съ стоявшаго передъ диваномъ столика. Сдѣлавъ все это, она бросилась къ шатавшемуся на трехъ ножкахъ комоду, выдвинула ящикъ и, взявъ полуразбитую фарфоровую тарелку, ловко уложила на ней нѣсколько штукъ пирожнаго и горсть конфектъ, вынутыхъ изъ бумажнаго мѣшечка. Затѣмъ она осмотрѣла свой туалетъ и, замѣтивъ впереди заплатку, закрыла ея лентою отъ банта. Наконецъ, она опять усѣлась на диванъ и, съ трудомъ переводя дыханіе, стала пристально смотрѣть въ окошко. На ея щекахъ показался легкій, но свѣжій румянецъ, взглядъ выражалъ пріятное ожиданіе: она помолодѣла лѣтъ на десять.

Четверть часа спустя, стеклянная, украшенная бронзовою ручкою дверь отворилась, и изъ нея вышелъ высокій, статный молодой человѣкъ, который быстро прошелъ черезъ дворъ, бросилъ небрежно перекинутое черезъ руку пальто въ сѣняхъ на бочку, стоявшую вверхъ дномъ, и показался на порогѣ комнаты. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати съ низкимъ лбомъ, прекрасными овальными глазами, не выражавшими особеннаго ума, но бойко выглядывавшими изъ-подъ бровей, съ свѣтлыми усами, модной шляпой на головѣ и лиловою, смятаю перчаткою въ рукѣ.

— Bonjour, ma tante! громко привѣтствовалъ онъ вдову.

— Bonjour, bonjour! нѣжно отвѣтила хозяйка дома и протянула гостю свою красивую руку, которую онъ, почтительно поцѣловалъ, выразительно глядя въ глаза хозяйки. Указавъ ему мѣсто возлѣ себя, она заговорила, оживленно жестикулируя.

— Я видѣла, какъ вы вошли къ адвокату Ролицкому, и мнѣ очень хотѣлось знать, вспомните ли вы обо мнѣ. Сижу я здѣсь, какъ вы видите, одна. Скучаю немного и думаю: зайдетъ или не зайдетъ?

Digitized by Google

Гость усѣлся возлѣ нея и, картинно облокотившись на ручку дивана, слегка къ ней наклонился.

— Dites donc! началъ онъ:—могу ли я быть въ городѣ и не навѣстить дорогой тетушки? Но скажите мнѣ, ma tante, за что вы меня такъ обижаете?

— Я! воскликнула вдова съ ужасомъ: — я васъ обижаю! Au nom du ciel!

— Развѣ я не племянникъ покойнаго дядюшки?..

— Родство не близкое, пробормотала она:—вашъ отецъ былъ двоюроднымъ братомъ...

— Оставьте это родство! прервалъ онъ вдову:—я хочу, чтобы вы, ma tante, по прежнему звали меня по имени — вотъ и все! Ну, скажите: Стась!

— Стась! шепнула она, потупивъ глаза.

Подъ хорошенькими его усиками промелькнула улыбка, но онъ тотчасъ же продолжалъ серьёзно:

— Вы сами, ma tante, говорили, что лучшее родство — это родство душъ. О, я помню!

Приблизивъ платокъ къ глазамъ, она, какъ бы не хотя, отвѣтила:

— C'est vrai! Счастливъ тотъ, кто нашелъ въ жизни друга...

И затѣмъ прибавила почти шопотомъ:

— Время уходитъ... уходитъ... уходитъ...

— Вамъ ли это говорить! воскликнулъ Стась.

— О! произнесла она:—солнце близко къ закату...

Она хотѣла еще что-то сказать, но, взглянувъ въ сторону камина, замѣтила вдругъ, что ситцевая занавѣска не была вполнѣ спущена и не закрывала глинянаго горшка, на половину наполненнаго супомъ, оставшимся отъ обѣда. Она точно окаменѣла и потеряла нить разговора. Но Стась продолжалъ бесѣду въ прежнемъ тонѣ.

— Что вы тамъ говорите о заходящемъ солнцѣ! Вы, ma tante, всегда, Богъ знаетъ что, на себя наговариваете! Сколько, напримѣръ, вамъ можетъ быть лѣтъ?

— Счетъ несложный! отвѣтила она просто. — Шестнадцати лѣтъ отъ роду я вышла замужъ, а Брынѣ, моей дочери, теперь уже 22 года!

Усы молодого человѣка какъ-то странно дрогнули. Онъ хорошо зналъ, что въ этомъ счетѣ не хватало нѣсколькихъ лѣтъ, въ началѣ и въ концѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ замѣтилъ, смѣясь:

— Тридцать лѣтъ съ хвостикомъ! Это славные годы для женщины! Самый расцвѣтъ жизни! Тридцатилѣтнія и даже сорока-

Digitized by Google

лѣтнія женщины привлекательнѣе всего. Nous le savons, nous autres...

— Oh, vous, vous, лукаво погрозила хозяйка дома и, желая отвлечь вниманіе гостя отъ камина, указала на противоположный домъ и спросила:

— Vous avez été chez les Rolitzky?

— Oui, ma tante! отвѣтилъ онъ:—у меня было къ нему дѣло.

— Ну, какъ у васъ? все благополучно?

Лицо гостя омрачилось. Онъ махнулъ рукой.

— Эхъ, что̀ говорить о дѣлахъ! Когда я у васъ, ma tante, то забываю о всѣхъ заботахъ и непріятностяхъ. Вы—мой ангелъ утѣшитель!

Она вся просіяла отъ удовольствія.

— Oh, soyez franc! произнесла она тихо: — хотя крылья у меня давно подрѣзаны, но я умѣю еще слушать и сочувствовать...

— Вы, ma tante, заслуживаете лучшей участи...

— Этого не измѣнишь! Будемъ говорить о другомъ...

— Я никакъ не могу простить дядѣ, что... что онъ оставилъ васъ въ такомъ положеніи.

Она опять взглянула на каминъ.

— Мои дѣла вовсе не такъ плохи. Я живу разсчетливо—это правда, но вѣдь и потребности у меня небольшія. Игнатій, конечно, былъ слишкомъ простъ... я могла мечтать о лучшей жизни... болѣе возвышенной; но онъ былъ очень, очень добръ, и заботился обо мнѣ...

Ролицкій говорилъ мнѣ, что у васъ, ma tante, кромѣ тѣхъ денегъ, которыя вы мнѣ дали взаймы, есть еще капиталъ, помѣщенный у него...

— Да, конечно! У меня есть капиталъ...

— Онъ говорилъ, что три тысячи...

— Да, у него три тысячи, но затѣмъ у меня есть еще...

Гость, однако, должно быть, зналъ, что другихъ денегъ нѣтъ, потому что далѣе онъ не сталъ разспрашивать, а только прошепталъ, какъ бы про себя:

— У меня три, тамъ три—это шесть.

Тутъ онъ какъ будто очнулся и вскричалъ:

— Фуй! какъ можно портить пріятную бесѣду такими тривіальными вопросами!..

— Напротивъ, напротивъ, поспѣшно прервала его вдова: — вѣдь ты мой другъ и опекунъ... Всѣ мои прежніе друзья бросили меня, какъ только Игнатій закрылъ глаза. Ты одинъ, Стась, не забылъ меня и оставляешь веселую и блестящую среду,

Digitized by Google

въ которой вращаешься, чтобы навѣстить и утѣшить бѣдную отшельницу!

На глазахъ ея опять навернулись слезы, и она протянула руку молодому своему родственнику.

— Ты носишь фамилію моего Игнатія, шепнула она: — ты сынъ дорогого Болеслава, съ которымъ я провела столько незабвенныхъ минутъ... Притомъ я чувствую, что души наши родственны, что ты понимаешь ту неопредѣленную тоску, тѣ смутныя страданія, которыя...

— О, да, да, прервалъ онъ ее горячо, цѣлуя ея руку: — я очень, очень васъ понимаю! Мой отецъ всегда говорилъ о васъ, ma tante, что вы настоящая Сильфида!

Въ глазахъ ея не осталось и слѣда слезъ. Она уже смѣялась и была въ восторгѣ; онъ же, наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ продолжался разговоръ на эту тему, становился все мрачнѣе, какъ будто подъ вліяніемъ какой-то докучливой мысли.

— Ma tante! заговорилъ онъ вдругъ: — отчего вы помѣстили вашъ капиталъ у Ролицкаго? Онъ держитъ его въ фондахъ, и вы получаете ничтожные проценты...

— Ахъ, возразила она: — вѣдь я ничего не смыслю въ этилъ дѣлахъ...

— Но я-то имѣю нѣкоторый опытъ и говорю вамъ, что вы совершенно напрасно теряете доходъ...

Онъ посмотрѣлъ въ окно и небрежно прибавилъ:

— Теперь выгоднѣе всего отдавать деньги подъ залогъ помѣстій...

— О, это вѣрное помѣщеніе, заговорила она.

— Я хотѣлъ спросить васъ, ma tante, не намѣрены ли вы помѣстить эти три тысячи подъ залогъ моего имѣнія?

— Mais comment donc! Съ удовольствіемъ! Отчего ты раньше мнѣ объ этомъ не сказалъ?

— Такъ... совѣстно какъ-то было... Я виноватъ предъ вами: еще не заплатилъ процентовъ ни вамъ, ни Лопотницкой...

— Пустяки! Не будемъ говорить объ этомъ! воскликнула она, но по безпокойному ея взгляду было замѣтно, что вопросъ о процентахъ тревожилъ ее въ эту минуту не меньше камина.

— Хозяйство идетъ теперь очень туго, говорилъ гость: — все новыя издержки... Не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ похоронить себя въ деревнѣ!

— Конечно, конечно! Похоронить себя въ деревнѣ! Бррр...

— Поэтому, если вы, ma tante, желаете и можете...

— Mais comment donc! И желаю, и могу.

Digitized by Google

— Спасибо! произнесъ онъ съ чувствомъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку.

— Пойдемъ тотчасъ же вмѣстѣ къ Ролицкому, сказала она и уже собиралась встать, какъ на дворѣ раздался раздраженный и крикливый женскій голосъ. Это шумѣла дѣвушка высокаго роста, хорошо сложенная, въ короткой юбкѣ, грубыхъ башмакахъ и съ платкомъ на головѣ. Она держала въ рукахъ большую корзину съ бѣльемъ и, повернувшись по направленію къ сѣнямъ квартиры, находившейся въ противоположномъ углу двора, вступила съ кѣмъ-то въ перебранку. Ей отвѣчалъ другой женскій голосъ, въ тонѣ котораго слышался скорѣе испугъ, чѣмъ гнѣвъ. До слуха вдовы и ея гостя изъ этой перебранки доносились только отрывочныя слова. Слышалось что-то о выбрасываніи сора, о какой-то вязанкѣ дровъ, о кружкѣ молока.

— Не Бригитта ли это? спросилъ удивленно молодой человѣкъ.

Лицо пани Жиревичъ приняло страдальческое выраженіе. Она разомъ опять постарѣла на десять лѣтъ.

— Я очень несчастная мать, шепнула она. — Бригитта славная дѣвушка, сердце у нея предоброе, но посуди самъ: на что это похоже такъ одѣваться и браниться? У нея натура грубая... Она пошла въ отца, который также былъ очень добръ, но не обладалъ тонкими чувствами... тою поэзіею сердца, которая была всегда моимъ идеаломъ... Что дѣлать! этого не измѣнишь!

Она граціозно подошла къ комоду, взяла изъ ящика тарелку съ пирожнымъ и конфектами и поставила ее передъ гостемъ.

— Позволь угостить тебя хоть этимъ, проговорила она съ чувствомъ.

Племянникъ поспѣшилъ взять пирожное, а хозяйка, желая отвлечь вниманіе гостя отъ перебранки, происходившей на дворѣ, разсѣянно замѣтила:

— Ролицкій строитъ каменный домъ...

— Отчего ему не строить? Заработалъ онъ у насъ не мало денегъ и составилъ себѣ хорошенькій капиталецъ. Только такіе люди, какъ онъ, и могутъ теперь жить!

— Но вѣдь онъ очень порядочный и дѣльный человѣкъ, горячо вступилась за своего сосѣда хозяйка.—Игнатій всегда говорилъ, что онъ честно нажилъ состояніе...

— Можетъ быть, и честно, не стану спорить; но что онъ нажился на нашъ счетъ—это не менѣе вѣрно. Скажите, ma tante, кто, какъ не мы, помѣщики, содержимъ всѣхъ этихъ адвокатовъ, докторовъ и другихъ parvenus?

Digitized by Google

— Конечно, конечно, это очевидно, проговорила она убѣжденно.

— А люди удивляются, что мы раззорились! Скажу вамъ, ma tante, откровенно, что хотя у меня есть еще имѣніе, и я въ состояніи уплатить долги, но, тѣмъ не менѣе, хозяйство и всѣ хлопоты такъ ужь мнѣ надоѣли, что я не на шутку завидую Ролицкому.

Пани Жиревичъ сдѣлала жестъ, выразившій ужасъ.

— Стась! вскричала она: — Что ты говоришь! Какъ можно сравнивать себя съ Ролицкимъ! Ты вѣдь помѣщикъ!..

— Правда, правда! Но мы переживаемъ теперь такое время, что куда несчастный помѣщикъ ни сунется, всюду ему не везетъ, куда ни ступитъ,—вездѣ разочарованія...

Онъ насупился и нервно началъ теребить свои красивые усики. Вдругъ у него на глазахъ навернулись слезы.

— Ma tante! проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ:—я буду съ вами вполнѣ откровененъ. Чѣмъ-же я виноватъ? Я привыкъ жить хорошо и ни въ чемъ себѣ не отказывать. Могу-ли я въ расцвѣтѣ молодости засѣсть въ деревнѣ, какъ отшельникъ, ѣсть борщъ и возиться съ мужиками? Тамъ такая тоска, что просто умереть можно! Надо-же по временамъ наѣзжать въ гогодъ, а въ городѣ, самъ не знаешь какъ, непремѣнно издержишься... Нужно и то, и другое! Къ тому-же, говоря откровенно, отецъ оставилъ долги... Святой я, что-ли, чтобы мнѣ очищать въ такія трудныя времена имѣніе отъ долговъ! Молодость имѣетъ свои права... подчасъ сдѣлаешь и ненужный расходъ! Вѣчно думать о томъ, чтобы изо всей этой возни вышло хоть какое-нибудь удовольствіе и чтобы не осрамить себя передъ людьми... Видите, ma tante, какъ я откровененъ передъ вами! Я вамъ все сказалъ, а теперь ужь вы утѣшьте меня!

Его растрогали собственныя слова, и онъ, какъ дитя, началъ ласкаться къ теткѣ.

— Помните-ли вы, какъ вы меня ласкали и кормили конфектами, когда я пріѣзжалъ съ отцемъ къ дядюшкѣ?

Расчувствовавшись до послѣдней степени, она съ чисто-материнскою нѣжностью стала гладить его по головѣ.

— Дорогой Стась! проговорила она:—дай мнѣ помочь тебѣ хотя немного, чѣмъ могу! О да, я хорошо помню тебя ребенкомъ... Ты былъ хорошенькій мальчикъ съ золотистыми кудрями. Ты очень боялся темныхъ комнатъ, и такъ смѣшно передразнивалъ всѣхъ, что мы просто помирали со смѣха... Какъ ты добръ, что заходишь иногда ко мнѣ и приносишь съ собой от-

Digitized by Google

блескъ лучшей, идеальной жизни и другого лучезарнаго свѣта. Пойдемъ-же къ Ролицкому!

Но у самыхъ дверей она остановилась.

— Стась! произнесла она вполголоса.

— Что, тетушка?

На лицѣ ея выразились самыя разнообразныя чувства: тревога, нерѣшительность, сомнѣніе.

— Стась! проговорила она:—я тебѣ довѣряю все мое состояніе... Ты знаешь, я одна на свѣтѣ, и почти бездѣтна... потому-что Брыня... мнѣ съ трудомъ вѣрится, что она моя дочь... Что-же будетъ со мною, если...

— Тетушка! вскричалъ молодой человѣкъ:—Развѣ я заслужилъ? Довѣрьтесь-же моей чести и моей привязанности къ вамъ!

Руки ея слегка дрожали, но она отвѣтила рѣшительно:

— Вѣрю Стась, вѣрю. Пойдемъ!

Въ сѣняхъ они застали Бригитту, наклонившуюся надъ самоваромъ и дувшею въ него съ силою, которой могъ бы позавидовать любой мужчина.

— Здравствуйте, кузина! привѣтствовалъ ее вкрадчивымъ голосомъ молодой человѣкъ.

Она быстро повернулась, бросила на него мимолетный взглядъ, и, равнодушно отвѣтивъ: здравствуйте, здравствуйте! принялась опять за прерванное дѣло.

Пани Жиревичъ, проходя съ молодымъ своимъ родственникомъ по двору, еле касалась земли. Она оглядывалась во всѣ стороны, какъ-бы желая убѣдиться, видитъ-ли ее кто нибудь въ эту торжественную минуту.

Между тѣмъ, Бригитта внесла самоваръ въ комнату, уставила его на столикъ и вернулась въ сѣни за вязанкою дровъ, которыя она, изъ экономіи вѣроятно, мелко расколола большимъ топоромъ. Проходя по комнатѣ съ дровами, она замѣтила на столѣ тарелку съ пирожнымъ и конфектами. Она остановилась и, глядя на лакомства, которыми мать ея нѣсколько минутъ передъ тѣмъ угощала своего гостя, полу-печально, полу-сердито покачала головою.

Потомъ она бросила въ комнату охапку дровъ, развела огонь и придвинула къ нему горшокъ съ застывшимъ супомъ. Затѣмъ снова вышла въ сѣни и вскорѣ прошла по двору съ тяжелымъ ведромъ въ рукѣ, которое наполнила водою у колодца и внесла въ сѣни. Тутъ она возилась довольно долго, мела, мыла посуду, нарѣзала нѣсколько ломтей чернаго хлѣба и, наложивъ ихъ на тарелку, поставила около самовара. Сдѣлавъ все это,

Digitized by Google

она сняла съ головы платокъ, и теперь можно было ясно разглядѣть ея лицо. У нея были густые, черные волосы темный цвѣтъ лица; выразительные черные ея большіе глаза печально выглядывали изъ подъ энергической дуги черныхъ бровей. Ставъ у окна и облокотившись на огрубѣвшую отъ работы руку, она оставалась долго въ такомъ положеніи, неподвижная и задумчивая, пока, наконецъ, мать ея не вышла изъ квартиры адвоката. Она видѣла, какъ молодой родственникъ прощался съ матерью ея, нѣжно цѣлуя ей руку, причемъ они долго вели интимный разговоръ, и пани Жиревичъ граціозно смѣялась его шуткамъ, а затѣмъ она съ оживленнымъ выраженіемъ лица и съ улыбкой на устахъ, пробѣжала въ квартиру, находившуюся въ другомъ углу двора. Бригитта нетерпѣливо пожала плечами, отошла отъ окна, въ груди у нея послышался рѣзкій смѣхъ, лобъ наморщился и, наклонившись надъ корзиною съ бѣльемъ, она быстро стала перебирать его и откладывать въ одинъ изъ ящиковъ коммода. Вдругъ она натолкнулась на какой-то цвѣтной галстучекъ.

— И это куплено вчера! шепнула она и прибавила:

— Кончится-ли это, наконецъ?

Между тѣмъ, пани Жиревичъ вошла въ квартирку, которая, какъ и ея собственная, состояла изъ одной комнаты. Но комната эта представляла совершенно другой видъ. И тутъ замѣтны были слѣды бѣдности, но, въ тоже время, царили педантичная чистота и порядокъ. У оконъ драпировки не было. Одно изъ нихъ было уставлено цвѣтами, а другое почти сплошь покрыто разноцвѣтными женскими рукодѣліями. Это были произведенія маленькой, худенькой особы, которая, сидя на табуреткѣ, вся поглощена была работою дѣтскаго башмака. Гладкое шерстяное платье табачнаго цвѣта и столь-же гладко причесанные волосы свидѣтельствовали о скромности ея требованій, а круглое, красное лицо и маленькіе глаза показывали живой и веселый характеръ. Не смотря, однако, на яркій румянецъ и веселое выраженіе глазъ, особѣ этой казалось на видъ лѣтъ подъ сорокъ. Она радостно встрѣтила пани Жиревичъ и закричала:

— Мама, мамочка! Пани Жиревичъ пришла...

Крикъ этотъ разбудилъ другую женщину, дремавшую тутъ-же въ комнатѣ. Это была довольно своеобразная личность: высокая худощавая, съ рѣзкими чертами и желтоватымъ цвѣтомъ лица, бѣлыми, какъ серебро, волосами, покрытымъ чепцомъ безукоризненной бѣлизны, съ золотыми очками на длинномъ, тонкомъ носу и съ большимъ молитвенникомъ на колѣняхъ. Кутаясь во

Digitized by Google

французскую шаль, она сидѣла въ удобномъ, большомъ старомодномъ креслѣ — единственномъ предметѣ роскоши во всей комнатѣ. Проснушись, она поспѣшно поправила складки своей шали, выпрямилась, съ большимъ достоинствомъ произнесла: «честь имѣю кланяться»! и протянула вошедшей свою худую, желтую руку. Пани Жиревичъ съ заискивающимъ выраженіемъ лица робко приблизилась къ гордой старушкѣ.

— Извините меня, сказала она:—я васъ разбудила... но у меня былъ сегодня Стась Жиревичъ...

Она хотѣла еще что-то прибавить, но обѣ женщины вскрикнули такъ громко, какъ будто случилось необыкновенное происшествіе. На сжатыхъ губахъ старушки замирала улыбка, а румяное лицо ея дочери все просіяло.

— Былъ! вскричали онѣ въ одинъ голосъ.

Потомъ онѣ обѣ, каждая по своему, стали упрашивать пани Жиревичъ присѣсть.

— Прошу покорно садиться! торжественно говорила старуха.

— Присядьте, пожалуйста! тараторила дочь.

— Благодарю, благодарю, отвѣчала пани Жиревичъ: —я зашла, передать вамъ поклонъ отъ Стася.

— Что за поклоны? Какіе поклоны? Не зашелъ, не навѣстилъ... Это нехорошо! Мы съ нимъ состоимъ въ близкомъ родствѣ. Покойная прабабка моя—урожденная Серницкая, изъ семьи тѣхъ Серницкихъ, которымъ принадлежало Одрополе въ гродненскомъ уѣздѣ. Прекрасное имѣніе, но послѣ раздѣла все пошло къ чорту... Такъ вотъ покойная прабабка имѣла двухъ дочерей, изъ которыхъ одну выдала за Бодржинскаго изъ семьи тѣхъ Бодржинскихъ, кототорымъ когда-то принадлежала бодржицкая вотчина; но онъ имѣлъ тамъ одну только хорошую деревню, сто хатъ, какъ говорили: другая дочь вышла за Жиревича, дѣда Стася, который имѣлъ трехъ сыновей: Болеслава, Карла и Яна, Стась сынъ Болеслава. Отецъ его былъ въ молодые годы очень красивъ, но большой кутила. Спустилъ онъ Междулѣсье, а на другомъ имѣнье, Жиревичахъ, оставилъ сыну въ наслѣдство долги. Къ счастью, мальчикъ онъ бойкій, постоитъ за себя. Но отчего онъ сегодня не навѣстилъ насъ... Это нехорошо... очень нехорошо!

— Работъ моихъ не видѣли? неожиданно воскликнула дочь, потрясая въ воздухѣ голубымъ башмакомъ, какъ будто желая похвастаться имъ передъ всѣмъ свѣтомъ. — Онъ всегда такъ хвалитъ мои работы и въ прежнее время много ихъ продалъ своимъ знакомымъ. Онъ очень добръ. Стась очень добръ!

Digitized by Google

— Что онъ добръ, это всѣмъ извѣстно, подтвердила старуха.—Къ старшимъ онъ относился съ почтеніемъ: тотчасъ видна помѣщичья кровь... хорошая кровь! И въ хорошемъ обществѣ онъ живетъ, въ прекрасномъ обществѣ... Охъ, охъ, охъ!

Этотъ продолжительный вздохъ она сопровождала печальнымъ покачиваніемъ головы, а сжатыя губы и гнѣвно сверкавшіе глаза какъ бы говорили: «И я когда-то жила въ этомъ блестящемъ мірѣ, и принадлежу къ нему по праву!»

— А какъ поживаетъ Стась? Здоровъ ли онъ? веселъ ли? затараторила опять Розалія.

— Слава Богу, здоровъ и веселъ... хотя и не очень. Ему надоѣдаютъ дѣла, тревожатъ какіе-то должники... Все это его раздражаетъ, и онъ какъ будто немного похудѣлъ. Жаль его. Душа у него такая возвышенная!..

Старуха сложила руки на колѣняхъ и продолжала покачивать головою.

— Да, падаетъ нашъ помѣщичій классъ, падаетъ! Слыханное ли дѣло, чтобы сынъ такой семьи похудѣлъ отъ заботы и непріятностей! Чернь беретъ теперь верхъ, сударыня, черны! А намъ приходится сидѣть вотъ въ такихъ трущобахъ и смотрѣть, какъ проходимцы пользуются нашимъ добромъ... Была я, напримѣръ, сегодня у предводительши Коржицкой, жены того Коржицкаго, который происходитъ отъ Одропольскихъ и имѣетъ Лисовку — прекрасное помѣстье съ дворцомъ и англійскимъ паркомъ... Прекрасная дама, прекрасная и гостепріимная... Приняла меня чрезвычайно мило, вспомнила, что знавала меня, когда я была еще ребенкомъ и жила въ Лопотнйкахъ, по сосѣдству съ ея родителями... Я спросила ее, не знаетъ ли она что-нибудь о Лопотнйкахъ. Какъ же! говоритъ, мы бываемъ тамъ съ мужемъ. Спрашиваю: у кого? Сказала, что у какого-то Выжлинскаго. Пріѣхалъ этотъ Выжлинскій, купилъ Лопотнйки и разсѣлся въ имѣніи, точно большой баринъ... Мы хоть и продали наше имѣніе, но все-таки знакомому сосѣду, и я всегда думала: на нашемъ мѣстѣ будетъ, по крайней мѣрѣ, сидѣть человѣкъ изъ хорошей фамиліи. Это былъ Пражницкій, знаете, изъ Саневы, сынъ Саневской. Онъ хотѣлъ купить Лопотнйки, округлить свое имѣніе, а теперь — фьютъ! все перевернулось верхъ дномъ. Пражницкій обанкротился, дѣти поступили куда-то на службу, а въ Лопотнйкахъ разсѣлся какой-то Выжлинскій — чтобы черти его побрали! Любопытно было бы видѣть, какъ онъ содержитъ домъ, въ которомъ я провела большую часть моей жизни, и уцѣлѣла ли аллея изъ акацій, которыя мы

Digitized by Google

собственноручно насадили съ покойнымъ моихъ Ромуальдомъ? Я не спрашивала объ этомъ предводительшу. Еслибъ она мнѣ отвѣтила, что аллеи не существуетъ, я бы расплакалась, а предъ людьми неприлично проявлять свое горе. Могу жаловаться только Богу... да, да, да, одному только Богу!

Излила, однако, она свое горе и передъ людьми, потому что когда вспомнила о Лопотнйкахъ и аллеѣ изъ акацій, то не могла удержать двухъ крупныхъ слезъ.

— Мамочка! закричала испуганнымъ голосомъ Розалія: — не плачьте! глаза у васъ будутъ болѣть! Я не могу смотрѣть на васъ, какъ вы плачете!

Она бросила работу, подбѣжала къ матери и, сѣвъ у ея ногъ, стала цѣловать ея колѣни. Старуха погладила ее по гладко причесанной головкѣ, но вслѣдъ затѣмъ отстранила ее.

— Не забудь, что у насъ гостья, произнесла она съ достоинствомъ и, обратившись къ пани Жиревичъ, сказала:

— Простите, пожалуйста, мы съ дочерью привыкли вспоминать старыя времена... Она—также жертва тѣхъ перемѣнъ и несправедливостей, которыя творятся теперь на божьемъ свѣтѣ. Будучи дочерью помѣщика, она не могла выйти за перваго встрѣчнаго, а приличной партіи не подошло. Она не жалуется. Я убѣдила ее, что лучше страдать и даже погибнуть, чѣмъ унизить себя... Полюбила она свои работы, ухаживаетъ за матерью, и, конечно, все-таки лучше, чѣмъ еслибы она затѣяла любовную интригу и вышла замужъ за какого-нибудь проходимца... Не правда ли, Руза?

— Правда, мамочка, правда! подтвердила Розалія, прислонивъ румяную щечку къ твердому колѣну матери, которая, слегка нагнувшись къ пани Жиревичъ, вполголоса спросила:

— А не говорилъ ли Стась о нашихъ процентахъ, а?

Пани Жиревичъ смутилась. Она сама часто возвращалась къ этому вопросу; но, съ другой стороны, ей хотѣлось защитить своего любимца противъ упрековъ, которыхъ она ожидала.

— Да, говорилъ, пробормотала она: — и увѣрялъ, что скоро выплатитъ ихъ...

— Выплатитъ? скоро? это хорошо... это хорошо... это очень хорошо. Только бы поскорѣе, потому что вотъ уже прошелъ годъ, а безъ процентовъ жить трудно... Чай ужь приходится покупать подешевле, и то на деньги, вырученныя работами Рузи... И хотя занятіе ея подходящее для барышни, но у нея начинаютъ глаза немного побаливать...

Голосъ ея дрогнулъ.

Digitized by Google

— Да и не всегда можно сбыть работу...

Тутъ Розалія чуть не подскочила на своей табуреткѣ.

— Мнѣ не продать моихъ работъ? Слыханное ли это дѣло? А гдѣ они найдутъ лучше? Еслибы у меня были четыре руки, то я продавала бы вдвое больше. Вотъ и на эти башмачки у меня ужь есть покупательница, а теперь я задумала розетки изъ бисера... прехорошенькія!

— Вы неутомимы, замѣтила пани Жиревичъ.

— Полюбила... полюбила свои работки! Вотъ у Бригитты другіе вкусы... не одобряю, не одобряю!

Вдова вспыхнула.

— О, и я тоже не одобряю! вскричала она: — но что же мнѣ дѣлать? Брыня упряма, и натура у нея грубая.

— Грубая, очень грубая! подтвердила Лопотницкая.—Видано ли, чтобы барышня сама колола дрова, носила воду и стирала бѣлье! Если ужь ее принуждаютъ къ этому обстоятельства, то надо дѣлать такъ, чтобы никто не видѣлъ... Но одѣваться, какъ какъ служанка, и работать—это очень неприлично!

— Вѣчный мой стыдъ и срамъ! прошептала пани Жиревичъ.

— Впрочемъ, вы не можете принимать это слишкомъ близко къ сердцу, продолжала старуха:—потому что хотя ваши родители и мужъ были очень почтенные и состоятельные люди, все же въ чиновничьей сферѣ господствуютъ другія понятія...

— Моя мать была дочь помѣщика, нерѣшительно ввернула пани Жиревичъ.

— Правда, правда, но все ужь не то... нѣтъ, нѣтъ... не то!

Лицо и поза вдовы выражали полную покорность.

— Вы правы, отвѣтила она вполголоса: — одно, въ чемъ я упрекаю родителей—это, что они не выдали меня за помѣщика... ихъ вѣдь не мало ухаживало за мною.

Вдова собиралась уходить.

— Такъ отчего же Стась не зашелъ сегодня къ намъ? спросила еще разъ старуха.

— Онъ очень торопился. Сегодня вѣдь танцовальный вечеръ у Ролицкихъ.

— Сегодня?

— Сегодня.

Странное дѣло! Извѣстіе это произвело болѣе сильное впечатлѣніе на мать, чѣмъ на дочь. Розалія только захихикала, повторяя: «вотъ хорошо! я послушаю музыку!» У старухи же блеснули глаза и она разинула ротъ.

— У нихъ тамъ бываетъ хорошее общество, заговорила она:—

Digitized by Google

вѣроятно, и предводительша будетъ съ дочерями. Хотя Ролицкій и адвокатъ, но онъ сынъ помѣщика... мать его урожденная Покутницкая, она имѣла помѣстье Покутòво, у самой столбовой дороги, недалеко отъ Гродно... Вѣроятно, у нихъ соберется прекрасное общество... Кромѣ предводительши будетъ много старыхъ знакомыхъ, которыхъ я знавала еще дѣтьми...

У пани Жиревичъ также блестѣли глаза и горѣли щеки.

— Чтò, еслибы мы, заговорила она нерѣшительно:—постояли у окна, какъ весною прошлаго года, и поглядѣли на общество и на танцы... Стась прекрасно танцуетъ...

— Можно, можно, отвѣтила Лопотницкая, немного подумавъ:— развлекусь... И еще разъ передъ смертью... увижу *ихъ!*

— Заходите же за мною, когда начнутъ играть и танцовать...

Когда пани Жиревичъ ушла, Розалія сказала матери:

— Вы, мамочка, еще простудитесь вечеромъ на дворѣ... и притомъ, развѣ это прилично?

— Ну, ну! сердито отвѣтила старуха:—яица курицу не учатъ! Я знаю, чтò дѣлаю. Въ потьмахъ никто насъ не узнаетъ.

Когда вечеромъ старуха Лопотницкая съ паней Жиревичъ заняли среди толпы любопытныхъ мѣсто у одного изъ оконъ квартиры Ролицкихъ и сообщали другъ другу свои впечатлѣнія о гостяхъ и танцахъ, Розалія отдѣлилась отъ толпы и, пробѣжавъ дворъ, остановилась передъ входомъ въ квартиру пани Жиревичъ. Тутъ, на ступенькахъ, сидѣла Бригитта, машинально гладя лежавшую у ея ногъ большую желтую собаку.

— Ну чтò, рѣзко обратилась Бригитта къ подошедшей дѣвушкѣ:—насмотрѣлась?

Розалія сѣла около нея.

— Я сержусь на твою мать, отвѣтила она: — зачѣмъ она подговорила мою старуху смотрѣть на балъ. Устанетъ, да чего добраго еще простудится.

— Ну, ну! произнесла Бригитта глухимъ голосомъ: — наглядится за то до сыта. И отчего это ты ушла такъ скоро? Развѣ наскучило?

Розалія махнула рукой.

— Да что мнѣ смотрѣть! Въ диковинку мнѣ это что-ли? Мало-ли я танцовала, когда отецъ еще былъ живъ. Потомъ, когда имѣнье продали и родители купили домъ, у насъ еще много веселились. Матушка хотѣла выдать меня тогда замужъ...

Digitized by Google

— Отчего же не выдала?

— Не нашлось подходящей партіи. Ухаживали за мной многіе, но подходящаго человѣка не нашлось. Матушка не согласилась, да я и сама не хотѣла... Лучше вовсе не выходить замужъ, чѣмъ унизить себя.

— Ага! пробормотала Бригитта.

— А ты не ходила смотрѣть? Ты вѣдь тоже много танцовала, когда родители твои еще были богаты?

— Нѣтъ, я почти вовсе не танцовала, отвѣтила Бригитта.

— Почему-же?

— Потому что мать моя слишкомъ много танцовала.

Розалія захихикала.

— Но вѣдь твоей матери было ужь лѣтъ 40, когда отецъ твой умеръ?

— Да, но на видъ ей казалось не болѣе 25.

— Однако, ты и теперь еще очень недурна собою, а лѣтъ 8 тому назадъ...

— До 18-го года я носила короткія платьица и вышитые пантолончики, а была-ли я недурна собою или нѣтъ, этого никто не зналъ. Всѣ знали только, что мать моя хороша собою...

— Что̀ ты говоришь! удивлялась Розалія:—Моя матушка совсѣмъ другая женщина, совсѣмъ другая. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, она всегда ходила въ чепчикѣ, даже дѣлала себя старше, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ и постоянно заботилась только обо мнѣ. Она только и думала о томъ, чтобы я была хорошо одѣта, веселилась и сдѣлала хорошую партію...

— Въ такомъ случаѣ, ты была очень счастлива, замѣтила Бригитта.

— Ты думаешь, Брыня?

Въ этомъ вопросѣ слышался отголосокъ внутренняго страданія, и Бригитта съ участіемъ спросила:

— А семья у васъ была большая?

— Нѣтъ, я была единственною дочерью.

— Вотъ какъ! и тутъ тебѣ повезло!

— То есть какъ?

— Тысяча разъ лучше совсѣмъ не имѣть братьевъ и сестеръ, чѣмъ потерять ихъ.

— Да, да, сказала Розалія:—твоя мать разъ какъ-то говорила, что у нея было двое сыновей...

— Да, было.

— Умерли?

— Одинъ упалъ въ бочку и захлебнулся, а другого ошпарили кипяткомъ.

Digitized by Google

Глаза ея сверкнули. Въ сдавленномъ голосѣ послышалась горечь.

— Со мною другое дѣло! прибавила она:—меня не брали ни огонь, ни вода! даже голову я себѣ не раскроила послѣ смерти отца, хоть и колотилась объ стѣну... Такая ужь у меня натура грубая...

— Отчего ты говоришь, что у тебя грубая натура? нерѣшительно спросила Розалія.

— Грубая, отцовская, продолжала она. — Уже съ дѣтства я не любила сидѣть, какъ другія дѣвушки, сложа руки; къ музыкѣ у меня способностей не было; я была горяча, смѣялась, какъ отецъ, громко и отъ всей души...

— Ты смѣялась, Брыня, ты? съ удивленіемъ спросила Розалія.

— Да, пока отецъ былъ живъ, отвѣтила Бригитта.

— Ахъ, вздохнула Розалія.—Подумаешь, какъ это странно: какъ только отцы умираютъ, матерямъ нашимъ и намъ самимъ такъ трудно жить на свѣтѣ... такъ трудно и такъ скверно...

Бригитта съ недоумѣніемъ взглянула на нее.

— Ну, ну! сказала она:—развѣ тебѣ плохо живется? Ты всей душой предана своей матери, полюбила свои работы и всегда весела...

Розалія ничего не отвѣтила. Она приблизилась къ Бригиттѣ, взяла ее за руку и чуть слышно прошептала:

— Брыня! Выходи замужъ за того человѣка... знаешь... который влюбленъ въ тебя!

Бригитта съ сердцемъ вырвала у нея руку.

— Это что значитъ? Откуда ты взяла, что кто-то въ меня влюбленъ?

— Откуда? А вотъ откуда! Сижу я всегда у окна и работаю... иногда взгляну на дворъ и все вижу... Всю весну этотъ человѣкъ смотритъ на тебя и помогаетъ тебѣ носить воду; а когда онъ говоритъ съ тобою, то весь дрожитъ...

— Ты это замѣтила? въ самомъ дѣлѣ? А, можетъ быть, тебѣ только такъ показалось?

— Ей Богу, это правда! подтвердила Розалія. — Знаешь что? Я на такихъ людей вообще никогда не смотрю...

— *На такихъ!* огрызлась Бригитта.—Какъ вы всѣ глупы! Сами бѣдны, еле пробиваются, а свысока относятся къ другимъ. Съ вами даже не стоитъ разговаривать, поэтому я и молчу всегда. А когда заговорю, тотчасъ же и раскаюсь...

Она хотѣла встать и уйти, но Розалія удержала ее за платье.

Digitized by Google

— Вотъ ты и разсердилась! но я не хочу ссориться съ тобою... Подожди, поболтаемъ еще немножко. Я тебя люблю, мнѣ тебя жаль... Хотя я всегда кажусь веселой, но только не всегда мнѣ весело... Не хочу огорчать матушку...

— Какое же у тебя горе? спросила Бригитта, обезоруженная ея кроткими словами.

— Сама не знаю! отвѣтила Розалія нерѣшительно.

Бригитта засмѣялась недобрымъ смѣхомъ.

— Вотъ оно! сказала она:—вы всѣ не знаете, что чувствуете. Вздыхаете, грустите, и сами не знаете, зачѣмъ и почему. Чуть-ли не съ колыбели я помню эти вѣчные вздохи, это вѣчное оханіе. Тьфу! Надо знать, по крайней мѣрѣ, о чемъ тоскуешь. Эти подрѣзанныя крылья, братство душъ, пѣсни и вздохи у фортепіано, уфъ!—какъ все это противно! Но ты — это другое дѣло... Ты имѣешь, конечно, причину тосковать, и глупо, что ты не знаешь, о чемъ тоскуешь...

Она на минуту умолкла.

— Послушай, сказала она вслѣдъ затѣмъ: я тебѣ объясню, отчего ты хандришь. Не весело тебѣ, потому что, кромѣ старухи—матери, которая не сегодня—завтра умретъ, ты не имѣешь никого, на кого могла бы опереться, кого ты могла бы назвать другомъ. Ты тоскуешь, потому что видишь, какъ другія женщины ласкаютъ и нянчатъ своихъ дѣтей, какъ онѣ устраиваютъ себѣ гнѣздышки и собираютъ добро на старость, чтобы спокойно умереть. Ты плачешь, потому что никому не отдала своего сердца; на умъ тебѣ приходятъ слова, которыхъ ты никому не можешь сказать; ты хотѣла бы обнять кого-нибудь крѣпко, крѣпко, и знать, что ему съ тобой хорошо, весело, отрадно... Хотя ты и полюбила свои работки и готова потерять надъ ними зрѣніе, но по временамъ, все-таки думаешь, что все это не то, совсѣмъ не то!

Говоря это, она приблизила свое пылавшее лицо къ лицу Розаліи. Глаза у нея сверкали, дыханіе прерывалось.

— Ну, что̀ же? спросила она послѣ минутнаго молчанія:—что же? Вѣрно я говорю?

Розалія сидѣла, закрывъ лицо обѣими руками. Бригитта засмѣялась свойственнымъ ей короткимъ, внутреннимъ смѣхомъ.

— Ага! сказала она:—видишь, что я отгадала!

— Можетъ быть, отвѣтила Розалія: — можетъ быть, ты и отгадала, не знаю. — Мы ужь такъ созданы, что непремѣнно должны кого-нибудь любить... Я ужь два раза была влюблена: первый разъ въ хорошія еще времена, а второй разъ недавно...

Digitized by Google

скажу тебѣ по секрету въ кого, но ты никому не говори: въ Стася Жиревича... Ахъ, какъ я влюбилась въ него нѣсколько лѣтъ тому назадъ! Но потомъ я сказала себѣ, что счастіе невозможно и осталась при мнѣ одна тоска... Ну, да что говорить обо мнѣ. Я ужь ни на что не надѣюсь! Но ты — другое дѣло: твой отецъ былъ чиновникомъ, мать твоя дочь чиновника, ты можешь скорѣе...

Она подсѣла ближе къ Бригиттѣ и шепнула:

— Знаешь что? Онъ даже очень недуренъ собою...

— Онъ должно быть очень добръ, задумчиво произнесла Бригитта.

— Онъ уже объяснился съ тобою? Скажи, ну, скажи, голубушка!

Она вся дрожала отъ любопытства.

— Да, объяснился.

— Когда?

— Сегодня въ полдень: мы встрѣтились въ городѣ, когда я носила бѣлье на катокъ.

— Какъ же это было? Голубушка, разскажи! Что онъ говорилъ?

— Я этого разсказывать не стану, проворчала Бригитта и послѣ минутнаго молчанія прибавила: — У него въ Млынòвѣ свой домъ...

— Это въ сорока верстахъ отсюда... маленькій такой городокъ? А долго онъ тутъ еще останется?

— До осени, пока не кончатся работы по постройкѣ дома. Тамъ у него есть порядочный садъ и землица...

— Ого! удивилась Розалія.

— Старуха мать съ нимъ живетъ, почтенная старушка, совсѣмъ сѣдая. Держитъ двѣ коровы, лошадь, и хлѣбъ у нихъ родится.

— Значитъ, онъ не бѣденъ?

— Да, по званію не бѣденъ.

— Ты бы въ огородѣ работала...

— И какъ бы еще работала! Силы у меня много, и такая работа мнѣ болѣе всего по душѣ. Деревцо посадишь, съ каждымъ годомъ оно больше становится! Человѣкъ старѣется, а дерево ростетъ... самъ посадилъ, точно собственное дитя! А скотинка! Я вотъ волчка люблю, а онъ не мой... Кормила бы, присматривала... Всѣ у меня были бы откормленные, здоровые, счастливые... А квартирка! Хоть и бѣдная, но чистая, хорошенькая! Фортепіано да разныхъ диванчиковъ не надо. Скромно, но опрятно и много цвѣтовъ, чтобы зимою было веселѣе...

Digitized by Google

Она замечталась. Голосъ ея сдѣлался нѣженъ.

— Умѣетъ ли онъ читать?

— Умѣетъ, я видѣла, какъ онъ въ церкви читалъ молитвенникъ.

— А писать умѣетъ?

— Не знаю.

— Ой! вздохнула Розалія:—но что скажетъ твоя мать.

Лицо Бригитты омрачилось.

— То-то, сказала она съ горечью:—хорошо мнѣ мечтать!

Розалія вскочила.

— Однако, я здѣсь заболталась, а матушка, можетъ быть, ужь хочетъ вернуться домой и ищетъ меня. Слышишь, какъ тамъ хорошо играютъ?

Звуки вальса тихо доносились до темнаго угла, въ которомъ разговаривали подруги.

— Постой! сказала Бригитта, удерживая Розалію за платье:— я хотѣла спросить тебя... ты вѣдь умѣешъ толковать сны? Приснились мнѣ сегодня бусы, разноцвѣтные бусы... я ихъ нанизывала на нитку... что это значитъ?

— Бусы? протяжно произнесла Розалія:—разноцвѣтные бусы? Еслибы тебѣ приснились перлы, однѣ бѣлые перлы, это значило бы веселье, танцы... но разноцвѣтные бусы означаютъ слезы... Говорю тебѣ: слезы...

Она убѣжала; а Бригитта подумала: слезы, все слезы! безъ нихъ дѣло не обходится!

Говоря это, она встала и хотѣла уже войти въ квартиру, но ее окликнулъ мужской голосъ:

— Здравствуйте, Бригитта!

Въ полусвѣтѣ, царившемъ на дворѣ, можно было различить стройную мужскую фигуру въ длиннополомъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ.

— Здравствуйте, отвѣтила дѣвушка и, прислонившись спиною къ стѣнѣ, остановилась.

Пришедшій приблизился еще на нѣсколько шаговъ и сталъ у самыхъ ступенекъ.

— Не сердитесь на меня, началъ онъ: — что я захожу къ вамъ такъ поздно. Но я слышалъ, что на дворѣ много народу, и подумалъ, что еще, можетъ быть, встрѣчу васъ.

Она промолчала.

— Я ужасно тоскую, да и нетерпѣніе меня разбираетъ, продолжалъ онъ:—хочется узнать, не сердитесь ли вы на меня за то, что я вамъ сказалъ сегодня утромъ... Не обидѣлъ ли я васъ?

Она все еще молчала, но потомъ мягко произнесла:

*

Digitized by Google

— Я вамъ очень, очень благодарна...

Онъ наклонился впередъ, обрадованный и удивленный.

— За что̀ благодарны? воскликнулъ онъ.—Я присматриваюсь къ вамъ уже два мѣсяца ежедневно и сперва научился васъ уважать и цѣнить, а потомъ и полюбилъ...

Она повторила:

— Я вамъ очень, очень благодарна... Это въ первый разъ въ жизни...

— Такъ рѣшитесь! Зачѣмъ откладывать? Я готовъ хоть завтра сыграть свадьбу...

Она покачала головою.

— Я еще не могу, отвѣтила она.

— Понимаю, понимаю! сказалъ онъ:—надо приготовить мать, упросить ее и самой свыкнуться съ мыслью, что барышня выйдетъ замужъ за такого, какъ я...

— Нѣтъ, нѣтъ! воскикнула она горячо.

Онъ, очевидно, понялъ, что этимъ возгласомъ она искренно протестовала противъ высказаннаго предположенія. Онъ взялъ ее за руку.

— Понимаю, сказалъ онъ: — спасибо вамъ. Не буду настаивать и разспрашивать. Буду ждать. Все равно, мнѣ еще нужно остаться мѣсяца два въ Гродно, пока не отстрою дома... Рабочіе у меня наняты до осени... Буду терпѣливо ждать.

Теперь она, въ свою очередь, проговорила:

— Спасибо вамъ.

Она хотѣла отнять у него руку, но онъ ея не выпускалъ и, слегка гладя, говорилъ:

— Хорошая рука, дорогая рука! не гнушающаяся труда. Еслибы она была моя, еслибы я могъ привести васъ къ моей старушкѣ и сказать ей: я привезъ тебѣ невѣстку, какую ты желала... и внучата будутъ...

Въ груди дѣвушки, неподвижно стоявшей у стѣны, послышались какъ бы рыданія, а рука ея, эта «хорошая рука, не гнушающаяся труда» отвѣтила молодому человѣку долгимъ и крѣпкимъ пожатіемъ.

— Спокойной ночи! До свиданья! быстро шепнула Бригитта и исчезла въ темныхъ сѣняхъ.

Когда свѣтъ зажженной ею лампы освѣтилъ ея лицо, можно было видѣть, какъ глубоко она была взволнована. Это волненіе придавало особую прелесть ея красотѣ.

Ее уважали и любили. Она гордо подняла голову и на губахъ ея сверкнула нѣжная улыбка.

Digitized by Google

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ одно осеннее утро Розалія, вся красная, широко улыбаясь и едва переводя духъ, вбѣжала въ комнату пани Жиревичъ.

— Слушайте, слушайте! кричала она: — Стась пріѣхалъ! онъ у насъ... мама мнѣ велѣла...

Она вдругъ остановилась, замѣтивъ Бригитту, которая, стоя у камина, рубила мясо для котлетъ.

— Мама велѣла мнѣ попросить васъ прійти къ намъ! докончила Розалія и многозначительно глазами указала на Бригитту.

Пани Жиревичъ не поняла этой мимики, но узнавъ, что Стась находится по сосѣдству, вскочила и выпустила изъ рукъ батистовый воротничекъ, который она начала вышивать нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

— Иду! иду! воскликнула она и радостно подбѣжала къ зеркалу, предъ которымъ поправила свою прическу и пригладила ленты на платьѣ. Обѣ женщины выбѣжали изъ комнаты. Когда онѣ шли по двору, Розалія шепнула таинственно:

— Я не хотѣла говорить при Бринѣ, потому что она и такъ уже, не знаю за что, не любитъ Стася, и можетъ сказать ему что-нибудь непріятное... Мама безпокоится о процентахъ, но сама напомнить не хочетъ. Она говорила, что вамъ удобнѣе всего заговорить. Надо непремѣнно напомнить о нихъ, потому что намъ приходится трудно, упомяните какъ-нибудь мимоходомъ.

— Но какъ мнѣ сказать? Почему именно мнѣ напомнить? съ ужасомъ спрашивала пани Жиревичъ: — ваша матушка старше меня...

— Мнѣ непріятно... Вамъ удобнѣе. Если вы не хотите сдѣлать намъ этого одолженія, то мнѣ самой придется начать. Мнѣ такъ жаль маму... Но какъ это сдѣлать... я сгорю отъ стыда. Какъ съ нимъ говорить о деньгахъ? онъ такой добрый! Принесъ мнѣ коробку конфектъ...

Она обняла вдову и, называя ее разными ласкательными именами, умоляла, чтобы она взяла эту непріятную обязанность на себя. Вдова отнѣкивалась, какъ могла.

— Я не хочу огорчать его. Онъ такой чувствительный, воспріимчивый!

Она вошла въ квартиру. Старуха въ своей французской шали, изящномъ чепцѣ и золотыхъ очкахъ сидѣла въ креслѣ, прямо, неподвижно, какъ всегда. Она медленно вязала чулокъ, слушая съ милостивою улыбкою разсказъ Стася о какой-то свадьбѣ, имѣвшей состояться въ окрестностяхъ, о приданомъ невѣсты и ожидаемыхъ празднествахъ. Увидѣвъ входящихъ женщинъ, Стась

Digitized by Google

вскочилъ и, поцѣловавъ пани Жиревичъ въ руку, поднесъ и ей, съ граціознымъ поклономъ, коробку конфектъ.

— Я собирался къ вамъ, ma tante, началъ онъ: — но такъ какъ мы здѣсь встрѣтились...

— Такъ женихъ купилъ себѣ карету? съ любопытствомъ спросила старуха:—и шесть лошадей? А какой масти? Ей достанутся, вѣроятно, прекрасные бриллiанты. Мать ея, урожденная Крыневичъ, имѣла много золотыхъ вещей... Говорятъ, что отецъ ея нажилъ большое состоянiе, будучи адвокатомъ, и купилъ ихъ у князей Х.? А хороша она собой? Я видѣла ее, когда она еще была ребенкомъ. Она подавала надежды...

Стась съ большею готовностью отвѣчалъ на всѣ вопросы старухи. Та все болѣе оживлялась и съ нѣжностью поглядывала на молодого человѣка, напоминавшаго ей любимый ею міръ. Пани Жиревичъ и Розалiя не вмѣшивались въ разговоръ. Онѣ, уплетая конфекты, поминутно поглядывали на Стася и, хихикая, передавали другъ другу разныя замѣчанiя на его счетъ. Имъ было очень весело.

По временамъ, однако, точно тѣнь проносилась по комнатѣ. Самъ Стась, несмотря на все желанiе быть непринужденнымъ, то и дѣло теребилъ свои усы. Старуха, какъ только переставала говорить, казалась чѣмъ-то встревоженной и разъ, улучивъ удобную минуту, взглянула на дочь и быстро ей шепнула:

— Рузя! Сказала ли ты пани Жиревичъ, о чемъ я просила?

Розалiя и пани Жиревичъ точно замерли.

— Милая! шепнула дѣвушка вдовѣ:—ради Бога начните...

— Но, дорогая Розалiя, отвѣтила вдова: — я ей Богу не могу...

И, потупивъ взоръ, она нервно начала обматывать на палецъ длинный конецъ ленты, опоясывавшей ея талiю.

Стась взглянулъ на шептавшихся женщинъ и съ безпокойствомъ спросилъ:

— Что это за работа у васъ, Розалiя? Опять что-то новенькое?

Розалiя просiяла.

— Розетки изъ бисера! воскликнула она радостно и замахала своею работою.—Онѣ пришли мнѣ на умъ разъ какъ-то ночью, когда я никакъ не могла заснуть... Долго я ломала себѣ голову, какъ-бы это сдѣлать... и, наконецъ, сдѣлала! За пару дадутъ по меньшей мѣрѣ рубль!

Стась всталъ, приблизился къ дѣвушкѣ и взялъ у нея розетку.

— Прелестно! замѣтилъ онъ: — съ большимъ, съ большимъ вкусомъ!

Digitized by Google

— Да, да, прибавила пани Жиревичъ:—особенно темный бисеръ: точно изумрудъ.

Розалія ликовала; но ее опять смутилъ строгій взглядъ матери.

— Помните ли вы Рудзишки, ту деревню, которая находится на самомъ берегу Нѣмана, въ 20 верстахъ отъ Гродно? заговорилъ гость.

— Какъ-же не помнить! Въ мое время Рудзишки принадлежали Древницкому, изъ семьи тѣхъ Древницкихъ...

— Отгадайте, кто теперь купилъ это имѣніе?

— Ну, кто-же?

— Какой-то Буцикевичъ, бывшій прикащикъ графовъ Помпалинскихъ.

Старуха всплеснула руками.

— Бывшій прикащикъ? Богъ знаетъ, что такое! воскликнула она.—А Древницкіе, вѣроятно, пошли по міру! Боже, что только творится на свѣтѣ! Какъ эта чернь подвигается и насъ топитъ!

Между тѣмъ Розалія говорила:

— Мама опять взглянула на насъ сердито! Дорогая моя, спасите меня!

— Не могу, ей Богу, не могу... ни за что въ свѣтѣ! У него душа такая возвышенная!

Старуха еще разъ сурово взглянула на дочь и разсѣянно отвѣчала на какой-то вопросъ, предложенный ей молодымъ человѣкомъ.

— Да, она красавица и происходитъ изъ родовитой фамиліи. Она урожденная Одропольская, а мать ея урожденная Вевюркевичъ, изъ семьи тѣхъ Вевюркевичей...

— Простите меня! раздался вдругъ голосъ Розаліи:—Простите меня, Стась!

— Что прикажете? предупредительно обратился къ ней молодой человѣкъ.

О, какъ мало она походила на человѣка, отдающаго приказанія! У нея былъ видъ, возбуждавшій жалость. Черные ея глазки, обыкновенно такіе веселые, были вытаращены отъ усилій, которыя она дѣлала надъ собою весь лобъ вплоть до напомаженныхъ ея волосъ, и уши побагровѣли. Ротъ она закрыла носовымъ платкомъ, и изъ за этого платка раздавался сдавленный голосъ, замиравшій послѣ каждаго слога.

— Мамашѣ очень не...пріятно и мнѣ так...же... Но что дѣлать... все такъ дорого... На зиму мамашѣ нужны... теплые сапоги... Если бы вы только знали, какъ намъ непріятно... Но что

Digitized by Google

дѣлать?.. Я сама не знаю... но, можетъ быть, вы могли бы уплатить эти... про... про... про...

Словомъ: *проценты* она буквально подавилась и затѣмъ слышались уже какіе-то совершенно неопредѣленные звуки въ перемежку съ стонами. Пани Жиревичъ, съ своей стороны, то блѣднѣла, то краснѣла; а старуха, правда, не смутилась, но, видимо, сильно опечалилась и, вперивъ взоръ въ чулокъ, протяжно вздыхала: охъ, охъ, охъ!

Молодой человѣкъ съ достоинствомъ поднялся съ своего мѣста и молча поцѣловалъ руку сперва у старухи Лопотницкой, потомъ у пани Жиревичъ и, наконецъ, у Розаліи. Затѣмъ, вернувшись на свое мѣсто, онъ началъ говорить съ достоинствомъ:

— Виноватъ, много виноватъ! Но не судите меня слишкомъ строго и не предполагайте ничего дурного!

Раздались возгласы негодованія:

— Помилуйте, Стась, какъ можете вы думать!

— И позвольте мнѣ обстоятельно выяснить все дѣло и смягчить мою вину.

Тутъ вмѣшалась старуха Лопотницкая.

— Вины нѣтъ никакой... Происходя изъ такого благороднаго семейства, какъ вы, дорогой Стась...

— Позвольте выяснить кажущуюся мою вину, продолжалъ Стась, которая вызвана обстоятельствами и которую поправятъ обстоятельства-же. Если позволите, я все это разкажу откровенно и подробно.

Тутъ вдова замѣтила, что хотя крылья у нея давно подрѣзаны, но она все-таки умѣетъ сочувствовать чужому горю. Розалія, скрестивъ свои маленькія ручки, утверждала, что никто, никто не расположенъ къ нему такъ, какъ она. Старуха-же Лопотницкая произнесла торжественнымъ голосомъ:

— Ты даже обязанъ быть съ нами откровеннымъ... вѣдь мы находимся en famille, и все, что тебя касается, живо насъ интересуетъ, такъ какъ ты служишь единственнымъ звѣномъ, соединяющимъ насъ еще съ внѣшнихъ міромъ!

Поощренный такимъ образомъ, Стась началъ подробно излагать все дѣло.

Онъ долго говорилъ о своемъ имѣніи, перечислялъ ежегодные доходы и долги, лежащіе на немъ, барыши, которые могутъ быть получены отъ продажи лѣса, препятствія, встрѣчаемыя имъ въ осуществленіи этого плана; говорилъ еще о многихъ частностяхъ этого вопроса, и по временамъ путался, вздыхалъ. Иногда замѣтно было, что онъ переживаетъ очень тяжелый моментъ въ своей жизни; когда-же онъ кончилъ, то получился тотъ общій

Digitized by Google

выводъ, что судьба его находится въ рукахъ старухи Лопотницкой: если она ссудитъ ему тѣ 2500 р., которые она держитъ у себя въ банковыхъ билетахъ, то онъ будетъ спасенъ, уплатитъ долгъ, который мѣшаетъ продажѣ лѣса и не далѣе, какъ черезъ два, три мѣсяца вернетъ занятыя деньги вмѣстѣ съ процентами. Если-же она ему откажетъ, то онъ просто пропадетъ и долженъ будетъ продать свое имѣніе тому-же Буцыкевичу, бывшему прикащику графовъ Помпалинскихъ, который купилъ у Древницкихъ Рудзишки.

Это былъ выводъ совершенно неожиданный, настолько неожиданный, что всѣ три женщины долго не могли придти въ себя отъ удивленія. Пани Жиревичъ первая шепнула Розаліи:

— Какъ я жалѣю, что у меня нѣтъ больше капитала! я бы тотчасъ-же отдала его ему! Я ему вѣрю, какъ Богу... Бѣдный Стась!

— Да, да; но мамашѣ нужны на зиму теплые сапоги, да и шубу пора обновить, нерѣшительно замѣтила Розалія.

Наконецъ, Лопотницкая отвѣтила:

— Не ожидала... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... не ожидала! и такъ сразу рѣшиться не могу. Не отказываю, но и не обѣщаю... Прошу мнѣ дать время подумать до завтрашняго утра. Завтра утромъ прошу зайти, тогда...

Она такъ судорожно сжала губы, что онѣ совершенно исчезли между носомъ и подбородкомъ; въ глазахъ ея замѣтно было сильное безпокойство.

Стась опять всталъ, вторично поцѣловалъ всѣхъ трехъ женщинъ въ руку и старался возобновить прежній разговоръ; но это ему уже не удавалось, и черезъ четверть часа онъ откланялся.

Весь этотъ день старуха Лопотницкая просидѣла въ своемъ креслѣ, не произнеся ни слова. Прислонивъ голову къ спинкѣ кресла, она смотрѣла въ потолокъ и нервно теребила кончикъ своей шали. То она вздыхала или шептала какія-то неявственныя слова, то на желтомъ ея лицѣ выражалась тяжелая внутренняя борьба. Розалія сидѣла, между тѣмъ, на низенькой табуреткѣ у окна и, зная, что мать не обращаетъ на нее никакого вниманія, тихо поплакивала. Она вспоминала Стася, его красивое лицо, грустное выраженіе глазъ, вспоминала, что она его сегодня такъ опечалила, и сердце у нея болѣзненно сжималось, а въ голову приходили разныя мрачныя мысли. Счастливая Бригитта, думалось ей:—ее любитъ, хотя бы и такой челодѣкъ, какъ тотъ... О! любить и быть любимой! Любопытно знать, на комъ женится Стась! Вѣроятно, на какой-нибудь моло-

Digitized by Google

денькой и хорошенькой барышнѣ. А куда дѣвалась моя молодость? И я была когда-то недурна собою... И за мною ухаживали! Но все это прошло безвозвратно.

Розетка выпала изъ ея рукъ, и шумъ ея паденія прервалъ теченіе мыслей старухи. Она выпрямилась.

— Рузя! сказала она: — знаешь ты, гдѣ живетъ тотъ нотаріусъ, Ицкевичъ, что-ли?

— Знаю, мамочка, отвѣтила дѣвушка.

— Одѣнься поприличнѣе, ступай къ нему и скажи, чтобы онъ зашелъ сюда со своею книгою. Я ему заплачу за труды, но сама къ нему не пойду. Скажи ему, что придется написать заемное письмо.

— Такъ вы, мамочка, дадите Стасю денегъ?

Старуха отвѣтила:

— Дамъ.

Когда же Розалія, собираясь выйти, надѣла черную шляпу, мать ее подозвала къ себѣ.

— Видишь, заговорила она: — я не могу поступить иначе и не должна. Ты теперь уже взрослая и имѣешь право знать, почему мать твоя поступаетъ такъ, а не иначе; къ тому же, я желаю, чтобы это послужило тебѣ примѣромъ. Стась—сынъ помѣщика; онъ—мой родственникъ, и не помочь ему въ нуждѣ было бы грѣхомъ. Я была бы спокойнѣе, еслибы эти деньги оставались у меня въ шкатулкѣ; но я увѣрена, что такой честный человѣкъ, какъ онъ, выросшій между порядочными людьми, никогда не обидитъ двухъ женщинъ. А если бы я ему отказала, если бы онъ самъ пропалъ и продалъ бы свое имѣніе какому-нибудь мужику...

— О, мамочка, не оставляйте его! воскликнула Розалія.

Старуха съ несвойственною ей нѣжностью положила руку дочери на голову.

— Я вижу, что ты моя дочь, произнесла она растроганнымъ голосомъ. Ты чувствуешь и думаешь, какъ и я. Это хорошо. Будь всегда такова и послѣ моей смерти. Помни, что мы всегда должны поддерживать другъ друга, и лучше перенести лишенія, чѣмъ отказать въ помощи. Только тогда мы будемъ въ силахъ дать отпоръ черни, которая давитъ насъ со всѣхъ сторонъ, и только тогда это проклятое мужичье, жиды, цыгане, мѣщане и прикащики поймутъ, наконецъ, что мы... не они!

Глаза ея сверкали. Она гордо подняла голову и съ улыбкою на устахъ глядѣла вдаль, въ то будущее, которое должно было доставить побѣду тѣмъ, которыхъ она любила. Затѣмъ она взяла въ обѣ руки голову дочери и, поцѣловавъ ее въ лобъ, сказала:

Digitized by Google

— Ступай, ступай за нотаріусомъ! Я не могла бы спокойно умереть при мысли, что въ трудную минуту я не помогла одному изъ *нашихъ*.

Бригиттѣ никто не сообщилъ о событіяхъ этого дня. Съ ранняго утра, однако, видно было, что она находится въ возбужденномъ состояніи. Готовя обѣдъ, она то улыбалась, то вздыхала, весь день ничего не ѣла, а вечеромъ пошла въ церковь и горячо тамъ молилась. Когда она вернулась, то застала мать за пасьянсомъ. Проходя мимо, чтобы взять изъ корзины съ бѣльемъ наволочку, которую она собиралась чинить, она взглянула на мать безпокойнымъ и испытующимъ взглядомъ. Пани Жиревичъ въ этотъ вечеръ казалась чѣмъ-то особенно довольна, и, взявъ изъ коробки, стоявшей на столѣ, конфетку, шутливо сказала дочери:

— Видишь, Брыня, и мнѣ еще мущины носятъ конфеты. Это отъ Стася...

Трудно сказать, разслышала-ли Бригитта эти слова. Съ легкимъ румянцемъ на щекахъ и слегка опираясь рукою о столъ, она дрожащимъ отъ волненія голосомъ заговорила:

— Матушка! Я хочу просить вашего благословенія. У меня есть женихъ, котораго я горячо полюбила и который меня любитъ. И если вы позволите, то я его тотчасъ-же приведу...

Пани Жиревичъ взглянула на дочь съ изумленіемъ.

— У тебя! у тебя, Брыня, есть женихъ! Кто же онъ? какъ это могло случиться? Вѣдь у насъ никто не бываетъ! Да это было бы истиннымъ счастіемъ, если бы ты составила себѣ партію. Кто же онъ такой? Говори же, говори скорѣй!..

Бригитта не тотчасъ-же отвѣтила. Она долго боролась съ овладѣвшимъ ею волненіемъ, пока, наконецъ, не справилась съ нимъ. Сдавленнымъ, но спокойнымъ и вполнѣ увѣреннымъ голосомъ она сказала:

— Матушка, это вовсе не такой человѣкъ, который могъ бы бывать у насъ... Мы узнали другъ друга четыре мѣсяца тому назадъ здѣсь, на этомъ дворѣ... Онъ первый заговорилъ со мною, потомъ, мы часто разговаривали съ нимъ и полюбили другъ друга...

— Но кто-жь онъ? Скажи же наконецъ! я предчувствую недоброе...

— Называется онъ, матушка, Казимиръ Сосніна. Живетъ въ

Digitized by Google

Млынòвѣ и теперь находится прикащикомъ при постройкѣ дома Ролицкаго...

Она не успѣла окончить, какъ Пани Жиревичъ, вскочивъ съ дивана, схватила ее за руку.

— Брыня! что̀ съ тобою? вскричала она: — ты съ ума сошла? Брыня, Брыня, опомнись! Приди въ себя! Милая моя! Я сбѣгаю за докторомъ!..

Въ лицѣ и голосѣ ея было столько искренняго ужаса, что Бригитта невольно улыбнулась недоброю улыбкою. Она отошла на нѣсколько шаговъ и снова заговорила:

— Матушка, я вовсе не думала сходить съ ума, да и какое же это сумашествіе!.. Человѣкъ онъ молодой и красивый... такіе у него славные, умные, веселые глаза...

— Пусть убирается къ черту и съ глазами! вскричала мать, забывъ о приличіи, а потомъ точно изнемогая, опустилась на диванъ.

— Скажи Бога ради, ты шутишь, или говоришь серьезно?

— Я, матушка, говорю совершенно серьезно. И что ты въ этомъ видишь страннаго? Мы совершенно подходимъ другъ къ другу. Онъ не получилъ особеннаго образованія, это такъ, но умѣетъ читать, писать, кончилъ три класса гимназіи, и свое дѣло знаетъ превосходно: онъ—лучшій прикащикъ во всемъ уѣздѣ. Вѣдь и я не много знаю... Если и говорила прежде по французски, то теперь забыла, а во всемъ другомъ, онъ куда больше меня знаетъ!

— Бригитта, Бригитта, Бригитта!

Кромѣ этого возгласа, пани Жиревичъ не могла ничего сказать. Дѣвушка становилась все смѣлѣе.

— И не бѣденъ онъ... о, далеко богаче меня! Я ничего не возьму изъ капитала, который оставилъ отецъ: пусть все остается вамъ, матушка. Онъ знаетъ объ этомъ: я ему говорила, что онъ возьметъ меня въ одномъ платьѣ, да и то дырявомъ... А у него состояніе.

При послѣднихъ словахъ пани Жиревичъ какъ бы очнулась.

— Состояніе! глухо повторила она? у каменьщика состояніе! такъ онъ изъ помѣщиковъ?

— Нѣтъ, матушка! Онъ—мѣщанинъ и родители его мѣщане... Но у него въ Млынòвѣ домикъ и большой садъ.

Пани Жиревичъ саркастически засмѣялась.

— Такъ вотъ какое состояніе! Изба въ несчастномъ городкѣ... и съ садомъ! о Боже, Боже! что только творится на свѣтѣ? Не брежу-ли я? Бригитта, Бригитта, Бригитта!

— Матушка, онъ въ одинъ мѣсяцъ болѣе заработываетъ, чѣмъ

Digitized by Google

мы получаемъ въ годъ процентовъ. Онъ не соритъ деньгами... онъ не грубіянъ, хотя и простой человѣкъ! Съ такимъ человѣкомъ хорошо будетъ жить... будущее наше обезпечено!

— О, чтобъ ему провалиться вмѣстѣ съ его деньгами!

— Матушка! не проклинайте его! Онъ этого не заслуживаетъ. За что вы его проклинаете? За то-ли, что онъ дочь вашу любитъ и уважаетъ? За то-ли, что онъ хочетъ подѣлиться съ вашею дочерью добромъ, которое онъ и его родители заработали чистымъ трудомъ? За то-ли, что у него не такія бѣлыя ручки, какъ у того барчука, который тутъ...

Она вдругъ остановилась. Горячая отъ природы и раздраженная долгими годами страданій, она готова была разразиться потокомъ горькихъ упрековъ. Но она умѣла сдерживать себя, и въ эту минуту ей хотѣлось, во что бы то ни стало, убѣдить, уговорить мать.

— Матушка! заговорила она печально: — это, можетъ быть, единственное счастіе, которое встрѣчается въ моей жизни. Мнѣ 27 лѣтъ... Мнѣ хотѣлось бы жить, какъ живутъ другія женщины... имѣть друга до гроба, дѣтей...

— Бригитта! Вѣдь ты—дѣвушка; какъ же ты можешь говорить о такихъ вещахъ!

— Что же въ этомъ предосудительнаго, матушка? Отецъ говорилъ мнѣ всегда: я желалъ бы, чтобы ты со временемъ стала хорошею матерью, женою и хозяйкою. Я тоже только этого и желаю. Чѣмъ же мнѣ быть? Я ничего другаго не умѣю. Я могу и хочу работать... и любить своихъ... Матушка! неужели вы не хотите исполнить волю отца? Чѣмъ я предъ вами провинилась? Играть на фортепіано я не умѣю, это такъ, но развѣ я виновата, что у меня нѣтъ способностей? Не моя также вина, что я уродилась не такою нѣжною, какъ другія...

Она засмѣялась своимъ внутреннимъ, горькимъ смѣхомъ.

— Но за то, продолжала она:—я со для смерти отца цѣлыхъ восемь лѣтъ служила вамъ, какъ могла. Я берегла каждую копейку, чтобы вамъ было лучше. Прислуги у насъ не было, я все сама дѣлала, хотя вы и сердились на меня за это. Я васъ не упрекаю... о, нѣтъ!—Это была моя обязанность. Отецъ умирая, сказалъ мнѣ: будь добра къ матери!.. Но за то, что я исполнила свою обязанность, какъ могла и умѣла, я прошу васъ, матушка... позвольте *ему* придти сюда и благословите насъ.

Она сдѣлала усиліе надъ собою и, кинувшись къ ногамъ матери, стала цѣловать ея колѣни.

— И для самихъ себя, матушка, продолжала она:—сдѣлайте это! Вы ужь не молоды, капиталъ у васъ маленькій и вы однѣ...

Digitized by Google

Мы вамъ дадимъ комнатку въ нашемъ домикѣ.. у него также старуха—мать, которую онъ очень любитъ... Мы будемъ за вами обѣими ухаживать и васъ любить... У васъ будетъ спокойная старость!

Тутъ мать вскочила и оттолкнула дочь съ силой, которой трудно было ожидать отъ этой обыкновенно, столь спокойной и тихой женщины.

— Прочь, прочь, прочь! крикнула она, махая руками. — Ты смѣешь меня называть старухой и сулить мнѣ жизнь въ избѣ съ какою-то мѣщанкою! Кто я такая? Развѣ я не чиновничья дочь, развѣ мать моя не была помѣщицей? Въ кого ты уродилась? Ни въ отца, ни въ мать, ни въ бабушку, ни въ дѣдушку.

— Нѣтъ, матушка! сказала Бригитта:—ошибаешься: я уродилась въ отца, который также, какъ и я, былъ крѣпкаго тѣлосложенія, по-французски не говорилъ и не игралъ на фортепіано, но вѣчно работалъ, такъ что цѣлыхъ 20 лѣтъ заработывалъ деньги нетолько на хлѣбъ, но и на торты, конфеты, вечера, наряды...

— Бригитта! крикнула пани Жиревичъ:—ты оскорбляешь мать!

— Простите меня, сказала Бригитта, понизивъ голосъ: — я вспылила, простите меня... Я сама себя не помню: вѣдь я просила, умоляла!

— Будь увѣрена, прервала ее мать: — что твои просьбы ни къ чему не приведутъ. Ты съ ума сошла—вотъ и все, и я поблажки тебѣ не дамъ. Что̀ бы сказалъ Стась? Что̀ бы сказала Лопотницкая? Мы живемъ не въ пустынѣ, чтобы выходить замужъ за каменьщиковъ и мельниковъ. Мы живемъ съ людьми, а кого люди презираютъ, того должны презирать и мы, если не хотимъ унизить себя, упасть въ грязь! Есть ли въ тебѣ хоть капля чувствъ собственнаго достоинства? Понимаешь ли ты, что значитъ возвышенныя чувства? У тебя всегда была грубая натура, и сколько горя ты причинила мнѣ этимъ! Родила я тебя въ страшныхъ мученіякъ, ребенкомъ ты мнѣ не давала спать и орала безъ всякой причины... Училась ты плохо и ни къ чему у тебя способностей не было. Росла ты, какъ какая-нибудь мужичка, и дождалась же я отъ тебя радости!

Она долго говорила на эту тему, размахивая руками, и вся пылая. Бригитта ничего не возражала, только на лбу ея образовалась глубокая морщина, а черные ея глаза, устремленные въ полъ, выражали острую боль.

Наконецъ, пани Жиревичъ выбилась изъ силъ.

— Ну, сказала она повелительно:—сидись, возьми работу, успо-

Digitized by Google

койся сама и дай мнѣ успокоиться. А глупости эти выбей разъ навсегда изъ головы...

— Нѣтъ, матушка, отвѣтила Бригитта:—я не сяду, не возьму работу и не выбью себѣ изъ головы этихъ глупостей, а пойду къ нему и скажу, чтобы онъ заплатилъ ксендзу за оглашеніе. Я совершеннолѣтняя... Ксендзъ выдастъ метрику... Черезъ двѣ недѣли будетъ свадьба.

Она говорила это мрачно и рѣшительно. На лицѣ матери изобразилась страшная тревога. Да, она могла все это сдѣлать; она была, дѣйствительно, совершеннолѣтняя, и ксендзъ, дѣйствительно, могъ выдать нужные документы. Да, они могли съиграть свадьбу безъ ея позволенія! Въ такомъ случаѣ, чтобы преодолѣть упорство дочери, оставалось одно только средство, и чтобы избѣжать позора, и имѣть право, не сгорая отъ стыда, смотрѣть въ глаза Стасю и Лопотницкой, она должна была употребить это средство.

Въ воображеніи ея мелькнулъ образъ какой-то актрисы, которую она видѣла когда-то въ пьесѣ, въ которой мать проклинаетъ своего сына или дочь. Она не могла вспомнить самого проклятія, но передъ нею живо рисовалась патечичная поза актрисы.

Она встала посреди комнаты, протянула руки къ дочери и воскликнула:

— Ну, такъ я проклинаю тебя, недостойная дочь! Проклинаю вмѣстѣ съ твоими Соснйною и всѣми Соснятами, которые у васъ родятся... Да послужитъ это проклятіе матери...

— Матушка, матушка, матушка! пронзительно крикнула Бригитта и, бросившись къ матери, хватала ея за руки, за платье, чтобы не дать ей говорить. Она поблѣднѣла, какъ полотно, и дрожала съ ногъ до головы.

— Матушка, не проклинайте! кричала она: — матушка, ради самого Бога, перестаньте!.. Проклятіе матери — о, я боюсь его! За что и ему, и дѣтямъ быть проклятымъ!.. Матушка, сжальтесь!

И она всѣмъ тѣломъ рухнула къ ногамъ матери. Но пани Жиревичъ, которая успѣла уже нѣсколько успокоиться, отскочила отъ нея съ торжествующимъ видомъ.

— Да, сказала она: — проклятіе матери — наказаніе Божіе... до четырнадцатаго колѣна... слышишь? До четырнадцатаго колѣна! Гладъ, моръ, змѣи, саранча, и всѣ язвы египетскія! Если ты мнѣ не обѣщаешь, что выбьешь себѣ эту глупость изъ головы, то я прокляну твоего Соснину до четырнадцатаго колѣна. Ну, что же? Отчего ты молчишь и лежишь, какъ мертвая, на

Digitized by Google

полу? Хочешь ослушаться? Ну, такъ слушай! Да будетъ проклятъ...

Бригитта встала.

— Наказаніе Божіе! проговорила она.—Это страшно! Не губите моей и его души! О, я несчастная! Иду, иду! Иду съ вашихъ глазъ! Сдѣлаю, какъ вы желаете! А, лучше бы мнѣ не родиться!

Говоря это, она, рыдая, выбѣжала изъ комнаты.

Вечеръ стоялъ холодный и темный. Бригитта пробѣжала къ воротамъ, около которыхъ стоялъ стройный мужчина, въ мѣщанской одеждѣ и съ длинными, густыми усами. Завидѣвъ ее, быстро пошелъ къ ней на встрѣчу.

— Ну, что? спросилъ онъ нетерпѣливо. — Уговорила ты ее? Согласилась? Можно мнѣ идти къ ней?

Съ свойственною ей страстностью она схватила его за руки.

— Не согласилась... Хочетъ проклинать и меня, и тебя... уже начала...

Онъ обнялъ ее, прижалъ къ груди и долго молчалъ. Потомъ сталъ говорить печально.

— Проклятіе матери—Божіе наказаніе... Я не могу тебя взять безъ материнскаго благословенія. Какова бы она ни была, все же она—мать, и наконецъ...

Тутъ онъ выпустилъ дѣвушку и гордо поднялъ голову.

— Что же это, наконецъ? Воръ, бродяга, пьяница я что ли, чтобы меня проклинать за то, что я полюбилъ дѣвушку и хочу жениться на ней.

Она ничего не отвѣтила, но только тихо отошла на нѣсколько шаговъ.

— Все ли ты испробовала? спросилъ онъ минуту спустя. — Просила ли ты, уговаривала ли? Говорила ли, что у меня есть кусокъ хлѣба для тебя и даже для нея? Пусть спроситъ у людей, пусть назначитъ срокъ, чтобы узнать меня! Я на все согласенъ... только не на проклятіе!

Она молчала.

— Такъ, видно, намъ надо разстаться?

Она зарыдала; онъ снова обнялъ и прижалъ ее къ груди.

— Ну, сказалъ онъ:—можетъ быть, старуха опомнится. Слышишь, сердце мое рвется на куски! Знаешь что? Когда зима пройдетъ, я опять загляну сюда и узнаю... Если она не опомнится, то хоть взгляну на тебя, мою чернобровую!

— Пріѣдешь? Пріѣдешь ли? спросила она жадно, и въ голосѣ ея зазвучала надежда.

Digitized by Google

Зима прошла, но было еще холодно, и маленькая особа, бѣжавшая быстро по улицѣ въ легонькомъ пальто, вѣроятно, порядкомъ зябла. Однако, круглое ея личико походило на красное яблочко, а маленькіе глазки блестѣли, какъ бисеръ. На нихъ, впрочемъ, то и дѣло навертывались слезы и по временамъ она заламывала руки и стонала:

— О, Боже, Боже! Можетъ ли это быть?

Она вбѣжала на дворъ и, какъ стрѣла, кинулась къ квартиркѣ пани Жиревичъ.

— Послушайте! крикнула она уже въ дверяхъ. — Нѣтъ, я этого не перенесу... Я чуть жива... Міру конецъ... Стась, Стась... нашъ Стась!

Она опустилась на диванъ, заломивъ руки. Пани Жиревичъ, которая наигрывала какой-то сентиментальный вальсъ, сильно подчеркивая чувствительныя мѣста, подбѣжала къ Розаліи.

— Стась? Что случилось съ Стасемъ? Захворалъ? Умеръ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Недѣли двѣ тому назадъ онъ продалъ свое имѣніе и уѣхалъ куда-то далеко, къ какимъ-то роднымъ...

— Уѣхалъ?

— Уѣхалъ.

— Какъ? совсѣмъ?

— Совсѣмъ... совсѣмъ.

— Не простившись?

— Вотъ это-то и обидно: не простившись!

Пани Жиревичъ, точно, окаменѣла:

— Не вѣрю! воскликнула она вдругъ.—Онъ не могъ уѣхать, не простившись со мною... со мною, которую онъ еще недавно назвалъ своимъ ангеломъ-утѣшителемъ. Не могу повѣрить! Кто это тебѣ сказалъ?

— Всѣ говорятъ, всѣ! его и мои знакомые... Я сегодня доставила заказщкамъ розетки... Говорили, что вѣрно.

Пани Жиревичъ глубоко задумалась. Розалія вытирала слезы. Наконецъ, вдова прошептала:

— А наши деньги?

— Ахъ! вспомнила вдругъ Розалія:—въ самомъ дѣлѣ, что теперь будетъ съ этими деньгами и прошептала: о, Боже! какъ мамаша огорчится... что намъ теперь дѣлать? Къ кому обратиться? Пойдемте къ мамашѣ...

— Постойте! Не слышали ли вы, какъ это случилось? почему онъ такъ внезапно уѣхалъ?

— Эхъ! махнула Розалія рукою:—развѣ можно людямъ вѣрить! Понятно, сплетничаютъ... Говорятъ, что онъ долговъ своихъ за-

Digitized by Google

платить уже не могъ и лѣса тоже продать не могъ, а продалъ все имѣніе и уѣхалъ.

— Это сплетни, ложь, клевета! закричала вдова.—Такой возвышенный человѣкъ! Этого не можетъ быть: тутъ кроется какая-нибудь драма, что-нибудь небывалое!

Когда онѣ разсказали все, что знали, старухѣ, та тоже долгое время не могла придти въ себя отъ изумленія.

— Подай мнѣ, Рузя, салопъ и шляпу! сказалъ она, наконецъ.

Но встать она могла лишь съ трудомъ.

— Куда же вы пойдете; мамаша? Сегодня такъ холодно...

Старуха указала пальцемъ на домъ адвоката.

— Я отъ него узнаю всю правду. Онъ знаетъ дѣла всѣхъ помѣщиковъ...

— Я пойду съ вами, матушка.

— Не надо. Тамъ говорятъ иногда о такихъ вещахъ, которыя дѣвушкамъ не прилично слушать.

Старуха ушла. Когда она вернулась, то лаконически сказала:

— Правда.

— Такъ онъ уѣхалъ? вскричала пани Жиревичъ.

Старуха не отвѣчала.

— А наши деньги? спросила вдова нерѣшительно.

— Пропали, глухо отвѣтила старуха, садясь въ кресло и смотря въ потолокъ.

Вдова сильно поблѣднѣла. Предъ взоромъ ея мелькнулъ призракъ нищеты

— Какъ же это заговорила она дрожащимъ голосомъ:—вѣдь у васъ было заемное письмо, выданное Стасемъ?

— Заемное письмо! воскликнула Лопотницкая:—а кто его писалъ? Нотаріусъ... какой-то Ицкевичъ! Какую же силу могутъ имѣть документы, писанные какими-то Ицкевичами? Вотъ въ томъ-то и бѣда, что теперь Ицкевичи надъ нами властвуютъ, и Жиревичи вынуждены продавать свои имѣнія Буциковскимъ. Развѣ Буциковскіе платятъ долги, лежащіе на купленныхъ ими имѣніяхъ!

Сказавши это, старуха впала въ состояніе оцѣпенѣнія. Еслибы не широко раскрытые, стеклянные глаза, то можно было бы подумать, что она заснула или находится въ обморокѣ. Подъ вечеръ она начала что-то бормотать. Розалія могла, несмотря на вниманіе, съ которымъ она прислушивалась, разобрать только нѣсколько словъ.—До чего мы дожили! говорила старуха:—помѣщичій сынъ...

А потомъ еще:

— Дочери ничего не оставляю... Работки... однѣ работки!

Digitized by Google

На другой день рано утромъ старуха послала дочь за почтовою бумагою, конвертами, чернилами и перьями.

— Смотри только, чтобы перья были мягкія...

Когда Розалія принесла все это, она застала старуху въ креслѣ, съ молитвенникомъ на колѣняхъ. При видѣ дочери, она перекрестилась и закрыла молитвенникъ.

— Рузя! подойди!

Она нѣжно погладила дочь по головѣ и сказала:

— Мы теперь очень бѣдны; но, Боже сохрани тебя жаловаться или говорить о *немъ* дурно. Жаловаться, сокрушаться и плакать передъ людьми неприлично, говорить же о *немъ* дурно—грѣхъ. Каковъ бы онъ ни былъ, все же онъ *нашъ*... одного съ нами происхожденія. Не дадимъ же черни этого удовлетворенія: она не должна видѣть, какъ мы другъ на друга жалуемся. Рузя! исполнишь ли ты мою просьбу?

— Я вѣдь всегда, всегда васъ слушала, матушка, а о Стасѣ не могла бы говорить дурно, даже еслибы хотѣла.

— Это хорошо. Дастъ Богъ, мы не пропадемъ. Я вѣрю въ Провидѣніе и въ доброе сердце людей, съ которыми прожила всю свою жизнь; изъ среды ихъ меня удалили обстоятельства, но они въ бѣдѣ не оставятъ насъ. Сегодня и завтра буду писать письма... къ предводительшѣ Коржицкой, къ Одропольскому, къ Саницкимъ и другимъ. Меня съ ними связываютъ прежнія отношенія и воспоминанія. Стася я обвинять не буду, напишу имъ только, что хотѣла поддержать одного изъ нашихъ и спасти его изъ рукъ черни... Я исполнила свой долгъ; пусть и они исполняютъ также долгъ свой по отношенію къ намъ...

— Исполнятъ, навѣрное исполнятъ! воскликнула Розалія покрывъ руки матери горячими поцѣлуями.

Въ тотъ же день, вечеромъ, пани Жиревичъ тихо и робко вошла въ квартиру Лопотницкихъ. Она нетолько была тиха и робка, но сильно измѣнилась. Глаза у нея были красные, лицо растерянное и блѣдное.

Въ квартиркѣ стояла мертвая тишина. Розалія поспѣшно кончала какую-то работу, а старуха сидѣла у стола и писала письма.

Пани Жиревичъ подсѣла къ Розаліи.

— Что это мама пишетъ? спросила она шепотомъ.

— Письма къ помѣщикамъ, чтобы они исполнили свой долгъ по отношенію къ намъ, такъ какъ мы его исполнили по отношенію къ Стасю. Они, навѣрное, намъ помогутъ и не дадутъ намъ погибнуть.

*

Digitized by Google

— Конечно, исполнятъ и не дадутъ вамъ погибнуть, повторила вдова и, сложивъ руки, жалобно простонала. — Вотъ что значитъ принадлежать къ вашему кругу!

Потомъ она стала просить Розалію помочь ей продать фортепіано.

— Брыня сегодня размѣняла послѣдній рубль, а я сама не знаю, какъ дальше быть! Я непремѣнно должна продать инструментъ.

Черезъ нѣсколько дней Розалія, дѣйствительно, нашла покупателя, который хотѣлъ тотчасъ же внести условленную плату и взять инструментъ. Подъ вечеръ Бригитта пошла въ лавочку выпросить немного хлѣба и крупы въ кредитъ, а пани Жиревичъ сѣла за фортепіано.

— Въ послѣдній разъ! шепнула она:—въ послѣдній разъ!

Дрожащими руками она сыграла какую-то салонную пьесу, потомъ какой-то вальсъ, но вдругъ прервала его и, тихо аккомпанируя себя, голосомъ, наполненнымъ слезами, пропѣла:

Oh! dites lui qu'une invisible chaine
Lie à ses jours mes jours inconsolés
Oh! dites lui...

Въ сѣняхъ послышались тяжелые шаги. Носильщики пришли за инструментомъ. Она стала въ сторонкѣ и молча стала смотрѣть. Но когда носильщики взвалили инструментъ на плечи, стали выносить его изъ комнаты, она бросилась къ нему и, держась за него рукою, прошептала:

— Это прошлое мое... моя молодость... Счастливые дни уходятъ... уходятъ... уходятъ!

И когда черезъ часъ Розалія зашла провѣдать сосѣдку, та обратилась къ ней со словами:

— Дорогая Розалія! если вы встрѣтите Игнатія, то скажите ему, чтобы онъ скорѣе пришелъ домой, потому что я больна. А Конрада и Эдко велите перенести въ другую комнату: они постоянно плачутъ, это меня раздражаетъ.

Розалія хотѣла перекреститься, но спохватившись и, многозначительно покачавъ головою, выбѣжала въ сѣни за Бригиттой.

— Брыня! сказала она ей:—сбѣгай за докторомъ! Мать твоя больна: она бредитъ.

Пани Жиревичъ была долго и трудно больна, но не умерла. А когда она въ первый разъ послѣ болѣзни встала, въ комнатѣ уже не было ни дивана, ни шкапа, словомъ, ничего, что предоставляло бы какую-нибудь цѣнность. Пустая комната съ голыми стѣнами имѣла очень мрачный видъ при блѣдномъ свѣтѣ зимняго снѣжнаго дня. У окна сидѣла Бригитта и шила мѣшки

Digitized by Google

изъ грубаго холста. На красивомъ ея лицѣ безсонныя ночи, постоянная работа, всякаго рода лишенія и сердечное горе оставили глубокіе слѣды. Видя, что мать встала и довольно твердымъ шагомъ прошла по комнатѣ, она сказала, не отрывая глазъ отъ работы:

— Мамаша! мнѣ надо поступить въ услуженіе. Намъ рѣшительно нечѣмъ жить.

Она поступила, по рекомендаціи Розаліи, горничной въ какой-то довольно богатый домъ. Соснина болѣе не пріѣзжалъ. Она, впрочемъ, не долго ужилась на этомъ мѣстѣ и стала быстро мѣнять мѣста. Говорили, вообще, что она хорошая и трудолюбивая дѣвушка, но мрачна, какъ ночь, и страшно горяча; сама ни къ кому не привязывается и другихъ не умѣетъ къ себѣ расположить.

Разъ, идя по улицѣ съ корзиною въ рукѣ, она встрѣтилась съ Розаліей. Это было уже нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ онѣ жили на одномъ дворѣ.

— Ну, какъ вы поживаете? спросила Бригитта. — Мать твоя жива?

Розалія рада была случаю поболтать. Оказалось, что мать ея уже давно не встаетъ съ постели. Она страшно исхудала и лежитъ желтая и неподвижная, какъ восковая фигура. Но никогда не жалуется; иногда только стонетъ, но и то ночью, когда думаетъ, что Розалія спитъ, и никто слышать ее не можетъ. Живутъ они на трудовыя деньги Розаліи, да и окрестные помѣщики не забываютъ. Присылаютъ они, кто мѣшокъ картофеля, кто немного крупы, а кто и денегъ. Одропольскій аккуратно платитъ рубль въ мѣсяцъ. Тѣмъ не менѣе, по временамъ имъ приходится очень плохо, а квартира у нихъ такая, что зимою иней и ледъ бываетъ на стѣнахъ. Что подѣлаешь? Онѣ исполнили свой долгъ, совѣсть у нихъ чиста, и еслибы не болѣзнь матери, то жилось бы имъ недурно.

— А ты, Брыня?

Бригитта махнула рукою. Она не любила говорить о своихъ дѣлахъ. За то Розалія говорила за себя и за нее.

— Ага! А знаешь твой женихъ-то? Онъ вѣдь женился на другой. Случайно я зашла въ церковь и попала на его свадьбу. Жена его — дочь какого-то сапожника, но хорошенькая: такая же брюнетка, какъ и ты.

Digitized by Google

Лицо Бригитты слегка исказилось? Она крѣпко пожала руку своей подругѣ и быстро ушла.

Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась апатичной и лѣнивой. Въ густыхъ ея волосахъ показалась сѣдина, глаза потухли. Когда она въ полиняломъ платкѣ на головѣ проходитъ по улицамъ, за нею постоянно слѣдуетъ большая собака. Она по цѣлымъ мѣсяцамъ остается безъ мѣста. Тогда она живетъ съ матерью въ маленькой комнаткѣ въ покинутомъ монастырѣ, гдѣ имъ разрѣшила безплатно жить церковная власть. Иногда Бригитта нанимается поденно стирать бѣлье, убирать квартиры у людей, которые не держатъ хозяйства, и даже носитъ воду. А пани Жиревичъ?

Всѣ болѣе или менѣе зажиточныя семьи, живущія въ Гроднѣ, знаютъ худую и несчастную на видъ женщину, которая иногда заходитъ къ нимъ въ оборванномъ платьѣ, но убранномъ разными ленточками и бантами, въ потертой шляпѣ съ громаднымъ перомъ. Медленнымъ и неувѣреннымъ шагомъ она приближается къ хозяйкѣ дома и, если заходитъ въ домъ въ первый разъ, то подаетъ сложенный листъ бумаги. На немъ написано что-то безконечно длинное, начинающееся слѣдующими словами: «Высокоуважаемые благодѣтели! Благородная, но больная и бѣдная вдова, осмѣливается съ мольбою обратиться къ великодушнымъ людямъ, которые» и т. д.

Если же она приходитъ въ домъ, ей уже извѣстный, то не подастъ бумаги, а остановится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дверей и своими голубыми глазами смотритъ на всѣхъ присутствующихъ, какъ бы умоляя, чтобы ея не обидѣли и позволили ей хоть одну минутку пробыть съ ними. Изъ состраданія или отъ скуки нѣкоторые этому не противятся. Ее просятъ войти въ гостинную, гдѣ она садится на краешкѣ стула. Когда ее спрашиваютъ о постигшемъ ее несчастіи, она обыкновенно начинаетъ разсказъ съ того, какъ ей жилось «у родителей».

— Когда я жила еще у родителей, разсказываетъ она:—меня называли Сильфидой.

— Какъ такъ? спрашиваютъ ее.

Покраснѣвъ и съ улыбкой на устахъ она бросаетъ взглядъ на свою талію и говоритъ:

— Я всегда была такая тоненькая, нѣжная... Потомъ она еще разсказываетъ, что покойный ея мужъ и всѣ родственники называли ее зефирчикомъ, потому что она танцовала очень легко и никогда не могла принять твердаго рѣшенія. Сегодни понравится одно, завтра — другое, какъ обыкновенно у людей, которые счастливо живутъ...

Digitized by Google

Почти всѣмъ извѣстно, что она когда-то умѣла играть и пѣть. Чтобы ей доставить удовольствіе, ее просятъ сыграть что-нибудь. Она подходитъ къ фортепіано, снимаетъ дырявыя перчатки и, блаженно улыбаясь, беретъ нѣсколько минорныхъ, тихихъ, слегка фальшивыхъ аккордовъ. Дѣти хихикаютъ по угламъ комнаты, взрослые улыбаются, но она, ничего не замѣчая, и счастливая, что сидитъ у фортепіано въ хорошемъ обществѣ, начинаетъ пѣть слабымъ, но все еще чистымъ голосомъ:

— Oh! dites lui...

Помнитъ она, впрочемъ, и другіе романсы.

Случается, что въ ту минуту, когда она, воодушевившись, кончаетъ вторую или третью піэсу, въ комнату входитъ хозяинъ дома, который ея не любитъ или, возвращаясь съ должности, хочетъ обѣдать или ужинать. Тогда ей вручаютъ немного денегъ и даютъ чувствовать, а иногда и прямо говорятъ, что пора уходить.

Digitized by Google

ДРУГУ ДѢТСТВА.

Зимой холодной смерть взяла
Тебя, цвѣтокъ прекрасный Юга!
Была полна ты вешнихъ грёзъ,
Когда подкралась злая вьюга.

На дѣтскомъ, ласковомъ лицѣ
Улыбка скорбная застыла...
Я помню, какъ тебя всегда—
Пугала жадная могила!

Смотрѣла мрачною тюрьмой
На всѣхъ на насъ могила эта;
Такъ было тѣсно тамъ, дитя,
Такъ мало воли, шири, свѣта!

За то теперь твой слухъ и взоръ
Все, что любила ты, ласкаетъ:
Подъ лаской лѣтняго луча
Земля, какъ садъ, вся расцвѣтаетъ.

Рѣка прозрачная бѣжитъ,
Журча, по бархатному лугу—
Обнять соленую волну—
Она спѣшитъ къ родному Югу.

А надъ рѣкою лѣсъ встаетъ
Съ листвой зеленой и тѣнистой,
И хоръ пернатыхъ голосистый
Тебѣ отходную поетъ.

В. Огар.....

Digitized by Google

УСТОИ.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ДЕРЕВНИ.

VIII.

— Ну и проспали-же мы! сказалъ Пимонъ Савельичъ, торопливо взглянувши подъ крышу сѣнницы, гдѣ, ворвавшись въ оконце, солнечный лучь игралъ по стропиламъ, и шумно сновали касатки: — Наткась, бабы скотину согнали, благовѣстъ, слышно, былъ на селѣ... Вотъ старики! какой тутъ примѣръ молодымъ... Прорухи такой давно за собой не запомню. А всё ты! обратился съ укоромъ Пимонъ къ пріятелю Мину, по привычкѣ спѣшно вставая:—сколько времени спать не давалъ съ пустымъ разговоромъ.

— Полно, пріятель! коли намъ не поспать лишній часъ, такъ кому ужь и спать... Глянь-ко на верхъ: вишь касатки, должно быть, купаться летали въ росѣ: крыльями бьютъ, чистятся, моются... А одна, вишь ты, убралась—поётъ! Вотъ вѣдь и малая тварь, а смотри ты, какое во всёмъ разумѣнье. Всё во время, въ мѣру: жадности въ ней не видать. Встала, умылась, дѣтью червяковъ натаскала — и за пѣсню!... Такъ говорилъ Минъ Афанасьичъ, всё еще лежа на сѣнѣ, раскинувши руки и ноги и спокойно смотря на птичью тревогу.

— Сладко намъ, пріятель, спалось,—продолжалъ Минъ Афанасьичъ:—кто его знаетъ съ чего: съ того-ли что медомъ пахнетъ отъ свѣжаго сѣна, али отъ того, что мягко на нёмъ, какъ на пуховой перинѣ... Всё сны, братецъ, снились...

— Снились и мнѣ вѣдь, братецъ ты мой. Вотъ и поди ты! Должно отъ того, что вмѣстѣ мы спали, замѣтилъ Пимонъ. — Думаю такъ, что тутъ есть какое ни то указанье. И совсѣмъ, братецъ, изъ ума было вонъ, что отъ отца еще мнѣ осталась бумага. Лѣтъ двадцать тому, такъ совсѣмъ и забылъ я объ ней,— да вотъ теперь сонъ напомнилъ.

Digitized by Google

— Не твое-ли въ ней счастье, смотри! сказалъ Минъ Афанасьичъ:—бываетъ.

— Ну, отъ бумаги какое ужь счастье! такъ, сказка была...

— А вотъ мнѣ, другъ ты мой, Пимонъ Савельичъ, видѣлось, началъ было Минъ Афанасьичъ, весь озарившись улыбкой: — Слушай...

— Э, братъ!.. Опять тебя слушать? Этакъ, пожалуй, безъ покаянья умрешъ. Ты ужь при себѣ сбереги. Вотъ придетъ Покровъ, тогда ужь съ тобой мы старухѣ и будемъ разсказывать сказки.

— Ну, Покровъ такъ Покровъ! согласился и Минъ Афанасьичъ: — Только слышишь, Пимонъ Савельичъ, чтобъ сонъ мой былъ въ руку.

— Дай Богъ, коли былъ онъ благополученъ.

— Онъ то, братецъ, очень благополученъ. Единственный сонъ, такъ тебѣ надо сказать! таинственно подмигивая Пимону, говорилъ Минъ. — Постой минутку, остановилъ онъ его за рукавъ: — что всё къ хозяйству бѣжишь? Экъ оно, братецъ, тебя обуяло! Вѣдь полсотни годовъ прошло, коли мы уговоръ съ тобой положили—сродниться; сколько ужь и дѣтей за это время было у насъ, а всё не свершилось... Что̀ вчера говорилъ, — то и сонъ говорилъ! Слышишь, пора чай? Прежде лютое время хоть было: нужда, до хозяйство, да баре насъ съ тобой разводили... Али и теперь всё еще не приспѣла пора? Какъ-никакъ, а вѣдь всё, братъ, изъ одного съ тобой мы полѣна!.. Сердись не сердись...

— Кто-жь говоритъ!.. Мужики, поди, оба были, добродушко замѣтилъ Пимонъ.

— То-то и есть... Такъ вотъ хоть передъ смертью, другъ, намъ съ тобой бы и счеты закончить!.. И къ Богу бы лучше было предстать на отвѣтъ!.. А то что̀: вѣкъ мужиками прожили, а всё уговоръ не сдержали... Точно, каюсь, не такъ справски я съ сыномъ, какъ вы... Да вѣдь ты насъ знаешь: не отъ худаго корня и мы... А умереть оно такъ-то куда было бы лучше!.. Завершили-бъ союзъ, ровно ключемъ бы замкнули— и чисто!.. Такъ-ли?.. Предѣлъ, молъ, мужицкій сполнили, по правдѣ, по силѣ... Ты знаешь, — мздоимцемъ я не былъ... Не изъ корысти я говорю... А только одно—завершить, чтобы намъ съ тобой конецъ предѣлу!... Чтобы передъ смертью, — всё, что было межъ нами,—покрыть—и шабашъ? Такъ-ли? Умеръ тогда бы я, братецъ, не моргнулъ бы и глазомъ!

— Что̀-жь, отвѣчалъ Пимонъ Савельичъ: — говорилъ я тебѣ: я согласенъ... Хоть передъ смертью обѣтъ надо исполнить...

Digitized by Google

Только вотъ что: когда была воля моя, всё помѣхи бывали, а теперь... Теперь, времена, братъ, не наши: какъ молодые, спроси. Вотъ подождемъ Покрова, молодые ребята придутъ съ заработковъ, забѣгаютъ свахи,—тогда гляди самъ...

— Ну, Покровъ такъ Покровъ! Не за горами и онъ!.. Покровъ точно, всё покрываетъ, заключилъ довольный Минъ Аѳанасьичъ, и старики, таская пальцами сѣно изъ бородъ, выбрались вонъ изъ сарая.

— Что-жь, подождемъ Покрова! Покровъ всё покрываетъ, твердилъ Минъ Аѳанасьичъ и ждалъ Покрова.

Покровъ—день знаменитый въ деревнѣ: тамъ позади, страда, время физическаго напряженія, всё ушло въ силу, въ мускулы, здѣсь, за Покровомъ, вступаетъ въ права мужицкій мозгъ, почти полгода безропотно подчиненный сохѣ, боронѣ, косѣ, серпу. Чѣмъ дальше за Покровъ, тѣмъ больше входитъ въ силу мужицкій умъ, тѣмъ смѣлѣе разыгрывается мужицкая фантазія. Любитъ это время Минъ Аѳанасьичъ. Лѣтомъ маленькое существованіе Мина Аѳанасьича совершенно стушевывается передъ физическимъ величіемъ крестьянской страды. Онъ самъ угнетёнъ ею, да и его мало кто слушаетъ. Но за Покровомъ Минъ Аѳанасьичъ вдругъ воскресаетъ: онъ въ чести; его снисходительно слушаютъ самые хозяйственные мужики. Молодой народъ несетъ тогда съ заработковъ, со всѣхъ концовъ Россіи, цѣлую кучу разсказовъ, вѣстей, слуховъ, надъ которыми мужицкій мозгъ начинаетъ туго, медленно работать, подъ шумъ базаровъ, свадебъ, выбиванія недоимокъ и податей. Тутъ Минъ Аѳанасьичъ дорогой человѣкъ: какъ ни какъ, а его маленькая голова значительно скорѣе заставляетъ вертѣться тежелый жерновъ мужицкаго хозяйственнаго мозга.

Вотъ, наконецъ, и Покровъ. Дергачи заварили пива̀, заходили сваты и свахи. Попъ съ попадьёй пришили карманы пошире. Торопливѣе по избамъ забѣгалъ Макридій Софронычъ и зорче слѣдитъ за «слабымъ народомъ», чтобы не успѣлъ онъ,—Боже храни!—въ пиво упрятать всю недоимку; рыщетъ по улицѣ, по кабакамъ, подъ шумокъ пытая, кто сколько принесъ съ заработковъ, кто сколько хлѣба свёзъ на базаръ, кто сколько пропилъ, на булкахъ проѣлъ. Горе и только — дѣло мое! плачется Макридій Софронычъ: — людямъ веселье, а мнѣ пуще заботы!

— Ну, не тяжелѣй, поди, нашей, Макридій Софронычъ! отвѣчаютъ ему жены, отцы и дѣти, съ нетерпѣньемъ поджидая своихъ мужей и дѣтей.

— А кто-жь виноватъ! Брали-бъ съ Пимоновъ примѣръ... Вонъ у нихъ какое веселье; податей и нужды за ними не виснетъ;

Digitized by Google

народъ весь при домѣ; во время поѣдятъ, во время выпьютъ... Благородно и чинно, въ мѣру, въ здоровье.

— Что-жь ты Пимоновъ намъ ставишь въ примѣръ?.. Мы и сами не хуже были бы ихъ, раздраженно отвѣчали старостѣ жены и матери:—Въ томъ и счастіе Пимоновъ, что наши мужья и дѣти ходятъ въ работу Богъ вѣсть куда... На нашей землѣ богатѣютъ, наши же земли забрали...

— Поменьше бы пили, ввернулъ Макридій Софронычъ.

— Ну, на себя обернулись бы лучше... Мы и сами каждодневно стали бы въ мѣру тянуть, коли бы можно было безъ перевода четверть при домѣ держать... Все Пимоны—Пимоны!.. Хорошо такъ, Пимонамъ... Да вѣдь и имъ все до время!.. Не купцы, тѣ же крестьяне... А крестьянское счастье — вода: за одну ночь утечетъ — не замѣтишь... Мы и сами Пимонами были-бы!.. Вотъ тебѣ, востроногій, такъ счастье. Намъ старостой быть въ тяготу, да въ повинность, а тебѣ всласть... Натка-сь, третьи выборы служитъ!.. А тоже плачется: «мнѣ, вишь, заботы!..» Кабы забота — не бойсь, у міра въ ногахъ бы валялся, какъ мы же, только бы честью такой насъ не дарили...

А между тѣмъ у Пимона нынѣшній годъ, точно, шло угощенье, не въ примѣръ прежнимъ годамъ: урожай былъ хорошъ, собрали самъ-десять. Нынче пива̀ заварили большія. Спорый годъ задался. Барановъ, телятъ, поросятъ у Катерины Петровны кормилось нынче столь много, что и она не запомнитъ; «всѣ вышли въ тѣлѣ. Сыновья же за извозъ получили хорошія деньги, да и на зиму за ними осталась работа; скоро ужь кирпичу на избу заработано будетъ въ излишкѣ.

Веселы были всѣ и довольны, а коли веселъ крестьянинъ — онъ весь на міру: и ласковъ, и добръ, и повадливъ съ людьми. Катерина Петровна, что ни день, пекла пироги и куреньки: ѣшь, кто хочешь, всѣ приходи; ни для кого не было отказу ни въ пивѣ, ни въ хлѣбѣ. Бобылкамъ и вдовамъ отсыпано хлѣба, крупы. Мужики чуть не сами къ боченку лазили съ ковшомъ. А вечерами молодежь вся у воротъ собиралась или въ избѣ. Всѣ толкались, смѣялись, шумѣли. Много было хлопотъ Катеринѣ Петровнѣ, да за этимъ она не стояла. Съ дѣловитымъ степенствомъ она вездѣ поспѣвала. Пимонъ съ сыновьями въ чистыя розовыя рубахи разодѣлись и густо намазали волосы масломъ. Всѣ они съ гостями шутили, болтали, да надъ молодежью смѣялись.

Digitized by Google

IX.

Минъ Аѳанасьичъ жилъ съ братомъ въ большой, старой, въ четыре окна по улицѣ, избѣ. Извѣстно, что они въ теченіе двадцати лѣтъ, по крайней мѣрѣ, разъ пять дѣлились, пилили избу по-поламъ, заколачивали на глухо двери изъ одной половины въ другую, пять разъ опять начинали жить въ «союзѣ», «пòмилу», двери расколачивали, загородки разбирали. Дѣло въ томъ, что у «душевнаго» Мина жена была баба хозяйственная, сухая, работящая, исключительно погруженная въ хозяйственные интересы, между тѣмъ, какъ у «хозяйственнаго» Карпа, брата Мина, жена была женщина съ «легкимъ духомъ», любила пѣсни, хороводы, улицу, любила слушать разговоры и даже сама, съ грѣхомъ по-поламъ, надѣвъ очки, почитывала «житія».

Изъ этого выходило, что въ трудныя минуты жизни, когда выходилъ хлѣбъ или собирали подати, жена Мина сугубо шпыняла жену Карпа, а самъ Карпъ Мина Аѳонасьича. Но такъ какъ Карпъ былъ человѣкъ безхарактерный, то благодаря этому счастливому обстоятельству, жена его успѣвала укрощать его хозяйственные порывы, Минъ же, какъ извѣстно, женѣ своей рѣдко поддавался; такимъ образомъ скоро все происходило въ устойчивое равновѣсіе. Но иногда «хозяйственный» элементъ такъ разгуливался, Карпъ съ женой Мина вдругъ такъ проникались жаждой «хозяйствованія», въ особенности когда оказывалось, что «добрые-то люди другъ у друга изъ рукъ землю рвутъ, да на работу бросаются, какъ голодныя собаки на кость, а мы сидимъ себѣ, посиживаемъ да пѣсеньки попѣваемъ, благо есть кому за насъ за хозяйствомъ приглядѣть, чтобы оно совсѣмъ не рухнуло»... Ну, тогда начиналась баталія.

Оказывалось по увѣренію жены Мина или Карпа, что еслибы они въ одиночку каждый хозяйство вели, то у нихъ бы не то было: телята непоёными не ходили бы, бараны-то на улицѣ не ночевали бы («а то мы пѣсеньки попѣваемъ, чайки попиваемъ, а скотину-то молъ невѣстка приберетъ»! прибавлялось ехидно), я бы, Карпъ, на лошади-то и пашню вспахалъ, и въ извозъ бы сходилъ, кабы одинъ-то былъ, а то вотъ теперь свою пашню вспахалъ, сдавай лошадь брату въ пòмочь... А вотъ у него какая старательность къ хозяйству!.. Развѣ у него есть эта старательность, какъ у меня!.. и пр. въ такомъ родѣ. Послѣ этого, конечно, «союзъ» не выдерживалъ; бабы шпыняли одна другую, рвали изъ рукъ горшки, Карпъ съ Ми-

Digitized by Google

номъ старались не говорить другъ съ другомъ, двери заколачивались, устанавливались загородки, скотина разводилась, дѣлилось сѣно и солома—и только не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли, все приводилось въ желанный «хозяйственный» порядокъ. Такъ жили годъ, а потомъ все оказывалось вздоромъ, и большею частію вздоръ этотъ вскрывался на Пасхѣ, во время передѣла полей, когда Минъ никакъ не могъ потерпѣть, чтобъ въ этотъ великій праздникъ люди жили врознь. Подвыпивши съ братомъ, онъ торжественно выламивалъ доски, забивавшія двери, ронялъ загородки, обнимался съ братомъ, съ женой, съ свояченицей.

Въ настоящее время, ихъ братскій союзъ былъ въ фазѣ ущерба, начавшейся, какъ мы знаемъ, еще при уборкѣ хлѣба «изъ-за сахару», по словамъ Мина, почему послѣдній тогда и не ночевалъ дома. Теперь, повидимому, «хозяйственный» элементъ опять начиналъ преобладать, такъ какъ жена Мина, Ѳедора, пока мужъ одѣвались, говорила такъ: — «Вотъ какъ удобрыхъ-то людей: разадѣнутся, чинно дома усядутся, да гостей-то къ себѣ ждутъ — и бесѣдуютъ чинно, великатно... А мы все на улицу!.. Все въ народъ, въ толпу лѣземъ. Да и то сказать, къ какому добру и людей-то звать... Кто еще пойдетъ!..

— Не бойсь, отвѣчалъ Минъ Аѳанасьичъ «ровненько» (онъ всегда говорилъ «ровненько», когда жена еще не очень одолѣвала его):—не бойсь, и мы къ себѣ зазовемъ... Что-жь, милости просимъ и къ намъ!.. Найдемъ, чѣмъ принять...

— Нашелъ!.. Корову свести—это мы умѣемъ... А какъ вотъ примѣръ взять съ добрыхъ людей, работу найти, такъ насъ нѣтъ!.. Вотъ добрые-то люди только и смотрятъ, какъ бы землицы урвать, нѣтъ ли гдѣ работы, нѣтъ ли дѣла... Вотъ они и есть истинные крестьяне!.. А у нашихъ лоботрясовъ все мимо рукъ плыветъ!.. Только бы имъ улица, только бы въ толпѣ толкаться... Надъ нами смѣются, грохочутъ, а имъ любо!..

— Ничего, Янюшка, ты въ ея слова не очень вникай... Она ужь отъ породы такъ, говорилъ все такъ же «ровненько» Минъ Аѳанасьевичъ сыну...

— О, лоботрясы!.. Плеть бы на васъ хорошую съ отцомъ-то... Начальства-то на васъ хорошаго нѣтъ!.. Вотъ взяла бы ухватъ да и обломала объ васъ обоихъ!

— Ты, Янюшка, твердо стой... Не смущайся! говорилъ отецъ сыну:—я вотъ, слава Создателю, противъ господъ выстоялъ, да и отъ нея, Господь Богъ далъ, двадцать лѣтъ отбиваюсь... И ничего!.. Своимъ не поступался!.. Минъ Аѳонасьичъ при этомъ съ такой самоувѣренностію чесалъ бороду, что Янька засмѣялся

Digitized by Google

той беззавѣтной улыбкой, которая застыла на его лицѣ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ первый разъ увидалъ, какъ мать учила отца хозяйству, и какъ отецъ, этотъ низенькій, маленькій, худой мужичекъ, крѣпко стоялъ и отбивался отъ высокой, здоровой бабы, которая, дѣйствительно, могла бы изломать такого мужиченку въ куски, еслибы онъ былъ не такъ «крѣпокъ духомъ», какъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Жадности этой никогда собой овладать не допустилъ, продолжалъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Учи сына-то! Да развѣ въ трудѣ жадность есть? Трудъ-то самъ Господь возлюбилъ, несуразный! Чему ты такъ-то учишь? выходила совсѣмъ изъ себя Ѳедора.

— И въ трудѣ жадность есть!.. Есть, милая, есть!.. А жадность всему погибель... И трудъ долженъ быть въ мѣру, тогда и Богъ его любитъ... Все въ мѣру, безъ жадности, безъ алчбы; во время потрудись, во время пѣсню спой (пѣсня для души нужна, чтобы на душѣ тяжести не было), во время на народъ сходи (на народъ сходишь все равно, что въ церковь: и уму есть занятіе, и душѣ пища, потому наша душа только на другихъ и жива)... Тогда и будетъ въ твоей душѣ довольство!.. А ежели ты и къ труду жаденъ такъ довольства не будетъ; будетъ у тебя на сердцѣ тоска, истома, зависть, и другимъ ты будешь строгъ и сурьёзенъ...

— Хорошо тебѣ молоть-то, какъ за чужой спиной живешь, насыкнулась опять Ѳедора: — какъ за васъ ночи не спишь, истощаешься... Цѣлый-то день деньской все душой о домѣ терзаешься... У другихъ-то, у добрыхъ людей, посмотришь — всего-то вдоволь, все-то идетъ колесомъ... Вотъ хоть взять Пимоновъ!..

— И ты понапрасну истощаешься, сказалъ Минъ Аѳанасьичъ: — совсѣмъ понапрасну... И думами себя тревожишь напрасно... Кабы ты себя не истощала, было бы у тебя въ душѣ довольство, въ себѣ... И жили бы мы дружно, и грѣха бы ты ни намъ, ни себѣ не дѣлала... А что-жь Пимоны?.. Хорошіе люди Пимоны, точно, а и Пимонамъ скажу: надоть бы имъ въ трудѣ поостепениться... И въ трудѣ жадность къ добру не доведетъ!.. Ежели въ трудѣ жадность—довольства въ себѣ нѣтъ.

— Несуразный ты, несуразный! Да ежели бы не истощалась я, подхватила Ѳедора первую половину возраженія Мина: — да вѣдь вы бы и съ братомъ-то, и съ Макарихой (жена Карпа), вѣдь вы бы давно сгибли... Вѣдь надо, али нѣтъ подати-то платить? Вѣдь мы не баре по своей-то охоткѣ жить...

Digitized by Google

— И тутъ въ тревогу приходить нечего: есть—отдадимъ; нѣтъ—подождутъ.

— А какъ не подождутъ?..

— Ну, тогда... перехватимъ какъ ни то... Пущай!.. Какъ-нибудь себя потрудимъ — забьёмъ хайло-то!.. Вѣдь это все у *нихъ* отъ жадности... Оно же ихъ и погубитъ!.. А себя зачѣмъ губить?.. Пускай они отъ своей жадности погибнутъ... А ежели мы всѣ будемъ жадничать—всѣмъ можетъ оказаться погибель.

— Дуракомъ родился, дуракомъ и умереть ему... Да еще дурью породу отъ себя пустить! выкрикнула Ѳедора, и ушла.

Этотъ «ровненькій» тонъ Мина Аѳанасьича былъ ножъ острый для Ѳедоры. Она его не могла терпѣть. Когда, выпивши, Минъ Аѳанасьичъ отбивался отъ нея азартно—она это любила; ей былъ поводъ поплакать, выдти на улицу, пожаловаться на пьянаго мужа. Но «ровненькій» тонъ приводилъ ее въ невозможное раздраженіе; она цѣлый день ходила сама не своя, ворчала, била скотину, давала даже Янѣ подзатыльники, ругалась съ свояченицей, съ бабами, хотя и знала, что въ это время всѣ говорили: «вонъ чертовка-то расходилась! Какъ только съ ней мужики-то уживаются!..» Между тѣмъ, она была баба въ сущности добрая, хотя и очень недалекая; выйди она замужъ за Карпа, она, вѣроятно, была бы счастлива, такъ какъ мужъ раздѣлялъ бы ея житейскую философію; она поѣхала бы на немъ, куда ей угодно, обратила бы его въ ту же лошадь, которая была у нея во дворѣ, и которая могла трудиться, сколько вздумается Ѳедорѣ, покорная своему лошадиному призванію. Сама Ѳедора припряглась бы въ одни оглобли—и тягло стало бы тянуться изъ жилъ.

— Такъ-то, Янька, ты не смущайся, что мать говоритъ... Она отъ добра говоритъ, да зла за добромъ не видитъ, сказалъ Минъ Аѳанасьичъ сыну въ поучительномъ тонѣ. Этотъ поучительный «ровненькій» тонъ, однако, въ устахъ Мина Аѳанасьича звучалъ такъ необычно долго, и притомъ Минъ Аѳанасьичъ такъ тщательно намазывалъ волосы и прибирался, что Янькѣ запало подозрѣніе: не задумано ли у отца какое-нибудь секретное дѣло.

— Вотъ, можетъ, Господь дастъ, поженишься, продолжалъ Минъ Аѳанасьичъ, все забирая тономъ выше и торжественнѣе:— первое дѣло—Бога помни, потому Богъ есть правда и милость; второе дѣло—жадности бѣги, къ уму ли жадность, къ землѣ ли, къ труду ли—все жадность... А жадность погибельна... Потому довольства въ себѣ не будетъ... Чтобы съ тобой ни сталось— жадности бойся! Помни одно: наше дѣло правое... Смотри прямо!.. Будутъ у тебя жена, дѣточки — отъ жадности ихъ остерегай! Въ работѣ ли будутъ жадничать, въ трудѣ захотятъ, страха

Digitized by Google

ради іудейска, истощаться—воздерживай... Поработаютъ—и будетъ, пѣсни пускай попоютъ, на народъ сходятъ. Тогда на душѣ будетъ довольство и миръ со всѣми, и въ семьѣ, и на людяхъ.

Янька слушалъ все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ изумленіемъ. Никогда еще ни разу не приходилось ему выслушать отъ отца такой длинной проповѣди.

— Да ты чего нынче... какой? спросилъ, улыбаясь, Яня, замѣтивъ, что отецъ надѣваетъ свой лучшій синій кафтанъ и тщательно застегиваетъ его подъ бородой, а лицо у него торжественное. Янька зналъ, что отецъ бо́льшею частію бывалъ равнодушенъ къ костюму и даже въ праздники надѣвалъ полушубокъ, а когда ему это замѣчали, то онъ отвѣчалъ сентенціей, что, молъ, «шуба овечья, да душа человѣчья». И лицо у него никогда торжественнымъ не бывало, всегда оно «играло», какъ у ребенка.

— Ну, да чего тутъ учить!.. Коли кровью въ отца—такъ и бровью! сказалъ Минъ Аѳанасьичъ, какъ будто силясь сбросить съ себя несвойственную торжественность.—Пойдемъ къ Пимонамъ... Нынче они празднуютъ...

Янька, повидимому, очень отдаленнымъ чутьемъ догадался, въ чемъ можетъ быть дѣло. Онъ какъ-то невольно весь вспыхнулъ и оробѣлъ. Зачѣмъ-то еще разъ взглянулъ мимоходомъ въ осколокъ зеркала, прибитый гвоздочками къ стѣнѣ, пригладилъ волосы, франтовитѣе поправилъ на плечахъ накинутый кафтанчикъ и вышелъ съ отцемъ.

Яня былъ, дѣйствительно, очень похожъ на отца: низенькій, худой, но стройный, съ маленькимъ лицомъ, на которомъ и носъ, и глаза, и ротъ тоже были маленькіе, но въ общемъ все это было симпатично, въ особенности при застывшей на всемъ его существѣ беззавѣтной улыбкѣ.

Какъ, однако, ни была несвойственна натурѣ Мина Аѳанасьича торжественность и сентенціозность, онъ все же не могъ освободиться отъ нея сегодня. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ дому Пимона, тѣмъ эта торжественность въ немъ становилась замѣтнѣе. И торжественность эта была, должно быть, вполнѣ подобающей моменту; впереди предстояло совершиться акту, имѣвшему для Мина Аѳанасьича—и исключительно только для него — громадное значеніе. Онъ сразу долженъ былъ завершить циклъ семидесятилѣтней жизни, придать ей ту округлость, полноту, цѣльность и смыслъ, которыя на смерть крестьянина кладутъ такой эпическій отпечатокъ высокаго спокойствія, полнаго

Digitized by Google

сознанія «правоты» пройденнаго существованія. Безъ этой округлости и цѣльности, въ этомъ существованіи и въ этой «правотѣ» чего-то недоставало очень цѣннаго, что дѣлало его похожимъ на могучую рѣку, разбившуюся на множество рукавовъ, разбѣжавшихся въ разныя стороны и не нашедшихъ еще общаго русла. Когда совершился великій «водоворотъ» въ народной жизни вообще, о какой подводный камень разбилось ея могучее теченіе—это дѣло довольное темное еще. Но что касается судьбы интересующихъ насъ лицъ, то Пимонъ и Минъ Аѳанасьичъ несомнѣнно когда-то подхвачены были и неслись по волнамъ тѣхъ основныхъ и великихъ потоковъ этой жизни, которые такой яркой и широкой полосой прошли черезъ весь историческій процессъ, вблизи одинъ другого, замѣчательно сходные и родственные въ своей сущности и хотя рѣдко когда мѣшавшія свои волны, иногда даже враждебныя другъ другу, но всегда стремившіяся слиться въ общее русло. Въ то время, когда Пимонъ являлся потомкомъ «хозяйственнаго» Груздя, Минъ былъ правнукомъ того Парамона, который родилъ «вольницу» въ лицѣ своихъ бѣглецовъ-сыновей. Какъ ни иронически звучитъ это по отношенію къ «смирному» и захудалому мужику Мину, но несомнѣнно онъ былъ «вольница», порожденіе того же духа неудовлетворенности и жажды «широкаго захвата», который родилъ вольницу новгородскую, рыскавшую по лицу земли русской. Что вышло бы изъ Мина Аѳанасьича, еслибы онъ подхваченъ былъ потокомъ, уносившимъ вольницу изъ мирной общины труда—можетъ быть, вышли бы тѣ же «Іуды», продавшіе родной міръ, о которыхъ говорилъ со скорбью Груздь, а можетъ быть что-либо другое—неизвѣстно, но когда, въ лицѣ стараго Парамона, община, вѣрная традиціямъ героическаго попа Варлама, съ дикой строгостью силилась остановить потокъ вольницы изъ своего сердца, она успѣла осадить на мѣстѣ цѣлые милліоны этихъ элементовъ «широкаго, поэтическаго захвата». Осадить она ихъ осадила, но измѣнить внутреннюю сокровенную сущность ихъ не могла. Въ то время, когда проникшаяся «подозрѣніемъ» община вырабатывала суровый хозяйственный идеалъ, вооруженный на борьбу за существованіе однимъ трудомъ, и создавала крѣпкую трудовую общину, осѣвшая вольница, сохранивъ въ себѣ неприкосновенной «широту захвата», растворилась въ этомъ мірѣ безнадежнаго и суроваго труда, принесла въ него поэзію, вѣру, любовь. Она въ трудовой сельско-хозяйственной общинѣ силилась создать общину духовную, посредствомъ ея придать округлость, цѣльность и смыслъ милліонамъ человѣческихъ существованій, умѣрить дѣйствіе почти непосильнаго, суроваго закона борьбы за существованіе.

Digitized by Google

X.

Стояло ясно-морозное утро. Послѣ обѣдни много собралось народу у счастливаго Пимона, и изъ своихъ Дергачей, и съ Вальковщины, съ разныхъ сторонъ. Старики и почтенные «хозяйные» люди въ первой половинѣ вокругъ самовара сидѣли, молодежь собралась на другой половинѣ и усердно грызла орѣхи; но въ раскрытыя настежь двери всѣ могли слышать другъ друга, и старики часто перекликались съ своими дѣтьми или слушали, какъ съ заработковъ вернувшіеся парни передавали разные слухи и вѣсти, которые молодежь часто прерывала взрывомъ веселаго смѣха. Всѣ эти слухи и вѣсти, впрочемъ, больше касались «хлѣба»; иногда вопросы касались и политики, но она очень скоро повертывала все на тотъ же хлѣбъ.

Молодежь надъ чѣмъ-то весело смѣялась, когда вошли Минъ Аѳанасьичъ съ сыномъ. Всѣ замѣтили ту особенную торжественность, съ которою онъ помолился на образа, тѣмъ болѣе, что это было необычно въ порывистомъ Минѣ.

— Ну, вотъ и Минъ Аѳанасьичъ пришелъ! весело сказала Катерина Петровна:—а то безъ стараго весельчака и праздникъ не въ праздникъ.

— Пришелъ!.. Какъ не придти!.. Гдѣ народъ, тамъ и я! отозвался Минъ Аѳанасьичъ. — Ну, старики, праздникъ у васъ, слышно, нонѣ большой, обратился онъ къ Пимону съ женой:— дай Богъ въ спорость, въ довольство да въ счастье...

— Крестьянинъ—не баринъ, не много крестьянину надо, чтобъ былъ онъ въ довольствѣ, сказала Катерина Петровна: — При своемъ дѣлѣ крестьянинъ доволенъ и малымъ, потому что правѣе дѣла не сыщешь... При не правомъ же дѣлѣ всегда всего мало...

— Вотъ, вотъ!.. Я тоже всегда говорю! подхватилъ Минъ Аѳанасьичъ: — въ томъ и мужицкая сила, что дѣла правѣе не сыщешь. Правота всему голова!.. Ежели ты правоту свою знаешь— и съ черствымъ кускомъ будешь доволенъ и счастливъ... А нѣтъ правоты въ твоемъ дѣлѣ—что̀ тебѣ ни давай, только алчбу рождать въ тебѣ будетъ: все мало!.. Взять хоть бы баръ... Вы вотъ, молодые, слава Богу, не знаете ихъ, а мы при нихъ состояли довольно... Бывало, посмотришь, Господи Боже, чего у нихъ нѣтъ! Во всемъ сладкій скусъ, ни труда, ни заботы, нѣжатъ и тѣло, и умъ, сколько влезетъ... А вотъ, братецъ мой, чтобы довольство въ душѣ было... нѣтъ!..

*

Digitized by Google

— Ну-у, ужь ты, Минъ Аѳанасьичъ, то же придумалъ! перебили его старики:—по твоему выйдетъ, что намъ въ крѣпости жизнь была лучше, чѣмъ барамъ!..

— Онъ всегда за господъ былъ!.. Лизоблюдъ былъ извѣстный, шутя перебилъ старшій Пимоновъ сынъ. — Онъ, пожалуй, объ барахъ заплачетъ...

— Ты постой, погоди... Выслушай прежде... Я постарше тебя... Ты вотъ баръ-то видѣлъ въ заборную щель, а я при нихъ двадцать лѣтъ подвизался... Говорю: довольства въ душѣ у нихъ было мало... Бывало, рыбу ловить, на охоту, гулянку устроить, по озеру или въ лѣсу, первымъ дѣломъ за Маномъ сейчасъ: «онъ-де радъ и самъ отлынять отъ работы!» Минъ какъ тутъ! Цѣлыми ночами и днями пьютъ, ѣдятъ, веселятся... Чего ни придумаютъ только: и всякой ѣды, и питья, и веселья... а довольства все нѣтъ!.. Посмотришь въ лицо имъ, такъ вотъ и видишь: нѣтъ довольства въ душѣ! Бывало, молодой баринъ такъ-то, единожды, меня спрашивалъ: «Минка, говоритъ, отчего ты всегда такъ доволенъ и веселъ?»—Оттого, говорю, баринъ, что у меня въ душѣ довольство. — «Отчего-жь, говоритъ, это у тебя въ душѣ довольство?»—А оттого, говорю, что я при правомъ дѣлѣ состою, хлѣбъ рощу... Безъ хлѣба людямъ жить нельзя.—«Ну, а у Захарки (Захарка камардинъ былъ при немъ) значитъ нѣтъ этого довольства?»—Нѣтъ, говорю.—«Да ты, говоритъ, посмотри на него: вся рожа у него оплыла... Видишь, какъ улыбается».—Нѣтъ, говорю, не можетъ быть у него довольства, потому не при правомъ дѣлѣ состоитъ. — «Какъ, говоритъ, не при правомъ? Вѣдь онъ то же работаетъ! вѣдь и поваръ Васька работаетъ, и Савельевна работаетъ (Савельевна тогда была въ нянюшки взята)».—Савельевна, говорю, точно, имѣетъ въ душѣ довольство, потому что она при правомъ дѣлѣ: при дѣточкахъ, дѣточекъ произростаетъ... А при дѣточкахъ наблюдать, все одно, что при молодомъ хлѣбѣ... Въ дѣточкахъ неправаго положенія нѣтъ.—«А при мнѣ быть, при баринѣ—значитъ мое положеніе не правое?» закричалъ онъ. Позамялся я этакъ немного, струхнулъ, однако осилилъ себя и говорю:—Въ тебѣ, господинъ, то же довольства нѣтъ.—«Ты, Минка, говоритъ, глупъ да еще и бунтовщикъ. Какъ ты осмѣлился такое слово барину сказать?»—А потому и смѣлость взялъ, отвѣчаю, что при правомъ дѣлѣ нахожусь... Какъ ты мнѣ скажешь, что я неправое дѣло дѣлаю? — «Ну, выходитъ по твоему, всѣ мужики у меня довольны! (Засмѣялся). Хоть это, говоритъ, хорошо. За это я, говоритъ, тебѣ твое грубіянство прощаю (и опять засмѣялся)».—*Въ себѣ*, говорю, довольны, ваша милость... А въ тебѣ довольства нѣтъ.—

Digitized by Google

«Рабъ ты, говоритъ, Минка, рабомъ ты родился — рабомъ тебѣ и быть надлежать... И разсужденія у тебя такія»...

— Ну, вотъ мы про то и говорили! разомъ всѣ хозяйные мужики подхватили. — Къ тому и дошелъ, что вишь мужикамъ у баръ житье было не надо быть лучше... Какъ около баръ-то терся, такъ ему и все казалось сладко! Барское блюдо разъ лизнуть мужику—гляди и скусъ къ нему получилъ! Хорошо оно съ барами-то было погуливать, какъ другихъ на конюшняхъ пороли!.. Ихъ порютъ, а Минка въ дудку дудитъ, да баръ веселитъ!..

Всѣ засмѣялись. Минъ Аѳанасьичъ, однако, этимъ не былъ встревоженъ. Пригладивъ обѣими руками волосы и утеревъ бороду, онъ твердо повторилъ:

«— Въ себѣ довольны... въ своей правотѣ... Вотъ здѣсь «правота»! Онъ постучалъ кулакомъ по худой груди, скеркнувъ подслѣповатыми глазами и поднялся.—А правотѣ въ мірѣ не сгибнуть... Не правое положеніе сгибнетъ, а правота никогда!.. Правота только съ людьми сгибнетъ... Вотъ хлѣбъ — это правота... Потому хлѣбъ всѣмъ нуженъ; пока есть люди—будетъ и хлѣбъ, и правота будетъ. Правота всегда жива, а неправота только временно живетъ... Вотъ Іуда предатель хотѣлъ жить неправотой— и удавился...

— Дожидайся, пока Іуды всѣ перевѣшаются... Что-то, братъ, непримѣтно...

— Въ свѣтѣ только двѣ правоты и есть, продолжалъ, все еще играя въ торжественность, Минъ Аѳанасьичъ:—крестьянинъ при хлѣбѣ и царь при мірѣ. И больше грѣха нѣтъ, какъ ежели крестьянинъ отъ хлѣба отобьется — значитъ отъ правоты отшибется, а царь отъ міра — потому, значитъ отъ мірской правоты отобьется. Какъ крестьянину за свой грѣхъ мало жизни, чтобъ умолить, такъ за единый, самый малый царскій грѣхъ — вся Россія не умолитъ... Вотъ она—какая правота-то въ мірѣ! Сила въ ней, въ этой правотѣ, большая, и никакой неправдѣ противъ нея не выстоять... Не выстояла противъ нея и барская неправота!.. Слава Создателю!..

— Да противъ кого ей, неправотѣ-то, не выстоять? Ты вотъ что скажи! вдругъ сердито окрикнулъ Мина высокій старикъ, съ большой, окладистой сѣдой бородой и умными, но суровыми и даже съ выраженіемъ какой-то сухой жестокости глазами. Онъ все время слушалъ молча, опустивъ глаза въ полъ, и только отъ времени до времени поднималъ на Мина и съ чувствомъ презрѣнія сдвигалъ свои густыя брови. Но при послѣднихъ словахъ Мина, и въ особенности когда онъ стукнулъ въ грудь ку-

Digitized by Google

лакомъ — въ знакъ искренней своей правоты — старикъ не выдержалъ. Этотъ старикъ, Іона Губкинъ, былъ старовѣръ, вытный въ старовѣрской дергачевской выти.

— Противъ кого? повторилъ Минъ Аѳанасьевичъ.

— Да, притивъ кого, неправотѣ-то, не выстоять? еще суровѣе повторилъ старикъ.

— Противъ правоты, сказалъ Минъ Аѳанасьичъ, стараясь выдержать взглядъ старовѣра.

— Противъ какой?

— Противъ моей!.. задорно выговорилъ Минъ Аѳанасьичъ, съ тѣмъ энергическимъ покачиваніемъ головы и движеніемъ всѣхъ членовъ, съ какимъ любятъ сопровождать свои увѣренія упрямыя дѣти и вообще непосредственныя натуры, у которыхъ выраженіе чувства идетъ скорѣе, чѣмъ мозгъ успѣваетъ формулировать мысль.

Іона что-то произнесъ сквозь зубы, совсѣмъ пораженный «глупымъ» отвѣтомъ Мина.

Взрывъ веселаго хохота раздался со стороны молодежи. Изъ среды ея внезапно вырвался высокій молодой мужикъ, нашъ старый знакомый Лимподистъ, недавно вернувшійся изъ заработковъ, весь бѣлый словно мельникъ, но съ розовымъ лицемъ, покрытымъ тоже бѣловатымъ пухомъ—и размахнувъ, какъ мельничными крыльями, своими могучими руками, растолкавъ народъ, подошелъ, улыбаясь во весь ротъ, къ Мину, обнялъ его маленькую голову своей широкою рукой и, опять оттолкнувъ отъ себя, сказалъ:

— Лю-юблю!.. Вотъ я это л-люблю! Вотъ... это... я люблю! повторялъ онъ, силясь что-то сказать получше, но рѣшительно не находя словъ.

Лимподистъ почти совсѣмъ не понималъ, что хотѣлъ сказать своимъ отвѣтомъ Минъ (да едва ли въ этотъ моментъ понималъ и самъ Минъ), но Лимподисту понравилась та храбрость, съ которою маленькій, худенькій Минъ Аѳанасьичъ возразилъ надмѣнному книжнику. Да таковъ и былъ дѣйствительный смыслъ самаго отвѣта Мина.

Этотъ неожиданный пассажъ вызвалъ еще большее веселье. Даже солидные «середняки», сначала было сочувствовавшіе старовѣру и неодобрявшіе отвѣтъ Мина, теперь смѣялись. Поощренный такимъ одобреніемъ, Минъ Аѳанасьичъ пріободрился и хотѣлъ было, такъ или иначе, окончательно уничтожить старовѣра, когда въ дверяхъ появился, зачѣмъ-то вышедшій раньше, Пимонъ Савельичъ и, улыбаясь, бережно несъ въ рукахъ какой-то бумажный свертокъ.

Digitized by Google

— Вотъ, во снѣ мнѣ... указаніе было... И совсѣмъ забылъ, говорилъ онъ, бережно развертывая свертокъ корявыми пальцами:—Вотъ еще отъ отца (Груздя онъ считалъ отцомъ) остался... Говоритъ: береги... Когда ни то удосужишься — прочитаешь... Да вотъ, вѣкъ прожилъ, а все не удосужился...

— Долго же собирается мужикъ грамоту читать! весело замѣтили гости.

— Да и то было забылъ совсѣмъ... Ни къ чему было... Да вотъ ужь во снѣ указаніе было... говорилъ Пимонъ, все еще не умѣя сладить съ свиткомъ и поворачивая его то внизъ, то бокомъ.

— Дай сюда! сказалъ сурово раскольникъ, подходя къ нему съ видомъ человѣка, знающаго свое дѣло.

— Дай, дай ему... Авось скорѣе тебя дочитается!.. Ты вотъ цѣлый вѣкъ собирался, шутили гости.

Раскольникъ долго всматривался въ характеръ «устава», которымъ былъ написанъ свитокъ. Повидимому, его интересовало не столько содержаніе свитка, сколько его «начертаніе». Но по лицу его было замѣтно, что онъ то сомнѣвался въ чемъ-то, то иногда въ глазахъ его загоралась надежда.

— Какъ онъ тебѣ достался? спросилъ, наконецъ, Іона Губинъ, повидимому, въ чемъ-то окончательно убѣдившись.

Пиманъ разсказалъ исторію свитка, какъ передавалъ ему Груздь.

— Читай!.. Пусть Іона читаетъ! Послушаемъ, какъ старики-то наши писали! заговорилъ заинтересованный народъ, и всѣ сгрудились около Іоны. Іона обвелъ всѣхъ сердитымъ внимательнымъ взглядомъ, какъ-будто желая удостовѣриться, дѣйствительно ли способенъ окружающій его народъ проникнуться серьёзностью его чтенія и не унизится ли онъ, Іона, до метанія бисера передъ свиньями. Наконецъ, онъ сталъ читать медленнымъ, протяжнымъ тономъ.

Свитокъ этотъ заключалъ именно то «Слово о двухъ мужикахъ», о которомъ говорилъ Груздь въ снѣ Пимона. Стиль «Слова» замѣтно былъ разсчитанъ на возможно большее число слушателей и читателей, а потому въ немъ всюду замѣчались старанія автора принаровиться къ пониманію и языку массы. Вотъ, почему, вѣроятно, чѣмъ больше читалъ Іона, тѣмъ гости Пимана внимательнѣе вслушивались. Въ «Словѣ» говорилось обо всемъ просто и ясно, Начиналось оно возваніемъ: «Православные крестьяне, истинные Господа нашего христіане! Просимъ оное прослушать сказанье, да будетъ оно намъ въ указанье, какъ теченіе жизни познати и отъ того въ тяжкій грѣхъ не впасти; чадъ своихъ отъ соблазна охранити, и тѣмъ Царю небесному

Digitized by Google

угодити!» За этимъ возваніемъ характеръ стиха измѣнялся и «Слово» разсказывало такъ: «Зачиналася церковь православная, свѣтозарная церковь апостольская (вторая половина стиха обыкновенно повторялась въ первой половинѣ слѣдующаго), разливался свѣтъ по всей землѣ, по всѣй землѣ россійской и греческой. Настало всѣмъ христіанамъ радованіе!» Разсказавъ, затѣмъ, какъ «ликовали» православные люди, «Слово» продолжаетъ: «Тому слову Господа-Спаса внимаючи, ссоръ и сваръ отрѣшалися, общимъ лобызаніемъ сопрягалися, имуществомъ подѣлялися: на поляхъ-лугахъ мужички собиралися, предъ иконою Спаса покланялися: чтобы съ того часа великаго, жить намъ въ мирѣ-любви о Господѣ, не дѣлить по себѣ свѣтъ солнца краснаго, а жить всѣмъ намъ жизнью обчею, обчею жизнью апостольской». Затѣмъ, по разсказу «Слова» оказывалось, что дьяволъ былъ очень недоволенъ такимъ распространеніемъ среди крестьянъ «обчей апостольской жизни» и сталъ изыскивать разныя козни. «Близь Новгорода проживала «честная вдова» съ двумя сынами: «старшій сынъ нрава кроткого, прилежалъ хозяйству крестьянскому, боголюбивому, а младшій сынъ — ума дерзкаго, красоты неописанной, отъ честной вдовы былъ балованъ, не прилежалъ труду боголюбивому». Этого-то младшаго сына дьяволъ и выбралъ своимъ орудіемъ, «обуявъ его гордыней отъ того ли ума дерзкаго». «—Не хуже я другихъ, говорилъ младшій сынъ: — умомъ-разумомъ, не прилично-де мнѣ чужому уму покорятися. Надлежитъ мнѣ быть при самомъ царѣ, И ходилъ онъ къ самому царю, обольщалъ царя своимъ дерзкимъ умомъ». Тогда царь приблизилъ его къ себѣ, окружилъ почестями и предоставилъ ему «вѣдать всѣ дѣла по своему». «И тогда гордыня его подымалась, дерзновенію его предѣла не было: возмнилъ онъ быти выше уставовъ апостольскихъ». Послѣ этого «Слово» разсказываетъ, какъ онъ приказалъ печатать новыя книги, править и жечь книги истинныя старинныя, какъ всѣхъ людей мѣтилъ печатью и клеймами, велѣлъ межевать земли, вводилъ обычаи иноземныя, и проч. Очевидно, «Слово» въ образѣ младшаго брата смѣшало въ общій типъ и Никона, и царя Петра, и позднѣйшія мѣропріятія Екатерины. Поступалъ младшій братъ «по своему уму дерзкому, православному міру не внимаючи... а врагъ человѣческій тому радовался!» Дальше «Слово» разсказываетъ, какъ «возмущались тогда люди благочестивые, мужики-крестьяне православные, высылали они того ли брата старшаго, да идетъ онъ къ самому царю; да велитъ ему царь съ младшимъ братомъ помѣряться: чья правда вытянетъ — той правдѣ въ міру быть!»

Digitized by Google

Царь допустилъ ихъ помѣряться и старая правда новую перевѣсила. Но это не понравилось младшему брату: «аки звѣрь бросился онъ на брата старшаго», велѣлъ ковать его въ кандалы, сажать въ тюрьму. Наконецъ, «Слово», замѣтивъ, что многія юныя души пошли на соблазнъ, заключаетъ такой безнадежной картиной: «Съ того въ мірѣ брань-свара водворялася, наступали времена купующія, наступали времена самосудныя: покупались судьи неправедные. Кровь на кровь подымалась, братья на братьевъ воружалися, на отцовъ дѣти ополчалися. Раскололася земля русская нà-двое: расходились люди благочестивые по лѣсамъ дремучимъ, темнымъ, уносили съ собой правду старинную, хоронили ее отъ злого антихриста. И будутъ старинные люди уменьшатися, и погибнуть старшему брату отъ младшаго, не видать на землѣ церкви апостольской, не знавать людямъ мірской правды до второго пришествія самого Христа-Спаса справедливаго!» На этомъ «Слово» кончалось.

Чѣмъ больше вчитывался въ него Іона Губинъ, тѣмъ голосъ его становился торжественнѣе, тѣмъ больше всѣмъ существомъ проникался онъ его содержаніемъ; суровые глаза его сверкали, голосъ дрожалъ, а когда онъ дошелъ до конца, у него полились слезы. Все это произвело на слушателей сильное впечатлѣніе: прежде всего, всѣ они какъ будто нѣсколько смутились, такъ какъ содержаніе «Слова» очень плохо гармонировало съ общимъ праздничнымъ, довольнымъ настроеніемъ. Многіе старики крестились. Старичекъ Ермилъ изъ Груздей подсѣлъ къ Пимону, въ добродушномъ, испуганномъ недоумѣніи смотрѣвшему на Іону и на свитокъ, и сказалъ ему вполголоса: «Мотри, Пимонъ Савельичъ, это тебѣ какое ни то указаніе». Пимонъ совсѣмъ сконфузился и оробѣлъ. Старшіе сыновья Пимона качали головами, силясь тщетно понять мораль «Слова». Катерина Петровна, благочестиво сложивъ на груди руки, смотрѣла на Мина Аѳанасьича, который глядѣлъ куда-то въ уголъ, въ сторону, и тихонько покачивалъ головой, какъ человѣкъ, которому сдѣлали большую несправедливость. Всѣ же вообще повторяли ничего не значившія фразы, въ родѣ: «все Богъ! Выше Бога не станешь!.. Ахъ, дѣло, дѣло!.. Грѣшники, конечно...» фразы, къ которымъ обыкновенно прибѣгаетъ крестьянинъ, когда его умъ угнетенъ непривычнымъ наплывомъ впечатлѣній. Во всѣхъ что-то бродило, что-то хотѣлось сказать, но всѣ молчали, ожидая, что скажутъ «умные люди».

Вдругъ Іона, утерѣвъ слезы, поднялся сердитый и недовольный и, взявъ шапку, подошелъ къ Мину.

Digitized by Google

— Вотъ! сказалъ онъ, подставляя свитокъ къ его лицу: — можешь ты что-нибудь въ этомъ понимать?

Минъ, не оборачиваясь къ нему и все смотря въ уголъ, отвѣчалъ: «Не бойся, поймемъ!»

— Что̀ ты понимаешь? закричалъ Іона своимъ грубымъ, нахальнымъ голосомъ, которымъ бо̀льшею частію говорятъ старовѣры съ людьми изъ «міра», которыхъ они презираютъ и которыхъ любятъ унизить въ глазахъ другихъ (этотъ полемическій пріемъ, и не безъ успѣха, они практикуютъ часто).

— Я понимаю, повторилъ Минъ Аѳанасьичъ, какъ будто сособираясь съ мыслями, которыхъ онъ никакъ не могъ высказать; онъ только чувствовалъ, что вдругъ ему стало за кого-то обидно, кого-то жалко, онъ ощущалъ какую-то большую несправедливость. Почему-то онъ вспомнилъ Катерину Петровну, свою жену, Яньку, Пимона, вспомнилъ недавнюю уборку хлѣба, сѣнокосъ, веселаго Пимаху на стогу, мужиковъ всѣхъ вообще, почему-то вспомнилъ даже свою сивую лошадь, съ которой онъ неразлучно лѣтъ десять ходилъ бокъ-о-бокъ, въ извозъ, въ поле; вспомнилъ двухъ кроликовъ, которые жили у него въ подпольи...

Зачѣмъ все это вдругъ пришло ему въ голову, онъ никакъ не объяснилъ бы, но еслибы онъ стоялъ передъ толпой и говорилъ свободно, онъ такъ бы все и разсказалъ, ка̀къ ему въ голову все это лѣзло, и непремѣнно было бы понятно и ясно, и ему самому, и слушателямъ. Но когда надъ нимъ стояли съ ножомъ къ горлу и требовали категоричнаго отвѣта, онъ не понималъ, что у него въ головѣ, хотя и повторялъ: «я понимаю, не бойсь!..»

— Что̀ же ты понимаешь? повторилъ опять свой вопросъ, неизмѣняя ни голоса, ни позы Іона. Онъ уже чувствовалъ, что отвѣтъ еще разъ Минъ такъ же, толпа не выдержитъ и захохочетъ. Іона зналъ мужицкую толпу.

— Чего я понимаю? вдругъ напружился Минъ Аѳанасьичъ, прямо съ какой-то отчаянной рѣшимостью посмотрѣлъ на Іону, и поднялся.

— Да, сказалъ Іона.

— А тебѣ чего нужно? неожиданно спросилъ Минъ Аѳанасьичъ, какимъ-то чутьемъ понимая, что перемѣни только Іона вопросъ, и онъ дѣйствительно «все пойметъ сразу».

— Противъ кого, скажи, неправдѣ-то не выстоять? Вотъ этой неправдѣ-то, что тутъ прописана! кричалъ Іона, стуча свиткомъ по рукѣ.

— Противъ кого?

— Да.

Digitized by Google

— Противъ насъ... вотъ, противъ всѣхъ... мы вотъ...

Минъ Аѳанасьичъ вдругъ весь заволновался, замигалъ глазами, всего его задергало...

— Богохульникъ! проговорилъ Іона, услыхавъ прежній отвѣтъ Мина, который онъ принялъ тогда за неумѣстную шутку глупаго мужика...

— Врешь, закричалъ Минъ Аѳанасьичъ: — врешь! Господь насъ въ обиду не дастъ... Господь милостивъ, милосердъ... Правому дѣлу онъ не дастъ погибнуть. Неправому дѣлу погибель, а правому нѣтъ!.. Онъ недопуститъ!.. Вотъ противъ чего неправотѣ невыстоять!.. Богъ отъ насъ не отступится, потому мы при правомъ дѣлѣ...

— Отъ васъ, пьяницъ и сквернословов? Отъ разбойниковъ? загремѣлъ Іона. — Да онъ отъ васъ, въ справедливомъ своемъ гнѣвѣ, давно отступился! Ему больно, что вы имя-то Его своими сквернословными устами говорите!.. Вотъ оно—люди-то святые что писали!.. Вникните!..

— Старовѣрскія сказки! тихо садясь, проговорилъ Минъ Аѳанасьичъ:—конецъ-то старовѣры приклѣили!.. По всему видно!..

— Продай мнѣ! вдругъ сказалъ Іона Губинъ Пимону, услыхавъ слова Мина и показывая на свитокъ, но не выпуская его изъ рукъ.

— Продать? спросилъ въ недоумѣніи Пимонъ.

— Да. Хочешь четвертной билетъ?

— Продать? Зачѣмъ продать?.. Это у меня отъ отца...

— Не продавай, шепнулъ ему старичекъ Ермилъ: — можетъ, указаніе... Почемъ знать?.. Вишь, во снѣ... объявилось... Можетъ, и счастіе твое отъ того, что онъ у тебя въ домѣ...

— Что̀ же, продашь? допрашивалъ Губинъ.

— Зачѣмъ продавать... Самимъ пригодится...

— Да вы себѣ Еруслана купите! Вамъ все одинаково сказки-то!.. Тотъ всего трешникъ стоитъ, а я четвертной билетъ даю! сказалъ Іона и иронически засмѣялся.

— Зачѣмъ продавать! Не бойсь, и сами поймемъ, заговорилъ уже обидившись Пимонъ. Обидѣлись и его сыновья.

— Не кичись, Іона Петровичъ, очень-то, сказали они:—умъ-то не на васъ однихъ клиномъ сошелся!.. Найдемъ и у себя... Ты, батюшка, не давай... Что̀ мы, съ голоду что ли помираемъ?.. Видали четвертные-то!..

— Ну, полсотни хочешь? сказалъ Іона, надѣвая шапку.

— И полсотни не хочу, Іона Петровичъ. Самимъ пригодится...

Іона сердито сунулъ ему въ руки свитокъ и быстро вышелъ изъ избы, ни съ кѣмъ не прощаясь.

Digitized by Google

— Вишь, сердце какое! сказали въ толпѣ.

— Собачье; истинно, собачье...

— Себялюбцы! сказалъ Минъ Аѳанасьичъ:—одно имъ слово...

— Эй, Пимонъ! постучалъ въ окно клюкой съ улицы Іона:—хочешь десятку накину?

— Ступай съ Богомъ, ступай!.. Говорю, самимъ пригодится...

— На цигаркахъ искурите, богохульники! закричалъ Іона съ улицы и ушелъ.

XI.

Уходъ Іоны какъ-то сразу согналъ со всѣхъ томящее недоумѣніе; какъ-то сразу всѣ что-то поняли, у всѣхъ вдругъ стало свѣтло въ мозгу; всѣ заговорили.

— Себялюбцы! проговорилъ добродушный Пимонъ.

— Себялюбцы! подхватилъ Минъ Аѳанасьичъ, весь словно просіявъ:—вѣрно — себялюбцы!.. Вотъ истинное слово!.. Потому, міру ненавистники... Себя только любятъ!.. Смотри, ото всѣхъ отгородились, ровно отъ чумы... Себя только святыми считаютъ, а другіе вишь въ грѣхѣ ходятъ!.. Мирскіе ненавистники!..

— Господа Бога огорчаютъ; Онъ насъ, милостивый, изъ какихъ рукъ-то высвободилъ? замѣтили солидные хозяева.

— То-то вотъ, какую неправоту сломилъ? подхватилъ Минъ Аѳанасьичъ:—не въ явѣ ли? А вѣдь прежде тоже не вѣрили... Помните, чай, не мало мнѣ доставалось! улыбался онъ.

— Трудно было, извѣрились, сказалъ старичекъ Ермилъ изъ Груздей.

— Маловѣры! Вотъ истинно, что мы маловѣры... А отъ того въ отчаянность, въ жадность впадаемъ, добавилъ Минъ Аѳанасьичъ.

— И теперь опять прописано, что мужикъ отъ ума заблудился?.. Въ умѣ плохого нѣтъ... Какъ себя поведешь... Еще безъ ума-то зла больше сдѣлаешь, сказалъ Пимонъ.

Всѣ еще долго говорили, восклицали въ подобномъ же родѣ, а Лимподистъ весь сіялъ, какъ будто его собственная «правота», состоявшая вся въ томъ, что онъ съ своей артелью таскалъ въ московскихъ лабазахъ кули, вдругъ просіяла для него неожиданнымъ свѣтомъ, и онъ внезапно объятъ былъ вѣрой, что Господь милостивъ и его «правота» скажется, и неправота замолчитъ передъ его правотой, и что въ будущемъ все для его правоты и ничего для неправоты. И во всѣхъ говорило тоже. Во всѣхъ возгласахъ оказалась вдругъ страстная жажда жизни, а

Digitized by Google

съ ней и вѣры. Такъ различны были результаты впечатлѣнія, произведеннаго однимъ и тѣмъ же фактомъ теперь и двѣсти лѣтъ назадъ.

Только одинъ старичекъ Ермилъ изъ Груздей не раздѣлилъ общаго порыва вѣры, можетъ быть, именно потому, что былъ очень старъ, и сказалъ:

— Много-много еще неправоты въ мірѣ осталось!.. Ой, много!..

— Много, дѣдушка, много, подтвердилъ и Минъ Аѳанасьичъ:— только и ей не жить...

— Вотъ ты говорилъ про баръ, продолжалъ Ермилъ:—а свой-то братъ покруче будетъ... Ой, покруче!.. Въ барахъ баловства было много, а тутъ дѣло-то въ сурьёзъ пошло!.. Въ большой сурьёзъ!..

— Сгибнутъ! увѣренно сказалъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Почему-жь такъ? спросили хозяйные мужики. Всѣ примолкли. Минъ Аѳонасьичъ такъ убѣдительно доказалъ эту гибель относительно баръ и такъ увѣренно пророчилъ эту гибель кулакамъ, что всѣ съ большимъ интересомъ ждали его отвѣта. Минъ Аѳонасьичъ протеръ больные, заслезившіеся глаза, посмѣялся въ бороду, обвелъ всѣхъ лукаво-добродушнымъ взглядомъ и спросивъ:—«Али нонѣ у васъ Минъ уменъ сталъ?.. Что всѣ уши-то, словно зайцы, прижали? Должно и за Миномъ кое-что видится... Пора, пора!.. Есть, братцы, и у Мина заслуги!»

— Ну, ну... Ты ужь на пустой-то не играй! Посмотримъ еще! закричали на Мина.

— Что мнѣ смотрѣть!.. Умнѣе не буду: все что есть, — все при мнѣ... Такъ вотъ, говорю вамъ: кулакамъ міроѣдамъ не жить... А не жить имъ, потому, что у нихъ *сытости* нѣтъ!.. Коли сытости нѣтъ — шабашъ, пропало!.. А у нихъ, милые,— даже ни чуточки ея нѣтъ... У барина хоть малость да было,— а у кулака нѣтъ: у него одна алчба, жадность, гладъ душевный и тѣлесный... Чѣмъ больше жретъ, тѣмъ больше утроба проситъ... Вотъ что у пьяницъ: чѣмъ больше пьетъ, тѣмъ больше хочется... Онъ думаетъ: вотъ выпью еще, буду въ довольствѣ, сытости,— выпьетъ, а его пуще алчба мучитъ... Вотъ отъ этого самаго... А отчего эта алчба? Отъ неправоты... Правоты въ своемъ положеніи не видитъ... Коли ежели кто правоту чувствуетъ свою,— онъ всегда и сытость чувствуетъ, у него есть предѣлъ, у него довольство въ себѣ есть... Вотъ, милые, гдѣ ихъ гибель ожидаетъ...

— Отъ жадности, по твоему?..

— Да, отъ того, что *сытости* нѣтъ... довольства *въ себѣ* нѣтъ...

Всѣ замолчали; трудно брелъ мужицкій хозяйственный мозгъ

Digitized by Google

за Миномъ, у котораго слова слетали съ языка какъ-то сами собой: вѣдь и сами мужики знали, что Минъ говоритъ какъ-то по птичьему, не такъ, какъ истинный умственный человѣкъ,— резонисто и обдуманно,—и удивлялись одному, какъ это у него все таки выходило такъ, что всѣ невольно его слушали.

— Будешь голоденъ!.. какъ зубами-то прежде щелкалъ; такъ пироги-то куда вкусны! замѣтилъ засмѣявшись одинъ толстый хозяинъ, съ краснымъ лицомъ.

— Отъ неправоты... правоты въ своемъ дѣлѣ не видитъ, повторилъ Минъ Аѳанасьичъ.—Ну—хозяюшка, разступись пивцомъ, прибавилъ онъ, и выпивъ ковшъ, утеръ усы, бороду и не обращая вниманія, что мужики начали разговоръ между собою, вдругъ заговорилъ уже по собственной такъ сказать инициативѣ.

— А вотъ, братцы, за свой вѣкъ еще я неправоту видалъ!..

— Какая-же это, Минъ Аѳанасьичъ неправота? спросила съ серьезнымъ любопытствомъ умная Катерина Петровна, которая, можетъ быть, одна въ глубинѣ души искренно вѣрила въ «умъ» Мина Аѳанасьича, но не въ тотъ «умъ», за который она измѣнила ему и вышла за Пимона, не въ «хозяйственный умъ», такъ дорогой и важный для крестьянской страды,—а въ другой, въ тотъ «разумъ», съ которымъ плохо живется на свѣтѣ, но при которомъ свѣтло на душѣ. И радъ крестьянинъ, когда изъ подъ «хозяйственнаго ума», хоть одинъ лучъ блеснетъ ему въ душу отъ этого сіянія разума, чистаго, безгрѣшнаго, чуждаго мзды и разсчетовъ... А ужь какую-же кто-либо могъ заподозрить «мзду» за умомъ Мина Аѳанасьича! Тѣмъ менѣе могла заподозрить его Катерина Петровна.

Всѣ опять стали прислушиваться къ разболтавшемуся Мину.

— Да вы, старики, сами знаете, на кого я мѣкаю, отвѣчалъ Минъ Аѳанасьичъ:—на нѣмца—вотъ на кого!.. Помните, жилъ въ Хопрахъ, въ графскомъ имѣньи, верстъ отъ насъ за двадцать, управляющій... Чать не забыли, какъ барыня наша, овдовѣвши, объ нѣмцѣ мыслями сбилась, и ужь совсѣмъ, было замужъ вышла... да!.. а мы не пустили!..

— Помнимъ, помнимъ! засмѣялись старики.

— Ну, вотъ... Про него я мѣкаю!.. Слыхали мы объ нѣмцѣ и раньше, да такъ, мимоходомъ... Заходили оттуда къ намъ мужики, кое-что говорили,—и во всей сторонѣ объ нѣмцѣ шли слухи, — да намъ тогда было оно ни къ чему... А вотъ какъ прослышали мы отъ Савельевны, что барыня наша объ нѣмцѣ болѣетъ, взялъ я тихимъ манеромъ да и закатился въ Хопры, поразвѣдалъ получше: что̀ тамъ, и какъ у нѣмца живется народу... Ну, посмотрѣлъ!.. «Ка̀къ, спросилъ мужичковъ, братцы,

Digitized by Google

живете: какъ хлѣбецъ, скотинка?..» — Мы, говорятъ, не знаемъ: вотъ, нѣмца спроси!.. Мы ужь давно, говорятъ, не имѣемъ ни въ чемъ своей воли, нѣтъ давно ужь у насъ своей полосы; давно ужь мы хлѣбушка сами не ростимъ, скотинку не холимъ въ дворахъ, нѣтъ съ землей передѣловъ и поравненья... Работаемъ мы по звонку, по часамъ; ровно солдатъ насъ выгоняютъ въ поля; по приказу мы пашемъ и сѣемъ, скотина у насъ вся на скотномъ дворѣ; ходятъ за ней по наряду наши бабы; по часамъ, по мѣрѣ да вѣсу выдаютъ ей и пойло и кормъ... Также и въ полѣ: косятъ и пашутъ машина да плуги,—луга и лѣса не Божьей благодатью произростаютъ, а по нѣмецкому указу—засѣваемъ мы ихъ, какъ поля, сѣменами... Сущая каторга здѣсь!.. Нѣтъ ни воли тебѣ, ни къ чему не приложишь ума своего и охоты... Какъ солдаты по командѣ вертимся... Къ ночи вернемся домой—головы какъ чугунъ, все въ тебѣ ровно окостенѣло, словно скотина,—только-бъ до корму да до соломы дорваться: наѣлся и спишь, какъ убитый... А на утро,—какъ скотину-жь, опять выгоняютъ!.. Такъ и идетъ: нѣтъ вкуса ни въ чемъ—ни въ кускѣ, ни въ питьѣ, ко всему равнодушны... Давно ужь насъ всѣхъ одолѣла тоска: сколько изъ насъ передавилось на петлѣ, сколько бѣжало отъ машиннаго хлѣба... Такъ мои мужики говорили, меня-жь въ чужѣ страхъ обуялъ... Пробылъ у нихъ я цѣлыя сутки: высмотрѣлъ все... Что за сила надъ ними? И точно, увидалъ: сила большая... Только чуть утро занялось, въ звонки зазвонили, — и не успѣлъ народъ на поле еще собраться, а нѣмецъ ужь тамъ... Поглядѣлъ: мала птичка, да ноготокъ востеръ... Тонокъ, какъ спичка, а глазами такъ, вездѣ и стрѣляетъ, какъ коршунъ... Ничто отъ него, кажись, не уйдетъ... Кричать чтобъ, какъ наши бары, или бурмистры,—совсѣмъ не кричитъ, но разъ что ужь скажетъ — другой повторить не заставишь... Ходитъ вездѣ, подъ мышкою книжки: тамъ вѣситъ, тамъ мѣритъ, слѣдитъ по часамъ, смотритъ машины, винты, шестерни, пробуетъ молоко, коровамъ щупаетъ вымя. Ну, дошлый!.. И что-же, братцы! врать не хочу: посмотрѣлъ я на хлѣбъ, на траву, на скотину — такой мы во снѣ только развѣ видимъ!.. Сказалъ мужикамъ: «братцы! да съ эдакимъ Божіимъ даромъ и умирать бы не надо!»—А они мнѣ въ отвѣтъ: «Даръ этотъ не Божій, а бѣсовскій обманъ... Не по Божьи, не по крестьянски онъ возращенъ: намъ онъ не въ спорость». И точно, какъ я поразмыслилъ объ ихнемъ житьѣ, на другую же ночь убѣжалъ. «Господи—Боже, спаси насъ и помилуй! только твердилъ: не попусти намъ неправоты еще горшей!..» Такъ вотъ оно неправота-то у нѣмца какая... Идетъ она съ бѣсовскимъ

Digitized by Google

обманомъ! Въ глазахъ у тебя онъ разукрасить богатствомъ поля, и луга, и скотину... Всюду умъ... Баловства ужь не видно!.. И не примѣтишь, какъ дьяволъ тебя заберетъ къ себѣ въ лапы... Тогда ужь прощай!.. Истаешь въ тоскѣ, будешь ходить, какъ шальная скотина,—ни объ чемъ ни заботься, ни думай: все машина, да нѣмецъ за тебя обдумаютъ! Бога забудешь, міръ и царя... Дьяволу только и надо, чтобъ изъ тебя умъ взять и душу!.. Вотъ чего милые, бойтесь!.. Вотъ объ чемъ Бога молите!..

— И долго-же Богъ нѣмца терпѣлъ при народѣ? спросили гости.

— Какъ царь даровалъ волю, такъ съ тѣмъ и сгинулъ!.. Какъ манифестъ объявили, крестьяне бросились всѣ на машины—и въ одночасье все поломали!.. Нѣмецъ глядитъ: дѣлу его пришло закончанье,—давай Богъ только ноги!.. Ну вотъ съ тѣхъ поръ и не слышно нѣмецкихъ порядковъ... Жмутъ насъ землей и лѣсомъ бары да кулаки, а только нѣмецкихъ обмановъ не видно!.. Создатель, видимо, милостивъ къ намъ, многогрѣшнымъ!..

— Все до поры, замѣтилъ Ермилъ изъ Груздей: — Всякій пынче народъ повелся... Изъ за мамона и нѣмцу продастся.

— Нѣтъ... Ужь еслибъ такому народу у насъ быть, давно завелся бы... Онъ бы еще у баръ заявился... Видѣлъ я и баръ, какъ они льстились на нѣмца: все хотѣли у него перенять... Да не вышло! Смѣхъ былъ одинъ только!

— Ну, мужикъ при умѣ по сурьезнѣй барина будетъ, сказалъ старшій Пимоновъ сынъ.

— Это вѣрно. Только какъ у нѣмца, не выйдетъ!..

— Почему-жь у насъ нѣтъ, а у нѣмца?..

— На то онъ и нѣмецъ! замѣтилъ Минъ Аѳонасьичъ.—Поставь меня, и поставь его: мнѣ угонять его своей правотой трудно...

— Да ты говорилъ что-ли съ нимъ?

— Нѣтъ, не говорилъ... А только въ лицо смотрѣлъ...

— Ну?

— Лицо у него ровное, взглядъ твердый, не дрогнетъ! Это умъ въ немъ!.. Онъ по немъ и довольство въ душѣ своей имѣетъ...

— И сытость въ немъ есть?

— И сытость есть. Онъ жадничать не станетъ. А возметъ и малую вещь, да ужь ее до корня произойдетъ... И доволенъ, что умомъ взялъ!.. Умъ его и радуетъ!.. Алчбы этой у него быть не можетъ...

Digitized by Google

— Значитъ, все отъ ума?

— Отъ ума.

— Такъ, такъ... Такъ выходитъ, по твоему, засмѣялся одинъ хозяйный мужичекъ:—что тѣмъ мы и живемъ, что дураки нами владѣли да и теперь мудрятъ?..

— Пожалуй что такъ... Глупая неправота ниже неправоты умной, не въ примѣръ...

— А что̀-жь по твоему—нонѣшніе кулаки не постоятъ твоего нѣмца? спросилъ опять Андронъ.

— И нѣтъ, помоталъ головой Минъ Аѳанасьичъ: — Они по толь и умны, пока мірская правота молчитъ... Исполнится предѣлъ, заговоритъ мірская правота и всѣ они, ровно комары, отъ мороза сдохнутъ... Потому въ нихъ силы нѣту, *своей*, то есть, какъ у нѣмца!..

— Погоди, дастъ Богъ часъ, дай мужичку придти въ себя, можетъ и онъ не глупѣе нѣмца будетъ; не грабежемъ, а и умомъ скажется... Не всѣ такіе, какъ Маркушка, замѣтилъ старшій сынъ Пимона, Андронъ. Но Минъ Аѳанасьичъ не отвѣчалъ; его глаза какъ-то разсѣянно забѣгали; онъ вдругъ усталъ: до такой степени ему было не свойственны и торжественность и категорическое развитіе мысли, что онъ сразу какъ-то ослабъ и растерялся.

— Э, да ну васъ совсѣмъ!.. сказалъ онъ, заглянувъ на пустую половину, гдѣ прежде была молодежъ.—Гляди, разбѣжались всѣ молодые... Что вы праздникъ на поминки свели? А все вы... Больно нынче сурьезны ужь стали!..

— Ты постой, погоди... Ты разскажи, какъ барыню вы не пустили за нѣмца! остановили его сторонніе гости...

— Будетъ, будетъ... Ну васъ совсѣмъ... Никогда не бывало, чтобъ отъ Мина народъ разбѣжался... А теперь—вишь ты скуку какую нагнали!..

— Не молодые ужь мы, Минъ Аѳанасьичъ, замѣтила Катерина Петровна:—пора быть постепеннѣй...

— Ну, сватья, не Мина степенству учитъ: малая собачка до старости щенокъ, отвѣчалъ ей Минъ Аѳанасьичъ: — Да и тебѣ бы совѣтывалъ я, быть къ молодежи по ближе: на молодыхъ и стариковской крови теплѣе!.. Такъ-то! прибавилъ Минъ Аѳанасьичъ и, заслышавъ веселый говоръ у оконъ, ушелъ изъ избы...

— Бабникъ былъ—имъ и остался, шутили степенные гости.

— Въ свое время не мало свелъ онъ съ ума на Вальковщинѣ дѣвокъ и бабъ... Кабы не держали отцы да мужья ихъ крѣпко въ рукахъ при хозяйствѣ, съ человѣкомъ такимъ, Богъ знаетъ,

Digitized by Google

куда бы онѣ угодили! сказалъ старичекъ Ермилъ изъ Груздей:— Было однажды дѣло такое: своимъ разговоромъ Минко увелъ половину бабъ изъ нашей Вальковщины...

— Ну? у? изумились Пимоновы дѣти.

— Ей Богу, не вру... Стариковъ вотъ спросите, знаютъ они, что̀ за птица Минъ Аѳанасьевъ... Было то передъ «волей»... Минъ тогда то и дѣло слухи и вѣсти на Вальковщину несъ отовсюду... Ходитъ по деревнямъ, тихо толкуетъ, по задворкамъ, возлѣ него, то и дѣло, собирался народъ, а больше все бабы да дѣвки... «Ну, говоримъ:—Минка сгубитъ себя да и насъ подъ отвѣтъ подведетъ»... Хоть и самимъ хотѣлось послушать, а все же частенько гоняли его и даже бивали... А онъ твердитъ себѣ, знай: «Уповайте, кричитъ!.. Въ государѣ сказалась мірская правда! Эхъ, вы, маловѣры!.. Говорилъ вамъ, самъ Государь ѣздитъ по селамъ и всюду народу правду оповѣщаетъ!.. Слышь, отъ насъ онъ теперь верстахъ въ сорока»... Жутко намъ стало отъ этихъ рѣчей, и, чтобы какъ не смутиться, настрого мы бабамъ и дѣтамъ заказали Минку не слушать... Что-же, братцы?.. Вскорости послѣ того, проснулись мы утромъ — хвать, при насъ ни дѣвокъ, ни жонъ!.. Вотъ оказія!.. Какъ намъ бурмистру сказать?.. А на барщину надо было идти... Туда да сюда—нѣтъ нашихъ бабъ!.. Мы въ Дергачи: «братцы, цѣлы-ли бабы у васъ?» «То-что не всѣ, говорятъ:—на половину и мы досчитаться не можемъ... Вишь ты, съ Минкой ушли—царю поклонится и изъ самыхъ устъ его вѣсть и правду услышать!»

— Вотъ такъ Минъ! сказали молодые, смѣясь:—да ему что! На немъ ни брань, ни побои не виснутъ!.. Отъ него, слышь, и баре и тѣ отступились... Ну что-жь?

— Ну и была тогда всѣмъ намъ гонка: намъ отъ старостъ, что женъ распустили, женамъ — отъ насъ, а Минкѣ — ото всѣхъ по наградѣ: и отъ насъ, и отъ баръ, и отъ бабъ: въ городѣ, вишь ты, царя и не ждали...

— Что же Минка?

— Ну, такъ что-жь, говоритъ, подождемъ... Правда, насъ не минуетъ!.. Нашего дѣла правѣе не сыщешь!.. И что же, братцы! хоть мы и сердились на Мина, а на Минѣ всѣмъ намъ веселѣе бывало всегда: хочешь не хочешь, а вѣришь!

— Какъ же не вѣрить! сказала Катерина Петровна:—видите сами, правду ли говорилъ Минъ Аѳанасьичъ?.. И точно: мы — маловѣры, а такимъ людямъ, какъ Минъ Аѳанасьичъ, можетъ, самъ Богъ открываетъ... Они не такіе, что мы. Нѣтъ въ нихъ ни зависти къ людямъ, ни жадности, малымъ довольны, всѣхъ любятъ, душею ровны, все въ нихъ, словно въ младенцахъ,

Digitized by Google

играетъ... Посмотри на него, онъ весь наружи, ровно стеклянный... Поговоришь съ нимъ, словно сходишь въ Божію церковь!

Такъ говорила Катерина Петровна, зардѣвшись вся краской, въ странномъ волненіи, пряча отъ постороннихъ возбужденные взгляды.

— Ну, матушка, съ Миномъ не разлѣй и воды! пошутили Пимоновы дѣти.—А съ батюшкой все же, должно, было теплѣе?.. А?

— Не въ церквахъ людямъ жить... Церковь въ праздникъ, а въ будни—изба, замѣтилъ мягко Пимонъ.

— Грѣшники мы, заключила Катерина Петровна: — и маловѣры!

XII.

Между тѣмъ, молодежь, наскучивъ бѣсѣдой солидныхъ людей, давно ужь выбралась на улицу и, вынеся скамьи, рядами усѣлась у оконъ. Въ серединѣ сидѣла лучшая пара: то были Аннушка и Яня. Аннушка младшая, не замужняя дочь Пимона, вся въ мать, съ тѣмъ же лукаво-смѣющимся взглядомъ умныхъ большихъ глазъ. Яня въ желтопахучемъ новомъ полушубкѣ, накинутомъ на плечи, сидѣлъ, откинувшись спиной къ стѣнѣ, забросивъ высоко голову, такъ что глаза его только какъ будто скользили поверхъ сидѣвшихъ и стоявшихъ кругомъ, а, въ сущности, блуждали въ безграничномъ просторѣ, открывавшемся тотчасъ за житницами. Руками онъ перебиралъ лады гармоники и слегка пристукивалъ ногой; на мягкихъ губахъ витала та характерная добродушная улыбка, которая чуть не съ рожденія осѣнила его, и съ тѣхъ поръ уже не покидала. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ высокій парень, изъѣденный оспой, въ мерлушковой, на бекрень, шапкѣ, въ черномъ узенькомъ сюртукѣ поверхъ красной рубахи и въ узкихъ брюкахъ, засунутыхъ за голенищи низкихъ барскихъ сапогъ. Вся фигура его, жилистая, костистая, неуклюже выбивавшаяся изъ костюма, выпученные сѣрые глаза, упертые въ колѣнки красные кулаки—все дышало необычайнымъ нахальствомъ. Это была одна изъ тѣхъ оригинальныхъ фигуръ, которыя вы часто можете встрѣтить въ фабричныхъ конторахъ среди недѣли, когда, кромѣ нихъ, эти конторы никто не осмѣлится безпокоить. Съ гармоникой подъ мышкой, съ серьгой въ ухѣ, съ гладко остриженной головой, выпучивъ упорно на суроваго конторщика оловянные глаза, онъ говоритъ отрывисто: «желаю получить разсчетъ».—Пошелъ вонъ! кричитъ конторщикъ:—какъ ты смѣешь безпокоить до срока?—

Digitized by Google

«Пожалте разсчетъ... Какъ мы, значитъ, наскучены вашимъ поведеніемъ, болѣе не желаемъ... Мы себѣ мѣсто въ Расеи найдемъ!» тѣмъ же нахальнымъ тономъ продолжаетъ фабричный. Конторщикъ выходитъ изъ себя, бросается на него съ кулаками, происходитъ скандалъ, скликаютъ сторожей и десятниковъ, его связываютъ, сажаютъ въ кутузку. Къ кутузкѣ онъ играетъ на гармоникѣ, время отъ времени производя буйство съ дверью и тревожа сторожей; наконецъ, ему выбрасываются деньги и выгоняютъ съ завода... Этотъ парень, дѣйствительно, наскучивъ фабрикой, недавно явился домой къ старику-отцу «на праздникъ». Сидѣвшая объ руку съ нимъ востроносая, тонкая, низенькая дѣвушка, съ бойкими карими глазами, казалось, была вся охвачена существомъ Прошки; достаточно было Прошкѣ сказать слово, повести рукой, ее такъ и подмывало. Третьей характерной парой были «молодые», недавно обвѣнчанные мужъ и жена, типъ истыхъ молодыхъ деревенскихъ мужиковъ, никогда не выходившихъ изъ деревни отъ сохи и бороны. Мужъ — это тотъ высокій, плечистый, съ круглымъ краснымъ «бабьимъ» лицомъ, огромными руками и ногами, неповоротливый субъектъ, котораго именно разумѣетъ общество, когда называетъ «мужикомъ». Несмотря на свое апатически-добродушное отношеніе къ всему, что происходитъ передъ нимъ и отвѣчающій на обращенные къ нему въ оживленной бесѣдѣ вопросы только кряканьемъ, онъ всегда находитъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобы послѣ бурныхъ почему-либо преній лаконически сказать: «пора бы ихъ, подлецовъ—во!» и вытянувъ могучую руку, показать свой здоровенный кулакъ, при взрывахъ одобрительнаго хохота. Молодая, сидѣвшая съ нимъ жена, пока еще съ пухлымъ крупитчатымъ лицомъ, беззавѣтно вѣрила въ физическую силу своего мужа и въ право этой силы, совершенно ясно сознавая, что этой «силѣ» должна подчиниться и она. Они оба были вполнѣ довольны, передъ ними лежала жизнь съ изумительной ясностью и отчетливостью разработанная вѣками во всѣхъ подробностяхъ. Тутъ нѣтъ ни колебаній, ни сомнѣній; если что-либо — будетъ ли то сынъ, жена, сосѣдъ или кто-нибудь и что-нибудь изъ постороннихъ воздѣйствій — осмѣлится слишкомъ уже нарушить это неприхотливое право физической силы, то неповоротливый и смирный хозяинъ лаконично укажетъ глазами на свой волосатый кулакъ. Обоихъ молодыхъ звали въ деревнѣ общимъ именемъ «Лукашекъ», такъ какъ мужикъ крещенъ былъ Лукой, а жена его Лукерьей. Если мы къ этимъ тремъ группамъ прибавимъ Пимаху, внука Лимподиста, то познакомимся вполнѣ съ собравшейся у воротъ Пимона группой моло-

Digitized by Google

дежи, такъ какъ прочія пары были уже простыя варіаціи изъ описанныхъ нами. Впрочемъ, изъ этихъ послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть старшую дочь Пимона, Пашу съ мужемъ, которые хотя и были обвѣнчаны три года тому назадъ, но, какъ не имѣющіе самостоятельнаго хозяйства (мужъ Паши взятъ былъ Пимономъ «во дворъ»), все еще считались на равнѣ съ парнями и младшими членами деревни, не имѣвшими своего голоса и воли. Паша, въ противоположность сестрѣ, была высока, бѣлокура, полна, одна изъ тѣхъ «простыхъ» натуръ, которыя недалеки умомъ, но крѣпки душой; Паша любила своего мужа Алешу, добраго малаго, представлявшемъ собой нѣчто среднее между поэтическимъ Яней и мужиковатымъ Лукашкой. Онъ былъ уже съ утра навеселѣ и постоянно болтался то около кого-либо изъ сидѣвшихъ, то около кучекъ, ходившихъ по улицѣ и всѣмъ что-то съ блаженной улыбкой разсказывалъ, хотя его никто не понималъ, да и не добивался понять. Наконецъ, послѣдняя пара стояла вдалекѣ, подъ навѣсомъ воротъ. То былъ еще молодой юноша, едва вышедшій изъ подростковъ, съ робкимъ, боязливыми, забитымъ выраженіемъ на лицѣ, но, какъ это часто бываетъ съ робкими натурами, въ глазахъ его теперь сверкала какая-то отчаянная, скрытая храбрость; онъ стоялъ рядомъ, плотно прижавшись плечомъ къ плечу, съ красивой дѣвушкой, старше его годами. Въ какомъ-то невыразимомъ томленіи, не говоря ни слова, съ возбужденными глазами и пылающимъ лицомъ жались они другъ къ другу: такъ стоятъ цѣлыми часами овцы или лошади, прижавшись одна къ другой, боками и головами. На любовную пару никто не обращалъ вниманія, такъ какъ «стояніе» было обычнымъ среди дергачевской молодежи выраженіемъ той любовной истомы, которая охватываетъ молодое существо при взаимномъ, свободномъ общеніи, охраняющемъ, тѣмъ не менѣе, строгую дѣвственность. Къ счастію, ранніе браки въ крестьянствѣ скоро разрѣшаютъ мученія «стоиковъ». Но положеніе упомянутой пары было тѣмъ печальнѣе, что юноша былъ сынъ суроваго старовѣра: къ обычнымъ мученіямъ «стоянія» здѣсь прибавлялось мученіе безнадежности.

XIII.

Холодное осеннее солнце въ упоръ освѣщало собравшуюся группу молодежи, когда вышелъ къ ней Минъ Аѳанасьичъ. Молодежь запѣла пѣсню, сначала тихо, неровно, потомъ подхватила дружно. Съ Мина сразу соскочила торжественность; вставъ

Digitized by Google

передъ группой поющихъ, и отступая тихо назадъ, чтобы видно было всѣхъ, онъ махалъ въ тактъ руками. Его такъ всего и охватило... Играющими глазами впился онъ въ своего двойника-Яню и въ веселое лицо Аннушки.—Едва успѣли кончить пѣсню, какъ Минъ закричалъ:

— «Стой, братцы, стой!.. Шабашъ! Сонъ въ руку!.. Пимонъ Савельичъ, другъ! Пиво сюда... Тащи ведро!.. Тащи сюда, на волю... Вотъ онъ, сонъ-то, въ явѣ... Сватъ, сватья, выходи сюда!..

Минъ кричалъ; молодежь смѣялась. Снисходительно улыбаясь, вылѣзли изъ избы солидные мужики. Пимонъ притащилъ пива и сталъ было обносить гостей, но Минъ остановилъ его и сказалъ:

— Стой!.. Не такъ... Взявъ изъ рукъ Пимона ковшъ и ведро, и, поставивъ стулъ, онъ сѣлъ въ серединѣ толпы.

— Слушайте, братцы: единственный сонъ!..

— Ну, ну, послушаемъ... Давно ужь съ нимъ носишься ты, сказалъ, улыбаясь, Пимонъ:—кого же ты видѣлъ?

— Себя самаго—вотъ кого!..

— Милѣе себя Минъ не знаетъ!—разсмѣялись всѣ.

— Слушайте; такъ же вотъ Покровъ былъ... Иду я, будто не знаю откуда; слышу: веселье, и говоръ, и смѣхъ въ Дергачахъ. Чтобы это было? Гармоника, пѣсни... Что̀ за веселье? спросилъ. А вишь ты, сказали:—крестьянинъ Минъ Аѳанасьевъ сыновнюю свадьбу играетъ, съ другомъ стариннымъ, вишь ты, породниться хочетъ. Давнему ихъ уговору Богъ показалъ совершиться!.. Ну, говорю, давно бы пора: вѣдь пятьдесятъ тому лѣтъ, какъ они уговоръ положили, да все не свершалось... Гляжу: кто же это то у воротъ, то въ избѣ межъ гостей бродитъ? Анъ это Минъ Аѳанасьичъ и есть... «Гдѣ народъ, тамъ и я!» говоритъ... Гляжу, вынесъ Минъ скамьи, гостей усадилъ, сына съ невѣстой, свата да сватью въ первый конецъ, самъ въ серединѣ круга усѣлся, на колѣни поставилъ четвертную бутыль и дорогихъ гостей угощаетъ—ну, вотъ, точь въ точь какъ теперь мы усѣлись... Кушайте, братцы, въ полную душу! говоритъ: вижу я, будто стѣсняетесь вы... Полноте, други, гляди веселѣй! Али вамъ пала въ голову мысль, что раззорится совсѣмъ, молъ, Минъ безшабашный — гдѣ ему угощенье такое поднять! Наткась, народу назвалъ! пиръ на весь міръ, да и полно! А чѣмъ напоить? Вѣдь и то ужь корову спустилъ!.. Такъ ли? Чую я вашу тайную думу!.. Э, братцы, Мина не этимъ доѣхать: мало коровы — лошадь сведу! Знайте одно, чтобы свадьба та̀къ свадьба была, а не поминки! Чтобы у свата и сватьи въ глазахъ зарябило... Что̀, сватъ, головою качаешь? Знаю я (подмигнулъ

Digitized by Google

Минъ Пимону), другой вы народъ: крѣпкій, прижимистый... Да вѣдь и я вотъ не сгибъ, а не меньше васъ прожилъ... Други! пустое!.. Только въ себѣ было бы довольство, въ своей правотѣ... А то—временемъ все! Вѣрьте хуже не будетъ... Бываютъ дожди, морозы, а солнышко все на свое наведетъ; время придетъ—выглянетъ, тучи разгонитъ, огрѣетъ. Такъ-то и съ нами!..

— Ну, какъ есть Минъ Аѳанасьичъ! вскрикнули гости.

— Стушайте, дальше что будетъ... Вотъ, говоритъ — это Минъ-то — вотъ взять хоть бы насъ съ Пимономъ... Сколько ужь лѣтъ, какъ мы съ нимъ уговоръ положили — дѣтей повѣнчать; сколько за это время всего пережито, злобы, вражды, подвоховъ... Ты не обидься, Пимонъ Савельичъ, коли правду я молвлю, отъ тебя приходилось терпѣть мнѣ не мало: ты все хозяйство свое охранялъ... Ну, да минуло же вотъ! Развѣ опять не пріятели мы?.. Еще крѣпче, пожалуй, дружбу скрѣпили.. А почему? Потому что всѣ мы одно. Я ли, Пимонъ ли. Расколи насъ хоть на щепки, а все одного мы полѣна...

— Вѣрно, вѣрно! шумѣла толпа:—Вотъ не гадали-не ждали, на сговоръ попали!.. Ну, весели же, Минъ Аѳанасьичъ!

Минъ Аѳанасьичъ, взявъ въ руки ведро, съ низкимъ поклономъ сталъ угощать солидныхъ гостей, пуская въ ходъ приговоры. Толпа шутила, смѣялась. Старый Пимонъ съ Катериной Петровной стояли въ сторонѣ, скрестивъ на груди руки, и добродушно-снисходительно улыбались. Что-жь! воля божья, должно! думали они, и каждому изъ нихъ казалось, что это такъ должно когда-нибудь быть, потому что не даромъ соединяла ихъ съ Миномъ еще съ юности какая-то непостижимая и неуловимая связь. Минъ опять сѣлъ и хотѣлъ говорить, когда послышался съ другого конца деревни гулкій топотъ копытъ. Всѣ обернулись въ ту сторону. Гулявшія по улицѣ кучки народа сторонились и тоже съ любопытствомъ глядѣли на проѣзжавшихъ. Въ желтой, на городскомъ ходу, плетушкѣ, заложенной въ сѣрую породистую лошадь, крупной рысью ѣхали двое мущинъ; одному было лѣтъ подъ сорокъ, другой былъ значительно моложе: на видъ ему было не больше двадцати пяти; оба были въ суконныхъ халатахъ и новыхъ картузахъ. Старшій плотный, но не толстый мущина съ худымъ, осунувшимся лицомъ лѣниво правилъ лошадью и апатичными сонными глазами, тихо поворачивая голову, смотрѣлъ на народъ, нехотя иногда хватаясь за козырекъ: ему лѣнь было даже поднять фуражку. На лицѣ его не выражалось ни любопытства, ни смущенія, ни довольства самимъ собой, никакихъ ожиданій: онъ былъ спокоенъ и неуязвимъ, какъ человѣкъ, которому все, что окружало его, было

Digitized by Google

извѣстно какъ дважды-два и надоѣло до смерти. Но молодой его спутникъ, несмотря на то, что старался держаться какъ можно спокойнѣе, весь, напротивъ, былъ поглощенъ внутреннимъ безпокойствомъ. Онъ уже совсѣмъ не кланялся съ народомъ, и только крѣпче натягивалъ на глаза козырекъ да старался упорно смотрѣть впередъ. Но глаза его все-таки безпокойно бѣгали и онъ былъ, повидимому, очень недоволенъ этимъ внутреннимъ волненіемъ.

— Я говорилъ, что вечеромъ надо было ѣхать... Вонъ сколько народу: всѣ на улицѣ словно живутъ, проговорилъ онъ.

— Все одно! лѣниво протянулъ спутникъ и хлеснулъ лошадь:—вечеромъ еще хуже, какъ напьются...

Петръ сердито закусилъ губу. Пріѣхавшіе въ Дергачи на праздникъ были: Петръ Ваниѳантьевъ Волкъ младшій и его сонный спутникъ—Митродоръ Васильевъ Графскій, прозванный мужиками просто Графомъ. Послѣдній былъ крестьянинъ деревни Пузыри, прежде торговавшій краснымъ товаромъ по сельскимъ ярмаркамъ. Теперь онъ купилъ у одного мелкопомѣстнаго барина усадьбу, и жилъ въ ней невдалекѣ отъ барскаго имѣнія, которое купилъ Петръ.

По возвращеніи изъ Москвы Петръ, не завернувъ въ Дергачи, прямо проѣхалъ въ Волчій поселокъ, и съ тѣхъ поръ туда не заглядывалъ. Послѣ же исторіи, нарушившей существованіе Волчьяго поселка, когда вся семья Мосея Волка переселилась опять въ Дергачи, Петръ тѣмъ менѣе имѣлъ охоты навѣщать свою родную деревню. Такимъ образомъ онъ являлся сюда въ первый разъ. И замѣчательно, что онъ самъ не ожидалъ, чтобы пріѣздъ въ Дергачи вызвалъ въ немъ такое постыдное безпокойство. Онъ припоминалъ, съ какимъ спокойнымъ самообладаніемъ проѣзжалъ онъ мимо Дергачей изъ Москвы, съ какой самоувѣренностію явился въ Волчій поселокъ, и вдругъ теперь, когда онъ сдѣлался полновластнымъ гражданиномъ этой палестины и, конечно, пріобрѣлъ еще болѣе права на самоувѣренность, онъ вдругъ смутился... Чего смутился? онъ рѣшительно не понималъ.. Просто, толпы, толпы обыкновенныхъ мужиковъ...

Онъ смутился, хотя зналъ впередъ, что въ Дергачахъ, какъ и вездѣ въ этой окрестности, его встрѣтятъ прежде всего, съ очень льстившимъ его самолюбію, любопытствомъ. И онъ не ошибался. Исторія, продѣланная имъ съ Волчьимъ поселкомъ, а еще болѣе скандалъ, устроенный имъ адвокату Парамошкѣ и значительно выдвигавшій его личность изъ ординарныхъ, создали ему большую популярность. Но онъ не зналъ достовѣрно, какъ объ немъ думаютъ крестьяне. Точно такъ же и сами крестьяне,

Digitized by Google

хотя и говорили много о Петрѣ, тѣмъ не менѣе не успѣли выработать никакихъ опредѣленныхъ къ нему отношеній. Вотъ почему, когда Петръ, миновавъ быстро избы своихъ родственниковъ, Ульяны, Вахромѣя, и Хипы, — куда, какъ думали всѣ на улицѣ, онъ и направлялся, — подъѣхалъ прямо съ своимъ спутникомъ къ избѣ Пимона и остановилъ лошадь у собравшейся здѣсь группы, всѣ, и сами Пимоны, и гости, были поставлены въ большое недоумѣніе. Но присутствіе графа, который былъ знакомъ съ Пимономъ и изрѣдка, разъ два въ годъ, навѣщалъ его, нѣсколько разсѣяло это недоумѣніе, и всѣ порѣшили, что это собственно Графъ завернулъ по какому-нибудь дѣлу.

— А мы къ тебѣ, Пимонъ Савельичъ, въ гости, сказалъ графъ, лѣниво вылѣзая изъ кузова.

— Милости просимъ... Давно тебя не видалъ, сказалъ Пимонъ.—Пимаша! крикнулъ онъ внуку:—введи во дворъ мерина-то... Задай ему корму, да скажи бабамъ, чтобы самоваръ согрѣли...

— Садитесь вотъ сюда, приглашалъ онъ ихъ сѣсть на освободившуюся подъ окнами скамью, рядомъ съ Аннушкой и Яней.— Жарко въ избѣ-то... Пока самоваръ наставятъ—посидимъ здѣсь.

— Посидимъ, протянулъ Графъ, утирая лицо руками, какъ человѣкъ только что проснувшійся послѣ десятичасоваго сна; снялъ фуражку, ни на кого не смотря, почесалъ апатично пальцами лохматку—и зѣвнулъ.

— А вы что дѣлаете, чай сказки сказываете? спросилъ онъ.

— Да вотъ сны разсказываемъ... Намъ вѣдь, старикамъ, все старина снится... Мало ли прожитò! сказалъ Пимонъ.

— Поди, Минъ все бредитъ, сказалъ Графъ, мотнувъ головой въ сторону Мина.

— Чтò мнѣ бредить? обидѣлся Минъ:—правду говорю... Я не неволю: меня слушаютъ, кому любо, а не любо—такъ пусть уши зажметъ...

— Ну, ну, дяденька Минъ! разсказывай! крикнула Аннушка, играя глазами:—кому не любо—пусть въ избу идутъ... А нашей забавѣ пусть не мѣшаютъ...

Петръ уже овладѣлъ собой и поглядѣлъ внимательно на нее своимъ надменнымъ взглядомъ; Аннушка мелькомъ взглянула на него, и ей опять захотѣлось какъ нибудь сбить его спѣсь.

— Разсказывай, дяденька, разсказывай!.. крикнула она опять:— мы и сказки любимъ и пѣсни любимъ... Мы не привыкли по стрункѣ выступать, что журавли...

— Вотъ люблю! закричалъ Минъ, взмахивая руками: — Ан-

Digitized by Google

нушка... люблю—одно слово!.. Моя!.. Сонъ въ руку!.. Моей породы!.. Миновой породы!..

— Говори, говори... Разсказывай! закричала и вся молодежь, всегда готовая отпарировать единодушнымъ протестомъ, когда въ ея компаніи люди вздумаютъ смотрѣть свысока.

— Да что жь мнѣ еще говорить? Тутъ и все, наивно вскрикнулъ Минъ Аѳанасьичъ, весело посмотрѣвъ на молодежь: — говорю вамъ — сонъ въ руку!.. Вотъ онъ въ явѣ! Что-жь, пора намъ, что ли, съ Пимономъ сродниться!.. Говорите!.. Знаете вы, вѣдь я не изъ выгодъ. Меня не этимъ доѣхать! А вотъ помирать надо намъ скоро, а молодымъ жить и плодиться! Что же приспѣло, пора, али все еще нѣтъ?.. Говори, молодые! шутливо кричалъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Пора! Пора! подхватила весело вся молодежь: — чего еще нужно Пимонамъ? Счастливѣе нѣтъ мужиковъ!..

— Наши парни не хуже другихъ!.. Не по сторонамъ бѣгать за ними! сказалъ Прошка, нагло взглянувъ на пріѣзжихъ.

— И насъ уважить пора, сказалъ Алеша, улыбнувшись и прикинувшись дурачкомъ:—не богаты казной, да кряжисты спиной... И за это надо почесть!..

— Пора и смирному честь отдать, не все бойкимъ счастіе на свѣтѣ! поддержала его любящая жена.

— Сватай, Минъ Аѳанасьичъ, скорѣе... Лови!.. А то улетитъ не увидишь, протянулъ Лукашка: — нонѣ дѣвки насъ, быковъ, не очень ласкаютъ, ищутъ кого полегче... У васъ, говорятъ, деревенскихъ мужиковъ, больно рука тяжела!..

И Лукашка, вытянувъ свой здоровенный кулакъ, и широко раскрывъ огромный волосатый ротъ, громко захохоталъ, поддерживаемый хохотомъ все возраставшей около избы Пимона толпы дергачевской молодежи.

— И я скажу: лови, Минъ! Улетитъ! подтвердилъ смѣясь Графъ.

— Мнѣ, дружокъ, все одно, ласково сказалъ ему Минъ Аѳанасьичъ, мигая глазами: — я не изъ выгоды... И сыну моему тоже... Слава Создателю, мы жадными никогда не бывали. Мы дружокъ, довольны, хоть и не бойко живемъ, а довольны: *въ себѣ*, дружокъ, довольны... А потому, другъ ты мой, говорилъ онъ еще ласковѣе и слаще прикладывая слегка пальцы къ плечу Митродора: — а потому намъ все одно; коли быть теперь правотѣ, такъ она свое возьметъ, а коли неправота сильна, такъ значитъ еще погодить надо!..

— Ну, то-то, смотри, не прогадай! проговорилъ Графъ и зѣвнулъ. Ему ужь стало скучно.

Digitized by Google

— И опять же ты меня этимъ не обидишь, отвѣчалъ Минъ Аѳанасьичъ:—потому правоты моей отъ меня ты не возьмешь... Ты вотъ тогда человѣка обидишь, когда правоту отъ него возьмешь... Ну, тогда для человѣка все будетъ въ обиду!..

Пиманъ улыбался. У Катерины Петровны на сжатыхъ губахъ скользила скорбная улыбка.

Но, повидимому, ни собравшаяся толпа, ни молодежь не раздѣляли воззрѣній Мина. Въ то время, какъ Минъ говорилъ съ Графомъ, Петра опять начинало охватывать внутреннее безпокойство. Онъ невольно чувствовалъ, что деревенская молодежь встрѣтила его недружелюбно, съ тѣмъ нервнымъ, досадливымъ раздраженіемъ и скрытымъ неудовольствіемъ, съ какимъ вообще встрѣчаютъ товарищи «выскочекъ».

Нигдѣ не сказывается такъ чутко неравенство, какъ въ средѣ, привыкшей быть равноправной. Въ непосредственныхъ натурахъ это сказывается откровенно и неудержимо.

Въ толпѣ говорили:

— Пріѣхалъ не иначе, что Анютку сватать... А то зачѣмъ бы ему! Гляди, своихъ миновалъ.

— Пимоны знаютъ, гдѣ раки зимуютъ... Небось, это не мы, полушубки драные... Какъ снопы возить, такъ и мы хороши!.. А нажились теперь, такъ мы не годимся... Подавай сапожки!..

— Что говорить!.. Всякій ищетъ получше, да рыломъ почище... Да кого не доведись!.. Не все съ нами, косорылыми пьяницами, дружбу водить!..

— Счастливый голоднымъ не пара, вдругъ загудѣлъ словно изъ-за толпы, откуда-то изъ далека знакомый голосъ.

Аннушка вдругъ вся вспыхнула, быстро вскочила, схватила за руку Яню и крикнула: «Дѣвушки! Что мы на пріѣзжихъ, ровно на писанные пряники, рты разинули?.. Скажутъ, пожалуй, что завидуемъ еще... Давайте хороводъ водить!.. У насъ свое удовольствіе есть!..» И она, взглянувъ еще разъ на Петра, и схвативъ Яню, который послушно шелъ за ней, выбралась сквозь толпу на середину улицы. Молодежь двинулась за ними. Янька ухарски заломилъ шапку и запѣлъ... Его подхватили съ какой-то особенной силой, какъ будто вся молодежь даже тѣсней хотѣла кого-то уязвить, что-то затушить на душѣ, что-то скрыть...

— Пойте, пока не продали! крикнулъ опять голосъ изъ толпы.

Этотъ голосъ былъ хорошо знакомъ Пимонамъ: это выкрикивалъ Борисъ.

На лицахъ Пимона съ женой отразилось неопредѣленное безпокойство—какъ и всегда при выкрикахъ Бориса—сопровождаемое у Пимона суровой серьёзностію, а у Катерины Петровны

Digitized by Google

той тихой грустью, съ которою вспоминаютъ матери о заблудшихся дѣтяхъ.

— Пойдемте въ избу, что̀ здѣсь на народъ глядѣть... Вотъ его сколько набралось, еще наслушаешься чего ни то! пригласили гостей дѣти Пимона.

— Пойдемте, проговорилъ съ невольной поспѣшностью Петръ. Внутреннее безпокойство, при видѣ все увеличивающейся толпы, въ немъ все больше усиливалось.

— Нынѣ мы такъ живемъ: вольница—на улицу, хозяева—въ въ избу, проговорилъ старичекъ Ермилъ изъ Груздей.

— Ступайте, ступайте, сказалъ Минъ Аѳанасьичъ: — а они пускай гуляютъ, коли у нихъ въ душѣ довольство. Въ душѣ довольство—прежде всего, дружокъ! похлопавъ онъ по плечу Митродора Васильича Графа.

— Да коли ты съ косушки пьянъ, такъ какого тебѣ еще рожна надо! замѣтилъ Графъ и громко захохоталъ: — по неволѣ будешь доволенъ!

— То-то вотъ, дружокъ, и есть, засмѣялся и Минъ Аѳанасьичъ:—ты вотъ и по четвертной выпиваешь, а все за собой недовольство таскаешь.

И Минъ Аѳанасьичъ опять засмѣялся дребезжащимъ смѣхомъ.

Графу это замѣчаніе, видимо, не понравилось. Онъ какъ-то плотоядно расширилъ ноздри, запыхтѣлъ, но ничего не сказалъ и, съ пренебреженіемъ отвернувшись отъ Мина, вошелъ въ ворота.

А Минъ Аѳанасьичъ, все сіяя той же улыбкой, съ которой онъ обратился къ Графу, поднявъ руки и тихо помахивая ими, какъ крыльями, въ тактъ пѣснѣ, поплылъ къ хороводу.

Н. Златовратскій.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАШЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И АГРОНОМІЯ.

I.

Цѣль человѣческаго общежитія—благосостояніе всѣхъ его членовъ. Достигается оно лучше всего путемъ равномѣрнаго распредѣленія между людьми благъ цивилизаціи, и такъ, какъ трудъ есть тотъ факторъ, которому общество обязано всѣмъ существующимъ, а способность къ нему распредѣлена между людьми довольно равномѣрно, то естественно, что трудовое начало принимается за принципъ, на которомъ должно быть основано распредѣленіе благъ цивилизаціи и общежитія. При современной организаціи общества, по крайней мѣрѣ, принципъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія.

И такъ, каждый да пользуется продуктами своего труда, ибо такимъ способомъ будетъ достигнуто упроченіе благосостоянія массы населенія — вотъ принципъ, долженствующій преобразовать экономическую организацію современныхъ обществъ и служащій руководящимъ началомъ, между прочимъ, для значительной части русской интеллигенціи. Прилагая его къ объекту, составляющему предметъ настоящей статьи—русскому земледѣльческому промыслу—мы получимъ слѣдующее частное выраженіе этой общей формулы: земледѣлецъ долженъ трудиться не на другихъ, а на самаго себя; размѣры его владѣній должны быть таковы, чтобы по возможности занять всѣ рабочія силы семьи.

Слѣдовательно, относясь къ вопросу съ субъективно-соціальной точки зрѣнія, мы должны признать, что мелкая земледѣльческая культура въ Россіи должна быть нетолько совершенно свободна, но и поддерживаема и даже расширяема до тѣхъ поръ, пока она сама собой, путемъ естественнаго развитія, не приметъ форму крупнаго производства на артельныхъ началахъ. Но, кромѣ соціальной точки зрѣнія на жизнь, есть и другія, требованія которыхъ могутъ расходиться съ зада-

Digitized by Google

чами, преслѣдуемыми первой; и въ такомъ случаѣ между ними неизбѣженъ выборъ, сравнительная оцѣнка ихъ важности, въ результатѣ чего можетъ явиться дополненіе или ограниченіе заключеній, исходящихъ изъ одного принципа, положеніями, вытекающими изъ другихъ. Такъ, многіе изъ тѣхъ, кто стоитъ за мелкое хозяйство, относясь къ вопросу съ агрикультурной точки зрѣнія, считаютъ, что крупное хозяйство можетъ быстрѣе двинуть русское земледѣліе по пути прогресса, и что, при свободѣ экономическаго развитія страны, оно уничтожитъ крестьянское производство. Требованія агрономіи будутъ такимъ образомъ удовлетворены, промыселъ достигнетъ высокаго развитія, но общество останется въ потерѣ, масса его членовъ опустится, вмѣсто того, чтобы подняться. Интересы агрономіи, однако, не такъ сильно завладѣли сознаніемъ нашей интеллигенціи, чтобы она рѣшилась принести имъ въ жертву соціальныя цѣли, хотя, съ другой стороны, важность ихъ признается ею настолько, что она готова обставить извѣстными ограниченіями принципъ господства мелкой культуры. Это повело къ тому, что нѣкоторые публицисты не отрицаютъ совершенно пользы существованія рядомъ съ мелкимъ земледѣліемъ и крупной культуры и требуютъ, чтобы въ естественный процессъ агрикультурнаго развитія Россіи вмѣшались правительственныя и общественныя учрежденія съ цѣлью, во-первыхъ, способствовать прогрессу мелкаго крестьянскаго хозяйства, во-вторыхъ, оградить послѣднее отъ возможнаго краха при столкновеніи съ крупнымъ.

Комбинація соціальной и агрономической точекъ зрѣнія на русскій сельско-хозяйственный промыселъ привела такимъ образомъ нѣкоторыхъ публицистовъ къ слѣдующему формулированію закона ближайшаго развитія нашей экономической жизни: крестьянинъ долженъ обладать землей въ размѣрахъ, способныхъ занять всѣ рабочія силы семьи, при интенсивной системѣ хозяйства; послѣдняя должна водвориться на его поляхъ, при живомъ участіи въ процессѣ со стороны правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Передавая это положеніе кн. Васильчикова, мы здѣсь же должны сказать, что оно, по недоконченности своей, теряетъ всякое значеніе, какъ законъ. Эта формула не обнимаетъ крупнаго хозяйства, которое тѣмъ не менѣе предполагается процвѣтающимъ. А между тѣмъ, если рабочія силы крестьянъ все время будутъ заняты на собственномъ надѣлѣ, то кто же станетъ трудиться на поляхъ помѣщиковъ? Если же крупная культура прекратитъ вслѣдствіе этого свое существованіе и, такимъ образомъ, окажется много свободной земли для эксплуатаціи мелкими производителями, то во имя чего же послѣдніе предпримутъ дорого стоющій процессъ реорганизаціи промысла, если земли окажется достаточно для его веденія обычнымъ экстенсивнымъ способомъ?

Это противорѣчіе въ формулѣ кн. Васильчикова уничтожаетъ

Digitized by Google

все ея практическое значеніе, но оставляетъ непоколебимымъ основной ея принципъ, удовлетворяющій требованіямъ обѣихъ точекъ зрѣнія: субъективно соціальной и объективно-агрономической. Принципъ этотъ разбивается на два положенія: крестьянину слѣдуетъ трудиться на себя самого, а не на другихъ, для чего въ его распоряженіи должно находиться соотвѣтствующее количество земли; производительность народнаго труда крайне низка, почему желательно, чтобы она была повышена.

Другое направленіе русской общественной мысли уклоняется отъ провозглашенія соціальнаго принципа, способнаго такъ или иначе освѣтить существующую экономическую организацію сельскаго хозяйства, и выдвигаетъ на глаза обществу почти исключительно агрономическую сторону вопроса. Это направленіе можно назвать, пожалуй, практическимъ, но лишь за его узкость и отсутствіе философскаго, объединяющаго принципа; гораздо болѣе идетъ къ нему наименованіе помѣщичьяго, такъ какъ въ основѣ бьющей въ глаза безпринципности этого направленія лежитъ боязнь за крупное хозяйство, опасеніе, что оно не выдержитъ мало-мальски серьёзной критики, если къ нему отнестись съ субъективно-соціальной точки зрѣнія. Однако же, это направленіе ново-помѣщичье неспособно распинаться за принципъ крупнаго землевладѣнія и видѣть въ немъ единственное спасеніе общества: приверженцы его люди настолько просвѣщенные и дальнозоркіе, что не могутъ, вопреки очевидности, отрицать важнаго значенія въ русской жизни мелкаго земледѣлія; но при этомъ они еще такъ мало отрѣшились отъ предразсудковъ, связанныхъ съ принадлежностью къ владѣльческому сословію, что не въ состояніи рѣшиться, сообразно естественному теченію дѣлъ, признать его несостоятельность, какъ плана, играющаго важную и незамѣнимую экономическую роль. Поэтому, при построеніи своей программы, указанное направленіе общественной мысли касается весьма деликатно вопроса объ отношеніи другъ къ другу крупной и мелкой культуръ, старается не затрогивать аграрныхъ порядковъ, насколько въ нихъ замѣшанъ помѣщичій элементъ. Отсюда его философская безпринципность; здѣсь же и причина господства въ воззрѣніяхъ этой фракціи спеціально-агрономической стороны. Чтобы не запутаться въ противорѣчіяхъ адептовъ разсматриваемаго ученія, сочли наиболѣе удобнымъ поступать такимъ образомъ: безспорно признать право мелкой культуры на дальнѣйшее существованіе; отвергнуть присутствіе аграрныхъ недостатковъ, какъ явленія общаго и вытекающаго изъ тѣхъ способовъ, которыми было достигнуто преобразованіе быта крестьянъ; выдвинуть на первый планъ агрикультурныя погрѣшности мелкаго хозяйства и даже, если возможно, подкрѣпить ими принципъ крупнаго землевладѣнія.

И это направленіе, признающее мелкую культуру и общину, находитъ, подобно преждеуказанному, что, безъ внѣшней и довольно энергической помощи со стороны общества и правитель-

Digitized by Google

ства, крестьянское хозяйство не выйдетъ изъ теперешняго низкаго состоянія, что народъ будетъ продолжать разоряться, хозяйство его падать, а на развалинахъ послѣдняго (слѣдуетъ признать это по логическому теченію мысли) возвысится крупная культура. Отсюда грандіозный проэктъ «Руси» (собственно г. Шарапова) отдать руководство сельско-хозяйственнымъ дѣломъ въ руки правительства, взваливъ на его плечи и новыя сотни милліоновъ расходовъ; отсюда же и мизерненькое предпріятіе московскаго губернскаго земства для возвышенія культуры общинныхъ земель.

Указанныя нами направленія общественной мысли имѣютъ ту общую черту, что, признавая низкое состояніе крестьянскаго земледѣлія, они считаютъ его неспособнымъ подняться самостоятельно, опасаются его гибели въ борьбѣ съ крупной культурой; отрицаютъ существованіе крупныхъ аграрныхъ недостатковъ въ организаціи русскаго земледѣлія или, по крайней мѣрѣ, отводятъ имъ крайне второстепенную роль въ переживаемомъ нами всеобщемъ обѣднѣніи, сваливая всѣ бѣды на агрикультурные порядки и видятъ въ побѣдѣ агрикультурнаго принципа надъ аграрнымъ спасеніе страны.

Признаемъ, что они правы въ той части своего возрѣнія, на которой особенно настаиваютъ и которая служитъ исходной точкой при проэктированіи ими различныхъ плановъ. Пусть злобой сегодняшняго дня будутъ агрикультурные недостатки земледѣлія и необходимость ихъ измѣненія. Значитъ-ли это, что аграрные порядки должны остаться нетронутыми, что наука (агрономія) преодолѣетъ всѣ препятствія, стоящія на пути прогресса, что для нея безразлично, такъ или иначе распредѣлена земля между крупнымъ и мелкимъ хозяйствами и, напротивъ, сама агрономическая точка зрѣнія не требуетъ-ли, чтобы прежде необходимыхъ агрикультурныхъ реформъ были сдѣланы соотвѣтствующія преобразованія въ аграрной организаціи страны?

Русскій земледѣльческій промыселъ отличается отъ западно-европейскаго многими, весьма характеристическими чертами. Такъ, напримѣръ, крупное и мелкое хозяйство, хотя они у насъ и образуютъ два различныхъ, нерѣдко противныхъ лагеря, пользуются тѣмъ не менѣе однимъ и тѣмъ-же рабочимъ персоналомъ и орудіями производства. Батрацкое хозяйство, въ полномъ смыслѣ этого слова, господствуетъ, какъ извѣстно, лишь въ остзейскихъ губерніяхъ, да отчасти въ западныхъ; въ остальной Россіи батрацкій трудъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ играетъ второстепенную роль, а главная масса работъ исполняется здѣсь трудомъ и инвентаремъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей. Въ свою очередь и послѣдніе, будучи необходимы для существованія крупнаго хозяйства, доставляя ему трудъ и частью капиталъ, немогутъ и сами довольствоваться имѣющимися у нихъ средствами производства, и для поддержанія своего хозяйства вынуждены прибѣгать къ арендѣ помѣщичьихъ земель. Такимъ образомъ,

Digitized by Google

крупная и мелкая культура въ Россіи находятся въ взаимной экономической зависимости. Но доросла-ли послѣдняя до полной солидарности, представляетъ-ли союзъ обѣихъ системъ хозяйства организованное цѣлое, отдѣльныя части котораго гармонически дополняютъ другъ друга, или обѣ культуры лишь механически связаны между собою и тянутъ въ разныя стороны, деморализируя одна другую и разрушая земледѣліе вмѣсто того, чтобы направлять его къ высшему типу—это будетъ видно изъ нижеслѣдующаго.

Подозрительнымъ кажется уже то, что разсматриваемые порядки унаслѣдованы нами отъ крѣпостнаго права. При господствѣ послѣдняго, хозяйства крестьянъ и ихъ владѣльца, будучи двумя самостоятельными отраслями, въ тоже время представляли изъ себя одну цѣльную организованную единицу. Помѣщичьи поля убирались лишними производителями, которые, кромѣ своего надѣла, пользовались за это нѣкоторыми барскими угодьями и получали отъ помѣщика помощь въ затруднительныхъ случаяхъ. Такая организація, правда, зависѣла отъ доброй воли владѣльца, но самая воля опредѣлялась ничѣмъ инымъ, какъ экономическимъ разсчетомъ: владѣльцу было не выгодно, если его крестьяне разорялись, если хозяйство послѣднихъ шло плохо; простой эгоизмъ заставлялъ его наблюдать, чтобы въ ихъ пользованіи находилось постоянно такое количество земли, какое было необходимо для правильнаго хода промысла. Въ свою очередь, онъ имѣлъ возможность потребовать отъ крестьянъ рабочую силу въ размѣрахъ, нужныхъ для обработки его собственныхъ полей; но и здѣсь онъ слѣдилъ, чтобы у крестьянъ оставалось время, достаточное для веденія ихъ хозяйства, такъ какъ иначе они разорились бы и потеряли бы способность обработывать барскую землю.

Такимъ образомъ, территорія крупнаго и мелкаго хозяйства во времена крѣпостнаго права представляла цѣльную хотя и сложную единицу въ экономическомъ и агрономическомъ отношеніяхъ; она распредѣлялась между обѣими культурами до извѣстной степени цѣлесообразно, по плану, который обезпечивалъ интересы той и другой стороны. Тоже самое мы должны сказать и о рабочей силѣ. Мелкое и крупное производства находились между собой въ ясныхъ, опредѣленныхъ отношеніяхъ, поддерживали и дополняли другъ друга.

Крѣпостное право рухнуло, но пока лишь съ юридической и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ, сельско-хозяйственные-же порядки остались прежніе, дореформенные; при чемъ они потеряли свое естественное основаніе, утратили тѣ именно черты, которыя придавали имъ характеръ цѣлесообразности, которыя дѣлали возможнымъ спокойное устойчивое существованіе земледѣльческаго промысла въ формахъ, выработанныхъ предыдущей жизнью.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на современную организацію

Digitized by Google

русскаго сельско-хозяйственнаго производства. При освобожденіи, крестьяне лишились части земель, находившихся въ ихъ исключительномъ владѣніи въ крѣпостныя времена; кромѣ того, они потеряли право пользоваться нѣкоторыми угодьями владѣльца, которыя были необходимы для веденія ихъ хозяйства. Такимъ образомъ, территорія послѣдняго была расчленена на двѣ части, изъ которыхъ одна осталась у крестьянъ, другая—у владѣльца. Крестьяне не могли продолжать вести промыселъ исключительно на своемъ обрѣзанномъ надѣлѣ; имъ нужно было непремѣнно пользоваться отошедшими угодьями; но отношеніе къ ихъ судьбѣ хозяина послѣднихъ измѣнилось. Онъ уже не былъ заинтересованъ въ ихъ благосостояніи и не считалъ въ своихъ интересахъ непремѣнно отдать въ пользованіе крестьянъ нужную имъ землю на условіяхъ, которыя не были бы для нихъ разорительны. Съ другой стороны, и самъ онъ потерялъ тотъ рычагъ, который служилъ ему для обезпеченія своего хозяйства рабочей силой, въ размѣрахъ, какіе онъ признавалъ нужными; теперь онъ не можетъ строить сельско-хозяйственнаго плана навѣрняка, не можетъ потребовать на работу столько-то людей, столько-та лошадей; въ этомъ онъ находится въ зависимости отъ согласія работающихъ, которые, между тѣмъ, съ освобожденіемъ отъ помѣщичьей неволи, избавились отъ обязательнаго труда на мѣстѣ и получили возможность выбирать между работой на своего прежняго владѣльца, на другого сосѣдняго и полнымъ уходомъ на сторону. Если-бы реформа имѣла только перечисленныя послѣдствія—мыслимо предположить, что обѣ стороны, понявъ взаимную зависимость, путемъ свободнаго соглашенія, пришли-бы къ организаціи, подобной той, какая существовала при крѣпостномъ правѣ, въ силу авторитета помѣщика. Но въ томъ то и дѣло, что юридическое освобожденіе личности крестьянина сдѣлалось исходнымъ пунктомъ массы перемѣнъ, какъ въ экономическомъ строѣ общества, такъ и въ быту и возрѣніяхъ всѣхъ его классовъ. Прежняя опредѣленность и устойчивость положенія исчезла; и помѣщики, и крестьяне потеряли увѣренность, что отношенія, существующія между ними сегодня, сохранятся и на завтра. Дворянское хозяйство пошатнулось, помѣщичья земля вынесена на рынокъ, гдѣ она дробится, опять соединяется, переходитъ изъ рукъ въ руки. Каждое такое измѣненіе въ помѣщичьемъ землевладѣніи отражается и на крестьянскомъ хозяйствѣ; новый владѣлецъ приноситъ съ собой и новый сельско-хозяйственный планъ, и иное отношеніе къ окружающимъ мелкимъ производителямъ; начинаетъ больше или меньше утѣснять ихъ, пользуясь нуждой въ его землѣ. Даже простая смѣна управляющаго, по той-же причинѣ, имѣетъ огромное значеніе для крестьянъ: они только что, напримѣръ, стали прилаживаться къ новому положенію, вошли въ извѣстныя соглашенія съ экономіей, обезпечили свое хозяйство нужными угодьями, отдавая за нихъ трудомъ или деньгами, какъ вдругъ мѣняется одно лицо, и только

Digitized by Google

что возникшая организація рушится, мелкое производство опять теряетъ подъ собой почву. Особенно печально положеніе крестьянъ, когда сосѣдній владѣлецъ затѣетъ въ широкихъ размѣрахъ улучшеніе своего хозяйства. Въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи, напримѣръ, есть д. Городчаково, имѣющая всего 1, 5 десятины надѣла на душу. Недостающую землю (пахатную и сѣнокосную) крестьяне арендовали у сосѣдней помѣщицы, скотъ свой пасли на ея-же пастбищѣ. На бѣду земледѣльцевъ, въ Московской губерніи дѣйствуетъ агрономъ, обуреваемый страстью улучшать помѣщичьи хозяйства и посвятившій этому свои силы. Выборъ его, наконецъ, палъ на имѣніе, землей котораго пользовались крестьяне д. Городчаково. Взявъ его въ свое управленіе, въ интересахъ возвышенія сельско-хозяйственной культуры, онъ отнялъ у крестьянъ пашню, выгонъ и утроилъ арендную плату за покосъ, словомъ, привелъ крестьянъ въ положеніе, близкое къ разоренію. «Случаи подобнаго вліянія улучшенной системы эксплуатаціи частныхъ земель встрѣчаются (въ Московской губерніи) не въ единственномъ числѣ, но для уясненія дѣла достаточно и одного примѣра». [1] Въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, съ развитіемъ интенсивнаго хозяйства на помѣщичьихъ поляхъ, все болѣе сокращается сдача владѣльцами крестьянамъ въ аренду выгона. [2] А каково крестьянамъ безъ выгона, показываетъ примѣръ Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, гдѣ крестьяне вынуждены выгонять весною скотъ на озими и луга, и такимъ образомъ рисковать, что озимь и молодая трава будутъ въ большей или меньшей степени выбиты. [3].

Въ послѣднее время наши публицисты не мало переломили копій изъ за вопроса: долженъ ли крестьянскій надѣлъ, по мысли законодателя, обезпечивать всѣ его потребности и уплату податей, или часть того и другого должна падать на посторонніе заработки. Такъ какъ этотъ вопросъ подымается не историками, а публицистами и не ради его научнаго интереса, а по практическому значенію, по тому вліянію, какое будетъ имѣть то или иное его разрѣшеніе на распредѣленіе землевладѣнія въ будущемъ или, по крайнѣй мѣрѣ, на освѣщеніе существующаго, то, по нашему мнѣнію, для уясненія дѣла важнѣе было бы рѣшить другой вопросъ: получили-ли крестьяне (это относится нетолько къ помѣщичьимъ, но, хотя въ меньшей степени, и къ государственнымъ и удѣльнымъ крестьянамъ) различныя угодья въ такихъ относительныхъ размѣрахъ, что они могутъ вести на своемъ, хотя-бы и маленькомъ надѣлѣ, самостоятельное хозяйство по господствующей системѣ; или, при надѣленіи крестьянъ землею, хозяйственное распредѣленіе угодій игнорировалось и они были лишены земель, важныхъ для нихъ нетолько въ экономическомъ,

---

[1] Сб. стат. свѣд. по Мос-. губ., т. V, вып. 1, с. 162—3.
[2] Землед. газ. 1881, 15.
[3] Ibid. № 16.

Digitized by Google

но и агрикультурномъ отношеніи? Задавшись такимъ вопросомъ, мы бы вспомнили, что отъ крестьянъ очень часто нетолько отошли луга и другія необходимыя для ихъ хозяйства земли, но что они не обезпечены въ пользованіи другими не менѣе важными угодьями (лѣсомъ, выгономъ, а въ нѣкоторымъ мѣстахъ и сѣнокосомъ), которыми они при крѣпостномъ правѣ владѣли сообща съ помѣщиками. А насколько это имѣло мѣсто, видно изъ того, что недостатки существующаго экономическаго устройства крестьянъ заключаются нетолько въ малой величинѣ надѣловъ, но также и въ томъ, что территорія надѣла составляетъ лишь часть угодій, необходимыхъ для веденія промысла, даже въ размѣрахъ, въ какихъ онъ существовалъ до реформы. Поэтому аренда извѣстной части владѣльческихъ земель крестьянами вызывается не стремленіемъ ихъ расширить запашку; арендуемыя угодья составляютъ жизненную необходимость мелкаго хозяйства; безъ нихъ крестьянское земледѣліе должно съузиться даже сравнительно съ прежними размѣрами, не-смотря на то, что приращеніе населенія требуетъ непремѣннаго его расширенія. Но аренда не есть нормальный выходъ изъ затруднительнаго положенія, связаннаго съ нераціональнымъ распредѣленіемъ землевладѣнія; она черезчуръ случайна, такъ какъ обусловливается нетолько сельско-хозяйственными интересами крестьянина, но и волею владѣльца нужныхъ послѣднему угодій. Дабы обезпечить правильный ходъ мелкаго земледѣльческаго промысла нужно гарантировать крестьянину пользованіе, по крайней мѣрѣ, тѣми угодьями, которыя необходимы ему въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, т. е. которыя составляютъ дополненіе къ пашнѣ, полученной имъ при освобожденіи, и которые такъ или иначе находились въ его распоряженіи во времена крѣпостнаго права. Это minimum желаній, какія можно предъявить во имя мелкой культуры, и если постановка вопроса о пріобрѣтеніи крестьянами земель на указанномъ основаніи не отличается особенной широтой, за то она характеризуется достаточной опредѣленностью, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ легко рѣшить, сколько и какихъ угодій нужно пріобрѣсть тому или другому крестьянскому обществу. Сдѣлавъ распорядителемъ этихъ угодій мелкаго производителя, мы, если и не развиваемъ дальше основныхъ положеній законодательнаго акта 19 февраля, то, по крайней мѣрѣ, исправляемъ его главныя ошибки.

И-такъ, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости связано было съ ломкой мелкаго земледѣлія.

Но если-бы мы пожелали точнѣе опредѣлить размѣръ разстройства крестьянскаго хозяйства, происшедшаго послѣ реформы, и зависимости, въ какую оно стало отъ крупнаго землевладѣнія, то встрѣтили-бы на этомъ пути непреодолимыя затрудненія. Для рѣшенія этого вопроса намъ слѣдовало-бы знать количество земли, которою крестьяне когда-то пользовались. Сюда относятся какъ земли, находившіяся въ ихъ единственномъ

Digitized by Google

владѣніи во времена крѣпостнаго права и отошедшія къ помѣщику на основаніи закона о maximum'ѣ надѣла, такъ и угодья, которыми они пользовались вмѣстѣ съ помѣщикомъ (у барщинныхъ) или которыя находились внѣ района собственно крестьянскаго надѣла (у оброчныхъ). Эти послѣднія земли составляли столь-же необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства, какъ и первыя, и лишеніе ихъ было особенно чувствительно для оброчныхъ крестьянъ нечерноземной полосы, которые пользовались большей половиной, а не рѣдко и всей землей имѣнія. Мы не имѣемъ здѣсь въ виду лишенія крестьянъ лѣса (который весь почти остался у владѣльцевъ) и связаннаго съ этимъ сокращенія побочныхъ доходовъ земледѣльца; мы говоримъ исключительно о полевомъ хозяйствѣ и объ угодьяхъ, необходимыхъ для послѣдняго. Отъ размѣровъ же этихъ угодій зависѣло то или другое количество скота, слѣдовательно, большій или меньшій урожай хлѣба.

Вотъ этихъ-то данныхъ у насъ и нѣтъ, и врядъ-ли когда нибудь онѣ будутъ въ полномъ объемѣ. Начать съ того, что свѣдѣнія объ отрѣзкахъ отъ надѣловъ крестьянъ при ихъ освобожденіи нигдѣ не опубликованы; даже немногія наши земскія статистическія изданія нашли излишнимъ отвѣтить болѣе или менѣе обстоятельно на поставленный вопросъ. Не говоря уже о цыфровомъ матерьялѣ — у насъ нѣтъ и систематическихъ словесныхъ указаній на степень распространенія интересующаго насъ явленія. Хотя комиссія для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи могла-бы собрать объ этомъ что-либо и, по прямому смыслу своей задачи, должна была сдѣлать это, ибо иначе остаются неясными причины и размѣры разстройства крестьянскаго хозяйства послѣ реформы, тѣмъ не менѣе надлежащихъ вопросовъ объ этомъ экспертамъ сдѣлано не было, и указанія на разсматриваемое нами теперь явленіе они могли дать, только отвѣчая на другіе подходящіе вопросы, напр.: нанимаютъ-ли крестьяне отдѣльныя угодья; обезпечиваетъ-ли надѣлъ существованіе крестьянъ, и т. п. Поэтому въ трудахъ названной комиссіи мы встрѣчаемъ по данному вопросу лишь нѣсколько случайныхъ заявленій. Такъ, о Симбирской и Казанской губерніяхъ мы узнаемъ, что крестьяне арендуютъ преимущественно луга, «въ которыхъ они особенно нуждаются, потому что въ ихъ надѣлахъ въ большинствѣ случаевъ преобладаютъ пахатныя земли»; иначе говоря, потому, что они не получили луговъ, необходимыхъ по размѣрамъ запашки. Тотъ же экспертъ объясняетъ упадокъ въ названныхъ мѣстностяхъ скотоводства тѣмъ, что «съ ограниченіемъ крестьянскаго надѣла и съ переходомъ къ инымъ способамъ обработки, владѣльцы, не побуждаемые больше собственнымъ интересомъ къ поддержкѣ крестьянскаго скота, стали распахивать свои излишнія пастбищныя земли, не приносящія имъ прямаго дохода. Крестьяне, которые смотрѣли на выгонное право, какъ на право безвозмездное, неохотно соглашаются нанимать

Digitized by Google

землю подъ выгонъ»; значитъ, крестьяне прежде имѣли выгонъ (общій съ помѣщикомъ), а теперь лишились его. «Трехъ десятинъ надѣла въ Московской и Орловской губерніяхъ положительно недостаточно для крестьянъ, говоритъ другой экспертъ. Въ этихъ двухъ мѣстностяхъ крестьяне очень нуждаются въ выгонахъ «и нанимаютъ ихъ у владѣльца за работу». Естественно предположить, что нанимаемымъ теперь выгономъ крестьяне до своего освобожденія пользовались сообща съ помѣщикомъ или отдѣльно отъ него. Въ Самарской и Симбирской губерніяхъ «въ 1861 году въ надѣлъ крестьянамъ пошла большею частью пахатная земля, а луговая въ той-же пропорціи отъ нихъ отошла». Помѣщикъ Петербургской губерніи прямо заявляетъ: «крестьяне въ видѣ найма пользуются у меня тѣми-же угодьями, которыя были у нихъ при крѣпостномъ состояніи и за это отбываютъ мнѣ извѣстное количество работъ». Изъ Уфимскаго уѣзда заявляютъ: «фактъ общій нетолько для нашего уѣзда, но и для всей Уфимской губерніи, что всѣ крестьяне, бывшіе крѣпостные, не имѣютъ у себя почти вовсе выгоновъ для скота и всѣ угодья ихъ расположены такъ, что они находятся въ полной зависимости или отъ прежнихъ своихъ помѣщиковъ, или отъ новыхъ кулаковъ—землевладѣльцевъ». «Что касается помѣщичьихъ крестьянъ Симбирской губерніи, то большинство изъ нихъ обдѣлено землею; лѣсомъ-же и *лугами*—почти всѣ; это ставитъ ихъ въ зависимость отъ владѣльцевъ; отдаетъ въ руки кулаковъ». Изъ Богородскаго уѣзда Московской губерніи пишутъ: «крестьянскій скотъ за послѣдніе годы значительно убавился. Прежде скотъ пасся на крестьянскихъ и помѣщичьихъ земляхъ, а теперь, съ переходомъ оставшихся за надѣломъ у помѣщиковъ земель и лѣсовъ въ руки фабрикантовъ, крестьяскія общества въ этомъ отношеніи сильно стѣснены». [1])

На основаніи такихъ случайныхъ заявленій мы не можемъ вывести опредѣленнаго заключенія о степени распространенности разсматриваемаго явленія. Остаются журнальныя и газетныя извѣстія о работахъ крестьянъ на помѣщиковъ за арендуемыя земли; но и здѣсь лишь работа за «отрѣзки» прямо говоритъ за себя; про другія-же угодья неизвѣстно, нанимаются-ли они крестьянами ради поддержанія нарушеннаго равновѣсія въ распредѣленіи ихъ угодій или съ цѣлью расширенія промысла. Мы знаемъ только, что редакціонныя комиссіи, установляя maximum'ы надѣловъ, считали, что отрѣзки отъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ въ черноземной полосѣ произойдутъ въ 25% всѣхъ случаевъ; а имѣя въ виду, что цыфры существующихъ надѣловъ, служившія редакціоннымъ комиссіямъ матерьяломъ при назначеніи maximum'а, были умышленно понижены доставившими ихъ помѣщиками, знавшими о цѣли, ради какой они требуются, мы

---

[1]) Докл. для изсл. полож. сел. хоз. Приложенія, VI, Ч—I, ст. 8, 11, 70 283, Ч—II, стр. 71 Рус. Кур. 1882 г., № 110, 147, 159.

Digitized by Google

должны заключить, что уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ при ихъ освобожденіи было явленіемъ, больше чѣмъ обыкновеннымъ. Но если-бы мы и имѣли на этотъ счетъ точныя цыфровыя данныя—мы все-таки были-бы далеки отъ пониманія истиннаго положенія дѣлъ, ибо эти данныя касались-бы только земли, находившейся въ единственномъ владѣніи крестьянъ. Но для нихъ не меньшую важность имѣетъ утрата права на угодія, которыми они пользовались сообща съ владѣльцемъ или которыя находились внѣ границъ собственно крестьянской земли. Прямыхъ данныхъ объ этихъ земляхъ мы никогда не будемъ имѣть, такъ какъ ихъ никто не мѣрилъ; но потери крестьянъ отъ этого не сдѣлаются болѣе легкими или рѣдкими. Такъ, напримѣръ: въ Козловскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, «повсемѣстно отъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ слышатся жалобы, что, выйдя на волю, они остались при однѣхъ пашняхъ и теперь у нихъ нѣтъ никакого приволья скоту, тогда какъ при крѣпостномъ правѣ крестьянская скотина паслась вездѣ на господскихъ пастбищахъ. На это крестьяне указываютъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ сокращенія у нихъ скотоводства сравнительно съ прежними размѣрами [1])». Поэтому и въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда намъ извѣстенъ размѣръ сокращенія крестьянскаго надѣла, это все-таки не опредѣляетъ степени разстройства хозяйства. Для примѣра укажемъ на цыфру 800—900 десятинъ, отрѣзанныхъ у крестьянъ Рузскаго уѣзда [2]). Такая потеря ничтожна и врядъ-ли серьезно отразится на положеніи ихъ хозяйства. Но, обращаясь къ другимъ даннымъ, мы неизбѣжно придемъ къ заключенію, что рузскіе крестьяне понесли несравненно большія потери, чѣмъ это выражается выше приведенною цыфрою 900 десятинъ. Именно изъ II тома Сборника Статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи, мы узнаемъ, что помѣщичьи крестьяне этого уѣзда получили въ надѣлъ 35½ тысячъ десятинъ пашни и около 24 тысячъ для другихъ угодій. Пашня преобладаетъ, между тѣмъ, какъ по условіямъ трехпольнаго хозяйства, въ нечерноземной мѣстности сѣнокоса и другихъ угодій должно быть въ 1½ раза больше пашни (Людоговскій), т. е. на 35½ тыс. дес. послѣдней, первыхъ должно быть 53000. Такъ, по всей вѣроятности, и было при крѣпостномъ правѣ: крестьяне кормили скотъ частью сѣномъ, собираемымъ съ своего надѣла, частью пользовались такъ называемыми барскими угодьями. Въ томъ или иномъ видѣ, но въ ихъ распоряженіи было тридцатью тысячами десятинъ больше земли, чѣмъ въ настоящее время, и эти 30000 дес. теперь они должны восполнять арендой. Цыфра-же прямыхъ отрѣзковъ опредѣляетъ потерю крестьянъ, при разверстаніи ихъ съ помѣщикомъ, всего въ 800—900 десятинъ.

Въ виду интереса, представляемаго разсматриваемымъ вопро-

---

[1]) Сб. стат. свѣд. по Тамбовск. губ. Т. II, с. 91—92.

[2]) Сб. стат. свѣд. по Московск. губ. Т. V, Ч. I, с. 85.

Digitized by Google

сомъ мы не можемъ отказаться отъ попытки хотя-бы косвенными способами опредѣлить размѣры измѣненій, происшедшихъ въ послѣднее двадцати-пятилѣтіе въ землевладѣніи крестьянъ и вытекающей отсюда агрикультурной зависимости мелкаго хозяйства отъ крупнаго землевладѣнія. Въ извѣстномъ трудѣ г. В. Семевскаго (Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II), на основаніи данныхъ генеральнаго межеванія и другихъ источниковъ, приведены цыфры величины надѣла помѣщичьихъ крестьянъ въ концѣ прошлаго вѣка. Тотъ-же авторъ вычислилъ, что со времени 4-й до 10-й ревизіи крѣпостное населеніе нечерноземныхъ губерній возросло всего на 10,6%, что отношеніе числа оброчныхъ къ барщиннымъ въ этомъ районѣ осталось приблизительно неизмѣннымъ, количество всей помѣщичьей земли, приходящейся на одного крестьянина, измѣнилось весьма мало (съ 13 десятинъ—прежде до 11—теперь); размѣры барщины тоже, повидимому, остались прежніе. Такимъ образомъ, всѣ факторы, опредѣлявшіе величину крестьянскаго надѣла въ прошломъ вѣкѣ, кроющіеся въ самомъ имѣніи, остались приблизительно неизмѣнными; поэтому мы не безъ основанія можемъ заключить, что и размѣры надѣла въ нечерноземной полосѣ за этотъ періодъ времени не подверглись замѣтному сокращенію. А въ такомъ случаѣ мы пріобрѣтаемъ возможность, хотя приблизительно, опредѣлить объемъ измѣненія, внесеннаго въ крестьянское хозяйство реформой: для этого нужно сравнить существующіе надѣлы крестьянъ съ тѣми, какіе они имѣли въ концѣ прошлаго вѣка. Чтобы не особенно преувеличить потери крестьянъ, мы сравнимъ средніе надѣлы крѣпостнаго населенія (въ прошломъ вѣкѣ) съ максимальными освобожденнаго, какъ они опредѣлены «Положеніемъ».

Впрочемъ, у г. Семевскаго мы узнали лишь о количествѣ крестьянской пахатной земли; самъ авторъ, вычисляя полную величину надѣла, принималъ, что оброчные крестьяне пользовались всѣмъ имѣніемъ своего владѣльца; почему его цыфры надѣловъ, вѣроятно, преувеличены и, кромѣ того, относятся только къ оброчнымъ крестьянамъ. Мы-же въ данномъ случаѣ приложимъ методъ, которымъ пользовались при вычисленіи потерь Рузскаго крестьянина: построимъ вычисленіе на формальномъ отношеніи пашни къ другимъ угодьямъ, при трехпольномъ хозяйствѣ, съ удобреніемъ полей. Отношеніе это, какъ мы видѣли, таково, что въ общемъ составѣ имѣнія пашня занимаетъ 40%, а луга, выгоны и пр.—60%.

Мы сейчасъ сказали, что не видимъ причины, почему бы въ промежутокъ времени отъ 4 до 10 ревизіи крестьянскіе надѣлы должны-бы уменьшиться; но за то весьма вѣроятно, что гдѣ-нибудь они увеличились. Это можно допустить въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ прошломъ вѣкѣ населеніе мало занималось земледѣліемъ. Такой случай, повидимому, представляетъ Тверская губернія. Половина здѣшнихъ крестьянъ (оброчные)

Digitized by Google

владѣла въ прошломъ вѣкѣ 3, 3 дес. пашни на душу, другая (барщинные) по 1½ дес. Съ другими необходимыми угодьями это составитъ 8 дес. у первыхъ и 3¾ дес. у вторыхъ. Первая цифра могла сохраниться и въ послѣдующее время, что же касается второй, то врядъ-ли она осталась неизмѣнной и вѣроятнѣе, что впослѣдствіи крестьяне и здѣсь стали усерднѣе заниматься земледѣліемъ. По крайней мѣрѣ, въ Тверскомъ губернскомъ дворянскомъ комитетѣ, собранномъ для обсужденія положенія объ освобожденіи крестьянъ было заявлено, что въ многоземельныхъ уѣздахъ въ крестьянскомъ пользованіи находилось не менѣе 6 десятинъ (съ лѣсомъ) на душу, а въ малоземельныхъ, если не было меньше, то недостаточное количество земли выкупалось лучшимъ ея качествомъ. [1] Впрочемъ, тамъ же встрѣчались надѣлы и гораздо меньшіе, а также и вдвое—втрое большіе. По Положенію же 19-го февраля только для одного уѣзда maximum былъ назначенъ въ 5 десятинъ, въ остальныхъ 4—4½ дес. Свѣдѣнія объ остальныхъ губерніяхъ сгруппируемъ въ слѣдующую таблицу.

			въ XVIII вѣкѣ	Maximum.
Въ Ярославской губ.	надѣлъ	3¾—7	дес. (пашн. 1½—2,8 дес.)	3½—5½
» Петербургск.	» »	7	» (пашни 3)	4 —5½
» Смоленской	» неменьше	8	» (пашни 3,3—5,3)	3½—4½
» Псковской	» »	7—11	» (пашни 3,5—4,8)	4½—6
» Костромской	» »	10	»	4 —6
» Новгородской	» »	11—12	» (пашни 4,7—9)	5½—7

и т. д.

Если цифры перваго столбца мы даже уменьшимъ пропорціонально быстротѣ размноженія населенія (на 10—11%), то и тогда разница въ величинѣ надѣловъ обѣихъ эпохъ окажется простирающеюся до 50%, а если сравнить положеніе дѣлъ въ концѣ XVIII вѣка съ современнымъ, относя землю, владѣемую крестьянами не къ ревизскому, а къ наличному населенію мужскаго пола, то мы должны будемъ признать выводъ г. Семевскаго (что въ прошломъ вѣкѣ на душу приходилось втрое больше земли, чѣмъ нынѣ, очень близкимъ къ истинѣ. Соотвѣтственно этому и благосостояніе крѣпостнаго населенія въ указанный періодъ было сравнительно очень высоко. Интереснымъ подтвержденіемъ этому служитъ взглядъ современниковъ на нормальные размѣры животноводства крестьянской семьи: «каждый крестьянинъ, говоритъ г. Татищевъ, долженъ имѣть у себя пару лошадей, 2 вола, 5 коровъ, 10 овецъ, 2 свиньи, гусей старыхъ двѣ пары, куръ старыхъ 10,—кто пожелаетъ имѣть больше, дозволяется, а меньше вышеописаннаго положенія отнюдь не имѣть». Знаменитый Суворовъ сдѣлалъ однажды такое распоряженіе по своему имѣнію: «у крестьянина Михайла Иванова одна корова; слѣдовало-

[1] Историко-Статистич. описаніе Тверск. губ., В. Покровскій т. I, с. 218—219.

Digitized by Google

бы старосту и весь міръ оштрафовать за то, что допустили они Михайлу Иванова дожить до одной коровы, но на сей разъ впервые и въ послѣдніе прощается. Купить Иванову другую корову изъ оброчныхъ моихъ денегъ. Сіе дѣлаю не въ потворство и объявляю, чтобы впредь на тоже еще никому не надѣяться». [1]

Мы говорили выше, что цыфры крестьянскихъ надѣловъ прошлаго вѣка, почерпнутыя г. Семевскимъ изъ различныхъ источниковъ, относятся только къ пашнѣ и изрѣдка къ сѣнокосамъ. Знаніе условій трехпольнаго хозяйства дало намъ возможность по пашнѣ вычислить съ нѣкоторой вѣроятностью весь надѣлъ крестьянина нечерноземной полосы и сравнить его съ существующимъ. Для черноземныхъ губерній мы этого сдѣлать, къ сожалѣнію, не можемъ. Здѣсь, во-первыхъ, отношеніе пашни къ другимъ угодьямъ не отличается уже такой опредѣленностью, какъ въ первомъ случаѣ, почему по количеству пашни мы не можемъ опредѣлить величины всего надѣла; кромѣ того (что важнѣе) населеніе здѣсь въ разсматриваемый періодъ размножилось на 43%, и мы не знаемъ шло-ли паралельно съ этимъ и увеличеніе пашни. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это вѣроятно имѣло мѣсто, въ другихъ препятствіемъ служилъ общій недостатокъ земли. Въ виду этого мы ограничимся сопоставленіемъ размѣра пашни, приходившагося на душу въ концѣ прошлаго вѣка съ maximum' омъ надѣла, установленнымъ положеніемъ 19-го февраля.

			Въ XVIII вѣкѣ.		Maximum.	
Орловская	губ.	пашни	2,4—4,7	дес.	3	дес.
Тульская	»	»	3,5	»	$2^3/_4$—3	»
Рязанская	»	»	2—2,5	»	$2^3/_4$—3	»
Пензенская	»	»	3,4—4,6	»	$2^3/_4$—4	»
Тамбовская	»	»	2,9—6	»	3—$3^1/_2$	»
Воронежская	»	»	5,3—5,6	»	3—4	»

Напомнимъ еще читателю о частотѣ отрѣзокъ отъ крестьянскаго надѣла, какая по мнѣнію редакціонныхъ комиссій будетъ имѣть мѣсто въ черноземныхъ губерніяхъ и соображеніе, высказанное нами по этому случаю.

Сельско-хозяйственное затрудненіе охватило въ послѣднее двадцатилѣтіе не однихъ только бывшихъ крѣпостныхъ, но и крестьянъ прочихъ разрядовъ. Заботы правящихъ классовъ о развитіи капитализма на Руси были причиной того, что благоустройство мелкаго земледѣлія игнорировалось больше, чѣмъ это позволяли истинные интересы страны; считалось неважнымъ, если отъ тѣхъ или другихъ мѣропріятій пострадаетъ крестьянское хозяйство, такъ какъ это послужитъ дѣлу развитія крупнаго производства, которое выгоднѣе для страны и которому, казалось, принадлежитъ будущее. Отъ этого и устройство быта государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ не привело къ улучше-

[1] Крестьяне при Екатеринѣ, с. 241—242.

Digitized by Google

нію положенія послѣднихъ, а имѣло послѣдствіемъ такіе же невыгодные въ сельско хозяйственномъ отношеніи результаты, съ какими мы познакомились на примѣрѣ бывшихъ крѣпостныхъ.

Въ прежнія времена государственнымъ крестьянахъ при ревизіи нарѣзывалась земля пропорціонально размножившемуся населенію, и за эту землю они платили умѣренный оброкъ. Кромѣ того, недостающее количество земли они пополняли арендой сосѣдней казенной. Въ видахъ упроченія экономической самостоятельности народа, въ 50-хъ годахъ было постановлено, что земля, смежная съ селеніями государственныхъ крестьянъ, могла быть взята ими въ аренду безъ торговъ, и лишь съ небольшой надбавкой противъ оброка. Въ началѣ 60-хъ годовъ, нуждавшаяся въ деньгахъ и перемѣнившая свой взглядъ на значеніе мелкаго производства, администрація распорядилась, чтобы всѣ казенныя земли сдавались съ торговъ, а въ концѣ этого десятилѣтія она приняла мѣру, трудно объяснимую и съ финансовой точки зрѣнія: право крестьянъ представлять вмѣсто залоговъ, для участія въ торгахъ, мірскіе приговоры было сильно ограничено, чѣмъ значительно была стѣснена самая возможность крестьянамъ арендовать казенныя земли, и послѣдними (главнымъ образомъ въ степной полосѣ) всецѣло завладѣли крупные спекулянты, въ ущербъ и казнѣ, и народу. Эти порядки, какъ извѣстно, наконецъ, недавно уничтожены.

Если на югѣ и востокѣ Россіи хозяйство государственныхъ крестьянъ потерпѣло главнымъ образомъ вслѣдствіе стѣсненія аренды казенныхъ земель, то на сѣверѣ оно было стѣснено введеніемъ владѣнныхъ записей. Правила надѣленія государственныхъ крестьянъ сѣвера землею въ постоянное пользованіе отличались двумя важными недостатками: во-первыхъ, стремленіемъ сохранить побольше земли за казной (напомнимъ, напримѣръ, читателю, что прежнія *нормы* надѣловъ — 15 десятинъ въ многоземельныхъ уѣздахъ и 8—въ малоземельныхъ—превращены теперь въ maximum'ы и что, при ограниченіи надѣловъ, должно было принимать въ соображеніе высшіе надѣлы помѣщичьихъ крестьянъ тѣхъ же мѣстностей); во-вторыхъ, непониманіемъ хозяйственныхъ условій сѣвера (подсѣчнаго хозяйства), что также привело къ сокращенію крестьянскаго землепользованія.

Не лучше, если не хуже, положеніе хозяйства и удѣльныхъ крестьянъ по преобразованіи ихъ быта, по крайней мѣрѣ, на сѣверѣ. Ложное представленіе о размѣрахъ лядинной системы и вліяніи ея на лѣсоистребленіе побудило удѣлъ, по возможности, ограничить землевладѣніе крестьянъ. Усердіе его агентовъ привело въ этомъ направленіи къ результатамъ, далеко оставляющимъ за собой намѣренія удѣла. Опасеніе подвергнуться обвиненію въ пристрастіи къ крестьянамъ побудило мировыхъ посредниковъ, при отведеніи надѣла, преслѣдовать только интересы своего довѣрителя, а возможность зайти въ этомъ направленіи чрезмѣрно далеко дана была имъ правиломъ «Положенія», по

Digitized by Google

которому смолокуренные кварталы лѣса, какъ составляющіе оброчную статью удѣла, не должны входить въ надѣлъ крестьянъ. Причисленіе участка къ разряду смолокуренныхъ кварталовъ зависѣло отъ удѣльнаго начальства, и такихъ оброчныхъ статей оказалось, по его опредѣленію, столь много, что крестьянской земли не хватило для надѣленія народа по указанной нормѣ. Въ результатѣ «значительная часть пахатныхъ земель, которыя составляли въ прежнее время главный источникъ пропитанія крестьянъ, теперь, отрѣзаны отъ нихъ»; «въ лугахъ былъ еще большій недостатокъ, чѣмъ въ пашняхъ, почему крестьяне старались добиться промѣна другихъ своихъ удобныхъ земель на отошедшіе къ удѣлу луга и земли, расположенныя между ихъ полосами»; выгоновъ крестьяне тоже не имѣютъ.

Такимъ образомъ, положеніе хозяйства удѣльныхъ крестьянъ, въ агрикультурномъ отношеніи, оказалось подобнымъ таковому же бывшихъ крѣпостныхъ: территорія ихъ хозяйства была также раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ одна осталась въ рукахъ крестьянъ, другая перешла къ удѣлу. Аренда послѣдней составляетъ жизненную потребность мелкой культуры, и можно было ожидать, что въ этомъ отношеніи удѣльные крестьяне находятся въ лучшемъ положеніи, сравнительно съ помѣщичьими, такъ какъ собственникомъ арендуемыхъ угодій является учрежденіе безличное и не своекорыстное. Можетъ быть, оно такъ бы и вышло, еслибы не нѣкоторыя усложненія, испортившія все дѣло: сами крестьяне отказываются арендовать отрѣзныя земли, такъ какъ они вообще не признали новаго положенія, не подписали уставной грамоты (что, однако, не служитъ препятствіемъ введенію новаго устройства) и надѣются, что отрѣзныя земли рано или поздно будутъ имъ возвращены обратно; арендуя же ихъ, они какъ бы признаютъ эти угодья принадлежащими удѣлу, а не себѣ и, такимъ образомъ, сами лишаютъ себя права на нихъ.

Спорныя земли, какъ и слѣдовало ожидать, попали въ руки кулаковъ, частью завладѣвшимъ ими подъ предлогомъ расчистки, частью взявшихъ ихъ въ аренду. Заполучивъ въ свои руки большіе участки земли, крупные арендаторы здѣсь, какъ и на югѣ, очень мало эксплуатируютъ ихъ наемнымъ трудомъ, а основываютъ свои доходы на переоброчкѣ земель мелкимъ хозяевамъ за цѣны, вдвое и втрое превышающія арендныя [1].

Итакъ, расчлененіе территоріи на двѣ части, одна изъ которыхъ находится въ постороннихъ рукахъ, не составляетъ исключительной особенности хозяйства крѣпостного населенія, а въ большей или меньшей степени обще всему мелкому хозяйству Россіи.

Дабы лучше пояснить высказанную мысль и вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1] «Отеч. Зап.», 1879, № 6. «Коренная нужда на сѣверѣ и принципъ государственнаго землевладѣнія».

Digitized by Google

показать, до какихъ размѣровъ доходитъ агрикультурная зависимость мелкаго земледѣлія отъ крупнаго землевладѣнія, мы остановимся на примѣрѣ двухъ губерній — Тверской и Московской, о которыхъ есть болѣе или менѣе полныя данныя и о которыхъ, къ тому же, можно сказать почти навѣрное, что запашки тамъ со времени освобожденія не расширялись и жажда земли вытекаетъ поэтому не изъ пагубнаго стремленія къ *расширенію* экстенсивнаго хозяйства, а изъ необходимости *поддержать* его въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ оно достигло еще 20 лѣтъ тому назадъ.

Крестьяне Тверской губерніи имѣютъ въ своемъ надѣлѣ около 1,153,000 дес. пахатной земли и 1,200,000 дес. сѣнокосной и выгона; т. е. земля, находящаяся подъ полевымъ хозяйствомъ распредѣляется между пашней и сѣнокосомъ, вмѣстѣ съ выгономъ, почти поровну, между тѣмъ какъ, по условіямъ трехпольнаго хозяйства, подъ пашней должно быть занято 40%, а подъ сѣнокосами и выгономъ 60%. Иначе говоря, чтобы поддерживать свое хозяйство въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно велось до реформы, крестьяне должны эксплуатировать не 1,200,000, а 1,700,000 дес. сѣнокоса и выгона; недостающіе 500,000 дес. они должны купить или нанять. И дѣйствительно, въ настоящее время крестьяне пріобрѣли въ собственность слишкомъ 60,000 дес. пашни и 420 000 дес. другихъ угодій. Отдѣляя изъ послѣдней цифры 90,000 дес., соотвѣтствующихъ 60,000 пріобрѣтенной пашни, у насъ останется 330,000 дес. выгона и сѣнокоса (и лѣса) отчасти дополняющихъ недостатокъ этихъ угодій въ надѣлѣ. Имѣя въ виду, что въ числѣ этихъ 330,000 десятинъ находится и лѣсъ, не участвующій въ полевомъ хозяйствѣ, мы согласимся, что крестьянамъ необходимо еще арендовать не менѣе 250—300 тыс. дес. сѣнокоса и выгона. Обращаясь къ цифрамъ крестьянскихъ арендъ, мы узнаемъ, что они, дѣйствительно, нанимаютъ около 370,000 дес. этихъ угодій и 40,000 дес. пашни. Чтобы выразить все вышесказанное конкретнѣе, мы приведемъ слѣдующій разсчетъ земскаго статистика. Средняя крестьянская семья губерніи имѣетъ въ своемъ надѣлѣ около 5 дес. пашни и 5 1/4 д. сѣнокоса вмѣстѣ съ выгономъ (вмѣсто 7 1/2, которыя она должна имѣть по условіямъ трехпольнаго хозяйства). Недостающее количество угодій послѣдняго рода она пополняетъ покупкой до 1 1/2 дес. и арендой около 1 3/4 дес. Образующійся такимъ образомъ избытокъ сѣнокоса и выгона даетъ ей возможность нѣсколько расширить запашку, что она и сдѣлала, купивъ 1/4 дес. пашни и арендуя столько же [1].

Приведенныя цифры служатъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на упреки крестьянамъ въ томъ, что они будто бы безъ мѣры расширяютъ запашки, въ ущербъ всему хозяйству. Мы видимъ, что

[1] Статист. таблицы Тверской губ. Историко-статист. описаніе Тверской губ. В. Покровскій, отд. III и IV 1-го тома, с. 51.

Digitized by Google

почти изъ 900,000 дес., эксплуатируемыхъ тверскими крестьянами внѣ своего надѣла, на долю пашни выпадаетъ всего 100,000, а 800,000 десятинъ составляютъ лѣсъ, выгонъ, сѣнокосъ. Свою запашку послѣ реформы они, какъ видите, не расширили и на 10%, и если, тѣмъ не менѣе, гонятся за помѣщичьей землей, то вовсе не изъ стремленія къ безграничному простору, требуемому экстенсивной культурой, а главнымъ образомъ въ виду спеціально агрономическихъ интересовъ своего ограниченнаго дореформеннаго хозяйства, которое было поколеблено расчлененіемъ его территоріи на двѣ части и передачей одной изъ нихъ въ чужія руки; не о возвышеніи доходовъ, а о сохраненіи ихъ заботится при этомъ земледѣлецъ. Тверской крестьянинъ оказался столь богатъ и счастливъ, что слишкомъ половину нужной ему земли пріобрѣлъ въ собственность, вслѣдствіе чего въ значительной степени избавился отъ прижимокъ, какихъ онъ всегда вправѣ ожидать со стороны владѣльца арендуемыхъ имъ угодій. Но вотъ, по сосѣдству съ Тверской, находится Московская губернія, гдѣ крестьянское хозяйство очутилось послѣ реформы не въ лучшемъ положеніи; расчлененіе его территоріи и отторженіе части угодій въ другія руки произведено было еще къ большой невыгодѣ мелкой культуры; поправить же дѣло покупкой нужной земли московскій крестьянинъ оказался не въ силахъ; онъ долженъ всецѣло возложить свои упованія на аренду, и мы видимъ, что въ этой области онъ еще скромнѣе тверскаго земледѣльца, такъ какъ почти вовсе не думаетъ о расширеніи своего промысла и заботится лишь о сохраненіи его status quo.

Именно, въ надѣлѣ московскихъ крестьянъ находится 784,433 дес. пашни и около 500,000 дес. луговъ и выгоновъ; недостатокъ послѣднихъ, по требованіямъ крестьянской запашки, простирается до 600,000 дес. Для пополненія его крестьяне цѣлыми обществами арендуютъ до 400,000 дес., въ числѣ которыхъ пашня составляетъ лишь 10—15,000 десятинъ. Если арендуемыхъ крестьянами угодій оказывается меньше, чѣмъ ихъ должно быть по нашимъ разсчетамъ, то это объясняется, во-первыхъ, отсутствіемъ у насъ данныхъ объ арендѣ помѣщичьихъ земель отдѣльными лицами изъ крестьянъ, и, во-вторыхъ, сокращеніемъ крестьянской запашки въ послѣднее время, переваливщимъ уже за 100,000 десятинъ. Прибавимъ кстати, что куплено московскими крестьянами всего около 85,000 десятинъ земли, изъ числа которыхъ большая часть принадлежитъ владѣльцамъ 50 дес. и выше, т. е. выходитъ изъ размѣровъ собственно крестьянскаго (мелкаго) владѣнія [1].

Московская губернія даетъ еще болѣе рѣзкое доказательство ложности мнѣнія, что причина сельско-хозяйственнаго кризиса заключается въ стремленіи крестьянъ распространять экстенсивное земледѣліе на возможно большую площадь. Мы ви-

[1] Сб Ст. Св. по Мос. губ. т. I—III и V.

Digitized by Google

дим, что собственно пахатной земли арендуется московскими земледѣльцами ничтожное количество — 10 — 15,000 десятинъ; остальныя же сотни тысячъ пріобрѣтаются исключительно съ узкой, спеціально-агрономической цѣлью: обезпечить свое хозяйство выгономъ и сѣнокосомъ въ размѣрахъ, требуемыхъ запашкой, существовавшей еще въ крѣпостныя времена. Насколько, по крайней мѣрѣ, въ этомъ процессѣ учавствуютъ помѣщичьи крестьяне (а они составляютъ около двухъ третей населенія губерніи), они путемъ аренды пытаются возстановить то равновѣсіе въ распредѣленіи по угодьямъ земель мелкаго хозяйства, которое было выработано крѣпостной эпохой и разрушено освобожденіемъ крестьянъ. Достигнуть прочнаго успѣха въ своемъ вполнѣ естественномъ, даже со спеціально сельско-хозяйственной точки зрѣнія, стремленіи они могутъ, очевидно, лишь избавившись отъ внѣшней зависимости, отъ которой теперь зависитъ удовлетворить требованія крестьянъ или поставить ихъ въ невозможность продолжать хозяйство. Четыреста шестьсотъ тысячъ десятинъ — minimum, который крестьяне Московской губерніи такъ или иначе должны пріобрѣсти; иначе сельское хозяйство губерній вѣчно будетъ висѣть на волоскѣ, что и доказывается слишкомъ сотней тысячъ дес. заброшенной крестьянской запашки. Беря районъ болѣе обширный, чѣмъ губернія, мы встрѣтимся съ тѣмъ же явленіемъ. Въ районѣ Московской промышленной области (губерніи: Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Владимірская) земля раздѣлена почти поровну между крестьянами и другими владѣльцами; между тѣмъ, какъ изъ общаго количества пахатной земли въ рукахъ крестьянъ находится 88%. Это значитъ, что значительная часть владѣльческой земли (луга, выгонъ) эксплуатируется крестьянами, какъ необходимое дополненіе ихъ хозяйства. Чтобы судить о размѣрахъ этой части, мы скажемъ, что изъ 13 1/3 мил. дес. крестьянской земли пашней занято 50,5%, а остальные 49,5% относятся на долю луговъ, выгона, лѣса. Предполагая даже, что лѣса въ крестьянскомъ надѣлѣ вовсе нѣтъ и что поэтому вся земля, не занятая пашней, состоитъ подъ лугомъ и выгономъ, и тогда размѣръ всего крестьянскаго землевладѣнія, дабы удовлетворить потребностямъ трехпольнаго хозяйства, при 6 2/3 мил. дес. пашни, долженъ быть 16,8 мил. дес. Эти недостающія 3,5 мил. дес. крестьяне теперь арендуютъ у частныхъ владѣльцевъ, т. е. въ агрикультурномъ отношеніи находятся въ зависимости отъ доброй воли отдѣльныхъ лицъ [1].

Пока будетъ господствовать нынѣшняя организація землевладѣнія, до тѣхъ поръ, съ одной стороны, крестьне будутъ находиться всецѣло въ рукахъ сосѣднихъ владѣльцевъ, которые могутъ ихъ эксплуатировать какимъ-нибудь грошовымъ клочкомъ земли, какъ имъ заблагоразсудится, а, съ другой, мы не перестанемъ встрѣ-

[1] Стат. Позем. Соб., в. II.

Digitized by Google

чаться съ фактами, подобными нижеприводимымъ, гдѣ крестьяне оказываются способными на всякую крайность, лишь бы сохранить въ своемъ пользованіи нужное имъ угодье.

Вирскій купецъ продалъ свою землю, находящуюся около д. Орѣховая Гора, нѣсколькимъ крестьянамъ Вятской губерніи. Когда было приступлено къ ея обмежеванію, жители деревни, поддерживаемые крестьянами сосѣдняго поселенія, не допустили до этого акта, грозя перебить всѣхъ новыхъ собственниковъ участка. Крестьяне Калязинскаго уѣзда (Тверской губерніи), для которыхъ пользованіе сосѣдними помѣщичьими лѣсами и выгонами составляетъ хозяйственную потребность, систематически выживаютъ лицъ, пріобрѣтающихъ нужныя имъ угодья съ цѣлью основать на нихъ собственное хозяйство; они не останавливаются въ преслѣдованіи своей задачи ни передъ кражами, ни передъ поджогами. Подобнымъ же образомъ ведутъ себя по отношенію къ управляющему крестьяне вышеописанной деревни Московской губерніи Городчаково, такъ что экономія, ради охраны скота, имущества и личности управляющаго, держитъ стаи собакъ, расходы на содержаніе которыхъ составляютъ замѣтную статью бюджета хозяйства. Башкиры Белебеевскаго и Бирскаго уѣздовъ отвѣчаютъ на превращеніе земель, оставшихся за ихъ надѣленіемъ, въ частную собственность поджогами владѣльческаго хлѣба, избіеніемъ арендаторовъ и т. п. Крестьяне Валуйскаго уѣзда, Воронежской губерніи, для порубки чужихъ лѣсовъ, собираются партіями въ нѣсколько сотъ человѣкъ, и «горе тому, кто вздумаетъ остановить ихъ»; попавшись же въ дѣлѣ, которое они вовсе не считаютъ преступленіемъ, угрожая владѣльцу, если онъ думаетъ ихъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ, они добиваются того, что остаются безнаказанными [1].

Не меньше страдаютъ отъ общей путаницы и помѣщичьи хозяйства. Подобно тому, какъ неустойчивость дворянскаго землевладѣнія, возникшая послѣ реформы, отражается на мелкой культурѣ, спутывая всѣ ея разсчеты, такъ точно и перемѣны, постоянно совершающіяся въ народномъ быту, нарушаютъ мирное теченіе крупнаго производства, вызываютъ въ помѣщикѣ-землевладѣльцѣ неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. «Малѣйшая случайность, могущая отвлечь крестьянина на какой-нибудь отхожій заработокъ, либо на какое-нибудь временное, но выгодное предпріятіе, можетъ легко обусловить недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и сопряженныя съ тѣмъ хозяйственныя потери» [2]. А вѣдь подобная случайность имѣетъ мѣсто постоянно; при современномъ положеніи хозяйства, вся судьба кре-

---

[1] «Порядокъ» 1881, 78; «Недѣля» 1876, 11; Сб. ст. св. по Моск. губ. т. V, в. I, с. 158; «Рус. Вѣд.» 1881, 27; Докл. ком. для изслѣд. полож. сельск. хоз. Прил. I, отд. II, с. 191; Труды В. Э. О. 1879, 3.

[2] «Землед. Газета», 1881, 28.

Digitized by Google

стьянина построена на рядѣ случайностей; онъ не можетъ поручиться ни за одинъ день. И все это, повторяемъ, отражается на крупной культурѣ. Даже такія, повидимому, личныя явленія крестьянской жизни, какъ семейные раздѣлы, и тѣ не проходятъ безслѣдно для помѣщичьяго хозяйства, ибо они ведутъ за собой экономическое ослабленіе крестьянской хозяйственной единицы, уменьшаютъ способность народа обработывать поля землевладѣльца. Тѣмъ болѣе отзывается на крупномъ хозяйствѣ, столь быстро обезсиливающія мелкихъ земледѣльцевъ явленія, какъ неурожаи хлѣбовъ, травъ, падежи скота и пр. Словомъ, рабочая сила въ помѣщичьихъ экономіяхъ, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи, есть нѣчто неизвѣстное, случайное. Хозяйство въ этомъ отношеніи зависитъ не отъ величины капитала, энергіи и способностей его руководителя, а отъ цѣлой массы обстоятельствъ, касающихся, какъ самаго имѣнія, такъ еще въ бо́льшей степени хозяйства окрестныхъ мелкихъ производителей. Поэтому въ печати не перестаютъ раздаваться жалобы владѣльцевъ на необезпеченность крупныхъ хозяйствъ рабочей силой, на зависимость крупнаго земледѣлія отъ случайностей и мелочей крестьянской жизни. Такъ, напримѣръ, изъ Воронежской губерніи сообщаютъ, что съ 15-го августа все населеніе, отъ мала до велика, бросается въ общественные лѣса собирать груши и яблоки, «и если вы не успѣли сдѣлать посѣвъ ранѣе 15-го августа, то врядъ ли вамъ удастся сдѣлать его въ сентябрѣ, когда вы опять будете нуждаться въ рабочихъ, потому что въ этомъ мѣсяцѣ разрѣшается рубка крестьянскихъ лѣсовъ». Изъ Подольской губерніи пишутъ, что уборка свеклы на помѣщичьихъ поляхъ затрудняется крестьянскими праздниками, «которые часто продолжаются два-три дня, и тогда рабочихъ не получить ни за какія деньги». Недостатокъ рабочихъ препятствуетъ костромскимъ помѣщикамъ вести у себя очень выгодную культуру льна, а минскимъ—развить хмѣлеводство. Крестьяне Бугульминскаго уѣзда, Самарской губерніи, нанимаясь къ землевладѣльцамъ съ осени, хотя и обезпечиваютъ исполненіе договора круговой порукой и громадными неустойками, тѣмъ не менѣе, очень часто бросаютъ хозяевъ, и послѣдніе не пользуются правами, предоставленными имъ условіемъ, изъ опасенія, что въ другой разъ рабочіе къ нимъ не наймутся. Въ Изюмскомъ уѣздѣ въ 1881 году помѣщики вынуждены были отдать свои покосы исполу вмѣсто обычной уборки ихъ наемнымъ трудомъ. «Посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ въ 1881 году (въ Воронежскомъ уѣздѣ), особенно тамъ, гдѣ нѣтъ ни своихъ земледѣльческихъ орудій, ни своей рабочей силы, весьма затруднителенъ, такъ какъ число лошадей у крестьянъ уменьшилось». Тамбовскіе помѣщики испытываютъ такое же затрудненіе, происходящее отъ одной и той же причины: раззоренія народа, вслѣдствіе неурожая; богатые изъ нихъ начинаютъ обзаводиться соб-

Digitized by Google

ственнымъ инвентаремъ и скотомъ [1]. Помѣщики Саратовскаго уѣзда принуждены сѣять яровую пшеницу, а не озимую, хотя она и подвергается въ бо́льшей степени нападенію вредныхъ насѣкомыхъ; причиной служитъ недостатокъ рабочихъ, которыхъ требуется больше для подготовленія почвы подъ озимь Недостатокъ рабочихъ въ губерніи вызывается уходомъ раззорившихся крестьянъ на заработки на Волгу. Это приводитъ къ сокращенію помѣщичьихъ запашекъ. Сокращеніе посѣва хлѣба и свекловицы отъ той же причины имѣетъ мѣсто и въ Харьковской губерніи, а также и въ землѣ войска Донского, гдѣ рабочій персоналъ набирается изъ приходящихъ изъ внутреннихъ губерній, почему владѣльческія хозяйства находятся въ зависимости отъ разныхъ случайностей. «Почти во всей Херсонской губерніи, вслѣдствіе малаго числа рукъ, всѣ полевыя работы запоздали: уборка затянулась и хлѣбъ долго оставался въ поляхъ неубраннымъ, перестоялся; изъ десятинщиковъ, нанятыхъ зимой, и половины не отработало. Помѣщики Шацкаго уѣзда, Тамбовской губерніи, вслѣдствіе нерасположенія крестьянъ къ батрацкой работѣ, вынуждены переходить къ системѣ обработки полей исполу [2] и т. д. Самостоятельное положеніе работника-земледѣльца даетъ ему преимущество (сравнительно съ фабричнымъ) и въ прямой борьбѣ съ землевладѣльцемъ при помощи стачекъ; ибо, съ одной стороны, владѣлецъ не можетъ здѣсь остановить свое производство надолго, съ другой—крестьяне въ состояніи выжидать, а въ крайнемъ случаѣ обойдутся и безъ наемной работы. И стачки, дѣйствительно, пріобрѣтаютъ среди сельскаго населенія все бо́льшее распространеніе: въ Тамбовской губерніи въ прошломъ году къ нимъ прибѣгали крестьяне для возвышенія заработной платы; въ Черниговской въ прошломъ году для пониженія ренты; а въ нынѣшнемъ — для того и для возвышенія заработной платы; въ Тверской губ. (Весьегонскомъ уѣздѣ) — былъ интересный случай бойкотированія крестьянами своего сосѣда-помѣщика: на сходѣ они составили приговоръ, чтобы никто не смѣлъ у него работать ни за какія деньги [3].

При такомъ положеніи естественно, если помѣщики принимаютъ мѣры обезпеченія своихъ полей рабочими заранѣе, подряжаютъ окрестныхъ крестьянъ съ осени и зимы, а другія неблагопріятныя для крупнаго хозяйства условія, о которыхъ мы неоднократно говорили раньше, сильно соблазняютъ владѣльцевъ договаривать рабочихъ за возможно дешевую плату. Вѣчно нуждающіеся въ деньгахъ, мелкіе производители не могутъ пока сопротивляться такому стремленію хозяевъ, результатомъ чего

---

[1] «Землед. Газета», 1880, 11; id., 1881, 23, 25; Тр. В. Э. О., 1879, 5; «Землед. Газета», 1881, 31; id., 1880, 18; «Порядокъ», 1881, 74.

[2] 1881 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

[3] «Порядокъ», 1881, 9 авг.; «Рус. Вѣд.», 1881, 254; «Рус. Кур.», 1881, 154; «Недѣля«, 1877, 27; «Рус. Кур.», 1882, 159.

Digitized by Google

является ихъ закабаленіе (о размѣрахъ и тяжести «зимней наемки» читатель можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе по фактамъ, собраннымъ въ статьѣ «Сельско-хозяйственные очерки Россіи», «Русская мысль» 1882 года). Здѣсь опять страдательнымъ лицомъ является мужикъ, но и крупная культура можетъ довольствоваться подобнымъ способомъ пріобрѣтенія рабочей силы только потому, что она крайне груба, экстенсивна: будучи вынужденъ продавать свой трудъ за половинную цѣну, крестьянинъ беретъ на себя обязательство въ 1½—2 раза болѣе, чѣмъ онъ можетъ выполнить безъ ущерба для своего хозяйства; поэтому, когда настанетъ время расплаты (трудомъ)—крестьянинъ мечется между своимъ участкомъ и полями землевладѣльцевъ, убирать которыя онъ подрядился, ни здѣсь, ни тамъ, не докончитъ дѣла, какъ слѣдуетъ, въ результатѣ—потеря для обѣихъ сторонъ. Помѣщикъ имѣетъ еще нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что хоть затраты его на рабочую силу крайне мизерны! Но вся страна, но сельское хозяйство въ положительномъ убыткѣ. Не менѣе страдаетъ и мелкій производитель, для котораго земледѣліе въ значительной части Россіи составляетъ почти единственный источникъ дохода.

Итакъ, оставляя въ сторонѣ выгоды помѣщиковъ и крестьянъ, какъ классовъ, и относясь къ вопросу исключительно съ точки зрѣнія интересовъ сельско-хозяйственнаго производства, мы должны признать, что существующая организація земледѣлія есть явленіе крайне не нормальное, препятствующее всякому прогрессу и должно быть устранено прежде другихъ, собственно агрономическихъ преобразованій. Пусть дальнѣйшій ростъ доходовъ крестьянъ совершается путемъ возвышенія культуры; но раньше обезпечьте ему доходъ, возможный при современномъ положеніи хозяйства, устройте такъ, чтобы веденіе земледѣльческаго промысла въ прежнихъ размѣрахъ не зависѣло отъ воли и каприза лицъ, крестьянину и его хозяйству совершенно чуждыхъ; или будьте откровенны: стремитесь къ полному уничтоженію мелкаго хозяйства.

Мы уже знаемъ, что основная причина господствующаго сельско-хозяйственнаго хаоса кроется въ отсутствіи разграниченія территоріи мелкаго хозяйства и крупнаго, иначе говоря—въ недостаточности крестьянскаго надѣла для веденія хозяйства обычными способами, что повело къ борьбѣ мелкой и крупной культуръ; въ тяжести казенныхъ и частныхъ повинностей, лежащихъ на крестьянахъ, побуждающей ихъ продавать свой трудъ за безцѣнокъ; въ неблагопріятныхъ условіяхъ для существованія крупнаго производства (изъ числа которыхъ мы подчеркнемъ здѣсь лишь отсутствіе спеціальнаго класса батраковъ). Устранить царствующій въ земледѣліи безпорядокъ мыслимо поэтому тремя способами: 1) уничтоженіемъ мелкой культуры, въ видахъ обезпеченія крупнаго хозяйства рабочей силой; 2) прекращеніемъ крупнаго производства для устраненія пре-

Digitized by Google

нятствій, стѣсняющихъ развитіе мелкаго; 3) соединеніемъ обѣихъ культуръ, путемъ свободнаго соглашенія хозяевъ, въ цѣльную организацію, подобную той, какая господствовала при крѣпостномъ правѣ. Такая организація обезпечивала-бы крестьянамъ необходимыя угодья, а помѣщику доставила-бы надежную рабочую силу.

Обращаясь къ дѣйствительной жизни, мы легко въ ней подмѣтимъ существованіе зачатковъ всѣхъ трехъ системъ, намѣченныхъ нами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ надѣлы крестьянъ такъ малы и сами они столь ловко опутаны сосѣдомъ землевладѣльцемъ, что ихъ самостоятельное производство существуетъ лишь постольку, поскольку это терпитъ помѣщикъ; а послѣдній допускаетъ такую милость лишь въ предѣлахъ, обезпечивающихъ ему достаточное количество послушныхъ рабочихъ. Но этотъ способъ разрѣшенія сельско-хозяйственнаго вопроса распространенъ кажется всего менѣе; господству его служитъ препятствіемъ необъятность пространства Россіи, разнообразіе промысловъ, отсутствіе строгой спеціализаціи занятій, вслѣдствіе чего крестьяне всегда имѣютъ надежду заработать кусокъ хлѣба не земледѣльческимъ путемъ или отлучившись на время на сторону, или, наконецъ, и вовсе покинувъ родину, если здѣсь сдѣлается очень ужь плохо. Вслѣдствіе такихъ условій, помѣщикъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсчитывать, что достигнутая имъ организація рабочихъ силъ имѣнія на почвѣ малоземелья сосѣдей-крестьянъ сохранится на продолжительное время и не будетъ разрушена перемѣной профессій рабочихъ, уходомъ ихъ на сторонніе заработки или переселеніемъ.

Съ перваго взгляда можно подумать, что третій способъ разрѣшенія сельско-хозяйственнаго вопроса наиболѣе у насъ распространенъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ почти крупные землевладѣльцы, ведущіе собственное хозяйство, часть земли сдаютъ крестьянамъ въ аренду, пріобрѣтая такимъ образомъ необходимые для собственнаго производства капиталъ и рабочую силу. Но громадное большинство такихъ хозяевъ не довело разсматриваемаго метода обезпеченія своего имѣнія рабочей силой до цѣльной системы, удовлетворяющей потребностямъ какъ крупной, такъ и мелкой культуры; они не отрекаются отъ привилегій, созданныхъ послѣреформеннымъ періодомъ нашей исторіи; не исправляютъ погрѣшностей Положенія 19 февраля, а, напротивъ, закрѣпляютъ ихъ въ жизни, заботясь, чтобы онѣ оказались какъ можно дѣйствительнѣе; закабаляютъ мелкаго производителя, вмѣсто того, чтобы поддерживать его хозяйство. Не давая ничего народу, разсматриваемыя хозяйства и сами не ждутъ отъ него пощады; они держатся, пока существуетъ ловкій эксплуататоръ-управляющій. Но печально положеніе производства, когда оно поставлено такимъ образомъ. Культура здѣсь въ положительномъ загонѣ; это и есть тотъ сельско-хозяйственный безпорядокъ, противъ котораго мы теперь изыскиваемъ мѣры.

Digitized by Google

Но встрѣчаются и такія экономіи, которыя пытаются построить свое хозяйство на дѣйствительной солидарности интересовъ мелкой и крупной культуръ, для чего они готовы даже взять на себя нѣкоторыя жертвы. Въ примѣръ хозяйствъ подобнаго рода мы приведемъ имѣніе Карамзина въ Курской губерніи: для привлеченія рабочихъ оно сдаетъ окружному населенію землю дешевле другихъ владѣльцевъ, а разсчитываетъ за работу, которою тѣ уплачиваютъ ренту, дороже существующихъ цѣнъ.[1] Попадаются (врядъ-ли, впрочемъ, не въ видѣ исключенія) и такіе помѣщики, которые достигли на указанномъ пути очень солидныхъ успѣховъ, которые, въ самомъ дѣлѣ, добились солидарности съ мелкими земледѣльцами и которымъ удалось образовать сельско-хозяйственный союзъ, обнимающій крестьянское и помѣщичье производства. Такой случай намъ извѣстенъ изъ практики Московскаго земледѣльца.

Г-жа Костинская купила въ 69 году имѣніе (въ Подольскомъ уѣздѣ), находящееся по сосѣдству съ разоренной деревней Плещеевой, населеніе которой, какъ водится, безъ нѣкоторыхъ угодій владѣлицы, не могло сдѣлать и шагу. «Многіе землевладѣльцы такимъ положеніемъ крестьянъ пользуются для своихъ выгодъ, заставляя ихъ арендовать у себя, по несоразмѣрно-высокой цѣнѣ, ничего не стоющія земли, или же получая съ нихъ доходы въ формѣ штрафовъ за потравы и т. п. Воспользовалась безвыходнымъ положеніемъ Плещеевскихъ крестьянъ и г-жа Костинская, но совершенно иначе: она, подобно другимъ землевладѣльцамъ, за пользованіе крестьянами прогономъ и пастбищемъ обязала послѣднихъ исполнять всѣ работы по своему имѣнію, но въ тоже время стала заботиться не о томъ, чтобы разорить крестьянъ, а о томъ, чтобы поддержать ихъ. Съ перваго же года своего хозяйства, г-жа Костинская стала раздавать крестьянамъ подъ работу муку въ зимнее время по рыночной цѣнѣ и тѣмъ устранила для многихъ необходимость продавать скотину и одолжаться за высокіе проценты у ростовщиковъ; затѣмъ, она настояла на томъ, чтобы крестьяне исполняли свои полевыя работы въ одно время съ нею и перемѣнили бы сѣмена, которыя сама дала имъ въ долгъ. Результатомъ этого было то, что рожь у крестьянъ родилась такая-же чистая и прекрасная «какъ у барыни», тогда какъ до 1872 года на ихъ поляхъ родился одинъ костеръ». Благодаря прекраснымъ урожаямъ, крестьяне обзавелись скотомъ и теперь нашутъ землю у себя такъ же глубоко, какъ и у барыни. Если у кого либо изъ нихъ является серьезная нужда, то онъ прямо обращается къ «барынѣ», и послѣдняя «вызволяетъ изъ нужды—даетъ взаймы денегъ на покупку лошади, ссужаетъ хлѣбомъ, крупою и пр.» Вообще, по свидѣтельству сосѣдей и по собственному сознанію Плещеевскихъ крестьянъ, исправнѣе ихъ по волости никто не живетъ. Такое исправное хозяйство очень

[1] См. Хоз. и лѣс, 1878 и 1880 гг.

Digitized by Google

выгодно для г-жи Костинской, такъ какъ всѣ работы по ея имѣнію исполняются ими тщательно, своевременно и быстро; а доброе отношеніе барыни къ крестьянамъ вызываетъ съ ихъ стороны добросовѣстное отношеніе къ ея интересамъ, такъ что нетребуется даже строгаго надзора за правильнымъ исполненіемъ крестьянами своихъ обязанностей, не требуется и лѣснаго сторожа, такъ какъ крестьяне добровольно охраняютъ барскій лѣсъ, пользуясь изъ него «подчисткой», не требуется и особаго пастуха, такъ какъ барынинъ скотъ пасется вмѣстѣ съ крестьянскимъ» [1].

Читатель самъ знаетъ, что владѣльцевъ, подобныхъ г-жѣ Костинской, немного: чтобы послѣдовать ея примѣру — нужно не только умѣть правильно разсчитывать, но и обладать извѣстными нравственными качествами и съ любовью заниматься хозяйствомъ. Наша же общественная среда не очень-то благопріятствуетъ появленію подобныхъ субъектовъ. Оттого-то въ русскомъ хозяйствѣ и царствуетъ хаосъ, оттого-то мы и не возлагаемъ надежды на описываемый методъ упорядоченія нашего земледѣлія.

Не знаемъ, какая судьба постигла еще одну попытку организовать земледѣліе на солидарности интересовъ помѣщика и крестьянъ, сдѣланную въ своемъ имѣніи землевладѣльцемъ Екатеринославской губерніи, г. Бодянскимъ, и предложенную имъ пятому съѣзду сельскихъ хозяевъ въ г. Одессѣ, какъ лекарство противъ кризиса на югѣ Россіи. Способъ этотъ состоитъ въ привлеченіи рабочихъ къ участію въ прибыляхъ и убыткахъ хозяйства. «Разъ совершенъ актъ или условіе землевладѣльца съ крестьянами, первый теряетъ уже право продажи, передачи и залога своей земли и эксплуатаціи ея по своей волѣ». «Крестьяне, подобнымъ актомъ должны пріобрѣтать право полученія опредѣленнаго % чистаго дохода отъ эксплуатаціи земли, право участія въ направленіи эксплуатаціи». Для «увеличенія или уменьшенія земельныхъ участковъ, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ, требуется обоюдное согласіе представителей крестьянъ и землевладѣльца». Съѣздъ южныхъ хозяевъ согласился въ принципѣ съ предложеніемъ г. Бодянскаго и выразилъ желаніе, чтобы послѣдній сообщилъ во всеобщее свѣдѣніе, черезъ земледѣльческіе журналы, о результатахъ производимаго имъ опыта подобной организаціи хозяйства [2]. Хотя съ тѣхъ поръ прошло уже около 4-хъ лѣтъ, но, насколько намъ извѣстно, сообщенія г. Бодянскаго въ печати не появлялось, и мы поэтому не можемъ судить вышло ли изъ его проэкта что нибудь, кромѣ пуфа.

Всего благопріятнѣе оканчивается дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы вовсе отказываются отъ собственнаго производства и всю или большую часть земли сдаютъ крестьянамъ на

---

[1] Сб. стат. св. по Моск. губ. т. II, отд. II, стр. 60—61.

[2] «Скотоводство», 1879 г. № 7 и 8.

Digitized by Google

не особенно тяжелыхъ условіяхъ [1]. Здѣсь мелкіе землевладѣльцы, хотя и обладаютъ недостаточнымъ количествамъ надѣльной земли, но не стѣсняемые противной стороной, дополняютъ ее угодьями крупнаго владѣльца. Къ сожалѣнію, такая система далеко не можетъ быть признана господствующей, ибо очень многіе помѣщики, отказываясь отъ самостоятельнаго хозяйства, или употребляютъ свою землю для безпощадной эксплуатаціи народа, или сдаютъ ее крупнымъ съемщикамъ, въ рукахъ которыхъ она исполняетъ тоже назначеніе.

Который же изъ разсмотрѣнныхъ способовъ упорядоченія сельско-хозяйственнаго промысла долженъ получить преобладаніе, вызвать къ себѣ симпатіи общества и заботы правительства о его распространеніи? Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ другимъ: какая изъ двухъ культуръ—крупная или мелкая имѣетъ виды на будущее, показываетъ признаки здороваго самостоятельнаго существованія, а не прозябанія изъ чужой милости.

На это мы неоднократно отвѣчали раньше. Крупному производству въ Россіи приходится развиваться въ неблагопріятный историческій моментъ. Противъ него вооружаются какъ общіе экономическіе законы, такъ и мелкій русскій производитель, и держится оно пока лишь благодаря той специфической обстановкѣ, въ какую насильственно поставленъ крестьянинъ на перекоръ законамъ историческаго прогресса и интересамъ государства. Но изъ противуестественной комбинаціи не можетъ родиться что либо прочное, не искаженное, и кабала, на которой основано помѣщичье земледѣліе, служитъ преградой успѣхамъ сельскаго хозяйства. Крупная культура, какъ форма экономической организаціи общества, держится на развалинахъ земледѣлія, какъ одной изъ техническихъ отраслей производства. Если мы заинтересованы агрикультурными успѣхами Россіи, если мы сѣрьезно стремимся выйти изъ переживаемаго экономическаго кризиса—намъ нужно поддерживать крестьянское хозяйство.

В. В.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

---

[1] Примѣромъ подобнаго положенія можетъ служить «Счастливый уголокъ», описанный г. Энгельгардтомъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

„Торквемада". Новая трагедія Виктора Гюго.

Мы на старомъ кладбищѣ стараго Каталонскаго монастыря. Солнце во всемъ блескѣ, цвѣты роскошно красуются подъ нимъ, но вокругъ все—заброшенность и запустѣніе, все въ полу-разрушеніи, нечестиво произведенномъ временемъ, которое, т. е. время, нашъ поэтъ почему-то (точно В. Гюго можно спросить—почему?) называетъ «старымъ ренегатомъ». Среди крестовъ и могилъ кладбища время отъ времени показывается блѣдный, измозженный, суровый доминиканецъ—монахъ; онъ преклоняетъ колѣно передъ каждымъ, встрѣчающимся на его дорогѣ, крестомъ, онъ не обращаетъ вниманія ни на что, происходящее вокругъ него, онъ весь углубленъ въ самого себя. И день, и ночь, по словамъ настоятеля монастыря,

— Онъ бодрствуетъ, постится. Истощаетъ
Онъ плоть свою. Съ открытой головой
Въ палящій зной онъ ходитъ по кладбищу,
Всегда въ бреду, какъ сумасшедшій, онъ
Твердитъ, что въ Римъ ему необходимо
Отправиться, чтобъ, передъ папой тамъ
Повергнувшись, сказать ему всю правду...

Какая-жь это «правда»? — Тотъ страшный нравственно-религіозный упадокъ, въ которомъ, по взгляду этого монаха, находится весь міръ и изъ котораго надо во чтобы то ни стало вывести его... Послушайте, какая картина представляется его воображенію:

Тутъ предо мной земля съ ея грѣхомъ,
Съ ея людьми, съ владыками, позорно
Погрязшими въ гнуснѣйшихъ преступленьяхъ,
Съ толпой неизлечимыхъ мудрецовъ,
Съ невѣждами—учеными, съ развратомъ,
Надменностью, свирѣпымъ богохульствомъ,
Съ убійцою Сеннахеримомъ, лгуньей
Далилою, съ еретиками всѣхъ
Племенъ и странъ—и это все, большое
И малое, все—папа, государь,
Епископы, министры—все, въ потемкахъ

Digitized by Google

Бродящее, отрекшись отъ Христа,
Святой символъ крещенья оскверняя
И зло творя... А тамъ, съ той стороны,
Горящее неугасимо пламя!...
Здѣсь человѣкъ—живетъ, и ѣстъ, и спитъ,
И все позабываетъ. Тамъ—пучина
Бездонная и огненная—адъ!...

Въ этомъ подземномъ, адскомъ огнѣ расплачивается въ концѣ концевъ человѣчество за свои грѣхи и преступленія. Но нашъ монахъ любитъ это человѣчество и дни и ночи ломаетъ себѣ голову, какъ бы найти средство для спасенія его, какъ бы уничтожить этотъ губительный адъ? Наконецъ, средство найдено. Similia similibus curantur—говоритъ извѣстная медицинская поговорка. Нашъ монахъ пришелъ къ тому-же убѣжденію, истолковавъ по своему ученіе св. Павла и развивъ то, что въ общихъ чертахъ, намеками высказалъ его патронъ, основатель его ордена, св. Доминикъ. «Надо—говоритъ онъ—сражаться противъ бездны такою же бездной», и потомъ поясняетъ свою мысль болѣе опредѣлительно: «Для того, чтобы адъ закрылся, а небо раскрылось—что нужно? Нуженъ костеръ. Нужно прижечь (медицинскій терминъ—Cautériser) адъ. Побѣдить вѣчность минутой. Страданье, оканчивающееся съ быстротой молніи, будетъ уничтожать безпредѣльныя муки. Сожженная земля погаситъ мрачный адъ. Адъ, продолжающійся одинъ часъ, истребляетъ костеръ, горящій вѣчно. Грѣхъ сгараетъ съ гнуснымъ рубищемъ тѣла, и душа выходитъ изъ пламени чистая и великолѣпная, потому что вода омываетъ тѣло, а огонь омываетъ душу. Тѣло — грязь, душа — свѣтъ...» Итакъ — костеръ, всемірный, не знающій никакой пощады костеръ—вотъ какое средство придумалъ монахъ среди своихъ бдѣній. И онъ убѣжденъ, что времени терять нечего, что каждая минута дорога, потому что «міровой недугъ усиливается съ каждымъ днемъ»,

— Вновь льется кровь страдальца Іисуса,
Все гадко, зло, все гнило—каждый часъ
На деревѣ грѣховномъ выростаетъ
Вѣтвь новая... Нигдѣ нѣтъ вѣры. Тутъ—
Поганый жидъ; тамъ инокъ нарушаетъ
Святой обѣтъ; монахиня роститъ
Вновь волосы свои; здѣсь вырываютъ
Крестъ изъ земли; тамъ оскверняютъ чашу
Причастную. Подъ заблужденьемъ гибнетъ
Религія, какъ средь дурной травы
Мретъ лилія. Колѣни клонитъ папа—
Предъ Богомъ? Нѣтъ. Предъ человѣкомъ. Онъ—
Онъ Цезаря боится. Скоро, скоро
Римъ, подчинясь земнымъ владыкамъ, станетъ
Служителемъ развратной Ниневіи.
Еще лишь шагъ—и міръ погибъ...

Но чтобъ совершить это дѣло спасенія, нуженъ человѣкъ съ непоколебимой волей, съ глубочайшимъ, безусловнѣйшимъ со-

Digitized by Google

знаніемъ великости и святости своей идеи. Гдѣ-же взять такого человѣка среди такой общей испорченности? Нашъ монахъ нашелъ его. Этотъ человѣкъ — онъ самъ. Уже въ молодыхъ лѣтахъ, какъ мы узнаемъ изъ его разсказа, скоро послѣ поступленія въ монахи, онъ увидѣлъ въ одномъ монастырѣ большой географическій глобусъ, на которомъ рельефно были изображены всѣ государства съ ихъ морями, рѣками, горами, городами, все то громадное пространство, на которомъ кишитъ, какъ въ безконечномъ муравейникѣ, человѣчество... И съ тѣхъ поръ этотъ глобусъ не выходитъ у него изъ головы, эта вселенная сдѣлалась его постояннымъ видѣніемъ. И онъ сказалъ себѣ: «Нужно сдѣлаться владыкою всего этого; нужно подчинить себѣ все это для Іисуса, который часто призываетъ меня во снѣ; нужно взять землю и возвратить ее небу». Разъ дойдя до этого убѣжденія, онъ уже неуклонно стремится къ осуществленію его, и чѣмъ ближе, какъ ему кажется, минута этого осуществленія, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ фанатично-экзальтированнѣе, мистически-горячечнѣе его радость. «Еще лишь шагъ, и міръ погибъ!» — восклицаетъ онъ, какъ только что видѣли мы. Но этотъ послѣдній шагъ не будетъ сдѣланъ, потому что—

— Явился *я*... Иду я раздувать
Мои костры спасительные... Душу
Иду спасать цѣною плоти. Въ міръ
Жизнь новую несу... Хвала и слава
Всевышнему! И радость всѣмъ! Сердца—
Безчувственные камни, размягчатся!
Кострами я покрою землю всю!
Уста мои испустятъ крикъ глубокій,
Завѣщанный намъ книгой Бытія:
«Да будетъ свѣтъ!»—и запылаетъ пламя
Великое! Повсюду заблеститъ,
Ауто-до-фе, исполненное жизни,
И радости, и святости небесной!..
О, родъ людской, какъ *я* люблю тебя!..

Читатель нашъ, конечно, уже давно догадался, что этотъ фанатикъ-монахъ—не кто иной, какъ Торквемада. Тѣ отдѣльные, разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ драмы, стихи, которые мы приводили до сихъ поръ, представляютъ намъ знаменитаго инквизитора въ приготовительный періодъ его дѣятельности, когда онъ—еще безвѣстный монахъ, когда онъ только собирается выступить на свое поприще, когда онъ не только не пользуется никакимъ вліяніемъ, но возбуждаетъ даже противъ себя преслѣдованія высшаго духовенства, которое съ неудовольствіемъ смотритъ, какъ сообщаетъ намъ настоятель монастыря, «на всѣхъ священниковъ съ безпокойною натурою, на тѣхъ ученыхъ, тѣхъ мечтателей, которые могли бы проповѣдывать народу совсѣмъ не то, чего желаетъ испанская церковь». Торквемада, однако—совсѣмъ не тотъ человѣкъ, котораго могли бы устрашить какія бы то ни было преслѣдованія, неудовольствія; для него идея его—

Digitized by Google

какъ бы она безумна ни была (а объ этомъ безуміи мы еще будемъ говорить ниже) выше всего, и для нея онъ совершенно спокойно пожертвуетъ жизнью. Преслѣдованіе, о которомъ мы только что упомянули, возбуждается со стороны епископа того округа, гдѣ находится монастырь, заключающій покамѣсть въ своихъ стѣнахъ Торквемаду, и вотъ какую сцену даетъ намъ авторъ для характеристики непоколебимости убѣжденій будущаго великаго инквизитора. Сцена все на томъ же кладбищѣ; на переднемъ планѣ его находится четвероугольное отверстіе, около котораго лежитъ большая плита, повидимому, предназначенная для того, чтобы, въ случаѣ нужды, задѣлывать это отверстіе, куда спускаются посредствомъ вдѣланной въ немъ узкой каменной лѣстницы. Торквемада совершенно погруженъ въ восторженное забытье, мечтая о своихъ будущихъ душеспасительныхъ подвигахъ, когда появляется епископъ въ полномъ облаченіи и въ сопровожденіи монастырскаго духовенства, (принадлежащаго—замѣтимъ здѣсь кстати—къ ордену не доминиканскому, какъ Торквемада, а къ августинскому). Происходитъ слѣдующее:

Епископъ.
Кто ты такой?
Торквемада.
Я инокъ-проповѣдникъ.
Епископъ.
По имени?
Торквемада.
Я Торквемада.
Епископъ.
Мнѣ
Донесено, что ты, уже ребенкомъ,
Былъ полоненъ злымъ духомъ и съ тѣхъ поръ
Видѣнія зловѣщія тебя
Преслѣдуютъ повсюду... Правда-ль это?
Торквемада.
Передо мной видѣній нѣтъ—одна
Дѣйствительность.
Епископъ.
Горячечныя бредни!
Торквемада.
Зовите ихъ видѣньями, когда
Вамъ хочется того... Я—вижу Бога...
Епископъ.
По твоему, какъ слышалъ я, мы всѣ,
Ученые, въ глубокомъ заблужденьи
Находимся, питая къ нечестивымъ
И ненависть, и злобу, какъ къ звѣрямъ.
Торквемада.
Да, господа епископы, неправо
Вы судите.
Епископъ.
Червякъ!

Digitized by Google

Торквемада.

Мы нечестивца
Должны любить, спасать его должны.

Епископъ.

Сказали мнѣ, что тотъ фальшивый догматъ,
Который погубилъ Дидье-Ломбардца,
Прельстилъ тебя, и въ голову твою
Засѣло убѣжденье—или бредня—
Что можно адъ гасить, уничтожать
Однимъ костромъ, что пламя переносить
Умершихъ прямо въ небо и что мы,
Поэтому, спасти желая душу,
Обязаны сжечь тѣло.

Торквемада.

Это такъ.

Епископъ.

Монахъ, вѣрь мнѣ, ты жертва заблужденья
Плачевнаго, а заблужденье—корень
Зла всякаго.

Торквемада.

Прикосновенье тѣла,
Поганаго товарища, душѣ
Глубоко ненавистно; сожигать
И очищать—одно и тожъ.

Епископъ.

Доктрина
Ужасная.

Торквемада.

Нѣтъ.

Епископъ.

Лживая.

Торквемада.

Вполнѣ
Правдивая. И съ ней сообразую
Я въ будущемъ всѣ дѣйствія свои.

Епископъ.

Змѣя!

Торквемада.

Въ нее я свято вѣрю.

Епископъ.

Если
Немедленно не отречешься ты,
То берегись! Тебѣ повелѣваетъ
Епископъ здѣсь—раскаяться и бредни
Свои забыть.

Торквемада.

Я не умѣю лгать—
И при своемъ останусь.

Епископъ.

Злой упрямецъ!

Торквемада.

Защитой мнѣ—Латранскій весь соборъ
И папа Иннокентій третій.

Digitized by Google

Епископъ.

Полной
Покорностью достигнешь ты всего,
Но ничего, какъ бунтовщикъ.. Послушай,
Подумай, сынъ: мысль ложная твоя
Распространитъ не мало зла—пожалуй,
Создастъ расколъ.. Ударь-же въ грудь себя,
Покаявшись, скажи: «я заблуждаюсь».

Торквемада.

Я правъ.

Епископъ.

Отъ лжи грѣховной отрекись.
Святой Брюно, возвыситься желая,
Раскаялся.

Торквемада.

Во мнѣ желанья нѣтъ
Возвыситься—хочу остаться малымъ.

Епископъ.

Надменный!

Торквемада.

Нѣтъ, лишь вѣрующій.

Епископъ.

Но...
Что-жь думаешь ты предпринять?

Торквемада.

Пойду я
Въ Римъ босикомъ, чтобъ папу обо всемъ
Предупредить.

Епископъ.

Мнѣ онъ-то и велѣлъ
Тебя судить, собака!

Торквемада.

Лай собачій
Проснуться заставляетъ пастуха.
Я — я заставлю пробудиться папу...

И послѣ еще нѣкоторыхъ преній по поводу защищаемаго Торвемадою ученія, епископъ, выведенный изъ терпѣнія хладнокровною непоколебимостью монаха, сперва прибѣгаетъ къ словеснымъ угрозамъ, и затѣмъ, видя безплодность ихъ, указываетъ Торквемадѣ на вышеупомянутое отверстіе въ землѣ и говоритъ:

Войди сюда.

Торквемада.

Что это?

Епископъ.

Склепъ могильный.

Торквемада.

А!.. Хорошо.

(Направляется къ склепу).

Епископъ.

Остановись. Еще
Есть время... Что-жъ?

Digitized by Google

Торквемада.
Introibo.
Епископъ.
Подумай.
Торквемада *(подымая глаза къ небу).*
Сразн, Господь, пророка Твоего,
И пусть Твоя карающая воля
Исполнится!
(Подходитъ къ склепу и останавливается у входа).
Епископъ.
Я—твой епископъ: ты
Покорностью обязанъ мнѣ. Надменность,
Возстающая въ стѣнахъ монастыря —
Кровавая обида. Церковь въ правѣ
Повергнуть въ тьму того, кто миръ ея
Дерзнетъ смущать.
Торквемада.
Аминь.
Епископъ.
Повиновенья
Я требую.
Торквемада.
Нѣтъ.
Епископъ.
На одну ступень
Спустись.
(Торквемада исполняетъ).
Епископъ.
Монахъ, во имя Іисуса,
Я требую, чтобъ ты отрекся.
Торквемада.
Нѣтъ.
Епископъ.
Спустись еще.
(Торквемада сходитъ на вторую ступень).
Скажи: я отрекаюсь.
Торквемада.
Нѣтъ.
Епископъ.
На ступень еще!
(Торквемада опускается на третью ступень).
Я твой епископъ
И судія. Возьми назадъ свою
Жестокую и лживую доктрину.
Торквемада.
Въ ней правда все.
Епископъ.
Ты мнѣ уступишь.
Торквемада.
Нѣтъ.
Епископъ.
Спустись.

Digitized by Google

(Торквемада спускается; половина тѣла его уже въ склепѣ; епископъ подходитъ и указываетъ въ глубину):

Смотри: тамъ черный хлѣбъ съ водою;
Еще одна минута—и навѣкъ
Между тобой и свѣтомъ дня завѣса
Опустится. Небесный сводъ съ зарей,
Со звѣздами, съ луною—все исчезнетъ.

Торквемада.

Да будетъ такъ.

Епископъ.

Спустись.

(Торквемада сходитъ такъ, что видна только голова).

Подумай. Здѣсь
Погаснешь ты, какъ факелъ погасаетъ
Безъ воздуха. Здѣсь голодъ, жажда, смерть!
Не правда-ли, ужасно?

Торквемада.

Нѣтъ, прекрасно!

Епископъ.

Спустись еще.

(Торквемада исчезаетъ).

Торквемада *(изъ склепа).*

Я на полу.

Епископъ *(монахамъ).*

Закрыть.
Его плитой сейчасъ же.

Торквемада *(изъ склепа).*

Закрывайте.

(По знаку епископа, два монаха надвигаютъ плиту на отверстіе. Передъ тѣмъ, какъ окончательно закрыть его, они останавливаются и оставляютъ узкую отдушину. Епископъ наклоняется къ ней).

Епископъ.

Сынъ! Именемъ Спасителя-Христа
Взываю я: еще лишь мигъ—и будетъ
Все кончено. Ты отречешься?

Голосъ изъ склепа.

Нѣтъ.

Епископъ.

Мгновеніе одно тебѣ осталось.
Пока еще не поздно—откажись
Отъ дерзостныхъ, безумныхъ заблужденій,
И объяви, что ты отрекся.

Голосъ изъ склепа.

Нѣтъ.

Епископъ.

Да будетъ же навѣки миръ съ тобою!

(Два монаха закрываютъ совсѣмъ отверстіе).

Епископъ.

Помолимся, о братья!

Монахи *(уходя).*

De profundis!
Ad te clamavi, Domine!

*

Digitized by Google

Голосъ въ могилѣ.
Господь,
Умилосердись надъ несчастнымъ міромъ!
Голоса монаховъ въ отдаленіи.
Libera nos!
Голосъ въ могилѣ.
Творецъ, спаси меня!..

Приведенная нами почти цѣликомъ сцена—одна изъ лучшихъ въ пьесѣ по своей простотѣ—служа дополненіемъ той характеристики Торквемады, которую читатель могъ уже составить себѣ по собраннымъ выше отрывкамъ, въ тоже время касается и собственно фабулы трагедіи, служитъ завязкою ея. Поэтому и намъ будетъ кстати именно здѣсь разсказать существенныя подробности этой фабулы.

Въ томъ самомъ монастырѣ, гдѣ до сихъ поръ мы видѣли Торквемаду, заключены изъ политическихъ видовъ двое юношей—молодой человѣкъ и молодая дѣвушка; онъ—наслѣдникъ Бургосскаго престола, т. е. вассальнаго престола Испаніи, она тоже очень знатнаго рода; ни тотъ, ни другая не знаютъ тайны своего происхожденія и считаютъ себя, какъ считаютъ ихъ покамѣстъ и другіе — за исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ — онъ—дономъ Санхецомъ де-Салинасъ, она—донною Розою д'Ортецъ. Дядя Розы, могущественный правитель одной области, желаетъ выдать свою племянницу за Санхеца, тайна-рожденія котораго ему извѣстна, чтобы этимъ бракомъ осуществить свои политическіе виды; но покамѣстъ надо держать это въ секретѣ, вслѣдствіе чего молодые люди и пребываютъ въ монастырѣ — инкогнито для себя и для другихъ. Предусмотрительный дядя запеpъ ихъ вмѣстѣ для того, чтобы въ этомъ монастырскомъ уединеніи возникла и развилась взаимная любовь принца и принцессы, что, конечно, не замедлило совершиться. Но въ какія идиллическія формы вылилась эта любовь! Авторъ хотѣлъ, повидимому, создать нѣчто очень поэтическое, а создалъ самое приторное варенье, какое только можно себѣ представить. Донъ Санхецъ и донна Роза, точно пятилѣтніе ребята, бѣгаютъ за бабочками и за цвѣточками, принимаютъ бабочекъ за «поцѣлуи, летающіе въ воздухѣ для отысканія устъ, на которыхъ можно было бы остановиться», а таковыми «устами» признаютъ цвѣты, плачутъ (собственно она) отъ укола розы, чѣмъ вызывается восклицаніе его: «Ахъ, эти розы, что вздумали! Пить кровь ангеловъ!» и т. п. Одну изъ такихъ идиллическихъ прогулокъ молодые влюбленные совершаютъ по монастырскому кладбищу какъ разъ черезъ минуту послѣ того, какъ Торквемаду опустили въ склепъ. Они проходятъ мимо этого послѣдняго и слышатъ въ могилѣ человѣческій голосъ, взывающій къ помощи. Санхецъ вырываетъ изъ одной могилы водруженный въ ней желѣзный крестъ и этимъ орудіемъ, послѣ большихъ усилій, сдвигаетъ плиту. Торквемада выходитъ оттуда и говоритъ моло-

Digitized by Google

дымъ людямъ: «Вы спасли меня. Я клянусь вамъ, дѣти, заплатить вамъ тѣмъ же».

Все это, какъ извѣстно, происходитъ въ царствованіе Фердинанда Католика и Изабеллы. Фердинандъ, случайно зайдя въ монастырь, узнаетъ о пребываніи тамъ вышеупомянутой четы, инкогнито которой тоже разоблачается здѣсь передъ нимъ. Политическіе планы и соображенія (мы считаемъ совершенно излишнимъ излагать сущность ихъ) побуждаютъ Фердинанда нетолько согласиться на бракъ Санхеца и Розы, но даже содѣйствовать ему. Съ этою цѣлью они выведены изъ монастыря, имъ объявлено — кто они и бракъ долженъ скоро совершиться. Но въ то время, когда идутъ приготовленія къ нему, политическія соображенія въ Фердинандѣ уступаютъ мѣсто страсти, которую поселяетъ въ немъ Роза. «Правда, говоритъ онъ своему повѣренному, маркизу де-Фуэнтель:—правда, государственныя соображенія всегда требуютъ, чтобы монархъ преодолѣвалъ свои сердечныя склонности. Я это знаю. На что же мнѣ было рѣшиться? Эта прихоть не вдругъ овладѣла мною. Ты думаешь, я не боролся? Нѣтъ, я говорилъ себѣ: чортъ возьми! Она очень красива! Но этотъ бракъ ея съ Санхецомъ полезенъ мнѣ, мнѣ нужна Наварра, безъ которой я лишаюсь границы Испаніи съ Франціей. Любовь, подожми лапки!.. Но какіе глаза! Какая атласная кожа! Какая грація!.. Король, не дурачься! Неужели изъ-за первой встрѣчной юбки ты захочешь потерять въ одинъ день плоды десятилѣтнихъ сраженій?.. Нечего дѣлать, женимъ Санхеца и Розу, будемъ глубокимъ и удивительнымъ политикомъ... Нѣтъ, не могу, не могу, ничего подѣлать съ собой въ ту минуту, когда вижу ее переходящею въ объятія другого! Долой моего соперника! Я беру ее... Неужели же мнѣ терзать свое сердце, фибра за фиброй, только потому, что на Сенѣ, или на Рейнѣ, или на Тибрѣ шпіоны—короли наблюдаютъ за мною, карауля минуту, когда честолюбіе сдѣлается невнимательнымъ и ослабѣетъ?.. Быть великимъ королемъ—тяжело. Сердце должно взять свое. Мнѣ очень досадно, что я долженъ убить этого Санхеца, но вѣдь не для того же живешь на свѣтѣ, чтобы скучать. Развѣ моя вина, что эта дѣвочка такая красавица?»—«Конечно, не ваша», основательно отвѣчаетъ маркизъ. «Изабелла надоѣла мнѣ; мнѣ нужна другая женщина; наконецъ, имѣю же я право любить, какъ другіе!» восклицаетъ Фердинандъ, на что маркизъ поясняетъ: «Левъ проголодался...»

Итакъ, Фердинандъ положилъ отдѣлаться отъ своего соперника средствомъ весьма простымъ—убійствомъ. Но потомъ онъ измѣняетъ это рѣшеніе и запираетъ обоихъ молодыхъ людей снова въ монастырь, конечно, не въ одинъ и тотъ же и не вмѣстѣ, а порознь, съ тѣмъ, чтобы Санхеца продержать тамъ вѣчно, а Розу, по истеченіи нѣкотораго времени, взять оттуда и сдѣлать своею любовницею. Для совершенія этого послѣдняго подвига онъ разсчитываетъ на вышеупомянутаго маркиза, человѣка, который не

Digitized by Google

уступаетъ ему въ испорченности и умѣньи не останавливаться ни передъ чѣмъ для достиженія сластолюбивыхъ и властолюбивыхъ цѣлей. Но въ настоящемъ случаѣ разсчетъ короля оказался невѣренъ. Маркизъ узналъ, что Санхецъ—не кто иной, какъ его внукъ. Дѣло въ томъ, что маркизъ въ молодости былъ пажемъ при дворѣ владѣтельнаго принца бургосскаго, вошелъ въ любовную связь съ женой этого послѣдняго и прижилъ съ нею сына, котораго принцъ, не подозрѣвая ничего, торжественно призналъ за своего собственнаго, т. е. за законнаго наслѣдника престола. Этотъ сынъ потомъ женился, и отъ его брака родился именно Санхецъ, котораго затѣмъ, по смерти его отца, какъ сказано выше, надо было, по политическимъ причинамъ, скрывать въ монастырѣ. Итакъ, Санхецъ—внукъ маркиза, что этотъ послѣдній, разумѣется, тщательно скрываетъ отъ всѣхъ, но что и побуждаетъ его разрушить разсчетъ короля. Заключивъ Санхеца и Розу въ монастырь, Фердинандъ, по истеченіи нѣкотораго времени, приказываетъ маркизу—для чего и даетъ ему особое письменное sauf-conduit — извлечь Розу изъ ея обители и привезти въ загородный королевскій домъ, куда онъ самъ, т. е. король, намѣревается пожаловать въ тотъ же вечеръ. Но маркизъ пользуется sauf-conduit и для того, чтобы извлечь также изъ заключенія и Санхеца; въ загородный домъ онъ привозитъ не одну Розу, но и ея возлюбленнаго, и на нѣсколько часовъ оставляетъ ихъ тутъ, чтобы приготовить все къ бѣгству изъ Испаніи... Онъ не скрываетъ отъ молодыхъ людей грозящей имъ опасности, и когда онъ удаляется, тревога и боязнь овладѣваютъ ими. Санхецъ особенно страшится не за себя, а за свою невѣсту. «Опасность повсюду, восклицаетъ онъ: — о, кто же защититъ тебя?» И, въ отвѣтъ на это, раздается голосъ: «Я!» Молодые люди въ изумленіи оборачиваются и видятъ передъ собою Торквемаду...

Торквемада въ это время—уже не безвѣстный монахъ, какимъ мы видѣли его въ каталонскомъ монастырѣ. Желѣзною настойчивостью, къ которой пришло на помощь фанатическое суевѣріе испанцевъ и ихъ короля Фердинанда и особенно Изабеллы, онъ добился своего, и великая инквизиція въ полномъ разгарѣ. Все дрожитъ передъ нею и ея кострами, дрожатъ и Фердинандъ съ Изабеллой, которымъ Торквемада, стоящій во главѣ инквизиціи, не стѣсняется говорить такія вещи, какъ, напримѣръ: «Будь проклятъ король, будь проклята королева!» — когда они рѣшаются взять деньги у евреевъ, присужденныхъ къ изгнанію и сожженію, и за эти деньги, покамѣстъ, оставить ихъ въ покоѣ.

«Этотъ Торквемада, говоритъ маркизъ королю: — держитъ Испанію въ своихъ рукахъ. Онъ здѣсь—первосвященникъ. Всюду, гдѣ вы коснетесь ногтемъ, онъ прикладываетъ свои когти. Онъ замѣняетъ васъ... О, этотъ монахъ неудобенъ... Поединокъ между вами неравный. Государь, земля принадлежитъ этому монаху... Его факелъ пробѣгаетъ вездѣ и превращаетъ живыя существа въ пепелъ. Дворцы похожи на мрачные монастыри... Все, что

Digitized by Google

можетъ, бѣжитъ. Гордые пресмыкаются, смѣлые дрожатъ. Что дѣлаютъ люди отъ Тортозы до Кадикса, отъ одного конца королевства до другого? Доносятъ другъ на друга... Въ былое время, въ пору владычества дона Рамиро или донны Элеоноры, всякій испанскій городъ былъ веселъ и шуменъ, бубенчики игриво звенѣли надъ пляшущимъ народомъ. Теперь все молчитъ. Нигдѣ невиннаго смѣха, нигдѣ роскоши. Всякій пиръ вызываетъ подозрѣніе. Только и видишь, что страхъ, ужасъ, трауръ, и безпредѣльная Испанія представляетъ собою праздникъ, на которомъ потушены огни. Король, всѣ ваши лѣса уходятъ на изготовленіе эшафотовъ, и скоро не хватитъ на нихъ дерева. Преступленія дѣйствительныя, преступленія фальшивыя смѣшиваются во едино, и все оказывается пригоднымъ для пытки. Мимо васъ прошелъ такой-то, вы, стало быть—соучастникъ въ его преступленіи. Сынъ продаетъ отца, отецъ сына. Вы уронили нечаянно распятіе—васъ сожигаютъ живымъ. Одно слово, одно движеніе—ересь»...

А Торквемада, главный виновникъ, главный распорядитель всѣхъ этихъ казней, съ восторженною экзальтаціею смотритъ на ярко-горящіе костры, привѣтствуетъ это пламя, какъ великое, несомнѣнное спасеніе человѣческаго рода. Вотъ онъ передъ однимъ изъ такихъ эшафотовъ, на которомъ пылаютъ десятки человѣческихъ тѣлъ. Отчаянные крики, ревъ, вой, все окружающее дрожитъ отъ ужаса, а Торквемада смотритъ и восторженно восклицаетъ:

— О, торжество, о, чудный, свѣтлый праздникъ!
Пылай огонь святого милосердья,
Освобождай навѣки родъ людской!
Проклятые, спасайтесь! Адъ подземный
Земнымъ костромъ потушится. О, будь
Благословенъ, ты, возносящій душу
Къ небесному блаженству—ты, костеръ —
Ведущій міръ къ дорогѣ лучезарной,
Ты—рая дверь, открытая для всѣхъ,
Для всѣхъ людей... Ауто-до-фе! Прощенье,
Огонь, и свѣтъ, и жизнь, и доброта!..
. . . . . .
(Слушая крики сжигаемыхъ).
Вы слышите — владыка ада воетъ,
Увидя ихъ бѣгущими... Кричи,
Бѣсъ злости, плачь въ своей трущобѣ вѣчной,
Ты, вѣчный каторжникъ! Захлопнулъ я
Громадныя ворота адской печи!
О, какъ тогда зубами Сатана
Заскрежеталъ!.. За мрачными стѣнами
Остался онъ, зловѣщій и—одинъ!..
(Смотря на костеръ).
О, чудные рубины! О, брильянты
Блестящіе! Пылай, пылай огонь!
Мчись къ небесамъ, ты, пламя очищенья!

Digitized by Google

Сверкайте вы, мильоны яркихъ искръ,
Летящихъ вверхъ, чтобъ сдѣлаться звѣздами!
Освободясь отъ тѣлъ своихъ, грядутъ
Къ спасенію очищенныя души,
И вижу я, какъ изъ купели мукъ
Выходитъ въ міръ небесное блаженство!..
Ну, Сатана, мой врагъ, что, каково
Тебѣ теперь?

И такъ далѣе. Нужно замѣтить, что Торквемада Виктора Гюго зараженъ не только безграничнымъ фанатизмомъ, но и безпредѣльнымъ многословіемъ, доходящимъ до того, что онъ иногда заговаривается буквально до чертиковъ. Мы поэтому и теперь, какъ дѣлали это до сихъ поръ, ограничиваемся самымъ существеннымъ и лучшимъ изъ его монолога и возвращаемся къ прерванному изложенію фабулы пьесы.

Торквемада оставленъ нами въ ту минуту, какъ онъ явился передъ влюбленною четой—вѣстникомъ ея спасенія. Очутился онъ въ этомъ загородномъ королевскомъ замкѣ вотъ почему: у короля есть шутъ (лице, замѣтимъ кстати, до крайности безцвѣтное, хотя авторъ, видимо, хотѣлъ создать нѣчто весьма глубокое); онъ подслушалъ разговоръ своего государя съ маркизомъ на счетъ похищенія Розы изъ монастыря, и, такъ какъ онъ желаетъ прислужиться Торквемадѣ, боясь, чтобъ самому какъ-нибудь не попасть на костеръ, то онъ крадетъ второй ключъ отъ того же загороднаго королевскаго дома, вручаетъ его великому инквизитору и разсказываетъ обо всемъ, имѣющемъ произойти вечеромъ. Поступокъ Фердинанда въ глазахъ Торквемады не есть только оскорбленіе нравственности—онъ въ то же время и великое богохульство, оскверненіе святости монастыря, и Торквемада отправляется въ загородный домъ, чтобы остановить столько преступленій, отправляется, не зная, что онъ встрѣтитъ тамъ своихъ избавителей отъ смерти. Но онъ сейчасъ же узналъ ихъ, а когда они спрашиваютъ у него, кто онъ, Торквемада отвѣчаетъ: «Ничто самъ по себѣ; все по Іисусу Христу»; на вопросъ же о его имени, даетъ такой отвѣтъ: «Мое имя—Освобожденіе. Я тотъ, который видитъ ужасающую прозрачность—(мы переводимъ слово въ слово)—землю и адъ, находящійся подъ нею; мои взоры преслѣдуютъ испуганныхъ и растерявшихся демоновъ, и я усматриваю внизу бездну, которой должно страшиться, мрачный огонь, и въ рукахъ моихъ урна, которая должна погасить это пламя». Такъ какъ, однако, такой мудрый отвѣтъ ровно ничего не поясняетъ молодымъ людямъ, то Торквемада объявляетъ имъ, что онъ тотъ самый, котораго они вывели на свѣтъ изъ могилы, и спрашиваетъ, чего они желаютъ. «Сочетаться бракомъ, отецъ мой», отвѣчаетъ Санхецъ.— «Хорошо—говоритъ Торквемада—я самъ повѣнчаю васъ...

— Умершимъ—рай, живымъ—блаженство; вотъ,
Что я несу. Спокойный и смиренный,

Digitized by Google

Въ одной рукѣ я съ факеломъ, въ другой—
Я съ пальмой мира...

Подъ впечатлѣніемъ несказаннаго счастія, предстоящаго молодымъ людямъ, они начинаютъ вспоминать ту минуту и тѣ обстоятельства, среди которыхъ привелось имъ впервые увидѣть теперешняго ихъ избавителя. Санхецъ разсказываетъ, какъ онъ вырвалъ изъ могилы крестъ, чтобы, помощью его, сдвинуть плиту, подъ которой долженъ былъ погибнуть будущій великій инквизиторъ. Эта подробность, остававшаяся до сихъ поръ неизвѣстной Торквемадѣ, теперь приводитъ его въ ужасъ. «Боже мой! — восклицаетъ онъ про себя — они прокляты! вырванный крестъ! великое святотатство! Огонь, вѣчный огонь открывается подъ ними... Они внѣ спасенія»... Но, тѣмъ не менѣе, надо же какъ-нибудь устранить это ужасное положеніе, и Торквемада сейчасъ же придумываетъ. «Я спасу ихъ—говоритъ онъ—только иначе», и уходитъ, прося молодыхъ людей подождать его нѣсколько минутъ. Роза и Санхецъ остаются и предаются самымъ сладостнымъ грезамъ объ ожидающемъ ихъ блаженствѣ, какъ вдругъ, на террасѣ, внизу которой они находятся, появляется и медленно подвигается впередъ, несомое человѣкомъ въ черной одеждѣ, черное знамя съ изображенными на немъ черепомъ и двумя человѣческими костями. За знаменемъ тянутся въ два ряда люди (кающіеся) въ бѣлыхъ и черныхъ одеждахъ, съ совершенно закрытыми лицами. Это та самая процессія, которая, каждый разъ, какъ сдѣлано или сказано что-либо, признаваемое инквизиціею за грѣховное, отправляется за виновнымъ, беретъ его и отводитъ на костеръ т. е., по убѣжденію Торквемады, спасать. На такое «спасеніе» обрекъ Торквемада и молодую чету. «О, небо!» вскрикиваетъ Санхецъ—и трагедія кончена.

Не знаемъ, удалось ли намъ изложить все это такъ, чтобы читателю, безъ всякихъ поясненій, бросился въ глаза основной и очень крупный недостатокъ новаго произведенія Гюго—фальшивость, даже невозможность—въ художественномъ отношеніи—той точки зрѣнія, съ которой авторъ смотритъ на своего героя, того свѣта, въ которомъ онъ выставляетъ его передъ нами. Его Торквемада, очевидно, ни болѣе ни менѣе, какъ совершенно съумасшедшій человѣкъ, что проявляется особенно въ послѣдней сценѣ; а заставлять читателя имѣть дѣло въ теченіи четырехъ актовъ съ съумасшедшимъ человѣкомъ — немыслимо. Скажутъ: всякій фанатикъ—съумасшедшій человѣкъ. Во-первыхъ, это далеко не правда, во-вторыхъ—въ буквальномъ смыслѣ съумасшедшіе, какъ вообще всякія, совершенно не нормальныя явленія, не могутъ служить личностями, на которыхъ зиждется художественное произведеніе. Очевидно, что Гюго хотѣлъ изобразить во всемъ его ужасѣ, во всѣхъ его страшныхъ послѣдствіяхъ, безграничный фанатизмъ, и, въ силу поставленной себѣ заранѣе «задачи» (штука самая опасная въ художественномъ произведеніи)—до послѣдней степени сгустилъ краски, которыя уже сами

Digitized by Google

по себѣ, по сюжету пьесы, представлялись достаточно густыми, забылъ или не хотѣлъ принять во вниманіе очень извѣстное и очень справедливое правило, что художественное творчество не допускаетъ въ свою область ни такихъ закоренѣлыхъ злодѣевъ и вообще нравственныхъ уродовъ, въ которыхъ нѣтъ ни одной человѣческой черты, ни такихъ идеально-добродѣтельныхъ людей, которые скорѣе ангелы во плоти, чѣмъ люди. Это сочиненіе пьесы «на задачу»—а таковымъ мы, несомнѣнно, должны признать сочиненіе «Торквемада»—виною и тому, что главный герой трагедіи Гюго только въ одной—двухъ сценахъ представляется живымъ лицомъ; во всѣхъ же остальныхъ—это ходячая идея, риѳмованная диссертація, чему много помогаетъ то невѣроятное многословіе, о которомъ мы уже упоминали. И потомъ, мы затрудняемся понять, почему—если Гюго, дѣйствительно, имѣя въ виду не столько художественную, сколько—и, пожалуй, гораздо больше—чисто тенденціозную цѣль, почему выбралъ онъ именно *этотъ* сюжетъ? Если хотѣлось ему заклеймить словомъ негодованія религіозный фанатизмъ, то для этого трудиться не стоило, потому что такой фанатизмъ становится въ наше время явленіемъ все болѣе и болѣе анахроническимъ, и бороться съ нимъ—значитъ бороться почти съ вѣтряными мельницами; ужъ гораздо современнѣе, гораздо цѣлесообразнѣе было бы въ такомъ случаѣ выступить противъ религіознаго ханжества, продолжающаго и теперь очень вредно отражаться на прогрессивномъ движеніи человѣчества. Если желалъ онъ написать протестъ противъ нетерпимости вообще, деспотическаго произвола во всѣхъ его проявленіяхъ, то сюжетъ (говоря: сюжетъ, мы, конечно, понимаемъ не простую фабулу пьесы) выбранъ опять-таки неудачно и цѣли не достигаетъ. Второе дѣйствіе трагедіи—дѣйствіе совершенно вставное—можетъ привести, пожалуй, къ заключенію, что именно такого рода протестъ имѣлъ въ виду авторъ. Въ этомъ дѣйствіи мы видимъ Торквемаду на пути въ Римъ, для испрошенія у папы разрѣшенія воздвигать свои костры; по дорогѣ онъ нечаянно заходитъ въ пещеру извѣстнаго отшельника, Франциска de-Paule и пускается съ нимъ въ бесѣду о своей теоріи, о своемъ догматѣ уничтоженія ада посредствомъ костра. «Я хочу, говоритъ онъ, повторяя то, что̀ намъ уже извѣстно изъ многихъ отрывковъ, я хочу зажечь на землѣ громадный и спасительный пожаръ. Отецъ, никто никогда не видѣлъ въ грезахъ ничего лучшаго, и я слышу, какъ Іисусъ говоритъ мнѣ: иди! иди—цѣль послужитъ тебѣ оправданіемъ, лишь бы ты достигъ ея!.. И я иду...» А мирный отшельникъ возражаетъ ему вотъ что:

...Мы для того живемъ, чтобы любить
Все на землѣ. И каждый человѣкъ —
Другому братъ, другому—другъ. Онъ долженъ,
Коли убитъ имъ муравей простой,
Знать, *почему* онъ это сдѣлалъ... Въ морѣ,

Digitized by Google

Въ травѣ, въ лѣсу, въ подоблачномъ пространствѣ,
Ни одного живого существа
Никто изъ насъ изгнать не въ правѣ. Богомъ
Народу данъ свободный трудъ, пернатымъ —
Зеленый лѣсъ, всѣмъ—міръ. Нигдѣ цѣпей,
Нигдѣ тюрьмы. Позвольте человѣку
Стать палачемъ—даете Богу вы
Роль деспота. Евангелье святое
Имѣетъ крестъ; съ мечомъ идетъ коранъ...
Казня, мы впасть легко въ ошибку можемъ.
Казнить никто не въ правѣ. Эшафотъ —
Повѣрь, мой сынъ—ужасный вызовъ небу.
Оставимъ смерть у Господа въ рукахъ...
Употреблять могилу наказаньемъ!
Не слыханная смѣлость! Въ мірѣ все —
Дитя, жена, цвѣтокъ, плоды, голубка —
Священно все, все носитъ на себѣ
Господнее благословенье... Сынъ мой,
Всегда прощать, надѣяться всегда,
Не убивать и смертныхъ приговоровъ
Не изрекать, любить, молиться, вѣрить —
Таковъ законъ. Таковъ и мой залогъ.
Живущій въ немъ, спасеніе пріемлетъ.

Одинъ нѣмецкій критикъ изъ этихъ прекрасныхъ (за исключеніемъ все-таки нѣкоторой риторичности, часть которой мы еще пропускаемъ) словъ дѣлаетъ выводъ, что «Торквемада» Гюго есть, главнымъ образомъ, протестъ противъ смертной казни, т. е. въ драматической формѣ тоже самое, чѣмъ авторъ этой трагедіи такъ энергически занимается въ своихъ письменныхъ и словесныхъ рѣчахъ. Еслибы это было дѣйствительно такъ, мы, конечно, признали бы важность и своевременность такого протеста, хотя бы и въ ущербъ чисто-художественному достоинству произведенія; но, къ сожалѣнію, признать этого не можемъ, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, въ какой вылилась у Гюго его основная мысль. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ доказывать нелѣпость и ужасъ смертной казни изображеніемъ костровъ, зажигаемыхъ безумнымъ фанатикомъ! Такими доводами никого не убѣдишь и въ мало-мальски развитомъ читателѣ не вызовешь ничего, кромѣ пожиманія плечами... Что Гюго имѣлъ въ виду нетолько этотъ вопросъ о смертной казни, доказывается еще тѣмъ, что сюда же присоединенъ такъ называемый вопросъ еврейскій, это—именно тѣ сцены, въ которыхъ Фердинандъ и Изабелла рѣшились изгнать массу евреевъ изъ предѣловъ Испаніи и чуть ли не такую же массу сжечь на кострѣ, и потомъ, получивъ отъ еврейскаго населенія весьма крупную сумму, соглашаются покамѣстъ замѣнить ихъ маврами. Эти сцены, и особенно та, гдѣ главный раввинъ обращается съ рѣчью къ королю и королевѣ, очевидно, вставлены въ самое послѣднее время («Торквемаду» Гюго писалъ очень долго), т. е. съ совершенно съ спеціальною цѣлью, вслѣдствіе совершенно спеціальныхъ

Digitized by Google

обстоятельствъ, и, можетъ быть, этимъ «пришитіемъ», сдѣланнымъ уже слишкомъ бѣлыми нитками, объясняется безцвѣтность, холодное резонерство и фразерство всего, что мы находимъ въ этихъ «еврейскихъ» сценахъ. Однимъ словомъ, съ какой бы стороны мы ни посмотрѣли на новое произведеніе Гюго, какъ на произведеніе тенденціозное, оно положительно не удовлетворитъ насъ, за немногими отдѣльными исключеніями, и тутъ поневолѣ вспоминаются прежнія трагедіи Гюго, въ которыхъ мы тоже не можемъ не видѣть тенденціозности — не въ узкомъ, а въ обширномъ значеніи этого слова—и гдѣ, однако, авторъ умѣлъ въ тоже время держаться на высотѣ художественнаго творчества самымъ блистательнымъ образомъ. Напомнимъ для примѣра его «Le roi s'amuse».

Но, оставивъ въ сторонѣ *эту* сторону произведенія, не останемся ли мы удовлетворенными нравственно и эстетически, если посмотримъ на него со стороны чисто художественной? Нѣтъ, въ этомъ отношеніи разочарованіе наше будетъ, можетъ быть, еще болѣе значительно. Мы уже указывали на диссертаціонныя, такъ сказать, особенности пьесы, на отличающее ее въ очень многихъ сценахъ резонерство. Эти мѣста, заключая въ себѣ многія, свойственныя только этому поэту, красоты мысли и внѣшней формы, не придаютъ, однако, трагедіи, какъ *трагедіи*, никакой живости. Дѣйствія никакого или, по крайней мѣрѣ, весьма мало; трагическихъ коллизій и того меньше. Торквемада дѣйствуетъ или, вѣрнѣе, разговариваетъ одинъ; его грубой фанатической силѣ не противупоставлено ничего, никакой оппозиціи и протеста, борьба съ чѣмъ могла бы придать произведенію именно трагическій интересъ. Характеристики другихъ дѣйствующихъ лицъ или довольно слабы и избиты, какъ, напримѣръ, короля Фердинанда (который при этомъ еще тоже не есть лицо живое, потому что въ его рѣчахъ слишкомъ уже явственно слышенъ публицистъ Гюго, а не Гюго-художникъ), или смѣшны и приторны, какъ двое влюбленныхъ (о чемъ мы уже выше упоминали), или какъ маркизъ, который, узнавъ, что онъ—дѣдъ и что внукъ его живъ, становится невыносимо плаксивъ и говоритъ до невозможности банальныя, избитыя вещи, написать которыя должна была не мощная рука такого великаго поэта, какимъ, несмотря на это неудачное произведеніе, мы, конечно, продолжаемъ признавать Гюго, а старческая рука какого-нибудь слезливаго фабриканта мелодрамъ. Наконецъ, психологическій элементъ тоже не играетъ здѣсь никакой роли, будучи всюду замѣненъ чисто-патологическимъ...

Что же остается замѣчательнаго, выдающаго въ «Торквемадѣ»? Повторяемъ—отдѣльныя мысли, отдѣльныя мѣста, великолѣпно, какъ брильянты, блестящіе среди многихъ тусклыхъ камней и отъ времени до времени напоминающіе намъ, что мы все-таки имѣемъ дѣло съ великимъ мастеромъ. Кто безпристрастно, не увлекаясь, прочтетъ пьесу, тотъ, надѣемся, согласится съ нами

Digitized by Google

и испытаетъ такое же разочарованіе, разочарованіе тѣмъ болѣе прискорбное, что Гюго какъ драматическій писатель не выступалъ передъ публикой уже сорокъ лѣтъ, (со времени неудачи, испытанной на сценѣ его послѣднею трагедіею «Les Burgraves»), и что «Торквемада» писался очень долго, а, слѣдовательно, и появленіе его, возвѣщавшееся отъ времени до времени особыми объявленіями, ожидалось очень долго и съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ. Принимая въ соображеніе неувядаемую свѣжесть и мощь этого необыкновеннаго писателя, всякій могъ ожидать отъ него, именно какъ отъ драматурга, чего-нибудь по истинѣ большаго: тотъ, кто написалъ «Эрнани», «Le roi s'amuse» и т. п., долженъ былъ—думалось—сдѣлать чудеса съ такимъ сюжетомъ, какъ дѣятельность Торквемады... А, можетъ быть, именно эта долговременность работы, это постепенное «пришиваніе» то тѣхъ, то другихъ подробностей, сценъ и т. п., и есть одна изъ причинъ неудовлетворительности. Не испыталъ ли на себѣ въ этомъ случаѣ «Торквемада» обычную почему-то участь «многолѣтнихъ» трудовъ въ области чисто-художественной, трудовъ, въ которыхъ кропотливость работы, археологическая и всякая другая, смотря по надобности, отдѣлка, скобленіе, чищеніе, взвѣшиваніе каждаго слова, каждой запятой и т. п., въ концѣ-концовъ, стушевываютъ, убиваютъ то непосредственное вдохновеніе, безъ котораго немыслимо созданіе чего бы то ни было художественнаго? Гёте создалъ въ одну недѣлю своего «Геца», стоящаго недосягаемо выше его «Торквато Тассо», гдѣ многолѣтняя отдѣлка доведена до послѣдней степени совершенства.

Петръ Вейнбергъ.

Digitized by Google

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Внутреннія дѣла.—Національный праздникъ и двойной кризисъ: министерскій и муниципальный.—Перемѣщеніе центра народныхъ увеселеній.—Взрывъ на улицѣ Франсуа-Миронъ и ложные слухи.—Демонстрація передъ статуей Страсбурга.—Апоѳеозъ Мишле.—Реставрація Hôtel de Ville'я.—Вопросъ о центральной мэріи, затронутый по поводу торжества открытія зданія новой ратуши.—Праздникъ школьныхъ батальоновъ.—Президентскій обѣдъ и ознаменовавшіе его три тоста.—Псевдо-оффиціальный пріёмъ и неоффиціальные гости.—Палата и мэрія.—Потонувшее и всплывшее министерство.—Столкновеніе между муниципальнымъ совѣтомъ и правительствомъ.

Событіемъ нынѣшняго мѣсяца, какъ и слѣдовало ожидать, былъ національный праздникъ 14-го іюля. Крайне-дурная погода предшествовавшихъ дней мѣшала приготовленіямъ, и многіе полагали, что вслѣдствіе опасеній, внушаемыхъ внѣшней политикой и внутреннихъ неудовольствій, народный энтузіазмъ, на этотъ разъ, не проявится съ такою силой, какъ въ прежніе годы. Быть можетъ, именно по причинѣ такихъ предположеній, правительство и муниципальныя власти усилили расходы и, опасаясь, что частная иниціатива поскупится на цвѣты, фонарики и зелень, увеличили количество знаменъ, мачтъ, гирляндъ и транспарантовъ изъ цвѣтнаго стекла вдоль большихъ улицъ, набережныхъ, мостовъ и даже на самой Сенѣ, гдѣ былъ устроенъ венеціанскій праздникъ. По причинѣ перенесенія ратуши въ новое зданіе, и центръ оффиціальныхъ увеселеній перемѣстился. Между развалинами Тюльерійскаго дворца, замаскированными арками изъ разноцвѣтныхъ огней, и Елисейскими полями, еще замѣчалось нѣсколько роскошныхъ иллюминацій, но на Тріумфальной аркѣ de l'Etoile едва виднѣлось нить газовыхъ рожковъ, а Булонскій лѣсъ утопалъ во мракѣ. Освѣщеніе начиналось отъ Королевскаго моста, привлекая любопытныхъ къ Hôtel de Ville'ю, новое и бѣлое зданіе котораго было залито электрическимъ свѣтомъ. Немного поодаль, влѣво, темное мѣсто напоминало о страшномъ газовомъ взрывѣ, потрясшемъ за два дня передъ тѣмъ, 12-го числа, нѣсколько домовъ на улицахъ: Франсуа-Миронъ и Луи Филиппъ, причемъ было убито пять

Digitized by Google

или шесть человѣкъ и ранено до сорока. Громадная толпа народа проходила мимо окутанныхъ чернымъ флёромъ знаменъ, опускала въ поставленныя кружки пожертвованія въ пользу пострадавшихъ, и чудовищной волной катилась по иллюминованнымъ улицамъ: Риволи, Сентъ-Антуанъ, площади Бастиліи и Сентъ-Антуанскому предмѣстью, достигая Венсенскаго лѣса, гдѣ пущенъ былъ главный фейерверкъ.

На Монмартрскомъ бульварѣ частная иниціатива и народный восторгъ напоминали незабвенные 1877 и 1878 года. На вершинѣ Монмартрскаго холма, надъ лѣсами пресловутой церкви Святаго Сердца, развѣвались знамена и горѣли плошки. Всѣ примыкающія къ холму улицы были украшены зеленью, гирляндами, тысячью огней. Какой-то шутникъ, а можетъ быть и фанатикъ, выставилъ на украшенномъ цвѣтами пьедесталѣ бюстъ императорскаго принца; его увѣнчивали морковью, вѣшали на уши вишни, въ зубы всовывали трубку и затѣмъ разбили въ дребезги. Муниципальный совѣтникъ, коллективистъ Жоффренъ украсилъ свои окна красными знаменами и транспарантомъ со слѣдующей надписью: «14-го іюля 1879 г. — 18-го марта 1871 г.»—Полиція оставила въ покоѣ эти возмутительныя эмблемы, а толпа обратила на нихъ также мало вниманія, какъ и на виваты королю, которыми ознаменовали день св. Генриха нѣсколько легитимистовъ.

Взрывъ газа на улицѣ Франсуа-Миронъ навелъ нѣкоторыхъ боязливыхъ людей на мысль, что коммунисты, раздраженные возстановленіемъ разрушеннаго ими зданія Hôtel de Ville, замышляютъ какой-нибудь протестъ динамитнаго свойства. Одинъ ультрареволюціонный листокъ дѣйствительно неодобрительно отозвался о «праздникѣ буржуа». Коллективисты также расклеили по городу нѣсколько горячихъ прокламацій. Консьержи во 2-мъ и 4-мъ округѣ получили извѣщенія отъ «Исполнительнаго Комитета», въ которыхъ объявлялось, что дома, при которыхъ они состоятъ, будутъ взорваны вмѣстѣ съ ратушей. Два-три депутата изъ числа непримиримыхъ, наприм. Тони Ревильонъ, были предупреждены безъименными письмами о томъ, что можетъ случиться около 7-ми часовъ вечера. Но тѣмъ не менѣе ничего не случилось. Не было даже шумныхъ кортежей. Единственными неоффиціальными политическими манифестаціями, къ которымъ подалъ поводъ національный праздникъ 14-го іюля, были: овація Мишле и обычное шествіе эльзасцевъ и лотарингцевъ на площадь Согласія, т. е. къ статуѣ Страсбурга, у которой положенъ былъ колоссальныхъ размѣровъ вѣнокъ изъ иммортелей и трехцвѣтныя знамена съ траурными каймами.

Шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ похоронили на кладбищѣ Père La Chaise'а ученаго автора «Исторіи Франціи», «Исторіи французской революціи» и поэтичныхъ этюдовъ: «L'Oiseau», «L'Insecte», «La Femme» и «L'Amour». На собранныя по подпискѣ 45,000 франковъ два великіе художника, Мерсье и Пас-

Digitized by Google

калъ, устроили ему превосходный памятникъ. Мишле изображенъ лежащимъ у фонтана, окруженнаго деревьями; перо выпадаетъ изъ рукъ его, а лицо сохраняетъ улыбку, унаслѣдованную имъ отъ Вольтера. Предъ нимъ паритъ муза исторіи, въ одной рукѣ держа пальму, а другой указывая на слова историка: «L'Histoire est une résurrection». Внизу подписаны слѣдующія, извлеченныя изъ завѣщанія Мишле строки: «Да приметъ Богъ мою душу, исполненную благодарности за столь многія блага, за долгіе годы труда и дружбу столькихъ людей!»

Студенты, организовавшіе въ 1876 г. манифестацію антіеэуитскихъ учебныхъ заведеній, въ честь Мишле, какъ знаменитаго противника іезуитовъ, возобновили свой призывъ.

Съ своей стороны, союзъ синдикальныхъ палатъ пригласилъ различныя рабочія корпораціи прислать делегатовъ со своими знаменами, такъ какъ Мишле, начавшій свое поприще наборщикомъ, всегда оставался вѣренъ дѣлу трудящихся.

Весьма многочисленный кортежъ собрался 13-го числа, между 9 и 10 часами утра, на бульварѣ Вольтера. Во главѣ его шли делегаты отъ французскихъ городовъ, а также и иностранцы, принявшіе участіе въ подпискѣ на памятникъ. За ними слѣдовали члены института и профессора Collège de France, далѣе Жюль Ферри, въ качествѣ представителя отъ министерства, многіе депутаты и сенаторы.

Министръ народнаго просвѣщенія достойнымъ образомъ почтилъ память Мишле въ своей рѣчи, назвавъ его «несравненнымъ патріотомъ», «апостоломъ и слугою родины». «Никто не любилъ французской родины своей болѣе его», воскликнулъ онъ, «и это потому, что никто лучше его не зналъ ея... Никто болѣе его не жилъ ея жизнью, не страдалъ ея печалями, не плакалъ надъ постигавшими ее катастрофами, не радовался ея побѣдамъ. Никто, кромѣ его, не прослѣдилъ съ такимъ горячимъ чувствомъ и проницательностью вѣковыя судьбы стараго французскаго народа, пробуждающагося вмѣстѣ съ славной дочерью Лотарингіи, Іоанной, и затѣмъ поднимающагося и возвышающагося до свѣтозарныхъ вершинъ 1879 г.» Далѣе Ферри весьма удачно припомнилъ въ своей рѣчи слова Мишле: «Въ чемъ заключается первая часть политики? Въ воспитаніи. Вторая? Въ воспитаніи. Третья? Въ воспитаніи». Онъ не забылъ также, что Мишле начерталъ планъ «великой національной школы, въ которой дѣти всѣхъ сословій и состояній, въ теченіи года или двухъ, сидѣлибы на одной скамьѣ, и учились-бы познавать прежде всего Францію».

Министръ указалъ далѣе, что планъ великаго учителя приведенъ въ исполненіе и обратился къ представителямъ учащагося юношества со слѣдующимъ призывомъ: «Здѣсь, на могилѣ того, который сказалъ: «Безъ единства нѣтъ спасенія!» дадимъ обѣтъ образовать одну изъ тѣхъ федерацій, образъ которой онъ начер-

Digitized by Google

талъ неизгладимыми красками, дадимъ обѣтъ союза и единенія среди республики для блага родины!»

Было произнесено нѣсколько рѣчей и иностранными делегатами: отъ имени республики Гаити—негромъ г. Жанвье, отъ Венгріи — генераломъ Тюрромъ. Извѣстно, что въ Collège de France, аудиторія Мишле могла считаться всемірной, и въ ней безпрестанно раздавался его голосъ въ защиту угнетенныхъ народностей.

Сенаторъ Эженъ Пелльтанъ благодарилъ присутствующихъ отъ имени семейства покойнаго. Затѣмъ кортежъ привѣтствовалъ вдову Мишле, которую сопровождало нѣсколько дамъ, въ томъ числѣ дочь Александра Герцена.

Вечеромъ того-же дня происходило торжество открытія воскресшей изъ пепла парижской городской ратуши, этого parloir des bourgeois въ средніе вѣка, Hôtel de Ville, со временъ Гейнриха IV, пережившаго фронду, санкціонировавшаго революціи 1789, 1830 и 1848 годовъ и разрушеннаго во время возстанія 1871 года.

Возстановленіе ратуши было рѣшено Леономъ Сэ, назначеннымъ префектомъ при Тьерѣ, 23-го іюля 1872. 10-го февраля слѣдующаго года былъ утвержденъ проэктъ Баллю и Деперза, осуществленіе котораго потребовало первоначально 16 милліоновъ, но затѣмъ смета возрасла до 25 милліоновъ и достигнетъ, вѣроятно, цифры 30 милліоновъ при окончательномъ внутреннемъ устройствѣ.

Внѣшній видъ зданія сходенъ съ прежнимъ, съ тою разницей, что оно значительно увеличено въ объёмѣ и отличается бо̀льшею роскошью и изяществомъ.

Пройдутъ долгіе мѣсяцы, а можетъ быть и годы, пока префектура и муниципальный совѣтъ будутъ имѣть возможность водвориться въ новомъ зданіи. Не смотря на усиленную дневную и ночную работу цѣлой тысячи рабочихъ, ко дню открытія успѣли отдѣлать только лѣстницы главнаго корпуса, выходящія на Гревскую площадь и три залы, сохранившихъ прежнія имена: бывшей тронной, нынѣ залы совѣта, salle des Fêtes и salle Saint Jean. Послѣдняя все-таки не могла быть окончательно отдѣлана и ее маскировали декораціями. Такая поспѣшность объясняется желаніемъ нѣкоторыхъ муниципальныхъ совѣтниковъ вписать свои имена на славной скрижали возстановленія древняго памятника; къ тому же президенту нынѣшняго совѣта, почтенному и престарѣлому Сонжону времени терять не приходится, а префектъ Флокэ, хотя и молодъ, но также не любитъ терять времени, когда дѣло идетъ объ увѣковѣченіи его имени.

Программа праздника была выработана автономистскимъ большинствомъ муниципальнаго совѣта. Первое мѣсто въ числѣ приглашенныхъ отведено было президенту республики, за нимъ слѣдовали министры, при этомъ само собою разумѣется, посланники всѣхъ державъ должны были имѣть мѣсто за однимъ столомъ

Digitized by Google

съ главою государства. Приглашены были также представители иностранныхъ городскихъ совѣтовъ; изъ нихъ явились весьма не многіе: лондонскій лордъ мэръ, президенты берлинскаго и римскаго муниципалитетовъ прислали извинительныя письма, въ которыхъ объясняли причины своего отсутствія.

Не пригласить Гамбетту казалось невозможнымъ, но ему помѣшала явиться болѣзнь матери, скончавшейся нѣсколько дней спустя. При выборѣ ученыхъ и литературныхъ знаменитостей руководствовались ихъ политическимъ направленіемъ, и подъ предлогомъ не подходящихъ убѣжденій, не получили приглашенія: Александръ Дюма—сынъ, Эмиль Ожье и живописцы Жеромъ и Мейссонье. Изъ представителей прессы были забыты многіе. Правда, на галлереяхъ отведены были мѣста редакторамъ и корреспондентамъ даже наименѣе знаменитыхъ листковъ. Для нихъ устроенъ былъ и буфетъ, но замѣтимъ мимоходомъ, крайне плохой. За то не забыли пригласить слѣдующихъ, обыкновенно отсутствующихъ на подобныхъ парадныхъ банкетахъ гостей: одного инвалида, одного пожарнаго, одного солдата республиканской гвардіи, одного полиціанта, одного cantonnier муниципальной стражи, фактора типографіи муниципальнаго совѣта, пятерыхъ скульпторовъ, столько же подрядчиковъ и десять рабочихъ, принимавшихъ участіе при постройкѣ зданія.

Открытіемъ зданія ратуши воспользовались для смотра перваго парижскаго школьнаго батальона, которому предложено было угощеніе въ одной изъ залъ, а именно въ salle St. Jean. Починъ этого приглашенія принадлежитъ одному изъ муниципальныхъ совѣтниковъ, Аристиду Рею. Мысль его была развита французской образовательной лигой, основанной Жаномъ Масэ и организованной по всей Франціи по одному плану министерствами народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и военнымъ. При помощи этой лиги воспитаются поколѣнія, съ дѣтскихъ лѣтъ пріученныя къ владѣнію оружіемъ и изъ которыхъ получатся солдаты, свободные отъ милитарнаго рабства. Батальонъ маленькихъ парижанъ выстроился на площади ратуши болѣе получаса ранѣе оффиціальныхъ гостей. Призидентъ республики явился въ ту минуту, какъ онъ оканчивалъ свои весьма быстро и ловко выполненныя военныя эволюціи. Стоя на крыльцѣ ратуши, Греви принялъ первое знамя, ввѣренное парижскимъ учебнымъ заведеніямъ. Молодые воины отъ 12 до 16 лѣтъ весело рѣзвились въ муниципальной залѣ въ ту минуту, какъ появился Ферри и обратился къ нимъ со слѣдующими отеческими словами: «Я долженъ сказать вамъ, что подъ видомъ забавы, вы занимаетесь важнымъ и глубоко серьёзнымъ дѣломъ. Вы работаете надъ военнымъ образованіемъ будущей Франціи!» Въ отвѣтъ ему раздалось со всѣхъ сторонъ: «Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ республика!» Дѣти прокричали это такъ дружно и съ такимъ неподдѣльнымъ одушевленіемъ, что присутствующіе были

Digitized by Google

тронуты до слезъ, и только нѣмцы старались принять равнодушный видъ.

Оффиціальный банкетъ, между тѣмъ, уже начался въ salle des Fêtes, въ верхнемъ этажѣ. Обѣдъ по 30 ф. съ персоны, не отличался роскошью и разнообразіемъ. Къ тому же, къ великой выгодѣ предпринимателей, подавали съ такою быстротою, что гости рѣшительно не успѣвали ѣсть, и въ особенности пить, такъ что ловкіе буфетчики могли сдѣлать значительное сбереженіе на винѣ. Наконецъ, наступила минута тостовъ.

Здѣсь позволимъ себѣ нѣкоторое отступленіе. Автономистская партія, преобладающая въ бюро муниципальнаго совѣта, ускорила открытіе зданія новой ратуши единственно въ видахъ утвержденія парижской цантральной мэріи и признанія ея правительствомъ. Реорганизація мэріи, которой Фрейсинэ, повидимому, высказалъ сочувствіе, съ 4-го марта не двигалась впередъ и не формулировалась въ законопроэктъ. Возвѣщеніе объ этой реформѣ и различные проэкты муниципальной эманципаціи, представленные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, встрѣтили живѣйшую оппозицію со стороны якобинцевъ въ палатѣ депутатовъ. Греви, оставаясь вѣрнымъ президентскому невмѣшательству, а равно и личному характеру своему, предпочитающему тишину и спокойствіе, заявилъ заранѣе, что, если праздникъ Hôtel de Ville будетъ служить поводомъ къ революціонной манифестаціи, то онъ принужденъ будетъ воздержаться отъ участія въ немъ. Между вице-президентами муниципальнаго совѣта Ивомъ Гюйо, Бутелье и предсѣдателемъ его Сонжономъ велись безконечныя пренія по поводу того, чтобы вставить въ рѣчь представителя города, по крайней мѣрѣ, намекъ на желаемое преобразованіе. Остановились на такой фразѣ:

«Васъ долженъ бы привѣтствовать въ городской ратушѣ не президентъ муниципальнаго совѣта, а выборный мэръ города Парижа», и т. д.

Президентъ республики отказался на отрѣзъ и отъ такой фразы, и Сонжонъ вычеркнулъ ее, не предупредивъ товарищей. На банкетѣ 13-го іюля, около 7 часовъ вечера, онъ поднялся съ своего мѣста и сказалъ: «Отъ имени муниципальнаго совѣта города Парижа, почтительно привѣтствую въ вашемъ лицѣ, г. президентъ республики, человѣка, высокій разумъ и благородный характеръ котораго возвысили его на степень главы государства». Затѣмъ слѣдовало привѣтственное обращеніе къ посланникамъ иностранныхъ державъ, къ представителямъ европейскихъ иностранныхъ городовъ, къ палатамъ и министрамъ. Рѣчь заключена была ссылкой на девизъ великаго города: «старый корабль, испытавшій многія бури и несокрушенный подводными камнями, продолжаетъ стремиться къ свободѣ и прогрессу». Наконецъ, провозгласили тостъ за президента республики и именитыхъ гостей, при «счастливомъ предзнаменованіи идей мира, труда и свободы». Послѣ Сонжона поднялся съ своего мѣ-

Digitized by Google

ста сенскій префектъ и якобинецъ Флокэ, который, расточая въ своей рѣчи похвалы президенту республики, съигралъ съ автономистами шутку, предложивъ пить за здоровье «*единой и нераздѣльной Франціи, за миръ и политическое согласіе*».

Греви отвѣчалъ сухо, тостомъ въ честь города Парижа, поздравивъ его съ новою ратушей, вышедшей изъ развалинъ въ еще болѣе блестящемъ видѣ и назвалъ ее «*колыбелью муниципальныхъ вольностей, славнымъ, иногда бурнымъ, но всегда привлекающимъ театромъ драматическихъ событій, наполняющихъ его исторію*».

Довольный своимъ радикализмомъ и осторожностью, при помощи которой ему удалось превзойти Сонжона и Флокэ и не смутить гостей, принадлежащихъ къ дипломатическому міру, Греви быстро выпилъ полстакана шампанскаго и велѣлъ подавать кофе, т. е. далъ сигналъ концу пира. Въ особомъ залѣ онъ встрѣтилъ Ива Гюйо и Бутеллье, которые сказали ему: «Мы надѣемся, г. президентъ, что вы довольны уступками, которыя были вамъ сдѣланы?—Я никогда не забываю хорошихъ поступковъ!» отвѣчалъ онъ съ немного насмѣшливой улыбкой и отошелъ къ окну, чтобы полюбоваться изумительнымъ зрѣлищемъ иллюминаціи фонтановъ на площади, ближайшихъ мостовъ и сосѣднихъ зданій, освѣщенныхъ бенгальскимъ огнемъ. Толпа наполнила, между тѣмъ, площадь и самыя лѣстницы новой ратуши. Хоръ республуканской гвардіи игралъ марсельезу, аккомпанируя хорамъ оперныхъ пѣвцовъ.

550 маленькихъ солдатъ школьнаго батальона и 660 привилегированныхъ гостей банкета, разошлись въ 9 часовъ вечера; осталось нѣсколько муниципальныхъ совѣтниковъ и высшихъ представителей префектуры, чтобы исполнять обязанности хозяевъ. Впрочемъ, пріема въ обычномъ смыслѣ этого слова совсѣмъ не было... Пригласительныхъ билетовъ было слишкомъ много и провѣрять ихъ не было никакой возможности. Любопытные, даже и не во фракахъ, проникли въ залы и образовали громадное шествіе, замѣчу однакоже, съ соблюденіемъ при этомъ большаго порядка. Этотъ кортежъ входилъ съ одной стороны зданія и, пройдя по заламъ, выходилъ по противуположной лѣстницѣ, при звукѣ оркестра и хоровъ, которымъ апплодировали по пути. Это шествіе было повторено и приняло вполнѣ народный характеръ въ слѣдовавшіе затѣмъ три дня: 14, 15, и 16-го іюля. Вереницы посѣтителей, желавшихъ посмотрѣть на новую ратушу, были длиннѣе тѣхъ, которыя тянулись вокругъ большой и, комической оперъ, французскаго и другихъ театровъ, гдѣ давались даровые спектакли. Можно сказать, что дѣйствительно, весь Парижъ пожелалъ видѣть свой новый общинный дворецъ, видѣлъ его и, повидимому, остался имъ доволенъ.

Между тѣмъ, 18-го іюля немедленно вслѣдъ за весьма серьёзными преніями по поводу египетскихъ дѣлъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, въ палатѣ депутатовъ былъ поднятъ вопросъ о мэрѣ

Digitized by Google

города Парижа, возбудившій весьма горячія пренія, приведшія къ министерскому кризису. Одинъ изъ депутатовъ крайней лѣвой, представитель Кохинхины, Блансюбѐ, рѣшился напомнить, что 4-го марта текущаго года президентъ совѣта, отдавая справедливость парижскому населенію, объявилъ, что правительство не замедлитъ предложить возстановленіе центральной мэріи, котораго требуетъ большинство муниципальнаго совѣта; что, наконецъ, 13-го іюля президентъ республики привѣтствовалъ «*колыбель муниципальныхъ вольностей*». «Итакъ, продолжалъ колоніальный депутатъ: — когда же будетъ предложенъ законъ въ пользу центральной мэріи?»

Министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣчалъ на это самымъ туманнымъ и неопредѣленнымъ образомъ. «Правительство занималось изученіемъ этого вопроса, сказалъ онъ: — но вопросъ осложняется сенской департаментской организаціей и муниципальнымъ устройствомъ столицы; существуютъ нѣкоторыя затрудненія и разногласія; интересы внѣшней политики отвлекли насъ отъ этого вопроса. Мы вернемся къ нему, когда представится къ тому возможность, питая надежду, что приведемъ его къ желанному концу».

Блансюбѐ и его товарищи, по крайней мѣрѣ, Жюль Рошъ и Эрнестъ Мереврь, выказали тогда значительное нетерпѣніе и досаду. Они начали настаивать на томъ, что министерство приняло на себя обязательство и должно его выполнить. Предложили очередной порядокъ съ выраженіемъ «прискорбія».

Изъ среды демократическаго союза (бывшій лѣвый центръ и умѣренная лѣвая) вышелъ другой очередной порядокъ, а именно депутата Девѐса, въ которомъ выражалось, что «палата противится учрежденію центральной мэріи въ Парижѣ и надѣется, что правительство приметъ къ свѣдѣнію подобное ея желаніе».

Гоблэ отвѣчалъ, что правительство согласится лишь на простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ. На его сторонѣ оказалось лишь 161 человѣкъ, а противъ него высказались, руководясь различными мотивами, 241 членъ демократическаго союза, республиканскаго союза и крайней лѣвой.

Очередной порядокъ Девѐса былъ принятъ 256 голосами противъ 153.

Гоблэ громко заявилъ, что выйдетъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Очевидно, что и Фрейсинэ не могъ оставаться, будучи связанъ не менѣе своихъ товарищей. Дѣйствительно, члены кабинета собирались на совѣщаніе, рѣшили выйти въ отставку и отправились въ Елисейскій дворецъ, чтобы извѣстить о томъ президента республики. Но Греви отказался принять ихъ прошеніе, главнымъ образомъ, по причинѣ обостренія дѣлъ въ Египтѣ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи палаты, 19-го іюля, послѣ рѣзкой сцены, вызванной однимъ бонапартистомъ, по поводу прибавленія къ закону о вознагражденіи жертвъ 2-го декабря 1851 г.,

Digitized by Google

все республиканское большинство поддержало негодующаго Клемансо, (отецъ котораго самъ принадлежалъ къ числу декабрьскихъ изгнанниковъ) и выразило единодушное проклятіе бонапартизму. Затѣмъ Сади-Карно, тоже членъ демократическаго союза, но другого оттѣнка, чѣмъ Девéсъ, внесъ запросъ о положеніи министерскихъ дѣлъ.

Ни Фрейсинэ, занятый иностранными дѣлами, ни Гоблэ, отсутствіе котораго было понятно, не находились на министерской скамьѣ.

На трибуну вошелъ Ферри и изложилъ дѣло о непринятомъ прошеніи.

Вице-президентъ радикальной лѣвой, Лабюзъ, поспѣшилъ представить очередной порядокъ, заявляющій, что «голосованіе по поводу центральной парижской мэріи не имѣло цѣлью нарушать довѣрія палаты къ правительству, заявленіе котораго относительно внѣшней политики только-что были ею одобрены».

Жюль Рошъ пожелалъ, «по крайней мѣрѣ, узнать, продолжаетъ ли существовать разногласіе въ кабинетѣ по вопросу о мэріи, и какого мнѣнія держится министерство».

«Въ средѣ кабинета не существуетъ никакого разногласія», возразилъ Ферри и не прибавилъ къ этому ни слова.

Авторъ вызвавшаго кризисъ очереднаго порядка, Девéсъ, замѣтилъ, что палата не должна отрекаться отъ заявленныхъ мнѣній своихъ и объяснилъ, какой политики должно держаться правительство, по его мнѣнію, а также и по мнѣнію его единомышленниковъ: оно должно исключительно опираться на умѣренныхъ республиканцевъ, какъ противъ правой, такъ равно и крайней лѣвой.

На это возражалъ Гатинó, (вся политика котораго заключается въ ненависти къ Гамбеттѣ и гамбеттизму), что правительство не можетъ принести въ жертву передовой отрядъ республиканской арміи, не зная, чѣмъ замѣнить его. «Вопросъ о мэріи, продолжалъ онъ: — можетъ быть отложенъ и нѣтъ ничего легче, какъ возстановить министерство. Стоитъ только заявить о довѣріи къ нему палаты».

Министръ торговли Тираръ сказалъ: «Я пришелъ просить васъ заняться дѣлами страны, а не той или другой группы... Уступая настояніямъ президента республики, мы взяли назадъ свои прошенія объ отставкѣ, не какъ выпрашивающіе портфелей нищіе, а какъ патріоты и единственно въ виду серьёзности положенія внѣшнихъ дѣлъ». (Слова «нищіе, выпрашивающіе портфелей» были вычеркнуты въ оффиціальномъ отчетѣ).

Клемансó и Жюль Рошъ настаивали на томъ, чтобы правительство выставило программу, противуположную той, которая была предложена Девéсомъ и съ своей стороны предложили простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

Тогда появился на трибунѣ Жюль Ферри и объявилъ, что пра-

Digitized by Google

вительство можетъ принять только очередной порядокъ съ выраженіемъ довѣрія и безъ всякихъ объясненій.

Предложеніе Лабюза было забаллотировано 283 противъ 187; согласно съ формулой Гатино́, палата, «довѣряя правительству», утвердила переходъ къ очереднымъ дѣламъ 269 голосовъ противъ 101. Министры всѣ безъ исключенія приняли рѣшеніе палаты и эпизодъ по поводу парижской мэріи былъ оставленъ безъ послѣдствій.

Въ самый моментъ кризиса, Флокэ подалъ въ отставку отъ должности сенскаго префекта. Явившись въ тотъ же вечеръ на банкетъ, который избиратели 11-го округа давали замѣнившему его депутату Кадэ, онъ съ обычнимъ жаромъ подтвердилъ, что согласился стать во главѣ парижской администраціи лишь въ качествѣ сторонника развитія муниципальныхъ вольностей и возстановленія центральной мэріи города Парижа. Тѣмъ не менѣе, на слѣдующій день, при свиданіи съ президентомъ республики, Флокэ также попросили остаться на своемъ посту.

Не обращая ни малѣйшаго вниманія на затрудненія внѣшней и внутренней политики, автономисты муниципальнаго совѣта поспѣшили подлить масла въ огонь, раздутый кохинхинскимъ депутатомъ, быть можетъ, по ихъ же наущенію, и направить его уже не на министерство, а на палату депутатовъ.

21-го числа, Сонжонъ представилъ, по случаю возвѣщенной, но еще не состоявшейяся отставки сенскаго префекта, слѣдующій мотивированный очередной порядокъ:

«Принимая во вниманіе, что сенскій префектъ, г. Флокэ, присоединился къ проэкту возстановленія парижской мэріи; что, слѣдоватетьно, при существующихъ обстоятельствахъ, сохраненіе г. Флокэ на посту сенской префектуры равносильно подтвержденію муниципальныхъ требованій Парижа, совѣтъ, настаивая на высказанныхъ имъ 6-го ноября рѣшеніяхъ, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Возникли горячія пренія. Напрасно нѣкоторые изъ совѣтниковъ замѣчали, что основываться на рѣшеніяхъ, признанныхъ недѣйствительными путемъ декрета, значитъ открыто возставать противъ правительства. Говелакъ возражалъ: «Сама палата возстала противъ правъ Парижа!» 37-ю голосами противъ 26 очередной порядокъ Сонжона былъ принятъ. При открытіи засѣданія палаты, 22-го іюля, одинъ изъ членовъ демократическаго союза, гамбеттистъ Дрейфюсъ спросилъ съ трибуны министра внутреннихъ дѣлъ, какого онъ намѣренъ держаться образа дѣйствій, въ виду новаго подтвержденія общинной автономіи Парижа, противупоставляемой національному представительству. Гоблэ отвѣчалъ:

«Считаю излишнимъ увѣрять, что министръ внутреннихъ дѣлъ продолжаетъ быть сторонникомъ расширенія муниципальныхъ вольностей даже для Парижа; но я рѣшительно объявляю себя противникомъ ученій объ общинной автономіи. Въ особен-

Digitized by Google

ности же объявляю, что пока я найду возможнымъ оставаться на ввѣренномъ мнѣ посту, я буду неумолимъ относительно соблюденія закона... Я передалъ г. президенту республики прошеніе объ отставкѣ г. Сенскаго префекта, но не просилъ принять его; что касается обсужденія муниципальнаго совѣта, то я предлагалъ сегодня утромъ признать его недѣйствительнымъ, потому что нахожу его противозаконнымъ».

24-го іюля, во время засѣданія муниципальнаго совѣта въ павильонѣ Флоры, старшій секретарь префектуры прочиталъ декретъ о признаніи недѣйствительнымъ засѣданія, происходившаго 21-го числа, что̀ и было принято къ свѣдѣнію безъ всякихъ преній. Но тотчасъ же, вслѣдъ затѣмъ, президентъ совѣта, Сонжонъ, предложилъ новый очередной порядокъ, въ которомъ предлагалось «просить г. сенскаго префекта взять назадъ свою отставку». Послѣ небольшихъ преній предложеніе Сонжона было утверждено большинствомъ 49 голосовъ.

Флокэ, котораго въ тоже время просили взять назадъ свою отставку министерскимъ письмомъ и отъ имени правительства, остался префектомъ, подобно тому какъ Гоблэ—министромъ, и оба кризиса уладились... на время, по крайней мѣрѣ.

II.

Внѣшняя политика: Египетскій вопросъ и французскій парламентъ.—Константинопольская конференція. — Адмиралъ Сеймуръ. — Англійскія и французскія вооруженія.—Вопросъ Локруа и заявленіе Фрейсинэ 6-го іюля.—Первое ассигнованіе на военныя издержки, предложенное 8-го.—Бомбардированіе Александріи 11-го.—Воздержаніе французскихъ броненосцевъ.—Ассигнованія на тунисскую экспедицію въ палатѣ и сенатѣ. — Реорганизація тунисскихъ учрежденій. — Пренія о египетскихъ дѣлахъ 18-го и 19-го.—Изложеніе Локруа. — Фрейсинэ между европейскимъ концертомъ и союзомъ съ Англіей. — Гамбетта, стоящій за совмѣстность дѣйствій Англіи и Франціи и высказывающійся противъ турецкаго вмѣшательства. — Возраженіе Клемансо. — Рѣчь герцога Брольи въ сенатѣ, докладчикъ Шереръ и президентъ совѣта.—Великій успѣхъ Ваддингтона.—Двойное голосованіе перваго египетскаго кредита. — Предложеніе второго. — Неожиданное вмѣшательство Турціи. — Пренія въ палатѣ, по поводу второго египетскаго ассигнованія.—Отверженіе его громаднымъ большинствомъ.—Паденіе министерства Фрейсинэ 29-го іюля.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ, остановился на заявленіи Фрейсинэ о безвредности константинопольской конференціи, съ точки зрѣнія французскихъ интересовъ. На другой день, 23-го іюня, уполномоченные шести великихъ державъ начинали съѣзжаться въ Терапію, подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ представителей державъ, графа Корти. До послѣдней недѣли іюля мѣсяца они проводили время въ обмѣнѣ общихъ соображеній и въ выраженіи платоническихъ сожалѣній, по поводу уклоненій отъ всякаго дѣйствія со стороны Порты, продолжавшей разсылать-

Digitized by Google

ноты, въ которыхъ объяснялась безполезность конференціи, такъ какъ миссія Дервиша-паши возстановила согласіе между хедивомъ и Араби.

5-го іюля конференція обсуждала, а 7-го принимала, но подъ условіемъ предварительнаго разсмотрѣнія кабинетами каждой державы,—проэктъ тождественной ноты султану. Эта нота имѣла цѣлью побудить порту къ вооруженному вмѣшательству, при нѣкоторыхъ ограничивающихъ условіяхъ, которыхъ, въ особенности требовала Франція и въ виду возстановленія *statu quo ante*, то есть уничтоженія того, что произошло со времени перваго военнаго мятежа прошлаго года: изгнанія Араби, сохраненія хедивата за Тевфикомъ и возстановленія (болѣе или менѣе полнаго) англофранцузскаго контроля, въ финансовомъ отношеніи. Продолжая уклоняться отъ вмѣшательства, Порта согласилась, однако же, призвать Араби-пашу въ Константинополь, но призывъ остался безъ послѣдствій; далѣе она отдала приказъ военному министру хедива о немедленномъ прекращеніи вооруженій, на которыя указывалъ англійскій адмиралъ, главнокомандующій морской англо-французской демонстраціи, продолжавшей между тѣмъ свои безвредныя прогулки предъ Александріей. Египетское министерство отвѣчало и Портѣ, и адмиралу Сеймуру, что никакихъ враждебныхъ приготовленій оно не дѣлаетъ.

Тѣмъ временемъ Англія усиленно вооружалась, и даже во всѣхъ крупныхъ французскихъ портахъ замѣчалось движеніе судовъ и призывъ моряковъ. Либеральная печать не замедлила указать на это, а Локруа сдѣлалъ 6-го іюля запросъ президенту совѣта: предвидитъ ли правительство вмѣшательство Франціи въ египетскія дѣла, для выполненія миссіи ввѣренной конгресомъ, или намѣрено дѣйствовать отдѣльно отъ прочихъ державъ?

Фрейсинэ отвѣчалъ, что дѣйствительно были предписаны нѣкоторыя приготовленія, но, что они не преступаютъ предѣловъ обыкновенныхъ мѣръ предосторожности, непринятіе которыхъ было бы преступленіемъ при настоящихъ обстоятельствахъ». Не будучи еще въ состояніи ни утверждать, ни предвидѣть вмѣшательства Франціи, министръ завѣрилъ, что «ничего не будетъ сдѣлано безъ предварительнаго одобренія палатъ»... «безъ ясно спрошеннаго и ясно выраженнаго согласія парламента».

Эти слова были покрыты горячими рукоплесканіями, хотя, собственно говоря, первый министръ республики лишь констатировалъ статью коституціонныхъ законовъ 1875 года, по которой представители націи обладаютъ правомъ объявлять войну и заключать миръ.

8-го, морской министръ представилъ требованіе ассигнованія 7,835,000 франковъ, для начатыхъ уже вооруженій. Вице-адмиралъ Жорегиберри весьма неловко старался смягчить значеніе кредита, увѣряя, что онъ пойдетъ на ремонтъ старыхъ судовъ и уменьшая цифру мобилизируемыхъ моряковъ съ 12,000 до «какой-нибудь тысячи». Локруа заставилъ министра иностран-

Digitized by Google

ныхъ дѣлъ исправить изложеніе мотивовъ своего коллеги. Фрейсинэ повторилъ, что «не имѣетъ претензіи отвѣчать за будущее», но, что въ настоящую минуту, дѣло идетъ о сформированіи резервной эскадры, о возведеніи морскихъ силъ Франціи на ту высоту, на какой они находились до 1870 года, объ установленіи гармоніи этихъ силъ съ внѣшнимъ положеніемъ страны, наконецъ, подтвердилъ, что никакое дѣйствіе не будетъ предпринято безъ вѣдома палаты, ея зрѣлаго обсужденія и рѣшенія.

Правительство желало передать требованіе объ ассигнованіяхъ бюджетной комиссіи. Палата, большинствомъ голосовъ высказалась за образованіе для этой цѣли особой комиссіи, что обусловливало предварительное обсужденіе въ бюро.

Между тѣмъ телеграфъ объявлялъ изъ Константинополя о рѣшеніи конференціи представить 10-го іюля коллективную ноту Портѣ о турецкомъ вмѣшательствѣ, а изъ Александріи извѣщали, что адъютанты султана, посланные въ Египетъ пригласить Араби-пашу совершить увеселительную прогулку въ Константинополь, получили отъ него рѣшительный отказъ и уѣхали обратно въ Турцію съ двумя членами миссіи Дервиша-паши; что адмиралъ Сеймуръ, убѣдившись въ лихорадочныхъ вооруженіяхъ египетскихъ фортовъ, обратился къ египетскому правительству съ ультиматумомъ, предупредилъ консуловъ, взялъ на суда всѣхъ европейцевъ и велѣлъ очистить внутреннюю гавань. Въ англійскомъ парламентѣ лордъ Грэнвиль объявлялъ: «Только что рѣшенное дѣйствіе есть актъ обороны». Лордъ Дюфферинъ извѣстилъ объ этомъ въ Константинополѣ. 11-го іюля, ровно мѣсяцъ спустя послѣ рѣзни,—которая могла оправдать въ ту пору немедленную канонаду франко-англійскихъ броненосцевъ,—французская эскадра утекала къ Портъ-Саиду, между тѣмъ какъ гремѣли громадныя англійскія пушки, обстрѣливавшія самый дворецъ хедива. Египетскіе форты отвѣчали. Было убито 5 англійскихъ матросовъ и ранено 27. Нѣсколько фортовъ было взорвано. Ихъ защищали до конца мужественные защитники. Вслѣдствіе возобновленія бомбардировки, былъ викинутъ парламентерскій флагъ. Во время переговоровъ о сдачѣ, Араби организовалъ отступленіе своихъ войскъ по каирской желѣзной дорогѣ, предавая городъ грабежу и пожару. Хедивъ, укрывшійся въ Рамлехѣ, былъ бы неминуемо убитъ, еслибы не оказалось возможнымъ подкупить тѣхъ 500 солдатъ, которые посланы были взять его. Эти солдаты проводили его до уцѣлѣвшей части дворца, гдѣ уже стали охранять его высадившіеся на берегъ англійскіе матросы. Для тушенія пожаровъ и обузданія грабителей предложили свои услуги американскіе, нѣмецкіе, русскіе и греческіе моряки со стоявшихъ на рейдѣ судовъ. Эти услуги были приняты. Воздержались только французскіе и итальянскіе моряки.

Въ тотъ-же день бюро палаты назначило одиннадцать членовъ комиссіи, которой поручалось разсмотрѣніе кредита на военныя вооруженія. Было произнесено только двѣ замѣчатель-

Digitized by Google

ныя и небольшія рѣчи,—Гамбеттой и Рибо. Предварительныя пренія были задушены молчаніемъ министровъ, которые отложили объясненія свои до болѣе удобнаго времени. Эти объясненія были однако же сообщены, и притомъ въ достаточномъ изобиліи и подъ секретомъ, скромному докладчику Саррізну, который, повидавшись съ президентомъ совѣта, помѣстилъ въ своемъ отчетѣ именно такія объясненія, которыя были желательны министерству. Отчетъ выводилъ заключеніе въ пользу принятія ассигнованій, не высказываясь по поводу политики правительства въ Египтѣ, но принимая къ свѣдѣнію его обѣщаніе не предпринимать никакихъ дѣйствій, безъ предварительнаго согласія палатъ». Въ день представленія этого отчета, 17-го іюля, сенатъ, не взирая на пламенную оппозицію герцога Брольи, принялъ 6-ое ассигнованіе на покрытіе расходовъ по тунисской экспедиціи. Въ палатѣ шли пренія о проэктахъ переустройства тунисскихъ учрежденій.

Въ видахъ приведенія въ исполненіе договора 12-го мая 1881 года министерство Фрейсинэ представило три проэкта: одинъ—объ устройствѣ французской юрисдикціи, предлагавшей учрежденіе гражданскаго суда и 6-ти мировыхъ, другой — объ организаціи смѣшанныхъ ротъ, изъ европейцевъ и туземцевъ; третій — объ учрежденіи французскихъ учебныхъ заведеній для первоначальнаго, высшаго и ремесленнаго образованія. Комиссія, чрезъ посредство своего докладчика, позитивиста Антонена Дюбоста, не только одобрила всѣ эти проэкты, но и высказалась въ пользу организаціи протектората такимъ способомъ, чтобы тунисскія дѣла были поставлены подъ непосредственное вліяніе правительства республики. Бонапартистъ Делафоссъ, сдѣлавшій своею спеціальностью оппозицію по части оффиціальныхъ и восточныхъ дѣлъ, не преминулъ возстать противъ этого новаго шага къ тому, что онъ назвалъ роковою необходимостью присоединенія тунисскихъ владѣній. Камиллъ Пелльтонъ, постоянный противникъ тунисской экспедиціи замѣтилъ, что переустроить судебное вѣдомство Регентства нельзя, не коснувшись такъ называемыхъ капитуляцій. Министры юстиціи и иностранныхъ дѣлъ признали справедливость этого замѣчанія, но отказались объяснить, какимъ образомъ они добьются отказа отъ капитуляцій со стороны державъ нынѣ, ими пользующихся. Баронъ Рейль указалъ на опасность созданія артиллеріи, о которой говорится въ планѣ смѣшанной военной организаціи. «Было бы большею неосторожностью давать арабамъ усовершенствованное оружіе», сказалъ онъ, ссылаясь на Индію, гдѣ англичанамъ пришлось очень пожалѣть, что выучили индѣйцевъ «играть картечью». Рѣчь Рейля имѣла результатомъ то, что артиллерія была вычеркнута изъ числа тунисскихъ благодѣяній. Вся же совокупность проэктовъ принята была 352 голосами противъ 17.

Немедленно вслѣдъ за тѣмъ начались пренія по египетскимъ дѣламъ, двухчасовою рѣчью Эдуарда Локруа. Остроумный ре-

Digitized by Google

дакторъ «Rappel», человѣкъ весьма образованный и горячій патріотъ, обратился ко временамъ Людовика Святаго, чтобы показать, до какой степени египетскія дѣла всегда представляли глубокій интересъ для Франціи. Онъ напомнилъ экспедицію Бонапарта и замѣтилъ, что, на востокѣ политика революціи не должна отличаться отъ политики монархіи. Далѣе ораторъ изложилъ исторію вступленія на престолъ Мехмеда-Али, истребителя мамелюковъ, дѣятельность Тьера въ 1840 году, когда онъ смѣло бросилъ вызовъ Англіи и цѣлой Европѣ, готовый рисковать даже общей войной, напомнилъ непопулярность, постигшую іюльскую манархію вслѣдствіе невмѣшательства ради «мира во что̀ бы то ни стало», которое въ концѣ концовъ явилось одною изъ причинъ катастрофы 24-го февраля 1848 г., названной Ламартиномъ «революціей презрѣнія». Онъ указалъ на важное значеніе Египта, охраняющаго путь къ крайней Азіи и во внутреннюю Африку, гдѣ «жило и вносило цивилизацію до двадцати тысячъ французскихъ поселенцевъ»; замѣтилъ, что Франція тѣмъ болѣе заинтересована въ дѣлахъ Египта, что воинскій кличъ мусульманъ на берегахъ Нила можетъ встрѣтить грозный откликъ въ Алжирѣ и Тунисѣ. Разсказавъ о различныхъ фазисахъ англо-французскаго контроля, начиная съ низложенія Хедива Измаила, Локруа обвинилъ слегка англичанъ за нѣкоторое злоупотребленіе этою властью и Гамбетту, слишкомъ страстно державшагося политики союза съ Англіей. Безплодной франко-англійской нотой 8-го января, по его мнѣнію Гамбетта положилъ начало союза четырехъ державъ, на который пришлось натолкнуться Фрейсинэ; союзъ этотъ привелъ къ безполезной конференціи которой содѣйствовало усиленію заговорщика Араби. Бомбардированіе Александріи англичанами довершило униженіе Франціи, такъ какъ французскіе корабли удалились изъ соединенной эскадры и тѣмъ увѣнчали зданіе политики колебаній, которой можно предпочесть полное невмѣшательство. «Вотъ результатъ этой политики», сказалъ Локруа: «вчера она привела къ раззоренію большого города, завтра принесетъ вооруженное вмѣшательство. Остается узнать, какого образа дѣйствій будутъ держаться и какому риску придется подвергнуться».

Послѣ воинственнаго сторонника союза съ Англіей, Франсиса Шарма, говорилъ Фрейсинэ. Онъ вернулся къ первому военному мятежу, 1-го февраля 1881 г., и старался доказать, что въ египетскихъ волненіяхъ таится зародышъ національнаго движенія, заслуживающаго обратить на себя вниманіе державъ. «Вопросъ возникъ ранѣе моего возвращенія въ кабинетъ», замѣтилъ министръ—президентъ, стараясь поставить на видъ, что не онъ вызвалъ причины, дѣлающія необходимымъ вмѣшательство. Съ своей стороны онъ, по возможности, противился этой необходимости и стремится сдѣлать неизбѣжное вмѣшательство какъ можно менѣе опаснымъ, пытаясь «примирить интересы Франціи на востокѣ съ положеніемъ, занимаемымъ ею въ Европѣ». По-

Digitized by Google

этому онъ полагалъ, что дѣйствуетъ «разумно и предусмотрительно», ища рѣшеніе для египетскаго вопроса при содѣйствіи Европы, и не желая, чтобъ пришлось рѣшать его «противъ Европы». Министръ утверждалъ, что ему удалось сохранить наилучшія отношенія съ лондонскимъ кабинетомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизиться съ европейскимъ концертомъ. Онъ называетъ крупнымъ дипломатическимъ успѣхомъ тѣ ограничительныя условія, которыхъ удалось добиться посланнику Реноаль, когда было предложено турецкое вмѣшательство. Если оно не осуществится, Франція и Англія пригласятъ представителей державъ выработать способъ европейскаго вмѣшательства, въ которомъ и Франція расположена принять участіе, но подъ условіемъ полномочія отъ державъ, формулу котораго она представляетъ себѣ право тщательно взвѣстить и оцѣнить.

«А до тѣхъ поръ, прибавилъ президентъ совѣта, еще наканунѣ принято мною приглашеніе Англіи содѣйствовать охраненію Суэзскаго перешейка», но и въ этомъ дѣлѣ, изолированномъ отъ общаго вмѣшательства, онъ находитъ нужнымъ, сохраняя всю свою свободу дѣйствій, не дѣлать перваго шага, не обратившись совокупно съ англичанами съ послѣднимъ призывомъ къ конференціи.

Гамбетта появился на трибунѣ вскорѣ послѣ Фрейсинэ и произвелъ значительное впечатлѣніе своею рѣчью, вызвалъ рукоплесканія, порой почти единодушныя. Лишь въ крайней лѣвой слышался ропотъ по поводу завѣреній оратора, что починъ великихъ вопросовъ и отвѣтственность за него должны брать на себя министры, а также по поводу ѣдкихъ насмѣшекъ надъ тѣми изъ непримиримыхъ, которые видятъ въ Араби-пашѣ египетскаго Гарибальди. Гамбетта дошелъ до того, что объявилъ самихъ феллаховъ тварями, недостойными названія людей. Тѣмъ не менѣе не предаваясь личнымъ неудовольствіямъ, онъ принесъ свой голосъ и голоса своихъ сторонниковъ преемнику своему у кормила, въ пользу союза Англіи, національной политики въ египетскихъ дѣлахъ. Онъ горячо поздравлялъ Фрейсинэ за его, хотя и позднее рѣшеніе заключить соглашеніе съ Великобританіей, въ видахъ огражденія свободы Суэзскаго канала и обезпеченія французскихъ интересовъ, а также за предоставленіе Франціи свободы дѣйствій, въ случаѣ недѣйствительности послѣдняго совѣщанія въ средѣ европейскаго концерта. Онъ упрекнулъ однакоже министра за слишкомъ умѣренное требованіе ассигнованій и совѣтовалъ просить новыхъ кредитовъ для того, чтобы быть въ состояніи довести дѣло до конца во время парламентскихъ ваканцій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гамбетта гремѣлъ противъ заднихъ мыслей турецкаго вмѣшательства, болѣе или менѣе ограниченнаго, потому что «вернуть турка подъ французскія знамена», сказалъ онъ, «это значило бы сказать всему востоку, что Калифъ сдѣлался нашимъ господиномъ; это значило бы уничтожить въ одинъ

Digitized by Google

день все, что сдѣлано 50-лѣтнею политикою, традиціонной политикою Франціи на берегахъ Нила».

Что касается гипотезы о полномочіи, ввѣренномъ Франціи европейскимъ концертомъ, то Гамбетта съ негодованіемъ отвергъ мысль о «превращеніи французскаго солдата въ заптія, жандарма конференціи, или вѣрнѣе, Бисмарка, который ею руководитъ». Затѣмъ ораторъ старался разсѣять преувеличенныя опасенія, внушаемыя могущественнымъ сосѣдомъ, причемъ напомнилъ пресловутыя слова: «всѣ ссоры на востокѣ и по ту сторону моря не стоятъ костей одного померанскаго солдата». По мнѣнію Гамбетты, несравненно болѣе слѣдуетъ опасаться служенія цѣлямъ конференціи, «воображая, что мы приняли мѣры предосторожности», такъ какъ это служеніе можетъ завести французское знамя гораздо далѣе, чѣмъ того требуетъ польза Франціи.

Для огражденія французскихъ интересовъ въ Египтѣ, сохраненія французскаго вліянія на Средиземномъ морѣ и удержанія Алжира, по мнѣнію Гамбетты, существуетъ только одно средство: соглашеніе и совмѣстное содѣйствіе съ Англіей.

«Когда я смотрю на Европу, прибавилъ ораторъ: — то замѣчаю, что, въ теченіи десяти лѣтъ, постоянно существовала западная политика, представительницами которой является Франція и Англія. Я не знаю иной политики, которая могла бы оказаться для насъ полезной, какія бы ужасныя предположенія мы ни сдѣлали».

Въ ту минуту, какъ Гамбетта объявилъ, что слова его внушены ему глубокимъ «чувствомъ прозорливости будущаго», на крайней лѣвой послышалось: «о, о!». Онъ повернулся въ эту сторону и закричалъ: «Пусть тѣ, которые прерываетъ меня, объяснятъ съ трибуны причины, заставляющія ихъ предполагать, что слова мои не имѣютъ вѣса въ области внѣшнихъ дѣлъ; я же имѣю право сказать, что и до, и послѣ войны 1870 г. у меня не было заботы болѣе постоянной и, обратите вниманіе, превосходящей личные интересы и интересы партіи заботы, какъ лишь безопасность родины, и я возненавидѣлъ бы себя, на вѣки отказался бы отъ чести говорить предъ лицомъ страны, еслибы могъ поставить что̀ бы то ни было выше ея будущности и величія».

Президентъ совѣта поднялся съ своего мѣста и замѣтилъ на эту тираду, что кредиты, о которыхъ идетъ рѣчь, предназначаются лишь для морскихъ вооруженій; другихъ же потребуютъ въ тотъ день, когда окажется неизбѣжной защита Суэзскаго канала.

На слѣдующій день, 19-го, Гамбетта не могъ присутствовать на засѣданіи палатъ. У него умерла мать, пріѣхавшая вмѣстѣ съ дочерью въ Парижъ по случаю національнаго праздника и пораженная апоплексіей въ самый день пріѣзда. Гамбетта—нѣжный сынъ, и смерть матери глубоко поразила его. Оставивъ парламентскую борьбу, онъ повезъ тѣло покойной въ Ниццу, гдѣ и происходили гражданскія похороны. Въ Парижѣ не было никакой церемоніи.

Digitized by Google

Президентъ республики, министры, бо́льшая часть депутатовъ и сенаторовъ, и тысячи гражданъ прислали трибуну письма съ выраженіемъ соболѣзнованія, или траурныя карточки.

Это семейное событіе значительно ослабило интересъ, съ которымъ ожидали возраженія Клемансо. Соперникъ Гамбетти прежде всего возсталъ противъ его анти-націоналистической теоріи, отрицая существованіе низшихъ расъ, которыя позволительно эксплуатировать, какъ скотъ. Онъ сравнилъ египетскаго феллаха съ освобожденнымъ американскимъ негромъ и даже съ французскимъ крестьяниномъ до 1789 года, выразилъ сочувствіе къ стремленіямъ, породившимъ египетскую національную партію, воздержавшись, однакоже, отъ апологіи фанатика Араби и его солдатъ-поджигателей. Далѣе Клемансо высказалъ порицаніе излишествамъ иностраннаго контроля и эксплуатаціи космополитическихъ владѣльцевъ египетскихъ бумагъ, и въ заключеніе поздравилъ французское правительство по поводу непринятія участія въ бомбардированіи Александріи; политика Англіи, по его мнѣнію, толкаетъ Францію въ ловушку, заставляя ее тратить силы въ Тунисѣ и Египтѣ, подобно тому, какъ заставляетъ она австрійцевъ возиться съ Босніей и Герцеговиной. Тѣмъ не менѣе, глава крайней лѣвой объявилъ, что подаетъ голосъ въ пользу кредита на морскія военныя приготовленія, такъ какъ палата заручилась словомъ министра-президента, обѣщавшаго ничего не предпринимать, не испросивъ согласія парламента.

Отъ имени бонапартистовъ и роялистовъ, депутаты Делафоссъ и де-ла-Рошфуко заявили, что отказываютъ въ кредитѣ по той причинѣ, что вообще не одобряютъ политики республики, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Республиканецъ Ланглуа, полковникъ національной гвардіи, раненый во время послѣдней вылазки при осадѣ Парижа, патріотъ и храбрый человѣкъ, также заявилъ, что не подастъ голоса за предпріятіе, которое остается неразъясненнымъ, и конецъ котораго можетъ оказаться прямо опаснымъ. Таландье, отъ имени другой группы крайней лѣвой, упрекалъ Клемансо въ томъ, что заключеніе его рѣчи противорѣчитъ всему ея содержанію и объявилъ себя противникомъ ассигнованія, исходя отъ совершенно иныхъ точекъ отправленія, чѣмъ клерикалы и монархисты. При баллотировкѣ оказалось только 64 голоса противъ. Кредитъ вотированъ большинствомъ 424-хъ голосовъ.

Въ сенатѣ кредитъ былъ принятъ почти единогласно 205-ю голосами противъ 5. Правая воздержалась отъ подачи голоса, вслѣдствіе мнѣнія выказаннаго маршаломъ Канроберомъ, который написалъ, что «и Наполеонъ хотѣлъ завоевать Египетъ и сдѣлать изъ Средиземнаго моря французское озеро, но еслибы это и удалось ему, къ чему бы послужило это озеро въ ту минуту, когда войска Аттиллы стояли у Роменвилля»?!! Герцогъ Брольи, въ теченіи двухъ часовъ декламировалъ ядо-

Digitized by Google

витѣйшую діатрибу противъ какой бы то ни было политики, коль скоро она исходитъ отъ республики, поддерживалъ теорію Клемансо относительно египетской національной партіи, и много говорилъ противъ союза съ Англіей, высказывая взгляды совершенно противоположные мнѣніямъ своего отца, того Брольи, который жилъ и умеръ либераломъ. Но главный интересъ засѣданія заключался не въ этой салонно-реакціонной болтовнѣ, а въ словесномъ поединкѣ, разыгравшемся между Фрейсинэ и докладчикомъ сенатской комиссіи Шереромъ, журналистомъ, критическія статьи котораго, порою глубокія и часто ѣдкія, печатаются въ «Temps». Шереръ вложилъ всѣ свои добрыя и недобрыя качества въ нѣсколько страницъ, написанныхъ въ защиту вотированія кредитовъ, причемъ выразилъ крайнее негодованіе по поводу дѣйствій правительства по египетскому вопросу и въ достаточно рѣзкихъ выраженіяхъ высказался о министрѣ, «бѣгущемъ отъ отвѣтственности и приносящемъ все въ жертву, ради сохраненія за собой парламентскаго большинства, состоящаго изъ такихъ же нерѣшительныхъ людей, какъ и онъ самъ». Фрейсинэ попробовалъ отнестись ко всему этому свысока, но попытка возобновленія апологіи «*покорности европейскому концерту и операціи съ Суэзскимъ каналомъ, вполнѣ согласными съ интересами и достоинствомъ Франціи*», встрѣчены были сперва ропотомъ, а затѣмъ свистомъ и крикомъ, въ особенности же когда онъ пытался доказать законность бездѣйствія французскихъ броненосцевъ во время событій 11-го іюня и послѣ нихъ. Министръ удивлялся такому отношенію палаты и повторялъ, что уклоненіе отъ дѣйствія со стороны всѣхъ европейскихъ флотовъ, кромѣ англійскаго, мотивировалось заявленнымъ консулами мнѣніемъ, что европейское вмѣшательство привело бы къ взрыву мусульманскаго фанатизма, что дѣйствительно подтверждается и историческими фактами, но Шереръ прервалъ его словами: «Да, рѣзня дѣйствительно историческій фактъ!»

Сенаторы, проникнувшись этой истиной стали въ свою очередь повторять: «Несмотря на ваше невмѣшательство, европейцевъ перерѣзали въ Египтѣ!» Затѣмъ произошелъ такой шумъ, что трудно было узнать верхнюю палату, всегда спокойную и съ уваженіемъ выслушивающую оратора, тѣмъ болѣе, министра.

Дѣло въ томъ, что сенатъ находился подъ впечатлѣніемъ превосходной рѣчи, произнесенной на этотъ разъ далеко не блестящимъ ораторомъ, а именно Ваддингтономъ. Герцогъ Брольи обратился къ нему, какъ къ бывшему министру иностранныхъ дѣлъ, приглашая его оправдаться въ томъ, что онъ вывелъ Францію изъ «сосредоточенности и спокойствія», въ которыхъ она пребывала со времени катастрофы 1870 г. Ваддингтонъ съ большимъ достоинствомъ отстаивалъ политику, начало которой было положено участіемъ Франціи въ берлинскомъ конгрессѣ и которой продолжали держаться всѣ послѣдующіе кабинеты

Digitized by Google

до того момента, когда мѣсто Гамбетты занялъ Фрейсинэ: то была политика пріобрѣтенія вліянія и расширенія предѣловъ на востокѣ, въ Африкѣ, въ союзѣ съ Англіей. Громовыя рукоплесканія потрясли палату въ ту минуту, когда ораторъ напомнилъ, что онъ былъ не клевретомъ, а противникомъ Гамбетты, и сказалъ: «Относительно египетскаго вопроса, истина была на сторонѣ г. Гамбетты: онъ вѣрно понялъ интересы Франціи въ этомъ дѣлѣ. Но у него не хватило времени; краткій срокъ существованія его министерства не позволилъ ему довести до желаемаго конца то, что было имъ начато... Еслибы онъ удержался, соглашеніе съ Англіей, не исключая и военныхъ дѣйствій, не замедлило бы осуществиться. Если были колебанія со стороны англійскаго правительства, то они имѣли причиной лишь неувѣренность его въ долговѣчности министерства, съ которымъ приходилось имѣть дѣло... На мѣстѣ лорда Грэнвилля я точно также прежде чѣмъ принять на себя какія бы то ни было серьёзныя обязательства, сталъ бы выжидать, чтобы узнать, съ кѣмъ я долженъ имѣть дѣло».

Затѣмъ Ваддингтонъ обратился къ Фрейсинэ, призывая его вернуться къ иностранной политикѣ Гамбетты, наперекоръ которой онъ съ такимъ ожесточеніемъ дѣйствовалъ, и завершилъ свою рѣчь потрясающимъ восклицаніемъ: «Имперіи обязаны мы утратой Эльзаса и Лотарингіи; будемъ надѣяться, что республика не потеряетъ Средиземнаго моря»!

Наканунѣ 24-го, морской министръ и министръ финансовъ представили въ бюро палаты требованіе втораго ассигнованія въ размѣрѣ 9,410,000 франковъ, «для покрытія случайныхъ расходовъ, могущихъ быть вызванными событіями въ Египтѣ». Правительство остановилось на этой цифрѣ лишь послѣ того, какъ прислушалось къ мнѣніямъ депутатовъ и убѣдилось, что цифра въ 20,000,000 или 30,000,000 будетъ найдена ими слишкомъ высокой. Такая высокая цифра была указана военнымъ министромъ необходимою для отправки и содержанія болѣе или менѣе долгое время 25,000 человѣкъ, принимая во вниманіе, что англійское правительство потребовало у палаты общинъ болѣе 50 милліоновъ на содержаніе небольшой арміи въ 24,000 человѣкъ. Въ своемъ изложеніи мотивовъ, адмиралъ Жюрегиберри объяснялъ, что Франція, въ виду важнаго значенія, которое имѣетъ для нея Суэзскій каналъ, рѣшилась принять предложеніе Англіи о продолженіи дѣйствія обоихъ флотовъ, съ цѣлью огражденія этого великаго пути сообщенія отъ какого-бы то ни было посягательства и для покровительства судамъ, по немъ слѣдующимъ.

Рѣшено послать 4,000 человѣкъ морской пѣхоты немедленно, а позже, по всей вѣроятности, еще и другіе 4,000 человѣкъ солдатъ спеціальныхъ корпусовъ, для занятія сѣверной части перешейка, между тѣмъ какъ англичане будутъ охранять южную его часть и вѣдаться съ египтянами.

Digitized by Google

Этотъ проэктъ «удешевленной» экспедиціи встрѣтилъ сильнѣйшую оппозицію со стороны депутатовъ крайней лѣвой и презрѣніе патріотовъ, которые находили, что Франція должна дѣйствовать, но «со смысломъ, честно и отважно». Въ теченіи двухъ—трехъ засѣданій, всѣ четыре республиканскія группы обсуждали дѣло, но не могли выработать никакой ligne de conduite.

Комиссія, разсматривавшая вопросъ о второмъ ассигнованіи, 27-го числа высказалась противъ него шестью голосами большинства. Сорьенъ былъ выбранъ докладчикомъ послѣ второй баллотировки, такъ какъ послѣ первой онъ отказался. Рибо спросилъ у Фрейсинэ, поставитъ ли онъ министерскій вопросъ, на что министръ отвѣчалъ, что будетъ въ этомъ случаѣ вдохновляться случайностями общихъ преній.

Но въ то время какъ Сорріенъ составлялъ свой докладъ, совершенно неожиданно получилось извѣстіе о принятіи на 11-мъ засѣданіи конференціи, подъ предсѣдательствомъ оттоманскаго министра иностранныхъ дѣлъ,—турецкаго вмѣшательства, на условіяхъ, предложенныхъ Англіей и Франціей!

Было ли это заранѣе обдуманнымъ ходомъ ловкаго игрока, отдыхающаго въ Варцинѣ и путающаго карты Англіи, Франціи и Турціи? Или же это былъ мастерской маневръ *Foreign Office*'а, подготившаго ко времени возвращенія къ кормилу друга своего Саида-паши средство обойтись безъ солдатъ, въ которыхъ готова была отказать Франція, и присвоить себѣ вмѣстѣ съ протекторатомъ надъ Египтомъ и протекторатъ надъ самой Турціей? Не было ли это задумано вмѣстѣ Англіей и Германіей? Англія во имя удовлетворенія своихъ восточныхъ интересовъ, не протянула ли руку Германіи, замышляющей пріобрѣтеніе Люксембурга, а затѣмъ и присоединеніе Голландіи?

Такіе вопросы задавались въ корридорахъ Бурбонскаго дворца; депутаты и журналисты разсуждали и спорили о нихъ до одуренія. Въ одномъ однако же всѣ были согласны, а именно въ томъ, что Фрейсинэ, застигнутый болѣе чѣмъ когда-либо врасплохъ этимъ *coup de théâtre* — хотя и хорошій инженеръ, ловкій строитель случайнаго большинства въ палатѣ, тѣмъ не менѣе долженъ быть признанъ невозможнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, который своими хитростями и уловками, ради сохраненія мира во что-бы то ни стало, подарилъ Франціи нѣчто въ родѣ Седана на Средиземномъ Морѣ.

Палата, занятая общими преніями о бюджетѣ на 1883 годъ, почти безъ вниманія прослушала краткій отчетъ Сорріена, заканчивавшійся предложеніемъ объ отказѣ во второмъ египетскомъ ассигнованіи. По просьбѣ правительства, она отложила пренія съ четверга на воскресенье, такъ какъ для Фрейсинэ требовалось 48 часовъ, чтобы получить отъ де-Ноайля разъясненіе перемѣны въ турецкой политикѣ, и «посовѣтоваться съ лондонскимъ кабинетомъ». Послѣднее заявленіе вызвало громкій смѣхъ.

На совѣтѣ министровъ, собравшемся въ Елисейскомъ дворцѣ,

Digitized by Google

спрашивали, не лучше ли будетъ уступить миролюбивому настроенію большинства депутатовъ, твердо рѣшавшихся разойтись 29-го на каникулы и избѣжать тягостныхъ объясненій съ патріотами. Фрейсинэ ничего лучшаго не желалъ, какъ избѣжать бури и укрыться въ мирной гавани, но товарищи его по кабинету не допустили до этого. Кредитъ на охраненіе Суэзскаго канала былъ оставленъ на очередномъ порядкѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и министерскій вопросъ. Мало извѣстнаго оратора Ашара, защищавшаго проэктъ, почти не слушали; главные противники его Делафоссъ съ правой и Локруа съ лѣвой, уступили свою очередь говорить, чтобы поспѣшить съ министерскими объясненіями. Фрейсинэ не забылъ указать на различіе положенія между континентальной Франціей и инсулярной Англіей. Онъ силился доказать, что 10-тимилліонный кредитъ можетъ и не повлечь за собою никакихъ послѣдствій, такъ какъ безъ согласія европейскаго концерта ничего не будетъ предпринято и потребовалъ заявленія довѣрія, «въ чемъ не придется раскаяться», какъ буржуазно выразился первый министръ. Докладчикъ комиссіи военнаго бюджета, Лэзанъ, усмотрѣлъ полную неспособность арміи къ немедленной и большой войнѣ. Бывшій парижскій полковникъ Ланглуа иронически потребовалъ возвышенія цифры ассигнованій на военные расходы до 40 милліоновъ, что̀ было устранено возвращеніемъ къ предварительному вопросу. Де-Марсеръ, извиняясь, что имѣетъ видъ произносящаго рѣчь кандидата на портфѣль, выразилъ «патріотическія тревоги» бывшаго лѣваго центра и поставилъ нѣсколько опредѣленныхъ вопросовъ, принудившихъ Фрейсинэ снова взойти на трибуну. Министръ-президентъ началъ читать заявленіе, поданное за два дня передъ тѣмъ конференціи и уже резюмированное печатью. Онъ указалъ на затрудненія, сопряженныя съ турецкимъ вмѣшательствомъ и на возможность расширенія обезпеченія нейтральности перешейка, что уменьшило бы рискъ для Франціи. Вообще Фрейсинэ слишкомъ далеко зашелъ въ эксплуатаціи легковѣрія законодателей и особенно при описаніи канала: изъ этого описанія слѣдовало, что нашему десанту, высадившись на берегъ, пришлось бы только прогуливаться по немъ, такъ какъ непріятель находился бы на другомъ берегу. Старый энтузіастъ Мадье де-Монжо выставилъ смѣшную сторону министерскихъ объясненій, указавъ на отсутствіе опредѣленной политики у правительства, на преобладаніе англійскихъ интересовъ и на необходимость для республиканской Франціи сохранить всѣ свои силы для собственной обороны. Наконецъ, Клемансо осмѣялъ три фазиса политики Фрейсинэ: европейскій концертъ, воздержаніе отъ вмѣшательства и псевдо-вмѣшательство. Онъ закончилъ рѣчь, предложивъ полное и безусловное сосредоточеніе въ себѣ. «Европа покрыта солдатами, воскликнулъ онъ:—всѣ ждутъ, всѣ державы сберегаютъ свою свободу на будущее; оставьте же свободу дѣйствій и для Франціи!»

*

Digitized by Google

Первую статью, въ которой заключается вся суть, голосовали вставаньемъ и сидѣньемъ. Ее отвергли. Клемансо замѣтилъ, что онъ и его сторонники требовали баллотировки, которую президентъ оставилъ до окончанія голосованія по статьямъ. Теперь онъ подтвердилъ свое требованіе, и урны дали слѣдующій результатъ: 416 голосовъ противъ и только 75 за.

Большинство было крайне разнокалиберно. Оно обнимало, во-первыхъ, правыхъ, монархистовъ, враждебныхъ всякаго рода республиканской внѣшней политикѣ; во-вторыхъ, республиканскій союзъ, который желалъ франко-англійскаго дѣйствія весною, теперь же находилъ, что время пропущено и порицалъ надувательства Фрейсинэ; въ-третьихъ, радикальную лѣвую и непримиримыхъ, стоявшихъ за миръ во что бы то ни стало; въ-четвертыхъ, половину демократическаго союза, которому противны были приключенія, но и патріотическое чувство котораго оскорблено было несогласной съ достоинствомъ Франціи политикой.

Немедленно послѣ засѣданія 29-го іюля, министерство 30-го января подписало прошеніе объ отставкѣ и препроводило его въ Елисейскій дворецъ. Греви уже не могъ отказать въ принятіи его, какъ-то сдѣлалъ на предъидущей недѣлѣ. Онъ велѣлъ напечатать въ «Оффиціальной газетѣ» о полученіи прошеній объ отставкѣ министровъ, «которыхъ просятъ продолжать завѣдываніе дѣлами впредь до составленія новаго кабинета».

Но гдѣ же взять этотъ кабинетъ? Съ обычнымъ спокойствіемъ, президентъ республики пригласилъ на совѣщаніе президентовъ обѣихъ палатъ. Прошло воскресенье, и палаты снова собрались на засѣданіе, а Греви не обращался ни къ одному изъ политическихъ дѣятелей, способныхъ стоять во главѣ кабинета. Онъ какъ будто ждалъ внезапнаго образованія большинства, которое могло бы быть представлено десятью однородными и способными продержаться нѣсколько мѣсяцевъ министрами, на которыхъ и будетъ возложено выполненіе опредѣленной миссіи.

Но люди, не стоявшіе еще у кормила, начиная съ президента палаты депутатовъ Бриссона и кончая докладчикомъ бюджетной комиссіи Рибо, уклонились. Рибо даже компрометировалъ себя присоединеніемъ къ меньшинству 75, очевидно, съ цѣлью сдѣлать себя невозможнымъ въ настоящую минуту, какъ министра. Идеаломъ коалиціи антигамбеттистовъ было министерство, равносильное кабинету Фрейсинэ, такъ какъ это избавило бы отъ непріятной необходимости передѣлывать бюджетъ на 1883 г., не помѣшало бы отъѣзду на отдыхъ, и затѣмъ, по возобновленіи сессіи, позволило бы снова воздержаться отъ рѣшеній, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ дѣлъ, и сидѣть сложа руки.

Быть можетъ, меня упрекнутъ въ преувеличеніи, но мнѣ кажется, что масса столь же равнодушная, сколько и миролюбивая, столь же скептичная, сколько и слѣпая, требуетъ именно этого. Настоящее положеніе дѣлъ, между тѣмъ, не можетъ не считаться крайне затруднительнымъ, безвыходнымъ и опаснымъ,

Digitized by Google

такъ какъ открываетъ широкое поле для самыхъ пагубныхъ интригъ и способно обостряться съ минуты на минуту, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе будутъ стараться смягчать его. Я не знаю ничего опаснѣе спячки общественнаго мнѣнія, и стоячія воды не внушаютъ мнѣ довѣрія.

Людовикъ.

Парижъ, 31-го іюля, 1882 года.

НОВЫЯ КНИГИ.

О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ. *Ипполита Панаева.* Спб., 1882.

На произведенія, подобныя брошюрѣ г. Панаева, по справедливости, не слѣдовало бы обращать ровно никакого вниманія. Ни для кого они не интересны, никому ничего не могутъ дать, и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что только благодаря безъисходной скукѣ, да лишнимъ деньгамъ въ карманѣ рождаются они на свѣтъ и удостоиваются печатнаго станка. Но, сами по себѣ, не представляя ровно никакого интереса, явленія этого рода заслуживаютъ быть отмѣченными въ качествѣ характерныхъ признаковъ времени, ибо, при всемъ ничтожествѣ своемъ, служатъ вѣрнымъ указателемъ того, откуда дуетъ вѣтеръ, точно тѣ докучливыя мошки, которыхъ то принесетъ къ вамъ, то отнесетъ отъ васъ вѣтромъ. И дѣйствительно, безъ вліянія всемогущаго вѣтра, было бы совершенно невозможно объяснить, откуда это у г. Ипполита Панаева могло взяться столько смѣлости и столько задора.

А г. Ип. Панаевъ очень смѣлъ и очень задорливъ. Можно даже сказать, что смѣлость—это самая выдающаяся черта его. Онъ смѣлъ во всемъ—и въ цѣляхъ, которыя преслѣдуетъ, и въ средствахъ, которыми думаетъ достичь ихъ. А задорливъ онъ... ну ничуть не меньше оффенбаховскаго Ахилла. Все ему въ современномъ человѣкѣ не по сердцу, со всѣмъ ему такъ и хочется расправиться по своему.

Главный врагъ г. Панаева—современная наука. Отъ борьбы съ наукой вообще онъ скромно и великодушно отказывается. Но «современная» наука и ея пагубное направленіе—этого оставить такъ нельзя. Трудно даже перечислить все зло, къ которому «современное знаніе» оказывается причастнымъ. «Наука нашего времени, отуманиваемая своими матеріалистическими тенденціями, слишкомъ самонадѣянна и слишкомъ нелогична» (64). «Въ лицѣ

Digitized by Google

самыхъ видныхъ представителей, она вторгаясь въ область не принадлежащую опытному знанію, усиливается давать отвѣты на вопросы, касающіеся значенія человѣка во вселенной, человѣка въ цѣломъ, касающіеся его происхожденія и судьбы» (29—30). Благодаря этому безобразію, «ученія, считающіяся передовыми, проводятъ болѣе или менѣе открыто, что для объясненія міра они не нуждаются въ Богѣ» (93); «съ каѳедръ преподается (страшно сказать) отъ имени науки, что воля есть не нѣчто самостоятельное, отъ человѣка зависящее, а вполнѣ только лишь результатъ происхожденія, рожденія, естественной обстановки, физическаго организма, воспитанія, среды» (100); наконецъ, распространяется убѣжденіе, что «человѣкъ есть одно изъ мелкихъ звеньевъ естественной механической цѣпи» (130). И такимъ то путемъ «убивается вѣра въ достоинство человѣка» и «равновѣсіе въ умахъ расшатывается горделивымъ и необдуманнымъ притязаніемъ достигать объясненія всего естественнымъ образомъ» (155). Вотъ къ чему ведетъ «современное знаніе!»

Но этого мало. У г. Панаева есть еще одинъ врагъ. Что это за язва, даже представить себѣ трудно! Называется она на языкѣ автора «пагубной страстью казаться». Эта ужасная страсть, кажется, рѣшительно всему виной. Все, что не нравится автору, все безъ разбора сваливаетъ онъ на этотъ гибельный «результатъ не раціональнымъ путемъ шествующей цивилизаціи». И нѣтъ такого слоя общества, который бы не былъ пораженъ этой повальной болѣзнью; нѣтъ такого общественнаго положенія, нѣтъ такого развитія, которое бы освобождало отъ нея. Это просто новый всеобщій законъ природы, въ родѣ тяготѣнія. Вотъ народъ. «Одержимый болѣзнью казаться», онъ въ лицѣ Смердякова (въ «Братьяхъ Карамазовыхъ») хватается за ученіе «все дозволено» (112—113). Вотъ интеллигентъ. И съ нимъ тоже самое. «Надо — видите ли вы (горячится авторъ), интеллигенту непремѣнно казаться стоящимъ на уровнѣ съ людьми, принявшими послѣдніе выводы науки» (130). Вотъ даже ученый, «вполнѣ зрѣлый и серьёзный ученый», и тотъ «боится показаться стоящимъ ниже уровня послѣдняго слова науки» (96). Что же послѣ этого ожидать отъ какихъ-нибудь литераторовъ? Что удивительнаго, что и они не избѣгли общей участи. И дѣйствительно, въ литературѣ нашей съ шестидесятыхъ годовъ завелась «претензія казаться научной» и въ связи съ этимъ «непривлекательная манера въ разсужденіяхъ» (77—8). Вообще, предъ лицомъ г. Панаева «разыгрывается умственная и нравственная драма; ученые иниціаторы и ихъ послѣдователи-популяризаторы, а также и толпа читателей, все это заботится главнѣйше о томъ, чтобы казаться сторонниками передоваго ученія» (1—2).

Такова современность! Таковы современные ученые и неученые, современная интеллигенція и современный народъ, современные литераторы и современные дѣятели!

И вотъ, противъ этой то многоглавой гидры современности

Digitized by Google

г. Панаевъ какъ ни въ чемъ не бывало, смѣло и бодро выходитъ въ самомъ что ни на есть легкомъ вооруженіи. Подъ мышкой пара томиковъ безцвѣтныхъ сочиненій Навиля и популярная книжка очарователя парижскихъ дамъ Каро, въ карманѣ 2 номера газеты «Новое время», и въ придачу къ этому—«я говорилъ уже въ 1878 г.» (слѣдуетъ обязательная выписка), «я писалъ въ 1876 году» (опять выписка). Это ли не смѣлость? Но что же говорилъ г. Панаевъ въ 1878 году, что писалъ онъ въ 1876 году, и чего ему надо теперь, спроситъ читатель. Дѣло все въ томъ, что г. Панаевъ не тронутъ духомъ времени и поэтому хочетъ подѣлиться съ нами, современниками, своими несовременными мыслями и чувствами. Онъ не горделивъ и не притязателенъ, какъ современные ученые, и не хочетъ «казаться» ни чѣмъ—каковъ есть, и хорошо. Но онъ очень смѣлъ и очень задорливъ. Только на минуту его останавливаетъ мысль, не подумаетъ ли проницательный читатель, что г. Панаевъ слишкомъ «смѣло вторгается въ ту область, которая ему мало знакома» (152). Но долой сомнѣнія. «Теоріи, касающіяся универсальныхъ вопросовъ... компетентенъ разбирать всякій пріучившій себя мыслить серьёзно человѣкъ. Слѣдовательно и я...» Такъ ободряетъ себя г. Панаевъ и на основаніи этого принимается судить и рядить рѣшительно обо всемъ, объясняя какъ бы онъ все разсудилъ, еслибъ ему предоставили рѣшить всѣ вопросы науки и жизни. И какъ вѣдь просто все рѣшается! Вотъ напримѣръ пессимизмъ, казалось бы — такое явленіе, надъ которымъ можно призадуматься. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ пессимизмъ просто на просто «не пригоденъ ни къ чему. Это — доктрина тѣхъ, которые находятъ все дурнымъ, потому что самихъ себя постоянно видятъ en beau» (80). Вотъ и рѣшеніе. Или взять вопросъ о свободѣ воли. Тоже не легкій вопросъ. А у г. Панаева это очень легко выходитъ. Стоило бы «переспросить всѣхъ (тѣхъ, конечно, которые ничего не слыхали о научныхъ пререканіяхъ касательно свободы воли), чувствуетъ ли каждый изъ нихъ себя свободнымъ, принимая то или другое рѣшеніе, и безъ сомнѣнія всякій изъ спрошенныхъ отвѣтилъ бы утвердительно». Или вотъ тотъ вопросъ о нравственномъ чувствѣ. Современные мыслители считаютъ его такой же естественной склонностью, какъ любую другую склонность. А г. Панаевъ таинственно сообщаетъ, что есть много случаевъ, гдѣ «человѣкъ дѣйствуетъ не по склонности, а по повелѣнію, которое передается ему не изъ міра представленій, а... неизвѣстно откуда» (106). Вотъ, что значитъ умѣть взяться за дѣло! Точно также и съ вопросами о научномъ методѣ — та же рѣшительность и смѣлость. «Для того, чтобы открыть какой-нибудь смыслъ въ землѣ, говоритъ г. Панаевъ, необходимо человѣку поднимать свой умственный взоръ и вверхъ къ небу» (157). И все это на томъ единственномъ основаніи, что «я (т. е. г. Панаевъ) думаю», «я убѣжденъ» и т. п.

Digitized by Google

Такой урокъ даетъ г. Панаевъ ученымъ. А съ неучеными онъ раздѣлывается еще проще. «Во всѣхъ странахъ Европы, сообщаетъ онъ, часть пишущей и дѣйствующей интеллигенціи недовольна существующимъ строемъ и порядками, и при всякомъ случаѣ считаетъ долгомъ заявлять свои заботы о соціальномъ и экономическомъ благосостояніи простого народа своихъ странъ критикой существующаго и указаніями на долженствующее быть» (86). Отчего бы вы думали происходитъ это ужасное явленіе? А очень просто. Эти люди, «эта фрондирующая интеллигенція» не понимаетъ, что «цѣль дѣятельности, на которую призванъ человѣкъ, находится въ немъ самомъ и никто не можетъ помѣшать ему достигнуть ее!» (9) Они не хотятъ понять, что «не внѣшнія цѣли должны привлекать человѣка», а внутреннее углубленіе въ «самого себя». «Поприще истиннаго прогресса есть самъ человѣкъ, какъ отдѣльное лицо» (62). Это одно. А къ тому еще (и это вѣнецъ всего) эти самые «псевдокультурные люди, которые претендуютъ быть указателями въ реформахъ общественнаго строя», забываютъ еще кое о чемъ. Какой нибудь интеллигентъ публицистъ, «сидя въ своемъ комфортабельномъ кабинетѣ», не хочетъ подумать о томъ, что «во льдахъ Лабрадора, въ пампахъ Патагоніи, между Эскимосами, Алеутами, Папуасами работаютъ другіе интеллигенты—изъ истинной и настоящей любви къ человѣку» (89). «Почему же онъ не агитируетъ съ цѣлью вызвать дѣятельное участіе общества къ судьбѣ Самоѣдовъ, Папуасовъ, Бушменовъ, и не хлопочетъ о приведеніи ихъ хотя бы къ такому состоянію, въ какомъ находятся, положимъ, крестьяне отдаленнѣйшихъ и бѣднѣйшихъ захолустьевъ Россіи?» Почему, грозно вопрошаетъ г. Панаевъ. «Но эта фрондирующая интеллигенція молчитъ... Бушмены, Папуасы, это далеко» (88). Вотъ вѣдь какіе лицемѣры!

Надѣемся, читатель понялъ г. Панаева. Ученые по мѣрѣ силъ и возможности изучаютъ землю и стараются объяснить все естественнымъ образомъ, литераторы указываютъ на всевозможные недостатки существующаго въ ихъ странѣ; интеллигенція недовольна и фрондируетъ. А г. Панаевъ говоритъ всѣмъ имъ: смиритесь, слушайтесь велѣній, идущихъ «неизвѣстно откуда» и не критикуйте ни «порядковъ», ни «существующаго строя», а занимайтесь самоусовершенствованіемъ. Впрочемъ, если ужъ такъ хотите проявить свою любовь къ ближнему, то идите къ бушменамъ, а своихъ оставьте, пусть подождутъ, пока ихъ догонятъ бушмены.

Другими словами, все, что ближе къ человѣку, чѣмъ небо, съ одной стороны, и бушмены, съ другой, все это только соблазнъ. Небо, бушмены и самоуглубленіе—вотъ вѣрнѣйшіе громоотводы противъ «критики» и «фронды».

Все это, разумѣется, ужъ слишкомъ просто, слишкомъ неумно. Но тѣмъ ужаснѣе, что обладатели подобныхъ перловъ ума и сердца нетолько не стыдятся являться съ ними на свѣтъ

Digitized by Google

Божій, но даже чувствуютъ совершенно неестественный приливъ смѣлости.

Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа казанскаго дворца. Т. I. Архивъ князя *В. И. Баюшева.* Разобранъ и приготовленъ къ изданію проф. *Н. П. Загоскинымъ.* Казань, 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

«Сколько архивовъ!» сказалъ на дняхъ какой-то прохожій, посмотрѣвъ на окна книжнаго магазина на Литейной, и пошелъ дальше. На все есть мода, невольно хотѣлось сказать на это, мода не на одни только цвѣта матерій и платьевъ, но и на книги, даже на науки. Модный цвѣтъ нынѣшняго сезона *желтый, во всѣхъ его оттѣнкахъ, начиная съ золотистаго и шафраннаго, до канареечнаго и палеваго.* (Объ этомъ я вычиталъ недавно въ нашей желтой газетѣ — въ «Моск. Вѣд.» [1], парижскій корресподентъ которой поспѣшилъ сообщить эту важную новость). А самыя модныя у насъ теперь науки — исторія и археологія... Положимъ, что въ Европѣ особенной моды на эти науки на замѣчается и въ «Моск. Вѣд.» объ этомъ не говорится, но въ этомъ каждый можетъ самъ убѣдиться изъ того, что никогда у насъ не было такого количества историческихъ книгъ, брошюръ, сборниковъ, журналовъ и матеріаловъ, какъ за послѣднее время. Замѣчается еще склонность къ статистикѣ, но не въ такой мѣрѣ. Относительно наукъ мы гораздо болѣе самобытны и независимы отъ Европы, чѣмъ относительно всего другого (оттого то, должно быть, онѣ у насъ и процвѣтаютъ). Въ 60-хъ годахъ у насъ преобладали экономическія, политическія и нравственно-философскія науки; въ 70-хъ годахъ, лѣтъ 15 тому назадъ, отчасти экономическія и въ особенности естественныя, а затѣмъ вдругъ насъ повернуло къ исторіи и, наконецъ, теперь мы уже приближаемся къ археологіи... Вышло это у насъ нѣсколько шиворотъ на выворотъ, но таковъ фактъ. Что же, однако, побудило насъ бросить Дарвиновъ и Геккелей, Льюисовъ и Спенсеровъ и отправиться въ архивы, кладовыя и на чердаки и заняться тамъ разборкою старыхъ сундуковъ? Происхожденіе этого факта кроется, какъ мнѣ кажется, не въ одномъ только желаніи изучить прошлыя судьбы народовъ и отечества, желаніи во всякомъ случаѣ почтенномъ, но и въ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни и печати, въ отсутствіи возможности заняться живымъ дѣломъ и въ происходящемъ отсюда ослабленіи мысли и энергіи. Есть множество предметовъ, которыхъ, какъ заповѣдныхъ лѣсовъ, касаться нельзя и изучать которые поэтому представляется въ значительной степени безполезнымъ, такъ какъ изучающему неизвѣстно—какое употребленіе можетъ онъ сдѣлать изъ своего труда и когда работа его увидитъ свѣтъ. Пускай кто-нибудь изъ нашихъ ученыхъ, помимо, конечно, академика Безобразова и гг. прокуроровъ, займется очеркомъ

[1] № 188, 1882 г.

Digitized by Google

исторіи и изслѣдованіемъ причинъ нашего соціализма; пускай кто-нибудь, помимо г. Ливанова, напишетъ полную исторію раскола и сектъ; пускай кто-нибудь, безъ стѣсненія и оглядокъ во всѣ стороны, займется аграрнымъ вопросомъ, политическими учрежденіями или хоть переводомъ и свободною критикою такихъ живыхъ и несомнѣнно ученыхъ трудовъ, какъ труды Шёффле, Дюринга, Ланге и т. д. Предложите ученымъ одну изъ этихъ темъ и навѣрное услышите почти отъ каждого: «что вы — я съ ума еще не сошелъ, чтобы терять даромъ время и рисковать каѳедрой!» Вотъ почему для людей смирныхъ, больше всего дорожащихъ своимъ спокойствіемъ и независимостью въ кабинетѣ, разборка архивовъ и явилась, какъ мнѣ кажется, весьма подходящимъ занятіемъ, выручая ихъ изъ бездѣятельности. Тутъ и время проходитъ незамѣтнѣе, и польза нѣкоторая получается, и подозрѣній никакихъ ни у кого не возникаетъ: всякій видитъ, что человѣкъ живетъ не въ своемъ столѣтіи, а въ прошлыхъ вѣкахъ и занимается дѣломъ. Когда на дворѣ слякоть и на небѣ непроглядныя тучи, то сидѣть дома, конечно, пріятнѣе. Я думаю, что человѣку не склонному или прикрѣпленному къ каѳедрѣ и не могущему летать корреспондентомъ по катастрофамъ или ходить уныло вдоль улицъ шумныхъ, гдѣ безпрестанно слышится: «держи—лови» и гдѣ никто ничего не знаетъ на счетъ завтрашняго дня, даже пріятно перебирать старыя бумаги. Все же онъ хоть что-нибудь дѣлаетъ — хоть ладонью по запылившимся фоліантамъ хлопаетъ или любовныя бабушкины письма къ дѣдушкѣ читаетъ, гдѣ та пишетъ: «мягкой мой ангелъ!» и т. д. Все же это лучше, чѣмъ сидѣть сложа руки, и гораздо чистоплотнѣе, чѣмъ наблюдать за сосѣдомъ или орать каждый день до хрипоты: «держи — лови», рискуя переловить тысячи ни въ чемъ неповинныхъ людей, подвергнуться общественному презрѣнію и, пожалуй, еще и не угодить кому слѣдуетъ, какъ это нерѣдко и случалось. Я думаю, что при такихъ условіяхъ склонность къ архивамъ можетъ только возрастать, можетъ обратиться въ страсть и перейти, наконецъ, въ простое гробокопательство. Число занимающихся стариной также вѣроятно возрастетъ, если только ихъ не оттянетъ статистика и технологія (въ особенности мыловареніе, по которому также стало появляться много руководствъ и изслѣдованій). Но не будемъ уклоняться отъ книжки, заглавіе которой выписано и которой мы потому предпослали такое длинное вступленіе, что сказать о ней приходится немного, несмотря на значительный объемъ ея (до 300 стр.).

Фамильный архивъ кн. Баюшева [1], напечатанный по опредѣленію казанскаго археологическаго общества, состоитъ изъ 219 различныхъ актовъ (127 актовъ въ изданіе, по разнымъ причи-

[1] Подлинный архивъ кн. Баюшевъ принесъ въ даръ Симбирской Карамзинской библіотекѣ, гдѣ онъ теперь и находится.

Digitized by Google

намъ, не вошли), относящихся къ XVII ст. и объединенныхъ мѣстною связью: относясь преимущественно къ уѣздамъ Симбирскому и Арзамасскому, они касаются и всей мѣстности, лежащей между Волгою, Окою, Мокшею и такъ называвшеюся Симбирскою укрѣпленною чертою. Разнообразіе актовъ (челобитныя, граматы, выписи изъ писцовыхъ книгъ, сыски, мировыя, сдѣлочныя, поступныя, раздѣльныя и отступныя записи, наемныя, оброчныя и порядныя отписи, купчія крѣпости, сговорныя, отпускныя и выводныя въ замужество отписи и записи и т. д.) знакомятъ съ жизнью и бытомъ служилыхъ людей и мѣстной администраціи, съ положеніемъ народа, обычаями и вообще со всею помѣстною системою и порядкомъ отношеній.

Все это несомнѣнно представляетъ извѣстный интересъ, какъ для историка, такъ и для юриста, но, къ сожалѣнію, не для обыкновеннаго читателя, которому сырой и совершенно необработанный матерьялъ, помимо своей неудобоваримости, врядъ ли дастъ, что нужно. Съ этой, главнымъ образомъ, стороны мы и смотримъ на книгу, оставляя опредѣленіе научнаго ея значенія гг. спеціалистамъ, которые, можетъ быть, придутъ отъ нея въ восхищеніе и во всякомъ случаѣ найдутъ въ ней капли меда, хотя врядъ ли найдутъ въ ней особенно много для себя новаго. Г. Загоскинъ, конечно, полагаетъ, что архивъ кн. Баюшева интересенъ не только для юриста и историка, «но несомнѣнно представляетъ собою обильный матерьялъ и для историка — романиста и для драматурга (даже для драматурга!), желающихъ изучить внутреннюю сторону жизни Московскихъ городовыхъ служилыхъ людей XVII вѣка». Послѣднее, кажется, уже нѣсколько походитъ на историческое увлеченіе... Та мелкая служилая тля, которая копошилась на нашей тогдашней симбирской окраинѣ, прибирая къ рукамъ казенныя земли, обирая крестьянъ, заваливая московскіе приказы кляузами, челобитьями, извѣтами, выдавая другъ друга умершими, показывая неправильно степени родства, совершая подлоги и попадая иногда въ тюрьму «за воровство свое», вовсе не представляетъ чего нибудь невиданнаго или особенно типичнаго на Руси. Если, напр., помѣщикъ Аристовъ продавалъ другому помѣщику за 10 р. «польскую полонную женку», то такія купчія совершались и въ XVIII и въ XIX вѣкахъ. Что арзамасскіе и алатырскіе служилые люди стремились быть поверстанными по Симбирску и «получить себѣ здѣсь помѣстные участки, въ дополненіе къ прежнимъ дачамъ своимъ» или въ промѣнъ на нихъ, когда онѣ были плохи, то и это не удивительно: давно ли мы видѣли и разные промѣны, и стремленіе уфимскихъ и оренбургскихъ служилыхъ людей быть поверстанными по уфимскимъ и оренбургскимъ казеннымъ землямъ. Разница развѣ только въ томъ, что въ прежнее время гг. Неклюдовы, Кологривовы, Патрекѣевы, Малаховы и другіе писали въ челобитныхъ: «раненъ я на службѣ въ ногу», «служу, холопъ твой, тебѣ Великому Государю, лѣтъ съ двадцать и больше» и

Digitized by Google

т. п., а верставшіеся уфимскими и оренбургскими землями говорили, что берутъ землю для государственной же пользы—*для оживленія края*, для *введенія въ немъ культуры* и т. д. Все это скорѣе матерьялъ для водевилей и мелодрамъ, чѣмъ для драмы и романа; а дѣйствительно тягостное и драматическое положеніе народа, не находившаго отъ «піонеровъ московской гражданственности», какъ ихъ называетъ и г. Загоскинъ, независимой жизни даже на дальнемъ востокѣ, то положеніе это имѣетъ не мало мрачныхъ картинъ и подъ самою Москвою. Словомъ, врядъ ли историкъ—романистъ и драматургъ почерпнутъ много изъ архива кн. Баюшева. Любитель древнихъ письменъ и продолжительнаго чтенія получитъ, конечно, удовольствіе, но дѣло, какъ понятно, вовсе не въ немъ, а въ обществѣ въ читателѣ, который не получитъ той пользы, какую могъ бы получить, еслибы матерьялы были болѣе или менѣе обработаны, сгруппированы, приведены въ связь съ общими условіями государственной жизни XVII вѣка и освѣщены правильнымъ историческимъ свѣтомъ, при чемъ, конечно, они могли бы имѣть отношеніе и къ современности—къ характеристикѣ московскаго нашего періода, возвращеніе къ которому теперь такъ усердно проповѣдуется, какъ къ самому вѣрнѣйшему средству отъ всѣхъ золъ. Если бы г. Загоскинъ, доказавшій уже своими прежними трудами умѣнье обращаться съ историческимъ матерьяломъ, приложилъ къ нему нѣкоторое стараніе или хоть снабдилъ бы книгу примѣчаніями (отмѣчая все своеобразное, сравнивая одни документы съ другими, разъясняя и комментируя ихъ и т. д.), то и это, конечно, было бы гораздо лучше. И все это тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя измѣненія въ архивѣ сдѣланы (выпущены, напр., 24 столбца, относящіеся къ Смоленскому уѣзду и акты XVIII стол.) и въ тоже время включены въ архивъ такія вещи, какъ родословныя, подробныя росписи родовъ малоизвѣстныхъ князей Баюшевыхъ и арзамасскихъ дворянъ Малаховыхъ, Кологривовыхъ, и т. д., вещи, вѣроятно, не особенно интересныя не только для драматурговъ, но и для историковъ съ юристами. Я знаю, что на все это намъ могутъ возразить, что архивъ, молъ, и есть архивъ т. е. сырой матерьялъ, камни и кирпичи, свозимые для будущей постройки, что придетъ, молъ, геній-историкъ, который и создастъ изъ нихъ великолѣпное историческое зданіе. Все это, конечно, такъ, и не мы будемъ, разумѣется, говорить о безполезности подготовительныхъ историческихъ работъ, зная какъ ихъ у насъ мало; мы говоримъ только о нѣкоторой несвоевременности увлеченія подобными работами, никому вѣдь неизвѣстно, когда появится геніальный историкъ—и о возможности еще большаго увлеченія въ этомъ направленіи въ то время, когда нѣтъ работниковъ для живого дѣла. Бываютъ въ жизни моменты, когда нѣсколько странно заниматься разборкою старыхъ документовъ и когда каждый живой человѣкъ долженъ такъ или иначе, словомъ или дѣломъ, принять въ жизни активное участіе, стать туда

Digitized by Google

или сюда и, если не дѣйствовать, то хоть сказать, по крайней мѣрѣ, какъ надо дѣйствовать. Тѣмъ болѣе всего этого надо было бы ожидать отъ людей знанія. Если бы кто-нибудь упрекнулъ насъ по этому поводу въ излишней придирчивости и требовательности и сказалъ, что мы, такимъ образомъ, стѣсняемъ свободу научныхъ занятій и изслѣдованій, то мы на это могли бы отвѣтить только одно, что мы менѣе всего этого желаемъ и, можетъ быть, это то именно и имѣемъ прежде всего въ виду, а затѣмъ, признавая, что каждый человѣкъ воленъ дѣлать, что ему угодно, мы въ тоже время признаемъ и за другимъ человѣкомъ право сказать свое мнѣніе о его дѣлѣ, въ особенности, когда это дѣло есть не частное, а общественное дѣло. Если бы кто-нибудь во время пожара, войны или даже страдной поры сталъ заниматься чтеніемъ бабушкиныхъ писемъ или дѣланіемъ кирпичей, то всякій, конечно, могъ бы сказать: «какъ этотъ человѣкъ странно проводитъ время».

Неугомонное сердце. Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе *графини А. Л. Толстой.* Спб., 1882 г.

Въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе этого объемистаго романа можетъ быть передано такъ. Дана героиня—«неугомонное сердце», «статная, стройная дѣвушка, съ поступью царицы, съ головкой богини», богатая натура, такая, что «еслибы она была мужчиной, какъ знать, что̀ изъ нея выработалось бы: можетъ быть, геніальный общественный дѣятель, или серьёзный ученый, или честолюбивый военно-начальникъ, что-нибудь въ родѣ Суворова»... Дана этой героинѣ прекрасная семейная обстановка: тихое, невозмутимое, всѣми уважаемое семейное счастье, съ мужемъ, души не чающимъ въ героинѣ. Тѣмъ не менѣе героиня эта томится скукой, находя, что ей недостаетъ «женскаго счастья», того самого, ключи отъ котораго «заброшены, потеряны у Бога самого». И она принимается искать этого счастья. Ей, «рожденной для бархата и шелка», и «съ дѣтства привыкшей считать богатство высшимъ даромъ жизни», сдается сначала, «что она обижена судьбою». Она вѣритъ, что «Богъ создалъ красоту женщины для того, чтобы она увеселяла взоры и своимъ чарующимъ вліяніемъ смягчала грубые нравы мужчинъ», вѣритъ также, что на красоту женщинъ имѣетъ право только богатство: что «строгимъ указомъ слѣдуетъ запретить жениться на хорошенькихъ женщинахъ» лицамъ, не обладающимъ возможностью окутать красоту бархатомъ да шелками. Поэтому она жаждетъ блеска, сіянья, роскоши, нѣги. Желанье увѣнчано успѣхомъ. Является богатѣйшій князь, объѣздившій всю Европу, извѣдавшій все и вся, упитанный и упоенный всякими прелестями жизни. Героиня наша находитъ тогда, что любитъ своего мужа только какъ отца: «онъ казался ей олицетвореніемъ любви отеческой, но супругомъ онъ былъ *комиченъ*, по малой мѣрѣ». И хотя князь не возжегъ въ ея неугомонномъ сердцѣ ни малѣйшей искры любви, хотя героиня питаетъ къ нему чувства только дружескія, но это ни-

Digitized by Google

сколько не мѣшаетъ ей пожертвовать «отеческою любовью» въ пользу «дружеской», развестись съ мужемъ и сочетаться законнымъ бракомъ съ княземъ, котораго героиня—какъ и подобаетъ Суворову въ юбкѣ — взяла въ плѣнъ со всѣмъ его имуществомъ, обозомъ и позиціями. Князь окружаетъ ее невообразимою роскошью и вводитъ въ высшій свѣтъ Петербурга. Сбылись надежды и грезы безсонныхъ ночей, — героинѣ предстоитъ сіять и владычествовать чарующимъ обаяніемъ своей красоты, предстоитъ смягчать грубые нравы петербургскихъ мужчинъ высшаго свѣта. Въ этотъ новый міръ она вступаетъ съ убѣжденіемъ, что она, какъ красавица, обставленная роскошью, «есть истинная царица міра, всемогущая повелительница страстей», что «въ ея рукахъ мужчины обращаются въ маріонетокъ, которыхъ она передергиваетъ по произволу» и т. д. Къ несчастью перспектива эта осуществляется такъ скверно, что неугомонное сердце не получаетъ удовлетворенія. Правда, появленіе героини въ высшемъ свѣтѣ производитъ сенсацію, красота ея обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, но... «*Всѣ* эти молодые люди и старики, раболѣпствовавшіе передъ ней, *казались ей глупы и пошлы*». Мало этого. «Ихъ нескромные подчасъ взгляды, выражавшіе не совсѣмъ чистыя побужденія, казалось, оскверняли ее, преслѣдуя даже издали». Въ концѣ концовъ неугомонное сердце приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Вотъ чего я достигла своею красотою: ради нея всякій грязный старикашка имѣетъ право кидать на меня сальные взгляды и сластолюбиво облизываться». Разочаровавшись въ прелести такого рода «владычества», наша красавица влюбляется страстно въ благороднаго литератора, надѣясь найти въ этой «страстной любви», дотолѣ ею не извѣданной, средство къ достиженію искомаго женскаго счастья. Разумѣется, героиня не намѣрена измѣнять мужу, ради этой «страстной любви», и вовсе не измѣняетъ. Она страстно любитъ литератора въ душѣ, въ тайникахъ сердца своего, и только. Ухитрившись такимъ образомъ принести на этотъ разъ страстную любовь въ жертву дружескому участью къ мужу, героиня отвозитъ князя за-границу, лечитъ его отъ паралича, и гоняется за новою мечтою — найти счастье въ самоотверженной преданности дружбѣ. Но въ новой своей инкарнаціи сестра милосердія нисколько не счастливѣе влюбленной, друга и дочери. Тогда неугомонное сердце бросается на «самообразованіе», читаетъ Бокля, Дарвина и т. д. Оказывается, что и это не помогаетъ, ибо знанье безъ примѣненія не доставляетъ услады. Перепробовавъ, такимъ образомъ, всѣ способы и пути къ достиженію женскаго счастья, героиня приходитъ къ заключенію, что ни блескъ, ни господство, ни побѣды надъ сердцами, ни наслажденія, ни общая съ мужемъ работа, ни самообразованіе, ни свободная любовь, ни высокіе подвиги не даютъ удовлетворенія сердцу женщины, и счастье ея кроется лишь въ скромномъ служеніи общественнымъ интересамъ. Красавица вернулась съ княземъ въ

Digitized by Google

провинцію, устроила вокругъ себя кружокъ дѣятельной молодежи, завела школы, и нашла тутъ кое какое удовлетвореніе своему неугомонному сердцу.

Мы не знаемъ, какъ воздѣйствуетъ мораль этого романа на неугомонныя сердца современныхъ женщинъ, но знаемъ навѣрное, что гр. Толстая не мало-таки потрудилась съ цѣлью угомонить эти сердца, отучивъ ихъ отъ «исканья счастья». Открытый ею секретъ въ самомъ дѣлѣ прелестенъ: къ чему искать счастья, когда оно тутъ же подъ рукою? Стоитъ только не предаваться «неосуществимымъ желаньямъ», а удовлетворяться тѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ. Еслибы героиня наша, напримѣръ, послѣдовала этому примѣру, то у нея сначала же подъ рукою была нетолько школа, но и цѣлая гимназія, гдѣ ея первый мужъ былъ директоромъ, а кружокъ молодежи можно было сформировать отличнѣйшій изъ учителей той же гимназіи. Стоило ли волноваться, плакать, томиться, страдать и убиваться ради того, чтобы вернуться къ исходному пункту? Этому же заключенію соотвѣтствуетъ и исторія любвей и судебъ двухъ младшихъ сестеръ героини. Одна изъ нихъ, Наташа, не требовательна, скромна, не кокетлива, добра, трудится съ утра и до ночи, любитъ безумно мужа, благотворитъ всѣмъ окружающимъ, — и все-таки глубоко несчастлива въ семейной жизни: мужъ ея, грубый пьяница, мотъ и развратникъ, пускаетъ ее по міру съ ребенкомъ. Другая— Саша—никакой дѣятельности не знающая, пальцемъ даже не шевелящая для своего блага, награждается неизмѣримымъ семейнымъ счастьемъ, ни съ того, ни съ сего. Все отъ Бога, видно, и воля женщины тутъ не причемъ. Надо примириться съ тѣмъ, что дано, и не искать выходовъ, не искать счастья, ключи отъ котораго «заброшены, потеряны у Бога самого».

Мужья, пекущіеся о соблюденіи «семейной добродѣтели» и объ охраненіи за собою на вѣки нерушимой вѣрности супружницъ, должны будутъ принести сердечную признательность гр. Толстой, тѣмъ болѣе, что, независимо отъ этой общей идеи, ея романъ преподаетъ отличные уроки о томъ, какъ примирить интересы супруга съ жаждой сердечныхъ изліяній и волненій. Въ высшей степени добродѣтельная героиня романа нашла возможность «страстно» полюбить литератора, не измѣняя мужу. Еще и раньше, при первомъ мужѣ, она ухитрилась, сохраняя вѣрность супругу, по меньшей мѣрѣ комичному, «вкушать всю сладость запрещеннаго для нея чувства» «въ своихъ мечтахъ, правда, безплодныхъ и невинныхъ *по послѣдствіямъ*». Когда мечты черезчуръ безплодны, можно позволять себѣ страстныя рукопожатія и томные взгляды, какъ наша героиня дѣлала съ литераторомъ, или дойти даже до поцѣлуевъ, какъ было при первомъ мужѣ съ княземъ и съ Ваничкой. Но отсюда до «измѣны» вѣдь цѣлая бездна, не правда ли?

А все-таки, несмотря на меланхолическіе выводы автора, романъ гр. Толстой не что иное, какъ тысяча-первая попытка раз-

Digitized by Google

рѣшить «семейный вопросъ» и отыскать истинные пути къ женскому счастію. Хоть гр. Толстая и заключаетъ, что нечего искать, что искомаго все равно не найдешь, но все-жь она, сама того не предполагая, разрѣшаетъ вопросъ такъ: женское счастье въ томъ, чтобы не искать его. Достойно только сожалѣнія, что этому не новому выводу посвященъ безконечный романъ въ 500 страницъ, испещреныхъ не живыми образами, а худосочными разсужденьицами да сентенціями, въ поученіе неугомонныхъ женщинъ. Въ общемъ всѣ эти сентенціи сводятся къ совѣту: чувствуй не то, что ты ощущаешь, а то, что я тебѣ предлагаю. Врачъ, пришедшій къ паціенту, страждущему воспаленіемъ въ легкихъ, едва ли бы позволилъ себѣ дать ему совѣтъ—дышать полной грудью. Женщина влюблена, она видѣть хладнокровно не можетъ своего мужа, малѣйшія ласки котораго возбуждаютъ въ ней отвращеніе и нервную дрожь, доходящую до истерики—такъ описываетъ это состояніе гр. Толстая—и тутъ же, этой самой женщинѣ, совѣтуется ласкать мужа, быть нѣжною къ нему, посвятить себя его счастью, а любимаго человѣка «любить незамѣтно для другихъ, незамѣтно для того, кого любишь». Полюбуйтесь сами:

«Онъ (мужъ) сѣлъ на скамейку у ногъ жены, прислонясь головой къ ея колѣнямъ. Вѣра слегка вздрогнула и отстранилась-было, но тотчасъ же, опомнившись, пересилила себя. «Что это, отвращеніе?» подумала она съ ужасомъ. «*Этого не должно быть*». Она положила руку на его голову. Князь поймалъ эту руку и поцѣловалъ сначала сверху, потомъ въ ладонь, потомъ каждый пальчикъ отдѣльно. — «Прелестные, милые пальчики», говорилъ онъ нѣжно. Вѣра молча смотрѣла на него. «Противно, противно», думала она, и ея брови сходились все ближе и ближе. «Это понятно... нужно было ожидать... *но этого не должно быть и не будетъ*». Она наклонилась къ мужу, обвила его шею руками и покрыла его лицо жаркими, порывистыми поцѣлуями. Князь обезумѣлъ...»

Эту милую сценку авторъ заканчиваетъ замѣчаніемъ: «еслибы онъ зналъ, какіе это были поцѣлуи, какое чувство она хотѣла заглушить ими, онъ не обрадовался-бъ имъ». Но онъ не зналъ, и благо ему. Вотъ въ чемъ блаженство «семейнаго счастья», вотъ какъ проявляются сильныя натуры женщинъ. «Этого не должно быть, и этого не будетъ!» Жаль только, что тѣже самыя сильныя натуры не примѣняютъ этого способа... ну, хоть къ мигренямъ или насморкамъ. А вѣдь противъ насморковъ и мигреней, независимо отъ «силы воли», изобрѣтены уже лекарства, соотвѣтствующихъ которымъ не отыщешь ни въ одной аптекѣ поднебесной противъ такихъ страданій, какъ отвращеніе или страстная любовь.

По формѣ своей, романъ гр. Толстой всецѣло принадлежитъ къ числу наивныхъ произведеній первобытной мѣщанско-нравственной литературы. Въ немъ выведены не живые люди, съ ихъ дѣйствительными дѣяніями и ощущеніями, а чучела, выдвигаемыя для того, чтобы сквозь нихъ автору можно было выкрикнуть свои сентенціи и совѣты. Скука, овладѣвающая читате-

Digitized by Google

лемъ, ошеломленнымъ непроходимою массою этихъ сентенцій, положительно непреодолима. Ни одного простого, свѣжаго, естественнаго движенія души или сердца не найдется во всемъ этомъ романѣ, цѣликомъ посвященномъ описанію сердца человѣческаго. Но гдѣ тутъ искать правды и художественности, когда авторъ не умѣетъ даже справиться съ перомъ, съ красками, и поминутно противорѣчитъ себѣ? «Неугомонное сердце» героини, напримѣръ, прямо заявляетъ, что не имѣетъ рѣшительно никакихъ желаній, не знаетъ даже—чего желать; оно просто проникнуто «апатіей ко всему», и вмѣстѣ съ тѣмъ страдаетъ «пылкою впечатлительностью». Ужь что-нибудь одно: или «неугомонное» или «апатическое», или «стремленья недостижимыя» или «не знаю чего желать». Вѣроятно, у гр. Толстой эти несообразности выходятъ отъ неумѣнья писать, владѣть языкомъ, который, кстати замѣтить, порядкомъ-таки хромаетъ въ романѣ. «Порвать всѣ привязанности, которыя она *сдѣлала*», «она сіяла какъ мѣдный грошъ» — могутъ служить малыми образчиками слога и сравненій гр. Толстой. Подумать можно, что это—вліяніе французскаго языка, но на бѣду графиня и имъ-то владѣетъ не лучше русскаго: «C'est un *partie* brillant, chèr amie, qui n'est pas à dédeigner», «chère mademoiselle Alexandrine» и т. д. Нужно было обладать несравненно болѣе усовершенствованнымъ умѣньемъ газировать поэтическими прикрасами неприглядную сущность предмета, чтобы дерзнуть преподнести современному читателю произведеніе, мораль котораго — установить двойную проституцію жены, предоставивъ ея мечты и душу запретному возлюбленному, а тѣло—постылому супругу. На эту тему не мало уже писалось болѣе авторитетными моралистами, поискуснѣе гр. Толстой, и ей за ними не угнаться...

Всеволодъ Гаршинъ: **Разсказы.** Спб., 1882 г. Ц. 1 р.

Г-нъ Гаршинъ принадлежитъ безспорно къ числу тѣхъ, пока еще, къ несчастію, немногихъ молодыхъ писателей, которые чрезвычайно вѣрно съумѣли схватить и показать обществу тѣ два общественные типа, враждебные другъ другу, которые все рѣзче и рѣзче выдѣляются на аренѣ общественной жизни. Съ одной стороны, вы видите представителей щучьихъ идеаловъ и носителей девиза: «грабь!», скрытыхъ подъ болѣе или менѣе приличною маскою, а иногда и совершенно открытыхъ; съ другой—пробуждающагося человѣка, который ощупью, но уже настойчиво ищетъ свѣта и выхода изъ той бездны мрака и лжи, куда его повергла тысячелѣтняя исторія. Какъ представитель первой категоріи, является у г. Гаршина инженеръ Кудряшевъ, съ поистинѣ щучьимъ аппетитомъ, господинъ, у котораго бури (на бумагѣ, конечно) ежегодно размываютъ нѣсколько кубическихъ саженъ начатыхъ работъ. Бури дѣлаютъ свое дѣло, а г. Кудряшевъ, благодаря имъ, свое: обстроивается, заводитъ необыкновенный акварій, на манеръ берлинскаго, рояль, рѣдкую мебель, экипажъ и живетъ себѣ въ свое удовольствіе.

Digitized by Google

«Честность!? Что честно и нечестно? спрашиваетъ Кудряшевъ у товарища.—Все дѣло, братъ, во взглядѣ, отвѣчаетъ онъ самъ:— а такъ какъ ихъ много, то плюнемъ на это «дѣло!» Плевательная логика есть, конечно, самая успокоительная изъ всѣхъ.

Не одинъ Кудряшевъ является у г. Гаршина представителемъ хватательныхъ идеаловъ, есть и болѣе тонкій типъ, это— художникъ Дѣдовъ. Онъ не зараженъ моднымъ духомъ утилитаризма, проникшаго въ искуство, и служитъ не низменнымъ инстинктамъ толпы, а только прекрасному: онъ рисуетъ закаты и восходы солнца, весну, лѣсъ, красивые виды, вообще все, что можетъ привести зрителя въ умиленіе, и поэтическій восторгъ, а художнику доставляетъ славу и довольство. Живетъ Дѣдовъ въ свое удовольствіе и удивляется — отчего другіе, такіе же талантливые люди, не живутъ, а мучаются. Но Кудряшевы и Дѣдовы не главные типы г. Гаршина: онъ тяготѣетъ преимущественно къ людямъ второй категоріи, съ которыми хотя первые и перепутаны общественными условіями и взаимными отношеніями, но которые совсѣмъ другіе люди, люди съ другими цѣлями, стремленіями и надеждами. На этихъ-то «другихъ» людяхъ преимущественно и останавливается г. Гаршинъ. Очевидно, они ближе знакомы ему. Г. Гаршинъ психологъ по преимуществу. Онъ зорко слѣдитъ за душевными движеніями своихъ героевъ или, вѣрнѣе, героя. Говорю *героя* потому, что, въ сущности, у г. Гаршина только одинъ герой, въ разныхъ только лицахъ, съ разными индивидуальными отличіями. Это — человѣкъ, задумавшійся надъ самимъ собою, надъ окружающимъ міромъ, съ его горемъ и страданіями, человѣкъ неудовлетворенный. Онъ задумался, а г. Гаршинъ тѣмъ временемъ нѣтъ-нѣтъ да и сдернетъ завѣсу съ его внутренняго мірка и покажетъ читателю его думы.

Въ одномъ мѣстѣ мы видимъ этого вѣчно анализирующаго человѣка собирающимся на войну. Странное дѣло, онъ не кричитъ, не лѣзетъ съ кулаками впередъ, не рвется въ битву, не геройствуетъ, а думаетъ, и грустныя думаетъ думы: «куда же дѣнется твое я?» спрашиваетъ онъ. «Ты всѣмъ существомъ своимъ протестуешь противъ войны, а все-таки война заставитъ тебя взять на плечи ружье, идти умирать и убивать». Онъ сознаетъ себя въ положеніи какой-то вещи, безъ воли, безъ смысла — приказали и идетъ, насильно идетъ. Почему же его не спросили, вѣдь онъ отдаетъ свою жизнь? Вотъ онъ лежитъ четыре дня рядомъ съ трупомъ въ лѣсу, раненый, мечется въ агоніи, всѣми забытый, и за что?.. Какую роль играетъ онъ во всей этой политической кашѣ?! Пушечное мясо — вотъ отвѣтъ.

А вотъ онъ же, онъ—современный думающій человѣкъ — хочетъ искуствомъ пробудить міръ. Онъ реалистъ, онъ беретъ мрачную сторону жизни, ея язвы, кладетъ эти язвы на полотно и бросаетъ ихъ въ лицо сытому обществу: «на, молъ, смотри на это скорчившееся въ котлѣ существо, съ судорожно искривленнымъ отъ

Digitized by Google

боли лицомъ, смотри—вѣдь это плоть отъ плоти твоей и кость отъ костей твоихъ.» За что терпитъ это существо муку, подставляя грудь свою подъ удары молота, за что же даетъ онъ добровольно убивать себя, безъ сопротивленія и даже безъ крика, точно такъ и должно быть?! Мечтатель! Онъ думалъ, что міръ содрогнется отъ этой картины, будетъ плакать, какъ самъ онъ плакалъ, рисуя ее! А общество проходитъ безстрастно мимо картины, порою съ непріятною даже гримасою (она дѣйствуетъ на нервы нѣжныхъ дамъ). Наконецъ, приходитъ господинъ изъ щучьей породы и за какіе-нибудь 300 р. уноситъ твое дитя, твое созданіе, взлелѣянное твоимъ сердцемъ, вымученное, вскормленное твоею кровью. О, проклятое искуство! И мечтатель идетъ въ сельскіе учителя. Но найдется ли для него и тамъ утѣшеніе? А вотъ опять тотъ же современный человѣкъ, не нашедшій выхода... онъ проанализировалъ себя, все окружающее и видитъ, что кругомъ идетъ оргія, въ которой онъ не можетъ принять участія. Оставаться холоднымъ зрителемъ, въ качествѣ мирнаго попечителя, о! это подло; а между тѣмъ, онъ дѣлаетъ эту подлость и не можетъ ея не дѣлать, потому что живетъ и терпитъ. Значитъ, нужно сократить себя, уйти, убѣжать, чтобы хоть совѣсть не потерять. Онъ рѣшается и выстрѣломъ разрубаетъ узелъ жизни. Вотъ исходъ.

Если наши потомки, лѣтъ черезъ сто, будутъ читать произведенія современной намъ беллетристики, то, навѣрное, подивятся, до какой болѣзненности доходило въ наше время направленіе человѣческой мысли. Сколько ненормальнаго, сколько удручающаго должно было быть въ этой жизни, чтобы пробудившійся, дошедшій до самопознанія умъ могъ придти къ такому результату, какъ сознательное, обдуманное самоистребленіе. Неужели нѣтъ другого исхода, г. Гаршинъ? «Есть», отвѣчаетъ г. Гаршинъ словами самоистребляющагося человѣкъ: «Вѣдь есть же міръ! говоритъ онъ. — Колоколъ напомнилъ мнѣ про него. Когда онъ прозвучалъ, я вспомнилъ церковь, вспомнилъ толпу, вспомнилъ огромную человѣческую массу, вспомнилъ настоящую жизнь. Вотъ куда нужно уйти отъ себя и вотъ гдѣ нужно любить...» Дѣло только въ томъ, что не всякій можетъ такъ любить человѣчество, и герой, убивающій себя, очевидно, не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые могутъ положить душу свою за други своя. А это, и только одно это и можетъ въ настоящее время заставить человѣка жить. Нужно выбирать одно изъ двухъ: или жить во имя щучьихъ идеаловъ, или силою любви и страданія искупить несправедливость и зло одряхлѣвшаго и развращеннаго міра. Середины нѣтъ. Для тѣхъ, кто хочетъ держаться середины, развязка въ могилѣ. О книжкѣ г. Гаршина мы, вѣроятно, поговоримъ еще разъ, подробнѣе.

Патологическая сторона еврейскаго вопроса. *Д. Хволеса.* 1882 г.

Нѣтъ въ мірѣ народа, подобнаго еврейскому — столь бѣднаго и богатаго, высокаго и низкаго, энергическаго и робкаго,

Digitized by Google

добродѣтельнаго и порочнаго. Эта настоящій микрокозмъ человѣчества. Не смотря на свою кажущуюся китайскую изолированность, онъ рѣзко отличается отъ его окаменѣлаго образца необыкновенно живою и гибкою нервною организаціею, невольно и безсознательно пожирающею и перерабатывающею все встрѣчающееся на пути своей исторической жизни. А путь этотъ длинный и тяжелый. Это путь всемірный, прошедшій отъ края до края земли. И нигдѣ привѣта, дружеской встрѣчи — вездѣ, какъ паріи, презираемые, гонимые, ненавидимые. Нужно удивляться, какъ не замеръ еврейскій народъ въ то больше чѣмъ тысячелѣтнее угрюмое и непрерывное для него историческое ненастье. Должно быть, слишкомъ ужъ богато было наслѣдство, которое онъ получилъ отъ отцовъ своихъ, грандіозныя и живучи отцовскіе идеалы и традиціи, вошедшіе въ его плоть и кровь.

Сохранившійся при всякихъ историческихъ невзгодахъ, духъ Израиля давалъ, съ одной стороны — Спинозу, Лассаля, Гейне и другихъ людей, могущихъ служить украшеніемъ человѣчества, а, съ другой, темную массу закладчиковъ и торгашей, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ жидовъ.

Рядомъ съ необыкновенною способностью воспринимать въ себя элементы другихъ національностей, мы встрѣчаемъ въ еврействѣ изумляющую изолированность, почти кастовый духъ, старательно ограждаемый отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній. Эти загадочныя противорѣчія мѣшали установиться опредѣленнымъ понятіямъ и отношеніямъ на еврейскую національность и на поднимавшійся часто еврейскій вопросъ. У многихъ сложилось убѣжденіе, что, въ силу своего фанатическаго кастоваго духа, еврейскій народъ никогда не можетъ слиться съ другими національностями, и что никакое уравненіе правъ ничего тутъ не подѣлаетъ. Отсюда же вытекаетъ и стремленіе къ репрессивнымъ мѣрамъ относительно евреевъ, надежда — авось репрессаліи эти оградятъ «своихъ» отъ ихъ эксплуататорскихъ инстинктовъ и заставятъ ихъ самихъ одуматься и выйдти изъ заколдованнаго круга закоренѣлой самобытности.

Авторъ брошюры «Патологическая сторона еврейскаго народа», г. Хволесъ старается пролить нѣкоторый свѣтъ на темный, загадочный складъ еврейской природы, на причины развитія этой исключительной національности съ широко развитыми эксплуататорскими инстинктами. Въ нынѣшнее трудное для еврейскаго народа время, среди шума раздраженныхъ пристрастныхъ голосовъ враговъ и друзей его, брошюра г. Хволеса представляетъ спокойный и довольно трезвый голосъ. Г. Хволесъ—русскій патріотъ и въ тоже время не юдофобъ.

Г. Хволесъ сжато изображаетъ естественно-историческій процессъ, который прошелъ черезъ всю исторію Израиля и далъ ему извѣстный образъ и характеръ. Зерно этого процесса — «идея народа избраннаго», взлелѣянная его великимъ прошедшимъ, его идеалами и преданіями. Съ паденіемъ полити-

Digitized by Google

ческой независимости, «синагога, говоритъ авторъ: — ухватилась обѣими руками за ученіе Моисея, какъ за послѣдній якорь самобытности и безсмертности Израиля. Одинъ изъ ея учителей, Раби Эліазаръ-Бенъ Азарія, жившій въ концѣ 1-го вѣка по Р. Х., формулировалъ девизъ евреевъ такъ: «когда нѣтъ хлѣба, нѣтъ ученія, и когда нѣтъ ученія, нѣтъ хлѣба» (стр. 7).

Отсюда идетъ основное органическое стремленіе еврейскаго народа къ матеріальному обезпеченію, къ сохраненію своего ученія, этого уцѣлѣвшаго и самаго дорогого сокровища еврейской цивилизаціи. Но библія не вмѣщала въ себѣ достаточно полнаго кодекса указаній для жизни, при другихъ измѣнившихся политическихъ и этнографическихъ условіяхъ. Это заставляетъ синагогу признать въ широкихъ размѣрахъ необходимость пополненія уставовъ и постановленій библіи. Такимъ образомъ, является Талмудъ, въ которомъ, какъ въ морѣ, растворилась библія, и ея первоначальный смыслъ получилъ тьму новыхъ толкованій: «Нетолько фразы библіи, замѣчаетъ Д. Хволесъ:— но и слова, союзы, синонимы и даже буквы писанія служили часто основою какого-либо новаго законоположенія для евреевъ». Но и этого оказалось мало. На талмудъ образовалась еще болѣе обширная литература. И все это имѣло въ основѣ своей туже идею — отстоять избранничество и неприкосновенность еврейскаго народа, сберечь его глубоко индивидуалистическій духъ въ самобытномъ міровозрѣніи, въ сферѣ своихъ вѣковыми усиліями выработанныхъ религіозно-нравственныхъ, философскихъ и даже эстетическихъ интересовъ.

Ясно, что для практическаго выполненія этой огромной задачи могло служить широко организованное воспитаніе. И дѣйствительно, система общественнаго воспитанія у евреевъ доводится до крайняго развитія. Тысячи всякихъ обрядностей, школы, молельни, синагоги, посты—все направлено къ одной и той же національной задачѣ, и все это возведено въ догматъ. «По счету синагоги, говоритъ Д. Хволесъ: — каждый еврей долженъ выполнить 248 заповѣдей и долженъ помнить 365 запретовъ, которыхъ безъ научной подготовки нельзя понять, а тѣмъ болѣе соблюдать».

Итакъ, главный посредствующій факторъ для осуществленія исторической задачи представляется въ обученіи и въ школѣ. А чтобы учиться, нужны хлѣбъ и время. А чтобы имѣть достаточно хлѣба и времени, нужно пользоваться такимъ трудомъ, который все это давалъ бы въ избыткѣ. Какъ видите, читатель, еврейскій народъ—великій аристократъ въ мірѣ. Съ своею кровною аристократическою традиціею, съ своею божественною иллюзіею, что онъ есть избранный и превосходнѣйшій народъ на лицѣ земли, онъ первый въ совершенствѣ постигъ и осуществилъ ту истину, что на удовлетвореніе высокихъ потребностей необходимы свободное время и свободный хлѣбъ. Но это къ

Digitized by Google

слову. Разсѣянный по лицу земли, онъ обращается къ торговлѣ, какъ по необходимости, такъ и какъ средству наиболѣе легкому для добыванія денегъ. И вотъ онъ устраиваетъ кагалы, синагоги, школы; воскрешаетъ и разворачиваетъ всю свою самобытность по мановенію волшебнаго золотого жезла, съ которымъ, конечно, не могъ сравниться даже и жезлъ Моисея. Куда онъ ни появлялся, благодаря этому золотому жезлу, отстаивалъ себя, устраивалъ настоящее государство въ государствѣ, даже преобладающее въ капиталистическомъ отношеніи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это же служило обыкновенно и главнымъ источникомъ розни государства еврейскаго съ государствомъ, пріютившимъ его. Религіозная и національная обособленность, рѣзкое и крайнее развитіе тѣхъ эксплуататорскихъ элементовъ, которые еще въ зародышѣ бродили въ европейскихъ національностяхъ, все это усиливало ненависть къ евреямъ, особенно со стороны массъ, наиболѣе подвергавшихся ихъ эксплуатаціи. Отсюда національные взрывы, гоненія на еврейскую національность и изгнанія.

Странствующій космополитъ по всему свѣту Божьему, ставъ твердою ногою сначала въ Польшѣ, а потомъ въ Россіи, особенно въ Бѣлорусскомъ краѣ, не могъ и у насъ, подъ вліяніями польско-русскими, не сдѣлать много всякихъ благопріобрѣтеній. Конечно, больше всего по душѣ и на руку евреямъ былъ хищническій духъ нашей бюрократіи, господствовавшій у насъ во всѣ времена. Въ немъ-то собственно эксплуататорскій духъ еврейства и обрѣлъ себѣ самую благодатную почву и расцвѣлъ пуще прежняго. Мы видимъ польскорусскаго еврея рука объ руку съ польскимъ паномъ и потомъ съ русскимъ чиновникомъ, устремляющими свои набѣги на крестьянское населеніе. Но то, что продѣлывалъ польскій панъ и русскій чиновникъ прямо и открыто, пользуясь правомъ сильнаго, еврей, шедшій вслѣдъ за ними, дѣлалъ извиваясь, крадучись, подличая, съ утонченными пріемами обмана и надувательства. Все это не могло, конечно, не положить особаго рѣзкаго отпечатка на еврейскую физіономію. Вотъ какъ, напримѣръ, г. Хволесъ характеризуетъ польскую еврейскую національность: «внѣшнія формы этой національности представляютъ смѣсь историческаго жида, подозрительнаго нѣмца, мягкаго и гибкаго поляка и фальшивой имитаціи русскаго чиновника и русскаго кулака. Во внутреннемъ же характерѣ ея жизни и нравовъ отражается нетолько все историческое еврейство, но и всѣ метаморфозы въ исторіи исключительныхъ обстоятельствъ западнаго края. Національность, совмѣщающая почти въ каждомъ своемъ хамелеоно-образномъ индивидуумѣ все, что носитъ на себѣ характеръ добродушныхъ патріарховъ и страшныхъ зелотовъ, средневѣковыхъ мучениковъ и польскихъ арендаторовъ, нѣмецкихъ бѣглецовъ и новомодной русской буржуазіи, употребляющей утонченные плоды иностранной цивилизаціи—такая національность кажется всѣмъ, по меньшей мѣрѣ, уродливою» (стр. 23). Въ другомъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ, что

Digitized by Google

религіозность въ старо-еврейскомъ духѣ особенно развита въ этой національности. «Нигдѣ нѣтъ такого множества синагогъ, молелѣнъ, талмудическихъ школъ, хедеровъ и разныхъ религіозныхъ и благотворительныхъ учрежденій, какъ въ западномъ краѣ». На югѣ же Россіи развился другой типъ еврейства, еще болѣе поражающій своею уродливостью и безобразіемъ. Тамъ процвѣтаетъ одинъ изъ страшнѣйшихъ бичей цивилизаціи — *хасидизмъ*. «Цадики, завѣщающіе даръ чудотворенія своимъ дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ, держатъ массы евреевъ въ самыхъ темныхъ лабиринтахъ мистической *кабалы*» (стр. 27).

Всѣ эти развившіяся особенности еврейской національности въ Россіи несомнѣнно усилили и раздражили въ массахъ народа инстинктивное недовольство противъ евреевъ, какъ эксплуататоровъ и въ тоже время носителей самыхъ темныхъ нравственныхъ недуговъ и пороковъ самой окружающей среды, отражавшейся въ еврействѣ, какъ въ зеркалѣ, въ чертахъ даже болѣе рѣзкихъ и крайнихъ.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ развитія въ еврейскомъ народѣ такихъ ужасныхъ недуговъ — его политическое безправіе. Нигдѣ, какъ въ западномъ краѣ, по замѣчанію Хволеса, евреи не чувствуютъ себя столь приниженными и обиженными. Политика, говоритъ Хволесъ (стр. 16), состояла въ примѣненіи къ евреямъ двуличнаго янусообразнаго принципа, обобщающаго два парадоксально противуположныя начала: полную терпимость еврейской религіи и возможное ограниченіе гражданскихъ правъ исповѣдывающихъ ее.

Черезъ всю исторію еврейскаго народа, во всѣ времена его жизни среди другихъ національностей, проходитъ одинъ чрезвычайно важный фактъ: чѣмъ больше стѣсняли евреевъ въ политической и гражданской жизни, тѣмъ больше они замыкались въ себя, тѣмъ сильнѣе и уродливѣе развивался ихъ національный старо-еврейскій духъ, и наоборотъ, съ обезпеченіемъ политическихъ правъ, евреи теряли свою изолированность и замкнутость. Особенно при открытіи свободнаго доступа въ государственныя учебныя заведенія и другія учрежденія, еврейскій духъ быстро эмансипировался въ новой средѣ; такъ вышли ученые, поэты, государственные дѣятели въ Германіи, Англіи, Франціи. У насъ въ Россіи реформы прошлаго царствованія открыли евреямъ новые пути гражданской жизни и въ результатѣ стало получаться тоже явленіе, какъ и въ Западной Европѣ; эмансипація евреевъ происходила замѣтно и началъ выработываться новый Израиль, который по своему строю жизни и мысли близко уже подходилъ къ русской національности, а въ лучшихъ своихъ представителяхъ совершенно сливался съ нею. Нѣтъ сомнѣнія, что еврейская національность у насъ, какъ и въ Западной Европѣ, могла бы войти, даже сохраняя свою вѣру, въ русло всеобщей государственной жизни. Практика и опытъ указали уже тотъ путь, какъ это

Digitized by Google

могло произойти, и какъ вообще нужно поставить еврейскій вопросъ.

Конечно, «дѣло вѣковъ поправлять не легко», но самое вѣрное средство тутъ — дарованіе правъ еврейскому народу, наравнѣ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Д. Хволесъ формулируетъ патологическую сторону еврейскаго вопроса въ слѣдующихъ трехъ индикаціяхъ. «Доставленіемъ евреямъ возможности, говоритъ онъ: — удовлетворять своему историческому девизу *учиться* въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, мы положительно положимъ конецъ воспитанію еврейскихъ дѣтей на *специфическомъ изученіи талмуда* со всѣми его послѣдствіями. Доставленіемъ евреямъ права пріобрѣтать повсемѣстно по 15—20 десятинъ земли для хлѣбопашества, мы избавимъ многихъ евреевъ отъ *спеціальныхъ занятій* торгашествомъ и шинкарствомъ. Допущеніемъ евреевъ жить въ коренной Россіи, среди чисто русскаго элемента, мы избавимся отъ спеціальной національности ихъ» (стр. 31).

Въ послѣдніе годы неурядицъ и погромовъ, свалившихся на голову бѣднаго Израиля, затемнилась справедливая историческая точка зрѣнія на еврейскій вопросъ, и оттого мы пришли къ односторонности и понадѣялись на палліативы и репрессивныя мѣропріятія, которыми еврейскій вопросъ, конечно, не разрѣшится.

Digitized by Google

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

Смерть генерала Скобелева и страшная кукуевская катастрофа на московско-курской дорогѣ служили цѣлый мѣсяцъ — и служатъ еще и до сихъ поръ — предметомъ самыхъ оживленныхъ толковъ, телеграммъ, разслѣдованій, разъясненій, соболѣзнованій и негодованій всей нашей печати. Не составили бы, конечно, и мы исключенія изъ общаго правила и не отбились бы отъ своего литературнаго стада, еслибы осталось хоть малое свободное мѣсто, куда могло бы упасть лишнее слово, еслибы можно было что-нибудь разъяснить или прибавить къ тому, что уже разъяснено и сказано газетами, и, главное, еслибы можно было надѣяться, что голосъ печати не останется, по обыкновенію, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Но, не вдаваясь въ подробности, мы все-таки скажемъ нѣсколько словъ—скажемъ хоть на вѣтеръ. Размѣры бѣдствія на московско-курской дорогѣ, какъ доказываютъ теперь «Моск. Вѣд.», преувеличены неблагонамѣренною печатью, дѣлающею всегда изъ мухи слона и любящею сенсаціонныя извѣстія; а самую катастрофу произвелъ, какъ оказалось, ливень. Ливни, «выпадавшіе въ теченіи настоящаго лѣта въ средней и южной полосѣ Россіи», по словамъ техническо-инспекторскаго комитета желѣзныхъ дорогъ, отличались такимъ *разрушительнымъ дѣйствіемъ*, что ихъ «нельзя не причислить къ числу необыкновенныхъ явленій». [1] А *съ необыкновенными* явленіями что вы подѣлаете? Вонъ къ папѣ, напримѣръ, ужь какъ хорошо, кажется, защищенному въ своемъ Ватиканѣ отъ всякихъ непріятностей, влетѣлъ же недавно въ садъ огромнѣйшій аэролитъ и всѣхъ перепугалъ шумомъ своимъ при паденіи, а упади онъ въ садъ, положимъ, во время прогулки Льва XIII и попади ему въ голову, что было бы тогда тревоги! Необыкновенныхъ явленій вообще очень много за послѣднее время (наводненія, землетрясенія, кометы и т. д.) и мы уже указывали, что они могли бы служить къ объясненію многихъ обыкновенныхъ явленій. —

---

[1] Циркуляръ техн. инс. ком. ж. д. инспекторамъ и управляющимъ желѣзными дорогами. «Прав. Вѣстн.» № 173, 1882 г.

Digitized by Google

Самое лучшее, конечно, средство для избѣжанія катастрофъ, подобныхъ кукуевской, это не пускать поѣздовъ во время сильныхъ дождей, о чемъ уже и сдѣлано распоряженіе въ циркулярѣ техническо-инспекторскаго комитета отъ 3-го августа 1882 г., за № 7554. Публика ропщетъ теперь, такъ пускай посидитъ на станціяхъ, а товары полежатъ въ вагонахъ; по крайней мѣрѣ, все будетъ цѣло. Если же, вслѣдствіе задержки поѣздовъ, станутъ происходить столкновенія и возникнетъ новый ропотъ на различныя неудобства, то развѣ не очевидно будетъ, что русская публика капризна, и развѣ нельзя будетъ опять разрѣшить движенія поѣздовъ во время дождей. Конечно, у насъ весьма недавно были на глазахъ тилигульская и нѣкоторыя другія катастрофы, происшедшія, кажется, безъ всякаго участія необыкновенныхъ причинъ и гдѣ оказывались виновными машинисты и вообще мелкая желѣзнодорожная сошка, летѣвшая вмѣстѣ съ пассажирами въ овраги; но происходило это, какъ послѣ выяснялось, исключительно отъ пьянства, неразвитости и неосмотрительности самихъ машинистовъ и прислуги. А гдѣ вы возьмете трезвыхъ и развитыхъ людей? Не самимъ же начальникамъ дистанцій и молодымъ инженерамъ становиться на паровозы! Кто же будетъ тогда большіе оклады получать и гг. Ланиныхъ бить? Конечно,остается еще въ желѣзнодорожной сферѣ много самой обыкновенной неурядицы... Кто же не писалъ у насъ о привилегированномъ положеніи и безнаказанности желѣзныхъ дорогъ, о недостаточности подвижнаго состава, безпорядочномъ состояніи полотна и мостовъ; кто не говорилъ о недѣйствительности министерской инспекціи, двойной эксплуатаціи желѣзными дорогами, съ одной стороны, казны, а съ другой публики; кто не предупреждалъ объ опасности желѣзнодорожной монополіи для государства; кто не приводилъ множества фактовъ самой удивительной желѣзнодорожной безцеремонности по отношенію къ товароотправителямъ и пассажирамъ, безцеремонности, переходившей зачастую въ самое крайнее пренебреженіе и презрѣніе къ человѣку; кто не указывалъ на тотъ удивительный престижъ, который создаютъ и которымъ окружаютъ себя гг. инженеры, (зачастую состоящіе на государственной службѣ и служащіе въ частныхъ компаніяхъ) внушая публикѣ о себѣ понятіе какъ о правительственныхъ лицахъ, какъ о начальствѣ? Желѣзно-дорожное начальство и находящаяся при немъ на каждой станціи жандармерія и полиція въ глазахъ простого человѣка нераздѣлимы. Онъ никакъ не возьметъ въ толкъ, что всѣ эти красныя фуражки, золотые галуны, жгуты и жетоны занимаются только извозомъ, такимъ же простымъ извозомъ какъ и ломовики, ямщики и извощики, которые никоимъ образомъ не могутъ относиться къ нему неуважительно. Онъ никакъ не пойметъ, что они вовсе не благодѣтели его и даже не какіе-нибудь особенно новые и безкорыстные вѣстники и носители прогресса, а простые техники, конторщики и предприниматели,

Digitized by Google

получающіе еще отъ государства субсидіи. Лѣтопись желѣзнодорожныхъ безчинствъ и самоуправствъ длинна до безконечности. Въ одномъ мѣстѣ, какъ напримѣръ, на полустанкѣ Екатеринино, неподалеку отъ Таганрога, начальникъ станціи обращаетъ нижнихъ желѣзнодорожныхъ служителей съ ихъ семействами въ безплатныхъ работниковъ въ своемъ хозяйствѣ, и, когда жена одного стрѣлочника отказывается идти на барщину, то велитъ не давать ей ни капли воды и моритъ ее жаждою («Р. Вѣд.» № 197); въ другомъ (на ст. Юрковѣ, ю. з. ж д.) валяютъ на полъ и бьютъ ногами телеграфистокъ (ibid., № 203); въ третьемъ бьютъ пассажировъ; въ четвертомъ (на ст. Шарлотенгофѣ, Балтійской ж. д.) приказываютъ жандармамъ взять нѣсколько подвыпившаго и безпокойнаго флотскаго офицера и даютъ ему въ телеграфной комнатѣ 15 розогъ, а когда тотъ требуетъ жалобную книгу, чтобы занести туда свою обиду, то не даютъ ему таковой («Сов. Изв.» № 211) и т. д. Мы, разумѣется, вполнѣ понимаемъ то негодованіе, съ какимъ наша печать и общество набросились послѣ кукуевской катастрофы на желѣзнодорожные порядки. Стоитъ только представить себѣ десятки людей, погребенныхъ заживо на днѣ такой глубокой могилы, людей съ разбитыми головами, съ выдавленными внутренностями и переломанными костями, чтобы содрогнуться отъ такой смерти; стоитъ только представить себѣ горе отцовъ, матерей, мужей и дѣтей, оставшихся въ живыхъ и слушающихъ подземные стоны своихъ близкихъ, въ то время, когда желѣзнодорожная администрація собираетъ части разбитыхъ вагоновъ и медлитъ раскопкою погребенныхъ, относясь къ этому, какъ къ дѣлу второстепенному; стоитъ только представить себѣ эти ночныя панихиды съ электрическимъ освѣщеніемъ и множествомъ свѣчей и это заунывное «со святыми упокой», несущееся со дна оврага, чтобы понять возбужденіе и естественное чувство негодованія на виновниковъ этой драмы. Прибавьте къ этому еще то, что у каждаго, вѣроятно, было на умѣ, что все это произошло изъ-за какой-нибудь дрянной трубы и насыпи, на негодность которыхъ, какъ говорятъ, не разъ указывалось и которыя исправить скупились. Мы понимаемъ даже весь этотъ безплодный потокъ ругательствъ, внезапно — хлынувшій на желѣзнодорожную голову, понимаемъ почему газеты выкрикивали: алтынники, душегубы, грабители, «сующіе въ карманы окровавленныя тряпки своихъ жертвъ» и т. д. и призывали громы земные и небесные для отмщенія. Все это, говорю я, совершенно понятно, и странно было бы, разумѣется, оставить семьи погибшихъ и изувѣченныхъ безъ средствъ къ жизни, а виновниковъ катастрофы безъ наказанія. Но вотъ въ чемъ дѣло: какъ и кого мы будемъ наказывать, когда причиною всему былъ ливень, который можно отнести къ явленіямъ *необыкновеннымъ?* «Русь» требовала преданія суду чуть ли не все правленіе и всѣхъ служащихъ на московско-курской дорогѣ; другія газеты ограничивались только

Digitized by Google

управляющимъ дорогою и начальниками ремонта, дистанціи и станціи отправленія, а на дѣлѣ врядъ ли и они будутъ отвѣчать; такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ, если причиною всему былъ *необыкновенный* ливень. Наконецъ, начальникъ станціи можетъ сказать: «я за состояніе пути не отвѣчаю», а начальникъ дистанціи: «я на неисправность пути указывалъ»; начальникъ ремонта скажетъ: «не могу же я ремонтировать дорогу на свои средства», а управляющій имѣетъ полное право сказать: «я поѣзда не велъ, на мѣстѣ катастрофы не былъ, дороги не строилъ, общество въ такомъ видѣ приняло ее отъ казны, при чемъ объ исправленіи насыпи не заходило и рѣчи» и т. д. И всѣ хоромъ могутъ опять повторить: причиною всему — необыкновенный ливень! Въ этомъ-то вотъ роковомъ узлѣ вся и штука. Ищи не ищи — конца все равно не найдешь, и, мало того, что не найдешь, никто, вѣроятно, и не чувствуетъ себя виновнымъ и съ спокойною совѣстью обвиняетъ небо, киваетъ на сосѣда или также восклицаетъ: «ну, порядки у насъ—нечего сказать!» Мы не сторонники наказаній во что бы то ни стало, а тѣмъ болѣе для отдѣльныхъ лицъ, непосредственно не заинтересованныхъ въ преступленіи и не рѣдко творящихъ зло совершенно невольно, въ зависимости отъ общихъ причинъ и условій; но не можемъ не сказать, что разъ существуютъ и практикуются въ обществѣ кандалы, тюрьмы и другія наказанія для преступленій и проступковъ даже самыхъ малыхъ, то несправедливо было бы освобождать отъ нихъ людей, приносящихъ гораздо большій вредъ обществу, а главное: разъ существуютъ въ обществѣ суды для опредѣленія виновности, для квалификаціи преступленій и проступковъ, то имъ слѣдовало бы предоставить квалифицировать и желѣзнодорожные поступки, сопряженные со вредомъ для общества. И, конечно, они съ гораздо бо̀льшею компетентностью могли бы рѣшить вопросъ о томъ—кто совсѣмъ невиновенъ и чистъ, какъ голубь, кто виновенъ и заслуживаетъ снисхожденія, и кто виновенъ и никакого снисхожденія не заслуживаетъ. Толку изъ этого, разумѣется, особеннаго не было бы; но, по крайней мѣрѣ, чувство общественной справедливости было бы нѣсколько удовлетворено, и никто не могъ бы сказать, что одного сажаютъ въ тюрьму за какой-нибудь украденный калачъ или неосторожное слово, а другому все сходитъ съ рукъ. Машинисты и кондукторы, игравшіе до сихъ поръ роль козловъ отпущенія, конечно, хоть на этотъ разъ должны быть оставлены въ сторонѣ или отведены на второй планъ, такъ-какъ виноваты не они. Мы не знаемъ, какъ отыскалъ бы судъ истинныхъ виновниковъ несчастія и въ какой именно формѣ опредѣлилъ бы имъ наказаніе, въ формѣ ли уголовной какой-нибудь кары, въ видѣ ли духовнаго покаянія, налагаемаго за неумышленныя убійства, или въ видѣ большого денежнаго штрафа въ пользу пострадавшихъ; но это рѣшительно все равно. И островъ Валаамъ, съ продолжительнымъ постомъ

Digitized by Google

и молитвою, вѣроятно, былъ бы не дуренъ для гг. главныхъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей; а хорошій денежный штрафъ при этомъ, конечно, сдѣлалъ бы церковное наказаніе еще болѣе чувствительнымъ. Затѣмъ, московско-курская дорога врядъ ли можетъ оставаться въ такомъ видѣ на неопредѣленное время и должна, какъ намъ кажется, или исполнить къ извѣстному сроку всѣ ремонтныя работы, или должна перейдти въ казну, какъ дорога неисправная и угрожающая жизни и общественному спокойствію; но это дѣло уже не суда, а иныхъ сферъ, на которыя, къ сожалѣнію, весьма мало можно надѣяться. И исправленіе дороги за счетъ общества ея владѣльцевъ, и ремонтъ ея самимъ обществомъ, легко могутъ ограничиться только формальностью и видимою исправностью, какъ это и было неоднократно, при осмотрѣ новыхъ дорогъ пріемными комиссіями. Даже самый переходъ дороги въ казну, если вы сочувствуете ему въ принципѣ, находите это вполнѣ справедливымъ и даже необходимымъ въ настоящую минуту, не успокоиваетъ васъ, такъ какъ вы не увѣрены — пойдетъ ли дѣло лучше въ тѣхъ рукахъ, которыя даже порядкомъ присмотрѣть за дѣломъ не умѣютъ, и наполняетъ васъ только сомнѣніями. Въ этомъ-то вотъ и состоитъ особенность не только даннаго случая, но и всего переживаемаго нами времени: никто не знаетъ, что̀ дѣлать и въ какую сторону идти, что лучше и что̀ хуже. Все именно перепутано въ невообразимый клубокъ и съ каждымъ днемъ путаница все увеличивается. Чѣмъ поспѣшнѣе вы ищете концовъ и дергаете злополучныя нитки, тѣмъ онѣ только больше запутываются. И всѣ восклицаютъ: «что за чертовщина такая», «это вотъ они виноваты!» Такъ бываетъ съ дѣлами легкомысленныхъ молодыхъ людей и съ хозяйствомъ старыхъ чиновницъ и помѣщицъ, у которыхъ все ползетъ изъ рукъ—и денегъ-то имъ никто не платитъ, и урожая Богъ не даетъ, строенія разваливаются, и чѣмъ больше онѣ ихъ подпираютъ, тѣмъ больше они у нихъ и разваливаются. Что начало падать, того не спасешь уже никакими подпорками и надо строить вновь или перестроивать съ самаго фундамента. Вотъ почему мы и думаемъ, что еслибы виновники катастрофы были нетолько примѣрно наказаны, но были бы даже такъ же глубоко засыпаны, какъ и ихъ жертвы, то и это весьма мало гарантировало бы насъ отъ катастрофъ на будущее время. Врядъ ли желѣзнодорожныя неурядицы прекратятся, пока порядокъ постройки и эксплуатаціи дорогъ останется тотъ же, пока желѣзнодорожное хозяйство не измѣнится въ самомъ его основаніи и пока—и это едва ли не самое главное—мы на жизнь и права обывательскія не станемъ смотрѣть нѣсколько лучше, чѣмъ на овечьи права и жизнь, пока овца не получитъ права блѣять о своихъ нуждахъ и хоть такимъ образомъ протестовать противъ стрижки ея шерсти съ кожею. А мертвыхъ изъ могилы, конечно, уже не вернешь, какъ бы виновники ихъ смерти ни были наказаны.

Digitized by Google

Не вернешь точно также и генерала Скобелева къ его бѣлому коню и войску. Впрочемъ, скорбь о Скобелевѣ, какъ говорятъ «Московскія Вѣдомости», «не походитъ на уныніе... Нѣтъ, онъ не унесъ съ собою нашихъ надеждъ; подвигами своей кратковременной жизни онъ возбудилъ и возвысилъ наши надежды. Когда пробьетъ часъ великихъ дѣлъ, Скобелевы явятся на Руси...» Вотъ именно какъ-разъ тоже самое и мы думаемъ. Мы не согласны, конечно, съ газетою, что будто бы «русская исторія не привыкла хранить людей про запасъ», потому что это есть не больше, какъ похоронно-риторическая фигура, но что «изъ ея живыхъ силъ на новое дѣло появятся, Богъ дастъ, новые дѣятели»—въ этомъ мы почти даже увѣрены. Жаль, конечно, что одному отпускается слишкомъ мало жизни, а другому слишкомъ много, и лучше было бы, разумѣется, еслибы всѣ жили въ препорцію, но ничего съ этимъ не подѣлаешь, потому что жизнь человѣческая находится, какъ извѣстно, въ рукахъ Божіихъ. Помнится, что мы какъ-то, между прочимъ, указывали, что съ г. Катковымъ приходится сражаться нѣсколькимъ литературнымъ поколѣніямъ. Ясное дѣло, что исторія хранитъ его для чего-нибудь важнаго. Намъ, конечно, не легче отъ этого, но когда знаешь, что такова воля судьбы, то и смиряешься невольно гордымъ духомъ своимъ. Я видѣлъ недавно рукописный гимназическій журнальчикъ, гдѣ четвертое уже поколѣніе вступаетъ въ полемику съ примѣчательнымъ московскимъ публицистомъ. Старые люди, вообще, были какъ-то необыкновенно крѣпко сколочены и нерѣдко переживали нетолько дѣтей, но и внучатъ своихъ. Въ печати не разъ уже отмѣчался фактъ, что многіе изъ выдающихся писателей сороковыхъ годовъ, открывшихъ собою нашъ освободительный періодъ, пережили писателей пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, которые не справились съ жизнью, захлебнулись въ ея тинѣ и задохнулись въ ея копоти. Тѣ задохнулись, а эти ничего; нѣкоторые даже объ любви еще пишутъ и на внучатъ своихъ каррикатуры рисуютъ. Можетъ быть, кто-нибудь подумаетъ, что это зависѣло отъ слишкомъ идеальнаго воспитанія, полученнаго послѣдующими поколѣніями, отъ чрезмѣрно гуманнаго направленія, даннаго имъ отцами (противъ чего такъ вооружается Спенсеръ, называя подобное воспитаніе нецѣлесообразнымъ), но, вѣроятно, это было проще: вѣроятно, слишкомъ крѣпкіе отцы просто-на̀-просто истомили своихъ дѣтей, почуявшихъ вѣяніе новыхъ идей и потребовавшихъ отъ жизни уступокъ и освобожденія. Послѣднее, говорю я, вѣроятнѣе, потому что особой гуманности въ воспитаніи сороковыхъ годовъ не замѣчалось. Тогда царствовала еще ежевая рукавица, благодаря которой новыя идеи казались, конечно, только еще заманчивѣе и очаровательнѣе. Разумѣется, не писатели сороковыхъ годовъ, не люди, содѣйствовавшіе нашему обновленію, мѣшали добру. Ихъ было мало, да проживи они и еще хоть столѣтіе и только не

Digitized by Google

измѣняй направленія—помѣхи отъ нихъ никому не было бы; но долголѣтіемъ были награждены вовсе не они одни. Вмѣстѣ съ ними выжили и жестокіе, и тупые люди, ровно ничего путнаго не сдѣлавшіе для страны, а только мѣшавшіе тѣмъ, кто могъ и желалъ что-нибудь сдѣлать, люди несомнѣнно принимавшіе участіе въ заглушеніи всякаго добра и совершенно безцѣльномъ истребленіи молодыхъ поколѣній. Къ нимъ присоединились, съ теченіемъ времени, отсталые и перебѣжчики. Народу этого было много. Я встрѣтился на дняхъ съ однимъ своимъ школьнымъ товарищемъ и сказалъ ему: «поздравляю опять съ кадетскими корпусами и съ формою для студентовъ. Двадцать лѣтъ точно сонъ какой прошли...» — «Сонъ! перебилъ онъ меня:—а я, братъ, точно и не выходилъ еще изъ гимназіи. Право — точно еще въ 5 классѣ, хотя и имѣю ужь подъ 40... Выходилъ изъ гимназіи—думалъ: ну, довольно претерпѣлъ отъ васъ гг. инспекторы и субъ-инспекторы, гг. наблюдатели и воспитатели, finis—больше не увидимся! Не тутъ-то было: представь себѣ—начальникомъ отдѣленія у меня Иванъ Ивановичъ, бывшій учитель словесности, а начальникомъ департаманта—Петръ Ивановичъ, бывшій нашъ инспекторъ. Представь ты себѣ этакую штуку — быть всю жизнь связаннымъ съ одними и тѣми же людьми, всю жизнь отъ нихъ зависѣть и до глубокой старости чувствовать себя гимназистомъ. Нынче все педагоги вѣдь въ ходу. Такъ вотъ вмѣстѣ и идемъ. Какъ-то Петръ Иванычъ даже пошутилъ: остался недоволенъ какою-то вольностью въ бумагѣ, да вдругъ какъ крикнетъ — «вотъ я васъ въ карцеръ за это посажу!» Даже оторопь меня взяла, точно мертвецъ схватилъ за шею холодными руками. А онъ смѣется и говоритъ: «это я пошутилъ, по старой памяти!»—«А что, говоритъ, ушли отъ меня? Нѣтъ, такъ вмѣстѣ и помремъ, должно быть.» И кто знаетъ, возможно, что онъ даже переживетъ меня; на видъ, по крайней мѣрѣ, онъ моложе». Положеніе—чувствовать себя всю жизнь гимназистомъ, страдать всю жизнь отъ однихъ и тѣхъ же людей и быть связаннымъ съ ними, какъ съ какимъ-то трупомъ, дѣйствительно, положеніе ужасное. Они думаютъ, что имъ, какъ Скобелеву, будутъ поставлены памятники съ надписью: *ихъ побѣдамъ;* но совершенно забываютъ, что вовсе не всѣхъ вѣнчаютъ лаврами. Если у Скобелева не было, какъ у другихъ полководцевъ, особенно громкихъ побѣдъ и никто не зналъ его завѣтныхъ думъ и идеаловъ (никто, по крайней мѣрѣ, изъ его многочисленныхъ поклонниковъ и друзей еще не сказалъ, въ чемъ именно они состояли, да и врядъ ли поручился бы за то, что онъ сталъ бы говорить и дѣлать завтра), то все-таки у него были несомнѣнныя, въ особенности для нашего времени, достоинства, которыя и дѣлали его популярнымъ, какъ среди солдатъ, такъ и въ обществѣ: онъ не гнался за земными благами, не выпрашивалъ подачекъ и не захватывалъ казенныхъ земель, не занимался гешефтами, могъ спать и, повидимому,

Digitized by Google

даже предпочиталъ спать въ траншеѣ, а не на мягкомъ тюфякѣ; онъ относился къ солдату внимательно, не кралъ его сухарей и, подставляя его грудь подъ пули, подставлялъ рядомъ и свою. Это, говорю я, несомнѣнныя въ наши дни достоинства, достоинства, которымъ большинство даже удивляется. Скобелевъ — это какая-то въ высшей степени непосредственная и въ то же время что-то таившая въ себѣ натура, натура недовольная и несчасная, при всемъ видимомъ счастіи, натура отчасти романтическая и склонная къ мистицизму, способная уложить болѣе 20 тыс. чел. въ одну компанію и плакать передъ картиною сраженія при Гравелотѣ, натура то разочарованная и не ставившая жизнь ни въ копейку, то думавшая о будущемъ счастіи и даже собиравшаяся помогать мужику, то тяготѣвшая къ Москвѣ, то говорившая о независимости и свободѣ народовъ. Біографія и характеристика Скобелева были бы очень интересны, не столько, конечно, для выясненія его идеаловъ, ошибокъ и заблужденій, сколько чисто въ художественномъ отношеніи. Кажется, что по природѣ онъ былъ однимъ изъ тѣхъ нетерпѣливыхъ людей, которые, настрадавшись и не видя исхода, начинаютъ нетерпѣливо рвать запутанный клубокъ жизни. Одни рвутъ его съ толкомъ и разсчетомъ, другіе — только съ сердцовъ, подъ вліяніемъ чисто личныхъ страданій, усложняемыхъ общею путаницей. Что заставило его остановиться на войнѣ съ нѣмцами и считать Петербургъ *гнилымъ* городомъ — собственное ли внутреннее убѣжденіе, случайно ли запавшая въ голову мысль, столь часто повторявшаяся за послѣднее время всюду, что запутали насъ нѣмцы и нигилисты, или же просто соображеніе, что на этомъ скорѣе всего можно объединить общество и либо пропасть и перейти въ нирвану, либо куда-нибудь выйти—рѣшить, разумѣется, довольно трудно. Куда именно выйти? Этому вопросу Скобелевъ, повидимому, особаго значенія не придавалъ (на что мы своевременно и указывали послѣ парижскихъ его рѣчей). Выходовъ, конечно, было много, самыхъ разнообразныхъ, но, прежде всего, кажется, стоялъ вопросъ: выйти, лишь бы только куда-нибудь выйти изъ неисповѣдимаго хаоса. Видно было, что онъ шелъ и говорилъ какъ то непроизвольно, точно не самъ собою, а какъ будто кто то его толкалъ сзади, кто — неизвѣстно: фатумъ, обстоятельства или чья то невидимая рука, смотрѣвшая на него, можетъ быть, просто какъ на прекрасное историческое мясо, могшее послужить для временнаго воплощенія народнаго духа и національной идеи. — Что Скобелевъ былъ воплощеніемъ не однихъ только личныхъ желаній и стремленій—это весьма вѣроятно; но былъ ли онъ воплощеніемъ именно народнаго духа и стремленій, а не духа и стремленій только какой-нибудь части общества — это еще вопросъ. Мы не принадлежимъ, какъ знаетъ читатель, къ числу поклонниковъ Скобелева и его военныхъ плановъ, и какъ думали, такъ и теперь думаемъ, что онъ ошибался въ своихъ разсчетахъ. Война могла и не кончиться торжествомъ

Digitized by Google

русскаго оружія; а внутреннее тягостное состояніе могло и не разрѣшиться ею и могло переброситься (въ особенности при поощреніи) съ евреевъ на проживающихъ въ Россіи нѣмцевъ, чему и было нѣсколько образчиковъ. Такъ, напримѣръ, въ маѣ изъ Маріупольскаго уѣзда писали: «крестьяне начинаютъ думать, что имущество поселянъ-нѣмцевъ, по примѣру еврейскаго, какъ нажитое въ средѣ мѣстнаго населенія, яко бы не добрыми путями, должно быть уничтожаемо, а самые владѣльцы прогнаны куда-нибудь — или въ Палестину, или въ Америку». Крестьяне Александровскаго уѣзда, переѣзжая границу Маріупольскаго уѣзда, остановились близь одной изъ большихъ нѣмецкихъ колоній кормить лошадей, пустили ихъ по озимымъ и яровымъ хлѣбамъ, принадлежащимъ нѣмцамъ, и на протестъ хозяевъ и мѣстныхъ сельскихъ властей, отвѣчали: «хиба це ваше?.. це наше и ми хозяева тутъ; вотъ візмемо да проженем вас вкупѣ съ жидьми въ Америку, або Палестину»! («Русскій Курьеръ»). Въ виду численности и возбужденнаго состоянія крестьянъ, колонисты рѣшились лучше пожертвовать 10 десятинами хлѣба. Были и въ другихъ мѣстахъ примѣры въ этомъ же родѣ, доходившіе до стычекъ и вооруженной драки, а въ Балтійскомъ краѣ начинались уже разговоры о поголовномъ изгнаніи нѣмцевъ. Какъ тогда чувствовалъ бы себя и сталъ бы дѣйствовать нашъ генералъ—неизвѣстно...

Но не будемъ больше говорить о Скобелевѣ и кукуевской катастрофѣ, занимающихъ и волнующихъ нашу печать, такъ какъ чувствуемъ, что, продолжая говорить, мы, навѣрное, нетолько не будемъ въ состояніи поддержать температуру этихъ вопросовъ, но склонны будемъ скорѣе убавить нѣсколько дровъ изъ разведеннаго подъ ними очага. Продолжая говорить, мы должны были бы сказать, что предметы, сосредоточившіе теперь на себѣ общественное вниманіе и вызвавшіе столько газетныхъ слезъ, вовсе еще не самые печальные предметы, вовсе еще не самое большое наше горе, что есть вещи несравненно болѣе тяжкія и мучительныя, порождающія неизмѣримо большія человѣческія страданія и распространяющія ту ужасную душевную темноту, въ которой никто не знаетъ—куда идти и что любить и ненавидѣть, а говорить это въ настоящую минуту—не совсѣмъ своевременно. Пускай блудница поплачетъ хоть не о томъ, о чемъ ей слѣдовало бы плакать, пускай понегодуетъ хоть на то, что является слѣдствіемъ, а не причиною горя. Изъ тѣхъ, кто кричитъ теперь на желѣзнодорожниковъ: «алтынники! звѣри! грабители!» и тащитъ ихъ на расправу, развѣ никто не требуетъ отъ тѣхъ же инженеровъ хорошихъ дивидендовъ на свои акціи и не совершаетъ никакихъ грабежей, хотя бы и не столь кровавыхъ и шумныхъ, но не менѣе тяжелыхъ и губительныхъ? Грабежемъ и страданіемъ полна земля. Гг. Фишеры, Ландсберги, Юханцевы, Овсянниковы, Вальяно, Буши, Ивановы и т. д. проходятъ безконечною вереницею. Однихъ изъ нихъ

Digitized by Google

наказывали «по всей строгости законовъ», но это не устрашало другихъ; другихъ предавали оплеванію, осмѣянію и негодованію, но это не устыжало третьихъ. Очевидно, что есть что то лежащее въ самой жизни, въ самомъ обществѣ, что родитъ героевъ дешевой наживы и за что они держатся; очевидно, что проклятія и негодованія, которыми ихъ осыпали и въ которыхъ и прежде недостатка не было, не достигали цѣли и направлялись совсѣмъ не въ ту сторону; очевидно, что есть какая то слѣпота, мѣшающая видѣть истинную причину зла, какіе-то путы, мѣшающіе дѣйствовать, какой-то общій грѣхъ, который страшитъ и чувствуется и который каждому переложить на другого, разумѣется, интересно. Сначала грѣхъ перекладывается на самого пострадавшаго—«самъ, такой-сякой, виноватъ»—на наиболѣе безгласнаго и даже на отвлеченныя причины, въ родѣ новыхъ идей, народнаго пьянства, упадка въ массахъ вѣры, непочтенія къ старшимъ и т. п.; потомъ, по мѣрѣ обостренія грѣха и усложненія обстоятельствъ, на тѣхъ, кто первый заговариваетъ о присутствіи грѣха и необходимости отъ него освободиться, какъ напримѣръ, на извѣстные органы и представителей печати; затѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго усложненія обстоятельстъ, на перваго встрѣчнаго или случайно какъ-нибудь выскочившаго грѣшника, и, наконецъ, друга на друга, безъ всякаго разбора. И теперь, когда идетъ почти поголовная перебранка, когда чуть ли не всѣ набрасываются другъ на друга и тащатъ другъ друга къ отвѣту, вы видите только безпокойство и желаніе свалить куда-нибудь тяжелую ношу грѣха. Проходитъ нѣкоторое время и все опять успокоивается—закусываетъ, гуляетъ, веселится. Обошлось, ну и слава Богу. Точно также скоро забудется, вѣроятно, и кукуевская катастрофа. Газетныя слезы о жертвахъ скоро высохнутъ и сохранятся развѣ только въ публичной библіотекѣ, гг. желѣзнодорожники напишутъ разъясненія и оправданія, гдѣ докажутъ, что они ни душой ни тѣломъ не виноваты, что дорогу строила казна, что насыпь была крѣпка и. т. п. (подобное интересное объясненіе уже появилось въ видѣ брошюры А. П. Бородина), всѣ помирятся и все пойдетъ по прежнему. Поднимется даже смѣхъ надъ тѣмъ, кто чего и какъ испугался, кто какъ падалъ и уцѣпился, кто сказалъ какую-нибудь глупость и т. п. Потомъ, наконецъ, явится какое-нибудь новое выдающееся событіе и сначала заслонитъ, а потомъ и замететъ, какъ метлою, прежнее событіе. Такъ все это и идетъ въ дѣйствительности. Кукуевская катастрофа теперь уже перешла въ ланинскую исторію, исторію крайне жестокую и дикую, но надъ которою многіе хохочутъ. Хохочутъ нетолько инженеры, но и газеты. «Московскія Вѣдомости», напримѣръ, стараются забавно изобразить какъ послѣ удара Свѣнтицкаго m-me Ланина нанесла ему неожиданный ударъ зонтикомъ, какъ г. Ланинъ воспользовался этимъ моментомъ и скрылся въ подъѣздъ, какъ изъ заведенія шипучихъ водъ выскочили какіе-то молодцы, набросившіеся на Свѣнтицкаго и Узембло; «Новое

Digitized by Google

Время» подсмѣивается, какъ г. Ланинъ *расписался въ полученіи* и т. д. Кто бы ни былъ г. Ланинъ, но разъ надъ нимъ совершена такая возмутительная расправа, которая еще неизвѣстно, какъ будетъ трактоваться на судѣ—какъ покушеніе на убійство или какъ простое оскорбленіе дѣйствіемъ («Русскій Курьеръ» говоритъ, что у Свѣнтицкаго былъ кастетъ, которымъ онъ и нанесъ ударъ, «Московскія Вѣдомости» утверждаютъ, что кастета не было и что была только плетка) — смѣяться, по меньшей мѣрѣ, возмутительно, возмутительно тѣмъ болѣе, что г. Ланинъ является въ данномъ случаѣ представителемъ интересовъ слабыхъ и пострадавшихъ на катастрофѣ, а гг., совершившіе надъ нимъ расправу—ближайшими представителями другой стороны. Къ тому же, гг. Катковъ и Суворинъ, смѣющіеся надъ Ланинымъ, сами, какъ извѣстно, не отличаются особенною чувствительностью самолюбія и склонностью къ дуэлямъ, имѣютъ много поводовъ, въ однихъ литературныхъ оскорбленіяхъ и выраженіи презрѣнія, для вызововъ, отказа на которые, вѣроятно, не послѣдуетъ, и имѣютъ, наконецъ, много другихъ поводовъ для того, чтобы толковать о трусости передъ револьверомъ. (Напримѣръ, хоть недавній отказъ г. Пихно отъ дуэли). Очевидно, что тутъ идетъ дѣло не объ одномъ только г. Ланинѣ, но и о чемъ то другомъ, въ родѣ направленія, которому онъ такъ или иначе служитъ и которому старые шипящіе насмѣшники не сочувствуютъ. Очевидно, что они продолжаютъ еще свой походъ на несогласно мыслящихъ съ ними людей и пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы нанести противнику пораженіе. Несогласно мыслящихъ органовъ и безъ того осталось мало. Разъ, два да и обчелся, а недавно закрылись и еще два: «Трудъ» и безукоризненно прекрасная и честная газета «Земство» (надъ закрытіемъ которой «Новое Время» тоже подсмѣялось), но всего этого мало. Кажется и безъ того образовалась уже достаточно обширное кладбище, кажется и безъ того все уже молчитъ и раздаются только одни ликующіе голоса, кажется и безъ того все уже дѣлается такъ, какъ было желательно гг. шипунамъ: изъ московскаго университета выходитъ проф. Гольцевъ, изъ новороссійскаго Мечниковъ и другіе молодые профессора, очищая мѣсто людямъ болѣе современнымъ, пріемъ на женскіе медицинскіе курсы пріостанавливается, плата въ гимназіяхъ увеличивается, сфера печати съуживается, штаты полиціи увеличиваются и т. д., но всего этого мало. Заладили одно—мало! и все тутъ. Хоть припомнили бы разные разсказы, сказки и басни о жадности, гдѣ жадные звѣри и люди давились, вязли головами въ кувшинахъ, лишались всего и оставались опять при старомъ дырявомъ корытѣ, и подумали бы — не можетъ ли и тутъ выйти чего-нибудь подобнаго? Но гдѣ же, наконецъ, предѣлъ и къ чему можетъ привести столь неустанно проповѣдуемое и совершенно безцѣльное истребленіе? Не первый уже день, кажется, и не первый годъ живемъ мы по этимъ истребитель-

Digitized by Google

нымъ программамъ, а лучше какъ-то все не становится. Истребленіе всего, что не такъ думаетъ, что стоитъ поперекъ дороги и такъ или иначе мѣшаетъ, носится, какъ кличъ, по всей русской землѣ. Никогда, кажется, у насъ не было такого обилія и такого разнообразія доносовъ, какъ за послѣднее время. Доносятъ генералы, доносятъ священники, доносятъ гимназисты, доносятъ мужчины и женщины, старики и дѣти. Вотъ ректоръ самарской семинаріи, у котораго по части управленія и хозяйственнаго завѣдованія семинаріей, происходятъ невѣроятные безпорядки, почему-то обращается къ составленію «доносовъ, изъ числа которыхъ болѣе другихъ обратилъ на себя по своей беззастѣнчивости вниманіе ревизора (ревизовавшаго семинарію) доносъ на учителя семинаріи П.» («Рус. Кур.»). Вотъ священникъ о. Рубиновъ, какъ пишутъ изъ Кирилова, Новгородской губ., составляетъ разнымъ властямъ цѣлыхъ шесть доносовъ, изобличающихъ будто бы политическую неблагонадежность сельскаго учителя огибаловской школы г. К. Доносы эти Рубиновъ разсылаетъ въ разные концы—въ уѣздный училищный совѣтъ, уѣздному предводителю дворянства, инспектору народныхъ училищъ, въ губернскій училищный совѣтъ и, наконецъ, губернатору, и проситъ въ нихъ *о совершенномъ сокрушеніи* учителя и о прекращеніи навсегда его учительской дѣятельности. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказалось, «что ничего подобнаго, что изложено въ доносахъ, никогда не бывало, и что все произошло изъ-за личныхъ непріязней съ учителемъ пекущагося о благѣ общественномъ (!) батюшки, и вся эта печальная повѣсть окончилась самымъ комическимъ образомъ: учитель, по настоянію инспектора и «ради пользы школы», согласился примириться съ батюшкой, и послѣдній... помирился съ учителемъ, просилъ прекратить производство по доносу и согласился даже общими трудами въ той школѣ содѣйствовать дѣлу народнаго образованія» («Русскій Курьеръ», № 175). Хорошо, разумѣется, что въ средѣ уѣзднаго училищнаго совѣта, гдѣ сосредоточились всѣ доносы отца Рубинова съ требованіемъ объясненій, нашлось порядочное лицо, въ лицѣ инспектора народныхъ училищъ, г. Лаврова, не пожалѣвшаго ни трудовъ, ни матерьяльныхъ издержекъ для разслѣдованія на мѣстѣ обстоятельствъ дѣла, а то такъ бы и пропалъ человѣкъ. Другой не сталъ бы хлопотать и безпокоить себя изъ-за какого-то ничтожнаго учителя, а иной испугался бы одного слуха, что человѣкъ неблагонадеженъ. Въ Кременчугѣ, напримѣръ, былъ слѣдующій случай: нѣкто N, служащій въ банкѣ, встрѣтивъ одного господина, спросилъ его — не служитъ ли у него X, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ, что X находится подъ надзоромъ полиціи... Одного этого было достаточно, чтобы X лишили мѣста. Подалъ онъ жалобу мировому судьѣ, обвиняя N въ клеветѣ, но пока судъ да дѣло, а мѣсто ушло и ушли, можетъ быть, съ нимъ и средства къ существованію («Соврем. Изв.», № 123). Нѣкоторые доносы чрез-

Digitized by Google

вычайно интересны по мотивамъ и по тому искуству, съ какимъ доносчики ведутъ дѣло и обставляютъ свои сообщенія. Вотъ, напримѣръ, что разсказываетъ корреспондентъ «Недѣли» изъ Пинеги, Архангельской губ.:

«Одинъ изъ здѣшнихъ обывателей задумалъ поправить свои растроенныя дѣла обнаруженіемъ какого-нибудь злоумышленія, а такъ какъ такого здѣсь никогда не бывало, то обыватель взялъ на себя трудъ его выдумать. Въ качествѣ главнаго заговорщика, имъ былъ намѣченъ молодой человѣкъ Б. Но здѣсь явилось маленькое препятствіе: если подать доносъ пинежскому начальству, то оно, пожалуй, не придастъ ему никакой вѣры, зная хорошо какъ доносителя, такъ и тѣхъ, кому онъ уготовилъ яму (а яма эта, надо сказать, была приготовлена по всѣмъ правиламъ искусства). Поэтому, предпріимчивый обыватель рѣшилъ обойти мѣстныхъ властей и поскакалъ въ сосѣдній уѣздъ, гдѣ и доложилъ исправнику объ открытомъ имъ злоумышленіи. Этотъ маневръ удался; сейчасъ дали знать въ губернскій городъ, полетѣли эстафеты, начали слѣдить, наблюдать, наконецъ, произвели генеральное разслѣдованіе... и ничего не нашли. Доносъ оказался грубѣйшею, нахальнѣйшею ложью. Между тѣмъ, оговоренный едва-было не испыталъ уже довольно серьёзныхъ послѣдствій доноса, отъ которыхъ былъ избавленъ, благодаря лишь совершенно случайному обстоятельству. Доносчикъ остался безнаказаннымъ». («Современ. Изв.», № 211).

Еще искуснѣе было сдѣлано дѣло въ Кадниковѣ: «Въ зданіи мѣстной земской больницы, въ помѣщеніи, занимаемомъ фельдшерскимъ ученикомъ Л., была найдена смотрителемъ больницы, Скворцовымъ, записка приблизительно слѣдующаго содержанія: «Въ послѣднюю бытность у васъ, я позабылъ свои записки и книгу о террорѣ. Кланяйтесь г. Ш. и спросите у него—каковы наши общія дѣла». Записка была адресована на имя политической поднадзорной г-жи Г. Подписано—Л. Скворцовъ передалъ записку предсѣдателю земской управы, а тотъ въ полицію; фельдшерскому же ученику Л., отказалъ отъ службы. Полиція въ ту же ночь съ 10-го на 11-е мая сдѣлала обыски у Л. и г-жи Г. и подвергла допросу поднадзорнаго Ш., которые нетолько не были знакомы съ Л. но даже въ первый разъ услышали его фамилію. По обыскамъ ничего подозрительнаго не найдено; но старшій фельдшеръ больницы Б. произвелъ у Л. добровольный дополнительный обыскъ и нашелъ у него какую-то статью изъ «Современника», которую и представилъ въ полицію. Дѣло усложнилось этимъ обстоятетьствомъ и разными другими столь же, повидимому, основательными предположеніями разныхъ добровольцевъ, принявшихъ участіе въ травлѣ Л. Шестнадцатилѣтній юноша совсѣмъ потерялся, откуда на него свалилась напасть и предполагаетъ только на одно, что записку составилъ отъ его имени его товарищъ Р., завидовавшій ему и постоянно придиравшійся къ нему за то, что онъ находился на хорошемъ счету у начальства и получилъ послѣдній разъ лишнихъ 5 р. награды. («Рус. Вѣд. № 139»). Товарищъ прокурора обѣщалъ начать по этому дѣлу дознаніе, о ходѣ котораго пока еще неизвѣстно. Не дурно также подстроено было обвиненіе и въ с. Широкомъ-Карамышѣ, Аткарскаго уѣзда. Пріѣхалъ

Digitized by Google

туда къ матери молодой человѣкъ М—нъ, служившій прикащикомъ въ Астрахани, и пожелалъ завести какую-нибудь торговлю; но при осуществленіи этого желанія поссорился съ мѣстнымъ урядникомъ Ж. и волостнымъ писаремъ. Получивъ однажды отъ писаря записку—придти на *мировую*, М. пошелъ въ волостное правленіе, гдѣ засталъ урядника и писаря, трактующихъ о внутренней политикѣ. Почуявъ недоброе, М—нъ отлучился и пригласилъ одного реалиста, гостившаго во время каникулъ у родственниковъ. На столѣ появилась водка и бесѣда продолжалась. «Среди разговоровъ урядникъ съ писаремъ нѣсколько разъ выходили на крыльцо волостнаго правленія, и въ одно ихъ отсутствіе М—нъ замѣтилъ за печкой спрятавшагося сотскаго. Вругъ бесѣда прерывается: слышится шумъ и топотъ лошадей; отворяется дверь и входитъ другой урядникъ изъ сосѣдняго села Баланды съ понятыми. «А, вы тутъ запрещенныя книги читаете»! — воскликнулъ сельскій администраторъ. — «Арестовать его»!—воскликнулъ онъ, указывая на М—на. М—на арестовали, произвели обыскъ, но ничего не нашли». Составленъ былъ протоколъ, въ которомъ говорилось, что М—нъ развозилъ по Аткарскому уѣзду книги. Дѣло пошло по инстанціямъ. М. былъ обязанъ подпискою о невыѣздѣ. Наконецъ, дѣло возвратилось изъ департамента государственной полиціи, который признаетъ М. оклеветаннымъ. Урядникъ же, добавляетъ корреспондентъ, смѣщенный за что-то другое, теперь мирно послуживаетъ въ одномъ изъ общественныхъ учрежденій г. Аткарска («Р. Кур.»). Иногда доносы носятъ совсѣмъ анекдотическій характеръ. Въ Вологдѣ, напримѣръ:

«Въ одномъ домѣ судьба свела двухъ жильцовъ: воспитанника реальнаго училища 7-го класса, занимавшаго помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ, и генерала Т., жившаго надъ нимъ. Гимназистъ очень скромный юноша, имѣлъ одну страсть: онъ ужасно любилъ игру на гармоникѣ и въ свободные отъ занятій часы отводилъ на ней душу. Къ сожалѣнію, однако, генералъ Т. оказался прямой противоположностью гимназисту и гармоники слышать не могъ. Неоднократно генералъ упрашивалъ гимназиста прекратить игру, но у того всегда былъ одинъ отвѣтъ: «мое занятіе разрѣшено закономъ, а въ своей квартирѣ я—хозяинъ». Генералъ разсвирѣпѣлъ и рѣшился отомстить. Случай скоро представился. Кромѣ любви къ гармоникѣ у реалиста была не менѣе сильная любовь къ химіи, и принадлежащую къ дому баню онъ обратилъ зъ химическую лабораторію, гдѣ и производилъ опыты самаго мирнаго свойства. Какъ-то разъ вздумалось ему заняться опытами съ каліемъ и, между прочимъ посмотрѣть, какъ онъ взрывается, будучи положенъ въ воду. Сказано-сдѣлано: взрывъ произошелъ, и послужилъ для генерала кульминаціоннымъ пунктомъ противъ реалиста. Тотъ тотчасъ же сдѣлалъ заявленіе о томъ, что «ученикъ реальнаго училища 7-го класса такой то занимается приготовленіемъ мины». Вологодскій губернаторъ посылаетъ директору училища, г. Маку, запросъ: имѣютъ ли право воспитанники ввѣреннаго ему заведенія заниматься подобными вещами? Г. Маакъ черезъ своего секретаря, отвѣчаетъ, что на счетъ существованія «мины» онъ сомнѣвается, химіей же воспитанники старшихъ

Digitized by Google

классовъ заниматься могутъ; но «понятно, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ не вредить ближнимъ, и въ заключеніе предлагаетъ произвести у «химика» обыскъ. Губернаторъ распорядился производствомъ обыска, который и подтвердилъ, что химическія занятія «реалиста» были самаго невиннаго свойства» («Русск. Вѣд.» № 146).

А желѣзнодорожный машинистъ въ Саратовѣ, какъ сообщилъ «Сарат. Листокъ», донесъ на товарища за то, что тотъ объяснилъ громъ не ѣздою Ильи пророка по небу, а электричествомъ: «вотъ я ему покажу электричество!» говорилъ разсерженный кляузникъ.

Не безъинтересенъ также доносъ отставного рядового Рязанова богучарскому уѣздному исправнику на священника Авсенова, котораго онъ обвинялъ въ принадлежности къ обществу соціалистовъ. Въ удостовѣреніе этой принадлежности была представлена писанная св. Авсеновымъ записка къ волостному писарю Жиляеву, приглашавшая его прибыть немедленно для совѣщанія по домашнимъ дѣламъ и къ которой была сдѣлана телеграфными знаками такого рода приписка: «Я уже совѣтовался съ Сахаровыми, лучше подождать изъ комитета распоряженія, берегись какъ можно и сожги всѣ прокламаціи, а Василь Григоричу Сахарову дай знать скорѣе.» Секретное дознаніе, произведенное богучарскимъ исправникомъ, обнаружило полную невиновность священника; а слѣдствіе, возбужденное прокуроромъ о ложномъ доносѣ, обнаружило, что приписка телеграфными знаками сдѣлана урядникомъ Богословскимъ, который былъ прежде телеграфистомъ и который, въ сообществѣ Рязанова и нѣкоего Войтенкова, и состряпали доносъ исправнику и жандармскому полковнику, обѣщая «замять дѣло» въ случаѣ уплаты 100 руб. Острогожскій окружной судъ приговорилъ доносчиковъ: Рязанова, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, Богословскаго, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, къ 2 годамъ заключенія и къ ссылкѣ въ Иркутскую губ. и Войтенкова, также по лишеніи особыхъ правъ и преимуществъ, къ отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе на два года и 6 мѣсяцевъ.—Кассаціонная жалоба подсудимыхъ на этотъ приговоръ оставлена сенатомъ безъ послѣдствій («Голосъ»). Въ данномъ случаѣ, благодаря, вѣроятно, тому, что доносъ былъ сдѣланъ на духовное лицо и что прокурорскій надзоръ обратилъ на него особенное вниманіе, доносчики понесли законную кару; но это чуть ли не единственный случай, а обыкновенно они остаются совершенно безнаказанными, что, конечно, придаетъ имъ только больше смѣлости и назойливости. Въ особенности тяжело и беззащитно отъ нихъ положеніе сельскихъ учителей и учительницъ. Въ селѣ Лебединѣ, Чигиринскаго уѣзда напр., какъ писали въ «Зарѣ», урядникъ и писарь Н—скій положительно не даютъ житья сельскому учителю К—му *постоянными кляузами и доносами.* «Сначала одинъ изъ нихъ донесъ,

Digitized by Google

что учитель занимается хозяйствомъ и ходатайствомъ по дѣламъ въ ущербъ прямымъ занятіямъ. По этому поводу учебное начальство сдѣлало разслѣдованіе и оказалось, что учитель ведетъ школьное дѣло превосходно и народъ его любитъ. Учитель никогда не оставляетъ школы, за исключеніемъ «каникулъ». Даже мировой посредникъ въ формальной бумагѣ далъ о немъ хорошій отзывъ, выразившись такъ: «учитель К., при отличномъ поведеніи, примѣрномъ благонравіи и безукоризненномъ образѣ жизни, исполняетъ свои обязанности по воспитанію дѣтей очень усердно и добросовѣстно и этимъ онъ снискалъ себѣ любовь дѣтей и уваженіе всего общества». Когда доносъ не выгорѣлъ, то ябедники пустили въ ходъ другое оружіе — «стали распускать въ народѣ про учителя всякія мерзости и объявили его неблагонадежнымъ, вреднымъ человѣкомъ». («Рус. Вѣд.» № 197). Вы видите, что порядочные люди всюду преслѣдуются и сживаются со свѣта бѣлаго какою-то невѣроятно отвратительною саранчею, саранчею грубою, дикою, безнравственною и кляузною, у которой нѣтъ ни стыда въ глазахъ, ни мысли, ни самомалѣйшаго понятія о добрѣ, ни желанія служить чему нибудь высокому и честному. Саранча эта знаетъ только одно— рвать, рвать безъ всякой пощады, съ кого можно и гдѣ можно. Если отъ ея нападеній не гарантированы ни учитель, ни священникъ, то можете представить себѣ, что она можетъ выдѣлывать съ мужикомъ. И между тѣмъ саранча эта опустилась теперь на русскую деревню. Можно съ увѣренностью сказать, что чѣмъ выше и нравственнѣе интеллигентный человѣкъ въ роли сельскаго учителя, тѣмъ скорѣе онъ подвергнется выслѣдованію и тѣмъ скорѣе долженъ будетъ убѣжать изъ деревни. Этого ли вамъ нужно было, гг. шипуны? Или, можетъ быть, и этого еще мало?

Можно ждать, что мы въ скоромъ времени доживемъ до преслѣдованія всякаго великодушнаго чувства и побужденія. Недалеко ужь, кажется, и до этого. Газета «Врачъ» разсказываетъ, напримѣръ, слѣдующее: хирургъ Д—й, служащій младшимъ врачемъ въ Л—мъ полку, получивъ невеселое порученіе — убѣдиться, можетъ ли провинившійся солдатъ (изъ штрафованныхъ) выдержать наказаніе въ 200 розогъ, нашелъ, что не можетъ. Старшій «врачъ» полка М., возмутившись такимъ потворствомъ, назначилъ комиссію изъ себя и двухъ другихъ «врачей»; комиссія нашла, что солдатъ экзекуцію вынести можетъ; вскорѣ вѣрность «діагноза» ученой комиссіи подтвердилась фактомъ сѣченія. Тогда старшій врачъ донесъ кому слѣдуетъ, что д-ръ Д—й исполняетъ обязанности небрежно и склоненъ къ потворству и того усадили на три дня на гауптвахту. Еще лучше: въ Рославлѣ появился добрый человѣкъ, который сталъ помогать бѣднымъ, давая на разныя надобности денегъ и записывая только въ книжку выдачи. Это

Digitized by Google

показалось до такой степени необычнымъ, что его немедленно же произвели въ Антихристы, стали про него разсказывать небылицы (въ родѣ того, что онъ беретъ кровавыя расписки и т. п.) и стали поглядывать. Когда обратились къ нему за разъясненіемъ столь *странныхъ* поступковъ, то онъ отвѣчалъ, что поступки его могутъ казаться странными только тѣмъ, кто привыкъ брать чужое и не давать своего... Но это, конечно, сомнѣній не разсѣяло. Не разсѣялись онѣ и тогда, когда несчастнаго антихриста, раздавшаго уже все имущество и оставшаго безъ денегъ, хозяинъ выгналъ изъ квартиры. («Смол. Вѣст.»).

Что вы полете, гг. шипуны, и что насаждаете — чертополохъ или пшеницу — рѣшите сами, а не то подождите урожая, который, вѣроятно, не замедлитъ показать вамъ результаты вашихъ трудовъ и ожиданій.

Digitized by Google

ІЮЛЬСКОЕ ВѢЯНІЕ.

На дворѣ знойно; Петербургъ опустѣлъ и наполнился смрадомъ. Съ «вопросами» тихо; даже еврейскій вопросъ, надѣлавшій-было изряднаго переполоху—и тотъ словно изныль. Но кой-гдѣ еще скребутъ перьями; вѣроятно, это какая-нибудь невзначай уцѣлѣвшая комиссія доскребываетъ свою послѣднюю пѣсню; а все-таки чуется: задастъ она копоти. Ну, что бы стоило окончательно сказать: оботрите перья, спрячьте въ ящикъ бумаги, заприте на ключъ и бѣгите куда глаза глядятъ—какой бы миръ во всѣ души эти простыя слова пролили! Такъ нѣтъ, объ этомъ еще не слыхать: не приспѣло, знать, время. А тутъ, вдобавокъ, еще дернуло околоточнаго на Петербургской сторонѣ двѣ души загубить! Думаешь, нѣтъ ли тутъ внутренней политики, и не отразится ли это происшествіе на литературѣ, яко попустительницѣ и укрывательницѣ...

И всѣ эти сомнѣнія рождаются въ такую пору, когда неслыханный зной такъ и прожигаетъ насквозь, когда нетолько возиться съ вопросами, но и фривольныя мысли въ головѣ содержать тяжело. Говорятъ, будто въ такой зной хорошо сѣно убирать и хлѣбъ жать, но насколько это справедливо — сказать не умѣю. Не сѣялъ, не жалъ, а только въ ѣдѣ себѣ не отказывалъ. На дняхъ, впрочемъ, видя, какъ дворникъ Иванъ ловко машетъ косой, обкашивая лужайку передъ дачей, я рискнулъ-таки полюбопытствовать:

— А что, братъ, Иванъ, я думаю, что въ такое благопріятное для уборки время, и душа радуется косить-то?

Но онъ, вмѣсто того, чтобы по душѣ покалякать, процѣдилъ сквозь зубы:

— Попробуйте!

Такъ я и не узналъ, радуется или не радуется у человѣка душа, когда онъ машетъ косой при тридцати градусахъ по Реомюру.

Нынѣшнимъ лѣтомъ я не поѣхалъ за границу, а устроился на дачѣ подъ Петербургомъ. Въ сущности, пора бы свой собственный уголъ гдѣ-нибудь припасти, но столько нынче во всѣхъ мѣстахъ «вопросовъ» развелось, что по неволѣ беретъ оторопь. На югъ заберешься — тамъ еще еврейскій вопросъ у

Digitized by Google

всѣхъ въ свѣжей памяти; на сѣверъ—тамъ о какихъ-то аграрныхъ вопросахъ поговариваютъ. Даже въ Петербургѣ нынче своимъ домкомъ завестись жутко: а ну, какъ столица-то... Катковъ съ Аксаковымъ въ Москву зовутъ, Булюбашъ—въ Полтаву, а потомъ, глядишь, и въ Саратовѣ свой собственный патріотъ объявится: пожалуйте въ Саратовъ!

Главнымъ образомъ, я потому не поѣхалъ за границу, что вѣстей туда изъ Россіи доходитъ мало, а знать хочется. Думалъ: поселюсь-ка въ сорока верстахъ отъ Петербурга — всего наслушаюсь. И что же! въ сорока-то верстахъ еще меньше извѣстій изъ Россіи, нежели за границей! Точно она сквозь землю провалилась, голубушка. Тѣ же газетные листы, что и за границей, и тѣ же въ нихъ голые факты. А какія загадки скрываются за этими фактами, и какія загвоздки готовятъ они въ будущемъ—молчокъ.

Довольно поболтали. Налгали съ три короба, насуетились—и будетъ. Теперь попробуемъ, не лучше ли будетъ, если сядемъ и будемъ сидѣть, уставивъ броды. Но какой переходъ!

Какъ опознаться въ этомъ Concertstück, гдѣ мажорные тоны внезапно смѣняются минорными, минорные — мольными, и, наконецъ, наступаетъ отсутствіе всякихъ тоновъ?..

Паровозы, между тѣмъ, чуть не ежечасно выбрасываютъ на платформу цѣлыя массы людей, съ портфѣлями и безъ портфѣлей, людей, которые ежедневно, въ урочный часъ, уѣзжаютъ отъ насъ въ Петербургъ, и, настряпавши тамъ цѣлые вороха внутренней политики, въ урочный же часъ пріѣзжаютъ обратно глотнуть дачнаго воздуха. Вяло вылѣзаютъ эти люди изъ вагоновъ и, лѣниво перебирая по платформѣ ногами, направляются къ извощикамъ. Глаза померкли, губы запеклись, въ носу залегло, голова пуста... Послѣ, въ портфѣлѣ опять все безъ труда отыщется, и опять голова наполнится внутреннею политикой, но, покуда, утренняя стряпня взяла всѣ силы, какія только могла взять. А тутъ, какъ на грѣхъ, зной, словно изъ ушата, такъ и льетъ на опустѣлую голову...

— Что̀ новенькаго? слышится гдѣ-то сонный вопросъ.

— А? что̀? тоже словно сквозь сонъ раздается изъ чьей-то утробы.

Однимъ словомъ, предположенная цѣль: остаться въ Россіи, чтобы жить въ оной—оказывается недостигнутою. Живешь невѣдомо гдѣ, слышишь загадочные звуки, видишь протянутыя веревки, на которыхъ качается масса юпокъ и кальсоновъ, и отъ времени до времени освѣжаешься мыслью: вотъ-вотъ явятся прекрасные незнакомцы и потребуютъ: пожалуйте паспорты! Паспорты, паспорты, паспорты — вотъ въ чемъ состоитъ прелесть нынѣшней дачной жизни...

— Кто вы, прекрасные незнакомцы? Дворникъ! слѣдуетъ ли отдавать имъ паспорты?

Digitized by Google

— Помилуйте? вашескородіе, стало быть, слѣдуетъ, коли требуютъ!

А, впрочемъ, въ послѣднее время наша жизнь уразнообразилась еще слухами о воровствахъ. Здѣшніе воры довольно снисходительны. Придутъ и попробуютъ, подается ли окно или не подается; ежели подается, то влѣзутъ, если же не подается, то не настаивая идутъ дальше. На ихъ счастіе, дачи ремонтируются рѣдко, и оконные переплеты почти всегда ветхи. Но и въ такомъ случаѣ, здѣшніе воры не задерживаются, а возьмутъ первое, что попадется подъ руку и уйдутъ. Очевидно, что главнымъ мотивомъ тутъ является не ненависть къ людямъ и не протестъ противъ неравномѣрнаго распредѣленія богатства, а выпивка. Хочется выпить, а денегъ нѣтъ—вотъ они и пробуютъ, прочны ли оконныя рамы. При этомъ, всего чаще достается ложкамъ, которыя вездѣ, въ ягодный сезонъ, валяются не прибранныя. Иногда попадается нѣсколько настоящихъ серебряныхъ ложекъ—тогда воръ радуется и называетъ обворованнаго «хорошимъ господиномъ»; но иногда ложки попадаются мельхіоровыя — тогда воръ ропщетъ, называетъ обворованнаго обманщикомъ, и сравниваетъ его поступокъ съ тою мельхіоровою внутреннею политикой, которая суетится и сулитъ, но, кромѣ мельхіоровыхъ дѣлъ, ничего послѣ себя не оставляетъ.

Однако, покуда не было опубликовано происшествіе на Петербургской сторонѣ, мы не очень тревожились. Но звѣрски-безсмысленный поступокъ околодочнаго Иванова заставилъ и насъ встрепенуться. Сейчасъ же у всѣхъ оконъ появились наружные ставни, сквозь которые просовываются желѣзные болты, и теперь, съ десяти часовъ вечера, мы сидимъ запершись и ничего не боимся. Сверхъ того, я лично, ложась спать, на каждое окно кладу по ложкѣ и по двѣ, въ разсчетѣ, что воръ прямо возьметъ, что слѣдуетъ, и затѣмъ ему уже не будетъ надобности убивать. А такъ какъ у насъ околодочнаго нѣтъ, а есть урядникъ, то я и съ нимъ, на всякій случай, имѣлъ разговоръ.

— Ужь вы, Семенъ Пареенычъ, ежели вамъ нужно, лучше спросите!

— Я, вашескородіе, завсегда лучше спрошу!

— Пожалуйста. Я тоже лучше десять, двадцать пять рублей отдамъ, нежели жизнь!

Устроившись такимъ образомъ, я сплю тѣмъ спокойнѣе, что на дняхъ намъ сдѣланъ сюрпризъ: нанятъ ночной сторожъ. Сторожъ этотъ слѣпенькій, на оба уха не слышитъ, на одну ногу хромаетъ, а другую волочитъ; однако, еще дышитъ. А это все, что нужно, потому что на здѣшняго простодушнаго вора одинъ видъ человѣка движущагося дѣйствуетъ спасительно. Иногда, въ просонкахъ, я слышу, какъ нашъ сторожъ зѣваетъ, а по временамъ, нѣтъ-нѣтъ да и потрещитъ въ трещетку: спите, молъ, я тутъ! А я ему въ отвѣтъ: бди, калѣка, за восемь цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, бди!

Digitized by Google

Ахъ, этотъ Ивановъ! Мало того, что двѣ души загубилъ, но, что еще хуже, цѣлое вѣдомство своимъ поступкомъ скомпрометировалъ. Вмѣсто того, чтобы держать знамя полиціи высоко, а онъ, смотрите, что выдумалъ! И какъ нарочно, сряду два такихъ случая. Одинъ съ Ивановымъ, другой съ господиномъ—не помню ужь фамиліи—который въ магазинѣ пять байковыхъ платковъ стянулъ. Поймали, привели къ мировому.

— Кто таковъ?

— Чиновникъ департамента государственной полиціи.

Ахъ!

Къ счастію, оказалось, что онъ совралъ. Никогда онъ въ департаментѣ государственной полиціи не служилъ, а только отъ времени до времени исполнялъ отдѣльныя порученія. Исполнитъ порученіе, а вслѣдъ затѣмъ воровать пойдетъ; потомъ опять порученіе исполнитъ, и опять воровать. Дѣлу время, и потѣхѣ часъ. А въ департаментѣ, по разсмотрѣніи его порученій, распоряженія идутъ: штандартъ скачетъ, андроны ѣдутъ, паровозъ свиститъ...

Кто-жъ ему, однако-жъ, въ душу влѣзетъ! думали, что онъ просто курицинъ сынъ, а онъ оказался... орелъ!

Какъ бы то ни было, но въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ внутренней политики нѣтъ и слѣда, и тѣ, которые полагаютъ, что здѣсь примѣшанъ вопросъ о расширеніи полицейской компетенціи, очень грубо ошибаются. Равнымъ образомъ заблуждаются и тѣ, которые утверждаютъ, что ничего подобнаго не могло бы произойти при «правовомъ порядкѣ» (псевдонимъ). Ибо псевдонимъ этотъ давно ужь у насъ существуетъ, только мы, по недоразумѣнію, другими псевдонимами его называемъ. Ничего намъ не нужно: ни реформъ, ни упорядоченій, ни правовыхъ порядковъ. Все у насъ есть. А ежели есть, сверхъ того, и много лишняго, то стоитъ только построже предписать: чтобъ не было—и не будетъ.

Вѣдь справляются же съ литературой. Не писать о соборахъ, ни объ Успенскомъ, ни объ Архангельскомъ, ни объ Исакіевскомъ—и не пишутъ. Вотъ объ колокольняхъ (псевдонимъ) писать—это можно, но я и объ колокальняхъ писать не желаю. Богъ съ ними, съ псевдонимами вообще.

Встарину, опытные губернаторы именно такъ и поступали. Прослышитъ, бывало, генералъ, что въ ввѣренномъ ему краѣ неблагополучно—сейчасъ циркуляръ. «Дошло до моего свѣдѣнія... чтобъ не было!» И разомъ, всѣ воровства, грабежи, убійства—все какъ рукой сниметъ. А отчего? оттого, что встарину администраторы знали, чего хотятъ, и въ согласности съ симъ требовали. Объ журавляхъ не разговаривали, а прямо указывали на синицу. За то ужъ если потребовалъ генералъ синицу, то хоть тресни, а подай; а не подалъ—умри!

А нынче, съ комитетами да съ комиссіями, совсѣмъ мы спутались. Понадѣлали комиссій, думали, что польза выйдетъ, а

Digitized by Google

вышли псевдонимы. Реформа—псевдонимъ, упорядоченіе—псевдонимъ, правовой порядокъ—псевдонимъ. Понятно, что никакая комиссія такого множества псевдонимовъ не выдержитъ. И вотъ, онѣ нарождаются и умираютъ, умираютъ и опять нарождаются. А мы ходимъ между ними словно по полю, усѣянному мертвыми тѣлами. Идешь и думаешь: почили, неисправимые празднословы!—смотришь, анъ между ними ужь кудрявые купидоны рѣзвятся и тоже объ чемъ-то праздноскартавятъ... ахъ, дѣти, дѣти!

Жалко смотрѣть на этихъ дѣтей. Едва изъ колыбели, а ужь не знаютъ иныхъ игрушекъ, кромѣ труповъ! И какихъ труповъ! такихъ, которые завѣдомо сдѣлались оными отъ руки псевдонимовъ! Вѣдь псевномный-то ядъ силенъ; живые трупы давно стали мертвыми трупами, а ядъ и теперь витаетъ надъ полемъ смерти! И молодыя легкія вдыхаютъ испаренія его и постепенно заражаются ими. Не успѣетъ купидонъ подрости — глядь, ужь новое мертвое тѣло присовокупляется къ числу прежнихъ таковыхъ... Бѣдныя, не расцвѣтшія дѣти!

Въ томъ-то и бѣда наша, что часто мы сами не знаемъ, чего хотимъ. По крайней мѣрѣ, въ Москвѣ давно ужь твердятъ, что только тогда мы будемъ благополучны, когда на фронтисписѣ нашей жизни будетъ написано: А = А. Вотъ это — вѣрно. Все равно, какъ въ старые годы кресты на дверяхъ мѣломъ писали, чтобы холера въ домъ не входила. Но ежели и затѣмъ холера входила, то умирали.

Однако, довольно о псевдонимахъ—еще бѣды съ ними наживешь. Поговоримъ лучше объ евреяхъ. Ибо, хотя нынче съ этимъ вопросомъ и тихо, но, право, даже теперь, какъ вспомнишь, что̀ происходило мѣсяца три-четыре тому назадъ, морозъ по кожѣ подираетъ.

Не такъ давно, и въ печати, и въ обществѣ въ большомъ ходу были толки о «народной политикѣ» и о необходимости практическаго ея примѣненія. Но, къ удивленію, эти толки болѣе смущали, нежели радовали.

Не потому смущали, чтобы выраженіе «народная политика» представляло для кого бы то ни было загадку: у всѣхъ народовъ оно имѣетъ одно и тоже значеніе, и на всѣхъ языкахъ имѣетъ соотвѣтствующій терминъ. Означаетъ оно такую правительственную систему, въ результатѣ которой является здоровый ростъ народа, какъ физическій, такъ и духовный. Процвѣтаніе наукъ, промышленности, искуствъ, литературы, общее довольство, обезпеченность и довѣріе — вотъ въ нѣсколькихъ словахъ программа «народной политики». Ясно, что такого рода явленіе, въ глазахъ всякаго здравомыслящаго человѣка, можетъ быть только желательнымъ.

Но у насъ, вслѣдствіе укоренившейся привычки говорить псевдонимами, понятія самыя простыя и вразумительныя получаютъ загадочный смыслъ. У насъ выраженіе «народная политика»

Digitized by Google

означаетъ совсѣмъ не общее довольство и преуспѣяніе, а, во-первыхъ, «жизнь духа», во-вторыхъ, «духъ жизни», и въ-третьихъ, «оздоровленіе корней». Или, говоря другими словами: мели, Емеля, твоя недѣля.

Вотъ эта-то «народная политика» и взялась покончить съ еврейскимъ вопросомъ. Она всегда и за все бралась съ легкостью изумительной. И «ключей» требовала, и Босфору грозила, и въ Константинополѣ единство кассъ устроить сбиралась, и на кратчайшій путь въ Индію указывала. Но нельзя сказать, чтобы съ успѣхомъ. Еслибъ она меньше хвасталась, не такъ громко кричала, сбираясь на рать, поменьше говорила стихами и потрезвѣе смотрѣла на свою задачу—быть можетъ, она чего-нибудь и достигла бы. Но она всегда продавала шкуру медвѣдя, не убивши его—понятно, что ни «ключи», ни «проливы», не давались ей, какъ кладъ. И вотъ, послѣ цѣлаго ряда проказъ по части оздоровленія корней, ей подвертывается пресловутый еврейскій вопросъ.

Читатель! помните ли вы сказку о «Дикомъ помѣщикѣ»? Содержаніе ея очень незамысловатое. Не весьма умный помѣщикъ, огорченный крестьянской реформой и начитавшійся росказней о бѣлой кости и алой крови, взмолился къ Богу, прося, чтобъ Онъ освободилъ его отъ мужика. «Одной только милости прошу, вопіялъ онъ:—чтобы мужичьимъ духомъ у меня во владѣніяхъ не пахло!» И Богъ внялъ мольбѣ неразумнаго (конечно, съ тѣмъ, чтобы онъ, впослѣдствіи, самъ созналъ свое неразуміе): въ одно прекрасное утро, поднялся вихрь, и, въ глазахъ помѣщика, унесъ изъ его владѣній весь мякинно-мужичій рой...

Какіе плоды вкусилъ помѣщикъ отъ мужичьяго исчезновенія—это сюда но относится. Но, очевидно, что легенда о легкомъ исполненіи помѣщичьей прихоти увлекла нашихъ народныхъ политиковъ. Стѣсняясь еврейскою назойливостью и видя, что тутъ ничего не подѣлаешь ни «жизнью духа», ни «духомъ жизни», ни даже «оздоровленіемъ корней», они избрали легчайшій путь: попробовали примѣнить къ постылымъ евреямъ тотъ же летательный процессъ, какой былъ примѣненъ «Дикимъ помѣщикомъ» къ постылымъ мужикамъ. И точно, поднялся вихрь, но при этомъ случилось нѣчто неожиданное: улетѣли народные политики, а евреи остались. До такой степени остались, что даже на дняхъ я видѣлъ: ходитъ еврей у насъ по дачамъ, какъ-будто полотно продаетъ, а самъ подслушиваетъ, не наклёвывается ли гдѣ-нибудь революціи — точь въ точь какъ полноправный русскій гражданинъ!

Итакъ, евреи остались, но вмѣстѣ съ тѣмъ остался нетронутымъ и еврейскій вопросъ.

Исторія никогда не начертывала на своихъ страницахъ вопроса болѣе тяжелаго, болѣе чуждаго человѣчности, болѣе мучительнаго, нежели вопросъ еврейскій. Исторія человѣчества, вообще, есть безконечный мартирологъ, но въ тоже время она есть и

Digitized by Google

безконечное просвѣтленіе. Въ сферѣ мартиролога, еврейское племя занимаетъ первое мѣсто, въ сферѣ просвѣтленія, оно стоитъ въ сторонѣ, какъ будто лучезарныя перспективы исторіи совсѣмъ до него не относятся. Нѣтъ болѣе надрывающей сердце повѣсти, какъ повѣсть этого безконечнаго истязанія человѣка человѣкомъ. Даже исторія, которая для самыхъ загадочныхъ уклоненій отъ свѣта къ тьмѣ находитъ соотвѣтствующую поправку въ дальнѣйшемъ ходѣ событій — и та, излагая эту скорбную повѣсть, останавливается въ безсиліи и недоумѣніи.

Очевидно, что въ ненормальномъ положеніи еврейскаго вопроса играютъ фатальную роль такого рода запутанности, которыя, съ теченіемъ времени, нетолько не смягчаются, но даже больше и больше обостряются. Въ ряду этихъ запутанностей главное мѣсто несомнѣнно занимаетъ преданіе, давно уже утратившее смыслъ, но доселѣ сохранившее свою живость. Затѣмъ, къ числу причинъ, содѣйствующихъ незыблемости преданія, слѣдуетъ отнести, во-первыхъ, несознанные капризы расоваго темперамента, и, во-вторыхъ, совершенно произвольное представленіе объ еврейскомъ типѣ на основаніи образцовъ, взятыхъ не въ трудящихся массахъ еврейскаго племени, а въ сферахъ болѣе или менѣе досужихъ и эксплуатирующихъ.

Нѣтъ ничего безчеловѣчнѣе и безумнѣе преданія, выходящаго изъ темныхъ ущелій далекаго прошлаго, и съ жестокостью, доходящей до идіотскаго самодовольства, изъ вѣка въ вѣкъ переносящаго клеймо позора, отчужденія и ненависти. Не говоря уже о непосредственныхъ жертвахъ преданія, замученныхъ и обезславленныхъ, оно извращаетъ цѣлый циклъ общественныхъ отношеній и на самую исторію налагаетъ печать изувѣрской одичалости. Но безчеловѣчіе явится еще болѣе осязательнымъ, если припомнить, что нѣтъ вещи болѣе общедоступной, какъ преданіе, и что, слѣдовательно, послѣднее, прежде всего, становится достояніемъ толпы, и безъ того обезумѣвшей подъ игомъ собственнаго злосчастія. Именно этою-то общедоступностью и обладаетъ преданіе, поразившее отчужденіемъ еврейское племя. Когда я думаю о положеніи, созданномъ образами и стонами исконной легенды, преслѣдующей еврея изъ вѣка въ вѣкъ на всякомъ мѣстѣ, — право, мнѣ представляется, что я съ ума схожу. Кажется, что за этой легендой зіяетъ бездонная пропасть, наполненная кипящей смолой, и въ этой пропасти безнадежно агонизируетъ цѣлая масса людей, у которыхъ отнято все, даже право на смерть.

Ни одинъ человѣкъ въ цѣломъ мірѣ не найдетъ въ себѣ столько творческой силы, чтобы вообразить себя въ положеніи этой неумирающей агоніи, а еврей родится въ ней и для нея. Стигматизированный, онъ является на свѣтъ, стигматизированный, агонизируетъ въ жизни и стигматизированный же умираетъ. Или лучше сказать, не умираетъ, а видитъ себя и по смерти безсрочно-стигматизированнымъ въ лицѣ дѣтей и присныхъ.

Digitized by Google

Нѣтъ выхода изъ кипящей смолы, нѣтъ иныхъ перспективъ, кромѣ зубовнаго скрежета. Что бы еврей ни предпринялъ, онъ всегда остается стигматизированнымъ. Дѣлается онъ христіаниномъ — онъ выкрестъ; остается при іудействѣ — онъ пёсъ смердящій. Можно ли представить себѣ мучительство болѣе безумное, болѣе безсовѣстное?

Мнѣ скажутъ, быть можетъ: однако-жь, мы видимъ, что промышленные центры переполнены евреями, которые ни мало не стѣсняются своимъ еврействомъ. Биржы, театры, рестораны, будуары самыхъ дорогихъ кокотокъ — все это кишитъ веселонравными семитами, которые удивляютъ вселенную наглою расточительностью и нелѣпою привередливостью прихотей и вкусовъ. Да, такихъ субъектовъ существуетъ достаточно (ихъ-то, впрочемъ, однихъ мы и знаемъ), но вѣдь въ нихъ еврейство играетъ уже далеко не существенную роль. Это обыкновенные гулящіе люди (многіе называютъ ихъ «татями», но я не вижу надобности слѣдовать этой терминологіи), члены той международной аффиліаціи гулящихъ людей, въ которую каждая національность вноситъ свой посильный вкладъ. Объ еврействѣ въ этихъ людяхъ говорятъ только нѣкоторыя ухватки, но вѣдь ухватки самыя рѣзкія легко стушевываются въ пучинѣ всевозможныхъ интернаціональныхъ утонченностей. Тѣмъ не менѣе, можно сказать съ увѣренностью, что даже подобныя личности, по временамъ, переживаютъ нестерпимо-горькія минуты. Ибо и во снѣ увидѣть себя евреемъ достаточно, чтобы самаго не унывающаго субъекта заставить метаться въ ужасѣ и посылать безсильныя проклятія судьбѣ.

Несмотря, однако-жь, на это организованное мучительство, евреи живутъ. Какая загадка таится за этимъ фактомъ—это вопросъ трудный. Одни объясняютъ еврейскую живучесть надеждой на отмщеніе, другіе—мудростью, третьи—просто привычкой. Но, кажется, что главную роль тутъ играетъ тотъ общечеловѣческій законъ самосохраненія, въ силу котораго племя, однажды сознавшее себя племенемъ, никогда добровольно не налагаетъ на себя рукъ.

Какъ бы то ни было, но уничтожить силу преданія или даже ослабить ее — задача настолько сложная, что даже люди очень убѣжденные отступаютъ передъ нею. Преданіе наслоялось вѣками, и каждое новое наслоеніе прибавляло къ нему новую жестокую черту. Да и кто всего упорнѣе хранитъ эти преданія?— ихъ хранитъ толпа, которая сама насквозь пропитана злосчастіемъ, и въ отношеніи которой всякій укоръ былъ бы несправедливостью и всякое рѣшительное воздѣйствіе—дѣломъ въ высшей степени щекотливымъ. Даже поднятіе общаго уровня образованности, какъ это показываетъ современное анти-семитское движеніе въ Германіи, не приноситъ въ этомъ вопросѣ осязательныхъ улучшеній, потому что до сихъ поръ мы были свидѣтелями только *относительнаго* поднятія этого уровня, которое не обладаетъ

Digitized by Google

достаточной силой для водворенія принципа абсолютнаго равноправія. Слѣдовательно, чтобы упразднить преданіе, необходимо, чтобы человѣчество окончательно очеловѣчилось. А когда это произойдетъ?

Перспектива бозсрочная и тѣмъ болѣе безнадежная, что въ союзѣ съ преданіемъ противъ еврейскаго племени дѣйствуютъ и несознанные капризы расовыхъ темпераментовъ. Эти капризы, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ свою очередь образуютъ преданіе, столь же компактное и не менѣе преисполненное всякаго рода баснословій, какъ и изукрашенная вѣками легенда о несмываемомъ еврейскомъ клеймѣ.

И образъ жизни еврея, и внѣшняя его складка, его манера говорить, ходить, одѣваться — все даетъ пищу для неосмысленной досады, которая проявляетъ себя тѣмъ безпрепятственнѣе, что выраженіе ея почти всегда сопровождается безнаказанностью. Никто такъ мастерски не боится, какъ еврей, никто не создалъ для себя такого страннаго внѣшняго облика. Еврей самый солидный напоминаетъ внѣшнимъ своимъ видомъ подростка, путающагося въ отцовскихъ штанахъ. Для темной массы этого вполнѣ достаточно, чтобы видѣть въ евреѣ всегда готовый источникъ потѣхъ и издѣвокъ. Никому нѣтъ дѣла до причинъ, породившихъ «странности», ибо въ глазахъ черезчуръ ужь живо мечется грубый фактъ, который заслоняетъ и проклятое прошлое, и презрѣнную обстановку настоящаго. Смѣшной ламбсердакъ, нелѣпые пейсы, заячья торопливость, ни на минуту не дающая еврею усидѣть на мѣстѣ—чего еще нужно? Еврей и ходитъ не такъ, какъ люди, и говоритъ не такъ, какъ люди, и смотритъ не такъ, какъ люди. Отъ еврея—пàхнетъ; еврей не смотритъ, а глаза у него бѣгаютъ; онъ не живетъ, а блудитъ. А какъ смѣшно и даже гнусно онъ шепелявитъ!

— Чтò, еврей, губами мнешь?

— Дурака шашу̀!

То ли дѣло Деруновъ съ Колупаевымъ! Никогда они не скажутъ: шашу̀, а прямо отчеканятъ: сосу дурака — и шабашъ. И правильно, и для потѣхи резоновъ нѣтъ: слушай и трепещи!

Давно ли власть имѣющія лица стригли у евреевъ пейсы и снимали съ нихъ ламбсердаки? Давно ли, какъ лакомство, выслушивались разсказы о веселонравныхъ военныхъ людяхъ, ѣздившихъ на евреяхъ и верхомъ, и въ экипажахъ, занимавшихся травлей ихъ и не знавшихъ болѣе высокаго наслажденія, какъ подстеречь еврея съ какимъ-нибудь членовредительнымъ сюрпризомъ и потомъ покатываться отъ уморы при видѣ *смѣшного* ужаса, который являлся естественнымъ послѣдствіемъ сюрприза. И что же! развѣ это прошлое такъ и кануло въ вѣчность? — нѣтъ, оно только видоизмѣнило формы, а сущность передало неприкосновенною, такъ что въ настоящее время пропаганда еврейской травли едва ли не идетъ шире и глубже, нежели когда-либо.

Digitized by Google

Говорятъ, будто выраженіе «дурака шашу́» представляетъ девизъ, которымъ опредѣляются отношенія *всякаго* еврея къ окружающей средѣ. Но въ такомъ случаѣ, отчего же не допустить подобнаго же толкованія и для выраженія «сосу дурака», которое на практикѣ имѣетъ отнюдь не менѣе обширное примѣненіе. По существу, они оба одинаково омерзительны, да и на практикѣ имѣютъ одинаковое примѣненіе. Но и въ томъ и въ другомъ видѣ доступны совсѣмъ не всякому встрѣчному, а только могущему вмѣстить.

Сосать простеца или «дурака» (онъ же рохля, ротозѣй, мужикъ и проч.) очень лестно, но для этого нужно имѣть случай, снаровку и талантъ. Деруновъ и Колупаевъ—сосутъ, а Малявкинъ и Казявкинъ, хоть и живутъ съ ними по сосѣдству — *не* сосутъ. Первые обладаютъ всѣми нужными для сосанія приспособленіями, вторые—тѣми же приспособленіями обладаютъ наоборотъ. Тотъ же самый законъ имѣетъ силу и въ еврейской средѣ. И между евреями правомъ лакомиться «дуракомъ» пользуются лишь сильные организмы, а Малявкинъ и Казявкинъ нетолько не лакомятся, а напротивъ, представляютъ собой матеріалъ для лакомства.

Вся разница въ томъ, что коренной Деруновъ, присасываясь къ Малявкину, называетъ его «крестникомъ», и не чуждается прибаутокъ, въ родѣ: «по́милу да побожецки, ты за меня, я за тебя, а Богъ за всѣхъ!» А Деруновъ-еврей сосетъ безъ прибаутокъ, серьёзно. Возьметъ дурака двумя пальцами, пососетъ и скорлупу выплюнетъ; потомъ возьметъ другого дурака и опять скорлупу выплюнетъ. Ужасно видѣть это серьёзное выплевываніе скорлупокъ, но, право, и прибаутки слушать не слаще.

Кому же, однако, приходило въ голову указывать на Разуваева, какъ на опредѣляющій типъ русскаго человѣка? А Разуваева-еврея непремѣнно навяжутъ всему еврейскому племени, и будутъ при этомъ на все племя кричать: ату!

Но для Дерунова-еврея есть даже смягчающее обстоятельство: онъ чаще всего сосетъ вотще. Ибо какъ только онъ начинаетъ насасываться до́сыта, такъ тотчасъ на него налетаетъ ревизія: показывай, жидъ, что̀ у тебя въ потрохахъ? И всякій, кому не лѣнь, беретъ оттуда часть. Какъ все-то разберутъ — много ли останется? И какую надобно имѣть силу воли, какую удачливость, чтобы, претерпѣвъ всѣ ревизіи, благополучно вынырнуть въ мірѣ концессій и банкирскихъ гешефтовъ, и тамъ, сбросивши съ себя узы еврейства, кормить обѣдами тайныхъ совѣтниковъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣть даже въ услуженіи...

Почему же, однако, мы съ такою легкостью отожествляемъ еврея сосущаго съ евреемъ *не* сосущимъ, почему мы такъ охотно вымещаемъ на послѣднемъ досаду, которую пробуждаетъ въ насъ первый? Не потому ли, что сосущій еврей есть сила, за которою скрывается еще сила, и даже не одна, а цѣлый легіонъ? Весьма вѣроятно, что въ этомъ предположеніи есть очень значительная

Digitized by Google

доля правды, хотя это и не приноситъ особенной чести нападающей сторонѣ. Но во всякомъ случаѣ, въ безчеловѣчной путаницѣ, которая на нашихъ глазахъ такъ трагически разыгралась, имѣетъ громадное значеніе то, что нападающая сторона, относительно еврейскаго вопроса, ходитъ въ совершенныхъ потемкахъ, не имѣя никакихъ твердыхъ фактовъ, кромѣ преданія (нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьёзно преслѣдовать людей за то, что они носятъ пейсы и неправильно произносятъ русскую рѣчь!).

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ мы знаемъ объ еврействѣ, кромѣ концессіонерскихъ безобразій и продѣлокъ евреевъ-арендаторовъ и евреевъ-шинкарей? Имѣемъ ли мы хотя приблизительное понятіе о той безчисленной массѣ евреевъ-мастеровыхъ и евреевъ-мелкихъ торговцевъ, которая кишитъ въ грязи жидовкихъ мѣстечекъ и неистово плодится, несмотря на печать проклятія и на вѣчно присущую угрозу голодной смерти? Испуганныя, доведшія свои потребности до минимума, эти злосчастныя существа молятъ только забвенія и безвѣстности, и получаютъ въ отвѣтъ поруганіе...

Даже въ литературу нашу только съ недавняго времени начали проникать лучи, освѣщающіе этотъ агонизирующій міръ. Да и теперь едва ли можно указать на что-нибудь подходящее, исключая прелестнаго разсказа г-жи Оржешко «Могучій Самсонъ». Поэтому тѣ, которые хотятъ знать, сколько симпатичнаго таитъ въ себѣ замученное еврейство, и какая неистовая трагедія тяготѣетъ надъ его существованіемъ—пусть обратятся къ этому разсказу, каждое слово котораго дышитъ правдою. Навѣрное, это чтеніе пробудитъ въ нихъ добрыя, здоровыя мысли, и заставитъ ихъ задуматься въ лучшемъ, человѣчномъ значеніи этого слова.

Знать—вотъ что нужно прежде всего, а знаніе несомнѣнно приведетъ за собой и чувство человѣчности. Въ этомъ чувствѣ, какъ въ гармоническомъ цѣломъ, сливаются тѣ качества, благодаря которымъ отношенія между людьми являются прочными и доброкачественными. А именно: справедливость, сознаніе братства и любовь.

Этимъ пожеланіемъ я и заканчиваю мою настоящую бесѣду съ читателемъ.

М. С.

Digitized by Google

ФИНАНСОВЫЙ РЫЦАРЬ.

КАРТИНА СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ.

РОМАНЪ

Эдварда Дженкинса.

I.

Синьоръ Козмо.

Внутренній дворъ «Grand Hôtel»'я кишѣлъ блестящей и разнообразной толпой. Среди общаго шума и гама, по временамъ раздавались болѣе громкіе и рѣзкіе голоса, которые покрывали сдержанный гулъ частныхъ разговоровъ.

Былъ второй часъ дня, и послѣдніе изъ завтракавшихъ въ великолѣпной столовой отеля, по пяти франковъ съ виномъ, выходили на терасу перваго этажа. Въ отдѣльныхъ группахъ, изъ трехъ и четырехъ лицъ, шелъ оживленный разговоръ. Мужчины, ловко дѣйствуя зубочистками или закуривая папироски, съ выраженіемъ сытаго довольства или пресыщенной скуки, лѣниво отдыхали въ четыреугольныхъ креслахъ. Женщины, въ числѣ которыхъ были молодыя и привлекательныя, медленно спускались по широкимъ ступенямъ лѣстницы, постукивая своими высокими каблучками, и обращая вниманіе мужчинъ на хорошеньшія ножки и щегольскую обувь, ловко выставляемыя на показъ приподнятыми на вершокъ или на два, вышитыми юбками или кружевной оборкой balayeuse.

Нѣкоторыя, выходя изъ дверей, дѣлали знакъ старому, но очень расторопному коммиссіонеру, который, съ бумагой и карандашемъ въ рукѣ, вызывалъ экипажи условными криками со

Digitized by Google

второго двора или съ бульвара; стукъ лошадиныхъ копытъ весело раздавался по каменной мостовой: коляски, кареты, ландо, подъѣзжали къ подъѣзду и быстро уносили кокетливо одѣтыхъ дамъ и ихъ изящныхъ кавалеровъ.

Тутъ собрались представители всѣхъ національностей. Были и парижане, съ неизбѣжной красной ленточкой въ петлицѣ, съ отвернутыми воротничками рубашки, навощенными усами, и сіяющими шляпами, въ перетянутыхъ въ тальѣ сертукахъ и ботинкахъ, съ высокими каблуками. Немного подалѣе венгерецъ, старался, не безъ успѣха, придать себѣ видъ англичанина, своимъ утреннимъ сьютомъ, но національность его вполнѣ выдавалъ оливковый цвѣтъ лица и длинные, завитые усы, нѣсколько похожіе на рога его любимыхъ животныхъ. Потомъ кидалась въ глаза любопытная коллекція американцевъ, начиная съ высокаго худощаваго уроженца Новой-Англіи и грубаго длинноволосаго колониста восточныхъ штатовъ, фигуры которыхъ, представляя странную смѣсь простоты и хитрости, возбуждали невольно мысль, что это искатели приключеній, сдѣлавшіеся методистскими пасторами, и кончая многочисленными и разнообразными, широкоплечими подражателями модныхъ англичанъ въ одеждѣ и манерѣ, которыхъ въ настоящее время можно встрѣтить во всѣхъ городахъ атлантическаго берега Сѣверной Америки. Между ними виднѣлись тамъ и сямъ дамы, блѣдныя, граціозныя, часто очень хорошенькія и всегда изящно одѣтыя, которыя съ гнусливымъ акцентомъ, тотчасъ выдающимъ ихъ національность, обсуждали програму удовольствій на этотъ день.

Въ противоположномъ углу терасы двѣ красивыя молодыя дѣвушки, большого роста, съ аристократической осанкой, правильными чертами, напоминающими римлянокъ, черными глазами, длинными, шелковистыми рѣсницами и, прелестнымъ, хотя, быть можетъ, нѣсколько искуственнымъ цвѣтомъ лица, говорили очень мелодичнымъ голосомъ, на невѣдомомъ языкѣ, съ маленькимъ щедушнымъ и уродливымъ человѣчкомъ, загорѣлое лице котораго сохранило ясные слѣды развратной жизни и удручающей скуки. Это былъ румынецъ, пріѣхавшій съ двумя дочерьми, провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ и прожить въ этомъ раѣ всѣхъ румынцевъ половину ежегоднаго дохода съ своихъ заложенныхъ и перезаложенныхъ помѣстій.

Толстая дама, въ атласномъ платьѣ, каштановаго цвѣта, выставляющемъ на видъ, съ цинической откровенностью, ея слишкомъ развитыя формы, разговаривала съ сѣдымъ господиномъ, большого роста, съ пергаментнымъ цвѣтомъ лица, и аристократической, но поношенной физіономіей, въ легкомъ, свѣт-

Digitized by Google

ломъ сьютѣ и узенькихъ лакированнымъ сапогахъ. Это была испанка, судя по быстрымъ движеніямъ ея рукъ, безъ перчатокъ, усыпанныхъ кольцами, которыя составляли поразительный контрастъ съ ногтями, носящими трауръ, по ея чернымъ глазамъ и бровямъ, по роскошнымъ волосамъ, осѣнявшимъ ея голову тяжелой діадемой; по краснымъ губамъ, обнаруживавшимъ время отъ времени блестящій рядъ маленькихъ, правильныхъ зубовъ, по шляпкѣ, съ дорогими кружевами, настолько пожелтѣвшими, что любой знатокъ могъ бы прійти въ восторгъ и, наконецъ, по бронзовымъ ботинкамъ.

Совершенно иными зубами отличались двѣ цвѣтущія здоровьемъ молодыя дѣвушки, смѣявшіяся съ старымъ джентльмэномъ, въ сѣромъ сьютѣ и запыленныхъ сапогахъ; зубы у нихъ были большіе, слишкомъ выдающіеся, но не лишенные своей прелести, особенно при прозрачномъ цвѣтѣ лица и голубыхъ глазахъ. Это были англичанки до мозга костей; въ этомъ легко было убѣдиться по ихъ корсетамъ, очевидно, вышедшимъ изъ рукъ военнаго портного, или поставщика смирительныхъ куртокъ для сумасшедшаго дома; по короткимъ платьямъ, обнаруживавшимъ толстые башмаки съ низенькими каблуками, по рѣшительной походкѣ и мужскому размахиванію руками, что очень не граціозно, но выказываетъ привычку къ физическимъ упражненіямъ и модной игрѣ въ lawntennis.

Между разнообразными группами прохаживался тяжелыми шагами высокій, дородный креолъ, въ полинялому сѣромъ пальто, съ темнымъ цвѣтомъ лица и сѣдыми курчавыми волосами. У него были толстыя, сладострастныя губы, и онъ смотрѣлъ нахально черезъ свой золотой лорнетъ на всѣхъ сколько-нибудь привлекательныхъ женщинъ, что не нравилось даже самимъ нарумяненнымъ и напудреннымъ созданіямъ.

Публика постоянно смѣнялась. Въ правыя и лѣвыя двери входили и выходили безъ счета. Одни отправлялись въ читальную комнату или въ контору отеля, другіе возвращались отъ мѣнялы или съ телеграфа. По временамъ являлись съ бульвара прикащикъ изъ магазина съ свертками, парикмахеръ, комиссіонеръ съ письмомъ, хорошенькая нянька съ ребенкомъ, посыльный съ биржи, или швея съ громадной кардонкой, въ которой скрывались, Богъ знаетъ, какія тайны дамскаго туалета.

Отель этотъ, съ его шестью этажами, сотнями французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, венгерскихъ, шведскихъ, швейцарскихъ и арабскихъ слугъ, съ его телеграфами, газовымъ освѣщеніемъ, паровыми машинами, погребомъ, сигарной торговлей, билліярдами, ресторанами, кофейнями, балами, свадеб-

Digitized by Google

ными банкетами, заказными обѣдами и чудовищными счетами, казался цѣлымъ міромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ финансовый центръ, сборный пунктъ всевозможныхъ агентовъ и аферистовъ. Ловкіе американцы предлагали тутъ привилегіи на тысячи новыхъ изобрѣтеній, отъ новаго фасона спичечницы до машины, дѣлающей двадцать тысячъ папиросъ въ часъ. Бразилецъ продавалъ за нѣсколько милліоновъ шесть золотыхъ пріисковъ, одинъ богаче другого, и громадное помѣстье, на берегу рѣки Уругвай, настоящій рай на землѣ. Группа англичанъ хлопотала о концессіи конной желѣзной дорогѣ по бульварамъ, другая стремилась прорыть каналъ гдѣ-то на югѣ, третья предлагала углубить портъ въ Калэ, употребляя для этой цѣли морскія волны. Какой-то испанецъ желалъ открыть въ Марокко казино и игорный домъ, т. е. мавританскій Монако. Каждый день въ этомъ удивительномъ караванъ-сараѣ появлялись дюжины аферистовъ, съ таковымъ же числомъ проэктовъ въ своихъ карманахъ или чемоданахъ, а вокругъ ихъ, какъ мухи вокругъ меда, лѣпились туземные или натурализованные аферисты, которыхъ въ Парижѣ массы.

Въ описываемый нами день, въ началѣ октября, когда изъ дверей столовой выходили послѣдніе изъ завтракавшихъ, и стрѣлки на часахъ, намѣренно отстававшихъ, показывали пять минутъ третьяго, одинъ господинъ сидѣлъ за отдѣльнымъ столикомъ на терасѣ. Онъ уже болѣе получаса смотрѣлъ съ видимымъ нетерпѣніемъ на постоянно двигавшуюся толпу. Вокругъ него раздавались въ шумномъ, но смутномъ говорѣ слова: «концессія», «банкъ», «желѣзная дорога», «привилегія», «руда» и имена крупныхъ государственныхъ людей или финансовыхъ тузовъ.

Слуга, которому очень не нравилось, что столъ и стулъ занималъ господинъ, ничего не требовавшій, два раза подходилъ къ нему и спрашивалъ, не угодно ли кофе, ликера или сигаръ. Но господинъ отказывался отъ всего безмолвнымъ жестомъ, который во второй разъ принялъ столь рѣзкій и повелительный характеръ, что слуга, оскорбленный въ своихъ самыхъ сердечныхъ чувствахъ, удалился, бормоча сквозь зубы:

— Проклятый еврей!

Это замѣчаніе не дѣлало чести его прозорливости по части этнологіи, и единственнымъ его извиненіемъ можетъ служить то обстоятельство, что для слуги отеля или ресторана посѣтитель, ничего не требующій, всегда еврей.

Но этотъ господинъ, конечно, не былъ евреемъ. Сидя за отдѣльнымъ столомъ и посматривая съ нетерпѣніемъ то на большіе стѣнные часы, то на свои карманные, то на лѣстницу, онъ,

Digitized by Google

очевидно, былъ иной расы, болѣе смѣлой и рѣшительной, но въ то же время менѣе хитрой и вкрадчивой, чѣмъ еврейская.

Впрочемъ, трудно было опредѣлить въ точности, къ какой національности онъ принадлежалъ. Одѣтъ онъ былъ парижаниномъ, хотя слишкомъ изысканно относительно шляпы, сапогъ и сюртука, который туго охватывалъ широкую талію пятидесятилѣтняго кутилы. Роста онъ былъ средняго, коренастый, а рука его, маленькая, бѣлая, покоилась на желѣзномъ столикѣ съ небрежной граціей, которая положительно была недоступна нѣмцу, англичанину или американцу. Онъ комкалъ длинными пальцами лайковую сѣрую перчатку, выставляя напоказъ кольцо съ большимъ изумрудомъ. Въ другой рукѣ, обтянутой перчаткой, онъ держалъ трость съ великолѣпнымъ набалдашникомъ, въ видѣ шара изъ ляписъ-лазури, вокругъ которой извивалась золотая змѣя. Отъ времени до времени онъ разсѣянно подносилъ набалдашникъ къ своимъ губамъ, потомъ вынималъ часы и свѣрялъ ихъ съ большими стѣнными часами отеля.

При первой встрѣчѣ съ нимъ, всякій сказалъ бы, что онъ уродъ, но наблюдательный глазъ артиста былъ бы пораженъ необыкновенной силой, которой дышали всѣ черты его лица. Вотъ онъ снялъ шляпу, и мы можемъ свободно изучить его лицо, очень большое и еще болѣе расширявшееся вслѣдствіи однообразно округленныхъ чертъ, изъ которыхъ ни одна не выдавалась. Невозможно было подсмотрѣть опредѣленнаго контура этого оплывшаго лица ни съ профиля, ни en face. Большому, высокому лбу соотвѣтствовалъ подбородокъ, почти столь же обширный, какъ и лобъ. Густые, черные волосы съ легкой сѣдиной, покрывали большую голову съ замѣчательной впадиной, между лбомъ и затылкомъ, а также съ очень маленькими ушами. Подъ загорѣлыми щеками, съ короткими англійскими баками, играла южная кровь. Нижняя часть лица и верхняя губа были чисто выбриты, причемъ вполнѣ обнаруживался маленькій ротъ съ толстой нижней губой. Изъ-подъ черныхъ бровей смотрѣли темно-каріе глаза, имѣвшіе необыкновенную магическую силу. Невозможно было ничего прочесть въ этихъ глазахъ, цвѣтъ и выраженіе которыхъ никогда не мѣнялись. Какое бы ощущеніе ни выражалось на этомъ лицѣ, какъ бы ни насупливались брови или ни съуживались ноздри, глаза вѣчно оставались мрачными, непроницаемыми.

Стрѣлки на стѣнныхъ часахъ показывали четверть третьяго, потомъ половину. Человѣческій водоворотъ продолжался. Незнакомецъ надѣлъ шляпу, пососалъ свою трость и посмотрѣлъ еще разъ на карманные часы. Слуга, выведенный изъ терпѣнія этимъ продолжительнымъ нарушеніемъ естественныхъ правъ ресторана,

Digitized by Google

уже обдумывалъ третій натискъ на упорнаго посѣтителя, какъ вдругъ послѣдній увидалъ кого-то на лѣстницѣ. Онъ поспѣшно всталъ и, снявъ шляпу, протянулъ обѣ руки, но такъ какъ въ одной изъ нихъ была шляпа, а въ другой трость, то въ сущности онъ протягивалъ только два пальца.

— Наконецъ-то, г. Дюмарескъ, сказалъ онъ отличнымъ французскимъ языкомъ, хотя съ иностраннымъ акцентомъ:—я васъ жду цѣлый часъ и уже думалъ, что не увижусь съ вами сегодня.

— Тысячу разъ виноватъ, сеньёръ Козмо, отвѣчалъ вновь пришедшій господинъ на чисто парижскомъ нарѣчіи:—но меня задержало наше дѣло. Я такъ много говорилъ, что у меня въ горлѣ пересохло. Сядемте на минуту и выпьемъ что-нибудь. Чего вы хотите?

— Благодарю, ничего; я никогда не ѣмъ и не пью между завтракомъ и обѣдомъ.

— Чортъ возьми. Вы пуританинъ или монахъ? Впрочемъ, какъ хотите. Человѣкъ, рюмку вермута. Я, напротивъ, пью и ѣмъ, когда мнѣ хочется, а иногда, когда и не хочется.

Слуга не двигался съ мѣста, смотря пристально на «еврея».

— А вамъ что угодно? спросилъ онъ наивно.

— Мнѣ угодно, чтобы вы убирались къ чорту и оставили бы меня въ покоѣ! воскликнулъ сеньёръ Козмо, бросивъ на слугу такой убійственный взглядъ, что тотъ испугался.

— Этотъ еврей самого послѣдняго сорта, бормоталъ онъ сквозь зубы, удаляясь:—вѣнскій еврей.

— Какихъ держатъ въ этомъ отелѣ отъявленныхъ негодяевъ, произнесъ сеньёръ Козмо: — онъ въ третій разъ подходитъ ко мнѣ; я живу здѣсь, завтракаю здѣсь, и они хотятъ меня еще ограбить. Мнѣ приносятъ въ нумеръ ящикъ невозможныхъ сигаръ и пристаютъ, чтобы я ихъ покупалъ въ тридорога. Здѣсь думаютъ только о томъ, какъ бы эксплуатировать ближняго.

— А вы, промолвилъ со смѣхомъ Дюмарескъ:—вы объ этомъ не думаете?

И онъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза. Сеньёръ Козмо пожалъ плечами, но легкій румянецъ показался на его щекахъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ серьёзно:—я не эксплуатирую ближнихъ. Я честно предлагаю имъ свой умъ и опытность въ замѣнъ извѣстной суммы денегъ. Я назначаю цѣну и покупатель получаетъ эквивалентъ своихъ денегъ.

— Прекрасно. Скромность—большой недостатокъ и, благодаря ему, много великихъ умовъ не имѣло успѣха. У васъ этого недостатка нѣтъ. Вы именно человѣкъ по душѣ современному Па-

Digitized by Google

рижу и являетесь къ намъ въ самую благопріятную минуту. Скромность въ мужчинахъ и женщинахъ теперь не въ модѣ.

Ироническій тонъ Дюмареска придавалъ особую пикантность его словамъ. Они оба смѣялись; Дюмарескъ громко, отъ души, а его собесѣдникъ безмолвно, съ оттѣнкомъ ехидства. Между ними, повидимому, существовало самое рѣзкое различіе. Дюмарескъ былъ высокаго роста, статный, съ благородной осанкой и изящными манерами. Бѣлокурый, съ длиннымъ лицемъ и пріятными, хотя некрасивыхи чертами, онъ отличался свѣтло-каштановыми, естественно вьющимися волосами, выдающимися бровями, большимъ, слегка убѣгающимъ лбомъ, сѣро-голубыми глазами, длиннымъ римскимъ носомъ, съ вѣчно торчащимъ на немъ pince-nez, выразительнымъ и хорошо очерченнымъ ртомъ, большими, бѣлыми зубами, граціозно завитыми усами, прекрасной, шелковистой бородой, а l'espagnole, и нѣжнымъ, розовымъ цвѣтомъ лица. Вообще, это былъ человѣкъ, созданный для того, чтобъ нравиться женщинамъ, хотя онъ не былъ красавцемъ, а его руки и ноги поражали своей необыкновенной величиной. Онъ былъ молодъ, не болѣе тридцати лѣтъ и чрезвычайно привлекателенъ. Голосъ и манеры обнаруживали въ немъ чистосердечіе и порядочность, а одежда высшее образованіе и изящный вкусъ.

— Сеньёръ Козмо, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія:— я видѣлъ маркиза...

— И архіепископа?

— И архіепископа, и маркизу. О! маркиза! произнесъ Дюмарескъ, посылая по воздуху поцѣлуй:—я часто ее видаю и, однако, каждый разъ ощущаю все бо́льшее и бо́льшее волненіе. Какая грація! Какой умъ! Какой талантъ въ дѣлахъ!..

— И какая скупость! перебилъ его Козмо, бросая на своего собесѣдника проницательный взглядъ.

— Полноте, вы слишкомъ практическій человѣкъ. Вы клевещете на нее. Въ васъ нѣтъ и капли поэзіи; вы дѣлецъ. Есть мнѣнія, которыя не надо формулировать; пусть они носятся въ воздухѣ, какъ облака, готовыя разсѣяться въ случаѣ надобности. Въ отношеніи маркизы, я поддерживаю, что она граціозна, умна и имѣетъ талантъ въ дѣлахъ. Можетъ быть, она любитъ деньги; это слабость всѣхъ женщинъ. Но я не древній богъ, и не могу опуститься съ неба въ видѣ золотого дождя.

— Конечно. Самъ Юпитеръ не могъ бы этого сдѣлать въ наше время. Не откуда ему взять столько денегъ, которыя герметически заперты въ сундукахъ различныхъ банковъ. Впрочемъ, золото—вещь совершенно безполезная; Джонъ Ло—величайшій человѣкъ, когда либо жившій на свѣтѣ; онъ былъ поэтъ, фило-

Digitized by Google

софъ и пророкъ современныхъ финансовъ. Создавъ могущество кредита, онъ открылъ философскій камень. Дураки искали его въ металлахъ, а онъ нашелъ въ бумагѣ. Въ наши дни Юпитеръ явился бы въ дождѣ банковыхъ билетовъ.

— Или оплаченныхъ акцій, прибавилъ съ улыбкой Дюмарескъ.

— Но, продолжалъ Козмо серьёзнымъ тономъ: — какое мнѣ дѣло до красоты маркизы и вашихъ безнравственныхъ, миѳологическихъ басней? У насъ на рукахъ поважнѣе дѣло. Что вамъ сказалъ архіепископъ?

Въ ту самую минуту, какъ Дюмарескъ хотѣлъ ему отвѣчать, Козмо схватилъ его за руку и приложилъ палецъ къ губамъ.

— Тише, прибавилъ онъ въ полголоса: — вы видите только что вошедшаго англичанина? Вонъ по ту сторону фонтана. Онъ насъ замѣтилъ и слѣдитъ за нами.

— Это Дарвель.

— Да, братъ католическаго епископа Беверлея.

— Онъ агентъ іезуитовъ?

— Да, онъ ловкій финансистъ. Почти всѣ деньги, переведенныя вашими духовными въ Англію со времени коммуны, прошли чрезъ его руки. Онъ пытался осуществить нѣчто въ родѣ моей идеи, именно создать большую католическую финансовую ассоціацію. Онъ идетъ къ намъ на встрѣчу; поздороваемся съ нимъ.

Они оба встали и, снявъ шляпы, поклонились англичанину, который удовольствовался тѣмъ, что слегка приподнялъ свою шляпу, бросилъ на нихъ проницательный взглядъ, и не подходя къ нимъ, прошелъ въ читальную комнату.

— Каналья! воскликнулъ Козмо: — онъ думаетъ, что, Богъ знаетъ, какая важная птица! Но жаль, что онъ насъ видѣлъ вмѣстѣ. Онъ знаетъ, что я другъ кардинала Беретты и видя, что я разговариваю съ остроумнымъ редакторомъ «Bon ami», заподозритъ, что мы затѣваемъ что-нибудь, а крайне важно, чтобъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о нашемъ планѣ. Онъ можетъ испортить все дѣло.

— Онъ не въ состояніи намъ помѣшать, сеньёръ Козмо! Увѣряю васъ, письма его святѣйшества и кардинала Беретты произвели на архіепископа самое глубокое впечатлѣніе. Мы можемъ вполнѣ разсчитывать на него и на маркизу, а слѣдовательно на маркиза и почти на всю легитимистскую аристократію. Все зависитъ отъ того, какое впечатлѣніе вы произведете на маркизу. Я видѣлъ ее два часа тому назадъ и обѣщалъ привезти васъ въ половинѣ четвертаго. Намъ уже пора ѣхать.

Они встали и направились къ бульвару, гдѣ наняли самую лучшую изъ стоявшихъ передъ отелемъ наемныхъ каретъ.

Digitized by Google

Между тѣмъ, англичанинъ слѣдилъ за ними изъ окна читальной комнаты, скрываясь настолько за занавѣской, чтобъ они его не видѣли.

— Они что-то затѣваютъ, бормоталъ онъ про себя:—Козмо—другъ Беретты, который, въ свою очередь, другъ и ближайшій совѣтникъ его святѣйшества; Дюмарескъ, хотя легитимистъ и ультрамонтанецъ, полу-фанатикъ и полу-философъ, энтузіастъ и свѣтскій человѣкъ, пуританинъ, когда въ немъ заговариваетъ совѣсть, и сластолюбецъ подъ одуряющимъ вліяніемъ всепрощающей исповѣди—не дурной дѣлецъ, какъ доказываетъ успѣхъ его газеты въ этой безумной республикѣ. Мнѣ надо разузнать ихъ планы. Парижъ въ настоящее время похожъ на только-что вспаханное поле, а вороны всегда слетаются туда, гдѣ много червей.

Судя по этимъ размышленіямъ, мистеръ Дарвель былъ философъ, быстро выводившій заключенія, и очень строгій критикъ своихъ союзниковъ по религіознымъ конгрегаціямъ, къ которымъ онъ принадлежалъ въ качествѣ свѣтскаго члена. Кромѣ того, мы видимъ, что въ лонѣ святой католической церкви страсть къ деньгамъ, которая, по словамъ одного изъ ея святыхъ, основа всего зла, можетъ возбуждать антагонизмъ чувствъ и интересовъ, далеко не душеспасительный.

II.

Маркиза Рошерэ.

Сидя въ каретѣ, Дюмарескъ нагнулся почти на ухо къ Козмо и началъ вполголоса, хотя возница ни въ какомъ случаѣ не могъ разслышать его словъ среди шума и гама, всегда царящихъ на Итальянскомъ бульварѣ:

— Сеньоръ Козмо, вы не новичекъ въ Парижѣ, но вы очутитесь сейчасъ въ совершенно невѣдомомъ для васъ уголкѣ міра, по крайней мѣрѣ, я такъ полагаю. Вамъ необходимо будетъ призвать себѣ на помощь весь вашъ умъ и дипломатическій тактъ; поэтому смѣю думать, что вамъ пригодятся кое-какія свѣдѣнія объ этомъ уголкѣ, которыя вамъ можетъ сообщить человѣкъ, близко знакомый съ его нравами и обычаями.

Говоря это, Дюмарескъ, быть можетъ, безсознательно принялъ на себя нѣсколько покровительственный тонъ, и Козмо, обернувшись къ нему, далъ понять едва замѣтнымъ движеніемъ носа, что онъ это чувствуетъ. Однако, онъ молча поклонился, но та-

Digitized by Google

кова была сила его выразительнаге взгляда, что Дюмарескъ, человѣкъ чрезвычайно впечатлительный и чуткій, какъ большинство людей его темперамента, понялъ, что нельзя было говорить такимъ тономъ съ могущественной особой, сидѣвшей подлѣ него.

— Благодаря моему положенію, какъ редактора и собственника газеты «Bon Ami», поспѣшилъ онъ прибавить, какъ бы извиняясь: — я по необходимости вошелъ въ близкія сношенія съ избраннымъ кружкомъ религіозной аристократіи и на опытѣ убѣдился, что въ этомъ мірѣ пробивать дорогу слѣдуетъ съ большимъ тактомъ и деликатностью. Маркиза Рошерэ—одно изъ свѣтилъ этого общества, которое, оставаясь вѣрнымъ бѣлому знамени и католической вѣрѣ, составляетъ въ Парижѣ маленькій религіозный и легитимистскій оазисъ. Она въ тоже время набожная и свѣтская женщина; къ первой роли ее подготовило воспитаніе въ Анжерскомъ монастырѣ, гдѣ настоятельницей ея родная тетка, а для второй она какъ бы рождена, благодаря своей замѣчательной красотѣ и рѣдкому уму. Эта смѣсь набожности и свѣтскости дѣлаютъ ее самой привлекательной и самой опасной изъ женщинъ.

— Вы, однако, философъ, г. Дюмарескъ, замѣтилъ Козмо съ улыбкой.

— Нѣтъ, я просто парижанинъ и литераторъ. Впрочемъ, въ настоящую минуту я отказываюсь отъ всякаго притязанія быть художникомъ, а просто излагаю факты, какъ историкъ или нотаріусъ. Эта женщина, благодаря соединенію въ ней двухъ только-что указанныхъ мною элементовъ—большая сила. Она имѣетъ столько же вліянія въ высшихъ духовныхъ сферахъ, сколько и аристократическихъ салонахъ. По утрамъ, въ ея будуарѣ толпятся епископы и патеры, а передъ обѣдомъ ея гостинныя полны самыми блестящими и веселыми представителями моднаго свѣта. Увидѣвъ ее, вы тотчасъ поймете причину ея вліянія; но, несмотря на всю вашу опытность и проницательность, вы не сразу оцѣните всю громадность этого вліянія. Она имѣетъ сношенія съ Римомъ, Мадридомъ, Брюсселемъ, даже съ Берлиномъ и Петербургомъ, хотя тамъ наше вліяніе не сильно. Она умѣетъ оставлять свою набожность, вполнѣ искреннюю, въ своей молельнѣ, и въ то время, какъ иностранные дипломаты и высокопоставленныя особы считаютъ ее самой свободной и капризной свѣтской красавицей, пламенные католики видятъ въ ней столбъ святой вѣры. Ея дѣятельность изумительна; она сама ведетъ почти всю свою обширную переписку, часто шифрованную. Кромѣ того, у нея два секретаря; одинъ Тольмешъ, ея аббатъ и капелланъ, а другой, вы не повѣрите, свободный мыслитель

Digitized by Google

литераторъ, поэтъ и художникъ. Его зовутъ Антуанъ Де-ла-Гуппъ. Онъ преданъ душой и тѣломъ маркизѣ. Еслибъ онъ вѣрилъ въ адъ, то согласился бы пойти туда ради маркизы; во всякомъ случаѣ, его замѣчательный умъ къ ея услугамъ. Онъ дѣловой человѣкъ, какихъ мало, и исполняетъ обязанность управляющаго у маркиза, который имѣетъ большія помѣстья и еще бо̀льшіе капиталы. Зная, какъ шатка поземельная собственность аристократовъ, онъ реализировалъ бо̀льшую часть состоянія маркиза и перевелъ капиталы въ Англію.

— Прекрасно, замѣтилъ Козмо:—онъ умный человѣкъ. Клерикальные или роялистскіе капиталы не должны оставаться подъ покровительствомъ этого адскаго республиканскаго правительства. А какъ велико, по вашему мнѣнію, состояніе маркизы?

— Не могу сказать, отвѣчалъ Дюмарескъ, котораго Козмо слушалъ теперь съ восторженнымъ вниманіемъ:—но, вѣроятно, около сорока милліоновъ. Ему за шестьдесятъ лѣтъ; онъ экономный и строго нравственный старикъ; но я сомнѣваюсь въ его финансовыхъ способностяхъ; впрочемъ, дѣла ведутъ маркиза и Де-ла-Гуппъ, хотя маркизъ ничего не позволяетъ дѣлать безъ своего согласія.

— Онъ служитъ въ высшей администраціи?

— Нѣтъ. Послѣ войны, Тьеръ, зная его громадное богатство и думалъ, что его имя будетъ полезно, предложилъ ему мѣсто директора французскаго банка, но маркизъ отказался. Онъ ненавидитъ и презираетъ республику. Но вотъ мы уже и на площади Согласія. Позвольте мнѣ вамъ посовѣтовать, если можно что-нибудь совѣтовать такому опытному человѣку, какъ вы, удовольствоваться сегодня только зондированіемъ почвы. Маркиза, навѣрное, будетъ одна. Я знаю, что ее очень поразила ваша великая идея, но она не выкажетъ сразу своей игры чужому человѣку; она слишкомъ для этого умна и ловка. Вамъ надо пріобрѣсть ея довѣріе, т. е. прежде всего сдѣлать на нее хорошее впечатлѣніе и возбудить въ ней восторженное удивленіе къ вашимъ талантамъ. Потомъ вамъ необходимо понравиться Де-ла-Гуппу; я васъ сведу съ нимъ. Тогда, мой другъ, успѣхъ будетъ вѣрный. Маркиза уже сама устроитъ все остальное. Но, вотъ и ея домъ.

По знаку Дюмареска кучеръ въѣхалъ въ ворота роскошнаго дома, окруженнаго чугунной рѣшеткой, выходившей на улицу св. Доминика. Карета остановилась у подъѣзда, и передъ друзьями распахнулась дверь. Они очутились на мраморной лѣстницѣ, на верху которой ихъ встрѣтили съ низкимъ поклономъ два ливрейныхъ лакея, въ пудрѣ, шелковыхъ чулкахъ и

Digitized by Google

башмакахъ. Они приподняли тяжелыя портьеры, скрывавшія дверь въ переднюю, и Козмо невольно снялъ шляпу; Дюмаресвъ слегка покраснѣлъ, но, не снимая шляпы, спокойно спросилъ:

— Маркиза дома?

— Ждетъ васъ, господа, отвѣчалъ одинъ изъ лакеевъ.

Козмо тотчасъ понялъ свою ошибку, но лицо его не обнаружило ни малѣйшаго смущенія. Дюмарескъ прошелъ черезъ переднюю съ старинной дубовой мебелью и отдалъ палку лакею въ черномъ фракѣ у двери во внутреннія комнаты.

— Доложите маркизѣ, что со мною г. Козмо, сказалъ онъ.

Взявъ у Козмо его трость съ наболдашникомъ изъ лапись-лазури, лакей бросилъ на него едва замѣтный взглядъ, который, однако, не ускользнулъ отъ него. Онъ гордо поднялъ голову и уставился на лакея своими блестящими, огненными глазами; тотъ вздрогнулъ и опустилъ взоры.

— Хорошо, подумалъ Козмо: — этотъ человѣкъ не посмѣетъ болѣе оцѣнивать моей одежды, по крайней мѣрѣ, пока она на мнѣ.

Онъ послѣдовалъ за своимъ пріятелемъ по мягкому ковру черезъ три гостиныхъ, во вкусѣ Людовика XIV, Людовика XV и Людовика XVI. Наконецъ, лакей отворилъ разомъ обѣ половинки двери, бѣлой съ золотомъ и громко доложилъ:

— Г. Дюмарескъ, г. Козмо.

Въ ту же минуту они увидѣли передъ собою маркизу Рошерэ.

Пока они отвѣшивали почтительный поклонъ, двери за ними затворились, и маркиза, сидѣвшая передъ большой конторкой, на которой лежало множество книгъ и бумагъ, встала, чтобы принять гостей.

Съ перваго взгляда Козмо былъ пораженъ ея красотой, достоинствомъ и простотой ея манеръ. Она протянула руку Дюмареску, который пожалъ ее по англійскому обычаю и потомъ вопросительно взглянула на него, дожидаясь, чтобы онъ представилъ своего пріятеля.

— Маркиза, сказалъ онъ:—это мой другъ, сеньоръ, или лучше, господинъ Козмо, такъ какъ онъ хочетъ быть впредь настоящимъ парижаниномъ.

Маркиза была осторожнѣе своего слуги, и хотя разомъ оцѣнила физіономію, наружность и манеры представленнаго ей господина, но Козмо этого не замѣтилъ, несмотря на то, что не спускалъ съ нея своихъ странныхъ взоровъ.

Длинныя черныя рѣсницы маркизы были сначала опущены и до того скрывали ея глаза, что Козмо могъ только замѣтить ихъ блескъ. Но потомъ она пристально устремила на него свои

Digitized by Google

большіе, каріе, блестящіе, какъ кристалъ, зрачки, и въ ея взглядѣ просвѣчивало полузастѣнчивое, полусмѣлое любопытство, очень лестное для Козмо.

— Это дикарь, подумала она:—но необыкновенной силы; надо его приручить.

Она опустилась въ мягкое кресло и знакомъ пригласила сѣсть гостей. Парижанинъ и его пріятель заняли мѣста, при чемъ итальянецъ обнаружилъ всю грацію своей расы. Онъ теперь вполнѣ владѣлъ собою. Онъ не спускалъ съ маркизы своихъ взоровъ и, однако, она не могла разобрать, смотрѣлъ ли онъ на нее съ восторгомъ или только съ любопытствомъ. Во всякомъ случаѣ его взглядъ имѣлъ странную магическую силу и, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ маркизѣ казалось, что она не могла ничего видѣть, кромѣ его глазъ. Она даже разсердилась на себя и устремила свои взоры на Дюмареска, но какъ бы инстинктивно они снова возвратились къ итальянцу. Очевидно, что приручить этого дикаря было дѣло не легкое.

— Вы не знаете Парижа? сказала она съ улыбкой.

— Извините, отвѣчалъ онъ:—я провелъ здѣсь годъ въ царствованіе вашего короля, Луи-Филиппа.

Дюмарескъ насупилъ брови и взглянулъ на своего пріятеля, который, однако, не обратилъ на него вниманія. Маркиза спокойно отвѣтила:

— Это было несчастное время для Франціи. Но вы должно быть тогда были очень молоды?

— Я находился тогда ученикомъ іезуитской коллегіи, въ улицѣ Севръ. Потомъ, во время имперіи, я пріѣзжалъ въ Парижъ нѣсколько разъ по дѣламъ, частью финансовымъ и частью политическимъ. Я былъ тогда тайнымъ агентомъ кардинала Везелини. Мои политическія порученія касались неаполитанскаго двора.

— О мои бѣдные друзья! Такъ вы знаете Ихъ Величества?

— Нѣтъ, я никогда ихъ не видалъ. Я по рожденію флорентинецъ, но нашли удобнымъ выбрать для порученной мнѣ миссіи человѣка, который не могъ возбудить подозрѣнія, что онъ находится въ сношеніяхъ съ Римомъ или Неаполемъ. Я въ то время служилъ въ одномъ миланскомъ банкѣ и былъ рьянымъ приверженцемъ Кавура.

Маркиза не дрогнула. Козмо говорилъ медленно и не спускалъ съ нея глазъ, поджидая, что она выйдетъ изъ себя. Еслибы она выразила хоть тѣнь разочарованія или отвращенія, онъ впослѣдствіи заставилъ бы ее тяжело за это поплатиться. Но она была слишкомъ тонкой и опытной дипломаткой, чтобы обнару-

Digitized by Google

жить свои чувства въ такомъ дѣлѣ. Она не разъ уже имѣла свиданія и разговоры съ очень странными личностями. Поэтому трудно было сказать, забавлялъ ее или надоѣдалъ ей человѣкъ, такъ откровенно сознававшійся въ своемъ сомнительномъ прошломъ.

— А теперь, сказала она спокойно: — вы другъ моего друга кардинала Беретты, какъ онъ мнѣ самъ пишетъ.

— Кардиналъ такъ добръ, что позволяетъ мнѣ называть его другомъ.

— Вы не могли бы имѣть лучшей рекомендаціи, какъ кардинала Беретты и г. Дюмареска, прибавила маркиза, бросивъ любезный взглядъ на журналиста, который покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Я вамъ уже объяснилъ, маркиза, цѣль пріѣзда сеньора Козмо, въ Парижъ, и какую великую финансовую идею онъ хочетъ здѣсь пропагандировать, сказалъ Дюмарескъ, спѣша отвести пріятеля отъ несвоевременныхъ воспоминаній. Вы были такъ добры, что позволили мнѣ представить его вамъ сегодня. Но вы вѣроятно не расположены сразу войти во всѣ подробности его плана и, быть можетъ, предпочтете, чтобъ при этомъ разговорѣ присутствовалъ г. Де-ла-Гуппъ. Мы всегда будемъ готовы къ вашимъ услугамъ и явимся въ назначенное вами время.

— Нѣтъ лучше времени какъ теперь, произнесъ Козмо рѣшительно прежде, чѣмъ маркиза успѣла отвѣтить: — это вопросъ животрепещущій, и не можетъ терпѣть отлагательства. Не можете ли вы тотчасъ посвятить ему нѣсколько минутъ?

Его черные глаза метали искры.

Дюмарескъ едва вѣрилъ своимъ ушамъ. Его пугала неосторожность Козмо. Однако маркиза, повидимому, ни мало не оскорбилось его смѣлостью. Она инстинктивно поняла съ перваго взгляда, что въ этомъ человѣкѣ таилась могучая сила, и рѣшилась перенести всѣ его странности, чтобъ воспользоваться его замѣчательными способностями, о которыхъ отзывался кардиналъ Беретта въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

— Вы правы, сеньоръ Козмо, отвѣчала она съ обворожительной улыбкой: — я горю нетерпѣніемъ услышать изъ вашихъ устъ великій проектъ. Будьте такъ добры г. Дюмарескъ, позвоните въ колокольчикъ, стоящій подлѣ васъ на столѣ.

Неуспѣлъ раздаться серебристый звукъ колокольчика, какъ лакей показался въ дверяхъ.

— Никого не принимать, сказала маркиза: да сходите къ г. Де-ла-Гуппу и попросите его пригласить мистера Дарвеля завтра

Digitized by Google

къ завтраку. Вы пьете чай, господа, передъ обѣдомъ? Жакъ принесетъ вамъ чай ровно въ пять часовъ.

Съ этими словами маркиза помѣстилась попокойнѣе въ креслѣ и приняла видъ человѣка, принимающагося за дѣла, но рѣшившагося сосредоточить на нихъ все свое вниманіе.

— Вы видите, синьоръ Козмо, прибавила она съ улыбкой: я приняла всѣ мѣры, чтобъ намъ никто не помѣшалъ; я теперь вполнѣ въ вашемъ распоряженіи.

Парижанинъ подумалъ, что это отличный случай сеньору Козмо ловкимъ комплиментомъ загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное его неловкимъ разговоромъ и неприличнымъ настаиваніемъ на немедленномъ объясненіи своего плана. Но Козмо, повидимому, не сознавалъ своихъ ошибокъ. Онъ задумался, недоумѣвая, какое дѣло могла имѣть маркиза съ мистеромъ Дарвелемъ. Но черезъ минуту произнесъ наивно:—я очень радъ, что имѣю хоть разъ въ жизни дѣло съ рѣшительной и понимающей дѣло дамой. Я убѣжденъ, что найду въ васъ, маркиза, одного изъ самыхъ пламенныхъ и могучихъ помощниковъ.

Дюмарескъ снова не повѣрилъ своимъ ушамъ и съ испугомъ посмотрѣлъ на маркизу, но она оставалась спокойной.

— Намъ не надо терять время на комплименты, сказала она:— я желаю вполнѣ усвоить вашъ планъ и потому прошу васъ объяснить мнѣ его во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ.

Козмо мысленно восхищался хладнокровіемъ и энергіей этой женщины. Нельзя было поймать ее въ расплохъ и вырвать у нея выраженіе того или другого чувства. Она, очевидно, внимательно изучала его, критикуя его манеры и свѣтское обращеніе. Онъ сохранялъ свою самоувѣренность въ присутствіи государей, министровъ, высшихъ духовныхъ особъ, и никогда еще никто не обошелъ его такъ ловко въ теченіи десяти минутъ, указавъ ему принадлежавшее ему мѣсто и давъ понять, что ему лучше не сходить съ него. И все это было сдѣлано безъ одного рѣзкаго слова, безъ одного непріятнаго движенія.

— Да, она сильна, подумалъ онъ и собрался съ силами, чтобъ побѣдить такого могучаго противника.

Постарайтесь, читатель, вообразить себѣ женщину, съ которой имѣлъ дѣло этотъ умный, ловкій авантюристъ, сознававшій, что вся его судьба зависѣла отъ того впечатлѣнія, которое произведутъ на нее его аргументы.

Маркиза Рошерэ была не только самая блестящая, свѣтская барыня, но и одна изъ первыхъ красавицъ Парижа. Ея красота была въ своемъ зенитѣ и поражала своимъ лучезарнымъ блескомъ, лишеннымъ всякой надменности. Она прельщала, приво-

Digitized by Google

дила въ восторгъ, заставляла становиться на колѣни и поклоняться ей, какъ божеству. Типъ ея красоты былъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенный. Художники съ ума сходили отъ безукоризненной пропорціональности овала ея лица, начиная отъ той точки на лбу, гдѣ ея каштановые волосы дѣлились на двѣ роскошныя волны до оконечности подбородка, съ прелестной ямочкой. Прекрасно очерченные темнокаріе глаза смотрѣли мягко, нѣжно изъ подъ изящно проведенныхъ бровей. Лобъ ея отличался, самъ по себѣ, выразительной красотой; что бываетъ очень рѣдко, и еслибы остальное лице было закрыто, то художникъ все-таки догадался бы, что лобъ принадлежитъ красавицѣ и умной женщинѣ. Умственная работа не покрыла его морщинами, но тонкія очертанія его обнаруживали умственную жизнь, которая только возвышала прелесть чисто физической красоты. Ея талія, была самаго правильнаго, строгаго рисунка, какъ у Діаны. Складки ея платья располагались вокругъ нея съ такой дѣвственной граціей, что придавали ей видъ Мадонны, и Козмо, имѣвшій глазъ артиста, какъ всѣ его соотечественники, былъ внѣ себя отъ восторга.

Внимательно смотря на нее своимъ чернымъ, проницательнымъ взглядомъ, онъ сталъ краснорѣчиво развивать свою «великую идею». При этомъ лице его сіяло, глаза блестѣли, и южная натура обнаруживалась пламеннымъ тономъ и оживленными жестами. Говорилъ ли онъ серьёзно? Вѣрилъ ли онъ въ свою идею? Читатель самъ рѣшитъ это впослѣдствіи.

Онъ началъ съ того, что общими штрихами нарисовалъ картину современнаго положенія католической церкви въ Европѣ, въ виду многочисленныхъ силъ антихриста: — англійскихъ протестантовъ, французскихъ, бельгійскихъ и швейцарскихъ атеистовъ, республиканцевъ и соціалистовъ германскаго Culturcampf, возстанія Италіи противъ священнаго престола, наконецъ въ виду славянъ греческой церкви, и евреевъ. Онъ ловко указалъ, что съ этими могучими силами надо бороться различнымъ оружіемъ: — полиціей, дипломаціей, революціей, пропагандой, интригой, подведеніемъ соціальныхъ и научныхъ контраминъ; все это онъ излагалъ съ такой силой, съ такимъ умомъ, что Дюмарескъ, считавшій себя авторитетомъ по этимъ вопросамъ, о которыхъ онъ писалъ тономъ власть имѣющаго въ своей газетѣ, почувствовалъ, что въ сравненіи съ этимъ страннымъ авантюристомъ, онъ былъ только школьникомъ или много много репетиторомъ въ великой школѣ католической полемики.

Искусно покончивъ со всѣми врагами католической церкви, онъ дошелъ до послѣдняго, именно евреевъ, которые, по его сло-

Digitized by Google

вамъ, представляли самую страшную силу, съ которой приходилась бороться религіи въ современомъ мірѣ.

— Эта сила, продолжалъ онъ: — потому страшна, что евреи и деньги одно. Посмотрите, что дѣлается на свѣтѣ въ настоящее время. Протестанство пуританское, кальвинистское и методистское сохнетъ и чахнетъ подъ жгучими лучами науки и человѣческаго разума, достигающихъ своего зенита. Протестантскіе реформаторы хотѣли создать раціональную вѣру, но раціональная вѣра—абсурдъ. Нельзя разсуждать и вѣрить. Если вы хотите разсуждать, то вамъ необходимо критиковать авторитетъ, а критикуя авторитетъ, вы перестаете вѣрить. Пуританскія вѣрованія въ Англіи, Шотландіи и Америкѣ находятся въ упадкѣ, потому что ихъ нельзя примирить съ исторіей и наукой, а съ другой стороны, онѣ не основаны на абсолютномъ авторитетѣ. Поэтому имъ суждено исчезнуть. Атеизмъ распространяется на континентѣ, потому что онъ болѣе логиченъ, чѣмъ протестанство. Правда, въ обществѣ замѣчается общее стремленіе отвернуться отъ религіи. Но не забывайте, что атеизмъ естественный и всегдашній врагъ католической церкви. Онъ былъ побѣжденъ въ прошедшемъ и будетъ побѣжденъ въ будущемъ. Соціализмъ, это отрицаніе всякаго авторитета, въ различныхъ его формахъ: ограниченной монархіи, конституціоннаго правленія, республики и комуны, ничто иное, какъ протестанство, доведенное до его крайнихъ логическихъ послѣдствій. Но, другая сила, евреи, гораздо могущественнѣе. Она проникаетъ всюду, дѣйствуетъ рѣшительнѣе и вѣрнѣе всѣхъ другихъ силъ. А почему? Потому что она предлагаетъ не платоническую надежду на великія блага въ невѣдомой вѣчности, но наслажденія данной минуты, могущество, доставляемое деньгами, контроль надъ полиціей, арміей и прессой, вліян политическое, общественное и даже религіозное. Что по вашему мнѣнію, маркиза, всего болѣе содѣйствовало развитію протестантства? Сами протестанты вамъ укажутъ на разсужденія, на вѣру и пр. и пр. А я вамъ укажу на громадныя богатства и на коммерческую дѣятельность протестантскихъ странъ. Посмотрите на богатства Великобританіи! Англичане расходуютъ ежегодно милліоны на религіозную пропаганду; они имѣютъ хорошо оплаченныхъ миссіонеровъ во всѣхъ уголкахъ земнаго шара. Сколько сотенъ милліоновъ эта нація израсходовала на распространеніе протестантскихъ принциповъ. У этого протестантскаго народа есть характеристическая пословица: деньги погоняютъ кобылу. Они бросаютъ милліоны на своего конька. Но въ финансовомъ дѣлѣ они мальчишки въ сравненіи съ евреями. Точно также, что дало возможность католической церкви поддержать свое суще-

Digitized by Google

ствованіе во Франціи со времени революціи, несмотря на могущественныя нападки со всѣхъ сторонъ? Проповѣдники? Писатели? Журналы? Полемика?

И говоря это, Козмо бросилъ презрительный взглядъ на Дюмареска, который казался совершенно уничтоженнымъ.

— Нѣтъ, продолжалъ онъ:—это сдѣлали неисчислимыя богатства конгрегацій. Благодаря имъ, католицизмъ получилъ стойкость и долговѣчность, забралъ въ свои руки общественное воспитаніе и обезпечилъ себѣ значительное вліяніе на политику и общественное мнѣніе. Самые способные вожаки республиканской партіи это хорошо поняли и вотъ почему они стараются убѣдить народъ, что необходимо наложить святотатственную руку на церковное имущество и, ограбивъ духовенство, довести его до несчастной, безпомощной роли проповѣдниковъ. Съ другой стороны посмотрите, какъ евреи все загребаютъ въ свои руки. Второй исходъ еврейскаго народа важнѣе перваго. Его обѣтованная земля теперь весь свѣтъ и хананеяне все человѣчество. Если мы не дадимъ дружнаго отпора, то вскорѣ еврейское наводненіе насъ поглотитъ. Евреи все покупаютъ: жатвы у поселянъ и землю у владѣльцевъ. Въ Австріи, Венгріи и Румыніи они одни эксплуатируютъ винокурни, ухитряясь платить акцизъ только съ третьей части производства. Они имѣютъ монополію добыванія керосина въ Галиціи. Кому принадлежатъ лучшіе дома въ Вѣнѣ и Берлинѣ? Евреямъ. Двѣ трети аллеи Подъ Липами куплена евреями, несмотря на нелюбовь къ нимъ императора Вильгельма. Они вездѣ покупаютъ главныя газеты и даютъ читателямъ только тѣ свѣдѣнія, которыя полезны для распространенія ихъ политическихъ взглядовъ и финансовыхъ спекуляцій. Ихъ сила правильно организована, какъ ни одна общественная сила, не исключая католической церкви. Несмотря на всю ихъ склонность обманывать другъ друга, они составляютъ тѣсный союзъ для борьбы съ язычниками, которыхъ дружно грабятъ. Ихъ сила все растетъ и вліяніе все усиливается съ развитіемъ роскоши и цивилизаціи. Стеклянныя бусы дороже золота въ глазахъ дикаря, но съ усложненіемъ матеріальной жизни и распространеніемъ въ домашней жизни вліянія моды и искуства, золото становится необходимостью. Безъ него человѣкъ не можетъ пользоваться уваженіемъ, какъ бы ни были велики его личныя качества. Благодаря своему врожденному таланту къ финансовымъ операціямъ, евреи пользуются въ своихъ интересахъ этой силой золота. Они никогда не работаютъ своими длинными, загребистыми пальцами, чистыми щупальцами спрута, выжимающими кровь изъ своихъ жертвъ. Дру-

Digitized by Google

гіе работаютъ, а евреи занимаются спекуляціями. Повторяю, маркиза, эта сила составляетъ самую грозную опасность для католицизма. Она подтачиваетъ набожность, разжигаетъ самыя распространенныя теперь страсти: скупость, честолюбіе, любовь къ удовольствіямъ и къ власти, стремленіе къ блеску; она возвышаетъ добродѣтели одного человѣка, обезпечивая ему популярность и извиняетъ пороки другого, освобождая его отъ законнаго наказанія и общаго презрѣнія.

Маркиза слушала все съ большимъ и большимъ интересомъ эту блестящую рѣчь, которую мы передали въ сокращенномъ видѣ, пропустивъ множество примѣровъ, саркастическихъ замѣчаній и софизмовъ, которыми онъ подкрѣплялъ свои доводы.

— Какъ уменъ! говорила про себя маркиза:—какъ уменъ!

Ея быстрое воображеніе и проницательный умъ опережали слова Козмо, и она съ удовольствіемъ видѣла, что предугадывала его гипотезы и понимала его аргументы, прежде чѣмъ онъ ихъ произносилъ. Сначала голова ея была наклонена и рѣсницы опущены, такъ что, судя по ея позѣ, можно было подумать, что она слушаетъ болѣе съ терпѣніемъ, чѣмъ съ любопытствомъ; но мало по-малу она подняла голову, устремила на него свои чудные глаза и внимательно слѣдила за каждымъ его словомъ жестомъ. Она была побѣждена. Онъ заставилъ ее сбросить съ себя маску равнодушія и обнаружить свои чувства и мнѣнія.

— Церковь богата, очень богата, продолжалъ онъ, переходя къ изложенію своей «великой идеи».—Цифра капиталовъ, находящихся въ рукахъ представителей церкви, громадна, неисчислима. Но эти капиталы, оставаясь безъ употребленія, потеряли всякую жизненную силу и, переставъ быть добромъ, стали положительнымъ зломъ. Евреи никогда не оставляютъ своихъ денегъ въ карманѣ, они постоянно пускаютъ ихъ въ оборотъ и выручаютъ не четыре или пять процентовъ, а сто на сто. Если католицизмъ желаетъ поддержать свою роль на свѣтѣ и владѣть всѣмъ міромъ, то ему необходимо забрать въ свои руки финансовыя операціи всего міра и уничтожить евреевъ.

— Но какъ? спросила маркиза, которая оставалась дѣловой женщиной, даже подъ чарующимъ вліяніемъ его краснорѣчія.

— О, это вопросъ техническій, который трудно объяснить въ нѣсколькихъ словахъ, тѣмъ болѣе, что вы, маркиза, приказали подать чай въ пять часовъ. Надо оставить эту часть моего плана до слѣдующаго раза, но будьте увѣрены, что все обдумано и предусмотрѣно. Теперь я только укажу въ общихъ чертахъ на главные элементы предлагаемаго предпріятія. Всѣ католическіе капиталы будутъ сосредоточены, учредится громадный католи-

Digitized by Google

ческій банкъ, будутъ взяты концессіи на проведеніе желѣзныхъ дорогъ, напримѣръ, на востокѣ Европы, въ Венгріи и на Балканскомъ полуостровѣ. Желѣзныя дороги всегда служатъ источникомъ большого вліянія. Кромѣ того, слѣдуетъ забрать въ свои руки монополіи угля, желѣза и ртути въ Европѣ. Ротшильды до сихъ поръ почти исключительно владѣютъ всей ртутью въ Европѣ, и такъ какъ ртуть употребляется во многихъ промышленныхъ производствахъ, то они могутъ судить по числу проданныхъ каждый день бутылокъ о хорошемъ или дурномъ настроеніи торговаго рынка. И этотъ вѣрнѣйшій финансовый барометръ находится въ рукахъ евреевъ. Наконецъ, надо подчинить себѣ прессу; съ этой цѣлью учредится компанія для покупки вліятельныхъ газетъ и заведется особая телеграфическая проволока, благодаря чему будутъ обнародываться свѣдѣнія только благопріятныя интересамъ святой религіи. Католическое духовенство сдѣлается во всемъ свѣтѣ агентами телеграфной компаніи, и міръ будетъ принужденъ смотрѣть на совершающіяся событія сквозь очки религіи.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ слуга съ севрскимъ сервизомъ на серебряномъ подносѣ и поставилъ его на маленькій столикъ подлѣ маркизы, которая сама разлила чай и подала чашки своимъ гостямъ. Козмо замѣтилъ, что рука ея слегка дрожала. Ею, очевидно, овладѣло волненіе, котораго она не могла скрыть.

— Но, какимъ образомъ, вы, сеньоръ Козмо, думаете осуществить свой планъ? спросила она.

Онъ ожидалъ этого вопроса отъ такой умной и проницательной женщины, какъ маркиза. Но прежде всего, онъ забылъ упомянуть объ очень важномъ обстоятельствѣ. Его святѣйшество черезъ посредство кардинала Беретты удостоилъ его чести познакомиться съ выработаннымъ имъ проэктомъ, высказалъ, что очень интересуется этимъ дѣломъ и даже снабдилъ его письменнымъ своимъ благословеніемъ, копія котораго написанная кардиналомъ Береттою, находилась у Козмо.

Онъ вынулъ изъ кармана этотъ драгоцѣнный документъ, благоговѣйно развернулъ его и прочелъ громкимъ, звонкимъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Потомъ онъ передалъ бумагу маркизѣ, которая взяла ее съ тѣмъ же набожнымъ чувствомъ, съ которымъ она приложилась бы къ волосу святой Маргариты, или къ зубу Пресвятой Богородицы.

Пока она еще находилась подъ вліяніемъ подлинныхъ словъ его святѣйшества, Козмо воскликнулъ:

— И я привезъ нетолько эту бумагу. У меня въ портфелѣ

Digitized by Google

многое, что послужитъ основаніемъ великихъ финансовыхъ предпріятій: предложенія, проэкты и концессіи двухъ желѣзныхъ дорогъ, банка, новой пароходной компаніи по Дунаю и эксплуатаціи нефти въ церковныхъ владѣніяхъ въ Галиціи. Въ предлагаемомъ мною гигантскомъ дѣлѣ будетъ сосредоточены сотни милліоновъ, и сотни милліоновъ посыпятся на святую церковь и вѣрующихъ католиковъ. Черезъ пять лѣтъ мы будетъ повелѣвать всѣми европейскими биржами.

Онъ подвинулся къ самому борту кресла, гордо закинулъ голову, выставилъ впередъ грудь и съ торжествующимъ величіемъ смотрѣлъ на маркизу.

Она была побѣждена. Этотъ человѣкъ, не привыкшій къ учтивой сдержанности и свѣтскому приличію, вполнѣ подчинилъ ее дикимъ краснорѣчіемъ, пламеннымъ энтузіазмомъ и увѣренностью въ себѣ, въ своей «великой идеѣ». Въ сущности, маркиза отличалась смѣлымъ, увлекающимся умомъ, хотя и сдержаннымъ, рѣдкой способностью владѣть собою. Она почувство-неудержимую симпатію къ человѣку, который могъ задумать и подготовить подобный проэктъ, а потому не потребовала времени на разсужденіе или на совѣщаніе съ Де-ла-Гуппомъ. Она сразу рѣшилась и, вставъ, протянула руку итальянцу.

— Дѣйствительно, это великая идея, которая могла прійти въ голову только геніальному человѣку, сказала она.—Располагайте мною; я вполнѣ къ вашимъ услугамъ. Благодарю васъ отъ души, г. Дюмарескъ, что вы доставили мнѣ счастіе и удовольствіе познакомиться съ сеньоромъ Козмо. А вы, сеньоръ Козмо, можете всегда разсчитывать на мое содѣйствіе; скажите только, чѣмъ я могу быть вамъ полезна, и я всегда готова дѣйствовать съ вами и для васъ.

Дюмарескъ и Козмо молча спустились по мраморной лѣстницѣ; Козмо сіялъ, хотя и старался скрыть свою радость; Дюмарескъ былъ задумчивъ. Онъ привезъ этого человѣка къ маркизѣ съ цѣлью оказать ему покровительство и разыграть роль свѣтской дамы, вывозящей на балъ молодую дѣвушку, но ученикъ оказался двумя головами выше учителя. Въ сущности, Дюмарескъ почти не зналъ Козмо. Нѣсколько дней передъ тѣмъ итальянецъ явился въ Парижъ съ своимъ проэктомъ въ карманѣ, посѣтилъ редакцію «Bon ami», представилъ Дюмареску рекомендательныя письма изъ Рима и возбудилъ въ душѣ парижанина пламенный энтузіазмъ къ своей «великой идеѣ», которая обѣщала столько благъ и на семъ свѣтѣ, и въ будущемъ.

Легкомысленный, впечатлительный журналистъ былъ очарованъ грубымъ итальянскимъ искателемъ приключеній, который теперь

Digitized by Google

былъ финансовымъ агентомъ, а прежде банковымъ конторщикомъ, школьнымъ учителемъ, желѣзнодорожнымъ дѣятелемъ, торговымъ комиссіонеромъ и секретаремъ кардинала. Кромѣ того, Дюмарескъ зналъ, что онъ былъ свѣтскимъ членомъ религіознаго ордена, съ которымъ и парижанинъ имѣлъ сношенія. Но говоря о немъ маркизу и архіепископу, а также представляя его маркизѣ, Дюмарескъ думалъ быть опекуномъ своего новаго и интереснаго пріятеля. Онъ, образецъ парижскаго приличія и великосвѣтскихъ манеръ, хотѣлъ взять его подъ свое покровительство и намѣревался выдвигать его впередъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда потребовалось бы поддержать фактическими аргументами «великую идею». Онъ никогда не воображалъ, что Козмо такъ быстро освободится изъ подъ его опеки и начнетъ дѣйствовать самостоятельно, по собственному своему усмотрѣнію. Однако, хотя Дюмарескъ признавалъ себя побѣжденнымъ и униженнымъ, но онъ былъ добрый малый и искренно восторгался ловкостью Козмо, который такъ успѣшно обошелъ маркизу. Ему, Дюмареску, никогда не удалось бы этого сдѣлать. Несмотря на всѣ его физическія и свѣтскія преимущества, онъ не посмѣлъ бы сказать маркизѣ, что нельзя выбрать лучше минуты, чѣмъ настоящей для дѣлового разговора и заставить ее выслушать себя, желала ли она этого или нѣтъ. Еслибы даже онъ рѣшился на такую смѣлость, то она превратила бы его въ прахъ однимъ своимъ молніеноснымъ взглядомъ. А сеньоръ Козмо, ничего не опасаясь, навлекъ на себя грозу и нетолько остался въ живыхъ, но и побѣдилъ богиню.

Дюмарескъ былъ уничтоженъ, но, отличаясь добрымъ характеромъ, онъ, послѣ минутнаго молчанія, сердечно поздравилъ своего друга съ успѣхомъ и разсыпался въ похвалахъ удивительной ловкости, съ которой Козмо провелъ объясненіе съ маркизою.

Съ торжествующимъ блескомъ своихъ темныхъ глазъ, Козмо слушалъ всѣ сыпавшіеся на него комплименты, ни мало не оспаривая ихъ справедливости. Онъ чувствовалъ, что убилъ однимъ камнемъ двухъ зайцевъ и что журналистъ, съ своимъ глубокимъ знаніемъ Парижа и вліятельными связями, будетъ съ этой минуты послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ, какъ рѣзецъ гравера, послушное орудіе его ума и мускуловъ.

Digitized by Google

III.

Способъ осуществленія великой идеи.

Обсудивъ хорошенько «великую идею» сеньора Козмо, нельзя не признать ея новой и ловкой. Христіанская религія проложила себѣ дорогу въ свѣтѣ различными и чрезвычайно противоположными способами. Распространеніе ея началось путемъ убѣжденія; ее проповѣдывали люди грубые, но очень даровитые, искренно вѣрившіе въ свое ученіе, и предаваемые смерти, во всевозможныхъ ея видахъ, за дерзкую смѣлость идти противъ убѣжденій громаднаго большинства. Мало-по-малу по различнымъ причинамъ, въ обсужденіе которыхъ здѣсь не мѣсто входить, эта религія была усвоена императорами и поставлена подъ защиту закона; тогда религія міра и равенства обратила на своихъ враговъ ихъ собственное оружіе и начала крестить язычниковъ огнемъ и желѣзомъ. Ее стали защищать арміи, которыя подъ знаменемъ креста, опустошали цѣлыя страны и подчиняли своему игу или подвергали смерти милліоны невѣрующихъ. Ее хитро вводили въ нѣкоторыхъ языческихъ націяхъ ловкіе миссіонеры, примиряя съ нею существующія суевѣрія; инквизиція распространяла ее пытками и кострами; Кортесъ и Пизаро проповѣдывали ее ацтекамъ и перуанцамъ, приложивъ мечъ и ружье къ горлу; янсенисты пропагандировали ее софизмами и реторическимъ краснорѣчіемъ, а іезуиты интригой и обманомъ; кальвинисты и пуритане отстаивали ее полемикой, поддерживаемой могучими руками. Кальвинъ сжегъ Серве во славу Божію, а отцы пилигримы, переселившіеся изъ преданности своимъ убѣжденіямъ въ пустыни Новой Англіи, топили колдуній и растрѣливали индѣйцевъ для доказательства всей живучести ихъ вѣры. Несмотря на столь громадное различіе методовъ, распространеніе христіанства было неимовѣрное и, однако, въ настоящую эпоху его исторіи, когда оно исповѣдуется четвертью всего человѣчества, трудно было бы его различнымъ предствителямъ точно опредѣлить, что̀ такое христіанство. Дѣйствительно, эта удивительная религія позволяетъ въ одномъ мѣстѣ человѣку вѣрить, во что онъ желаетъ, а тамъ отрицаетъ самое право мыслить; въ одномъ мѣстѣ является защитникомъ свободы, въ другомъ—насильно сдерживаетъ самыя естественныя стремленія; то увѣряетъ, что человѣческому уму свойственно углубляться въ научныя изслѣдованія, то выставляетъ невѣжество

Digitized by Google

источникомъ блаженства для истинно вѣрующаго. И, однако, среди всего этого различія средствъ и результатовъ, она идетъ отъ одной побѣды къ другой, расширяя постоянно свое поле дѣятельности.

Но нашему вѣку и нашей наицивилизованной эрѣ суждено было изобрѣсть новый методъ распространенія вѣры, и Козмо предложилъ впервые главѣ католичества этотъ, дотолѣ невѣдомый способъ возстановить и укрѣпить преемство католической церкви.

Идея его была въ одно и то же время очень смѣлой и очень наивной. Въ эпоху Константина слово императора было закономъ, и это императорское слово было орудіемъ церкви. Въ тѣ мрачныя времена, когда царилъ одинъ мечъ, онъ сдѣлался подспорьемъ церкви. Потомъ дипломатія стала одной изъ живыхъ силъ цивилизаціи, и патеры пошли въ ученики къ Макіавелю, находя лучшую поддержку для церкви въ придворныхъ интригантахъ и интригантках.

Въ наши дни самая могучая сила, рычагъ, приводящій въ дѣйствіе все цивилизованное общество—деньги. Искуство наживать деньги является вмѣстѣ съ тѣмъ искуствомъ подчинять себѣ и сковывать людей. Это искуство издавно составляетъ привилегію евреевъ. Со времени Іакова, лишившаго Исава права первородства цѣною блюда чечевицы, эта раса отличается умѣніемъ присвоивать себѣ то, что принадлежитъ другимъ, за самую ничтожную плату. Это въ настоящее время называютъ спекуляціей, и совершенно естественно евреи держатъ въ своихъ рукахъ нити всѣхъ европейскихъ спекуляцій.

— Вотъ новая сила, подчиняющая себѣ человѣческія души, говорилъ Козмо:—вотъ новое евангеліе, вотъ новый рычагъ человѣческаго ума.

Что же предлагалъ онъ католической церкви, побѣжденной, униженной? Вырвать изъ рукъ евреевъ первенство въ финансовомъ мірѣ. Тотъ, кто повелѣваетъ на биржѣ, будетъ повелѣвать и въ политикѣ, въ военномъ дѣлѣ, въ искуствѣ, въ религіи, въ суевѣріяхъ; ему принадлежитъ душей и тѣломъ все современное общество. Католическая церковь очень богата, и ей стоитъ только ловко пустить въ оборотъ свои неисчислимыя богатства, подъ руководствомъ геніальнаго финансиста, вдохновеннаго свыше (напримѣръ, сеньора Козмо), и она вскорѣ сдѣлается самой могущественной силой въ свѣтѣ. Сами евреи прижмутъ къ груди Мадонну, когда она будетъ изъ массивнаго золота и усыпана бриллiантами.

Вотъ та великая идея, которую Козмо привезъ въ Парижъ,

Digitized by Google

этотъ финансовый центръ Европы, эту теплицу цивилизаціи, положивъ въ одинъ карманъ чистый выигрышъ отъ многолѣтнихъ, различныхъ спекуляцій, а въ другой—благословеніе папы.

Онъ не былъ новичкомъ въ финансовомъ мірѣ и пользовался нѣкоторой репутаціей среди биржевыхъ дѣльцовъ. Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ управлялъ однимъ банкирскимъ домомъ въ Генуѣ, имѣющемъ контору въ Неаполѣ. Онъ учредилъ компанію франко-итальянскаго пароходства и завѣдывалъ его дѣлами. Онъ былъ членомъ правленія парижскаго акціонернаго общества для эксплуатаціи асфальта въ Пьемонтѣ, которое дало значительные барыши.

Но онъ не хотѣлъ сразу сообщить «великую идею» своимъ прежнимъ товарищамъ. Они ея не поняли бы, не выказали бы къ ней довѣрія и не согласились бы дать денегъ на ея осуществленіе, по крайней мѣрѣ, прежде, чѣмъ онъ добьется образованія компаніи съ блестящимъ составомъ правленія и такимъ громаднымъ капиталомъ, что можно было бы предписывать условія биржѣ. Поэтому онъ началъ агитацію среди журналистовъ, духовенства и аристократіи, хорошо зная, что остальные послѣдуютъ, какъ Панургово стадо.

Онъ пріобрѣлъ въ прелестной маркизѣ содѣйствіе одной изъ самыхъ могущественныхъ общественныхъ силъ Парижа. Но не все еще шло, какъ по маслу. Ему очень не понравилось, что маркиза назначила свиданіе мистеру Дарвелю, въ которомъ онъ инстинктивно отгадывалъ врага и соперника. Возвратясь въ отель и освободившись по дорогѣ отъ г. Дюмареска, Козмо сдѣлалъ два смѣлыхъ шага.

Онъ написалъ маркизѣ нѣсколько строчекъ, въ которыхъ просилъ ее не говорить ни слова объ его проэктѣ мистеру Дарвелю, такъ какъ онъ, хотя и старый его другъ, ничего не зналъ о великой идеѣ, и вообще было крайне необходимо для успѣха дѣла, чтобъ о немъ ничего не знали англійскіе католики.

Бросивъ эту записку въ почтовый ящикъ, онъ занялъ свое прежнее мѣсто на террасѣ отеля. Часъ обѣда приближался и онъ предугадывалъ, что мистеръ Дарвель снова явится и заговоритъ съ нимъ, съ цѣлью разузнать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ.

Дѣйствительно, какъ только раздался звонокъ къ обѣду, мистеръ Дарвель, подкараулившій Козмо въ билліардной, неожиданно подошелъ къ нему и, нагнувшись, спросилъ:

— Зачѣмъ вы пріѣхали сюда, сеньоръ Козмо?

Этотъ чисто англійскій приступъ къ бесѣдѣ съ человѣкомъ, котораго онъ не видалъ нѣсколько лѣтъ, поразилъ итальянца.

Digitized by Google

Онъ вскочилъ и церемонно поклонился. Англичанинъ, какъ всѣ его соотечественники, былъ грубый господинъ, но Козмо хотѣлъ сохранить за собою привилегію на учтивость, эту отличительную черту итальянцевъ. Однако, мистеръ Дарвель, засунувъ руки въ карманы, хладнокровно смотрѣлъ на него своими большими, сѣрыми, саркастическими глазами.

— По одному дѣлу, мистеръ Дарвель, отвѣчалъ Козмо, пожимая плечами.

— А вы, кажется, давно здѣсь не бывали, сказалъ Дарвель, бросая на Козмо знаменательный взглядъ.

— У васъ отличная память, отвѣчалъ итальянецъ, также ироническимъ тономъ:—я не былъ въ Парижѣ съ 1872 года.

— Со времени эксплуатаціи золотыхъ рудниковъ Тарента, произнесъ англичанинъ съ усмѣшкой.

— Вы точны, какъ историкъ.

— Гораздо точнѣе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ историковъ, воскликнулъ Дарвель.

— Во всякомъ случаѣ, замѣтилъ итальянецъ: — исторія прошедшаго безплодный предметъ для изученія. Мы живемъ въ настоящемъ.

— Вы правы, сеньоръ Козмо. А чѣмъ мы заняты въ настоящее время? Я васъ видѣлъ сегодня съ г. Дюмарескомъ. Я не зналъ, что вы съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Съ которыхъ поръ вы друзья?

— Съ дѣтства, отвѣчалъ Козмо.

— Гдѣ вы его видали?

— Въ Миланѣ.

— Въ Миланѣ? Я не зналъ, что онъ бывалъ въ Миланѣ ребенкомъ.

— Это только доказываетъ, что даже мистеру Дарвелю невозможно знать всего.

— Вы правы. Я не зналъ, напримѣръ, что золотые рудники въ Тарентѣ никогда не существовали; иначе я не помѣстилъ бы своихъ денегъ въ это предпріятіе.

— И я также. Но вы выражаетесь не точно. Рудники существовали, только золота въ нихъ не оказалось... Но пора обѣдать. Вы долго пробудете въ Парижѣ?

— Не знаю. А вы?

— До окончанія дѣла, по которому я пріѣхалъ. До свиданія, мистеръ Дарвель.

Итальянецъ поклонился, пристально смотря на англичанина, который холодно кивнулъ головой и поспѣшно удалился. Онъ чувствовалъ, что въ этой бесѣдѣ онъ не остался побѣдителемъ.

Digitized by Google

Его противникъ сталъ ловчѣе и опытнѣе, чѣмъ въ эпоху тарентской исторіи, а благодаря своей собственной ошибкѣ и недостатку дипломатическаго такта, Дарвель ничего не узналъ о причинѣ пріѣзда Козмо въ Парижъ и его, повидимому, дружескихъ отношеній съ Дюмарескомъ, однимъ изъ главныхъ интригантовъ въ легитимистской и католической партіи.

Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, Дарвель и Козмо встрѣтились въ Парижѣ и между ними установились интимныя отношенія, т. е. насколько онѣ могутъ существовать между двумя соколами, слѣдящими за одной добычей. Итальянецъ убѣдилъ англичанина вступить въ компанію для эксплуатаціи золотыхъ рудниковъ въ Тарентѣ. Отзывы извѣстныхъ экспертовъ были самые удовлетворительные, но когда весь собранный капиталъ былъ употребленъ безъ всякаго результата, то послали для осмотра рудниковъ французскаго и англійскаго инженеровъ, которые оба объявили, что тамъ золота не было и не могло быть. Поэтому, скептическое отношеніе Дарвеля къ рудникамъ, вполнѣ оправдывалось обстоятельствами, хотя Козмо всегда утверждалъ, что золото тамъ находилось и слѣлаетъ счастье какого-нибудь смѣлаго предпринимателя. Впрочемъ, надо быть справедливымъ; Дарвель, по всей вѣроятности, не жаловался бы на отсутствіе золота въ рудникахъ, еслибы ему предложили извѣстное вознагражденіе изъ акціонерныхъ денегъ. Онъ главнымъ образомъ сердился на Козмо за то, что послѣдній взялъ нѣсколько сотенъ тысячъ франковъ за комиссію по этому дѣлу и не сдержалъ своего словеснаго обѣщанія подѣлиться съ англичаниномъ. Въ глазахъ мистера Дарвеля, человѣкъ, не платящій такого долга чести, былъ отъявленнымъ мошенникомъ.

Съ своей стороны, Козмо хотѣлъ мысленно отозваться о мистерѣ Дарвелѣ далеко не въ лестныхъ выраженіяхъ, какъ неожиданно увидалъ передъ собою маленькаго человѣчка, молча кланявшагося ему, почтительно держа шляпу въ рукахъ.

Этотъ господинъ былъ ростомъ не выше Тьера, но тутъ всякое сходство между ними оканчивалось. Его волосы съ просѣдью были коротко обстрижены; лобъ отличался глубокими горизонтальными линіями; брови были густыя, подбородокъ и щеки чисто выбриты. Плоское лице, большой носъ и желтый цвѣтъ лица заставляли подозрѣвать, что онъ японскаго происхожденія, хотя его отецъ и мать были чехами. Онъ былъ одѣтъ прилично и вполнѣ соотвѣтственно шестидесятилѣтнему возрасту, при чемъ обращалъ на себя вниманіе отсутствіемъ ленточки въ петлицѣ. Маленькія руки были обтянуты безукоризненными перчатками, а изъ подъ модныхъ панталонъ виднѣлись лакированные башмаки.

Digitized by Google

— Боже мой, это вы г. Тшекъ! воскликнулъ Козмо: — наконецъ-то. Пойдемте.

И фамиліарно взявъ его за руку, онъ вышелъ изъ отеля.

— Я знаю здѣсь по сосѣдству маленькій ресторанъ, гдѣ мы можемъ пообѣдать наединѣ, прибавилъ онъ:—вы мнѣ тамъ отдадите отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Они перешли черезъ бульваръ и, пройдя нѣсколько шаговъ по улицѣ Neuve-Saint-Augustin, остановилась передъ скромнымъ рестораномъ, на вывѣскѣ котораго и было написано только одно имя:—Віанъ.

Этотъ ресторанъ знаютъ немногіе, что и составляетъ его главную прелесть. Въ немъ не можетъ обѣдать за разъ болѣе тридцати человѣкъ, и хозяинъ всегда оставляетъ двѣ отдѣльныя комнаты перваго этажа для привелигированныхъ кліентовъ. Козмо, повидимому, принадлежалъ къ ихъ числу, и, увидавъ его, старшій слуга, красавецъ Леонъ прямо провелъ его въ одну изъ этихъ комнатъ.

Усѣвшись и заказавъ обѣдъ, оба пріятеля упорно молчали, пока Леонъ подалъ супъ, не оставилъ ихъ наединѣ. Тогда г. Тшекъ произнесъ.

— Я видѣлъ Павловскаго.

— Что же онъ говоритъ?

— Онъ въ восторгѣ отъ вашей идеи и говоритъ, что это яйцо Христофора Коломба.

— Фразы и сентименты! что онъ сдѣлаетъ?

— Онъ подпишется самъ на тысячу акцій и на пять тысячъ отъ имени своихъ друзей. Онъ беретъ на себя переманить двухъ директоровъ общества «Наличныя деньги», одного изъ величайшихъ финансовыхъ учрежденій Парижа, находящагося почти исключительно въ рукахъ католиковъ. Одинъ изъ нихъ Тибюль, а другой Маркизъ Доденъ, набожный и пламенный роялистъ, не очень богатый, но ужасно скупой.

— Отлично.

— Но, сказалъ Тшекъ, устремляя свои сѣро-зеленоватые глаза на Козмо:—я нахожу условія Павловскаго слишкомъ тяжелыми.

— Что же онъ проситъ?

— Онъ требуетъ пятьсотъ учредительскихъ акцій за помѣщеніе пяти тысячъ акцій, и по десяти тысячъ франковъ наличными деньгами за каждаго изъ директоровъ.

Козмо сдѣлалъ гримасу, но, хлебнувъ краснаго вина, отвѣчалъ:

— Ничего; мы дадимъ ему, что онъ желаетъ. Я могу позволить себѣ такую щедрость. Я сегодня устроилъ дѣльце, кото-

Digitized by Google

рое доставитъ намъ половину требуемаго капитала и столько директоровъ, сколько мы захотимъ безъ всякаго комиссіоннаго процента. Но, г. Тшекъ, мы припомнимъ это Павловскому.

Тшекъ поклонился и продолжалъ докладъ о своихъ дѣйствіяхъ:

— Я былъ у Перигора, адвоката Францисканцевъ и многихъ высокопоставленныхъ духовныхъ особъ; онъ также повѣренный женской обители св. Емильона, у которой большіе капиталы. Сначала онъ былъ очень сдержанъ и холоденъ, но когда я ему показалъ письмо кардинала Беретты, то онъ мгновенно измѣнился и объявилъ, что готовъ вамъ всячески содѣйствовать. Онъ надняхъ долженъ получить около милліона франковъ за счетъ конгрегацій, и употребитъ все свое вліяніе, чтобы хоть часть этихъ денегъ помѣстили въ наше предпріятіе. Онъ повидается завтра съ Галюшà, знаменитымъ іезуитскимъ нотаріусомъ.

— Браво! Г. Тшекъ! За ваше здоровье и за успѣхъ нашего дѣла!

— Но, произнесъ снова Тшекъ нерѣшительнымъ голосомъ:— условія Перигора...

— Какъ, чортъ возьми! И онъ туда же. Сколько онъ хочетъ?

— Пять процентовъ банковыми билетами.

— Онъ не возьметъ акціями?

— Ни на одинъ сантимъ.

— Однако, г. Тшекъ, воскликнулъ съ гнѣвомъ Козмо:—это уже не спекуляція, а грабежъ. Чѣмъ мы кончимъ, если всѣ будутъ насъ такъ безжалостно грабить? Если Перигоръ требуетъ столько, то чего еще пожелаетъ его другъ Галюшà.

— Увѣряю васъ, отвѣчалъ Тшекъ, полузакрывая глаза, чтобы скрыть проницательный взглядъ, который онъ не сводилъ съ Козмо: — что эти условія ни мало не чрезмѣрны для Парижа, особенно въ виду необыкновенно характера вашего предпріятія.

— Хорошо, мы докажемъ воочію, что искренніе христіане. У насъ требуютъ сюртукъ, а мы отдадимъ нетолько сюртукъ, но и рубашку; за то когда придетъ наша очередь требовать, мы сдеремъ съ нихъ шкуру. Можно заставить и піявку, отдать всю кровь, которую она высосала.

— Я завтракалъ съ г. Стукаторомъ.

— Маклеромъ?

— Да, членомъ биржеваго комитета. Если будетъ подписанъ весь капиталъ, составится блестящее правленіе, и вы заручитесь содѣйствіемъ Абирама и К°, то онъ ручается за то, что

Digitized by Google

ваши акціи допустятъ къ котировкѣ на биржѣ. Онъ имѣетъ большое вліяніе на своихъ товарищей, и нѣтъ сомнѣнія, что сдержитъ свое слово.

— Хорошо! Прекрасно! Дѣло подвигается.

Тшекъ закашлялъ и омочилъ губы въ бокалъ съ шампанскимъ.

Разговоръ ихъ прерывался входомъ и выходомъ Леона, который подавалъ кушанья и вино. Обѣдъ уже приближался къ концу.

— Но, произнесъ Тшекъ въ третій разъ.

— Опять но! воскликнулъ Козмо:—вы ему сказали, что онъ получитъ сто тысячъ франковъ чистыми деньгами и пятьсотъ оплоченныхъ акцій, какъ учредительскій пай.

— Да, сказалъ. Но онъ разсмѣялся. Онъ говоритъ, что согласился бы на такія условія, еслибы дѣло шло объ учрежденіи маленькаго общества поземельнаго кредита въ Египтѣ съ капиталомъ въ пятьсотъ милліоновъ, но что по вашему дѣлу надо будетъ заплатить многимъ членамъ синдиката и не акціями, а наличными деньгами, именно г. М** и г. Н** по двадцати тысячъ, а остальнымъ четыремъ по десяти тысячъ. Потомъ старшій конторщикъ М** будетъ необходимъ для успѣха дѣла, а онъ не пошевелитъ пальцемъ безъ десяти тысячъ. Наконецъ, г. Стукаторъ требуетъ для самого себя кромѣ акціи еще четверть милліона чистоганомъ.

— Чертъ возьми! Да это шайка жидовъ!

— Да, вы правы.

Казмо устремилъ свои блестѣвшіе гнѣвомъ глаза на Тшека, словно тотъ былъ представитель этой шайки мошенниковъ, и маленькій человѣкъ сталъ ежиться на своемъ стулѣ, чувствуя себя въ самъ непріятномъ положеніи.

Но итальянецъ смотрѣлъ на него и не видалъ его. Онъ думалъ о своихъ заклятыхъ врагахъ—евреяхъ. Онъ мысленно уже видѣлъ ихъ въ своей власти. Придетъ день, когда въ его рукахъ будетъ золотой скипетръ католическихъ капиталовъ. Тогда, имѣя биржу въ своемъ распоряженіи, онъ только прикажетъ, и евреи, попавшись въ сѣти, разставленныя хитрымъ католикомъ, будутъ задушены въ финансовомъ отношеніи и раздѣты до гола.

Онъ всталъ, сверкая глазами, и гордо, вызывающе закинулъ голову. Бѣдный чехъ дрожалъ отъ испуга. Онъ боялся, чтобы проницательные глаза итальянца не прочитали сквозь его сюртукъ и кожанный портфель хранившіяся тамъ три письма. Въ первомъ, Павловскій обязывался уплатить Тшеку десятую часть всѣхъ суммъ, которыя онъ получилъ за комиссію отъ

Digitized by Google

Козмо или общества католическаго кредита; во второмъ, Перигоръ соглашался предоставить Тшеку два съ половиной процента съ полученныхъ имъ отъ Козмо комиссіонныхъ денегъ, и наконецъ, въ третьемъ, г. Стукаторъ бралъ на себя допустить акціи новаго общества до котировки на биржѣ за двѣсти тысячъ франковъ, оставляя такимъ образомъ въ пользу Тшека пятьдесятъ тысячъ франковъ и пятьсотъ оплоченныхъ акцій.

Кромѣ этихъ трехъ писемъ въ портфелѣ Тшека было еще четвертое, въ которомъ Козмо обязывался уплатить хитрому чеху по пяти тысячъ франковъ за каждаго представленнаго имъ члена правленія, пятьдесятъ тысячъ за устройство дѣла о котировкѣ акцій на биржѣ и $2^1/_2$% акціями со всей суммы, на которую возьмутъ акцій чрезъ его посредство конгрегаціи или частныя лица. Очевидно, Тшекъ не даромъ потерялъ день, еслибы ему удалось собрать все, что онъ посѣялъ. Впрочемъ, почему финансовому агенту или комиссіонеру не брать барыши одной рукой, когда Богъ ему создалъ для этого двѣ?

Если кому-нибудь покажется, что г. Тшекъ вымышленная личность, плодъ фантазіи, то я, вѣрный историкъ нашей эпохи, могу указать ему въ одномъ Парижѣ на цѣлый полкъ финансовыхъ агентовъ столь же ловкихъ, столь же способныхъ пролѣзть, какъ крыса, въ каждое отверстіе, столь же жадныхъ на наживу. Конечно, у нихъ не всегда бываетъ подъ рукою такое дѣльце, какъ то, о которомъ я веду разсказъ. По счастью для публики рѣдкіе изъ ихъ проэктовъ осуществляются, не болѣе одного изо ста. Съ серьёзнымъ видомъ настоящихъ дѣловыхъ людей, они носятъ при себѣ письма, имѣющія номинальную цѣнность въ нѣсколько милліоновъ, но очень довольны, если случайный успѣхъ одной изъ мошенническихъ продѣлокъ принесетъ имъ достаточную сумму, чтобъ заплатить за меблированную комнату или цѣлый домикъ въ отдаленномъ предмѣстьѣ и купить приличную одежду, дозволяющую имъ являться къ Шампо или въ Grand Hôtel. Многіе изъ нихъ люди образованные, а нѣкоторые отличаются не дюжиннымъ умомъ. Большинство ихъ очень приличны на взглядъ; это необходимое условіе ихъ ремесла. Они находятся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ министрами, аристократами, финансистами и публицистами. Одни изъ нихъ отставные дипломаты, другіе служили нѣкогда въ арміи, или были секретарями у видныхъ политическихъ дѣятелей, третьи были неудавшіеся журналисты и т. д. Если имъ приходится жить плодомъ своей фантазіи, то надо отдать имъ справедливость, что большая ихъ

Digitized by Google

часть имѣютъ достаточно развитую фантазію, чтобы жить ея плодами.

Послѣ обѣда наши друзья закурили сигары и, несмотря на холодную погоду, расположились пить кофе на тротуарѣ передъ кофейной Splendide. Итальянецъ, находясь въ возбужденномъ состояніи, смотрѣлъ на своего товарища съ видомъ милостиваго покровительства, а чехъ былъ очень спокоенъ. Его лице было почти также выразительно, какъ лице сфинкса, но еще уродливѣе. Хотя онъ выпилъ много вина, но его щеки были обычнаго пергаментнаго цвѣта и только докторъ замѣтилъ бы, что глаза немного припухли. Онъ представлялъ образецъ человѣческаго паразита и отличался очень рѣдкимъ качествомъ: умѣлъ слушать. Онъ могъ сидѣть цѣлый часъ, не открывъ рта, молча кивая головой, когда это было необходимо и съ полнымъ вниманіемъ, всасывая въ себя краснорѣчіе собесѣдника. Его большія уши имѣли такую привлекательную форму, что невольно побуждали всякаго излить въ нихъ свою душу.

Козмо уже нѣсколько лѣтъ велъ съ нимъ дѣла. Они встрѣтились впервые въ Россіи. Это было въ Одессѣ, гдѣ предполагалось въ то время увеличить портъ и выстроить доки. Козмо былъ представителемъ крупныхъ брюссельскихъ подрядчиковъ, которые согласились взять эту работу и подписали условіе съ инженеромъ, уполномоченнымъ компаніи одесскихъ доковъ, который, конечно, получилъ значительную сумму за комиссію. Но для проформы надо было добиться утвержденія этой сдѣлки правленіемъ компаніи, для чего Козмо и былъ посланъ въ Одессу. Однимъ изъ первыхъ лицъ, посѣтившихъ его въ этомъ городѣ былъ г. Тшекъ, исполнявшій тогда обязанности частнаго секретаря князя Солтыносова, предсѣдателя компаніи доковъ. Онъ объяснилъ, что князь вполнѣ сочувствовалъ бельгійскимъ подрядчикамъ и готовъ былъ содѣйствовать ихъ усиліямъ, получить подрядъ.

— Но мы уже заключили условіе! воскликнулъ Козмо.

— И мамзель Нина говоритъ, что вы должны получить этотъ подрядъ, продолжалъ Тшекъ, не обращая вниманія на слова Козмо.

— Diavolo! Кто это мамзель Нина?

— Сердечный другъ князя Солтыносова, и князь ничего не дѣлаетъ безъ ея совѣта, отвѣчалъ преспокойно Тшекъ.

Козмо тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло; но въ тѣ времена онъ еще не вѣрилъ, чтобъ правленіе акціонернаго общества могло отказаться отъ утвержденія условія, заключеннаго его уполномоченнымъ. Поэтому, не внимая предостереженіямъ г. Тшека, онъ

Digitized by Google

явился на слѣдующій день въ правленіе компаніи. Его представилъ директорамъ очень любезный и предупредительный секретарь, г. Давидовичъ. Но директора вмѣсто того, чтобъ просто скрѣпить заключенное уже условіе, начали обсуждать его статьи, жалуясь то на одно, то на другое.

— Господа, сказалъ, наконецъ, Козмо, выходя изъ себя: — я не могу допустить никакого обсужденія статей договора. Онъ уже заключенъ вашимъ уполномоченнымъ. Я пріѣхалъ сюда, чтобъ получить вашу скрѣпу.

Они упорствовали. Онъ всталъ и удалился.

Въ корридорѣ его остановилъ Давидовичъ.

— Вы слишкомъ торопитесь, сказалъ онъ.

— Какъ слишкомъ торопюсь? отвѣчалъ Козмо: — неужели вы думаете, что я начну съизнова обсуждать всѣ статьи условія съ такими...

— Шш! У васъ все пойдетъ, какъ по маслу, и они не измѣнятъ ни одного пункта, если вы предварительно...

— Что?

— Ну какъ вамъ сказать... Въ этомъ дѣлѣ замѣшана женщина. Правленіе сдѣлаетъ то, что захочетъ князь Солтыносовъ, а ему необходимо объявить, что вы заплатите пять тысячъ рублей мамзель Нинѣ.

— Пять тысячъ рублей?

— Да, это сущая бездѣлица, и вы можете отнести эту сумму на непредвидѣнные расходы. А, вотъ и г. Тшекъ.

Хитрый чехъ всегда зналъ, гдѣ и кто въ немъ нуждается. У него было уже подготовлено письмо, которое требовалось только подписать. Козмо поддался необходимости, и на другой день правленіе утвердило условіе, не обсуждая ни одной изъ его статей.

Спокойствіе и ловкость, съ которыми Тшекъ повелъ это дѣло, поразили Козмо, и съ тѣхъ поръ онъ пользовался его услугами во многихъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что Тшекъ оказался пламеннымъ католикомъ и довѣреннымъ лицемъ высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ Богеміи. Онъ былъ очень образованный человѣкъ; говорилъ на шести языкахъ, зналъ столько же славянскихъ нарѣчій и въ случаѣ надобности владѣлъ перомъ съ большимъ талантомъ. Въ дѣлахъ же онъ былъ драгоцѣнной ищейкой.

Въ настоящую минуту, распивая кофе на бульварѣ, Козмо сталъ вспоминать ихъ прошедшую общую дѣятельность:

— А вы помните г. Тшекъ какъ вы по моему порученію хлопотали о канализаціи Wien Fluss? Вы еще тогда не были

Digitized by Google

опытны въ дѣлахъ и дозволили барону Бловицу себя перехитрить. Онъ подкупилъ у васъ подъ носомъ бургомистра и всѣхъ членовъ муниципальнаго совѣта. Правда, Бловицъ ловкій человѣкъ. Это истый жидъ и если кто-нибудь съумѣетъ завести торговлю геенной огненной, то конечно онъ. Вы знаете, что его настоящее имя Моисей Гензельманъ. Онъ содержалъ ресторанъ въ Вѣнѣ подъ вывѣской Heiliger Geist. Евреи, хотя и не вѣрятъ Святому Духу, но не прочь заработать денегъ подъ его эгидой, какъ англійскіе протестанты въ Бирмингамѣ не прочь снабжать идолами язычниковъ. Однако, «Святой Духъ» не принесъ счастья еврею; онъ обанкрутился и взялъ въ аренду винокурню въ Венгріи. Акцизъ съ водки тамъ громадный, но Гензельманъ считаетъ несправедливымъ всякій законъ, мѣшающій ему наживаться. Это основный принципъ всѣхъ воровъ и мошенниковъ. Онъ вошелъ въ сдѣлку съ акцизными чиновниками и, производя ежегодно двѣсти пятьдесятъ тысячъ анкеровъ, платилъ акцизъ только за сто тысячъ. Венгерскій графъ, построившій винокурню, разорился, а Бловицъ разбогатѣлъ. Онъ сдѣлался милліонеромъ, получилъ большіе концессіи и сталъ имперскимъ барономъ.

— За что заплатилъ 100,000 флориновъ, прибавилъ Тшекъ.

— Это было дешево; сдѣлавшись барономъ, онъ освободился отъ своего имени и прошлаго. Но извините меня, г. Тшекъ, онъ обошелъ васъ, какъ малаго ребенка. Онъ подкупилъ телеграфныхъ чиновниковъ и получалъ копіи съ нашихъ депешъ; подкупилъ нашего инженера, и наши планы проходили черезъ его руки; заплатилъ газетамъ 100,000 флориновъ, чтобъ насъ топить, а его превозносить до небесъ. Онъ обѣщалъ женѣ неподкупнаго министра торговли домъ на Ring-Strasse и подарилъ брилліантовое ожерелье красавицѣ Фіолѣ, сердечному другу министра внутреннихъ дѣлъ.

— Однако, онъ не получилъ концессіи, замѣтилъ сухо Тшекъ, которому не нравились эти воспоминанія о прошедшей ихъ дѣятельности.

— И вы также не получили, любезный г. Тшекъ, хотя вы издержали 200,000 флориновъ.

— Я очень сожалѣю, что принужденъ съ вами разстаться, неожиданно сказалъ Тшекъ: — но мой поѣздъ отходитъ черезъ десять минутъ отъ Сен-Лазарской станціи.

— Ничего. Мы въ другой разъ займемся каналами, и передъ нами пройдутъ не только Wien-Fluss, но Тисса, нижній Дунай и весь Балканскій полуостровъ. А теперь прощайте.

— До пріятнаго свиданія.

Digitized by Google

IV.

Оппозиція невѣрующаго.

Антуань Де-Ла-Гуппъ, обыкновенно называемый въ домѣ маркиза Рошерэ г. Антуань, только что вошелъ въ будуаръ маркизы. Хорошенькіе севрскіе часы на каминѣ били восемь часовъ. Въ эту раннюю пору маркиза ежедневно читала письма, отвѣчала на нихъ и бесѣдовала о дѣлахъ со своимъ свѣтскимъ секретаремъ. Спустя полчаса, аббатъ Тайльмешъ являлся съ письмами, касавшимися религіи и добрыхъ дѣлъ. Еще до этого маркиза посвящала цѣлый часъ молитвѣ, въ праздники въ церкви св. Клотильды, а въ будни въ своей молельнѣ передъ серебрянной Мадонной, изящной работы, подъ которой виднѣлось маленькое распятіе изъ слоновой кости. Это предпочеціе, оказываемое Богородицѣ передъ Спасителемъ, достаточно ясно доказывало строго-католическую набожность маркизы.

Она сидѣла за своей конторкой въ прелестномъ палевомъ пеньюарѣ, перетянутомъ на таліи свѣтло-голубымъ снуркомъ, и съ такимъ же бантомъ на груди. Свѣжая, какъ утро, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ и блестящими глазами, сіяя красотой и здоровьемъ, она никогда не была такъ хороша, какъ въ эти первые часы своей дневной дѣятельности, и счастливый секретарь часто хвалился своей привилегіей восхищаться ею въ тѣ минуты, когда ея красота представлялась въ самомъ обворожительномъ видѣ.

Антуань могъ вполнѣ оцѣнить красоту маркизы, потому что былъ художникъ и любитель женщинъ. Онъ, по словамъ Дюмареска, ни во что не вѣрилъ, но это была неправда; онъ вѣрилъ въ себя. Въ этомъ отношеніи его вѣра доходила до фетишизма. Отчасти философъ и еще болѣе циникъ, онъ часто замѣчалъ, что какъ только начиналъ сомнѣваться въ себѣ, такъ тотчасъ дѣлалъ глупость. Повторивъ нѣсколько разъ этотъ опытъ съ одинаковымъ результатомъ, онъ принужденъ былъ подчиниться очевидности и сталъ обожать себя. Этому обожанію не было границъ. Негръ не вѣритъ такъ слѣпо въ своего деревяннаго идола, какъ Антуань Де-ла-Гуппъ вѣрилъ въ себя. Прямымъ слѣдствіемъ этого культа была твердая увѣренность, что онъ былъ необходимъ для маркизы. Безъ него она не могла существовать и должна была неминуемо погибнуть. Одна мысль о томъ, что сталось бы съ маркизой, еслибъ она очутилась одна

Digitized by Google

среди треволненій жизни, общественныхъ обязанностей и финансовыхъ затрудненій заставляла его болѣзненно вздрагивать; но онъ тотчасъ успокоивалъ себя сознаніемъ, что подобное событіе было невозможно въ мірѣ, гдѣ все совершается къ лучшему.

Однако, въ этомъ обожаніи самого себя не было ничего подлаго, и не вѣря ни во что, Антуань де-ла-Гуппъ не былъ казуистомъ; его свѣтлый умъ всегда сознавалъ, что добро и что зло съ той ясной опредѣленностью, какою рѣдко отличается умъ, смущенный сложными противорѣчіями догматической нравственности.

Маркиза отлично понимала этого любопытнаго парижанина, поверхностнаго, циничнаго, невѣрующаго, самолюбиваго, учтиваго, образованнаго, но не ученаго, ловкаго, но не глубокаго, имѣвшаго много вкуса, но не бывшаго артистомъ въ душѣ. Она знала, что можетъ положиться на его честность. Онъ питалъ къ ней влюбленную преданность, доходившую до смѣшнаго, что нисколько не ускользало отъ маркизы; но онъ былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы позволить себѣ хотя бы малѣйшее нарушеніе самаго строгаго этикета. И въ этомъ отношеніи она могла вполнѣ положиться, несмотря на его всѣмъ извѣстный цинизмъ.

Антуань де-ла-Гуппъ былъ адептомъ той свѣтской нравственности, по которой безчестно обмануть ближняго въ денежныхъ разсчетахъ, но не безчестно обольстить женщину, которая презираетъ всякую измѣну, кромѣ измѣны въ любви. Онъ былъ честенъ до педантства въ веденіи дѣлъ своихъ патроновъ. И въ этомъ отношеніи маркиза не могла не замѣчать страшнаго контраста, существовавшаго между свободно мыслящимъ развратникомъ и набожнымъ аббатомъ Тайльмешемъ. Первый представлялъ всегда самые точные счета, вѣрные до сантима, а послѣдній отличался замѣчательной смутностью ариѳметическихъ выкладокъ. Значительныя суммы, повѣряемыя ему, исчезали съ удивительной быстротой, конечно, дѣлавшей честь ревности патера во всемъ, что касалось благотворительности, но не дававшей возможности настоящимъ благотворителямъ удостовѣриться, на что именно израсходованы деньги.

Вотъ почему маркиза, глубоко набожная и высоко нравственная женщина, держала частнымъ секретаремъ Антуаня де-ла-Гуппа, къ величайшему удивленію ея друзей и къ живѣйшему негодованію аббата Тайльмеша. При всемъ ея фанатизмѣ и суевѣріи, она сохраняла свѣтлый умъ и потому вполнѣ сознавала, какъ трудно найти для управленія дѣлами маркиза практическаго и достойнаго довѣрія человѣка, подобно Антуаню Де-ла-

Digitized by Google

Гуппъ. Атеизмъ и легкомысленное поведеніе его до нея не касались и въ сущности имѣли вліяніе только на его судьбу въ будущей жизни, а замѣчательныя способности могли приносить пользу въ настоящей жизни.

Маркизъ Рошерэ такъ же выказывалъ особое сочувствіе къ Антуаню. Старый аристократъ былъ веселымъ кутилой въ юности и сохранившій кое какъ циническія наклонности, хотя и сдѣлался подъ старость ханжей и во всѣхъ отношеніяхъ примѣрнымъ католикомъ, однако, былъ не прочь выслушать скандальный анекдотъ и поднять на смѣхъ слабыя стороны своихъ набожныхъ друзей. Антуань его отлично понималъ и, будучи гораздо умнѣе маркиза, имѣлъ на него большое вліяніе. Хотя далеко не дѣловой человѣкъ, маркизъ имѣлъ практическіе инстинкты капиталиста и высоко цѣнилъ финансовые таланты своего управляющаго. Когда аббатъ Тайльмешъ позволилъ себѣ однажды указать маркизу, какъ неприлично присутствіе развратнаго атеиста въ домѣ примѣрныхъ католиковъ, маркизъ саркастически отвѣчалъ.

— Я знаю, что Антуань непримѣрный католикъ и боюсь, что онъ имѣетъ довольно оригинальныя, нравственныя понятія, но это отличный управляющій, вполнѣ достойный довѣрія. Онъ мнѣ очень полезенъ и даже пріятенъ въ сей бренной жизни, а такъ какъ вы, любезный аббатъ, можете такъ устроить, чтобы онъ не огорчалъ меня своимъ присутствіемъ въ будущей жизни, когда въ его услугахъ уже не будутъ мнѣ надобности, то я и не намѣренъ съ нимъ разставаться до гробовой доски. Поэтому прошу васъ никогда болѣе не говорить мнѣ о немъ.

Аббатъ молча понюхалъ табаку, но никогда не простилъ бы своему сопернику того непріятнаго щелчка по носу, который получилъ по его милости.

Въ это утро, на слѣдующій день, послѣ разговора маркизы съ Козмо, Антуань Де-ла-Гуппъ засталъ ее за конторкой. Она сидѣла, облокотясь правой рукой на конторку и устремивъ глаза черезъ зеркальное стекло окна на небо, виднѣвшееся надъ высокой крышей аристократическаго дома. Она была чрезвычайно хороша въ этой позѣ и ея чудный профиль рельефно выдавался на слегка блестѣвшемъ окнѣ. Она рѣдко бывала задумчива, такъ дѣятеленъ и практиченъ ея умъ, а потому Антуань де-ла-Гуппъ тотчасъ понялъ, что она обдумывала какой нибудь серьёзный планъ.

Дѣйствительно, маркиза находилась въ немаломъ смущеніи. Увлеченная пламеннымъ краснорѣчіемъ Козмо, она зашла слишкомъ далеко, чтобъ отказаться отъ даннаго при Дюмарескѣ

Digitized by Google

обѣщанія всячески содѣйствовать предпріятію итальянца. Она много разъ мысленно повторяла себѣ аргументы Козмо, ея пылкое воображеніе изобрѣло новые, и она уже ясно рисовала себѣ картину удивительныхъ результатовъ этого великаго финансоваго движенія. Она была всей душой предана «идеѣ» Козмо, но какъ ей было поступить въ отношеніи Антуаня? Онъ былъ атеистъ, циникъ, развратникъ, но осторожный, практическій финансистъ, который не возгоритъ энтузіазмомъ къ католическимъ спекуляціямъ.

И, однако, было необходимо съ нимъ посовѣтоваться, по крайней мѣрѣ, сказать ему о дѣлѣ, и она хорошо знала, что если онъ его не одобритъ, то ей будетъ очень трудно убѣдить маркиза принять участіе въ дѣлѣ. Поэтому она и не сказала до сихъ поръ ни слова мужу, но еще наканунѣ совѣщалась объ этомъ предметѣ съ аббатомъ Тайльмешемъ, который считалъ вдохновеннымъ свыше проэктъ, имѣвшій цѣлью увеличить богатство и могущество католической церкви. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ торжественно умолялъ маркизу употребить всѣ усилія для увѣнчанія блестящимъ успѣхомъ столь святаго дѣла, а въ глубинѣ своей души уже разсчиталъ, какая часть барыша могла выпасть на его долю.

При входѣ въ комнату Антуаня, маркиза обернулась и молча поклонилась. Онъ положилъ на конторку портфель съ дѣловыми письмами, которыя были адресованы на его имя и съ проэктами отвѣтовъ. Маркиза пробѣжала тѣ и другіе, но съ необыкновеннымъ для нея равнодушіемъ. Она была разсѣяна и онъ замѣтилъ, что необычайный румянецъ игралъ на ея щекахъ.

«Что-то случилось очень озабочивающее маркизу», подумалъ онъ, пристально смотря на нее.

Покончивъ съ этими письмами и отдавъ Антуаню нѣсколько другихъ писемъ, полученныхъ ею и помѣченныхъ собственноручно, она обернулась къ нему. Онъ всегда во время этихъ утреннихъ посѣщеній, стоялъ передъ маркизой, почтительно нагнувшись надъ ея лѣвымъ плечомъ.

— Присядьте г. Антуань, сказала она серьёзнымъ тономъ:— мнѣ надо съ вами посовѣтываться объ очень важномъ дѣлѣ.

Удивленный этимъ неожиданнымъ приступомъ, Антуань слегка поблѣднѣлъ, но молча сѣлъ.

— Не прижимайте такъ портфель къ своей груди, словно потеряннаго ребенка, котораго вы нашли послѣ долгихъ поисковъ, прибавила маркиза съ улыбкой:—положите его на столъ

Digitized by Google

и выслушайте меня со вниманіемъ. Вчера у меня былъ г. Дюмарескъ.

— А!

— Но его посѣщеніе не касалось не новой провинціальной газеты «Южный Крестъ», поддерживающей его убѣжденія. Онъ привезъ ко мнѣ одного итальянца, г. Козмо.

— Г. Козмо! произнесъ Антуань, послѣ минутнаго размышленія:—я его не знаю.

— И онъ васъ не знаетъ. Такъ и великія свѣтила, вращаясь въ своихъ орбитахъ, не видятъ блеска другъ друга. Я васъ представлю этому господину.

— Вы меня представите этому господину, пробормоталъ Антуань, оскорбленный словами маркизы: — я всегда очень радъ, когда вы удостоиваете меня чести представить мнѣ человѣка, которымъ вы интересуетесь. Этотъ господинъ ищетъ мѣста?

Онъ говорилъ очень почтительно, но съ замѣтной ироніей, что разсердило маркизу. Она прикусила себѣ губу и сказала торжественно:

— Я намѣрена васъ представить ему, потому что это человѣкъ съ громаднымъ талантомъ, и пользующійся глубокимъ уваженіемъ моихъ друзей въ Римѣ, мнѣнію которыхъ, я вполнѣ довѣряю. Онъ пріѣхалъ сюда съ цѣлью осуществленія колосальнаго проэкта, которымъ я очень интересуюсь.

— Колосальный проэктъ, которымъ вы очень интересуетесь или намѣрены очень интересоваться... промолвилъ Антуань, внѣ себя отъ удивленіи:—но увѣряю васъ, я не знаю этого господина и въ первый разъ слышу его имя.

— Это только доказываетъ, что даже г. де-ла-Гуппъ не всезнающъ. Но оставимъ въ покоѣ г. Козмо; вы вскорѣ съ нимъ познакомитесь и поговоримте объ его великомъ финансовомъ проэктѣ.

— Это финансовый проэктъ! воскликнулъ Антуань съ ужасомъ.

Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Маркиза, не посовѣтовавшись съ нимъ, приняла какого-то Козмо, привезеннаго къ ней болтливымъ интригантомъ Дюмарескомъ, бесѣдовала съ нимъ, заинтересовалась его исторіей и теперь предлагала ему, Антуаню, принять проэктъ этого неизвѣстнаго авантюриста! Да, это конецъ міра! Ужь не сошла ли съ ума маркиза? Неужели наступила та немыслимая доселѣ минута, когда онъ, Антуань, сдѣлается послѣдней спицей въ колесницѣ маркизовъ Рошера?

Маркиза не спѣшила продолжать этотъ странный разговоръ. Вся трудность для нея заключалась въ томъ, что она не могла

Digitized by Google

развить передъ Антуанемъ поэтической, политической и увлекательной сторонъ плана Козмо; все это не имѣло бы никакого вліянія на невѣрующаго, скептическаго секретаря, для котораго были убѣдительны совсѣмъ иные аргументы.

Первой ея мыслью было обратиться къ помощи Дарвеля, которому онъ очень довѣрялъ. Англичанинъ былъ человѣкъ серьёзный, способный и велъ дѣла съ той спокойной аккуратностью, которой отличаются всѣ его соотечественники. По совѣту Антуаня, часть капиталовъ маркиза и маркизы были помѣщены при содѣйствіи Дарвеля въ солидныхъ лондонскихъ банкирскихъ конторахъ, въ англійскихъ компаніяхъ, ведущихъ торговлю съ колоніями, въ Америкѣ или въ желѣзныхъ дорогахъ, гарантированныхъ англійскимъ правительствомъ въ Индіи. Дарвель былъ рьяный католикъ, что не служило ему рекомендаціей въ глазахъ Антуаня, но онъ пользовался репутаціей солиднаго дѣловаго человѣка и потому имѣлъ значительное вліяніе на важнѣйшія банкирскія конторы Парижа. Только съ этой дѣловой стороны и уважалъ Дарвеля Антуань Де-ла- Гуппъ.

Маркиза была увѣрена, что Дарвель сдѣлается пламеннымъ сторонникомъ «великой идеи». Но Козмо запретилъ ей говорить объ этомъ дѣлѣ съ англичаниномъ. Какъ практическая женщина, она должна была бы недовѣрчиво взглянуть на этотъ странный шагъ Козмо. Но итальянецъ хитро затронулъ ея слабую струну: пламенную преданность католической церкви и жажду дѣятельно служить великому, святому дѣлу. Онъ предложилъ ей принять участіе въ новомъ крестовомъ походѣ противъ невѣрныхъ. Когда въ человѣкѣ пробуждается религіозный энтузіазмъ, то практическій смыслъ и благоразуміе обыкновенно дремлютъ. Рѣдко эти противоположныя качества бодрствуютъ вмѣстѣ. Когда Этна выбрасываетъ лаву, Везувій отдыхаетъ. Наканунѣ маркиза не вполнѣ ясно сознавала, насколько ея разумъ былъ увлеченъ поэтической стороной «великой идеи» Козмо. Но теперь, стараясь формулировать практическія преимущества проэкта, она поняла, что въ планѣ Козмо было мало сторонъ, могущихъ привлечь вниманіе дѣловаго человѣка.

— Кто онъ такой, этотъ господинъ Козмо? спросилъ Антуань.

— Генуэзскій банкиръ, рекомендованный высокопоставленными лицами.

— Ротшильдами?

— О, нѣтъ. Его проэктъ идетъ въ разрѣзъ съ интересами крупныхъ финансисовъ, особливо евреевъ.

— А, онъ намѣренъ вступить въ борьбу съ крупными финан-

Digitized by Google

систами! Это, должно быть, великій человѣкъ, произнесъ громко Антуань и прибавилъ мысленно:—или мошенникъ.

Маркизѣ не понравился ироническій тонъ секретаря и она едва не разсердилась, но ей надо было убѣдить его, и потому она сдержала свой гнѣвъ.

— Это человѣкъ, замѣчательно умный и талантливый, отвѣчала она, смотря прямо въ глаза своему собесѣднику:—вы сами вскорѣ убѣдитесь въ этомъ, любезный г. Антуань. То, что я вамъ говорю, мнѣ писалъ кардиналъ Беретта.

— Кардиналъ Беретта! Простите меня, маркиза, но я не зналъ, что кардиналъ Беретта авторитетъ въ финансовыхъ вопросахъ.

— Кардиналъ Беретта авторитетъ во всѣхъ вопросахъ. Онъ главный совѣтникъ его святѣйшества и первый министръ Ватикана

Антуань слегка пожалъ плечами, что было не прилично ему, секретарю, и во всякомъ случаѣ, неучтиво. Маркиза это замѣмѣтила, но что ей было сказать? Козмо не представилъ ей рекомендательныхъ писемъ отъ финансовыхъ или коммерческихъ тузовъ.

— Какъ бы то ни было, продолжала она:—въ моихъ глазахъ достаточно этой рекомендаціи кардинала. Впрочемъ, мы должны судить о человѣкѣ по его характеру, очевиднымъ способностямъ, фактамъ и представляемымъ имъ проэктамъ.

— Выражаемая вами мысль нетолько вполнѣ справедлива, но и выражена съ вашей обычной разумной точностью.

Онъ просто забывался, до того онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Маркиза встала и, бросивъ на дерзкаго секретаря убійственный взглядъ, произнесла гордымъ тономъ оскорбленнаго достоинства.

— Я позволяю, милостивый государь, критиковать мои мнѣнія и способъ ихъ выраженія только немногимъ привелигированымъ личностямъ. Но, прибавила она послѣ минутнаго молчанія, въ продолженіи котораго пораженный секретарь не посмѣлъ даже извиниться:—я слишкомъ васъ цѣню, г. де-ла-Гуппъ, чтобъ разсердиться на васъ, хотя вы иногда выводите меня изъ терпѣнія своей чрезмѣрной искренностью вашихъ сужденій Я вполнѣ сознаю, что неспособна достойно объяснить такую великую идею, продолжала она съ улыбкой:—и потому предоставлю это ея творцу. Вы тогда лучше оцѣните этого человѣка и его проэктъ. Я васъ увижу послѣ завтра, и мы рѣшимъ, когда я васъ представлю г. Козмо. Г. Дарвель тотчасъ явится и прошу васъ, не говорите при немъ ни слова объ этомъ дѣлѣ.

Антуань взялъ свой портфѣль и, низко поклонившись, вышелъ

Digitized by Google

изъ комнаты. Онъ не скоро пришелъ въ себя. Маркиза никогда не обращалась съ нимъ такъ рѣзко, и обыкновенно выражала свое неудовольствіе или упрекъ въ очень мягкой формѣ. Въ настоящемъ случаѣ она нисколько не поколебала его убѣжнія, но его увѣренность въ себѣ значительно пошатнулась. Письма, которыя онъ написалъ въ это утро, вѣроятно, очень удивили лицъ, привыкшихъ къ его безукоризненному почерку. Для человѣка, въ подобномъ настроеніи, необходима жертва и жертва, которой жаждала душа Антуаня, былъ Козмо.

Нахмуря брови, онъ обдумывалъ лучшій способъ отомстить итальянцу, когда мистеръ Дарвель вошелъ въ роскошно убранную комнату, которую въ аристократическомъ домѣ занималъ частный секретарь маркизы Рошерэ.

Англичанинъ навелъ утромъ кое-какія справки насчетъ дѣла, по которому пріѣхалъ въ Парижъ сеньоръ Козмо, и узналъ, что ему было разрѣшено дѣйствовать именемъ папы для образованія всесвѣтной католической финансовой ассоціаціи. Такъ какъ Дюмарескъ видимо интересовался предпріятіемъ Козмо и былъ другомъ дома маркизы Рошерэ, то Дарвель тотчасъ подумалъ, что, вѣроятно, первымъ шагомъ хитраго итальянца будетъ пріобрѣсть содѣйствіе маркизы. Поэтому онъ явился въ домъ маркизы за полчаса до завтрака, на который получилъ приглашеніе съ цѣлью предупредить ея секретаря.

При входѣ Дарвеля Антуань всталъ и протянулъ ему руку, но съ такимъ нервнымъ движеніемъ, что англичанинъ, привыкшій къ его обычному хладнокровію, былъ сильно пораженъ.

— Вы, кажется, не въ духѣ, г. де-ла-Гуппъ, сказалъ онъ:— уже не измѣнила ли вамъ Фигурина, или не ужинали ли вы вчера съ веселыми сотрудниками «Радикальной Мельницы» и не ощущаете ли послѣдствій вчерашняго кутежа?

— Нѣтъ, надъ моей головой не разразилось ни одно изъ этихъ несчастій, мистеръ Дарвель, отвѣчалъ Антуань, подавая гостю коробку съ папиросами: — присядьте, пожалуйста. Но я обдумывалъ лучшій способъ убить ближняго.

— Чортъ возьми, да это трагедія. А можно спросить, кто предметъ вашихъ кровавыхъ намѣреній?

— Его зовутъ Козмо.

— Козмо! Вы знаете Козмо?

— Нѣтъ, я его никогда не видалъ и не желаю видѣть. Я его ненавижу, не зная.

— Какъ? У васъ также были акціи въ Тарентскихъ рудникахъ?

— Въ Тарентскихъ рудникахъ? Я не имѣю никакого понятія

Digitized by Google

о вашихъ Тарентскихъ рудникахъ, мистеръ Дарвель; Козмо, о которомъ я говорю, уполномоченный и другъ кардинала Беретты. Онъ такъ обошелъ и околдовалъ *мою* маркизу, что она нанесла мнѣ сегодня такое тяжкое оскорбленіе, какого я никогда въ жизни не испытывалъ. Можете себѣ представить, она сдѣлала мнѣ самую ужасную сцену за то, что я, самый пламенный ея поклонникъ и самый искренній другъ ея дома, осмѣлился въ очень почтительныхъ выраженіяхъ намекнуть, что этотъ Козмо, о которомъ никто никогда не слыхалъ, не можетъ быть соперникомъ Альфонса Ротшильда и врядъ ли одержитъ побѣду надъ соединенными силами всѣхъ парижскихъ финансистовъ. Можно ли хладнокровно вынести подобное оскорбленіе?

— Значитъ, есть что-то въ воздухѣ, замѣтилъ Антуань.

— Да, какое-то великое католическое, финансовое предпріятіе; папа его благословилъ, кардиналъ Беретта покровительствуетъ, а Козмо его эксплуатируетъ. Ну, теперь скажите мнѣ, что это за господинъ? Какія у него средства? Кто его друзья? Я знаю только, что онъ изъ Генуи.

— Это очень интересно, произнесъ хладнокровный англичанинъ:—я знаю Козмо, имѣлъ кое-какія подозрѣнія и, если явился сегодня такъ рано, то, признаюсь, съ намѣреніемъ васъ предупредить. Но я вижу, бо́льшая часть зла уже сдѣлана.

— Вы знаете Козмо? Кто онъ такой?

— Авантюристъ.

— Это слово ничего не опредѣляетъ. Въ наше время всякій авантюристъ, кто не составилъ себѣ имени и большого состоянія. Вы и я авантюристы. Будьте опредѣленнѣе. Этотъ авантюристъ прикрывается авторитетомъ папы, который во мнѣ не возбуждаетъ большого уваженія, но для васъ обязателенъ.

Мистеръ Дарвель сдѣлалъ гримасу. Хитрый Антуань поразилъ англичанина въ его ахилесову пяту. Кто бы ни былъ Козмо, но благословеніе папы дѣлало его достойнымъ довѣрія въ глазахъ всякаго примѣрнаго католика, а мистеръ Дарвель былъ примѣрный католикъ. Онъ задумался на минуту, не зная, что отвѣтить.

— Признаюсь, я не знаю, въ какихъ отношеніяхъ находится сеньоръ Козмо съ Ватиканомъ въ настоящую минуту, сказалъ онъ, наконецъ:—но я имѣлъ съ нимъ въ прежнее время дѣловыя отношенія далеко не удовлетворительнаго характера. Онъ продалъ за громадную сумму компаніи французскихъ и англійскихъ капиталистовъ золотые рудники въ Тарентѣ, которые, по его увѣренію, еще разработывались римлянами. Въ концѣ-концовъ же оказалось, что въ этихъ рудникахъ никогда не было ни былинки золота, а находился какой-то желтый песокъ, не

Digitized by Google

имѣвшій никакой цѣны. Не удивительно, поэтому, что мы, потерявъ по милости Козмо около двухъ милліоновъ, сочли его за мошенника.

— Онъ съумѣлъ вырвать у васъ и у вашихъ друзей два милліона! воскликнулъ Антуань съ иронической улыбкой:—да, этотъ Козмо величайшій геній, онъ доказалъ всю нелѣпость древней аксіомы—Ex nihilo nihil.

— Поговоримъ серьёзно, произнесъ англичанинъ, которому не нравилась шутка Антуаня:—я предвижу большую опасность для всѣхъ вообще и для насъ съ вами въ особенности отъ козней этого человѣка. Если я вѣрно его раскусилъ, онъ хочетъ эксплуатировать вѣру или, съ вашей точки зрѣнія, суевѣріе богатыхъ католиковъ и конгрегацій съ цѣлью создать громадное финансовое предпріятіе, которое будетъ имѣть временный успѣхъ, обогатитъ его и дастъ ему неимовѣрную силу, но въ концѣ-концовъ приведетъ къ такой же катастрофѣ, какъ система Ло.

— Я вполнѣ съ вами согласенъ, отвѣчалъ Антуань:—религія и финансовыя предпріятія могутъ идти рука объ руку только въ минуты народныхъ религіозно-политическихъ движеній. Но въ настоящую минуту вѣрно только то, что вашъ тарентскій Козмо свернулъ голову моей маркизѣ и что я въ опалѣ, благодаря моему сомнѣнію въ могучей силѣ этого чародѣя.

— Вы должны предупредить маркиза.

— Маркизъ человѣкъ осторожный и здравомыслящій, но онъ не устоитъ, если маркиза поведетъ на него осаду по всѣмъ правиламъ искусства. Конечно, я беру на себя его преупредить, но не ручаюсь за результатъ. Нѣтъ ли другого способа сдѣлать шахъ и матъ этому Козмо? Онъ итальянецъ, не убилъ ли онъ кого-нибудь? Не можетъ быть, чтобъ итальянскій банкиръ достигъ зрѣлыхъ лѣтъ, ни разу не обанкрутившись, или не попавъ на скамью подсудимыхъ за мошенничество?

— Полноте шутить, это дѣло серьёзное. Намъ надо дѣйствовать энергично. Я наведу о немъ справки у Ротшильдовъ, въ Генуѣ, Римѣ, Миланѣ и Флоренціи, гдѣ онъ родился. Намъ надо разузнать всю его подноготную. Я убѣжденъ, что это тайное слѣдствіе раскроетъ такіе факты въ его прежней жизни или въ теперешнемъ его положеніи, что маркиза откажется отъ всякаго содѣйствія подобному авантюристу.

— Хорошо. Я вашъ вѣрный союзникъ. Онъ вонзилъ мнѣ въ сердце кинжалъ и можетъ помѣшать осуществленію вашего собственнаго проэкта общей католической ассоціаціи. Между нами и Козмо борьба будетъ на смерть. Мы его задушимъ. Но вотъ

Digitized by Google

и время завтрака. Пойдемте къ маркизѣ. Но, конечно, при ней ни слова объ этомъ предметѣ.

— Еще бы!

V.

Козмо устанавливаетъ нравственное равновѣсіе.

Небесныя свѣтила, если вѣрить пророчицѣ Деворѣ, вышли изъ своихъ орбитъ, чтобъ нанести пораженіе врагамъ еврейскаго народа. Эти же небесныя свѣтила, вѣроятно, покровительствовали сеньору Козмо, потому что въ ту самую минуту, какъ мистеръ Дарвель и Антуанъ Де-ла-Гуппъ обсуждали наилучшій способъ помѣшать осуществленію его проэкта, слѣпой случай бросилъ въ руки ловкаго итальянца могучее орудіе, чтобъ взорвать мину, которую они хотѣли повести противъ него.

Козмо былъ очень дѣятельный человѣкъ. Въ шесть часовъ утра онъ уже былъ на ногахъ и за работой, такъ какъ онъ самъ лично велъ свою громадную корреспонденцію. Въ половинѣ двѣнадцатаго онъ сошелъ внизъ къ завтраку, заплатилъ свои пять франковъ и разсѣянно сѣлъ къ одному изъ столовъ. Онъ былъ занятъ. Его могучій умъ работалъ надъ изобрѣтеніемъ всѣхъ сложныхъ колесъ той гигантской машины, которая должна была осуществить его великую идею. Онъ не обращалъ никакого вниманія на окружающихъ. Пробѣжавъ глазами menu и заказавъ наудачу два блюда, онъ принялся машинально за закуску, какъ неожиданно услышалъ мелодичный женскій голосъ, говорившій ему по-итальянски:

— Вы меня не узнаете, сеньоръ Франческо?

Онъ поднялъ глаза на говорившую, но прежде оглянулся по сторонамъ. Убѣдившись, что никто не можетъ ихъ подслушать, онъ отвѣчалъ:

— Фигурина! Eccoli! Вы здѣсь?

— Какъ видите.

— Вы бросили Ла-Скалу? Что же вы сдѣлали съ..

— Шш! произнесла дама, поднявъ свою маленькую ручку:— не говорите такъ громко, да еще собственныя имена.

— Davero! Вы молодецъ, Віолетта. Я никогда не видалъ васъ такой прелестной, и одѣты вы съ шикомъ. На кого же вы промѣняли бѣднаго итальянскаго дворянина... виноватъ, но кто же счастливый amico?

Легкій румянецъ покрылъ щеки молодой женщины. Это была

Digitized by Google

прелестная, сладострастная блондинка. Ея головка и бюстъ могли служить образцомъ для художника; ея большіе глаза блестѣли мягкимъ, чарующимъ свѣтомъ; ротъ и зубы были безупречны; только по временамъ ея губы принимали непріятное кошачье выраженіе, но всѣ остальныя ея черты, напротивъ, дышали нѣжностью и почти дѣтской невинностью.

— У меня прекрасная квартира въ улицѣ Пентьевръ, отвѣчала она на вопросъ Козмо:—я ангажирована на театръ Комической Оперы.

— А, вы счастливы, промолвилъ разсѣянно Козмо.

— Не всегда, отвѣчала молодая женщина, устремляя на него свои большіе глаза:—я не была счастливой, сеньоръ Козмо, въ тотъ день, когда встрѣтила бѣднаго студента, по имени Ліонелло.

Смертная блѣдность покрыла на минуту лицо Козмо; онъ поспѣшно выпилъ стаканъ воды и, поборовъ свое смиреніе, промолвилъ очень нѣжнымъ и грустнымъ голосомъ:

— Qual contratempo! Онъ умеръ! Да проститъ ему Господь его грѣхи! Мой бѣдный братъ! Будьте милосердны къ его памяти, Віолетта.

И онъ перекрестился. Она незамѣтно послѣдовала его примѣру. Слезы показались на глазахъ итальянца, но онъ тотчасъ отеръ ихъ батистовымъ платкомъ и продолжалъ съ своимъ обычнымъ самообладаніемъ.

— Ева соблазнила Адама, а сыновья Адама не сильнѣе ихъ праотца. Только вы и онъ, кромѣ Бога, знаете, кто виноватъ. По крайней мѣрѣ, я старался загладить его вину.

— Я никогда не забуду, что вы сдѣлали для меня, отвѣчала молодая женщина, смотря съ восторженной благодарностью на Козмо:—но моя жизнь была разбита, и кѣмъ же—патеромъ. Однако, продолжала она, неожиданно мѣняя тонъ:—это странный разговоръ для завтрака въ Grand-Hôtel'ѣ. Вонъ посмотрите, какъ за нами слѣдитъ уродливый старикъ съ ленточкой въ петлицѣ. Могу я спросить, зачѣмъ вы въ Парижѣ?

— Я переселился сюда.

— Вы покинули Римъ?

— Давно. Я пріѣхалъ изъ Генуи. Я теперь богатъ, банкиръ, и намѣренъ остаться въ Парижѣ.

— Come sono contenta! сказала Фигурина:—можно будетъ по временамъ съ вами видаться.

— Я сталъ серьёзнымъ человѣкомъ, отвѣчалъ Козмо.

— Вы всегда были серьёзнымъ человѣкомъ, промолвила она

Digitized by Google

со смѣхомъ:—гораздо серьёзнѣе вашего брата патера. Однако, вы не стыдитесь со мной говорить.

— Я не могъ иначе сдѣлать, сказалъ откровенно итальянецъ, бросая вокругъ себя взглядъ, который не ускользнулъ отъ зоркихъ глазъ Фигурины.

— Вамъ все равно, что васъ увидятъ въ моемъ обществѣ, произнесла она и ея губы приняли непріятное, кошачье выраженіе.

— Все равно, отвѣчалъ онъ холодно:—здѣсь всякій разговариваетъ съ своимъ сосѣдомъ или сосѣдкой. Но, серьёзно, Фигурина, если я могу вамъ быть въ чемъ-нибудь полезнымъ, то располагайте мною. Есть у васъ друзья въ Парижѣ?

— Есть, и на этотъ разъ не патеръ, переодѣтый студентомъ, отвѣчала она съ горечью:—мой сердечный другъ ни во что не вѣритъ.

— Что же, онъ русскій нигилистъ?

— Я не понимаю этого слова. Мой другъ артистъ и писатель.

— Qual maraviglia! какъ его зовутъ?

— Антуань Де-ла-Гуппъ.

Козмо невольно припрыгнулъ на своемъ стулѣ и глаза его заблестѣли.

— Вы его знаете?

— Я его никогда не видалъ, но случайно слышалъ вчера его имя. Онъ секретарь...

— Маркизы Рошерэ, первой красавицы Парижа. Онъ ее обожаетъ.

— Dacoèro! А васъ?

— О, онъ довольствуется мною за недостаткомъ лучшаго. Что вы знаете о немъ?

— Ничего. Но желалъ бы кое-что узнать. Послушайте, Фигурина, я хочу вамъ доказать, что не стыжусь вашего общества. Поѣдемте со мной покататься въ Булонскій лѣсъ. Мы выйдемъ изъ экипажа и обойдемъ озеро пѣшкомъ, а къ тремъ часамъ вы будете дома.

— Къ вашимъ услугамъ, сеньоръ Козмо.

Никто на свѣтѣ не могъ имѣть такого вліянія, какъ Козмо на молодую итальянку, бывшую вмѣстѣ и пѣвицей, и танцовщицей. Переданный нами разговоръ достаточно познакомилъ читателей съ ея прошедшей грустной исторіей. Она принадлежала къ почтенному буржуазному семейству въ Флоренціи, и ее обольстилъ молодой патеръ, переодѣвшійся студентомъ. Когда открытіе этой гнусной продѣлки довело патера до самоубійства, а Віолетту оставило на улицѣ безъ куска хлѣба и еще наканунѣ

Digitized by Google

родовъ, то братъ патера Франческо Козмо, не боясь скандала взялъ подъ свое попеченіе несчастную дѣвушку. Онъ не допустилъ ея ни до голодной смерти, ни до самоубійства, а далъ ей средства кормить ребенка, пока тотъ былъ живъ и окончить свое сценическое образованіе. Потомъ онъ досталъ ей ангажементъ на театръ *La Scala* и, благодаря легкомысленной, страстной натурѣ она вскорѣ забыла свое горе. Козмо не былъ развратникомъ, но обширный жизненный опытъ и проницательный умъ его побуждали выказывать циничное равнодушіе къ слабостямъ мужчинъ и женщинъ. Многіе принимали его снисходительность за распущенность, но это была грубая ошибка. При видѣ какого-нибудь преступленія, проступка или безнравственности онъ обыкновенно пожималъ плечами, какъ бы говоря—нельзя было ожидать ничего другого? Онъ никогда не выказывалъ къ грѣшникамъ того благороднаго негодованія, которое составляетъ характеристическую черту оффиціальной набожности. Исполнивъ свой долгъ въ отношеніи Фигурины и загладивъ, насколько могъ, гнусный поступокъ брата, Козмо предоставилъ ее самой себѣ, хорошо понимая, что передъ нею была открыта только одна дорога. Она уже почти совершенно стушевалась въ его памяти, когда неожиданно предстала передъ нимъ въ ту единственную въ ея жизни минуту, когда могла оказать ему услугу. Онъ понялъ мгновенно, какую пользу могъ извлечь изъ ея вліянія на секретаря маркизы и безъ зазрѣнія совѣсти схватился за орудіе, которое случайно падало въ его руки.

Молодая женщина не забыла Козмо, который былъ нѣкогда такъ добръ до нея. Она питала къ нему какое-то странное, но вполнѣ искренное чувство пламенной привязанности и преданнаго уваженія. Она никогда не молилась за себя и не исповѣдовалась, отчасти отъ равнодушія, отчасти отъ боязни совершить святотатство, но ежедневно со времени смерти своего ребенка набожно возносила къ небу молитву о слабомъ существѣ, блуждавшемъ въ чистилищѣ и объ его благодѣтелѣ, Франческо Козмо.

Сидя въ каретѣ рядомъ съ нимъ, она не помнила себя отъ счастья, съ дѣтскимъ восторгомъ смотрѣла ему прямо въ глаза и нѣжно опиралась на его руку. Онъ не обращалъ никакого вниманія на ея ласки и, занятый всецѣло своей «великой идеей», познакомилъ съ нею Фигурину, насколько это было необходимо. Потомъ онъ объяснилъ, что ему необходимо было содѣйствіе Антуаня Де-ла-Гуппа, и что если она питала къ нему какую-нибудь благодарность, то теперь наступила минута нетолько отплатить ему за все съ лихвой, но еще сдѣлать его вѣчнымъ ея

Digitized by Google

должникомъ. Совершенно новымъ и отраднымъ чувствомъ для Фигурины было сознаніе, что судьба ея благодѣтеля въ нѣкоторой степени зависѣла отъ него. Захлебываясь отъ радости, она обѣщала все. Она могла сдѣлать съ Антуанемъ все, что хотѣла, она ручалась за это. Разставаясь съ Козмо въ улицѣ Пентьевръ, она пожала ему руку съ такой сіяющей, торжествующей и вмѣстѣ нѣжной, любящей улыбкой, что онъ сказалъ себѣ:

— Я не даромъ потерялъ два часа и двадцатъ франковъ.

Рѣшительно этотъ день былъ счастливый для Козмо. Возвратясь домой, онъ нашелъ карточку Галюшэ, знаменитаго нотаріуса духовныхъ конгрегацій, который отличался нюхомъ самой лучшей охотничьей собаки во всемъ, что касалось денегъ. Если онъ самъ первый пріѣхалъ къ Козмо, то, вѣроятно, какая-нибудь сверхъестественная сила побудила его сдѣлаться адептомъ «великой идеи». На его карточкѣ было написано карандашемъ: «необходимо видѣть г. Козмо въ 8 часовъ вечера, № 18, улица Neuve-des-Petits—champs.

Не успѣлъ Козмо войти въ свою комнату, какъ кто-то постучался въ его дверь, которую онъ всегда запиралъ на ключъ. Онъ поспѣшилъ ее отпереть и увидалъ передъ собою патера, одѣтаго очень строго, но изящно. На немъ были безупречная ряса, безукоризненное бѣлье, тонкіе шелковые чулки и лакированные башмаки съ серебряными пряжками. Цвѣтущее, чисто выбритое лицо его было пріятно, весело, хотя и не безъ должной доли серьёзности.

— Извините, сказалъ онъ:—я имѣю честь говорить съ сеньоромъ Козмо?

Онъ говорилъ басомъ, но звучнымъ, пріятнымъ.

— Да, святой отецъ, отвѣчалъ Козмо, почтительно кланяясь.

— Вотъ моя карточка. Я аббатъ Тальмешъ, частный секретарь и капеланъ маркизы Рошерэ.

Козмо вторично поклонился еще ниже прежняго и попросилъ своего неожиданнаго гостя занять мѣсто на диванѣ.

— Вы, сеньоръ Козмо, сказалъ патеръ:—объяснили маркизѣ Рошерэ вашъ проэктъ сліянія католическихъ капиталовъ.

— Да, вчера.

— Она мнѣ передала вашъ разговоръ со всѣми мельчайшими подробностями. Надо вамъ сказать, что она женщина удивительно умная и проницательная.

— Чтобъ убѣдиться въ этомъ, не надо долго знать маркизу.

— Конечно, но никому не извѣстны ея необыкновенные таланты, такъ какъ мнѣ, самому близкому ея другу и совѣтчику, а также другу и совѣтчику ея мужа.

Digitized by Google

Козмо еще разъ молча поклонился, не зная что сказать. Очевидно, аббатъ пришелъ съ какой-нибудь опредѣленной цѣлью, но надо было дать ему время самому высказаться.

— Маркиза, продолжалъ онъ, пристально смотря на Козмо:— естественно, прежде всего обратилась ко мнѣ за совѣтомъ насчетъ вашей великой идеи, которая, какъ я понялъ изъ ея словъ, пользуется сочувствіемъ кардинала Беретты и даже его святѣйшества.

— Я вамъ покажу драгоцѣнные документы, доказывающіе это сочувствіе, произнесъ Козмо.

Бумаги были представлены и благоговѣйно прочитаны патеромъ.

— Эти доказательства вполнѣ убѣдительны, по крайней мѣрѣ въ отношеніи высшей санкціи церкви, сказалъ аббатъ Тальмешъ:—но касательно практической, финансовой стороны дѣла, необходимы были бы кое-какія поясненія. Даже маркиза, я вамъ говорю это совершенно конфиденціально, въ этомъ отношеніи немного колеблется, да и на эти стороны дѣла обратятъ самое строгое вниманіе маркизъ и еще одна личность, увы, играющая въ домѣ Рошерэ, въ подобныхъ вопросахъ, слишкомъ большую роль. Вы, сеньоръ Козмо, искренній, набожный католикъ, и потому, конечно, съ грустью узнаете, что въ этой семьѣ, отличающейся своей преданностью церкви и легитимизму, пользуется довѣріемъ и вліяніемъ республиканецъ, свободный мыслитель, комунаръ.

Козмо начиналъ подозрѣвать, что его неожиданный посѣтитель откроетъ ему нѣчто важное, но что именно, онъ не могъ еще отгадать.

— Маркиза васъ прислала ко мнѣ, г. аббатъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сеньоръ Козмо, отвѣчалъ патеръ, слегка покраснѣвъ:— я пришелъ къ вамъ по своему собственному почину. Чувствуя всю отвѣтственность моего положенія, и понимая, что вы нуждаетесь въ честной, энергичной поддержкѣ, я пришелъ вамъ предложить мое содѣйствіе для достиженія высшей цѣли, которую благословилъ его святѣйшество. Я вполнѣ отдаю себя въ ваше распоряженіе, и надѣюсь, что вы оцѣните, какое я вамъ оказываю высокое довѣріе.

Козмо теперь понялъ въ чемъ дѣло, хотя лице патера выражало только самое искреннее и добродушное сочувствіе.

— На вашу откровенность, я отвѣчу тѣмъ же, произнесъ Козмо, вставая и взявъ обѣ руки аббата: — благодарю васъ отъ всего сердца. Бросимте всѣ церемоніи и поговоримъ чистосердечно, по дружески. Дайте мнѣ совѣтъ, какъ лучше поступить.

Digitized by Google

Аббатъ горячо пожалъ руки Козмо и продолжалъ съ сіяющимъ лицемъ:

— Сеньоръ Козмо, вы спрашиваете у меня совѣта, какъ лучше поступить въ настоящемъ дѣлѣ и я вамъ отвѣчу, какъ искренній другъ. Чтобъ пріобрѣсть содѣйствіе маркиза и маркизы, необходимо прежде всего уничтожить вліяніе моего товарища по секретарству — г. Антуаня Де-Ла-Гуппа, который всемогущъ въ финансовыхъ вопросахъ.

— А!

— Да. Если вамъ не удастся его удалить или переманить на свою сторону, то вы не можете разсчитывать на дѣятельное содѣйствіе маркиза и маркизы.

— А какъ вы полагаете можно было бы достичь этого желаемаго результата?

— Г. Антуань, какъ мы его называемъ въ домѣ, дьявольски способный человѣкъ.

— Неужели?

— Да, но онъ циникъ и развратникъ. Онъ ведетъ жизнь самую безнравственную.

— Маркизѣ это извѣстно?

— Я счелъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія маркизы и маркиза о всемъ, что я узналъ насчетъ его развратнаго поведенія.

— Ну что же они сказали?

— Что Антуань ведетъ себя въ ихъ домѣ безукоризненно, имя его не замѣшано ни въ какомъ публичномъ скандалѣ, что онъ способный и вѣрный дѣловой человѣкъ, и что имъ не нравится мое вмѣшательство.

— Но вы, конечно, сочли своимъ долгомъ доложить объ этомъ по духовному начальству, которое можетъ имѣть вліяніе на вашихъ патроновъ?

— Да, я обо всемъ довелъ до свѣдѣнія аббата Дюпрэ, духовника маркизы, и архіепископа, который самый близкій ея другъ.

— И безъ всякаго результата?

— Безъ малѣйшаго. По различнымъ причинамъ эти высокопоставленныя лица сочли не политичнымъ вмѣшиваться въ это дѣло, тѣмъ болѣе, что Антуань увѣрилъ всѣхъ, что маркизъ Рошерэ обязанъ ему экономнымъ управленіемъ его дѣлами.

— А вы этого не признаете?

— Ни мало, и еслибъ маркизъ довѣрилъ мнѣ веденіе своихъ дѣлъ, съ помощью моего друга, одного изъ первыхъ дѣловыхъ людей Парижа, я берусь управлять еще экономнѣе.

— Можно спросить, какъ зовутъ вашего друга?

*

Digitized by Google

— Галюшэ.

— Нотаріусъ?

— Да. Я очень высоко цѣню его дѣловыя способности. Къ тому же онъ чрезвычайно вліятельный человѣкъ, и въ его рукахъ находится много крупныхъ капиталовъ.

— Такъ какъ вы не успѣли въ своихъ попыткахъ спустить Антуаня, то, что же, по вашему мнѣнію, надо теперь дѣлать?

— Я предвижу, что вашъ проэктъ дастъ намъ возможность нейтрализировать, если не совершенно уничтожить вредное вліяніе этого нечестиваго человѣка.

— А!

— Маркиза очень поражена вашими объясненіями; вы затронули самую слабую ея струну. Она очень умна, честолюбива и искренне набожна; это католичка изъ католичекъ. Ваша великая идея произвела на нее сильное впечатлѣніе, и если вамъ удастся представить новыя убѣдительныя доказательства въ возможности матеріальнаго успѣха, то вы окончательно побѣдите маркизу. Антуань будетъ вамъ сопротивляться, но вы побѣдите, и онъ будетъ вынужденъ отказаться отъ борьбы.

— Ваши слова меня очень радуютъ. Хотя успѣхъ моего предпріятія и не зависитъ исключительно отъ содѣйствія маркиза и маркизы Рошерэ, но мнѣ очень хотѣлось бы воспользоваться ихъ вліяніемъ на католическій и легитимистскій міръ. Смѣю надѣяться, господинъ аббатъ, что я могу разсчитывать на васъ, какъ на дѣятельнаго союзника.

— Я вполнѣ къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю васъ. Значитъ, я могу вполнѣ положиться на васъ. Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, вы будете доказывать своимъ патронамъ, что, содѣйствуя успѣху моего проэкта, они окажутъ поддержку новому крестовому походу противъ дьявола, съ цѣлью возстановить поколебленное могущество церкви.

— Будьте увѣрены, что я сдѣлаю все, зависящее отъ меня для вашего успѣха.

Черные глаза Козмо засверкали.

— Но, произнесъ онъ, положивъ руку на плечо патера: — въ священномъ писаніи сказано, что работникъ достоенъ своей мзды. Въ моемъ распоряженіи будутъ значительныя суммы для покрытія предварительныхъ расходовъ по устройству этого громаднаго дѣла. Онѣ будутъ розданы различнымъ агентамъ и, конечно, на часть ихъ будутъ имѣть право всѣ, содѣйствующіе осуществленію великой идеи.

— О, сеньоръ Козмо! промолвилъ аббатъ, качая головой.

— Позвольте: прійдя ко мнѣ по собственному почину и про-

Digitized by Google

тянувъ руку помощи, вы доказали свою готовность безкорыстно служить интересамъ католической церкви. Но я, какъ представитель этихъ святыхъ интересовъ, считаю вполнѣ справедливымъ, чтобъ вы получили извѣстную сумму, которую вы можете употребить по своему усмотрѣнію на какое-нибудь доброе дѣло, болѣе другихъ привлекающее къ себѣ ваше доброе, сострадательное сердце.

— Вы очень великодушны и щедры, сеньоръ Козмо...

— Я только справедливъ.

— Хотя я вовсе не ожидалъ подобнаго предложенія съ вашей стороны, но признаюсь, я всегда найду достойное употребленіе этому—honorarium eclesiasticum. Но позвольте васъ спросить... такъ какъ вы завели объ этомъ рѣчь... до какой суммы вы полагаете дойдетъ этотъ благородный даръ?

— Не менѣе пятидесяти тысячъ франковъ.

Легкая тѣнь пробѣжала по сіяющему лицу аббата.

— Это... круглая сумма, промолвилъ онъ.

— Но это не все, любезный аббатъ, сказалъ Козмо, пристально смотря на своего собесѣдника:—вы не дали мнѣ досказать, что пятьдесятъ тысячъ франковъ будутъ выданы наличными деньгами, и что кромѣ того вы получите учредительный пай на такую же сумму, который вы черезъ нѣсколько недѣль легко продадите за тройную цѣну.

Минутная тѣнь исчезла съ лица аббата, и онъ съ радостной улыбкой пожалъ руку щедрому финансисту.

— Все, что можетъ сдѣлать человѣкъ и патеръ, будетъ мною сдѣлано для поддержки вашего предпріятія, произнесъ онъ;— конечно, вы сохраните въ тайнѣ мое посѣщеніе. До свиданія, сеньоръ Козмо, да благословитъ васъ Господь... Но, кстати... Vita brevis .. не найдете ли вы болѣе удобнымъ... и для себя самого болѣе спокойнымъ... записать на бумагѣ ваше благородное предложеніе.

Козмо ни мало не измѣнился въ лицѣ, присѣлъ къ столу, взялъ листъ бумаги, написалъ на немъ нѣсколько словъ и свернувъ его, подалъ патеру.

— Господинъ аббатъ, сказалъ онъ съ иронической улыбкой:— если вы такъ же аккуратны въ дѣлахъ, которыя вамъ поручаютъ ваши патроны, то я могу ихъ поздравить съ такимъ образцовымъ секретаремъ.

Они разстались очень довольные другъ другомъ и еще болѣе довольные каждый самимъ собою.

— Всегда надо имѣть двѣ тетивы для самострѣла, бормоталъ Козмо, возвращаясь въ свою комнату съ лѣстницы, до которой

Digitized by Google

проводилъ своего гостя:—да проститъ меня Богородица. Но, по крайней мѣрѣ, этотъ аббатъ будетъ противовѣсомъ Фигурины. Надо всегда установлять нравственное равновѣсіе.

VI.

Изумрудъ рѣжетъ брильянтъ.

Причиной, побудившей Ипполита Галюшэ сдѣлать первый шагъ къ знакомству съ итальянскимъ финансистомъ, было письмо, полученное имъ отъ важной особы, которая занимаетъ всѣмъ извѣстное помѣщеніе въ Ватиканѣ, но имя которой мы скроемъ по рѣдко встрѣчающейся въ романистахъ деликатности.

«Надняхъ выѣхалъ изъ Рима, говорилось въ этомъ письмѣ: человѣкъ, который, какъ я уже вамъ писалъ, часто бывалъ въ послѣднее время въ Ватиканѣ и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ кардиналомъ Береттой. Это очень замѣчательная личность. Онъ повезъ съ собою въ Парижъ папское благословеніе и, что еще важнѣе для настоящаго дѣла, рекомендательныя письма кардинала, содержаніе которыхъ мнѣ извѣстно.

«Его зовутъ Францискъ Козмо и онъ, кажется, родомъ изъ Флоренціи; онъ воспитанъ нашимъ орденомъ, но никогда не вступалъ въ ряды духовенства или монашества. Это человѣкъ громадной, непреодолимой энергіи и большаго ума. Онъ предпочелъ дѣловую жизнь монастырю или церкви и, покинувъ Флоренцію, поступилъ конторщикомъ къ одному миланскому банкиру и, прикидываясь сторонникомъ Кавура, оказалъ неоцѣненныя услуги святому дѣлу религіи и божественнаго права королей. Потомъ онъ принялъ участіе въ значительныхъ финансовыхъ предпріятіяхъ въ Генуѣ съ вліятельными французами изъ Марсели и Ліона. Онъ, говорятъ, нажилъ порядочное состояніе, около двухъ милліоновъ франковъ, хотя его враги это отрицаютъ, увѣряя, что онъ имѣетъ много долговъ. Италія, повидимому, не представляетъ достаточно обширнаго поля для его честолюбія, и онъ намѣренъ осуществить въ Парижѣ великую идею, столь благопріятно принятую здѣсь въ Римѣ.

«Великая идея сеньора Козмо заключается въ томъ, чтобъ примѣнить громадныя финансовыя средства католической церкви и партіи къ пріобрѣтенію первенствующаго вліянія на европейскихъ биржахъ. Его аргументы очень искусны и были бы неопровержимы, еслибъ деньги не походили на ртуть, которая амальгамируется и разсѣвается съ удивительной быстротой. Во

Digitized by Google

всякомъ случаѣ, они одержали здѣсь полную побѣду. Мы всѣ такъ поражены неблагопріятными условіями современнаго общества, что естественно хватаемся съ жаромъ за всякое предложеніе, обѣщающее измѣнить эти тяжелыя условія.

«Сеньоръ Козмо предлагаетъ осуществить свою великую идею устройствомъ Системы Католическихъ Извѣстій, нѣчто въ родѣ комбинаціи Рейтера и газетной издательской компаніи. Это учрежденіе будетъ черпать свои свѣдѣнія только изъ католическихъ источниковъ и такимъ образомъ, исторія нашего времени, столь преступно и ложно теперь излагаемая атеистическими и протестантскими репортерами, сдѣлается потокомъ чистой католической правды и умы вѣрующихъ будутъ въ состояніи сохранить равновѣсіе среди самыхъ сложныхъ обстоятельствъ. Съ помощью этого агентства будутъ получаться также тайныя свѣдѣнія политическаго и финансоваго характера, которыя принесутъ большую пользу церкви и финансовому учрежденію, задуманному сеньоромъ Козмо.

«Это учрежденіе—громадное кредитное общество съ колоссальнымъ капиталомъ. Оно откроетъ агентство въ Римѣ, Мадритѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ и, кромѣ главной своей банкирской дѣятельности, займется созданіемъ банковъ, желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ компаній и т. д., посвященныхъ исключительно католическимъ интересамъ. Козмо намѣренъ выстроить значительныя желѣзно-дорожныя линіи въ Европѣ, которыя доселѣ существуютъ только на бумагѣ. По его мнѣнію, большая желѣзная дорога дастъ ея собственникамъ громадное финансовое вліяніе. Онъ уже добился концессіи «Хребетной Итальянской Линіи», которая пройдетъ вдоль всего полуострова въ равномъ разстояніи отъ Средиземнаго и Адріатическаго морей. Она сократитъ путь въ Индію на 350 миль и по точному исчисленію приманитъ въ страну до десяти тысячъ богатыхъ англичанъ ежегодно; такимъ образомъ протестантскія богатства содѣйствовать увеличенію католическихъ финансовыхъ средствъ. Онъ также обратилъ вниманіе и на Балканскій полуостровъ, который безспорно представляетъ богатѣйшее поле для католической дѣятельности. Я не знаю, извѣстно ли вамъ, что большая часть минеральныхъ богатствъ Босніи и Герцеговины уже находятся въ рукахъ конгрегацій. Козмо намѣренъ эксплуатировать всѣ эти рудники и копи, соединивъ ихъ конными желѣзными дорогами съ Адріатическимъ моремъ. Его любимый планъ проложить рельсы поперегъ Балканскаго полуострова по прямой линіи изъ Рагузы въ Варну. Эта обширная линія будетъ выстроена католическимъ трудомъ и по обѣ стороны возникнутъ като-

Digitized by Google

лическія селенія. Главной его цѣлью отдѣлить магометанъ отъ нашихъ заклятыхъ враговъ славянъ и доставить католичеству первенствующее вліяніе на востокѣ.

PS. «Я долженъ прибавить, что я лично заинтересованъ въ успѣхѣ предпріятія сеньора Козмо, и въ виду этого обстоятельства просилъ бы васъ познакомиться съ нимъ какъ можно скорѣе и близко слѣдить за всѣми его операціями. Мы желали бы имѣть время отъ времени стороннія свѣдѣнія, напримѣръ, отъ васъ о развитіи его предпріятія».

Это письмо возбудило любопытство Галюшэ и побудило его посѣтить итальянскаго банкира, который, несмотря на всѣ его ожиданія, не являлся къ нему. Козмо слишкомъ хорошо зналъ о вліяніи нотаріуса на католическія конгрегаціи, чтобъ опоздать къ назначенному rendez-vous. Въ восемъ часовъ безъ десяти минутъ, онъ уже выходилъ изъ экипажа передъ домомъ № 12, въ улицѣ Neuve des Petits champs. Подъ большой аркой красовались громадныя деревянныя ворота, окрашенныя зеленой краской и запертыя. Онъ вошелъ въ маленькую калитку и очутился въ обширной, высокой подворотнѣ, выходившей на большой дворъ. При свѣтѣ газоваго фонаря, онъ замѣтилъ лѣстницу, поднимавшуюся по стѣнѣ, на подобіе скелета гигантской змѣи, позвонки которой служили ступенями. Онъ направился къ этой лѣстницѣ, такъ какъ на карточкѣ Галюшэ обозначено было, что онъ живетъ во второмъ этажѣ, но вдругъ его остановилъ рѣзкій голосъ:

— M'sieu!

Онъ обернулся и впервые замѣтилъ, что за калиткой, въ которую онъ вошелъ, находилось маленькое помѣщеніе для привратника, бывшее ступенями двумя ниже земли. Черезъ окно, занавѣсь котораго была отдернута, виднѣлся, человѣкъ въ блузѣ, занятый довольно странной работой—починкой скрипки. Онъ былъ высокаго роста и хорошо сложенъ, судя по широкимъ плечамъ и массивной головѣ; но благодаря надѣтому на немъ зеленому зонтику, скрывавшему его глаза, нельзя бы разсмотрѣть выраженія его лица, хотя свѣтъ маленькой керосиновой лампы прямо падалъ на него. Въ дверяхъ стояла личность, голосъ которой остановилъ Козмо. Это была женщина, очень большаго роста, сильная, здоровенная. Лице ея было загорѣло и некрасиво, но отличалось рѣшительностью, которой дышали приподнятыя кверху ноздри и массивная нижняя челюсть.

Козмо прикоснулся рукой къ шляпѣ и продолжалъ свой путь.

— M'sieu!

Digitized by Google

Теперь голосъ женщины звучалъ повелительнымъ тономъ часоваго, окликающаго прохожаго, и въ немъ не слышно было ни малѣйшей почтительной ноты, хотя Козмо и былъ на взглядъ приличнымъ джентльмэномъ.

— Pardon, отвѣчалъ итальянецъ:—я иду къ одному изъ вашихъ жильцевъ. Что вамъ надо?

— Куда вы идете?

— Къ господину Галюшэ.

— Ваше имя?

— Сеньоръ Франциско Козмо.

— Діонисъ, проводи этого господина.

Во время этого разговора, женщина спокойно вязала, обращая такъ же мало вниманія на ироническій тонъ Козмо, какъ на смутно долетавшій до нея уличный шумъ. Мужчина, чинившій скрипку, всталъ и, взявъ со стола лампу, вышелъ въ сѣни. Глаза его были по прежнему скрыты зеленымъ зонтикомъ, но Козмо замѣтилъ, что онъ окинулъ его быстрымъ взглядомъ, хотя не могъ опредѣлить, какого цвѣта глаза у его чичероне, который шелъ впереди, постукивая своими деревянными башмаками. Наконецъ, онъ остановился передъ высокими, массивными дверями во второмъ этажѣ. Площадки и ступени лѣстницы были дубовыя, но до того старыя, что ногами были продавлены въ нихъ ложбины, и самая глубокая изъ этихъ ложбинъ вела къ двери конторы нотаріуса. Это была грязная, невзрачная дверь, выкрашенная въ коричневую краску и снабженная колокольчикомъ съ изъѣденной временемъ ручкой. Привратникъ дернулъ за колокольчикъ, послѣ чего ударилъ два раза въ дверь своимъ деревяннымъ башмакомъ. Не успѣлъ еще Козмо удивиться подобной осмотрительности Галюшэ при пріемѣ посѣтителей, какъ наружная дверь пріотворилась, и изъ-за второй двери, обитой зеленой шерстяной матеріей, выглянулъ человѣкъ высокаго роста.

— Вотъ господинъ, сказалъ привратникъ.

— Я имѣю удовольствіе говорить съ сеньоромъ Козмо?

— Къ вашимъ услугамъ.

— Сдѣлайте одолженіе, войдите.

Нотаріусъ подался немного, чтобы пропустить Козмо, который очутился въ широкомъ, высокомъ корридорѣ съ окнами на улицу. Въ противоположной стѣнѣ было три или четыре двери; одна изъ нихъ была отворена, и лучь свѣта падалъ изъ нея на полъ темнаго корридора.

— Пожалуйте, сеньоръ, сказалъ Галюшэ и ввелъ Козмо черезъ эту дверь въ большую комнату, полуосвѣщенную маленькой лампой съ абажуромъ.

Digitized by Google

Итальянца поразилъ таинственный видъ этой комнаты. По срединѣ стояло нѣсколько конторскихъ столовъ, съ аккуратно разложенными на нихъ дѣлами въ обложкахъ, портфелями, папками и справочными книгами. Все было въ порядкѣ. Чернильницы старательно закрыты и перья, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ дѣятельно строчившія ежедневную лѣтопись человѣческихъ правъ и правонарушеній, лежали праздныя, чисто вытертыя. Ряды кардонокъ на полкахъ краснаго дерева покрывали стѣны даже надъ дверью, которая вела въ ярко-освѣщенную внутреннюю комнату. На полу лежалъ толстый мягкій коверъ, скрывавшій шумъ шаговъ, что еще болѣе усиливало таинственность этой комнаты. Козмо съ любопытствомъ смотрѣлъ на бумажныя кардонки по стѣнамъ, которыя составляли какъ бы громадный склепъ, гдѣ хранились дѣла исторіи, документы тысячи семействъ. Еслибъ эти кардонки могли открыться и заговорить, то сколько они разсказали бы интересныхъ, патетическихъ и роковыхъ повѣстей.

— Пожалуйте, сеньоръ, повторилъ Галюшэ, останавливаясь у отворенной во внутреннюю комнату двери.

Козмо прошелъ впередъ и пользуясь тѣмъ, что свѣтъ прямо упалъ на его лицо, нотаріусъ однимъ взглядомъ окинулъ его съ ногъ до головы.

— Мощный человѣкъ, подумалъ онъ и тотчасъ приготовился къ бою, какъ закаленный атлетъ.

Козмо понялъ его тактику и, пройдя въ дверь, тотчасъ обернулся и устремилъ проницательный взглядъ на лицо Галюшэ, ярко освѣщенное въ свою очередь. Онъ едва не вздрогнулъ; глаза итальянца блестѣли какъ у рыси. Но Галюшэ промолвилъ совершенно спокойно:

— Пожалуйста, садитесь. Я въ полномъ вашемъ распоряженіи. Положите шляпу и палку. Вы, надѣюсь, меня извините, что, не заставъ васъ дома, я назначилъ вамъ поэтому важному дѣлу свиданіе здѣсь и въ такой странный часъ. Мы можемъ говорить тутъ на свободѣ, не боясь никакой помѣхи.

— Еслибъ вы, г. Галюшэ, не сдѣлали мнѣ чести посѣтить меня, то я самъ попросилъ бы у васъ позволенія явиться въ вашу контору.

— Значитъ, наши желанія сходятся, и мы будемъ въ состояніи говорить совершенно откровенно.

Нотаріусъ сѣлъ на свое кресло, которое вращалось на оси, благодаря чему, онъ повременамъ какимъ-то нервнымъ движеніемъ поворачивался то въ одну, то въ другую сторону. Онъ облокотился на ручки кресла и сложилъ руки, но онѣ были не-

Digitized by Google

подвижны и единственнымъ его жестомъ было наклоненіе головы, принимавшей различныя позы. Онъ былъ высокаго роста и совершенно царилъ надъ итальянцемъ, котораго усадилъ на низенькое, мягкое кресло. Комната, въ которой они находились, была ярко освѣщена большой висячей лампой, съ зеленымъ абажуромъ и была очень изящно меблирована въ противоположность всѣмъ дѣловымъ кабинетамъ англичанъ, даже милліонеровъ, представляющихъ обыкновенно грязную, казарменную нору. По срединѣ стоялъ массивный круглый столъ изъ чернаго дерева, поддерживаемый рѣзными херувимами, а на немъ красовалась прелестная бронзовая жардиньерка съ цвѣтами. На голубомъ мраморномъ каминѣ стояли дорогіе бронзовые канделябры и великолѣпные старинные часы эпохи Людовика XIV. Стѣны были оклеены дорогими коричневыми обоями съ выпуклыми золотыми узорами, высокая панель была изъ рѣзнаго стараго дуба, а потолокъ росписанъ фресками. На высокихъ окнахъ, выходившихъ во внутренній дворъ висѣли тяжелыя темно-зеленыя занавѣси, но онѣ не были опущены, и Козмо могъ замѣтить, что стекла были цвѣтныя и изящнаго рисунка. Мебель заключалась въ обитыхъ бархатомъ креслахъ, съ высокими спинками изъ рѣзнаго дуба, и въ таковыхъ же рѣзныхъ дубовыхъ книжныхъ шкапахъ. Послѣднихъ было два и надъ ними виднѣлись бюсты Пія IX и кардинала Ришелье. Конечно, эта комбинація не была удачна, но не всегда легко сохранятьь гармонію въ изящныхъ произведеніяхъ, купленныхъ въ разныя эпохи своей жизни.

Господину Галюшэ было, повидимому, шестьдесятъ лѣтъ, но онъ сохранилъ замѣчательную силу и энергію. Его большая, нѣсколько остроконечная голова, была покрыта коротко остриженными, сѣдыми волосами. Высокій лобъ придавалъ его лицу особенно умное выраженіе. Глаза его были маленькіе, сѣрые, живые, глубоко сидѣвшіе подъ нависшими густыми сѣдыми бровями. Большой, съ горбомъ, носъ, тонкія губы, выдающіяся скулы и круглый подбородокъ выражали необыкновенную силу. Лицо его было чисто выбрито. Онъ носилъ pince-nez, а одежда его отличалась тѣмъ изяществомъ, которое не обращаетъ на себя никакого вниманія.

Козмо все это замѣтилъ и принялъ къ свѣдѣнію. Онъ зналъ, что это была для него критическая минута, такъ какъ Галюшэ могъ помочь или помѣшать осуществленію его великой идеи, а потому напрягъ всѣ свои силы, чтобъ одержать побѣду, не выказывая въ тоже время своихъ усилій. Онъ смотрѣлъ прямо въ глаза нотаріусу, и на губахъ его играла пріятная, чистосердечная улыбка.

Digitized by Google

— Вы, можетъ быть, получили уже частныя свѣдѣнія о цѣли моего пріѣзда въ Парижъ? спросилъ онъ.

— Я случайно слышалъ, отвѣчалъ Галюшэ, покашливая и посматривая однимъ глазомъ на Козмо: — отъ моего почтеннаго друга, г. Перигора, котораго я видѣлъ вчера по дѣламъ, что ему передалъ какой-то г. Тшекъ о вашемъ пріѣздѣ въ Парижъ и о вашихъ намѣреніяхъ. По совѣту г. Перигора я и посѣтилъ васъ, зная что ваши предложенія касаются интересовъ, которые близки человѣку, имѣющему такое извѣстное положеніе, какъ я.

— А! Мнѣ очень пріятно это слышать. Я вполнѣ понимаю, какъ важно расположить васъ въ пользу моего предпріятія.

Нотаріусъ поклонился, но довольно сухо. Слова Козмо и еще болѣе его тонъ, ясно показывали на важность, но не на необходимость содѣйствія г. Галюшэ.

— Конечно, вы можете быть мнѣ очень полезны, продолжалъ итальянецъ:—хотя у меня есть самая могущественная и вліятельная поддержка; за меня стоятъ нетолько лица, желанія которыхъ для насъ съ вами законъ, но и первые финансисты. Но мнѣ говорили, и я въ этомъ увѣренъ, что ваше содѣйствіе можетъ облегчить осуществленіе моего плана. Кардиналъ Беретта прямо указалъ мнѣ на васъ, какъ на человѣка, съ которымъ надо посовѣтоваться.

— Посовѣтоваться! Хорошо, отвѣчалъ нотаріусъ съ легкой ироніей.—Быть можетъ, при васъ рекомендательное письмо кардинала Беретты?

— Да, вотъ оно; мнѣ слѣдовало бы начать съ предъявленія его, сказалъ Козмо, спокойно вынимая изъ кармана кожанный портфѣль и подавая Галюшэ одно изъ находившихся тамъ писемъ.

Нотаріусъ прочиталъ письмо. Лицо его просіяло. Онъ бросилъ на Козмо проницательный взглядъ.

— Очень благодаренъ вамъ за то, что вы показали мнѣ это письмо; кардиналъ ясно опредѣляетъ, какую роль я долженъ, по его мнѣнію, играть въ этомъ дѣлѣ. Онъ говоритъ... но вы, вѣроятно, прочитали письмо?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Козмо, смотря прямо въ глаза своему собесѣднику:—у меня столько подобныхъ писемъ, и я такъ страшно занятъ, что не имѣлъ времени ихъ прочесть. Но, прибавилъ онъ, съ очаровательной улыбкой: — мнѣ извѣстно мнѣніе объ этомъ дѣлѣ моего друга кардинала.

— Его мнѣніе выражено слѣдующимъ образомъ, произнесъ Галюшэ: — «Намъ будетъ въ высшей степени пріятно, если

Digitized by Google

планы сеньора Козмо окажутся практически выполнимыми. Мы вполнѣ полагаемся на ваше благоразуміе насчетъ поддержки этого предпріятія вліяніемъ и средствами французскихъ конгрегацій, и безъ сомнѣнія сеньоръ Козмо, человѣкъ очень умный, найдетъ необходимымъ для своего успѣха пригласить васъ въ участники дѣла».

Сдѣлавъ особое удареніе на послѣднія слова, Галюшэ сложилъ письмо, положилъ его на столъ и пристально посмотрѣлъ на Козмо.

— Я не читалъ письма, но зналъ его содержаніе, произнесъ итальянецъ: — хотя я прямо заявилъ кардиналу, что предоставляю себѣ право дѣйствовать по собственному усмотрѣнію и не возьмусь за дѣло иначе, какъ подъ условіемъ, что я самъ буду выбирать своихъ союзниковъ. На кораблѣ не можетъ быть двухъ капитановъ, и Іаковъ нашелъ неудобнымъ имѣть двухъ женъ. Вы знаете, конечно, что кардиналъ Беретта великій богословъ и дипломатъ, но онъ не экспертъ по финансовымъ дѣламъ.

— Однако, сеньоръ Козмо, замѣтилъ съ улыбкой Галюшэ: — вы пропагандируете свой планъ во Франціи его рекомендаціями.

— Да, я тоже сдѣлалъ бы въ отношеніи апостола Петра, еслибъ онъ былъ еще въ живыхъ. Кардиналъ—мой другъ и я ему объяснилъ политическую и религіозную сторону моего предпріятія; но въ финансовомъ отношеніи онъ вполнѣ полагается на меня. Лучшимъ же доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что всѣ доходы, находящіеся въ его распоряженіи, уже помѣщены въ это дѣло.

— А позвольте васъ спросить, какъ вы намѣрены привести въ исполненіе свой колоссальный проектъ, не заручившись содѣйствіемъ тѣхъ, которые имѣютъ въ своихъ рукахъ всѣ финансовыя средства католической партіи во Франціи?

— Позвольте мнѣ покуда вамъ не отвѣчать. Достаточно сказать, что ихъ содѣйствіе не составляетъ для меня необходимости.

— Не составляетъ необходимости! Но вы не можете создать своего общества католическаго кредита безъ денегъ?

— Извините, г. Галюшэ, дѣло идетъ о кредитѣ, а не о деньгахъ. Впрочемъ, я уже пріобрѣлъ столько значительныхъ вкладчиковъ, что могу собрать всѣ деньги, необходимыя для полнаго осуществленія моего плана.

Галюшэ впился своими зоркими глазами въ итальянца, желая прочитать его сокровенныя мысли, но всѣ его усилія были тщетны.

Digitized by Google

— Я вижу, что вы не шутите, произнесъ нотаріусъ:—но, извините меня, ваши слова невѣроятны.

— Можетъ быть, отвѣчалъ итальянецъ, гордо закинувъ голову и выпрямляясь во весь ростъ. — Но смѣю вамъ замѣтить, что финансы мое ремесло, а не ваше. То, что для меня вѣрно, для васъ невѣроятно, и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; ваши юридическія тонкости мнѣ непонятны. Поэтому, предоставьте мнѣ практическое осуществленіе моего плана, а сами окажите мнѣ содѣйствіе, насколько вамъ это возможно въ виду занимаемаго вами положенія.

Слова эти и особенно повелительный тонъ, которымъ они были произнесены, поразили нотаріуса, несмотря на всю его долговременную опытность и увѣренность въ себѣ. Онъ нервно заерзалъ на креслѣ, которое повернулось прежде въ одну сторону, а потомъ въ другую. Но черезъ минуту онъ поборолъ свое смущеніе и отвѣчалъ съ иронической любезностью:

— Вы оказываете мнѣ большую честь, сеньоръ Козмо, назначивъ мнѣ роль въ этой комедіи или трагедіи, какъ прикажете? Но позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что несмотря на все ваше искуство, какъ impressario, я не привыкъ принимать на себя роль по приказанію другихъ лицъ, какъ бы значительны онѣ не были.

— Поэтому именно, сказалъ съ улыбкой Козмо:—я и прошу васъ выбрать себѣ, какую угодно, роль, оставивъ мнѣ только мои прерогативы impressario.

— Мы напрасно теряемъ время, сказалъ нотаріусъ, неожиданно измѣняя свой тонъ и строго смотря на Козмо:—я вижу, что вы дѣловой человѣкъ—и потому спрошу васъ прямо: что вамъ нужно отъ меня?

— Ничего, спокойно отвѣчалъ итальянецъ.

— Зачѣмъ же вы явились ко мнѣ?

— Извините, вы меня сами пригласили.

— У васъ было письмо...

— Да, но я его не представилъ, хотя уже десять дней въ Парижѣ.

— Во всякомъ случаѣ, началъ Галюшэ нерѣшительнымъ тономъ, но Козмо его перебилъ:

— Вы хотите сказать, что во всякомъ случаѣ мнѣ будетъ трудно привести въ исполненіе мой планъ безъ вашего содѣйствія. Позвольте мнѣ вамъ отвѣтить на это очень серьёзно, что я могу обойтись и безъ васъ, но мнѣ легче будетъ достичь своей цѣли, еслибъ мы сошлись съ вами, чего я очень желаю. Я сознаюсь, что ваше содѣйствіе хотя и не составляетъ необходимости, но будетъ очень для меня полезно. Я, готовъ, поэтому

Digitized by Google

сдѣлать всякую, конечно, благоразумную уступку, чтобъ пріобрѣсть ваше содѣйствіе. Будемъ же работать вмѣстѣ.

Съ откровенной, торжествующей улыбкой, итальянецъ протянулъ руку Галюшэ, который мгновенно взвѣсилъ всѣ выгоды и невыгоды союза съ человѣкомъ, который чувствовалъ себя настолько сильнымъ, что ища его помощи, гордо заявлялъ, что можетъ обойтись безъ него. Дѣйствительно, Козмо долженъ былъ разсчитывать на громадную поддержку, если онъ рисковалъ поссориться съ нимъ, Галюшэ, нотаріусомъ іезуитовъ, многихъ легитимистовъ и католическихъ конгрегацій. Но съ другой стороны было невыносимо поддаваться такому насилію, и гдѣ же, въ своей конторѣ, въ своемъ царствѣ. Однако, Галюшэ былъ самъ достаточно силенъ, чтобъ иногда выказать слабость. Онъ зналъ, когда слѣдовало уступить и когда надо было выказать стойкость. Поэтому, онъ поспѣшно и искренно пожалъ протянутую ему руку.

— Мое пламенное желаніе содѣйствовать интересамъ религіи и лигитимизму, сеньоръ Козмо, сказалъ онъ: — посмотримъ, какимъ образомъ я могу помочь вашему предпріятію, согласно привезеннымъ вами вліятельнымъ рекомендаціямъ.

Считая, что онъ достаточно далъ почувствовать свою силу, Козмо началъ излагать свою великую идею. Удивленный, очарованный нотаріусъ, слушалъ его съ лихорадочнымъ вниманіемъ. Онъ думалъ про себя, что этотъ человѣкъ, говорившій столь краснорѣчиво, съ такой ясной, убѣдительной логикой и такимъ мелодичнымъ голосомъ, былъ бы великимъ адвокатомъ. Главное же видѣлъ ясно, что имѣлъ дѣло съ человѣкомъ, знавшимъ, къ чему стремится и умѣвшемъ объяснить, какъ намѣренъ достичь своей цѣли; а это—рѣдкое явленіе въ практикѣ дѣловыхъ людей.

— Ну, сказалъ, наконецъ, Козмо, самымъ вкрадчивымъ тономъ: — все, что я излагалъ до сихъ поръ — наша внутренняя политика. Наша же внѣшняя политика будетъ нѣсколько иная. Хотя нашъ финансовый крестовый походъ предпринятъ противъ евреевъ и невѣрующихъ, но мы должны употребить въ дѣло и евреевъ, и невѣрующихъ для скорѣйшаго достиженія успѣха. Мы соблазнимъ ихъ громадностью наживы. Участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ можетъ принести громадныя выгоды, и я не намѣренъ отказываться отъ денегъ, кто бы ихъ ни принесъ. Одна изъ первыхъ еврейскихъ банкирскихъ конторъ, Абирамъ и К°, войдетъ въ составъ перваго синдиката и подпишется вмѣстѣ со мною на восьмую долю всего капитала. Они мои старинные друзья.

Digitized by Google

— Конечно, ихъ поддержка имѣетъ громадное значеніе. Но имъ извѣстно, что это будетъ католическое учрежденіе?

— Да, и они полагаютъ, что именно по этой причинѣ оно и будетъ имѣть успѣхъ. Вы видите, г. Галюшэ, прибавилъ итальянецъ съ улыбкой:—деньги примиряютъ всѣ интересы, оканчиваютъ всѣ ссоры, дѣлаютъ всѣхъ братьями, однимъ словомъ, это новая религія и въ ней также есть рай, гдѣ самые разнородные звѣри пользуются одинаковымъ блаженствомъ.

— Смотрите, сеньоръ Козмо, чтобъ въ вашемъ раѣ не оказался одинъ звѣрь—мефистофель, который съѣстъ всѣхъ остальныхъ.

— Absit amen! Мы это и намѣрены сдѣлать. Но, извините меня, ваша метафора неудачная—вы смѣшиваете Гёте съ Моисеемъ. Я надѣюсь, что не жезлъ Аарона пожретъ всѣ остальные. Мы должны поддержать первенство египтянъ надъ евреями.

Странно было видѣть, что на лицахъ этихъ набожныхъ, серьёзныхъ дѣльцевъ играла теперь самая циническая улыбка. Это былъ цинизмъ долговременной опытности.

— Какъ вы практически осуществите свой планъ, сеньоръ Козмо? спросилъ Галюшэ.

— Очень просто. У меня въ рукахъ четыре концессіи, о которыхъ я только что говорилъ. Онѣ будутъ базисомъ нашихъ операцій. Я убѣжденъ, что онѣ принесутъ обществу католическаго кредита чистой прибыли отъ двадцати до шестидесяти милліоновъ. У насъ будетъ номинальный капиталъ 100 милліоновъ, а первый выпускъ акцій на 50 милліоновъ, въ пятьсотъ франковъ каждая. Первый взносъ не превыситъ 125 франковъ на акцію. Синдикатъ возьметъ эти акціи *альпари*. Я полагаю, что намъ придется заплатить въ казну для узаконенія нашего общества десять процентовъ, т. е. 50 франковъ съ акціи, а всего пять милліоновъ. Это ничего. Когда общество состоится, синдикатъ объявитъ объ этомъ фактѣ; мы уже имѣемъ въ рукахъ тысячу провинціальныхъ газетъ, а въ Парижѣ за насъ стоятъ «Le Barbier de Seville», католическій «Le Bon Ami» и еврейскій «Le paké de Finance». Мы заявляемъ о нашихъ концессіяхъ и. когда все готово, выпускаемъ акціи съ преміей въ 150 франковъ.

— Съ преміей въ 150 фр.! Это невозможно.

— Въ финансовомъ дѣлѣ нѣтъ ничего не возможнаго, а есть вещи невѣроятныя. Невозможно только одно—это измѣрить довѣрчивость публики.

— Но чѣмъ оправдывается такая премія?

Digitized by Google

— Значеніемъ концессій, положеніемъ директоровъ, энтузіазмомъ католическаго міра, жадностью спекуляторовъ.

— Это все фразы, мечты.

— Нѣтъ, это факты. Одна желѣзная дорога въ Италіи можетъ обезпечить подобную премію.

— Хорошо, но вы еще не объяснили, какую пользу учредители, напримѣръ, вы и я, могутъ извлечь изъ этого дѣла.

Козмо улыбнулся. Онъ былъ теперь дома. Онъ снялъ перчатку, взялъ со стола листъ бумаги и сдѣлалъ карандашемъ слѣдующій разсчетъ, который и подалъ нотаріусу:

Капиталъ 100,000,000 франковъ:

Первый выпускъ 50,000,000 фр.	100,000 акцій	со взносомъ 125 фр.	12,500,000
Пай учредителей	20,000 »	вполнѣ оплоченныхъ	10,000,000
Второй выпускъ 50,000,000 фр.	100,000 »	съ преміей 150 фр.	75,000,000

Изъ премій въ 150 фр. на акціи втораго выпуска: 50 фр. отсчитываются на акціи перваго выпуска, взятыя синдикатомъ и учредителями, а 100 фр. идутъ въ кассу банка на покрытіе учредительскихъ паевъ.

Такимъ образомъ учредители и синдикатъ получатъ:

При первомъ выпускѣ по 150 фр. съ акціи	5,000,000
При второмъ » » 50 » » »	15,000,000
Итого	20,000,000

Учредители кромѣ того получаютъ цѣнность акціи альпари 10,000,000.

Всего учредители выручатъ 10,000,000 + 1,000,000 + 3,000,000 = 14,000,000.

— Вы думаете это возможно? спросилъ нотаріусъ, пробѣжавъ разсчетъ и сверкая глазами.

— Я обязуюсь это сдѣлать.

— А кто получитъ учредительскіе паи?

— Кто внесетъ необходимый капиталъ.

— Напримѣръ?

— Если ваши друзья возьмутъ 10,000 акцій, то вы получите 1,500 учредительскихъ акцій, цѣнностью въ 750,000 фр., прибавьте къ этому премію по 150—225,000 и по 50 фр. на акцію изъ преміи второго выпуска.

— 75,000—итого 1,050,000 фр. au moins.

— Милліонъ пятьдесятъ тысячъ франковъ!

— Да, это очевидно.

— Очевидность основана на фактахъ, сеньоръ Козмо, сказалъ съ улыбкой нотаріусъ: — и вашъ разсчетъ можно признать очевиднымъ только, когда деньги будутъ въ сундукахъ учредителей. Но во всякомъ случаѣ, вашъ планъ геніальный, и если

Digitized by Google

только вы добьетесь поддержки людей достаточно сильныхъ, чтобы привести его въ исполненіе, то признаюсь, я не вижу въ немъ ни сучка, ни заздоринки. У васъ въ рукахъ будетъ громадный капиталъ.

— Любезный другъ, произнесъ Козмо, принимая на себя фамильярный тонъ:—не пройдетъ и года, какъ наши акціи будутъ продаваться съ преміей въ 1000 фр.

Тонъ твердаго убѣжденія, которымъ говорилъ италіянецъ, поражалъ осторожнаго нотаріуса. Столько же набожный, сколько дѣловой человѣкъ, онъ былъ обойденъ съ обоихъ фланговъ. Любой биржевой заяцъ, изнашивающій сапоги на тротуарѣ передъ биржей, нашелъ бы многое достойное критики въ разсчетѣ Козмо, но г. Галюшэ не былъ финансистомъ. Италіанецъ ясно видѣлъ, что онъ не даромъ закинулъ удочку; рыба клюнула. Но у нотаріуса было правило ни на что не рѣшаться разомъ, а потому, удержавшись отъ соблазна, онъ сказалъ:

— Сеньоръ Козмо, вашъ планъ меня чрезвычайно заинтересовалъ. Если зрѣло обдумавъ дѣло, я приду къ убѣжденію, что оно практически осуществимо, то конечно, я буду въ состояніи вамъ принести и матеріальную помощь. Но дайте мнѣ время. Вы не обидитесь, если я наведу необходимыя справки.

— Напротивъ, г. Галюшэ, я прошу васъ объ этомъ. Вотъ моя карточка; вы найдете на ней два имени, которые я надѣюсь, будутъ достаточной для васъ гарантіей. Абраамъ Абирамъ и К° и Перо-сынъ уже обязались взять вмѣстѣ со мною 20,000 акцій. Вы можете свободно переговорить съ ними о нашемъ дѣлѣ. Они вамъ ясно докажутъ, что наши средства пропорціальны нашей цѣли. Я долженъ еще прибавить, что котировка акцій на биржѣ гарантирована.

— Это первоклассные банкиры, отвѣтилъ нотаріусъ и прибавилъ съ улыбкой: — но одинъ изъ нихъ еврей, а другой извѣстенъ своей преданностью республики.

— Цѣль освѣщаетъ средства, произнесъ Козмо.

Съ этими словами онъ всталъ и распрощался. Сходя съ лѣстницы, онъ улыбался съ гордымъ торжествомъ, но все-таки выраженіе его лица было озабоченное.

— Еще одного обработалъ, думалъ онъ:—но какая эта тяжелая работа!

Поравнявшись съ каморкой привратника, онъ остановился. Жены привратника не было видно, а Діонисъ стоялъ на порогѣ наружной двери, покуривая трубку. Привратникъ снялъ свой зеленый зонтикъ, и теперь Козмо могъ замѣтить, что у него были проницательные глаза, низкій лобъ и косматые волоса.

Digitized by Google

Діонисъ снялъ свою шапочку и любезно спросилъ:

— Вы желаете пройти?

— Конечно, я не желаю здѣсь ночевать.

Неожиданная мысль осѣнила Козмо.

— Васъ зовутъ Діонисъ?

— Г. Галюшэ вамъ говорилъ обо мнѣ?

— Вы находитесь въ числѣ служащихъ при его конторѣ?

— Да.

— Я вижу, вы его старательно оберегаете.

— Г. Галюшэ богатый, вліятельный человѣкъ. У него много враговъ. Необходимо охранять его отъ негодяевъ и воровъ.

— Конечно. Значитъ, вы его тѣлохранитель?

— Діонисъ, о чемъ вы говорите съ этимъ господиномъ? раздался голосъ жены привратника, повидимому, изъ глубины пуховика.

— Ничего. Господинъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ.

— Пусть его уходитъ скорѣе, а ты возвращайся въ коморку.

— Погодите, произнесъ съ улыбкой Козмо: — я буду часто приходить въ вашъ домъ. У меня важныя дѣла съ г. Галюшэ. Вамъ придется меня часто встрѣчать и провожать. Вѣроятно, вы отложили на черный день немного денегъ и желаете получать хорошіе проценты. Я банкиръ, и вы всегда можете обратиться ко мнѣ. Я люблю оказывать услуги честнымъ людямъ.

Діонисъ Гюлотъ, привратникъ дома, принадлежавшаго Галюшэ, былъ очень удивленъ этими словами, не походившими на обычныя рѣчи кліентовъ нотаріуса. Онъ отворилъ настежъ калитку и пропустилъ Козмо, низко кланяясь.

Онъ вернулся задумчивый въ свою канурку; а Козмо пошелъ домой.

Предложить свои услуги для выгоднаго помѣщенія капитала, вмѣсто того, чтобы дать на водку тѣлохранителю Галюшэ, было ловкой хитростью со стороны итальянца.

— Всякій можетъ быть полезенъ, говорилъ онъ себѣ, поднимаясь по лѣстницѣ Grand-Hôtel.

Только очень мелкіе и очень крупные люди думаютъ о мелочахъ.

Войдя въ свой нумеръ, Козмо старательно заперъ дверь. Судя по выраженію его лица, онъ очень былъ утомленъ отъ разнородныхъ треволненій этого знаменательнаго дня. Но прежде чѣмъ лечь въ постель, онъ вынулъ изъ кармана маленькій футляръ съ распятіемъ изъ слоновой кости, поставилъ его на столъ и, опустившись на колѣни, сталъ набожно молиться.

*

Digitized by Google

Онъ пламенно благодарилъ Бога за счастливый день, принесшій ему трехъ полезныхъ союзниковъ: танцовщицу Віолетту, аббата Тальмеша и нотаріуса католическихъ конгрегацій Ґалюшэ.

VII.

Антуань попадаетъ въ западню.

Маркиза Рошерэ никогда не давала застояться своимъ мыслямъ, разъ, онѣ были направлены къ извѣстной цѣли; напротивъ, какъ кровныя лошади, онѣ несли ее впередъ, закусивъ удила. Сказавъ нѣсколько словъ своему мужу насчетъ великой идеи Козмо, она тотчасъ поняла, что онъ если и не былъ прямо враждебенъ, то мало былъ расположенъ въ пользу итальянскаго финансиста. Первымъ вопросомъ его было:

— Что говоритъ Антуань?

Она всегда была откровенна съ мужемъ и потому отвѣтила.

— Онъ противъ. Это очень естественно; Антуань анти-католикъ. Это, строго говоря, не финансовое предпріятіе... тутъ примѣшиваются много другихъ соображеній.

— А неужели, ты думаешь, Маргарита, что религія и политика могутъ быть безопасно примѣшаны къ финансовому предпріятію?

— Вообще нѣтъ, но это исключеніе. Это комбинація могучихъ условій для достиженія громаднаго, колосальнаго результата.

— Не слишкомъ ли это колосальный планъ, чтобы быть практическимъ? сказалъ маркизъ, смотря нѣжно на свою жену и боясь, что его слова обидѣли ее: — по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется съ перваго взгляда, но надо обсудить это дѣло основательно.

— Нельзя обсудить его основательно безъ глубокаго изученія всѣхъ подробностей, замѣтила маркиза:—а я боюсь, что Антуань составилъ себѣ мнѣніе объ этомъ планѣ, не зная его. Во всякомъ случаѣ, предпріятіе, рекомендованное намъ святымъ отцемъ и столькими друзьями—между прочимъ, я получила сегодня письмо изъ Фросдорфа—заслуживаетъ нашего полнаго вниманія.

— Конечно. Ты видѣла этого господина?

Сеньора Козмо? Да, онъ подробно объяснилъ мнѣ свой планъ.

— Антуань его видѣлъ?

— Нѣтъ еще.

— Такъ ему надо поскорѣе повидаться съ сеньоромъ Козмо.

Digitized by Google

Онъ раскуситъ это дѣло, и его сужденіе будетъ вполнѣ безпристрастное, безъ малѣйшаго оттѣнка сантиментальности.

Маркиза считала, что именно безпристрастное хладнокровіе дѣлало Де-ла-Гуппа невозможнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ и она рѣшила достигнуть своей цѣли другими средствами. Циническая рѣзкость Антуаня задѣла ее за живое, и хотя она была справедливая женщина, но все-таки женщина. Она знала, что Антуань очень упоренъ и не сдастся прежде, чѣмъ всѣ его силы—пѣхота, кавалерія и артиллерія — не будутъ побиты на голову.

Она повидалась съ архіепископомъ. Этотъ архіепископъ большой католической провинціи на югѣ Франціи былъ кардиналъ и сенаторъ. Онъ былъ въ одно время ультрамантанъ и ученый, человѣкъ набожный и свѣтскій. Рѣдкое искуство, съ которымъ онъ соединялъ въ одномъ лицѣ эти четыре разнородныя роли, возбуждали удивленіе въ тѣхъ немногихъ людяхъ, которые интересуются архіепископской психологіей. Онъ былъ другомъ такихъ противоположныхъ личностей, какъ Манталамберъ, Гизо, Морни и Тьеръ, а теперь пользовался расположеніемъ президента республики. Онъ отправился въ Римъ съ репутаціей противника догмата папской непогрѣшимости, а тамъ поддерживалъ его и вернулся во Францію съ кардинальской шляпой въ карманѣ. Всѣ его рѣчи и посланія дышали самымъ крайнымъ ультрамонтанствомъ, а практическая дѣятельность отличалась примирительнымъ характеромъ. Онъ иногда въ сенатѣ высказывался повидимому въ пользу либеральныхъ учрежденій, но истинные республиканцы замѣчали, что въ этихъ случаяхъ либерализмъ приносилъ пользу его партіи или производилъ расколъ среди республиканцевъ на радость клерикаловъ и легитимистовъ. Еслибы его умъ можно было вскрыть, какъ устрицу, то оказалось бы, что, по его мнѣнію, лучшей системой управленія міромъ было возстановленіе свѣтской власти папъ, которые, какъ верховные владыки, освящали бы и поддерживали власть остальныхъ монарховъ, въ силу божественнаго права, имѣющато своимъ источникомъ Ватиканъ. Но этотъ славный идеалъ хранился, конечно, хитрымъ архіепископомъ въ глубинѣ сердца. Науку, философію и литературу онъ считалъ полезными для своихъ ближнихъ лишь въ профильтрованномъ клерикальными доктринерами видѣ. Подобные люди, какъ архіепископъ, представляютъ собою ходячіе парадоксы, но они существуютъ.

Онъ получилъ отъ кардинала Беретты письмо, въ которомъ финансовое предпріятіе Козмо поддерживалось съ жаромъ. Смѣлость этого плана его ни мало не отпугивала; напротивъ, въ его

Digitized by Google

глазахъ для католичества оставалось одно изъ двухъ—безумныя скачки или погибель.

Архіепископъ увидѣлъ съ удовольствіемъ, что прелестная маркиза вполнѣ раздѣляла его мнѣнія. Она была его любимицей; онъ усматривалъ въ ней одно изъ могущественнѣйшихъ орудій клерикализма и легитимизма во Франціи. Онъ одобрилъ ея рвеніе и обѣщалъ повліять, насколько возможно, на маркиза, а равно поддержать ея попытку, привлечь на сторону предпріятія Козмо военныхъ вліятельныхъ столповъ католической партіи. Онъ получилъ письмо также изъ Фросдорфа.

Послѣ посѣщенія архіепископа, маркиза подъ предлогомъ какого-то дѣла отправилась къ г. Галюшэ и возсѣдала на томъ самомъ креслѣ, которое наканунѣ занималъ Козмо. Галюшэ спокойно выслушалъ ея краснорѣчивое изложеніе великой идеи Козмо, внутренно сравнивая граціозную прелесть ея аргументаціи съ силой его доводовъ. Они вдвоемъ могли бы убѣдить кого угодно. Галюшэ нарочно не обнаружилъ сначала своего сочувствія этому дѣлу, а доставилъ ей удовольствіе побѣды; онъ шагъ за шагомъ сдавался передъ неопровержимостью аргументовъ, и наконецъ, признавъ себя побѣжденнымъ, выразилъ готовность быть ея слѣпымъ орудіемъ. На самомъ же дѣлѣ, уже въ это самое утро Абирамъ и К°, крупная еврейская банкирская фирма, имѣвшая большія связи въ Италіи и Австріи, дала ему самыя вѣскія ручательства въ порядочности Козмо и въ осуществимости его предпріятія, если только ему удастся пріобрѣсть ревностную поддержку католической партіи. Евреи выразили полную готовность дисконтировать шансы этого католическаго движенія.

— А маркизъ Рошерэ? спросилъ нотаріусъ.

— Маркизу надо ловко представить это дѣло съ его финансовой стороны; не возьметесь ли вы за это? отвѣчала маркиза съ такой обворожительной улыбкой, что отъ нея не устоялъ бы самъ св. Антоній: — онъ недовѣрчиво относится къ соединенію религіи съ финансовыми дѣлами.

— Я съ нимъ вполнѣ согласенъ, произнесъ очень серьёзно Галюшэ.

— Но это исключительный случай.

— Мы должны сдѣлать исключеніе въ этомъ случаѣ. Это не простое обыкновенное дѣло, а наитіе свыше.

— Вы такъ думаете, Галюшэ? воскликнула маркиза и на ея глазахъ едва не показались слезы умиленія: — вы знаете, что эта самая мысль вошла мнѣ въ голову вчера вечеромъ за молитвами.

— Неужели?

Digitized by Google

— Да, иначе трудно объяснить возникновеніе столь великаго плана. Такъ вы повидаетесь съ маркизомъ?

— Сегодня же.

— Говоря съ маркизомъ, вы не забывайте, что... по крайней мѣрѣ, въ первую минуту, на него не подѣйствуютъ политическія и религіозныя соображенія...

— Я понимаю, перебилъ ее Галюшэ, который уже давно зналъ всѣ сильныя и слабыя стороны стараго аристократа.

— Архіепископъ также поговоритъ съ нимъ.

— Это хорошо, а г. Антуанъ?

— Онъ относится критически, цинично и даже дерзко.

— Il est très fin ce gaillard. Но не смотря на свое безкорыстіе, онъ не способенъ выйти изъ мелкой практической колеи. Еслибы онъ воспитывался не въ протестантской школѣ въ Нимѣ, а въ іезуитской коллегіи, то сдѣлался бы однимъ изъ столповъ церкви. Ему не достаетъ только энтузіазма, чтобы сдѣлаться силой.

И онъ махнулъ рукой, желая выразить этимъ жестомъ nec plus ultra силы.

Дѣйствительно, въ этотъ самый день архіепископъ посѣтилъ маркиза Рошерэ подъ предлогомъ посовѣтоваться съ нимъ насчетъ дѣловой, финансовой стороны предпріятія и ловко намекнуть, что въ высшихъ сферахъ на него смотрятъ очень сочувственно.

Аббатъ Тальмешъ въ свою очередь имѣлъ совѣщаніе съ Галюшэ насчетъ лучшаго способа обойти маркиза. Такого крупнаго кита было трудно словить и требовалась большая осторожность, такъ какъ разъ онъ нырнетъ въ воду, все дѣло пропало.

— Я полагаю, что на него подѣйствуетъ только одно, замѣтилъ аббатъ.

— Что? спросилъ Галюшэ.

— Письмо его высочества.

— Вы правы; маркизъ легитимистъ до мозга костей. Баронъ Портфейль можетъ это устроить.

— Я знаю, что плану Козмо сочувствуютъ въ Фросдорфѣ. Мнѣ говорилъ объ этомъ вчера архіепископъ.

— Такъ будемъ дѣйствовать, не теряя времени. Я тотчасъ пошлю барону шифрованную депешу, прося его отправить письмо сегодня же. Оно придетъ тогда завтра.

Передъ обѣдомъ Галюшэ зашелъ къ маркизу, который страдалъ подагрой и находился не въ очень ангельскомъ настроеніи. Обыкновенно въ такія критическія минуты онъ искалъ утѣшенія въ умственной борьбѣ, этомъ остаткѣ его невѣрующей мо-

Digitized by Google

лодости. По объясненію духовника эта невольная, машинальная привычка, предусмотренная клерикальными казуистами, не составляетъ грѣха, и потому маркизъ предавался ей въ волю, сопровождая умственную борьбу нервнымъ движеніемъ руки или ноги.

Антуань де-ла-Гуппъ присутствовалъ при разговорѣ Галюшэ съ маркизомъ. Послѣ обстоятельнаго обсужденія вопроса о покупкѣ большого помѣстья въ Анжу, самъ маркизъ первый заговорилъ о предпріятіи Козмо. Онъ упомянулъ о визитѣ архіепископа и о сочувствіи маркизы къ этому дѣлу.

— А вы слыхали объ этомъ дѣлѣ? спросилъ хитрый нотаріусъ, обращаясь къ Антуаню.

— Маркиза мнѣ говорила о немъ, отвѣчалъ секретарь: — съ заранѣе составленнымъ мнѣніемъ о пользѣ предпріятія и необходимости его поддержать. Но я долженъ сказать, что наведенныя мною справки далеко неудовлетворительны.

— Вы наводили справки? спросилъ маркизъ съ нетерпѣніемъ. Его начинало сердить, что всѣ такъ занимаются этимъ дѣломъ.

— Г. Дарвель, бывши здѣсь вчера, далъ мнѣ свѣдѣнія о сеньорѣ Козмо, которыя не возбуждаютъ во мнѣ довѣрія къ честности и благоразумію этого господина.

— Неужели? произнесъ нотаріусъ:—мнѣ надо непремѣнно поговорить съ Дарвелемъ. Напротивъ, наведенныя мною справки о сеньорѣ Козмо и его предпріятіи оказались самыми благопріятными.

— У кого вы справлялись?

— Въ банкирской конторѣ Абирамъ и К°. Не подлежитъ сомнѣнію, что сеньоръ Козмо имѣетъ могучую поддержку.

— А я убѣжденъ, произнесъ Антуань, который въ этомъ вопросѣ, повидимому, измѣнилъ своей обычной осторожности и рѣдкому такту:—что это искатель приключеній. Дарвель имѣлъ съ нимъ дѣла и считаетъ его спекуляторомъ самаго безнравственнаго пошиба.

— Дарвель—англичанинъ и недоволенъ тѣмъ, что его католическій банкъ въ Англіи не удался, замѣтилъ нотаріусъ:—ему просто досадно, что другой можетъ успѣть въ дѣлѣ, въ которомъ онъ понесъ пораженіе.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Антуань, забывъ всякія приличія и думая только о томъ, чтобы помѣшать нотаріусу заговорить маркиза, этотъ господинъ просто уличенъ былъ въ мошенничествѣ.

У маркиза нервно повело ногу.

— Въ мошенничествѣ! произнесъ Галюшэ: — вы очень рѣзко

Digitized by Google

выражаетесь о человѣкѣ, за котораго ручаются извѣстные банкиры, и котораго рекомендуютъ маркизу и маркизѣ Фросдорфъ и Ватиканъ.

Старый маркизъ внимательно слушалъ ихъ разговоръ; онъ отличался естественной въ истинномъ джентльменѣ ненавистью къ клеветѣ и ничѣмъ не доказаннымъ обвиненіямъ. Еще молодымъ человѣкомъ онъ дрался на дуэли съ своимъ другомъ, позволившимъ себѣ отпустить шутку на счетъ горничной его матери.

— Я прошу васъ не забывать г. Антуань, сказалъ онъ строгимъ тономъ:—что сеньоръ Козмо находится подъ покровительствомъ маркизы и потому не долженъ служить мишенью вашихъ сарказмовъ. Если у васъ есть доказательства, представьте ихъ, но однѣ сплетни, слышанныя вами отъ мистера Дарвеля, хотя и очень милаго джентльмена, не могутъ пересилить всѣ рекомендаціи, полученныя нами изъ такихъ источниковъ, къ которымъ мы относимся съ уваженіемъ и преданностью.

Антуань былъ глубоко оскорбленъ этими словами маркиза, который обыкновенно относился къ нему очень уважительно. Его положеніе въ этомъ домѣ было столь твердое и его мнѣнія по дѣловымъ вопросамъ принимались съ такимъ слѣпымъ довѣріемъ, что онъ не могъ перенести этого выговора, послѣдовавшаго тотчасъ за подобной же головомойкой со стороны маркизы. Играть вторую роль, предоставивъ первую какому-то итальянскому проходимцу, казалось ему недостойнымъ и невозможнымъ.

— Къ великому моему сожалѣнію, маркизъ, сказалъ онъ, вставъ и взволнованнымъ голосомъ:—я расхожусь въ мнѣніяхъ съ тѣми лицами, довѣріе и уваженіе которыхъ я цѣню болѣе всего на свѣтѣ. Дѣло, которое обсуждалось здѣсь помимо меня, на что я, конечно, не имѣю права жаловаться, помня свое положеніе въ этомъ домѣ, идетъ въ разрѣзъ со всѣми моими убѣжденіями и потому мнѣ остается только удалиться. Я имѣю честь, маркизъ, отказаться отъ занимаемаго мною въ вашемъ домѣ пріятнаго и почетнаго мѣста, какъ это мнѣ ни больно. Прощайте, маркизъ.

И, поклонившись, Антуань хотѣлъ выйти изъ комнаты, но маркизъ его остановилъ гнѣвнымъ восклицаніемъ:

— Вы подаете въ отставку?

Антуань молча поклонился.

— Хорошо, сказалъ холодно маркизъ съ нервной дрожью въ рукахъ и ногахъ:—быть можетъ, это лучшій исходъ. Когда человѣкъ въ вашемъ положеніи ставитъ свои мнѣнія выше мнѣ-

Digitized by Google

ній лицъ, которымъ онъ служитъ, то ясно имъ остается разойтись. Прощайте, Антуань.

И маркизъ мысленно утѣшился здоровенной дозой божбы и проклятій.

Антуань удалился внѣ себя отъ гнѣва. Намекъ маркиза, что онъ служилъ въ домѣ, глубоко оскорбилъ молодого человѣка.

Маркизъ былъ также сердитъ, но не обнаружилъ этого при постороннемъ лицѣ. Что же касается до Галюшэ, то онъ высказалъ свое сожалѣніе по поводу происшедшаго, но въ глубинѣ души былъ очень доволенъ, что наступилъ неожиданный конецъ вліянію Антуаня въ домѣ Рошерэ. Этотъ разрывъ произошелъ какъ нельзя болѣе кстати. Хитрый нотаріусъ понималъ, что своимъ вмѣшательствомъ онъ только можетъ испортить дѣло, вызвавъ реакцію въпользу секретаря, и удалился. Но прежде чѣмъ онъ ушелъ, маркизъ просилъ его навести дальнѣйшія справки и представить обстоятельную записку о предпріятіи сеньора Козмо. Ссора съ Антуанемъ уже принесла плоды.

По уходѣ Галюшэ, маркизъ, не имѣвшій возможности двинуться съ мѣста, послалъ за маркизой и разсказалъ ей обо всемъ случившемся. Она была очень разстроена этимъ извѣстіемъ. Антуань ее разсердилъ, но она не желала разрыва съ нимъ. Его оппозиція въ этомъ дѣлѣ ни мало не поколебала ея довѣрія къ его честности и дѣловымъ способностямъ. Она надѣялась, что ей удастся его убѣдить и воспользоваться его драгоцѣнной помощью для осуществленія великой идеи. Но подагра маркиза и самолюбіе Антуаня привели дѣло къ нежелательной развязкѣ.

— Онъ просто сталъ невозможнымъ! воскликнулъ маркизъ.

— Онъ честный и добронамѣренный человѣкъ, замѣтила маркиза.

— Можетъ быть, отвѣчалъ маркизъ, пожимая плечами:—онъ не можетъ извлечь никакой пользы изъ своей выходки. Онъ слишкомъ сталъ самолюбивъ. Мы его избаловали.

— Вѣроятно, его настроилъ г. Дарвель, враждебно относящійся къ сеньору Козмо.

— У нихъ какіе-нибудь старые счеты. Но это не даетъ право секретарю вести себя такъ дерзко. Мнѣ надо, Маргарита, самому повидать этого господина. Онъ околдовалъ тебя, ma chère, и погубилъ бѣднаго Антуаня.

— Это не трудно. Я попрошу аббата написать ему, чтобы онъ пріѣхалъ завтра. Но неужели разрывъ съ Антуанемъ серьёзенъ?

— Я боюсь. Послѣ всего, что онъ мнѣ сказалъ, я не могу

Digitized by Google

сдѣлать перваго шага къ примиренію. Я никому не уступлю моей власти въ этомъ домѣ, конечно, кромѣ тебя.

И онъ нѣжно взялъ двумя пальцами за прелестное ушко маркизы.

— Жаль, промолвила она.

— Да, Антуань неоцѣнимый управляющій — честный, благородный, дѣятельный. Онъ даже въ этомъ случаѣ поступилъ благородно, какъ настоящій джентьменъ. Я его еще болѣе за это уважаю. Но неловко мнѣ идти на мировую.

— Зачѣмъ намъ лишаться такого сокровища? Гдѣ мы найдемъ второго Антуаня?

— Да, ты права, гдѣ мы найдемъ второго Антуаня? произнесъ маркизъ:—какъ бы я желалъ, чтобы этотъ Козмо и его великая идея провалились... въ кратеръ Везувія.

Маркиза поспѣшно удалилась, боясь, чтобы при дальнѣйшемъ разговорѣ это мгновенное негодованіе на Козмо не превратилось въ ненависть. Возвратясь въ свою комнату, она послала за Антуанемъ. Онъ явился мрачный, несчастный. Его обращеніе было почтительно, но холодно. Маркиза протянула ему руку.

— Я не хочу вѣрить, чтобы вы серьёзно рѣшились насъ покинуть, г. Антуань, промолвила она съ самой нѣжной, обворожительной улыбкой: — мы не можемъ потерять нашего друга и совѣтника. Мы съ вами такъ не разстанемся.

Голосъ ея слегка дрожалъ, глаза были влажны, и ея рука сочувственно сжимала руку Антуаня. Онъ не могъ противиться сладостному чувству, овладѣвшему всѣмъ его существомъ при прикосновеніи ея руки. Его гнѣвъ мгновенно остылъ. Онъ готовъ былъ броситься передъ нею на колѣни и осыпать поцѣлуями ея ноги. За невозможностью это сдѣлать, онъ нагнулся и поцѣловалъ ея руку.

Она не разсердилась.

Самолюбіе Антуаня было болѣе чѣмъ удовлетворено. Но оставался еще маркизъ.

— Что же мнѣ дѣлать, маркиза? сказалъ онъ, наконецъ, собравшись съ силами:—я здѣсь не нуженъ, моими совѣтами пренебрегаютъ. Мнѣ остается одно—уйти.

— Нѣтъ, мой милый, Антуань. Вы, вѣдь по правдѣ сказать, еще не дали своего совѣта, а онъ намъ очень нуженъ. Мы съ маркизомъ, полагаемъ, что вы получили невѣрныя свѣдѣнія, что вашъ обыкновенно столь свѣтлый умъ отуманился, благодаря наговору какого-нибудь врага сеньора Козмо. Обѣщайте мнѣ, что вы изучите это дѣло основательно, соберете всѣ

Digitized by Google

необходимыя справки и выскажете честно свое мнѣніе, которымъ мы такъ дорожимъ.

— Маркиза, промолвилъ Антуань, опуская глаза:—мое единственное желаніе служить вамъ всю жизнь.

Онъ дрожалъ отъ волненія, такъ жгли его чудные глаза маркизы. Она отвела свой взглядъ и нѣжнымъ, но не столь взволнованнымъ, голосомъ отвѣтила:

— Каковъ бы ни былъ результатъ, я вамъ буду сердечно благодарна. Мы оба, и я, и маркизъ, достойно оцѣнимъ вашу честность и преданность нашимъ интересамъ.

Вполнѣ утѣшенный и болѣе чѣмъ вознагражденный за претерпенныя непріятности, Антуань съ жаромъ обѣщалъ исполнить желаніе маркизы. Онъ, какъ всегда, былъ готовъ служить ей и маркизу. Очень можетъ быть, что онъ ошибся. (Умъ подсказывалъ ему «нѣтъ», а сердце «надѣюсь, да»). Что же касается до маркиза...

— Подождите, промолвила маркиза, протягивая свою хорошенькую ручку и едва не касаясь его губъ:—заключимте условіе. Не вступайте ни въ какія объясненія съ маркизомъ и никогда не упоминайте о вашей ссорѣ. Забудемъ все, случившееся сегодня. И вамъ, и маркизу будетъ непріятно извиняться. Мы просто будемъ считать, какъ говорятъ въ палатѣ, «этотъ вопросъ закрытымъ».

Маркиза выказала всю свою необыкновенную силу въ этомъ щекотливомъ объясненіи съ Антуанемъ. Имѣя дѣло съ гордымъ, щепетильнымъ человѣкомъ, она съумѣла успокоить его оскорбленное достоинство, и придать своимъ словамъ лестную для него нѣжность, не переступая границъ самаго строгаго приличія.

Съ этой минуты Антуань сталъ смотрѣть совершенно иначе на планъ Козмо. Онъ уже относился къ нему безъ предвзятой враждебности, а какъ сочувственно настроенный человѣкъ, желающій основательно изучить дѣло.

Выйдя изъ дома маркизы, Антуань чувствовалъ, что на сердцѣ у него легко, и шаги его какъ-то машинально направились въ улицу Пентьевръ.

VIII.

Ботріонъ.

Дюмарескъ, редакторъ и главный собственникъ «Le Bon Ami», былъ, какъ мы уже видѣли, нетолько литераторъ и дѣловой че-

Digitized by Google

ловѣкъ, но и свѣтскій франтъ, принятый въ лучшемъ обществѣ. Слова мистера Дарвеля, какъ нельзя лучше, характеризовали его. Онъ по преимуществу увлекался впечатлѣніемъ данной минуты, а подобные люди не всегда отличаютъ добро отъ зла. Искренно желая быть религіознымъ, онъ не всегда успѣшно боролся съ соблазнами парижской жизни; онъ любилъ удовольствія, былъ тонкимъ гастрономомъ, легко поддавался женской прелести и гордился дружбой юныхъ представителей спорта. Но въ этомъ именно и заключалась вся его сила. Онъ изучилъ въ корнѣ тѣ стороны современнаго общества, съ которыми боролся, увѣренный, что для пропаганды истинной вѣры труднѣе, борьба съ пороками, чѣмъ съ невѣріемъ или превратными идеями. Такимъ образомъ, газета Дюмареска отличалась свѣтскимъ, остроумнымъ и часто очень легкимъ характеромъ, что привлекало главнымъ образомъ молодежь и старичковъ.

Дюмарескъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ многими юными плутократами и, предавшись душой и тѣломъ осуществленію великой идеи Козмо, относительно которой въ его газетѣ уже появилось нѣсколько таинственныхъ замѣтокъ, онъ рѣшилъ необходимымъ пріобрѣсть содѣйствіе молодого человѣка, который своимъ умомъ и богатствомъ могъ имѣть большее вліяніе на золотую молодежь.

Однажды утромъ, дня два послѣ визита къ маркизѣ съ Козмо, онъ въ ранніе, не свѣтскіе часы вошелъ въ изящную квартиру барона Плюмма въ улицѣ Вернель. Баронъ, происходившій отъ богатаго нѣмецкаго банкира, натурализованнаго во Франціи, занималъ роскошное помѣщеніе, достойное жилище холостяка-милліонера.

Камердинеръ барона, Нарциссъ, отлично зналъ всѣхъ посѣтителей своего господина. Дюмарескъ былъ въ числѣ привилегированныхъ друзей и его прямо провели черезъ рядъ изящно меблированныхъ комнатъ въ обширную спальню барона. Въ противоположномъ концѣ стояла громадная низенькая кровать съ балдахиномъ изъ драгоцѣнныхъ тканей; съ обѣихъ ея сторонъ виднѣлись двери, изъ которыхъ правая вела въ ванную комнату, а лѣвая на маленькую лѣстницу, соединявшуюся желѣзной дверью съ улицей. Даже вѣрный Нарциссъ не имѣлъ ключа отъ этой двери, и замокъ въ ней былъ съ сложнымъ секретомъ. Меблировка спальни обнаруживала въ артистѣ, устраивавшемъ ее, замѣчательную оригинальность. Кушетка и кресла различныхъ стилей были разставлены въ живописномъ безпорядкѣ; стѣны были обтянуты шелковой матеріей съ золочеными рамками; единственная въ комнатѣ картина, портретъ прелестной

Digitized by Google

красавицы, матери барона, висѣла надъ мраморнымъ каминомъ противъ высокихъ большихъ оконъ, выходившихъ во дворъ и закрытыхъ кружевными занавѣсями. На узорчатомъ паркетномъ полу были разбросаны старинные, богатые молитвенные коврики изъ Джедды, мягкіе, какъ бархатъ, и блестящіе, какъ шелкъ.

Войдя въ комнату, Дюмарескъ остановился въ изумленіи: передъ зрѣлищемъ, представившемся его глазамъ: у большого средняго окна сидѣли два господина безъ сюртуковъ и жилетокъ, съ засученными рукавами и повязанными на шеѣ полотенцами. У каждаго въ лѣвой рукѣ была ботинка, а въ правой маленькая акварельная кисть; подлѣ на двухъ стульяхъ, сидѣнья которыхъ были покрыты газетами, стояли два фарфоровыхъ блюдечка съ черной жидкостью. Этой жидкостью они старательно обмазывали ботинки, находившіяся у нихъ въ рукахъ. Передъ ними ходилъ по комнатѣ высокаго роста красивый молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, въ великолѣпномъ синемъ бархатномъ халатѣ и такой же шапочкѣ, надѣтой на бекрень. Въ зубахъ у него торчала сигара, а въ правой рукѣ онъ держалъ кисть, подобную тѣмъ, какими дѣйствовали его товарищи. У стѣны было выстроено въ рядъ около тридцати паръ сапогъ.

— Peste! Артусъ! воскликнулъ господинъ въ халатѣ съ отчаяніемъ, размахивая своей кистью:—если ты будешь такъ продолжать, то я брошу тебя учить. Ты мажешь кистью, какъ деревенскій маляръ! Grand ciel! Грустно видѣть, какими кучами ты валишь на ботинку мою божественную ваксу. Надо покрывать кожу легкимъ, деликатнымъ слоемъ, милліонной частью милиметра. Посмотри на Гаспара. Онъ настоящій артистъ. Какъ нѣжно онъ касается кистью до ботинки; она скользитъ воздушно, точно первый поцѣлуй по алымъ губкамъ невинной дѣвушки. Учись у него! Его ботинка не походитъ на заново осмоленную барку, а сіяетъ ровнымъ, прелестнымъ, не бросающимся въ глаза лоскомъ. Браво, Гаспаръ! Я тебя буду всегда снабжать ваксою моего издѣлія. А тебѣ, Артусъ, я рѣшительно не дамъ ни капли этого божественнаго состава, развѣ ты выкажешь со временемъ бо̀льшія способности. А, Дюмарескъ, вы здѣсь! Вы видите, я даю урокъ моимъ друзьямъ чистить ботинки знаменитой, несравненной ваксой Плюмма, которая продается только у ея изобрѣтателя. Вы знакомы съ графомъ Тореномъ, но, кажется, вы еще не встрѣчались съ княземъ Артусомъ Бальтазаръ.

Оба господина серьёзно встали, поклонились Дюмареску и снова принялись за свое занятіе.

— Возьми другую пару, Бальтазаръ! воскликнулъ баронъ:—

Digitized by Google

ты эту испортилъ. Брось ее. Бери по немногу... слышишь, это мой chef-d'euvre, приготовленія 1867 года. Mon Dieu! Зачѣмъ такъ расточать драгоцѣнное сокровище! А ты, Гаспаръ, можешь и перестать; я тебя принимаю въ число членовъ избраннаго кружка чистильщиковъ сапогъ, но помни, подъ однимъ условіемъ, всегда самому покрывать этой ваксой свои сапоги. Если ты хоть разъ поручишь эту деликатную операцію своему камердинеру, то я навсегда вычеркну твое имя изъ моей торговой книги. Пойди сюда, я тебѣ дамъ составъ, подходящій къ твоей кожѣ. Ты носишь толстые сапоги.

Говоря это, баронъ Плюммъ перешелъ черезъ комнату и, отворивъ дверцу красиваго шкафа, обнаружилъ ряды большихъ бутылокъ, стоявшихъ на полкахъ, каждая съ соотвѣтственнымъ этикетомъ.

— Семьдесятъ первый годъ былъ сухой, продолжалъ онъ:— и слишкомъ клейкій. Я примѣшаю тебѣ шестьдесятъ третьяго года, лучшаго и самаго жидкаго изъ моихъ заготовокъ. Въ томъ году шампанское было особенно хорошо. Семьдесятъ второй годъ сдѣланъ былъ на старомъ токайскомъ винѣ.

Дюмарескъ никогда еще не видалъ этой коллекціи, хотя зналъ, что баронъ гордился приготовляемой имъ блестящей ваксой.

— Позвольте презрѣнному паріи бросить недостойный взглядъ на эти священные сосуды, сказалъ онъ съ улыбкой:—я не смѣю проситься въ ряды вашего таинственнаго братства.

— Отчего же нѣтъ? Вы можете вступить въ мой кружекъ, но подъ тѣмъ же условіемъ, какъ Таренъ и Бальтазаръ. Вы должны обязаться честнымъ словомъ, что будете сами покрывать свои сапоги этой священной жидкостью, и никому, даже своей любовницѣ не дадите ни одной капли. Если вы нарушите слово, то будете имѣть дѣло со мной.

— Хорошо. Я вступаю въ клубъ чистильщиковъ сапогъ, и если моя рѣчь не будетъ блестѣть остроуміемъ, за то сапоги будутъ блестѣть ваксой.

— Отлично. Поднимите ногу. Кожа у васъ хорошая, но мнѣ не нравится ея ткань. Mon Dieu, у васъ англійская обувь; грубая, громадная.

— Но удобная и ноги у меня не болятъ.

— Ба! И вы еще хотите быть свѣтскимъ, élegant. Какъ бы то ни было, вы получите смѣсь семьдесятъ девятаго и восьмидесятаго годовъ. Это самый для васъ подходящій составъ.

И баронъ сталъ наполнять чистую стклянку жидкостью изъ двухъ бутылокъ.

— Вы могли бы нажить себѣ состояніе этой ваксой, сказалъ

Digitized by Google

Дюмарескъ. — Подумайте только, какой успѣхъ имѣла бы вакса Плюммъ, приготовляемая на токайскомъ винѣ и шампанскомъ въ двадцать франковъ за бутылку.

— Неужели? воскликнулъ баронъ, бросивъ жадный взглядъ на Дюмареска:—еслибы я былъ только въ этомъ увѣренъ... но нѣтъ вы шутите... эта вакса не для толпы, оцѣнить ее можетъ только глубоко развитый умъ. Покрытый ею сапогъ художественнѣе всякой картины.

— Однако, сказалъ Дюмарескъ:—я пришелъ къ вамъ, чтобъ поговорить съ вами о колоссальномъ дѣлѣ, которое дастъ вамъ милліоны. *Она* принимаетъ въ немъ самое горячее участіе.

— Маркиза! Неужели! Разскажи намъ всѣ подробности этого дѣла. Это кстати тебѣ, Бальтазаръ; ты нуждаешься въ деньгахъ. Брось свои сапоги и кисть. Ну, молчаніе, порядокъ. Слово за г. Дюмарескомъ. Нѣтъ, погодите, намъ сейчасъ подадутъ завтракъ. Позвони, Таренъ. Вамъ надо вымыть руки. Pardon, messieurs, я сейчасъ одѣнусь.

Гости закурили папиросы, а баронъ Плюммъ сталъ одѣваться съ помощью Нарциса, который открылъ громадный шкафъ, занимавшій цѣлую стѣну. Выборъ утренняго костюма оказался не легкой задачей и занялъ много времени.

— Посмотрите, Дюмарескъ, сказалъ, наконецъ, баронъ:—какъ вамъ нравятся эти панталоны мышинаго цвѣта? Не правда ли, они великолѣпны. Но трудно рѣшить, какая подойдетъ къ нимъ визитка. Темно-синяя или каштановая? Нѣтъ, я надѣну черную бархатную и посмотрю во время завтрака, идетъ ли она. Если будетъ не хорошо, то я надѣну другую. Ну, теперь дайте галстухи, Нарцисъ. Который подойдетъ къ костюму?

Галстуховъ было нѣсколько сотенъ, и каждый изъ присутствовавшихъ высказывалъ свое мнѣніе. Баронъ колебался около пяти минутъ и, наконецъ, выбралъ галстухъ, который не пришелся по вкусу ни одному изъ его друзей.

— Я изобрѣлъ новый галстухъ, сказалъ онъ:—его приготовляютъ для меня у Бертена; онъ будетъ имѣть громадный успѣхъ; никогда не видано было ничего подобнаго. Средина его свѣтлая, а концы широкіе, синіе. Просто прелесть. Нарцисъ, платокъ. Къ черной бархатной визиткѣ надо вышитый шелковый. Попрыскайте духами Peau d'Espagne, да прибавьте три капли Bouquet Indien. Фи! воскликнулъ онъ, бросая платокъ:—слишкомъ крѣпко пахнетъ. Дайте другой и флаконы съ духами. Вотъ такъ, хорошо. Ну, allons.

И онъ провелъ своихъ гостей въ кокетливый, маленькій бу-

Digitized by Google

дуаръ холостяка, гдѣ черезъ нѣсколько минутъ былъ поданъ роскошный завтракъ.

— А... а... а! промолвилъ хозяинъ, выпивъ стаканъ шабли и принимаясь за устрицы: — это обученіе новичковъ въ высшемъ искуствѣ чистить сапоги меня очень утомило.

Сначала разговоръ не вязался, но когда червячекъ былъ заморенъ, баронъ, не забывшій словъ Дюмареска, сказалъ:

— Ну, разсказывайте вашъ проэктъ. Какую вы открыли Голконду? Маркиза первая дѣловая женщина на свѣтѣ; я не видалъ ничего подобнаго. Говорятъ, что она съ этимъ чортомъ Антуанемъ наживаетъ милліоны. И, однако, она идеалъ всего, что въ женщинѣ есть нѣжнаго и привлекательнаго.

— Это колоссальное предпріятіе, началъ Дюмарескъ, но баронъ его перебилъ:

— Вы повторяете, мой другъ. Мы уже слышали, что ваше дѣло колоссальное.

— Да, оно колоссальное, повторилъ Дюмарескъ, ни мало не смущенный замѣчаніемъ барона.—Это не болѣе, не менѣе, какъ сліяніе всѣхъ капиталовъ на свѣтѣ въ одно громадное кредитное учрежденіе.

— Гмъ! медленно промолвилъ баронъ, и лицо его приняло серьёзное, сосредоточенное выраженіе.

Этотъ странный молодой человѣкъ умѣлъ быть серьёзнымъ и сосредоточеннымъ, когда того требовали обстоятельства. Въ настоящую минуту лицо его выражало глубокомысленную и спеціально банкирскую думу. Онъ наслѣдовалъ эти финансовыя способности отъ отца и съ удивительнымъ искуствомъ велъ свои дѣла. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ успѣшныхъ спекуляторовъ на биржѣ, но никто не зналъ ни объема, ни результата его финансовыхъ операцій. Онъ былъ самъ и бухгалтеромъ, и маклеромъ; къ тому же, его капиталы были помѣщены во многихъ учрежденіяхъ. Обращаясь къ нему за содѣйствіемъ, Дюмарескъ имѣлъ двойную цѣль, что дѣлало большую честь его сообразительности.

— Это не очень надежное дѣло, прибавилъ послѣ минутнаго молчанія баронъ:—оно слишкомъ крупное.

— Да, оно крупное, но за то и человѣкъ, задумавшій его, крупный геній. Еслибы вы только видѣли, какъ онъ аттаковалъ маркизу и однимъ натискомъ одержалъ побѣду.

— А!

— Да; онъ явился къ ней, заставилъ себя слушать и ушелъ побѣдителемъ.

Digitized by Google

— Кто этотъ удивительный человѣкъ? спросилъ Бальтазаръ:— я желалъ бы поучиться у него.

— A! mon prince! воскликнулъ баронъ: — вамъ бы лучше прежде научиться чистять сапоги, а потомъ уже думать о такой школѣ. Если Дюмарескъ говоритъ правду, то врядъ ли на всемъ свѣтѣ найдется два человѣка, достойные пойти въ ученики къ тому человѣку.

— Это было при мнѣ, отвѣчалъ журналистъ: — выслушавъ его, она объявила, что готова всѣми средствами поддерживать его проэктъ.

— Какъ его зовутъ?

— Сеньоръ Козмо. Онъ итальянецъ.

— Хорошо, произнесъ баронъ и, откинувшись на спинку своего стула, приготовился слушать: — разскажите намъ его проэктъ.

Дюмарескъ объяснилъ очень подробно и обстоятельно планъ Козмо, причемъ баронъ часто перебивалъ его, предлагая вопросы, которые ясно обнаруживали въ немъ его замѣчательныя финансовыя способности.

— Мнѣ надо самому повидать этого человѣка, сказалъ, наконецъ, баронъ, не высказывая своего мнѣнія ни за, ни противъ: — это очень смѣлый планъ, и нельзя отрицать, что при теперешнихъ обстоятельствахъ, благодаря ему, можно нажить порядочный кушъ. Съ политической и религіозной точки зрѣнія это просто ахинея, но онъ можетъ имѣть временный успѣхъ и ты, Артусъ, будешь въ состояніи выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, а ты, Гаспаръ, получишь возможность отбить Віолетту у г. Де-ла-Гуппа. А что Антуанъ говоритъ объ этомъ дѣлѣ, Дюмарескъ?

— Не слыхалъ, отвѣтилъ ловкій журналистъ: — но меня не удивитъ, если онъ и отнесется враждебно къ этому плану. Ему естественно не можетъ нравиться религіозно-финансовое предпріятіе.

— Признаюсь, и мнѣ оно не нравится, хотя я искренній католикъ, замѣтилъ баронъ. — Но въ воздухѣ носится жажда спекуляцій, и вы увидите, что вскорѣ наступитъ новая спекулятивная эпоха, народится цѣлый рядъ акціонерныхъ компаній, банковъ, кредитныхъ обществъ и т. д. Соединеніе большихъ капиталовъ въ рукахъ нѣсколькихъ избранныхъ людей можетъ теперь дать громадные барыши. Публика все проглотитъ, только надо снискать ея довѣріе.

Они довольно выпили и были очень веселы. Князь Бальтазаръ, не отличавшійся большимъ умомъ и представлявшій ка-

Digitized by Google

кую-то смѣсь француза съ венгерцемъ, жадно схватился за надежду поправить свои расшатанные финансы.

— А чѣмъ будетъ заниматься это колоссальное учрежденіе? спросилъ онъ:—у него будетъ большой домъ... кладовыя... много денегъ. Будутъ ли акціонеры имѣть право получать ссуды на какую угодно сумму? Всесвѣтный католическій кредитъ — это славная мысль. Я также искренній католикъ.

— Да, и останешься имъ, Артусъ, пока тебѣ не понадобится венгерскій разводъ, и тогда ты сдѣлаешься унитаріанцемъ. Но твое представленіе объ этомъ предпріятіи, какъ о громадной машинѣ для ссуды денегъ искреннимъ католикамъ, по истинѣ великолѣпно.

— Что же оно будетъ дѣлать, если не раздавать ссуды? спросилъ князь.

— Покупать концессіи, желѣзныя дороги, привилегіи, рудники, копи и т. д., учреждать различныя компаніи, поднимать акціи до преміи и потомъ распродавать ихъ. Этимъ путемъ можно выручить милліоны.

— Неужели? А кому они достанутся?

— Вамъ, мнѣ, всѣмъ акціонерамъ. Это нѣчто въ родѣ громадной игры въ банкъ.

— Я не понимаю. Я всегда проигрываю въ банкъ. Лучше бы взять привилегію на какое-нибудь изобрѣтеніе. У моего отца былъ кучеръ, который потомъ управлялъ нашимъ конскимъ заводомъ въ Трансильваніи; онъ изобрѣлъ какое-то лекарство для лошадей. Выстроилъ фабрику для приготовленія этихъ пилюль и сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Лучше бы и намъ пуститься въ такую аферу. Прадай мнѣ секретъ твоей ваксы.

— Нѣтъ, мой достолюбезный Артусъ, я ни за что не повѣрю столь важнаго секрета такому плохому чистильщику! Къ тому же, я не хочу продавать черни этотъ единственный плодъ моего геніальнаго ума; я не хочу, чтобъ какой-нибудь глупый лакей, подобно одному моему знакомому князю, сталъ валить кучами это сокровище на грубую обувь лавочниковъ. Нѣтъ, никогда. Если вамъ необходима привилегія на ваксу, то обратитесь къ другому изобрѣтателю.

— Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ, сказалъ Дюмаресъ съ ироническою улыбкой: — въ древности былъ господинъ, упоминаемый Плиніемъ, по имени Эсхинъ; онъ изобрѣлъ чудодѣйственныя пилюли подъ названіемъ Ботріонъ.

— Ботріонъ?

— Да, какъ вы думаете, изъ чего онѣ были сдѣланы?

— Изъ травъ, вѣроятно?

*

Digitized by Google

— О, нѣтъ. Господинъ Эсхинъ былъ ученый, и его изобрѣтеніе отличалось глубокомысліемъ. Ботріонъ приготовлялся изъ праха умершихъ.

— Какое отвращеніе, произнесъ князь съ кислой гримасой.

— Эврика! воскликнулъ баронъ. — Напротивъ, любезный Артусъ, это геніальная идея и мы наживемъ милліоны. Составимте тотчасъ: *Акціонерное общество Ботріонъ*. Новый принципъ жизни. Гарантія безконечнаго существованія. Ребенокъ выздоравливаетъ отъ болѣзни, благодаря двумъ грамамъ праху своей бабушки. Теща становится, послѣ смерти, благодѣяніемъ для семьи, которою она тиранила при жизни. Это удивительная идея. Напримѣръ, вашъ паціентъ расточитель, положимъ, какой-нибудь князь, ну, цыганскаго происхожденія, дайте ему пилюлю изъ стараго жида и онъ становится скрягой. Или возьмите парижскаго бульварнаго франта, женственнаго...

— Барона, прибавилъ Таренъ.

— Именно. Дайте ему пилюлю изъ англійскаго боксера, и онъ становится мужественнымъ англичаниномъ, любящимъ боксъ и говорящимъ на каждомъ словѣ God-dam. Вы находите, что ваша жена слишкомъ наивна, дайте ей пилюлю изъ покойной итальянской маркизы — и она превращается въ прелестную mondaine.

— Blagueur!

— Нисколько. Я говорю искренно. Князь Артусъ Бальтазаръ будетъ предсѣдателемъ правленія въ нашемъ обществѣ, а я управляющимъ. Главное мое вниманіе будетъ обращено на объявленія. Я заткну за поясъ шоколадъ Мелье и магазинъ Лувра или Bon Marché. Я ихъ вытѣсню съ послѣдней страницы «Figaro» и на ней только и будетъ красоваться: «*Ботріонъ!* источникъ жизни! *Ботріонъ*—первобытное лекарство! Свидѣтельство старой дѣвы, вылечившейся отъ мизантропіи и дурного характера, благодаря нѣсколькимъ пріемамъ Ботріона, сдѣланнаго изъ праха...»

— Довольно, перебилъ его Дюмарескъ.—Уважайте женщинъ. Онѣ украшеніе человѣческаго рода.

— И наши сердечные друзья, замѣтилъ со смѣхомъ графъ Таренъ.

— Хорошо, оставимъ ихъ въ покоѣ изъ уваженія къ нашимъ безумнымъ слабостямъ. Вотъ одно изъ ста тысячъ свидѣтельствъ, находящихся въ портфелѣ общества: «Англійскій лордъ вылечился отъ своего нестерпимаго высокомѣрія и сдѣлался полированнымъ парижаниномъ, благодаря пилюлямъ Батріона изъ праха знаменитаго gomeux».

Digitized by Google

— Браво! Vive la Botrion! воскликнулъ Дюмарескъ:—оно дѣлаетъ чудеса. Еслибы вы только видѣли, какъ на дняхъ мой другъ Козмо былъ взбѣшенъ англійскимъ высокомѣріемъ и наглостью какого-то мистера Дарвеля.

— Дарвель! произнесъ баронъ:—я его знаю. Онъ умный человѣкъ. Но это лавочникъ, и для лавочника у него порядочныя манеры.

— Но онъ отличался высокомѣріемъ князя, замѣтилъ необдуманно Дюмарескъ.

— Pardon! произнесъ князь Бальтазаръ, вставая и кланяясь всѣмъ присутствующимъ: — князь самый скромный и снисходительный изъ людей.

— Браво, Артусъ! воскликнулъ баронъ, также вставая и кланяясь:—это единственное остроумное слово, какое ты сказалъ въ своей жизни. Дюмарескъ, краснѣйте; вы побиты. Эти господа сейчасъ отправятся въ свои конюшни, а вы останьтесь на минуту; мнѣ надо съ вами поговорить.

Какъ только друзья удалились, баронъ перемѣнилъ тонъ, пересталъ шутить и сталъ обсуждать проэктъ Козмо самымъ серьёзнымъ тономъ дѣлового человѣка.

Тогда Дюмарескъ объяснилъ причину, которая побудила его обратиться къ содѣйствію барона.

— Я желалъ бы, сказалъ онъ: — чтобы вы лично и основательно изучили это дѣло. Если оно пойдетъ въ ходъ—а я въ этомъ увѣренъ—то необходимо будетъ имѣть противовѣсъ этому удивительному итальянцу. Представьте себѣ человѣка съ громаднымъ умомъ, съ сердцемъ, какъ огнедышащая гора, и одареннаго силой и быстротой митральезы.

— Вы путаетесь въ своихъ сравненіяхъ.

— Это не моя вина; ужь такой диковинный человѣкъ. Онъ совершенно овладѣетъ маркизой.

— Diable! онъ хорошъ собою?

— Онъ уродливѣе вашего буфетчика Теофиля. Именно такой человѣкъ, въ котораго можетъ влюбиться очень хорошенькая женщина. Къ тому же, мой другъ, какая у него сила! Я знаю ваши чувства къ маркизѣ. Она прелестна, и тѣмъ прелестнѣе, что недоступна. Она одна изъ немногихъ женщинъ, которыхъ я уважаю. Если она приметъ участіе въ этомъ дѣлѣ— а она навѣрно это сдѣлаетъ — то предастся сердцемъ и умомъ, душой и тѣломъ предпріятію или, лучше сказать, сеньору Козмо, который его поведетъ. Мы должны дѣйствовать вмѣстѣ съ вами, чтобы удержать итальянца въ извѣстныхъ границахъ. Если что-

Digitized by Google

нибудь случится, вы будете въ состояніи оказать маркизѣ такую услугу, которая сдѣлаетъ ее вашей вѣчной должницей.

— Дюмарескъ! воскликнулъ баронъ, схвативъ его за руку:— не обманывайте меня. Это единственная на свѣтѣ женщина, которую я люблю и могу любить! Безнадежность моей страсти только усиливаетъ ее. Чтобы оказать ей надобную услугу, я готовъ потерять все мое состояніе, а вы знаете, какъ осторожно я веду свои дѣла, потому что я имъ дорожу.

— Я высказалъ мое искреннее мнѣніе и обратился къ вамъ, какъ единственному человѣку, который способенъ быть дѣйствительнымъ противовѣсомъ этому итальянцу. Значитъ, мы союзники. Я васъ сведу съ Козмо. Вы прикинитесь, что побѣждены его аргументами, вступаете въ дѣло вмѣстѣ съ маркизой и зорко слѣдите за всѣми дѣйствіями Козмо, ради нея и ради церкви, интересы которой не чужды намъ обоимъ.

Дюмарескъ произнесъ торжественно эти слова, и голосъ его дрожалъ отъ волненія.

— Я принимаю на себя эту трудную обязанность, отвѣчалъ серьёзно баронъ: — я заѣду къ ней сегодня. Она, конечно, заговоритъ со мною объ этомъ дѣлѣ. Вы идете въ какую сторону?

Онъ позвонилъ.

— Да, кстати! воскликнулъ онъ неожиданно: — я совсѣмъ и забылъ. Я чувствовалъ во время завтрака, что черная бархатная визитка не идетъ къ панталонамъ мышинаго цвѣта. Контрастъ слишкомъ великъ. Притомъ слишкомъ много видно панталонъ при короткой визиткѣ, прибавилъ онъ, смотрясь въ зеркало:—этотъ мышиный цвѣтъ такой нѣжный, а когда его слишкомъ много видно, онъ мозолитъ глаза. Нѣтъ, къ этимъ пантолонамъ необходимъ длинный сюртукъ. У меня есть англійскій темнокоричневый. Онъ подойдетъ отлично. Принесите его, Нарцисъ. А пальто дайте мнѣ среднее, не самое свѣтлое.

Дюмарескъ смотрѣлъ съ удивленіемъ на барона. Несмотря на весь свой умъ, онъ не могъ понять этого человѣка. Онъ невольно сравнивалъ его съ итальянскимъ финансистомъ и спрашивалъ себя: неужели этотъ франтъ, который могъ терять часы на выборъ костюма, былъ въ состояніи служить дѣйствительнымъ противовѣсомъ геніальному Козмо.

Digitized by Google

IX.

Неловкая компликація.

Разговоръ съ маркизой произвелъ безсознательную, но сильную перемѣну въ Антуанѣ Де-ла Гуппѣ. Онъ вдругъ сталъ совершенно иначе относиться къ дѣлу католическаго кредита. Однако, его недовѣріе къ великой идеѣ Козмо, какъ къ финансовому предпріятію, ни мало не уменьшалось. Его зоркій умъ попрежнему громко говорилъ, что принимать участіе въ такомъ дѣлѣ, значило бросаться головой впередъ въ невѣдомую пучину. Онъ очень сомнѣвался, быть можетъ, благодаря своему атеизму въ способности католицизма къ единенію. Конгрегація, аристократія, плутократія, духовенство и ханжи обоего пола никогда не станутъ дѣйствовать заодно, а еслибы и удалось нѣчто подобное, то они никогда не съумѣли бы обойти евреевъ, этихъ великихъ мастеровъ финансоваго дѣла. Но его ссора съ маркизомъ и примиреніе съ маркизой сдѣлали въ немъ такой переворотъ, что онъ теперь былъ склоненъ добросовѣстно изучить планъ Козмо, и даже начиналъ прибирать аргументы въ его пользу.

Въ красивой квартирѣ Віолетты, куда онъ вошелъ спокойный, веселый, его ожидалъ необыкновенный сюрпризъ. У Фигурины былъ гость, лице и фигура котораго возбудила съ перваго взгляда его вниманіе, но присутствіе посторонняго въ комнатѣ Фигурины въ такое время, когда онъ пользовался монополіей ея пріятнаго общества, возбудило въ немъ гнѣвное удивленіе.

Віолетта, на которой былъ кокетливый костюмъ и маленькая нарядная шляпка, граціозно подбѣжала къ Антуану, потрепала его по щекѣ и, поднявшись на цыпочки, поцѣловала его. Потомъ, облокотившись на его руку, она сказала:

— Позвольте мнѣ, Антуанъ, представить вамъ моего стараго и добраго друга, сеньора Козмо.

Господинъ съ большой, некрасивой головой и блестящими черными глазами поклонился Антуану. Послѣдній машинально отдалъ поклонъ. Віолетта огласила воздухъ звонкимъ серебристымъ смѣхомъ.

— Отчего вы такъ поражены? воскликнула она: — неужели мнѣ удалось разъ въ жизни васъ удивить? Но въ чемъ дѣло? Вы не можете же знать этого господина?

— Хотя я его никогда не видалъ, но кое-что знаю о немъ,

Digitized by Google

отвѣчалъ Антуань, едва пересиливъ свое волненіе. Признаюсь, однако, я не ожидалъ его встрѣтить здѣсь.

Козмо, не спускавшій глазъ съ Антуаня, повидимому, ждалъ, чтобы Віолетта представила необходимыя объясненія.

— Вы слыхали о сеньорѣ Козмо? произнесла Віолетта, хлопая въ ладоши и смотря на Антуаня съ наивной улыбкой: — какъ удивительно! Гдѣ? Когда? Отъ кого?

— Если я не ошибаюсь, сказалъ секретарь очень холодно:— вы пріятель Дюмареска и на дняхъ были съ нимъ вмѣстѣ у маркизы Рошерэ.

— У маркизы Рошерэ! воскликнула Фигурина, прикидываясь удивленной:—развѣ сеньоръ Козмо знакомъ съ вашей маркизой.

— Да, я пріятель Дюмареска и былъ съ нимъ у маркизы Рошерэ, отвѣчалъ Козмо, кланяясь.

— А теперь я имѣю честь встрѣтиться съ вами здѣсь, произнесъ Антуань ироническимъ тономъ.

— Да, мы встрѣтились съ вами здѣсь совершенно случайно, отвѣчалъ Козмо съ улыбкой.

— Признаюсь, началъ гнѣвно Антуань, но Віолетта заткнула ему ротъ своей маленькой ручкой.

— Погодите, сказала она:—я вамъ все разскажу. Я обязана сеньору Козмо—жизнью, состояніемъ и успѣхомъ. Еслибы не его благородство и щедрость, то я не была бы здѣсь. Онъ мой лучшій другъ. Возвращаясь домой, я случайно столкнулась съ нимъ у церкви св. Магдалины, и такъ какъ мы уже много лѣтъ невидались, то онъ проводилъ меня до дома и остался поговорить о старинѣ. Я нарочно его удержала, чтобы представить вамъ, мой милый Антуань.

— Фигурина, произнесъ Козмо съ улыбкой, обращаясь къ Антуаню и очень довольный, что хитро подготовленное свиданіе вполнѣ удалось:—преувеличиваетъ значеніе той услуги, которую я ей оказалъ въ юности, когда мой родной братъ поступилъ съ нею самымъ позорнымъ образомъ. Это—грустная исторія, и лучше о ней забыть, прибавилъ онъ серьёзнымъ тономъ и дрожащимъ голосомъ: — я не знаю, въ какихъ отношеніяхъ вы находитесь къ моей маленькой protégée, которую я нашелъ въ блестящемъ положеніи, но надѣюсь, что вы извините меня за появленіе въ ея квартирѣ. Встрѣтившись съ нею случайно, я проводилъ ее домой и зашелъ на нѣсколько минутъ, чтобы узнать объ ея здоровьѣ, теперешнемъ существованіи и будущихъ планахъ. Вы видите, что я имѣю право, хотя и очень грустное, интересоваться Фигуриной.

Спокойствіе и достоинство, съ которыми были произнесены

Digitized by Google

эти слова, сильно повліяли на чуткаго парижанина. Въ немъ произошла мгновенно реакція въ пользу человѣка, съ которымъ за минуту передъ тѣмъ онъ готовъ былъ поссориться.

— Увѣряю васъ, отвѣчалъ Антуанъ:—что мнѣ непріятны подробности этой исторіи, но я могу оцѣнить ваше доброе намѣреніе, посѣтить Віолетту. Во всякомъ случаѣ, я хотѣлъ сегодня же съ вами познакомиться. Это совпаденіе очень замѣчательно. Позвольте мнѣ попросить васъ сѣсть, такъ какъ Віолетта страшно балуетъ меня и позволяетъ быть у нея, какъ дома.

Віолетта схватила Антуаня за ухо, а потомъ, усѣвшись подлѣ него, спросила:

— А о чемъ вы хотите, Тони, говорить съ сеньоромъ Козмо?

— О дѣлахъ, отвѣчалъ съ улыбкой Антуанъ.

— О чемъ онъ хочетъ говорить съ вами, сеньоръ Козмо?

— Вы слышите, о дѣлахъ, отвѣчалъ итальянецъ.

— Вы оба надо мною смѣетесь, промолвила Фигурина, надувъ губки и очень ловко прикидываясь разсерженной:—я хочу знать, въ чемъ дѣло. Между вами не можетъ быть такихъ дѣлъ, о которыхъ мнѣ не слѣдовало бы слышать.

— Я боюсь, г. Де-ла Гуппъ, сказалъ Козмо:—что намъ придется удовлетворить любопытству этой капризной молодой особы. Дѣло идетъ, Віолетта, о крупномъ финансовомъ предпріятіи, въ которомъ я принимаю большое участіе и которымъ очень интересуется другъ г. Де-ла Гуппа, маркиза Рошерэ.

— Однако, отвѣчалъ Антуанъ:—насколько мнѣ извѣстно—а я видѣлъ ее часъ тому назадъ—она еще не обѣщала своего содѣйствія.

Но окажетъ его, произнесъ Козмо торжествующимъ тономъ.

Антуанъ хотѣлъ было срѣзать итальянца, но осторожность взяла вверхъ, и онъ обратился къ Фигуринѣ:

— Вашъ другъ, кажется, очень увѣренъ въ моемъ вліяніи на женщинъ. Развѣ въ Италіи всѣ женщины такъ добры? Но онъ увидитъ, что маркиза—женщина необыкновенная.

— Я уже это замѣтилъ, отвѣчалъ Козмо:—маркиза поразила мена своимъ удивительнымъ умомъ. Если я сказалъ, что она окажетъ содѣйствіе моему предпріятію, то разумѣется, что не я заставлю ее сдѣлать это своимъ вліяніемъ, а она сама убѣдится въ пользѣ и благотворности проэкта.

— Вы, однако, отпускаете себѣ комплименты, сеньоръ Козмо, сказалъ со смѣхомъ Антуанъ:—но, быть можетъ, вы и правы. Я очень радъ, что васъ встрѣтилъ. Маркиза, удостоивающая меня чести обращаться иногда ко мнѣ за совѣтомъ по финансовымъ дѣламъ, поручила мнѣ переговорить съ вами по этому вопросу

Digitized by Google

и подробно изучить его. Поэтому, сеньоръ Козмо, я и считаю, что маркиза еще не рѣшилась окончательно принять участіе въ вашемъ предпріятіи.

Онъ произнесъ послѣдніе слова съ особымъ удареніемъ, давая понять, что его мнѣніе не мало повліяетъ на окончательное рѣшеніе маркизы по этому дѣлу.

— Я тѣмъ болѣе радъ васъ видѣть, г. Де-ла Гуппъ, что знаю, какъ высоко цѣнитъ маркиза ваше мнѣніе, отвѣчалъ итальянецъ. Это вполнѣ убѣждаетъ меня, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ рѣдкихъ способностей, и не оставляетъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ результатѣ нашей бесѣды. Мой проэктъ не обманъ, не западня, и конечно, возбудитъ сочувствіе способнѣйшаго изъ дѣловыхъ людей, безъ содѣйствія котораго онъ не имѣетъ шансовъ успѣха.

Этотъ комплементъ польстилъ самолюбію Антуаня, несмотря на все его недовѣріе къ католическимъ финансовымъ предпріятіямъ вообще, и къ кудеснику Козмо въ особенности. Видя, что ледяная холодность секретаря маркизы начинаетъ таять, хитрый итальянецъ сталъ развивать передъ нимъ свой планъ, изощряя весь блескъ своего краснорѣчія и всю убѣдительную логику своихъ аргументовъ. Прошелъ часъ, и Антуань совершенно забылъ, что онъ пришелъ къ Віолеттѣ съ цѣлью повести ее обѣдать въ Палэ-Рояль передъ ея представленіемъ. Она старательно воздержалась отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ разговоръ, который, очевидно, принималъ удовлетворительное направленіе. Только бой часовъ заставилъ Антуаня вспомнить объ обѣдѣ, и онъ пригласилъ Козмо отправиться съ ними. Спустя двадцать минутъ, они сидѣли у Вефура въ отдѣльной комнатѣ, а когда Фигурина послѣ обѣда ушла въ театръ, то оставила ихъ въ серьёзной дружеской бесѣдѣ. Они основательно и во всѣхъ подробностяхъ обсуждали «великую идею».

Это обсужденіе продолжалось до двѣнадцати часовъ, и ловкій итальянецъ подвелъ подкопы подъ Антуаня со всѣхъ сторонъ. Онъ вполнѣ убѣдился въ его неподкупной честности; его нельзя было купить ни билетами французскаго банка, ни итальянскими графскими титулами, ни австрійскими орденами. Но онъ нашелъ таки его слабую сторону — чрезмѣрную увѣренность въ себѣ и убѣжденіе, что онъ Улиссъ семьи Рошерэ. На этой струнѣ Козмо съ удивительнымъ искуствомъ разыгралъ цѣлый концертъ, и самая честность Антуаня способствовала тому, что онъ безсознательно сдѣлался орудіемъ того кудесника, къ которому онъ еще такъ недавно питалъ презрительное недовѣріе.

О результатѣ ихъ продолжительнаго совѣщанія можно всего

Digitized by Google

лучше судить по тому заключенію, къ которому каждый изъ нихъ пришелъ, разставшись другъ съ другомъ на Итальянскомъ бульварѣ.

— Я многимъ обязанъ Віолеттѣ, произнесъ мысленно Козмо: — она доставила мнѣ случай поговорить по душѣ съ этимъ человѣкомъ, и онъ теперь мой. Она стоитъ дюжины аббатовъ, и я ей поднесу лучшее бриліантовое ожерелье въ Парижѣ, когда это все кончится.

— Да, маркиза права, разсуждалъ самъ съ собою Антуань, возвращаясь домой:—это человѣкъ громадныхъ способностей. Я не удивляюсь, что онъ произвелъ на нее такое впечатлѣніе, хотя... о, Юпитеръ! какой онъ уродъ! Онъ необыкновенно проницателенъ, и я никогда не видалъ человѣка, который, самъ, обладая столь могучей силой, отдавалъ бы справедливость аргументамъ своего противника и признавалъ бы, что и другіе могутъ имѣть не менѣе ума и способностей, чѣмъ онъ. Я, кажется, измѣнилъ его планъ въ двухъ или трехъ пунктахъ, хотя не легко бороться съ его аргументаціей. Его проэктъ очень смѣлый и удивительно умный; современныя условія денежнаго рынка вполнѣ благопріятны подобному предпріятію; маркиза, какъ онъ говоритъ, окажетъ ему содѣйствіе, это уже дѣло рѣшенное—зачѣмъ мнѣ одному идти противъ всѣхъ?

Онъ пожалъ плечами и продолжалъ свой путь, но задумчивый, блѣдный, онъ далеко не казался довольнымъ собою или счастливымъ.

Возвратясь въ свою квартиру въ улицѣ Абера, Антуань съ удивленіемъ увидалъ на столѣ записку, написанную неразборчивымъ почеркомъ маркиза Рошерэ. На конвертѣ было написано «*очень нужное*», а самая записка содержала въ себѣ слѣдующее:

«Любезный Антуань, зайдите ко мнѣ завтра утромъ послѣ вашихъ занятій съ маркизой. Дружески преданный вамъ Р.».

Эта записка очень заинтересовала Антуаня и онъ рѣшилъ, что, вѣроятно, маркизъ хочетъ съ нимъ помириться.

На слѣдующее утро онъ нашелъ маркизу въ очень хорошемъ расположеніи духа. Она сіяла здоровьемъ и красотой.

— Я только-что получила удовлетворительные отвѣты отъ нѣкоторыхъ друзей, которымъ писала о великомъ планѣ сеньора Козмо, сказала она:—я передаю вамъ, господинъ Антуань, эти письма и надѣюсь вскорѣ познакомиться съ результатомъ вашего изслѣдованія этого дѣла. Ваше мнѣніе будетъ для меня окончательной гарантіей.

Антуань былъ внѣ себя отъ счастія.

Digitized by Google

— Когда вы повидаетесь съ сеньоромъ Козмо? Г. Дюмарескъ съ удовольствіемъ представитъ васъ.

— Я... я уже видѣлся съ сеньоромъ Козмо, пробормоталъ Антуань, пойманный врасплохъ.

— Уже? И отлично. Вы всегда дѣйствуете рѣшительно и быстро. Гдѣ вы его видѣли?

— У общаго нашего пріятеля и, зная ваше нетерпѣніе, я воспользовался случаемъ, пригласилъ его обѣдать и мы посвятили весь вчерашній вечеръ на обстоятельное обсужденіе его плана.

— Вы нашли его аргументы... сильными... оригинальными... убѣдительными?

— Онъ необыкновенно умный человѣкъ и поразительно ловкій.

— Убѣдилъ онъ васъ? спросила маркиза, пристально смотря на него и съ безпокойствомъ ожидая его отвѣта.

— Совершенно, произнесъ Антуань и съ усиліемъ перевелъ дыханіе.

Дѣйствительно, онъ перешелъ черезъ Рубиконъ. Послѣ этого слова отступленіе было уже немыслимо. Онъ отдался душей и тѣломъ предпріятію Козмо, къ чему бы оно не привело, къ добру или злу. Онъ какъ-то безсознательно сдѣлалъ этотъ рѣшительный шагъ. Отправляясь къ маркизѣ, онъ вовсе не думалъ, что зайдетъ такъ далеко. Онъ хотѣлъ сказать, что Козмо произвелъ на него очень пріятное впечатлѣніе и что онъ будетъ продожать изслѣдованіе дѣла, такъ какъ необходимо было еще выяснить два или три пункта. Но неожиданно онъ высказалъ свое окончательное и притомъ вполнѣ сочувственное мнѣніе о всемъ дѣлѣ. Онъ уже не могъ взять своего слова назадъ.

Однако, сердце его ёкнуло, и онъ какъ-то почувствовалъ укоръ совѣсти, когда маркиза схватила его руку и крѣпко ее сжала.

— Какъ я рада, промолвила она.

Но онъ черезъ мгновеніе оправился. Счастливая улыбка появилась на его лицѣ. Прикосновеніе ея руки наполнило блаженствомъ все его существо. Она была соблазнительно хороша въ эту минуту и ради нея стòило рискнуть спасеніемъ своей души, еслибы онъ былъ человѣкъ вѣрующій или безупречностью честнаго имени Антуаня де-ла-Гуппа, что онъ ставилъ гораздо выше спасенія души. Къ величайшему его удивленію маркиза встала, дрожа всѣмъ тѣломъ, закрыла лицо платкомъ и опустилась на колѣни передъ своимъ prie-Dieu.

Тронутый до глубины души, Антуань тихо вышелъ изъ комнаты. Онъ былъ такъ взволнованъ происходившей въ немъ борьбою разнородныхъ чувствъ, что ушелъ къ себѣ въ комнату на

Digitized by Google

нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ явиться въ спальню маркиза. Даже оправившись, онъ былъ очень блѣденъ. Что же касается до маркиза, то Антуаль нашелъ его въ отличномъ расположеніи духа.

— А, Антуань! произнесъ онъ: — vous voila. Я очень радъ васъ видѣть. Садитесь, мой другъ. Мы съ вами слишкомъ старые друзья, чтобы ссориться. Это не должно повторяться. Гмъ!

И онъ судорожно повелъ ногой въ постелѣ.

— Все это произошло изъ-за этого животнаго Козмо съ его... (маркиза снова повело) гмъ!.. проэктомъ. Я обдумалъ серьёзно ваши слова, Антуань, и нахожу, что вы правы. Я не хочу имѣть никакого дѣла съ этимъ итальянцемъ. Онъ совершенно обворожилъ маркизу. Вы должны все устроить, Антуань, и убѣдить маркизу, чтобъ она отказалась отъ этого предпріятія. Освободите насъ отъ этого финансоваго бѣса и возвратите спокойствіе нашему дому. Не наше дѣло учреждать католическій кредитъ. Peste! я едва не лишился своего лучшаго друга, благодаря этой продѣлкѣ. Ну, Антуань, дайте мнѣ руку. Дѣло рѣшено, не правда ли?

Бѣдный Антуань подалъ руку, но мысленно сказалъ себѣ:

— Чортъ возьми! Положеніе усложняется.

Однако, смѣшная сторона этого непредвидѣннаго оборота дѣла брала верхъ надъ серьёзной, и онъ промолвилъ, едва сдерживаясь отъ улыбки:

— Вы всегда очень добры, маркизъ. Тысячу разъ вамъ благодаренъ.

— Хорошо, хорошо. Я терпѣть не могу благодарностей.

— Но, началъ Антуань.

— Никакихъ «но». Я вамъ говорю, что это кончено. Мы болѣе съ вами не поссоримся изъ-за такого пустяка. Я вполнѣ убѣжденъ, Антуань, что вы правы, хотя аббатъ Тальмешъ провелъ вчера здѣсь цѣлый часъ, убѣждая меня въ противномъ. Но, прибавилъ маркизъ иронически: — Il a des mêches qu'on ne taille pas. А знаете, Антуань, на чемъ настаивали аббатъ и архіепископъ—на вашей отставкѣ. Вы нехристь и развратникъ, Антуань, вы позорите своимъ присутствіемъ благородную семью.

И старика свело.

— Маркизъ, отвѣчалъ съ улыбкой Антуань:—вы можете сами засвидѣтельствовать, что въ вашемъ домѣ я никогда не высказывалъ своихъ религіозныхъ убѣжденій.

— Это совершено справедливо, отвѣчалъ, смѣясь, маркизъ:— но вамъ и высказывать то нечего, такъ какъ у васъ нѣтъ никакихъ религіозныхъ убѣжденій. Однако, рвеніе этихъ особъ воз-

Digitized by Google

будило недовѣріе къ громадному плану Козмо. Вы одинъ рѣшились высказаться противъ него, и я согласенъ съ вами. Это предпріятіе очень опасное и слишкомъ спекулятивное, слишкомъ колоссальное. Оно хочетъ соединить множество разнородныхъ элементовъ. Повторяю, я рѣшился не имѣть никакого дѣла съ этимъ крестовымъ походомъ. Пойдите къ маркизѣ и уговорите ее отказаться отъ этой глупости.

Антуань съ ужасомъ слушалъ старика. Онъ говорилъ теперь именно то, что Антуань желалъ бы слышать отъ него двадцать четыре часа тому назадъ. А теперь Антуань далъ честное слово маркизѣ и прямо высказалъ, что предпріятіе Козмо хорошее, полезное, что надо его поддержать.

— Но, маркизъ, началъ бѣдный секретарь.

— Опять но! воскликнулъ маркизъ и началъ болѣзненно метаться въ постели.

— Я только-что говорилъ съ маркизой...

— Ну!

— Она мнѣ вчера поручила повидаться съ сеньоромъ Козмо.

— Ну!

— Я его видѣлъ!

— Ой! Ой! Какъ у меня разыгралась падагра. Продолжайте!

— Я подробно и основательно обсуждалъ съ нимъ его планъ.

— Хорошо, и нашли, что онъ не практичный?

— Извините, маркизъ. Напротивъ, его аргументы очень сильно повліяли на меня.

— Tonner...re! воскликнулъ маркизъ, едва не прыгая на постели отъ судорожныхъ движеній: — весь домъ сошелъ съума! Чер... т. е. Боже мой, какъ я страдаю! Вы всѣ сговорились съ съ этимъ Козмо, чтобъ убить меня! И вы, Антуань, перешли на сторону врага.

— Увѣряю васъ, маркизъ...

— Я не хочу ничего слышать, произнесъ маркизъ, отворачиваясь отъ Антуаня:—вчера вы были противъ этого предпріятія, сегодня вы берете свои слова назадъ. Что это, чортъ возьми, значитъ?

Вопросъ маркиза пронзилъ словно кинжаломъ сердце Антуаня. Дѣйствительно, что это значило? Онъ еще не далъ себѣ труда анализировать чувства, побудившія его совершенно измѣнить свое мнѣніе по этому вопросу. Однако, онъ былъ умный человѣкъ. Поэтому онъ тотчасъ отвѣчалъ и его слова доказали, какъ онъ хорошо зналъ характеръ старика.

— Извините, маркизъ. Это значитъ, что я немного поторопился вчера и позволилъ моимъ анти-религіознымъ предраз-

Digitized by Google

судкамъ повліять на мое мнѣніе въ дѣлѣ, гдѣ замѣшаны интересы лицъ, которымъ я по чести обязанъ служить, не взирая ни на какіе предразсудки. Я легкомысленно выразилъ сочувствіе къ человѣку, котораго не зналъ, а потомъ убѣдился, что это совершенно несправедливо. Увидавъ свою ошибку, я долженъ былъ изъ чувства преданности къ маркизѣ и къ вамъ чистосердечно въ этомъ сознаться. Вотъ, маркизъ, отвѣтъ на вашъ вопросъ.

Трудно было придумать отвѣта болѣе по сердцу маркизу. Несмотря на то, что во время припадковъ падагры онъ былъ очень раздражителенъ и измѣнчивъ въ своихъ мнѣніяхъ, но онъ не отличался подозрительностью и былъ вообще не очень уменъ. За то онъ былъ въ высшей степени благороденъ и цѣнилъ благородство въ другихъ. Объясненіе Антуаня показалось ему столь откровеннымъ и честнымъ, что онъ посмотрѣлъ на него съ уваженіемъ и нѣжностью.

— Это странное обращеніе, Антуань, произнесъ онъ съ улыбкой:—я скажу архіепископу, чтобъ онъ не отчаивался; можетъ быть, и вы вернетесь въ лоно церкви. Но вы не перемѣните своего мнѣнія безъ основательной причины. Хорошо. Я передаю это дѣло въ ваши руки. Поступайте, какъ знаете; если вы будете довольны, и я буду доволенъ. Только помните, что вы отвѣчаете за послѣдствія.

На этихъ знаменательныхъ словахъ окончилась ихъ бесѣда. Лакей вошелъ въ комнату съ шеколадомъ для маркиза; Антуань удалился, недовольный собой и испуганный той тяжелой отвѣтственностью, которую старикъ взвалилъ на его шею. И, однако, онъ не сознавалъ за собою никакой вины. Онъ честно пришелъ къ своему новому убѣжденію, а послѣдствія зависѣли отъ судьбы. Чувство же, взявшее верхъ въ немъ надъ всѣми остальными, было гордое сознаніе, что онъ, Антуань де-ла-Гуппъ, держитъ въ своихъ рукахъ богатство и вліяніе семьи Рошерэ. Маркиза и маркизъ добровольно передали ему эту власть, и теперь Козмо увидитъ, какъ онъ, секретарь изъ секретарей, умѣетъ сохранить и защитить ввѣренные ему крупные интересы.

Въ этотъ самый день передъ обѣдомъ немногіе представители великосвѣтскаго общества, еще не уѣхавшіе въ свои замки или на берега Средиземнаго моря, катались при блестящемъ осеннемъ солнцѣ по Булонскому лѣсу и Елисейскимъ полямъ. Антуань шелъ по направленію къ Тріумфальной аркѣ, раздумывая о странныхъ обстоятельствахъ, побудившихъ его, извѣстнаго вольтеріянца, вступить въ дѣло возстановленія католическаго могущества, какъ вдругъ онъ услышалъ позади себя громкій голосъ

Digitized by Google

барона Плюмма. Этотъ свѣтскій франтъ сидѣлъ въ высокомъ англійскомъ кабріолетѣ, запряженномъ двумя красивыми караковыми лошадьми. Онъ одѣтъ былъ по послѣдней модѣ. Панталоны на немъ были темно-сиреневыя, пальто блѣдно-сѣрое, а шляпа его собственнаго изобрѣтенія, очень высокая, съ широкими, немного приподнятыми полями.

— Не! Voltairien! воскликнулъ онъ: — пойдите сюда. Я васъ прокачу по лѣсу. *Она* уже проѣхала.

— Я отказываюсь отъ вашего предложенія, хотя очень доволенъ своими лошадьми; онѣ хорошо мнѣ служатъ и очень дешевы.

— А, промолвилъ баронъ, взглянувъ на панталоны Антуаня, который быстро взлѣзъ въ кабріолетъ:—сейчасъ видно, что ваши лошади вамъ стоятъ не дорого. Такіе панталоны пригодны только англичанамъ и сторожамъ публичныхъ зданій. Это не панталоны, а мѣшки. Въ нихъ можно таскать овесъ. Ну, что вы готовы? Поѣдемъ. Любезный Антуанъ, я очень радъ, что васъ встрѣтилъ.

— Вы хотите, чтобы я васъ представилъ какой-нибудь актрисѣ въ Opera Bouffe? спросилъ Антуанъ съ улыбкой.

— Нѣтъ, меня мучатъ два серьёзныхъ вопроса. Можете себѣ представить, что цѣлыхъ десять дней я ищу лошади и не могу найти.

— Sapristi! Что это значитъ? Если барону Плюмму нужна лошадь, то она должна быть найдена въ двадцать четыре часа. Вы не жалѣете денегъ?

— Нисколько. Но посмотрите на мои панталоны.

— Вижу... отъ нихъ точно пахнетъ сиренью.

— Ну, вотъ вы ихъ и погубили. Мои лучшіе панталоны. Теперь я уже никогда ихъ не надѣну. Фи! вы правы, отъ нихъ несетъ цвѣтами! Ужь не поѣхать ли домой и не снять ли ихъ.

— О, нѣтъ, ни за что! Ѣдемъ въ Булонскій лѣсъ. Но что вы говорили о лошади?

— Теперь это вопросъ поконченный.

— Отчего?

— Благодаря вашей злобной шуткѣ насчетъ моихъ панталонъ.

— Я ничего не понимаю.

— А это очень просто. Вся трудность состояла въ томъ, чтобъ пріискать лошадь подъ цвѣтъ панталонъ. Это просто было невозможно. Я обращался всюду и пересмотрѣлъ сто прекрасныхъ лошадей. Ни одна не подходила къ панталонамъ. Но вы, слава Богу, разрѣшили вопросъ. Бросивъ эти панталоны, я избавлю себя отъ расхода на покупку новой лошади.

— Значитъ, дѣло въ шляпѣ. Право я очень сожалѣю, что

Digitized by Google

вмѣшался. Но смѣю спросить, въ чемъ состоитъ второй важный вопросъ?

— Ахъ, да, кстати, знаете вы что-нибудь о сеньорѣ Козмо?

— Конечно, и очень много.

— Онъ *ея* другъ?

— Другъ... нѣтъ. Она видѣла его только одинъ разъ. Это очень способный человѣкъ и пламенный энтузіастъ. Она интересуется его громаднымъ католическимъ проэктомъ, какой-то финансовой космогоніей.

— Она приметъ участіе въ дѣлѣ?

— Вѣроятно, отвѣчалъ очень осторожно секретарь.

— А ваше мнѣніе? неожиданно спросилъ баронъ, пристально смотря въ глаза Антуаня и стараясь прочесть его затаенныя мысли.

— Мое мнѣніе? повторилъ Антуань, смущенный его взглядомъ.

— Да, серьёзно, какое ваше мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, Антуань?

— Я еще не составилъ себѣ окончательнаго мнѣнія. Маркиза и маркизъ поручили мнѣ изучить проэктъ Козмо.

— И они поступятъ согласно вашему мнѣнію?

— Вѣроятно, отвѣчалъ Антуань, стараясь выказать полное равнодушіе.

— Антуань, сказалъ серьёзнымъ тономъ баронъ:—я не взялъ бы десяти милліоновъ чистыми деньгами за такую отвѣтственность.

— Отчего, любезный баронъ?

— Потому что честь и счастіе семьи Рошерэ, *ея* честь, *ея* счастіе, будутъ вполнѣ зависѣть отъ васъ. Если вы сдѣлаете ошибку въ этомъ дѣлѣ, вы—умный, честный человѣкъ, вы—идеалъ благородства, неимѣющій даже искры религіознаго энтузіазма, который могъ бы отуманить вашъ умъ, вы—не вѣрящій въ адъ—узнаете, что такое адъ и не перенесете этого страданія.

Баронъ говорилъ съ жаромъ, даже со страстью.

— Извините, баронъ, отвѣчалъ Антуань съ улыбкой: — но ваши слова походятъ на проповѣдь іезуита въ церкви св. Августина. Я не привыкъ обсуждать съ вами дѣла моихъ патроновъ.

— Вы въ правѣ обидѣться, Антуань, сказалъ съ достоинствомъ баронъ.—Я, дѣйствительно, вмѣшиваюсь въ ваши частныя дѣла. Но, вы меня простите, ради искренней дружбы къ вамъ и глубокаго, хотя вполнѣ безнадежнаго, чувства къ маркизѣ, къ которой, кажется, и вы питаете безнадежное чувство.

Откровенный тонъ барона не давалъ возможности обидѣться его странными, смѣлыми словами. Онъ говорилъ по дружески,

Digitized by Google

почти нѣжно. Онъ какъ бы соединялъ себя съ Антуанемъ узами одной безнадежной страсти. Секретарь маркизы былъ глубоко тронутъ. Онъ даже покраснѣлъ.

— Это странный разговоръ, сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія:—и вы требуете отъ меня странной откровенности. Я не понимаю, какая у васъ цѣль?

— Какая цѣль? Очень простая. Мы должны понять другъ друга и дѣйствовать заодно. Я говорилъ съ Дюмарескомъ и знаю, въ какомъ положеніи находятся дѣла. Этотъ Козмо чрезвычайно способный, честолюбивый и энергичный человѣкъ. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на маркизу, взялъ ее приступомъ. Если ему дать волю, то онъ можетъ, я не говорю навѣрно, но, очевидно, онъ можетъ привести ее и всѣхъ окружающихъ ея къ страшной катастрофѣ. Вѣроятно, дѣло уже зашло такъ далеко, что ни мы, ни кто другой не въ состояніи его остановить; хотя вы одинъ на свѣтѣ могли бы помѣшать. Но если вы одобрите это дѣло, то оно пойдетъ.

— Я уже одобрилъ, воскликнулъ Антуань, стараясь скрыть свое смущеніе, что не избѣгло зоркаго взгляда барона.

— Jacta alea est! Ну, значитъ, осталось одно средство спасенія. Вы, Дюмарескъ и я, всѣ трое искренно преданные маркизѣ, должны составить нѣчто въ родѣ тайнаго комитета общественной безопасности, съ цѣлію удержать маркизу отъ слишкомъ большого участія въ дѣлѣ. Признаюсь, о старомъ маркизѣ съ его подагрой я ни мало не думаю. Но нашу маркизу мы должны спасти. Мы всѣ люди честные и не можемъ руководиться иначе, какъ самыми благородными мотивами. Вы меня понимаете, г. Антуань? Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ человѣку, котораго я уважаю и которому безгранично довѣряю. Если вы одобрили это предпріятіе, то я убѣжденъ, что вы его считаете вполнѣ достойнымъ съ финансовой и нравственной стороны. Хорошо, вы меня убѣдите въ томъ же, и я посвящу на это дѣло свое состояніе и малую толику моего ума для того, чтобъ оно увѣнчалось успѣхомъ ради *нея*. Я никогда въ жизни не былъ такъ искрененъ, какъ въ эту минуту.

Онъ ударилъ бичемъ по одной изъ лошадей и замолчалъ.

Слова барона сильно взволновали Антуаня. Если они льстили самолюбію г. Де-ла-Гуппа, то въ то же время указывали ему на всю громадность лежавшей на немъ отвѣтственности. Комплименты барона задѣвали его за живое. Да, онъ былъ честенъ и хотѣлъ честно сдѣлать то, что было въ интересѣ его патроновъ. Но его пугали угрозы барона, такъ здраво и логично предусматривавшаго возможность катастрофы. Однако,

Digitized by Google

теперь нечего было колебаться и разсуждать. Онъ долженъ былъ отвѣтить на искреннее и столь лестное для него предложеніе барона. Онъ долженъ былъ поддержать свою репутацію благороднаго, дальнозоркаго и практичнаго дѣлового человѣка. Онъ сжегъ свои корабли и отступленіе для него было немыслимо.

— Вы правы, баронъ, сказалъ онъ медленно: — я готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобъ предохранить маркизу отъ какой бы то ни было опасности. Но если вы позволите, то мы не будемъ говорить о побуждающихъ насъ мотивахъ.

— Извините меня. Но я долженъ былъ коснуться этого вопроса. Впредь мы будемъ безмолвны въ этомъ отношеніи.

— Хорошо. Предлагаемый вами союзъ довольно странный, и еслибъ она узнала о немъ, то пришла бы въ ярость. Но цѣль его добрая, рыцарская и вполнѣ безкорыстная. Я перемѣнилъ свое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, только послѣ основательнаго обсужденія всѣхъ подробностей плана сеньора Козмо. Кромѣ того я навелъ справки, и только часъ тому назадъ былъ въ улицѣ Мелиньеръ.

— А, у Абирамъ и К°.

— Да; они вполнѣ подтвердили все, что онъ самъ мнѣ сказалъ. Эти евреи считаютъ его какимъ-то чудомъ.

— Хорошо, произнесъ баронъ:—вы должны мнѣ все подробно объяснить, и мы тогда рѣшимъ, какъ намъ дѣйствовать. Но, вотъ и маркиза на ея хорошенькихъ пони. Она никогда не выѣзжаетъ въ ландо по окончаніи сезона. Мы ее догонимъ и поклонимся. Mon Dieu! Что она за красавица! Но какъ вы думаете лучше: застегнуть пальто на первую пуговицу, или на вторую? На вторую. Я съ вами согласенъ. Я очень радъ, что объ этомъ подумалъ прежде, чѣмъ мы съ ней поровнялись.

X.

Толстый Динандье.

Стараясь всѣми силами пріобрѣсть могущественную поддержку маркизы и маркиза Рошерэ, сеньоръ Козмо не упускалъ случая устроивать и другія комбинаціи, полезныя для его дѣла. Grand Hotel сдѣлался слишкомъ публичнымъ мѣстомъ для него и онъ переѣхалъ въ Hotel Westminster. Газеты пронюхали о его крупномъ предпріятіи. Въ «Barbier de Seville» появилось нѣсколько летучихъ замѣтокъ о *великомъ католическомъ кредитѣ*. Одна изъ нихъ подъ названіемъ «*Католицизмъ на акціяхъ*», повидимому,

Digitized by Google

смѣялась надъ этимъ планомъ; называя его *католической космогоніей*, но въ сущности статейка была составлена такъ ловко, что вполнѣ убѣждала читателей въ серьёзности, важности и надежности новаго предпріятія. Тшекъ заплатилъ билетами французскаго банка за каждую строчку этой замѣтки.

Тшекъ поспѣвалъ всюду. Онъ то серьёзно совѣщался на биржѣ съ извѣстными маклерами, то завтракалъ въ «Grand Hotel'—ѣ», съ двумя или тремя господами его пошиба, съ цѣлью пріобрѣсть ихъ важную помощь; то блестящій, безупречный по костюму и манерамъ, онъ поднимался по мраморной лѣстницѣ Argent Comptant, для свиданія съ маркизомъ Доденомъ и графомъ Рококо, двумя очень шаткими столпами этого могущественнаго финансоваго храма, которые никогда не могли свести концы съ концами въ своихъ частныхъ дѣлахъ, не запуская руки въ чужія карманы. Эти два господина и Тибуль, другъ Перигора, тоже членъ администраціи Argent Comptant, одобрили планъ Козмо и согласились быть директорами. Тшекъ съ замѣчательнымъ чутьемъ на частные скандалы, открылъ важный фактъ, что маркизъ Доденъ, старый кутила, толстый, грубый, надменный, съ внѣшнимъ свѣтскимъ лоскомъ, находился въ очень натянутыхъ отношеніяхъ съ Дженни изъ театра Varietés, благодаря тому, что онъ довелъ мѣсячное содержаніе ея до нелѣпо-мелкой цифры, десяти тысячъ франковъ. Маркизъ былъ твердо убѣжденъ, что не можетъ жить безъ Дженни, хорошенькой, живой брюнеточки, которая забавляла его своими наивными enfantillages и представляла рѣзкую противоположность маркизѣ, холодной, долговязой, некрасивой, но очень образованной и умной аристократкѣ изъ Нормандіи. Такъ какъ маркизъ не удовлетворялъ всѣмъ ея требованіямъ, а какой-то русскій князь обѣщалъ ей золотыя горы, маленькая Дженни объявила маркизу ультиматумъ, который едва не свелъ его съ ума.

Жалованье его въ качествѣ директора Argent Comptant, не превышало 12,000 франковъ въ годъ, но процентами и комиссіями, онъ получалъ до 400,000 франковъ ежегодно. И все-таки неблагоразумная Дженни, на которую онъ израсходовалъ въ теченіи трехъ лѣтъ по 100,000 ежегодно, теперь угрожала порвать съ нимъ всѣ отношенія, если онъ не удвоитъ ея содержанія.

— Какъ, она его разлюбила?

— Нисколько; она его любила болѣе, чѣмъ когда. Онъ такой славный старикашка. Но... il faut vivre, и надо думать о будущемъ. Нельзя жить сантиментальностями; это свойственно только

Digitized by Google

набожнымъ людямъ и поэтамъ; за то они и дураки. Князь Бабукоровъ предложилъ ей вчера прекрасный фаэтонъ съ парой кровныхъ рысаковъ. Благоразумно ли требовать отъ нея, чтобъ она отказалась отъ такихъ подарковъ изъ одной сантиментальности?

Маркизъ былъ въ отчаяніи. Въ послѣднее время спекуляціи, которыя онъ поддерживалъ въ правленіи Argent Comptant, были слишкомъ рискованными даже и для учрежденія, которое не разъ рисковало очень многимъ ради увеличенія дивиденда акціонеровъ.

Въ эту критическую минуту, на сцену явился Тшекъ, хорошо извѣстный маркизу. Чрезъ посредство Тшека маркизъ получалъ не разъ комиссіонныя деньги за обработку дѣлъ, обѣщавшихъ громадныя выгоды на бумагѣ. По наущенію Тшека онъ провелъ чрезъ правленіе Argent Comptant, знаменитый проэктъ малоазіятскаго поземельнаго кредита, за что онъ и Тшекъ получили по нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, а бѣдные акціонеры доселѣ оплакивали свои десять милліоновъ, похороненныхъ въ болотахъ Анатоліи.

Новое предложеніе Тшека казалось маркизу небесной благодатью. Мы говоримъ—небесной благодатью, а не азартной удачей, потому что маркизъ былъ ревностный католикъ и относился къ своимъ духовнымъ долгамъ аккуратнѣе, чѣмъ къ свѣтскимъ. Онъ сразу заявилъ свое согласіе; подъ вліяніемъ чувства долга къ Богу и страсти къ Дженни, онъ принялъ все, что говорилъ ему Тшекъ, за евангельскую истину. Его не могли удерживать соображенія, имѣвшія такой громадный вѣсъ въ глазахъ его друга маркиза Рошерэ. Доденъ не рисковалъ ни состояніемъ, ни добрымъ именемъ; то и другое онъ уже давно спустилъ. Поэтому онъ могъ смѣло взяться за финансовое дѣло, которое показалось бы слишкомъ подозрительнымъ для честнаго и осторожнаго Рошерэ. Покончивъ съ Тшекомъ, онъ убѣдилъ графа Рококо также принять участіе къ дѣлѣ. Заручившись ими двумя и Тибулемъ, Козмо могъ разсчитывать на содѣйствіе *Argent Comptant*.

Графъ Рококо былъ худощавый, жалкій на взглядъ аристократъ, жившій въ маленькомъ переулкѣ Сен-Жерменскаго квартала, но предлагавшій адресовать всѣ письма къ нему въ Argent Comptant. Онъ былъ посланникомъ при Луи-Филиппѣ, и всѣ говорили ему ваше превосходительство. Онъ не сорилъ деньгами и былъ членомъ Cercle des Chemins de Fers, гдѣ обѣдалъ ежедневно за пять франковъ съ виномъ, а потому его считали дѣловымъ человѣкомъ, хотя въ сущности у него было только два

Digitized by Google

качества дѣловаго человѣка: онъ всегда аккуратно являлся въ правленіе и регулярно получалъ свое жалованье. Это былъ молчаливый, осторожный человѣкъ, не любившій общества, игравшій въ винтъ съ противнымъ благоразуміемъ и выкуривавшій въ день двѣ папироски, не болѣе и не менѣе. Его добродѣтели были также незамѣтны, какъ его пороки, что и поддерживало между ними очень рѣдко встрѣчаемое равновѣсіе.

Но это было не все: Козмо пробилъ себѣ дорогу и въ финансовомъ мірѣ. Извѣстные еврейскіе банкиры Абирамъ и К° энергично взялись за его дѣло. Они были корреспондентами братьевъ Корамъ въ Генуѣ и сыновей Датанъ въ Франкфуртѣ. Обстоятельства, побудившія эти еврейскія фирмы принять участіе въ въ католическомъ предпріятіи, походили на чудо. Вотъ какъ сложились эти обстоятельства.

Акціи франко-итальянскаго пароходнаго общества, которымъ завѣдывалъ Козмо, сначала находились почти исключительно въ рукахъ Марсельцевъ; въ числѣ ихъ былъ извѣстный финансовый дѣятель, Лоріо, который велъ большую торговлю съ Египтомъ и восточной Африкой. Банкирами его въ Парижѣ были Абирамъ и К°. Дѣла Лоріо были очень обширны и заключались въ торговлѣ хлѣбомъ, кофе, табакомъ, пряностями и пр., въ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ рудникахъ, а также всевозможныхъ акціонерныхъ компаніяхъ. Его считали милліонеромъ, но въ концѣ концевъ у него оказался дефицитъ въ четыре милліона. Всѣ цѣнности, остававшіяся еще у него въ рукахъ, находились у Абирамъ и К° въ Парижѣ и у Датанъ во Франкфуртѣ, которые и подѣлили ихъ между собою. Между прочимъ, имъ достались и акціи франко-итальянскаго общества на два милліона. Онѣ очень упали въ цѣнѣ, потому что общество потеряло два парохода и не платило вовсе дивиденда. Владѣя четвертой частью всѣхъ акцій, эти почтенныя фирмы сначала старались спустить ихъ своимъ друзьямъ по нарицательной цѣнѣ. Но евреи отказались отъ такой выгодной спекуляціи, и пришлось обратиться къ Козмо. Для этого былъ избранъ глава парижской фирмы Авраамъ Абирамъ. Козмо одинъ зналъ дѣйствительное положеніе компаніи. Акціи были на предъявителя, и ему интересно было знать, въ чьи руки попали онѣ. Какъ только Абирамъ вошелъ въ контору общества въ Генуѣ, Козмо понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ нарисовалъ самую печальную картину: дѣла общества въ отчаянномъ положеніи, суда ихъ требуютъ починки, фрахта низкая, требуется устройство новыхъ доковъ, одинъ пароходъ захваченъ съ динамитомъ въ Константинополѣ и т. д. Лице Абирама вытянулось и, выслушавъ до конца Козмо, онъ произнесъ:

Digitized by Google

— Надо перемѣнить правленіе. Вамъ слѣдовало бы подать въ отставку, г. Козмо.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ итальянецъ съ веселой улыбкой: у меня есть дѣло повыгоднѣе.

— Но вы учредили эту компанію?

— Да; но вы видите, она не имѣла успѣха. Судьба намъ не благопріятствовала.

— Гмъ! А какъ вы думаете, сеньоръ Козмо, нельзя ли побудить судьбу быть къ намъ болѣе благопріятной?

— Вы сильно заинтересованы въ нашемъ дѣлѣ? Я знаю, конечно, вашу почтенную фирму, но мнѣ неизвѣстно, на сколько у васъ акцій.

— На два милліона.

Казмо поклонился двумъ милліонамъ.

— Это акціи Лоріо? спросилъ онъ.

— Да. Ну, сеньоръ Козмо, какъ бы намъ реализировать эти акціи? Я пріѣхалъ спросить вашего совѣта. Конечно, такіе важные совѣты не даются даромъ. Нѣтъ ли возможности поднять акціи до номинальной цѣны или даже до преміи? Я вамъ заплачу сто тысячъ за совѣтъ и десять процентовъ съ барыша, вырученнаго нами свыше теперешней биржевой цѣны.

— Это походитъ на дѣло, отвѣчалъ съ улыбкой Козмо:—вы захватили съ собою чекъ?

— Вотъ сто тысячъ франковъ банковыми билетами.

— Хорошо. Получите квитанцію... Теперь я вамъ скажу по секрету, любезный, г. Абирамъ, что наши акціи понижены въ цѣнѣ съ цѣлью.

— Чортъ возьми!

— Компанія вполнѣ состоятельна, только въ послѣднее время не извлекала всего барыша, какой можно было бы извлечь.

— А!

— Группа банкировъ скупила большинство акцій.

— Какая группа?

— Во главѣ ея стоятъ ваши друзья, братья Корамъ.

— Мои корреспонденты? Я только что былъ у нихъ.

— Они, конечно, сказали вамъ объ этомъ.

— Ни мало, чортъ возьми.

— Они, вѣроятно, забыли. Но все равно, наша сдѣлка уже заключена. Вы знаете, что французское правительство посылаетъ войска въ Неаполь. Мы заключили съ нимъ очень выгодный контрактъ. Наши акціи, навѣрное, поднимутся до преміи въ пятьдесятъ или шестьдесятъ франковъ. Сегодня на Ліонской биржѣ,

Digitized by Google

посмотрите телеграмму, акція въ 500 франк. стоитъ 252 франк. 50 сантимовъ.

Эти слова очень успокоили Абирама, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудили въ немъ восторженное удивленіе къ Козмо. Что же касается до братьевъ Корамъ, поступокъ этой фирмы нимало не разсердилъ и не удивилъ его.

Съ этой минуты три названныя еврейскія фирмы вступили въ тѣсный союзъ съ необыкновеннымъ итальянцемъ. Потому, прежде чѣмъ явиться въ Парижъ, онъ уже заручился ихъ поддержкой, обязавшись съ своей стороны доказать предварительно, что онъ пріобрѣлъ содѣйствіе Папы, французскихъ и австрійскихъ католиковъ, а также французскихъ легитимистовъ. И вотъ теперь Абирамъ и К° дѣятельно принялись распространять новую католическую пропаганду.

По ихъ иниціативѣ составилась группа финансистовъ. Кинола, учредитель франко-итальянскаго банка, маленькій, серьезный человѣкъ, отличавшійся замѣчательнымъ чутьемъ въ выборѣ спекуляцій, убѣдилъ правленіе банка взять акціи на десять милліоновъ изъ числа пятидесяти милліоновъ, долженствовавшихъ составить капиталъ сеньора Козмо.

Но былъ еще одинъ господинъ, котораго необходимо было склонить въ пользу великой идеи: — это былъ знаменитый Динандье, одинъ изъ самыхъ богатыхъ, умныхъ, смѣлыхъ и популярныхъ спекуляторовъ на парижской биржѣ.

Онъ началъ жизнь мясникомъ, а кончилъ въ великолѣпномъ домѣ, и теперь покоится подъ мраморнымъ памятникомъ на кладбище Pére la Chaise. Если Динандье имѣлъ какія-нибудь религіозныя убѣжденія, то конечно католическія. Но съ того времени, какъ онъ вышелъ въ свѣтъ изъ лавки торговца свининой въ центральномъ парижскомъ рынкѣ и занялся финансами, онъ обнаруживалъ много качествъ, присущихъ животнымъ, съ анатоміей, которыхъ былъ такъ близко знакомъ: онъ былъ нетолько gourmand но goulu, нетолько gourmet, но gobeur т. е., попросту сказать, не ѣлъ, а жралъ; что же касается до нравственности, то если всѣ добродѣтели, приписываемыя ему золотой подписью на мраморномъ памятникѣ вы замѣните противоположными пороками, то едва ли все-таки получите вѣрный портретъ нравственной личности Динандье.

Но онъ занималъ видное мѣсто въ парижскомъ финансовомъ мірѣ. Когда этотъ громадный, толстый, заплывшій жиромъ и съ трудомъ переводившій дыханіе господинъ медленно двигался по улицѣ Вивьенъ или Лафитъ, обтирая на каждомъ шагу потъ, выступавшій у него на лбу, всѣ ловили случай снять шляпу

Digitized by Google

и поздороваться съ нимъ; вліятельные финансисты спѣшили на перерывъ пожать громадный кусокъ мяса, служившій ему вмѣсто руки, а мелкія актрисы театровъ Пале-Рояль и Водевиль избѣгали съ нимъ встрѣчи изъ боязни, чтобы онъ не назвалъ ихъ по имени и публично не потрепалъ ихъ по щекѣ. «Всѣ знаютъ Динандье», говорилъ онъ съ гордостью и считалъ себя въ правѣ дѣлать, что хочетъ.

Такимъ образомъ Динандье, благодаря своимъ милліонамъ, велъ грубую, дикую, свинскую жизнь, и этой золотой свиньѣ, однако, поклонялись евреи, католики, протестанты и атеисты. И правда, чего онъ только не дѣлалъ? Въ его рукахъ была половина акцій парижскихъ конныхъ желѣзныхъ дорогъ, четверть акцій водопроводныхъ компаній, осьмая часть акцій желѣзной дороги изъ Ліона на Средиземное море и громадное число конныхъ желѣзныхъ дорогъ по всей Франціи. Его называли «царемъ конокъ». Онъ строилъ ихъ по двадцати и тридцати тысячъ франковъ за километръ, а продавалъ за пятьдесятъ, сто и полтораста тысячъ. Онъ былъ до того богатъ, что могъ сколько угодно дожидаться, пока конка принесетъ барышъ, и тогда пускалъ ее по такой цѣнѣ, что акціонеры получали четыре или пять процентовъ. Публика съ удовольствіемъ подбирала эти крохи, падавшія со стола милліонера.

Авраамъ Абирамъ сказалъ прямо сеньору Козмо, что ему необходимо поймать въ свои сѣти эту крупную рыбу.

— За спиною этого человѣка стоятъ бордоское кредитное общество, сѣверно-южный банкъ, компанія поземельнаго кредита въ Средиземномъ морѣ и т. д. У него три газеты въ Парижѣ, одна въ Бордо и одна въ Марсели. Его слово законъ для тысячъ достойныхъ людей. Онъ представляетъ одинъ цѣлое крупное учрежденіе. Вы должны переманить его на свою сторону.

— Но какъ? спросилъ итальянецъ.

— Не знаю, отвѣчалъ еврей, пожимая плечами:—онъ не набожный человѣкъ, и гроша не дастъ за папское благословеніе или за рекомендацію кардинала Беретты. Я полагаю, что всего болѣе вліянія на него имѣютъ Китти изъ Folie Bergeres и маленькая американка Эльви изъ Пале-Рояля.

— Гм! А у него нѣтъ другихъ слабостей?

— Только одна. Онъ хочетъ попасть въ члены Джокей-Клуба. Его уже заболтировали три или четыре раза, но онъ все упорствуетъ. Этотъ діаволъ никогда не признаетъ себя побѣжденнымъ. Онъ броситъ милліоны, а поставитъ на своемъ. Онъ убѣжденъ, что деньги могутъ сдѣлать все, что доступно рожденію, образованію, генію, искуствамъ, наукѣ.

Digitized by Google

И еврей презрительно улыбнулся. Онъ самъ былъ ученымъ лингвистомъ, высокообразованномъ человѣкомъ, любителемъ картинъ и всѣхъ художественныхъ предметовъ, которые можно купить за деньги. Но онъ уважалъ и то, чего деньгами не купишь. Онъ написалъ небольшую монографію о Спинозѣ, ясно доказывавшую, что авторъ ея очень умный и способный человѣкъ. Что же касается до внутреннихъ вѣрованій, то онъ вѣрилъ лишь въ существованіе свѣта, въ которомъ жилъ.

— Значитъ, Джокей-Клубъ—ключъ позиціи, промолвилъ Козмо:—кажется Тшекъ говорилъ мнѣ, что маркизъ Доденъ имѣетъ большое вліяніе въ Джокей-Клубѣ.

Абирамъ засмѣялся. Онъ по своему ремеслу зналъ всѣхъ и все.

— Маркизъ Доденъ имѣетъ три или четыре второклассныя лошади и много претензій на авторитетъ, но, въ сущности, спортсмэны его вовсе не уважаютъ, а финансовое и общественное положеніе его — нуль. Его рекомендація привела бы только къ вѣрной неудачѣ на выборахъ. Вѣрьте мнѣ, Динандье уже покупалъ всѣхъ, кого можно купить, но безуспѣшно. Надо заручиться такими невозможными, неподкупными людьми, какъ Артуа, Ромаренъ, баронъ Плюмъ, Таренъ и князь Бальтазаръ. Вотъ еслибы вы, напримѣръ, достали Плюма, дѣло было бы въ шляпѣ.

— Плюма?

— Да... это дѣловой аристократъ... финансистъ-спортсмэнъ— блестящій свѣтскій франтъ и основательный дѣлецъ.

И Абирамъ развелъ руками, не считая себя въ силахъ высчитать всѣ таланты барона Плюма.

Козмо мысленно записалъ имя этого удивительнаго человѣка.

— Но, прибавилъ хитрый еврей:—къ Плюму не стоитъ идти съ вашимъ проэктомъ. Онъ принадлежитъ къ самой здравой школѣ финансистовъ, спекулируетъ на большую ногу, но благоразумно, и не приметъ участія ни въ одной сомнительной спекуляціи.

Козмо посмотрѣлъ прямо въ глаза Абираму; они блестѣли спокойно, невозмутимо. Очевидно, его замѣчаніе о проэктѣ Козмо было искреннее, но оно не понравилось итальянцу.

— Нашъ *кредитъ* будетъ надежнѣе французскаго банка, отвѣчалъ онъ самоувѣренно.

Абирамъ иронически улыбнулся и сухо произнесъ:

— Если вы убѣдите въ этомъ барона Плюма, онъ вашъ.

Въ тотъ же самый день передъ обѣдомъ Козмо имѣлъ первое свиданіе съ маркизомъ Рошерэ. Оправившись отъ припадка подагры и сплина, старый аристократъ сидѣлъ въ будуарѣ своей

Digitized by Google

жены, гдѣ находились также баронъ Плюмъ и Антуань. Маркиза сіяла. Она надѣялась переманить и барона въ свой лагерь. Утромъ маркизъ получилъ письмо изъ Фросдорфа. Баронъ Портфель отвѣчалъ на телеграмму и письмо г. Галюшэ. Это посланіе было очень короткое, но маркизъ прочелъ его съ уваженіемъ и удовольствіемъ. Оно рекомендовало проэктъ Козмо и обращало на него милостивое вниманіе маркиза.

Съ чувствомъ торжества, не лишеннаго, однако, нѣкоторой доли смущенія, услышалъ Козмо, какъ лакей доложилъ въ дверяхъ будуара маркизы:

— Г. Дюмарескъ и сеньоръ Козмо.

Журналистъ хотѣлъ непремѣнно присутствовать при этомъ важномъ свиданіи.

Финансистъ былъ принятъ маркизомъ съ добродушнымъ снисхожденіемъ, барономъ очень холодно, а маркизой съ самымъ любезнымъ радушіемъ.

— Я очень рада васъ видѣть, сказала она, бросая на Козмо такой очаровательный взглядъ, что баронъ вздрогнулъ отъ ревности: — надѣюсь, что ваше дѣло подвигается, и вы пріобрѣли много новыхъ участниковъ.

— Все идетъ отлично, отвѣчалъ Козмо, садясь по знаку маркизы подлѣ нея на кушеткѣ. Нашъ успѣхъ обезпеченъ.

— Вы достали уже всѣ деньги? спросилъ наивно, но совершенно серьёзно баронъ Плюмъ.

Козмо бросилъ зоркій взглядъ на свѣтскаго франта, который отвѣтилъ ему невозмутимо холоднымъ взоромъ, дѣйствовавшимъ на итальянца сильнѣе огненныхъ искръ. Эти два человѣка измѣрили глазами силы другъ друга, одинаково мощныя, но совершенно противуположныя.

— Деньги еще не въ банкѣ, баронъ, отвѣчалъ Козмо съ улыбкой:—но готовы и будутъ внесены, когда онѣ намъ понадобятся.

— Вамъ везетъ, сеньоръ, замѣтилъ сухо баронъ.

Эта маленькая перестрѣлка не избѣгла вниманія маркизы, и она тотчасъ вмѣшалась въ разговоръ:

— Я была бы очень рада, еслибы сеньоръ Козмо объяснилъ маркизу свой планъ; онъ можетъ быть увѣренъ, что его всѣ выслушаютъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ.

И она знаменательно посмотрѣла на барона Плюма.

Козмо былъ теперь гораздо увѣреннѣе въ себѣ и спокойнѣе на счетъ будущности своего плана, чѣмъ нѣсколько дней тому назадъ. Его поддерживало сознаніе своего успѣха и могущественной помощи маркизы. Онъ сталъ объяснять свой проэктъ

Digitized by Google

маркизу Рошерэ, но по временамъ обращался и къ барону, какъ бы придавая большую важность его мнѣнію.

Да, онъ сегодня былъ гораздо сильнѣе. Онъ могъ сослаться на содѣйствіе Абирама, Перигора, архіепископа, Галюшэ и пр.; онъ даже намекнулъ, что великій Динандье не прочь оказать ему свою помощь.

Баронъ два или три раза перебилъ его, предлагая вопросы, но очень учтивымъ и далеко не критическимъ тономъ. Имя Тибюлэ произвело на него пріятное впечатлѣніе. Это былъ надежнѣйшій человѣкъ въ Argent Comptant. Маркизъ внимательно слушалъ подробное объясненіе итальянца, рѣчь котораго теперь отличалась чисто дѣловымъ характеромъ, а не пламеннымъ краснорѣчіемъ, какъ въ первый разъ, когда онъ имѣлъ дѣло съ одной маркизой. Онъ говорилъ просто, ясно, толково, какъ умный банкиръ, и произвелъ большое, хотя различное впечатлѣніе на своихъ слушателей. Старый аристократъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ основательности и надежности проэкта Козмо. Баронъ нашелъ, что Козмо чрезвычайно искусный актеръ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлецъ, способный привести въ исполненіе свой планъ, собрать необходимый капиталъ, создать банкъ и довести его акціи до преміи. Что же касается великой католической идеи, то баронъ сразу призналъ ее нелѣпостью, хотя она и могла служить орудіемъ къ достиженію успѣха. Во всякомъ случаѣ предпріятіе итальянца можетъ удасться, надо лишь удалиться во время до наступленія черныхъ дней, такъ какъ смѣтливый баронъ не сомнѣвался, что, въ концѣ-концовъ, паровозъ долженъ лопнуть подъ управленіемъ этого черезчуръ смѣлаго машиниста.

— Онъ, навѣрное, пуститъ слишкомъ много пара, произнесъ мысленно баронъ:—да мы сойдемъ съ поѣзда до катастрофы.

Конечно, это путешествіе не обѣщало быть спокойнымъ, но баронъ, хорошо зная маркизу, ясно видѣлъ, что ее уже нельзя было удержать отъ этого рискованнаго дѣла. Комитету безопасности оставалось только смотрѣть во всѣ глаза и во время ее спасти.

Итальянецъ не зналъ, что думать объ этомъ молодомъ человѣкѣ, одежда и манеры котораго обнаруживали свѣтскаго франта, а умные глаза и ловкіе вопросы основательнаго дѣльца. Какъ только онъ окончилъ свое объясненіе, баронъ къ величайшему удовольствію маркизы произнесъ:

— Конечно, маркизъ, планъ сеньора Козмо произвелъ на васъ такое же сильное впечатлѣніе, какъ и на меня. Единственный путь къ его осуществленію заключается въ соединеніи въ одно всѣхъ главныхъ элементовъ католицизма. Вы не можете не при-

Digitized by Google

нять руководящаго участія въ дѣлѣ, столь важномъ и столь вѣско рекомендованномъ, а г. Козмо, я убѣжденъ, желалъ бы видѣть васъ во главѣ правленія.

— Разумѣется, поспѣшилъ произнести Козмо: — эта моя завѣтная мысль, и всѣ, съ которыми я совѣтовался по этому вопросу, находятъ, что принятіе маркизомъ мѣста предсѣдателя обезпечитъ успѣхъ предпріятія.

Маркиза была очень довольна, а маркизъ только для вида пожалъ плечами.

— Въ такомъ случаѣ, маркизъ, прибавилъ баронъ:—общество, во главѣ котораго вы будете стоять, можетъ всегда разсчитывать на то малое вліяніе и скромныя способности, которыми я обладаю.

— Trés bien, отвѣчалъ маркизъ, бросая проницательный взглядъ на молодого человѣка:—но, любезный Плюмъ, ваша скромность идетъ уже слишкомъ далеко. Имѣя такого помощника, какъ вы, я буду въ положеніи дюжиннаго генерала, подъ командой котораго служитъ величайшій полководецъ. Говорятъ, что вы не ограничиваете своей дѣятельности однимъ Джокей-Клубомъ.

— Я была увѣрена, сказала маркиза, нѣжно взявъ за руку мужа:—что однажды познакомившись съ планомъ сеньора Козмо, вы тотчасъ примете его подъ свое покровительство.

— А Антуанъ? спросилъ съ улыбкой маркизъ, обращаясь къ секретарю.

— Я могу только сказать, отвѣчалъ серьёзно де-ла-Гуппъ:— что если до сихъ поръ я все еще сомнѣвался въ успѣхѣ этого предпріятія, то въ послѣднія пять минутъ всѣ сомнѣнія исчезли.

— Хорошо. Теперь надо обсудить мѣры, къ практическому осуществленію вашего плана, сеньоръ Козмо. Чѣмъ мы можемъ вамъ помочь?

— Ваше участіе въ дѣлѣ, маркизъ, равно и участіе барона даютъ намъ возможность образовать блестящее правленіе. Быть можетъ, вліяніе маркизы доставитъ намъ и другихъ членовъ правленія.

— Вы должны бы завербовать Динандье, толстаго Динандье, замѣтилъ баронъ:—онъ имѣетъ большую силу на биржѣ.

— Онъ ненадежный католикъ, замѣтила маркиза:—я объ немъ только читала въ газетахъ. Это, кажется, выскочка.

— Онъ не очень нравственный человѣкъ, произнесъ маркизъ.

— Да, онъ не можетъ быть нравственной поддержкой для насъ, сказалъ баронъ съ улыбкой: — но это громадная финансовая сила. Я только не знаю, какъ намъ поймать на удочку такую крупную рыбу. Это человѣкъ невозможный — толстый, грубый, неприличный, корыстолюбивый... но архи-милліонеръ.

Digitized by Google

— Вы истощили, баронъ, весь вашъ запасъ эпитетовъ? спросила маркиза съ улыбкой.

— Всего словаря Литрэ не хватило бы, чтобы пересчитать всѣ его качества.

— Вы забыли одно его качество, которое не найти у Литрэ, замѣтилъ Козмо:—онъ имѣетъ все, что можно купить за деньги; но онъ не можетъ добиться, проложить себѣ дорогу въ хорошее общество. Говорятъ, что онъ и днемъ, и ночью мечтаетъ попасть въ члены Джокей-Клуба.

— Ха-ха! воскликнулъ маркизъ. — Это ваше дѣло, Плюмъ. Проведите его въ Джокей-Клубъ.

— Это невозможно, отвѣтилъ рѣшительно баронъ.—Онъ уже раза два баллотировался, но безуспѣшно, хотя подкупилъ Додена и другихъ нуждающихся членовъ. Я не чувствую себя въ силахъ совершить такое чудо.

— Но вы все-таки постараетесь, сказала маркиза, бросая выразительный взглядъ на молодого человѣка.

— Малѣйшее желаніе маркизы для меня законъ, отвѣчалъ баронъ, низко кланяясь и замаскировывая улыбкой свое смущеніе.

— Онъ женатъ? спросила маркиза.

Мужчины молча переглянулись.

— Я знаю, что у него есть дочь, отвѣчалъ г. де-ла-Гуппъ:— это единственное существо на свѣтѣ, которое онъ любитъ. Она его наслѣдница, и онъ объявилъ, что выдастъ ее замужъ только за князя.

— Бальтазаръ! воскликнулъ баронъ со смѣхомъ, на который весело отозвалась маркиза. — Любезный Антуань, я вамъ рекомендую князя Артуса Бальтазара и прошу за комиссію только милліонъ.

— Хорошо, но она слѣпая, отвѣчалъ Антуань.

— Mon Dieu! воскликнула маркиза съ искреннимъ сожалѣніемъ:—какое несчастіе! Молодая, богатая и не имѣетъ возможности наслаждаться жизнью! Бѣдная молодая дѣвушка! Бѣдный отецъ! Это ужасно. И толстый Динандье любитъ свою слѣпую дочь?

— Онъ не надышется ею, отвѣчалъ Антуань: — окружаетъ ее всевозможной роскошью; израсходовалъ баснословныя суммы на окулистовъ; далъ ей прекрасное воспитаніе. Она играетъ на фортепіано и арфѣ, знаетъ нѣсколько языковъ и вообще очень образованная молодая дѣвушка. Она, говорятъ, чрезвычайно набожна и желаетъ поступить въ монастырь, но Динандье не хочетъ объ этомъ и слышать. Онъ грозитъ наложить на себя

Digitized by Google

руки, если она сдѣлается монахиней, и клянется, что выдастъ ее замужъ за князя.

— Бѣдный Бальтазаръ! замѣтилъ баронъ:—что онъ сдѣлаетъ съ образованной женой? Счастіе еще, что она не увидитъ его недостатковъ.

— А вы думаете, что онъ устроилъ бы это дѣльце съ старикомъ Динандье? спросилъ съ улыбкой маркизъ.

— Нѣтъ, никогда. Онъ не умѣетъ чистить сапоги, тѣмъ менѣе, вести дипломатическіе переговоры. Но я возьму это на себя. Маркиза приказала мнѣ провести это чудовище въ члены Джокей-Клуба. Я съ большимъ удовольствіемъ взялся бы перелетѣть на шарѣ черезъ Средиземное море. Въ качествѣ же будущаго тестя князя Бальтазара онъ будетъ, безъ сомнѣнія, выбранъ громаднымъ большинствомъ. Съ этой минуты дѣло въ шляпѣ; Бальтазаръ женится и уплачиваетъ всѣ свои долги. Я прямо объявлю въ Джокей-Клубѣ о его свадьбѣ. Нечего сказать, ловкая комбинація.

— Отличная, вмѣшался впервые въ разговоръ Дюмарескъ:— но если молодая дѣвушка откажется отъ чести быть княгиней? Она, говорятъ, слышать не хочетъ о замужествѣ и ненавидитъ всѣхъ мужчинъ.

— Но вѣдь отецъ располагаетъ ея судьбой! воскликнулъ баронъ. — Жаль только, что Бальтазаръ, очень красивый малый, не отличается умомъ и, значитъ, его невѣста не будетъ въ состояніи оцѣнить его единственнаго достоинства.

Онъ хотѣлъ продолжать, но вдругъ остановился, замѣтивъ, что лицо маркизы неожиданно приняло грустное выраженіе.

— Я очень хорошаго мнѣнія о князѣ Артусѣ Бальтазарѣ, сказала она: — но нахожу, что вы, господа, позволяете себѣ слишкомъ свободно выражаться о молодой дѣвушкѣ. Я очень заинтересована ею и сдѣлаю все, что могу для нея. Пусть сеньоръ Козмо пріобрѣтаетъ содѣйствіе Динандье, какъ знаетъ, оставивъ въ покоѣ его дочь. Я не допущу, чтобы ея имя было замѣшано въ дѣловыя комбинаціи.

Баронъ Плюмъ принялъ этотъ упрекъ, какъ истинный джентльмэнъ.

— Mille excuses, madame, сказалъ онъ: — я былъ слишкомъ легкомысленъ. Вы намъ позволяете считать себя дома въ вашей гостиной, и потому иногда невольно забываешься. Вы совершенно правы, низко шутить надъ несчастіемъ. Но позвольте мнѣ серьёзно рекомендовать вамъ князя, какъ прекраснаго жениха для молодой дѣвушки, которую вы хотите взять подъ свое по-

Digitized by Google

кровительство. Я могу поручиться за его благородство также, какъ и за то, что у него теперь нѣтъ ни гроша за душой.

— Я вамъ прощаю, промолвила маркиза, протягивая ему руру: — и поручаю вамъ вмѣстѣ съ Антуанемъ и Дюмарескомъ обсудить лучшій способъ оказать содѣйствіе сеньору Козмо. Я увѣрена, что въ вашихъ рукахъ наши интересы вполнѣ безопасны.

Этими словами маркиза безсознательно утвердила существованіе комитета безопасности, уже утвержденнаго для наблюденія за ея интересами.

Козмо молчалъ, слушалъ и зорко наблюдалъ за этой сценой. Утонченныя чувства, выказанныя этими представителями высшаго общества, были для него совершенною новостью, но онъ тотчасъ ихъ оцѣнилъ. Хотя планъ купить толстаго Динандье, выдавъ его дочь за князя, казался ему геніальнымъ, но онъ могъ понять, что маркиза высказалась противъ этого плана, обладая болѣе чуткой совѣстью, чѣмъ онъ. Какъ бы то ни было, онъ сожалѣлъ, что надо было выбросить изъ игры карту, бьющую навѣрняка. Положимъ, было очень благородно пощадить молодую дѣвушку, хотя бы и въ ущербъ успѣха великой католической идеи, но воспитаніе и личныя стремленія Козмо научили его, что цѣль оправдываетъ средства. Онъ видѣлъ, что баронъ Плюмъ слишкомъ утонченный человѣкъ, чтобы поймать на удочку Динандье, и вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ, какія чувства онъ питалъ къ маркизѣ. Въ этомъ отношеніи итальянецъ никогда не ошибется. Зарубивъ все это на внутренной стѣнкѣ своей смышленной головы, Козмо далъ себѣ слово воспользоваться собранными свѣдѣніями. Въ старину рыцари могли руководить свои дѣйствія опредѣленными, хотя и романичными правилами чести, но финансовый рыцарь нашего времени, человѣкъ практическій, дѣйствуетъ не по правиламъ, а примѣняясь къ обстоятельствамъ.

XI.

Слѣпая Сесиль.

Каждое утро, прежде чѣмъ покинуть свой великолѣпный домъ и окунуться въ шумный водоворотъ ежедневныхъ трудовъ и удовольствій, толстый Динандье тихонько стучался въ дверь будуара своей слѣпой дочери Сесиль. Она издали слышала тяжелые шаги отца, несмотря на турецкіе ковры, покрывавшіе лѣст-

Digitized by Google

ницу, и нѣжнымъ, мелодичнымъ голосомъ, заставлявшимъ трепетать сердце милліонера, отвѣчала: «войдите, папа!»

— Здравствуй, Сесиль, хорошо ли ты спала, моя голубушка, произносилъ онъ голосомъ, напоминавшимъ шумъ кузнечныхъ мѣховъ, и входилъ въ комнату.

Тогда Сесиль вставала съ кресла, протягивала руки и прижималась къ его громадной груди. Онъ цѣловалъ ее въ обѣ щеки настолько нѣжно, насколько это было возможно подобному звѣрю, и, усадивъ ее снова на кресло, помѣщался подлѣ нея. Ихъ разговоръ длился около получаса.

Она не могла его видѣть и никогда не видала, что нѣсколько вознаграждало ее за великое несчастіе быть слѣпой. Какъ она себѣ его представляла, трудно было сказать. Ей ясно было одно: что онъ большихъ размѣровъ и что голосъ его не музыкальный, какъ у нѣкоторыхъ лицъ, а глухой, порывистый, словно онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе. Но онъ всегда былъ добръ и нѣженъ къ ней, никогда не сказалъ ей ни одного непріятнаго слова и окружалъ ее самыми трогательными попеченіями. Потому эта хорошенькая, утонченная, высоко-образованная молодая дѣвушка двадцати двухъ лѣтъ, съ чувствами и вкусами рѣзко противоположными чувствамъ и вкусамъ Динандье, питала къ нему пламенную любовь. Чувство ея къ матери ограничивалось требованіями набожности и приличія. У г-жи Динандье отъ природы былъ не очень пріятный характеръ, а развратная жизнь мужа и рожденіе слѣпой дочери еще болѣе ожесточила ее. Она обходилась грубо съ бѣднымъ ребенкомъ, упрекала свою дочь за то, что она слѣпая, и старалась дѣлать непріятности мужу дурнымъ обращеніемъ съ дочерью. Динандье, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ выгналъ ее изъ дома, назначивъ ей громадное содержаніе подъ условіемъ, чтобы она не безпокоила его и не мучила дочери своимъ присутствіемъ. Она вознаграждала себя за это изгнаніе обширной благотворительной дѣятельностью и постоянными жалобами на безнравственность мужа.

Съ другой стороны Динандье выказалъ въ своихъ попеченіяхъ о дочери тотъ удивительный тактъ и замѣчательную ловкость, которыя отличали его въ финансовыхъ дѣлахъ. Онъ отыскалъ даму среднихъ лѣтъ, хорошаго семейства, набожную, и высокообразованную, которой и поручилъ воспитаніе дѣвочки. Ей было довѣрено нанимать лучшихъ профессоровъ по всѣмъ отраслямъ знаній и искуствъ, къ которымъ Сесиль обнаруживала склонность. Помощницами у нея были двѣ молодыя дѣвушки, исполнявшія должности секретарей и компаньонокъ. Онѣ читали Се-

Digitized by Google

силь, разговаривали съ нею, записывали ея мысли и забавляли ее разсказами обо всемъ, что видѣли и слышали. Отецъ требовалъ только одного; чтобъ всѣ ея желанія немедленно исполнялись. Она однажды выразила желаніе слышать Альбани, пѣвшую въ то время въ Лондонѣ, и ее выписали за двадцать пять тысячъ франковъ. Въ тоже время свинообразный звѣрь имѣлъ настолько деликатности, что запрещалъ говорить дочери, какъ дорого стоили ея капризы.

Спустя нѣсколько дней, послѣ совѣщанія въ домѣ маркиза Рошерэ, Динандье, входя утромъ въ комнату дочери съ особенной теплотой произнесъ свои обычныя слова:

— Здравствуй, Сесиль, какъ ты спала моя голубушка?

Его громовой голосъ дрожалъ отъ радостнаго волненія, и слѣпая тотчасъ это замѣтила. Она провела рукой по его лицу и нѣжно спросила?

— Что съ вами, папа? Вы въ очень хорошемъ настроеніи духа. Случилось что-нибудь пріятное? Вамъ удалось какое нибудь крупное дѣло?

— Можетъ быть, отвѣчалъ онъ: если ты исполнишь мое желанье.

— Какое папа? Вы знаете, что ваше счастье для меня все на свѣтѣ.

Она повернула къ нему свое сіявшее радостью лицо. Увы! ея прекрасные голубые глаза, не имѣли никакого выраженія, но всѣ черты ея лица говорили до того краснорѣчиво, что заставляли забывать о недостаткѣ зрѣнія.

Онъ потрепалъ ее по блѣдной щекѣ своей громадной пухлой рукой и погладилъ ея великолѣпные русые волосы, ниспадавшіе роскошной волной на ея плечи. На ней былъ изящный бѣлый кашемировый халатъ на шелковой подкладкѣ, рельефно обрисовывавшій ея граціозную фигуру. Не было ничего удивительнаго, что въ присутствіи такой цѣломудренной чистоты и невинности, вся грубая сторона натуры Динандье немедленно стушевывалась.

— Голубушка, моя Сесиль, началъ онъ нерѣшительнымъ тономъ, сознавая всю отвратительность взятой на себя задачи: ты уже женщина. Тебѣ почти двадцать два года.

— Не *почти*, а уже минуло двадцать два года, три мѣсяца тому назадъ папа.

— Я знаю... я знаю... Сесиль... а твой отецъ все старѣетъ... толстѣетъ... и уже не такъ твердъ на ногахъ, какъ бывало. Онъ не можетъ жить вѣчно.

Странно, но трогательно звучалъ глухой голосъ милiонера.

Digitized by Google

Сесиль схватила его руку, чтобъ убѣдиться, не боленъ ли онъ.

— Вы не больны, папа? Ничего не случилось?

— Я никогда въ жизни не чувствовалъ себя лучше, произнесъ со смѣхомъ Динандье: но это не можетъ продлиться долго. Ты знаешь, дитя мое, я долженъ думать о твоей будущности. Ты втрое моложе меня. Что будетъ съ тобою, когда меня не станетъ?

Она задумалась, зная очень хорошо, на что намекалъ ея отецъ.

— Но я совершенно счастлива, папа, сказала она послѣ минутнаго молчанья: мнѣ ничего не надо. А еслибъ Богу угодно было призвать васъ къ себѣ, мнѣ осталась бы религія. Я все таки буду счастлива, служа Богу и молясь о васъ.

И она крѣпко сжала его руки.

Слезы показались на глазахъ Динандье, и онъ не могъ произнести ни слова отъ волненія. Сесиль это тотчасъ замѣтила.

— Что съ вами, папа, вы плачете? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе: ты ангелъ, Сесиль, твой голосъ и твоя доброта трогаютъ мое сердце. Я не могу слышать, чтобы ты такъ говорила. Ты моя единственная надежда въ жизни, а ты всегда говоришь, словно ты недовольна, и желала бы другого существованія. Кажется, я старался всячески сдѣлать твою жизнь счастливой.

— О, да, папа. Я ни въ чемъ не нуждаюсь. Только я желала бы видѣть васъ и всѣ прелести, о которыхъ мнѣ говоритъ г-жа Ортансъ, моя подруга Моника, и всѣ добрые люди, которыми ты окружаешь меня. Но право, даже неблагодарно желать этого. Вы не можете сдѣлать для меня ничего большаго, развѣ только оставаться подолѣе со мною.

— Нѣтъ, Сесиль, я могу и долженъ сдѣлать для тебя нѣчто, безъ чего наше счастье не полно. Ты знаешь, Сесиль, что если ты умрешь, не выйдя замужъ, то я останусь безъ наслѣдника. Все мое громаднее богатство пойдетъ чортъ знаетъ куда. Оно будетъ расхищено нотаріусами, судьями и другими разбойниками, которыхъ общество создало въ своей средѣ. О, проклятыя отродья древней тираніи, напустившей ихъ, какъ ужасныя трихины на политическое тѣло націи.

Онъ говорилъ съ дикимъ жаромъ, заимствуя сравненія изъ своего прежняго ремесла. По временамъ толстый Динандье смотрѣлъ ясно на предметы и, выражая радикальныя мнѣнія, гнѣвно протестовалъ противъ презрѣнія, съ какимъ относились къ нему аристократическіе и образованные классы.

— Но, папа, отвѣчала молодая дѣвушка:—къ чему мнѣ ваше

Digitized by Google

богатство? У меня такъ мало потребностей. Послѣ же васъ можно все отдать церкви.

— Церкви? воскликнулъ Динандье, забывшись и топая ногой такъ сильно, что вся комната затряслась. Никогда! Отдать мои милліоны церкви? Чтобъ она расточала ихъ развратнымъ патерамъ, блестящимъ кардиналамъ и манастырямъ...

Тутъ онъ внезапно остановился.

Сесиль, закрывъ лицо руками и горько рыдая, произносила сквозь слезы:

— Боже мой! Боже мой! Прости ему это прегрѣшенье!

Динандье былъ внѣ себя отъ отчаянія.

— О, Сесиль, Сесиль, успокойся, воскликнулъ онъ: не принимай моихъ словъ за серьёзное. Я только пошутилъ. Я сдѣлаю все, что ты пожелаешь, только перестань плакать и прости своего стараго отца.

Онъ всталъ и хотѣлъ позвать на помощь г-жу Ортансъ, но Сесиль схватила его за руку.

— Нѣтъ, промолвила она: — уже прошло. Я виновата, что такъ беру все къ сердцу, но вы знаете, папа, что на счетъ религіи мы съ вами не сходимся.

— Это проклятый аббатъ Дюпрэ напичкалъ ее такими нелѣпостями, подумалъ старикъ: я его спущу подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

— Сесиль, будь благоразумна, произнесъ онъ громко:—я беру назадъ свои слова, повторяю, что не хочу оставить своего богатства церкви. Я лучше брошу его въ море. Но, голубушка, хорошо бы было передать его наслѣднику, красивому мальчику или хорошенькой дѣвочкѣ—моему внуку или внучкѣ. Что ты на это скажешь? Развѣ не было бы высшимъ счастьемъ имѣть маленькаго ребенка, съ твоими голубыми, но зрячими глазками, который бѣгалъ бы вокругъ тебя, топая крошечными ноженками, обнималъ бы тебя пухлыми рученками и кричалъ бы: мама! мама!

Толстый Динандье дошелъ до настоящаго краснорѣчія, благодаря искренности, своего желанія имѣть наслѣдника, и его слова сильно подѣйствовали на Сесиль, пылкое воображеніе которой дополнило набросанную отцомъ картину.

— Правда, это было бы большее счастье, отвѣчала она съ тяжелымъ вздохомъ и качая головой; но для меня оно невозможно.

— Отчего же моя радость? воскликнулъ старикъ Динандье:— это совершенно возможно. Подумай, еслибъ еще этотъ ангелъ назывался княземъ гм! княземъ Бальтазаромъ?

— Княземъ Бальтазаромъ? Какъ странно!

Digitized by Google

— Развѣ ты слыхала объ этомъ молодомъ человѣкѣ?

— Неужели, папа, въ настоящее время существуетъ человѣкъ, по имени князь Бальтазаръ?

— Да, живетъ и процвѣтаетъ. Это самый изящный свѣтскій франтъ, членъ Джокей-Клуба, рослый, красивый. Онъ принадлежитъ къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ Венгріи, и владѣетъ цѣлымъ княжествомъ въ двѣсти тысячъ гектаровъ, очень мало приносящихъ, но незаложенныхъ евреямъ. Но отчего ты спросила, существуетъ ли князь Бальтазаръ?

— Такъ ничего, глупость. Нѣсколько времени тому назадъ, Моника читала мнѣ одну англійскую поэму, въ которой говорилось о «гордомъ князѣ Бальтазарѣ».

— Такъ что же?

— Однажды, Моника, Флорибелла и я, для шутки, вздумали придумывать, какимъ именемъ желали бы мы, чтобъ назывались наши женихи.

— А, вы иногда думаете о женихахъ? воскликнулъ, съ сіяющимъ лицомъ, Динандье.

— Такъ, для смѣха! Надо же иногда подурачиться.

— Конечно.

— Ну, я и выбрала себѣ Бальтазара, думая что такого имени теперь уже болѣе нѣтъ.

— Ah! la! la! воскликнулъ Динандье торжественнымъ голосомъ, заставившимъ вздрогнуть молодую дѣвушку:—какое счастливое предзнаменованіе! Такъ знай, Сесиль, что князь Артусъ Бальтазаръ не только существуетъ...

— Артусъ?

— Да, такъ что же?

Сесиль закрыла лицо руками, чтобы скрыть румянецъ, покрывшій ея щеки.

— Это одно изъ любимѣйшихъ моихъ именъ. Оно встрѣчается у Тенисона.

— Какого Тенисона?

— А это англійскій поэтъ.

— Я тебя не понимаю. Ты все живешь среди англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ. Точно не довольно Виктора Гюго? Ну, кто же былъ твой Артусъ?

— Король. Онъ учредилъ знаменитый орденъ Круглаго Стола.

— Что же, играли въ винтъ или въ преферансъ на кругломъ столѣ? Артусъ тоже силенъ въ картахъ.

— О нѣтъ, они были благородные рыцари, и считалось величайшей честью принадлежать къ этому ордену.

— Гм! промолвилъ Динандье, пожавъ плечами.

Digitized by Google

Онъ не могъ сказать, чтобъ новѣйшій Артусъ былъ благороднѣйшимъ рыцаремъ, но, во всякомъ случаѣ, годился ему въ затья. Князь Бальтазаръ имѣлъ блестящее положеніе въ Парижѣ. Мать его была француженка изъ древняго аристократическаго рода въ Анжу, и въ гербѣ венгерскаго князя были геральдическіе знаки французскихъ королей. Но какъ узналъ объ этомъ толстый Динандье? Ему сообщилъ эти подробности Галюшэ, по словамъ котораго князь Бальтазаръ, имѣвшій самыя блестящія связи въ Парижѣ, Будапештѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ, былъ какъ бы созданъ для того, чтобъ сдѣлаться его зятемъ.

Но Сесиль инстинктивно поняла, что эта романическая идиллія заходитъ слишкомъ далеко.

— Вотъ видите, папа, какъ опасно читать слишкомъ много романтичныхъ поэтовъ, сказала она: — это стеченіе обстоятельствъ очень странное, но серьёзнаго тутъ нѣтъ ничего. Этотъ князь Артусъ или Бальтазаръ никогда не можетъ жениться на мнѣ.

— Напротивъ, это дѣло очень серьёзное. Князь Артусъ Бальтазаръ проситъ твоей руки.

Это была неправда, но Динандье такъ желалъ выдать замужъ свою дочь за князя, что не много опередилъ событія.

— Папа! промолвила слѣпая, вспыхнувъ.

— Да. Нотаріусъ Галюшэ, очень серьёзный человѣкъ, предложилъ мнѣ это дѣльце.

— Какъ ужасно! Онъ меня не знаетъ и никогда меня не видалъ. Отъ него скрыли, конечно, что я слѣпа.

— Онъ все знаетъ! Онъ видалъ тебя въ Булонскомъ лѣсу и знаетъ, что ты ангелъ.

— Погодите, произнесла она повелительнымъ тономъ: — онъ знаетъ также, что я богата. Я все теперь понимаю. Если вы меня любите, папа, то избавите отъ этого униженія. Пожалѣйте хоть мою слѣпоту: я не акція, нельзя меня продавать и покупать. Не будемъ болѣе говорить объ этой глупости. Господь прямо отмѣтилъ, что я не невѣста. Я это всегда понимала. Хотя... еслибъ...

Она задумалась и передъ ея слѣпыми глазами, казалось, носилось какое-то счастливое видѣнье.

— Хотя что?

— Нѣтъ, произнесла она, словно очнувшись, и голосъ ея звучалъ твердо и рѣшительно:—это невозможно. Вы, дѣйствительно, любите меня, папа?

— Люблю ли я тебя, Сесиль?

Digitized by Google

И въ его голосѣ было столько чувства, что она, не дожидаясь прямого отвѣта, продолжала.

— Такъ никогда не говорите мнѣ болѣе объ этомъ. Это меня оскорбляетъ.

— Хорошо, Сесиль. Я не хочу тебя огорчать, но не огорчай и ты меня. Однако, я заболтался съ тобою. Меня ждутъ въ одинадцать часовъ.

Онъ видѣлъ, что въ настоящую минуту не слѣдовало болѣе настаивать, но ни мало не отказался отъ осуществленія своей завѣтной мысли, тѣмъ болѣе, что слова Сесиль «хотя... еслибъ» подавали ему большую надежду. Старый милліонеръ былъ хитрый человѣкъ и онъ мысленно окончилъ эту начатую фразу: «хотя... еслибъ онъ дѣйствительно меня видѣлъ и искренно полюбилъ меня, то можно было бы подумать объ его предложеніи».

Онъ не очень ошибался. Бѣдная слѣпая жаждала любви, и религіозный мистицизмъ ея не удовлетворялъ.

— Да, разсуждалъ самъ съ собою Динандье, спускаясь по великолѣпной лѣстницѣ своего роскошнаго дома: — ихъ надо случайно свести и пусть блестящій членъ Джокей-Клуба самъ постарается взять призъ.

И среди всѣхъ трудовъ и удовольствій, наполнявшихъ обычный день милліонера, онъ не разставался съ этой мыслью.

XII.

Отложенная свадьба.

Въ то самое утро, когда Динандье говорилъ съ дочерью о князѣ Бальтазарѣ, послѣдній вошелъ въ спальню барона Плюма и засталъ его въ обществѣ маленькаго старичка. Баронъ сидѣлъ въ креслѣ, держа правую руку на бархатной подушкѣ, а старичекъ съ восторгомъ разсматривалъ пальцы его руки.

— Parfait, сказалъ старичекъ пискливымъ голосомъ:—пальцы бѣлы, какъ слоновая кость, ногти великолѣпно округлены и имѣютъ форму правильной миндалинки. Немного развѣ погнуть ноготь перста, вотъ такъ. Еще рельефнѣе блеститъ полулунка.

— Не велико-ли кольцо, Форміо?

Грекъ приложилъ руку къ глазамъ и устремилъ свой взглядъ на перстень съ великолѣпной древней рѣзной яшмой, красовавшійся на перстѣ барона.

— Да, вы, можетъ быть, правы. Позвольте, я попробую кольцо съ изумрудомъ. Прекрасно. Но, погодите, надо спилить тысячную

Digitized by Google

долю милиметра съ ногтя на среднемъ пальцѣ. Мнѣ кажется, онъ не пропорціоналенъ.

Баронъ предоставилъ свою руку артистическимъ попеченіямъ оператора и обернулся къ Бальтазару.

— Ну, coquin, сказалъ онъ: — долго ли вы сидѣли сегодня утромъ? Повезло вамъ, наконецъ?

— Нѣтъ; діавольскій англичанинъ всѣхъ обобралъ. Я проигралъ двадцать пять тысячъ франковъ.

— Ого! И...

— И я не знаю, чѣмъ мнѣ заплатить за сегодняшній обѣдъ. Хорошо еще, что Ареци далъ мнѣ въ займы, и я могъ заплатить лорду Мельвилю, а то я былъ бы опозоренъ на вѣки.

— Такъ нельзя, отвѣчалъ баронъ, качая головой:—ты погубишь себя, Артусъ. Тебѣ надо продать часть твоего конскаго завода.

— Fichtre! Погоди минутку. Я имѣю тебѣ разсказать кое-что интересное. Я разбогатѣю.

— Чортъ возьми! Скоро свѣтопредставленіе! Разскажи мнѣ, въ чемъ дѣло?

— Я разскажу, когда мы останемся одни. Этотъ почтенный артистъ долго еще будетъ работать надъ твоими пальцами?

— Довольно Форміо, сказалъ баронъ, смотря на отраженіе своей руки въ большомъ трюмо, стоявшемъ прямо противъ его кресла:—до завтра.

Грекъ удалился, бросивъ гнѣвный взглядъ на Бальтазара.

Какъ только дверь затворилась за нимъ, князь началъ плясать по ковру, весело насвистывая.

— Поздравь меня, любезный другъ, воскликнулъ онъ, кружась на цыпочкахъ: ты не подозрѣваешь, что случилось?

— Ты сошелъ съ ума? Я всегда этого ждалъ.

— Нѣтъ, отгадай.

— Твой отецъ умеръ?

— Нѣтъ, мнѣ не дождаться такого благополучія. Онъ крѣпокъ какъ дубъ. Что ему дѣлается? Онъ живетъ на Токайскомъ винѣ.

— Прозерпина взяла призъ на скачкѣ съ препятствіями въ Берлинѣ?

— Напротивъ; я только что получилъ письмо отъ жокея: она сломала себѣ ногу передъ скачкой, и пришлось ее застрѣлить.

— Чортъ! Право я не могу отгадать.

— Я женюсь.

— Дуракъ! И ты не плачешь? Очевидно, ты сошелъ съ ума.

— На милліонерщѣ.

Digitized by Google

— Sapristi! Я теперь начинаю понимать твою радость. Но прекрати пожалуйста твой дервишскій танецъ, сѣдь и поговоримъ серьёзно. Если это правда, то ты знаешь, Артусъ, что я первый тебя поздравлю.

— Я разскажу тебѣ все по порядку, произнесъ Бальтазаръ, бросаясь на кушетку: третьяго дня я получилъ письмо отъ незнакомаго мнѣ господина по фамиліи Галюшэ.

— Это воплощенный дьяволъ.

— Да, онъ нотаріусъ. Онъ пишетъ, что ему нужно поговорить со мною по важному дѣлу, и проситъ заѣхать къ нему въ улицу Neuve-des-petits-champs.

— Я знаю.

— Ты съ нимъ знакомъ?

— Да; продолжай.

— Я отправляюсь по адресу. Домъ грязный и переполненъ ремесленниками. Въ нижнемъ этажѣ сапожникъ и парикмахеръ; во второмъ нотаріусъ; въ третьемъ швея и зубной врачъ; въ четвертомъ повивальная бабка и гризетки. При входѣ на лѣстницу, меня останавливаетъ какая-то старая вѣдьма.

— Да, ты настоящій Золя.

— Это что значитъ?

— Да ничего, шутка. Твое описаніе этого дома напомнило мнѣ великаго романиста.

— Ну, привратница подвергла меня правильному допросу, словно слѣдственный судья. Наконецъ, она дозволила мнѣ подняться по лѣстницѣ. Я вхожу въ большую комнату, наполненную картонками съ дѣлами и писцами, строчащими на длинныхъ столахъ. Оттуда меня проводятъ въ великолѣпный кабинетъ, гдѣ меня встрѣчаетъ старикъ высокаго роста, очень приличный, настоящій père de famille. Онъ принимаетъ меня очень добродушно и объявляетъ, что знаетъ меня и положеніе моихъ дѣлъ, такъ какъ онъ былъ нотаріусомъ семьи моей матери. Вообще онъ, кажется, знаетъ всѣхъ и вся. Потомъ онъ заявилъ, что совершенно сочувствуетъ моему желанію жениться. Я гордо отвѣчалъ, что полученныя имъ свѣдѣнія невѣрны и что я вовсе не намѣренъ жениться. Онъ тогда добродушно замѣтилъ: «Часто случается то, что всего невозможнѣе. Я васъ пригласилъ сюда, по порученію человѣка, принимающаго въ васъ большое участіе.

— Скажите мнѣ фамилію этого нахала, и я ему пошлю секундантовъ, отвѣчалъ я.

— Я взялъ на себя всю отвѣтственность за этотъ разговоръ, отвѣчалъ онъ:—позвольте мнѣ хоть объяснить, въ чемъ дѣло.

Digitized by Google

Прошу извиненія заранѣе, если мои слова вамъ не понравятся. Я смотрю на это съ исключительно дѣловой точки зрѣнія».

— «А я не вижу здѣсь, отвѣчалъ я: ни дѣла, ни забавы».

— Браво, Артусъ! воскликнулъ баронъ: — ты подъ старость становишься остроумнымъ.

— Помолчи пожалуйста и слушай.—«Ваша правда, замѣчаетъ Галюшэ: это ни то, ни другое, а романъ. Молодая прелестная особа — единственная наслѣдница милліонера, дающаго ей въ приданое десять милліоновъ.—Я перебиваю его восклицаніемъ:— «Это не возможно! Приданое въ десять милліоновъ достойно королевской дочери».—«А послѣ смерти отца, прибавляетъ онъ совершенно спокойно, она получитъ тридцать милліоновъ». — «Чортъ возьми, замѣчаю я: это гановерскій король».—Онъ отвѣчаетъ съ нетерпѣніемъ — «нѣтъ». — «Такъ кто же этотъ Крезъ? спрашиваю я.— «Мнѣ дозволено вамъ сообщить его имя по секрету: это Г. де Динандье, банкиръ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей во Франціи.

— Tonnerre! воскликнулъ баронъ, вскакивая съ мѣста.

— Что съ тобой? спросилъ князь:—въ креслѣ лопнула пружина?

— Де Динандье? Онъ такъ и сказалъ де Динандье? спросилъ баронъ со смѣхомъ.

— Да. Тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго. Я продолжаю. Конечно, я спросилъ, что за особа дочь милліонера. И получилъ въ отвѣтъ: она молода, прелестна, богата, умна, образованна, настоящій ангелъ, но одинъ у нея недостатокъ: она слѣпа». Это обстоятельство еще болѣе заинтересовало меня. При красотѣ и десяти милліонахъ слѣпота пройдетъ незамѣченной. Я поэтому согласился войти въ сношенія съ отцомъ. Онъ оказался громаднымъ животнымъ, горой сала со свиными глазками. Но человѣкъ добродушный и чрезвычайно дѣловой.—«Князь, сказалъ онъ: я люблю дочь, и отдамъ ее только за человѣка, который вполнѣ ея достоинъ. Она сокровище, она ангелъ. Я увѣренъ, что могу безопасно отдать вамъ ее. Я буду вашимъ банкиромъ, и если нѣсколько милліоновъ могутъ освободить ваши родовыя помѣстья отъ всѣхъ лежащихъ на нихъ долговъ, какъ иногда бываетъ въ Венгріи съ помѣстьями лучшихъ семей, то распоряжайтесь ими». Я отвѣчалъ старику, что прошу быть представленнымъ его дочери. Ну вотъ, теперь ты все знаешь, поздравь меня отъ всей души.

— Очень сожалѣю, но не могу тебя поздравить, отвѣчалъ баронъ.

— Отчего?

Digitized by Google

— Эта свадьба невозможна. Ты не долженъ даже видѣть ее.

— Чертъ возьми! воскликнулъ князь, выходя изъ себя отъ гнѣва: какое право вы имѣете мѣшать мнѣ жениться на этой молодой дѣвушкѣ?

— Какъ бы тамъ ни было, а этой свадьбѣ не бывать.

— Почему, нахалъ?

— Она не хочетъ выходить за тебя замужъ.

— Ха, ха, ха! произнесъ со смѣхомъ князь: это мы еще увидимъ. Я думалъ, что ты скажешь что-нибудь посерьёзнѣе.

— Это серьёзный поводъ; но я приведу еще два. Маркиза Рошерэ не желаетъ этой свадьбы, и я рѣшилъ, что она не будетъ.

— Сто тысячъ чертей! воскликнулъ князь, вскакивая съ мѣста:—Это уже слишкомъ. Возьми, Александръ, назадъ свои слова. Ты—мой лучшій другъ, и я готовъ снести многое отъ тебя, но ни одинъ благородный человѣкъ не можетъ дозволить другому такъ обходиться съ нимъ. Ты пошутилъ только, не правда-ли?

— Я никогда въ жизни не говорилъ серьёзнѣе, мой другъ. Сядь на минуту, и даю тебѣ слово, я докажу тебѣ, что я правъ. Если же мнѣ удастся убѣдить тебя въ этомъ, то готовъ дать тебѣ, какое хочешь удовлетвореніе.

Князь неохотно сѣлъ на прежнее мѣсто. Онъ уже выстроилъ себѣ цѣлый рядъ воздушныхъ замковъ и жестоко было со стороны барона Плюма разсѣять ихъ, какъ мыльные пузыри.

Тогда баронъ откровенно разсказалъ князю всю исторію Козмо; объ его планахъ, о могущественномъ вліяніи на маркизу, о свиданіи съ нимъ и разговорѣ о Динандье и его дочери. Онъ сознался, что позволилъ себѣ глупую неприличную шутку на счетъ бѣдной слѣпой и князя. Потомъ ясно объяснилъ, что князь сдѣлается только орудіемъ въ рукахъ хитраго итальянца для привлеченія къ дѣлу Динандье съ его милліонами.

— Ну, Артусъ, прибавилъ онъ очень любезно: — вы видите, что эта молодая дѣвушка врядъ ли захочетъ выйти замужъ. Во всякомъ случаѣ, она находится подъ покровительствомъ маркизы Рошерэ, а слѣдовательно, и подъ моимъ покровительствомъ, потому что я въ этомъ дѣлѣ слѣпо исполню волю маркизы. Ты видишь, что если ты все-таки вздумаешь сдѣлаться орудіемъ хитрыхъ происковъ Козмо и Галюшэ, то тебѣ придется идти наперекоръ желаніямъ людей, которыхъ ты уважаешь. Не думаю, чтобы десять милліоновъ такъ соблазнили тебя. Маркиза взяла съ меня слово, что я проведу эту толстую свинью въ Джокей-Клубъ, и я обращусь къ тебѣ первому за помощью. Мнѣ одному не совершить такого геркулесовскаго подвига. Но брось свой

Digitized by Google

планъ; если же судьбѣ угодно, чтобы ты снискалъ любовь этой молодой дѣвушки, не компрометируя своей чести, то я помогу тебѣ всѣмъ силами.

Князь не могъ разсердиться на такую искреннюю и дружескую рѣчь, но его очень разсердилъ неожиданный оборотъ, который приняло дѣло объ его женитьбѣ. Онъ былъ такъ убѣжденъ въ своемъ успѣхѣ, что разочарованіе было ему тѣмъ чувствительнѣе. Онъ не былъ дурной человѣкъ, но легкомысленный, поверхностный и циничный, какъ современное общество, а потому въ его глазахъ было очень выгодно жениться на богатой слѣпой дѣвушкѣ; съ ней можно было бы обходиться мягко, прилично, а она не помѣшала бы ему вести веселую, развратную жизнь.

Когда прошла первая вспышка гнѣва, барону было не трудно уговорить князя положиться во всемъ на него.

— Увѣряю тебя, Артусъ, сказалъ онъ:—что я искренно желаю, чтобы ты сдѣлался зятемъ этой морской свиньи...

— Кита, подсказалъ князь.

— Кита, повторилъ баронъ. — По словамъ Антуаня—де-ла-Гуппа, эта молодая дѣвушка прелестное созданіе. Она была бы вполнѣ достойна твоего имени и любви, несмотря на ея слѣпоту. Но пойми, что тутъ вышелъ романъ; маркиза приняла сентиментальное участіе въ молодой дѣвушѣ, вѣроятно, благодаря ея набожности, и ни за что не хочетъ, чтобы отецъ продалъ ее, какъ акцію на биржѣ. Конечно, это очень нелѣпо и противорѣчитъ всѣмъ современнымъ обычаямъ, но что же дѣлать, маркиза чрезвычайно оригинальная особа. Она хочетъ, чтобы плясали по ея дудкѣ. Не будемъ ей противорѣчить. Заслуживъ ея милость, ты гораздо скорѣе достигнешь своей цѣли, чѣмъ при помощи итальянскаго искателя приключеній и корыстнаго нотаріуса.

— Хорошо, отвѣчалъ князь: — я передаю это дѣло въ твои руки. Но я долженъ былъ встрѣтиться съ Динандье сегодня въ одиннадцать часовъ въ конторѣ нотаріуса и, по правдѣ сказать... онъ... и князь умолкъ, покраснѣвъ.

— Ни слова болѣе, Артусъ. Я понимаю. Избавь себя отъ униженія признаваться въ этомъ. Старый паукъ уже хотѣлъ опутать тебя своей паутиной. Вотъ, до чего можетъ дойти хорошій, честный человѣкъ, благодаря легкомыслію, не разсчетливости и любви къ удовольствіямъ. Я также былъ на краю пропасти и далъ себѣ слово не расходовать болѣе половины моего ежегоднаго дохода. Прости меня за это невольное замѣчаніе.

Князь крѣпко пожалъ ему руку.

— Если ты предоставишь мнѣ устроить твои дѣла, то я при-

Digitized by Google

веду ихъ въ порядокъ. А теперь прощай, я пойду на свиданіе съ старымъ китомъ.

— Да, пойди, отвѣчалъ князь: — и я буду тебѣ очень благодаренъ. Дѣлай, что знаешь. Я совершенно полагаюсь на тебя.

— Хорошо... А какъ тебѣ нравится свѣтлое пальто?

— Прекрасно.

— Au revoir. Мы завтракаемъ съ тобою вдвоемъ у Бильона въ половинѣ перваго.

Толстый Динандье уже сидѣлъ въ кабинетѣ Галюшэ, когда послѣднему подали карточку барона Плюма съ надписью: «отъ князя Артуса Бальтазара».

Нотаріусъ съ сердцемъ передалъ ее Динандье.

— Что это значитъ? спросилъ милліонеръ, покраснѣвъ.

— Это значитъ, отвѣчалъ спокойно нотаріусъ:—что дѣло перешло въ руки одного изъ самыхъ смѣтливыхъ и способныхъ людей въ Парижѣ. Намъ теперь надо вести игру очень осторожно. Вы лучше молчите. Предоставьте мнѣ его обдѣлать. Попросите барона, прибавилъ онъ, обращаясь къ конторщику, который принесъ карточку.

Въ блестящемъ костюмѣ, но съ очень серьёзнымъ выраженіемъ лица, баронъ вошелъ въ комнату и, подавъ нотаріусу два пальца, обтянутые въ лайковую перчатку, поклонился Динандье. Потомъ онъ безъ приглашенія сѣлъ въ самое покойное кресло, какое только было въ комнатѣ.

— Пожалуйста, садитесь, господа, произнесъ поспѣшно хитрый нотаріусъ: — я вижу, баронъ, по вашей карточкѣ, что вы являетесь въ качествѣ друга князя Бальтазара, который назначилъ здѣсь дѣловое свиданіе Динандье?

— Точно такъ, г. Галюшэ, отвѣчалъ баронъ съ улыбкой:— мой другъ, князь Артусъ, обратился ко мнѣ за совѣтомъ въ предложенномъ ему очень щекотливомъ дѣлѣ.

— Нельзя не позавидовать человѣку, который можетъ пользоваться вашими совѣтами, баронъ, но, кажется, не принято, можетъ быть, я и ошибаюсь, чтобы постороннія лица, кромѣ ближайшихъ родственниковъ, принимали участіе въ подобныхъ дѣлахъ.

— Не знаю, отвѣчалъ небрежно баронъ:—я холостякъ и не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ люди женятся. Но я всегда готовъ услужить другу, а князь Бальтазаръ одинъ изъ самыхъ близкихъ моихъ друзей. Поэтому я не нахожу страннымъ, что онъ обратился ко мнѣ за совѣтомъ, тѣмъ болѣе, что у него нѣтъ родственниковъ во Франціи.

Digitized by Google

— Я нисколько не жалуюсь, баронъ, сказалъ нотаріусъ:—что дѣло попало въ руки столь способнаго человѣка и...

— Поэтому, г. нотаріусъ, перебилъ его баронъ: — нечего обсуждать мои полномочія. Приступимъ прямо къ дѣлу. Мой другъ былъ сначала пораженъ и обрадованъ лестнымъ предложеніемъ. сдѣланнымъ ему почтеннымъ Динандье, съ которымъ я имѣю честь впервые встрѣчаться, но потомъ онъ серьёзно обдумалъ дѣло, и полагаетъ, что ему слѣдуетъ дѣйствовать очень осторожно, чтобы не оскорбить m-lle Динандье.

— Гм! промолвилъ Динандье:—значитъ, нельзя предоставить родственникамъ, напримѣръ, отцу, заботы объ ея интересахъ?

Нотаріусъ бросилъ молніеносный взглядъ на милліонера, ясно говорившій: «вы обязались молчать» и поспѣшно сказалъ:

— Чувства, выражаемыя вами, баронъ, дѣлаютъ большую честь князю, но я не думаю, чтобъ кто-нибудь хотѣлъ оскорбить m-lle Динандье.

— Я вовсе и не хотѣлъ этого сказать, произнесъ баронъ Плюмъ, обращаясь къ Динандье:—мой другъ полагаетъ, и я съ нимъ вполнѣ согласенъ, что это прелестная, образованная и талантливая молодая дѣвушка, пораженная такимъ несчастіемъ, не владѣетъ тѣми средствами самозащиты, которыми пользуются зрячія особы. Слѣпота только усилила бы ея страданія въ случаѣ несчастливаго брака, и потому, очевидно, долгъ всякаго честнаго человѣка, прежде чѣмъ дать слово—лично убѣдиться въ ея добровольномъ желаніи связать свою судьбу съ его судьбой. Я знаю, что не такъ смотрятъ на бракъ родители и вообще все французское общество, но въ настоящемъ случаѣ это единственная точка зрѣнія, достойная честнаго человѣка.

Нотаріусъ хотѣлъ отвѣчать очень рѣзко, но Динандье воскликнулъ прежде него:

— Баронъ, извините меня, я простой человѣкъ. Я началъ жизнь въ лавкѣ на центральномъ рынкѣ, а теперь у меня пятьдесятъ милліоновъ, но деньги не могутъ сдѣлать человѣка краснорѣчивымъ и изящнымъ. Вотъ видите, баронъ, ваши слова прекрасны и возвышенны, но я ихъ понялъ, и они запали глубоко въ мое сердце. По правдѣ сказать, баронъ, еслибы вашъ другъ, князь Бальтазаръ, явился сюда лично, то я не зналъ бы, что ему сказать. Подумайте только, господа, продолжалъ толстый Динандье, обтирая платкомъ мокрый лобъ:—я предложилъ сегодня моей дочери выйти замужъ за князя. Она на отрѣзъ отказала. Она отказываетъ всѣмъ женихамъ. Она не хочетъ выходить замужъ. Но подумайте, господа: если она не выйдетъ замужъ, то у меня не будетъ наслѣдника. Она хочетъ идти въ

Digitized by Google

монастырь. Это ужасно! Извините меня, баронъ. Вы не можете понять чувствъ отца въ подобномъ положеніи.

Слезы текли по его жирнымъ щекамъ, и онъ тщетно старался скрыть улыбкой овладѣвшее имъ волненіе.

Никто не произнесъ ни слова и онъ продолжалъ:

— Страшно подумать о подобномъ несчастіи! Но что мнѣ дѣлать, баронъ? Приказать ей выйти замужъ за князя было бы все равно, что приказать Мадоннѣ выйти за Динандье. Но нельзя ей дозволить остаться дѣвой. Impossible! Я, право, не знаю, что дѣлать, баронъ? Это просто безвыходное положеніе.

Нотаріусъ злобно смотрѣлъ на финансиста, а баронъ Плюмъ— сочувственно. Отрадно было найти подъ грубой оболочкой нѣчто человѣческое, въ кучѣ навоза—бриллiантъ. Зоркій взглядъ Динандье тотчасъ замѣтилъ неожиданное расположеніе, пробужденное имъ въ баронѣ, и онъ исключительно къ нему обращалъ свою рѣчь.

— Это очень интересно, но тутъ ничего дѣлового, произнесъ сухо натаріусъ:—если вы, господа, заявляете одно и то же, то, значитъ, надо считать этотъ вопросъ оконченнымъ.

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ баронъ:—чувства, выраженныя Динандье, вполнѣ достойны любящаго отца. Онъ не хочетъ насильственно выдать замужъ свою дочь, и я въ этомъ совершенно съ нимъ согласенъ. Но это еще не значитъ, что надо отказаться навсегда отъ предположеннаго брака. Она можетъ, напримѣръ, познакомиться съ княземъ и искренно полюбить. Онъ молодъ и имѣетъ свои недостатки, но онъ прекрасный человѣкъ, и я ручаюсь за его доброе сердце.

— Это рискованное поручительство, баронъ, замѣтилъ съ саркастической улыбкой нотаріусъ.

— Конечно, оно не засвидѣтельствовано нотаріальнымъ порядкомъ, но оно все-таки вполнѣ дѣйствительно.

Маленькіе глаза Динандье засверкали. Онъ запрыгалъ по комнатѣ, выдѣлывая чудовищныя па слоновой пляски.

— Отлично! Я самъ это думалъ, баронъ. Князь долженъ встрѣтиться съ нею гдѣ нибудь совершенно случайно, въ Каннѣ, въ Ниццѣ, во Флоренціи, гдѣ онъ желаетъ. Она будетъ путешествовать съ г-жею Ортансъ и Миссъ Моникой. Вдругъ на швейцарской границѣ на ихъ карету четверкой нападаютъ разбойники... я ихъ приготовлю заранѣе. Въ самую критическую минуту является князь... онъ вѣдь рыцарь зеленаго стола, не такъ ли. Онъ спасаетъ дочь и убиваетъ, конечно въ шутку, полдюжины разбойниковъ. Моя дочь бросается въ его объятія. Она кричитъ: «Mon sauveur! Mon prince!» Онъ отвѣчаетъ: «Mon ange, ma Ce-

Digitized by Google

cile». Картина. Дѣло въ шляпѣ. Они возвращаются въ Парижъ и просятъ благословенія отца. Не правда, все это отлично придумано, господа?

Толстый Динандье изложилъ свой планъ самымъ серьёзнымъ тономъ, но баронъ и натаріусъ едва могли скрыть улыбку.

— Это хорошая идея, произнесъ баронъ, дѣлая необыкновенныя усилія, чтобъ не засмѣяться: и мы основательно обсудимъ ее въ послѣдствіи. Во всякомъ случаѣ будьте увѣрены, Динандье, что я всегда къ услугамъ вашей прелестной дочери. Но теперь это дѣло откладывается, не правда ли?

Онъ взялъ шляпу и хотѣлъ откланяться, но толстый Динандье его остановилъ.

— Погодите, воскликнулъ онъ, надо покончить еще дѣльце. Князь Бальтазаръ поступилъ, какъ истинно благородный человѣкъ, и я не хочу, чтобы онъ потерпѣлъ отъ этого какой нибудь ущербъ. Вамъ вѣроятно извѣстно, баронъ, что я принялъ на себя обязательство въ отношеніи князя, и ничто не можетъ мнѣ помѣшать исполнить свое слово.

Онъ вынулъ изъ бокового кармана громадный бумажникъ.

— Будьте такъ добры, баронъ, передайте вашему другу двѣсти пятьдесять тысячъ франковъ. Онъ дастъ мнѣ росписку, и уплотитъ, когда ему будетъ удобно, считая по 5%.

И онъ подалъ барону пачку банковыхъ билетовъ.

— Извините, отвѣчалъ баронъ отшатнувшись: мой другъ просилъ вамъ сказать, что онъ очень благодаренъ за ваше любезное предложеніе вывести его изъ временнаго финансоваго затрудненія, но ему удалось устроить свои дѣла съ помощью одного пріятеля.

— Вы не хотите взять эти деньги? воскликнулъ Динандье съ удивленіемъ: — О, я понимаю! Вы—пріятель, оказавшій помощь князю. Возьмите деньги, баронъ, или я ихъ брошу въ Сену.

И онъ кинулъ на полъ пачку банковыхъ билетовъ.

— Погодите, отвѣчалъ спокойно баронъ Плюмъ, нагибаясь и поднимая билеты: лучше пожертвуйте ихъ на доброе дѣло. Я считаю долгомъ вамъ сказать, что ваша дочь возбудила къ себѣ глубокое сочувствіе благороднѣйшей, достойнѣйшей и набожнѣйшей изъ женщинъ. Я говорю о Маркизѣ Рошерэ.

— Маркиза Рошерэ интересуется моей Сесиль? воскликнулъ съ восторженнымъ удивленіемъ финансистъ:—Mon Dieu! что это значитъ?

— Это значитъ, что, услыхавъ о несчастьи и прекрасныхъ качествахъ вашей дочери, она захотѣла взять ее подъ свое покровительство, и я долженъ сознаться, что если дѣйствія мои и моего

Digitized by Google

друга, князя Бальтазара снискали ваше одобреніе, то мы обязаны этимъ благотворному вліянію маркизы.

Динандье не зналъ, что отвѣтить, а нотаріусъ саркастически замѣтилъ:

— Это просто идиллія, баронъ. Я увѣренъ, что маркиза будетъ въ восторгѣ, узнавъ, какія чудеса произвело ея благотворное вліяніе.

— Врядъ ли она станетъ собирать справки у г. Галюшэ, отвѣчалъ рѣзко баронъ; и, конечно, не будетъ выражать передъ нимъ своего восторга.

Нотаріусъ покраснѣлъ отъ гнѣва, но смолчалъ.

Баронъ обратился къ Динандье:

— Вы не возьмете обратно этихъ билетовъ?

— Нѣтъ.

— Могу я ихъ передать отъ васъ маркизѣ для ея благотворительныхъ учрежденій?

— Конечно.

— Г. Динандье, сказалъ баронъ, пожимая руку милліонера, вы никогда еще такъ выгодно не помѣщали своихъ денегъ.

— Такъ вы серьёзно говорите, что маркиза желаетъ посѣтить мою Сесиль?

— Да.

Динандье какъ бы еще выросъ и потолстѣлъ.

— Прощайте, господа, мнѣ надо поспѣшить домой. Необходимо подготовить Сесиль къ такой чести. Mon Dieu! Мой домъ недостоинъ...

— Если вы желаете сдѣлать удовольствіе маркизѣ, произнесъ баронъ:—то не дѣлайте никакихъ приготовленій и обращайтесь съ ней какъ можно проще.

Каждый волосъ на головѣ и подбородкѣ барона, каждый предметъ его костюма отъ воротничка до сапогъ могъ бы громко протестовать, что его теорія не примѣняется имъ на практикѣ.

— Еще одно слово, прибавилъ онъ: маркизъ Рошерэ принимаетъ участіе въ новомъ обществѣ католическаго кредита и, кажется, онъ очень желалъ бы привлечь и васъ къ дѣлу. Г. Галюшэ можетъ вамъ все объяснить. Еслибъ вы могли оказать содѣйствіе этому предпріятію, то маркиза сочла бы это за личное одолженіе.

Эти послѣднія слова пришлись по сердцу г. Галюшэ, и всѣ трое разстались очень довольные другъ другомъ.

Digitized by Google

XIII.

Сюрпризы за сюрпризами.

Баронъ Плюмъ поѣхалъ къ маркизѣ и разсказалъ ей о результатѣ свиданія съ Бальтазаромъ и толстымъ Динандье, конечно, скрывъ свое дѣятельное участіе въ переговорахъ. На основаніи его словъ, маркиза составила себѣ лучшее понятіе о Динандье, чѣмъ онъ заслуживалъ.

Вообще у нея была увлекающаяся натура; всѣ ея мысли теперь сосредоточивались на проэктѣ Козмо. Она была очень рада, что ея друзья оказывали могущественную поддержку предпріятію, которое обѣщало придать новую силу религіи и легитимизму, а потому находилась въ восторженномъ настроеніи.

— Я вамъ очень благодарна, мой другъ, сказала она, протягивая руку, которую баронъ покрылъ поцѣлуями: — вы убѣдили маркиза встать во главѣ нашего дѣла и пріобрѣли помощь великаго Динандье съ его милліонами. Я вполнѣ увѣрена, что и впредь вы будете добрымъ ангеломъ, и благороднымъ защитникомъ дѣла, которое такъ близко моему сердцу.

Эти слова были неосторожны, и молодой человѣкъ вздрогнулъ, словно пораженный ударомъ электрической машины.

— Вы знаете, что я вашъ рабъ, отвѣчалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:—ваше малѣйшее желаніе для меня—законъ.

Утонченный инстинктъ маркизы предупредилъ ее, что она встала на опасную почву.

— Во Франціи нѣтъ рабовъ, отвѣчала она: — они свободны по закону. Что же касается до того, что мои желанія для васъ— законъ, то, еслибъ я, напримѣръ, пожелала, чтобъ вы одѣвались въ Bon Marché, то вы, конечно, не исполнили бы моего желанія.

Она при этомъ такъ обворожительно улыбнулась, что онъ едва не сошелъ съ ума. Однако, сдѣлавъ надъ собою сверхъестественное усиліе, онъ отвѣчалъ въ томъ же шуточномъ тонѣ:

— Еслибъ вы только пожелали, то я купилъ бы въ Бельвилѣ блузу и щеголялъ бы въ ней на бульварахъ.

— Я пожалѣю васъ, отвѣчала маркиза съ кокетливымъ блескомъ глазъ: — вы слишкомъ драгоцѣнное украшеніе гостинной, чтобъ видѣть васъ въ тряпкѣ.

— По крайней мѣрѣ, промолвилъ онъ съ глубокимъ чувствомъ: — вы мнѣ позволите надѣяться, что всегда будете смо-

Digitized by Google

трѣть на меня, какъ на друга, и еслибъ обстоятельства такъ сложились, что...

— Что мнѣ нужно было бы купить кровную лошадь, перебила его поспѣшно маркиза:—или найти образцоваго мужа какой-нибудь protegée, то я непремѣнно обращусь къ барону Плюму. Но, скажите, отчего вы сами не женитесь на молодой особѣ, о которой такъ сочувственно отзываетесь?

— Я никогда не шучу насчетъ своей женитьбы, маркиза. Развѣ вы не догадываетесь, что мое сердце отдано навсегда хотя и безнадежно?

— Признаюсь, я никогда не думала объ этомъ, отвѣчала маркиза, покраснѣвъ: — но я убѣждена въ одномъ: что если вы полюбите, то любовь ваша будетъ чистѣйшая, благороднѣйшая.

Это ловкое замѣчаніе заставило барона замолчать, и онъ удалился болѣе влюбленный, чѣмъ когда либо. Его могучій умъ упорно боролся съ пламенной страстью; но сердце безумно рвалось къ этой удивительной женщинѣ, которая сдерживала его порывы своей добротой и силой воли. Что касается маркизы, то, простившись съ барономъ, она ушла къ себѣ въ комнату и, скрывъ руками раскраснѣвшееся отъ удовольстія и волненія лицо, опустилась на колѣни въ горячей молитвѣ.

На слѣдующій день горничная Сесили, войдя въ ея будуаръ, доложила, что госпожу ея желаетъ видѣть маркиза Рошерэ, ожидающая въ каретѣ отвѣта. По совѣту барона Плюма, хитрый финансистъ не сказалъ ни слова дочери о намѣреніи маркизы посѣтить ее. Сесиль была очень удивлена. Она знала по имени свѣтскую, блестящую маркизу Рошерэ и часто слышала отъ аббата Дюпрэ самые восторженные отзывы объ ея добротѣ и красотѣ.

— Просите, сказала дѣвушка съ нѣкоторымъ смущеніемъ:— я не имѣю чести быть съ нею знакомой, но, вѣроятно, она хочетъ просить моего участія въ какомъ-нибудь благотворительномъ дѣлѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, шелестъ дамскаго платья и голосъ Мартена, торжественно докладывавшаго: «Маркиза Рошерэ», убѣдили слѣпую, что ея неожиданная посѣтительница въ комнатѣ. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу гостьѣ, держась за мебель.

— Простите, что я пріѣхала къ вамъ безо всякой рекомендаціи, начала маркиза, взявъ ее за руку: — но насъ связываютъ съ вами наши обоюдныя отношенія къ доброму аббату Дюпрэ.

— Я очень сожалѣю, маркиза, отвѣчала молодая дѣвушка своимъ мелодичнымъ голосомъ:—что, благодаря своему несчастью, не могу достойно принять васъ. Но вы такъ добры, что про-

Digitized by Google

стите меня, если я не съумѣю выразить, какъ рада познакомиться съ вами, и какъ благодарна за ваше посѣщеніе. Но во всякомъ случаѣ позвольте мнѣ позвать г-жу Ортансъ. Она поможетъ мнѣ принять такую дорогую гостью.

— Г-жу Ортансъ? воскликнула съ удивленіемъ маркиза.

— Да, это—мой другъ и наставница, могу сказать, моя вторая мать.

— Нѣтъ, отвѣчала маркиза, очарованная простотой и граціозностью прелестной молодой дѣвушки:—я желала бы остаться съ вами наединѣ. Сядемте на эту кушетку. Дайте мнѣ вашу руку; вы будете тогда чувствовать, что говорите съ другомъ.

— Вашъ голосъ очень нѣженъ, маркиза. Рука у васъ прекрасная. Простите мнѣ мою смѣлость, но, пожалуйста, снимите перчатку и позвольте мнѣ провести пальцами по вашему лицу. Я хотѣла бы до начала нашего разговора имѣть понятіе о вашей наружности.

Маркиза молча взяла ея руку и приложила къ своему лбу. Бѣдная слѣпая нѣжно провела пальцами по лицу доброй женщины.

— Да, вы должны быть красавица въ полномъ смыслѣ этого слова. Какого цвѣта ваши волосы и глаза? Я не знаю, что такое цвѣта, но представлю себѣ. Я очень люблю русые волосы. Вѣдь и я бѣлокурая, не правда ли?

Маркиза нѣжно погладила раскошные волосы молодой дѣвушки, ниспадавшіе на стѣнку кушетки золотистой волной.

— Да, у васъ волосы бѣлокурые, но гораздо свѣтлѣе моихъ, отвѣчала маркиза:—а мои, какъ вы сами можете ощупать, не такъ тонки и шелковисты.

— О, маркиза, вы говорите мнѣ комплименты изъ сожалѣнія къ моему несчастію.

— Вы не сказали бы этого, еслибы знали меня, отвѣчала маркиза, цѣлуя ее въ обѣ щеки:—я говорю правду, и знаю, что ваше доброе сердце вполнѣ затмѣваетъ физическій недостатокъ. Ну, будемте друзьями.

Сесиль крѣпко сжала руки маркизы. Слезы покатились по ея щекамъ, но лицо ея сіяло свѣтлой улыбкой.

— Вы очень добры, маркиза, промолвила она: — само небо послало васъ мнѣ.

— Надѣюсь, m-lle Динандье.

— Называйте меня Сесиль. Вы согласны?

— Да, Сесиль. Я слышала много о васъ отъ моего друга и духовника аббата Дюпрэ, и въ такихъ восторженныхъ выраже-

Digitized by Google

ніяхъ, что боюсь оскорбить вашу скромность, повторяя отзывы аббата.

— Онъ слишкомъ добръ.

— Но, продолжала маркиза:—я не отъ одного Дюпрэ слышала о васъ и именно потому, что при мнѣ говорили кое о чемъ, касавшемся васъ, я рѣшилась пріѣхать къ вамъ.

— Я увѣрена, что у васъ добрая цѣль.

— Да, но очень щекотливая. При мнѣ посторонніе люди располагали вашей будущностью, и я не могла этого стерпѣть, боясь, чтобы не воспользовались вашей наивной неопытностью и не погубили васъ навѣки.

— Вы меня пугаете! воскликнула Сесиль:—но кто же захочетъ принести вредъ бѣдной слѣпой? Къ тому же мой добрый отецъ съумѣетъ защитить меня.

— Конечно, отецъ вашъ законный заступникъ, и у васъ есть другіе надежные друзья. Но, Сесиль, признайтесь, вы не можете сказать отцу всего, что у васъ на сердцѣ. Вашъ отецъ не въ силахъ понять всѣхъ стремленій и фантазій вашего маленькаго сердца, не правда ли?

Молодая дѣвушка покраснѣла и опустила голову.

— Я, конечно, веду очень сосредоточенную жизнь, но...

— Но вы удивляетесь, почему мнѣ пришло въ голову, что вы подружитесь со мною и будете дѣлить всѣ ваши мысли?

— Много времени надо, чтобы такъ подружиться, замѣтила Сесиль.

— Я очень рада, что вы это прямо высказываете. Я, увы! опытная свѣтская женщина и слишкомъ хорошо знаю человѣческое сердце. Если моя совѣсть остается чистой, незапятнанной, то это только благодаря небесному милосердію, а то все зло, которое я видѣла, непремѣнно развратило бы мою пламенную натуру. Ваше несчастіе предохранило васъ отъ пагубнаго столкновенія со свѣтомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно подвергаетъ васъ опасностямъ, которыхъ очень трудно избѣгнуть вамъ съ вашей простотой и неопытностью безъ помощи преданнаго друга.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчала Сесиль... у меня остается вѣрное средство спастись отъ всѣхъ опасностей: поступить въ монастырь.

— Конечно, произнесла маркиза, глубоко тронутая рѣшительнымъ тономъ молодой дѣвушки:—для насъ, бѣдныхъ женщинъ, монастырь—крайнее орудіе противъ опасностей и соблазновъ свѣта, но часто мы произносимъ обѣтъ изъ недостатка храбрости и нежеланія исполнить тяжелаго долга. Ваше положеніе, напримѣръ,

Digitized by Google

совершенно особое и очень печальное. Конечно, вашъ отецъ не согласится, чтобы вы поступили въ монастырь.

— Вы знаете? вы слышали? воскликнула Сесиль: — вамъ извѣстно, что онъ и слышать не хочетъ о моемъ постриженіи, все мечтаетъ о невозможномъ для меня бракѣ и желаетъ непремѣнно имѣть наслѣдника для своихъ милліоновъ.

Она покраснѣла и закрыла лицо руками.

— Я на него не жалуюсь, прибавила она послѣ минутнаго молчанія: — онъ такой добрый. Вы не должны быть дурного мнѣнія о немъ.

— Напротивъ, я слышала о немъ кое-что, убѣдившее меня, что онъ пламенно васъ любитъ. Я знаю многое, и довольно вамъ сказать, что хорошо знакома съ княземъ Артусомъ Бальтазаромъ.

— Съ Артусомъ! воскликнула молодая дѣвушка, поднимая голову:—вы знаете этого господина?

— Да.

— Что, онъ красивый, умный, джентльмэнъ?

— Онъ очень красивъ, не очень уменъ, но у него много здраваго смысла; онъ вполнѣ образованный и благоразумный человѣкъ, и въ полномъ смыслѣ этого слова джентльмэнъ.

— Подумайте только, какая нелѣпость, сказала Сесиль со смѣхомъ:—мой отецъ прочитъ его мнѣ въ женихи. Такому человѣку, да еще князю, жениться на мнѣ! Да это безуміе!

— Не знаю, отвѣчала маркиза, гладя волосы молодой дѣвушки: — познакомившись съ вами, я не вижу въ этомъ ничего безумнаго или нелѣпаго. Я могу повѣрить, что онъ искренно влюбился въ васъ.

— Если вы станете льстить мнѣ, то я усумнюсь въ искренности вашей дружбы.

— Это не лесть, но вы правы. Теперь я вамъ сознаюсь, что, не зная васъ, я взяла на себя тяжелую отвѣтственность. Я случайно узнала черезъ друга князя Бальтазара, что онъ хочетъ сдѣлать вамъ предложеніе, и что вы, неопытная, невинная дѣвушка, не имѣете родственницы, которая могла бы дать вамъ хорошій совѣтъ. Я употребила свое вліяніе, чтобы отложить это дѣло, и теперь предлагаю вамъ воспользоваться моей опытностью и самымъ искреннимъ къ вамъ сочувствіемъ. Вотъ тайна моего посѣщенія. Я знаю, что это очень смѣлый шагъ съ моей стороны, и отъ васъ зависитъ принять мою дружбу или прогнать меня, какъ непрошеннаго гостя.

Сесиль опустилась на колѣни и, обнявъ маркизу за талію, припала головой къ ея груди.

Digitized by Google

— Отчего вы не моя мать? промолвила она.

Слезы выступили на глазахъ у маркизы. Лишенная счастія быть матерью, она вдругъ почувствовала теплую материнскую привязанность къ бѣдному дѣтищу толстаго милліонера.

Въ эту минуту дверь отворилась, и въ комнату вошла дама, остановившаяся на порогѣ внѣ себя отъ изумленія. Маркиза взглянула на нее.

— Ортансъ!

— Маргарита!

Маркиза приподняла Сесиль, и черезъ мгновеніе обѣ женщины горячо обнимали другъ друга.

— Mon Dieu! Что ты тутъ дѣлаешь?

— Mon Dieu! Откуда ты? Гдѣ ты скрывалась?

Молодая дѣвушка слушала ихъ, ничего не понимая.

— Сесиль, сказала Ортансъ, первая приходя въ себя: — это моя старая подруга. Мы вмѣстѣ воспитывались въ Sacré Coeur въ Америкѣ и не видались уже много лѣтъ.

— Не по моей винѣ: я тебя всюду искала, промолвила маркиза.

— Сознаюсь, я не хотѣла тебя видѣть и избѣгала всякой встрѣчи. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, я считала себя вполнѣ безопасной.

Маркиза указала пальцемъ на Сесиль, и Ортансъ, понявъ ея знакъ, поспѣшно промолвила:

— Въ домѣ республиканца трудно было ожидать встрѣчи съ столпомъ легитимизма.

— Но теперь, разъ я нашла тебя, я тебя не выпущу изъ рукъ, сказала маркиза.

— Извини, Маргарита, отвѣчала Ортансъ:—я здѣсь совершенно счастлива и ни въ чемъ не нуждаюсь. Моя жизнь спокойна и для меня нѣтъ въ жизни отраднѣе занятія, какъ ухаживаніе за моей милой Сесиль.

Говоря это, она обняла за талію молодую дѣвушку.

— Я теперь все понимаю, сказала маркиза, обращаясь къ Сесиль:—если вы пользовались попеченіями и совѣтами...

Ортансъ сдѣлала ей знакъ рукой.

— Если вы пользовались попеченіями и совѣтами Ортансъ, повторила маркиза: — то неудивительно, что вышли такимъ ангеломъ. Вы очень счастливы, что имѣете такого друга.

— Вы, вѣроятно, обѣ желаете поговорить наединѣ? спросила молодая дѣвушка. — Благодарю васъ, маркиза. Я увѣрена, что мы будемъ друзьями.

И, поцѣловавъ маркизу, она вышла изъ комнаты.

Digitized by Google

Оставшись наединѣ, старыя подруги снова обнялись и долго разговаривали между собою. Мы позволимъ себѣ привести только нѣсколько словъ, сказанныхъ между прочимъ маркизою:

— Бѣдный Эдуаръ Реми! Онъ былъ такой доброй, такой благородный! Я никогда не раздѣляла гнѣва твоей семьи на тебя за то, что ты вышла за него замужъ. Онъ былъ прекрасный учитель, глубокомысленный ученый и одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей на свѣтѣ. Я также любила его. Но мы, бѣдныя женщины, всегда несчастны, если поддаемся влеченіямъ своего сердца. Ты, конечно, вынесла страшныя муки. Но отчего ты не позволила мнѣ помочь тебѣ хоть чѣмъ-нибудь во время его долгой болѣзни? Отчего ты не прилетѣла въ мои объятія тотчасъ послѣ его смерти?

XIV.

Общество католическаго кредита.

Все ликовало. Католико-финансовый ковчегъ былъ торжественно спущенъ, и, по искреннему убѣжденію лицъ, которыя считались въ здравомъ умѣ, онъ долженъ былъ, остановившись со всѣми находившимися въ немъ животными, на новомъ Араратѣ, основать новую послѣ-потопную эру человѣческаго возрожденія. Козмо былъ Ноемъ, и не было недостатка въ достойныхъ представителяхъ Сима, Хама и Іафета. Козмо сіялъ. Онъ былъ героемъ сезона. Послѣ безконечныхъ интригъ, духовныхъ и женскихъ, переговоровъ, сдѣлокъ, ухищреній, подкоповъ, лжи и обмановъ, католическій кредитъ народился на свѣтъ.

Козмо былъ новымъ финансовымъ архимандритомъ. Имя его было у всѣхъ на устахъ. Дѣятельность новаго кредитнаго общества интересовала весь свѣтъ. Обычныя политическія свѣтила померкли передъ лучезарнымъ блескомъ этой неожиданно явившейся кометы.

Новѣйшій типъ финансоваго развитія оставлялъ далеко за собою всѣ предъидущіе. Величайшій экземпляръ высшаго развитія способности наживать деньги былъ Козмо. Да здравствуетъ Козмо!

Еслибъ свѣтъ могъ когда-нибудь сознать свой позоръ, то онъ покраснѣлъ бы отъ стыда, что въ настоящую, величайшую эпоху умственнаго развитія, онъ упалъ до такой глубины человѣческаго униженія. Акціи и деньги, однимъ словомъ золотой телецъ—вотъ было его божество. Викторъ Гюго никогда не ви-

Digitized by Google

далъ такого апоѳеоза, какъ Козмо. Если у перваго была тысяча поклонниковъ, то у послѣдняго—десятки тысячъ.

Улыбка надежды появилась въ Ватиканѣ на такихъ лицахъ, которыя давно отвыкли улыбаться. Многочисленный классъ людей, находящихъ удовольствіе или средства къ жизни въ азартной финансовой игрѣ, были въ восторгѣ. На биржѣ появились новыя цѣнности. Можно было покупать и продавать въ изобиліи новыя акціи, самаго ртутно-спекулятивнаго характера: акціи общества католическаго кредита, акціи Андалузо-Индѣйскаго банка, основаннаго въ Мадритѣ, акціи Хребетно-Итальянской желѣзной дороги. Всѣ эти акціи, проданныя синдикату по 70% и выпущенныя въ публику по 92%, сразу достигли преміи. Акціонеры общества католическаго кредита держали въ своихъ рукахъ большинство этихъ акцій. Публика жадно требовала новыхъ выпусковъ, видя, какъ поднялись первоначальныя акціи. Оплаченныя по 125 фр., онѣ уже продавались по 700 фр. Новый выпускъ въ пять тысячъ милліоновъ, былъ проглоченъ въ одну минуту. Нетолько католики и легитимисты, но евреи, протестанты, атеисты, республиканцы и бонапартисты боролись, интриговали, молили Бога и призывали на помощь чорта, чтобъ только достать акціи финансовыхъ предпріятій Козмо, потому что въ короткое время произошли баснословные факты. Жакъ, почтенный слуга маркиза Рошерэ, подписался на всѣ выпуски и, спустя четырнадцать мѣсяцевъ, поселился въ отелѣ, въ собственномъ домѣ, имѣя ежегоднаго дохода двадцать тысячъ франковъ съ купленныхъ имъ государственныхъ фондовъ. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ лицъ, благоразумно помѣстившихъ свой азартный выигрышъ въ безопасный сундукъ французскаго банка. Привратники Галюшэ, супруги Полатъ, нажили восемьдесятъ тысячъ франковъ по акціямъ компаній, основанныхъ великимъ Козмо. Въ продолженіи многихъ лѣтъ труда и лишеній, они накопили пять тысячъ четыреста франковъ и теперь цѣликомъ пустили ихъ въ игру. Супруги Полатъ пользовались большимъ уваженіемъ сосѣднихъ привратниковъ и мелкихъ торговцевъ, потому что могли доставать всегда какое угодно число акцій, благодаря протекціи Козмо, который часто бывалъ у нотаріуса. Г-жа Полатъ начала даже торговать расположеніемъ, которое Галюшэ питалъ къ ея мужу. Она доставала всѣмъ сосѣдямъ акціи и брала только 10% за комиссію. Что же касается до Тшека, то онъ купилъ зàмокъ, завелъ лошадей и жилъ въ Парижѣ, какъ милліонеръ.

Маркизъ Рошерэ былъ предсѣдателемъ правленія, а членами, кромѣ двухъ извѣстныхъ банкировъ и одного бывшаго министра,

Digitized by Google

состояли наши друзья, баронъ Плюмъ, маркизъ Торенъ, маркизъ Доденъ, графъ Рококо, Тибуль, Кинолла, Сапенъ и, о чудо! князь Бальтазаръ. На этомъ угожденіи Австро-Венгріи настоялъ Динандье, который сдѣлалъ выгодную аферу: онъ взялъ на десять милліоновъ номинальныхъ акцій, внесъ наличными деньгами два съ половиной милліона и нажилъ одними преміями тринадцать съ половиною милліоновъ. Онъ не хотѣлъ самъ быть директоромъ, а назначилъ вмѣсто себя князя Бальтазара, что̀ было совершенно безкорыстнымъ дѣйствіемъ съ его стороны, потому что до сихъ еще не была разыграна маленькая комедія на швейцарской границѣ. Толстый Динандье, однако, осуществилъ одно изъ своихъ пламенныхъ желаній: онъ былъ избранъ членомъ джокей-клуба и проигралъ изъ любезности два милліона самымъ вліятельнымъ членамъ клуба. Никогда барону Плюму не было такъ трудно исполнить приказаніе маркизы, какъ въ этомъ дѣлѣ, но онъ сдержалъ свое слово.

Козмо былъ главнымъ распорядителемъ общества, и сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всю дѣйствительную власть. Секретаремъ у него былъ графъ Меліо, красивый, умный, молодой человѣкъ, очень цѣнимый претендентомъ, закадычный другъ архіепископа. Онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, много путешествовалъ и написалъ нѣсколько книгъ: одну о японскихъ идолахъ, другую о египетскихъ финансахъ, третью о филоксерѣ и четвертую «о политической панацеѣ для Франціи», подъ которой онъ конечно разумѣлъ легитимистскую реставрацію. Козмо нуждался въ подобномъ приличномъ посредникѣ для сношеній съ коронованными особами, герцогами, министрами и послами, и Меліо сдѣлался его правою рукою. Онъ былъ хитеръ, какъ лисица, безмолвенъ, какъ могила, пронырливъ, какъ хорекъ, силенъ въ борьбѣ, какъ бульдогъ и падокъ на добычу, какъ шакалъ. Всѣ эти добродѣтели онъ скрывалъ подъ самой изящной оболочкой, мягкими свѣтскими манерами и наивной искренностью.

На Avenue de l'Opéra былъ купленъ красивый домъ и роскошно меблированъ. Общество католическаго кредита мозолило всѣмъ глаза. Система рекламъ, которую изобрѣлъ Козмо, оставила далеко за собою всѣ продѣлки великаго Барнума. Нетолько «Intelligence Catholique» въ Римѣ писало, телеграфировало и печатало въ своихъ тысячи пятистахъ газетахъ безконечныя статьи, телеграммы, замѣтки и корреспонденціи о финансовыхъ операціяхъ Козмо, но онъ израсходовалъ четыре милліона католическихъ денегъ на пріобрѣтеніе поддержки атеистической и еврейской прессы во всей Европѣ. Самая форма рекламъ

Digitized by Google

была различная. Въ католическихъ органахъ прямо говорилось, что кто не возьметъ акціи, тотъ пойдетъ въ адъ, а въ остальныхъ подробно описывалось все, что дѣлалъ Козмо, ловко объяснялись его планы и представлялись художественныя картины его свиданія съ великими банкирами Вѣны и Лондона. Спеціальные корреспонденты были посланы на Балканскій полуостровъ и описывали на мѣстѣ рудники въ Босніи и проэктированную линію желѣзной дороги изъ Варны въ Рагузу. Онъ тайно подкупилъ еврейскія газеты въ Вѣнѣ и усилилъ ихъ еврейскій духъ. Въ Будапештѣ онъ основалъ газету, которую раздавали даромъ въ числѣ 20,000 экземпляровъ. Отъ времени до времени появлялся, Богъ знаетъ откуда, сенсаціонный слухъ, и телеграммы быстро разносили его во всѣ финансовые центры Европы. «Общество католическаго кредита» взяло на себя погашеніе испанскаго государственнаго долга и согласилось, купивъ у англійскаго правительства Гибралтаръ за сто милліоновъ, продать его испанскому правительству за сто пятьдесятъ. «Общество католическаго кредита» подкупило нѣсколько большихъ газетъ: Figaro, La République Française, Gil-Blas и пр.

Во всѣхъ газетахъ писалось, что австрійскій императоръ и Эрцгерцогъ Альбрехтъ взяли половину акцій новаго Адріатическаго банка, что общество католическаго кредита каждую недѣлю получаетъ одними вкладами десять милліоновъ франковъ и чистаго дохода два милліона съ половиною.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, какой ложью потчивалъ Козмо довѣрчивую публику. Какъ ни была эта ложь нелѣпа и неправдоподобна, она обращала вниманіе всего свѣта на колоссальное предпріятіе Козмо, а этого онъ только и желалъ.

Но самую серьёзную часть рекламъ производили Галюше, страпчіе, патеры и дамы, усиліями которыхъ постоянно поддерживалась работа на финансовой мельницѣ. Легитимисты, конгрегаціи и всѣ вѣрующіе католики неустанно наполняли своими деньгами сундукъ католическаго кредита. Маркиза Рошерэ, наэлектризованная успѣхомъ дѣла и тѣмъ знаменательнымъ фактомъ, поражавшимъ даже Антуаня, что маркизъ въ тринадцать мѣсяцевъ утроилъ первоначально внесенные имъ четыре милліона, увѣряла всѣхъ, что это необыкновенное финансовое учрежденіе поглотитъ всѣ банки, не исключая французскаго, и вела пропаганду въ такихъ размѣрахъ, что Антуань приходилъ въ ужасъ. Она допускала въ свою гостинную только акціонеровъ общества католическаго кредита и уговаривала своихъ друзей помѣщать всѣ принадлежавшіе имъ капиталы въ это святое дѣло.

Не одинъ Антуань пугался. Плюму также не нравился излиш-

Digitized by Google

ній энтузіазмъ маркизы, а Дюмарескъ, нажившій около двухъ милліоновъ, говорилъ не разъ:

— Успѣхъ дѣла дѣйствуетъ на маркизу опьяняющимъ образомъ. Это удивительно, непонятно. Козмо великій волшебникъ. Но въ концѣ-концовъ будетъ катастрофа. Маркиза готовитъ себѣ вѣрную погибель.

Лицо барона Плюма было теперь постоянно безпокойнымъ. Онъ въ послѣднее время очень измѣнился. Щеки его поблѣднѣли. Манеры были сдержаннѣе. Одежда не занимала исключительно всѣхъ его мыслей. Хотя онъ одѣвался очень изящно, но не съ прежней изысканностью. Форміо, артистъ по части рукъ и ногтей, разбогатѣлъ благодаря покупкѣ и продажѣ акцій, бросилъ свое ремесло и, купивъ островъ на Егейскомъ морѣ, принялъ титулъ князя Гидроциралосъ. Плюмъ теперь не разъ находилъ чернильныя пятна на своихъ артистическихъ пальцахъ. Съ обычной своей проницательностью онъ старался основательно изучить финансовыя операціи Козмо и понять всю ихъ суть, скрываемую отъ публики.

— Меня все это пугаетъ, говорилъ онъ Антуаню и Дюмареску:— я позволилъ себѣ серьёзно поговорить съ маркизою, и указалъ ей, что излишняя дѣятельность съ ея стороны совершенно ненужна. И безъ того безумно набрасываются на акціи. Онѣ ежедневно поднимаются. Маркиза уже взяла на себя громадную отвѣтственность. Всѣ ея друзья въ Австріи, Испаніи, Италіи и Германіи приняли участіе въ этомъ діавольскомъ предпріятіи Козмо.

— Они всѣ нажили хорошій кушъ, замѣтилъ Антуань, стараясь успокоить себя.

— Да, на бумагѣ, отвѣчалъ баронъ:—но никто не спускаетъ своихъ акцій. Еслибъ стали продавать ихъ, то погубили бы общество, а сохраняя акціи, рискуютъ все потерять. Я не могу спать отъ безпокойства. Директора не имѣютъ никакого контроля надъ Козмо и этимъ чертикомъ Меліо. Послѣдніе дѣлаютъ, что хотятъ, и если одна афера приноситъ прибыли пять милліоновъ, они тотчасъ же рискуютъ десятью милліонами на другое дѣло. Это двадцати-этажная пагода...

— Изъ папье-маше, прибавилъ Антуань.

Никто не засмѣялся. Всѣ трое сознавали, что трудно было благополучно вывести маркизу изъ финансовой трясины, въ которую она погрязла, сама того не чувствуя.

Дѣйствительно Козмо и Меліо одни вели все дѣло. Ихъ безконтрольному распоряженію были предоставлены интересы католичества, легитимистской партіи, Ватикана, видныхъ государствен-

Digitized by Google

ныхъ людей Европы, законодательныхъ собраній и славянскихъ княжествъ, купленныхъ хитрымъ Козмо по дорогой цѣнѣ, несмотря на противодѣйствіе русскихъ агентовъ, которые пугали петербургскій кабинетъ необыкновеннымъ развитіемъ этого колоссальнаго учрежденія. Баронъ Плюмъ тщетно пытался слѣдить за бѣшеннымъ бѣгомъ финансоваго колеса, которое, къ изумленію всего свѣта, приводили въ движеніе эти два человѣка. Естественно, что они смотрѣли на Плюма, какъ на непріятную помѣху.

Выслушавъ однажды докладъ Козмо о томъ, что въ общество вносятся милліоны въ видѣ вклада по 6% на нѣсколько лѣтъ, тогда какъ на биржѣ можно было имѣть сколько угодно денегъ по 4%, баронъ Плюмъ пожалъ плечами и серьёзно возразилъ:

— Какая польза въ деньгахъ, когда мы не знаемъ что съ ними дѣлать и не имѣемъ права ими спекулировать? Плохой разсчетъ платить 6%, а получать два съ половиной или три съ государственныхъ бумагъ.

— О, отвѣчалъ Козмо, который всегда очень учтиво обращался съ барономъ:—чѣмъ болѣе денегъ, тѣмъ болѣе силы, а излишекъ процентовъ не будетъ чувствителенъ при полной реализаціи нашихъ громадныхъ плановъ. Но вы правы, баронъ, въ отношеніи недостаточности получаемыхъ нами процентовъ. Надо будетъ поискать желающихъ на биржѣ. Мы можемъ давать деньги спекуляторамъ подъ залогъ акцій.

Плюмъ протестовалъ, но другіе директора разрѣшили Козмо давать деньги маклерамъ подъ залогъ акцій, которыя онъ найдетъ благонадежными. Плюмъ былъ очень умный человѣкъ, но не подозрѣвалъ, что своимъ заявленіемъ сыграетъ въ руку Козмо. Спустя недѣлю, было уже роздано десять милліоновъ подъ залогъ акцій, преимущественно своихъ собственныхъ, что̀ естественно возвысило ихъ на 70 фр.

Такимъ образомъ должность директора была просто синекурой. Вся его обязанность заключалась въ томъ, чтобы соглашаться съ Козмо и Меліо. Но положеніе директора крупнаго финансоваго учрежденія имѣетъ и свои непріятныя стороны. Изо всѣхъ странъ являлись въ Парижъ и приставали къ директорамъ общества различные прожектеры съ планами, концессіями, привилегіями и т. д. Всѣхъ, кто только могъ имѣть дорогу къ директорамъ, подкупали, не жалѣя денегъ. Привратникъ маркиза получалъ иногда по пятисотъ франковъ въ недѣлю. Но не одни слуги пользовались взятками: ихъ брали жены, любовницы, стряпчіе, доктора. Особенно маркизѣ не было прохода отъ дамъ.

Digitized by Google

Дарвель встрѣтилъ однажды Антуаня на бульварѣ и саркастически поздравилъ его.

— Но придетъ день разсчета съ чортомъ, замѣтилъ онъ, пожимая плечами.

Антуань зналъ, что этотъ грозный князь финансистовъ выждетъ свое время, и потомъ отберетъ всѣ милліоны до послѣдняго сантима.

Въ Англіи, несмотря на всѣ усилія Козмо, католическая партія не оказала горячаго участія въ его дѣлѣ. Англійскіе католики были искренно набожны, но это не мѣшало имъ быть здравомыслящими, осторожными дѣльцами. Они готовы были пожертвовать десятки тысячъ фунтовъ стерлинговъ на церковь или благотворительное дѣло, но не хотѣли дать тысячи на религіозную спекуляцію. Козмо не удалось открыть въ Лондонѣ даже отдѣленія банка.

Для ознакомленія читателей съ ходомъ дѣлъ въ обществѣ католическаго кредита, всего лучше разсказать эпизодъ Забдія. Онъ можетъ служить образцомъ многихъ подобныхъ эпизодовъ въ исторіи великаго предпріятія Козмо.

Съ востока явился въ Парижъ господинъ еврейскаго происхожденія, Забдій Израеловичъ. Это былъ русскій еврей изъ Кіева, но онъ уже давно порвалъ всѣ сношенія съ своей родиной. Низенькаго роста, полный, загорѣлый, рѣшительный, съ черными, какъ ночь, волосами, бѣлыми зубами и блестящими, хитрыми глазами, онъ прибылъ въ Парижъ прямо изъ Бухареста. Онъ прочелъ въ газетахъ о грудѣ золота, находившейся въ рукахъ Козмо, и рѣшился получить изъ нея свою долю.

Въ молодости Забдій жилъ въ Вѣнѣ и вѣроятно, какъ всѣ вѣнскіе евреи, прошелъ курсъ наукъ въ старинномъ, восточномъ, живописномъ рынкѣ стараго платья на Juden-Gasse. Онъ продавалъ тамъ подержанныя юпки и корсеты; клялся и божился, стараясь выторговать два крейцера. Потомъ Забдій перешелъ въ мѣховую лавку, гдѣ спускалъ мелкимъ лавочникамъ и приказчикамъ собачьи шкуры. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ очутился въ городѣ Бразо, на границѣ Трансильваніи и Румыніи, и старался нажить копейку на тамошнихъ ярмаркахъ. Наконецъ, онъ проложилъ себѣ дорогу въ Бухарестъ и сталъ продавать лошадей, которыхъ предпріимчивые валахи угоняли изъ Венгріи. Забдій былъ ловкій человѣкъ, и вездѣ, гдѣ ни бывалъ, обогащалъ себя нетолько деньгами, но знаніями и опытностью. Одессу онъ посѣтилъ съ цѣлью устройства конныхъ желѣзныхъ дорогъ, Крымъ— для осмотра нефтяныхъ источниковъ, Константинополь и Смирну—для покупки смирнскихъ доковъ отъ французскихъ банки-

Digitized by Google

ровъ за десять милліоновъ и перепродажи ихъ за двадцать. Онъ же пытался вести переговоры съ барономъ Гиршемъ для передачи Варнской желѣзной дороги несуществующей въ Вѣнѣ компаніи. Нельзя сказать, чтобы Забдій пользовался хорошей репутаціей. Его послѣднія дѣйствія въ Вѣнѣ были очень сомнительнаго характера. Онъ занимался спекуляціями на большую ногу передъ *крахомъ* и остался долженъ шесть милліоновъ флориновъ маклерамъ, которые, въ силу мѣстныхъ законовъ, не могли ничего отыскать съ него судебнымъ порядкомъ. Съ тѣхъ поръ, Забдій сильно нажился, хотя старательно скрывалъ это. Онъ имѣлъ много акцій компаніи Дунайскаго пароходства, австрійской компаніи желѣзнодорожнаго подвижного состава, обществъ снабженія Бухареста водой и газомъ, а также общества Румынскихъ нефтяныхъ источниковъ.

Неожиданно въ головѣ Забдія блеснула свѣтлая мысль. Румынское правительство завѣдывало обширными государственными имуществами, состоявшими изъ рудниковъ, лѣсовъ и громаднаго количества земли. Забдій хорошо зналъ перваго министра и не разъ оказывалъ ему услуги. Онъ отправился къ министру и предложилъ взять въ аренду государственныя имущества Румыніи, съ платой ежегодно въ казну полтора милліона франковъ. Министръ отвѣчалъ, что нечего и обсуждать подобнаго проэкта, такъ какъ казна сама получаетъ съ государственныхъ имуществъ три милліона ежегоднаго дохода.

— Подумайте, замѣтилъ Забдій Израеловичъ: — вы намѣрены вскорѣ выпустить заемъ въ сто милліоновъ, не правда ли?

Министръ призналъ, что дѣйствительно, заемъ былъ необходимъ для Сулинской желѣзной дороги и пр.

— Хорошо, продолжалъ хитрый еврей:—въ Парижѣ основанъ громадный банкъ подъ управленіемъ моего друга г. Козмо. Я вамъ устрою этотъ заемъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, если вы мнѣ дадите просимую концессію.

Министръ покачалъ головой. Государственные интересы ясно не имѣли для него ни малѣйшаго значенія.

Забдій Израеловичъ поклонился и ушелъ. Спустя нѣсколько дней, одинъ изъ депутатовъ, дотолѣ преданныхъ министерству, сдѣлалъ въ палатѣ запросъ относительно общественныхъ работъ. Въ преніяхъ приняло участіе нѣсколько лицъ, очень рѣзко порицавшихъ министерство. Весь пожаръ загорѣлся изъ того, что министръ употребилъ вполнѣ разумно пять тысячъ франковъ. Вслѣдъ за этимъ былъ сдѣланъ запросъ относительно управленія государственными имуществами, и система министерства подверглась самой строгой критикѣ. Оппозиціонные ора-

Digitized by Google

торы прямо указывали, что гораздо лучше отдать государственныя имущества въ аренду частнымъ капиталистамъ, которые съумѣли бы лучше развить производительныя силы страны.

Министръ намоталъ это себѣ на усъ, но не высказалъ своего опредѣленнаго мнѣнія.

Черезъ нѣсколько времени, къ Забдію Израеловичу подошелъ въ одной Бухарестской кофейнѣ старый чиновникъ министерства, стоявшій во главѣ управленія государственными имуществами.

— Вы хотите передать въ частныя руки государственныя имущества, сказалъ онъ: — и оставить всѣхъ насъ за штатомъ? Неужели вы думаете, что мы вамъ поможемъ въ этомъ дѣлѣ? Министръ объ этомъ и слышать не хочетъ, развѣ вы насъ заранѣе всѣхъ вознаградите.

— А при этомъ условіи дѣло можно устроить? спросилъ поспѣшно Забдій Израеловичъ.

— Не знаю, отвѣчалъ чиновникъ, пожимая плечами:—я полагаю, что наше мнѣніе не имѣло бы въ его глазахъ большой силы. Еслибы трое или четверо старшихъ чиновниковъ получили полное удовлетвореніе, а остальные перешли бы въ новое управленіе, то я не вижу причины, почему министръ не сбросилъ бы съ себя тяжелой отвѣтственности.

— А! Какая же сумма удовлетворила бы васъ и вашихъ друзей?

— Я никогда объ этомъ не думалъ. Концессія, вы знаете, очень важная. Правительство получаетъ около двухъ третей дѣйствительнаго дохода.

Забдій Израеловичъ молча кивнулъ головой. Онъ очень хорошо зналъ, что ни одинъ доходъ цѣликомъ не поступалъ въ казну.

— Я полагаю поэтому, что концессія принесетъ громадныя выгоды, прибавилъ чиновникъ зѣвая, словно этотъ предметъ его ни мало не интересовалъ.

— Врядъ ли, отвѣчалъ еврей, пожимая плечами: — большая часть земли дурная, а къ лѣсамъ нѣтъ никакихъ путей сообщенія. Красная цѣна—три или четыре милліона.

— Какъ, за всѣ государственныя имущества, приносящія теперь три милліона ежегоднаго дохода, который легко увеличить тотчасъ на одинъ милліонъ? Полноте, надо заплатить не менѣе двадцати пяти милліоновъ.

— А вамъ сколько вознагражденія?

— Еще три милліона. Не забывайте, что въ настоящее время казна получааетъ милліономъ меньше.

Digitized by Google

— Sapristi! Три милліона, комиссіонныхъ?

— Ни франка меньше!

— Погодите. Вы думаете, что министръ дастъ концессію подъ условіемъ уплаты трехъ милліоновъ чиновникамъ, остающимся за штатомъ?

— Не знаю, но возможно, если вы предложите благоразумную цѣну.

— Сколько? спросилъ еврей, скаля свои бѣлыя зубы.

— Не знаю, пятнадцать или двадцать милліоновъ?

— А десять?

— Невозможно. Министръ не посмѣетъ этого сдѣлать, особенно въ виду оппозиціи.

— Ну, четырнадцать. Прикинемъ еще два, такъ какъ на расходы уйдетъ, по крайней мѣрѣ, милліонъ. Скажемъ шестнадцать милліоновъ; двѣнадцать правительству и три чиновникамъ, съ которыми вы устроите дѣло.

— Попробуйте. Дѣло можетъ удастся.

— Хорошо. Пойдемте ко мнѣ. Я вамъ напишу обязательство.

Вотъ съ этой-то концессіей въ карманѣ и явился Забдій Израеловичъ въ Парижъ. Онъ зналъ Козмо, какъ всѣ дѣльцы на востокѣ знаютъ другъ друга.

Однажды карточка Забдія Израеловича проникла въ sancta sanctorum, кабинетъ управляющаго католическаго кредита, гдѣ Козмо обсуждалъ съ графомъ Меліо новую аферу. Имъ необходимо было выкинуть блестящую, эффектную штуку. На столѣ секретаря лежало пятьдесятъ проэктовъ.

— Порторикскій заемъ невозможенъ, сказалъ Козмо: — намъ не надо бросаться на далекій западъ. Это плохая приманка. Вы правы, восточно-африканскія золотыя розсыпи могли бы привлечь вниманіе публики. Золото основа современныхъ финансовъ, и его значеніе будетъ увеличиваться съ каждымъ годомъ. Хорошія золотыя розсыпи, будутъ вскорѣ прельщать акціонеровъ въ той же мѣрѣ, какъ и хорошія желѣзныя дороги.

— Но рѣдко онѣ бываютъ хорошими, отвѣчалъ сметливый секретарь:—обыкновенно, онѣ очень скоро теряютъ свою цѣну. Но я вѣрю въ богатство этихъ африканскихъ розсыпей. Я какъ-то былъ на Золотомъ берегѣ и посѣтилъ Акимъ. Золото тамъ разсыпано по всюду въ баснословномъ количествѣ, но добыча каждаго унца стоитъ человѣческой жизни.

— Человѣческая жизнь не дорога, отвѣчалъ Козмо:—при мнѣ не разъ продавали людей за старое ружье или горсть пороха.

— И при мнѣ также, но это были негры.

— Да и въ восточной Африкѣ негры. Однако, какъ ни богаты

Digitized by Google

ваши разсыпи, но онѣ не будутъ популярными. Надо придумать что-нибудь серьёзное. Отчего бы, напримѣръ, не скупить всѣхъ рудниковъ въ Венгріи?

— Отчего? замѣтилъ секретарь. — Вы знаете венгерцевъ. Это самая странная раса на свѣтѣ. Очень рѣдко иностранцу удается обойти венгерцевъ. Правительство потребуетъ прежде всего въ залогъ двойной стоимости рудниковъ, и потомъ будетъ нѣсколько лѣтъ тянуть переговоры о концессіи. Однѣхъ комиссіонныхъ денегъ придется заплатить нѣсколько милліоновъ и, въ концѣ концовъ, барышъ выйдетъ самый пустой.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ Козмо:—намъ нельзя тотчасъ приступить къ этому дѣлу. Съ венгерцами можно имѣть дѣло только чрезъ посредство венгерцевъ. Я предлагаю основать въ Будапештѣ банкъ, съ венгерскими директорами, среди которыхъ можно помѣстить для блеска двухъ или трехъ евреевъ.

Въ эту самую минуту, лакей подалъ карточку Забдія Израеловича.

— Вотъ человѣкъ, котораго я совсѣмъ забылъ, произнесъ Козмо, сверкая глазами:—я его зналъ въ Константинополѣ. Онъ способенъ на все. Поговоримъ съ нимъ. Судя по карточкѣ, онъ живетъ теперь въ Бухарестѣ.

Забдія Израеловича провели тотчасъ въ кабинетъ Козмо, и онъ изложилъ свой проэктъ, по которому католическій кредитъ выпускалъ новый румынскій заемъ, и пріобрѣталъ государственныя имущества Румыніи, приносившія два съ половиной милліона чистаго дохода, за двадцать милліоновъ. Козмо и графъ Меліо ухватились за этотъ лакомый кусокъ. Сдѣлку заключили въ двадцать два милліона. Разница между двадцатью двумя милліонами и пятнадцатью, цифрами концессіи, т. е. семь милліоновъ, не была ни выброшены въ окно, ни спрятана въ сундукъ общества католическаго кредита.

Забдій Израелавичъ и графъ Меліо, отправились въ Бухарестъ и тамъ устроили это выгодное дѣло. Затѣмъ они посѣтили Софію, и предложили свои услуги болгарскому правительству. Оттуда они проѣхали чрезъ Бѣлградъ, Рагузу, Тріестъ и Будапештъ въ Вѣну, гдѣ Забдій Израеловичъ поселился въ качествѣ восточнаго агента общества католическаго кредита. Графъ Меліо возвратился въ Парижъ, съ цѣлой кучей концессій на пятисотъ милліоновъ.

Выслушавъ отчетъ графа о всѣхъ его дѣйствіяхъ, Козмо замѣтилъ съ саркастической улыбкой:

— Забдій ловкій человѣкъ. Я вамъ говорилъ, что мы заставимъ и евреевъ содѣйствовать успѣху католическаго кредита.

Меліо ничего не отвѣчалъ, задумчиво грызя зубочистку.

Digitized by Google

XV.

Финансовая идилія.

Маркиза и Сесиль сдѣлались закадычными друзьями. Симпатичная простота и развитой умъ слѣпой дѣвушки побѣдили сердце свѣтской, блестящей, но столь же непорочной аристократки. Среди водоворота интригъ, корреспонденцій, пріемовъ и совѣщаній, которыми была теперь наполнена жизнь маркизы, она всегда находила время посѣщать паркъ Монсо, гдѣ въ обществѣ своего стараго друга Ортансъ и новаго — Сесили, она чувствовала себя въ болѣе спокойной и чистой атмосферѣ. Г-жа Ортансъ, или, вѣрнѣе, г-жа Реми, еще не рѣшилась ступить ногой въ домъ маркизы и потому миссъ Моника сопровождала Сесиль въ улицу Доминикъ въ назначенные маркизой часы, когда ея гостинныя не кишили посѣтителями.

Имя князя Бальтазара никогда не упоминалось въ бесѣдахъ маркизы съ молодой дѣвушкой. Онъ часто бывалъ теперь въ домѣ Рошерэ, и нетолько у маркизы, но и у маркиза, благодаря званію директора католическаго кредита. Маркиза съ любопытствомъ замѣчала, что это директорство произвело значительную перемѣну въ молодомъ человѣкѣ. Онъ неожиданно пристрастился къ политической экономіи и сталъ серьёзно изучать эту науку. Баронъ Плюмъ громко выражалъ свое мнѣніе, что его другъ сдѣлался «противнымъ», такъ какъ онъ вѣчно носитъ въ карманѣ политико-экономическія и финансовыя книги и выигрываетъ милліоны на биржѣ. Это было несправедливо, но шутка барона все-таки доказывала, что венгерецъ перемѣнилъ свой образъ жизни, сократилъ свою конюшню и сталъ вести себя, какъ многообѣщающій молодой банкиръ. Онъ стойко поддерживалъ Плюма въ правленіи католическаго кредита, хотя не всегда понималъ его политику и невольно становился въ оппозицію маркизу, который не сочувствовалъ строгой критикѣ дѣятельности Козмо. Старый аристократъ, идеалъ честности и потому неспособный вѣрно оцѣнивать сложныя операціи итальянца, слѣпо вѣрилъ, что человѣкъ, снискавшій довѣріе его жены и Антуаня, не могъ сдѣлать ничего дурного. Что же касается до Антуаня, то его положеніе становилось все болѣе и болѣе фальшивымъ. Онъ сочувствовалъ Плюму, а долженъ былъ поддерживать Козмо; маркизъ требовалъ, чтобъ онъ объяснялъ ему

Digitized by Google

всѣ планы итальянца, а маркиза настаивала на томъ, чтобъ онъ содѣйствовалъ всѣми силами успѣху великой идеи.

До сихъ поръ Козмо во всемъ обращался къ маркизѣ, искусно игралъ на ея слабой струнѣ, ловко поддерживалъ ея энтузіазмъ на точкѣ кипѣнія и вырывалъ ея согласіе на самыя рискованныя спекуляціи. Онъ пользовался все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ вліяніемъ на нее, а успѣхъ и постоянныя сношенія съ свѣтскими людьми, преимущественно съ маркизой, значительно полировали грубаго искателя приключеній. Одежда, манеры, рѣчь его стали безупречны. Черты лица оставались по прежнему уродливы, но тяжелая умственная работа придала имъ оттѣнокъ утонченнаго развитія. Онъ видѣлъ маркизу ежедневно, и она обходилась съ нимъ, какъ съ близкимъ человѣкомъ. Онъ прямо проходилъ въ ея будуаръ, просилъ ее написать письмо тому или другому изъ высокопоставленныхъ лицъ, предлагалъ сдѣлать то или другое, и она тотчасъ исполняла всѣ его желанія, не совѣтуясь ни съ кѣмъ, не говоря ни слова даже Антуану, на плечи котораго, она взвалила всю отвѣтственность рискованнаго дѣла. Все это было извѣстно барону Плюму, и онъ безпомощно кусалъ себѣ губы. Онъ сталъ гораздо сдержаннѣе съ маркизой, чѣмъ прежде, и это ее очень сердило. Она знала черезъ маркиза, что Плюмъ совѣтовалъ не принимать денегъ, которыя сыпались дождемъ въ кассу католическаго кредита, благодаря стараніямъ маркизы, архіепископа, Галюшэ и другихъ рьяныхъ клерикаловъ. Но когда однажды Козмо замѣтилъ, что у нихъ въ лагерѣ завелся измѣнникъ, прямо намекая на барона, то она такъ рѣзко заставила его замолчать, что онъ далъ себѣ слово не начинать болѣе этого разговора. Она не могла сомнѣваться въ баронѣ Плюмѣ, хотя онъ по временамъ и выводилъ ее изъ себя. Она ясно читала въ его глазахъ, что онъ готовъ ради нея пожертвовать всѣмъ, не исключая жизни. Она грубо остановила въ этомъ случаѣ Козмо, которому вообще позволяла такія фамильярности, которыхъ не допустила бы изъ устъ барона Она извиняла во многомъ итальянца, говоря, что онъ не изъ благовоспитанныхъ.

Такимъ бразомъ, баронъ, несмотря на всю свою любовь и преданность къ маркизѣ, избѣгалъ говорить съ нею о дѣятельности Козмо, а когда, наконецъ, онъ узналъ нѣчто, о чемъ было необходимо довести до ея свѣденія, онъ поручилъ это князю Бальтазару, не очень толковому, но во всякомъ случаѣ честному дипломату.

Однажды Плюма пригласилъ къ себѣ другъ его баронъ ***,

Digitized by Google

глава величайшаго и наиболѣе уважаемаго еврейскаго банкирскаго дома.

— Плюмъ, сказалъ почтенный банкиръ:—изъ всѣхъ директоровъ католическаго кредита вы одни не потеряли еще головы. Я считаю долгомъ предупредить васъ, что вы позволяете вести себя за носъ ловкому авантюристу. Горная итальянская желѣзная дорога будетъ приносить вамъ до пяти милліоновъ ежегоднаго убытка; это можно доказать цифрами, какъ дважды два—четыре. Мадридскій банкъ — мыльный пузырь. Румынскія предпріятія тоже самое. Немногія выгодныя предпріятія, начатыя вами, стали вамъ такъ дорого благодаря различнымъ комиссіоннымъ деньгамъ, что нельзя ожидать отъ нихъ никакого барыша. Но все идетъ, повидимому, отлично и публика ничего не замѣчаетъ. Акціи ваши поднимаются. Однако, знаете ли вы, почему и какъ онѣ поднимаются?

— Нѣтъ; я тщетно старался это узнать.

— Загадка объясняется очень просто. Онѣ покупаются на деньги вашей косморамы.

— Невозможно. Мы ссужаемъ деньгами маклеровъ подъ залогъ вѣрныхъ бумагъ.

— Вы слѣпы, мой другъ. Маклера покупаютъ по приказу Козмо на ваши же деньги акціи вашихъ же предпріятій. И эти акціи лежатъ у васъ же въ кассѣ въ видѣ залога на данныя вами деньги вашихъ кліентовъ. Послѣдуйте моему совѣту—вырвите стараго маркиза и прелестную маркизу изъ когтей этого мошенника. Еще время, но не откладывайте долго, а то наступитъ такой *крахъ*, въ сравненіи съ которымъ уничтоженіе Помпеи будетъ шуткой.

Въ этотъ самый день старикъ Динандье вошелъ въ будуаръ своей дочери, едва переводя дыханіе и въ совершенно непривычный часъ. Былъ полдень, и онъ еще не завтракалъ. Онъ чувствовалъ глубокую благодарность къ маркизѣ за ея доброту къ Сесиль и нарочно вернулся домой, чтобъ послать дочь въ улицу Доминикъ съ важной вѣстью. Одинъ изъ маклеровъ, исполнявшихъ порученія Козмо, былъ преданнымъ агентомъ Динандье и только-что разсказалъ ему ту же исторію, которую баронъ *** передалъ Плюму.

Прибывъ въ домъ маркизы, Сесиль и миссъ Моника были проведены въ послѣднюю изъ трехъ гостинныхъ. Тутъ ихъ просили немного подождать, потому что маркиза была занята въ будуарѣ съ архіепископомъ. Въ комнатѣ находился красивый, изящно одѣтый молодой человѣкъ. Онъ всталъ и поклонился. Миссъ Моника,

Digitized by Google

съ полнѣйшимъ отсутствіемъ такта сказала по-англійски, но довольно громко:

— Здѣсь чужой... молодой человѣкъ... очень красивый.

Князь Бальтазаръ отлично зналъ англійскій языкъ, но не обнаружилъ ни малѣйшимъ жестомъ, что понялъ этотъ комплиментъ.

— Уѣдемъ, отвѣчала тихо и также по-англійски Сесиль.

И, быстро повернувшись, она хотѣла выйти изъ комнаты какъ можно скорѣе.

Князь Бальтазаръ не замѣтилъ, что она была слѣпая, хотя его поразило, что одна изъ дамъ отвѣчала на его поклонъ, а другая нѣтъ. Онъ подошелъ къ нимъ, но прежде чѣмъ успѣлъ сказать слово, Сесиль поскользнулась и съ жалобнымъ стономъ упала на полъ.

— Mon Dieu! Что случилось? воскликнулъ Бальтазаръ, смотря съ испугомъ на блѣдную молодую дѣвушку, лежавшую на коврѣ.

Изъ-подъ ея платья высовывалась маленькая ножка, нечаянно наступившая на край скамейки, которую слѣпая не могла замѣтить. Миссъ Моника мгновенно поняла, въ чемъ дѣло. Она опустилась на колѣни и дотронулась рукой до маленькой ножки Сесиль. Послѣдняя вздрогнула и застонала.

— Она вывихнула себѣ ногу, сказала англичанка.

— Она не можетъ оставаться въ этомъ положеніи! воскликнулъ Бальтазаръ:—посмотрите, она теряетъ чувства. Могу я ее поднять, или вы ее поднимете, миссъ? Ее надъ положить на диванъ. Позвольте, я вамъ помогу.

Онъ совершенно потерялъ голову и говорилъ по-англійски.

— Приподнимите ей ноги, а я поддержу голову и спину, продолжалъ онъ:—вотъ эта кушетка годится. Mille excuses, mademoiselle.

Въ ту самую минуту, какъ молодой человѣкъ взялъ ее въ свои мощныя руки, Сесиль лишилась чувствъ. Они положили ее на кушетку и потомъ, отворивъ дверь въ будуаръ, Бальтазаръ позвалъ маркизу. Послѣдняя тотчасъ вышла съ архіепископомъ.

Миссъ Моника поспѣшно сняла ботинку съ больной, сильно уже опухшей ноги Сесиль.

Маркиза очень перепугалась, но тотчасъ приняла необходимыя мѣры.

— Князь, сказала она:—позвоните. Извините, монсиньоръ, я должна заняться этой молодой дѣвушкой, au revoir. Благодарю васъ, князь, отъ имени m-lle Динандье за оказанныя вами услуги.

— Это m-lle Динандье? промолвилъ Бальтазаръ, глубоко тро-

Digitized by Google

нутый этой неожиданной сценой.—О, маркиза, я всему виною. Я не замѣтилъ, что она слѣпа, и испугалъ ее.

На глазахъ у него показались слезы.

— Загладьте же вашу вину, отвѣчала маркиза: — вашъ экипажъ ждетъ у подъѣзда. Поѣзжайте за Віаномъ. Сыщите его, гдѣ знаете, и привезите, хотя бы силою.

Бальтазаръ пожалъ руку маркизы и, бросивъ поспѣшный взглядъ на блѣдное лицо молодой дѣвушки, въ которомъ соединялись женская красота и ангельская нѣжность, исчезъ за дверью.

Вскорѣ Сесиль очнулась. Она лежала въ объятіяхъ маркизы, и какъ только пришла въ себя, промолвила, пряча лицо на груди своего друга:

— Кто это былъ? Какъ страшно!

— Что страшно?

— Молодой человѣкъ взялъ меня на руки и понесъ. Кто это?

Маркиза бросила вопросительный взглядъ на миссъ Монику, которая покраснѣла.

— Зачѣмъ было поднимать Сесиль съ ковра? произнесла строгимъ тономъ маркиза:—отчего вы тотчасъ не позвали меня?

— Я такъ испугалась, что потеряла голову.

— Онъ такой добрый и такъ нѣжно приподнялъ меня, промолвила Сесиль:—кто онъ?

— Это князь Артусъ Бальтазаръ. Онъ теперь поѣхалъ за докторомъ. Но что съ вами?

Сесиль вторично упала въ обморокъ.

Бальтазаръ поскакалъ, сломя голову, къ знаменитому хирургу, нашелъ его дома и привезъ въ улицу Доминикъ. Пока докторъ свидѣтельствовалъ больную, онъ ожидалъ его у подъѣзда, и потомъ отвезъ домой, разспросивъ по дорогѣ самымъ подробнымъ образомъ о положеніи Сесиль. Распростившись съ докторомъ, онъ отправился къ Плюму, который ждалъ его съ нетерпѣніемъ.

— Diable! воскликнулъ онъ, увидавъ своего друга, который вбѣжалъ къ нему, едва переводя духъ:—ты такъ долго бесѣдовалъ съ маркизой, что вы могли обсудить всѣ биржевыя сдѣлки.

— Плюмъ! воскликнулъ князь, не обращая вниманія на его слова:—я ее видѣлъ! Она прелестна! Я держалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Ея чудная головка прижималась къ моей груди!

— Что? воскликнулъ Плюмъ, вскакивая съ мѣста и подбѣгая къ Бальтазару съ сжатыми кулаками. — Что вы говорите? Вы съ ума сошли!

— Нисколько, отвѣчалъ князь съ добродушной улыбкой: — повторяю, я ее видѣлъ, и она прелестна.

Баронъ схватилъ его за горло.

Digitized by Google

— Откажитесь отъ своихъ словъ, или я васъ задушу!

Венгерецъ былъ очень силенъ и мгновенно свалилъ барона на полъ.

— Полно! Александръ! воскликнулъ онъ, стараясь сдержать барона, который все лѣзъ въ драку:—это какая-нибудь ошибка.

— Вы лжецъ, милостивый государь, отвѣчалъ баронъ, вскакивая и снова наступая на князя: — вы увѣряете, что видѣли маркизу Рошерэ и держали ее въ своихъ объятіяхъ?

Бальтазаръ громко разсмѣялся.

— Ха-ха-ха! это чудесно! промолвилъ онъ:—ты думалъ, что я говорю о маркизѣ?

— Конечно.

— Ха-ха-ха! Я говорю о m-lle Динандье, о прелестной m-lle Динандье. Она при мнѣ вошла въ гостинную маркизы, поскользнулась и вывихнула ногу. Я поднялъ ее при помощи англійской миссъ, которая назвала меня красавцемъ, и положилъ на кушетку. Потомъ я ѣздилъ за Віаномъ и отвезъ его къ больной; а ты какую сочинилъ исторію! Ха-ха-ха!.. Ты, мой другъ, просто съума сошелъ.

Онъ бросился въ кресло, помирая со смѣха. Баронъ также расхохотался.

— Артусъ, сказалъ онъ, протягивая руку:—прости меня! Какой я оселъ! Mon Dieu!

— Спорить не могу, отвѣчалъ Бальтазаръ, крѣпко пожимая протянутую руку.—Но какой ты сильный. Моя шея будетъ синяя цѣлую недѣлю.

Говоря это, онъ подошелъ къ зеркалу.

— Еще разъ прости меня, произнесъ баронъ: — мои нервы ужасно разстроены. Ты не можешь себѣ представить, какъ я страдаю. Но я никогда не прощу себѣ, что оскорбилъ своего лучшаго друга.

— Полно, это было недоразумѣніе, mon ami, отвѣчалъ добродушно князь:—слава Богу, наше единоборство кончилось благополучно, и мы только пообѣдаемъ съ бо̀льшимъ аппетитомъ—вотъ и все. Ну, теперь я разскажу тебѣ подробно мою исторію.

И онъ передалъ ему все, что случилось.

— Дѣло рѣшенное, прибавилъ онъ, окончивъ свой разсказъ:— я долженъ жениться на этой молодой дѣвушкѣ.

— А маркиза? Ты не исполнилъ моего порученія?

— Нѣтъ. Поѣзжай самъ. Я не рискую болѣе своей жизнью, по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ я ее не застрахую.

Докторъ совершенно успокоилъ маркизу. Вывихъ былъ легкій. Нуженъ былъ только отдыхъ въ продолженіи нѣсколькихъ не-

Digitized by Google

дѣль. Сесиль отвезли домой. Но для нея это маленькое происшествіе было великимъ событіемъ. Оно неожиданно открыло ей существованіе невѣдомаго, но желаннаго міра. Грубый, житейскій взглядъ толстаго Динандье на замужество возбудилъ въ ней отвращеніе, и она рѣзко отказалась отъ брака съ человѣкомъ, который, очевидно, искалъ ея руки изъ-за милліоновъ отца, но теперь ея сердце дрогнуло. Она впервые услышала сочувственно относившійся къ ней, мелодичный мужской голосъ, почувствовала впервые нѣжное прикосновеніе мужчины, поступившаго въ критическую минуту съ большимъ тактомъ и мужествомъ. Ея сердце, такъ долго дремавшее, проснулось, и чувство любви громко заговорило въ немъ.

Каждый день ей подавали утромъ прекрасный букетъ цвѣтовъ, и она не спрашивала, отъ кого онъ. Маркиза, часто посѣщавшая ее, начала подозрѣвать, въ чемъ дѣло, и, чтобы вполнѣ убѣдиться въ справедливости своихъ подозрѣній, сдѣлала маленькій опытъ. Она привезла однажды три букета и распорядилась, чтобы ихъ подали Сесили одинъ за другимъ прежде, чѣмъ подать букетъ Бальтазара.

Сесиль взяла каждый изъ этихъ букетовъ съ нетерпѣніемъ, и понюхала ихъ, но тотчасъ положила на столъ и спросила разочарованнымъ тономъ:

— Кто прислалъ?

Когда же принесли букетъ Бальтазара, она вся вспыхнула, схватила его съ счастливой улыбкой и погрузила свое лицо въ нѣжные лепестки.

— Сесиль, спросила маркиза: — вы знаете кто прислалъ эти цвѣты.

— Артусъ, отвѣчала она наивно и съ нѣжной улыбкой.

— О, моя голубушка, промолвила маркиза, цѣлуя молодую дѣвушку:—вы его любите.

XVI.

Опасности энтузіазма.

На слѣдующій день, послѣ несчастья съ Сесиль, баронъ Плюмъ отправился въ улицу Доминикъ. Онъ рѣшился, во что бы то ни стало, спасти маркизу отъ собиравшейся надъ ея головою грозы.

Она встрѣтила его веселой улыбкой. Положеніе католическаго кредита, повидимому, было самое блестящее; въ это самое

Digitized by Google

утро Козмо сообщилъ ей о новомъ выпускѣ акцій и о постоянномъ повышеніи старыхъ. Блѣдное лицо и мрачный взглядъ барона представляли разительный контрастъ съ ея сіяющей физіономіей.

— Oh! coquin! сказала она:—невѣрующій скептикъ! Діогенъ, гдѣ ваша бочка?

— Я оставилъ ее дома вмѣстѣ съ фонаремъ, отвѣчалъ Плюмъ съ грустной улыбкой. Я отказался отъ тщетныхъ поисковъ честнаго человѣка. Если я вышелъ сегодня изъ моей бочки, то только ради васъ маркиза. Я долженъ исполнить тяжелый долгъ и явиться передъ вами въ качествѣ пророка Іереміи. Вы знаете, что его пророчества исполнились, хотя непріятно ихъ было слушать.

— Нѣтъ, не хочу слушать ничего непріятнаго, воскликнула маркиза, затыкая себѣ уши: — вамъ ничѣмъ не угодишь. Козмо только что былъ у меня. Онъ торжествуетъ. Никогда дѣла не были въ такомъ блестящемъ положеніи, какъ въ настоящую минуту.

— Да, такъ было и въ Помпеѣ наканунѣ изверженія Везувія. Это старая исторія. Но я прошу васъ, маркиза, выслушайте меня во имя вашей дружбы ко мнѣ. Мною руководитъ въ эту минуту одна только преданность вамъ, а не чувство злобы или какая-нибудь задняя мысль. Я долженъ васъ предупредить о грозящей опасности, а что грозитъ опасность доказывается свѣдѣніями, полученными мною вчера, и въ достовѣрности которыхъ я не могу сомнѣваться.

— Къ чему ведетъ это торжественное вступленіе, баронъ? произнесла маркиза, гордо поднимая голову: — Козмо ограбилъ кассу? Графа Меліо обвиняютъ въ мошенничествѣ? Или моего мужа предаютъ суду за подлоги?

Плюмъ пожалъ плечами.

— Вы очень ѣдко ироничны, маркиза, отвѣчалъ онъ спокойно:— вашъ мужъ выше всякихъ подозрѣній; что же касается другихъ то можно доказать, что они ведутъ насъ къ погибели, не обвиняя ихъ прямо въ уголовныхъ преступленіяхъ. Неужели я такъ унизился въ вашихъ глазахъ, что вы считаете меня способнымъ пугать васъ недостойными сплетнями и клеветами?

Маркиза не могла не оцѣнить всей благородной смѣлости барона, и, хотя была сердита на него, но любезно ему улыбнулась.

— Хорошо, я васъ слушаю.

— Я получилъ вчера новыя и достовѣрныя свѣденія. Я долженъ вамъ сознаться, что нѣсколько разъ пытался узнать въ правленіи о настоящемъ положеніи нашихъ дѣлъ, о томъ, сколько

Digitized by Google

мы получали денегъ, сколько мы должны, какіе у насъ залоги, какія мы сдѣлали ссуды. Вы должны согласиться, что директора имѣютъ право это знать, но мнѣ давали самые уклончивые отвѣты. Самъ маркизъ на этой недѣлѣ настаивалъ, чтобы намъ представили отчетъ о положеніи всѣхъ дѣлъ въ виду предстоящаго общаго собранія.

— И вамъ представятъ этотъ отчетъ, баронъ.

— Бѣда именно въ томъ и заключается, произнесъ съ горькой ироніей Плюмъ:—что мы, директора, не пользуемся такимъ откровеннымъ довѣріемъ, какъ дамы.

Эти обоюдоострыя слова поразили въ самое сердце маркизу. Она поблѣднѣла и не сказала ни слова.

— Маркиза, продолжалъ онъ съ жаромъ:—вотъ наше дѣйствительное положеніе, и не забывайте, что я говорю, какъ дѣловой человѣкъ, смыслящій многое въ дѣлахъ. Наши акціи поднялись до невозможной преміи. Онѣ вдвое и втрое выше своей настоящей стоимости. А подъ эти акціи съ фантастической преміей мы дали въ ссуду отъ тридцати до пятидесяти милліоновъ, внесенныхъ намъ вашими друзьями, легитимистами и католиками Вы понимаете, въ какомъ мы находимся ужасномъ положеніи?

— Это не правда.

Баронъ покачалъ головой.

— Если это не правда, то, значитъ, нельзя вѣрить первому финансовому авторитету въ Парижѣ.

— Баронъ, отвѣчала она съ улыбкой:—меня удивляетъ, что вы при своемъ умѣ и прозорливости не понимаете, что все это ложь, измышленная нашими врагами, евреями.

— О, маркиза, когда вы бросите свои предразсудки относительно евреевъ? Предразсудки эти недостойны вашей благородной натуры и поддерживаются въ васъ, я боюсь, не съ доброй цѣлью. Эти чудовищные предразсудки исчадье среднихъ вѣковъ и Торквемады. Вы слишкомъ благородны, чтобы дѣйствовать заодно съ негодяями, которые преслѣдуютъ евреевъ. Развѣ вы не знаете, маркиза, что эта раса, о которой вы говорите съ такимъ презрѣніемъ, первая на свѣтѣ? Я уже не буду говорить, что колыбель нашей католической религіи находится въ отечествѣ евреевъ, что предметы нашего поклоненія, Христосъ и Богородица происходятъ отъ Авраама. Но взгляните на евреевъ съ точки зрѣнія безпристрастнаго наблюдателя, и вы будете вынуждены признать, что ихъ раса отличается высшимъ умственнымъ развитіемъ, непреодолимой энергіей и могучей силой воли. Народный духъ, покорившій Палестину, защищавшій Іудею въ продолженіи многихъ вѣковъ рабства, и сопротивлявшійся до послѣдней край-

Digitized by Google

ности римскимъ легіонамъ, не умеръ доселѣ въ груди разсѣянныхъ повсюда евреевъ, которые перестали быть національностью, но все-таки остались расой живой, характерной, не уничтожимой. Вы питаете самые грубые предразсудки относительно народа, который далъ каждой изъ европейскихъ странъ великихъ государственныхъ людей, полководцевъ, философовъ, ученыхъ, финансовыя свѣтила...

— Да, грабителей, перебила его маркиза съ презрительной улыбкой.

— Во всякой расѣ есть грабители, и самаго низкаго разряда, отвѣчалъ спокойно баронъ.—Есть евреи и евреи, какъ есть католики и католики. Конечно, дурные евреи хуже всѣхъ дурныхъ людей на свѣтѣ, но и этимъ они обязаны своему необыкновенному уму.

— Вы очень краснорѣчивый адвокатъ, баронъ, замѣтила саркастически маркиза:—но съ которыхъ поръ вы стали іерусалимскимъ рыцаремъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ я научился понимать исторію и цѣнить геній Неандера, философію Спинозы, музыку Мендельсона и Мейербера, остроуміе Гейне, фантазію Ауэрбаха и игру Рашели. Я лично зналъ Кремье и Фульда, и при мнѣ Англіей управлялъ Дизраэли. Еслибы мнѣ пришлось пересчитать всѣхъ знаменитыхъ евреевъ, то на это потребовалось бы нѣсколько часовъ; достаточно сказать, что почти всѣмъ, чѣмъ гордятся наши враги, нѣмцы, они обязаны евреямъ, и еще недавно всѣ лучшіе ихъ профессора и публицисты принадлежали къ расѣ, которую въ модѣ теперь презирать. Козмо играетъ на безчеловѣчныхъ предразсудкахъ и старается пробить лбомъ каменную скалу. Онъ нетолько самъ погибнетъ, но погубитъ и всѣхъ насъ.

Маркизу поразилъ его пламенный и возвышенный тонъ. Онъ нисколько не убѣдилъ ея, но она не могла не оцѣнить его краснорѣчія и широты взглядовъ.

— Этотъ вопросъ очень серьёзный, отвѣчала она съ улыбкой:— и я не въ состояніи спорить съ вами. Но въ настоящемъ случаѣ вы поддались обману. Что̀ бы вы ни говорили о евреяхъ, они теперь завидуютъ нашему успѣху и стараются всѣми силами погубить насъ. Но мы не можемъ отступить. Мы должны или побѣдить, или погибнуть. Отчего бы намъ съ вами дружно не содѣйствовать дальнѣйшему успѣху этой великой идеи?

— Маркиза, сказалъ онъ съ глубокимъ чувствомъ:—мое сердце съ вами, но умъ противъ васъ, и я изъ чувства долга долженъ повторить—берегитесь, вамъ грозитъ опасность. Простите мнѣ

Digitized by Google

за мою грубую смѣлость. Вы, по крайней мѣрѣ, не можете сомнѣваться въ моемъ безкорыстіи.

Онъ простился и ушелъ, оставивъ маркизу въ большомъ смущеніи. Конечно, она не сомнѣвалась въ безкорыстіи барона, и вполнѣ оцѣняла всю его пламенную преданность къ ней, которая сіяла въ его глазахъ и дрожала въ его голосѣ. Но она слишкомъ предалась религіозному энтузіазму и чарующему вліянію Козмо, чтобы повѣрить іереміядамъ Плюма.

— Это невозможно, сказала она вслухъ, по уходѣ барона:— Козмо побѣдоносно опровергнетъ эту нелѣпую сплетню.

Козмо же, всецѣло погрузившись въ водоворотъ своихъ колоссальныхъ предпріятій, не имѣлъ времени хорошо обдумать и здраво взглянуть на окружавшія его обстоятельства. Онъ вертѣлся въ созданномъ имъ кругу, который былъ самъ по себѣ громаденъ, но очень малъ въ сравненіи съ общимъ финансовымъ міромъ. Неся на своихъ плечахъ и сосредоточивъ въ своемъ умѣ всѣ сложныя операціи католическаго кредита, съ его многочисленными вѣтвями, Козмо не могъ зорко слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось въ политическихъ и финансовыхъ сферахъ. Менѣе способные люди, наблюдавшіе издали за ходомъ дѣлъ, ясно видѣли признаки грозы, въ то время какъ въ его глазахъ все обѣщало ведро. Онъ работалъ какъ энтузіастъ, какъ безумецъ, не зная и не видя передъ собой ничего, кромѣ своего гигантскаго предпріятія. Онъ каждый день посѣщалъ маркизу Рошерэ. Она первая встрѣтила сочувственно великую идею, и ея вѣра въ Козмо ни мало не ослабѣла, ея энтузіазмъ нисколько не уменьшился. Для нея дѣло Козмо было священнымъ, и его успѣхъ, по мѣткому замѣчанію Дюмареска, *эвирно опьянялъ ее*. Она не могла не довѣрять Козмо. Геній его создалъ это чудное зданіе, повидимому, столь твердое и долговѣчное. Онъ ежедневно покорялъ новыя страны и ежедневно являлся къ ней съ новыми побѣдами, съ новыми надеждами. Какъ могла она не восторгаться такимъ человѣкомъ?

При первомъ свиданіи съ Козмо, она передала ему о ходившихъ въ Парижѣ слухахъ. Онъ пришелъ въ ярость.

— Маркиза, сказалъ онъ, тотчасъ отгадавъ источникъ этихъ слуховъ:—вы мнѣ довѣряете?

— Вполнѣ.

— Это козни нашихъ враговъ. Наша дѣятельность обратила на себя вниманіе республиканскаго правительства. Я знаю, что за всѣми нашими дѣйствіями слѣдятъ шпіоны—такъ перепуганы атеисты и соціалисты постоянно возростающей силой нашей ассоціаціи. Какъ только наши акціи поднялись до 2500, евреи обратились съ протестомъ къ министру финансовъ. У меня также

Digitized by Google

есть шпіоны. Во всякомъ казенномъ вѣдомствѣ находятся наши акціонеры и агенты. Я каждое утро знаю обо всемъ, что дѣлалось наканунѣ въ различныхъ министерствахъ и канцеляріяхъ. Враги наши видятъ, что они не могутъ побѣдить меня ни биржевой игрой, ни хитрой политикой, и теперь стали прибѣгать ко лжи. Мой отвѣтъ на всѣ эти клеветы очень простъ. На слѣдующей недѣлѣ у насъ будетъ общее собраніе, и я представлю акціонерамъ подробный отчетъ о положеніи нашихъ дѣлъ, а также предъявлю для ревизіи находящіеся въ нашей кассѣ залоги, подъ которые выданы ссуды. Въ числѣ этихъ залоговъ одних государственныхъ фондовъ на пятьдесятъ милліоновъ. Кто вамъ передалъ эти гнусныя сплетни?

Онъ, казалось, былъ оскорбленъ и выведенъ изъ себя подобными подозрѣніями.

— Все равно, мой другъ, отвѣчала маркиза, протягивая ему руку:—вѣдь я имъ не повѣрила.

Она бросила на него нѣжный, сочувственный взглядъ. Онъ взялъ ея руку и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Вы, маркиза, сказалъ онъ патетическимъ тономъ:—съ самаго начала были моей вдохновительницей, моей Минервой въ этомъ дѣлѣ. Вашъ замѣчательный умъ сразу оцѣнилъ мою идею, и вы вдохнули въ нее жизнь. Ваше сочувствіе и энтузіазмъ до сего дня составляютъ для *меня* самую могущественную и надежную поддержку. Ваше довѣріе очень дорого мнѣ и, еслибы я вдругъ лишился его, то почувствовалъ бы себя совершенно безпомощнымъ.

Онъ смотрѣлъ на нее пристально своими блестящими черными глазами, и она была очарована, какъ бы наэлектризирована, этимъ страннымъ взглядомъ. Она опустила голову. Щеки ея покрылись румянцемъ.

— Вы преувеличиваете значеніе моей помощи, отвѣчала она, тщетно стараясь улыбнуться: — какое счастье слѣдовать за такимъ геніальнымъ вожакомъ! Блестящіе успѣхи и колоссальная будущность этого дѣла сторицею вознаграждаютъ за всѣ усилія.

Она подняла глаза. Онъ попрежнему смотрѣлъ на нее, и на губахъ его играла улыбка торжества.

— Да, продолжала она, смѣло встрѣчаясь съ нимъ глазами:— можно гордиться тѣмъ, что оказываешь вамъ помощь, потому что въ васъ мы нашли новаго крестоносца—истиннаго финансоваго рыцаря.

Итальянецъ схватилъ ея руку и покрылъ поцѣлуями. Она не сопротивлялась.

— О! произнесъ онъ, продолжая держать ея руку: — еслибы

Digitized by Google

можно было всегда имѣть при себѣ такую помощницу, такую вдохновительницу?

Она тихо отдернула свою руку и вспыхнула. Онъ понялъ, что въ головѣ ея мелькнула какая-то мысль, но какая? Черезъ минуту она спокойно сказала:

— Кстати, маркизъ не будетъ въ состояніи присутствовать на общемъ собраніи. У него припадокъ подагры, и въ этихъ случаяхъ онъ никогда не поправляется ранѣе десяти дней.

— Неужели? Очень жаль. Правда, онъ въ послѣднее время былъ нехорошъ на взглядъ.

— Это громадное предпріятіе слишкомъ тяготитъ и озабочиваетъ его. Я, право, боюсь за него, и вамъ вскорѣ придется освободить его отъ званія предсѣдателя правленія.

— Съ удовольствіемъ, если вы займете его мѣсто.

— Увы! Я могу помогать вамъ только, какъ женщина.

— О, еслибы вы могли быть такой помощницей въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова! произнесъ Козмо.

Въ эту минуту дверь въ будуаръ отворилась и слуга, замѣнившій Жака, доложилъ:

— Г. Дюмарескъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошелъ журналистъ, и отъ его зоркаго, опытнаго глаза не скрылось, что онъ явился не во время, что тутъ происходила какая-то патетическая сцена.

— Вы слышали новость? произнесъ онъ: — сегодня утромъ акціи поднялись на 250.

— Завтра онѣ достигнутъ 2,000, отвѣчалъ Козмо спокойно:— но мнѣ пора въ правленіе.

Маркиза протянула ему руку. Онъ пожалъ ее и поспѣшно удалился.

Дюмарескъ, дѣйствительно, явился въ очень неудобную минуту для исполненія возложеннаго на него долга. Комитетъ безопасности не забывалъ добровольно принятой имъ на себя обязанности Онъ собрался въ это утро. Безпокойство Антуаня и барона возрастало не по днямъ, а по часамъ. Маркизъ Рошерэ взялъ по четыре тысячи акцій перваго и второго выпуска, а также большое количество акцій послѣдующихъ выпусковъ. Онъ стойко держалъ ихъ въ своихъ рукахъ. Антуань намекалъ ему не разъ, что было бы благоразумно продать хоть часть ихъ по настоящей высокой цѣнѣ. Баронъ тайно спустилъ свои акціи, оставивъ себѣ только пятьсотъ, и у него теперь лежало три милліона во французскомъ банкѣ.

— Я боюсь, что они намъ вскорѣ понадобятся, сказалъ онъ своимъ друзьямъ:—если намъ не удастся уговорить маркиза про-

Digitized by Google

дать часть акцій, то крахъ католическаго кредита совершенно раззоритъ его.

Но старый аристократъ не хотѣлъ и слышать благоразумныхъ совѣтовъ Антуаня.

— Я не могу этого сдѣлать, пока я предсѣдатель, отвѣчалъ онъ:—вы знаете, что я совѣтовалъ всѣмъ моимъ друзьямъ держать акціи. Было бы безчестно, еслибы я самъ сталъ ихъ спускать.

Понимая, что на это нѣтъ отвѣта, Антуань не зналъ, что̀ ему дѣлать. Самъ онъ зашибъ копейку, и вполнѣ честно, продавъ свои акціи. Но онъ съ ужасомъ вспоминалъ, что было время, когда онъ могъ удержать маркиза отъ участія въ такомъ рискованномъ дѣлѣ. Онъ и баронъ Плюмъ дали себѣ слово спасти маркиза и маркизу въ критическую минуту. Но теперь они видѣли, какъ это было трудно сдѣлать. Они находились въ безъисходномъ положеніи. Маркизъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы бросить это дѣло, а маркиза находилась вполнѣ подъ вліяніемъ Козмо и не слушала никакихъ предостереженій. Дюмарескъ, чувствовавшій, что доля отвѣтственноси лежала и на немъ, начиналъ опасаться тяжелаго удара, который нанесетъ крахъ католическаго кредита дѣлу легитимизма и католицизма. Онъ даже помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ въ Le Bon Ami, въ которыхъ слегка предостерегалъ о возможныхъ опасностяхъ, за что получилъ рѣзкіе выговоры со стороны Козмо, архіепископа и кардинала Беретты.

— Намъ остается одно средство, сказалъ сметливый Плюмъ на торжественномъ совѣщаніи комитета безопасности:—маркизъ, очевидно, слабѣетъ и старѣетъ. Надо напугать маркизу его нездоровьемъ и посовѣтовать, чтобы онъ отказался отъ предсѣдательства. Тогда онъ будетъ въ состояніи продать большую часть своихъ акцій. Я не смѣю пойти къ маркизѣ. Она уже смотритъ на меня подозрительно. Дюмарескъ долженъ взять на себя эту задачу, а де-ля-Гуппъ напугаетъ самого маркиза.

— Но кто его замѣнитъ? спросилъ Антуань:—она не согласится на его отставку, если мы ему не пріищемъ достойнаго преемника.

Плюмъ ударилъ себя по лбу.

— Предложите Козмо въ предсѣдатели, сказалъ онъ:—единственный человѣкъ, на котораго она согласится.

Вслѣдствіе этого совѣщанія, Дюмарескъ и появился въ будуарѣ маркизы. Они естественно стали говорить объ успѣхѣ католическаго кредита и маркиза выразила журналисту свое неудовольствіе за его замѣтки въ Le Bon Ami. Она упрекала его

Digitized by Google

въ недостаткѣ вѣры въ великую идею. Всякій, кто не вѣрилъ въ это святое дѣло такъ же слѣпо, какъ она, былъ ея врагомъ.

— Мы наканунѣ величайшей побѣды, какую только одерживали въ наше время вѣра и порядокъ, сказала она: — мы создаемъ настоящую реформацію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ Венеціи, Прагѣ, Лондонѣ и Венгріи будутъ такія же великія учрежденія, какъ парижскій кредитъ. Все уже готово. Козмо назначилъ тридцать пять главныхъ европейскихъ газетъ, которыя будутъ куплены нашими агентами. Вскорѣ у насъ будутъ въ рукахъ такіе громадные капиталы, что мы будемъ въ состояніи создать на поддержку великаго политическаго движенія сто, пятьсотъ милліоновъ, и тогда...

Она замолчала и знаменательно махнула рукой.

Дюмарескъ понялъ ея жестъ. Онъ желалъ вѣрить ея надеждамъ, но онъ былъ парижаниномъ, а въ парижанахъ скептицизмъ—врожденное чувство. Поэтому онъ мысленно спросилъ себя, неужели Козмо очаровывалъ ее подобными фантастичными иллюзіями?

Онъ тотчасъ перемѣнилъ разговоръ.

— Я пришелъ узнать о здоровьи маркиза, сказалъ онъ:—въ послѣднее время онъ былъ очень нехорошъ на взглядъ. Всѣ это съ безпокойствомъ замѣчали. А теперь я узнаю, что онъ не выходитъ изъ своей комнаты. Что съ нимъ?

— Развѣ всѣ замѣтили его болѣзненный видъ? поспѣшно спросила она.

— Да, онъ, къ сожалѣнію, въ послѣдній годъ постарѣлъ на десять лѣтъ. Тяжелая, отвѣтственная должность предсѣдателя просто убиваетъ его.

— Боже мой! Вы въ этомъ увѣрены?

— Не я только, а всѣ. Люди въ его года не могутъ занимать такихъ мѣстъ. Сеньору Козмо слѣдовало бы самому сдѣлаться предсѣдателемъ.

Маркиза встала, словно желая тотчасъ пойти къ мужу. Дюмарескъ также всталъ. Онъ исполнилъ возложенное на него порученіе и удалился. Маркиза осталась въ будуарѣ. Она смотрѣла прямо передъ собою, но ничего не видѣла. Въ сердцѣ ея происходила борьба разнородныхъ чувствъ. Наступила реакція послѣ того сильнаго волненія, въ которое привелъ ее разговоръ съ Козмо. Она обдумывала его слова и тонъ, которымъ они были сказаны. Она безсознательно всецѣло подпала подъ вліяніе Козмо. Ей казалось, что никогда не видывала она человѣка съ такимъ геніемъ и такой мощной силой. О, еслибы

Digitized by Google

сила всегда соединялась съ силой! Отчего она, превосходившая красотой и умомъ большинство женщинъ, не была женою мужа, равнаго ей, даже превосходящаго ее силой и геніемъ? Добрый, рыцарски благородный старикъ, лежавшій въ подагрѣ наверху, былъ неспособенъ оцѣнить ее и дѣлить ея честолюбивыя стремленія и пламенный энтузіазмъ. А Козмо... онъ былъ геній, честолюбецъ, энтузіастъ и... Она не смѣла дать полной свободы своимъ мыслямъ и закрыла лицо руками. Голова у нея кружилась. Она нѣкогда любила безмолвно, безнадежно молодого профессора Эдуарда Реми. Ортансъ также его любила, и онъ полюбилъ Ортансъ. Она пожертвовала своей любовью ради своей подруги. Но Ортансъ не вѣрила ея самопожертвованію и изъ ревности избѣгала ее. Впослѣдствіи Маргарита де-Мениль вышла замужъ за стараго маркиза, которому она была всегда вѣрной, преданной женой. Оно была замужемъ двѣнадцать лѣтъ и ей недавно минуло тридцать лѣтъ. Несмотря на ея самоотверженіе и набожность, сердце ея сохранило юныя, пламенныя стремленія. До сихъ поръ она оставалась цѣломудренной. Но теперь въ ея мысляхъ носились два образа: одинъ— баронъ Плюмъ, столь долго бывшій ея преданнымъ другомъ, и котораго она могла бы полюбить, еслибы была свободна; другой— Козмо, возбудившій въ ней столько благородныхъ мыслей и наполнившій ея жизнь въ послѣдніе мѣсяцы своей великой идеей. А что значили его сегодняшнія слова и тонъ, которымъ они были сказаны? Еслибы онъ прибавилъ хоть одно лишнее слово, она его возненавидѣла бы, но теперь она думала о немъ.

Наконецъ, ей удалось кое-какъ усмирить водоворотъ мыслей и она отправилась къ мужу.

Онъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ, протянувъ ногу. Лицо его было блѣдное, страждущее. Да, онъ былъ боленъ, и очень постарѣлъ. Увидѣвъ ее, онъ съ трудомъ улыбнулся.

— Ты не очень боленъ, mon mari? спросила она, вставъ на колѣни подлѣ его кресла и нѣжно смотря на него.

— Не знаю, Маргарита, отвѣчалъ онъ:—но я далеко не тотъ, что прежде. Я не могу переносить страданій, и голова моя очень слаба. Но это пройдетъ.

Въ его головѣ были такія дрожащія, болѣзненныя ноты, что маркиза вздрогнула. Чаша переполнилась. Она припала головой къ ручкѣ кресла и горько зарыдала. Слезы смыли всѣ опасныя мысли, тѣснившіяся въ головѣ и она стала думать только о мужѣ.

— Что съ тобой, Маргарита? произнесъ онъ съ безпокой-

Digitized by Google

ствомъ, нѣжно гладя ея чудные волоса: — ты боишься за своего стараго мужа? Полно. Все пройдетъ. Только мнѣ надо бросить предсѣдательство этого колоссальнаго предпріятія. Антуань вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе. Намъ надо сдѣлать предсѣдателемъ Козмо.

Маркиза отерла слезы и подняла голову.

— Козмо?

— Да. Онъ одинъ достоинъ занять это мѣсто.

— Правда, промолвила она: — онъ одинъ достоинъ занять это мѣсто.

XVII.

Антуань произноситъ приговоръ надъ собой.

Имѣя доступъ за кулисы, мы можемъ объяснить читателямъ таинственныя финансовыя продѣлки Козмо, которыхъ никакъ не могъ понять баронъ Плюмъ. Быть можетъ, эти технико-финансовыя подробности не будутъ интересны для всѣхъ, но безъ нихъ рисуемая нами картина была бы неполна.

Чрезвычайное повышеніе акцій католическаго кредита и его многочисленныхъ вѣтвей было достигнуто, какъ благоразумно подозрѣвалъ Плюмъ, не естественнымъ путемъ. Для поощренія покупщиковъ и возвышенія котировки на акціи Козмо поручилъ маклерамъ, которымъ онъ вполнѣ довѣрялъ, купить на срокъ 20,000 акцій, цѣна которыхъ достигла до 2,500 фр. Такимъ образомъ, онъ принялъ на себя обязательство уплатить пятьдесятъ милліоновъ. Онъ скупалъ также всѣ акціи, которыя появлялись на рынкѣ, но число ихъ было сравнительно не велико, благодаря религіознымъ иллюзіямъ маркиза и всѣхъ ультрамонтановъ и роялистовъ. Эти акціи покупались маклерами и потомъ представлялись въ католическій кредитъ, который выдавалъ подъ нихъ авансы; кромѣ того, Козмо одолжалъ маклерамъ, въ видѣ обезпеченія, лучшіе изъ залоговъ, находившихся въ кассѣ общества. Число подобныхъ акцій достигло до десяти тысячъ, представлявшихъ сумму въ двадцать-пять милліоновъ, и касса католическаго кредита выдала подъ нихъ двадцать два съ половиною милліона. Далѣе, для поощренія лицъ, спекулировавшихъ акціями, Козмо выдалъ имъ подъ акціи еще двадцать милліоновъ. Громадныя суммы лежали непроизводительно на Востокѣ, въ Венгріи, Румыніи, Италіи и Испаніи. Касса кредита

Digitized by Google

быстро пустѣла. Правда, этой тактикой акціи были подняты до 3,200 фр., и цѣлая группа еврейскихъ и христіанскихъ спекуляторовъ была прижата къ стѣнѣ. Разсчитывая, и совершенно справедливо, что операціи косморамы не могутъ долго длиться, они продали на срокъ акціи по 1,500 и 2,000 фр., а теперь рвали на себѣ волоса при видѣ, какую страшную разницу имъ придется приплатить. Они находились въ безвыходномъ положеніи, благодаря тому, что не подозрѣвали, какими громадными средствами располагалъ католическій кредитъ, поддерживаемый богатыми аристократами и еще болѣе богатыми конгрегаціями. Къ тому же имъ и въ голову не приходило, что Козмо могъ взять изъ кассы тридцать или сорокъ милліоновъ для игры своими собственными акціями.

Низкое любопытство барона Плюма и вопросы маркизы, которая хотѣла только очистить Козмо отъ нападокъ, побудилъ послѣдняго публично доказать неосновательность распускаемыхъ о немъ ложныхъ слуховъ. Приближалось общее собраніе. Козмо обратился за помощью къ Галюше, у котораго всегда хранились громадные капиталы его многочисленныхъ кліентовъ, и эти капиталы заключались преимущественно въ государственныхъ фондахъ. Крупные маклера, черезъ которыхъ обдѣлывалъ свои операціи Козмо, также были готовы сдѣлать ему одолженіе. Такимъ образомъ, за нѣсколько дней до общаго собранія, акціи кредита были замѣнены въ кассѣ общества государственными фондами и другими вѣрными денежными бумагами на пятьдесятъ милліоновъ. Списокъ этихъ цѣнностей былъ поданъ маркизу, а барона Плюма пригласили лично обревизовать кассу. Онъ преспокойно отправился въ несгораемую комнату и осмотрѣлъ нѣсколько пачекъ цѣнностей. Всѣ онѣ оказались выше всякаго сомнѣнія. Онъ попался на удочку, не подозрѣвая, что всѣ эти цѣнности были взяты на прокатъ, что за нихъ было уплачено изъ денегъ кредита 250,000 франк., и что черезъ два дня послѣ общаго собранія онѣ снова были замѣнены сомнительными акціями общества.

По окончаніи общаго собранія, графъ Меліо весело расхохотался, а Козмо сказалъ, обращаясь къ своему блестящему помощнику:

— Конечно, это былъ рискованный шагъ; но когда имѣешь дѣло съ людьми, не понимающими ни черта въ финансовой наукѣ, и интересы которыхъ надо оберегать вопреки имъ самимъ, приходится угождать ихъ щепетильности. Они никогда не поняли бы нашихъ операцій, еслибы мы открыли имъ всю правду.

Digitized by Google

Что же касается барона Плюма, то онъ просто оселъ. Безъ этой продѣлки онъ вывелъ бы все на чистую воду и погубилъ бы дѣло. Теперь мы можемъ дѣйствовать съ развязанными руками. Маклера и банкиры должны намъ болѣе ста милліоновъ и черезъ нѣсколько недѣль должны ихъ уплатить. Абирамъ знатно попадется, прибавилъ Козмо, скаля свои бѣлые зубы: — онъ перешелъ на сторону нашихъ враговъ, какъ только спустилъ наши акціи, а теперь попался на нѣсколько милліоновъ. Нѣмцы Стангеръ и Стрингеръ должны намъ восемь милліоновъ, а Рейнекеръ—семь милліоновъ! Это месть за Седанъ. Черезъ нѣсколько субботъ во всѣхъ синагогахъ поднимутся вопли и стоны. Мы поймали евреевъ въ западню. Намъ остается лишь выдержать нѣсколько дней, и мы станемъ царями парижской биржи.

Эти слова Козмо ясно обнаруживаютъ любопытный, умственный недостатокъ, часто замѣчаемый въ смѣлыхъ финансистахъ, возвышеніе и паденіе которыхъ напоминаютъ полетъ блестящей, трескучей ракеты. Какъ отчаянный игрокъ, этотъ ловкій авантюристъ закрылъ глаза и не замѣчалъ грозившихъ ему опасностей вслѣдствіе возвышенія стоимости денегъ на рынкахъ всего свѣта и безвыходнаго положенія сотни тысячъ спекуляторовъ, изъ которыхъ онъ собирался высосать кровь, но которые могли оказаться гніющими трупами, лишенными всякой крови.

На общемъ собраніи маркизъ, все еще больной и не выходившій изъ комнаты, письменно сложилъ съ себя званіе предсѣдателя и Козмо былъ избранъ единогласно на его мѣсто. Въ тоже время и баронъ Плюмъ отказался отъ директорства. Онъ ясно видѣлъ теперь, что могъ принести болѣе пользы маркизѣ, дѣйствуя внѣ волшебнаго круга, гдѣ всѣхъ парализовала чарующая сила финансоваго кудесника. Князь Бальтазаръ также пересталъ быть директоромъ по настоятельному требованію его будущаго тестя Динандье. Любимая мечта толстаго милліонера должна была вскорѣ осуществиться. Дочь его была невѣстой князя. Отчего ей было и не выйти замужъ за князя, когда содержатель игорнаго дома выдавалъ своихъ дочерей за князей и принцевъ крови? Жизнь Динандье, быть можетъ, не выдерживала строгой, нравственной критики, но во всякомъ случаѣ онъ не раззорилъ тысячи семействъ и ему не являлись по ночамъ призраки несчастныхъ самоубійцъ. Какъ бы то ни было, приготовленія къ свадьбѣ Сесиль производились съ невиданнымъ блескомъ.

Общее собраніе было полнымъ торжествомъ для Козмо, вмѣстѣ съ тѣмъ и для маркизы. Она не могла отказать себѣ въ удовольствіи упрекнуть барона Плюма.

Digitized by Google

— Вы видите, сказала она:—какъ заблуждался вашъ хваленный умъ! Вы должны извиниться передъ Козмо. Всѣ ваши предположенія оказались ложными. Вы вѣрили евреямъ, которые стараются погубить насъ. А теперь вы убѣдились своими глазами, что Козмо слишкомъ искусный финансистъ и честный человѣкъ, чтобы дѣлать то, въ чемъ его обвиняютъ евреи.

— Мои глаза убѣдились, отвѣчалъ баронъ: — но умъ сомнѣвается до сего дня.

— О! воскликнула маркиза съ сердцемъ: — вы безнадежный скептикъ. Вы хорошо сдѣлали, что вышли изъ директоровъ. Подобныя дѣла нельзя вести безъ полнаго довѣрія другъ къ другу. Сознайтесь, васъ мучаетъ зависть, что нашелся человѣкъ умнѣе васъ?

Баронъ бросилъ на нее такой грустный взглядъ, что ей стало жаль его.

— Неужели мы дошли до того, что вы, Маргарита де-Рошерэ, произнесъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: — не можете объяснить иначе моего поведенія? Вы не знаете, что въ эту самую минуту на биржѣ ходятъ самые странные слухи, что люди говорятъ громко то, что шептали на ухо недѣлю или двѣ тому назадъ. Козмо прижалъ къ стѣнѣ всю биржу. Она не можетъ выйти изъ безвыходнаго положенія иначе, какъ перешагнувъ черезъ его трупъ. Ему должны сто пятьдесятъ милліоновъ. А что, если этихъ денегъ не заплатятъ? Сколько же мы должны, никто не знаетъ, кромѣ Козмо, да онъ знаетъ ли?

Въ эту минуту вошелъ въ комнату Антуань. Онъ былъ очень разстроенъ и не походилъ на себя. Его лицо, обыкновенно спокойное, холодное, оффиціалное, было теперь блѣднымъ, взволнованнымъ.

— Я прямо съ биржи, маркиза, воскликнулъ онъ:—настроеніе биржи самое тревожное. Получены дурныя извѣстія. Андалузко-индѣйскій банкъ въ критическомъ положеніи. Всѣ требуютъ изъ него свои взносы. Акціи упали на восемь сотъ франковъ, и нѣтъ вовсе покупщиковъ. Нашъ кредитъ пошатнется. Наши акціи упадутъ, и многіе потребуютъ обратно своихъ взносовъ.

— Я знаю, отвѣчала маркиза спокойно:—Козмо былъ только-что здѣсь и объяснилъ мнѣ все. Это временная паника. Онъ принялъ уже мѣры. Я ему дала чекъ на французскій банкъ.

— Чекъ на французскій банкъ! воскликнулъ съ ужасомъ Антуань:—на какую сумму?

— На два милліона! отвѣчала она съ улыбкой.

Digitized by Google

— Боже мой! Боже мой! Вы раззорены, маркиза! воскликнулъ Антуань, ломая руки отъ отчаянія: — эти два милліона единственный вашъ капталъ, который находится внѣ католическаго кредита.

— Такъ что же?

— Какъ что? Я съ величайшимъ трудомъ собралъ деньги для уплаты взносовъ по акціямъ и расходовъ по вашимъ имѣніямъ и хозяйству. Прежде шести мѣсяцевъ вамъ не откуда получить денегъ. Вы знаете, что въ случаѣ необходимости нельзя даже заложить имѣній, такъ какъ они всѣ заложены.

— У насъ есть акціи. Козмо сегодня пошлетъ въ Мадритъ десять милліоновъ, чтобы остановить наплывъ требованій. Все это уладится.

— Дуракъ! воскликнулъ баронъ Плюмъ внѣ себя отъ гнѣва:—ему нужны деньги въ Парижѣ, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, а онъ посылаетъ милліоны въ Мадритъ! Идіотъ! Подлецъ! Мошенникъ!

— Замолчите, баронъ, произнесла маркиза, вставая и гордо выпрямляясь во весь ростъ:—сеньоръ Козмо—мой другъ. Вы забываетесь, баронъ, въ моемъ присутствіи. Неблагородно пользоваться слабостью женщины. По несчастью, маркизъ не можетъ въ эту минуту заступиться за меня.

Плюмъ поблѣднѣлъ, губы его задрожали и онъ отвѣчалъ съ глубокимъ чувствомъ:

— Простите меня, маркиза. Я потерялъ голову. Но вы не можете подумать, чтобы я хотѣлъ оскорбить васъ.

Она взглянула на его лицо, ясно выражавшее сожалѣніе, раскаяніе и мужественную гордость.

— Вы, мужчины, меня смущаете, промолвила она, опускаясь въ кресло и закрывая лицо руками: — вы должны быть моими совѣтниками и опорой, а вы только меня критикуете.

— Нѣтъ, маркиза, произнесъ баронъ, взявъ ее за руку и нѣжно ее пожимая:—мы ваши вѣрные слуги, ваши преданные рабы. Наше единственное желаніе служить вамъ, спасти васъ.

— Я вамъ вѣрю, отвѣчала она немного успокоившись: — но вы, Антуань, убѣжали на биржу и оставили меня одну. Маркизъ слишкомъ боленъ, чтобы заниматься дѣлами. Что мнѣ было дѣлать? Козмо и Галюшэ были у меня. Мнѣ не съ кѣмъ было посовѣтоваться, кромѣ аббата.

— Маркиза, сказалъ Антуань: — надо дѣйствовать, не теряя ни минуты. Мы должны тотчасъ реализировать хоть часть вашихъ акцій. Позвольте мнѣ продать акцій на два милліона, чтобъ покрыть израсходованную вами сегодня сумму.

Digitized by Google

— Маркиза, умоляю васъ, согласитесь на предложеніе Антуаня, произнесъ Плюмъ.

— Но вѣдь это безчестно. Я только-что одолжила два милліона, чтобъ поддержать наше дѣло, а теперь вы хотите, чтобъ я сразу бросила на рынокъ наши акціи на ту же сумму.

— Подождите! воскликнулъ баронъ, словно блестящая идея озарила его голову:—одинъ пріятель вчера спрашивалъ у меня, гдѣ ему достать на два съ половиной милліона акцій, которыя онъ запродалъ на срокъ. Вы можете ему передать или даже просто одолжить свои акціи; тутъ нѣтъ ничего безчестнаго.

Послѣ нѣкотораго колебанія, маркиза согласилась и черезъ нѣсколько минутъ Антуань и Плюмъ уже скакали во французскій банкъ, гдѣ находились всѣ капиталы маркизы.

— Какъ зовутъ вашего пріятеля, которому понадобилось столько акцій въ настоящую критическую минуту? спросилъ Антуань, пристально смотря на барона.

Плюмъ покраснѣлъ. Глаза ихъ встрѣтились. Антуань крѣпко пожалъ руку Плюма.

— Вы истинный аристократъ, сказалъ онъ:—аристократъ по сердцу и по душѣ.

— Все это пустяки, мой другъ, отвѣчалъ баронъ: — развѣ я не пожертвовалъ бы жизнью, чтобъ спасти ее отъ минутнаго страданія? Что̀ значатъ два милліона? А вѣдь подумайте, она не пережила бы банкротства? Но поклянитесь мнѣ всѣмъ, что для васъ есть святого, что вы никогда не скажите ей объ этомъ ни слова.

— Клянусь своей совѣстью!

— Погодите! воскликнулъ баронъ, ударяя себя по лбу:—намъ незачѣмъ ѣхать прямо въ банкъ. У меня тамъ лежатъ три милліона, и если я ихъ переведу на счетъ маркиза, то всѣ объ этомъ узнаютъ. Поѣдемъ лучше къ Шампо; теперь двѣнадцатый часъ, и мы тамъ застанемъ за завтракомъ толстаго Динандье. Онъ устроитъ мнѣ это дѣльце.

Они дѣйствительно застали великаго финансиста за столомъ, съ повязанной на груди салфеткой. Онъ спокойно жевалъ хлѣбъ, дожидаясь завтрака. У Шампо и во всѣхъ кофейняхъ вокругъ биржи царствовало громадное волненіе. На тротуарахъ толпы мужчинъ и женщинъ разсуждали, кричали, махали руками; нѣкоторые даже плакали. У Шампо болѣе говорили, чѣмъ ѣли. По временамъ, къ извѣстнымъ маклерамъ подходили ихъ агенты и, шепнувъ что-то на ухо, быстро удалялись, а вслѣдъ за такими вѣстовщиками спѣшили и сами маклера, бросая завтракъ, блѣдные, встревоженные. Одинъ Динандье, какъ скала,

Digitized by Google

о которую разбилось много финансовыхъ смерчей, оставался совершенно спокойнымъ. Къ чему было ему изъ-за финансоваго кризиса портить свой завтракъ, вѣчно состоявшій изъ двойной порціи бифштекса съ картофелемъ?

— А, баронъ, вы здѣсь? сказалъ онъ, вставая, когда Плюмъ и Антуань подошли къ его столу. — Счастливы вы, что не состоите болѣе директоромъ католическаго кредита. Вы слышали? Акціи упали на 650 фр., а къ вечеру они упадутъ на 1,000. Биржа, господа, это море. Она клокочетъ, какъ смерчъ. Плонъ, Боркcъ и Тембаль объявили себя несостоятельными. Словно насталъ послѣдній день—всеобщая ликвидація. Но садитесь, господа, и позавтракайте.

— Извините, Динандье, отвѣчалъ баронъ: — у насъ очень спѣшное дѣло. Позвольте мнѣ объяснить вамъ его въ двухъ словахъ.

И Плюмъ вкратцѣ разсказалъ ему въ чемъ дѣло.

— Еще бы! воскликнулъ толстый милліонеръ: — маркиза не должна пострадать отъ продѣлокъ мошенника Козмо. Вѣрьте мнѣ, господа, что сегодня утромъ я говорилъ Сесиль: «наступаетъ гроза, и Рошерэ могутъ совсѣмъ раззориться; они по уши погрузились въ спекуляціи этой итальянской канальи». Сесиль отвѣтила мнѣ: «Вы не должны этого допустить, папа». Я тогда сказалъ, чтобъ подразнить ребенка: «Какое мнѣ до нихъ дѣло? Я не аристократъ. Ты хочешь, чтобы я ограбилъ свою дочь и спасъ аристократовъ, раззорившихся по своей собственной глупости». Но я былъ жестоко наказанъ за эти слова. Можете себѣ представить, господа: моя Сесиль, мой ангелъ Сесиль вышла изъ себя, начала кричать, плакать и назвала меня варваромъ. Какъ вы думаете, ха-ха-ха, толстый Динандье варваръ? Нѣтъ, маркиза святая! Она была добрѣе къ моей Сесили, чѣмъ ея собственная мать, почтенная г-жа Динандье. Я къ вашимъ услугамъ, господа. Сколько вамъ надо? Три милліона? Пять? Десять? Если надо, я заложу свой домъ въ паркѣ Монсо. Я поѣду съ вами. Позвольте мнѣ, баронъ, устроить это дѣло. Эй, garçon, счетъ! Я уѣзжаю съ барономъ. Отправимтесь, господа. Уже безъ четверти двѣнадцать. Банкъ закроется.

Динандье взялъ фіакръ одинъ, такъ какъ онъ не могъ помѣститься съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, поѣхалъ во французскій банкъ и, внеся чекомъ два съ половиною милліона франковъ, взялъ на эту сумму акцій католическаго кредита, принадлежавшихъ Рошерэ. Онъ сдѣлалъ разсчетъ по цѣнѣ предыдущаго дня, т. е. по 3,350 фр. Антуань протестовалъ, но баронъ настоялъ на этомъ. За то между нимъ и Динандье произошло серьёзное пре-

Digitized by Google

пирательство. Каждый изъ нихъ хотѣлъ одинъ оказать услугу маркизѣ. Баронъ вынулъ свои деньги изъ банка и требовалъ, чтобъ Динандье ихъ принялъ. Послѣдній отказался наотрѣзъ. Дѣло могло принять непріятный характеръ, но Антуань вмѣшался и помирилъ ихъ, уговоривъ раздѣлить поровну между собою честь спасенія маркизы отъ банкротства. Отрадно было видѣть эту борьбу стараго финансиста и молодого аристократа изъ-за того, кому дать два съ половиной милліона на благородное, великодушное дѣло.

— А теперь, господа, сказалъ Динандье: — мнѣ надо отправиться на биржу. Въ нѣсколько часовъ я ворочу эти деньги. Я вчера продалъ акцій на десять милліоновъ и сегодня приказалъ спустить столько же. Завтра будетъ хуже. До свиданія. Но, слышите, Антуань: ни слова маркизѣ. Если вы только заикнетесь, то вамъ не сдобровать, прибавилъ онъ, сжимая геркулесовскіе кулаки.—Скажите, что акціи купилъ маклеръ Мартенъ. Эй, фіакръ, на биржу! Да, поживѣе! Я легокъ, какъ пухъ.

И Динандье весело расхохотался.

— Вотъ странное животное! промолвилъ Антуань, послѣ отъѣзда Динандье.

— Да, но сердце у него человѣческое, отвѣчалъ баронъ.

На слѣдующее утро, Козмо не явился, по обыкновенію, въ улицу Доминикъ. У него слишкомъ было много дѣла и заботъ. Весь Парижъ волновался. Площадь и улица Оперы кишѣли шумной, безпокойной, недовольной толпой. Андалузскій банкъ прекратилъ платежи. Акціи католическаго кредита упали на 1,200 фр., и никто ихъ не покупалъ. Акціи Горной желѣзной дороги и румынскихъ государственныхъ имуществъ продавались по номинальной цѣнѣ, но не было покупщиковъ. Козмо старался войти въ сдѣлку съ евреями, которыхъ онъ такъ недавно еще готовъ былъ стереть съ лица земли. Это было единственное средство спасти отъ погибели католическій кредитъ и его многочисленныя вѣтви. При этомъ онъ написалъ маркизѣ слѣдующую записку: «Маркиза, не унывайте. Это послѣдній натискъ враговъ. Мы теперь должны показать свою силу. Всѣ должны намъ помочь. Средства католическаго міра не истощены. Напишите всѣмъ вашимъ друзьямъ. Если мы соберемъ сто милліоновъ, то окончательно уничтожимъ враговъ и займемъ неприступную позицію».

Но эти строки, прочитанныя въ комнатѣ больного маркиза, не возбудили въ маркизѣ никакого энтузіазма.

Передъ семейнымъ горемъ всѣ другія безпокойства поблѣднѣли въ ея глазахъ. Наканунѣ ночью ее потребовали въ спальню

Digitized by Google

мужа. Онъ узналъ ее, его мутные глаза заблестѣли, онъ хотѣлъ протянуть руку, сказать что-то, но не могъ.

Лежа въ постели, онъ все спрашивалъ извѣстій о ходѣ дѣлъ католическаго кредита, читалъ газеты и, наконецъ, узналъ правду отъ Антуаня. Все громадное состояніе Рошерэ заключалось въ бумагахъ, которыя въ нѣсколько часовъ потеряли на десять милліоновъ цѣнности и продолжали падать. У маркиза и маркизы оставались только заложенныя помѣстья и два съ половиной милліона въ банкѣ, изъ которыхъ надо было уплатить около двухъ милліоновъ. По счастію, маркизъ не спекулировалъ, а просто подписывался на акціи, покупалъ ихъ на чистыя деньги, и хранилъ во французскомъ банкѣ. Онъ теперь становился если не нищимъ, то мелкимъ rentier. Истощенный болѣзнью и заботами, онъ не выдержалъ и осыпалъ Антуаня горькими упреками.

— Я передалъ все свое состояніе на ваше попеченіе. Я всегда слѣпо довѣрялъ вамъ и возложилъ на васъ отвѣтственность за это рискованное дѣло. Дуракъ! Подлецъ! Васъ просто купилъ этотъ діаволъ Козмо. Я теперь все понимаю. Я помню, какъ вы вдругъ въ двадцать четыре часа перемѣнили свое мнѣніе. Вы, вѣроятно. разбогатѣли, продавъ мое честное имя и вліяніе моей жены, Какъ я сожалѣю, что не могу встать съ постели и вытолкать васъ палкою изъ моего дома, какъ паршивую собаку.

Произнеся эту ужасную рѣчь, рѣзавшую, какъ ножемъ, сердце бѣднаго Антуаня, маркизъ упалъ на подушку, блѣдный, съ пѣной на губахъ. Слуга, бывшій въ комнатѣ, бросился къ постели больного, а Антуань, убитый, уничтоженный, вышелъ изъ дома. Медленно, машинально онъ пошелъ по улицѣ, куда глаза глядятъ. Звѣзды ярко блестѣли на небѣ, улицы кишили народомъ, но онъ ничего не замѣчалъ, ничего не сознавалъ. Одна мысль засѣла въ его головѣ и точила его сердце. Онъ вспомнилъ слова барона Плюма въ Булонскомъ лѣсу передъ заключеніемъ союза, съ цѣлью предохранить маркизу отъ козней итальянскаго искателя приключеній. Эти слова теперь носились передъ его глазами огненными буквами:

«Честь и счастіе семьи Рошерэ въ вашихъ рукахъ. Если вы ошибетесь въ этомъ дѣлѣ, вы, умный, честный, идеально-благородный человѣкъ, безъ малѣйшей тѣни религіознаго энтузіазма, который могъ бы вселить въ васъ убѣжденіе, что вы поступили правильно, то вы, невѣрующій въ адъ, узнаете, что̀ такое адъ и найдете эту пытку невыносимой».

— Да, повторялъ про себя Антуань:—эта пытка невыносима.

Онъ безсознательно прошелъ черезъ мостъ и площадь Согласія и неожиданно остановился на углу улицы Пентьевръ.

Digitized by Google

— Да, промолвилъ онъ, оглядываясь по сторонамъ:—Віолетта меня довела до этого. Мы вдвоемъ искупимъ наше безуміе.

Онъ теперь совершенно пришелъ въ себя, и лицо его приняло, какъ всегда, спокойное, оффиціальное выраженіе.

— Віолетта не будетъ свободна ранѣе двѣнадцати часовъ, продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою.—Я пойду за нею. Но вѣдь прежде надо пообѣдать. Глупо такъ волноваться отъ словъ стараго идіота. Это пустяки. Но Плюмъ правъ. Я позналъ, что такое адъ. Эта пытка невыносима. Необходимо искупленіе. Я произношу приговоръ надъ собою и Віолеттой, и самъ его исполню. Но прежде я пообѣдаю, какъ подобаетъ обѣдать человѣку въ послѣдній разъ.

Онъ повернулся, и направилъ свои шаги въ Café Voisin. Въ наружномъ видѣ Антуаня не было ничего необыкновеннаго; только глаза блестѣли лихорадочно. Онъ серьёзно обсудилъ menu обѣда, и выбралъ самыя лучшія блюда и самыя дорогія вина.

Слуги ресторана знали секретаря маркизы Рошерэ, и сказали другъ другу шопотомъ:

— Рошерэ потеряли тридцать милліоновъ, а секретарь обѣдаетъ, какъ князь.

— А ему какое дѣло до ихъ раззоренія? Онъ о себѣ позаботился. C'est un homme d'esprit.

Онъ медленно, съ видомъ знатока, пробовалъ кушанья, пилъ вино и курилъ большія, гаванскія сигары. Въ 10 часовъ онъ всталъ и удалился. Въ улицѣ Мира онъ вошелъ въ американскую аптеку, и спросилъ хлороформу. Аптекарь зналъ его.

— У меня болятъ зубы, сказалъ онъ, держа рукой правую щеку:—я хочу помазать хлороформомъ десны.

— Хорошо, г. Де-ла-Гушъ, отвѣчалъ аптекарь: — но вы должны быть осторожны. Втирайте какъ можно менѣе.

— А развѣ есть опасность? Какъ по вашему: можно втирать около чайной ложки?

— Боже мой! Вы можете случайно проглотить ложку хлороформа и умереть на мѣстѣ.

Антуань заплатилъ за хлороформъ, спряталъ стклянку въ карманъ и, закуривъ сигару, пошелъ къ Пале-Роялю по большимъ бульварамъ, гдѣ толпы гуляющихъ шумѣли, хохотали, веселились.

— Эфемериды! думалъ онъ съ улыбкой:—одинъ уходитъ, другой остается. Мы уйдемъ сегодня. Насъ смѣнятъ завтра другіе дураки. Человѣческая жизнь ничто иное, какъ искра; одну минуту она блеститъ, потомъ меркнетъ. И прекрасно. При всякой другой теоріи жизнь остается таинственной загадкой.

Digitized by Google

XVIII.

Катастрофа.

Все было кончено. Пагода изъ папье-маше рухнула. Тысячи семействъ раззорились, и мрачное горе терзало сотни тысячъ сердецъ. Богатые дома попадали сотнями въ руки судебныхъ приставовъ. Въ лавкахъ и загородныхъ жилищахъ, въ коммерческихъ конторахъ и деревенскихъ хижинахъ, въ квартирахъ модныхъ франтовъ и въ конурахъ привратниковъ, много отуманенныхъ несчастныхъ глазъ тупо смотрѣли на бумажки, еще недавно служившія доказательствомъ богатства, а теперь представлявшія лоскутки лопнувшаго воздушнаго шара. Нѣкоторые сошли съума, и въ припадкѣ бѣшенства, проклинали Козмо, обзывали дурными словами католическій кредитъ. А что чувствовали тѣ честныя и высокопоставленныя особы, которыя поддерживали своимъ именемъ и вліяніемъ эту религіозную космораму? Ихъ страданія были тѣмъ нестерпимѣе, чѣмъ безкорыстнѣе и возвышеннѣе былъ энтузіазмъ, подъ вліяніемъ котораго они дѣйствовали.

Если домъ Рошерэ не былъ проданъ съ молотка, то лишь благодаря Плюму, Динандье и покойному Антуаню. Но онъ былъ теперь пустъ и безмолвенъ. Маркизъ умеръ, и его похоронили не съ обычнымъ у аристократовъ блескомъ, но скромно, тихо; за гробомъ шли очень немногіе друзья покойного, и только три женщины—маркиза, Сесиль и Ортансъ.

Послѣ похоронъ, маркиза удалилась въ монастырь, но не съ цѣлью постричься въ монахини.

Въ продолженіи тежелыхъ, мрачныхъ дней, которые слѣдовали за двойнымъ ударомъ, уничтожившимъ семейное счастье и честолюбивыя стремленія маркизы, она не давала воли своимъ нервамъ и прекрасно исполняла свой долгъ, блѣдная, грустная, но гордая, непоколебимая. Кромѣ ея старой подруги Ортансъ, при ней постоянно находился еще другой другъ, добрый, нѣжный, неутомимо старавшійся избавить ее отъ всѣхъ заботъ и непріятностей. Она во всемъ спрашивала у него совѣта. Онъ дѣлалъ всѣ распоряженія. Ему дана была полная довѣренность на завѣдыванье остаткомъ ея состоянія, въ теченіи года, который она рѣшилась провести въ молитвѣ и одиночествѣ. Но они почти не разговаривали между собою, а только мѣнялись дѣловыми замѣчаніями.

Въ то утро, когда маркиза должна была покинуть улицу До-

Digitized by Google

миникъ и отправиться въ Анжеръ, баронъ Плюмъ, одинъ пріѣхалъ съ ней проститься; слуги были всѣ отпущены, за исключеніемъ горничной, ѣхавшей съ маркизою, и привратника, грустно сновавшаго по пустымъ комнатамъ. Карета барона стояла у подъѣзда, и маркиза должна была въ ней доѣхать до желѣзной дороги. Не спрашивая ея приказаній, онъ устроилъ все, согласно ея желанію. Передъ отъѣздомъ, она сидѣла въ своемъ будуарѣ, гдѣ мебель была вся въ чехлахъ, ковры сняты, занавѣси и всѣ предметы роскоши убраны.

Въ черномъ платьѣ и длинномъ траурномъ вуалѣ, она была все еще восхитительна, несмотря на блѣдное, испитое лицо. Когда горничная и привратникъ понесли вещи въ карету, маркиза и баронъ остались одни.

— Другъ мой, сказала она, протягивая руку:—намъ осталось только нѣсколько минутъ, чтобъ проститься. Прежде чѣмъ мы разстанемся, быть можетъ навсегда, скажите, что вы меня простили. Я очень виновата передъ вами. Я не оказала вамъ должнаго довѣрія. Ахъ, еслибъ я ранѣе послѣдовала вашимъ разумнымъ совѣтамъ...

— Маркиза, не мучьте меня, отвѣчалъ онъ, не выпуская ея руки:—въ чемъ вамъ извиняться? Все, что вы дѣлали—благородно и возвышенно.

— Нѣтъ, я не хочу слышать пустыхъ комплиментовъ, промолвила маркиза, очень взволнованная и со слезами на глазахъ:—вы, Александръ, истинный другъ. Вы одни, въ это страшное время, удержали меня отъ отчаянія. Воспоминаніе объ этомъ будетъ единственнымъ моимъ утѣшеніемъ въ предстоящемъ мнѣ одиночествѣ. Пока я не искуплю своихъ тяжелыхъ грѣховъ, вы не услышите обо мнѣ, но вѣрьте, что Маргарита Рошерэ будетъ всегда помнить о добротѣ и преданности своего лучшаго друга.

— Друга! произнесъ Плюмъ съ жаромъ.

Она поспѣшно выхватила свою руку.

— Александръ!

— Маргарита!

— Ради насъ обоихъ замолчите. Я теперь должна думать только о горѣ и раскаяніи. Черезъ годъ мы, можетъ быть, снова встрѣтимся, и тогда я надѣюсь, вы найдете во мнѣ лучшую и болѣе смиренную женщину. Довольно, силы мнѣ измѣняютъ. Прощайте.

Она закрыла лицо платкомъ. Онъ слегка прикоснулся губами къ ея рукѣ, и, вставъ, молча ушелъ. Онъ былъ очень взволнованъ, но глаза его блестѣли странной радостью.

Digitized by Google

Спустя нѣсколько минутъ, она появилась на крыльцѣ. Онъ посадилъ ее въ карету. На мгновеніе она оперлась на его руку, а когда лошади тронули, она приподняла вуаль. Онъ не произнесъ ни слова, но она поняла по движенію его губъ, что онъ говорилъ:

— До свиданія, Маргарита.

Для Козмо эти дни были невыносимой каторгой. Онъ старался дать мужественный отпоръ злой судьбѣ, но весь міръ обратился противъ него. Онъ мечталъ о возстановленіи низвергнутаго зданія католическаго кредита, и убѣждалъ всѣхъ, что дѣло еще можно поправить. Но никто не хотѣлъ его слушать, и всюду раздавались только проклятія противъ лжепророка, который привелъ къ погибели всѣхъ довѣрившихся ему лицъ.

Вечеромъ въ тотъ день, когда маркиза уѣхала изъ Парижа, Козмо пробирался пѣшкомъ по дождю къ нотаріусу Галюшэ. Поднявъ воротникъ, нахлобучивъ на глаза мягкую поярковую шляпу, и скрывъ свое лицо высокимъ cache-nez, онъ поспѣшно пробирался по мокрымъ, пустыннымъ улицамъ. Въ Парижѣ его всѣ знали, а потому онъ боялся взять фіакръ; возница могъ его узнать и выдать случайно проходившимъ мимо жертвамъ финансоваго *краха*. Но до того энергична была его итальянская натура, что онъ все-таки не унывалъ, и несъ Галюшэ новые планы о соединеніи воедино всѣхъ католическихъ силъ.

Достигнувъ хорошо знакомаго ему дома въ улицѣ Neuve-des-Petits Champs, онъ вошелъ въ отворенную калитку. Было десять часовъ, и всюду царила мертвая тишина. Въ сѣняхъ было темно; лампа, обыкновенно горѣвшая на лѣстницѣ, была потушена. Занятый своими мыслями, онъ не замѣтилъ, что даже маленькое окно изъ комнаты привратника было завѣшено темной занавѣской. Не успѣлъ онъ сдѣлать въ окружавшемъ его мракѣ трехъ шаговъ, какъ раздался обычный, рѣзкій голосъ г-жи Гюлотъ:

— Кто идетъ?

— Это я, Козмо. Меня ждетъ Галюшэ. Посвѣтите, г-жа Гюлотъ.

Какая-то фигура неслышно шмыгнула къ калиткѣ, и поспѣшно заперла ее. Потомъ снова раздался голосъ г-жи Гюлотъ:

— Діонисій!

Черезъ мгновеніе, и прежде, чѣмъ Козмо могъ опомниться, или вскрикнуть, мощныя руки г-жи Гюлотъ сжали его шею сзади, какъ въ тискахъ, а спереди на него набросился Гюлотъ. Козмо увидѣлъ блѣдное, звѣрское лицо, и блескъ ножа; далѣе онъ уже ничего болѣе не чувствовалъ, не сознавалъ.

Digitized by Google

Прошелъ часъ. На каменномъ полу сѣней лежалъ бездыханный трупъ, подлѣ валялась раздавленная подъ ногами шляпа. Не вдалекѣ стояла женщина, и холодно, злобно смотрѣла на мертвое тѣло; изъ комнаты привратника доносились громкіе звуки скрипки, на которой кто-то игралъ странную, болѣзненную, дикую фантазію, нѣчто въ родѣ безумной пѣсни торжествующей мести. Долго раздирали воздухъ эти бѣшенные звуки. Наконецъ, послышался стукъ въ ворота.

— Отворите! Отворите!

Женщина спокойно повернулась и посмотрѣла на скрипача, который ничего не слышалъ, ничего не замѣчалъ. Глаза его были налиты кровью, холодный потъ выступилъ у него на лбу, а смычекъ продолжалъ лихорадочно прыгать по скрипкѣ. Она пожала плечами, подошла къ калиткѣ и отперла ее. Фуражки жандармовъ показались при свѣтѣ уличнаго фонаря.

— Что это за шумъ? Что вы тутъ дѣлаете?

— Войдите, отвѣчала она спокойно, и сложивъ руки на груди.

Они поспѣшно вошли. Скрипка продолжала дико, неистово завывать. На полу лежалъ трупъ съ обращеннымъ къ верху блѣднымъ лицомъ.

Одинъ изъ жандармовъ схватилъ за плеча женщину; она не оказала никакого сопротивленія и только самодовольно улыбнулась; другой жандармъ нагнулся къ трупу, и послѣ внимательнаго осмотра произнесъ:

— Онъ умеръ.

Потомъ жандармъ бросился въ комнату привратника и взялъ за руку скрипача. Только тогда замерли безумные, болѣзненные звуки. Скрипка упала на полъ. Гюлотъ дико посмотрѣлъ на жандарма.

— Кто это? спросилъ жандармъ, указывая на трупъ.

— Козмо.

— Козмо! Финансистъ? Вы его убили?

Гюлотъ кивнулъ головой. Глаза его блестѣли дикой радостью.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ! воскликнулъ Гюлотъ. — Онъ раззорилъ меня, онъ раззорилъ ее, онъ раззорилъ Галюшэ, который ждетъ его наверху. Онъ раззорилъ маркиза и маркизу Рошерэ; онъ раззорилъ тысячи бѣдныхъ людей. Онъ заслужилъ смерть.

— Да, произнесла твердымъ, спокойнымъ голосомъ г-жа Гюлотъ:—онъ заслужилъ смерть.

Конецъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

6 рубл
Библиотека РАСР

Digitized by Google